

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Φ Slaw-176, 25

Bd. March, 1887.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1838).

Received *27 Sept. - 27 Oct. 1886.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 9-я.

5
СЕНТЯБРЬ, 1886.

ПЕТЕРБУРГЪ.

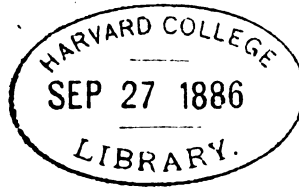
КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1886.

Стр.

I.—ВЪ СВАНЕТІИ.—II.—Изъ путешествія Н. Иванюкова и М. Ковалевскаго.— Окончаніе	5
II.—ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ ВЪ ПРУССІИ.—Пятнадцать лѣтъ культурыамфа, 1870—1886 гг.—Окончаніе.—А. Д. Градовскаго	60
III.—НЕПРИЗНАННЫЯ ХУДОЖНИЦЫ.—Разсказъ.—А. Винницкой	92
IV.—ГАЛИЧИНА И РУСИНЫ.—Изъ дорожныхъ замѣтокъ и наблюденій.—Кв.	111
V.—ЛѢТО СРЕДИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ.—Очерки и пересказы.—С. Пономарева	140
VI.—РОССІЯ И ЕВРОПА ВЪ ЭПОХУ КРИМСКОЙ ВОЙНЫ.—XIII. Пруссія (1853—54).—Бар. А. Р. Жюмийн	179
VII.—ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ.—Романъ Вальтера Безанта.—Съ англійскаго.— I—V. А. Э.	236
VIII.—ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА.—VIII.—Н. Щедрина	280
IX.—РУССКІЙ РОМАНЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.—V-te E. M. de Vogüé; le Roman russe. А. П. Нынина	301
X.—СУМАСШЕДШІЙ.—Разсказъ Святозлака Чеха.—Съ чешскаго.—А. М. П.	315
XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе 12-го юня о наймѣ сельскихъ рабочихъ, въ связи съ прежними законопроектными по этому пред- мету.—Договорные листы.—Срочный и безсрочный наемъ.—Поводъ къ прекра- щенію договора.—Вычеты изъ заработной платы.—Общая оцѣнка новаго за- кона; отношеніе его къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія	357
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія тревоги въ Европѣ.—Сиданія и переговоры въ Гаштейнѣ и Франкенштадтѣ.—Ошибки печати и ихъ при- чины.—Отношеніе газетъ къ болгарскимъ дѣламъ.—Событія въ Болгаріи и ихъ возможная развязка.—Официальныя телеграммы	379
XIII.—ЗАМѢТКА.—По поводу недавнихъ толковъ о войнѣ.—Л. Слюпинскаго	392
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа.—Областные педагогическіе и народныя музеи, Вс. Коховскаго.—Историческій очеркъ Сибири, т. II, В. К. Андріевича.— А. П.—Государственный кредитъ, А. А. Исена.—О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ, Н. Я. Данилевскаго.—Л. С.	397
XV.—АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.—І. Исенинскаго	412
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Г-нъ Цюль о русскомъ обществѣ и его партіяхъ.—Источники его свѣдѣній о „русскихъ либералахъ“.—Сравненіе „либераловъ съ низшими“ и предпочтеніе г-мъ Цюльмъ послѣднихъ.— Превосходство русской печати предъ иностранной, и причина того	417
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Редакціи.—Пожертвованія на поддержаніе сельской школы Е. Д. Кавелина и на надгробный ему памятникъ	424
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Геродотъ, Исторія въ девяти книгахъ, Θ. Г. Мищенко.—Не въ мѣру строгій судъ на Геродотомъ, Θ. Мищенко.— Н. Дихачевъ, Григорій Николаевичъ Городчанинъ и его сочиненія.—Сбор- никъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, В. Зеллинскаго.—Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи, П. С. Ремекова	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1886 г. см. ниже, на оберткѣ.

55 - 2
—
412

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

Л. — ТОМЪ СХХCV. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1886.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:	Экспедиція журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.	на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1886

P Slav 176.25

131.94

~~Slav 302~~

1886, Sept. 27 - Oct 27.

Meinot fund.

ВЪ СВАНЕТИИ

Изъ путешествія И. Иванюкова и М. Ковалевскаго

Окончаніе.

II *).

Обычаи сванетовъ даютъ новое подтвержденіе тому взгляду, который видитъ зародышъ судебнаго рѣшенія въ приговорахъ посредниковъ. При характеризующей ихъ быть независимости отдѣльныхъ родовъ и ихъ развѣтвленій, не удивительно, если сванеты не выработали иного порядка разбирательства дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, кромѣ того, какой извѣстенъ у нихъ подъ наименованіемъ суда „морваръ“, т.-е. суда медиаторовъ, назначаемыхъ сторонами. Самостоятельные, не признающіе надъ собою старшаго, кровные союзы, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ придерживаются тѣхъ самыхъ началъ, что и суверенныя государства. Подобно тому, какъ международныя столкновенія разрѣшаются войнами и трактатами, такъ точно вражда двухъ или болѣе дворовъ ведетъ къ самосуду и прекращается не иначе, какъ мирнымъ соглашеніемъ. Поводомъ къ враждѣ признается безразлично всякое дѣйствіе, причиняющее матеріальный вредъ, все равно, страдаетъ ли отъ него цѣлый дворъ, или только одинъ изъ его членовъ. Родственная солидарность именно и сказывается въ томъ, что личная обида признается общей цѣлому двору, не рѣдко даже всѣмъ однофамильцамъ. Послѣдствіемъ обиды является поэтому месть не со стороны одного потерпѣвшаго, но и каж-

*) См. выше: августъ, 566 стр.

даго, кто живетъ съ нимъ въ одномъ дворѣ, нерѣдко всей его родни. Самоуправство дворовъ прекращается не раньше, какъ постѣ возмѣщенія матеріальнаго вреда, нанесеніе котораго послужило поводомъ къ самоуправству. Размѣры вреда и соотвѣтствующій ему имущественный эквивалентъ должны подвергнуться при этомъ строгому опредѣленію. Но кому поручить выполнение этой задачи, какъ не лицамъ, выбраннымъ обѣими сторонами, притомъ въ равномъ числѣ, такъ какъ иначе принципъ равноправія оказался бы нарушеннымъ. Вотъ почему сванеты, до подчиненія ихъ русскому владычеству, имѣли обыкновеніе рѣшать всѣ свои споры, одинаково гражданскіе и уголовные, съ помощью медиаторовъ. Каждая сторона назначала ихъ отдѣльно отъ другой, въ болѣе или менѣе числѣ, смотря по характеру дѣла: шесть или семь при убійствѣ, три или два въ менѣе важныхъ случаяхъ. Посредники постановляли рѣшеніе по большинству голосовъ; но такъ какъ каждый изъ нихъ отстаивалъ интересъ назначившей его стороны, то соглашенія не легко было достигнуть. Назначеніе сторонами равнаго числа медиаторовъ само являлось препятствіемъ къ тому: какъ, спрашивается, было состояться большинству въ томъ случаѣ, когда каждая сторона продолжала настаивать на своемъ? Приходилось поэтому прибѣгать нерѣдко къ слѣдующему приему. Посредники изъ собственной среды выбирали одного человѣка, за которымъ признавали уже не одинъ, а два голоса. При раздѣленіи мѣстнѣй пополамъ, голосъ избраннаго оказывался рѣшающимъ. Во всемъ этомъ мы имѣли возможность убѣдиться лично во время нашего пребыванія въ ушкульскомъ обществѣ, и вотъ по какому поводу. За нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда возгорѣлась вражда между двумя дворами однофамильцевъ — Нижеродзе. Поводъ къ ней былъ самый ничтожный: одинъ изъ Нижеродзе задержалъ на своемъ полѣ чужихъ быковъ, которые оказались принадлежащими его однофамильцамъ. Споръ о загнанной скотинѣ принялъ, однако, вскорѣ характеръ открытаго междоусобія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ глава одного изъ спорящихъ дворовъ однажды найденъ былъ мертвымъ въ полѣ и подозрѣніе въ его убійствѣ пало на члена враждовавшей съ нимъ семьи. Хотя русское правительство и отказывается въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ по „адату“, хотя такіа дѣла судятся окружными судами на основаніи нашего уложенія о наказаніяхъ, но на этотъ разъ администрація, въ лицѣ губернатора, сочла нужнымъ, не дожидаясь рѣшенія дѣла судомъ, сдѣлать попытку примирить противниковъ, изъ опасенія новыхъ нарушеній общественнаго спокойствія. Въ нашемъ присутствіи, по предложенію на-

чальника края, стороны приступили къ назначенію медиаторовъ, каждая въ числѣ 7 человекъ. Когда выборы были окончены, посредники, изъ опасенія, что большинство можетъ и не состояться, рѣшили предоставить два голоса благочинному, входившему въ составъ ихъ списка. Задача медиаторовъ—разсѣдовать обстоятельно все дѣло и опредѣлить условія, на которыхъ должно состояться примиреніе враждующихъ. Уголовное разбирательство идетъ своимъ порядкомъ, и рѣшеніе суда будетъ приведено въ исполненіе, независимо отъ тѣхъ мѣръ, какія будутъ предложены посредниками.

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію своей судебной миссиі, сванетскіе морвары обязаны принести присягу въ томъ, что къ подлежащему ихъ разсмотрѣнію дѣлу они отнесутся какъ къ своему собственному. Ближайшій родственникъ потерпѣвшаго обращается къ посредникамъ съ слѣдующими словами: „клянитесь разсмотрѣть дѣло по справедливости, не увлекаясь родствомъ, не искажая смысла фактовъ, точъ-въ-точъ какъ еслибы оно было вашимъ собственнымъ. Въ случаѣ же нарушенія вами этой клятвы, пусть родъ вашъ будетъ несчастенъ до свѣтопреставленія и идетъ затѣмъ въ адъ“ ¹⁾. Судьи отвѣчаютъ ему: „мы принимаемъ клятву рѣшить дѣло такъ, какъ еслибы оно было нашимъ“ ²⁾. За этимъ слѣдуетъ приглашеніе судьями сторонъ принести, въ свою очередь, присягу объ исполненіи ими приговора. Эта присяга является его единственной санкціей; другихъ средствъ сванетскіе обычаи не допускаютъ. Судьи говорятъ сторонамъ: „мы заставляемъ васъ принять присягу въ томъ, что наше рѣшеніе будетъ исполнено вами; если вы не подчинитесь ему и не выполните его въ точности, пусть падетъ на васъ отвѣтственность за нарушеніе присяги“ ³⁾. Въ отвѣтъ на это стороны говорятъ: „пусть падетъ на насъ проклятіе за нарушеніе присяги, если мы въ точности не исполнимъ вашего рѣшенія“ ⁴⁾. Приговоръ медиаторовъ считается окончательнымъ. Объ обжалованіи или пересмотрѣ его кѣмъ-либо не можетъ быть и рѣчи.

Во всемъ этомъ обычаи сванетовъ ничѣмъ не отличаются отъ обычаевъ другихъ горскихъ племенъ Кавказа: осетинъ, напри-

¹⁾ Буквально:—Джигиртсами амбжинере мугутъ кержлобшъ гемагуешъ чучемнеть гимуажи исхуатхумъ хангетъ эджинъ нимотъ ангена гемагуешъ хатъ чаукуше амкнешъ мермусть исгуамкнетъ ахселлгемума акуше Мамехуха.

²⁾ Исгуа гарцамъ гуаранъ имуаже минхуатхумъ хуагене эджинъ сачгетъ.

³⁾ Сгалъръ джигиртсами най маджканонъ амжнашхуаръ намекъ мудгеминетъ алншгусе нагирцанъ исгуе гарцамъ магъ мотъ чеминетъ исгуе натсаушъ мыкетъ ду-валскелн.

⁴⁾ Гемери лачумашъ исгуе гарцамгуара рехучо.—Привожу эти тексты, какъ образцы сванетскаго говора.

мѣръ, или чеченцевъ. Осетинскій „тархони-ланта“, чеченскій — „келохой“ — такіе же выбранные сторонами судьи, какъ и сванетскій морваръ. Число ихъ также зависитъ отъ характера дѣла; рѣшеніе, ими поставляемое, столь же факультативно для сторонъ, которыхъ связываетъ, по отношенію къ нему, одна приносимая ими присяга. Оригинальной стороною посредническаго суда сванетовъ не является также его всесословность, такъ какъ она характеризуетъ собою медиаторское разбирательство одинаково у кабардинцевъ и горскихъ татаръ, у которыхъ, какъ и у сванетовъ, третейское рѣшеніе можетъ быть постановлено не только въ спорахъ простолюдина съ простолюдиномъ, но и въ тѣхъ, въ которыхъ одной изъ сторонъ является князь или дворянинъ. Характерна развѣ только та черта, что чѣмъ выше общественное положеніе лица у сванетовъ, тѣмъ меньше число назначаемыхъ имъ посредниковъ; на двухъ медиаторовъ, выбираемыхъ простолюдиномъ, семья азнаура, или дворянина, назначала одного. Таковы, по крайней мѣрѣ, были порядки, какихъ держались въ Вольной Сванетіи и, въ частности, въ местійскомъ обществѣ, и въ которыхъ, какъ мы полагаемъ, слѣдуетъ видѣть результатъ того принижennaго положенія, въ какое поставили азнауровъ часто повторявшіися противъ нихъ возстанія простого люда.

Съ установленіемъ русскаго владычества, посредническій судъ далеко не является упраздненнымъ. Правда, сванетскія дѣла переданы общимъ судебнымъ учрежденіямъ и, сверхъ того, для Сванетіи нѣкоторое время существовалъ особый даже мировой судъ въ Бечо, дѣла котораго нынѣ переданы суду въ лачхумскаго уѣзда; но сами сванеты предпочитаютъ вѣдаться между собою полюбовно третейскимъ судомъ. Бывшій мировой судья Сванетіи, г. Пфаффъ, постоянно жаловался на то, что народъ оставляетъ его безъ дѣлъ. Въ настоящее время, когда сванетамъ приходится по случаю каждаго процесса идти въ Цагери и дѣлать латпарскій перевалъ, доступный только въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ въ году, желаніе ихъ вѣдаться съ русскими судами сдѣлалось еще слабѣе. Однимъ изъ недавнихъ ихъ ходатайствъ передъ начальникомъ края было избавить ихъ отъ частаго призыва въ судъ, и всеобщую радость вызвало обѣщаніе, что впредь сванетскія дѣла будутъ разсматриваться не иначе, какъ въ іюнѣ или іюлѣ, когда переходъ черезъ горы сравнительно легокъ.

Указанное неудобство далеко, впрочемъ, не главное. Важнѣйшее возраженіе противъ распространенія на сванетовъ, какъ и на всѣхъ вообще горцевъ Кавказа, общихъ судебныхъ учрежденій состоитъ въ совершенной неспособности коронныхъ судей

держаться при разбирательствѣ дѣлъ тѣхъ способовъ установленія судебной достовѣрности, которые одни имѣютъ обязательную силу въ глазахъ сванетовъ. Современный процессъ въ цивилизованныхъ государствахъ, если не говорить объ уликахъ, знаетъ только два вида доказательствъ: свидѣтельскія показанія и писанные документы. Ни до одного изъ нихъ горцы не доросли. Судебныя испытанія, присяга, соприсяжничество родственниковъ—вотъ тѣмъ руководствовались всецѣло ихъ туземные судьи. Для судей не было тайной и то, какой видъ присяги пользуется особеннымъ уваженіемъ въ той или другой семьѣ, какія сакраментальныя дѣйствія она считаетъ наиболѣе связующими ея совѣсть. Всего этого, конечно, не можетъ знать ни мировой судъ, ни тѣмъ болѣе суды окружные. Жалуясь на наглость, съ которой горцы дають на судѣ ложныя свидѣтельства, наши суды далеки отъ мысли, что классъ лицъ, изъ котораго берутся свидѣтели, по самому характеру своему не заслуживаетъ довѣрія; что нѣкоторые народности Кавказа, напримѣръ, осетины, считаютъ свидѣтельствованіе на судѣ тѣмъ-то позорнымъ и приравниваютъ его къ шпіонству; что правдивымъ показаніемъ, клонящимся ко вреду обвиняемаго, свидѣтель можетъ возстановить противъ себя всю родню обвиняемаго, и что поэтому истины всего труднѣе добиться отъ чужого, а надо искать ея у близкихъ обвиняемаго лица, связывая ихъ совѣсть тѣми страшными, въ ихъ глазахъ, присягами, съ ложнымъ принесеніемъ которыхъ связывается представленіе о гибели цѣлаго рода, не только въ настоящей, но и будущей жизни, не только живущихъ поколѣній, но также грядущихъ и умершихъ. Но предполагая даже, что русскій судья знаетъ обо всемъ этомъ, возникаетъ еще вопросъ: въ состояніи ли онъ серьезно войти въ свою роль,—роль человѣка, руководимаго въ своихъ дѣйствіяхъ правовыми представленіями чуждаго ему народа? Не машина же онъ, въ самомъ дѣлѣ, и не можетъ поэтому вполне отказаться отъ своей индивидуальности. Вопросъ также—насколько помирится наше собственное юридическое сознаніе съ ежечаснымъ нарушеніемъ нашими же судами того, что мы считаемъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отнесемся мы къ рѣшенію русскаго судьи, приговаривающаго кого-либо къ доплатѣ калыма за купленную имъ жену или отнимающаго у единственной дочери наслѣдство ея отца, съ тѣмъ, чтобы передать его въ руки четвероюродныхъ братьевъ?—съ полнымъ отрицаніемъ, не правда ли? А между тѣмъ, оба такіа рѣшенія могутъ стоять въ полномъ соотвѣтствіи съ мѣстными обычаями. По всѣмъ этимъ основаніямъ, мы далеко не относимся съ такимъ отрицаніемъ къ прежнимъ горскимъ судамъ, съ какими относится къ нимъ боль-

шинство юристовъ на Кавказѣ. Несомнѣнно, что власть предсѣдательствовавшего въ нихъ уѣзднаго начальника была чрезмѣрной, и что на дѣлѣ онъ легко могъ сдѣлаться единственнымъ судьей; но мысль—имѣть на судѣ выбранныхъ отъ народа посредниковъ и предоставлять имъ рѣшеніе дѣлъ по „адату“ (обычаю)—должна быть признана плодотворною и заслуживаетъ того, чтобы быть принятой въ расчетъ при ближайшихъ попыткахъ пересмотра или исправленія нашихъ судебныхъ уставовъ примѣнительно къ нуждамъ Кавказа.

Всякая серьезная попытка признанія обязательности горскаго обычая немыслима, съ нашей точки зрѣнія, безъ оживленія въ томъ или другомъ видѣ посредническаго суда. Одного формальнаго разрѣшенія мировымъ судьямъ рѣшать дѣла по обычаю, разумѣется, недостаточно; необходимо еще знать, въ чемъ состоитъ этотъ обычай и какія процессуальныя дѣйствія признаются имъ имѣющими силу доказательствъ. Вотъ почему мы считаемъ дѣломъ не одной любознательности, не одного научнаго интереса обстоятельное знакомство съ тѣмъ, въ чемъ состояли процессуальныя горскіе обычаи въ первоначальной ихъ чистотѣ, то-есть, до момента сознательнаго или безсознательнаго дѣйствія на нихъ русскаго закона; а также, къ какимъ средствамъ обращались посредники для того, чтобы убѣдиться въ совершеніи или не-совершеніи отвѣтчикомъ дѣйствія.—Изучая бытъ сваетовъ, мы сочли нужнымъ поэтому обратиться къ серьезному разспросу стариковъ всѣхъ тѣхъ обществъ, которыя намъ пришлось посѣтить, насчетъ дѣйствовавшихъ въ ихъ средѣ обычаевъ и процессуальныхъ правилъ. Опасаясь быть непонятыми или невѣрно истолкованными, мы ставили вопросы въ вазуальной формѣ и нерѣдко повторяли ихъ по нѣскольку разъ, варьируя одни только примѣры. Полученные отвѣты и послужили единственнымъ матеріаломъ для того очерка обычнаго права и процесса, который мы намѣрены представить читателямъ. Избираемъ слѣдующій порядокъ изложенія: процессъ, уголовное право, право гражданское.

Вопросъ о процессѣ, очевидно, сводится къ вопросу о тѣхъ видахъ доказательствъ, какими руководствовались сванетскіе морвары. Виды эти были тѣ самыя, какіе мы встрѣчаемъ во всякомъ слабо-развитомъ еще правѣ. Говоря это, мы хотимъ сказать прежде всего то, что письменные документы совершенно не были извѣстны, а свидѣтельскія показанія играли сравнительно второстепенную роль; главнымъ же средствомъ установленія судебной достовѣрности была присяга и соприсяга. Убѣдиться въ этомъ легко на примѣрѣ слѣдующихъ отвѣтовъ на поставленные

нами вопросы. Предположите, — говорилъ одинъ изъ насъ спрашиваемымъ старикамъ, — что родственники мои, счетомъ двѣнадцати, въ одно слово показываютъ, что я невиненъ въ томъ убійствѣ, какое приписываетъ мнѣ истецъ; послѣдній же, въ подтвержденіе своего обвиненія, приводитъ трехъ свидѣтелей, говорящихъ, что они были очевидцами убійства, и что оно было сдѣлано мною: какой приговоръ въ этомъ случаѣ постановили бы ваши морвары — оправдательный или обвинительный? На этотъ вопросъ всюду слѣдоваль одинъ и тотъ же отвѣтъ: „оправдали бы, такъ какъ противъ присяги родственниковъ безсильны показанія постороннихъ лицъ, каково бы ни было ихъ число“. А если такъ, то очевидно, что въ ряду доказательствъ свидѣтельскія показанія стоятъ у сванетовъ далеко не на первомъ планѣ. Но этого мало. Сванеты строго различаютъ еще, подкрѣпили ли свидѣтель свое показаніе присягой и какой именно. Безъ присяги показаніе его лишено всякаго значенія. Много значить также, гдѣ принесена присяга: данная въ одномъ храмѣ и на одномъ образѣ считается дѣйствительнѣе другой. Что же это значить въ концѣ концовъ, какъ не то, что свидѣтельское показаніе имѣетъ силу настолько, насколько оно, въ то же время, является присягой, — иначе говоря, что, само по себѣ, оно не имѣетъ силы. Такой выводъ находитъ себѣ рѣшительное подтвержденіе и въ языкѣ сванетовъ, въ которомъ есть особый терминъ для обозначенія присяжника и нѣтъ термина для свидѣтеля, такъ что послѣдняго зовутъ не иначе, какъ грузинскимъ наименованіемъ: „моцаме“. Кто незнакомъ съ особенностями древнѣйшаго процесса и съ причинами, ихъ вызвавшими, тотъ въ недоумѣніи остановится передъ фактомъ слабаго развитія у сванетовъ института свидѣтелей; но кому извѣстны однохарактерныя явленія не только въ процессѣ другихъ горскихъ народовъ Кавказа, напримѣръ осетинъ, но и въ старинномъ германскомъ, въ частности въ бургундскомъ правѣ, тотъ необходимо задумается о томъ, возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, существованіе свидѣтельскаго показанія, какъ самостоятельнаго вида доказательствъ, въ правѣ народа, придерживающагося начала родового самосуда, неминуемо постигающаго cadaque, кто причинилъ роду матеріальный вредъ, хотя бы способомъ его причиненія и было свидѣтельствованіе на судѣ. Не даромъ же у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ показанія, неблагопріятныя обвиняемому, дѣлаются суду не иначе, какъ подъ условіемъ сохранить въ тайнѣ имя дѣлающаго ихъ лица; и далѣе, нѣкоторые древніе своды, въ томъ числѣ индусскія „учрежденія Наряды“, считаютъ возможнымъ назвать свидѣтелей „шпіонами“; такъ опасно

и, согласно ходячимъ представленіямъ, презрѣнно дѣлаемое ими дѣло.

Сванетскіе морвары, постановляя свои рѣшенія на основаніи присяги выбранной ими стороны, чаще всего, впрочемъ, стороны отвѣтчика, никогда не довольствовались, однако, одной этой присягой, но требовали еще, чтобы показанія присягающаго были подтверждены, также подъ присягою, его родственниками, въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по важности дѣла. Эти соприсяжники, исполнѣ отвѣчающіе по своему характеру „conjuratores“ варварскихъ „правдъ“, очистникамъ и поручникамъ славянскихъ источниковъ, будучи родственниками и, во всякомъ случаѣ, лицами, близкими ставившей ихъ сторонѣ, въ то же время отнюдь не должны были принадлежать къ числу живущихъ съ нею въ одномъ дворѣ. Названіе имъ — „мегнемари“. Въ дѣлахъ объ убійствѣ обвиняемый обыкновенно ставилъ двѣнадцать чловѣкъ, которые должны были, вмѣстѣ съ нимъ, принести очистительную присягу. При обвиненіи въ увѣчьи или воровствѣ число мегнемари было наполовину меньше; оно падало иногда до четырехъ чловѣкъ и даже двухъ.

Присяга сторонъ и ихъ мегнемари имѣла характеръ символическаго дѣйствія, соединеннаго съ произнесеніемъ извѣстныхъ сакраментальныхъ словъ. Дѣйствіе состояло въ прикосновеніи рукою къ образу или только въ томъ, что присягающій держалъ свою руку надъ водою, которою былъ обмытъ этотъ образъ. Последняго порядка держались въ кальскомъ обществѣ. Такъ какъ икону св. Квирика и Эмилы запрещено было выносить изъ посвященнаго имъ храма, „Шальяна“, а присягавшіе, изъ суевѣрія, не всегда рѣшались входить въ него, то приходилось довольствоваться при совершеніи обряда водою, въ которую предварительно опущенъ былъ образъ ¹⁾. Въ прежнее время, по словамъ полеовника Бартоломея, присягавшій, входя въ церковь, бросалъ въ образъ пулю и говорилъ при этомъ: „если я скажу неправду, да поразить меня эта пуля“; а папи, т.-е. мѣстный, не посвященный епископомъ священникъ, для усиленія присяги, бросалъ пулю назадъ въ присягавшаго ²⁾. Въ настоящее время считаютъ возможнымъ ограничиться произнесеніемъ сакраментальныхъ словъ въ родѣ слѣдующихъ: „если я говорю неправду, то доволѣ не зарѣжу столько бѣлыхъ быковъ, сколько листьевъ на землѣ, да не будетъ мнѣ спасенія“. Въ отношеніи силы присяги, сванеты

¹⁾ Бартоломей, стр. 315.

²⁾ Тамъ же.

различаютъ присягу, приносимую надъ мѣстной иконой, отъ той, какая приносится въ Шальянѣ и нѣкоторыхъ другихъ, особенно любимыхъ народомъ, храмахъ. Самая страшная присяга—та, которая дается въ бывшемъ монастырѣ Квирика и Эвлиты. Сванеты увѣрены, что показавшаго неправду въ этомъ храмѣ непременно постигнетъ на разстояніи не болѣе года тяжкая болѣзнь или смерть. Не столь страшны клятвы, произносимыя въ другихъ храмахъ; изъ нихъ страшнѣе другихъ та, которая приносится въ церкви Богородицы въ Ушкулѣ; за ней слѣдуетъ присяга въ церкви Архангела-Михаила въ Мести; присяга въ церкви св. Георгія въ томъ же обществѣ; присяга въ церкви апостоловъ въ Эдерахъ. Гораздо меньше значенія придають сванеты присягамъ въ другихъ церквяхъ. Отъ судей зависѣло назначить присягу въ той или другой церкви. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, каковы всѣ дѣла объ убійствѣ, обыкновенно требовалось принести присягу въ Шальянѣ. Тотъ, кому положена была такая присяга, отправлялся, вмѣстѣ съ своими мегнемари, въ калское общество, которое, получивъ отъ него предварительно въ свою пользу быка или другую скотину, разрѣшало идти въ храму Квирика и принести тамъ назначенную присягу. Ушкульцы, повидимому, также требовали извѣстныхъ приношеній себѣ отъ лицъ, принимавшихъ присягу въ ихъ церкви. Въ другихъ обществахъ принесеніе присяги не сопровождалось, кажется, никакими поборами.

Присяга, — съ характеромъ описаннаго нами символическаго обряда, — единственный уцѣлѣвшій между сванетами видъ судебныхъ испытаній, или ордалій. Раннее распространеніе среди сванетовъ христіанства и вражда его къ языческому поединку, а также испытаніямъ костромъ и водою — вѣроятная причина тому, что у сванетовъ не сохранилось даже памяти о нихъ. Другое дѣло — испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, о которомъ говорить еще уложеніе грузинскаго царя Вахтанга, составленное между 1703 и 1709-мъ годомъ. Этотъ видъ ордалій, извѣстный у грузинъ подъ наименованіемъ „шанти“, хотя и не былъ примѣняемъ въ самой Сванетіи, но ея старики слышали отъ своихъ отцовъ, что многихъ преступниковъ въ старые годы посылали изъ Сванетіи въ лечхумскій уѣздъ, гдѣ, не то въ Цагерахъ, не то въ Ахалчалахѣ, хранился, по показанію однихъ — въ церкви, — другихъ — у кузнеца, третьихъ — у князя Фарнаова Геловани, — четырехугольный кусокъ желѣза, длиною въ четверть аршина, легко обхватываемый рукою. Желѣзо это раскаляли до огня и, положивъ подъ него бумагу, клали на руку испытуемаго, который обязанъ былъ сдѣлать съ нимъ три шага впередъ. Если послѣ испытанія рука

оказывалась неповрежденной, подвергавшійся ему признаваемъ быть невиннымъ, и наоборотъ. Представленіе о цѣли, съ которой производимо было испытаніе, настолько спуталось въ памяти сванетовъ, что въ нѣкоторыхъ обществахъ намъ приходилось слышать, что невинность испытываемаго считалась установленной не въ томъ случаѣ, если на рукѣ его не оказывалось обжоговъ, а въ томъ, когда на бумажѣ, подложенной подъ желѣзо, явственно можно было прочесть написанныя на ней слова: „самъ Господи покажи, правъ я или неправъ“. Вотъ въ какомъ искаженномъ видѣ доходятъ до насъ нерѣдко факты сравнительно недавняго прошлаго!

Переходимъ къ уголовному праву сванетовъ.

Характерной чертой современнаго права у цивилизованныхъ народовъ является, какъ извѣстно, строго проводимая граница между гражданской отвѣтственностью и уголовной вѣняемостью. Злой умыселъ признается нынѣ необходимымъ элементомъ преступленія; гдѣ его нѣтъ, тамъ можетъ быть рѣчь лишь о вознагражденіи вреда и убытковъ, другими словами, объ отвѣтственности гражданской. Вотъ почему непреднамѣренное дѣяніе, хотя бы послѣдствіемъ его была смерть, не считается за убійство, и, наоборотъ, неудачное покушеніе, разъ оно совершено съ годными средствами, подлежитъ уголовному возмездію. Въ младенческомъ состояніи права о всѣхъ этихъ различіяхъ нѣтъ и помину. Въ каждомъ дѣяніи преслѣдуется причиненный имъ матеріальный вредъ, все равно, будетъ ли онъ совершонъ сознательно или безсознательно, совершонъ отвѣтственнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ лицомъ, или животнымъ и растеніемъ, одухотворяемымъ фантазіей древняго человѣка. Отсюда возможность суда надъ волкомъ, причинившимъ случайно кому-либо смерть, или надъ деревомъ, раздавившимъ подъ собою прохожаго, — возможность, о которой одинаково говорятъ намъ еврейское, индусское, греческое, англо-саксонское право. На дальнѣйшей стадіи развитія, человѣкъ, не переставая преслѣдовать, по прежнему, одинъ матеріальный вредъ, причиненный ему чужими дѣяніями, не отличая поэтому случайнаго отъ преднамѣреннаго, въ то же время переноситъ отвѣтственность съ животного на его хозяина, и съ своимъ требованіемъ о возвращеніи убытковъ обращается непосредственно къ послѣднему. Въ этомъ именно періодѣ развитія мы застаемъ нѣкоторыя горскія народности Кавказа, въ томъ числѣ осетинъ, посредническіе судьи которыхъ еще недавно карали хозяина скотины за случайно причиненную ею смерть. Стоило камню, задѣтому ногою вола

или коровы, упасть на голову прохожаго и убить его, и родъ послѣдняго считалъ себя въ правѣ требовать отъ хозяина животнаго уплаты ему виры подѣ угрозою кровомщенія. Тѣ же послѣдствія имѣли мѣсто, если ветхій домъ обрушивался на чью-либо голову, причиняя увѣчье или смерть; въ этомъ случаѣ отвѣтственность падала на хозяина дома ¹⁾.

Спрашивается теперь: стоятъ ли сванеты, въ этомъ отношеніи, на той же ступени развитія, что и осетины, или ихъ праву не чуждо уже понятіе о томъ, что для отвѣтственности дѣйствія необходимо совершеніе его отвѣтственнымъ субъектомъ, что такимъ можетъ считаться только человѣкъ, что поэтому всякій вредъ, причиненный не человѣкомъ, а, напримѣръ, домашней скотиной, можетъ вызвать развѣ вопросъ о небрежности хозяина въ уходѣ за нею и отнюдь не сдѣлаться поводомъ къ кровомщенію или къ требованію цора. На этотъ вопросъ намъ пришлось слышать рѣзко противоположные отвѣты. Въ Княжеской Сванетіи старики не только отрицали существованіе такой отвѣтственности хозяина за животное, но даже высказывали сомнѣніе въ томъ, чтобы она вообще гдѣ-либо была возможна. Въ Вольной Сванетіи, наоборотъ, приходилось слышать, что, въ старые годы, убійства, причиненныя животными, давали поводъ къ взысканію съ хозяина платы за кровь или цора, если не въ полномъ, то въ половинномъ размѣрѣ. Рѣшительное подтвержденіе послѣднему мы находимъ какъ въ удержавшемся доселѣ у сванетовъ обычаѣ отбирать въ пользу семьи потерпѣвшаго оружіе, причинившее смерть, хотя бы собственникъ его и не былъ убійца, а также и въ разсказанномъ выше преданіи объ убійствѣ Путы Дадешкеліани возставшими противъ него ушкульцами. Что дѣлаютъ послѣдніе

¹⁾ См. Пфаффа: „Народное Право осетинъ“, въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, т. II, стр. 271, который приводитъ еще слѣдующіе примѣры. „Если осетинъ, по неосторожности или съ намѣреніемъ, застрѣливалъ другого или же убивалъ его инымъ образомъ, то кровомщеніе постигало не только убійцу, но и владѣльца того оружія, которымъ причинена была смерть. Если дитя, по неосторожности или по какой-либо другой причинѣ, убивало кого-либо, то за него отвѣчалъ отецъ; равно какъ и господинъ за своего раба. Если на скачкѣ дитя попадетъ подѣ ѣздона и его раздавятъ, то кровомщеніе постигаетъ того, чья лошадь убила дитя“. Какъ арханчимъ, по своему характеру, только-что отмѣченныя нами правовыя нормы, можно судить изъ того, что съ ними мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ германскомъ правѣ не позже эпохи редакцірованія салической правды. 36-ой титулъ послѣдней постановляетъ на этотъ счетъ слѣдующее: „Если человѣкъ будетъ убитъ домашнимъ животнымъ и это будетъ доказано свидѣтелями, хозяинъ скотины платитъ половину „композиціи“ (частнаго выкупа) въ счетъ другой половины, уступая въ то же время причинившее вредъ животное“.

для отвращенія отъ себя кровомщенія? Они стрѣляютъ въ Путу изъ церковнаго огня и церковнымъ ружьемъ, чтобы тѣмъ самымъ направить месть его рода на церковь и устранившись лично отъ отвѣтственности. Очевидно, что побуждающимъ мотивомъ къ тому является представленіе, что хозяинъ вещи необходимо несетъ кару за причиненное ею дѣйствіе; въ данномъ случаѣ, такимъ хозяиномъ является церковь, съ которой, разумѣется, не легко взыскать цоръ, почему и удобно направить на нее месть враждебнаго ушкульцамъ рода. Причина, по которой въ Княжеской Сванетіи не сохранилось даже памяти о возможности кровнаго возмездія хозяину вещи, отъ которой послѣдовала смерть или увѣчье, лежитъ, какъ намъ кажется, въ томъ косвенномъ вліяніи, какое оказывали на измѣненіе народныхъ обычаевъ взимавшіеся князьями штрафы съ преступниковъ. Если князьямъ Дадешкеліани удалось, по крайней мѣрѣ, въ Эцерахъ, пресѣчь практику женскаго дѣтоубійства, то мы не видимъ причинъ, почему бы они не могли внести и въ другія стороны права болѣе рациональныя воззрѣнія, проникавшія къ нимъ изъ Мингреліи и Грузіи съ высшимъ сословіемъ, съ которыми они такъ часто вступали въ брачныя и родственныя связи.

Отмѣченное нами различіе между уголовными обычаями Княжеской и Вольной Сванетіи снова выступаетъ по вопросу о наказуемости или ненаказуемости дѣйствій, не вызванныхъ злою волею совершавшаго ихъ лица. Въ Вольной Сванетіи случайное убійство или раненіе, какъ общее правило, ведетъ за собою уплату всего или части цора; въ Княжеской—оно оставляется безъ послѣдствій. Что касается до покушенія, то, какъ общее правило, оно относится во всей Сванетіи къ числу безразличныхъ дѣйствій. Самое большее, если виновнаго въ немъ заставляютъ сдѣлать угощеніе всей семьѣ того лица, противъ котораго оно было направлено. Любопытно при этомъ, однако, слѣдующее исключеніе изъ общаго правила о ненаказуемости покушеній: въ Ушкулѣ дѣлается изъятіе для случая, когда выстрѣлъ, сдѣланный въ кого-либо изъ ружья, сопровождался осѣчкой. Въ этомъ случаѣ съ виновнаго, какъ ни покажется это страннымъ, взимается плата за кровь. Другое дѣло, если выстрѣлъ воспослѣдовалъ, и тотъ, въ кого онъ былъ сдѣланъ, не потерпѣлъ раненія. Въ этомъ случаѣ о цорѣ нѣтъ и помину. Какъ примирить такое явное, по видимому, противорѣчіе? Очень просто: тѣмъ, что ушкульцы не допускаютъ возможности другого промаха, кромѣ добровольнаго. Непопавшій въ противника не имѣлъ, въ ихъ глазахъ, намѣренія убить его, а только испугать; напротивъ того, при осѣчкѣ воз-

можно предположеніе, что убійство и раненіе только благодаря ей не имѣли мѣста.

Преслѣдованіе въ преступленіи одного матеріальнаго вреда является причиной, что сванетамъ неизвѣстно то, что на языкъ современныхъ криминалистовъ слыветъ подъ наименованіемъ увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Будетъ ли убійство сдѣлано изъ засады или причинено кѣмъ-либо въ дракѣ, виновный и его родственники одинаково присуждаются къ уплатѣ цора въ полномъ его размѣрѣ. Изъ этого правила сванеты знаютъ только одно исключеніе, неизвѣстное сосѣднимъ съ ними осетинамъ: мы разумѣемъ убійство мужемъ любовника жены, застигнутого имъ in flagrante: тогда какъ осетины и въ этомъ случаѣ требуютъ отъ виновника убійства полной платы за кровь, сванеты допускаютъ нѣкоторую скидку. Исключеніе, о которомъ идетъ рѣчь, легко, впрочемъ, можетъ оказаться не болѣе, какъ кажущимся. Дѣло въ томъ, что ихъ обычай очень строго караютъ случаи вхожденія кого-либо въ чужое жилище. Кто врывается въ чужой домъ платитъ двѣнадцать адышей, т.-е., семьдесятъ два рубля. Виновный въ прелюбодѣянніи, очевидно, прежде всего виновенъ въ томъ, что проникъ, безъ вѣдома хозяина, въ его домъ. Вычитая за то падающую на него пеню изъ общей суммы цора, мы приблизительно получаемъ ту часть послѣдняго, которую несетъ убійца женинаго любовника ¹⁾. Нельзя также считать доказательствомъ признанія сванетами увеличивающихъ вину обстоятельствъ въ томъ фактѣ, что съ человѣка, вломившагося въ чужой домъ и учинившаго въ немъ убійство, сверхъ цора, взыскивается еще двѣнадцать адышей, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло просто-на-просто съ двумя преступленіями, совершенными однимъ и тѣмъ же лицомъ, который поэтому и призывается отвѣчать за оба вмѣстѣ. Преслѣдованіе въ преступленіи одного матеріальнаго вреда дѣлаетъ возможнымъ ограниченіе сферы наказуемыхъ дѣйствій одними тѣми, въ которыхъ ущербъ, на самомъ дѣлѣ, былъ нанесенъ. Вотъ почему, согласно сванетскимъ обычаямъ, не подлежатъ наказанію всякаго рода словесныя обиды, какъ несопровождающіяся матеріальнымъ вредомъ, а также всѣ случаи воровства, оканчивающіеся нахожденіемъ украденной вещи. Вернувъ похищенное, воръ освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности.

Если, съ одной стороны, сфера преступныхъ дѣяній терпѣть

¹⁾ Въ мѣстномъ обществѣ, въ которомъ собраны были нами эти свѣденія, обыкновенный размѣръ цора—250 руб.

у сванетовъ сказанное ограниченіе, то, съ другой, суевѣрія народа заставляють расширять ее на цѣлый рядъ дѣяній, съ нашей точки зрѣнія безразличныхъ. Сванеты вѣрятъ въ дѣйствіе чаръ и всякаго рода заклинаній. Изъ давней еще практики ихъ посредническихъ судовъ можно привести случай присужденія одной женщины чубехевского общества къ уплатѣ ста-двадцати рублей за изготовленіе зелья, якобы лишившаго истца возможности дальнѣйшаго *coitus*. При отсутствіи началъ публичнаго возмездія, при воззрѣніи на преступленіе, какъ на матеріальный вредъ, наносимый однимъ дворомъ другому и возмѣщаемый платежами, не удивительно, если только тѣ преступныя дѣйствія вызываютъ собою кровомщеніе, которыя совершаются членами одного двора по отношенію къ членамъ другого; не удивительно, если отцеубійство, матереубійство, какъ убійство отцомъ сына или дочери, не влекутъ за собою уплаты цоръ, и если, съ другой стороны, убійство дяди по матери, живущаго своимъ дворомъ, необходимо вызываетъ такой платежъ. Если не имѣть въ виду этого чисто матеріальнаго воззрѣнія на преступленіе, если упустить изъ виду, что при наказаніи имѣется въ виду не возстановленіе нарушеннаго права, еще менѣе устрашеніе или исправленіе преступника, а просто-на-просто возмѣщеніе матеріальнаго вреда, причиненнаго однимъ дворомъ другому, то трудно понять, какимъ образомъ отцеубійца продолжаетъ мирно жить въ средѣ своихъ родственниковъ, отличаясь отъ другихъ носимой имъ черезъ плечо повязкой изъ круглыхъ камней, такъ называемой „ека“, тогда какъ всякаго, кто убьетъ чужеродца или однофамильца, живущаго отдѣльнымъ дворомъ, неизбѣжно постигаетъ месть, отъ которой онъ не иначе можетъ избавиться, какъ уплативши цоръ, т.-е. полную плату за кровь.

Переходя къ системѣ наказаній у сванетовъ, поражаешься ихъ крайней скудостью. Единственный видъ ихъ составляютъ платежи натурой (землей, скотомъ, оружіемъ), рѣдко когда деньгами, которыми всего чаще вычисляется только размѣръ наказанія. О лишеніи жизни или свободы, а также о разныхъ видахъ членовредительства сванеты не имѣютъ понятія. Встрѣчались, правда, случаи побіенія камнями кровосмѣсителей, и притомъ всенародно; приводятъ также примѣры разрушенія жилища и избіенія всей семьи лица, виновнаго въ святотатствѣ или кражѣ въ храмѣ; но въ этихъ единичныхъ случаяхъ столь же трудно видѣть примѣненіе народнаго обычая, какъ и въ фактахъ убійства родственниками лицъ, совращенныхъ въ магометанство. Приписывая наступленіе извѣстныхъ народныхъ бѣдствій, положимъ, неурожаевъ,

присутствію въ народной средѣ лицъ, оскорбляющихъ Бога своими дѣйствіями, народъ въ гнѣвѣ обращался къ ихъ истребленію, прибѣгая, при этомъ, къ освященному еще Библіей способу; точно такъ же поступали и родственники, спѣшившіе изъять изъ своей среды чловека, присутствіе котораго можетъ привлечь на нихъ гнѣвъ божій.

Размѣръ платежей, производимыхъ преступникомъ или его роднею, живущею съ нимъ на одномъ дворѣ, зависитъ отъ важности причиненнаго преступленіемъ вреда. Наибольшимъ вредомъ признается, разумѣется, лишеніе жизни. Плата за кровь, или, что тоже, цоръ, въ Княжеской Сванетіи достигала слѣдующихъ размѣровъ: убійца и его дворъ обязаны были отдать двору убитаго тринадцать „цхвадышей“ земли, или, что то же, шесть съ половиною грузинскихъ кцевъ, — иначе говоря, безъ малаго двѣ десятины ¹⁾; кромѣ того, дворъ убійцы обязанъ былъ одарить скотомъ всѣхъ лицъ, жившихъ совмѣстно съ убитымъ, давая одному вола, другому — лошадь, третьему — барана, смотря по близости родства съ покойникомъ. Таковъ былъ обычный размѣръ цора въ эперскомъ обществѣ. Въ Бечо величина его была въ два раза меньше. Здѣсь земля, уступаемая дворомъ убійцы, считалась не цхвадышами, а „налжомми“, числомъ двѣнадцать, что, считая каждый налжомъ въ половину меньше противъ цхвадыша, даетъ три кцевы земли, или немного менѣе одной десятины. Въ Вольной Сванетіи плата за кровь была приблизительно та же, какъ въ Бечо. Въ мѣстйскомъ обществѣ намъ говорили объ уступкѣ роду убитаго не менѣе двѣнадцатью налжомовъ, не считая скота, раздаваемого родственникамъ. Въ Ипаріи намъ оцѣнивали имущественный ущербъ, причиняемый двору уплатой цора, приблизительно въ тысячу рублей, чего, разумѣется, достигаетъ онъ и въ упомянутыхъ выше обществахъ, такъ какъ цѣнность десятины вмѣстѣ съ цѣнностью раздаваемого скота близко подходитъ въ нихъ къ этой цифрѣ. Какъ уже было сказано, въ составъ имущества, уступаемаго роду, входило и то оружіе, которымъ совершено было убійство. Сверхъ того, съ уплатой цора соединялось обязательное угощеніе всѣхъ родственниковъ убитаго, на что, въ свою очередь, затрачивалось не мало. Если дворъ, на который падала уплата цора, не былъ въ состояніи исполнить всѣхъ требованій, предъявленныхъ ему въ этомъ отношеніи посредниками, дворъ убитаго считалъ себя въ правѣ продолжать крово-

¹⁾ Въ грузинской кцевѣ два цхвадыша, а въ каждомъ цхвадышѣ — триста-шестьдесятъ-четыре квадратныхъ сажени.

мщеніе. Нерѣдко, впрочемъ, однофамильцы изъ другихъ дворовъ приходили на помощь тѣмъ, кто обязанъ былъ уплатить цоръ. Еще чаще оказавшаяся несостоятельной семья отдавала себя въ холопы той, которая имѣла право на платежъ. Въ числѣ тѣхъ „маджолобовъ“—или домашнихъ слугъ, которые въ 1872 году были отпущены на волю русскимъ правительствомъ безъ всякаго вознагражденія ихъ собственниковъ, нѣкоторое число было потомками такихъ, добровольно закабалившихъ себя семей.

Размѣръ цора служитъ масштабомъ, по которому вычисляется величина платежей, производимыхъ въ случаяхъ увѣчій, раненій, а также случаевъ нарушенія женщиной ея супружеской вѣрности. Самымъ тяжкимъ видомъ увѣчій считалась кастрація, за которую въ однихъ обществахъ взымали полный размѣръ цора, а въ другихъ—не менѣе половины его. За отрѣзаніе уха, носа и выколъ глаза взыскивалась треть цора; приблизительно то же или нѣсколько менѣе—за отсѣченіе руки или ноги. Что касается до раненій, то тяжкимъ признавалось раненіе, причиненное выстрѣломъ изъ ружья; легкимъ—ударъ кинжаломъ или пашвой. Въ первомъ случаѣ обычнымъ размѣромъ вознагражденія была половина цора, во второмъ—четверть его. И въ томъ, и въ другомъ одинаково издержки леченія и содержанія во время болѣзни падали на дворъ виновнаго. Взысканія за побои были сравнительно незначительны: одинъ, много два ацыша, т.-е. шесть или двѣнадцать рублей.

Изъ преступленій, направленныхъ противъ нравственности, наказуемыми считались: прелюбодѣяніе съ замужней женщиной, изнасилованіе и растлѣніе. Мужъ въ правѣ былъ прогнать невѣрную супругу, получая назадъ изъ ея двора уплаченный имъ „начулашъ“ и, сверхъ того, половину платы за кровь, за нанесенное ему безчестіе. Сванеты не дѣлаютъ различія между изнасилованіемъ и растлѣніемъ. И то, и другое одинаково ведутъ за собою платежъ скотомъ, цѣнностью въ пятьдесятъ ацышей, т.-е. отъ одной трети до половины платы за кровь. Кровосмѣшеніе принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ явленій въ бытѣ сванетовъ; о противоестественныхъ же порокахъ у нихъ нѣтъ и помину, такъ что на всѣ наши разспросы на этотъ счетъ они отвѣчали повсюду рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Изъ другихъ видовъ дѣйствій, направленныхъ къ чьему-либо вреду, сванеты различаютъ насильственное вторженіе въ чужое жилище, караемое штрафомъ въ 12 ацышей, и лишеніе свободы, за что полагается платежъ величиною отъ 10 до 20 ацышей.

Что касается до преступленій противъ собственности, то здѣсь мы должны повторить уже сказанное. Обыкновенное воровство

не имѣло у сванетовъ иного послѣдствія, кромѣ возвращенія украденнаго или его стоимости. Въ одной лишь Княжеской Сванетіи правители видѣли въ фактъ воровства основаніе къ наложенію штрафовъ въ свою пользу. Только въ томъ случаѣ, если воровство связано съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужой домъ, оно сопровождается еще платежомъ въ 12 ацышей. Тѣхъ различій между простымъ воровствомъ и грабежомъ, какія проводятся нашими законодательствами, сванеты не знаютъ; но зато, въ сферѣ преступленийъ противъ собственности, они выдѣляютъ, какъ особенно тяжкое преступленіе, кражу спускающейся въ очагу дѣли и того желѣзнаго четырехножника, на которомъ печется хлѣбъ. Въ этой кражѣ сванеты, подобно осетинамъ, преслѣдуютъ, сверхъ воровства, еще оскорбленіе чести семьи. Размѣръ взысканія доходитъ въ этомъ случаѣ до двадцати ацышей.

Заканчивая очеркъ уголовныхъ обычаевъ сванетовъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что непризнаніе ихъ русскими судами, постановляющими наказанія по XV тому, является причиной, что представленіе объ этихъ обычаяхъ все болѣе и болѣе изглаживается изъ народной памяти, такъ что разспрашиваемыя нами лица нерѣдко затруднялись въ своихъ отвѣтахъ, и сколько-нибудь точныя показанія можно было получить отъ однихъ стариковъ. Русское уголовное правосудіе, повидимому, не вполне удовлетворяетъ сванетовъ. И это неудивительно. На той стадіи развитія, какой достигло юридическое сознаніе сванетовъ, немудрено, если ссылка въ каторжныя работы, хотя бы и безъ срока, остается недостаточнымъ возмездіемъ тому, кто, по обычаю, долженъ подвергнуться смерти или выкупить свою жизнь у родственниковъ убитаго. Послѣдніе все еще считаютъ для себя позоромъ оставленіе убійства безъ кровомщенія, и нѣтъ ничего удивительнаго, если администрація, въ интересахъ общаго мира и спокойствія, обращается нерѣдко, не ожидая приговора, къ назначенію посредниковъ, которые и опредѣляютъ размѣръ того частнаго вознагражденія, какой потерпѣвшая сторона должна получить отъ двора убійцы. Этимъ путемъ, заслуживающимъ, какъ мы полагаемъ, полнаго одобренія, междоусобія потухаютъ нерѣдко въ самомъ ихъ зародышѣ и дѣлается немислимымъ повтореніе того, хорошо извѣстнаго на Кавказѣ, случая, когда сынъ убитаго послѣдовалъ за убійцей въ каторгу съ тѣмъ, чтобы заковать его кинжаломъ и тѣмъ исполнить долгъ кровомщенія.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію гражданскаго права сванетовъ, и прежде всего той части его, которая имѣетъ отношеніе къ браку и порождаемому имъ семейному союзу.

Брачное право сванетовъ составляетъ несомнѣнно ту сторону ихъ быта, которая лучше другихъ извѣстна изъ описаній путешественниковъ. Но не все, сказанное ими на этотъ счетъ, заслуживаетъ одинаковаго довѣрія. Такъ, напримѣръ, сообщеніе г. Стоянова о томъ, что „сванеты-христіане имѣли по двѣ и по три жены и что старшею изъ нихъ считалась та, которая больше нравилась мужу“, не находитъ себѣ подтвержденія въ тѣхъ показаніяхъ, какія сдѣланы были намъ стариками, и мы не иначе можемъ объяснить себѣ происхожденіе вышеприведеннаго мѣста, какъ полнымъ смѣшеніемъ законной жены, всегда единой въ семьѣ сванета, и „лелять“, которыхъ онъ держитъ нерѣдко по нѣскольку. Юридическое положеніе жены и любовницы совершенно различно. Конкубина, подобно осетинской номулусъ, не считается хозяйкой въ домѣ и ежечасно можетъ быть прогнана изъ него со смертію сожительствовавшего съ нею лица; ни сама она, ни ея дѣти ничего не наследуютъ. Положеніе ея, такимъ образомъ, вполне можетъ быть названо безправнымъ. *Iustae purtie* также необходимы въ Сванетіи для того, чтобы женщина считалась законной женою, какъ въ древнемъ Римѣ. Будетъ невѣста похищена женихомъ у родителей или приобрѣтена у нихъ покупкой, она становится женою не раньше, какъ послѣ вѣнчанія.

Вѣнчанію предшествуетъ обрученіе, совершающееся обыкновенно еще тогда, когда женихъ и невѣста находятся въ младенческомъ возрастѣ. Обрученіе представляетъ собою безформенную сдѣлку, въ силу которой одна семья принимаетъ обязательство женить сына на новорожденной или имѣющей родиться дочери другой семьи. Обязательство это скрѣпляется обыкновенно уплатой чего-то подобнаго задатку, называющемуся „накданури“. Даютъ одного или двухъ барановъ, цѣною не свыше десяти рублей; въ томъ случаѣ, однако, если дѣло идетъ о заключеніи женихомъ вторичнаго брака, родители невѣсты берутъ задатокъ въ два или три раза большій обыкновеннаго. Невыполненіе заключеннаго условія считается явнымъ оскорбленіемъ цѣлаго рода и даетъ право на мсть. Послѣдней, впрочемъ, избѣгали при содѣйствіи медіаторовъ, опредѣлявшихъ размѣръ вознагражденія, каковой должна была уплатить неустоявшая въ договоръ семья. Вѣнчанію предшествуетъ также уплата женихомъ или его семьею всего или части „начулаша“ (плата за невѣсту). Въ отличіе отъ народовъ сѣвернаго Кавказа, въ томъ числѣ кабардинцевъ, которые обыкновенно сълагаются между собою, съ цѣлью помочь жениху въ платежѣ „калыма“, сванеты требуютъ, чтобы послѣдній все-

цѣло быть внесены самимъ женихомъ или его родителями. Низкій сравнительно размѣръ начулаша (двѣсти рублей для простоародья, триста — для азнауровъ), дѣлаетъ возможнымъ обойтись при его уплатѣ безъ содѣйствія родственниковъ и односельцевъ. Начулашъ рѣдко когда вносится деньгами, всего чаще — скотомъ. Величина его часто зависитъ отъ того, принадлежитъ ли невѣста къ одному селенію съ женихомъ, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ онъ обыкновенно на половину меньше. Сванеты, въ отличіе отъ другихъ горцевъ, рѣдко когда прибѣгаютъ къ символизированному похищенію невѣсты, ради неплатежа начулаша; и это, по всей вѣроятности, потому, что уводъ дѣвушки, согласно обычаю, налагаетъ на виновнаго обязанность вознаградить родителей за ея безчестіе уплатой половины цора, причемъ платежъ этотъ не устраняетъ для жениха необходимости внести полностью и всего начулаша. Такимъ образомъ, похитителю невѣста обходится значительно дороже. Къ уводу невѣсты сванеты прибѣгаютъ лишь когда не имѣютъ возможности заключить брака инымъ путемъ, въ виду рѣшительнаго отпора со стороны родителей невѣсты. Последняя обыкновенно заранее знаетъ объ уводѣ и даетъ на него свое согласіе. Случаевъ, когда бы у похитителя отобраана была уведенная имъ дѣвушка, сванеты не помнятъ. Похищенная, какъ общее правило, становится женою похитителя.

Если въ наше время умычка невѣстъ далеко не является въ Сванетіи чѣмъ-то обычнымъ, то не такъ было десятки лѣтъ назадъ. Правда, въ Княжеской Сванетіи и до русскаго владычества семьѣ Дадешкеліани удалось сократить значительно число похищеній, благодаря установленному ею порядку штрафованія виновныхъ въ собственную пользу.¹⁾ Зато въ Вольной Сванетіи, при неограниченномъ господствѣ самосуда, обычай умыкать невѣстъ не изъ однихъ лишь сосѣднихъ сопелей, но также изъ Лечхума, Рачи и Осетіи, являлся весьма распространеннымъ. Ближайшей причиной тому была долго державшаяся въ Сванетіи практика убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ мальчиковъ. Сами сванеты довольно ясно сознаютъ ту тѣсную связь, въ которой оба обычая — похищенія невѣстъ и женскаго дѣтубійства — стоятъ между собою. „Въ калъскомъ обществѣ, — говоритъ полковникъ Бартоломей, посѣтившій Сванетію лѣтомъ 1854 года, — жители показывали мнѣ дѣвочекъ, хвастаясь, что оставили ихъ живыми по совѣту пристава Микеладзе. Не будетъ

¹⁾ Баградзе, въ своемъ описаніи Сванетіи, составленномъ въ 1861 году, прямо утверждаетъ, что обычай похищать дѣвушекъ выведенъ въ Княжеской Сванетіи, благодаря стараніямъ Дадешкеліани (Зап. Кавк. Геогр. Общ., 1861, кн. VI, стр. 42).

надобности, — присовокупляли они, — нашимъ сыновьямъ покупать или красть себѣ женъ за горами“¹⁾.

Большая распространенность женскаго дѣтубійства у разноплеменнѣйшихъ народовъ земного шара даетъ поводъ искать объясненія ему въ какихъ-либо общихъ причинахъ. Англійскіе этнографы, съ Макъ-Ленаномъ во главѣ, обыкновенно выставляютъ такими причинами, во-первыхъ, опасность, которой грозитъ женщина родившему ее семейству, какъ постоянное яблоко раздора съ сосѣдями, и, во-вторыхъ, негодность ея служить ближайшей задачѣ древнѣйшихъ сообществъ, а именно — вѣншней обороны.

Если и признать даже вполне основательными оба выставленные мотива, все же мы не въ правѣ упустить изъ виду и противоположныхъ имъ соображеній, нерѣдко побуждающихъ сообщество дорожить присутствіемъ женщинъ въ его средѣ. Такъ, мы не должны забывать, что женщина, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, является, по преимуществу, рабочей силою, гораздо болѣе мужчины, всецѣло поглощеннаго цѣлями обороны; даѣе, что продажа дѣвушки въ чужой дворъ доставляетъ нерѣдко вскормившей ее семьѣ доходъ, не только окупающій, но и въ нѣсколько разъ превосходящій сдѣланныя на нее затраты; что, наконецъ, она — живая связь между семьями; что имѣть много дочерей — лучшее средство породниться со многими дворами и пріобрѣсть въ нихъ поддержку и защиту противъ общихъ враговъ. Вотъ почему убійство родителями младенцевъ женскаго пола далеко не является столь всеобщимъ, какимъ признавалъ его, напримѣръ, Макъ-Ленанъ; вотъ почему оно встрѣчается бокомъ-бокъ съ убійствомъ мальчиковъ не какъ нѣчто прочно установленное обычаемъ, а какъ результатъ временнаго недостатка средствъ къ поддержанію жизни подрастающихъ поколѣній. Такой именно характеръ носить оно въ средѣ нѣкоторыхъ горскихъ племенъ Кавказа и, въ частности, у южныхъ осетинъ или туальцевъ, у которыхъ, по показаніямъ ихъ духовниковъ, въ голодные годы и теперь еще можно встрѣтить случаи, когда родители оставляютъ безъ пищи новорожденныхъ, одинаково мальчиковъ и дѣвочекъ, чаще, однако, послѣднихъ.

Даѣе, данныя сванетскаго быта убѣждаютъ насъ въ томъ, что на-ряду съ общими причинами убійства дѣвочекъ, указанными Макъ-Ленаномъ, могутъ быть приведены и болѣе частныя.

При разспросѣ стариковъ, мы остановились на дѣтубійствѣ

¹⁾ Зап. Кавк. Геогр. Об., 1855, кн. III, стр. 160.

съ особеннымъ вниманіемъ и пытались добиться отъ нихъ самихъ объясненія ближайшихъ причинъ этого явленія. Въ числѣ мотивовъ, приводимыхъ стариками, были и такіе, какихъ не имѣютъ въ виду этнографы. Въ Княжеской Сванетіи и, въ частности, въ бечойскомъ обществѣ право князей продавать крестьянскихъ дочерей въ рабство признаваемо было стариками ближайшей причиной, по которой родители предпочитали въ старые годы убивать своихъ новорожденныхъ. Къ чему же было вскармливать и воспитывать дѣвочекъ, говорили они намъ, когда князь въ правѣ былъ ежечасно отнять ихъ у родныхъ, когда ожидавшая дѣвушку судьба—было состояніе безправной рабыни („анантѣ“) нерѣдко у невѣрныхъ, по ту сторону горъ, у татаръ или кабардинцевъ? Вотъ объясненіе, надъ которымъ пока не задумывался ни одинъ этнографъ, и которое, какъ намъ кажется, приложимо къ быту не однихъ сванетовъ. Продажа взрослыхъ дѣвушекъ ихъ владѣльцами—вѣроятный источникъ средневѣковаго *droit de mariage* или принудительной отдачи въ супружество феодальнымъ сеньоромъ, — явленіе настолько распространенное при господствѣ рабства и крѣпостничества, что совершенно упускать его изъ виду при объясненіи такихъ обычаевъ, какъ женское дѣтоубійство, является далеко немаловажнымъ упущеніемъ. Я не былъ бы пораженъ тѣмъ, еслибы, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что у многихъ народовъ древности и среднихъ вѣковъ непосредственнымъ источникомъ дѣтоубійства было названное право помѣщиковъ продавать крестьянскихъ дочерей на чужбину, разлучая ихъ съ семьями и побуждая, тѣмъ самымъ, родителей не дорожить своимъ женскимъ потомствомъ. Тогда какъ населеніе Княжеской Сванетіи, дававшее намъ показанія, обыкновенно сваливало на князей отвѣтственность за господство нехорошаго уже, въ ихъ глазахъ, обычая, въ Вольной—въ оправданіе себя приводили затруднительность въ доставленіи пищи возрастающему населенію и, кромѣ того, нежеланіе уменьшать достояніе семьи дачей придаваго, уносимаго дочерьми во дворъ ихъ мужей. Поверхностнаго даже знакомства съ физическими и климатическими условіями страны вполне достаточно для убѣжденія въ томъ, что ограниченность средствъ къ пропитанію—ближайшая причина, по которой сванеты считаютъ нужнымъ принимать мѣры къ ограниченію роста населенія. Этими условіями объясняется, почему сванеты предотвращаютъ самое появленіе на свѣтъ незаконнорожденныхъ съ помощью абортивныхъ средствъ. Въ нихъ же лежитъ ключъ къ пониманію и тѣхъ основаній, по которымъ, не имѣя возможности доставить содержаніе подростающему поко-

лѣнію мужчинъ и женщинъ, они дѣлали выборъ между полами, убивая дѣвочекъ. Предпочтеніе, оказываемое въ этомъ случаѣ мальчикамъ, легко объясняется, если вспомнить, что, при господствѣ родовыхъ отношеній, продолжателемъ породы считается сынъ, а не дочь, что первенствующая цѣль всякаго сообщества — оборона его отъ сосѣдей — всецѣло осуществляется одними мужчинами. Прибавимъ къ этимъ мотивамъ, болѣе или менѣе общаго характера, еще тотъ спеціальнѣйшій, что женщина въ Сванетіи, вмѣсто того, чтобы выходомъ своимъ замужъ принести доходъ семьѣ, скорѣе причиняетъ ей убытки. Это зависитъ отъ незначительности платимаго за нее начулаша, который, какъ мы видѣли, не превосходитъ собою одной, много двухъ сотенъ рублей, а также отъ того, что родители надѣляютъ своихъ дочерей приданнымъ, цѣнность котораго превосходитъ цѣнность полученной за нихъ платы. Намъ неизвѣстенъ источникъ, изъ котораго г. Стояновъ почерпнулъ свое категорическое утвержденіе, что въ Сванетіи „приданого нѣтъ“ ¹⁾. Последнее уплачивается родителями непременно, но особаго термина для его обозначенія не существуетъ на сванетскомъ языкѣ, и оно извѣстно въ народѣ подъ грузинскимъ наименованіемъ. Обстоятельство это только свидѣтельствуетъ о сравнительно позднемъ появленіи у сванетовъ приданаго, что, въ свою очередь, подтверждается еще тѣмъ, что рядомъ съ нимъ продолжаетъ держаться и начулашъ, или плата за невѣсту. Въ составъ приданаго входятъ тѣ самые предметы, которые русскіе крестьяне обыкновенно даютъ дочерямъ при отдачѣ ихъ въ замужество: одежда, украшенія, домашняя утварь. Одежда готовится родителями не только для невѣсты, но и для будущаго ея супруга. Изъ украшеній всякая, сколько-нибудь зажиточная, семья непременно надѣлитъ свою дочь серебрянымъ нагрудникомъ и серьгами. Мѣдные чаны, служащіе для приготовленія пищи и представляющіе въ Сванетіи одинъ изъ главнѣйшихъ видовъ цѣнностей, также весьма часто попадаютъ въ числѣ предметовъ, приносимыхъ молодою женою въ дворъ ея мужа. Далѣе, въ приданое нерѣдко идетъ скотъ: бараны, лошадь, коровы. Земля, какъ и у русскихъ крестьянъ, не дается за невѣстой; она — собственность двора и не должна поэтому выходить изъ его рукъ. Старики опредѣляли намъ цѣнность приданаго приблизительно въ 100, 200 рублей. Дворянскія, или азнаурскія, семьи увеличивали размѣръ его въ два раза, одаря дочь вещами и скотомъ на сумму отъ 200 до 400 рублей. Вмѣстѣ съ при-

¹⁾ Зап., кн. X, вып. 2, 1876, стр. 434.

данымъ жена привозила съ собою въ домъ мужа еще угощеніе для его родни: столько хлѣбовъ, сколько можетъ быть доставлено на двухъ быкахъ, и столько же воды. Это еще болѣе увеличивало размѣръ затратъ, дѣлаемыхъ семьею невѣсты, и укореняло въ средѣ сванетовъ взглядъ, что дочь скорѣе уносить, нежели приносить собою достатокъ тому двору, въ которомъ она родилась; а такая увѣренность должна была только укрѣплять ихъ въ разъ сдѣланномъ ими выборѣ между полами и, слѣдовательно, косвенно поддерживать практику дѣтоубійства дѣвочекъ. Съ теченіемъ времени въ народѣ составилось даже суевѣрное представленіе, что за всякую убитую родителями дѣвочку небо посылаетъ мальчика, — представленіе, еще живо державшееся во время посѣщенія страны г. Баградзе. „Сванеты, — говоритъ грузинскій путешественникъ, — убѣждены въ томъ, что убійство дѣвочки вознаграждается рожденіемъ сына“ ¹⁾). О самомъ способѣ умерщвленія сванетами новорожденныхъ имѣется не вполнѣ точное представленіе. Уже Бартоломей указываетъ на то, что младенцамъ вовсе не засыпаютъ рта горячей золой, а морятъ ихъ голодомъ, не допуская къ груди. Это тотъ самый способъ, который былъ въ наибольшемъ распространеніи и въ древности, въ частности въ Римѣ, гдѣ отъ выбора мужа зависѣло допустить или не допустить новорожденного къ груди его матери. Г. Стояновъ перечисляетъ, впрочемъ, еще и другіе способы умерщвленія: младенцу кладутъ камень на животъ, или душатъ за горло, или насыпаютъ въ ротъ поташу ²⁾). О послѣднемъ доводилось слышать и намъ, впрочемъ, въ одной лишь Вольной Сванетіи и, притомъ, какъ о способѣ, практиковавшемся сравнительно рѣдко.

Послѣ этого неизбежнаго уклоненія въ сторону, возвращаемся къ дальнѣйшей передачѣ характерныхъ особенностей брачнаго права сванетовъ. Изъ того обстоятельства, что браки заключаются у сванетовъ покупкою невѣсты, а иногда, хотя и рѣдко, похищеніемъ ея, еще не слѣдуетъ, что бракъ считается правильно заключеннымъ помимо совершенія обряда вѣнчанія. Мы сказали уже, что послѣдній необходимъ для понятія „*justae nuptiae*“, что вѣнчанная женщина одна признается женою и пользуется юридическими правами жены. Обрядъ вѣнчанія совершался поэтому въ Сванетіи задолго до того времени, когда обществу распространенія православія на Кавказѣ удалось завести въ сопляхъ священниковъ, рукоположенныхъ мѣстнымъ епископомъ.

¹⁾ Записки Кавк. Отд. Географ. Общ., кн. VI. 1861, стр. 42.

²⁾ Стр. 435.

Вербовавшіеся изъ народа туземные священники, „папи“, въ теченіе столѣтій вѣнчали по грузинско-православному обряду, читая наизусть непонятныя имъ самимъ молитвы. Женихъ и невѣста стояли въ церкви одинъ возлѣ другого, имѣя на головѣхъ ситцевыя шапочки—слабое подобіе вѣнцовъ; полы платьевъ ихъ были пришиты одна къ другой, что символически выражало крѣпость тѣхъ узъ, которыя должны были связывать ихъ въ будущемъ. Три раза папъ переносилъ вѣнецъ съ головы жениха на голову невѣсты. Передъ завершеніемъ обряда брачующіеся должны были поцѣловаться.

За вѣнчаніемъ слѣдуетъ празднованіе свадьбы въ домѣ жениха. Молодая является въ него, закрывъ лицо покрываломъ. При переходѣ черезъ порогъ покрывало должно быть поднято. Ближайшіе родственники мужа ждутъ молодую за дверьми, держа въ рукахъ чашу съ пшеничною мукой — символъ изобилія и матеріальнаго довольства. Болѣе отдаленные родственники обнажаютъ свои кинжалы надъ ея головою, думая отвратить тѣмъ дѣйствіе нечистой силы, невидимыхъ злыхъ духовъ, которые вмѣстѣ съ нею желали бы проникнуть во дворъ. Принявши чашу въ свои руки, невѣста медленно обходитъ съ нею три раза стѣны жилья, послѣ чего ее подводятъ къ сосуду съ медомъ, въ который она обмакиваетъ палецъ, поднося его затѣмъ къ своимъ губамъ, — знакъ счастья и радости, которыя ждутъ ее въ новой семьѣ. Во все это время вокругъ молодой не смолкаютъ звуки пѣсни, извѣстной подъ названіемъ „корцилоба“; отдѣльныя слова ея болѣе непонятны сванетамъ, но они продолжаютъ думать, что въ нихъ заключается пожеланіе счастья и благоденствія ¹⁾. Свадьба, какъ и всякое радостное событіе въ жизни горца, не обходится безъ стрѣльбы изъ ружей и пистолетовъ; время отъ времени за стѣнами сакли раздаются звуки выстрѣловъ, дѣлаемыхъ роднею ноборачной. Торжество заканчивается пиромъ, который нерѣдко продолжается и на слѣдующій день, пока свита невѣсты не уничтожитъ вмѣстѣ съ родней жениха всего заготовленнаго угощенія. Молодая, обратно тому, что доселѣ практикуется по ту сторону горъ у татаръ и у горцевъ, т.-е. омусульманившихся осетинъ, остается въ семьѣ мужа; родственники же ея возвращаются къ себѣ на второй или третій день послѣ свадьбы. Въ утро, слѣдующее за первой брачною ночью, мужъ не дѣлаетъ женѣ никакихъ подарковъ. Такъ-называемый утренній даръ или

¹⁾ Слова этой пѣсни записаны нами; вотъ они: „Беди яртъ окумаръ джа, я и га, кварци де дупалсъ, я и га, арды огморжасъ“.

„morgengabe“, съ существованіемъ котораго мы знакомы по преимуществу изъ германскихъ народныхъ „правдъ“, но который попадаетъ въ обычномъ правѣ и у другихъ народовъ, въ томъ числѣ у кумыковъ, неизвѣстенъ сванетамъ; вѣрнѣе сказать, они откладываютъ производство его до времени, когда жена подаритъ мужа рожденіемъ сына. Послѣ перваго ребенка, говоритъ г. Стояновъ, мужъ даетъ женѣ покрывало и повязку ¹⁾. Первая брачная ночь вообще не имѣетъ въ быту сванетовъ того значенія, какое связываетъ съ нею обычное право большинства арійскихъ народовъ. Извѣстно, что въ Малороссіи, напримѣръ, начало брачному сожителству кладется еще въ то время, когда гости продолжаютъ пировать за столомъ, что послѣдніе какъ бы считаютъ себя въ правѣ быть оповѣщенными объ этомъ, и это обстоятельство даетъ имъ возможность приступить къ публичному опозориванію новобрачной каждый разъ, когда возникнетъ подозрѣніе въ ея цѣломудріи. Ничего подобнаго сванеты не знаютъ. Никакого общественнаго контроля молодая чета не признаетъ за собою; новобрачная отвѣтственна только передъ мужемъ, который, въ свою очередь, тщательно скрываетъ отъ всѣхъ подчасъ постигающее его несчастье, считая оглашеніе таковаго факта позоромъ для своей чести.

Приступая къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній супруговъ, мы должны прежде всего сказать нѣсколько словъ о томъ, каково вообще народное воззрѣніе на женщину, такъ какъ первое, очевидно, значительно обусловливается послѣднимъ. Уже изъ нѣкоторыхъ чертъ описаннаго нами свадебнаго ритуала наглядно выступаетъ взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое: съ женою входятъ въ домъ мужа злые духи, противъ которыхъ его родные и обнажаютъ винжалы, держа ихъ надъ самой головой неvěсты ²⁾. То же воззрѣніе еще рѣзче проглядываетъ въ

¹⁾ Стр. 437.

²⁾ Обрядъ этотъ, повидимому, не составляетъ особенности однихъ сванетовъ и довольно распространенъ въ средѣ и другихъ туземныхъ народностей кутаисской губерніи. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, на этотъ счетъ о жителяхъ шаропанскаго уѣзда медико-топографическое описаніе, составленное въ 1865 г. мѣстнымъ лекаремъ. „Въ церкви шаферъ кладетъ подъ ноги молодымъ свою обнаженную пашку. По окончаніи обряда вѣнчанія, при выходѣ изъ церкви, шаферъ, стоя у дверей, держитъ пашку надъ головою новобрачныхъ; подъ этой пашкой они должны пройти. По возвращеніи домой, при входѣ въ комнату новобрачныхъ, шаферъ повторяетъ тѣ же дѣйствія пашкою; въ заключеніе онъ входитъ въ комнату и слегка ударяетъ пашкою крестообразно по сторонамъ и угламъ. Все это шаферъ дѣлаетъ для того, чтобъ положить основаніе будущему счастью молодыхъ, разстроивъ замыслы злого духа“ (Медико-топографическое описаніе кутаисской губерніи, предпринятое по

рѣшительномъ запрещеніи женщинамъ входить въ церковь, за исключеніемъ одного только дня въ ихъ жизни—дня вѣнчанія. Такое же запрещеніе существуетъ и у пшавовъ, т.-е. въ средѣ несомнѣнныхъ грузинъ, одичавшихъ, правда, въ своихъ горахъ, но не утратившихъ общаго съ жителями долинъ языка. По словамъ г. Бакрадзе, сванеты считаютъ церковь оскверненной, если въ нее войдетъ женщина. Сванетка, —прибавляетъ онъ,—сама знаетъ, что нечиста и что образъ не вынесетъ ея присутствія ¹⁾. Во время родовъ, говоритъ г. Стояновъ, нельзя прикасаться къ родильницѣ, а также въ теченіе 40 дней спустя, пока папъ не окропитъ нечистую священной водой. Съ наступленіемъ кровотеченія женщина должна уйти изъ дому и поселиться въ какой-нибудь пустой избушкѣ ²⁾. Въ основѣ такого воззрѣнія лежитъ, можетъ быть, превратное толкованіе религіознаго взгляда на женщину, какъ на ближайшую виновницу грѣхопаденія. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ взглядѣ на женщину, какъ на существо нечистое, нельзя видѣть отраженія приниженности ея положенія въ семьѣ, такъ какъ о послѣднемъ не можетъ быть и рѣчи.

По сравненію съ другими горскими племенами Кавказа, сванеты признаютъ за женщиной значительную долю самостоятельности. У татаръ и осетинъ вся работа, какъ домашняя, такъ и полевая, производится исключительно ею; не такъ у сванетовъ, у которыхъ женщина пользуется гораздо бѣльшимъ досугомъ. Относительная рѣдкость женщинъ и вытекающая для нихъ отсюда легкость найти сожителя и въ случаѣ развода—причина тому, что въ Сванетіи отношенія мужей къ женамъ довольно мягки. Никогда мужъ не имѣлъ здѣсь права на жизнь своей жены. Убіенство даже уличенной въ невѣрности супруги всегда признавалось дѣйствіемъ, вызывающимъ за собой кровную месть со стороны ея родственниковъ ³⁾. Послѣдствіемъ измѣны жены бываетъ обыкновенно разводъ. Мужъ выгоняетъ жену изъ своего дома, и такъ какъ вина на ея сторонѣ, то онъ не только не обязанъ платить что-либо ея родственникамъ за безчестье, но въ правѣ даже потребовать отъ нихъ возвращенія ему „начулаша“. На вопросъ о томъ, въ правѣ ли мужъ наказывать жену тѣлесно, старики обыкновенно отвѣчали, что бываютъ случаи, когда мужъ и побьетъ

иниціативъ доктора Струве и хранящееся въ рукописи при открытомъ недавно въ Кутаисѣ губернскомъ статистическомъ комитетѣ).

¹⁾ Стр. 46.

²⁾ Стр. 435.

³⁾ Обольстителю, —говоритъ г. Стояновъ,—мстять, но преступной женѣ не дѣлаютъ никакого зла (437 стр.).

жену, но что послѣднее не особенно часто. Въ томъ обстоятельствѣ, что мужъ конфузится, когда его застанутъ въ одной комнатѣ съ женой, или что пить за ея здоровье въ его присутствіи, а также спрашивать о ней въ присутствіи постороннихъ считается неприличнымъ, мы не можемъ, подобно г. Стоянову, видѣть доказательство суровости, съ которой мужъ обходится съ женой. Тѣ же черты могутъ быть отмѣчены въ бытѣ сосѣднихъ съ сванетами горскихъ татаръ, — бытѣ, основу котораго составляетъ магометанство и восточное затворничество женщинъ, и который, въ этомъ отношеніи, наложилъ свою печать и на сванетскіе обычаи. Г. Бартоломей правъ, утверждая, что въ Мести (прибавимъ отъ себя, — не въ одномъ этомъ обществѣ, но также въ Муллахъ и Бечо, т.-е. въ ближайшихъ къ переваламъ обществахъ) сосѣдство мусульманскихъ племенъ отражается нѣсколько на нравахъ жителей, въ которыхъ выступаютъ уже нѣкоторыя черты исламизма ¹⁾.

Относительная самостоятельность замужнихъ женщинъ въ Сванетіи сказывается всего нагляднѣе въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ. Жена удерживаетъ исполнѣ право собственности на приданое; безъ ея согласія ни одна часть послѣдняго не можетъ подвергнуться отчужденію. Если въ составъ его входитъ земля, то мужъ подвергаетъ ее эксплуатаціи не иначе, какъ съ предварительнаго уговора съ женой. Онъ — не болѣе какъ управляющій ея имѣніемъ, а отнюдь не свободный распорядитель женинымъ имуществомъ. Право собственности жены на принесенное ею приданое сказывается во всей его силѣ въ моментъ прекращенія брака въ силу развода, виновникомъ котораго является мужъ. Вопреки каноническимъ запрещеніямъ, обычай сванетовъ не считаетъ брака чѣмъ-то нерасторжимымъ. Разводы, названіе которымъ „лицевре“, имѣютъ мѣсто, какъ по волѣ мужа, такъ и по волѣ жены. Въ первомъ случаѣ мужъ обязанъ вернуть приданое и, сверхъ того, сдѣлать родственникамъ жены особый платежъ въ вознагражденіе за наносимое имъ безчестіе. Размѣръ его обыкновенно равняется половинѣ цора. При оставленіи же мужа женою, родственники послѣдней производятъ таковой же взносъ обезпеченному супругу, возвращая ему въ то же время уплаченный имъ начулашъ; жена же, и въ этомъ случаѣ, сохраняетъ полное право собственности на свое приданое. Съ прекращеніемъ брака смертью мужа, вдова, не наследуя ему, въ правѣ остаться при дѣтяхъ во дворѣ покойнаго и нерѣдко за-

¹⁾ Стр. 193.

нимаетъ въ немъ положеніе большухи, т.-е. главной хозяйки; бездѣтная, какъ общее правило, возвращается въ ту семью, изъ которой вышла, и остается въ ней до момента вступленія въ новый бракъ. Послѣ всего сказаннаго ясно, что о безправіи женъ въ Сванетіи не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, замужняя женщина пользуется у сванетовъ значительной самостоятельностью какъ въ сферѣ личныхъ, такъ и въ сферѣ имущественныхъ отношеній.

Но какъ примирить все это съ тѣми ограниченіями ея правоспособности, которыя такъ наглядно выступаютъ въ запрещеніи ей всякаго свидѣтельства на судѣ ¹⁾. Излагая характерныя особенности сванетскаго процесса, мы имѣли уже случай замѣтить, что, благодаря господству доселѣ въ бытѣ народа началъ родового самосуда, показаніе, дѣлаемое на судѣ постороннимъ лицомъ, иначе говоря, свидѣтельское, получило сравнительно слабое развитіе. Такъ какъ всякій причиненный вредъ даетъ пострадавшему право на возмездіе, то кровная месть, или замѣняющій его цоръ, необходимо грозитъ свидѣтелю со стороны той семьи, противъ которой направлено его свидѣтельство. При такихъ условіяхъ понятна причина, по которой женщина лишена права свидѣтельствовать; дать ей это право—значило бы открыть новый источникъ для враждебныхъ столкновеній между родами и семьями. Не имѣя права быть свидѣтельницей, женщина не можетъ также быть и соприсяжникомъ. Причина тому опять-таки на-лицо: это—опасеніе внутренняго разлада въ средѣ рода и составляющихъ его дворовъ, разлада, неизбежнаго въ томъ случаѣ, если женщина пріобрѣтетъ своими показаніями приносить ущербъ интересамъ того или другого изъ родственниковъ ея мужа. Что въ упомянутомъ запрещеніи не слѣдуетъ видѣть доказательство приниженнаго положенія женщины, въ этомъ легко убѣдиться хотя бы изъ того, что сванеты допускаютъ женщинъ въ болѣе широкой степени, чѣмъ другія народности Кавказа, къ роли посредниковъ на судѣ, а подѣ-часть и выслушиваютъ ихъ на своихъ сходкахъ. Что касается общественнаго положенія женщины, то необходимо замѣтить ту подробность, что женщина въ Сванетіи часто служитъ тому высокому назначенію, какое приписывали ей древніе германцы и, въ частности, англо-саксы, называя ее *Fridowebe*, „ткущей миръ“, иначе—примиряющей между собою роды. По вѣрному замѣчанію г. Стоянова, женщины нерѣдко останавливали въ Сванетіи кровавыя схватки. Кровники,

¹⁾ Объ этомъ запрещеніи упоминаетъ и г. Бакрадзе, стр. 46.

преслѣдуемый семьею убитаго, находилъ у нихъ убѣжище, и одного прикосновенія ихъ къ нему достаточно было для того, чтобы на время спасти его отъ пули; точно также раненый, разъ принятый женщиной на ея попеченіе, пропускался безпрепятственно сквозь строй враждующихъ съ его семьею враговъ ¹⁾. Голосъ женщины не разъ раздавался въ пользу мира и на народныхъ собраніяхъ. Не созываемыя на нихъ формально, женщины, при нѣкоторой энергіи и настойчивости, могли добиться того, чтобы быть услышанными; совѣтъ ихъ нерѣдко принималъ быть цѣлымъ сходомъ, который поставлялъ свое рѣшеніе, согласно данному женщиной совѣту. Бытовые отношенія, въ родѣ излагаемыхъ нами, съ трудомъ подходятъ подъ какую-либо юридическую квалификацію. Нельзя сказать, что въ Сванетіи женщина имѣетъ право голоса на сходахъ, но нельзя также отрицать и того, что фактически она нерѣдко пользуется имъ.

Переходя отъ брачнаго права къ характеристикѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній родителей и дѣтей, намъ придется припомнить многое изъ сказаннаго выше. Очевидно, что право родителей убивать новорожденныхъ краснорѣчиво говорить о томъ, какъ велика власть ихъ надъ дѣтьми. Отецъ остается рѣшителемъ судебъ дѣтей и по достиженіи ими половой зрѣлости, съ которой, по обычаю, и начинается совершеннолѣтіе. Отецъ женить сына и выдаетъ замужъ дочь, не спрашивая о ихъ согласіи. Брачные договоры заключаютъ, какъ мы уже сказали, въ то время, когда будущіе супруги лежатъ еще въ пеленкахъ, и строго соблюдаются родителями подъ страхомъ кровнаго возмездія. Шестнадцати- или восемнадцати-лѣтній юноша вступаетъ въ бракъ съ дѣвушкой приблизительно того же возраста, почти не зная ея, едва обмѣнявшись съ нею парюю словъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, потому что такова воля его родителей, которые и не думаютъ спросить его о томъ, каковъ бы былъ его личный выборъ. Столь же безправнымъ является положеніе дѣтей и въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Отъ воли отца зависитъ выдѣлять женатаго сына или не выдѣлять его вовсе; въ послѣднемъ случаѣ сынъ продолжаетъ жить въ родительскомъ дворѣ, отдавая, по прежнему, въ пользу послѣдняго всѣ свои заработки. Требовать выдѣла сынъ не въ правѣ; только въ случаѣ смерти отца и перехода двора въ завѣдываніе старшаго брата, осталь-

¹⁾ Стр. 435.

ные могутъ требовать раздѣла и надѣленія cadaго своей частью. Доля въ наслѣдствѣ отца принадлежитъ, разумѣется, однимъ сыновьямъ; дочери, кромѣ приданого, ничего не получаютъ. Отецъ въ правѣ лишить наслѣдства неповорнаго ему сына, отнять у него преимущества первородства. Примѣръ тому недавно еще представленъ былъ семьею Дадешкеліани, въ которой отецъ теперешнихъ бечойскихъ князей за женитьбу на мусульманкѣ лишенъ былъ права первородства по рѣшенію главы рода. Отсутствіе завѣщаній служить, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣтямъ достаточной гарантіей перехода семейнаго имущества со смертію родителя въ ихъ руки. Послѣдній, правда, въ правѣ раздарить его при жизни, но только въ пользу церкви и ея учреждений; при слабой религіозности сванетовъ не удивительно, если этимъ правомъ они никогда не пользуются фактически и если поэтому, какъ общее правило, имущество, за исключеніемъ случаевъ разоренія, не выходитъ изъ рукъ семьи, переходя въ ней отъ поколѣнія къ поколѣнію. Другой способъ обхода отцомъ правъ законныхъ наслѣдниковъ — усыновленіе — также закрытъ сванетамъ. По обычаю, усыновителемъ можетъ быть только бездѣтный, а усыновляемымъ — непременно родственникъ. Въ свою очередь, молочное родство не даетъ никакихъ правъ на наслѣдство, а признается только препятствіемъ къ заключенію брака. — Такимъ образомъ, фактически дѣти или, точнѣе, сыновья обезпечены въ полученіи наслѣдства отъ родителей. Опека и попечительство надъ ними до ихъ совершеннолѣтія принадлежатъ тому изъ родственниковъ, который стоитъ во главѣ двора и завѣдуетъ его имуществомъ. *Tutela dativa*, выражаясь языкомъ римскихъ юристовъ, сванетамъ неизвѣстна.

Въ связи съ сказаннымъ о семейномъ бытѣ сванетовъ, мы считаемъ удобнымъ изложить и нѣкоторыя характерныя особенности ихъ наслѣдственного права. Послѣднее, какъ хорошо извѣстно, повсюду является отраженіемъ общественнаго склада. Неудивительно поэтому, что въ Сванетіи, гдѣ основу быта составляетъ семейная община, не встрѣчается, строго говоря, того, что на языкѣ цивилистовъ извѣстно подъ „открытіемъ наслѣдства“ (*delatio haereditatis*). Собственность неизмѣнно принадлежитъ одному и тому же субъекту — семьѣ.

Смерть ея главы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ только перемѣну въ лицѣ, завѣдующемъ семейнымъ имуществомъ, отнюдь не переходъ самой собственности изъ однихъ рукъ въ другія. Перемѣна, о которой идетъ рѣчь, можетъ воспослѣдовать, впрочемъ, и помимо чьей-либо кончины, въ силу приговора семейнаго со-

вѣта, переносящаго права хозяина на младшаго по возрасту члена, какъ болѣе другихъ способнаго. Только въ тѣхъ, все болѣе и болѣе возрастающихъ въ числѣ малыхъ семьяхъ, основа которымъ положена была семейными раздѣлами, фактически можетъ возникнуть вопросъ о порядкѣ наслѣдованія или, что равнозначительно въ данномъ случаѣ, о томъ, на какихъ началахъ и кому долженъ быть произведенъ выдѣлъ отдѣльныхъ долей общаго всѣмъ имущества. Особенности семейнаго права сванетовъ въ этомъ случаѣ сказываются въ совершенномъ устраненіи женщинъ отъ раздѣла и въ допущеніи къ нему одной мужской линіи. Ближайшая линія не устраняетъ собою вполнѣ дальнѣйшей, такъ какъ сванетамъ, не въ примѣръ ихъ сосѣдямъ—горскимъ татарамъ, извѣстно право представительства по наслѣдству, въ силу котораго племянники—дѣти умершаго сына—получаютъ совмѣстно ту часть, которая, при жизни ихъ отца, составила бы его долю. Раздѣлъ семейнаго достоянія не можетъ быть названъ равнымъ потому, что старшему сыну, если онъ только не былъ выдѣленъ отцомъ при жизни, дается нѣкоторый прибавокъ. Подобный осетинскому „хестагъ“—прибавокъ старшаго брата обыкновенно состоитъ изъ лучшей головы скота: вола, лошади или коровы. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, впрочемъ, мы встрѣчаемъ и надѣленіе его, не въ примѣръ прочимъ братьямъ, добавочнымъ надѣломъ. Такимъ обыкновенно является участокъ земли, не больше того, какой можетъ быть обработанъ парой быковъ въ теченіе одного рабочаго дня или даже половины его, иначе говоря—цѣлый налжомъ земли или часть его. На этотъ придатокъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на зародышъ того права первородства, которое, въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, извѣстно въ Сванетіи только въ княжеской средѣ, между членами семейства Дадешкеліани. Любопытно при этомъ то, что въ сванетскихъ обычаяхъ одинъ изъ источниковъ развитія права первородства, а именно, преимущественное участіе старшаго сына въ накопленіи семейнаго имущества, сказывается еще съ полной наглядностью: перворожденный получаетъ „ргасиритъ“ только тогда, если не былъ выдѣленъ отцомъ при жизни, а слѣдовательно, сохранилъ до его кончины возможность содѣйствовать своимъ трудомъ матеріальному обогащенію семьи ¹⁾).

При отсутствіи прямыхъ нисходящихъ, собственность семьи возвращается къ тому источнику, изъ котораго она вышла. Ее наслѣ-

¹⁾ Болѣе подробно этотъ взглядъ развитъ въ статьѣ, озаглавленной: „Архаическія черты въ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ Осетинъ“ (Юридическій Вѣстникъ, июль и июль 1886 года).

дуетъ не ближайшій изъ боковыхъ агнатовъ покойнаго, еще менѣе его когнаты; она принадлежитъ по праву всему роду покойнаго, всѣмъ его однофамильцамъ, сколько бы дворовъ послѣдніе ни занимали. Въ прежнее время князья, подобно средневѣковымъ феодаламъ, имѣли, предпочтительно передъ родственниками, право наследовать въ имуществѣ лица, не оставившаго по себѣ нисходящихъ мужескаго пола. Право это, разумѣется, въ настоящее время болѣе не признается; оно исчезло навсегда вмѣстѣ съ другими проявленіями земельной зависимости крѣпостного права.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ самъ собой обрисовывается тотъ складъ имущественныхъ правъ, какой признается и гарантируется сванетскимъ обычаемъ. Это—не общинная собственность, совладѣльцами которой были бы всѣ дворы одного и того же селенія или сопеля, еще менѣе—частная собственность, субъектомъ которой являлось бы опредѣленное лицо, надѣленное, по отношенію къ ней, правомъ владѣть, пользоваться и распоряжаться; это—собственность дворовая, распоряженіе которой принадлежитъ всей совокупности населяющихъ дворъ лицъ или семействъ. Одно лишь завѣдываніе ею поручается опредѣленному лицу, такъ называемому „махвши“, въ прежнее время обыкновенно старшему по лѣтамъ, въ настоящее время все чаще и чаще тому, который семейнымъ совѣтомъ (если только можно назвать этимъ именемъ безформенное собраніе лицъ одного двора) будетъ признанъ способнѣйшимъ. Отчужденіе семейнаго имущества производится главой семьи не иначе, какъ съ общаго согласія. Это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что всякой продажѣ предшествуетъ разрѣшающій ее семейный совѣтъ, а въ томъ, что, при протестѣ со стороны домочадцевъ, сдѣланное отчужденіе признается не действительнымъ. Все, приобрѣтенное главою семьи на общія средства послѣдней, поступаетъ въ семейную собственность; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нее падаютъ всецѣло и заключенные имъ долги. Накопленіе личнаго имущества строго воспрещается всѣмъ и каждому изъ членовъ двора, даже тѣмъ, которые временно покидаютъ его, ища заработковъ на чужбинѣ. Приобрѣтенія, сдѣланныя ими на сторонѣ, обязательно поступаютъ въ общую казну, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдняя не въ правѣ уклониться отъ ответственности по всѣмъ взысканіямъ, предъявляемымъ къ нимъ третьими лицами. Въ этомъ отношеніи обычное право сванетовъ представляетъ черты болѣе глубокой древности, чѣмъ то право, къ которому должно быть отнесено примѣняемое доселѣ въ англо-индусскихъ судахъ правило о томъ, что все, приобрѣтенное кѣмъ-либо съ помощью семейнаго капитала, считается достояніемъ

семьи, и наоборотъ, весь тотъ заработокъ, который сдѣланъ будетъ независимо отъ семейнаго капитала, поступаетъ въ личную собственность. Въ силу такого принципа мадрасскій судъ счелъ себя въ правѣ освободить танцовщицу отъ обязательства отдавать свое жалованье въ семейную казну, такъ какъ родственниками ея не было доказано полученіе ею воспитанія на средства ея семьи. Ничего подобнаго не могъ бы сдѣлать сванетскій мировой судья: руководимый въ своихъ рѣшеніяхъ мѣстными обычаями, онъ обязательно долженъ былъ бы признать за семьею право собственности на всѣ личные заработки ея членовъ, безъ всякаго различія мѣста, времени и способа ихъ накопленія. Еще далѣе стоитъ отъ сванетскаго обычая сербскій и вообще юго-славянскій, по которому оставившій семью членъ въ правѣ считать своимъ все, что онъ пріобрѣтетъ. Священникъ или учитель, не живущіе болѣе общемою жизнью съ своимъ дворомъ, но не выдѣленные изъ него формально, обязаны въ Сванетіи дѣлиться съ нимъ своимъ жалованьемъ. Такое обязательство неизвѣстно болѣе южнымъ славянамъ, признающимъ его черезъ-чуръ стѣснительнымъ, вполне парализующимъ личную инициативу. Съ каждымъ годомъ неудобства этого обычая становятся, однако, все болѣе и болѣе ощутительными и для отрѣзанныхъ, повидимому, отъ міра сванетовъ, по мѣрѣ того, какъ изъ среды ихъ, съ возрастающимъ населеніемъ, увеличивается число идущихъ на отхожіе промыслы. Несоотвѣтствіе обычая измѣнившимся условіямъ жизни—одна изъ причинъ увеличившихся въ послѣднее время семейныхъ раздѣловъ. Находя въ общности имущества неодолимую преграду къ увеличенію личныхъ средствъ, сванеты не отступаютъ болѣе передъ мыслію о замѣнѣ ея частною собственностью, совершенно свободно въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ.

Но если общинный принципъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ почву подъ ногами, если, благодаря семейнымъ раздѣламъ, замѣтно возрастаетъ число малыхъ семей въ ущербъ крупнымъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что близокъ моментъ, когда изъ сферы имущественныхъ отношеній сванетовъ совершенно исчезнутъ слѣды архаическаго коммунизма. Процессъ индивидуализаціи коснулся пока одной лишь пахатной и сѣнокосной земли. Что же касается до лѣсовъ и пастбищъ, то, за исключеніемъ небольшого ихъ числа, состоящаго въ рукахъ церквей, въ томъ числѣ такъ называемаго Шальяна, они, какъ общее правило, считаются достояніемъ всѣхъ дворовъ одного и того же сопеля, нерѣдко нѣсколькихъ сопелей или цѣлаго общества. Обиліе ихъ—причина тому, что пользованіе ими не обставлено пока ни-

какими ограниченіями, за исключеніемъ одного: никто не въ правѣ приступить ни къ заимѣ, ни къ борчеванію или очисткѣ подполе части общиннаго имущества, не заручившись напередъ общимъ согласіемъ. Последнее необходимо также для того, чтобы личная заимка сдѣлалась частной собственностью. Нѣтъ этого согласія—никая давность не поможетъ, такъ какъ ея не знаетъ сванетскій обычай, въ этомъ отношеніи вполне архаичный. Понятіе о десятилѣтней давности и о приобрѣтеніи, путемъ ея, права собственности стало проникать въ Сванетію лишь со времени русскаго владычества.

Въ такомъ слабо-развитомъ правѣ, каково сванетское, виды договоровъ не должны быть особенно многочисленны. И дѣйствительно, изъ извѣстныхъ намъ одни вовсе не встрѣчаются, другіе носятъ грузинскія названія—вѣрный признакъ ихъ позднѣйшаго заимствованія. Мѣна, продажа, заемъ—вотъ тѣ три вида договоровъ, которые необходимо встрѣчаются даже при младенческомъ состояніи правового сознанія. Неудивительно поэтому, если каждый изъ нихъ носитъ на языкѣ сванетовъ свое особое наименованіе. Мѣна называется у нихъ „лица-дуналь“; продажа—„ливды“; заемъ—„лимнштекъ“. Регулирующіе эти договоры обычаи отражаютъ на себѣ вполне характерныя особенности общественнаго уклада. При господствѣ дворовой собственности, мѣна и продажа необходимо обставлены извѣстными условіями, неисполненіе которыхъ дѣлаетъ ихъ недѣйствительными. Такими условіями признается если не явное, то молчаливое одобреніе всѣми и каждымъ изъ домохозяевъ того распоряженія, какое старшій во дворѣ, или такъ называемый „махвпш“, дѣлаетъ изъ семейнаго имущества. Когда нѣтъ такого согласія, когда слышится явный протестъ со стороны хотя бы одного изъ совершеннолѣтнихъ членовъ, сдѣлка, уже вполне заключенная, признается недѣйствительной. Мало этого: кровная связь, соединяющая дворъ, изъ котораго сдѣлано отчужденіе съ родственными ему дворами—дворами однофамильцевъ—признается сванетами достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы предоставить и этимъ дворамъ последнее слово въ заключаемой сдѣлкѣ. Такимъ образомъ, имущество семьи продается чужеродцамъ не раньше, какъ послѣ отказа родственниковъ воспользоваться своимъ правомъ предпочтительной покупки. Но вотъ сдѣлка уже заключена; полагаемые обычаемъ обряды исполнены; покупателемъ сдѣлано угощеніе и въ его руки перешла отчуждаемая собственность путемъ символической передачи (напримѣръ, при отчужденіи скота, рога продаваемого животнаго послѣдовательно переходятъ изъ рукъ про-

давца въ руки покупателя), -- а права послѣднiаго на купленное имущество все еще остаются спорными. Родственный дворъ въ правѣ обратить его въ свою собственность простымъ возмѣщенiемъ затраченной на приобрѣтенiе суммы; въ такой же степени, и даже предпочтительно передъ нимъ, можетъ сдѣлать это и пограничный сосѣдъ; первый -- въ силу такъ называемаго родового, второй -- въ силу сосѣдскаго выкупа. Ко всему сказанному прибавимъ еще слѣдующее: не всякое имущество равно доступно отчужденiю. Сванетскiй „махвпш“ и его домочадцы охотнѣе согласятся продать ими самими приобрѣтенное имущество, такъ называемое „намгаб“, нежели собственность, доставшуюся имъ отъ предковъ. Тегга авиатика, земля предковъ, которая у сванетовъ носитъ названiе „саму“, отчуждается ими не иначе, какъ подъ давленiемъ необходимости для взноса „цора“, для покрытiя издержекъ на поминки родственнику, такъ называемый „кончхаръ“, уклониться отъ которыхъ нельзя, такъ какъ съ ними связано благоденствiе покойнаго за гробомъ и честь всего его рода. Случай продажи земли чрезвычайно рѣдки. Далѣе, есть предметы, отчужденiе которыхъ чужеродцу кажется сванету еще менѣе возможнымъ, чѣмъ продажа родовой земли. Несмываемымъ покровомъ покроетъ себя тотъ дворъ, который рѣшится продать цѣпь, на которой виситъ семейный котелъ, или такъ называемую „нача“; эта цѣпь для сванета не менѣе священна, чѣмъ и для осетина; еще болѣе, если отчужденiе коснется того четырехугольнаго металлическаго столика, „керай“, на которомъ сванеты пекутъ свой хлѣбъ. Итальянскiй графъ, согласный продать все, кромѣ полуразрушеннаго замка предковъ, своей фамильной „госса“, легко бы могъ узнать себя въ сванетскомъ крестьянинѣ, отчуждающемъ, въ крайнемъ случаѣ, свои „налжомы“ и набожно хранящимъ, въ то же время, въ своихъ рукахъ четыре спаянныхъ между собою бруска, „керай“ его предковъ ¹⁾. Закончимъ сказанное о договорѣ купли-продажи замѣчанiемъ, что составленiе о немъ письменной записи -- требованiе, неизвѣстное народному праву сванетовъ, которое довольствуется присутствiемъ при его заключенiи неопредѣленнаго числа свидѣтелей.

Въ числѣ договоровъ, искони извѣстныхъ сванетамъ, какъ и любому народу, живущему одинаковыми съ ними формами быта,

¹⁾ О нѣкоторыхъ изъ этихъ „керай“ ходятъ въ Сванетiи цѣлыя сказанiя. Такъ, въ полуразрушенномъ замкѣ бечойскихъ Дадешкелани доселѣ показываютъ тотъ керай, изъ-за владѣнiя которымъ нерѣдко враждовали между собою члены этого семейства. Кто желалъ быть первымъ въ немъ, тотъ непременно долженъ былъ захватить и присвоить себѣ этотъ керай.

надо поставить, какъ мы уже сказали, и договоръ займа, или „липпштекъ“. Объектомъ его служатъ, какъ общее правило, не деньги, которыя еще мало распространены въ средѣ народа, а жизненные припасы и, въ частности, хлѣбъ. Условія, на которыхъ обыкновенно производится заемъ у сванетовъ, крайне неблагоприятны для заемщика: въ концѣ годового срока онъ обязанъ вернуть кредитору, сверхъ занятаго, еще треть его; въ одномъ же обществѣ, именно въ Бечо, не менѣе, какъ половину.

Къ числу древнѣйшихъ видовъ договоровъ у сванетовъ надо отнести также договоръ товарищества — „липаханакъ“ или „липау“, заключавшійся въ прежнее время не столько съ торговыми цѣлями, сколько ради полученія добычи путемъ разбоя. Раздѣлъ послѣдней, какъ и раздѣлъ полученнаго товариществомъ дохода отъ затѣяннаго имъ промышленнаго предпріятія, производился и производится не всегда по-ровну, но также подчасъ и про гата сдѣланныхъ отдѣльными участниками взносовъ.

Имущественный наемъ предшествовалъ у сванетовъ найму личному, почему послѣдній и не находитъ въ ихъ языкѣ, подобно первому, особаго для себя названія, а обозначается грузинскимъ терминомъ „кира“. Обыкновенной формой имущественнаго найма, или „накить“, является половничество, которое на языкѣ сванетовъ именуется двояко: „ленесчеры“ и хынека“. Условія этого вида аренды, принадлежащаго къ числу распространеннѣйшихъ въ мірѣ, приблизительно тѣ же въ Сванетіи, что и повсюду. Арендаторъ получаетъ вознагражденіе частью, обыкновенно половиною, продуктовъ, собираемыхъ съ нанятаго имъ участка. Остатокъ принадлежитъ собственнику земли, который обыкновенно доставляетъ наемщику и сѣмена для посѣва. За исключеніемъ эперскаго общества, гдѣ князья Дадешкелани отдаютъ землю исполу, аренда встрѣчается весьма рѣдко въ Сванетіи. И это потому, что уходъ цѣлаго двора на продолжительное время изъ страны есть явленіе совершенно исключительное.

Дача на сохраненіе, „лильче“, должна быть отнесена также къ числу договоровъ, извѣстныхъ народному праву сванетовъ независимо отъ всякаго заимствованія у грузинъ, доказательствомъ чему служить существованіе въ ихъ языкѣ особаго термина для его обозначенія. Обыкновеннымъ предметомъ этого договора является скотъ, который уходящимъ на заработки людямъ отдается на простой сосѣдямъ или родственникамъ. Приплодъ отъ скота считается собственностью лица, поставившаго скотъ; получаемые отъ скота продукты составляютъ доходъ того, кому онъ сданъ. Изъ сказаннаго ясно, что въ Сванетіи дача на сохраненіе даетъ

лицу, въ пользу котораго она сдѣлана, право извлекать имуще-
ственные выгоды изъ хранимаго имъ предмета.

Личный наемъ, „кира“, и договоръ довѣренности, „векхи-
лоба“, принадлежать повидимому къ числу тѣхъ, съ которыми
сванеты познакомились лишь при посредничествѣ грузинъ; оба
договора носятъ грузинскія названія и не представляютъ ника-
кихъ особенно характерныхъ народныхъ чертъ. При производ-
ствѣ сельскихъ работъ сожительствующими между собою род-
ственниками и при взаимномъ представительствѣ послѣднихъ
другъ за друга, въ обоихъ договорахъ долгое время могло не
чувствоваться нужды; рабочія руки были на-лицо и помимо обра-
щенія къ найму: родственникъ и безъ спеціальнаго довѣрія могъ
представлять родственниковъ на судѣ и при заключеніи юриди-
ческихъ сдѣлокъ. Удивительно ли, если оба договора появляются
сравнительно поздно и распространены въ странѣ весьма мало.
Выполненіе договора обеспечивается сванетами тройнымъ обра-
зомъ: задаткомъ—„ляншанъ“, поручительствомъ и залогомъ. По-
ручители, одинаково изъ родственниковъ и постороннихъ, произ-
носятся при совершеніи условія приблизительно слѣдующія слова:
„мекенъ хустъ амзунъ намхуби хуге“, что въ переводѣ зна-
читъ: „мы ручаемся за него, что онъ въ состояніи сдѣлать то,
въ чемъ обязуется“. Что касается до залога, то этотъ институтъ,
какъ показываетъ и самое его названіе—„цинтъ“, цѣлкомъ заим-
ствованъ изъ Грузіи.

Сването-грузинскій залогъ всего ближе подходитъ по своему
характеру къ „nantissement“ стариннаго французскаго права или
къ англійскому mort-gage, въ томъ смыслѣ, что взявшій въ за-
логъ движимость или недвижимость одинаково въ правѣ пользо-
ваться ею до момента выполненія договора, чего, разумѣется,
отнюдь не допускаетъ современное ипотечное право. Сванетскій
цинтъ однохарактеренъ поэтому съ осетинскимъ „бавстау“ и
татарской „бегендой“, которые также допускаютъ пользованіе
кредитора заложеннымъ ему имуществомъ. Заключаемые сване-
тами договоры тѣмъ болѣе нуждаются во всѣхъ названныхъ обез-
печеніяхъ, что право требовать возмѣщенія убытковъ отнюдь не
считается вытекающимъ непосредственно изъ самаго факта не-
исполненія еѣмъ-либо принятаго на себя обязательства. Система
родового самосуда не допускаетъ правильнаго и частаго обра-
щенія къ суду. Если стороны не согласятся назначить медиаторовъ
и не представятъ имъ опредѣленія размѣровъ имущественнаго
вреда, потерпѣвшему не остается иного исхода, какъ вознагра-
дить себя удержаніемъ задатка или залога.

Сдѣлавъ очеркъ страны и быта ея населенія, продолжаемъ разсказъ о нашемъ путешествіи.

Эцерская и бечойская долины, поперечныя ингурской долины, раздѣлены высокимъ горнымъ отрогомъ, который, примыкая отъ вѣсной стѣной къ рѣкѣ Ингуру, образуетъ здѣсь глубокую пропасть. Подъемъ изъ Эцери на отрогъ начинается лѣсомъ; дальше, въ теченіе часовъ двухъ, дорога идетъ надъ пропастью. Съ этой дороги всего лучше видны какъ самъ Сванетскій хребетъ, такъ и высочайшіе его пики: Лакури, Лясылъ и Ляйла. Хребетъ всей громадой выступаетъ надъ ингурской долиной и возносится далеко за свѣтовую линію множествомъ острыхъ зубцовъ. Онъ на глазъ нисколько не уступаетъ въ вышинѣ главному хребту.

Любуясь величественной картиной, мы замѣтили приближающихся всадниковъ, лишь когда услышали стукъ копытъ. „Это—бечойскій князь Ціохъ“, пояснилъ Азаматъ и поѣхалъ къ нему на-встрѣчу.

Поздоровавшись съ нами, князь произнесъ на татарскомъ языкѣ рѣчь, которая, въ передачѣ Азамата, означала слѣдующее: „Ціохъ услышалъ о пріѣздѣ въ Сванетію московскихъ гостей Измаила Урусбиева и выѣхалъ къ нимъ на-встрѣчу съ добрыми пожеланіями; братьевъ его, Левана и Бекербея, нѣтъ дома, иначе они были бы съ нимъ; онъ проситъ гостей пожаловать въ его домъ“.

Поблагодаривъ за приглашеніе и прибавивъ, что намъ очень пріятно познакомиться съ бечойскимъ представителемъ рода князей Дадешкеліани, мы поѣхали далѣе въ сопровожденіи князя и его свиты.

Скоро начался спускъ, дорога круто повернула на сѣверъ и открылась бечойская долина, длиною верстъ восемь, шириною отъ полуверсты до двухъ,—самая большая изъ поперечныхъ долинъ.

— Что это, Ужба?—спросили мы князя, увидя ледяную массу, которой замыкалась долина.

— Это ея ледникъ,—отвѣтилъ онъ,—самой горы не видно отсюда; она лѣвѣе.

Дорога въ долину идетъ зигзагами по восточной сторонѣ отрога. Спускаешься, и все время предъ глазами—башни и нивы разсыпанныхъ по долинѣ сопелей бечойскаго общества. Между сопелями извивается быстрая Гула-Чала, вытекающая изъ ужбинскаго ледника.

Было около семи часовъ вечера, когда мы остановились у одноэтажнаго домика военнаго пристава, къ которому имѣли порученіе

отъ Измаила Урусбиева. На террасу вышла молодая женщина, жена пристава, и, объяснивъ, что мужъ ея уѣхалъ на-встрѣчу кутаисскому губернатору, котораго ждутъ на дняхъ въ Сванетію, просила насъ войти въ домъ.

Только-что мы успѣли представиться хозяйкѣ, какъ между ею и нами завязалась самая оживленная бесѣда. Мы закидывали ее вопросами. Оказалось, г-жа А. А. Ахтовская живетъ въ Сванетіи девять мѣсяцевъ и нимало не скучаетъ, хотя въ теченіе этого времени она впервые видитъ не-сванетовъ. Природа, горный воздухъ, изученіе быта сванетовъ, книги вполнѣ замѣняютъ ей общество. Она—кавказская уроженка, много странствовала по Кавказу, но ничего не видала интереснѣе и красивѣе Сванетіи. Хозяйка бѣгло говорила по-сванетски съ княземъ Ціохомъ.

Пока мы бесѣдовали, сидя за чайнымъ столомъ, успѣло стемнѣть. Г-жа Ахтовская убѣждала насъ остаться на ночлегъ въ ея домѣ, такъ какъ до княжескаго замка остается еще пять верстъ и притомъ плохой дороги. Мы были очень рады предложенію хозяйки, но стѣснялись принятымъ нами приглашеніемъ князя Ціоха. Хозяйка увѣряла, что князь не обидится, ибо уже темно, мы устали, визитъ въ замокъ сдѣлаемъ завтра, и она сейчасъ все это объяснить князю. Ціохъ отвѣтилъ, что „воля гостей—его воля, и завтра въ полдень онъ пріѣдетъ за нами“.

Вечеръ провели въ разговорѣ съ стариками, причемъ переводчиками служили г-жа Ахтовская и единственный представитель медицины въ Сванетіи, фельдшеръ изъ грувинъ.

Какъ только проснулись утромъ, прямо съ постелей бросились къ окну взглянуть на одну изъ диковинокъ Сванетіи, Ужбу. На горѣ ни облачка, ни малѣйшаго тумана... Чтѣ за красота! Ради одной Ужбы стоить пріѣхать въ Сванетію.

Отъ дома пристава до подошвы горы всего шесть верстъ, и никакой предметъ не мѣшаетъ видѣть ее съ этого пункта всю, отъ основанія до вершины. Другой горы, столь оригинальной, какъ Ужба, можетъ быть, нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ. Представьте себѣ почти отвѣсную скалу въ 16,500 футовъ вышины, при этомъ скалу одинокую и необыкновенно изящную по своимъ очертаніямъ. Восточная ея сторона поднимается изъ массы льда и снѣга, спускающихся въ долину; на самой же горѣ снѣгъ не держится,—такъ круты ея склоны. Стѣны скалы изборозжены острыми разноцвѣтными гранями, напоминающими всего болѣе кристаллы дымчатаго топаза, и вмѣстѣ съ тѣмъ красиво убраны извилистыми снѣжными линіями. Заканчивается скала двумя острыми зубцами, на подобіе башенъ, которые, для глаза, бук-

важно упираются въ небо. Довольно удачное замѣчаніе сдѣлано г. Ильинымъ, что „видъ Ужбы смутно напоминаетъ полуразрушенный готическій соборъ на огромной скалѣ“. Отъ бечойской долины вплоть до латпарскаго перевала Ужба не скрывалась съ нашихъ глазъ, и все-таки мы не успѣли достаточно насладиться этимъ дивнымъ зрѣлищемъ.

Къ девяти часамъ утра у дома пристава собралась большая толпа сванетовъ. Отвѣчая на наши вопросы, они перебивали другъ друга и шумѣли. Вообще сванеты очень подвижны, рѣчь свою сопровождаютъ жестами и сильными тѣлодвиженіями. Мы собесѣдовали съ сванетами вплоть до пріѣзда князя Цюха и отправились съ нимъ въ замокъ бечойскихъ князей Дадешкеліани.

Подъѣхавъ къ замку, мы остановились у его воротъ. Минуты черезъ двѣ открылись массивныя желѣзныя ворота, и изъ нихъ выступила высокая, стройная старуха. Лицо ея сохранило слѣды замѣчательной красоты. Одѣта она была въ потертое бархатное платье, на головѣ чадра. „Это—жена моего брата Левана, княгиня Дадьяни“, сообщилъ намъ Цюхъ. Княгиню окружала большая свита полунагихъ дѣтей и взрослыхъ. Замѣтивъ среди насъ грузина фельдшера, она просила его быть переводчикомъ.

— Прошу васъ войти въ нашъ домъ,—говорила княгиня по-грузински:—вы увидите, въ какой бѣдности живутъ князья Дадешкеліани, которые, еще на моей памяти, были царями. Мы разорены: у насъ отняли все, кромѣ этихъ вамней (при этомъ княгиня указала на стѣны замка). Я обращалась лично къ покойному государю, и до сихъ поръ нѣтъ рѣшенія нашего дѣла. Предлагаютъ намъ землю на Кубани; но князья Дадешкеліани скорѣе умрутъ голодной смертью, нежели оставятъ очагъ своихъ предковъ. Прошу васъ войти въ замокъ; мужъ мой будетъ очень жалѣть, что не былъ дома во время пріѣзда русскихъ друзей Измаила Урусбиева.

Бечойскій замокъ стоитъ въ самомъ концѣ долины и командуетъ надъ ней. Фономъ ему служить Ужба. Онъ одного стиля съ эцерскимъ замкомъ, только гораздо обширнѣе. Стѣны и башни прекрасно сохранились, но внутреннія постройки приходятъ въ ветхость и не ремонтируются. Семьи трехъ братьевъ живутъ въ замкѣ. Изъ жилыхъ помѣщеній мы видѣли лишь залъ, гдѣ находится родовой очагъ. Въ другія жилия помѣщенія насъ не водили, потому ли, что стѣснялись бѣдностью, или потому, что жены Цюха и Бекербея мусульманки. Все время осмотра замка княгиня рассказывала намъ исторію рода Дадешкеліани, обстоятель-

ства конфискаціи имущества у бечойскихъ князей и всѣ перипетіи ходатайствъ о возвращеніи конфискованнаго.

Послѣ осмотра замка намъ предложили обѣдъ. Два большіе низкіе стола и кругомъ нихъ скамьи были поставлены внѣ замковыхъ стѣнъ, на лужайкѣ, неподалеку отъ воротъ. За однимъ столомъ помѣстились мы, Ціохъ, Азаматъ и фельдшеръ; за другимъ—наши проводники. Подавали вареную баранину, пирогъ съ сыромъ, рубленую говядину въ бараньемъ жиру, острый куриный супъ, простоквашу съ сахаромъ. Ножей и вилокъ не было; ложки деревянные. Все время обѣда насъ окружала толпа народа, преимущественно женщины, а княгиня стояла въ воротахъ замка. Обѣдъ заключился длинной прощальной рѣчью Азамата, сказанной на татарскомъ языкѣ; заканчивая рѣчь, онъ поднялъ руки къ небу и просилъ Аллаха оберегать насъ въ дальнѣйшемъ пути. Въ Бечо мы разставались съ вѣрнымъ и неутомимымъ нашимъ коловожатымъ, Азаматомъ, и прочими проводниками изъ урусбиевскаго аула. Лошади были наняты лишь до Бечо; что же касается Азамата, то хотя онъ и не отказывался провожать насъ до самаго Кутайса, но мы знали, что дѣла зовутъ его домой; между тѣмъ явилась возможность отпустить его, такъ какъ въ числѣ нанятыхъ новыхъ проводниковъ изъ сванетовъ оказался одинъ, по имени Деметъ, знавшій немного русскій языкъ. Деметъ служилъ нѣсколько лѣтъ милиціонеромъ у военного пристава и здѣсь научился объясняться кое-какъ по-русски.

Поблагодаривъ княгиню за оказанный пріемъ, мы сѣли на лошадей и отправились съ Ціохомъ къ подошвѣ Ужбы, до которой отъ замка не болѣе версты. Удивительной картиной природы наслаждались мы здѣсь. Прямо съ поляны поднимается къ небу грандіозная скала. Чтобы увидѣть ея вершину, надо сильно откинуть голову. Бока скалы такой крутизны, что кажутся почти отвѣсными. Приближающійся къ скалѣ съ запада лѣсистый отрогъ отдѣленъ отъ нея чрезвычайно узкимъ и темнымъ ущельемъ. Ужба, ущелье и отрогъ замыкаютъ бечойскую долину. Полна таинственности эта мѣстность... Вечернія тѣни легли уже на ужбинскій глетчеръ, на ледяной міръ главнаго и сванетскаго хребтовъ, и только высочайшіе ихъ пики блестѣли еще въ лучахъ заходящаго солнца.

Мы возвращались долиной мимо замка. Ворота заперты, огней нѣтъ, ни одного звука за его высокими стѣнами. Замокъ производитъ впечатлѣніе необитаемаго. „Не кажется ли вамъ сномъ весь сегодняшний день, а особенно посѣщеніе замка? — сказалъ одинъ изъ насъ:—вѣдь отъ замка такъ и вѣетъ средними вѣками.

Вышли изъ него къ намъ тѣни прошлыхъ вѣковъ и снова ушли покоиться въ своихъ гробницахъ“.

Луна ярко освѣщала намъ возвратный путь и дополняла картинность проведеннаго дня.

Рано утромъ явились новые проводники съ тремя осѣдланными лошадьми и двумя подъ вьюки. Каждый изъ проводниковъ былъ собственникомъ одной изъ нанятыхъ лошадей и не соглашался отпускать ее безъ себя. Лошади были взяты до мингрельскаго мѣстечка Цагери, отстоящаго отъ Бечо въ 120 верстахъ. За лошадей заплатили 50 рублей и, сверхъ того, по 60 коп. въ день каждому проводнику. Изъ Бечо мы выѣзжали съ запасами: г-жа Ахтовская снабдила насъ чаемъ, сахаромъ и кофеемъ.

Черезъ два часа мы были въ ингурской долинѣ и подъѣзжали къ латальскому обществу. Въ обществѣ семь сопелей, 115 дворовъ и 950 человѣкъ населенія. Долина здѣсь расширяется до двухъ верстъ, и такое расширенное пространство тянется по Ингуру версты полторы. Затѣмъ крутые отроги снова подходятъ къ самой рѣкѣ, и сопели прерываются. Въ Латали посѣтили церковь. Церковь того же стilia и той же величины, какъ эперская. Въ ней имѣются старинные кресты съ грузинскими и греческими надписями и евангеліе на грузинскомъ языкѣ. Къ наружной стѣнѣ церкви привѣшенъ колоколь съ надписью: „пожертвованъ царемъ Грузіи, Александромъ“.

Три версты перевала по горному отрогу, и мы въ обществѣ Ленжери, состоящемъ изъ пяти сопелей, 67 домовъ и 620 человѣкъ населенія. Здѣсь долина расширилась лишь до полуверсты, и такое расширение продолжается не болѣе версты. Ленжерское общество — одно изъ самыхъ обдѣленныхъ землею, и потому и самыхъ обдѣнныхъ обществъ Сванетіи.

Снова пятиверстный перевалъ черезъ лѣсистый отрогъ, и мы спускались къ богатому обществу Мести. Средній ленжерскій поселянинъ имѣетъ пахатной земли около 4-хъ кцевъ, местійскій — до 16-ти кцевъ. Ширина ингурской долины здѣсь до двухъ верстъ, длина три версты. Общество имѣетъ четыре сопеля, 93 двора, 700 жителей. Въ долинѣ между сопелями и башнями множество тѣнистыхъ деревьевъ, преимущественно буковъ и липъ. Въ Мести мы сдѣлали привалъ у священника, ибо знали, что онъ хорошо говоритъ по-русски, двѣнадцать лѣтъ въ Сванетіи и обстоятельно знакомъ съ страной.

Представившись священнику и вручивъ ему купленные нами въ Ленжери три курицы, съ просьбой сварить ихъ, мы отправились осмотрѣть церковь. Церковь того же стilia, какъ въ дру-

гихъ обществахъ, но гораздо обширнѣе и свѣтлѣе. Царскія врата завѣшены ситцевой матеріей. Посвящена она св. Георгію, главному патрону Сванетіи. Въ честь этого святого бываетъ въ концѣ мая праздникъ, на который собирается почти все населеніе котловины. Праздникъ продолжается три дня; изъ церкви выносятъ хоругвь съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и ставятъ ее на ровномъ мѣстѣ, гдѣ происходятъ скачки.

Выходя изъ церкви, мы увидѣли собравшуюся на лужайкѣ толпу. По нашей просьбѣ, священникъ обратился къ толпѣ съ предложеніемъ устроить хоровое пѣніе. Послѣ непродолжительнаго шума и смѣха, человѣкъ до двадцати стали въ кругъ, правыми руками взяли за пояса и кинжалы сосѣдей съ правой стороны, лѣвыми — за пояса и кинжалы сосѣдей съ лѣвой стороны, и началась пѣсня. Не легко было С. И. Танѣву уловить дикіе звуки сванетскаго пѣнія, безпрестанно прерываемаго выкрикиваніями. Пѣніе сопровождалось танцемъ. Сначала поющіе медленно выдѣлывали замысловатыя пѣ ногами, затѣмъ движенія становились быстрѣе, быстрѣе и перешли въ бѣшенныя скачки. Пѣли о томъ, какъ мѣстйцы зазвали на угощеніе двухъ братьевъ Созорицы изъ Мулаха и хитростью убили ихъ. Мы дали пѣвцамъ двадцать новенькихъ двугривенныхъ, что вызвало на ихъ лицахъ большое удовольствіе. Они пропѣли намъ еще, какъ пошли ушкульцы на охоту, имъ приснился дурной сонъ, на утро случился заваль, и всѣ охотники погибли. Дика музыка сванетовъ, но голоса у нихъ замѣчательны. Рѣдкій сванеть не обладаетъ звучнымъ баритономъ или низкимъ теноромъ. Пріятно слушать ихъ разговоръ: мужественные звуки свободно вылетаютъ изъ груди бесѣдующихъ. Сванеты говорятъ очень громко, а это, равно какъ и ихъ звучные, грудные голоса, объясняется, можетъ быть, жилищными условіями. Сопель отъ сопеля часто отстоятъ не далѣе полуверсты, и дѣти разныхъ сопелей переговариваются между собой на такомъ разстояніи.

Только-что мы выѣхали изъ Мести и поднимались на высокій горный отрогъ, какъ насъ нагнало до шестидесяти всадниковъ. Это Бекербей Дадешвеліани ѣхалъ изъ Парі съ нѣсколькими прибывшими къ нему въ гости абхазскими князьями и свитой навстрѣчу губернатору. Князь Бекербей говорилъ по-русски, и потому знакомство съ нимъ было весьма кстати.

Въ Мести Ингуръ круто поворачиваетъ на югъ. Ингурскую долину продолжаетъ къ востоку мулахская долина съ рѣкою Мульхе, вытекающей въ сѣверо-восточномъ углу котловины изъ огромнаго туберскаго ледника. Съ вершины горнаго отрога от-

крылась предъ нами поражающая своей красотой мулахская долина. Имѣя пять верстъ длины (съ запада и на востокъ) и отъ одной до двухъ верстъ ширины, долина замыкается громадными снѣговыми вершинами Гестолы и Тетнульда. Здѣсь главный хребетъ образуетъ полукругъ, южная сторона котораго глубоко врѣзывается въ котловину нѣсколькими высочайшими горами Кавказа съ Тетнульдомъ впереди. Тетнульдъ, превышающій Монбланъ, стоитъ на первомъ планѣ; за нимъ сплошные снѣга Адыша, чхарскихъ пиковъ и Намевама. Съ этихъ гигантовъ спускаются въ лѣса юго-восточной части котловины первоклассные ледники: адышскій, чхарскій и калдскій.

Посчастливилось намъ погодой въ Сванетіи. Все время путешествія по ней стояли ясные дни, и, благодаря этому, мы постоянно наслаждались такой яркостью и разнообразіемъ красокъ, какія едва-ли гдѣ можно встрѣтить. Объясняется это географическимъ положеніемъ котловины. Предъ вами въ тѣсномъ горизонтѣ одновременно и непрерывно — и ослѣпительный блескъ ледяного міра, и разноцвѣтныя скалы, и зеленѣющіе отлѣсные лѣса, и яркая мурава альпійскихъ луговъ, и разсѣянные между башнями, рощами и лугами нарѣзки пажитей, блестящихъ всѣми отлѣнками мѣдной яри и золота.

Наслаждаясь до восторга такой картиной, спускались мы въ мулахскую долину. Мулахское общество вмѣстѣ съ мѣстѣйскимъ — самыя богатыя въ Сванетіи. Здѣсь пять сопелей, 80 домовъ, 940 чел. населенія.

— Гдѣ думаете ночевать? — спросилъ насъ князь Бекербей.

— У священника.

— Вамъ будетъ неудобно остановиться у священника. Онъ имѣетъ большую семью, а домикъ маленький. Лучше остановитесь въ канцеляріи.

— Въ канцеляріи? какая это канцелярія? — спросили мы.

— А это, видите ли, — отвѣчалъ князь, — довольно просторныя избы, выстроенныя недавно въ каждомъ обществѣ; въ нихъ останавливается военный приставъ; сюда же старшины собираютъ народъ для объявленія какихъ-либо распоряженій. Въ канцеляріи ночевать гораздо лучше, чѣмъ въ сванетскомъ домѣ.

— А вы, князь, гдѣ остановитесь?

— Обыкновенно я останавливаюсь въ канцеляріи. Но сегодня уместиться въ ней намъ всѣмъ будетъ тѣсно. Отдѣлиться же мнѣ отъ абхазскихъ князей неудобно. Я проведу ночь съ моими спутниками на трапѣ.

Уже стемнѣло, когда мы подъѣхали къ канцеляріи. Князь

распорядился, чтобы затопили каминъ, обѣщаль прислать намъ черезъ чашъ вареной баранины и вина, пожелать доброй ночи и отправился къ своимъ спутникамъ.

Канцелярія представляла собой двѣ довольно грязныя комнаты, по стѣнамъ которыхъ стояли длинныя скамьи; ни стола, ни какихъ-либо письменныхъ принадлежностей не имѣлось. Только-что развели огонь, какъ стали входить одинъ за другимъ сванеты, разспрашивали черезъ Демета, „зачѣмъ пріѣхали“, рассматривали вещи, особенно часы, ощупывали на насъ платье и шумно сообщали что-то другъ другу. Увидавъ табакъ, они для полученія его подставляли свои длинныя, тонкія трубочки. Въ канцелярію набралось человѣкъ до сорока; остальные стояли на дворѣ. Какъ ни умильно смотрѣли сванеты на принесенную намъ баранину, ея не было такъ много, чтобы дѣлиться съ ними, тѣмъ болѣе, что нужно было дать проводникамъ; проворно схватывали они откладываемыя въ сторону кости и жадно ихъ обглаживали. Сванеты съ любопытствомъ слѣдили за устройствомъ нами изъ плѣдовъ, пальто и бурокъ постелей и стали расходиться, лишь когда мы начали уже дремать.

На слѣдующее утро мы были смущены слѣдующимъ казусомъ. Дѣло въ томъ, что одному изъ насъ необходима была въ путешествіи сильная лошадь. Собственникъ такой лошади, нанятой въ Бечо, отказывался продолжать путь въ виду того, что у нея спина оказалась стертой. Приходилось искать новую лошадь, и мы просили князя помочь намъ въ этомъ дѣлѣ. Князь поручилъ разыскать лошадь старшинѣ. Нѣсколько разъ приводилъ старшина лошадей, но всѣ онѣ, по мнѣнію Бекербея, не были достаточно сильны, чтобы сдѣлать латпарскій перевалъ съ даннымъ всадникомъ. Старшина заявилъ, наконецъ, что онъ показалъ всѣхъ наиболѣе сильныхъ лошадей. Положеніе было непріятное; одному изъ насъ приходилось продолжать путешествіе пѣшкомъ; и если не отыскалась подходящая лошадь въ мулахскомъ обществѣ, тѣмъ менѣе было шансовъ найти ее въ слѣдующихъ, менѣе богатыхъ, сопеляхъ.

— Вотъ что, господа, — сказалъ Бекербей! — у одного изъ абхазскихъ князей есть очень сильная лошадь; можетъ быть, онъ согласится ее продать.

— А сколько она стоитъ?

— Онъ не возьметъ болѣе своей цѣны, — отвѣтилъ князь: — лошадь чистокровная кабарда, кажется; за нее заплачено полтора ста рублей.

Такую сумму мы могли дать и просили Бекербея отправиться къ абхазскому князю для переговоровъ.

Вскорѣ Бекербей вернулся и съ нимъ верхами пять абхазскихъ князей. Лошадь имѣла видъ неказистый. Собственникъ спросилъ 170 рублей, увѣряя, что намъ съ перваго слова дадутъ за нее въ Кутаисѣ двѣсти. Мы попробовали предложить дать намъ лошадь въ наемъ до Цагери, откуда ее вернемъ съ сванетами. Намъ отвѣтили, что князь можетъ продать лошадь, но отдавать въ наемъ не можетъ. Лошадь была куплена. Она дошла лишь до мингрельскаго мѣстечка Цагери, гдѣ пришлось ее оставить для продажи при первой ярмаркѣ. Надо было чѣмъ-нибудь справить покупку; мы приготовили кофе по-турецки и угощали имъ князей.

Поиски лошади взяли болѣе полдня времени. Простившись съ князьями, мы выѣхали изъ Мулаха въ три часа.

Дорога намъ предстояла на югъ въ долину Ингура. Переѣхали рѣку Мульхре, отъ которой вѣяло зимней стужей, — и стали взбираться на крутой мулахскій перевалъ, вышиной $7\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ. Здѣсь, на высшей точкѣ горы, мы сдѣлали привалъ, чтобы еще разъ полюбоваться живописной мулахской долиной. Какъ только начался спускъ, явилась полная переměна ландшафта. Въмѣсто густо-населенныхъ долинъ, предъ нами, утопая въ зелени лѣсовъ и тѣсно примыкая другъ къ другу, стояли конусообразныя горы. Тамъ и сямъ, среди зеленыхъ горъ, мелькали снѣжныя вершины сванетскаго хребта. Ландшафтъ былъ полонъ уединенія, спокойствія и романтизма. Въ такихъ мѣстностяхъ любили ютиться монастыри. У подножія горъ, на высокихъ берегахъ Ингура, расположились шесть сопелей ипарскаго общества, самаго бѣднаго во всей Сванетіи. Пахати и сѣнокосы сопелей размѣстились клочками на такой крутизнѣ, что, казалось, и стоять тамъ трудно, а не только работать.

Въ сумеркахъ подъѣхали мы одни, безъ проводниковъ, къ церкви одного изъ сопелей. Здѣсь, на лужайкѣ, сидѣло человѣкъ до сорока, одѣтые почти всѣ въ звѣриныя шкуры.

— Папи, гдѣ папи? — обратились мы къ нимъ,

Нѣсколько сванетовъ замахали руками и отрицательно качали головой, изъ чего мы вывели, что священника нѣтъ дома.

На всякій случай произнесли еще нѣсколько русскихъ словъ: „продай молока, курицу, барана“; но видя, что сидѣвшіе не понимаютъ по-русски ни слова, прекратили обращенія къ нимъ и, не слѣзая съ лошадей, ожидали проводниковъ. Между сванетами начался шумный разговоръ, причемъ они все чаще и чаще указывали на насъ; ихъ взгляды, жесты, тонъ голосовъ показались намъ недружелюбными. Замѣтивъ наше намѣреніе уѣхать, одинъ изъ

толпы схватили лошадь за узду. Тогда мы крикнули на нихъ и протянули руки по направленію горы, съ которой спускались выючныя лошади и проводники съ ружьями черезъ плечо. Шумъ немедленно прекратился, и сванеты внимательно всматривались въ приближающійся караванъ. Мы крикнули Демету, чтобы онъ поспѣшилъ. Въ это время подбѣжалъ къ лужайкѣ человѣкъ въ пиджакѣ и обратился къ намъ со словами:

— Я говорю по-русски; что вамъ нужно?

— Кто вы такой?

— Я—здѣшній писарь.

— Ну, вотъ и прекрасно,—сказали мы ему:—подите сюда, прочтите эту бумагу (открытый листъ) и переведите имъ.

Когда писарь окончилъ разъясненіе сванетамъ значенія и содержанія открытаго листа, мы сказали присутствующимъ, что хотя можемъ требовать всяческаго намъ содѣйствія, но ограничиваемся тѣмъ, что требуемъ дать намъ молока, яицъ, курицу и барана, за что будетъ заплачено, а также чтобы въ канцелярію пришли сейчасъ до десяти стариковъ.

Къ концу этой интермедіи подошли проводники. Деметъ съ писаремъ занялись присканіемъ намъ пищи, а мы отправились въ канцелярію.

Вскорѣ явились старики, писарь-переводчикъ ¹⁾ и продукты. За десять яицъ заплатили два абазы, за миску молока (бутылки въ три)—два абазы, за двѣ курицы—три абазы. Барана привела позже цѣлая толпа при освѣщеніи лучинами; спросили за него четыре рубля, на что мы согласились; затѣмъ, послѣ шума въ толпѣ, оказалось, что желаютъ пять рублей,—мы согласились; опять шумъ,—и барана уводятъ; жалко ему продать барана,—пояснилъ намъ Деметъ. Въмѣсто барана намъ принесли только-что пойманныя четыре форели. Въ Тифлисѣ мы узнали, что населеніе ипарскаго общества считается самымъ дикимъ въ цѣлой Сванетіи.

Выѣхали изъ Ипари съ первыми лучами солнца. Дорога шла лѣсомъ по горнымъ отрогамъ ингурскаго ущелья. Она то поднималась надъ рѣкой, то спускалась къ самому ея уровню. По причинѣ большой крутизны склоновъ, поселковъ не было вплоть до калскаго общества, на разстояніи шести часовъ. Большую часть этой дороги, какъ и вообще сванетскихъ дорогъ, ѣхали гуськомъ, и тѣмъ оживленнѣе дѣлалась наша бесѣда, когда являлась возможность ѣхать рядомъ. Чувствовалось удивительно хорошо. При-

¹⁾ Писарь, мѣстный поселеникъ, получаетъ отъ общества за свои обязанности 20 руб. въ годъ; онъ окончилъ курсъ двухъ классовъ кутаисскаго духовнаго училища.

рода дивная, краски яркія, веселыя, усталости ни малѣйшей. Вся обстановка нашего путешествія была столь необычна, впечатлѣній такъ много, что намъ казалось, будто прошли уже мѣсяцы, какъ мы оставили Кисловодскъ. Не только день на день, половина дня на другую, но и часъ на часъ не были похожи. Какъ въ калейдоскопѣ непрерывно мѣнялись предъ нами великолѣпныя картины природы и производили такое сильное впечатлѣніе, что мы и теперь, когда пишемъ эти строки, послѣ двухмѣсячнаго промежутка времени, можемъ живо представить себѣ обстановку буквально каждаго часа изъ 24-хъ дней нашего пути отъ Кисловодска въ Кутаисъ.

Деметъ шель рядомъ и выражалъ большое изумленіе каждый разъ, когда приходилось называть ту или другую гору, или селеніе, въ которомъ мы еще не были. — Откуда знаешь? — спрашивалъ онъ. Одинъ изъ насъ, посмотрѣвъ на часы, громко сказалъ: — Скоро одиннадцать. — Что значитъ одиннадцать часовъ? — спросилъ Деметъ. Объяснить ему значеніе часовъ было тѣмъ легче, что онъ имѣлъ представленіе о полднѣ и полуночи.

— Съ вами я не боюсь здѣсь идти, — прервалъ нашу бесѣду Деметъ, — а одинъ не пойду.

— Почему? — спросили мы.

— Видишь камень въ рѣкѣ? — Деметъ указалъ на него: — подъ этимъ камнемъ живетъ чортъ.

— Ты его видѣлъ?

— Я не видалъ, а другіе видѣли.

— Всѣ боятся ходить мимо этого камня?

— Нѣтъ, только наши бечойскіе боятся.

— Отчего бечойскіе боятся?

— Мы убили брата этого чорта.

— Когда?

— Это случилось давно, я еще маленькій былъ.

— Расскажи, пожалуйста, Деметъ, какъ бечойцы убили чорта.

Деметъ рассказалъ слѣдующее. Поселился въ Бечо чортъ съ однимъ глазомъ на лбу и каждую ночь, какъ ни караулили, уводилъ скотъ, то съ одного, то съ другого двора. Наступила очередь Гіо. Гіо говоритъ женѣ: — Не будемъ спать эту ночь; можетъ, и услышимъ, когда чортъ придетъ; а если услышимъ, я стану съ нимъ бороться, а ты въ это время зажги сѣно и брось ему подъ ноги горохъ, чтобы онъ упалъ; лучше я погибну, нежели пропадетъ мой скотъ. — Какъ только наступила полночь, дверь отворилась, и вошелъ въ домъ чортъ. Гіо бросился на него, жена зажгла сѣно и стала бросать подъ ноги чорту горохъ. Чортъ

упалъ; тогда Гіо съ женой скрутили веревкой руки и ноги чорта и привязали его къ скамейкѣ. На другой день Гіо пришелъ на сходъ и спросилъ, что дадутъ тому, кто поймаетъ чорта. Сходъ обѣщалъ дать вола и пару барановъ отъ каждаго двора. — Идемте ко мнѣ въ домъ, — сказалъ Гіо, — я поймалъ чорта. — Чорта вывели въ поле и убили стрѣлами. Въ Сванетіи тогда еще не было ружей.

Слушая еще другіе рассказы Демета о чертовщинѣ, доѣхали мы до главнаго святилища сванетовъ — Шальяна. Церковь стоитъ на высокомъ холмѣ, одна сторона котораго спускается вертикальной скалой въ Ингуръ. Церковь окружена роскошной сосновой рощей; роща считается священной, и ни одинъ сванеть не срубить въ ней ни за что и маленькой вѣточки. Въ полуверстномъ разстояніи отъ холма видѣлись башни калъскаго общества. Мы остановились у моста черезъ Ингуръ и просили Демета купить намъ хлѣба и сыру, а также отыскать старшину и священника, чтобы они показали намъ церковь. Около часу ожидали мы возвращенія Демета. Послѣдній вернулся съ извѣстіемъ, что священникъ и старшина не могутъ показать церковь безъ согласія общества; хлѣба и сыру не купилъ, такъ какъ жители продали весь запасъ для пріѣзда губернатора. Мы отправились въ сопель Довбери, гдѣ живетъ старшина, рассчитывая собрать сходъ и получить отъ него согласіе на осмотръ церкви.

По дорогѣ въ сопель насъ встрѣтилъ молодой офицеръ, оказавшійся княземъ Джансохомъ Дадешкеліани. Мы были приняты княземъ очень любезно. Выразивъ сожалѣніе, что его и брата не было дома во время посѣщенія нами эцерскаго замка, онъ ввелъ насъ подъ навѣсъ изъ сосновыхъ вѣтвей, гдѣ стоялъ столъ, накрытый девятью приборами, и приказалъ повару приготовить, какъ можно скорѣе, бифштексы и принести двѣ бутылки вина.

На заявленное съ нашей стороны желаніе осмотрѣть Шальянъ, князь предложилъ отложить исполненіе этого намѣренія до пріѣзда губернатора, котораго ожидаютъ съ минуты на минуту. Затѣмъ онъ сталъ рассказывать, съ какой неохотой выпускаютъ сванеты чужестранцевъ въ свое главное святилище. Они убѣждены, что за допущеніе чужестранцевъ въ Шальянъ ихъ постигнетъ небесная кара въ видѣ града и неурожая. Выслушавъ это, мы заявили, что не желаемъ быть причиной ожиданія сванетами всякихъ напастей, и, вѣроятно, губернаторъ тоже откажется отъ посѣщенія Шальяна. Такъ и случилось.

Сопель Довбери лежитъ у самой подошвы Латпарі, на высотѣ 6,700 футовъ. Недалеко отъ навѣса стояло до сотни сванетовъ, ожидая появленія на горѣ губернатора. Толпа зашу-

мѣла; мы вышли изъ шатра и увидѣли спускающихся съ Латпари нѣсколько десятковъ всадниковъ. Минутъ черезъ двадцать губернаторъ былъ въ Довбери; мы ему представились и вмѣстѣ съ нимъ вошли въ толпу. Изъ толпы вышелъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, съ наружностью южнаго итальянца, и началъ говорить рѣчь голосомъ возбужденнымъ и сильно жестикулируя. Ораторъ останавливался послѣ каждой отдѣльной мысли, чтобы дать Татаркану Дадешкелани возможность переводить рѣчь буквально. Жаль, что мы не успѣли записать рѣчь слово въ слово; приблизительно она была слѣдующая:

„Вы спустились въ страну, отрѣзанную отъ всего свѣта. Вы видите ее теперь. На сѣверъ и югъ, на востокъ и западъ—всѣ живутъ богаче насъ. Тамъ (ораторъ указалъ рукой на югъ)—виноградъ; тамъ (на сѣверъ)—огромныя стада; у насъ же мало даже хлѣба, а въ неурожайные годы мы ходимъ очень голодные. Что я получилъ отъ отпа, то и передамъ дѣтямъ. Я ничего не могу прибавить. Говорятъ—работайте. Мы не прочь, но что можно сдѣлать? Кругомъ насъ горы; земли для воздѣлыванія мало. Мы очень ждали вашего прїѣзда, чтобы заявить вамъ о нашихъ нуждахъ. Поддерживать дорогу черезъ Латпари намъ трудно. Еще болѣе трудно ходить въ кутайскій судъ. Девять мѣсяцевъ латпарская дорога занесена снѣгомъ; въ судъ надо придти къ назначенному времени, во всякую погоду, и каждый годъ нѣсколько человѣкъ замерзаетъ на Латпари. Мы просимъ васъ освободить насъ отъ этихъ тягостей“¹⁾.

Губернаторъ отвѣчалъ, что мосты уже выстроены на счетъ правительства и будутъ сдѣланы дальнѣйшія облегченія въ дорожной повинности. Онъ надѣется, что возможно будетъ устроить такъ, чтобы въ судъ требовали только лѣтомъ. Кальское общество страдало въ послѣднее время отъ града, и съ него не взи-мали податей. „Я прїѣхалъ къ вамъ,—закончилъ рѣчь губернаторъ, — чтобы лучше ознакомиться съ тѣмъ, какъ вы живете, и сдѣлать все возможное для улучшенія вашего положенія. Кто имѣетъ ко мнѣ какую просьбу, пусть скажетъ, я ее запишу. Въ вашемъ обществѣ я пробуду два дня“.

Послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь мы познакомились съ спутниками губернатора: княземъ Татарканомъ Дадешкелани, начальникомъ лечхумскаго уѣзда (куда входитъ Сванетія), кутайскимъ статистикомъ, бечойскимъ военнымъ приставомъ, мировымъ посредникомъ, двумя чиновниками особыхъ порученій и сванетомъ изъ

¹⁾ Рѣчь была произнесена необыкновенно красиво. Оказалось, ораторъ много разъ жила въ Кутаисѣ на садовыхъ работахъ.

ушкульскаго общества, Нижерадзе, служащимъ въ канцеляріи уѣднаго начальника. Мы чувствуемъ потребность выразить еще разъ глубокую признательность А. М. Смѣкалову и его спутникамъ за то рѣдкое радушіе, съ какимъ мы были приняты. Полтора дня, проведенные въ этомъ обществѣ, принадлежать къ лучшимъ воспоминаніямъ нашего путешествія.

Вечеръ провели въ интересной и весьма полезной для насъ бесѣдѣ о Сванетіи, а затѣмъ князя Дадешкеліани устроили намъ удобный ночлегъ въ сванетскомъ домѣ.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, мы отправились въ ушкульское общество, находящееся на юго-восточной части котловины, на Ингурѣ, подъ глетчерами горъ Адыша и Намаквара, на высотѣ 7,200 футовъ, въ четырехъ-часовомъ разстояніи отъ Довбери. Два дѣла призывали туда губернатора. Надо было помочь ушкульцамъ, у которыхъ градъ сильно повредилъ хлѣба и сѣнокосы; надлежало потушить возгорѣвшуюся кровную месть между двумя вѣтвями рода Нижерадзе. Былъ уже убитъ отецъ пріѣхавшаго съ губернаторомъ Нижерадзе и четверо ранены.

Дорога къ ушкульцамъ идетъ все время крутыми подъемами и спусками надъ глубокой пропастью Ингура. Ширина тропы не болѣе шести четвертей. Почти отвѣсные отроги покрыты лѣсами. Они отдѣлены другъ отъ друга только узкими и короткими расщелинами. Здѣсь, по дорогѣ, нѣтъ мѣста ни земледѣлію, ни пастбищамъ. За часъ до пріѣзда передъ нами неожиданно и разомъ открылись башни четырехъ сопелей ушкульскаго общества, гигантскіе глетчеры, изъ которыхъ беретъ свое начало Ингуръ, и замокъ Тамары. Прекрасно сохранившійся огромный замокъ стоитъ на вершинѣ горы, командующей надъ Ушкулемъ. По преданію, въ этомъ замкѣ провела четырнадцать лѣтъ дочь Тамары, Русадана, бѣжавшая изъ Тифлиса, вслѣдствіе занятія его монголами.

Большая толпа сванетовъ собралась у дома ѣхавшаго съ нами Нижерадзе. Женщины плакали и кричали: „намъ нечего ѣсть“. Губернаторъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ толпѣ и держалъ слово. Онъ сказалъ, что знаетъ о постигшемъ ушкульцевъ несчастіи и пріѣхалъ имъ помочь. Пусть они выберутъ по нѣскольку человекъ изъ cadaго сопеля, которые уважутъ наиболѣе пострадавшихъ. Этимъ онъ сегодня же окажетъ помощь. Сверхъ того, онъ ходатайствуетъ о дальнѣйшихъ пособіяхъ обществу и увѣренъ, что они скоро будутъ разрѣшены. Общество освобождается отъ податей на этотъ годъ. Затѣмъ губернаторъ убѣждалъ ушкульцевъ прекратить, въ виду постигшаго ихъ несчастія, ссоры и братоубійственное кровопролитіе; онъ предложилъ или выбрать

медиаторовъ, которые выслушали бы обѣ стороны, по совѣсти опредѣлили размѣръ вознагражденія правой стороны и тѣмъ прекратили бы кровную месть.

Нѣсколько голосовъ изъ толпы закричали: „такъ надо сдѣлать!“

Ушкульцы немедленно приступили къ выбору представителей отъ сопелей для указанія наиболѣе пострадавшихъ отъ града и къ выбору медиаторовъ. Шумъ былъ необычайный; князья Дадешкелани нѣсколько разъ входили въ толпу и умѣряли ея страстное настроеніе. Выборы заняли около часу времени. Уѣздный начальникъ, Н. И. Родзевичъ, занялся съ выбранными представителями составленіемъ списка для распредѣленія помощи и, при этомъ, въ виду дальнѣйшихъ пособій обществу, записывалъ, со словъ представителей, всѣхъ домохозяевъ сопелей и у кого сколько душъ въ домѣ, земли и скота. Окончивъ это дѣло, уѣздный начальникъ получилъ отъ губернатора 400 руб., которые отдалъ представителямъ для распредѣленія денегъ по составленному списку. Медиаторовъ выбрали четырнадцать человекъ, по семи съ каждой стороны; одному изъ нихъ предоставили два голоса. Губернаторъ просилъ медиаторовъ отправиться немедленно въ Шальянъ для присяги, на что они согласились.

Раздача денегъ, раздача губернаторомъ и его спутниками мужчинамъ табаку, женщинамъ и дѣтямъ леденцовъ привели ушкульцевъ въ веселое настроеніе. Начались пѣсни и танцы, не прекращавшіеся вплоть до нашего отъѣзда. Все общество вернулось въ Довбери въ чрезвычайно пріятномъ настроеніи. Обѣдали съ „толумъ-башемъ“ и тостами ¹⁾.

Послѣ обѣда выбрали мѣсто съ живописнымъ видомъ, поставили на травѣ бурки, легли въ кружокъ и въ оживленной бесѣдѣ провели остальную часть дня. Въ десятомъ часу луна освѣтила своимъ таинственнымъ свѣтомъ снѣжныя вершины сванетскаго хребта, его лѣсистые отроги, шумныя воды Ингура и сопели вальскаго общества. Расходиться не хотѣлось, а надо было, — намъ предстоялъ на утро латпарскій переваль.

Едва взошло солнце, какъ мы уже поднимались лѣсистой тропой на Латпарі. Подъемъ—удобный. Къ десяти часамъ достигли площадки перевала, покрытой пожелтѣлой травой и яркимъ мохомъ. Площадка открыта на югъ и на сѣверъ. Востокъ и западъ закрыты двумя острыми пиками, возвышающимися футовъ

¹⁾ У грузинъ есть обычай выбирать на обѣдъ лицо, обязанность котораго произнести тостъ за каждого изъ обѣдающихъ. Такое лицо называется „толумъ-башъ“, что значитъ: голова стола. У насъ толумъ-башъ былъ мировой посредникъ, грузинъ родомъ.

на 700 надъ уровнемъ площадки. Восточнымъ пикомъ скрыта вся масса сванетскаго хребта.

Съ высоты латпарскаго перевала взоръ обнимаетъ огромное пространство, занятое горами; горы видны отъ самой подошвы до вершины, отъ полосы зеленѣющихъ луговъ и лѣсовъ до области непреходящей зимы. Южный видъ совершенно ступеньвается передъ видомъ на сѣверъ. Хотя Эльборусъ былъ закрытъ облаками, но большая часть высочайшихъ горъ главнаго хребта сіяли полнымъ блескомъ. Ближе всего къ Латпари стоитъ цѣпь сплошныхъ снѣговъ Тетнульда, Адыша, Чхарскихъ пиковъ и Намквата. Надъ ледяной площадью Тетнульда и Адыша возвышаются два правильныхъ и чрезвычайно изящныхъ снѣжныхъ конуса. Съ обоихъ спускается въ ущелье знаменитый Адышскій ледникъ. Изъ-за массы снѣжныхъ зубцовъ Чхарскаго хребта выступаетъ куполообразная вершина Намквата. Вся эта цѣпь окаймлена гигантской бахромой ледниковъ; до пятнадцати глетчеровъ спускается съ нея; одни изъ глетчеровъ ползутъ въ ущелья, другіе висятъ по склонамъ снѣжныхъ пиковъ. Отъ Тетнульда тянется дугообразно на сѣверъ стѣна главнаго хребта съ множествомъ рѣзко-очерченныхъ вершинъ самой разнообразной формы. Впереди стѣны поднимаются къ небу двѣ остроконечныя скалы Ужбы; подошвы горы не видно; отвѣсныя скалы ея кажутся висающимъ въ воздухѣ колоссальнымъ замкомъ. Вся эта дивная панорама возвышала душу своимъ величіемъ. Кругомъ торжественная тишина, ни звука; обитель человѣка оставлена; предъ нами—срединный міръ ледяныхъ горъ,—міръ, кажущійся неподвижнымъ, неизмѣняющимся и вѣчнымъ, какъ само время; надъ величественно-безмолвными вершинами висѣлъ какъ бы третій міръ—голубой небесный сводъ—и изливалъ изъ себя свѣтъ, теплоту и радость.

Жаль было оставлять эту природу. Съ высоты Латпари мы прощались съ ледянымъ Кавказомъ, съ снѣжными вершинами и глетчерами, съ свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ высокихъ горъ... На коней,—и мы стали спускаться въ южную, полутропическую природу.

Спускъ очень крутъ. Внизу, на глубинѣ 6,000 футовъ, извивалась серебристой тесьмой рѣка Цхенисцхали и чернѣлось ея глубокое ущелье. Въ долинѣ рѣки видно было селеніе Лашхеты. Горизонтъ закрывался лѣсистыми горами, вышиной отъ 6 до 9 тысячъ футовъ.

Мы ѣхали прекрасными альпійскими дугами, покрытыми массою разнообразныхъ и яркихъ цвѣтовъ. Особенно хороши были желтыя лиліи на зеленыхъ стебляхъ, въ два аршина вы-

пиной. Достигнувъ лѣса, остановились у ручейка и зажарили шедшаго съ нами барана. Затѣмъ, лѣсной тропой спустились съ Латпарі въ веселую, съ кукурузными полями долину рѣки Цхенисцхали и въ четыре часа подѣзжали къ канцеляріи чолурскаго общества, одного изъ трехъ обществъ Дадьяновской Сванетіи.

Въ канцеляріи нашли старшину, котораго попросили принести воды, купить хлѣба, сыру и яицъ. Къ пяти часамъ принятіе пищи было окончено; и такъ какъ мы не чувствовали большой усталости, то рѣшили ѣхать до слѣдующаго селенія Дадьяновской Сванетіи, Лентехи, находящагося въ двадцати верстахъ отъ Чолури.

Черезъ полчаса мы были въ цхенисцхальскомъ ущельи, составляющемъ продолженіе долины на западъ, и ѣхали имъ по удобной, высѣченной въ скалы, тропѣ, вплоть до селенія Лентехи. Все время, на разстояніи 18-ти верстъ, ущелье поражаетъ своей красотой. Трудно найти природу, къ которой было бы болѣе приложимо употребительное у нѣмцевъ выраженіе: „hoch romantisch“. Оба берега ущелья состоятъ изъ высокихъ, живописныхъ скалъ, укрытыхъ густымъ сосновымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Красноватый цвѣтъ обнаженной иногда скалы чрезвычайно эффектно выдвигался на темнозеленомъ фонѣ богатой растительности. Внизу ущелье наполнено самой разнообразной, оранжевой флорой; деревья и камни обвиты плющемъ. Съ высоты скалъ падаетъ нѣсколько водопадовъ. Стальная вода быстро бѣгущей Цхенисцхали шумитъ и серебрится, разбиваясь о камни. Ущелье извивается, и ближайшіе пейзажи мѣняются непрерывно. За полъ-версты до Лентехи ущелье разомъ расширилось и перешло въ долину.

Въ Лентехи прибыли въ десятомъ часу. Остановились въ канцеляріи. Пока варили куриный супъ, мы попивали мѣстное вино и наслаждались вечеромъ. Луна ярко освѣщала мягкую природу окружающихъ горъ, фруктовые сады и виноградники лентехцевъ. Мѣстность, краски, нѣжный воздухъ напомнили намъ окрестности Комо.

Слѣдующій день мы продолжали путь долиною Цхенисцхали, которая у селенія Лентехи круто поворачиваетъ на югъ. Этимъ селеніемъ оканчивается Дадьяновская Сванетія и начинается благословенная Мингрелія. Долина усыяна хуторами и утопаетъ въ фруктовыхъ садахъ. Дорога идетъ въ тѣни буковъ, каштановъ, грецкаго орѣха, лавра, тутоваго дерева, миндальнаго дерева, рододендроновъ и азалій. Цхенисцхали течетъ здѣсь широкою рѣкой. По бокамъ долины тянутся покрытыя лѣсомъ горы отъ 4-хъ до 7-ми тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. На высокихъ холмахъ красуются развалины замковъ. Спустя четыре часа пути отъ

Лентехи, долина вдругъ суживается, и рѣка реветъ въ узкомъ проходѣ между двухъ высокихъ скалъ. Этотъ узкій проходъ занимаетъ не болѣе четверти версты, и затѣмъ совершенно неожиданно открывается новый пейзажъ: далекій горизонтъ, долина распустилась на нѣсколько верстъ, горы значительно понизились и имѣютъ отлогіе скаты. Здѣсь, въ деревнѣ Мазаше, лежитъ по дорогѣ камень, на которомъ видны какъ бы слѣды копыта мула. Съ этимъ камнемъ у дадыановскихъ сванетовъ связана слѣдующая легенда. Ъхалъ на мулѣ Иисусъ Христосъ въ Сванетію. Но, прибывъ къ мѣсту, гдѣ двѣ отвѣсныя скалы образуютъ узкій проходъ, испугался трудности пути и вернулся назадъ. Намъ сообщали, что сванеты весьма сожалѣютъ о случившемся; они полагаютъ, что жили бы гораздо лучше, еслибы Христосъ доѣхалъ до Сванетіи.

Миновавъ узкій проходъ и проѣхавъ версты двѣ по расширенной долиנѣ, мы подъѣзжали, въ жаркій полдень, къ мѣстечку Цагери. Скоро отыскиали домъ уѣзднаго начальника, Н. И. Родзевича, отъ котораго везли женѣ поклонъ. Здѣсь насъ приняли самымъ радушнымъ образомъ. Вечеръ провели, слушая Бетховена въ исполненіи С. И. Танѣева.

Отъ Цагери до Кутаиса восемьдесятъ верстъ. Ихъ можно сдѣлать на колесахъ, но въ мѣстечкѣ нѣтъ экипажа. С. И. Танѣевъ торопился въ Москву, а потому рѣшили проѣхать это разстояніе въ одинъ день. Рано утромъ пришли новыя лошади и при нихъ два мингрельца. Лошади были наняты за 20 рублей, по 4 рубля каждая. Чтобы достигнуть Кутаиса въ теченіе дня, слѣдовало ѣхать крупнымъ шагомъ, а иногда и рысью. Пришедшіе проводники не имѣли для себя лошадей; г-жа Родзевичъ была такъ побезна, что дала намъ коннаго провожатаго.

Дорога изъ Цагери въ Кутаисъ идетъ сначала цхенисцхальской долиной, а потомъ, въ пятнадцать верстахъ отъ мѣстечка, начинается долина Ріона, которая считается самой красивой на всемъ Кавказѣ. Плавнo течетъ широкій Ріонъ среди роскошной растительности и мягкихъ очертаній гористыхъ береговъ долины. Густая населенность почти не прерывается; для путника въ селеніяхъ — „духаны“, гдѣ онъ можетъ насытиться курицей, сырoмъ и яйцами, утолить жажду пріятнымъ виномъ и найти ночлегъ.

Очаровательной ріонской долиной, въ тихую лунную полночь, въѣзжали мы въ Кутаисъ.

И. Иванюковъ и М. Ковалевскій.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

ВЪ

ПРУССІИ

ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ „КУЛЬТУРКАМПФА“ (1870—1886 гг.).

Окончаніе.

VI*).

„Майскіе законы“ были изданы для огражденія извѣстныхъ правъ государства; скоро, какъ мы увидимъ, понадобились другіе, тоже „майскіе“, законы для „огражденія“ первыхъ. Таковы всегдашнія послѣдствія „боевыхъ законовъ“; они влекутъ за собою необходимость законовъ устрашающихъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ послѣднимъ, необходимо указать на законъ полезный и органическій, проектъ котораго былъ внесенъ въ прусскій ландтагъ въ концѣ 1873 года. Онъ касался установленія гражданскаго брака и порядка веденія актовъ состоянія.

Внося его, правительство только исполняло обѣщаніе, содержавшееся въ 19-й ст. конституціи 1850 года. Обѣщаніе осталось неисполненнымъ; благодаря теоріи „солидарности консервативныхъ интересовъ“, которою руководствовалось правительство въ послѣдніе годы Фридриха-Вильгельма IV. Но теперь сохраненіе прежнихъ правъ духовенства на заключеніе браковъ и веденіе актовъ состоянія сдѣлалось невозможностію. Опасно было оставлять эти права въ рукахъ духовенства, значительная часть кото-

---

*) См. выше: августъ, стр. 618.

раго могла воспользоваться ими во вредъ государству и народонаселенію при заключеніи смѣшанныхъ браковъ и для преслѣдованія „старо-католиковъ“. Нужно было предвидѣть также, какъ говорилось въ мотивахъ, что правительство, въ борьбѣ съ сопротивленіемъ римско-католическаго, духовенства, принуждено будетъ удалять многихъ духовныхъ лицъ, вслѣдствіе чего въ дѣлѣ заключенія браковъ и веденія актовъ состоянія могутъ произойти замѣшательство и безпорядки.

Законъ, внесенный въ декабрѣ 1873 г., былъ принятъ въ январѣ 1874 г. Бисмаркъ, нѣкогда горячій противникъ гражданскаго брака, теперь (противъ своей воли, по собственному его заявленію) взялъ проектъ подъ свое покровительство.

„Я долженъ,—говорилъ онъ,—заниматься здѣсь не догматикой, но политикой. Съ политической же точки зрѣнія, я убѣдился, что государство, въ томъ положеніи, въ какое привело его революціонное поведеніе католическихъ епископовъ, принуждено издать этотъ законъ по праву самозащиты“. Такимъ образомъ и институтъ гражданскаго права былъ введенъ въ прусское законодательство въ качествѣ боевого средства противъ католической церкви.

Если подъ именемъ „революціоннаго“ поведенія разумѣть противодѣйствіе епископовъ майскимъ законамъ, то въ симптомахъ такого поведенія не было недостатка съ самаго момента изданія этихъ законовъ.

Въ коллективномъ представленіи министерству, епископы объявили, что они не могутъ содѣйствовать исполненію названныхъ законовъ; за словомъ послѣдовали и дѣла.

Епископъ падерборнскій, Конрадъ Мартинъ, отказался исполнить требованіе вестфальскаго оберъ-президента представить ему статуты и учебные планы философско-богословскаго заведенія (Seminarium Theodorianum), ссылаясь на коллективное представленіе епископовъ. Епископы кѣльнскій и трирскій дали подобные же отвѣты. Фалькъ призналъ нужнымъ закрыть ихъ учебныя заведенія. Вскорѣ затѣмъ епископы падерборнскій, бреславльскій, бумльскій, лимбургскій и кѣльнскій подверглись штрафамъ за незаконное назначеніе церковно-служителей. Князь-епископъ бреславльскій, Форстеръ, отлучилъ и лишилъ должности члена соборнаго капитула барона Рихтгофена за отказъ признать ватиканскій догматъ. Фалькъ велѣлъ оставить Рихтгофену его помѣщеніе и содержаніе и объявилъ, что всѣ постановленія капитула, состоявшія безъ его участія, будутъ считаться незаконными. Форстеръ оставилъ это распоряженіе безъ вниманія.

Болѣе серьезный „конфликтъ“ возникъ въ Фульдѣ. Епископъ фульдскій Кёттъ скончался въ октябрѣ 1873 г. Правительство имѣло теперь возможность не допустить къ занятію этой катедры враждебнаго ему кандидата, вычеркивая имя каждаго, кто отказался бы дать торжественное обѣщаніе безусловно повиноваться законамъ страны. Оно поспѣшило измѣнить и формулу епископской присяги, введя въ нее новыя обѣщанія. Фульдская катедра осталась незамѣщенной, такъ какъ ни одинъ изъ кандидатовъ не согласился дать требуемаго обѣщанія.

Количество противозаконныхъ назначеній на духовныя должности возрастало въ такой степени, что Фалькъ, 24-го октября, предложилъ оберъ-президентамъ прибѣгать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ уголовному слѣдствію, дѣйствовать усиленными штрафами и не останавливаться даже предъ возможностью тюремнаго заключенія. Но и эти мѣры не давали должныхъ результатовъ.

Правительство, очевидно, не ожидало такого всеобщаго сопротивленія. Между сопротивлявшимися первое мѣсто занялъ познанскій епископъ, графъ Ледоховскій. Онъ рѣшительно не допускалъ мѣстнаго оберъ-президента къ надзору за духовно-учебными заведеніями, за исправительными установленіями, и отказался сообщать о назначенныхъ имъ лицахъ оберъ-президенту. Обвинительный актъ насчитывалъ не менѣе 40 случаевъ такихъ назначеній, перемѣненій и т. д.

Послѣдствія такого сопротивленія были во многихъ отношеніяхъ плачевны. По закону 12-го мая, назначенія, состоявшіяся въ противность указаннымъ правиламъ, не имѣли силы. Вслѣдствіе этого очень важныя для мѣстнаго населенія должностныя акты духовныхъ лицъ также не могли имѣть силы въ глазахъ гражданскихъ властей и судовъ. Не имѣли силы браки; возникли сомнѣнія въ правѣ семейственномъ и наслѣдственномъ. Поведеніе духовенства возбуждало и мѣстное населеніе къ сопротивленію законамъ.

Нѣкоторое время оберъ-президентъ дѣйствовалъ штрафами. Для удовлетворенія ихъ, къ концу года было арестовано послѣднее недвижимое имущество архіепископа, а между тѣмъ на послѣднемъ лежало еще до 16,000 талеровъ взысканій. Оберъ-президентъ „пригласилъ“, наконецъ, архіепископа сложить съ себя должность; послѣдній отвѣчалъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ отказомъ. Тогда дѣло было представлено „суду по церковнымъ дѣламъ“.

Послѣдній, по правиламъ, предписалъ мѣстному суду произ-

вести слѣдствіе. Приглашенный въ судъ, архіепископъ отвѣтилъ отказомъ, объявивъ, что онъ не признаетъ компетентности свѣтскаго суда по дѣламъ духовнымъ. Тогда 3-го февраля 1874 г. Ледоховскій былъ препровожденъ въ тюрьму. Королевскій судъ разсматривалъ его дѣло 15-го апрѣля и приговорилъ его къ смѣщенію съ должности, со всѣми послѣдствіями, указанными въ законѣ 12-го мая 1873 г.

Сопротивленіе епископовъ поддерживалось папой и находило у него прямое одобреніе. Какъ Ледоховскій, такъ и эрмеландскій епископъ, Кременецъ, получили отъ него похвалу и знаки милости. Сверхъ того папа обратился съ письмомъ къ императору (7-го августа 1873 г.).

Цѣль письма состояла въ отвлеченіи императора отъ политики министерствъ, направленной къ „уничтоженію католицизма“. „Мнѣ сообщаютъ, — писалъ Пій IX, — что в. в-ство не одобряете поведенія вашего правительства и не сочувствуете жестокости мѣръ противъ католической религіи. Если это справедливо... то не придетъ ли в. в-ство къ убѣжденію, что означенныя мѣры не будутъ имѣть никакого иного дѣйствія, какъ разрушеніе вашего собственнаго престола? Я говорю откровенно, ибо знамя мое — истина, и я говорю ради исполненія одной изъ моихъ обязанностей, состоящей въ томъ, чтобы говорить правду всѣмъ, даже не-католикамъ. Ибо каждый, получившій крещеніе, такъ или иначе принадлежитъ папѣ“.

Слухи о томъ, что императоръ не одобряетъ политики своего министерства, могли исходить изъ придворныхъ сферъ, гдѣ было достаточно мѣста и почвы клерикальнымъ вліяніямъ. Тѣмъ рѣшительнѣе должно было отвѣтить правительство устами императора. Письмо послѣдняго (отъ 3-го сентября) должно быть отнесено къ образцамъ дипломатическаго искусства, въ которыхъ нѣжность формъ прикрываетъ жестокость содержанія и почтительный тонъ смягчаетъ злѣйшую иронию. Во всякомъ случаѣ письмо императора должно было отнять у Ватикана всякую надежду измѣнить правительственную политику путемъ личныхъ обращеній къ главѣ государства.

Примѣняя майскіе законы къ католическимъ епископамъ, правительство, съ другой стороны, поддерживало „старо-католическое“ движеніе. Право признанія новыхъ церквей безспорно принадлежало государству; но въ данную минуту оно также явилось „боевымъ средствомъ“ противъ католической іерархіи. Притомъ правительство едва-ли имѣло основаніе „признать“ старо-католическую церковь въ той формѣ, какъ оно это сдѣлало. Госу-

дарство имѣть такое право признать новое исповѣданіе и соотвѣтствующее ему новое церковное общество; но оно не имѣетъ основанія признать общество, отложившееся отъ старой церкви, за часть этой церкви, т.-е., въ данномъ случаѣ, старо-католиковъ за католиковъ. Поступая такимъ образомъ, оно сходится съ государственной почвой и вступаетъ на несвойственную ему почву догматическую. Между тѣмъ оно поступило именно такъ по вопросу о старо-католикахъ.

Въ концѣ мая 1873 г. въ Кельнѣ собрался съѣздъ делегатовъ старо-католическихъ общинъ; 4-го іюня онъ избралъ профессора Рейнкенса епископомъ; въ августѣ Рейнкенсъ былъ посвященъ янсенистскимъ епископомъ, Девентеромъ, въ Роттердамъ, а 19-го сентября прусскій король призналъ и утвердилъ его католическимъ епископомъ ¹⁾; 7-го октября онъ принесъ предъ министромъ духовныхъ дѣлъ присягу по новой формулѣ, и затѣмъ министерство внесло въ ландтагъ предложеніе о назначеніи новому епископу 16,000 тал. содержанія.

Центръ не безъ основанія доказывалъ, что Рейнкенсъ не можетъ быть признанъ католическимъ епископомъ, а Маллинеродтъ, возвращая дѣланныя центру обвиненія въ революціонномъ поведеніи, говорилъ, что поведеніе правительства въ дѣлѣ старо-католиковъ вполне революціонно. Предложеніе правительства было принято значительнымъ большинствомъ.

Но поддержка „старо-католиковъ“ не была достаточнымъ для правительства средствомъ устраненія католическаго духовенства. Разсудочный старо-католицизмъ, какъ въ былые годы янсенизмъ, не могъ бороться съ фанатизмомъ массъ, наэлектризованныхъ теперь „мученичествомъ“ епископовъ и священнослужителей. Способы для дальнѣйшей борьбы могли быть даны новыми законами, проекты которыхъ и были внесены правительствомъ. Они извѣстны подъ именемъ вторыхъ майскихъ законовъ ²⁾.

Первый изъ нихъ носилъ названіе закона объ управленіи вакантныхъ епархій. Мотивы, сопровождавшіе его, гласили между прочимъ:

„Положеніе, занятое епископами въ отношеніи прошлагоднихъ законовъ, даетъ поводъ опасаться, о чемъ и было уже заявлено, что сопротивленіе государственнымъ законамъ можетъ дойти до непризнанія приговора королевскаго суда по церковнымъ дѣламъ

¹⁾ Именно въ утвердительной грамотѣ повелѣвалось „всѣмъ оберъ-президентамъ, президентамъ, коллегіямъ, а также всѣмъ подданнымъ всякаго званія, чина и состоянія, признавать и почитать означеннаго Рейнкенса als katholischen Bischof“.

²⁾ См. *Annuaire de Législation étrangère*, 1875, стр. 176 и слѣд.

объ увольненіи служителя церкви, въ особенности же епископа. Но если законный порядокъ не долженъ быть потрясенъ въ своихъ основаніяхъ, то на государствѣ лежитъ несомнѣнная обязанность привести въ исполненіе такой приговоръ даже при помощи строжайшихъ уголовныхъ и принудительныхъ мѣръ“.

Эти мѣры, по силѣ новаго закона, состояли въ слѣдующемъ. Въ случаѣ вакансіи епископской кафедръ, духовныя (т.-е. не относящіяся къ имущественнымъ дѣламъ) обязанности епископовъ могли быть исправляемы, впредь до назначенія новаго, признаннаго государствомъ епископа, только согласно съ нижеустановленными правилами.

Лицо, желающее исправлять епископскія обязанности, должно увѣдомить о томъ оберъ-президента, представить доказательства, что оно имѣетъ право занимать духовныя должности, и заявить о своей готовности принести присягу по формулѣ 1873 г. Оберъ-президентъ, въ случаяхъ, указанныхъ въ 16-й ст. зак. 11-го мая 1873 г., можетъ предъявить свои возраженія въ теченіе 10 дней. Возраженіе оберъ-президента можетъ быть обжаловано въ королевскій судъ по духовнымъ дѣламъ также въ десятидневный срокъ. Если возраженія не послѣдовало, или если оно было отвергнуто королевскимъ судомъ, названное лицо допускается къ принесенію присяги.

Лица, приступающія къ исправленію епископскихъ обязанностей безъ соблюденія этихъ правилъ, подвергаются тюремному заключенію на срокъ отъ 6 м. до 1 года. Всѣ распоряженія ихъ не имѣютъ силы. Лица, исполняющія приказанія епископа, не признаннаго государствомъ или смѣщеннаго по приговору королевскаго суда, или лица, незаконно исправляющаго должность епископа, подвергаются также штрафамъ или заключенію.

Не допуская неповорныхъ служителей церкви къ исправленію епископскихъ обязанностей, законъ принимаетъ, съ другой стороны, мѣры къ принудительному, такъ сказать, замѣщенію кафедръ.

Когда кафедра сдѣлалась вакантною вслѣдствіе увольненія епископа по судебному приговору, оберъ-президентъ предлагаетъ капитулу избрать немедленно викарія. Если избраніе не состоялось въ теченіе 10 дней или если послѣ выборовъ избранное лицо не принесло присяги въ теченіе 14 дней, министръ духовныхъ дѣлъ назначаетъ администратора для завѣдыванія имуществомъ, принадлежащимъ кафедрѣ, а также имуществомъ, недвижимымъ и движимымъ, находящимся въ управленіи епископа. Оберъ-президентъ принимаетъ принудительныя мѣры къ предоставленію завѣдыванія имуществомъ названному комиссару. Ука-

занныя правила примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда викарій епархіи, епископъ которой уволенъ судомъ, сложить съ себя эту должность, или когда въ исправленіе этой должности вступать лица, не имѣющія на то законнаго права.

Наконецъ, они имѣють примѣненіе даже въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ къ исправленію должности уволенныхъ епископовъ избраны подлежащія лица, но гдѣ епископская вакансія остается незамѣщенной, въ теченіе года, лицомъ, признаннымъ государствомъ (ст. 8-я). Другими словами, временное исправленіе должности епископа допускается только на одинъ годъ, послѣ чего каедрa должна быть замѣщена.

Такимъ образомъ, исправленіе должности епископа и самое замѣщеніе каедръ вынуждается закономъ при помощи—коротко говоря—секвестра епархіальнаго имущества, поступающаго въ завѣдываніе „коммиссара“. Если прибавить къ этому, что коммиссаръ представлялъ отчетъ въ своей администраціи только предъ министромъ духовныхъ дѣлъ и королевскимъ отчетнымъ судомъ, что затѣмъ, по ст. 19-й, новый законъ получалъ примѣненіе и къ вакансіямъ каедръ, оторывшихся до вступленія его въ дѣйствіе, т.-е., что получалъ обратную силу, то нельзя было не согласиться съ Фалькомъ, что мѣры, имъ предложенныя, принадлежали къ числу „строжайшихъ“.

Маллинеродтъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ основаніе говорить, что какъ искусственное созданіе епископскихъ вакансій, такъ и искусственныя мѣры къ ихъ замѣщенію—не поведутъ къ цѣли. Епископъ,—говорилъ онъ,—не перестаетъ, въ глазахъ вѣрующихъ, быть епископомъ, даже когда онъ уволенъ приговоромъ королевскаго трибунала или заключенъ въ тюрьму. Этимъ путемъ нельзя добиться вакансіи епископской каедръ: для этой цѣли нужно обезглавить епископа, какъ апостола Павла. Вообще будущее представляется оратору не въ розовомъ свѣтѣ. Молодое поколѣніе въ духовенствѣ не станетъ поступать въ государственныя учебныя заведенія; богословы отправятся, для полученія образованія, за границу. Духовенство придетъ въ состояніе вымиранія; общины, одна за другой, будутъ лишены своихъ пастырей, что породитъ большое смятеніе; взростетъ населеніе, подъ варварскимъ взрывомъ котораго погибнетъ правительство.

Хотя Фалькъ и называлъ эту картину будущаго „сказками о разбойникахъ“, но мы увидимъ, что многія изъ предсказаній Маллинеродта исполнились. Большинство палаты, подобно Фальку, не повѣрило „сказкамъ“ и приняло законопроектъ, который и былъ обнародованъ 20-го мая 1874 г.

Второй законопроект имѣлъ въ виду истолковать и дополнить законъ 11-го мая 1873 г. „объ обученіи духовенства и назначеніи духовныхъ лицъ“. Между „дополненіями“ важнѣйшее мѣсто занимали: 1) правило, по которому оберъ-президентъ могъ взять подъ секвестръ имущество и доходы, присвоенные должности, если: а) она была замѣщена лицомъ, не удовлетворяющимъ требованіямъ закона 11-го мая; б) если имѣется фактическое основаніе предполагать, что должность будетъ замѣщена такимъ лицомъ; 2) новый законъ, также какъ и правила закона 20-го мая 1874 г. (§ 14—18), возлагать на лицъ, имѣющихъ право патроната, обязанность замѣстить, въ теченіе 2 мѣсяцевъ, вакантную должность; въ противномъ случаѣ право замѣщенія предоставлялось собранію прихожанъ. Этимъ путемъ создавался разрядъ, такъ сказать, государственныхъ священниковъ, поставленныхъ не своею духовною властью.

Наконецъ, исполненіе этихъ двухъ законовъ обезпечивалось имперскимъ закономъ 4-го мая 1874 г., имѣвшимъ цѣлью воспретить недозволленному отправленію духовныхъ должностей.

Существо его выражено въ первой статьѣ, гласящей, что „если духовное лицо или иной церковный служитель, уволенный отъ должности, совершитъ дѣйствіе, указывающее на притязаніе его продолжать отправленіе своихъ обязанностей, мѣстная полицейская власть можетъ воспретить ему пребываніе въ данномъ мѣстѣ или интернировать его въ другомъ.“

„Если означенное дѣйствіе будетъ состоять въ явномъ притязаніи на должность или въ дѣйствительномъ ея отправленіи, или если духовное лицо преступитъ полицейское противъ него распоряженіе—центральное правительство его государства можетъ объявить его лишеннымъ правъ гражданства и выслать изъ предѣловъ союзной (имперской) территоріи“.

Статья 4-я прибавляла къ этому:

„Лица, признанныя утратившими право гражданства въ одномъ союзномъ государствѣ, теряютъ его во всѣхъ другихъ и не могутъ получить ихъ вновь безъ союзаго совѣта“.

Прусскому министру юстиціи, Леонарду, защищавшему законопроектъ, предстояло, между прочимъ, возразить ораторамъ центра, называвшимъ законъ „проскрипціоннымъ“ и „исключительнымъ“. Аргументація министра не представлялась особенно убѣдительною.

„Законъ,—говоритъ онъ,—назвали проскрипціоннымъ; я нахожусь, что вы не дадите поколебать себя такими названіями; дѣло, само по себѣ, очень просто (sehr einfach)“.

Дѣйствительно дѣло было „очень просто“; но „простота“ не свидѣтельствовала противъ названія, даннаго закону. Правда, министръ юстиціи тщательно провелъ границу различія между предположенною мѣрою взысканія противъ непокорныхъ священнослужителей и изгнаніемъ изъ отечества (*Verbannung*), какъ наказаніемъ уголовнымъ, съ коимъ соединены и другія послѣдствія; но трудно было доказать, что лишеніе правъ гражданства порядкомъ почти административнымъ не есть мѣра, напоминающая „проскрипціи“.

Затѣмъ, Леонардъ согласился съ тѣмъ, что законъ относится къ разряду исключительныхъ. „Безъ сомнѣнія,—говорилъ онъ,—этотъ законъ есть законъ исключительный, но дѣло идетъ объ исключительномъ положеніи дѣлъ, а къ такому положенію, понятно само собою, примѣняются и исключительные законы“.

Министръ упустилъ, однако, изъ виду, что „исключительные“ законы нерѣдко обостряютъ „исключительное“ положеніе и приводятъ къ необходимости новыхъ законовъ, также „исключительныхъ“, пока, наконецъ, истощатся всѣ мѣры и придется смягчать положеніе вещей разными „исключеніями“ изъ „исключительныхъ“ законовъ. Послѣдствія не замедлили доказать это.

VII.

Законъ объ управленіи вакантными епархіями былъ обнародованъ 9 іюня, черезъ четыре мѣсяца послѣ увольненія Ледоховскаго. Познанскій оберъ-президентъ немедленно примѣнилъ къ дѣлу новый законъ: капитулу поручено было избрать лицо для управленія познанскою и гнѣзненскою епархіями; имущество каѳедры секвестровано и поручено въ завѣдываніе двумъ ландратамъ. Викарный познанскій епископъ Янишевскій за противозаконное назначеніе духовныхъ подвергся штрафамъ; послѣ отказа уплатить ихъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Штрафамъ подверглись также Мартинъ, епископъ падерборнскій, архіепископъ кѣльнскій Мельхерсъ, епископъ трирскій Эбергардъ.

Съ своей стороны, Ватиканъ дѣйствовалъ въ Германіи посредствомъ тайныхъ делегатовъ папскаго престола; священники, поставленные на основаніи свѣтскихъ законовъ, подвергались отлученію; союзы и сходки католиковъ принимали радикально-оппозиціонный характеръ. Наконецъ, 13-го іюля 1874 г., произведено было покушеніе на жизнь кн. Бисмарка, лечившагося въ Киссингенѣ.

Преступникъ, оказавшійся бочарнымъ подмастерьемъ, Эдуардомъ Кульманомъ, 21 года, принадлежалъ къ католической ассоціаціи въ Зальцведелѣ, находившейся подъ руководствомъ (тогда уже умершаго) фанатическаго священника Штормана. Показанія Кульмана не оставляли сомнѣнія въ томъ, что покушеніе было совершено имъ изъ мотивовъ политическихъ. Онъ, по его словамъ, не имѣлъ личной ненависти къ князю; поводомъ къ преступленію онъ выставилъ майскіе законы и преслѣдованіе епископовъ; онъ оскорбленъ былъ также тѣмъ, что кн. Бисмаркъ выставилъ „его партію“ враждебною имперіи.

Преступленія никогда не „разрѣшали“ и, конечно, не будутъ разрѣшать политическихъ вопросовъ. Покушеніе Кульмана, произведенное во имя интересовъ „партіи“, усилило тяжесть обвиненій, безъ того лежавшихъ на послѣдней. Кн. Бисмаркъ обратилъ оружіе, данное ему Кульманомъ, противъ центра.

Засѣданія рейхстага открылись въ ноябрѣ; 4-го декабря Виндгорстъ, упомянувъ о киссингенскомъ покушеніи, назвалъ Кульмана полупомѣшаннымъ. Кн. Бисмаркъ, отвѣчая Виндгорсту, показалъ, что онъ намѣренъ возложить отвѣтственность за дѣйствія Кульмана на весь „центр“.

„Г. Виндгорстъ, — сказалъ онъ, — упомянулъ о киссингенскомъ покушеніи и назвалъ Кульмана полупомѣшаннымъ. Могу васъ увѣрить, что этотъ человѣкъ, съ которымъ я самъ говорилъ, находился въ полномъ обладаніи своими умственными способностями. Вы имѣете объ этомъ также обстоятельныя медицинскія свидѣтельства. Я понимаю, что предыдущій ораторъ (Виндгорстъ) страшится въ другихъ мысли о сообществѣ съ такимъ человекомъ и устраняетъ ее отъ себя. Я также убѣжденъ — таковъ былъ также взглядъ его (г. Виндгорста) предъ покушеніемъ, и онъ, конечно, никогда, въ глубинѣ своей души, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, чтобы „этотъ канцлеръ гдѣ-нибудь пропалъ“; я убѣжденъ, что онъ никогда этого не думалъ. Но вы можете отречься отъ этого убійцы, сколько хотите, — онъ крѣпко держится за полы вашего платья; онъ называетъ васъ своею партіею. (Шумъ, безпорядокъ и возраженія въ центрѣ; крики: „пфуй!“) „Пфуй!“ есть выраженіе отвращенія или презрѣнія. Не думайте, чтобы эти чувства были мнѣ чужды. Я только слишкомъ вѣжливъ, чтобы ихъ высказывать“.

Слова канцлера ясно показывали, до какой степени были доведены „чувства“, о коихъ онъ „изъ вѣжливости“ не говорилъ. Послѣдствія ихъ уже выразились въ томъ обстоятельстве, что въ бюджетѣ была вычеркнута статья на содержаніе герман-

скаго посольства при папскомъ дворѣ. Эта мѣра была тѣмъ знаменательнѣе, что еще въ прошломъ году кн. Бисмаркъ возражалъ противъ предложенія депутата Лёве вычеркнуть означенную статью, причемъ Лёве мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что съ упраздненіемъ свѣтской власти папы устранилась и необходимость особаго при немъ посольства.

Кн. Бисмаркъ возражалъ противъ предложенія, что означенное посольство давно имѣло значеніе дипломатическаго поста при папѣ, главнымъ образомъ, какъ главы католической церкви. Если этотъ постъ не занятъ и не можетъ быть занятъ въ данную минуту, то это объясняется временными обстоятельствами, которыя могутъ измѣниться. Такъ смотрѣлъ на дѣло канцлеръ въ 1873 г.; въ 1874 его аргументація „перевернулась“ въ полномъ смыслѣ этого слова.

„Мы далеки отъ мысли, — говорилъ онъ, — не признавать папу въ качествѣ главы католической церкви. Но главенство въ церкви, имѣющей въ Германіи послѣдователей, не есть еще основаніе для того, чтобы держать при главѣ этой церкви дипломатическаго агента. Я не зналъ, что мы должны быть представлены при главѣ всякаго другого исповѣданія. Я не слышалъ также, чтобы въ другихъ государствахъ, гдѣ имѣются подобныя отношенія, хотя и на такой широкой основѣ, какую представляетъ католическая церковь, предстояла такая надобность, чтобы, на примѣръ, русскій императоръ долженъ былъ держать посольство при армянскомъ патріархѣ, хотя бы число армянскихъ подданныхъ Россіи считалось милліонами“.

Геніальный канцлеръ, конечно, понималъ, что въ данную минуту онъ говоритъ вздоръ и что уподобленіе папы „армянскому патріарху“ сдѣлано ради вящаго огорченія „центра“. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ охотно возстановилъ постъ дипломатическаго агента при папѣ Львѣ XIII. Но въ данную минуту насмѣшливыя рѣчи канцлера предвѣщали новыя боевыя мѣры противъ католической іерархіи. Онъ не заставилъ себя ждать.

Въ началѣ 1875 г. (5 января) падерборнскій епископъ, Конрадъ Мартинъ, занимавшій этотъ постъ съ 1856 года, былъ смѣщенъ по приговору королевскаго суда. Фалькъ приготовилъ законопроектъ, долженствовавшіе вооружить правительство новыми средствами для борьбы. Принятіе ихъ ландтагомъ можно было считать обезпеченнымъ подъ вліяніемъ крайняго возбужденія партій, достигшаго своего апогея послѣ энциклики Пія IX отъ 5-го февраля 1875 г. Распространившись о преслѣдованіяхъ, коимъ подвергается католическая церковь въ Пруссіи, о постиг-

нутых бѣдствіями достопочтенныхъ братьяхъ своихъ, Мечиславъ (Ледоховскомъ) и Конрадъ (Мартинъ), папа, во исполненіе обязанностей апостольской должности своей, объявлялъ всѣмъ, кому это вѣдать надлежитъ, и всему католическому міру, что майскіе законы, явно противорѣчащіе божественнымъ установленіямъ церкви, недѣйствительны и ничтожны.

Первый законъ, внесенный правительствомъ въ палату депутатовъ (4-го марта), касался приостановки всякихъ выдачъ изъ государственныхъ средствъ католическимъ епископамъ и прочему духовенству; въ исторіи „культуркампфа“ онъ извѣстенъ подъ короткимъ наименованіемъ *Sperrgesetz*.

На основаніи закона, всякія выдачи и пособія изъ государственныхъ средствъ въ пользу какъ епископскихъ казедръ и подчиненныхъ имъ учреждений, такъ и другихъ духовныхъ должностныхъ лицъ, приостанавливались на всемъ пространствѣ монархіи. Возобновленіе ихъ въ предѣлахъ епархіи допускалось только послѣ того, какъ епископъ или его замѣститель далъ бы письменное обязательство повиноваться государственнымъ законамъ. Всякое лицо, которое отказалось бы отъ данной подписки или стало бы поступать въ противность законамъ, могло быть уволено королевскимъ судомъ; всякое лицо, вознамѣрившееся послѣ увольненія отправлять свою должность, подвергалось штрафу, въ первый разъ до 300 марокъ, во второй—до 3,000 мар. Отъ приостановки содержанія освобождались только духовные, занимавшіе должности въ общественныхъ установленіяхъ (*Anstaltsgeistliche*), въ качествѣ государственныхъ чиновниковъ.

Новый законъ былъ основанъ на довольно шаткой юридической почвѣ, что зависѣло отъ двойственнаго характера буллы *de salute animarum* (1821), опредѣлившей внѣшній строй католической церкви въ Пруссіи. Мы видѣли, что, съ одной стороны, она являлась окружною папскою буллою; съ другой стороны, она получила силу закона вслѣдствіе королевской санкции. Даже разсматриваемая какъ законъ, она была плодомъ соглашенія куріи съ королемъ. Сверхъ того, выдачи и пособія, денежные и натуральныя, производились, главнымъ образомъ, изъ секуляризованныхъ имуществъ церкви, принимая которыя, прусское правительство обязалось обезпечить бытъ духовенства.

Епископы, обратившіеся къ королю съ представленіемъ противъ законопроекта, и центръ настаивали на послѣднемъ пунктѣ, возражая вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ нравственнаго достоинства закона, имѣвшаго цѣлью „взять крѣпость голодомъ“. Фалькъ настаивалъ на государственномъ характерѣ буллы *de salute anima-*

гим вообще и, въ особенности, на смыслъ словъ королевской санкции, относившихся къ выдачамъ въ пользу церкви.

„Католическая церковь въ Пруссіи,—говорилось въ санкціи,—поскольку она получаетъ отъ этого государства содержаніе и пособія деньгами и натурой, имѣть право и можетъ ихъ получать, поскольку и доколѣ она уважаетъ и признаетъ величество прусскаго государства и его законовъ“.

Католическое духовенство выказало явное презрѣніе къ майскимъ законамъ, а потому лишилось права по содержанію изъ государственныхъ средствъ. Государство, говорилось въ мотивахъ, навлекло бы на себя справедливые упреки, оплачивая своихъ противниковъ и поддерживая ихъ матеріальными средствами.

Не останавливаясь на бумажной и словесной войнѣ, возникшей въ палатахъ и внѣ палатъ изъ-за проекта, нельзя не замѣтить; что сами авторы его не ожидали особенныхъ успѣховъ отъ мѣръ „оголоденія“ духовенства.

„Дѣло,—говорилъ Бисмаркъ 16-го марта въ засѣданіи палаты депутатовъ,—дѣло не въ успѣхѣ, и этотъ законъ не будетъ имѣть успѣха, достойнаго этого имени. Папа и еще въ десять разъ больше орденъ іезуитовъ слишкомъ богаты, чтобы эти суммы могли имѣть для нихъ значеніе... Я не ожидаю большого успѣха, но мы просто исполняемъ нашъ долгъ, защищая независимость государствъ и народовъ“...

Указанный способъ защиты государственной независимости не былъ, однако, вполне согласенъ съ постановленіями 15-й ст. прусской конституціи, даже въ измѣненномъ (см. выше) ея видѣ. Послѣдній ея параграфъ оставлялъ за „религіозными обществами“ пользованіе учрежденіями и матеріальными средствами, предназначенными для ихъ богослужебныхъ, воспитательныхъ и благотворительныхъ цѣлей. Но всякія „конституціонныя“ сомнѣнія скоро были устранены.

Въ апрѣлѣ 1875 г., правительство внесло въ ландтагъ проектъ слѣдующаго содержанія:

„Статьи 15, 16 и 18-я конституціи 1850 года отмѣнены. Устройство (Rechtsordnung) евангелической и католической церквей, равно какъ и другихъ религіозныхъ обществъ въ государствѣ, опредѣляется по государственнымъ законамъ“.

Мотивы ясно говорили, что предложеніе вызвано обвиненіями правительства и ландтага въ не-конституціонныхъ мѣрахъ и законахъ. Государству должна быть предоставлена полная свобода въ опредѣленіи своихъ отношеній къ церкви, а эта свобода открывается отмѣною названныхъ статей конституціи. Князь Бисмаркъ

доказывалъ необходимость отмѣны конституціонныхъ статей радикальною переменою въ устройствѣ католической церкви, отданной теперь въ полную власть папы.

Указанныя статьи были отмѣнены, и правительство съ болѣею свободою могло провести законъ объ отмѣнѣ монашескихъ орденовъ, конгрегацій и другихъ подобныхъ учреждений, являвшихся главнымъ орудіемъ католической агитаціи. Всѣ ордена и конгрегаціи предписано было закрыть въ шестимѣсячный срокъ. Исключеніе сдѣлано для установленій, посвященныхъ уходу за больными; но и они могли быть, въ случаѣ надобности, закрыты королевскимъ распоряженіемъ. Для закрытія установленій, занимающихся воспитаніемъ и образованіемъ юношества, назначенъ четырехлѣтній срокъ, чтобы государство имѣло время восполнить недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ своими установленіями.

Этимъ и нѣкоторыми другими, второстепенными законами, было закончено „вооруженіе“ государства. Примѣненіе боевыхъ средствъ шло своимъ порядкомъ. Епископскія кафедры пустѣли одна за другой, вслѣдствіе приговоровъ королевскаго суда. Въ 1875 году былъ смѣщенъ бреславльскій „князь-епископъ“ Форстеръ; 8 марта 1876 г. смѣщенъ епископъ мюнстерскій; 28-го іюля—архіепископъ кѣльнскій Мельхерсъ; 13-го іюня 1877—епископъ лимбургскій. Если прибавить къ этому, что послѣ смерти епископа трирскаго и фюльдскаго кафедры ихъ также остались незанятыми, то понятно будетъ, почему „пауза“, наступившая въ движеніи церковнаго законодательства послѣ сессіи 1875 г., предвѣщала поворотъ въ другую сторону.

VIII.

О значеніи и дѣйствиіи майскихъ и другихъ „боевыхъ“ законовъ можно судить по результатамъ, накопившимся во время „паузы“, т.-е. въ довольно продолжительный срокъ, протекшій отъ изданія *Sperrgesetz'a* до отставки Фалька (1875—1879). Въ 1875 году правительство могло считать себя достаточно „вооруженнымъ“ для всякой борьбы. Последняя велась съ достаточною энергіею. Оффиціозный „Ежегодникъ Мейера“ за 1880 годъ ¹⁾, обращаясь къ дѣятельности Фалька по церковно-политическимъ дѣламъ, говоритъ между прочимъ:

„Высокомѣрное насмѣхательство, съ которымъ вожди католи-

¹⁾ *Meyers Deutsches Jahrbuch*, 1879—1880, стр. 36 и слѣд.

ческой церкви вызвали и приняли борьбу съ государствомъ, было жестоко наказано; твердая надежда, что государство не будетъ имѣть мужества исчерпать средства своего права, была горько обманута. Всѣ угрозы клерикальной агитаціи, папскія энциклики, дерзкое сопротивленіе законамъ не воспрепятствовали тому, что многіе духовные, за нарушеніе законовъ, подверглись штрафамъ и тюремному заключенію, два архіепископа и четыре епископа были смѣщены, всѣ монастыри и монастырскія учебныя заведенія закрыты, ни одинъ духовный не былъ допущенъ къ занятію должности безъ исполненія требованій закона, а священники, вѣрные государству, были защищены противъ церковной демагогіи. Всѣ епископскія кафедръ, кромѣ трехъ, вакантны и завѣдуются по большей части государственными чиновниками; болѣе 1,000 мѣстъ приходскихъ священниковъ не заняты; богословскіе факультеты опустѣли (*verödet*); вслѣдствіе *Sperrgesetz'a*, изъ общей, подлежащей выдачѣ, суммы на содержаніе епископовъ и прочаго духовенства, 2.850,000 марокъ, выдается только 700,000, а 2.150,000 удерживается. Силы клерикальной оппозиціи были исчерпаны“.

При чтеніи списка этихъ побѣдъ становится какъ-то „холодно“ и притомъ не за католическую церковь. Онѣ свидѣтельствовали о томъ, что въ государствѣ и для цѣлой трети его подданныхъ создано какое-то невозможное положеніе, изъ котораго, въ ближайшемъ будущемъ, придется искать выхода.

Это впечатлѣніе получается изъ свидѣтельства другого „оффиціоза“, д-ра Вирмона, рукоплещущаго нынѣшней примирительной политикѣ министерства и потому „оттѣняющаго“ невыгодныя послѣдствія майскихъ законовъ. Эти послѣдствія изображаются имъ кратко и выразительно.

„Большинство епархій безъ епископовъ; болѣе 400 приходовъ безъ священниковъ; настоящая (*förmliche*) анархія въ епархіяхъ — слѣдствіе того, что всѣ деканаты и отчасти священники были облечены полномочіями, которыя при нормальномъ положеніи принадлежать только епископу; пріостановка содержанія изъ государственныхъ и находящихся въ государственномъ завѣдываніи средствъ; нескончаемое противодѣйствіе церковныхъ властей распоряженіямъ комиссаровъ по управленію епархіями; ежедневное примѣненіе дисциплинарныхъ взысканій; уменьшеніе числа студентовъ богословскаго факультета; посвященіе богослововъ, не имѣвшихъ съ 1874 года возможности получить духовную должность въ Пруссіи; одичаніе ультрамонтанской печати; кокетничанье съ соціальною демократіею; преобладающее вліяніе крайнихъ партій“ ...

Характеристично и другое мѣсто. „Треть націи враждебно устраняется отъ дней національнаго торжества, надѣваетъ трауръ въ день рожденія императора и издѣвается надъ седанскимъ днемъ“.

Еще важнѣе показаніе Путткамера, занявшаго мѣсто Фалька, — показаніе, данное имъ при обсужденіи второго „мирнаго закона“ (о которомъ рѣчь будетъ ниже).

„Общее число мѣстъ (католическихъ) приходскихъ священниковъ въ Пруссіи—4,604, съ 8.800,000 прихожанъ; изъ нихъ не занято 1,103 мѣста съ 2.085,000 прихожанъ“.

Это положеніе вещей, по справедливому замѣчанію Путткамера, содержало въ себѣ „einen schweren Nothstand“ и требовало полнаго вниманія правительства и палаты.

Не станемъ останавливаться на разборѣ взаимныхъ обвиненій партій, возлагавшихъ другъ на друга вину за тяжелое положеніе прусскихъ католиковъ. Министерская партія неустанно доказывала, что плачевное состояніе послѣднихъ есть плодъ безсердечія римской куріи и центра, приносящихъ въ жертву своимъ расчетамъ благо католической массы. Это неоднократно высказывалось княземъ Бисмаркомъ и повторяется до сихъ поръ въ книгахъ, подобныхъ труду Вирмона. Съ неменьшею горячностью ораторы и публицисты ультрамонтанской партіи обвиняли правительство въ Діоклетіановомъ гоненіи на церковь. Истинныя причины положенія лежали, конечно, съ одной стороны, въ условіяхъ возникновенія „ватиканскаго догмата“ 1870 г., а съ другой—въ условіяхъ развитія и утвержденія „военной имперіи германскаго народа“.

Но, каковы бы ни были отдаленныя причины указаннаго положенія, въ 1878 году накопилось уже много условій, побуждавшихъ прусское правительство искать выхода изъ распри съ церковью. Бѣдственное положеніе католическихъ прихожанъ и непобѣдимое пассивное сопротивленіе духовенства были однимъ изъ этихъ условій. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ Пруссіи, такъ и въ имперіи назрѣли другіе вопросы, требовавшіе полнаго вниманія правительства.

Блестящіе военные успѣхи Германіи въ войнѣ съ Франціею не только не предупредили, но и въ значительной мѣрѣ вызвали сильнѣйшій экономическій и общественный кризисъ. Искусственное оживленіе „промышленности и торговли“, рискованнѣйшія предпріятія, неудержимое „грюндерство“—въ началѣ, застой и обѣдненіе—въ исходѣ семидесятыхъ годовъ. Страшное развитіе эмиграціи, успѣхъ какъ соціально-демократической партіи, такъ и крайнихъ соціалистическихъ фракцій, двукратное покушеніе на жизнь императора—все это факты, достаточно извѣстные, чтобы остано-

ливаться на нихъ подробно. Но упоминаніе о нихъ необходимо для того, чтобы объяснить способъ, какимъ преданный „желѣзному канцлеру“ Вирмонъ думаетъ освѣтить поворотъ въ церковно-государственной политикѣ, начавшейся съ 1878-го года.

„Въ тѣ времена, — говоритъ онъ, — были другія нужды, кромѣ церковно-политическихъ, и другіе соперники, чѣмъ ультрамонтаны и социаль-демократы. За развѣшеннымъ ковромъ „культуркампфа“ высшіе промышленные классы, при помощи новаго социальнаго законодательства, предались въ эпоху „грюндерства“ отчаяннымъ и хищническимъ предпріятіямъ, которыя внесли въ обширѣйшіе классы сначала одичаніе, а потомъ, когда наступилъ кризисъ и экономическая жизнь націи пріостановилась — безработицу и бѣдность. За годами переполненія имперскихъ и прусскихъ кассъ, обусловленнаго военными контрибуціями и развитіемъ торговли, послѣдовали годы дефицита, а потребности возрастали. Теперь слѣдовало обратиться къ этой нуждѣ, пока было еще время. Старые ультрамонтанскіе противники подавали (правительству), въ извѣстной степени, руку на чисто экономическомъ полѣ, тогда какъ либералы, до тѣхъ поръ стоявшіе на сторонѣ кн. Бисмарка и за то сдѣлавшіеся господами въ законодательствѣ, медлили послѣдовать за нимъ въ новомъ направленіи“.

Почему либералы „медлили“ послѣдовать за канцлеромъ по новому пути — объясняется, конечно, не одною страстью ихъ къ „хищническимъ“ предпріятіямъ; такіе люди, какъ Вирховъ, Ласкеръ и другіе, показали свою готовность обличать хищенія даже въ лицахъ, близко стоявшихъ къ канцлеру. Но въ исходѣ семидесятыхъ годовъ дѣйствительно ясно было, что въ умѣ канцлера намѣчены были другіе „враги имперіи“ и созрѣвала мысль о другихъ „боевыхъ законахъ“ внутреннихъ и международныхъ, хотя и подъ другими этикетками. На мѣсто законовъ, обозначенныхъ именемъ „культуркампфа“, явились законы, проведенные подъ флагомъ „государственнаго социализма“, „покровительства національной промышленности“, и т. д. Канцлеръ довольно быстро отвернулся отъ партіи, съ которою онъ провелъ большую и лучшую часть какъ имперскихъ, такъ и прусскихъ законовъ, и которая, какъ это показала исторія „культуркампфа“, часто готова была ошибаться съ нимъ.

Ходъ позднѣйшаго церковно-политическаго законодательства представляется если не „шествіемъ въ Каноссу“ (Kanossa-Gang), то несомнѣннаго „отступленія“. Отступленіе предопредѣлялось какъ указанными выше усложненіями, такъ и направленіемъ новыхъ союзниковъ канцлера, точнѣе говоря, — настроеніемъ ста-

рыхъ союзниковъ, теперь снова протягивавшихъ ему руку, т.-е. консерваторовъ.

Консервативная партія, оказывавшая Бисмарку такую поддержку во время парламентскаго конфликта 1862—1866 гг., разошлась съ канцлеромъ, когда послѣдній, въ дѣлѣ образованія Сѣверо-Германскаго Союза и имперіи, а равно и въ „культуркампфѣ“, заключилъ союзъ съ либералами. Она противодействовала первымъ законамъ Фалька, вотировала противъ первыхъ майскихъ законовъ и стала на сторону канцлера только въ разгаръ культуркампфа, когда вопросъ былъ поставленъ между „королемъ и папой“.

Но взгляды этой партіи опредѣлились во время „паузы“ 1876—1878 гг. Недвусмысленно говорила она о необходимости ревизіи майскихъ законовъ, примѣненіе которыхъ дало много горькихъ плодовъ. Въ отличіе отъ центра, требовавшаго отмѣны новыхъ законовъ и ставившаго эту отмѣну предварительнымъ условіемъ мира, консервативная партія оставляла правительство на почвѣ вновь прибрѣтенныхъ имъ правъ, но требовала устраненія изъ майскихъ законовъ всего, что дѣлало невозможнымъ соглашеніе съ церковью.

Кн. Бисмаркъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не пошелъ ни по одному изъ этихъ путей. Онъ не могъ, конечно, отказаться отъ майскихъ законовъ; онъ не хотѣлъ и ихъ пересмотра впредь до соглашенія съ куріею. Но онъ пошелъ по пути смягченія или, точнѣе говоря, непримѣненія законовъ, дабы открыть возможность позднѣйшихъ соглашеній. Предлогомъ къ этимъ смягченіямъ являлась заботливость правительства о нуждахъ католическихъ подданныхъ Пруссіи, поставленныхъ въ тяжелое положеніе относительно удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей. Средствомъ для этой цѣли должны были служить полномочія, данныя правительству ландтагомъ, „смягчать“, по своему усмотрѣнію, примѣненіе майскихъ законовъ.

Лучше всего эта мысль выражена въ брошюрѣ „свободно-консервативнаго“ депутата Тидемана, объяснявшаго въ 1880 году, почему онъ и его друзья вотировали за первый изъ „мирныхъ законовъ“.

„Я не отрицаю ни на одну минуту, — писалъ онъ, — что майскіе законы содержатъ въ себѣ извѣстное число постановленій, далеко переходящихъ за цѣль обезпечить государству неприступное оборонительное положеніе и, нѣкоторымъ образомъ, изданныхъ въ разгаръ борьбы единственно для нанесенія ранъ противникамъ. Для того, чтобы смягчить, въ интересахъ нашихъ согражданъ ка-

толическаго исповѣданія, строгости и излишества этихъ боевыхъ законовъ, безъ коихъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ обойтись совершенно до заключенія прочнаго мира, имѣется только одно средство: предоставленіе дискреціонныхъ полномочій правительству. Послѣднему должна быть дана возможность, сообразно обстоятельствамъ, воздерживаться отъ строгаго, буквального примѣненія извѣстныхъ бесполезно-рѣзкихъ постановленій“.

Замѣтимъ мимоходомъ, что боевыя статьи майскихъ законовъ имѣли цѣлю вооружить правительство чрезвычайными средствами для борьбы съ католическимъ духовенствомъ; теперь правительство испросить новыя полномочія для того, чтобы не примѣнять этихъ законовъ.

IX.

Возможность „примирительной“ политики открылась для прусскаго правительства со смерью Пія IX. Событіе это совершилось 7 февраля 1878 г.; 3-го марта престоль „воинственнаго“ папы, волновавшаго Европу безчисленными аллокуціями, энцикликами, буллами, бреве и т. д., занялъ осторожный и проницательный Левъ XIII. Тотчасъ по вступленіи на престоль, онъ обнаружилъ, въ отношеніи къ Пруссіи, другое настроеніе, поскольку это позволяло ему очень трудное положеніе среди воинственныхъ католическихъ партій.

Новый папа, небольшой кругъ его совѣтниковъ и, въ особенности, кардиналь, статсъ-секретарь Франки были настроены миролюбиво; но другая партія кардиналовъ, въ средѣ которыхъ видное мѣсто занималъ Ледоховскій, нашедшій почетное убѣжище при дворѣ Пія IX, іезуиты, ультрамонтаны и, въ особенности, нѣмецкій „центр“ далеко не были расположены поддерживать миролюбиваго папу. Опытъ показалъ, что „непогрѣшимый“ папа долженъ былъ лавировать между партіями, раздиравшими католическій міръ; тотъ же опытъ показалъ, какъ мало могло сдѣлать прусское правительство, вооруженное съ ногъ до головы майскими законами.

Впрочемъ и миролюбіе Льва XIII объяснялось больше вѣрнымъ политическимъ расчетомъ, чѣмъ вроткимъ настроеніемъ первосвященника. Онъ не противопоставлялъ, подобно Пію IX, безповоротнаго „non possumus“ всякимъ предложеніямъ правительства; онъ не волновалъ католическій міръ аллокуціями и энцикликами, дававшими правительствамъ поводъ принимать „мѣры предосторожности“. Двери къ примиренію были имъ открыты; но онъ не

дѣлать рѣшительныхъ уступокъ, ожидая таковыхъ отъ соперниковъ. Этимъ путемъ онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, завоевалъ въ Германіи позицію, утраченную вызывающею и, нужно сказать, во многихъ отношеніяхъ ребяческою политикою Пія IX.

Вступивъ на престолъ, Левъ XIII тотчасъ извѣстилъ о томъ императора, выражая сожалѣніе, что онъ не засталъ прежнихъ хорошихъ отношеній между куріею и прусскимъ правительствомъ. Императоръ отвѣчалъ письмомъ, выражавшимъ надежду, что католическіе подданные Пруссіи проникнутся добрыми чувствами, выраженными въ папскомъ посланіи.

Послѣ такого обмѣна вѣжливостей, папа обратился къ императору (17-го апрѣля) съ новымъ письмомъ, въ которомъ выражалась не только надежда на возстановленіе добрыхъ отношеній, но и указывались къ тому пути. По мнѣнію папы, они состояли въ измѣненіи прусскихъ церковныхъ законовъ согласно началамъ католической церкви.

Императоръ, въ расчетѣ на завязавшіеся въ то время личные переговоры съ разными прелатами, медлилъ отвѣтомъ; тѣмъ временемъ произошло новое покушеніе на его жизнь. Папа поспѣшилъ выразить императору полное свое сочувствіе. Вильгельмъ I былъ еще слишкомъ слабъ для переписки. Кронпринцъ отвѣчалъ папѣ (10-го іюня) какъ на послѣднее, такъ и на первое его письмо. Благодаря папу за участіе къ его царственному родителю, кронпринцъ рѣшительно отвергъ мысль объ измѣненіи прусскихъ законовъ. Кронпринцъ устранялъ всякую возможность принципиальныхъ перемѣнъ и всякаго соглашенія на почвѣ „принциповъ“. Миръ могъ послѣдовать только на почвѣ практическаго примѣненія законовъ. Письмо было контрастировано княземъ Бисмаркомъ.

Послѣдній, несмотря на рѣшительный тонъ скрѣпленнаго имъ письма, воспользовался, однако, своимъ пребываніемъ въ Биссингенѣ для переговоровъ съ находившимся тамъ папскимъ нунціемъ въ Баваріи (іюнь); основою для соглашенія были предложены двѣ взаимныя уступки: со стороны папы—признаніе обязанности предварительнаго извѣщенія гражданскихъ властей о лицахъ, назначаемыхъ на церковныя должности (Anzeigerpflicht); со стороны правительства—возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Ватиканомъ. Канцлеръ, въ данную минуту, могъ рассчитывать на поддержку миролюбиваго статсъ-секретаря папы, кардинала Франки. Но послѣдній умеръ въ августѣ; мѣсто его занялъ кардиналъ Нина.

Папскій рескриптъ, коимъ сопровождалось назначеніе Нины,

выражалъ взгляды папы на разные церковные вопросы. Относительно католической церкви въ Германіи, папа, упомянувъ о перепискѣ съ императоромъ, говорилъ, что послѣдняя выражала твердое его намѣреніе закончить распри не перемиріемъ, оставляющимъ возможность новой войны, но прочнымъ миромъ.

Намѣренія папы оставались, однако, въ области теоретическихъ пожеланій, не имѣвшихъ вліянія на политику „центра“. Послѣдній, изъ обмѣна мыслей, происходившаго между правительствомъ и куріей, извлекъ для себя тотъ выводъ, что правительство ищетъ мира, а потому рѣшился выступить съ своими требованіями. Въ декабрѣ 1878 г. въ ландтагъ были внесены предложенія о пересмотрѣ закона, закрывавшаго ордена, конгрегации и ихъ учрежденіе, и о восстановленіи 15, 16-й и 18-й ст. прусской конституціи.

Первое предложеніе было особенно важно для руководителя центра—Виндгорста, который и прежде, и послѣ говорилъ, что главный интересъ католической церкви сосредоточивается на школахъ, а упраздненіе духовныхъ конгрегаций повело къ закрытію множества духовныхъ школъ, состоявшихъ при этихъ учрежденіяхъ. По заявленію Фалька, изъ 819 такихъ учебныхъ заведеній по 1-е октября 1878 г. было закрыто 767.

На оба предложенія Фалькъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ отъ имени правительства: оно не можетъ отказаться отъ своихъ завоеваній въ школьномъ дѣлѣ; еще меньше можетъ оно согласиться на восстановленіе отмѣненныхъ статей конституціи. Восстановленіе послѣднихъ было бы равносильно отмѣнѣ майскихъ законовъ. Центръ, слѣдовательно, предлагаетъ правительству миръ, на условіяхъ полного подчиненія послѣдняго. Такое предложеніе можетъ быть сдѣлано только противнику, поверженному на землю со связанными руками и ногами, но никакъ не противнику, твердо стоящему на своихъ ногахъ.

Предложенія были отвергнуты палатой, но дни „боевого“ министра были уже сочтены. Вниманіе канцлера обратилось теперь какъ на законы противъ социалистовъ, такъ и финансово-экономическія реформы. Онъ нуждался въ новой „группировкѣ партій“, и охотно выслушивались поэтому миролюбивыя, хотя и теоретическія заявленія папы; еще охотнѣе принималась поддержка центра.

Папа, въ особомъ бреве на имя бывшаго кельнскаго архіепископа Мельхерса, выражалъ непоколебимое намѣреніе дать церковный миръ „благородной нѣмецкой націи“. Съ своей стороны, писалъ папа, мы „сдѣлали все возможное для достиженія

этой цѣли, но Богъ одинъ знаетъ, будетъ ли начатое дѣло имѣть желанный конецъ. Во всякомъ случаѣ мы съ тою же ревностью выдержимъ нашу миссію до конца. Разрушительныя ученія, разпутныя и дерзкія стремленія настолько угрожаютъ соціальному, политическому и религіозному порядку, что мы считали бы неисполненными обязанности нашей апостольской должности, не преподавъ смертельно-слабому обществу дѣйствительныхъ мѣръ спасенія, коими обладаетъ церковь. Посему мы будемъ неуклонно дѣйствовать на пользу нѣмецкой націи среди всяческихъ затрудненій, ибо душа наша не найдетъ покоя, пока церковный миръ въ Германіи не будетъ возстановленъ“.

Намекъ на „разрушительныя ученія“, угрожающія общественному порядку, а равно и торжественное осужденіе папой соціалистическихъ стремленій, подавали надежду, что и центръ примкнетъ къ правительству въ новой его политикѣ.

Этой надеждѣ не суждено было осуществиться, хотя канцлеръ и нуждался въ поддержкѣ консервативныхъ партій. Осенніе выборы въ рейхстагъ, несмотря на всѣ усилія правительственныхъ органовъ и офиціозной печати, не дали канцлеру новаго и прочнаго большинства. Прогрессисты потеряли 10 мѣстъ, національ-либералы — 29; въ первой партіи осталось 24, во второй — 101 депутатъ. Нѣмецко-консервативная и „имперская“ партіи получили вмѣстѣ почти 114 голосовъ. Центръ располагалъ 93 головами вмѣстѣ съ 9 голосами ганноверскихъ партибуляристовъ. Для проведенія важнѣйшаго изъ законовъ сессіи — закона противъ социалистовъ — канцлеръ принужденъ былъ опереться (кромѣ консерваторовъ) на часть національ-либераловъ. Законъ, въ видѣ временной (на 2½ года) мѣры, прошелъ большинствомъ 221 противъ 149 голосовъ. Къ послѣднимъ принадлежали — центръ, прогрессисты, соціаль-демократы, поляки и эльзасцы.

Положеніе дѣлъ на время измѣнилось въ 1879 г., когда на очередь были поставлены новые таможенные законы, составленные въ духѣ „покровительственной“ системы. Депутаты центра принадлежали преимущественно къ промышленнымъ округамъ; они отвергали либерально-экономическую доктрину свободы торговли. По данному вопросу они могли нанести поражение „либераламъ“, не затрогивая интересовъ другихъ партій.

И вотъ случилось нѣчто неожиданное. Непримиимый вожь центра, Виндгорстъ, совѣщался, съ глазу-на-глазъ, съ канцлеромъ; 3-го мая онъ, въ сопровожденіи главныхъ клерикальных депутатовъ, явился на вечеръ къ Бисмарку, поразившему всѣхъ своею любезностію къ новымъ гостямъ. Родились всяческія на-

дежды; изреченіе, что „нѣтъ пропасти, которую не могла бы засыпать политика“, готово было исполниться.

Дѣйствительно, поддержка клерикаловъ осталась не безъ награды. Канцлеръ началъ „засыпать пропасть“, отдѣлявшую его отъ Виндгорста, бросивъ въ нее Фалька, за которымъ послѣдовали дѣятельнѣйшіе изъ прежнихъ сотрудниковъ Бисмарка—Фриденваль (мин. вн. д.) и Гобрехтъ (финансовъ). Мѣсто Фалька занялъ близкій свойственникъ канцлера, Путткамеръ (іюль 1879). Оффиціозная „Провинціальная Корреспонденція“ представила дѣло увольненія Фалька въ томъ видѣ, что самъ министръ, всегда желавшій мира съ католиками, считъ за благо удалиться, когда шансы на этотъ миръ возросли. По его мнѣнію, онъ могъ бы помѣшать примиренію, такъ какъ его личность связана съ воспоминаніями о семилѣтней жаркой борьбѣ съ куріею. Оказывалось, что Фалькъ принесъ себя въ жертву политическимъ соображеніямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и спасъ себя отъ обязанности разрушать дѣло собственныхъ своихъ рукъ.

Х.

Путткамеръ не только принадлежалъ къ консервативной партіи, но и относился къ числу лицъ, наиболѣе удобныхъ для открытія путей къ соглашенію посредствомъ „мягкаго“ примѣненія майскихъ законовъ. Съ одной стороны, защищая въ палатахъ „право государства“, онъ говорилъ съ такою твердостью, что слушателямъ казалось, что они слышатъ Фалька. Съ другой стороны, онъ заслуживалъ отзыва, сдѣланнаго кн. Бисмаркомъ въ одной изъ его депешъ: „администрація г. Путткамера достаточно доказываетъ его примирительное направленіе“.

„Примирительное направленіе“ въ примѣненіи законовъ должно было, по мнѣнію прусскаго правительства, послужить основою для переговоровъ съ куріею. Они дѣйствительно возобновились черезъ посредство папскаго нунція въ Вѣнѣ (нынѣшняго статсъ-секретаря), Якобини. Но опредѣлительныхъ результатовъ они не давали. Въ началѣ 1880-го года мелькнулъ лучъ надежды встѣдствіе новаго бреве Льва XIII (24-го февраля) на имя Мельхерса, въ коемъ папа заявлялъ готовность признать обязательность заявки о назначеніи духовныхъ лицъ (Anzeigepflicht). Но въ какомъ объемѣ и на какихъ условіяхъ будетъ признана эта обязанность?

Вопросы эти и были предложены, въ постановленіи совѣта министровъ 17-го марта, куріи, чрезъ посредство Якобини. Они явились предметомъ продолжительныхъ переговоровъ въ Вѣнѣ, но

оставались безъ опредѣленнаго отвѣта. Центръ „воинствовалъ“, вотируя съ оппозиціонными партіями по всѣмъ важнымъ для правительства вопросамъ. Кн. Бисмаркъ горько жаловался на его поведение въ одной изъ своихъ депешъ (20-го апрѣля), настаивая на томъ, что папа могъ бы „приказать“ центру дѣйствовать заодно съ правительствомъ. Въ поведеніи парламентскихъ клериковъ онъ усматривалъ признакъ неуступчивости куріи.

„До сихъ поръ,—говорилъ онъ,—мы практически шли навстрѣчу куріи. Полицейскія и судебныя преслѣдованія приостановлены, насколько намъ позволяютъ законы; мы предписали прокурорамъ и полиціи молчаніе и воздержаніе, поскольку мы можемъ и имѣемъ въ виду предложить законы, которые расширятъ эту возможность. Церковь же позволяетъ своимъ адвокатамъ въ рейхстагѣ и въ ландтагѣ и въ печати вести противъ насъ большую и малую войну, въ болѣе мягкихъ формахъ, но, въ существѣ, столь же рѣшительную“.

Признаніе знаменательное! „Прокурорамъ и полиціи было предписано молчаніе“, т. е. законы фактически не примѣнялись; мало того: правительство имѣло въ виду расширить свои полномочія по „смягченію законовъ“ и осуществило это намѣреніе прежде, чѣмъ Левъ XIII сдѣлалъ какую-либо существенную уступку.

Содержаніе законовъ, внесенныхъ правительствомъ въ 1880-мъ году и дополненныхъ въ 1882 и 1883, въ подробностяхъ своихъ не представляетъ уже интереса, такъ какъ ихъ постановленія поглощены болѣе общимъ закономъ, вотиrowаннымъ 4-го мая 1886 г. Но мы укажемъ здѣсь на ихъ общій мотивъ и на главнѣйшія постановленія, опредѣляющія ихъ направленіе.

Закону 20-го іюля 1880 года былъ предпосланъ слѣдующій мотивъ:

„Желаніе удовлетворить жалобамъ католическаго населенія, возникшимъ по поводу церковно-политическихъ перемѣнъ послѣдняго времени, издавна (?) было живо въ правительствѣ. Въ виду этого оно сдѣлало попытку достигнуть означенной цѣли посредствомъ спокойнаго и веденнаго въ примирительномъ духѣ обсуждения, но оно должно было убѣдиться, что переговоры постоянно приводятъ къ непримиримымъ противорѣчіямъ.“

„Посему королевское правительство рѣшилось удовлетворить указанной потребности актомъ государственнаго законодательства, поскольку это возможно безъ вреда для государства“.

Забота о „жалобахъ католическаго населенія“ припала весьма кстати, ибо давала предлогъ освѣтить жестокосердіе куріи и центра, не соглашающихся на уступки, выставить великодушіе мини-

стерства и, въ то же время, открыть пути къ соглашенію съ папой мимо центра.

Законопроектъ слагался, главнымъ образомъ, изъ требованій разныхъ полномочій правительству въ дѣлѣ непримѣненія и смягченія майскихъ законовъ.

Ст. 1-я давала министерству (съ согласія короля) право установить правила, по коимъ министръ духовныхъ дѣлъ можетъ освобождать отъ исполненія требованій, установленныхъ закономъ для занятія духовныхъ должностей, допускать иностранцевъ къ занятію мѣстъ учителей и наставниковъ въ духовно-воспитательныхъ заведеніяхъ, иначе опредѣлить условія государственнаго экзамена и регулировать права лицъ, обучавшихся въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ст. 2-ая позволяла рекурсъ на дисциплинарные приговоры духовныхъ властей только оберъ-президенту. Ст. 3-я измѣняла компетенцію королевскаго церковнаго суда въ томъ смыслѣ, что его приговоры объ увольненіи духовнаго лица влекли за собою неспособность къ отправленію должности и лишеніе содержанія, но не ея вакансію, т.-е. не касалась правъ уволеннаго, зависящихъ отъ каноническаго посвященія ¹⁾. Ст. 4-я (названная „епископскою“) уполномочивала короля вновь признавать епископовъ, отрѣшенныхъ приговоромъ суда. Ст. 5-я позволяла министерству допускать къ исправленію епископскихъ должностей въ вакантныхъ епархіяхъ представленныхъ ему лицъ и безъ принесенія требуемой присяги. Ст. 6-я постановляла, что епархіальныя имущества могутъ быть взяты въ казенную администрацію только по распоряженію министерства (кабинета), которое можетъ и отмѣнить сдѣланное имъ постановленіе. Ст. 7-я измѣняла законы 20-го и 21-го мая 1874 года въ томъ смыслѣ, что требованіе обязательнаго замѣщенія приходской должности патрономъ или общиной могло имѣть мѣсто только по полномочію оберъ-президента. Ст. 8-я давала министерству право возобновлять отпускъ содержанія въ епархіяхъ, гдѣ оно было приостановлено (Sperrgesetz), а министру духовныхъ дѣлъ—возобновлять его въ пользу отдѣльныхъ лицъ. Ст. 9-я сосредоточивала право преслѣдованія за нарушеніе законовъ 11, 12 и 13-го мая 1873 года, 20 и 21-го мая 1874 и 22-го апрѣля 1875 г. исключительно въ рукахъ оберъ-президента. Ст. 10-я предоставляла министрамъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ право разрѣшать учрежденіе новыхъ духовныхъ установленій и обществъ,

¹⁾ Последнее именно и постановляла 24-я ст. зак. 12 мая 1873 г.

посвященныхъ уходу за больными, а также воспитанію дѣтей ниже школьнаго возраста. Ст. 11-я постановляла, что предсѣдательство въ приходскомъ совѣтѣ (отнятое у священниковъ) можетъ быть иначе устроено королевскимъ распоряженіемъ.

Такимъ образомъ, законопроектъ долженъ былъ предоставить правительству возможность, по усмотрѣнію и обстоятельствамъ, не примѣнять важнѣйшихъ церковно-политическихъ законовъ или „освобождать“ отъ ихъ примѣненія. Политика правительства, представившаго законопроектъ, можетъ быть названа „обратно-майскою“. Проводя майскіе законы, оно какъ бы говорило куріи: смотри, какое оружіе у меня въ рукахъ—смирись! Теперь, заручаясь „полномочіями“, оно говорило: смотри, какія услуги я могу оказать тебѣ—уступи!

Но эта политика не была согласна съ настроеніемъ какъ центра, такъ и либеральной партіи. Центръ не хотѣлъ говорить о соглашеніи иначе, какъ подъ условіемъ отмѣны майскихъ законовъ; притомъ они не довѣряли „миру“, построенному на правилахъ, исполненіе которыхъ зависѣло отъ „воли одного смертнаго человека“. Либералы были въ принципѣ противъ дискреціонныхъ полномочій, которыя могли привести къ отмѣнѣ важнѣйшихъ постановленій майскихъ законовъ.

Борьба въ ландтагѣ была продолжительна и горяча. Послѣ долгихъ преній и „соглашеній“ законъ вышелъ въ значительно сокращенномъ видѣ. Изъ 11-ти его статей было принято 5. Ландтагъ отвергъ ст. 1, 2, 4, 7 и 11-ю законопроекта. Ст. 9-я была измѣнена, по предложенію депутата Бандемера, въ болѣе положительномъ, хотя и ограниченномъ смыслѣ, именно, что наказанія, опредѣленные въ зак. 11-го мая 1873 и 21-го мая 1874 г., не подлежатъ церковнымъ дѣйствіямъ, отправляемымъ законно-поставленными духовными лицами въ приходахъ вакантныхъ или въ коихъ лицо, занимающее должность, не можетъ ее отправлять. Но эти дѣйствія не наказуемы подъ тѣмъ условіемъ, если отправляющее ихъ лицо не выразитъ притязаній на занятіе самой должности. Это постановленіе было очень важно въ виду указанной выше „пустоты“ приходовъ, оставшихся безъ духовенства, необходимаго для совершенія требъ.

Наконецъ, новая (7-я) ст. постановляла, что права министерства по допущенію, безъ присяги, лицъ къ отправленію епископской должности въ вакантныхъ епархіяхъ, относительно возстановленія содержанія духовенству и порядка введенія казенной администраціи въ епархіяхъ, будутъ имѣть силу только до 1-го января 1882 года.

Въ этомъ видѣ законъ былъ принятъ неблистательнымъ большинствомъ 206 противъ 202. Центръ вотировалъ противъ.

Правительство постѣшило, однако, сдѣлать употребленіе изъ срочныхъ и (сравнительно съ его проектомъ) неполныхъ правъ. Для церковной жизни примѣненіе этихъ полномочій имѣло многія хорошія послѣдствія.

Въ слѣдующемъ году Путткамеръ могъ засвидѣтельствовать, что, благодаря допущенію къ отправленію пастырскихъ обязанностей въ вакантныхъ приходахъ другихъ, гѣ поставленныхъ лицъ, только 150 приходовъ, съ 170,000-мъ населеніемъ, остаются безъ правильнаго отправленія требъ и мессы, тогда какъ до изданія закона такихъ приходовъ было 1,103, съ 2.085,000-мъ населеніемъ.

Не менѣе важно было и замѣщеніе вакантныхъ епископскихъ кафедръ. Мы видѣли, что изъ 12 прусскихъ кафедръ осталось замѣщенными только 3: эрмеландская, кульмская и гильдесгеймская. Прочіе епископы были отрѣшены приговоромъ суда или умерли. Умерли и нѣкоторые изъ отрѣшенныхъ. Папа согласился дать разрѣшеніе на замѣщеніе кафедръ, сдѣлавшихся вакантными вслѣдствіе смерти епископовъ. Вслѣдствіе такого соглашенія были избраны и утверждены викаріями: падерборнской епархіи—Дробе, оснабрюкской—Гѣтингъ, трирской—Лоренци; а когда послѣдній оказался неудобнымъ, то трирскимъ епископомъ назначенъ рекомендованный эльзасскимъ намѣстникомъ, Мантейфелемъ, д-ръ Корумъ. Викаріи и епископъ были освобождены отъ принесенія присяги; казенная администрація епархіальныхъ имуществъ въ названныхъ епархіяхъ прекращена и выдача содержанія духовенству возобновлена. На тѣхъ же условіяхъ былъ назначенъ и новый фульдскій епископъ, д-ръ Коппъ, игравшій такую роль въ возстановленіи послѣдняго закона. Вступая въ управленіе епархіей, онъ издалъ „пастырское посланіе“, написанное въ самомъ миролюбивомъ духѣ и преисполненное надежды на окончаніе распри.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ правительство шло по пути, намѣченному имъ въ 1880 году. Преемникъ Путткамера ¹⁾, Госслеръ, былъ ревностнымъ продолжателемъ его политики. Новые „мирные“ законы, въ особенности законъ 11 іюля 1883 г., не только расширяли правительственные полномочія по „смягченію“ майскихъ законовъ, но и смягчали самые законы. Такъ, обязанность заявки была отмѣнена относительно назначенія духов-

¹⁾ Съ 17 іюня 1881 года перешедшаго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

ныхъ лицъ на должности помощниковъ и замѣстителей священниковъ или непостоянныя. Министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено право „диспенсаціи“ кандидатовъ на духовныя должности отъ требованій „научнаго“ испытанія, и Госслеръ особымъ циркуляромъ пригласилъ епископовъ представить ему списокъ лицъ, для коихъ они желали бы получить диспенсацію. Изъ 1,443 лицъ ее получили 1,235. Въ епархіяхъ кульмской, эрмеландской и гильдесгеймской было отмѣнено примѣненіе *Sprenggesetz's*, хотя епископы этихъ епархій и не обнаружили другого отношенія къ майскимъ законамъ. Отрѣшенный епископъ лимбургскій былъ помилованъ безъ условій и восстановленъ на своей кафедрѣ; за нимъ восстановленъ на кафедрѣ и мюнстерскій епископъ. Постановленіе закона 1880 года, освобождаващаго отъ уголовного преслѣдованія законно-поставленныхъ лицъ, отпавлявшихъ требы и мессы въ вакантныхъ приходахъ, распространено на всѣхъ духовныхъ лицъ. Постановленія законовъ 20 и 21 мая касательно обязанности патроновъ или, за отказомъ послѣднихъ, общинъ замѣщать вакантныя приходскія должности, отмѣнены.

Эти уступки были тѣмъ болѣе знаменательны, что министерство дѣлало ихъ, не выжидая существенныхъ уступокъ отъ центра и курій. Госслеръ прямо заявлялъ, что правительство теперь, ради „интересовъ католическихъ подданныхъ“, не можетъ руководствоваться принципомъ „*do ut des*“, т.-е. „если ты не сдѣлаешь, то и я не сдѣлаю“. Но предупредительность въ уступкахъ имѣла, конечно, и другую цѣль: достигнуть соглашенія съ папой мимо центра. Для этой цѣли канцлеръ, еще не особенно давно распространявшійся о томъ, что „русскій императоръ не держитъ посольства при армянскомъ патріархѣ“, вступилъ въ прямыя дипломатическія отношенія съ папой, сначала чрезъ посредство временно-посланнаго лица (Шлецера), а затѣмъ и чрезъ постоянного посла, постъ котораго былъ восстановленъ.

Законъ, вотированный въ палатахъ нынѣшнею весною, есть результатъ такого компромисса папы съ канцлеромъ, причемъ дѣятельнымъ сотрудникомъ обоихъ являлся упомянутый выше фульдскій епископъ Коппъ. Канцлеръ далъ много доказательствъ своего довѣрія папѣ, предоставивъ ему почетную обязанность рѣшить споръ съ Испаніею по поводу Каролинскихъ острововъ. Папа сдѣлалъ важную уступку, убѣдивъ Ледоховскаго и Мельхера отказаться отъ своихъ кафедръ и назначивъ на познанскую кафедру нѣмца.

Законъ, долженствующій обезпечить условія новаго „modus

vivendi“, былъ внесенъ правительствомъ прежде всего въ палату господъ, гдѣ можно было рассчитывать на поддержку консервативной партіи. Но здѣсь къ первоначальному проекту прибавились „поправки“ Коппа; главнѣйшія изъ нихъ требовали, чтобы правительство не могло отвергать наставниковъ семинарій, назначенныхъ епископомъ, и чтобы духовенство не имѣло права рекурса къ государственной власти по поводу наложенныхъ на нихъ дисциплинарныхъ взысканій ¹⁾. Затѣмъ, 29 членовъ палаты, въ томъ числѣ горячій когда-то защитникъ майскихъ законовъ, Микель, внесли резолюцію, требовавшую органическаго пересмотра этихъ законовъ, находя, что гораздо достойнѣе для государства пересмотрѣть свое законодательство и самому опредѣлить свои отношенія къ церкви, чѣмъ искать *modus vivendi* внѣ этихъ законовъ.

Въ палатѣ депутатовъ національ-либералы вотировали противъ закона, и представитель ихъ, проф. Гнейстъ, прочелъ лекцію о „неотчуждаемыхъ правахъ государственнаго суверенитета“, — тѣма, о которой такъ горячо говорилъ когда-то кн. Бисмаркъ. Центръ, подавшій голосъ за проектъ, сдѣлалъ это противъ убѣжденія, по временнымъ политическимъ соображеніямъ, говоря устами своего вожака, что бываютъ минуты, когда благоразумнѣе молчать. Въ самой палатѣ господъ большинство было настолько шатко, что правительство должно было убѣдить папу сдѣлать уступку по *Anzeigepflicht*; но и эта (ограниченная) уступка была сдѣлана подъ условіемъ скорѣйшаго пересмотра майскихъ законовъ.

Итакъ, новый законъ создаетъ только временный *modus vivendi*; больше ничего не видитъ въ немъ самъ кн. Бисмаркъ. Пересмотръ майскихъ законовъ поставленъ на очередь, и „культуркампфъ“ можетъ возобновиться каждую минуту. Интересно, однако, посмотрѣть, какъ относится канцлеръ къ оружію, выкованному съ такимъ трудомъ и о необходимости котораго онъ такъ много говорилъ когда-то? Отвѣтомъ на это служить его рѣчь въ палатѣ господъ.

Во-первыхъ, канцлеръ слагаетъ съ себя отвѣтственность за майскіе законы. Первые изъ нихъ были изданы тогда, когда прусскимъ министромъ-президентомъ былъ графъ Роонъ. Кн. Бисмаркъ принимаетъ на себя долю отвѣтственности только за общее направленіе законовъ, но не за ихъ подробности, не за „арабески“ этого зданія.

Во-вторыхъ, майскіе законы были законами боевыми, и нието

¹⁾ Эти поправки были приняты, и самъ Бисмаркъ вотировалъ за нихъ.

(?) не думалъ обращать ихъ въ постоянный институтъ прусскаго публичнаго права.

Въ-третьихъ (и это особливо назидательно), кн. Бисмаркъ представилъ злѣйшую критику важнѣйшихъ началъ майскаго законодательства, доказывая ихъ бесплодность. Что казалось важнѣе установленія условій „научнаго“ образованія духовенства и государственнаго экзамена? Теперь кн. Бисмаркъ говоритъ: дѣлайте что хотите, но католическій духовный всегда и во что бы то ни стало останется вѣрнымъ слугою папы, также какъ прусскій офицеръ всегда исполнитъ свой долгъ, даже въ войнѣ, которую лично онъ считаетъ несправедливою. Необычайно важнымъ казалось право рекурса къ свѣтской власти по поводу дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на духовныхъ лицъ ихъ начальствомъ. Теперь канцлеръ свидѣтельствуетъ, что майскіе законы, имѣвшіе цѣлю оградить духовенство отъ произвола его властей, оказались безсильными. Притомъ, — восклицалъ канцлеръ, — никого не принуждаютъ дѣлаться священникомъ, и если послѣдній испытываетъ непріятности и жалуется на нихъ государству, то послѣднему остается только отвѣтить: *tu l'as voulu!*

Самъ Бисмаркъ нѣкогда мотивировалъ необходимость дисциплинировать нѣмецкое духовенство въ національномъ духѣ тѣмъ, что оно, въ отличіе отъ французскаго, испанскаго и друг., менѣе всего національно и смотритъ прежде всего на Римъ. Теперь этотъ коренной порокъ обращается канцлеромъ въ добродѣтель, и ею канцлеръ объясняетъ неудачу майскихъ законовъ.

Читателямъ памятно, что канцлеръ видѣлъ въ „культуркампфѣ“ продолженіе вѣковѣчной борьбы между „царствомъ и священствомъ“, а конкретно говоря — между папою и императоромъ. Теперь оказывается, что „борьба прусской бюрократіи, восходившая до папы, было *proton pseudos*, первороднымъ порокомъ майскихъ законовъ“. Но кто же „велъ“ прусскую „бюрократію“?

Во время „культуркампфа“ Бисмаркъ опирался на либераловъ и припугивалъ консерваторовъ дальнѣйшими успѣхами либерализма за „недовѣріе“ консерваторовъ къ правительству. Теперь объясняется, что либерализмъ пользовался раздорами между правительствомъ и духовенствомъ, въ качествѣ „*tertius gaudens duobus litigantibus*“, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ.

Этихъ выдержекъ достаточно для характеристики того необыкновеннаго душевнаго спокойствія, съ которымъ канцлеръ „видомѣнилъ“ свои взгляды на задачи церковно-политическаго законодательства. Этому спокойствію можно бы позавидовать, еслибы зависть не была однимъ изъ смертныхъ грѣховъ.

Во всякомъ случаѣ новое соглашеніе съ папой не опредѣляетъ твердыхъ началъ отношенія государства къ церкви въ Пруссіи. Остается одинъ „modus vivendi“, державшійся на томъ, что Левъ XIII—папа „миролюбивый“. Но послѣ него престолъ можетъ перейти къ папѣ „воинственному“, который опять вызоветъ „культуреампфъ“. Кому-нибудь предстоитъ, слѣдовательно, вступить на почву истиннаго церковно-политическаго законодательства и разрѣшать вопросы, для рѣшенія коихъ оказались безсильны майскіе законы.

Но, обращаясь къ „майскимъ законамъ“—этому отвергнутому нынѣ чаду канцлера,—нельзя не сказать, что ихъ судьба способна навести на размышленіе о судьбѣ всякихъ „боевыхъ“ законовъ. Мы имѣемъ предъ собою майскіе законы, судьба коихъ завершается безъ осуществленія цѣли, для которой они были вызваны. Между тѣмъ цѣль ихъ была такова, что всѣ симпатіи всѣхъ образованныхъ классовъ были на ихъ сторонѣ. Никто не становился и не могъ стать на сторону силлабуса, энцикликъ, ультрамонтановъ и іезуитовъ. Но „законодательный суверенитетъ“, о которомъ такъ много говорилъ канцлеръ, долженъ быть подчиненъ извѣстнымъ непреложнымъ правиламъ. Законъ долженъ быть основанъ на началахъ общихъ и твердыхъ, строго обдуманыхъ, провѣренныхъ опытомъ, разумомъ и совѣстью; онъ долженъ быть рассчитанъ на отношенія нормальныя и имѣть въ виду согласованіе разныхъ разумныхъ интересовъ, признаніе и обезпеченіе тѣхъ правъ, коими располагаетъ человекъ въ благоустроенномъ государствѣ.

Только тогда законъ будетъ *scripta ratio*, писаннымъ разумомъ. Только тогда можетъ онъ рассчитывать на продолжительное существованіе. И поэтому законы не могутъ быть „боевыми“. Можно говорить о необходимости „боевыхъ мѣръ“ въ печальныя и исключительныя для государства минуты; дѣйствіе законовъ можетъ быть временно приостановлено. Но нельзя изъ этихъ временныхъ правилъ дѣлать общіе боевые законы. Въ отличіе отъ истиннаго закона, законъ боевой есть „писанная страсть“.

Его мотивы коренятся въ преходящихъ обстоятельствахъ; примѣненіе его возможно только въ первую минуту, когда „страсть“ жива еще въ самомъ законодателѣ и правителѣ. Но обстоятельства измѣняются, страсти утихаютъ, исполнители законовъ утомляются и самъ законодатель видитъ, что онъ не только ничего не достигъ, но что ему необходимо устранять массу зла, причиненнаго собственными его законами.

Эти размышленія невольно приходятъ на умъ потому, что и въ другихъ сферахъ, особенно въ послѣдніе годы, знаменитый прусскій министръ дѣйствуетъ по преимуществу законами боевыми. Промышленность, торговля, мѣстныя національныя отношенія, финансы испытываютъ на себѣ силу подобныхъ законовъ. Они свидѣтельствуютъ, конечно, о великой „энергіи“ канцлера. Но вопросъ о томъ, насколько ими создается прочный порядокъ, а не одинъ „modus vivendi“, и укрѣпляется собственное созданіе кн. Бисмарка, германская имперія,—этотъ вопросъ остается открытымъ.

А. Градовскій.

НЕПРИЗНАННЫЯ ХУДОЖНИЦЫ

Много русских семействъ настроило дачъ на арендованной землѣ близъ Риги, и каждый годъ проводятъ тамъ сезонъ морского купанья, оставляя въ пренебреженіи собственныя земли во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ пестрѣютъ цвѣтами сочные луга, гдѣ качаются колосья, точно кланяются, и гдѣ громко поютъ соловьи въ душистыхъ рощахъ. Солнце ли блеститъ и сіяетъ — некому смотрѣть на просторъ изъ оконъ запустѣлыхъ домовъ; идутъ ли по небу желтыя тучи, грохочетъ ли громъ или дождикъ прыгаетъ и барабанитъ по крышамъ — некому принять застигнутыхъ непогодой сосѣдей: господа уѣхали на море.

А тамъ, на берегу моря, песчаныя душные улицы между тѣсно скученными деревянными постройками, которыя лѣзутъ одна на другую и жмутся за изгородью трехъ-аршинныхъ садиновъ. Нѣтъ тамъ сочной травы, густого орѣшника, папоротника, ландышей, грибовъ и фіалокъ; только сосны простираютъ свои тощія вершины къ горячему назойливому солнцу, а подъ ногами хруститъ сухой мохъ, похожій цвѣтомъ на побурѣлую зеленую крышу, и стѣдить захватить руками этотъ мохъ или пробѣжать по немъ сильному вѣтру, — онъ снимается безъ сопротивленія, обнажая бѣлый песокъ. Тянутся огромныя песчаныя лысины. Весь морской берегъ состоитъ изъ глубокаго, зыбучаго песку. Дѣтамъ, говорить, полезенъ песокъ не менѣе купанья, — и какъ же имъ привольно играть на горячемъ бѣломъ пескѣ, наполненномъ мелкими раковинами! Одинъ мальчикъ насыпалъ вокругъ себя холмикъ песку и зарылся въ него до колѣнъ; другой мальчикъ погрузился животомъ въ песокъ и разводитъ руками, будто плаваетъ, и оба звонко хохочутъ.

— Дѣди! Kinder! не шалите, не шумите, chers enfans! —

раздаются на всѣхъ языкахъ голоса старшихъ; но дѣти, какъ будто не имъ говорятъ, продолжаютъ забавляться,—такъ что Надю, которая съ особеннымъ увлеченіемъ рѣзвилась, гувернантка, Каролина Ивановна, посадила рядомъ съ собой на скамейку и велѣла ей смирно сидѣть.

Много дѣтей, и нѣмецкихъ, и русскихъ, и между ними выдается Любочка, старшая сестра Нади. Она не хочетъ играть въ краски, потому что Миночка Шрейберъ, самая высокая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, которую взрослые, однако, не принимаютъ въ свое общество, взялась руководить игрой.

— Вы будете синяя краска,—назначаетъ она роли дѣтямъ,—вы—розовая, вы—красная, вы—Сенька косой...

— Нѣтъ, я буду фіолетовая,—возражаетъ Любочка, и чопорно, какъ бы стараясь удержаться отъ смѣха, оглядываетъ Миночку Шрейберъ съ ногъ до головы.

Бѣлое, широкое лицо Миночки съ неподвижной улыбкой на красныхъ губахъ похоже на маску. У нея дурныя манеры. Она часто упираетъ свои красныя, большія руки въ бедра, да такъ и стоитъ фертонъ, выставивъ толстую ногу на показъ.

— Elle est impossible,—рѣшаетъ про себя Любочка и сообщаетъ своему другу Полю слѣдующее замѣчаніе вполголоса:

— Elle est la fille de m-me Angot.—Любочка ужъ видѣла эту оперетку въ театрѣ, несмотря на то, что ей всего десяти годъ.

— Или фіолетовая, или никакая!—съ рѣшительностью объявила Любочка, и вышла изъ круга, гордо неся свою прелестную головку въ красной шапочкѣ на длинныхъ каштановыхъ кудряхъ. Ея восхитительное платье до колѣнъ все состоитъ изъ густыхъ складокъ; пышный подолъ сзади топырится надъ розовыми играми и стройной ножкой въ ботинкѣ съ переплетомъ.

— Любочка,—слѣдуетъ за ней Поль, долговязый бѣлокурый мальчикъ въ соломенной фуражкѣ,—я вамъ мячикъ подарю.

Она мелькомъ взглянула на его руки и видя, что онѣ пусты, подумала про себя: „pas si bête“, и сказала вслухъ, оттопыривъ нижнюю губку:

— Вы всегда что-нибудь общаете.

— Вотъ ей-богу же я завтра принесу,—ну, поцѣлуйте меня!

Съ усмѣшкой отскочивъ отъ него, Любочка понеслась легче серны вдоль берега, граціозно потряхивая пышнымъ подоломъ. Съ какимъ милымъ лукавствомъ оглядывается она и смѣется, какъ ловко ускользаетъ, повертываясь на высокомъ каблукѣ!

— Aber sa-agen Sie doch!—воскликаетъ, глядя ей вслѣдъ,

Каролина Ивановна, которая въ компаніи другихъ гувернантокъ сидитъ подъ тѣнью песчаного отвеса тамъ, гдѣ отлогій берегъ переходитъ въ пороспій жесткой травой склонъ, намытый моремъ; за нимъ видна сосновая роща.

— Какъ это они могутъ бѣгать въ такую жару, — подивилась русская гувернантка, и добавила какъ бы про себя: — Люблю я смотрѣть на дѣтей!

Каролина Ивановна, помолчавъ немного, подняла вверхъ подбородокъ и сентенціозно произнесла:

— Man kann lieben die Kinder, aber streng soll man sein.

— Je déteste les enfans, — откровенно сказала французенка.

Тутъ же сидитъ и Надя рядомъ съ Каролиной Ивановной. Старенькое платье широкое ей и длинно, — видно, что не на нее шито, и башмаки на ея ножкахъ стоптаны, потому что велики ей, и вся она не такъ изысканно нарядна, какъ сестра Люба, но она не менѣе привлекательна. Ясные наивные глаза дѣлятъ почти пополамъ ея выразительное лицо съ открытымъ лбомъ и мелкими нѣжными чертами; на немъ отражается то скука, то сосредоточенное вниманіе, то нетерпѣніе, то веселость. Вдругъ она засмѣялась. Но Каролина Ивановна пригрозила увести ее домой, и Надя притихла, продолжая съ участіемъ слѣдить за игрой издали.

Дѣти играютъ:

— Туеъ-туеъ.

— Кто тутъ?

— Сенька косой.

— Ich verstehe nicht, — съ надменной важностью заявляетъ Карлуша.

Вдругъ Поль, преслѣдуя легконогую Любочку, разлетѣлся и со всего размаха повалилъ Карлушу въ песокъ носомъ. Толстый Карлуша насилу поднялся; онъ надулся и пытитъ.

— Wart' mal! — грозить онъ Полю, дѣлая свирѣпые глаза.

— Виновать, — пробормоталъ Поль. И оба разошлись въ разные стороны, сконфуженные своею неловкостью.

Вотъ чему засмѣялась Надя.

И Любочка провинилась, позволивъ Полю поцѣловать себя при всѣхъ, и бдительная Каролина Ивановна подозвала и усадила ее рядомъ, по другую сторону съ краю.

Жарко. Гуляющихъ очень мало. Вало выглядятъ изъ-подъ зонтовъ вспотѣвшія лица нѣмецкихъ барынь; лѣниво бредетъ офицеръ въ бѣломъ кителѣ; медленно тянется незанятая пролетка фурмана.

Любочкѣ скучно сидѣть; она смотритъ во всѣ стороны, какъ подвижная статуэтка поворачивается на своей оси и видитъ сзади сидящаго на травѣ мальчика. Онъ сажаетъ червяка въ коробку. Мальчикъ красивый, черноволосый и быстроглазый, только одѣтъ нехорошо. На немъ ситцевая рубашка стоитъ коробомъ, потеряны на колѣнкахъ панталоны засунуты въ рыжія голенища и большая шелевая шляпа съ чужой головы. Встрѣтившись глазами съ Любочкой, онъ одернулъ на себѣ рубашку. Она невольно ему улыбнулась, хотѣла съ нимъ заговорить, но, подумавъ, что, можетъ быть, онъ изъ простаго званія, не рѣшилась. Но ей хочется хорошенько его разсмотрѣть.

— Sitzen Sie anständig!

Какую онъ сдѣлалъ смѣшную гримасу, показавъ глазами на Каролину Ивановну. Невозможно утерпѣть, чтобы не обернуться.

— Aber sitzen Sie doch!

— Ich sitze, Каролина Ивановна; какъ вы смѣете щипаться! — плаксиво завела Любочка и оборвалась...

Мальчикъ подскочилъ и толкнулъ обѣими руками гувернантку въ спину.

— Herr Je! — завопила Каролина Ивановна, скатываясь съ откоса; песокъ подъ ней осыпается, — она скользитъ, стараясь пасть съ достоинствомъ, хочетъ прикрыть обнаженную колѣнку краемъ исподней красной юбки, теряетъ равновѣсіе...

Гувернантки ахаютъ, негодуютъ; останавливаются шедшія мимо нѣмецкія дамы, поднимаютъ Каролину Ивановну и восклицаютъ въ одинъ голосъ:

— Aber sa-agen Sie doch!

— Aber me-einen Sie doch!

— Erba-armen Sie sich!

Безъ такого вступленія здѣшнія нѣмки никакого разговора не начнутъ. Восхищаются ли онѣ закатомъ солнца, глядя на алый его кругъ, тонущій въ розовыхъ лучахъ, отраженныхъ водою, слушаютъ ли увертюру изъ „Тангейзера“, выражаютъ ли испугъ, недоумѣніе или досаду, все тянутъ онѣ одинъ и тотъ же возгласъ:

— Aber sa-agen Sie doch, gnä-ädige Frau!

— Meinen Sie doch, gnä-ädiger Herr!

У всѣхъ у нихъ совершенно одинакій пѣвучій голосъ, дѣланый и фальшивый, и у всѣхъ одна и та же интонація разслабленнаго нытья.

Онѣ съ участіемъ провожаютъ домой Каролину Ивановну, ко-

торая, забывъ о воспитанницахъ, проклиняетъ свою гувернантскую участь:

— Die Russen sind überhaupt so schweinisch!

— Нѣмецъ хитеръ, обезьяну выдумалъ,—возражаетъ ей Поль.

Но она не слышитъ,—такъ сильно она потрясена своимъ паденіемъ.

Во время этой суматохи Любочка развела руками, осмотрѣлась и пустилась бѣжать вслѣдъ за незнакомымъ мальчикомъ вверхъ по склону къ рощѣ. Ноги вязнуть въ песокъ, дыханіе задерживается, но дальше, дальше—вотъ и роща, и молодой свѣтло-зеленый ельникъ, и за нимъ мшистыя, какъ мягкія подушки, кочки. Нестерпимо жарко и въ рощѣ, и въ самомъ тѣнистомъ мѣстѣ, заросшемъ зеленою брусники и черники, нѣтъ прохлады.

Видя, что мальчикъ сѣлъ на кочку, Любочка остановилась и перевела дыханіе:

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—выговариваетъ она незнакомцу:— развѣ это хорошо? Старшихъ слѣдуетъ уважать.

— Всякая корова можетъ состарѣться,—серьезно возразилъ незнакомецъ.

Цѣлую секунду она смотритъ на него съ удивленіемъ; лицо ея весело дрогнуло, и ея громкій смѣхъ огласилъ рощу.

Онъ застѣнчиво усмѣхнулся одними глазами. Волосы его растрепались, лицо разгорѣлось, глаза смѣются, а губы серьезны. Еще ни разу Поль не сказалъ ничего забавнаго, не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго; а этотъ—потерялъ шляпу и не замѣчаетъ!

— Какъ васъ зовутъ?—подошла къ нему Любочка очень близко.

— Сенекой. То-есть, это отецъ меня такъ называетъ, а по настоящему я—Степанъ.

— Кто вашъ отецъ?

— Ученый.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ всегда лежитъ. Ученые любятъ лежать съ книгой.

— Неужели вамъ не жалко Каролину Ивановну?

— Васъ жалче. Она васъ ущипнула, и я заступился. Я терпѣть не могу гувернантокъ, особенно нѣмокъ.

— А у васъ есть гувернантка?

— Нѣтъ, мы бѣдные.

— А мамаша у васъ есть?

— Есть, да она съ нами не живетъ—уѣхала.

— Ахъ, сколько черники, сколько черники!—сдѣлала Любочка легкій пируэтъ и, загнувъ назадъ стройную ножку, гра-

ціозно потянулася за чернікой. Во что бы набрать? Сенека, гдѣ ваша шляпа?.. Ха-ха-ха!

Сенека тронулъ голову обѣими руками и поглядѣлъ вокругъ себя.

— Потерялъ,—сказалъ онъ спокойно.—Да я и такъ. Чтожъ вы чернику не ѣдите?

Любочка скорчила брезгливую гримасу.

— Она пачкается.

Гдѣ-то громко звалъ раздражительный голосъ:—Дѣти, домой!

Оба разомъ опустили на колѣни за густой занавѣсью ельника и притихли, до такой степени притихли, что можно было слышать трепетъ крыльевъ дикаго жука и шелестъ его лапокъ. Сухо, непривѣтливо и безучастно смотритъ роща; зато въ ней нѣтъ назойливыхъ комаровъ, да и птицъ, бабочекъ и стрекозъ въ ней не видать. Пахнеть розмариномъ и сухими иглами хвои. Среди тишины паденіе вѣтки заставило дѣтей вздрогнуть.

Оба, стоя другъ передъ другомъ на колѣняхъ, смотрятся въ глаза. Она положила ладони на его плечи, приблизила лицо къ его лицу.

Не зная, какъ къ этому отнестись, онъ отвернулся, выразивъ глазами сдержанное удовольствіе.

Она поцѣловала его загорѣлую румяную щеку и подставила ему свою, но онъ стыдливо отодвинулся.

— Вы изъ-за меня шляпу потеряли,—шопотомъ сказала Любочка.

— Любочка, ау!—раздался вблизи мужской голосъ.

— Сего рара меня ищеть,—равнодушно замѣтила она:—приходите сюда завтра послѣ двѣнадцати.

— Лю-бо-чка!

— Придете? Ну, до свиданія.

Она, не торопясь, отряхнула платье и вышла изъ-за ельника на-встрѣчу отцу. Сенека отправился домой въ избу ночного сторожа, отворилъ низенькую дверь, вошелъ въ тѣсную комнату, гдѣ на продавленной постели лежалъ человѣкъ съ книгой, и спросилъ:

— Хочешь обѣдать, папаша? Картофель давно сварился.

— Ъсть мнѣ что-то не хочется,—отвѣчалъ человѣкъ съ книгой,—а вотъ еслибъ водки, хорошо бы. Ну, Сенека, выручай: достань двугривенный; книгу продай или у сторожа возьми.

Сенека съ сокрушеніемъ покачалъ черноволосой головой.

— Сторожъ требуетъ деньги за комнату,—говорить, что ты мошенникъ.

— Никогда не былъ и не буду, — спокойно возразилъ ученый и, повернувъ страницу, продолжалъ читать.

— Право же, я не виновата, cher papa, — говорить между тѣмъ Любочка, красиво выступая рядомъ съ родителемъ: — Каролина Ивановна всегда что-нибудь выдумаетъ. Лучше бы она не щипалась.

Отецъ отдувался; раздраженный утомительными поисками, онъ не прочь былъ сорвать на комъ-нибудь досаду, но никакъ не на своей любимицѣ, красавицѣ и умницѣ; поэтому, придя домой, сейчасъ же хватился: гдѣ Надя? — распекъ гувернантку и послалъ ее разыскивать другую дочь.

При паденіи Каролины Ивановны Надя тоже воспользовалась свободой, сошла внизъ поближе къ берегу, остановилась, полуоткрыла ротъ и замерла на мѣстѣ, засмотрѣвшись на море.

Тепловатой сыростью охватываетъ ее пахучій терпкій вѣтеръ; въ ухахъ — неумолкаемый плескъ, шумъ и ропотъ бѣгущихъ волнъ. Глазамъ больно смотрѣть на разноцвѣтные переливы солнечныхъ лучей въ закругленіяхъ струй, на блескъ перламутра, серебра и брилліантовъ въ подвижной массѣ мелкихъ брызгъ. Но вѣтеръ стихъ, и волны понемногу улеглись; набѣжало на солнце легкое облако; ровно и гладко легла поверхность моря и стала одного цвѣта съ горизонтомъ, и какъ будто слилась съ небомъ въ одну необозримую голубую ширь и даль. И кажется, что небо начинается съ самаго берега; стѣбитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ — и конецъ земли. Жутко тянетъ подойти къ самому небу, и не хочется двинуться съ мѣста, не хочется отвести отъ него глазъ.

Надя неподвижно стоитъ, какъ очарованная.

— Пойдемъ играть, — беретъ ее за руку Миночка Шрейберъ.

— Не трогайте меня, — упрасиваетъ Надя, — дайте мнѣ посмотреть на небо! — она съ блаженной улыбкой протягиваетъ свои тонкія ручки къ морю. — Тамъ ангелы летаютъ, херувимы, Богъ.

Миночка съ любопытствомъ заглянула ей въ лицо, пожала плечами и оставила ее созерцать небо.

Музыка несется изъ окрестныхъ ресторановъ, музыка гремитъ на плывущемъ мимо пароходѣ, и подъ звуки музыки все фантастически скрашивается, все получаетъ возвышенный смыслъ.

Море-небо стало еще глубже, еще безпредѣльнѣе; длиннокрылыя бѣлыя чайки — не птицы, а свѣтлые духи; парусъ вдаль — радостный вѣстникъ — летитъ къ хорошимъ людямъ. Всѣ люди хороши, а берегъ — арена для ихъ подвиговъ. Поступъ гуляющихъ торжественна: они готовятся къ великодушнымъ поступкамъ. Генералъ ѣдетъ въ коляскѣ, — не просто ѣдетъ, а спѣшитъ покрыть

себя неувадаемой славой; и вучеръ, и лошади его проникнуты важностью дѣла.

Дѣти—воплощеніе вѣчнаго счастья и веселья—созданы наслаждаться и дѣлать только добро.

Музыка смолкла. Идетъ по берегу Каролина Ивановна. Звуки музыки, которые она жадно слушала, не сгладили съ ея лица печати горькаго протеста. Ея поднятый вверхъ подбородокъ и кончикъ носа, и самодовольный взглядъ безцвѣтныхъ глазъ, и круто вздернутый затылокъ—все это неопровержимо доказываетъ, что лучше себя она никого не считаетъ, никого не любитъ и никого не пощадить при случаѣ. Не будучи въ состояніи произнести ни одного слова отъ досады, она грубо хватаетъ Надю за руку и тащить за собой, и молча вталкиваетъ ее въ кабинетъ отца.

Отецъ далъ Надѣ подзатыльникъ:

— Разиня!—Такой дрянной дѣвчонки, какъ Надежда, онъ еще не видывалъ. Ей уже не разъ перепалили шлепки и подзатыльники, и каждый разъ Надя только обернется и съ кроткимъ любопытствомъ поглядитъ, какъ сердится cher рара.

И каждый разъ вступаетъ за Надю грубиянка Варвара, старая нянюшка, которой все извинялось за ея преданность.

Комната Варвары внизу за кухней называется Варварійскими владѣніями: никто, не исключая самого барина, не рѣшается въ нихъ проникнуть изъ опасенія навлечь на себя дерзости старой чертовки; туда имѣетъ свободный доступъ только Надя. Тамъ стоитъ широкая кровать, длинный иконостасъ съ образами, столъ и сундукъ, заключающій въ себѣ сбереженія Варвары, какъ-то: разноцвѣтные платки, дареный ситецъ, старыя и новыя лоскутья, клубки и мотки, поминанье, сухія просфоры, подушечка съ иглами и другія вещи. Съ лѣвой стороны сундука, въ деревянномъ отдѣленьицѣ подъ особой крышкою лежатъ гостинцы: грецкіе орѣхи, черносливъ, сухой бисквитъ; все, что перепадаетъ Варварѣ дома или въ гостяхъ, она прячетъ для Нади, чтобъ было чѣмъ ее утѣшить въ печальныя минуты. Вотъ и теперь она привела къ себѣ Надю, отерла сундукъ, показала ей сто разъ видѣнныя картинки на внутренней сторонѣ крышки и дала ей леденцоваго пѣтушка. Она жалѣетъ Надю. И совершенно напрасно, потому что Надю ударили не больно, а обидчивость не свойственна ея душѣ.

Надя обновокъ не получаетъ, а донашиваетъ платья послѣ Любочки, не подозревая, чтобы могло быть иначе. Что похуже,

то всегда ей достается. Двѣ совсѣмъ одинакія игрушки, привезенныя гостемъ въ подарокъ сестрамъ, удивили ее.

— Мнѣ бы старенькую, похуже, — сказала Надя, гордая пониманіемъ своей роли. Ей и въ голову не входило, что новое платье пріятнѣе носить, что новые башмаки лучше сидятъ на ногахъ, чѣмъ обноски, и что новыя игрушки занимательнѣе старыхъ. Напротивъ, все новое запрещаютъ рвать, ломать и пачкать, а старое нечего жалѣть. И Надя ничего не жалѣетъ, все раздаетъ, портитъ, уничтожаетъ. Но когда она смотритъ въ нянининъ сундукъ, ея сердце переполняется нѣжною жалостью: няня такъ бережно перекладываетъ свои клубки и дрянные лоскутья. Надѣ хочется, чтобъ у няни въ сундукѣ лежали золотыя браслеты, серьги, черепаховыя и хрустальныя вещицы, какъ у мамы на туалетѣ, или кружева и ленты, какъ въ ящикахъ шифоньерки.

— Няня, зачѣмъ ты бережешь такую дрянь?

— Какъ же не беречь-то? Копила, копила сколько лѣтъ.

Дѣвочка бросается къ старухѣ и обнимаетъ ее.

— Мнѣ тебя жалко, няня, такъ жалко! — прижимается она къ ней всѣмъ тѣломъ. — Ты бѣдная.

— Ничего не бѣдная. Богатъ Богъ милостью.

— А ты бы рада была, еслибъ у тебя въ сундукѣ вдругъ очутилось золото?

— Золото? — снисходительно переспрашиваетъ старуха, не переставая съ озабоченнымъ видомъ рыться въ сундукѣ. — Ишь, чего захотѣла!

— Когда я вырасту большая, я тебѣ дамъ много, много денегъ, и подарю шелковое платье, и браслетъ и конфетъ отъ Конради. Поскорѣй бы вырасти! — мечтаетъ Надя, не безъ пріятности уничтожая леденцовога пѣтушка.

Варвара, какъ и всегда въ веселую минуту, вздергиваетъ свой подвижной маленькій носъ и скалитъ нетронутые старостью бѣлые, ровные зубы; небольшіе ясные каріе глаза ея пріятливо умиляются на дѣвочку, и Надя увѣрена, что няня ея — красавица, что лучше, милѣе и добрѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Но когда Варвара сердита, она крутитъ носомъ. О, тогда лучше къ ней не подступаться; она не остановится ни передъ какимъ ругательствомъ: чтъ съ нея взять, со старухи?

— Хочешь бармалатку, голубѣнокъ?

— Няня, отчего ты меня всегда называешь голубѣнкомъ?

— Оттого, чтъ въ ночь, когда тебѣ родиться отъ мамы, я видѣла во снѣ, что пришла къ сердцу бѣлаго голубка, и онъ бьется, бьется у меня. Проснулась я, и все мнѣ кажется, что я

держу подь сердцемъ голубочка, а мамаша твоя кричитъ. Я къ ней побѣжала, а ужъ ты на свѣтъ явилась, да прямо ко мнѣ на руки попала. Сонъ-то мой былъ пророческій: это, ты—мой бѣленькій голубочекъ, для тебя только я здѣсь и живу, а то давно ушла бы я на богомолье, а тамъ пристроилась бы въ богадѣльню, пора мнѣ на покой.

— Не уходи, няня! Когда я вырасту большая, я тебѣ подарю бархатное пальто и ты будешь въ каретѣ ѣздить.

Старуха смѣется надъ наивностью глупенькой дѣвочки, качаетъ ее на колыбельхъ, ласкаетъ ее.

Такъ проводить онѣ вмѣстѣ долгіе часы; никто ихъ не беспокоитъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ, гдѣ Надя и почуетъ иногда, на кровати и рядомъ съ няней, усыпленная ея рассказами.

Любочка предпочитаетъ комнаты маман: тамъ всегда пахнетъ духами, все чисто прибрано и разставлено съ большимъ вкусомъ. Она любитъ сидѣть на розовомъ диванчикѣ передъ лампой съ китайскимъ абажуромъ, но всего болѣе ее занимаетъ туалетный столъ въ будуарѣ.

Маман беретъ изъ граненой баночки кольд-кремъ и вытираетъ имъ лицо, потомъ жирнымъ карандашомъ въ оправѣ подрисовываетъ брови и рѣсницы, отчего глаза ея дѣлаются какъ бы подбитыми, въ особенности если она къ тому же синимъ карандашомъ выведетъ подглазники; но сверхъ этого накладывается пудра, а сверхъ пудры розовый порошокъ покрываетъ щеки, уши и кончики подбородка.

Нѣкоторое время маман такъ и сидитъ вся раскрашенная, затѣмъ беретъ щеточку слоновой кости и осторожно разметаетъ ею и разравниваетъ по лицу косметику, пока все лишнее не ссыплется на полотенце и не получится превосходный цвѣтъ лица, а глаза перестанутъ походить на подбитые.

Тогда маман вывертываетъ волосы изъ бигуди и тщательно распредѣляетъ мѣсто на лбу каждому завиточку.

Много разъ Любочка наблюдала эту процедуру и отлично сьумѣетъ ее продѣлать, когда понадобится. Она ужъ сдѣлала первый опытъ давно, когда была совсѣмъ маленькая. Когда маман, окончивъ туалетъ, вышла въ гостиную принять двухъ офицеровъ, Саблина и Шпорина, Любочка, оставшись одна въ будуарѣ, притерла свои пухлыя щеки, густо подвела брови карандашомъ, а губы красной помадой, и вмѣсто того, чтобъ терпѣливо разравнивать щеточкой косметику, она только размазала ихъ, не давъ имъ времени подсохнуть, да такъ и вышла въ гостиную.

— Это что за маска?—расхохотался сгег рара, и офицеры засмѣялись.

Маман въ смущеніи поспѣшила ее увести и подъ угрозой наказанія запретила ей прикасаться къ туалету. Маман не на шутку разсердилась. Но сгег рара, Саблинъ и Шпоринъ хохотали до упаду и прозвали Любочку „непризнанной художницей“. Саблинъ и Шпоринъ до сихъ поръ ее такъ называютъ, хотя она давно не дѣлаетъ подобныхъ глупостей. Не по днямъ, а по часамъ она становится все благоразумнѣе, и при постороннихъ держитъ себя какъ взрослая.

Въ настоящую минуту Любочка собирается въ концертъ, куда Каролина Ивановна должна ее сопровождать только для этикета, такъ какъ промаховъ въ обществѣ Любочка никогда не дѣлаетъ.

Надѣ доставляетъ большое удовольствіе смотрѣть, какъ сестру одѣваютъ въ воздушное серебристое платье, въ которомъ она дѣлается похожей на ангела. Къ привычному процессу одѣванья Любочка относится почти равнодушно, но Надя вѣ себя отъ восторга прыгаетъ вокругъ нея.

— Любочка, ты будешь музыку слушать! — восхищается Надя.

— Перестань, глупенькая!—останавливаетъ ее сгеге маман. —Что у тебя за порывы? то тебя съ мѣста не сдвинешь, то прыгаешь безъ всякаго смысла. Странная ты у меня дурочка!

Сгег рара совсѣмъ готовъ: въ одной рукѣ у него шляпа, въ другой тросточка—бадинка, жидкая и гибкая, какъ хлыстикъ, съ серебряными наконечниками. Онъ очень дорожитъ бадинкой, никогда не ставитъ ея въ уголъ, а кладетъ на столъ.

Онъ уже хотѣлъ выйти въ переднюю, но, взглянувъ еще разъ въ зеркало, замѣтилъ, что рыжія баки его неудовлетворительно разглажены, и занялся ими.

Наконецъ выпорхнула въ гостиную разряженная Любочка, за нею сгеге маман и сгег рара съ бадинкой, и Каролина Ивановна въ высокой шляпѣ возгласила:

— Ist schon angefa-angen.

Отправились въ концертъ.

А Надя ушла въ Варварійскія владѣнія, гдѣ няня дала ей для забавы распутывать клубъ нитокъ, сама же принялась сматывать шерсть съ одного клубка на другой, чтобы, помилуй Богъ, шерсть не слезалась и не истлѣла.

Она оторвалась отъ этого благодарнаго занятія, чтобы зажечь лампадку передъ иконостасомъ, послѣ чего перекрестилась и сказала:

— Тебѣ ужъ семь лѣтъ, Наденька, скоро говѣть начнешь, а молитвы ни одной не знаешь; пора молитвы учить.

Усадивъ дѣвочку на кровать, она, продолжая сматывать съ клубка на клубокъ сѣрую шерсть, стала учить ее:

— Очи наши... Говори за мной: очи наши.

— Очи наши,—послушно повторила Надя.

— Ежеси, но не беси.

— Какъ? нянечка, я не поняла.

— Не даромъ тебя глупенькой называютъ,—вдохнула старуха. —Другіе отроки ужъ Господу Богу предаются, чудеса творятъ. Намедни сосѣдскій кучеръ читалъ книжку въ кухнѣ, ужъ такую книжку читалъ про отрока—заслушаться можно.

— Расскажи, няня, про отрока.

— Изволь, голубенокъ,—весьма охотно согласилась старуха, —только ты слушай меня, не перебивай. У благочестиваго семейства родился отрокъ,—начала она наставительнымъ тономъ,—и сталъ онъ съ малыхъ лѣтъ придерживаться Бога, молиться, слушаться старшихъ, не шалить. И начали ему показываться ангелы и херувимы выше силъ...

— И мнѣ показываются ангелы,—перебила дѣвочка.

— А ты молись. Нужды нѣтъ, что молитвъ не знаешь, молись такъ. Не въ томъ угожденіе Богу, чтобъ наболтать побольше да лбомъ по полу колотить,—этакъ бы всѣ дѣячьи заживо на небо улетѣли. Молитва хороша не словами, а чистой слезой и душевнымъ сердцемъ. Вотъ что я тебѣ расскажу. Жили были три брата, совсѣмъ дураки, и говорить-то толкомъ не умѣли. И случилось въ той деревнѣ наводненіе. Попы молебень служить начали, ихъ и затопило во время молебна: знать, не отъ чистаго сердца служили. А дураки по своему, съ душевнымъ сердцемъ молились: „трое насъ, да старуха, да сиротка-малолѣтка, Господи, помилуй насъ!“ Отхлынула вода отъ ихъ избы, вышли братья по сухому мѣсту, вывели старуху-мать немощную и сиротку-малолѣтку, и пошли на гору спасаться. Такъ и ты. Молись, какъ тебѣ Богъ на душу пошлетъ.

Дѣвочка съ открытымъ ртомъ смотрѣла на няню въ глубокое раздумье, наконецъ напомнила ей.

— Ну, что же кучеръ читалъ?

Старуха встрепенулась.

— Такъ и отрокъ: все молился, и по его усердной молитвѣ снизошла на него благодать. Ничему онъ никогда не учился, а написалъ чудотворную икону во всю стѣну простымъ уголькомъ. И вышла на стѣнѣ Божія Матерь Троеручица, какъ живая, и

стали приходить къ тому мѣсту богомольцы: больные выздоравливали, несчастные утоляли печаль, неутѣшныя были утѣшены, и какое то дѣло начинать—имѣлъ большой успѣхъ отъ той иконы. Люди и построили вокругъ нея часовню, прибѣжище скорбящихъ. Ложись, голубочекъ, спать,—ты ужъ и глазенки закрыла.

— Я глаза закрыла для того, чтобы увидѣть Троеручицу.

— Охъ, да какая же ты дуручка! Давай, я тебя раздѣну.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не лягу, я хочу дожидаться Любочку, еще на нее посмотрѣть. Рассказывай, нянечка!

— Да нечего больше, ужъ я все рассказала. Пусти-ка меня полежать, подвинься къ сторонкѣ.

Улеглась старуха и скоро захрапѣла, а дѣвочка не сводить внимательнаго взгляда съ образа Богоматери. Темный ликъ при едва мерцающемъ огонькѣ лампы становится свѣтлѣе, будто оживаетъ; на сжатыхъ губахъ мелькнуло неуловимое, какъ тѣнь, движеніе и вѣки подъ тихо сіяющимъ вѣнчикомъ шевельнулись. Надя осторожно сползла съ кровати и стала на колѣни передъ образомъ.

— Господи! помоги мнѣ, отроковицѣ, нарисовать чудотворную Божию Матерь!—молится она своими словами и отъ всего сердца.—Тогда у татапа перестанутъ болѣть зубы, у рара пройдетъ катарръ желудка, у няни—поясница, у Каролины Ивановны—голова. И всѣ нищіе съ паперти: одинъ безъ ноги, другой безъ глаза и горбатый старикъ придутъ и выздоровѣютъ. Помогите мнѣ, Господи, нарисовать прибѣжище скорбящихъ!

Долго молилась Надя горячо и убѣдительно; слезы полились изъ ея глазъ. Тогда она пошла въ кухню, достала подъ плитой самый крупный уголь и тихонько пробралась наверхъ. Въ затѣ, вмѣщавшей также и столовую, спускалась лампа съ потолка, освѣщая незанятый простѣнокъ между окнами. Надя влѣзла на столъ и начала работать. Уголь скользнулъ по глянцевиой поверхности свѣтлыхъ обоевъ, оставивъ длинную черту. Надя поднялась на ципочки, достала повыше, прижала уголь покрѣпче.

— Господи, помоги мнѣ!—Волненіе пронзило ее трепетной дрожью.

Уголь крошится и ломается; стѣна чернѣетъ кругами и полосами—выходить что-то безобразное. Все напряженное тѣло Нади трясется отъ усталости; онѣмѣвшая рука опускается, уголь падаетъ на столъ. Она беретъ его въ лѣвую руку и безостановочно водить имъ по стѣнѣ. Но скоро и лѣвая рука устала. Въ мучительномъ томленіи уронила Надя темнорусую голову на грудь, утерла ла-

донью слезы. Ей хочется нарисовать ликъ божій, а выходить одні каракули, кривыя и гадкія.

— Помоги же, Господи!—порывисто и торопливо крестится она, много разъ крестится, хватается уголь и съ новой энергіей принимается рисовать. Руки ея перепачканы, мокрыя пятна размазаны по лицу.

— Aber sa-agen Sie doch!—пропѣла за ея спиной Каролина Ивановна.

— Chère maman, полюбуйтесь, что Надя дѣлаетъ!—вбѣгаетъ Любочка въ своемъ воздушномъ платьѣ.

А Надя смотритъ широко открытыми глазами на свою работу. Ее сняли со стола, ее допрашиваютъ:

— Что ты надѣлала, нелѣпая дѣвочка?

Но, находясь подъ властью другого могучаго впечатлѣнія, она молчитъ, устремивъ тихіе, серьезные глаза на мать; она полуоткрыла губы.

— Дура!

— Художница!—иронически замѣтилъ cher рара. Бадинка въ его рукѣ, сдѣлавъ угрожающій взмахъ, свистнула по воздуху.

— Это она на смѣхъ, — соображаетъ родительница, — съ досады, что ея не взяли въ концертъ. Вотъ сюрпризъ! Не знаешь, какъ свести концы съ концами, а тутъ еще придется домъ оклеить заново.

Щеки Нади вдругъ покрылись мертвенной блѣдностью и губы побѣлѣли: она поняла, что вмѣсто добра сдѣлала зло.

— Поди-ка сюда, я съ тобой поговорю!—пригласилъ ее cher рара въ кабинетъ, и тамъ при помощи бадинки сдѣлалъ ей строгое внушеніе.

— C'est bien fait, morgueuse!—привѣтствовала Любочка сестру, когда та вся въ слезахъ, закрывъ лицо руками, вышла изъ кабинета:—въ другой разъ не будешь стѣны мазать.

Сказала это Любочка въ угоду родителямъ, но, не встрѣтивъ одобренія на разстроенномъ лицѣ матери, почувствовала стыдъ и стала утѣшать сестру:

— Не плачь, Надя, это пройдетъ. Ты сама виновата.

Не помня себя отъ смущенія, Надя стремительно бросилась въ вошедшей нянѣ.

Варвара крутитъ носомъ. Она спала и опоздала во-время защитить свою любимицу, зато теперь она какъ ястребъ дыленка хватается ея и несетъ, оглашая лѣстницу неистовымъ крикомъ.

— О, чтобъ васъ тутъ совсѣмъ! родное дитя не жалѣте! Анаемская душа, чтобъ тебѣ сдохнуть!

— C'est toi qu'elle arrange, — вполголоса замѣтила мужу chère maman.

— Une vraie diablesse! — отвѣтилъ онъ, и супруги усталились другъ на друга сконфуженными фizioноміями.

Варвара умыла Надю, надѣла на нее ночную рубашку и положила ее съ собой спать.

— Никто тебя здѣсь не обидитъ, никто у меня не отниметъ. Дай, я подую на больное мѣсто, дай — поцѣлую, оно и заживетъ.

— Не трогай, нянечка, оставь!

— И что это тебѣ вздумалось стѣну-то размалевать? скажи-ка мнѣ на ушко!

Но Надя всего болѣе опасается, какъ бы няня не догадалась о ея неудавшейся попыткѣ. Она спряталась съ головой подъ одѣяло и оттуда сдавленнымъ голосомъ крикнула:

— Никогда никому не скажу!

— У, зелье! — проворчала Варвара и, повернувшись къ ней спиной, начала издавать равномерный сапъ.

Надя слышитъ, какъ реветъ и стонетъ море, какъ вѣтеръ хлопаетъ парусиной на балконѣ, трясетъ рамы и колеблетъ умирающее пламя лампадки, и вспоминаетъ она, какъ было хорошо начало вечера, когда няня рассказывала ей объ отрокахъ. Могла ли она ожидать, что ея благое намѣреніе приведетъ къ такимъ во всѣхъ отношеніяхъ плачевнымъ послѣдствіямъ, доводящимъ ее до состоянія, близкаго къ отчаянію! Лучше бы ея совсѣмъ не было на свѣтѣ, — такъ ей обидно и стыдно. Завтра всѣ захотятъ знать, зачѣмъ она испачкала стѣну, будутъ ее спрашивать, при-ставать и смѣяться. А она будетъ всѣмъ говорить, что нарочно это сдѣлала, съ досады, что ея не взяли въ концертъ, какъ думаетъ маман. Если маман такъ сказала, стало быть, и ее слѣдовало взять въ концертъ; зачѣмъ же не взяли? Въ первый разъ критически взглянувъ на дѣйствія старшихъ, она увидѣла несправедливость, и въ первый разъ созннное неравенство съ сестрой возмутило ея самолюбіе, разбудило его. Новое чувство, близкое къ зависти, скривило ея наивный ротикъ въ нехорошую улыбку:

— Развѣ я виновата, что я — младшая? За что же Любѣ всегда дѣлаютъ удовольствія, а меня... бьютъ!

Внезапныя надрывающія грудь рыданія разбудили няньку.

— Полно тужить! — сладко храпнувъ, отозвалась она: — до свадьбы заживетъ.

— Кромѣ няни, всѣ ее ненавидятъ, — продолжаетъ дѣвочка говорить. — Развѣ ему легче оттого, что ей больно? вѣдь стѣна

отъ этого все равно не очистилась; стало быть, онъ для собственнаго удовольствія причинилъ ей боль и стыдъ.

И она не будетъ никого любить,—пусть бьютъ. Надо только скрывать, хорошенько отъ нихъ скрывать свою боль и свой стыдъ.

Вотъ приблизительно въ какомъ состояннн духа находилась дѣвочка; къ этому прибавлялось ощущение остраго жара въ спинѣ, но въ послѣднемъ она даже самой себѣ старается не признаваться. Она не спитъ; мысли роятся въ дѣтской головѣ.

— Няня, а няня, проснись!—нетерпѣливо будить она старуху.

— Чего тебѣ?

— Въ книгахъ правда написана или неправда?

— Врутъ книги,—невнятно буркнула сквозь сонъ старуха.

Надя тревожно завопилась, завертѣлась, вытѣсла изъ-подъ одеяла и смотритъ въ темноту, объятая страшнымъ сомнѣннмъ. Ея глазамъ представляются отвратительныя черныя каракули, мелькаетъ серебряный кончикъ бадинки, то вытянутое лицо Каролины Ивановны, то рыжія баки cher рара. Все смѣшалось и пропало за темнымъ ликомъ образа; онъ свѣтлѣетъ, поднимаетъ бѣки, кротко улыбается... Сіяніе горитъ, какъ солнце, вокругъ головы.

— Няня! я ее вижу, вижу!—радостно кричитъ Надя и вскакиваетъ на колѣни.

— Кого? гдѣ? чего ты это?

— Божію Матерь вижу чудотворную; отчего же я не могу ее нарисовать?—Она указала пальчикомъ въ темноту и, въ изнеможеннн упавъ головой на подушку, мгновенно заснула.

Старуха недоумѣвала, долго обдумывала слова ребенка, наконецъ поднялась съ кровати, осѣнила себя благоговѣйнымъ крестнымъ знаменнмъ и, обратясь лицомъ, куда указывала Надя, пала ницъ. Слезы оросили ея сморщенные щеки. Съ умиленнымъ шопотомъ подошла она къ спящей дѣвочкѣ и приложила губами къ ея голой ногѣ.

Свѣтъ лампы замигалъ, затрещалъ, вспыхнулъ и погасъ.

Наступила непроглядная, густая темнота.

Утромъ рано поднялась старуха, помолилась Богу и, приведя въ порядокъ Варварійскія владѣннн, сѣла къ окну штопать старыя Любочкины чулки для Нади; потомъ она выгладила для нея чистое рововое платье, а Надя все спитъ. На верху ужъ встали и напились кофею; тогда старуха принесла кофейникъ съ остатками и рѣшилась разбудить свою любимицу.

— Вставай, голубѣнокъ, пора.

Надя потягивается и улыбается сквозь сонъ.

— Вставай, мое золото, чисто-серебро, земляничка моя, вставай, зернушко!—Съ особенною ласковостью няня ее одѣла, накормила мягкой булею и повела купаться.

Любочка и сѣге матан ужъ были на берегу въ раздѣвальной будѣ и тоже ласково ее встрѣтили и поцѣловали. А она старается казаться какъ можно веселѣе, старается дѣлать видъ, что ей не стыдно и не больно за вчерашнее, и сверхъ ожиданія настоятельно требуетъ, чтобы ей дали гуттаперчевый поясъ поплавать. Обыкновенно только Любочка пользовалась имъ, но на этотъ разъ матан ни въ чемъ не можетъ отказать и Надѣ, тѣмъ болѣе, что та совершенно резонно и съ небывалой самостоятельностью заявила:

— И я хочу. Не все же только Любочкѣ радости,—надо и мнѣ.

И няня стала надувать поясъ для Нади.

— Только не долго купайтесь,—говорить матан:—холодно сегодня.

Несмотря на холодную погоду, берегъ напоминаетъ древнюю Элладу. Женщины надѣли купальные костюмы, обшитые на разрѣзахъ красной тесемкой, и въ такомъ видѣ, съ открытыми плечами и руками, съ обнаженными до колѣнъ ногами важно расхаживаютъ или лежатъ въ небрежныхъ позахъ на отмели и на пескѣ. Нѣтъ необходимости остерегаться нескромныхъ взглядовъ, потому что въ часы, назначенные для женскаго купанья, берегъ охраняется сторожами, и всякій нечаянно забредшій туда мужчина платитъ штрафъ, и всякій приличный и расчетливый нѣмецъ—а ихъ большинство—избѣгаетъ неловкихъ и невыгодныхъ столкновеній. Слышится нѣмецкій языкъ, гѣвучій и унылый; говорить, что ночью была буря.

На мокромъ пескѣ видны морщины и рубцы, отпечатанные движеніемъ воды по берегу. И теперь еще море не успокоилось; оно реветъ и катитъ валы аспиднаго цвѣта; вѣтеръ крѣпчаетъ, рветъ и вдыхаетъ ихъ вершины косматыми зубцами. Но ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ плавать по волнамъ,—осторожно, разумѣется, и поближе къ берегу.

— Любочка, Надя, выходите, пора!

Но Надя не слушается и плыветъ дальше. Она такъ довольна, что, наконецъ, сбылась ея давнишняя мечта завладѣть поясомъ; радостно возбужденная, бодрая, смѣлая, она борется съ вѣтромъ, и хочетъ доплыть до неба. Отъ усиленныхъ взмаховъ руекъ расширяются ея легкія, тѣло скользитъ легко по студеной жидкости, а волна ее догоняетъ и ворчитъ такъ грозно, что Надя съ за-

мираніемъ сердца ждетъ: вотъ сейчасъ ее проглотить сердитая волна. Но волна мягко нахлынетъ, охватитъ ее съ головой и отнесетъ немного, потомъ разсыплется бѣлыми брызгами; другая волна подниметъ ее, покачаетъ, покачаетъ и опуститъ.

Ноги не достаютъ до дна, но поясъ крѣпко держитъ ее на поверхности.

Съ берега кричатъ:—Надя, Надя!

Она хочетъ вернуться, барахтается, напрягаетъ силы, но не можетъ. Ее несетъ. Впереди вздуваются гребнями высокія водяныя горы, все выше, все выше, до самыхъ облаковъ; онѣ подбрасываютъ ее высоко и сейчасъ донесутъ до неба. Соленая вода захлестнула ее совершенно, забралась въ ротъ, носъ и уши, шумитъ, гудитъ надъ ней злобѣющимъ говоромъ; слышатся далекіе вопли, жалобные голоса. Рука машинально хватается за воздухъ, голова кружится, и бессильно опускается онѣмѣвшее тѣло. Звонъ. Зеленныя и голубыя искры въ глазахъ яркими снопами разгораются все шире, свѣтлѣй, необъятнѣе. Это небо. На святыхъ золото, парча, самоцвѣтные камни, играетъ восхитительная музыка, гудятъ колокола и ангелы съ серебряными крылышками поютъ. Она останется на небѣ, все равно—дома ея никто не любитъ, кромѣ няни, а няня къ ней непремѣнно придетъ. Но все потускло, все потемнѣло и на небѣ.

Послали латыша на лодкѣ догонять шалунью Надю; онѣ блуждаетъ по морю во всѣхъ направленіяхъ, а его всѣ ждутъ на берегу. Всѣ, кромѣ Каролины Ивановны, которая воспользовалась случаемъ сходить въ гости, Любочка, Варвара, ссег рара и ссеге тамап. И никто не произноситъ ни одного слова. Наконецъ, ужъ къ вечеру латышъ привезъ маленький трупикъ и положилъ его на песокъ. Ссеге тамап слегка вскрикнула и потянулася; ссег рара бережно повелъ ее домой.

Много чужихъ дѣтей и взрослыхъ собралось посмотрѣть на Надю.

Она лежитъ на спинѣ съ раскинутыми ручками; поясъ спустился къ ногамъ, плотно опутаннымъ водорослью; онѣ прорвался и не содержитъ воздуха. Засоренные пескомъ мокрые волосы закрыли большой лобъ; мертвое личико какъ будто вдумывается или что-то припоминаетъ съ закрытыми глазами; верхняя губа слегка приподнята.

Любочка понимаетъ, что Нади ужъ нѣтъ.

Она силится вызвать въ себѣ сожалѣніе, но ничего не чувствуетъ, кромѣ пугливаго любопытства; она противъ обыкновенія жмется къ нанѣ съ инстинктивнымъ стремленіемъ завладѣть и ея

сердцемъ. Всегда она сторонилась отъ Варвары, какъ отъ единственнаго существа, оказывавшаго предпочтеніе сестрѣ, тогда какъ во всѣхъ рѣшительно она привыкла встрѣчать нераздѣльную ласку. Она тихо спрашиваетъ:

— Няня, теперь ты меня будешь любить?

Старуха, стоявшая въ оцѣпенѣніи, встрепелась при этомъ вопросѣ, взяла на руки мертвую дѣвочку и понесла домой.

— И хорошо, что Богъ прибралъ, — промолвила она упавшимъ голосомъ: — прямо на небо улетѣла безгрѣшная душенька.

Любочка круто повернулась на высокомъ каблукѣ, осмотрѣлась и, замѣтивъ, что вниманіе окружающихъ уже на ней сосредоточено, дотронулась до лба, съ утонченной граціей скругливъ локоть.

— Mon Dieu! — печально воскликнула она: — какое несчастіе!

И пошла свободной походкой мимо Сенеки, стоявшаго позади всѣхъ.

— До завтра! — шепнула она вскользь и не глядя на него: — послѣ двѣнадцати на томъ же мѣстѣ.

А. Виницкая.

ГАЛИЧИНА И РУСИНЫ

Изъ дорожныхъ замѣтокъ и наблюденій.

I.

Изъ всѣхъ славянскихъ земель, Галичина—самая ближайшая наша сосѣдка, а русинское населеніе ея—наиболѣе родное намъ. Но несмотря на это, а можетъ быть, и поэтому именно, мы—россійская читающая публика—изъ всѣхъ славянскихъ земель и племенъ наименѣе ознакомлены съ Галичиною и русинами. Мы знаемъ лишь, что галицкіе русины „бѣдствуютъ“, что они „угнетены“ и т. п.; но и эти „знанія“ наши покоятся или на громкихъ и безсодержательныхъ фразахъ, или на фактахъ, отдаленныхъ отъ насъ почти на полвѣка.

Ни одна область австрійской имперіи не представляетъ такого сплошнаго славянскаго населенія, какъ Галичина: въ Чехіи, напр., на долю славянскаго элемента приходится едва 60% населенія, въ Моравіи—около 75%, въ Галичинѣ же славянское населеніе составляетъ не менѣе 88% всего населенія области; остальные 12% составляютъ евреи, нѣмцы, армяне, цыгане и т. п. Славянское населеніе Галичины составляютъ поляки и русины (малороссы) почти въ равномъ количествѣ, если держаться официальнаго исчисленія народностей; но это исчисленіе не вездѣ согласно съ дѣйствительностью: русины, исповѣдующіе римско-католическую религію, нерѣдко официальными статистиками причисляются въ польской народности. Во всякомъ случаѣ, русинское населеніе Галичины составляетъ въ настоящее время болѣе двухъ съ половиною милліоновъ душъ обоого пола.

Распределеніе двухъ народностей по территоріи Галичины

довольно равномерно. Если читатель взглянетъ на этнографическую карту страны, то увидитъ, что какъ русинскія поселенія на западѣ, такъ польскія на востокѣ Галичины доходятъ почти до конечныхъ предѣловъ края; но чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ рѣже становится польское, и гуще, сплошнѣе русинское населеніе, и наоборотъ, подвигаясь на западъ. Болѣе или менѣе рѣзкою границею между двумя славянскими народностями можно принять рѣку Санъ. Раздѣливъ по Сану Галичину на двѣ части—восточную или русинскую, и западную или польскую, увидимъ, что въ первой есть поселенія, мѣстности, въ которыхъ число поляковъ составляетъ 2—3% населенія, и притомъ польское населеніе составляютъ здѣсь исключительно помѣщики и чиновники. Въ головахъ польскихъ шовинистовъ возникла-было мысль колонизировать восточную Галичину поляками-мазурами изъ западной Галичины; они думали этимъ средствомъ убить двухъ зайцевъ съ одного выстрѣла: во-первыхъ, „увеличить и укрѣпить“ въ восточной Галичинѣ польскую народность, рассчитывая, что мазуры будутъ содѣйствовать ополченію русиновъ; во-вторыхъ, переселеніемъ мазуровъ надѣялись ослабить въ западной Галичинѣ тотъ неспокойный „хлопскій“ элементъ, который такъ энергически заявилъ о себѣ въ 1846 г. Результаты подобной колонизаціи получились діаметрально противоположныя: мазуры были поселены въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ русинское населеніе несравненно выше ихъ и по культурѣ, и по образованію; поэтому, весьма естественно, переселенцы, вмѣсто ассимилированія другихъ, начали сами ассимилироваться.

Говоря вообще, въ восточной, особенно въ юго-восточной Галичинѣ русинское населеніе—настолько господствующее, что есть мѣстности, въ которыхъ русины составляютъ 90% всего населенія. Точно также въ западной Галичинѣ въ отношеніи поляковъ: здѣсь поселенія русиновъ хотя заходятъ далеко за городъ Ярославъ, но не болѣе, какъ оазами, и есть мѣстности, какъ напр. Тарнобрегъ, Бѣла, Каблушовъ, гдѣ польское населеніе составляетъ болѣе 90%, а русинское—1—2%.

Третью группу населенія Галичины, значительную не столько по количеству, сколько по вліянію ея на экономическій бытъ славянскаго населенія, составляютъ евреи. Къ сожалѣнію, еврейское населеніе распределено весьма неравномерно: въ восточной Галичинѣ евреевъ втрое больше, нежели въ западной; чѣмъ ближе къ границамъ Россіи, тѣмъ гуще еврейское населеніе. Разумѣется, еврейское населеніе группируется почти исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ; въ столицѣ края, Львовѣ,

еврейскіе жители составляютъ до 30% всего населенія, въ Бродяхъ—25%, въ Тернополѣ, Коломыѣ—до 20%; вообще же—въ городахъ Западной Галиціи еврейское населеніе составляетъ около 7%, а въ городахъ Восточной—около 20%. Возрастаніе еврейскаго населенія совершается съ необыкновенною быстротою, объяснимою лишь аномальными экономическими и общественными явленіями, какъ въ самой Галиціи, такъ еще болѣе въ сосѣднихъ съ нею краяхъ, сообразно коимъ населеніе евреевъ въ Галичинѣ то возрастало, то уменьшалось, то вновь увеличивалось далеко не пропорціонально увеличенію христіанскаго населенія. Если вѣрить статистикамъ прошлаго вѣка, то въ 1786 г. евреевъ во всей Галиціи насчитывали 215,500 душъ обоаго пола. Черезъ 33 года, именно въ 1810 г., населеніе это уменьшается до 168,000, а въ 1821 г. возрастаетъ до 205,000; черезъ 10 лѣтъ доходитъ до 232,000; въ слѣдующее десятилѣтіе увеличивается на 40 тысячъ, а черезъ пять лѣтъ, т.-е. въ 1846 г., вдругъ достигаетъ до 335,000! Еще черезъ десять лѣтъ евреевъ въ Галиціи насчитываютъ уже 449,000. Такой необыкновенный приливъ мѣстные статистики объясняютъ эмиграціей изъ Россіи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ реформъ, предпринятыхъ нашимъ правительствомъ въ отношеніи евреевъ. Впрочемъ и въ послѣдніе годы еврейское населеніе увеличивается несравненно быстрѣе христіанскаго: послѣднее за 12 лѣтъ увеличилось на 16%, а первое—на 28%.

Хотя религіозной нетерпимости между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ незамѣтно; но несомнѣнно, что и русинъ, и полякъ не любятъ еврея. Конечно, нелюбовь русина и глубже, и выражается рѣзче, иногда ужъ черезъ-чуръ рѣзко, въ формѣ кровавыхъ схватокъ. Причины и для поляка, и для русина однѣ и тѣ же—экономическая эксплуатація; но такъ какъ среди русинскаго населенія евреевъ больше, то поэтому и эксплуатація, и протесты противъ нея рѣзче выражаются среди русиновъ, нежели среди поляковъ. Впрочемъ объ этомъ предметѣ я буду еще говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Для полноты очерка надо упомянуть еще объ одной группѣ галицкаго населенія—о нѣмцахъ. Появленіе нѣмцевъ въ Галичинѣ и поселеніе ихъ во Львовѣ для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей относится ко временамъ весьма отдаленнымъ. Но, несмотря на это, нѣмецкій элементъ возрасталъ слабо и оказывалъ свое вліяніе лишь настолько, насколько вліяніе это необходимо было въ сферѣ чисто бюрократической. Нѣмецъ-чиновникъ орудовалъ надъ славянами лишь до тѣхъ поръ, пока Австрія

не разсталась съ политикою онѣмеченія славянъ; дорого стоила государству эта попытка: много поглотила она и моральныхъ, и матеріальныхъ силъ, но въ результатъ получилась едва-ли не отрицательная величина. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія политика онѣмеченія славянъ сдана въ архивъ; къ жизни вызвана національная равноправность, и тутъ-то австрійскіе политики убѣдились, что ни русиновъ, ни поляковъ они не онѣмечили, но зато обюроковали поляковъ и въ значительной степени деморализировали славянскую интеллигенцію.

Австрійскіе политики надѣялись, что онѣмеченіе русинскаго народа совершится и легко, и скоро; повидимому внѣшнія условія благопріятствовали нѣмцамъ: русская національность не имѣла ни аристократіи, ни капиталистовъ; интеллигенцію ея составляло духовенство, экономически крайне бѣдное; слѣдовательно—думалось нѣмцамъ—стоитъ только завести нѣмцевъ школы да колонизировать край нѣмцами, и дѣло въ шляпѣ. И вотъ русская школа была уничтожена; преподавательнымъ языкомъ народной школы сдѣланъ нѣмецкій; но многолѣтній опытъ показалъ въ этой сферѣ, что вмѣсто онѣмеченія достигнуто лишь крайнее невѣжество народа, обѣдненіе его, распространеніе пьянства и т. п. неизбѣжныя послѣдствія анти-народной школы и присущаго ей невѣжества. Подобный результатъ получился и отъ колонизаціи. Переселеніе нѣмцевъ въ Галичину совершалось при матеріальномъ содѣйствіи правительства. Основано было 184 нѣмецкихъ колоній, съ населеніемъ около 13-ти тысячъ душъ; колонистамъ отведено 154,000 морговъ земли. На это переселеніе правительство израсходовало болѣе 2½ миллионъ гульденовъ; но послѣдствія показали, что всѣ эти громадныя затраты въ дѣлѣ онѣмеченія славянъ не принесли австрійскому правительству ни малѣйшей пользы. Нѣмцы-колонисты не только не онѣмечивали славянъ, но сами ославянились. Впрочемъ, замѣчаютъ, что въ послѣдніе годы не только колонисты, но вообще нѣмцы—торговцы и ремесленники въ городахъ Галичины—утрачиваютъ свою національность; а нѣмецъ-чиновникъ, ополчившись самъ, стремится болѣе, чѣмъ самый „zajadły“ полякъ, ополчивать русиновъ.

Долголѣтнее стремленіе австрійскихъ политиковъ онѣмечить славянское, въ особенности русинское, населеніе причинило всей Галичинѣ столь глубокія раны, что онѣ донинѣ зияютъ. Орудіемъ этого стремленія всегда служило извѣстное правило: divide et impera. Второстепенные органы имперскаго вѣнскаго правительства, стараясь поселить недовѣріе, вражду и ненависть между двумя славянскими народностями Галичины, надѣялись этимъ пользо-

увѣршить не столько оцѣмеченіе, сколько личное свое могущество и матеріальное благосостояніе. Раздувая ненависть между русинами и поляками, они увѣряли центральную власть въ политической неблагонадежности обѣихъ народностей: сегодня они обвиняли поляковъ въ революціонныхъ стремленіяхъ, завтра—взводили обвиненіе на русиновъ въ сепаратизмѣ. Церковная проповѣдь на народномъ языкѣ; употребленіе школьнымъ учителемъ при объясненіи съ учениками народнаго языка; появленіе самой невиннѣйшей книги на малорусскомъ языкѣ, напечатанной за предѣлами Австріи, напр. въ Россіи,—составляло, въ глазахъ австрійскихъ чиновниковъ несомнѣнные признаки „сепаратизма“ русиновъ, тяготѣніе ихъ къ „Москвѣ“, и преслѣдовалось самыми строгими мѣрами, не исключая и ссылки.

Центральное правительство, слѣдуя политикѣ угнетенія одною народностью другой, поощряло дѣятельность въ этомъ родѣ своихъ мѣстныхъ агентовъ. Въ какой народности правительство нуждалось въ данный моментъ, ту оно и натравляло на другую, ту и подбуждало разными льготами и обѣщаніями. Проходило время, обстоятельства измѣнялись—вчерашніе друзья вѣнскихъ жрецовъ объявлялись врагами правительства и отдавались на угнетеніе своихъ враговъ, которые сегодня сдѣлались друзьями жрецовъ. Наступала, напр., борьба нѣмцевъ съ поляками—галицкихъ русиновъ расковыривали отъ цѣпей и натравляли на поляковъ: такъ было въ 1848 г. Черезъ нѣсколько лѣтъ замѣченъ русинскій „сепаратизмъ“, и роли поляковъ и русиновъ перемѣнились; но не надолго! Вспыхнуло возстаніе 1863 г., и нѣмецъ, намѣстникъ Галичины, заявляетъ русинамъ, что теперь на ихъ улицѣ праздникъ и настала пора „den Herrn Polen einbeizen“... И „бани“ продолжалась до 1868 г., когда наступила въ Австріи конституціонная „равноправность всѣхъ національностей“. Галичина получила свой сеймъ и автономное національное управленіе.

Въ рукахъ поляковъ находилась національная аристократія, крупное землевладѣніе, капиталисты; имъ благопріятствовала система выборовъ; центральная вѣнская власть была на ихъ сторонѣ; весьма естественно, что загнанный системою оцѣмеченія убогій русинскій пошъ и „хлопъ“ не могли собственными силами противоудѣйствовать полякамъ: національная равноправность оставалась лишь на бумагѣ, въ теоріи, на дѣлѣ же все управленіе страной очутилось въ рукахъ поляковъ. Совершенно естественно, что поляки не могли отнестись дружелюбно, съ искреннимъ довѣріемъ къ русинскимъ дѣятелямъ. Почти вѣковое натравливаніе на враждебныя отношенія двухъ національностей дало такіе де-

морализирующие плоды, которые не уничтожаются въ одинъ годъ: для этого нужны долгіе годы энергическаго просвѣтительнаго труда школы и литературы. Поляки не могли забыть услугъ, которыя оказывали русинскіе дѣятели дѣлу угнетенія польской національности. Еще менѣе могли они отрѣшиться отъ своего вѣкового заблужденія въ призваніи ихъ ополячить и окатоличить русиновъ: это заблужденіе среди поляковъ въ особенности поддерживало католическое духовенство, во главѣ съ отцами-іезуитами. Поэтому поляки, сдѣлавшись полными, безконтрольными почти хозяевами Галичины, начали распоряжаться ею далеко не соответственно конституціонной равноправности народностей, руководствуясь узкими шовинистскими цѣлями. Притѣсненіе русиновъ и языка ихъ при конституціонной системѣ сдѣлалось ничуть не меньше, если не больше, чѣмъ было и во времена абсолютизма.

Въ свое оправданіе поляки приводили, да и теперь еще иногда приводятъ русинскій „сепаратизмъ“, — стремленіе русиновъ „соединиться съ Москвою“ — и наконецъ „славянофильскую пропаганду москалей“. Всѣ эти пугала поляки усматриваютъ въ томъ, что въ средѣ русиновъ организовалась, весьма незначительная впрочемъ по численности, партія „объединителей“, органы которой, газеты „Слово“ и „Проломъ“, проповѣдуютъ, что „отъ Карпатъ до Камчатки долженъ быть одинъ русскій языкъ“, а потому, по ихъ мнѣнію, русины должны забросить свой народный языкъ, не стремиться къ развитію на этомъ языкѣ литературы и науки, а всецѣло принять языкъ и литературу великорусскіе. Нѣтъ надобности входить въ оцѣнку состоятельности этой проповѣди. Достаточно сказать, что главные авторы и представители ея хотя доказываютъ двадцать уже лѣтъ, что „русинъ въ одинъ часъ можетъ научиться великорусскому языку“, но, несмотря на такую легкость, сами авторы въ теченіе 20-ти лѣтъ не научились правильно писать по-русски. Вотъ, напримѣръ, какъ пишутъ главные адепты этой теоріи въ своихъ органахъ. „Противники наши кажутъ собѣ за свой трудъ платити и притомъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются съ запорою, якую становить имъ самъ народъ“, и т. д. („Проломъ“). Или: „Ніякая церковь не выдержала столько атакъ въ якъ православная отъ турокъ... Якъ Лютирь не только оторвался отъ римской церкви, но стался причиною реформы въ нѣдрѣ“... („Слово“). „Искаешь мѣста гдѣ и тѣлу уложено, и уму убаготворено. Спомню тобѣ средоточную семинарію будапештѣнскую: тамъ окружонъ есь воздухомъ богобояности; тамъ огонь огрѣвалъ бы есь душу, который соложе всѣхъ дорожайшихъ пищъ“ („Карпатъ“). Это языкъ „научный“; а вотъ образчикъ бел-

летристическаго языка „Слова“: „Самъ ты слышалъ, что я давалъ мою заслуженную и капанину, которую придбалъ... Онъ сказалъ тихцемъ, чтобы я старался о больше грошей за кѣмъ грунтъ придадутъ... А кто же, дѣвча, опиралъ мене, тогда я въ ты лишилася сиротою? тогда я носилъ тебя на рукахъ по при овцахъ, шилъ сороченята тобѣ... что было, можетъ быть, и днесъ“...

Что это за языкъ? какой народъ говоритъ такую белибердою? спросить меня читатель. Это—не языкъ, отвѣчу я, а такъ называемое „язычье“, на которомъ никто въ мірѣ не говоритъ, но на которомъ издаются русинскія газеты „Слово“, „Проломъ“ и „Карпатъ“, и онѣ-то этотъ „языкъ“ выдаютъ своимъ читателямъ за великорусскій литературный языкъ!

Еслибы поляки знали нашъ русскій языкъ, то они поняли бы, что между нашимъ литературнымъ языкомъ и белибердою „Слова“ и „Пролома“ нѣтъ ничего общаго, и махнули бы рукою на возвыщенную теорію „язычнаго объединенія“; но поляки ни русскаго, ни русинскаго языка не знаютъ, а тутъ еще на бѣду узнали они, что редакція „Слова“ получаетъ денежныя субсидіи „изъ-за границы“, и этого было достаточно, чтобы усмотрѣть „сепаратизмъ“ и стремленіе къ Москвѣ, и за „идеи“, и субсидіи нѣсколькихъ лицъ накинуться съ репрессаліями на весь русинскій народъ, усилить мѣропріятія для ополяченія и окатоличенія и, наконецъ, сочинить извѣстный политическій процессъ 1882 г. по обвиненію 11 русиновъ въ государственной измѣнѣ!

Идея „языковаго объединенія“ возбудила и въ средѣ самихъ русиновъ расколъ и вызвала организацію другой партіи, такъ называемой „народной“. Люди этой партіи усвоили убѣжденіе, что защита русинской народности отъ ополяченія и окатоличенія возможна лишь при просвѣщеніи народа, при созданіи національной свѣтской интеллигенціи, литературы и науки, посредствомъ поднятія народной культуры и экономическаго благосостоянія народа. Но подобнаго рода улучшенія находятся въ полной и прямой зависимости отъ степени образованія народной массы; слѣдовательно прежде всего необходима школа и литература на народномъ языкѣ. И вотъ для достиженія этихъ цѣлей русины народной партіи, въ видахъ противодѣйствія ополяченію и окатоличенію, организовали, во 1-хъ, общество для распространенія въ народѣ грамотности, „Просвѣта“; во 2-хъ, періодическія литературныя изданія для народа („Батьковщина“) и особо для интеллигенціи („Правда“, „Діло“ и „Зоря“), и, въ 3-хъ, общество для развитія литературы на родномъ языкѣ русиновъ. Вотъ какою путъ былъ признанъ вѣрнымъ для борьбы! Да, правду сказать,

иного пути и вообще нѣтъ. Но и этотъ логическій и вполне легальный путь вызвалъ противодѣйствіе съ двухъ сторонъ: поляки все-таки не разставались съ подозрѣніемъ о „московской пропагандѣ“; главнымъ образомъ подозрѣніе ихъ поддерживалось ихъ же собственнымъ невѣжествомъ, полнымъ незнаніемъ народнаго языка русиновъ. Преслѣдуя языкъ „Слова“, какъ языкъ „moskiewski“, поляки сами не понимали, что въ своихъ официальныхъ сношеніяхъ съ русинами, въ случаяхъ, когда по закону обязательнъ языкъ русиновъ, они употребляютъ нѣчто такое, чего хотя и нельзя назвать языкомъ, но что къ „московскому“ языку гораздо ближе, чѣмъ „язычіе“ „Слова“. Вотъ, напр., на какомъ, якобы русинскомъ, языкѣ издается „Вѣстникъ“ правительственныхъ распоряженій и законовъ; выписываю дословно § 27 закона о школахъ: „Повѣтовому школьному совѣту прислужае взглядомъ всѣхъ публичныхъ заведеній, первоначальныхъ школъ фаховыхъ, потомъ взглядомъ заведеній дѣтсвой охораны въ повѣтowej округѣ дѣйствія, который по прежнимъ предписамъ прислужае“, и т. д. „Вѣстникъ“ редактируетъ Иванъ Головацкій, русинъ, писатель начала сороковыхъ годовъ... Неудивительно, что „Вѣстникъ“ имѣетъ 140 подписчиковъ, что русины предпочитаютъ выписывать тотъ же „Вѣстникъ“ на польскомъ языкѣ, и что, наконецъ, въ прошломъ году депутація отъ галицкихъ русиновъ (профессора университета Шараневичъ и Огоновскій), будучи въ Вѣнѣ по другому дѣлу, признала необходимымъ въ числѣ нуждъ русиновъ—указать на необходимость изданія правительственныхъ распоряженій на такомъ языкѣ, который могли бы понимать русины!..

Рѣшенія галицкихъ судовъ, когда таковыя пишутся на языкѣ русиновъ, отличаются такимъ же „москалефиствомъ“, какъ и языкъ „Вѣстника“, да сверхъ того пишутся еще латинскимъ алфавитомъ.

Гораздо ожесточеннѣе, нежели поляки, наинулась на дѣятельность молодой партіи — партія „языковыхъ объединителей“, или „обще-руссовъ“, и приемы ея были гораздо некрасивѣе: эта партія не стѣснялась въ своихъ органахъ клеймить своихъ противниковъ всякаго рода и до очевидности лживыми измышленіями и путемъ клеветы дискредитировать народную партію въ глазахъ народа. Чуть появляется какое-либо новое періодическое изданіе или полезное предпріятіе, изъ лагеря „твердыхъ“ раздается крикъ: „Нигилизмъ! социализмъ! интрига!“ Сами кричащіе хорошо сознаютъ, что они выкрикиваютъ вздоръ; но для нихъ вся за-
дача состоитъ не въ томъ, чтобы доказать литературнымъ псе-

темъ заблужденіе противника, или путемъ научнаго и общественнаго безпристрастія заставить противника отказаться отъ своихъ теорій,—нѣтъ, задача въ томъ, чтобы направить на противника польскую полицію... Мало есть людей, которые, подобно этимъ рыцарямъ, были бы такъ неразборчивы при выборѣ средствъ для борьбы съ противникомъ. Къ чести молодой партіи надо сказать, что она относится съ большою терпимостью, съ замѣчательнымъ джентльмэнствомъ къ приѣмамъ своихъ противниковъ. Вѣроятно потому именно послѣдніе съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе и болѣе нетерпимыми и неразборчивыми на средства и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на нелѣпость своихъ „идей“, на то, что ихъ „теоріи“ и созданы, и поддерживаются искусственными и притомъ некрасивыми средствами... Впрочемъ, бываютъ и такіе случаи, что „твердые“ прибѣгаютъ къ тѣмъ же приѣмамъ и противъ людей изъ своего лагеря. Не далѣе, какъ въ прошломъ году пріѣхалъ во Львовъ изъ-за границы одинъ господинъ съ цѣлю обревизовать одно мѣстное коммерческое заведеніе, въ которомъ заграничная фирма участвуетъ солиднымъ денежнымъ вкладомъ. Во главѣ заведенія стоятъ „твердые“ русины. Дѣла заведенія были такъ запутаны, что ревизія пріѣзжаго могла бы открыть кое-что нежелательное. И вотъ полиція получаетъ доносъ, что пріѣзжій—„нигилистъ“ и явился съ цѣлю анти-австрійской пропаганды, и т. п. Разумѣется, прежде чѣмъ успѣлъ пріѣзжій приступить къ ревизіи заведенія, полиція настояла, чтобы онъ въ 24 часа оставилъ Львовъ...

Самое печальное во всей этой „борьбѣ“—то, что сами же „твердые“ русины сознательно или нѣтъ—разница не велика—содействуютъ ополченію своего народа, вызываютъ темныя силы на преслѣдованіе просвѣтительной дѣятельности своихъ братьевъ и, вообще говоря, помогаютъ полякамъ парализовать національно-культурное развитіе русинскаго народа.

II.

Познакомившись, хотя бѣгло, какъ съ положеніемъ двухъ народностей, такъ и съ взаимными отношеніями двухъ партій среди русиновъ, можно было бы перейти къ обзорѣнню тѣхъ реальныхъ результатовъ, которыхъ достигли русины въ борьбѣ за существованіе своей народности и религіи. Но для болѣе правильной оцѣнки этихъ результатовъ необходимо познакомиться, во 1-хъ, съ той средою русиновъ, изъ которой выходили и выходятъ борцы за народность

и религію русиновъ; во 2-хъ, хотя въ общихъ чертахъ—съ экономическимъ состояніемъ края. Извѣстно, что волею историческихъ судебъ высшій классъ населенія галицкой Руси, въ продолженіе пяти столѣтій, сперва ополячился, а потомъ окатоличился: изъ русскаго боярства образовалась въ восточной Галичинѣ польская шляхта. Единственными охранителями и стражами народности и религіи русиновъ осталось униатское духовенство. И не кто другой, какъ именно униатскій попъ спасъ русиновъ отъ ополяченія и окатоличенія. Не будемъ говорить о томъ, что вытерпѣло и вынесло въ прежнее время униатское духовенство въ Галичинѣ: достаточно и того, что оно даже въ настоящее время экономически страшно бѣдствуетъ.

Почти всѣ русины, за весьма небольшими исключеніями, принадлежатъ къ униатскому исповѣданію. Во главѣ духовенства стоитъ львовскій митрополитъ. Въ прежнее время всѣ русины-униаты были раздѣлены на двѣ епархіи—львовскую, подъ вѣденіемъ митрополита, и перемышльскую, подъ вѣденіемъ епископа. Въ текущемъ году образована третья епархія и учреждена епископская кафедра въ Станиславовѣ. Въ санъ станиславовскаго епископа возведенъ Юліанъ Пелешъ, человѣкъ лѣтъ 42, съ замѣчательнымъ богословскимъ образованіемъ: онъ—докторъ богословія, былъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ, пользуется извѣстностью въ ученомъ мірѣ, какъ историкъ униі; во всему этому надо прибавить, что преосвященный Пелешъ обладаетъ замѣчательною прямою и благородствомъ характера и ораторскимъ талантомъ. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ принадлежитъ къ народной партіи. Лучшаго стража народности и религіи русины и желать не могли.

Стойкость униатскаго духовенства въ борьбѣ за религію и народность обусловливается его образованіемъ. Каждый священникъ, прежде чѣмъ достигнетъ сана, долженъ кончить курсъ гимназіи, затѣмъ онъ поступаетъ на богословскій факультетъ университета, но для него обязательно посѣщать университетскія лекціи исторіи Руси и исторіи русинской литературы, и только по окончаніи университетскаго курса онъ рукополагается. Богословы-студенты, поступивъ въ университетъ, живутъ на общей квартирѣ въ такъ называемой „семинаріи“, управляемой особымъ ректоромъ, непосредственно принадлежащимъ къ духовенству. Число питомцевъ семинаріи доходитъ до 200. Здѣсь въ свободные часы они устраиваютъ музыкальные и литературные вечера, имѣющіе цѣлью укрѣпить и расширить національное развитіе.

Живетъ русинское духовенство, говоря вообще, очень небогато, а въ нѣкоторыхъ приходахъ крайне бѣдно. Населеніе по

приходамъ распределено далеко не равномерно. Напр., въ двухъ епархіяхъ съ населеніемъ въ 1.652,104 души около 1,200 приходовъ (1,972 церкви). Въ этихъ епархіяхъ 29 благочинныхъ, 1,224 приходскихъ священниковъ и 47 завѣдывающихъ приходами. Процентъ вдовыхъ священниковъ крайне великъ—болѣе 10%. Замѣчательно, что число неженатыхъ (целибатовъ) постоянно увеличивается, и это увеличеніе составляетъ несомнѣнный вредъ для русинской народности, не обеспеченной еще достаточнымъ количествомъ свѣтской интеллигенціи. Отъ неравномернаго распределенія приходовъ зависитъ и экономическій бытъ священника. Есть приходы, какъ напр. успенскій и георгіевскій во львовѣ, которые имѣютъ первый 5,200, второй—4,500 душъ; но есть приходы, въ которыхъ 700, 400 и даже 350 душъ. Въ каждомъ приходѣ имѣется для священника приличный домъ, огородъ и извѣстное количество земли,—впрочемъ, весьма незначительное, въ родѣ 11, 14, 16 десятинъ, и лишь въ очень немногихъ—выше 40 десятинъ. Что касается жалованья священнику, то оно колеблется между 82 и 525 гульденами въ годъ, среднее можно считать 250 гульденовъ. Вотъ всѣ источники для жизни сельскаго священника! Но зайдите въ домъ самаго бѣднѣйшаго священника, и вы будете поражены чистотою, опрятностью въ домѣ и во дворѣ, а главное, гостепріимствомъ.

Какъ ни бѣдственно экономическое положеніе священника, какъ сравнительно ни велико число приходовъ, но много, очень много богослововъ ждутъ не дождутся рукоположенія и прихода: напр. въ 1885 г. было не рукоположенныхъ болѣе 50 и между ними такіе, которые ждутъ уже лѣтъ по семи. Главнымъ бичемъ, главнымъ препятствіемъ для полученія прихода, является патронатство. Чтобы получить приходъ, кандидатъ долженъ заручиться не только согласіемъ своего духовнаго начальства, но еще согласіемъ намѣстника Галичины и, наконецъ, согласіемъ патрона. Патронатство же совершается не по выбору, даже не по назначенію, а принадлежитъ владѣльцу земли, кто бы онъ ни былъ. Есть приходы, въ которыхъ патрономъ—императоръ; это почти исключительно въ средѣ горныхъ гуцуловъ, гдѣ земли и лѣса принадлежатъ казнѣ. Громадное большинство патроновъ—поляки, католики; но есть патроны и евреи, напр. въ селѣ Озерномъ, въ Осташевцахъ, въ Медынѣ. Разумѣется, патронъ не имѣетъ никакого отношенія къ дѣламъ религіи, но значеніе его въ выборѣ священника весьма важно. Бываютъ случаи, что молодой священникъ нѣсколько лѣтъ „завѣдываетъ“ приходомъ; но „парокомъ“ его не утверждаютъ потому, что на утвержденіе не даетъ согла-

сія патронъ; сидитъ священникъ, сидитъ, и вдругъ получаетъ извѣстіе, что на тотъ приходъ назначенъ другой!.. Снимайся съ семейю и разгуливай по Галичинѣ, отыскивая новаго „завѣдывательства“!

Сдѣлавшись приходскимъ (парокомъ), священникъ по теоріи уже несмѣняемъ; но часто эта несмѣняемость обращается въ нуль. Политическая инсинуація, клевета или доносъ въ этихъ случаяхъ имѣютъ громадное значеніе. Стоитъ какому-нибудь шинкарю написать на священника доносъ, съ обвиненіемъ въ социализмъ или „въ возбужденіи одной народности противъ другой“, въ распространеніи „раздоровъ и ненависти“, и немедленно полицейскія и жандармскія власти явятся съ обыскомъ, а тамъ ужъ пошла писать!.. Бываютъ возмутительные случаи: на одного священника, въ глубинѣ карпатскихъ горъ, разгнѣвался кто-то изъ „твердыхъ“ во Львовѣ и выслалъ ему одинъ за другимъ три нумера „Слова“ или „Пролома“, а разомъ съ ними и доносъ мѣстной полиціи, обвиняя священника въ „москалефильствѣ“, и въ доказательство обвиненія указавъ на полученіе священникомъ „москалефильскаго“ органа. Послѣдовалъ обыскъ, и съ нимъ масса хлопотъ несчастному священнику.

Вліяніе священника на прихожанъ могучее. Чѣмъ же достигается его поппъ?—своимъ образованіемъ, проповѣдью на народномъ языкѣ, единеніемъ съ народомъ и всегдашнюю полную готовность словомъ, совѣтомъ и дѣломъ помочь народу. Тому, кто не былъ очевидцемъ, трудно понять могучее значеніе церковной проповѣди на народномъ языкѣ. Нѣкоторые священники, подъ вліяніемъ пропаганды языковаго объединенія, вздумали-было поучать народъ „язычіемъ“, въ родѣ, напр., слѣдующаго, записаннаго дословно: „Понеже днесъ праздновываемо память св. Іоанна, то и подобаетъ мнѣ глаголати о немъ. Добродѣлательный сей мужъ, зываемый Предтечею Христа“, и т. д., а потомъ: „какъ листва, преукрашаючи деревину, содѣлываетъ тѣненіе отъ лучивъ сіяющаго солнца, тако, господинове мои, добродѣлательный Іоаннъ“, и т. д. Послѣ нѣсколькихъ такихъ проповѣдей священникъ началъ замѣчать, что прихожане относятся къ нему съ мѣньшимъ уваженіемъ, и онъ выступилъ съ проповѣдью о папирскомъ авторитетѣ... Но вышло еще хуже: прихожане начали ходить въ католическій костелъ, а своему священнику объявили такъ: „Вы начали говорить намъ такіа мудрыя проповѣди, что мы ничего не поймемъ въ нихъ; а ксендза лучше понимаемъ. Или говорите опять по нашему, а не по-нѣмецки, или совсѣмъ не

говорите, не то перестанемъ ходить въ церковь"... Возражать было нечего.

Экономическій бытъ Галичины, населенной русинами, будетъ производить разное впечатлѣніе, смотря по тому, съ востока или съ запада въѣзжаетъ путешественникъ въ этотъ край: восточное впечатлѣніе, если можно такъ выразиться, будетъ въ пользу экономическаго благосостоянія, западное—наоборотъ.

Вся Галичина—страна земледѣльческая, а въ особенности восточная ея часть, смежная съ нашимъ юго-западнымъ краемъ. На первыхъ же шагахъ вы не можете не замѣтить, что сельскохозяйственная культура здѣсь гораздо выше, нежели у насъ; села смотрятъ опрятнѣе, чище, веселѣе, какъ-то свободнѣе. Зайдя въ хату и поговоривъ съ крестьянами,—замѣтите въ ихъ домашнемъ быту нѣкоторые, хотя и элементарные еще, признаки европейской культуры и просвѣщенія; каждый „мужикъ“ отчетливо и сознательно скажетъ вамъ, какой онъ вѣры и національности; онъ имѣетъ понятіе даже о томъ, какъ живутъ „за кордономъ“; онъ знаетъ своихъ львовскихъ борцовъ за права народа; онъ знаетъ даже двухъ-трехъ лучшихъ русинскихъ писателей. Внѣшняя обстановка хаты и чистота въ ней подскажутъ вамъ, что такъ жить еще можно.

Но вездѣ по дорогѣ вы не можете не замѣтить крайне мизерныхъ по величинѣ полей, часто въ нѣсколько аршинъ шириною. Это—крестьянскіе надѣлы. Зная величину этихъ надѣловъ, вы невольно остановитесь на вопросѣ: какимъ же образомъ крестьяне при такомъ малоземельи не нищенствуютъ, а умѣютъ жить хоть сколько-нибудь по-человѣчески? Ни въ чемъ другомъ на этотъ вопросъ я не могъ найти отвѣта, какъ только въ школѣ, въ сельской читальнѣ, въ просвѣтительно-нравственномъ влияніи духовенства да въ замѣчательномъ трудолюбіи и воздержности галицкаго русина. Но чѣмъ далѣе подвигаетесь вы къ границамъ Венгріи, тѣмъ болѣе замѣчаете измѣненіе къ худшему. Самые богатые уголки Галичины — Подолія и Покутье; зато горскія поселенія представляютъ вамъ картину ужасающей, нагой бѣдности. Подольскіе-русины и русины-бойко, это—небо и земля во всѣхъ отношеніяхъ. На Подоліи, а особенно въ станиславовскомъ округѣ, встрѣчаются села весьма и весьма зажиточныя. Напр., въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Снятына село Карловъ: благосостоянію и благоустройству его могутъ позавидовать многіе наши уѣздные города: карловцы имѣютъ свой банкъ (кассу) съ капиталомъ около 15,000 гульд. О благоустройствѣ села можно заключить изъ того одного, что въ прошломъ году кар-

ловцы приступили къ замощенію въ селѣ улицъ камнемъ. Но зато горскія поселенія бойковъ могутъ спорить съ самобѣднѣйшими селеніями нашего Полѣсья, и трудно сказать, кому жить хуже, кто невѣжественнѣе и убожѣ во всѣхъ отношеніяхъ: напѣ ли бѣлоруссъ изъ минскихъ и могилевскихъ болотъ, или галицкій бойко!

Ниже мы подробнѣе познакомимся съ бытомъ русинскихъ горцевъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ вообще объ экономическомъ положеніи, а главное, о земельномъ распредѣленіи. Извѣстно, что крѣпостное право уничтожено въ Галичинѣ 15-ю годами ранѣе нашего. При освобожденіи, крестьяне хотя и получили земельные надѣлы, но, во-первыхъ, весьма ограниченныя размѣровъ; во-вторыхъ, лѣсовъ и пастбищъ вовсе не получили; а въ-третьихъ, надѣлены землею только семейныя, а бо-были остались безъ надѣловъ. Результаты получились такіе. Лѣтъ десять назадъ во всей Галиціи считалось около 660 тысячъ собственниковъ земли, или 21⁰/₁₀; арендаторовъ земли—0,3⁰/₁₀; постоянныхъ работниковъ и поденныхъ—тѣ и другіе безземельные—около 70⁰/₁₀ всего того населенія, которое питается „отъ плодовъ земныхъ“ и отъ трудовъ по хлѣбопашеству. Конечно, массы земли принадлежать помѣщикамъ. На одного владѣльца мелкой земельной собственности приходится въ среднемъ выводѣ около 5 десятинъ; на одного владѣльца крупной собственности—около 600 десятинъ. Собственно пахатнаго поля приходится на одного мелкаго собственника—около 3¹/₂ десятинъ, лѣсу—около ¹/₁₀ десятины; на крупнаго собственника лѣсу приходится болѣе 300 десятинъ.

Пусть не думаютъ читатели, что при такихъ условіяхъ польскіе помѣщики благоденствуютъ экономически. Нѣтъ, игра въ политику отвлекла ихъ отъ хозяйства и привела къ неизбежной задолженности въ банки; а послѣдняя, естественно, приводитъ къ продажѣ имѣнія. Переходъ крупныхъ имѣній изъ рукъ поляковъ въ руки евреевъ совершается все чаще и чаще. Польскимъ помѣщикамъ чаще и чаще приходится пополнять и безъ нихъ густыя и длинныя ряды чиновничества.

Но оставимъ помѣщиковъ и отправимся въ горы. Природа Карпатъ необыкновенно живописна; прелесть ея много зависитъ отъ массы густыхъ и замѣчательно берегаемыхъ лѣсовъ. Почти всѣ лѣса въ Карпатахъ составляютъ государственную собственность. Сбереженіе казенныхъ лѣсовъ обходится сельскому люду весьма дорого. Лѣтъ 15 назадъ лѣса совершенно закрыты для охоты и пастбы, и это самымъ бѣдственнымъ образомъ от-

разилось на экономическомъ бытѣ горцевъ, по преимуществу занимающихся скотоводствомъ и овцеводствомъ.

Прекрасное шоссе ведетъ чрезъ Карпатскія горы въ Венгрію: лѣвою стороною (если ѣхать изъ Станиславова) шоссе упирается въ высокія каменистыя, частью поросшія лѣсами горы; по правой сторонѣ течетъ извилинами капризная рѣка Прутъ. Часто ѣдешь и не видишь рѣки, только слышишь шумное теченіе ея по камнямъ. Замѣчу, что какъ этимъ шоссе, такъ и вообще состояніемъ дорогъ Галичина по справедливости можетъ гордиться; шоссеиныхъ дорогъ очень много и содержатся онѣ прекрасно. Словомъ—дорога въ горы, гористая природа, свѣжій, чистый воздухъ производятъ на туриста самое лучшее впечатлѣніе; но оно парализуется бѣдностью горскаго населенія.

Всѣ карпатскіе русины-горцы поселены на пространствѣ 205 кв. миль. Поселенія ихъ заключаются въ 650 деревняхъ съ населеніемъ въ 460,000 душъ. Горцы-русины Галичины раздѣляются на три главные группы: куртаковъ—400 деревень, до 180,000 душъ населенія; бойковъ—около 120,000 въ 150 селеніяхъ, и гуцуловъ—болѣе 130,000 въ 100 селеніяхъ. Племя куртаковъ обитаетъ въ Санотскихъ Карпатахъ; бойки—въ уѣздахъ самборскомъ и стрійскомъ; гуцулы—въ уѣздахъ станиславовскомъ, коломыйскомъ, косовскомъ; но между гуцулами станиславовскаго уѣзда или делятинско-микуличинскими и гуцулами косовско-жабьевскими во всемъ, а особенно въ экономическомъ быту,—громадная разница: такая, напр., какъ между нашимъ бѣднѣйшимъ помѣщикомъ и зажиточнымъ казакомъ золотоношскаго уѣзда. Хлѣбопашествомъ гуцулы занимаются мало; во-первыхъ, негдѣ, такъ какъ для обработки удобны лишь небольшія равнины у подножія горъ, а во-вторыхъ, и по климатическимъ условіямъ: вырѣвваетъ лишь ячмень да мѣстами кукуруза.

Главное занятіе и хлѣбъ гуцула—коровы и овцы, чему способствуютъ прекрасныя пастбища на планинахъ. „Овца кормитъ и одѣваетъ гуцула“, — говорилъ мнѣ одинъ священникъ, и это совершенно вѣрно: есть гуцулы, которые имѣютъ 500 овецъ; кто имѣетъ корову и 10—15 овецъ, тотъ считается уже бѣднякомъ между косовскими гуцулами. Кромѣ скотоводства, гуцулы занимаются издѣліями изъ дерева; между ними есть много хорошихъ плотниковъ, бондарей, столяровъ. Въ зимнее время гуцулъ занимается ткачествомъ, выдѣлкою полотенъ и весьма прочныхъ войлоковъ (коцы). Но всѣ издѣлія, весь трудъ гуцула самымъ наглымъ образомъ эксплуатируются еврейскими и армянскими кулаками; на долю производителей остаются крохи, и потому

даже косовскіе гуцулы живутъ бѣдно сравнительно съ тѣмъ, какъ могли бы они жить, еслибы сумѣли избавиться отъ эксплуатаціи посредника. Но, къ несчастью, эксплуатація и кулачество растутъ, а гуцулы бѣдняютъ не по годамъ, а по часамъ.

Всѣ извѣстные наблюдатели быта гуцуловъ, особенно приходскіе священники, единогласно утверждаютъ, что евреи внесли въ среду гуцуловъ страшную деморализацію и уничтожаютъ ихъ экономическое благосостояніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ въ гуцульскихъ поселеніяхъ, особенно, напр., въ Жабьѣмъ, такъ размножились евреи, что составляютъ около 15% всего горскаго населенія. „Гдѣ появляется еврей,—говорили мнѣ весьма многіе компетентные люди,—тамъ появляется среди гуцуловъ и бойковъ пьянство, развратъ и крайняя бѣдность!“ Прежде всего евреи постарались, при помощи водки, до которой горцы большіе охотники, захватить въ свои руки всѣ лучшія пастбища. Гуцулъ, продавъ еврею свои „панины“, нанимаетъ ихъ потомъ у того же еврея, или же отдаетъ тому же еврею на выпасъ своихъ овецъ и коровъ, платя баснословно дорого, напр., за лѣто $\frac{1}{3}$ овецъ, $\frac{1}{5}$ коровъ; а плохая овца стоитъ 3 гульдена, плохая корова—50 гульденовъ. Переводя эту натуральную плату на деньги, окажется, что за пастбу въ теченіе полугода 9 овецъ гуцулъ платитъ еврею 3 руб., за пастбу 5 коровъ—50 руб., да сверхъ того тотъ получаетъ еще если не весь, то половину дохода съ удоя овецъ и коровъ.

Надо знать, что гуцулъ по своей природѣ крайне добръ, довѣрчивъ и въ то же время суевѣренъ. Всѣ эти свойства евреи не преминули эксплуатировать въ свою пользу. Спаивая понемногу гуцула, еврей мало-по-малу увѣряетъ его въ невѣрности жены; посредствомъ подкуповъ и другого рода соблазновъ онъ сводничаетъ гуцуловъ и затѣмъ устраиваетъ засаду... Гуцулъ убѣждается, что еврей правъ, что жена измѣнила; въ порывѣ негодованія онъ прогоняетъ жену; изъ чувства „благодарности“ продаетъ за полцѣны тому же еврею свою усадьбу, а самъ окончательно спивается съ кругу.

При всемъ искреннемъ желаніи духовенство не много можетъ помочь въ этой бѣдѣ гуцуламъ: горные приходы крайне разбросаны; есть деревни, на 15 верстъ удаленныя отъ церкви; сообщеніе въ горахъ, особенно осенью и зимою, весьма затруднительно; иногда гуцулъ по три мѣсяца не бываетъ въ церкви, не видитъ своего защитника, „ксендза“; а еврея въ это время онъ

видитъ ежедневно... Организация между гуцулами артелей, товариществъ для взаимной помощи, для сбыта своихъ произведеній— вотъ что можетъ помочь и предотвратить окончательное экономическое порабощеніе гуцуловъ еврейскими и иными кулаками.

Гдѣ бѣдность—тамъ и болѣзни, и смертность, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что между бойками и микуличинскими гуцулами свирѣпствуютъ смертоносныя болѣзни, въ родѣ дифтерита и т. п. Въ нѣкоторыхъ селахъ почти всѣ жители поражены зобомъ и колтуномъ.

По своей духовной природѣ, гуцулы—народъ весьма способный, честный и вольнолюбивый. Пана и панщины они не знали никогда; они знаютъ одну власть, передъ которой благоговѣютъ—власть „батька-цисаря“, т.-е. императора; ко всѣмъ остальнымъ властямъ, кромѣ, конечно, выборнаго своего войта, относятся съ полнымъ недоувѣріемъ, хотя требованія властей и исполняютъ. По понятіямъ гуцула, всякое посредничество между имъ и „батькомъ-цисаремъ“ излишне и даже вредно. Гуцулъ, какъ человѣкъ безусловно покорный „батьковѣ“, можетъ обходиться и безъ старосты, и безъ всякихъ иныхъ властей: „що цисаръ напише до насъ, те ми й сами заразъ свято виконаемо“. Таковой взглядъ гуцула весьма характерно обнаружился въ 1868 г. въ селѣ Жабьемъ. Когда былъ изданъ законъ объ автономномъ управленіи, гуцулы признали, что, въ силу этого закона, настало время непосредственнаго ихъ сношенія съ цесаремъ. Громада избрала войта, писаря и ждала цесарскихъ приказовъ, не платя никакихъ государственныхъ и общеземскихъ повинностей. Уѣздныя власти попробовали деликатно на бумагѣ напомнить громадѣ объ обязанности платежей. Громада отвѣчала, что она ожидаетъ цесарскаго приказу, ни въ какихъ судебныхъ и административныхъ властяхъ не нуждается, имѣетъ своего войта, свой судъ и платить „на пановъ“ не будетъ. Потребовалось три мѣсяца, пока гуцулы посредствомъ отправки депутаціи въ Вѣну убѣдились въ своемъ заблужденіи и подчинились дѣйствительному значенію закона.

Бстати сказать, что введеніе въ 1868 г. автономнаго управленія вызвало во многихъ мѣстахъ Галичины недоразумѣнія: крестьяне поняли такъ, что новое управленіе есть воскресеніе старой Польши и съ нею и крѣпостного права; и потому отказывались и отъ автономіи, и отъ выбора войтовъ и др. должностныхъ лицъ. Такое недоувѣріе особенно упорно было въ русинскомъ селѣ Добростанахъ, гдѣ оно окончилось только въ настоящемъ году. Восемь лѣтъ добростанцы предпочитали платить ежегодно назначенному отъ правительства войту по 800 р. и только недавно

согласились избрать изъ своей среды сельскія власти, убѣдившись, что автономія не ведетъ къ возвращенію крѣпостного права. Если я скажу, что добротанцы—люди грамотные, имѣютъ прекрасную народную школу и читальню, то читатель пойметъ, какъ глубоко коренится среди русиновъ недовѣріе къ полякамъ вообще, а къ панамъ въ особенности, и какъ велика боязнь „панщины“ (крѣпостного права)!

Теперь нѣсколько словъ о промыслахъ, ремеслахъ и торговлѣ въ восточной Галичинѣ. Русинъ, по природѣ своей, „хлѣборобъ“; къ инымъ, особенно къ торговымъ, занятіямъ у него не лежитъ душа. Вотъ почему между русинами мало ремесленниковъ, промышленниковъ и купцовъ; да и вообще въ Галичинѣ индустрія не процвѣтаетъ. Средоточіемъ ремесленной и торговой дѣятельности служатъ города; здѣсь же сосредоточено и еврейское населеніе, и въ рукахъ его—главнѣйшія промышленныя и торговыя заведенія. Изъ ремеслъ наиболѣе распространены, и наиболѣе ими занимаются русины—сапожничество и портняжество. Въ послѣдніе годы между русинами-ремесленниками начала прививаться мысль объ организаціи товариществъ для взаимной помощи. Одно изъ такихъ обществъ, „Зоря“, организованное во Львовѣ, развивается очень успѣшно. Подъ вліяніемъ образованныхъ людей, товарищество преслѣдуетъ не однѣ матеріальныя, но и нравственныя и умственныя цѣли. Нѣсколько разъ въ теченіе года правленіе „Зори“ устраиваетъ для своихъ членовъ литературно-музыкальные вечера, на которыхъ первое мѣсто всегда занимаютъ популярныя лекціи профессоровъ-русиновъ. Недавно „Зоря“ приобрѣла для этихъ вечеровъ собственный рояль, и на послѣднемъ вечерѣ исполнительницами музыкальныхъ произведеній и чтіцами выступили дочери ремесленниковъ.

Всѣхъ вообще ремесленниковъ и промышленниковъ въ восточной Галичинѣ насчитываютъ до 120 тысячъ; но между ними двѣ трети составляютъ работники.

Торговля составляетъ средство для жизни 50,000 населенія восточной Галичины, изъ коихъ также $\frac{2}{3}$ —приказчики и работники. Между львовскими купцами есть весьма солидная русинская фирма г. Дымета. Въ концѣ 1883 г., во Львовѣ между русинами организовалась торговая ассоціація. Во главѣ предпріятія стали молодые образованные русины, и дѣло, начатое съ нѣсколькими тысячами гульденовъ, пошло такъ успѣшно, что въ теченіе перваго полугодія торговый оборотъ ассоціаціи дошелъ до 50,000 гульд. Въ теченіе перваго же года центральная торговля открыла свои отдѣленія въ Перемышлѣ, Станиславовѣ и Терно-

полѣ, а въ слѣдующемъ году въ трехъ другихъ городахъ. Ассоціація, заведя прочныя торговыя связи въ Россіи и др. европейскіхъ государствахъ, получая товары отъ первыхъ производителей, достигла значительнаго пониженія цѣнъ, чѣмъ и доброкачественностью товаровъ привлекла массу покупателей. Весьма близко уже то время, что, по примѣру львовской торговой ассоціаціи, русины начнутъ организовать подобныя товарищества и въ деревняхъ, и эти товарищества станутъ для нихъ крѣпкою защитой противъ экономической и національной эксплуатаціи.

Съ однимъ лишь предпріятіемъ не сьумѣли до сихъ поръ русины справиться, именно съ банками, но и то потому, что банковыя учрежденія попали въ руки той партіи, которая, крича о „благѣ народа“, производя въ обществѣ раздоръ, сѣя въ умахъ смуту, подъ сурдинкою пресѣдуетъ личныя эгоистическія карманныя цѣли и въ дѣйствительности приносила и приносить русинскому народу огромнѣйшій и матеріальный, и нравственный вредъ, что и доказалъ недавній процессъ о хищничествѣ въ такъ-называемомъ „крылопанскомъ“ банкѣ русиновъ. Еще въ 1860-хъ годахъ, митрополитъ Литвиновичъ, въ виду полного отсутствія кредита для русиновъ-землевладѣльцевъ, началъ пропагандировать мысль объ основаніи банка для селянъ. Мысль эта скоро осуществилась основаніемъ сельскаго банка для крестьянъ, съ взаимнымъ ручательствомъ заемщиковъ пропорціонально займу. Банкъ былъ истиннымъ благодѣяніемъ для мелкихъ землевладѣльцевъ; но въ 1880-хъ годахъ дѣлами его начали управлять люди частью неопытные, частью недобросовѣстные, и въ 1884 г. онъ лопнулъ, имѣя у себя заемщиковъ на 6¹/₂ миллионовъ гульденовъ. Катастрофа рустикальнаго банка отозвалась крайне тягостно на крестьянахъ-заемщикахъ, и еще неизвѣстно, какъ окончательно на нихъ отзовется ликвидація обанкротившагося банка!

Другой, основанный русинами банкъ, подъ именемъ „Общесельскаго кредитоваго заведенія“, также виситъ на волоскѣ и въ 1884 г. чуть-чуть не лопнулъ и не надѣлалъ страшной бѣды вдовамъ и сиротамъ духовенства. Дѣло въ томъ, что русины имѣютъ болѣе 300 тысячъ гульд. капитала для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ духовенства. Семьдесятъ-пять тысячъ изъ этого капитала вложено, какъ основной обезпечивающій фондъ, для открытія банка; въслѣдствіи банкъ выпросилъ себѣ „на вкладъ“ еще 80,000 г. изъ того же фонда. Администрація банка такъ добросовѣстно вела банковыя операціи, что въ 1883 г. банкъ пошатнулся. Почти цѣлый годъ администраторы скрывали отъ публики дѣйствительное положеніе дѣлъ банка; наконецъ, во второй поло-

винѣ 1884 г. обратились въ „Краевый“ польскій банкъ, прося ссуды и увѣряя, что активъ русинскаго банка превышаетъ пассивъ на 200 т. г. Польскій банкъ согласился дать ссуду, если русины въ обезпеченіе отдадутъ свой „Народный домъ“ и имущество Успенскаго братства во Львовѣ. Конечно, банковые дѣльцы охотно согласились и повели энергическую агитацію, чтобы достигнуть согласія русиновъ на отдачу въ залогъ общественнаго имущества. Афера чуть-чуть не удалась и русины едва не лишились одновременно и банка, и 150 т. сиротскихъ денегъ, и народнаго имущества, прибрѣтеннаго на средства всего галицко-русскаго народа. Къ счастью народа, организованъ былъ для поправленія дѣлъ банка особый комитетъ, въ который вошелъ митрополитъ и нѣсколько „нигилистовъ“... Комитетъ приступилъ къ изслѣдованію банковыхъ средствъ; администраторы „твердо“ стояли на увѣреніи, что активъ превышаетъ пассивъ на 200 тысячъ. Спустя нѣсколько дней, они спустили 100 т.; когда же „нигилисты“ доказали имъ всю лживость увѣренія, они признали дефицитъ въ 50,000 гульд. Черезъ нѣсколько дней они досчитались до увеличенія дефицита въ 10 разъ, потомъ—въ 12 разъ, и, наконецъ, комитетъ убѣдился, что администрація банка не въ состояніи опредѣлить точной цифры дефицита. Приглашенный изъ другого банка специалистъ доказалъ, что пассивъ банка превышаетъ активъ на 750,000 гульд.! Тутъ уже не могло быть рѣчи ни о чемъ, какъ только о ликвидаціи. Къ счастью, банкъ успѣлъ получить ссуду, говорятъ, въ миллионъ руб. сер. отъ нашего „Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ“. Ликвидація была отстранена; но люди компетентные увѣряютъ, что дни банка сочтены, такъ какъ администрація осталась почти та же и вкладчики постоянно вынимаютъ свои вклады, а новые не прибываютъ...

Ко всему этому надо прибавить еще естественныя бѣдствія, постигающія восточную Галичину: наводненія и пожары. Въ прошломъ году страшные пожары разразились надъ двумя городами: Богородчанами и Городенкою, а недавно такое же бѣдствіе постигло городъ Стрый, гдѣ пламенемъ уничтожено шестьсотъ домовъ.

III.

Теперь можно начать обзоръ того, что, со времени введенія въ Галичинѣ автономнаго управленія, т.-е. съ 1868 г., сдѣлано для національнаго и культурнаго развитія русинскаго народа.

Для полученія, какъ поляками, такъ и русинами, высшаго

образованія находятся въ Галичинѣ два университета: во Львовѣ и въ Краковѣ; но такъ какъ при львовскомъ нѣтъ медицинскаго факультета, то для полученія медицинскаго образованія русинамъ приходится отправляться въ Вѣну, Прагу или Краковъ. Во львовскомъ университетѣ есть нѣсколько кафедръ, на которыхъ лекціи читаются на малорусскомъ языкѣ, напр. исторія русинской литературы—проф. Ом. Огоновскимъ; гражданское право—проф. А. Огоновскимъ. Русины-студенты въ университетѣ составляютъ болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ студентовъ. Для укрѣпленія товарищеской связи и для расширенія своего умственного кругозора, русины-студенты организовали изъ себя общество подъ названіемъ „Академичное Братство“, которое имѣетъ очень хорошую библіотеку. Кромѣ литературно-музыкальных вечеровъ и чтенія рефератовъ научнаго содержанія, члены „Братства“ работаютъ надъ изученіемъ края и, собирая складчину, издають разные книги. Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ, „Братство“ уже три года сряду устраиваетъ лѣтнія прогулки („вандрівки“), приносящія большую пользу и народу, и студентамъ. Переѣзжая изъ села въ село, изъ города въ городъ, студенты, посредствомъ популярныхъ чтеній, вносятъ въ народъ струю образованія, знакомятся съ народомъ, изучаютъ его бытъ и въ то же время даютъ народу возможность познакомиться, узнать будущихъ своихъ интеллигентныхъ защитниковъ и руководителей.

Средними учебными заведеніями Галичина, особенно восточная, весьма богата; она имѣетъ технологическій институтъ, 26 классическихъ и 5 реальныхъ гимназій и три учительскія семинаріи. Какъ возрастаетъ количество русиновъ-гимназистовъ, показываютъ слѣдующія цифры. Русиновъ-гимназистовъ было (за исключеніемъ тѣхъ, которые признавали себя поляками):

Въ 1875	1,440
„ 1876	1,528
„ 1877	1,565
„ 1878	1,617
„ 1879	1,651
„ 1880	1,751
„ 1881	1,788
„ 1882	1,806
„ 1883	1,867

Несомнѣнно, что число это незначительно по отношенію ко всей массѣ русиновъ, но оно весьма значительно—если мы вспомнимъ отсутствіе среди русиновъ состоятельныхъ классовъ и не-

справедливость поляковъ по отношенію къ русинскому языку. На всю Галичину имѣется единственная во Львовѣ гимназія, гдѣ всѣ предметы преподаются на малорусскомъ языкѣ. Жизнь во Львовѣ сравнительно дорогая, почему немногіе русины въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей во Львовѣ. Боязнь, чтобы польская гимназія не ополячила ребенка, заставляетъ ограничивать образованіе нормальную школою. Устраните эти причины, учредите еще 2—3 гимназіи, напр., въ Станиславовѣ, Тернополѣ и Перемышлѣ, или хотя откройте при существующихъ тамъ гимназіяхъ параллели съ преподавательнымъ языкомъ русинскимъ, и число гимназистовъ-русиновъ немедленно удвоится. Къ сожалѣнію, всѣ домогательства русиновъ объ удовлетвореніи этой справедливой потребности остаются безъ успѣха. Голоса польскихъ шовинистовъ берутъ перевѣсъ въ сеймѣ. Судя по печальной судьбѣ, постигшей въ сеймѣ уже въ этомъ году предложеніе депутата Романчука о признаніи за языкомъ русиновъ фактической равноправности, нельзя надѣяться, чтобы польское большинство львовскаго сейма въ непродолжительномъ времени пришло къ сознанію того, что, противодѣйствуя русинамъ получать образованіе на родномъ языкѣ, оно покровительствуетъ невѣжеству и приноситъ вредъ столько же полякамъ, сколько и русинамъ.

На содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній, собственно гимназій и реальныхъ училищъ, расходуется около одного милліона гульденовъ, включая сюда всѣ расходы. Въ этой суммѣ правительство участвуетъ 72⁰/₀, городскія общественныя кассы — 13⁰/₀; плата учениковъ составляетъ 14⁰/₀. Плата за право ученія, съ нашей точки зрѣнія, невелика; напр., въ 1883 г., за право ученія почти 12,000 учениковъ уплатили 135,868 гульд. Въ среднемъ получается слѣдующій интересный выводъ: содержаніе средней школы обходится 33,480 г.; содержаніе одного ученика — 79 гульд.; одна гимназія приходится на 250,000 населенія. Еслибы преподавательный языкъ достигъ на дѣлѣ той равноправности, которая предоставлена ему закономъ, тогда, пропорціонально населенію, должна бы быть въ восточной Галичинѣ не одна, а десять гимназій съ преподавательнымъ языкомъ русиновъ. А между тѣмъ 320 тысячъ нѣмецкаго населенія имѣютъ двѣ гимназіи съ преподавательнымъ нѣмецкимъ языкомъ.

Достоинъ вниманія слѣдующее курьезное обстоятельство. При „Народномъ домѣ“ во Львовѣ находится бурса, т.-е. пансіонъ, въ которомъ получаютъ содержаніе 30 мальчиковъ бѣднѣйшихъ русиновъ. Въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ бурса, помѣщается русинская классическая гимназія; но управленіе „Народн. домомъ“

обязываетъ бурсаковъ посѣщать не свою національную, а нѣмецкую гимназію. Оправдывается эта аномалія желаніемъ, „чтобы бурсаки лучше усвоили нѣмецкій языкъ, безъ котораго они не могутъ обойтись, если когда-либо будутъ избраны въ депутаты вѣнскаго рейхсрата“... До сихъ поръ не было еще примѣра, чтобы выборъ такого депутата палъ на русина, воспитывавшагося въ нѣмецкой гимназіи, но констатировано, что русины, окончивъ курсъ въ нѣмецкой гимназіи, теряютъ всякое національное чувство, дѣлаются въ сущности космополитами, причисляющими себя сегодня къ нѣмцамъ, завтра къ полякамъ, потомъ къ русинамъ, опять къ нѣмцамъ и т. д., словомъ—дѣлаются людьми, которые ко всему равнодушны, кромѣ личныхъ выгодъ; для этихъ людей національнымъ девизомъ служить: „ubi bene, ibi patria!“

Для вспомошествованія учащимся въ гимназіяхъ дѣтямъ бѣдняковъ русины имѣютъ бursy: при Успенскомъ братствѣ во Львовѣ, въ Тернополѣ, въ Станиславовѣ и др., а при львовской гимназіи существуетъ, сверхъ того, общество „Школьная Помощь“ съ цѣлью вспомошествованія бѣднѣйшимъ ученикамъ.

Среднее женское образованіе между русинками дѣлаетъ очевидные успѣхи. Кромѣ женскихъ учительскихъ семинарій, русины организовали во Львовѣ семиклассную женскую гимназію, подъ надзоромъ монахинь-василіанокъ. Гимназія существуетъ третій годъ, и нельзя еще сказать, чтобы она достигла цвѣтущаго состоянія. Въ другомъ концѣ Галичины, въ Перемышлѣ, за дѣло женскаго образованія взялся перемышльскій епископъ Іоаннъ Ступницкій; онъ для образованія денежнаго фонда на учрежденіе и содержаніе женской гимназіи испросилъ разрѣшеніе на розыгрышъ лотереи во сто тысячъ гульд. Правительство дало разрѣшеніе въ 1884 г. Преосвященный обратился къ публикѣ съ приглашеніемъ присылать для лотереи вещи. Публика отнеслась сочувственно; въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ поступило пожертвованій разныхъ вещей 3,370 шт. и деньгами 12,974 г. Конечно, наиболѣе пожертвованій поступило отъ русиновъ Галичины и Буковины; но откликнулись и другіе славяне, напр., чехи прислали болѣе 900 предметовъ вещами и 5,000 гульд. деньгами. Изъ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, ничего не поступало. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло организации женской гимназіи въ Перемышлѣ будетъ закончено блестящимъ образомъ. Дѣло это дѣлается всѣмъ русинскимъ народомъ, пожертвованія идутъ изъ самой убогой хаты, а такія народныя дѣла всегда и вездѣ достигаютъ полного успѣха. Успѣхъ несомнѣненъ еще и потому, что потребность средняго

образованія для женщины сознана и русинами, и русинками; между послѣдними уже не мало женщинъ, которыя личной энергіей, посредствомъ частныхъ уроковъ у профессоровъ, достигли европейскаго образованія и развитія. Не далѣе, какъ въ 1884 г., молодая дѣвица Окуневская блистательно сдала полный экзамень изъ курса классической гимназіи на аттестатъ зрѣлости и, кажется, вступила на медицинскій факультетъ въ Вѣнѣ. Одно жалѣ: какъ вездѣ, такъ и въ средѣ русиновъ, нашлось нѣсколько голо-совъ злобной недобросовѣстности, не преминувшей бросать грязью въ первыхъ подвижницъ женскаго образованія, и, не находя никакихъ фактовъ, они не придумали ничего лучшаго, какъ обвиненіе въ „нигилизмѣ“. Правда, это обыкновенный лай тѣхъ „органовъ“, которые готовы всѣхъ и все облаять, только бы извлечь изъ этого для себя подачку. Подачки извнѣ—очень выгодное дѣло; на нихъ „бѣдные и угнетенные“ успѣли возвести прекрасные дома и „обезпечить свою старость“. Но правда и то, что въ самой Галичинѣ эти люди уже оцѣнены по достоинству...

Народныхъ школъ въ Галичинѣ болѣе 3,000; русины въ дѣлѣ народнаго образованія опередили поляковъ; польскихъ народныхъ школъ въ Галичинѣ 1,360, русинскихъ—1,615. Но все-таки это число не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, такъ какъ изъ 710 тысячъ дѣтей школьнаго возраста въ прошломъ году только 384 тысячи могли посѣщать школу. Народныхъ учителей въ Галичинѣ было 5,690, учительницъ—1,921. Содержанія народный учитель получаетъ отъ 300 до 500 г. въ годъ. Значеніе народнаго учителя велико: онъ—другъ, совѣтникъ и руководитель деревни; онъ—второе лицо послѣ священника.

Съ введеніемъ автономнаго управленія народная партія русиновъ признала, что школа, давая народу грамотность, не много принесетъ пользы, если народъ для дальнѣйшаго образованія не будетъ имѣть книгъ для чтенія. И вотъ, для распространенія въ народѣ просвѣщенія организовано въ 1869 году общество „Просвита“. Во главѣ его стали профессора университета и учителя гимназіи. Профессоръ Ом. Огоновскій до сихъ поръ руководитъ обществомъ въ качествѣ „головы“ его, т.-е. предсѣдателя. Первые два-три года дѣла „Просвиты“ шли туго; враги его не щадили „твердой“ клеветы. Предъ русинами они обвиняли „Просвиту“ въ „польской интригѣ“, предъ высшимъ духовенствомъ—въ „нигилизмѣ“, предъ поляками—въ „москалефильствѣ“. Но клевета не сломила молодой энергіи. Помѣщикъ Ѳедоровичъ пожертвовалъ для „Просвиты“ 12,000 гульд.; поступили значительныя пожертвованія священника Качалы и др.; наконецъ, и сеймъ на-

значилъ небольшую субсидію. Вотъ нѣсколько цифръ изъ отчета „Просвѣты“ за 1885 г. Членовъ въ обществѣ состояло 2,800. Въ 1885 г. вступило въ члены 99 крестьянъ, 30 мѣщанъ, 29 священниковъ, 14 народныхъ учителей, 94 сельскія читальни. Въ теченіе года въ кассу общества поступило 6,270; расходовъ было на народныя изданія 2,150; на квартиру, администрацію и т. п. 844 г. Основной капиталъ общества 13,600; имущества (книгъ, и пр.) на 37,000; два фонда стипендій 1,716 и 1,190 гульд. За время своего существованія общество издало до 400 тысячъ экз. (89 названій) разныхъ книгъ для народа съ религіозно-нравственнымъ и историческимъ содержаніемъ. Наибольше быстро расходится „Календарь“: 3,500 экз. въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ. Изданіе это, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ извѣстій, заключаетъ въ себѣ 2—3 повѣсти, 2—3 историческія статьи и нѣсколько статей біографическихъ, по сельскому хозяйству и домоводству. „Просвѣта“ имѣетъ свои отдѣленія во многихъ уѣздныхъ городахъ. Собранія общества усердно посѣщаются крестьянами. Я былъ очевидцемъ, какъ крестьяне прїѣзжали въ собраніе за 25—30 верстъ, вносили предложенія и принимали горячее участіе въ дебатахъ.

Вслѣдъ за организаціей общества для распространенія въ народѣ просвѣщенія, тѣ же „народники“ основали политическую народную газету „Батьковщина“; она выходитъ еженедѣльно, стоитъ 4 гульдена и имѣетъ въ народѣ до 900 подписчиковъ. Наконецъ, четыре года назадъ „народники“ взялись за пропаганду сельскихъ читаленъ. Теперь Галичина покрыта читальнями, несмотря на всяческое противодѣйствіе и стѣсненія со стороны низшихъ польскихъ чиновниковъ и жандармовъ. Надо видѣть читальню на мѣстѣ, надо побывать въ ней, чтобы понять и оцѣнить ея значеніе въ смыслѣ противодѣйствія ополяченію и обатоличенію русиновъ! Въ праздникъ читальня полна народу; идутъ и неграмотные. Среди благоговѣйной тишины одинъ читаетъ и комментируетъ. Послѣ чтенія идутъ разговоры по поводу прочитаннаго, и, наконецъ, хоровое пѣніе: „Ще не вмерла Украина“; „Миръ вамъ, братья“ и „Молитву“. „Молитва“ появилась только въ 1885 г.; это собственно небольшое стихотвореніе.

„Боже Великій Единый,
Русь-Украину храни!
Волі и світу промінємъ
Ты ей осіни.
Світомъ науки и знанья
Насъ дітей просвіти;
В чистій любови до краю
Ты нас, Боже, зрости!

Молимося, Боже Единъ,
 Русь-Украину храни;
 Всѣ свои ласки, щедроти
 На народ наш зверни!
 Дай ему волю, дай ему долю,
 Дай знанья и свѣта!
 Щастье дай, Боже, народу
 И многая лѣта!

Мелодія „Молитвы“ религіозно-національная и художественно-торжественная.

Каждая читальня имѣетъ свой, утвержденный намѣстникомъ, уставъ и свой выборный „урядъ“, т.-е. голову, писаря и кассира; „урядъ“, конечно, дѣйствуетъ не иначе, какъ посовѣтовавшись съ священникомъ и школьнымъ учителемъ. Всѣхъ читаленъ болѣе 500.

Въ сферѣ литературной и научной успѣхъ русиновъ еще очевиднѣе. Большихъ политическихъ газетъ, выходящихъ три раза въ недѣлю, русины имѣютъ четыре: „Діло“, „Миръ“, „Слово“ и „Проломъ“; только первая изъ нихъ стоитъ на крѣпкой почвѣ, держится собственными силами, имѣетъ до 1,500 подписчиковъ и не получаетъ никакой субсидіи. „Миръ“ выходитъ съ марта 1885 г.; это—органъ клерикальный, органъ митрополита Сембратовича, субсидируемый изъ источниковъ, враждебныхъ народному развитію русиновъ; безъ субсидіи онъ не могъ бы существовать; то же самое надо сказать и о двухъ послѣднихъ газетахъ съ направлениемъ антинаціональнымъ.

Изъ литературныхъ изданій назовемъ три: а) „Русско-Украинская бібліотека“ Олесницкаго, мѣсячное исключительно беллетристическое изданіе; б) „Зоря“, выходитъ два раза въ мѣсяцъ подъ редакціей доктора Калитовскаго; „Зорю“ издаетъ общество имени Шевченка, устроенное въ 1874 г. съ цѣлью содѣйствовать развитію литературы; общество имѣетъ лучшую во Львовѣ типографію; и с) „Русь“,—выходитъ также два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціей священника Бобровича; „Русь“—родная сестра „Мира“.

Всѣхъ вообще русинскихъ періодическихъ изданій въ Галичинѣ 13; изъ нихъ стоитъ упомянуть о педагогической газетѣ „Школьна часопись“, сатирической—„Зеркало“ и о журналѣ: „Исторична Бібліотека“. Послѣдняя основана въ текущемъ году профессоромъ Барвинскимъ и посвящена систематическому изученію исторіи Руси. Г. Барвинскій не гонится за оригинальными сочиненіями: онъ беретъ напечатанныя у насъ историческія изслѣдованія Костомарова, Иловайскаго, Антоновича, и переводитъ на галицко-русскій языкъ. Съ января вышло уже три тома: 1) Краткая исторія Руси—соч. Качалы, 11 печатныхъ листовъ;

2) Костомарова— „Двѣ народности“, „Мысли о федеративномъ устройствѣ въ древней Руси“ и „Черты древней южно-русской исторіи“—15 листовъ; 3) Иловайскаго— „О мнимомъ призваніи варяговъ и кievскій періодъ русской исторіи“. Изданіе Барвинскаго, удовлетворяя насущнѣйшей потребности русиновъ, пользуется большою популярностію. Языкъ переводовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Кстати сказать: редакторъ „Слова“, Площанскій, въ 1885 г. предпринялъ было подобное историческое изданіе: „Прикарпатская Русь“, но на второмъ или на третьемъ выпускѣ, несмотря на субсидію, прекратилъ, по недостатку подписчиковъ...

Мы видимъ, что страна съ 2¹/₂-милліоннымъ населеніемъ русиновъ въ состояніи дать средства столькимъ изданіямъ! Допустимъ даже, что изъ 13 изданій четыре или пять живутъ исключительно субсидіями, но все-таки тамъ, гдѣ одно періодическое изданіе оплачивается 250—300 т. населенія, нельзя не видѣть любви въ чтенію. Прибавьте къ этому, что въ 1885 г. издано въ Галичинѣ на русинскомъ языкѣ 60 книгъ беллетристическаго и научнаго содержанія.

И это несмотря на самыя неблагопріятныя экономическія условія, такъ какъ прошлый годъ для Галичины, въ экономическомъ отношеніи, былъ годъ крайне тяжелый. Конечно, успѣхъ развитія литературы у русиновъ былъ бы еще сильнѣе, еслибы не внутренняя борьба партій, еслибы вмѣсто четырехъ существовала одна, но солидная политическая газета; но объ этомъ можно только мечтать. Для этого нужно большую сумму знаній, такта и честности, нежели та, какою обладаютъ „твердые“. Изъ нихъ одни простодушно, по ограниченности, другіе съ корыстными цѣлями исполняютъ роль мандариновъ и палачей, и, якобы противодѣйствуя ополяченію Руси, въ сущности, играютъ въ руку ополяченію, служатъ невѣжеству и порабощенію своего народа. Исторія жестоко заклеиваетъ ихъ, но отъ этого не легче современникамъ!

Для развитія общественной національной жизни, для большаго скрѣпленія солидарности, во многихъ городахъ устроены клубы, „руськи бесіди“. Лучшіе изъ нихъ—во Львовѣ и въ Тернополѣ.

Наконецъ, вспомнимъ еще о русинскомъ театрѣ. Труппа русиновъ, подъ управленіемъ Гриневецкаго, получаетъ 4,000 гульд. сеймовой субсидіи и постоянно разъѣзжаетъ по городамъ Галичины. Труппа составлена умѣло, актеры талантливы, но репертуаръ бѣденъ. Это очень прискорбно, потому что русины вообще страстно любятъ театръ.

Говоря вообще, какую бы вы ни взяли сторону жизни, вездѣ и во всемъ вы замѣтите большой успѣхъ національнаго, культурнаго и просвѣтительнаго прогресса русиновъ за послѣднія 15 лѣтъ. Вы почувствуете это на первыхъ же шагахъ поѣздки по восточной Галичинѣ.

Въ 1860-хъ годахъ трудно, даже невозможно было во Львовѣ справиться съ однимъ русинскимъ языкомъ прїѣзжему, не знающему польскаго или нѣмецкаго языка; на вопросъ, обращенный къ поляку или еврею по-русински, вмѣсто отвѣта къ вамъ поворачивались спиною, и если удостоивали васъ услышать: „*nie nie rozumie po rusku*“, то это уже было большою вѣжливостью. Въ домахъ русскаго духовенства во Львовѣ не иначе велась бесѣда, какъ на польскомъ языкѣ. За 15 лѣтъ все это измѣнилось; чрезъ всю восточную Галичину вы пройдете съ однимъ малорусскимъ языкомъ. Въ столицѣ Галичины вы услышите и въ домахъ, и въ публичныхъ мѣстахъ—ресторанахъ, садахъ, лавкахъ—русинскую рѣчь. Помѣщеніе лучшихъ русинскихъ редакцій газетъ, клуба (бесіди), и т. п., вамъ укажетъ каждый. Въ самомъ сеймѣ, вмѣсто прежнихъ криковъ: „*liema Rusi*“, уже услышите изъ устъ поляковъ, правда, не очень многихъ: „*Rus żyje*“ и совѣты узнать, изучать литературу русиновъ и считаться съ справедливыми требованіями русиновъ. Словомъ, даже враги русиновъ признаютъ уже, что въ борьбѣ за національное существованіе побѣда осталась за русинами. Но при всемъ этомъ борьба далеко еще не окончена; большинство все еще составляютъ шовинисты, которые, держа въ своихъ рукахъ бразды правленія, по своей близорукости не желаютъ бросить теорію ополяченія и окатоличенія русиновъ, не желаютъ преклониться предъ закономъ и фактомъ и, гдѣ только представляется случай, „нехтуютъ“ національныя особенности русиновъ. И, конечно, не такъ близко еще то время, когда среди поляковъ образуется большинство, сознающее, что ссора и борьба между двумя народами одинаково вредятъ тому и другому; что разъ люди волею судьбы принуждены жить подъ одной кровлей, они обязаны устроиться такъ, чтобы всѣмъ жилось по возможности хорошо. Недавно русины организовали новое политическое общество „Народная Рада“, съ цѣлью развитія народности и достиженія на дѣлѣ всѣхъ тѣхъ правъ, которыя законъ признаетъ равномѣрно какъ за поляками, такъ и за русинами. Во главѣ общества сталъ просвѣщенный профессоръ университета, Александръ Огоновскій, и слѣдуетъ надѣяться, что новое общество принесетъ большую пользу народу и устранить, прежде всего, тѣ „твердыя“ клеветы, которыя распространены такъ щедро вра-

гами самостоятельнаго національнаго развитія русиновъ, а уже одно это наполовину облегчить трудъ къ уничтоженію взаимныхъ недоразумѣній и вражды между двумя народами. Нужно желать со стороны „Народной Рады“ побольше трудовъ, проникнутыхъ чувствомъ справедливости и соціальнаго безпристрастія. Многолѣтній опытъ доказалъ, что, какъ бы ни были „тверды“ науськиванія, клеветы, доносы и подобные приемы, но они лишь увеличиваютъ раздоръ и составляютъ „воду на мельницу поляковъ“. Примиреніе достигается путемъ познанія и самопознанія, а не сзавянофильскими, не мандаринскими приемами мертвой „Русской Рады“...

„Народная Рада“ уже начала энергически дѣйствовать къ достиженію языковой равноправности въ сношеніяхъ русиновъ съ правительственными лицами и учреждениями. Дѣло въ томъ, что низшія судебныя, финансовыя и административныя учрежденія и теперь открыто не возстаютъ противъ языка русиновъ, но часто, подъ разными казуистическими предлогами, возвращаютъ бумаги, писанныя по-русински...

Повторяю, — русины сдѣлали уже много; но многое еще предстоитъ сдѣлать, и, конечно, оно будетъ сдѣлано. Чтò бы тамъ ни говорили, но европейскій духъ проникъ въ Галичину; европейскіе порядки на-вѣки похоронили политику *divide et impera*, политику національнаго поработенія и ассимиляціи; струя европейскаго прогресса прорвалась черезъ Карпаты; и теперь можно, конечно, придушить ее, приостановить, но уничтожить нельзя ни насиліемъ, ни подкупамъ; хотя послѣдніе гнуснѣе и опаснѣе перваго, потому что, входя въ общество „аки тать въ нощи“, они вносятъ глубокую порчу въ нравы и, въ концѣ концовъ, наиболѣе вредятъ тому, кто обращался къ этому некрасивому средству. Лучи нравственнаго и умственнаго свѣта — слишкомъ могучая сила для того, чтобы ее одолѣть растлѣвающими средствами мрака и деморализаціи; и эти лучи довольно ярко уже горятъ надъ русинами. Пожелаемъ же, чтобы скорѣе разсѣялся мракъ!

Тѣ немногіе факты, которые приведены мною, не могутъ не поколебать самыхъ „твердыхъ“ надеждъ на уничтоженіе русинской народности. Они свидѣтельствуютъ неотразимо, что для галицкихъ русиновъ „солнце йде и за собою свѣтъ веде“.

К н.

ЛѢТО СРЕДИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ

ОЧЕРКИ И ПЕРЕСКАЗЫ.

I.

Лѣто прошлаго года я провелъ въ Оренбургѣ, и нисколько не горюю, что Оренбургъ—не Крымъ и не Кавказъ. Окраина эта сама по себѣ такъ интересна, такъ нова, такъ дика и заброшена, что можно сказать, побывавши въ ней, что вы жили въ нѣдрахъ какой-нибудь неизвѣданной Африки или бразильскихъ лѣсовъ.

Особенно хорошо быть въ этомъ городѣ, когда начинается переселенческая сутолока. Со всѣхъ концовъ необъятной русской земли стягиваются сюда, какъ къ возделѣнному источнику, русскіе пахари. Одни останавливаются здѣсь какъ бы на остановочномъ пунктѣ для роздыха, послѣ утомительнаго переѣзда въ тысячу верстъ и болѣе; другіе приходятъ искать въ этихъ краяхъ лучшей доли, которая не выпала имъ на счастье въ родныхъ мѣстахъ. Третьи слѣдуютъ черезъ Оренбургъ, утруемые и печальные, чтобы возвратиться снова къ своимъ прежнимъ деревенскимъ очагамъ; это—возвращающіеся переселенцы.

И гулко, въ теченіе цѣлаго дня, дребезжатъ переселенческія колымаги по улицамъ степного города, еще недавно извѣдавшаго до самыхъ корней блескъ и шумъ блаженной памяти военнo-губернаторскаго режима. вмѣсто блеска и лоска, на манеръ столичныхъ, вмѣсто изысканнаго франтовства военной „интеллигенціи“, вмѣсто пестраго и наряднаго городского люда, городъ вдругъ сталъ осаждаться изъ года въ годъ, изъ лѣта въ лѣто, поскон-

ными рубахами нашихъ черноземныхъ землероевъ. Улицы загалдѣли на разные лады рязанскимъ, тамбовскимъ, ярославскимъ и малороссійскимъ говоромъ, и цѣлыя толпы въ характерныхъ костюмахъ, съ ребятишками, со всѣмъ смакомъ, любопытствомъ великорусской деревни, запрудили изъ конца въ конецъ городокъ — съ немалыми претензіями на красу степного царства. И колыхнулась по всему городу деревенская Россія широкимъ волной, и затопила собой исконныхъ жителей, и стала господствующей и царящей, затушевывая даже характерный восточный элементъ, придающій въ обыкновенное время особенный оттънокъ Оренбургу своими халатами, киргизскими малахаями, хивинскими высокими шапками, развалистой, лѣнливой поступью и особымъ языкомъ. Переселенческій шкваль опрокинулъ все, что было выработано продолжительнымъ временемъ и устоями восточно-окраинной жизни. И Оренбургъ внезапно, по какому-то магическому мановенію руки, сталъ черноземнымъ великороссійскимъ городомъ. Пришельцы свободно осматривали его, спокойно разгуливали, какъ завоеватели, и невольно чудилось, что на всѣхъ ихъ лицахъ былъ написанъ роковой приговоръ старой азіатской окраскѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ царькамъ города — азіатцамъ. Отнынѣ здѣсь будетъ — Русь.

Зимой эти побѣдители разбѣгаются по конурамъ и деревушкамъ и живутъ по-заячьи — безъ паспортовъ, безъ „виду“, часто не-легально, избѣгая начальства, воровато и тайкомъ откупаясь взятками сельскимъ властямъ и даже башкирскимъ сотскимъ. Но лѣтомъ пришелецъ вполне входитъ въ положеніе и роль завоевателя. Онъ бодръ и самоувѣренъ. Онъ энергично отыскиваетъ своихъ „правовъ“; ежедневно и настойчиво осаждаетъ начальство; вступаетъ въ переговоры съ не-христіанскимъ населеніемъ и заставлятъ на собственный страхъ цѣлыя поля у башкиръ, стѣсняя ихъ собственную площадь эксплуатаціи; онъ покупаетъ за свои денежки башкирскія „души“. Во всемъ онъ господинъ — и въ городѣ, наполненномъ отъ края до края переселенческимъ элементомъ, и въ деревнѣ инородцевъ. Невольно чувствуется близкое паденіе обособленности края; невольно прислушиваешься къ родному великорусскому говору; невольно идешь въ эту шумящую на разные лады толпу и видишь ликующія фізіономіи съ печатью изумленія передъ вѣка-нетронутыми полями, роскошной и сочной растительностью, передъ тучными и обильными лугами, передъ колосающейся высокой, рослой и наливной пшеницей.

— Эку благодать Господь даетъ!.. — Эки травы!.. — Эки луга!.. — Глико-съ, кака ярова-то!.. — Дешево-то какъ: двугривенный десятина!.. — восклицаетъ пришлый „расейскій“ народъ.

Часа по три въ день, а иногда и больше, я заставлялся на переселенческихъ становищахъ и осязательно ощущалъ, какъ эта сѣрая великороссійская масса аппетитно поглядывала вокругъ, рассчитывая сдѣлать послѣдній натискъ и произвести оккупацию. Часа по три и по четыре я стоялъ въ этой тысячеголовой толпѣ и внималъ, какъ сильно и могуче рванулся великанъ изъ тѣсной кѣлѣи, въ которую его такъ старательно заперли послѣ освобожденія, чтобы онъ исправно таянулъ душу и платилъ подати. И вотъ кѣлѣва лопнула, „Россія заутурилась“ и пошла колыхаться и окончательно колыхнулась въ нашу сторону.

— Вотъ какъ всѣ утуются, — сказать нельзя! Много я лѣтъ на своемъ вѣку изжилъ; много чего хорошаго видалъ; а нѣтъ, не запомню такой смуты. Вся Расея пошла сразу. Вотъ старикъ я, кажись, помереть бы надѣть на своей землѣ, съ бабками-дѣдами покладаться. А нѣтъ! тоже, вѣдь, новыхъ земель захотѣлось. Ребята идутъ, и я не клиномъ выпелъ. Всѣ въ одинъ голосъ... Терпѣли и не стерпѣли, молчали и не вымолчали. Всѣ пошли. Зачѣмъ вольной землѣ впустѣ лежать? И мы, старики, поработаемъ. Не все ржаную, — пшеничнаго хлѣба отвѣдать захотѣлось.

Такъ разсуждать старикъ; такъ разсуждала и молодежь.

На свѣжаго человѣка это массовое движеніе производило громадное впечатлѣніе, и мнѣ невольно припомнился разсказъ москвича-старожила о первомъ появленіи партій въ самой Бѣлокаменной. До тѣхъ поръ москвичи знали, что гдѣ-то совершаются переселенія; но что такое переселенческая масса — никто хорошенько не вѣдалъ. Знали мы о трогательныхъ сценахъ ирландской эмиграціи; много читали о пересадкѣ нѣмцевъ-колонистовъ въ Гамбургъ; съ трепетомъ просматривали живую сцену переселенія мормоновъ, продиктованную Диксономъ; подчасъ ругали мы условія англійской жизни, заставлявшей избытокъ населенія покидать островъ; — но о русскомъ крестьянскомъ переселеніи мы все-таки ничего не вѣдали; можно было лишь предполагать, что у насъ дѣло дѣлается, навѣрное, немного иначе, и — только. И вотъ, вдругъ въ Москву, какъ съ неба, свалились переселенцы, тоже колонизаторы, тоже люди съ культурной миссіей, тоже бѣгущіе отъ „условій“, тоже крѣпкіе волей и твердые духомъ и тоже съ верою въ надежды и чаяній; но какіе это были колонизаторы: въ рубищѣ, въ заплатахъ, со скомканными бородами, съ изнуренными лицами, въ которыхъ легко было прочесть какую-то вѣчную испуганность и пришибленность. Этихъ колонизаторовъ не ожидали корабли, готовые унести ихъ далеко отъ родины; у этихъ носителей высшей культуры не было ни гроша въ карманѣ,

а они отправлялись на Амуръ, въ Семирѣчье, въ Сибирь. Москвичи пришли въ ужасъ, когда эта заплатанная, дырявая и корявая масса вышла изъ вагона на платформу и совершила первую свою миссію тѣмъ, что попросила съ протянутой рукой копѣечку „ребятишкамъ на молочишко“. Дамы, прибывшія сюда посмотрѣть „иниціаторовъ новаго народнаго движенія“, невольно отступили отъ этой поражающей нищеты, и изумленная Москва щедро пришла на помощь этимъ будущимъ носителямъ русской народности въ одичалыхъ окраинахъ.

Но, безъ сомнѣнія, тѣ партіи, которыя направлялись черезъ Москву и притомъ по чугункѣ, были если не цвѣтомъ переселенчества, то, по крайней мѣрѣ, зажиточнымъ слоемъ его. Но что бы сказали москвичи и московскія барыни, еслибы увидѣли здѣшнія переселенческія толпы? Какъ бы они изумились, когда бы передъ ихъ глазами развернулась картина оренбургской площади?

Передъ вашимъ взоромъ раскинулось обширное пространство. Вблизи виденъ городъ съ стройнымъ, красивымъ видомъ. Съ противоположной стороны высится громадная церковь, умяемая необъятнымъ просторомъ площади. Площадь — безъ конца. Сбоку ее припираетъ рѣка. На плацѣ съ большимъ удобствомъ можетъ быть воздвигнутъ новый значительный городъ. Жара смертная, какой, навѣрное, вы не испытали. Побывать на солнцѣ полчаса — значить, загорѣть, какъ вареному раку. Въ обыкновенное время площадь пустуетъ; но теперь она сплошь уставлена телѣгами и киботками. Издали, оглядывая это бочевое населеніе, вы замѣтите, что партіи группируются отдѣльно одна отъ другой; но подойдите поближе — у васъ утеривается различіе. Все сливается подъ одно, и вы еле-еле пробираетесь промежъ телѣгъ и повозокъ.

Здѣсь собралась цѣлая Расея. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не встрѣтите такого сбора представителей самыхъ разнообразныхъ русскихъ мѣстностей. Иной разъ вы присмотритесь и посмѣетесь, какъ разанецъ становится въ тупикъ и недоумѣваетъ, о чемъ толкуетъ съ нимъ такъ горячо черниговецъ; они не понимаютъ другъ у друга ни слова. Вотъ тутъ переселенцы „митусятъ“ одного парня за то, что онъ спросилъ: „куда ѣдете?“ вмѣсто: „куда васъ Богъ несетъ“ или „въ какую сторону“, потому что одно слово „куда“ означаетъ превеликое несчастье или, по крайней мѣрѣ, неудачу.

Жара палитъ смертельно. А переселенческія колымаги стоятъ непокрытыми. Площадь горитъ отъ знойныхъ лучей солнца. Въ повалку лежатъ больные; рядомъ, подъ пологомъ — покойники,

котораго еще не успѣли омытъ. Ребятишки нещадно ревуть, требуя питья. Всѣ взрослые ушли наниматься или наводить справки у начальства. Между телѣгъ ходить полицейскій изъ евреевъ и всѣмъ растолковываетъ, что онъ имѣетъ громадную власть взять за пиворотъ каждаго переселенца и доставить его по начальству.

Переселенческія колымаги то убываютъ, то снова приливаютъ, выстроиваясь въ ряды: лошади выпрягаются и стоятъ, понуря голову: у нихъ нѣтъ ни клочка сѣна. Площадь кишитъ людьми, телѣгами и лошадьми. Вотъ справная колымага, накрыта покато прочнымъ и здоровымъ лубкомъ, который обтянутъ холстомъ или клеенкой. Знайте, это — передній, богатенькій переселенецъ. Черезъ покрыву перекинута до десятка паръ лаптей — своего рода эмблема черноземнаго происхожденія. Назади оставлено пространство для ссыпки овса и корма лошадямъ; тамъ же виситъ привязанное ведро. Загляните въ повозку. Она полна скарба. Здѣсь вся постель, подушки, шубы, валенки, холсты... Все найдете, все въ изобиліи. Бабы шутивыя и сытыя; многія совершенно красивы. Дѣтишекъ, очевидно, сильно растрясло; говорятъ, „недужаютъ“, но и на нихъ отпечатокъ нѣкоторой холи.

Вотъ другая повозка. Холста на покрыву, очевидно, не хватило. Въмѣсто этого, „чтобы не промокло“, верхъ густо вымазанъ дегтемъ. Лубокъ покосился. Въ то время, какъ у первой повозки колеса оказались шиповатыми, здѣсь „сошло такъ“; нѣкоторые уже покололись. Лопаденка у первыхъ справная, по хозяину; она много ужъ прошла, — отъ Богучаря или отъ Воронежа, а спала съ тѣла „не шибоко“ замѣтно. Она пойдетъ въ ходъ и на новыхъ мѣстахъ безъ роздыха, потому — лошадь хозяйственная, обиходитъ свое тѣло и свои мясы, „хозяина жалѣетъ“. У второй повозки лошадь, должно быть, не жалостливая, — изсухопарилась; въ колымагѣ пусто. Въ первой наложено чуть не до верха; сидѣть тамъ нельзя, можно лишь лежать или идти рядкомъ; а здѣсь все свободно. Здѣсь болѣзненность уже болѣе велика; ребятишки изнываютъ и „самъ — дюже недужаетъ“. Богатенькій ѣдетъ иногда на двухъ возкахъ: въ одномъ имущество, въ другомъ — самъ съ семьей. Ко второму иногда присосѣживается квартирантъ съ женой; оба идутъ рядкомъ изъ Расеи, а позитки лежать въ колымагѣ.

Третій видъ колымагъ совсѣмъ неказистый. Въ нихъ ѣдутъ сибирскіе неудачники. Расейскія телѣги высоки, сибирскія — приземисты и низки, какъ бы своимъ видомъ говорящія о неудачѣ и незадавшемся исканіи счастья. Онѣ такъ низки, что наводятъ на мысль, что въ нихъ — хоть шаромъ покати; и это предполо-

женіе всегда вѣрно: все распродано, все „размоторено“, „ничего при себѣ не осталось“. Сами обладатели этихъ кибитокъ еле живы. Говорятъ, на лицѣ крестьянина отразилось спокоействіе земли-кормилицы, и оно лишено выраженія глубокаго несчастія. Еслибы взглянулись въ разорившихся данковцевъ, вы пришли бы въ ужасъ.

Переговоривши со всѣми партіями, я подошелъ къ послѣдней, и я сразу понялъ, откуда они. Партія была невелика, человекъ въ 35—40. Она прижалась къ уголку и какъ бы притаилась. Меня встрѣтили женщины. Всѣ были съ черными, какъ у цыганъ, лицами. Худоба оказалась поразительная. Одна лишь женщина поражала своей тучностью. Она была беременна въ послѣднемъ фазисѣ. Лишь только она услышала, что я спрашиваю объ ихъ бѣдѣ, вскочила съ земли и подошла ко мнѣ. Я невольно отворотился. У всѣхъ этихъ данковцевъ костюмы настойчиво просились въ отставку; кое-у кого изъ женщинъ были сарафаны; у всѣхъ остальныхъ — только рубашки; у этой же несчастной послѣдняя рубашка распласнулась до рукава и совершенно обнажала все тѣло. Всѣ женщины были до того испытаны, что, право, смерть рисуютъ наши художники — куда краше. И всѣ онѣ, какъ фурія, страшныя и безумныя, накинулись на меня и въ одинъ голосъ повѣствовали о своихъ несчастіяхъ. Дѣтей вовсе почти не было въ партіи. „Всѣхъ въ Сибири поморили, всѣхъ, до одинаго“, отвѣчали мнѣ женщины. У нихъ не было слезъ: всѣ выплакали тамъ же. Назадъ везли лишь полоумную, глухую и нѣмую старуху; она уцѣлѣла для нищенскаго обихода группы. Да и всѣ данковцы показались мнѣ сумасшедшими. Горе лишило ихъ здраваго смысла, и они положительно клеветали на Сибирь. Когда подошли мужчины и заявили бабамъ, что работы не нашли, поднялся вой. У мужиковъ показались слезы, и всѣ снова загладѣли. Мужики заразились ужасомъ женщинъ, можетъ быть, потому, что послѣднія преобладали въ партіи: у большинства мужья умерли въ Сибири, и онѣ бѣжали опрометью изъ ненавистной имъ страны. У всѣхъ данковцевъ не было буквально никакихъ средствъ. Вдовы были отправлены даромъ на родину.

Дѣйствительно, это была исключительная группа. Но можетъ быть, что она поразила меня, свѣжаго человека, экспансивностью своихъ женскихъ чувствъ. Навѣрно, другіе были не менѣе несчастны, но они... не говорили и не рыдали. Горе ихъ было скрыто и затасно. Зачѣмъ имъ было распинаться передо мной? Объ этихъ скрытыхъ страданіяхъ говорили лишь изморенныя тѣльца и личики

ребятишекъ, сравнительная малолюдность ихъ, худоба женщинъ и общее, ставшее хроническимъ, недоѣданіе.

Мнѣ безпрестанно приходилось наткаться на такія сцены. Маленькія ребятки тормозятъ взрослыхъ и требуютъ, во что бы то ни стало, пищи.

— Дай калача, тятка!—пищитъ подростокъ лѣтъ 10-ти.

— Нѣту у меня.

— Дай, я ѣсть хочу.

— Къ вечеру снова ѣсть запросишь,—ловкій какой. Вотъ обожди: солнце на-закатъ, всѣ поспѣдаемъ.

Маленькимъ сунуть соску сухую. Молока нѣтъ. Груды у матерей повисохли.

— Молока ни званія нѣтъ,—печаловались женщины.—И у насъ нѣтъ. Молоко, вѣдь, съ пищи. А какая у насъ пища? Ребятишки ревомъ-ревутъ. А попоишь водицей,—сейчасъ поносъ („помытовка“, „мытъ“) откроется, такъ и изойдетъ этимъ мытомъ.

Ребятишки заболѣваютъ поголовно. Иной разъ такъ цѣлая партія и замучается съ дѣтьми.—„По двѣ недѣли помытовкой недужаютъ“, силою и рядомъ заявляли мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ, чуть мальчуганъ поздоровѣе, онъ бѣгаетъ тутъ; его видно. А иной разъ придетъ на становище, ни одного не видно. Всѣ валкомъ такъ и лежатъ. Животы вздулись, распучены. Сами блѣдныя, какъ тѣни. Видишь, что новая жизнь отлетаетъ.

Подойдешь къ иной повозкѣ. Раскинуть пологъ. Заглянешь—и сердце оборвется. Лежитъ на голой землѣ дѣвочка, вытянувшись и поблѣднѣвши. Въ головахъ—икона, „изъ церкви дали“. Всѣ ходятъ, не обращая никакого вниманія. Сами родители хлопчутъ гдѣ-нибудь далеко, а маленький покойничекъ лежитъ, отдѣлая отъ трудной, перенесенной болѣзни.

Былъ такой случай. На стоянкахъ народа не прибывало. Площадь стояла пустой. Я завидѣлъ одинокія повозки.

— Откуда?

— Съ Иркутской.

— Вы переселенцы?

— Мы—переселенцы.

— Куда же вы переселяетесь?

— Мы-то?

— Вы-то.

— Мы, значитъ, переселяемся на Ахвонъ.

— И съ бабами?

— Нѣтъ, мы одни, ахвонскимъ иконамъ поклониться идемъ изъ Иркутска.

Терпѣнье мое лопнуло, и я перешелъ къ другой повозкѣ. Сидѣлъ красавецъ-крестьянинъ, лѣтъ 37, высокій, плечистый, съ прекрасными голубыми задумчивыми глазами. Онъ казался необыкновенно симпатичнымъ съ своимъ совершенно „интеллигентнымъ“, открытымъ лицомъ.

Мы разговорились. То былъ спасскій крестьянинъ казанской губерніи. Онъ умно и дѣльно рассказывалъ о старинѣ и пилъ жиденькій чай. Жилъ онъ здѣсь на арендованной усадебной землѣ и пользовался правомъ пахать и косить, сколько угодно, исполу. Житіе было много лучше казанскаго; тѣмъ не менѣе онъ мечталъ о приобрѣтеніи земли „на-вѣчно“; онъ пріѣхалъ сюда, въ Оренбургъ, чтобы разузнать объ откывшемся банкѣ и теперь, въ качествѣ переселенца, присматриваетъ участки.

Невдалекѣ, на засолненной сторонѣ повозки, сидѣла молодца, его жена, и держала на рукахъ малютку. Мой собесѣдникъ сообщилъ мнѣ, что ребенокъ въ „воспѣ“. У переселенцевъ, кстати замѣтить, необычайно много больныхъ оспой. Мы по прежнему бесѣдовали. Женщина пристально вглядывалась въ лицо малютки.

Вдругъ, въ самомъ пылу нашего разговора, она тихо позвала мужа.

Тотъ воротился. На глазахъ блеснула слеза, и лицо приняло грустный и еще болѣе задумчивый видъ.

— Умерла, — сказалъ онъ мнѣ. И новая слеза повисла на рѣсницахъ.

Онъ подошелъ и сѣлъ.

— Благослови, отецъ, — снова обратилась женщина.

Крестьянинъ всталъ, подошелъ и осѣнилъ ребенка большимъ крестомъ.

Вотъ какъ умираютъ переселенческія дѣти.

II.

Изъ дня въ день я посѣщалъ площадь, и изъ дня въ день я чувствовалъ, что она приковываетъ къ себѣ наблюдающаго всѣми чарами своего глубокаго интереса и новизны.

Видя эту драму, на васъ, свѣжаго человѣка, находить невольно раздумье: изъ-за чего всѣ эти неисходныя страданія, изъ-за чего столько горя, тѣмъ горшаго и большаго, что оно нѣмое: мужикъ стонетъ рѣдко; еще рѣже онъ выражаетъ внѣшнимъ образомъ свои мученія. Есть сказаніе среди крестьянъ, что когда

мужики застонуть,—проснется сырая земля и отъ всего, что она вытерпѣла, тоже начнетъ стонать, и стонъ пройдетъ страшнымъ гуломъ, земля содрогнется, распадется все, разрушится каждый камень и каждая песчинка... Старики не лгутъ. Они вѣрно поняли народную психологію...

„Всѣ утурятся“, „вся Расея всколыхнулась“, „всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднимаются“: все это вспоминалось мнѣ, когда я выходилъ на эту людную площадь, гдѣ собрались представители со всей Россіи, какъ будто для того, чтобы выразить свой нѣмой протестъ. Всѣ они, эти скитальцы, заколотили избенки, кинули родину, завязали на свой крестъ родной землицы и пошли пытаться новаго счастья въ обѣтованную Месопотамію. Новая земля принимаетъ ихъ непривѣтливо; иные бѣгутъ обратно; но ихъ замѣняютъ новые пришельцы. Никто не протягиваетъ имъ помощи, и цѣлыя массы гибнутъ безъ цѣли и понапрасну.

Я стоялъ на площади. А цѣлое море головъ колыхалось вдали. Не слышно было споровъ; были тихіе разговоры, не имѣющіе ничего общаго съ мірскимъ галдѣніемъ. Всѣ были торжественно серьезны, какъ бы совершая священнодѣйствіе.

Мірское переселеніе перестало быть простымъ гражданскимъ актомъ. Оно перешло въ священное общественное дѣло. Убѣдиться въ томъ легко. Все это море головъ подѣлилось на партіи. У каждой былъ колонновожатый. Всякій переселенецъ являлся единицей этого маленькаго общественнаго тѣла, за-одно со всѣми несъ свои тяготы и переносилъ лишенія. Лишний кусокъ въ семьѣ переходилъ въ пользованіе собрату; лишнее мѣсто въ повозкѣ не было пусто; оно замѣщалось тѣмъ, у кого мѣста не было. Выдающійся умъ приходилъ на помощь серединнымъ людямъ и давалъ наставленія. Немощные принимались подъ общее покровительство; за больными ухаживали всѣ изъ партіи. Переселеніе ступевывало все, всѣ озлобленія и непріятности. Въ одной изъ группъ шелъ конокрадъ; его такъ же приняли, какъ и другихъ, и онъ, этотъ врагъ деревенскаго міра, былъ пригнѣтъ. Когда одного посѣщало горе, вся партія бросалась защищать. Такъ было подъ Оренбургомъ: у переселенца свели лошадь; товарищи нагнали вора и, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, растерзали его. Кусками считаться казалось всѣмъ неловкимъ. Умереть человѣкъ, вся группа останавливается и хоронить. Близъ Петропавловска умерла дѣвочка. Духота была невыносимая. Везли верстъ шестьдесятъ; попа все-таки не оказалось, и малютку схоронили безъ отпѣванія.

— Всѣ взяли на себя грѣхъ, всѣ до одинаго. Въ томъ и побоялись,—заявили мнѣ одни переселенцы.

И въ этомъ тонѣ, въ этомъ спокойномъ увѣреніи, что даже потайныя похороны невиннаго ребенка они принимаютъ на свой страхъ и считают ихъ общественнымъ актомъ, чудилось что-то священнодѣйственное, торжественно-чуждое.

Люди не знали тутъ, правы ли они; но они рѣшили стоять другъ за друга передъ врагами, передъ начальствомъ, передъ судомъ и даже Богомъ, за-одно. Это было дѣло, которое, будучи совершено обществомъ, громадой, получало свою санкцію и обѣялось даже передъ Богомъ, котораго мужикъ труситъ одинъ-на-одинъ, но храбро считается, когда за его спиной стоитъ громада—міръ.

Партія, это—семья. Всѣ члены—братья и сестры. Для партіи не существуетъ ничего, что внѣ ея. Она живетъ своей жизнью. Требованія закона и власти—нѣчто постороннее группѣ. У нея могутъ быть друзья и недруги.

Были случаи, когда начальство и даже я отсовѣтывали партіямъ ѣхать въ Сибирь. Мы указывали на факты. Отдѣльные крестьяне иногда соглашались; но чуть доходило до дѣла, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднимались.

— Мы обществомъ снялись, обществомъ молились. Статочное ли дѣло товарищей бросить? Нѣтъ, ужъ мы туда, куда пойдутъ братья-братники. Безъ нихъ не останемся.

Отдѣльно, человѣка никогда не удастся склонить на предпріятіе. Примѣровъ была масса. Предлагали разбиться и осѣсться въ розницу, но партія была тутъ на предложеніе. Одна изъ группъ курянъ состояла изъ 103 душъ. Для приобрѣтенія нужно было еще нѣсколько человѣкъ, и тѣмъ не менѣе куряне не могли сыскать товарищей: не раскалываются группы да и только. Они смѣялись даже надъ тѣмъ, что другіе не могутъ расколоться. Но когда имъ самимъ было предложено раздѣлиться на нѣсколько группъ, чтобы осѣсться порознь на мелкихъ участкахъ, они сами оказались неспособными на раздѣленіе. Ужаснулись, когда имъ объ этомъ подали мысль, страшно загладѣли, испугались чего-то, и всѣ снова повалили свои пожитки и скорымъ маршемъ отправились на родину.

Какія-то массовыя, стихійныя движенія существуютъ въ этомъ переселеніи; какія-то общественныя волны бьютъ о бортъ беззащитнаго корабля и разрушаютъ все, что нейдетъ и не направляется по теченію.

— Нельзя намъ. Мы уговорились стоять другъ за дружку.

Зачѣмъ мы у батюшки крестъ цѣловали? Онъ намъ молебень служилъ, а мы крестъ цѣловали. Ежелибы не цѣловали, все можно бы было. Да и то неловко... Какъ же это: быть товарищемъ, брательникомъ, значить, и вдругъ—кинуть: „прощай, брательникъ!“ Таеъ не по-христіански.

Видно, не даромъ мужики смѣшиваютъ „хрестіанство“ съ христіанствомъ. И въ этомъ смѣшеніи есть смыслъ. На помощь сословности является религіозность. А это такія двѣ силы, съ которыми, авось, мы одолѣемъ и переселенскій вопросъ.

Былъ такой случай. Партія шла по глухимъ мѣстамъ Сибири. Кругомъ ни жилища, ни стоянокъ. Всѣ были голодны. Въ Сибири подаютъ скудно, а тутъ совсѣмъ ничего не давали. Это было близъ Чановъ, кажется, про которые переселенцы вообще вспоминаютъ съ ужасомъ. Переселенцы еще раньше подѣлили остатки промежъ ребятишекъ. Собрали всѣ крохи и въ послѣдній разъ накормили тюрьбой изъ ржаного хлѣба. Но голодъ наступилъ снова еще въ большей степени. Дѣти за-мертво поватывались, рева-ревма. Взрослые изнывали, не ѣвши двое сутокъ. Попалась деревушка. Всѣ постѣзали съ своихъ возковъ и отправились подъ окна. Но успѣха не было. Тамъ также голодали. Зажиточные дома отказывали въ милостынѣ.

Уныніе наступало въ партіи все явственнѣе. Мужики злобствовали и плакали. Бабы ходили опалѣныя, то вымаливая, то разражаясь проклятіями. Сибиряки были по прежнему глухи.

— Много васъ, шатуцаго народу-то, здѣсь. Всѣхъ не прокормишь. Ипъ, какая громада налетѣла, ровно коршунъе какое! —отвѣчали они на всѣ просьбы.

Иныя женщины валялись въ ногахъ. Имъ давали кусочекъ.

Но кусочковъ было страшно мало. Нечѣмъ было и дѣтей прокормить. Партія злобствовала. Не обидно ей было, что она на колѣняхъ вымаливала крохи; обидно то, что ничего не дали.

Солнце стало садиться; на души палъ таковой же мракъ. Переселенцы расположились таборомъ. Огней не разводили: варить было нечего. Всѣ сидѣли голодные и немощные.

И пала имъ на умъ лихая дума—силой достать хлѣба.— „И не знай, чтѣ попритчилось. Всѣ, какъ одинъ, ѣсть захотѣли, и рѣшили идти на этакое дѣло, ночью... на своихъ же братьевъ. Всѣмъ стрѣлило въ головы. Всѣ объ одномъ думали, видно!“

И встали брательники изъ круга. Ничего тогда не сказали. Только всѣ видѣли, что недобро затѣваютъ, да никто словомъ не обмолвился: видятъ,—для ребятъ дѣло дѣлаютъ, для всего міра.

Встали и осѣдлали коней; сѣли и уѣхали.

Прошло два часа, два мучительныхъ часа. Ужась леденить всю партію. Кругомъ ничего не было видно. И ужась усиливался тѣмъ болѣе, что уѣхали мужья, самые лучшие люди партіи. Послѣ нихъ остались жены, и на рукахъ малыя ребята, которые пискомъ своимъ еще сильнѣе надрывали душу.

Но опасенія были неосновательны: партія молилась за своихъ радѣтелей и молилась, должно быть, горячо, и добрый Богъ попустилъ кражѣ. Молодцы вернулись съ сухарями, и хлѣбомъ, и мукой. Темная ночь прикрыла ихъ тайну, заслоня собой ихъ общественное дѣяніе.

Партія поправилась. Общественный подвигъ былъ совершенъ. Быстро были запряжены лошади; быстро были навиданы ребяташки въ грязныя колымаги, и по дорогѣ потянулась мелкой рысцой вереница счастливыхъ обладателей хлѣба и муки.

Всѣ были радостны и довольны. Угрызенія не чувствовалось ни капли. Всѣмъ ясно было, что молодцы постарались не для себя, а для этого маленькаго міра, членами котораго они являлись. И міръ снова принялъ на свою душу грѣхъ, и дѣло снова освятилось.

Былъ случай иного рода. Партія двигалась медленно отъ села къ селу. Крестьяне иногда заходили въ кабачекъ и потчивались шкаликами дрянной водки. Но всѣ были трезвы. Только стали замѣчать, какъ будто одинъ парнюга сталъ клевать сильнѣе. Всѣ удивились, потому что хорошо знали, сколько онъ везетъ денегъ. И въ партіи глухо прошелъ ропотъ, что Микишка, навѣрно, стянулъ гдѣ-нибудь на селѣ; за ними отправятъ погоню, нагонятъ и „настебаютъ“ всю группу. Переселенцы, очень нетрусливые на своей землѣ, въ своемъ селѣ, дѣлаются похожими на стрѣлянныхъ зайцевъ въ дорогѣ, на чужой территоріи. Струсилъ онъ порядочно; иные уже приставали — было къ Микишкѣ съ допросомъ; но тотъ угрюмо и пьяно моталъ головой и почти спалъ.

Къ вечеру въ одной изъ заднихъ повозокъ поднялся вой съ причетами. Мужики сейчасъ догадались, что началось бабье горе. Подошли. Оказалось: холсты пропали. Бабы холсты — самая важнѣйшая вещь въ переселеніи. Безъ нихъ ни одна бабенка не отправится въ путь: гдѣ на рубашку годится, гдѣ и въ продажу, въ оборотъ пойдетъ; кормиться на нихъ можно. Иной разъ переселенческая женщина цѣлую дорогу на свои холсты ребятешекъ молокомъ поить и кашкой кормить.

Подозрѣніе пало на Микишку: никто, кромѣ его, къ повозкѣ не подходилъ; а онъ самъ, ни съ того, ни съ сего, спьянился. Ясно, Микишкиныхъ рукъ холсты бабы не миновали. Когда гро-

мада обступила виновника, онъ сталъ было отпѣкиваться, но наконецъ нашлись такія доподлинныя доказательства, что Микишка заложилъ бабы холсты, что и самъ воръ опустилъ руки и сознался, что „грѣшнымъ дѣломъ, точно, укралъ и пропилъ холстины“.

Громада зашумѣла. Поднялся стонъ надъ мирными полями. Всѣ принялись лаять похитителя Ѳедосьина добра. Увѣряли, что этакъ онъ партію обокрадетъ, лошадей сведетъ въ ночную пору, изъ повозокъ все потаскаетъ, „своего вора не убѣжишь“.

И партія заволновалась, всколыхнулась и готова была проглотить пьянчужку, своего врага.

— Бей его, мошенника!..

Микишкѣ дали леца—другого.

Но міръ не удовольствовался этимъ. Раздались голоса, требовавшіе немедленнаго удаленія Микишки.

Въ концѣ концовъ, послѣ большинства, составилось единоегласное желаніе—выгнать „мошенника“ совсѣмъ, не принимать въ партію и силой заставить его отстать, ѣхать особнякомъ,— „а то опаршивитъ еще ихъ“.

Микишка взвылъ. Онъ увидѣлъ во-очію, что затѣялъ плохую штуку, что его кинутъ на чужой сторонѣ. И на него напалъ страхъ.

— Отстегайте меня, только оставьте! — взмолился онъ. — Вѣкъ вашего добраго не забуду. Куды я дѣнусь на чужой сторонѣ? Отпорите меня, братцы, дайте мнѣ духу, чтобы вѣкъ помнилъ. Только примайте меня сызнова.

Микишка ползалъ на колѣняхъ передъ новыми мірянами и вымаливалъ прощенія. Дѣваться ему, дѣйствительно, было некуда. Осѣсться одному невозможно. Всѣ норовятъ въ міръ вступить и почерпнуть въ этомъ мірѣ новую мірскую силу. Безъ міра человекъ—что тряпка на вѣтру; куда вѣтеръ,—туда и онъ.

И Микишка валялся на землѣ и плакалъ. Похмѣлье — какъ рукой сняло.

Вдобавокъ ко всему у него не было ни гроша. Переселенцы развязали кошель, вынули, кто по гривеннику, кто по четвертаку, и вручили изгоняемому.

— Теперь отправляйся на всѣ четыре стороны. Мы тебѣ не братьяники.

Микишка увидѣлъ, что дѣло принимаетъ совсѣмъ плохой оборотъ. Онъ кинулся къ Ѳедосѣѣ и уплатилъ ей за холсты этими деньгами; выворотилъ карманы и отдалъ ей сдачу съ холстовъ. Осталось немного.

— Расквитаемся опосля. Услужу. Вотъ-те Христось, Никола милостивый!—говорилъ Микишеа.

— Вѣдь, поди-жъ вотъ ты, такъ, вѣдь, и остался Микишеа-то тогда съ нами,—закончили мои собесѣдники.

— Что же, и еще воровалъ?—спросилъ я.

— Ни, Боже мой! Куда воровать! Всякое уваженіе овазываетъ. Всегда первый за всѣхъ. Уваженіе къ міру возимѣль такое, что всю дорогу на заднихъ лапкахъ лебезилъ. Міръ, братъ,—сила. Состоятельный человѣкъ — ему что! Ну, а чуть помельче мужичонка, — ему отъ міра на шагъ нельзя...

Бушуетъ переселенческая ватага. Смѣняются партіи. Тронется одна повозка—сейчасъ двигаются другія, не отступаютъ ни на шагъ. Каждая группа знаетъ своихъ членовъ досконально, чинить имъ судъ и расправу, защищаетъ ихъ и охраняетъ и даже харчится вмѣстѣ. Чуетъ она свою силу, и братьяники невольно уважаютъ ее, хотя бы она поступала даже несправедливо.

„Въ партіи не обидятъ“; „партія силою одолитъ“ всѣхъ и всѣ препятствія. А въ одиночку можетъ прійтись и солоно. Но это не мѣшаетъ быть партіи поразительно безсильной. Каждый прохожій, каждая мизерная власть можетъ ее обидѣть, и партія сносить обиду, сносить ее также за общую суму.

Грузно тянулася переселенческая вереница по кирсановской (или, какъ зовутъ переселенцы, „веросиновской“ волости). Выѣхали за село; позабыли полевые ворота запереть. Отъѣхали сажень семьдесятъ. Ёдетъ сельскій староста.

— Ахъ, вы, такіе-сякіе! почему ворота не заперли? Штрафъ сейчасъ уплачивайте! Подавай пятьдесятъ рублей, а то въ сборную сведу, мужиковъ слычу.

Пензенцы только смѣются. Власть окончательно взбѣсилась, ударила по клятѣ и мигомъ собрала понятыхъ. Не успѣли переселенцы оглянуться, какъ уже были оцѣплены со всѣхъ сторонъ.

Мужики увидѣли, что дѣло неладно. Никто не вѣдалъ, что тутъ вымогательство, что за это можно идти въ судъ. Да переселенцамъ было не до того; имъ необходимо было ѣхать поскорѣе. И мужики сторговались за 16 рублей и уѣхали.

Сдѣлали братскую раскладку и въ этомъ случаѣ.

Съ перваго раза кажется, что здѣсь всѣ въ проигрышѣ. И я такъ же подумалъ. Но переселенцы растолковали мнѣ:— „ну, а что бы стали дѣлать мы одинъ-на-одинъ? А тутъ бабы ревутъ, мужики загалдѣли, всѣ съ мѣстъ поднялись. Видятъ власти, что, чего добраго, въ колья примутъ, — ну, и уступили. Теперь вотъ, милый человѣкъ, и разбери: — на партію лѣзутъ, партію

обидѣть вдумали; а что съ нашимъ братомъ сталося бы, ежели-бы въ одиночку, къ примѣру, ѣхать? Совсѣмъ обидѣли бы. Вотъ ты и скажи: міръ—сила“.

И я согласился, что міръ—сила и въ этомъ случаѣ постыднаго отступленія.

III.

Особенно имѣть дѣло съ властями затруднительно въ Сибири. Приходитъ вотъ такая партія. Скоро роздыхъ. Всѣ уговорились остановиться. А тутъ сейчасъ—шастъ, власти. Еще издали, чуть къ селу партія ворочаетъ, власти ужъ встрѣчаютъ.

— Здравствуйте!

— Здорово.

— Откуда Богъ несетъ?

— Оттуда-то.

— Къ намъ?

— Къ вамъ.

— Угощенія сколько ставите?

— За какую снасть?

— Я—писарь.

Сейчасъ шапки долой. Начинается торгъ. Переселенцы Христомъ-Богомъ завѣряютъ, что у нихъ ничего нѣтъ въ кошняхъ.

— Ну, холсты подавайте. Теперь домой пріѣхали. Бабы снова наткнутъ.

Бабы начинаютъ хныкать. Писарь недоволенъ.

— Ну-ка, показывай паспортъ. На мой взглядъ, вы—люди подозрительные.

Но паспортовъ показать бояться. У Андрюшки просроченъ, у Демки завалился гдѣ-то, Петряй потерялъ, а Лука—не выправлялъ вовсе: въ бѣгахъ числился, все въ отхожихъ промыслахъ да „по саратовскому билету“ ходилъ, въ Саратовъ на толкучкѣ за полтинникъ по случаю пріобрѣлъ ¹⁾.

Ну, сейчасъ на капитуляцію; начинаютъ карманы выворачивать. Въ партіи опять выгодно: писарь, хоть и помногу обложить, зато съ души—самые пустяки сходятъ.

Староста потомъ явится, и его улагодворять.

¹⁾ Въ Саратовѣ, рассказывали переселенцы, премилое дѣло паспортъ выправлять. Иди на толкучку: тебя по лицу узнаютъ, чего тебѣ требуется. Сейчасъ и примѣты подоянятъ, и въ линію выведутъ. У насъ ежели кто въ бѣгахъ, прямо, значить, по саратовскому билету проживаніе имѣть.

— Съ нами чтѣ вѣдь въ Сибири-то, братику, робять! Въ одиночку сѣдять.

— „Припишись,—говорять,—а то пущать не станемъ ни въ лѣсъ, ни въ поле“. Волощане сибирскіе гнутъ дуги изъ нашего брата одиночнаго. Сегодня къ одному: „пачпорта!“ завтра къ другому: „пачпорта!“ Таеъ и обходятъ. Иной разъ у всѣхъ побываютъ. Вотъ въ одиночку и платимся. Сегодня у одного спиваютъ; завтра у другого. А съ партіей сдѣлать этого не можно: опасно и волощанамъ, какъ наша Расея собьется дружно.

— Недалече сказать тебѣ, братику, — съ нами было. Жили мы въ Сибири. Народъ срамной. Дѣвокъ нашихъ замотали; обернуться не успѣемъ,—глядишь: дѣвка съ парнемъ въ лѣсъ ушла. Церквоу тамъ нѣту. А которыя и есть,—сибирскія, не наши. Дадутъ попу кобылу,—онъ, кого хошь, обвѣнчаетъ. По нашему, по расейскому, этого невозможно никакъ, чтобы безъ родительскаго благословенія, а тамъ, что ни баба,—самокрутка. Уйдетъ въ лѣсъ, обженыхается нѣкоторое время, а потомъ къ попу — вѣнцы надѣвать. Вотъ и наши дѣвки пошли по той же линіи, — и сколько непріятности—и-и! иную дѣвку таеъ уволокомъ и стащатъ. Больно не показалось намъ таеъ-то. Ну, это бы еще ничего. И безъ родительскаго хрещенія можно бы обойтись. А вотъ, братику, еще какъ надъ нами сибирцы мандруютъ. Волощане эти — воръ на ворѣ всѣ. Все на взятку глядятъ. Кислой вапустой дай—и то примутъ. Не справились мы, во-время податей не припасли. Вотъ, глядь-поглядъ: идутъ, идутъ такъ цѣлой волостью—и съ сотскими, и съ подрушными, и бабы, и старожиле. Идутъ и поданя гонять. Чтѣ съ насъ взять? нечего, братику. Въ дорогѣ исхарчились. Пришли на мѣсто,—не нанялись; посѣву нѣтъ, земли не приняли. А они поданя гнать зачали. Горе взяло насъ, братику.—„Православные!—говоримъ,—ослобоните, все выплатимъ“. Ужъ таеъ только мы ихъ православными тамъ кличемъ, а они — какъ есть нехристи. Какъ ихъ Ермакъ маленько образовалъ, тогда они христіанами и были, а потомъ опять обасурманились ¹⁾. Вотъ говоримъ имъ таеъ-то. А они хоть бы чтѣ. Давай чуваль ²⁾ ломать; двери выставили, окошки сломали; телятъ повыпущали, лошадей повели. Взыли мы всѣ голосомъ. Одначе видимъ, что насъ больше, и кинулись, кто съ рогатиной, кто съ вилами, кто съ пустыми руками, и пошли мы имъ бока мять. Они побѣгли. Мы за ними. То-есть, скажу

¹⁾ Общее убѣжденіе всѣхъ переселенцевъ, что всѣхъ русскихъ сибиряковъ покорилъ Ермакъ.

²⁾ Чуваль—труба.

тебѣ, бративу, побоище мамаево, и только. Разнесли мы ихъ въ ту пору—вотъ какъ! А все отчего? Оттого, что мы миромъ застояли себя.

Очевидно, партія — крупная сила. Новосель сибирскихъ старожиловъ не долюбливаетъ, считаетъ ихъ своими врагами, къ обществу ихъ себя не причисляетъ, числится лишь номинально. Больше его тянетъ къ „расейцамъ“. И партія расейцевъ всегда, очевидно, разыгрываетъ въ сибирской общинѣ роль оппозиціи, стойкой и сильной. Даже тамъ, на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ, отдаленные на тысячи верстъ отъ своей родины, новоселы крѣпко держатъ традиціи расейскаго міра и, по мѣрѣ силъ, отстаиваютъ своихъ братьевъ.

— И дружно стояли другъ за дружку?

— А то какъ же? Знамо, дружно. Задолбать безъ дружба. Чуть помалосильнѣй, чуть мало нашего брата, расейцевъ, сейчасъ масло выжимать начинаютъ. Вотъ-какъ прижмутъ, что лучше не надо.

— Ну, и что же?

— Что же? Взвостъ расеецъ благимъ матомъ, подберетъ полы въ руки да—бѣжать въ Расею. Больше способовъ никакихъ нѣту.

— А какъ же вы осиливаете старожиловъ?

— Да какъ! Прійдетъ вотъ партія. Другую созовемъ, родственниковъ скличемъ; письма разоплемъ—такъ и такъ, житье распрекрасное: фрухты, малина всякая, земли—не оглянешь. Расейцамъ это на лапу. И знаемъ мы, что согрѣшили. И никакой фрухты въ Сибири ни въ жисть не увидишь. Ну, значить, пріѣзжаютъ. Поругаются-поругаются, а намъ подсоба. Выйдемъ мы на сходку—вся Расея тутъ собралась. Старожиловъ среди нашихъ и не замѣтишь. Пикни старожила, всѣ расейцы загудятъ и покроютъ. И нѣтъ въ старожила никакой этакой прежней силы. Допрежъ того сибирякъ на нашемъ братѣ ѣздилъ, а потомъ ужъ мы его объѣзжаемъ. На сходѣ какъ загрозимъ, какъ загрозимъ, все на своемъ поставимъ. Ни въ жисть не уступимъ.

— Ну, да какъ же вы имъ не уступите? Вѣдь, земля же ихъ.

— Не уступаемъ да и только. Вѣдь, какую теперъ нашъ братъ, новосель, смуту въ тѣхъ мѣстахъ поднялъ,—не приведи царица небесная! Расея переселилась со всѣми своими порядками. Какъ на старинѣ жили, такъ и въ Сибири стало. Вѣдь, зачѣмъ новоселы подмоги просятъ отъ сродственниковъ? Вѣдь, одолѣть хотятъ. Теперь въ Сибири свои порядки: гдѣ занялъ землю, и сиди лѣтъ сорокъ. Старожила-то всѣ хорошія земли заняли. А насъ на вырубкѣ пустили. Ахнули новоселы. Видать,—который

побогаче, тотъ только и пашеть. А новосель безъ скотины и не сѣя. Только гдѣ запахано, то и твое. Занимай свободно, гдѣ желаешь, сколько душѣ твоей угодно. Ну, нашъ братъ безъ скота и не можетъ сравняться. Такъ что надумали! Привели своихъ-то, вышли на сходъ да какъ гаренуть: „эвто по какому праву вы всеѣ землю заняли? Дѣлить желаемъ, чтобы на новыя души, верстать, ребята, надо!“ Всѣ закричали: „верстать, верстать!“ Тутъ и пошло дѣло. Сибиряки-то волкомъ завыли, а наши: „плевать мы на васъ хотимъ! мы—общественники, мы вольны ровнять землю“. И поднялась тутъ исторія.

— Мы—мѣръ тоже. Эй, ребята, кто дѣлить хочетъ, вали направо!

Всѣ наши-то, расейскіе, и перебѣжали. Нашъ стоитъ—войско дѣлое. А ихъ—плюнуть да растоптать.

Старикъ тутъ одинъ поднялся:

— Вы—припущенники наши. Развѣ мы васъ затѣмъ пускали въ общество, чтобы смуты нажить, а-а? Да мы на васъ жалиться станемъ.

— А вамъ вольно землю-то прихапять къ себѣ? Царь насъ отпустилъ землю оглядѣть, пахать ее, чтобы въ волю было, а гдѣ земля-то?

И пошла баталія. Иво дня въ день собираются на сходку, шумятъ, бунтуютъ. Ни къ чему прійти не можемъ. То-есть, вотъ какъ, круглый мѣсяцъ такъ бились. До кровопролитія чуть было дѣло не дошло. Кругомъ стономъ земля стонетъ. Сойдется это мѣръ. Никому въ домѣ нелестно; ну, какъ обдѣлать? Всѣ гурьбой и высыпаютъ. Малъ-мала меньше, и тѣ глазѣтъ идутъ. Старики голосъ потеряли; хрипятъ, а идутъ, потому—нельзя, общественное дѣло затѣяли. Въ Сибири этого не знавали николи, и вдругъ расейскій народъ смуту поднялъ. Много мы у сибиряковъ крови испортили. Больно не хотѣлось имъ упускать своего: промежъ себя пытали приговоръ составить; мы-де, старожилы, порѣшили на вѣки-вѣковъ землю не дѣлить и оставить ее, какъ она есть. Да мы подмазали писаря здорово-таки; онъ на нашу сторону сталъ, значить, дѣло на-мазѣ! Бьются старожилы-то, а ни впередъ, ни взадъ. Они писарю сунуть, а мы ему вдвое. Хорошо онъ тогда руки нагрѣлъ!

Старики наши поумаялись, бороды потрепали кое-кому, а все держатся; нельзя, земля вѣдь!

Живемъ мы годъ, два, третій прошель: не отходить земля-то. Дали намъ лядящую. Въ полѣ засѣемъ, все смятеть и повызывать; къ лѣсу пашню пригонимъ, снѣгу не дождемся, коли

стаетъ: лежить до Троицы, а на Илью морозъ ударить. Сидимъ безъ хлѣба. Что ни есть лучшія полосы у сибирцевъ. Лежить, какъ собака на снѣгѣ, и самъ не жретъ, и насъ не пушаетъ.

Думали, думали; да развѣ не расейцы мы? Подумали промежду себя, долго столковывались, столковались иначе. Вышли на сходъ. Отвалили писарю сотни двѣ рублей:

— Пиши,—говоримъ,—приговоръ. Еще благодарность получишь.

Сибирцы туда-сюда: „не желаемъ!“ Потомъ видятъ, что мы палокъ да веревокъ набрали землю мѣрять, посмирѣли маленько и въ намъ лаской начали приставать.

— Обидѣть мы васъ не хотимъ. Давайте миркомъ да ладкомъ. Земля будетъ по прежнему. А мы вамъ дадимъ уголь.

Иные пошли-было на мировую, да мы имъ цыгнули, и никто не посмѣлъ.

Сибирцы озлились пуще прежняго.

— Вы,—говорятъ,—честь честью не хотѣли, такъ мы васъ кольями, дружковъ любезныхъ, примемъ. Землей не поступимся. Ничего вамъ нѣту. Идите, откуда пришли. Идите въ Расею. Тамъ для васъ земля припасена; и подѣлена, и помѣряна. А нашей земли не касайтесь. Отъ роду она кольевъ не знала. Шестами мы ее не мѣряли, да, дастъ Богъ, и мѣряна не будетъ.

Долго они намъ тутотеа вычитывали: и безсовѣстные-то мы, и на порогъ попросились да на печь лѣземъ, и варначья наша шкура, и кровью добыта земля, и царемъ дадена, и мѣрять ее грѣшно—земля рожать перестанетъ. И чего, чего ни наговорили!

До кольевъ, однако, не дошло, и землю передѣлили по равенію, по-хрестыянски и по-человѣчески.

— Много мы страховъ извѣдали, страсть много! Спасибо, народъ нашъ дружный. А то бы ни въ жизнь не стать людьми.

IV.

Чуетъ силу расеецъ, когда міръ за нимъ. Тогда онъ звѣзды готовъ хватать съ неба; прыть найдетъ на человѣка: откуда-то удалы и храбрости наберется; на начальство съ кольями выходить.

Сила—міръ; это точно. Этой лишь силой, этой компактной массой и могучи переселенцы; только этимъ, а не культурой, напираютъ они на востокъ. И востокъ подается подъ напоромъ этой чудодѣйственной струны расейцевъ. Покоряется этой силѣ не

одинъ киргизъ, припертый теперь къ стѣнѣ и отброшенный далеко за Уралъ, не одинъ апатичный и непредпріимчивый башкиръ; подается и вѣрная сила сибирскихъ старожиловъ.

— Что у васъ на селѣ дѣлается? — спрашиваю я какъ-то однихъ переселенцевъ, ворочающихся изъ Сибири.

— Землю укупить хотять.

— Что же васъ заставляетъ ворочаться?

— Прописали намъ, что землю укупаютъ. На подмогу зовуть.

— И вы на помощь ѣдете, чтобы землю помочь купить?

— Для этого самого. Своя Расея землю укупаетъ, свое общество, пишутъ: Христа-ради, пріѣзжайте. Какъ не поѣхать! Двадцать пять лѣтъ этой земли дожидались. Только и въ снахъ видѣли, что землю самую эту укупимъ. Дождались, слава те, Господи! Банка отерлась, пишутъ. Ужъ такъ ради, такъ ради, сказать не можно.

Ѣдутъ выселившіеся уже давно въ Сибирь. Они обстроились тамъ; домомъ, скотомъ, скарбомъ, землей обзавелись и Ѣдутъ „на подмогу“ къ своему расейскому обществу, чтобы снова тянуть невыносимую, по ихъ же словамъ, лямку; возвращаются снова къ своимъ потухшимъ очагамъ, чтобы маячить жизнь, но зато — „на своемъ міру“, на своихъ людяхъ. Они до сихъ поръ тяготятъ къ міру, къ своему „обществу“; вѣрность ему, служеніе ему въ далекой Сибири, тамошнее хозяйство не изгладилъ въ ихъ памяти. Раздался трубный звукъ, — и снова они спѣшатъ на кличъ міра.

Гдѣ вы сыщете столь развитую общественную струнку?

Какъ капля въ морѣ, затерялась въ широкой Россіи деревушка. Но и въ ней бьется этотъ общественный нервъ. Крестьяне собрались на переселеніе. Долго они гадали, съ сосѣдями совѣтовались. Вся деревня обсуждала вопросъ и въ дому, и на улицѣ, и въ кабацѣ, и на базарѣ.

Все узнали и все вывѣдали крестьяне доподлинно. Недаромъ они приготавливались издавна. Всѣ факты и всѣ сообщенія они прикладывали къ старымъ фактамъ и сообщеніямъ. Свѣдѣній накопилась цѣлая куча, въ которой разобраться было трудно одному.

Призываютъ сродственниковъ, бесѣдуютъ съ сосѣдами, ко всѣмъ обращаются съ просьбой подумать надъ „загвоздкой“, которая засѣла въ мужичью голову. И цѣлый міръ старается всѣми силами понять все, во все доподлинно дойти, взвѣсить, обсудить, водворить надлежащій порядокъ въ головахъ, осѣненныхъ переселенческимъ мечтаніемъ, порѣшить, какъ лучше устроить.

Это, конечно, весьма не легкій трудъ. Нашъ братъ можетъ

спросить обо всемъ свѣдущихъ людей, обратиться къ книгамъ и почти досконально узнать—какъ и что. У мужика иная обстановка. Слышитъ онъ, какъ оказывается, страшно много. Источники у него самые разнообразные. Тѣ занесетъ богомолка, другое—прохожій солдатъ, третье—купецъ проѣзжій, четвертое—на базарѣ слышалъ. Все держитъ мужикъ въ памяти, все крѣпко запоминаетъ. Попробуйте разобраться во всемъ этомъ багажѣ. Указчиковъ у мужика нѣтъ; самому приходится ломать голову.

И вотъ, начинаются толки. Толкуютъ всѣ и складно, и нескладно. У одного много свѣдѣній; у другого того больше; всѣ деревенскіе философы поломаютъ тутъ голову вдоволь. Опросивши всю деревню, переселенцы успокоиваются: міръ освящаетъ переселеніе; на міру все обсудили; міръ сказалъ свое слово.

— Вѣдь, мы не съ дурного разума наклались-то, мірянъ спросили,—часто говорятъ вамъ ѣдущіе крестьяне, и, очевидно, весь деревенскій разумъ былъ исчерпанъ основательно.

— Мы не просто сунулись, у стариковъ поспрошали. А опосля въ городъ наклались; справки наводили.

— У начальства спрашивали?

— По начальству хотѣли идти, да опасно: ну, остановать! Намъ и то пригрожали. Мы, вѣдь, убѣгомъ ушли, по пачпортамъ.

— Ну, а міръ?

— Міръ—извѣстно что: отъ начальства покрываетъ насъ. Всѣмъ говорить: на заработки-де по пачпортамъ отправились.

Иной разъ въ городѣ встрѣчаютъ крестьяне прохожихъ людей, и тѣ наговариваютъ имъ массу ошеломляющихъ новостей. Провѣрить нечѣмъ, и приходится самимъ „изыскивать средствъ“ провѣдать что-нибудь о дальнихъ краяхъ, о вольной землѣ, гдѣ луга обширны, поля лежатъ дѣвственно и поросли ковылемъ, а люди довольны и сыты.

— Слышишь, Андреичъ, новоселы вернулись,—разносится по деревнѣ слухъ.

— Гдѣ новоселы?

— Въ Кирибетьевкѣ, рассказываютъ.

И вотъ Андреичъ захватываетъ съ собой мірянъ и сродственникововъ и отправляется въ воскресный день въ деревушку. Встрѣчаются, спрашиваютъ. Жадно ловятъ слова, что въ Сибири-де „хлѣбъ зябитъ“, „грунтъ тошпой“, „съ Ильи морозы трещать“, „соломой одной выходить“, „народъ оворной“, „церквовъ нѣту“, „на вырубкѣ содятъ“, „тѣснять Расею“, „варнаки по Сибири гуляютъ, раззоръ всему міру чинятъ“, „Бога не чтутъ: съ ними не замолишься, благословенія божескаго не будетъ; міръ худой,

на худой міръ и благодать скудна; озлобится Богъ и накажетъ вмѣстѣ съ ними, нечестивыми“, и т. д.

Слушаютъ крестьяне этотъ суровый приговоръ, навѣянный неудачами и разореніемъ, и жутко становится на душѣ.

Все уже было распределено; всѣ возраженія были опровергнуты, и вдругъ снова наступилъ кавардакъ. И міряне потеряли голову: только накладаться оставалось, и снова все разрушено, все перетолковано.

Бабы испужались и ревутъ: „ребятишекъ поморимъ“, „картошка не родится“, „хлѣба нехватокъ“, „народъ басурманъ“, „дѣвокъ уволокомъ въ лѣсъ тащатъ“... И чего, чего ни приберутъ бабы!

— Не ѣдемъ мы! Поѣзжайте вы, мужики!

— Иной разъ бабу-то и потаскаешь малость, — замѣчаютъ мужики. — И безъ того на душѣ слякоть одна, а тутъ еще баба съ ревомъ. Бѣжалъ бы!

Сродственники привяжутся: „оставайся, оставайся! жену, дѣтей загубишь даромъ“.

Бабы оказываются страшно консервативны. „Нейдемъ да нейдемъ!“

Такъ начинается у насъ прологъ къ колонизаціи.

Иныя бабы, напротивъ, являются колонновожатыми; все стараніе употребить переселиться; мужей торопятъ. У бабы еще больше въ запасѣ слуховъ и росказней. Мѣстами бабы начинаютъ раньше мужиковъ утуться.

Но все-таки извѣстія о возвратившихся опешомяютъ и тѣхъ, и другихъ. Иной разъ не довѣряютъ имъ.

— Врутъ-поди. Эсколько народу уѣхало, не ворочаются никто, а они — на, поди! воротились! Зрящіе люди, пустые, да и только! Всѣ тамъ землепашествомъ занимаются. А они — шатунами задались, — Сибирь ихъ не выхолила. Сибирь — дно золотое. Ежели хозяйственный человѣкъ, али ремесломъ какимъ занимается, — прямо въ рай попагъ. Пропили, поди, безъ стариковъ добро-то свое, — и ворота оглобли назадъ, ко дворамъ. Знаемъ мы ихъ, непутевыхъ!

Но и это не утѣшеніе. Снова начинаются поиски за свѣдущими людьми. Снова міряне принимаютъ горячее участіе въ переселеніи своихъ односельчанъ.

Приходитъ бывалый солдатъ; закуриваетъ свою носогрѣйку и рассказываетъ о разныхъ странахъ. Правда, нынѣшній „служивый“ не то, что прежній. Онъ уже не замѣняетъ былого солдата, деревенскаго географа, знающаго, что и въ моряхъ, и въ

иныхъ странахъ дѣлается. Нынѣшняго калибра солдатъ не отлучается изъ губернскаго города, но и онъ строго слѣдуетъ традиціямъ добраго стараго времени; онъ все знаетъ, обо всемъ „читаль“ и про все имѣетъ свое сужденіе.

— Не слыхалъ ли что, служивый, про вольную землю?

И служивый начинаетъ свой разсказъ: „Тысячу верстъ вдоль, тысячу верстъ поперекъ... николи никто тамъ не сѣялъ... благодать разная на деревьяхъ растеть, по шести коровъ держать... двухъ теленочковъ въ казну отбирають... и сытость тамъ безпримѣрная... Сѣять не надо: разъ посѣешь, лѣтъ десять падалицей кормятся... Черноземъ—два сажня... Лѣсъ—не охватишь... дикіе кабаны ходять... Начальства нѣтъ... объѣздчиковъ не встрѣтишь, —руби, сколь силы хватить... Помѣщиковъ ни одного нѣтъ... Земля въ тѣхъ мѣстахъ давно отъ баръ отошла... при Екатеринѣ... Ермакъ съ Суворовымъ всѣхъ изничтожили...“ и т. п. безъ конца.

И опять бодрости прибудеть у переселенцевъ. Помѣщиковъ нѣтъ, кабалы нѣтъ. А здѣсь, натко-сь, что дѣется!

Приходить богомолка: она на богомольи и въ самой Сибири бывала!

Какъ же это имъ говорили, что церквей нѣтъ въ Сибири! Святые тамъ есть, а не то что церкви. Благословенная, стало быть, земля.

— Много въ Сибири угодниковъ, батюшка, много. Зачѣмъ басурманская страна? Николи она такой не была. Церкви деревянные, высокія, богатые, все съ прикладами... Богатѣйшія церкви и благолѣпіе всякое. Издали идешь, — сердце радуется. Вѣдь, Иннокентій-угодникъ великій былъ святой, такой святой, что и сказать не можно! Развѣ Богъ попуститъ своего святого въ страну басурманскую! Много тамъ святыхъ. Степанъ великопермскій, Симеонъ верхотурскій. Кузьмѣ кородивому въ Верхотурѣ панихиды служатъ; помогаетъ, батюшка.

Всякія сомнѣнія разрушены: и святые есть, и „угоднички-теплые“ оказываются, и благодать, и народъ благословенный, и черноземъ саженная, и объѣздчиковъ въ лѣсу нѣтъ, и помѣщики первѣйшаны...

— Наврали намъ!

Одинъ изъ мірянъ возилъ купца на станцію. Купецъ больно Сибирь хвалилъ. Ужъ такая эта Сибирь талантливая задалась: вездѣ ихнему брату, купцу, плохо пришло, и въ степи виргизы поумнѣли, сказывается, а въ Сибири — лафа, всѣмъ просторно, всѣмъ хорошо и вольготно, а купцу — безъ мѣры въ

карманъ все лѣзеть. Про мужичье житье-бытье тоже похвально отозвался: — „Распустили, говорить, брюхѣ сиволапые-то, земля за нихъ рождаетъ; дрянной мужичишка, баеетъ, помѣщикъ цѣлый: и выгонъ, и поле, и лѣсъ“. Слышь, земля-то ни почемъ, — сорокъ копѣекъ въ удѣлъ внеси, держи лѣто. А за дрова „съ дыму“ платять. Хорошо, сказывалъ, жить. — Купецъ, разумѣется, всегда въ аккуратъ разсуждаетъ. Какъ ему не повѣрить?

— Поѣзжай, дядя Митяй, — говорятъ міряне. — Може, въ гору полѣзешь, — намъ отпиши!

V.

Иной разъ понакладается такимъ образомъ мужикъ и уйдетъ на вольныя земли.

Иногда же, только-что соберется человѣкъ въ путь-дорогу, пронесется новый слухъ о новыхъ жертвахъ неудачнаго переселенія, явившихся на деревенской территоріи. Снова заколышется деревня, снова пойдутъ толки и переговоры.

— Да, вѣдь, ты, Митяй, совсѣмъ уложился?

— Совсѣмъ. Коровъ всѣхъ до единой продалъ.

— Изъ-за чего же остановка?

— Міряне другое заговорили.

Шальное письмо, зашедшее въ глушь, имѣетъ громадное значеніе. Вся деревня настораживаетъ уши и пристально слушаетъ о томъ, чтѣ пишутъ, и міръ вкушѣ обсуждаетъ новость съ самыхъ различныхъ сторонъ. И всѣ, по полученіи письма, какъ бы приподнимаются духомъ; всѣ самые безгласные развязываютъ свои языки и принимаются обсуждать письмо. Одни упираютъ на отрицательныя стороны сибирской жизни, другіе — на положительныя.

Пусть вопросъ рѣшенъ и перерѣшенъ нѣсколько разъ и окончательно; пусть новыхъ свѣденій довольно маловато или выходятъ они изъ сомнительнаго источника. Это ничего не значить, и снова деревенскій міръ принимается за свою думу.

Иной разъ являются неожиданныя городскія новости.

— Слышь, Митюха, чтѣ въ городѣ бають? запретъ, бають, скоро выйдетъ, чтобъ никому съ мѣстовъ не трогаться.

Всѣ новоселы выслушиваютъ вѣсть съ полнымъ сокрушеніемъ: домишки распроданы, весь скотъ пошелъ по людямъ, въ надѣлѣ уже сторговались сдать на пять лѣтъ и задатокъ уже получили, и вдругъ — запретъ!

— Бають, вся Расея утурится, поданя тянуть скоро некому станетъ. Народъ, бають, разбрелся весь. Начальство услѣдить не

можетъ. Несподручно имъ это... Запретъ наложить думаютъ. Дома покидали, землю не папуть, баютъ. Въ казнѣ денегъ нехватка, связываютъ.

— А какъ же съ марьевцами?

— Ворочать, баютъ, стануть.

Поразительное извѣстіе стоняетъ къ вновь приѣзжему всѣхъ новоселовъ.

— Накладайтесь скорѣ, — совѣтуютъ міряне, — не то и правду оглобли поворотятъ. Ну, приказъ выйдетъ?

Трусятъ новоселы, трусятъ міръ, трусятъ и арендаторы имущества переселенцевъ. Міръ боится, какъ бы новой тягости не наложили: распродали все новоселы, — нечѣмъ подати тянуть будетъ. А кортомщики дрожатъ за ненарушимость своихъ договоровъ, которые заключены, разумѣется, поспѣшно и съ немалыми выгодами для нихъ.

А вѣсти идутъ все хуже и хуже. Вдругъ проносится слухъ, что новоселамъ прирѣзки не будетъ.

— Баютъ, всѣ новоселы, какъ выйдутъ, нарѣзки не жди. На новой сторонѣ укупить только можно. А что отъ помѣщиковъ отходить станеть, касаться не моги. Приказъ, баютъ, есть: въ газетахъ пропечатано.

Новоселы снова схватываются въ горѣ. Иные бѣгутъ къ кабатчику; но онъ указаній дать не можетъ, это не по его части. Новоселы — къ писарю.

— Прирѣзки вамъ? Вотъ я пожалуй уряднику. Онъ вамъ прирѣзку пропишетъ. Шататься вздумали да о прирѣзкѣ разсужденіе имѣть!.. восклицаетъ писарь, намѣревающийся эксплуатировать свое положеніе и власть передъ переселенцами, которые принуждены будутъ придти къ нему за паспортами.

Новоселы выбѣгаютъ, какъ ошпаренные. Теперь у нихъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что приказъ вышелъ и вошелъ ужъ въ силу.

— А то не артачился бы этакъ писарекъ-отъ. Знаеть, что новоселы мы, сибирцы теперя. Прирѣзки, значить, на насъ не положено въ указѣ, — думаютъ переселенцы.

— Какъ же, ребята, ужъ ѣхатъ ли?

— А дома причемъ останешься? Есть, ѣхатъ.

— Оставаться не съ чѣмъ. Бабы капусты не насолили даже. Съ чѣмъ жить станешь?

— Обождемъ манихвеста.

— Да коли его дождешься?

— Черезъ двѣ недѣли вычитывать, баютъ, будутъ, въ церквахъ.

Ждутъ двѣ недѣли; но манифеста не читаютъ.

— Брехня, видно,—замѣчаетъ кто-то.

Но слухъ оказываетъ давленіе. Глядишь, нѣсколько крестьянъ отказались отъ мысли о переселеніи; другіе отсрочили. А телушки между тѣмъ распроданы, поле не засѣвалось, у иныхъ было сдано въ аренду. Арендаторы начали прижимать все сильнѣе и сильнѣе.

— Подавай надѣлы!

— Подавай избу!

— Да не уѣхалъ, вѣдь, я.

— А-а, такъ мошенничать! Я тебѣ покажу, какъ мошенничествомъ жить!

По деревнѣ разносится новый слухъ: надѣльную-де землю будутъ отбирать въ казну, по инымъ свѣденіямъ—въ общество.

— Ну, а коли ворочусь я? Коли въ Сибири мѣста не огляжу, тогда что?—пытается мужиченко.

— Ступай, куды хошь. Землю отберутъ навѣчно.

— Да коли мнѣ Сибирь не задалась, значить?

— Ворочаться не могли.

— Какъ же: безъ земли и безъ общества?

— И безъ земли, и безъ общества.

И опять тужить новосель. Безповоротнo кинуть жребій ему не хочется. Какова тамъ Сибирь, онъ не знаетъ, а воротиться, связываютъ, нельзя.

Новое затрудненіе и новая убыль въ переселенцахъ.

— Разоренье, братецъ, вотъ что. Всѣ наклались,—ѣдемъ, да ѣдемъ. А на повѣрку выходитъ,—помирать здѣсь, вокругъ лядащей полосы. И не глядѣлъ бы! Людямъ—праздникъ Христовъ, а на тебя забота навяжется. Ну, земли-то не оглядимъ, чего будетъ?

Забота была велика, и опасеніямъ не предвидѣлось конца-краю. Захожіе люди оповѣстили деревенцевъ, между прочимъ, что въ Сибири холода стоятъ смертные, хлѣбъ не родится, „четыре рубля пудъ—мучка-то выиграла“; сторона-де худая: рюмки водки спросить нельзя, — говори: „давай мнѣ кусокъ водки“, и подадутъ ледяной кусочекъ; вмѣсто чаю—кирпичъ; вмѣсто калача—лепешки.

Кто-то сообщилъ сенсационное извѣстіе, что людей тамъ мѣняють на сало и въ придачу за мужика берутъ еще мѣру пшена. Страна тамъ басурманская; поэтому и заселяютъ ее русскими; переселенцевъ молодыхъ подпиской обязуютъ взять за себя въ замужество татарокъ и окрестить ихъ.

— Бабъ забирайте больше,—совѣтовали имъ захожіе люди, —а то всѣ до одинаго обасурманитесь.

— Безбожная страна! Ни боговъ, ни церковей. Стоять въ тѣсу идола. Имъ и покланяются. Одеждъ сами никакихъ не носятъ. Убьютъ звѣря, сдерутъ шкуру, его-то сожрутъ, не благословясь, а шкуру-то на себя навздѣваютъ.

Бываютъ и совсѣмъ невѣроятные рассказы.

— Чертовщины этой, матушка, не оберешься. Захочется водицы испить, а къ озеру подойти не смѣй. Такъ на берегу-то и усѣяно вѣдьмами и русалками. Тѣмъ-тѣмущая ихъ. Защелочутъ въ добрую пору. Наберешь водицы въ чашечку; глядь,—а тамъ чертеночекъ и плещется. Ну, благословишь трижды, онъ выпрыгнетъ,—только и изопьешь. Въ тѣсу понабьется этой всякой нечисти — видимо-невидимо. Раздвинешь кусты, а они въ чехарду играютъ: одинъ черезъ другого, другъ. черезъ дружку, только трескотою идетъ.

— Да почему же, бабушка, ихъ, дьяволовъ, въ Сибири понабьло?—спрашиваютъ богомолку.

— Да, вѣдь, здѣсь, на святой Расѣ, какъ христіанство объявилось, такъ всѣ они туромъ поскакали. Всѣхъ въ Сибирь сослали наши митрополиты,—чтобы духу, то-есть, ихъ не пахло. Вотъ они ударились и грузно-таки засѣли.

— Что же ихъ не сгонять?

— Когда, батюшка! Много разъ христіанское воинство посылали супротивъ нихъ. Изъ пушекъ палили. Не помогаетъ: стрѣльнуть изъ пушки-то—одинъ падетъ, а изъ праху-то десять встаютъ. Билось-билось наше воинство-то, да и плюнуло.

VI.

Все это кажется очень „опаснымъ“. Это сосѣдство съ чертовщиной всѣхъ родовъ и видовъ, безвѣстность сибирскаго существованія, тамошніе холода, крайне неблагоприятные отзывы о странѣ Ермака, съ одной стороны, и лишеніе земельной прирѣзки, надѣла, ожиданіе манифеста, съ другой,—невольнo сжимаютъ сердце переселенцевъ и выдаютъ ихъ то въ холодъ, то въ жаръ. Наступаетъ полная нерѣшимость на тотъ счетъ, что предпринять.

Но разъ въ ихъ собственную деревню приходитъ письмо съ почтовымъ клеймомъ изъ томской губерніи. Адресуется оно на имя Прохора Матвѣева Силантьева.

Мигомъ вся деревня толпится у дома Матвѣича.

Письмо прочитываютъ чуть-ли не въ двадцатый разъ, все съ одинаковымъ интересомъ. Никто не проронитъ слова.

— Ну, читай еще единова!—воскликаетъ вновь вошедшій.

— Да ужъ читали,—замѣчаетъ чтецъ.

— Семишника не пожалѣю!

И снова монотонный голосъ, останавливаясь и жестоко пере-
вирая, читаетъ письмо въ двадцать-первый разъ.

„Пріѣзжайте,—отписывали деревенцамъ садчики.—Земли хоть въ Сибири и много, а желающихъ еще того больше. Народу идетъ видимо-невидимо изо дня въ день. Расея ужъ провѣдала о вольной землѣ и поспѣшаетъ. Скоро и въ Сибири земли будетъ нехватаеа. Упаси Богъ, ежели еще не пріѣдутъ теперь. Земли садчики оглядѣли; цѣлая драка изъ-за мѣстовъ выходить. Хоть съ крестами да приходите, жителями станете. У васъ помереть, здѣсь изъ гроба встать. Ежели не прибудете въ скоромъ времени, мѣстовъ въ Сибири не будетъ. Садчики расейскимъ всѣмъ по участку оглядѣли, и мы вамъ земли припасли. Только пріѣхали съ тамбовской, сильно ихъ землю перебиваютъ, вотъ какъ! Общество принялись поить кажинный день,—только отдайте намъ землю! Пріѣзжайте, а не то не видать вамъ земли. Чтѣ говорить про Сибирь худого, не вѣрьте ни единому слову; потому — все неправда. Это расейцы обмануть васъ хотятъ, чтобы имъ просторнѣе здѣсь было. Хоть въ одной рубашкѣ пріѣзжай, —Сибирь оправить“.

Наступило общее волненіе: какъ это, вся Расея узнала, а они, деревенцы, сидятъ и ѣхать не думаютъ! Тамъ за нихъ дѣло дѣлаютъ, а они—ни съ мѣста. Это не порядокъ. Много шату-
щего люда въ Сибири, а ихъ запитую землю—не трожь!

— Кабы сила, сейчасъ въ Сибири быть надоть.

— Накладаться станемъ.

— Прямо поспѣшать требуется.

Всеобщій трепетъ за упуценную землю живо пробѣжалъ по
рядамъ новоселовъ. Землю надо было достать и выручить, хоть
силой. Передъ этимъ ступевалась и боязнь Сибири, и страхъ
передъ невѣдомой стороною, и опасеніе тѣснаго сосѣдства съ
чертовскимъ міромъ. Можно было жить и среди басурманъ и
нечисти всякой, будь только земли въ волю. Все ни почемъ.

— Накладайся, міръ честной! Своего упускать зазорно.

На другой день всѣ побывали у писаря, выправить паспорта.
Но тамъ ихъ ожидало затрудненіе.

— Чтѣ вамъ?—спрашиваетъ писарь.

— Паспорта бы надоть.

— Нѣту вамъ паспортовъ!

— По какой причинѣ нѣту?

— А по той же. У тебя сынъ на очереди. По закону не можно.

У мужика ёкаетъ сердце.

— А мнѣ, сударь?

— И тебѣ нѣту. Недоимки много виситъ. Оправь сперва.

— Нехватка расплатиться. Въ Сибири наживу, всеё очисти.

— Знаемъ мы, какъ очищаете! Староста-то за васъ въ холодной высидѣлъ. А здѣсь тебя хоть отпоремъ липній разъ. А тебѣ что?—спрашиваетъ писарь у третьяго.

— Мнѣ пачпортъ.

— Тоже наклался на вольную землю?

— Точно такъ-съ.

— Нельзя. Подъ судомъ состоишь.

— Никולי этого не бывало.

— Прошеніе на тебя есть.

Мужикъ всхлопываетъ руками.

— А тебѣ что? Тоже паспортъ? И думать не моги.

— Батюшка, ослобони! Старикъ я.

— Не могу. Подъ судъ попаду изъ-за васъ, лѣшихъ.

— Да, вѣдь, мы не воры. Кабы воровать пошли, удержи тогда, какъ твоей милости будетъ угодно. А то, вѣдь, наше дѣло правшее. На вольныя земли хотимъ идтить. Сыновей веду. Подросли, а земли нехватокъ. А тамъ вольно.

— Нельзя. Приёмный приговоръ принесите,—отпишемъ. Шатайтесь по всѣмъ сторонамъ! Хоть лбы себѣ посшибайте, начальству дѣла нѣтъ никакого. А теперь—нельзя!

— А коли приёмку исправлю, тогда неудовольствія не будетъ?

— Ну, тогда и поговоримъ.

— Неудовольствія не будетъ?

— Не будетъ никакого, ежели ты внесешь половину выкупа.

Всѣ столбенѣютъ: и приёмку выручи, и половину выкупа неси.

— Да, вѣдь, мы больше двадцати лѣтъ выкупали. Поди, вся скоро выйдетъ.

Писарь вынимаетъ книгу и показываетъ 173-ю статью о выкупѣ.

Всѣ они жили миркомъ да ладкомъ, „безъ статей“, безъ книгъ и безъ законовъ. И только-что хотѣли-было тронуться въ путь-дорогу, всѣ эти статьи потянули свои заgreбистыя лапы въ мужичью мошну.

И вся эта масса опѣшила, присмирѣла, стала тише воды и ниже слабой былинки, качавшейся на тощемъ полѣ.

Мужики не разъ порывались къ писарю. Хотѣлось имъ заключить перемиріе. Война была тягостна и обременительна;

она затыгивалась безъ толку, а, можетъ, тамъ, въ Сибири, земля уже отошла расейцамъ.

Взяли сторонняго человѣка, послали его съ поклономъ къ писарю. Дѣло не подвинулось. Писарь запросилъ слишкомъ много.

Ждутъ двѣ недѣли, и все торгуются съ писаремъ. И такъ къ нему, и сякъ подойдутъ, все не выгораетъ. Сбавилъ онъ немного.

— Больше, говорить, никакъ не можно.

Опять загалдѣли мужики. Разъ пятнадцать ходилъ сторонній миранинъ; разъ пятнадцать выгонялъ его писарь.

Въ переговорахъ незамѣтно проходила недѣля за недѣлей. Крестьяне уже пропустили срокъ, когда можно было попасть на оренбургскую страду, на сѣновосъ, какъ пропустили и пашню. Они знали, что въ степи заработки хороши, и надо туда поспѣть, чтобы зашибить копѣйку - другую на дальнѣйшее путешествіе. Безъ этого подсобнаго источника было плохо.

— Безъ сѣновосу ничего не заробимъ; до Сибири не дотащиться будетъ, — резонно замѣчали новоселы.

— Здѣсь не сколотили ничего; можетъ, тамъ справимся. Слышь, Гаврюшка въ четвертомъ году къ Уральску ходилъ, — по трешнѣ въ сутки робятъ, сказывалъ.

И всѣ новоселы возлагали чаянія и упованія, что „степь поправитъ“, „степь деньгу копить“ для ихняго брата. И вдругъ паспортовъ выдавать не стали. Дѣло замѣшчалось. Рѣшили жаловаться въ губернію.

Потянулось нѣсколько человѣкъ въ губернію. Отыскивали деревенцы правды въ прихожихъ разнокалиберныхъ чиновниковъ; „доходили“ и до военныхъ генераловъ. Нигдѣ не вывозило.

— Къ моему вѣдомству ваше дѣло не относится, — получался одинъ отвѣтъ ото всѣхъ.

— И гдѣ это такое вѣдомство есть, чтобы писаря нашего сократить? — безнадежно обсуждали расейцы, шатаясь отъ одного крыльца къ другому и затериваясь въ толпѣ губернскаго города; тщательно вглядывались они въ орловъ, висѣвшихъ надъ аптеками, въ металлическія доски, но вѣдомства не находили.

Голодные и холодные зашли они въ харчевню для бродячаго люда. Босая команда столпилась тутъ со всего города. Тутъ были пьяные, убійственные типы городского пролетаріата. Завидя степенныхъ деревенскихъ пахарей въ своей компаніи, они поняли, что мужики, навѣрное, пришли жалиться на кого-нибудь. Спроста мужикъ сюда не зайдетъ.

— Вамъ что надоть, почтенные?

— Да вотъ закусить чего-нибудь пришли.

— Откуда?

— Оттуда-то.

— По какому дѣлу?

Мужики рассказали.

— Ну, я вамъ эту работу сварганю въ самую препорцію. Къ губернатору надо; просьбу подавайте.

— А самимъ ежели?

— Нельзя. До него бумагами доходятъ. Желаете, напишу?

— Пиши, родимецъ! мы улагодворимъ твою милость.

„Милость“ сейчасъ нашель перо, чернильницу, бумагу, подобралъ свой безполый, оборванный сюртукъ съ короткими рукавами.

Мужики поставили угощеніе. Присѣла цѣлая компанія и мигомъ опорожнила штофъ; пришлось купить два штофа. Нельзя не уважить. Всѣ сторонніе принялись совѣтовать, и совѣтовали въ лапу новоселамъ. Новоселы ликовали и выставили еще штофчикъ.

— Пиши, чтобы прошибло его благородіе! Пиши, что вотъ какъ пришлось! Пиши, что дѣло у насъ было на-мази и вдругъ—оказія! Пропиши ему, что писарь взялъ по цѣлевому себѣ на угощеніе, а дѣла не исполняетъ. Это, молъ, не по закону; и мы будемъ жалиться что ни-на-есть наивышнему начальству. Земли вольныя открылись, намъ поспѣшать надо, чтобы своего антиресу не упущать. Безъ насъ, скажи, садчиковъ нашихъ изобидѣть могутъ. А манихвестъ начальство скрыло. Изобиждаетъ насъ писарь, требуетъ съ насъ полсотни съ каждаго, а за что,—мы того не вѣдаемъ. Исполняемъ волю царскую, а писарь отпущать въ Сибирь не хочетъ ¹⁾.

Прошеніе писали долго и водки выпило довольно. Когда его прочитали, наконецъ, новоселы прослезились. Потребовали съ нихъ шесть рублей.

Когда они воротились въ деревню, они были въ полномъ удовольствіи, а на писаря глядѣть не хотѣли.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Ни слуху, ни духу. Губернія молчить да молчить.

— И тамъ подмазаль, видно, писарекъ-отъ нашъ.

— Мало прошеніевъ, видно, подали.

Опять побывали новоселы въ губерніи; опять сыскался человекъ, настрочившій жалобу; опять телѣга пробреччала обратно

¹⁾ Подобныхъ прошеній крестьяне подають массу. О нихъ были свѣденія и въ печати: см. Русс. Вѣдомости за 1885 г., № 160 („Томскіе пересел.“) и 1884 г., № 266 (Козелецкій у.).

въ деревню. Сорокъ человекъ поставили на бумагѣ свои безмолвные кресты, и снова свезли бумагу въ городъ.

Дѣло подвинулось.

Приѣхалъ исправникъ и заявилъ, что паспорта имъ будутъ выданы тотчасъ же, но только годовые. При этомъ новоселы, въ видахъ исправнаго поступленія платежей, обязаны были сдать землю въ аренду на девять лѣтъ, избушки продать не могли.

Деревня заохала.

Иные „рендатели“ потянули деревенцевъ въ судъ. Другіе вошли „въ соглашеніе“ держать землю вмѣсто трехъ лѣтъ — девять, почитай, безъ верховъ, въ прикладку рублишка на надѣлъ.

Смута пошла большая.

— Ну, какъ Сибирь не погланется?

— Куда дѣнемся?

— Обрѣзали намъ крылья. Натко-сь, на девять лѣтъ — и рублевку накинуду только!

Многимъ выѣхать было не съ чѣмъ. Надѣломъ они не пользовались. Только и было за душой, что избушка. Хотѣли продать ее и деньги на выручку пустить. Вышло иное. Хатенку продать было заказано. Двинуться — не съ чѣмъ.

— Пропали наши души!

— Земли нѣту. Думали въ Сибири приискать. А хватъ — съѣхать силы нѣту.

VII.

Паспорта выручили; все справили. Телѣги были наложены. На каждой торчалъ лубочный коробъ. Туда сложили весь скарбъ.

— А это на, Аксиньюшка, тебѣ.

— А это черничкамъ отдайте. Пусть за насъ Бога молятъ! — отдавали бабы, истово крестясь, свое добро, которое никакимъ способомъ нельзя было пристегнуть къ повозкѣ.

На деревнѣ былъ праздничный отпечатокъ. Никто на этотъ разъ не работалъ. Всѣ стремились „на послѣдяхъ“ потолковать, проводить мірянъ за околицу своего села и сказать имъ послѣднее прости.

Тутъ же торчали, поджавши руки, и неудачники, которымъ также хотѣлось попасть на вольную сторону, да въ деньгахъ была большая нехватка. Заскучали, бѣдняги.

— Возьмите насъ, ребята!

- Всѣхъ бы ради взять. Сами какъ дойдемъ, Богъ знаетъ.
- Возьмите! мы рядомъ побѣгимъ. Прокормимся возлѣ васъ.
- И то беремъ. Не знай, какъ доведемъ.

Дѣйствительно, партія брала съ собой трехъ бобылей; уважила ихъ слезную просьбу. Они рыдали и просили Христомъ-Богомъ захватить и ихъ.

Взяли новоселы: больно ужъ плакаться стали.

— Не трожь, съѣдутъ. Съ товарищами не помрутъ.

Нѣсколько человѣкъ еще увязалось; покидали дома, все, поѣхали.

— Куда вы? изморомъ изведетесь, вѣдь!

— Подъ окнами пойдемъ. Тоже христіане, поди. Покормятъ изрѣдка. Сыти будемъ. Возьмите, брательники! По гробъ вашей ласки не забудемъ.

Взяли и ихъ.—Пусть ѣдутъ! Сибирь-матка всѣхъ убоготворить, всѣмъ хлѣбушка дастъ!

Былъ на селѣ мужиченко захудалый. Въ нищихъ все дотолѣ ходилъ.

— Возьмите, говорить.

Всѣ ужаснулись.

— Куда тебя? На что годенъ? Робить не можешь.

— Возьмите! По крайности, умру въ вольномъ краѣ. Опротивѣла мнѣ своя сторона. Все милостинкой живу. Глазами зазорно на себя смотрѣть. Жителемъ, можетъ, сдѣлаюсь. Петлю на себя закину, коли свѣта не покажете.

Даже деревенцы испугались: больно ужъ озвѣрѣлъ человѣкъ, лица не видно стало.

Міряне побоялись да и пожалѣли нищенку. У Федора кобыла ослѣпла. Даже татары на маханъ не покупали. Сложился мѣръ и выкупилъ у хозяина слѣпую кобылу за три рубля. Въ придачу кто-то далъ худую телѣжку.

Такъ въ непокрытой и поѣхалъ; только смазали ее на первый разъ: скрипѣла больно, того и гляди—загорится. Привязали кобылу къ задку, да такъ и поѣхали. То-то радости было у нищенки! И смѣется, и плачетъ: „новосель тоже!“ говорить. Всѣмъ было потѣхи о ту пору.

Отслужили молебенъ. Новоселы всѣ стояли въ церкви. Набралось народу много. Цѣлая деревня пришла провожать. Всѣ отправились помолиться „за плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ и страждущихъ“, а можетъ быть, и за „плѣнныхъ“,

потому что переходящіе старушонки сказали деревенцамъ, что и людей на сало мѣняють, и въ полонъ берутъ къ киргизамъ.

Новоселы усердно молились. На глазахъ блестѣли слезы. Въ груди было такъ много желаній и горячихъ просьбъ. Женщины рыдали, когда священникъ, старенькій попикъ, надѣлъ рясу и пѣвучимъ голосомъ сказалъ: „міромъ Господу помолимся“; весь міръ, вся громада повалилась на колѣни — и бабы, и мужики, и малые ребята. Стали на колѣни и прочіе деревенцы. А церковь какъ будто сжалась, и стѣны съ ликами святыхъ приблизились къ новоселамъ и слушали вѣряемые ими жалобы и мольбы. Новоселы жаловались Богу, что земля не рождаетъ, что подана тянуть они согласны, да соковъ въ полосахъ мало. Старенькіе міряне сидѣли тутъ же на корточкахъ и плакали.

— Счастливаго пути, мужички! — сказалъ пастырь и поднялъ крестъ.

— Нѣтъ, постой, батюшка! — запумѣла ватага новоселовъ. — Ты возьми съ насъ зарокъ, чтобы мы другъ дружку не видали, чтобы врагами промежъ себя не были, дѣлились бы, чѣмъ Богъ пошлетъ; умирать кто — всѣмъ останавливаться, лошадь падетъ — всѣмъ тянуть; старосту слушаться, деньги ему давать исправно, на пути всѣмъ помогать, а въ Сибирь Богъ приведетъ — міръ составить, отъ недруговъ защиту имѣть другъ въ другъ.

Священникъ высоко поднялъ крестъ.

А міряне вдѣли руки и сложили пальцы въ крестъ. И стояли ратники переселенія на этой молитвѣ; просіяли скорбныя, задумчивыя лица, и отлетѣла печаль. Составлялся новый міръ, изъ разрушеннаго стараго общества нарождалось новое. И всѣ были спокойны — и за себя, и за ребятъ, и за будущее.

— Общайтесь, мужички, крѣпко стоять другъ за друга! — сказалъ священникъ мірянамъ, и снова засіялъ надъ ними старенькій деревенскій крестъ, купленный обществомъ въ складчину и служащій теперь имъ эмблемой мірскаго единенія.

— Общаемся! — вскрикнули всѣ разомъ новоселы.

— Общайтесь помогать братъ брату и каждому ближнему всѣмъ, что есть у васъ!

— Общаемся!

— Ну, благословить васъ Богъ! Цѣлуйте крестъ въ томъ, что общали.

И священникъ опустил крестъ.

И снова торжественность осѣнила загрубѣлыя лица крестьянъ, и новоселы гуськомъ потянулись къ священнику, высоко держа,

не разнимая, сдѣланнаго изъ пальцевъ креста. И долго шла вереница переселенцевъ, серьезныхъ и строгихъ.

Церковь безмолствовала. Ни одинъ звукъ, ни одно замѣчаніе не нарушали глубокой тишины. Міряне толпились большимъ полукругомъ; и они подходили и набожно цѣловали крестъ.

То было мірское дѣло.

Долго стояли новоселы въ церкви. Всѣ приложились къ иконамъ. Поднесли и ребятишекъ. И ихъ губки чмокнули въ холодныя ризы святыхъ божьихъ угодниковъ. Взрослые прощались съ священникомъ.

Когда вышли изъ церкви, всѣхъ уже ожидали на площади подводы. Тамъ никого не было. Никто не караулил добра.

Новоселы расцѣловались съ мірянами. Снова полились слезы. Плакали на прощаньи всѣ.

Только Гаврюшки не оказалось въ партіи, хотя повозка его стояла тутъ. Онъ позабылъ дома своего хозяина ¹⁾, и опрометью бросился за нимъ съ хлѣбомъ и солью. Въ Сибири могло постигнуть его горе безъ хозяина. Но и Гаврюшка прибѣжалъ скоро; видно, сборы были недолги.

Деревенцы осаждали повозки. У каждого вертѣлась въ головѣ завѣтная мысль сказать что-то на прощанье. Бабы подходили къ переселенкамъ и перекидывались послѣдними соображеніями. Мужики собрались въ кучу и проходились по маленькой. Откуда-то явилась бутылка, другая, третья... Остальные „на-послѣдяхъ“ зашли въ питейный, гдѣ собралась компанія на русскій ладъ. Нѣкоторые изъ новоселовъ уже основательно нагрузились.

Наконецъ, кто-то подаль знакъ тѣмъ, что тронулся съ мѣста. Началось разставанье.

— Ну, ребята, прощайте! Лихомъ не поминайте!.. Можетъ, обидѣлъ кого, простите Христа-ради! Всяко бываетъ въ пьяномъ видѣ.

— Богъ проститъ!

— Давай вамъ Богъ! Прощайте.

— Насъ не забывайте.

-- Отписывайте, какъ пристроитесь.

— Будемъ! Оповѣстимъ! Дастъ Богъ, справитесь, и вы приѣдете.

Колымаги тронулись.

Переселенцы повскакали со своихъ фуръ и поплы рядомъ съ мірянами, шедшими тутъ же цѣлымъ селомъ. Вся площадь

¹⁾ Домового.

пестрѣла платками, дѣтскими рубашками, сарафанами и свитками. Въ домахъ и избахъ не оставалось ни души.

На крылечкѣ стоялъ батюшка, окруженный своей семьей. Когда вереница тронулась, онъ поднялъ руку и началъ благословлять. Всѣ поскидали шапки и по очереди кланялись. Священникъ кланялся имъ, и мать-попадья отдавала поклоны.

— Прощайте, мужички. Дай вамъ Богъ всего хорошаго!— говорилъ батюшка, добрый старичокъ.

— Прощай, кормилецъ! Помолись за насъ, грѣшныхъ!

— Прощай, отецъ! Наклались мы—не знай, къ худу ли, къ добру ли. Не вѣсть, чтó станетъ.

Онъ утѣшалъ ихъ. А мать-попадья, цѣлуясь съ бабами, говорила имъ ласковыя слова и подавала съ десятокъ пузырьковъ лекарствъ.

— Вотъ это отъ рвоты; это—отъ поноса. Какъ маленький хворать прикинется, разведите въ водѣ пять капель, да и пойте; раза три въ день.

— Спасетъ тя Христось, родимая!—говорили крестьянки, низко кланяясь.

— Смотрите, сырой водой не пойте. Сдѣлайте отварную, да и подавайте. Вода будетъ разная, и не привыкнешь,—и сами остерегайтесь.

— Спасибо, родная.

— Ступай, Авдотья, отръжь бѣленькаго хлѣбца Ѳеодосіинимъ ребятишкамъ.

— Благодаримъ покорно, матушка наша болѣзная!—причитала Ѳеодосья.

VIII.

Однообразно скрипѣли телѣги. Поѣздъ выстроился въ одну несмончаемую линію и миновалъ уже послѣднія строенія, оставивши позади и церковь, и батюшкинъ домъ. Дорога лежала черезъ гумна. Дальше ихъ залегли деревенскія поля. Надъ этими полями работали въ теченіе длиннаго ряда поколѣній ихъ мірскія руки. Въ этой землѣ, вонъ тамъ, вправо, похоронены ихъ односельчане. Старики говорили, что это — новое кладбище, а тутъ, гдѣ село, было старое. Селеніе разрослось и поселилось на прахъ своихъ дѣдовъ, и въ земныхъ нѣдрахъ залегла старая деревня. Здѣсь останутся вѣковать ихъ близкіе, родные, знакомые и весь деревенскій міръ; лишь они, новоселы, идутъ вдаль,

подъ чужое небо и на чужіе люди. Что ихъ встрѣтитъ тамъ, будутъ ли они счастливы и довольны, получаютъ ли землю, да и удачной ли окажется эта колонизація,—кто знаетъ? Тайнственно смотрѣло на нихъ ихъ будущее. Здѣсь покидали они все: вѣками тутъ было нагрѣто гнѣздо, вѣками слагались деревенскіе устои, къ которымъ привыкли и присматривались они съ пеленокъ, и съ молокомъ матери всасывали преданія, надъ которыми неустанно работали дѣдовскій умъ... Въ Сибири было совсѣмъ иное. Смутно представляли они, что ихъ ожидаетъ тамъ; но они знали, что Сибирь — не то, что тамъ надо было заводить жизнь на новый ладъ и сѣзнова, на свой страхъ, среди пустынной степи, глухихъ лѣсовъ, и шири и дали необъятнаго вольнаго края...

Вотъ миновали гумна. Зазеленѣлись поля, раскинувшіяся по бокамъ ровной степью съ холмистыми переливами. И ихъ широкій ласкающій просторъ манить и зоветъ къ себѣ пригрѣтыхъ сыновъ, покидающихъ свою родину и свои поля для другого отечества и для иныхъ равнинъ. Какъ будто съ укоромъ глядятъ эти степи надвигающіяся колымаги.

Вотъ начались полосы, и переселенцы бросаютъ на нихъ свой послѣдній взглядъ. Привѣтъ вамъ! Здѣсь не разъ проходили съ сохой новоселы; не разъ ѣли свой скудный обѣдъ и запивали его дряблымъ деревенскимъ кваскомъ. Вотъ и Еремина полоса, которую онъ выводилъ еще такъ недавно: плоды его рукъ взопли, и рожь колосится. Но хозяинъ ужъ продалъ эту землю и этотъ посѣвъ. Слеза скатилась изъ глазъ Еремы: онъ близко подошелъ къ полосѣ и впился глазами въ это зеленое море колосеѣвъ. Оно шумѣло и покачивалось, а колосья кланялись въ поясъ Еремѣ и какъ будто прощались. Ерема наклонился, сталъ на колѣни возлѣ зеленѣющей ржи и повалился снопомъ...

— Прощай, кормилица-родная!..

Онъ взялъ горсточку родной земли, завернулъ въ тряпочку, раскинулъ воротъ рубахи и привязалъ на крестъ.

Въ дальнемъ краѣ, въ роскошныхъ лугахъ, онъ любовно взглянетъ на эту горсточку и вспомнить свою холеную полоску.

А горизонтъ низко спустился надъ землей и повисъ, какъ голубая чашка. И родному небу какъ будто не хочется отпустить изъ-подъ этой чашки своихъ дѣтей, которыхъ оно грѣло и озяряло, когда они, маленькими ребятами, валялись на этой травкѣ и глуповато глядѣли въ эту безбрежную лазурь, когда, много спустя, водили хоробы съ дѣвушками, когда вышли въ поле и, какъ истые землерои, стали за соху, вѣрные завѣтамъ отцовъ.

Далеко назади осталась деревенская околица. А міръ не убы-

вать. Онъ шелъ густой громадой рядомъ съ телѣгами новоселовъ. Казалось, онъ такъ сросся съ этими удаляющимися членами, что его невольно тянетъ, куда разбрелись эти части, и ему больно нарушить гармонію. Онъ, какъ нянька, пошелъ за шаловливыми ребятами, какъ бы безъ нея дитя не зашалилось. Сейчасъ, вотъ-вотъ эта нянька скажетъ любовно: „дурни вы, дурни, шатуція головы, пойдѣте до дому!“

И часто, подъ другимъ небомъ, среди величественной, дѣвственной природы, среди чарующихъ и манящихъ роскошью и чудными переливами волшебныхъ красокъ, имъ вспомнится родная, бѣдная сельская картина, свое далекое село и церковь на откосѣ. И несмотря на ласку иныхъ полей и богатой растительности, прійдетъ на умъ простая красота родной земли. Она не бьетъ въ глаза, но корни ея были глубоко пущены въ самое сердце, и оно билось всякій разъ, когда малѣйшее воспоминаніе наводило ихъ мысль на родину.

Долго спустя, измученные и уставшіе въ поискахъ счастья на новой землѣ, они искали утѣшенія въ воспоминаніи объ этихъ скудныхъ нивахъ. Тамъ было горе и много горя, но тамъ было свое солнце, свое небо, своя кормилица-земля и свой міръ... Можетъ быть, это такъ тянетъ всегда сибирскаго неудачника на свою сторону.

Поѣздъ вѣзжалъ на пригорокъ. Отсюда видно было все село. Оно упало въ какую-то котловину. Церковь стала еще ниже и приземистѣе; избышки еще болѣе приникли къ землѣ и казались клѣтушками.

Вереница была далеко отъ своего села. Вотъ они на самой вершинѣ холма. Какой длинной кажется отсюда дорожная лента! А до Сибири и еще того длиннѣе: сколько дорогъ, рѣкъ, деревенокъ будетъ отдѣлять новоселовъ отъ ихъ родной ямы!

Многіе стали прощаться. Однимъ надо было поспѣшать въ поле, другимъ—топить печи да за ребятишками приглядѣть: неравно, деревню спалать, хозяйничая наединѣ.

— Ну, прощайте! Давай вамъ Богъ всего!

— Землю пашите, хлѣборобьте!—наставительно замѣтилъ деревенскій патріархъ.—Я старикъ: идти дальше—ноги не донесутъ. Простите, ребятушки!

Всѣ бросились обнимать старика. Патріархъ былъ всѣмъ дорогъ. Кругъ былъ старикъ, да любилъ міръ, и ихъ, сирыхъ, крѣпко защищалъ отъ людей новой деревенской формаціи.

— Робьте, пашите землю, не кидайтесь зря. Земля—матка; сколь силъ станетъ, робьте. Дѣтей наплодите,—не замай, пусть

и они робятъ,—наставлялъ старикъ, представитель мірскаго ума стариннаго закала

Вереница остановилась. Патріархъ отправился назадъ. Новоселы снова тронулись, сопровождаемые громадой.

Только на душѣ стало какъ-то темнѣе.

Вотъ спускъ. Поѣздъ ходко спустился подъ гору. Лошади храбро подхватили возки. Громада еле поспѣвала. Деревни позади не было уже видно.

— Прощай, поилица-кормилица наша! Прощай!

Громада успокоивала ихъ.

— Ну, не покажется въ Сибири, къ намъ воротитесь.

— Гдѣ ужъ! Помирать тамъ будемъ. Развѣ близко!

На пригоркѣ снова стало видно село. Но теперь оно было такимъ же крохотнымъ, какъ дворъ Еремы. вмѣсто рѣки, сверкала, какъ чешуя на рыбѣ, узенькая ленточка. Широкое поле завладѣло всѣмъ ландшафтомъ, и на долю человѣческаго жилья оставалось мало-мало мѣстъ.

Громада стала прощаться. За этимъ бугромъ лежала первая отъ ихъ селенія деревня, и до своихъ хатъ было далеко.

И новоселы впервые увидѣли, что міръ покидаетъ ихъ. Тамъ, за холмомъ, скрылась грань ихъ полевыхъ надѣловъ. И міряне, какъ вѣрные стражи своей земли, не рѣшались провожать новоселовъ далѣе. Новоселы—отрѣзанный ломоть этого міра. Для нихъ началась новая жизнь.

С. Пономаревъ.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЪ ЭПОХУ

БРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ХІІІ *).

Пруссія (1853 — 54).

Прежде, чѣмъ идти далѣе въ изложеніи фактовъ, мы считаемъ необходимымъ вернуться назадъ, для того, чтобы изучить положеніе берлинскаго кабинета съ самаго начала восточнаго кризиса ¹⁾).

*) См. выше: августъ, стр. 658.

¹⁾ Мы не имѣемъ надобности напоминать, что Пруссія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть тогдашняя, а не нынѣшняя Пруссія. Чтобы оцѣнить по справедливости образцы дѣйствій, нужно принять во вниманіе трудности ея положенія. Изображаемая нами картина объясняетъ, почему, черезъ пятнадцать лѣтъ позже, Бисмаркъ все поставилъ на карту, для того, чтобы вывести свое прусское отечество и большую часть Германіи изъ политической трясины, въ которой они задыхались, и возратить имъ ту роль, какаѣ имъ принадлежить по географическому положенію, численности населенія и высокой степени матеріальнаго и нравственнаго развитія.

Мы должны указать, что въ восточномъ кризисѣ Пруссія одна во всей Европѣ обнаружила добрыя намѣренія, вытекавшія изъ ея положенія, одна выказала ту цѣну, какову, изъ признательности къ прошлому и въ виду будущаго, она придавала поддержанію дружественныхъ отношеній съ Россіей. За ней остается заслуга добраго желанія и лишь въ ограниченной мѣрѣ на ней лежитъ отвѣтственность за увлеченія, связанныя съ ея положеніемъ.

Это весьма важныя прецеденты; они позволяютъ предполагать, что если подобный кризисъ разразится въ настоящее время, Пруссія и Германія, ставши могуще-

Въ началѣ 1853 года Пруссія находилась подъ впечатлѣніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ признаніе французской имперіи. Замѣчательный фактъ характеризуетъ различіе между началомъ и концомъ этого достопамятнаго года. Въ мартѣ французское правительство настойчиво увѣряло берлинскій кабинетъ, что между Австріей и Россіей существуетъ соглашеніе относительно раздробленія Турціи. Оно предлагало соглашеніе Франціи и Пруссіи для того, чтобы помѣшати такому плану, прибавляя, что Европа остановила подобный же кризисъ на Востокѣ трактатомъ 1841 г., что Франція отправляла свой флотъ въ восточныя воды для того, чтобы потребовать своей доли участія въ улаженіи восточныхъ дѣлъ, и что если равновѣсіе будетъ нарушено Турціей, Франція будетъ считать трактаты, устанавливающіе это равновѣсіе, уничтоженными. Въ декабрѣ того же года Пруссія подписала съ Франціей, Англіей и Австріей вѣнскій протоколъ, заключавшій въ себѣ зачатокъ коалиціи противъ насъ.

Промежутокъ времени, раздѣляющій столь различныя положенія, наполненъ колебаніями прусской политики. Она находилась подъ вліяніемъ двухъ теченій, раздѣлявшихъ Европу: на Западѣ—опасенія французскаго вторженія, на Востокѣ—страха общаго осложненія. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ года все вниманіе прусскаго кабинета было обращено на Рейнъ. Посѣщеніе бельгійскимъ королемъ Берлина и Вѣны было видимымъ симптомомъ движенія, стремившагося связать между собою государства Германіи, въ виду ограниченія честолюбія императорской Франціи. Но по мѣрѣ того, какъ положеніе становилось серьезнѣе на Востокѣ, заботы Пруссіи переносились въ другое мѣсто. Трудно утверждать, что эта держава не смотрѣла съ удовольствіемъ, какъ гроза удаляется отъ нея.

Тѣмъ не менѣе, положеніе ея въ восточномъ столкновеніи не было лишено своего рода затрудненія. Франція и Англія оказывали сильное давленіе на берлинскій кабинетъ. Въ особенности было могущественно британское вліяніе. Берлинскому кабинету ставился въ вину его нейтралитетъ, который будто-бы вынуждалъ Западъ къ положенію тѣмъ болѣе рѣзкому, чѣмъ положеніе германскихъ дворовъ было менѣе рѣшительнымъ. Его понуждали примкнуть къ соглашенію четырехъ державъ, которое вслѣдствіе того должно было получить болѣе умиротворяющій характеръ, такъ какъ оно имѣло бы значеніе общаго соглашенія Европы.

ственными, сумѣютъ дѣятельно вмѣшаться въ дѣло, воспрепятствовать несправедливому направленію его и привести его къ правильному рѣшенію. Россія въ правѣ ожидать этого отъ нихъ.

Прусское правительство возражало, что его связи съ Россіей никогда не позволятъ Пруссіи принять участіе въ какомъ-либо замыслѣ противъ насъ, но что она готова присоединиться къ усиліямъ, направленнымъ въ сохраненію мира, на томъ условіи, чтобы эти усилія не заключали въ себѣ ничего оскорбительнаго для насъ.

Образъ дѣйствій берлинскаго кабинета въ различныхъ фазахъ восточнаго кризиса былъ вполнѣ правильнымъ. Онъ поддерживалъ въ Парижѣ и Лондонѣ доводы, какіе мы выставляли для оправданія нашихъ требованій. Онъ громко порицалъ въ Константинополѣ неразумныя морскія демонстраціи Запада, благодаря которымъ мирное соглашеніе становилось невозможнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ усиливали упорство турокъ, а съ другой—не располагали насъ къ миролюбивому настроенію. Передъ нашимъ представителемъ король и его кабинетъ не скупились на дружескія увѣренія. Однако такія увѣренія были неопредѣленны и неясны.

Очевидно, Пруссія испытывала большое затрудненіе, вслѣдствіе необходимости сдѣлать выборъ между двумя лагерями, на которые раздѣлялась Европа. Король выказывалъ огорченіе по поводу неблагодарности Европы передъ императоромъ Николаемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сближался съ Австріей, отчасти подъ предлогомъ нѣмецкихъ интересовъ, отчасти въ виду поддержанія союза трехъ державъ, выдвигаемаго всегда, когда требовалось связать намъ руки, и оставляемаго, какъ только вопросъ поднимался о поддержаніи нашихъ интересовъ. „Втроемъ,—говорилъ король,—мы сумѣемъ сдержать Францію и Англію“. Однако на практикѣ невозможно было добиться чего-либо, кромѣ заявленій. Берлинскій кабинетъ горячо стоялъ за нейтралитетъ, увѣряя, что тогда ему легче будетъ быть намъ полезнымъ. Онъ укрывался за Австрію, примѣръ которой мало располагалъ къ болѣе опредѣленному положенію.

Когда баронъ Мейендорфъ былъ опять посланъ въ Вѣну съ предложеніями императорскаго кабинета, пытавшимися создать оборонительный союзъ между тремя державами, г. Мантейфель былъ отправленъ въ Вѣну, по настоянію барона Будберга, для того, чтобы способствовать соглашенію. Но уклончивый отвѣтъ Австріи на наши предложенія естественно повлекъ за собой такой же отвѣтъ прусскаго представителя. Ожидать отерятаго и рѣшительнаго содѣйствія обѣихъ нѣмецкихъ державъ значило требовать слишкомъ много отъ ихъ щепетильности и, быть можетъ, отъ ихъ тайныхъ замысловъ. Мантейфель высказывался весьма

неясно, заявляя, что Пруссія будетъ стараться удерживаться въ сторонѣ отъ восточныхъ усложненій, но что, еслибы ей пришлось дѣйствовать, она пойдетъ рука-объ-руку съ Австріей, въ поддержкѣ которой нельзя было сомнѣваться. Такимъ образомъ, обезпечивался союзъ между тремя державами.

Впрочемъ, для объясненія описываемаго положенія прусскаго правительства, слѣдуетъ признать, что въ то время еще можно было заблуждаться относительно положенія Австріи. Названная держава, повидимому, была одушевлена искреннимъ желаніемъ поддержанія мира. Она дѣятельно стремилась къ тому и надѣялась на успѣхъ. Посредствующее положеніе, принятое ею между нами и Портою, будучи поощряемо Западомъ, казалось, давало ей дѣйствительную возможность охранять наши интересы, не представляя въ то же время предлога для честолюбивыхъ замысловъ, приписываемыхъ Франціи. Политическій вопросъ на Востокѣ и вопросъ объ европейской революціи не были еще точно разграничены. Угрозы Франціи и событія въ Швейцаріи и Италіи содѣйствовали смѣшенію ихъ. Слѣдовательно Австрія и Пруссія должны были устранять опасности, угрожавшія имъ самимъ съ этой стороны, и на такой почвѣ онѣ поддерживали солидарность съ нами во имя консервативныхъ принциповъ. Онѣ требовали отъ насъ, чтобы мы относились къ тому съ должнымъ вниманіемъ и не вызывали на Востокѣ усложненій, грозившихъ привести Европу къ столкновенію, которымъ революція не замедлила бы воспользоваться.

Мы принимали такія требованія во вниманіе. Императоръ Николай не отказался отъ обязательствъ нашего консервативнаго союза, но онъ не отдѣлялъ своей задачи на Востокѣ отъ такой же задачи въ Европѣ. Онъ добивался въ Турціи поддержанія и закрѣпленія *statu quo*, поколебленнаго уступками, сдѣланными Франціи въ ущербъ правамъ, гарантированнымъ православной церкви. Изъ уваженія къ обоимъ своимъ союзникамъ, а также и изъ искренняго желанія избѣжать усложненій, которыхъ мы не искали и не вызывали, онъ сдѣлалъ всякаго рода уступки, далъ всѣ возможные увѣренія, совмѣстныя съ нашими правами и нашимъ достоинствомъ, и, наконецъ, свелъ наши требованія къ тому, что было существенно необходимо для полученія удовлетворенія и гарантій на будущее, на которыя, по его мнѣнію, Россія имѣла право.

Нѣмецкимъ державамъ нужно было бы больше безпристрастія, и въ то время, когда мы давали имъ увѣренія въ нашей помощи, въ виду опасностей, какихъ онѣ страшились, онѣ должны были бы

оказать такую же поддержку въ нашихъ справедливыхъ требованіяхъ. Но для этого нужно было болѣе энергіи относительно Запада и менѣе недовѣрія относительно насъ. Ихъ малозамѣтное содѣйствіе намъ, съ самаго начала кризиса, неопредѣленные заявленія о присоединеніи ихъ къ принципу независимости и неприкосновенности Турціи, которыхъ мы нисколько не намѣревались нарушить, были истолкованы въ Европѣ какъ одобреніе вмѣшательства западныхъ державъ и порицаніе требований, подерживаемыхъ нами въ Константинополѣ ¹⁾.

Обѣ нѣмецкія державы такой ложной точкой отправленія были увлечены на тотъ путь, по которому онѣ должны были идти все далѣе и далѣе. Такимъ образомъ, онѣ потеряли случай, представлявшійся Германіи, совершить великій актъ могущества и справедливости, вмѣшавшись въ дѣло ради поддержанія общаго мира. Пруссія не послѣдовала до конца за Австріей въ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ послѣдней; мы увидимъ вскорѣ, что она старалась остановиться сама и сдержать вѣнскій кабинетъ въ его стремленіяхъ къ союзу съ Западомъ. Но ея нерѣшительность была пагубна для насъ, такъ какъ она помѣшала намъ измѣрить съ самаго начала кризиса то распространеніе, какое онъ долженъ былъ принять.

Черезъ два года послѣ войны прусскій наслѣдный принцъ, бывшій тогда регентомъ королевства, встрѣтился въ Остенде съ

¹⁾ 30-го мая лордъ Блумфильдъ, англійскій представитель въ Берлинѣ, писалъ лорду Кларендону: „Впечатлѣніе, произведенное послѣдними извѣстіями изъ Константинополя, крайне неблагопріятно для Россіи. По мнѣнію барона Мантейфеля, князь Меншиковъ пошелъ далѣе всего, чего можно было ожидать, и великія державы должны стараться найти средство примирить разногласіе и предупредить разрывъ. Образъ дѣйствій русскаго правительства осуждается всѣми. Всѣ одинаково признають, что для Порты невозможно подписать подобный договоръ, не рискуя утратой своей независимости“.

Впослѣдствіи прусскій король сдѣлалъ предложеніе поставить хрістіанъ подъ охрану пяти великихъ державъ, чтобы устранить опасности, которыми разложеніе Турціи грозило хрістіанской религіи. Такая идея подъ мистической формой имѣла чисто политическую сущность и имѣла англійское происхожденіе. Она исходила отъ Бузвена, прусскаго представителя въ Лондонѣ. Принимая ее, король доказывалъ, какъ мало онъ заботился о нашихъ интересахъ на Востокѣ.

Печально признавать, что всѣмъ извѣстная честность императора Николая послужила къ ущербу интересовъ Россіи. Всѣ знали, всѣ были увѣрены, что государь императоръ никогда не измѣнитъ дѣлу великаго консервативнаго союза, и вслѣдствіе того никто не считалъ нужнымъ стѣсняться. Еслибы образъ дѣйствій нашего государя могъ внушать какія-либо сомнѣнія, еслибы его считали способнымъ отказаться разомъ отъ своихъ справедливыхъ требований на Востокѣ и протянуть руку императору Наполеону, чтобы вмѣстѣ съ нимъ разорвать въ Европѣ трактатъ 1815 г., тогда боже позаботились бы о томъ, чтобы не предоставлять его ударамъ коалиціи.

нашимъ парижскимъ посланникомъ, графомъ Киселевымъ, и вступилъ съ нимъ въ бесѣду о событіяхъ восточнаго кризиса. Онъ признался ему, что, еслибы въ то время онъ стоялъ у кормила правленія, онъ не поколебался бы прямо и открыто высказаться противъ насъ, будучи убѣжденъ, что этимъ онъ оказывалъ намъ дѣйствительную услугу: императорскій кабинетъ легче сдѣлалъ бы тогда необходимыя уступки, не нарушая своего достоинства, въ виду единодушнаго желанія Европы, между тѣмъ, какъ онъ не могъ сдѣлать этого, видя передъ собой угрожающее положеніе западныхъ державъ и колебаніе своихъ союзниковъ. По крайней мѣрѣ, это былъ бы открытый и прямой образъ дѣйствій! Безъ сомнѣнія, съ той минуты, когда Пруссія рѣшилась покинуть насъ, намъ было бы выгоднѣе, предъ вступленіемъ въ подобную войну, имѣть возможность счесть число нашихъ враговъ и нашихъ друзей.

Мы не будемъ слѣдить въ подробностяхъ за политикой берлинскаго кабинета. При благопріятномъ отношеніи къ нашимъ требованіямъ, она страдала недостаткомъ рѣшимости. Всѣ усилія нашего представителя заключались въ томъ, чтобы поставить на видъ прусскому правительству опасность распространенія въ Европѣ мнѣнія, поддерживаемаго Франціей и Англіей, будто Пруссія была связана съ интересами Запада. Подобное убѣжденіе могло только усиливать притязанія Порты и морскихъ державъ. Оно уменьшало шансы на мирный исходъ и именно вело къ осложненіямъ, которыхъ Пруссія хотѣла избѣгнуть. Заявивъ прямо лондонскому и парижскому кабинетамъ, что прусское правительство не послѣдуетъ за ними въ принятомъ ими положеніи, все болѣе и болѣе враждебномъ по отношеніи къ намъ, г. Мантейфель безспорно оказалъ бы благопріятное вліяніе на ходъ событій. Въ особенности Англія не такъ легко вошла бы въ связи съ Франціей, подвергавшія ее опасности столкновенія съ Германіей. Но такихъ прямыхъ дѣйствій невозможно было добиться отъ прусскаго министерства; они были не въ его привычкахъ. Оно признавало справедливость нашихъ требованій и въ то же время присоединялось къ неясному заявленію принциповъ, съ помощью которыхъ западныя державы противились тому, чтобы мы получили удовлетвореніе. Его забота о нѣмецкихъ интересахъ обязывала его не отдѣляться отъ Австріи, и его образъ дѣйствій былъ отраженіемъ дѣйствій этой послѣдней, вмѣсто того, чтобы оказывать вліяніе на ея рѣшенія.

Когда вѣнскій кабинетъ искренно пытался найти справедливое и мирное рѣшеніе, прусское правительство слѣдовало за нимъ на этомъ пути. Оно приняло наше истолкованіе трактата 1841 г.

и отказалось вывести изъ него ту гарантію, какую въ немъ видѣла Франція. Оно не пожелало, несмотря на настоянія Англіи, протестовать противъ нашего вступленія въ княжество. Получивъ приглашеніе принять участіе въ конференціи четырехъ державъ въ Вѣнѣ, прусское правительство пожелало узнать мнѣніе о томъ нашего представителя. Было условлено, что представитель Пруссіи приметъ участіе въ конференціи, но во всемъ будетъ сговариваться съ барономъ Мейендорфомъ и заявить, что ему приказано поддерживать только тѣ постановленія, какія мы признаемъ возможными.

Когда упомянутая конференція привела къ вѣнской нотѣ, Пруссія съ величайшимъ одобреніемъ отнеслась къ нашему быстрому принятію ея, и, однако, именно въ Берлинѣ имѣло мѣсто дипломатическое разоблаченіе, придавшее гласности наше истолкованіе турецкихъ варіантовъ. Когда, вслѣдствіе этого инцидента, западныя державы отказались поддерживать вѣнскую ноту въ Константинополѣ, берлинскій кабинетъ остался на почвѣ упомянутой ноты и заявилъ, что, если державы откажутся отъ нея, Пруссія отъ нихъ отдѣлится.

Все указывало на примирительныя стремленія прусскаго правительства, а между тѣмъ англійскіе министры громко высказывали въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, что присоединеніе Пруссіи и Австріи къ дѣлу западныхъ державъ было обезпечено, и что Россія была покинута даже своими прежними союзниками. Представителемъ прусскаго правительства въ Лондонѣ былъ Бунзенъ, либеральныя мнѣнія котораго были весьма враждебны для насъ. Печать ожесточенно высказывалась противъ насъ. За исключеніемъ партіи Креста, громко признававшей справедливость нашего дѣла, мы имѣли противъ себя всѣхъ либераловъ.

Неувѣренныя дѣйствія лондонскаго кабинета, къ которому тяготѣло прусское правительство, содѣйствовали поддержанію его въ этой системѣ нерѣшительности. Въ іюнѣ прусскій наслѣдный принцъ посѣтилъ Лондонъ. Онъ вынесъ оттуда впечатлѣніе, что англійскіе министры желали какъ можно скорѣе достигнуть почетнаго исхода, что они съ непріязнью относились къ случайному сближенію съ Франціей и ожидали только рѣшенія вопроса, чтобы отдалиться отъ нея. Бунзенъ, напротивъ, утверждалъ въ то же время, что Франція и Англія пришли къ полному соглашенію относительно Востока. Онѣ рѣшились объявить намъ войну, еслибъ мы стали угрожать Турціи. Онѣ порицали стремленіе Пруссіи къ нейтралитету и относились одобрително къ Австріи, которая сочувствовала имъ.

Отсюда легко понять затрудненіа берлинскаго кабинета. Наблонный къ политическимъ теоріямъ, онъ создалъ для себя идеаль образъ дѣйствій, который усиливался осуществить. Пруссія, будучи въ одно и то же время германской и европейской державой, чуждая Востоку по своимъ интересамъ, должна была поддерживать независимую политику, содѣйствовать миру въ качествѣ великой державы и, въ случаѣ войны, обеспечивать центръ Европы. Такая программа должна была прельщать берлинскихъ теоретиковъ, но она должна была привести не къ тому, чтобы управлять положеніемъ, а къ тому, чтобы подчиниться ему. Событія были слишкомъ крупны для того, чтобы допускать подобныя тонкости. Въ примѣненіи къ одному Востоку такая политика могла бы быть разумной, но дѣло шло не объ одномъ Востокѣ, но также и о Пруссіи и, вмѣстѣ съ ней, обо всемъ прежнемъ равновѣсіи Европы. Все это было слишкомъ ясно доказано фактами, и въ послѣдствіи изъ нихъ были извлечены краснорѣчивыя поученія ораторами правой стороны въ прусскихъ кабинетахъ.

Но въ обстоятельствахъ того времени предусмотрительность прусскихъ министровъ не простиралась слишкомъ далеко. Чтобы примирить разомъ восточные интересы и европейскіе интересы Германіи, обѣимъ великимъ нѣмецкимъ державамъ нужно было болѣе энергии и болѣе единодушія. Въ дѣйствительности, Австрія несла на себѣ двойное обязательство—державы Германскаго Союза, и державы восточной и славянской; стремясь связать съ собою Пруссію и Союзъ во имя нѣмецкихъ интересовъ, она ставила ихъ въ ложное положеніе, ради своихъ частныхъ интересовъ. Здѣсь заключается тайна двойной игры этой державы, а также постоянныхъ колебаній Пруссіи и Германіи. Императоръ Наполеонъ не могъ не знать о томъ. Союзъ игралъ такую же роль во всѣхъ великихъ европейскихъ кризисахъ, и весьма вѣроятно, что названный монархъ рассчитывалъ на такіе же элементы, чтобы вызвать, путемъ восточнаго кризиса, расторженіе союза трехъ консервативныхъ державъ, бывшее главною цѣлью его политики.

Въ концѣ года Мантейфель указывалъ нашему представителю опасности, угрожавшія Союзу. Въ западной части его, симпатіи къ французамъ распространялись съ помощью дѣятельныхъ интригъ; князья были увлечены личнымъ честолюбіемъ, которое Людовикъ-Наполеонъ обѣщалъ удовлетворить въ широкомъ размѣрѣ, а народъ—демократическими тенденціями, которыя этотъ государь собирался поддержать, несмотря на деспотическіе приемы своего собственнаго правительства.

Въ великихъ герцогствахъ баденскомъ и нассаускомъ и кур-

фюршествъ гессенскомъ армія была вполнѣ демократизована послѣ 1848 г. Тамъ ожидали французскаго вторженія, какъ сигнала для новыхъ потрясеній. Въ южныхъ государствахъ князья преслѣдовали свои личные интересы, которые вовсе не согласовались съ потребностями свободы ихъ подданныхъ. Они старались возвратить понемногу права и привилегіи, отъ которыхъ должны были отказаться во время революціи. Истиннымъ зломъ Германіи была слабость ея правителей, отсутствіе великодушныхъ стремленій, превращающихъ мелкихъ государей въ великихъ монарховъ, внушая имъ мужественное желаніе быть первыми слугами своего отечества.

Пруссія также не была свободна отъ упрековъ въ подобномъ печальномъ положеніи вещей. Въ теченіе кризиса 1848 г. недобросовѣстные министры стали на сторону демократіи противъ правительствъ. Въ настоящее время баронъ Мантейфель старался уничтожить конституцію и, въ ожиданіи того, пока это возможно будетъ сдѣлать, обезсиливалъ ее путемъ частныхъ реформъ. Его рѣзкая бюрократія и настойчивая дипломатія постоянно оскорбляли и унижали мелкія государства, которыя не могли простить ему того, что онъ желалъ подчинить ихъ прусской гегемоніи. Поэтому было неудивительно, что упомянутыя государства готовы были броситься въ объятія Франціи и отдавали въ распоряженіе императора Наполеона шансы для осуществленія его любимой мечты — передѣлки карты Европы.

Такова была картина положенія, начертанная нашимъ представителемъ. Она достаточно объясняетъ, почему ни Пруссія, ни Германія не оказались на высотѣ видной роли, какую онѣ были призваны играть въ этихъ великихъ событіяхъ.

Постоянное соперничество, разъединявшее обѣ великія германскія державы, вносило въ такое положеніе новое затрудненіе. Пруссійскій король не получилъ приглашенія на свиданіе, состоявшееся въ Ольмюцѣ между императоромъ Николаемъ и императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Онъ выказалъ неудовольствіе по этому поводу и впослѣдствіи отказался прибыть въ Варшаву изъ боязни досадить Англіи и раздражить Францію призракомъ возобновленія Священнаго Союза. Король старался придать извѣстный отгѣнокъ своей сдержанности, увѣряя, что ему удобнѣе будетъ служить нашимъ интересамъ въ Лондонѣ и Парижѣ, сохраняя свободу дѣйствій; съ своей стороны, мы старались доказать ему, что явное соглашеніе съ нами заставило бы одуматься нашихъ противниковъ, отнявъ у нихъ надежду поднять противъ насъ всю Европу.

Однако въ послѣднюю минуту король, отвергнувъ совѣты своего министра и слѣдуя только внушенію своихъ собственныхъ чувствъ, внезапно отправился въ Варшаву. Свиданіе произошло безъ всякихъ письменныхъ документовъ. Оно было обменомъ идей и личныхъ увѣреній, напоминавшимъ предшествовавшія встрѣчи, въ которыхъ императоръ Николай такъ часто имѣлъ случай пользоваться своимъ вліяніемъ для блага Германіи и для скрѣпленія узъ своихъ союзниковъ. Въ то время дѣло шло о насѣ, и государь императоръ съ величайшей готовностью повторилъ своимъ августѣйшимъ гостямъ торжественныя обѣщанія, которыя должны были успокоить ихъ относительно политическихъ видовъ, какіе онъ преслѣдовалъ на Востока.

Пруссійскій король выказалъ полное удовлетвореніе откровенными заявленіями государя императора и полное сочувствіе его дружественнымъ увѣреніямъ. Одну изъ характеристическихъ чертъ той эпохи составляетъ преобладаніе интересовъ надъ чувствами. Едва-ли возможно сомнѣваться въ чувствахъ короля Фридриха-Вильгельма къ своему августѣйшему союзнику. Онъ безпрестанно возобновлялъ увѣренія о нихъ и въ своей личной перепискѣ, и въ своихъ бесѣдахъ съ нашимъ представителемъ. Но дѣйствія его правительства далеко не соответствовали имъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ преобладали вліянія барона Мантейфеля, палаты, партій, общественнаго мнѣнія, которыя всѣ были основаны на интересахъ Пруссіи. Едва-ли эти интересы были вполне поняты, такъ какъ, ради нихъ, будущее приносилось въ жертву настоящему. Политическія страсти играли въ нихъ большую роль. Однако нельзя не признать, что на дѣлѣ интересы постоянно одерживали верхъ надъ личными расположеніями короля. Это несомнѣнно доказываетъ, что время политики чувства уже минуло. Если такая политика уничтожилась коварствомъ и неблагодарностью Австріи, она не менѣе страдала и отъ слабости Пруссіи. Въ этомъ отношеніи, примѣръ послѣдней, быть можетъ, еще болѣе поучителенъ, такъ какъ, несмотря на лучшія намѣренія, король позволилъ увлечь себя на сторону нашихъ враговъ, и, несмотря на свою добросовѣстность, онъ не въ силахъ былъ согласовать свои дѣйствія съ своими увѣреніями. Причины того нельзя видѣть въ непостоянствѣ характера или въ недостаточной твердости убѣжденій. Онъ былъ вполне убѣжденъ въ искренности императора Николая и выражалъ величайшее уваженіе къ нему. Онъ зналъ, что, какъ скоро императоръ изрекъ свое слово, ему можно безусловно довѣряться. Поэтому онъ не раздѣлялъ никакихъ злонамѣренныхъ подозрѣній, которыя старались набросить на политику русскаго

государя. Король находилъ его дѣло справедливымъ, его требованія достойными и умѣренными; союзу съ нимъ онъ придавалъ величайшее значеніе, считая его существеннымъ для Пруссіи и необходимымъ для поддержанія равновѣсія Европы. Такимъ образомъ, король лично былъ расположенъ стать открыто на нашу сторону. Но онъ находился въ совершенно ложномъ положеніи. Полу-самодержавный, полу-конституціонный монархъ, онъ не могъ ни дать окончательнаго перевѣса своей волѣ, ни остаться въ сторонѣ, подчиняясь волѣ палаты. Вслѣдствіе того, будучи, съ одной стороны, расположенъ къ намъ и дѣлая въ то же время формальныя уступки требованіямъ общественнаго мнѣнія, онъ скорѣе вредилъ намъ, нежели приносилъ пользу, постоянными колебаніями своей политики.

Около короля находился небольшой кружокъ приближенныхъ лицъ, искренно уважавшихъ традиціи Священнаго Союза. Г. Мантейфель выказывалъ такую же неопредѣленность въ своемъ образѣ дѣйствій. Онъ олицетворялъ собою всѣ противорѣчивыя стремленія политики своей страны. Въ качествѣ великой европейской державы, Пруссія стремилась играть значительную роль, но ея географическое положеніе стѣсняло ея независимость. Она боялась Франціи на Рейнѣ и опасалась Англіи въ Балтійскомъ морѣ. Одна мысль о блокадѣ прусскихъ береговъ заставляла блѣднѣть Мантейфеля. Въ качествѣ германской державы, Пруссія хотѣла идти во главѣ, а не на буксирѣ нѣмецкихъ интересовъ; она желала, чтобы ея союзники слѣдовали ея политикѣ, но не намѣревалась подчинять имъ ее. Она ненавидѣла Австрію, подавлявшую ее своимъ превосходствомъ. Мантейфель имѣлъ личное неудовольствіе противъ князя Шварценберга за тѣ униженія, которыя тотъ заставилъ его испытать въ 1850 году, и, быть можетъ, досада за предпочтеніе, какое мы оказывали Австріи, содѣйствовала его холодности по отношенію къ намъ.

И тѣмъ не менѣе, какъ только поднимался вопросъ о томъ, чтобы изолировать Австрію, занять ея мѣсто на сеймѣ или лишить ее преобладанія, король и его министръ отступали со страхомъ передъ перспективой разъединенія Германскаго Союза, казавшейся имъ преступленіемъ противъ общаго отечества. Это достойное уваженія чувство по преимуществу эксплуатировалось вѣнскимъ кабинетомъ, для того, чтобы заставлять Пруссію спускаться все ниже и ниже по той наклонной плоскости, на которой находилась его собственная политика. Берлинскій кабинетъ обольщалъ себя надеждою остановить его на этой поватости, уступая его требованіямъ для того, чтобы онъ не уклонялся отъ

общихъ интересовъ Германіи; но едва онъ дѣлалъ одну уступку, какъ новое требованіе возвращало его къ тѣмъ же затрудненіямъ и вынуждало отъ него новыя проявленія слабости.

Если прибавить къ этимъ соображеніямъ дѣйствія и притязанія мелкихъ государствъ и личныя соперничества министровъ, тогда мы будемъ знать тайну германской политики, которая, связывая видимымъ единствомъ великаго имени самыя различные интересы на Рейнѣ и на Востокѣ, въ Ломбардіи и въ Польшѣ, на Балтійскомъ и на Адриатическомъ моряхъ, интересы коммерческіе и промышленныя, католическіе и протестантскіе, обнаруживала полное разъединеніе во всѣхъ значительныхъ кризисахъ и спускалась до размѣровъ интригъ и дипломатическихъ сплетенъ, лишая себя всякаго величія и значенія.

Когда всякая надежда на сохраненіе мира исчезла передъ возрастающей враждебностью западныхъ державъ, перспектива общей войны только усилила нерѣшительность Пруссіи. Пруссія могла еще держаться въ сторонѣ, пока столкновеніе сохраняло чисто восточный характеръ; но еслибы оно стало европейскимъ, она не могла бы устраниваться отъ него и боялась сдѣлать рѣшительный выборъ въ такомъ осложненіи интересовъ. Благодаря такимъ колебаніямъ, берлинскій кабинетъ вдался въ политику среднихъ путей, которую онъ скрашивалъ именемъ политики посредничества, для того, чтобы скрыть недостатки ея пракческаго значенія.

Мы уже указывали въ другомъ мѣстѣ важную роль, какую событія предоставляли Германіи. Находясь, по своему положенію, между воюющими сторонами, она могла продиктовать миръ, положивъ свои военныя силы на вѣсы противъ тѣхъ державъ, которыя отвергли бы справедливыя условія мира и первыя обнажили бы мечи. Но для того, чтобы выполнить такое назначеніе, ей недоставало единства и энергіи. Пруссія старалась замѣстить этотъ недостатокъ неопредѣленнымъ положеніемъ, которое, вслѣдствіе ея желанія падать всѣхъ, заставило ее идти на буксиръ событій и, въ особенности, болѣе смѣлой политики гр. Буоля.

Въ концѣ 1853 г. гр. Буоль счелъ необходимымъ опредѣлить положеніе Союза въ обозначавшемся кризисѣ. Онъ предложилъ берлинскому кабинету общее заявленіе на сеймѣ, устанавливавшее нейтралитетъ Германіи. Въ принципѣ, такое предложеніе соотвѣтствовало желаніямъ короля. Онъ видѣлъ въ немъ средство для избѣжанія общей войны. Во всякомъ случаѣ, онъ совершенно основательно не довѣрялъ вѣнскому кабинету. Австріи было необходимо заявленіе о нейтралитетѣ для заключенія займа, вынуждаемаго

состояніемъ ея финансовъ. Но провозгласить нейтралитетъ въ тотъ моментъ, когда Россія только-что предложила Германіи оборонительный союзъ, въ дѣйствительности значило высказаться противъ Россіи въ пользу Запада. До того времени Пруссія старалась разрѣшить затрудненія въ справедливомъ и удовлетворительномъ для насъ смыслѣ. Но предложеніе гр. Буоля было составлено въ неблагоприятныхъ для насъ терминахъ. Въ немъ упоминались принципы, установленные Западомъ относительно поддержанія независимости султана и неприкосновенности Турціи, что позволяло предполагать, будто мы угрожали имъ; въ немъ упоминалось также, что обѣ германскія державы присоединились къ этимъ принципамъ. Между тѣмъ въ немъ ничего не говорилось ни о справедливости нашихъ требованій, ни о нашихъ искреннихъ увѣреніяхъ. Вслѣдствіе того берлинскій кабинетъ отказался отъ этого общаго заявленія. Дѣло ограничилось отдѣльными циркулярами. Циркуляръ Пруссіи утверждалъ только, что названная держава не приметъ никакого участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ для того, чтобы имѣть возможность преслѣдовать свою примирительную задачу.

Однако вскорѣ послѣ того берлинскій кабинетъ подписалъ въ Вѣнѣ протоколъ 5-го декабря, очевидно, заключавшій въ себѣ зародышъ коалиціи противъ насъ. На замѣчанія нашего представителя, король и его приближенные отзывались тѣмъ, что они не придавали большого значенія протоколу, цѣлью котораго было лишь сдержать воинственный задоръ Запада, не отдаляясь отъ насъ. Въ то же время они отдавали полную справедливость основательности и умѣренности нашихъ требованій и обѣщали дѣятельное посредничество для примиренія насъ съ Англіей.

Замѣчательно, что въ началѣ 1854 г. берлинскій кабинетъ выказывалъ особую непріязнь по отношенію къ Австріи. Баронъ Мантейфель упрекалъ насъ за то, что мы относились къ политикѣ гр. Буоля съ излишней снисходительностью. Онъ заявлялъ, что невозможно было довѣряться его намѣреніямъ и идти съ нимъ рука-объ-руку. Баронъ Будбергъ, проникнутый идеей необходимости поддержанія союза трехъ державъ, принималъ на себя защиту Австріи; онъ просилъ указать ему доказательства ея двоудшія и предлагалъ воспользоваться своими хорошими личными отношеніями съ графомъ Туномъ, для того, чтобы уладить разногласіе. Баронъ Мантейфель не высказывалъ никакихъ положительныхъ неудовольствій. Онъ обвинялъ гр. Буоля въ интригахъ, въ религіозныхъ смутахъ, вызванныхъ въ великомъ герцогствѣ

баденскомъ, и въ попыткахъ заключить союзъ съ Баваріей и Вюртембергомъ, еслибы Пруссія отдѣлилась отъ Австріи.

Когда графъ Орловъ былъ посланъ въ Вѣну съ предложеніями, имѣвшими цѣлью обезпечить за нами германскій нейтралитетъ, такое же порученіе было дано и нашему представителю въ Берлинѣ. Но оно было холодно встрѣчено барономъ Мантейфелемъ. Онъ заявилъ, что какой-либо протоколъ только раздражитъ Францію и Англію, не принеся никакой пользы. Онъ на-отрѣзъ отказался подписывать что-либо вмѣстѣ съ Австріей, которая, по его словамъ, думала только о томъ, чтобы обмануть Пруссію и повредить ей. Онъ рѣзко высказывался противъ гр. Буоля, котораго открыто обвинялъ въ измѣнѣ. Онъ заявлялъ, что Пруссія соблюдаетъ конвенцію 1851 года, которою она гарантировала Ломбардію, но прибавлялъ, что онъ никогда не возобновитъ ея, такъ какъ это значило бы связать себя по рукамъ и по ногамъ и отдать интригамъ Австріи ¹⁾).

Однако, рядомъ съ такими затрудненіями, нашъ представитель въ своихъ переговорахъ встрѣтилъ еще другое неожиданное препятствіе. Онъ узналъ, что король взялъ на себя починъ дипломатической попытки въ Лондонѣ, для того, чтобы принять обязательства передъ Англіей, съ тѣмъ условіемъ, что послѣдняя гарантируетъ территорию Союза. Цѣль такого расчета, внушеннаго анти-австрійской партіей въ Берлинѣ, была очевидна. Имѣя гарантію Англіи, не было уже надобности въ гарантіи Австріи. Тогда можно было отказаться отъ возобновленія гарантіи для Ломбардіи, данной въ 1851 г. Такимъ образомъ, Австрія предоставлялась произволу Франціи.

Король самъ подтвердилъ барону Будбергу справедливость этого слуха. „Я опасался,—сказалъ онъ,—что мнѣ будутъ поставлены недостойныя требованія. Поэтому я счелъ необходимымъ пойти впередъ. Я объяснилъ въ Лондонѣ, что никогда не дамъ увлечь себя въ войну противъ Россіи, что не слѣдуетъ надѣяться понудить меня къ ней, такъ какъ у меня 400,000 человекъ подъ оружіемъ и въ случаѣ необходимости можетъ быть еще больше. Но я заявилъ въ то же время, что, если Англія согласится гарантировать непривосновенность Союза, я обѣщаю не вступать ни

¹⁾ Послѣдующія событія ярко освѣтили нѣмецкую политику. Они доказали, что въ основѣ ея лежало постоянное соперничество обѣихъ германскихъ державъ. Дѣло шло о томъ, кому стоять во главѣ Германіи и нѣмецкихъ интересовъ. Здѣсь заключались и связующее звено, и элементъ раздора между Вѣной и Берлиномъ. Этимъ объясняется многое.

въ какія обязательства въ теченіе настоящаго кризиса. Я ожидаю отвѣта. Но я обязанъ честию и не могу ничего подписать“.

Нашъ представитель указалъ его величеству, что предложенія графа Орлова были направлены именно къ нейтралитету, обезпечивая за Германіей средства поддержанія его. Дѣйствительно, судя по нашимъ депешамъ, для Пруссіи оставался выборъ между тремя путями: высказаться противъ насъ, высказаться за насъ или принять открытый нейтралитетъ. Что касается первой альтернативы, король горячо отвергъ ее: „Какъ можно считать насъ способными на такой безчестный поступокъ!—воскликнулъ онъ.—Соединиться съ Западомъ противъ Россіи! Даже сомнѣніе въ этомъ оскорбительно для насъ. Я доставлю императору положительныя увѣренія; онъ можетъ разсчитывать на меня“.

Баронъ Будбергъ старался доказать, что во всякомъ случаѣ нейтралитетъ, который мы совѣтовали, болѣе всего соотвѣтствовалъ интересамъ Пруссіи. Англія не имѣла привычки брать на себя точныя обязательства для неопредѣленныхъ случайностей. Кромѣ того, обязательства, принятыя однимъ министерствомъ, ничѣмъ не связывали его преемниковъ. Англія ограничится обѣщаніемъ поддерживать въ мирное время неприкосновенность Союза, но, уступая страху передъ Франціей, она, безъ сомнѣнія, не объявитъ ей войны для защиты Союза, тѣмъ болѣе, что въ ея интересахъ было бы уничтоженіе промышленныхъ учреждений и торговаго флота Германіи. Напротивъ, наши предложенія не заключали въ себѣ никакой опасности для Пруссіи, такъ какъ мы просили отъ нея только нейтралитета, предлагая ей непосредственную матеріальную помощь противъ всякой попытки заставить ее выйти изъ нейтральнаго положенія. Кромѣ того, мы обѣщали ей не принимать никакихъ рѣшеній на Востокѣ безъ совѣщанія съ нею, между тѣмъ какъ Англія принимала на каждомъ шагѣ воинственныя мѣры, даже не предупреждая о нихъ берлинскій кабинетъ. Наконецъ, послѣ войны нужно будетъ вернуться къ мирнымъ условіямъ. Тогда окажется, что равновѣсіе прежнихъ союзовъ нарушено Пруссіей, и на будущее время интересъ будетъ единственной основой новыхъ союзовъ. Лишенная нашей дружбы, отдѣленная отъ Австріи, ненавидимая Франціей, Пруссія не будетъ имѣть другой опоры, кромѣ Англіи, политика которой измѣняется сообразно интересамъ дня.

Такія разсужденія поколебали короля, но онъ былъ слишкомъ возбужденъ противъ Австріи, которая, по его словамъ, понуждала Германскій Союзъ къ постыдной слабости, несмотря на усилія Пруссіи придать силу Сейму. Онъ сказалъ въ заключеніе: „Я

не понимаю, почему вы такъ держитесь за формальный актъ, когда не имѣете основаній сомнѣваться въ насъ?" Нашъ представитель замѣтилъ, что опытъ прошлаго долженъ былъ сдѣлать насъ недоувѣрчивыми. Пруссія позволила привлечь себя къ участию въ вѣнской конференціи, результатомъ которой былъ протоколъ 5-го декабря и вступленіе западныхъ эскадръ въ Черное море. Вслѣдствіе того мы желали обезпечить нашихъ союзниковъ противъ угрозъ, которыя могли быть имъ сдѣланы, испрашивая, взаимъ того, обезпеченіе ихъ нейтралитета.

Баронъ Мантейфель, присутствовавшій при разговорѣ, возражалъ противъ рѣшительнаго нейтралитета, отдававшаго въ руки Англіи прусскую торговлю, доставляя ей предлогъ съечь всѣ прусскія коммерческія суда. Вотъ на чемъ названный министръ основывалъ свое предпочтеніе союза съ Англіей старинной дружбѣ съ нами!

Единственное, что выступало среди этихъ колебаній, было открытое и энергичное увѣреніе, что Пруссія никогда не дастъ увлечь себя въ войну противъ насъ. Король подтвердилъ его въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ собственноручнымъ письмомъ къ императору Николаю.

Однако слѣдующія обстоятельства могутъ характеризовать политику прусскаго правительства. Когда императорскій кабинетъ пожелалъ, чтобы эти увѣренія были изложены въ официальной депешѣ барону Будбергу, такое требованіе крайне раздражило барона Мантейфеля. Онъ отказался принять этотъ документъ и высказалъ мнѣніе, что мы не имѣемъ права принимать буквально эти конфиденціальныя заявленія и требовать выраженія ихъ въ официальномъ актѣ, который можетъ вовлечь Пруссію въ важныя затрудненія, если станетъ извѣстнымъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Онъ доказывалъ, что мы оскорбляли тѣмъ достоинство Пруссіи, такъ какъ предполагать, что эта держава никогда не допуститъ вовлечь себя въ войну съ Россіей—значило связывать ея свободу дѣйствій. Между тѣмъ она хотѣла сохранить ее на извѣстный случай, какъ, напр., на тотъ, еслибы англичане угрожали съечь ея торговые суда въ Балтійскомъ морѣ.

Во всякомъ случаѣ, какъ мы уже знаемъ, переговоры графа Орлова окончились полной неудачей. Баронъ Будбергъ пытался замѣнить протоколъ съ тремя участниками, страшившій берлинскій кабинетъ, соглашеніемъ, которое должно было состояться между Австріей и Пруссіей и впоследствии должно было быть сообщено намъ для полученія нашей гарантіи. Такая комбинація также не имѣла успѣха. Прусское правительство уклонилось

отъ нея подъ тѣмъ предлогомъ, что она оскорбляетъ его достоинство. Русская гарантія германскаго нейтралитета казалась ему унижительною. Баронъ Мантейфель громко жаловался на повелительный тонъ, какой мы принимали относительно Пруссіи.

До Берлина дошло извѣстіе, что Австрія также отказывалась принять предложеніе графа Орлова. Императоръ Францъ-Іосифъ сообщилъ о томъ королю, настаивая въ особенности на опасности славянскихъ возстаній въ Турціи и на необходимости для Австріи поддержать *statu quo* на Востокѣ. Хотя прусскій король не имѣлъ тѣхъ же основаній, однако рѣшеніе Австріи заставило его отвергнуть, съ своей стороны, начатыя нами переговоры.

Это былъ моментъ, когда западныя державы готовились обратиться къ намъ съ требованіемъ объ очищеніи Княжествъ. Онѣ предлагали вѣнскому и берлинскому кабинетамъ присоединиться къ ихъ требованію посредствомъ конвенціи, имѣвшей цѣлью установленіе общаго образа дѣйствій въ видахъ мира. Это было вступленіе, которое должно было повести къ другимъ результатамъ. О нейтралитетѣ даже не было рѣчи. Пруссскій король положительнo отвергъ такія предложенія.

Въ Вѣнѣ дѣйствовали иначе. Графъ Буоль принялъ конвенцію, устранивъ статьи, открыто враждебныя намъ, и въ такомъ видѣ предложилъ ее берлинскому кабинету. Въ означенномъ документѣ, въ той формѣ, въ какой онъ вышелъ изъ австрійской канцеляріи, говорилось, что миръ можетъ быть заключенъ только по общему соглашенію между четырьмя державами. Имъ поддерживалось *statu quo* на Востокѣ и выговаривались улучшенія въ судьбѣ христіанъ. Онъ допускалъ нейтралитетъ Германіи, но не исключалъ дѣятельнаго участія въ войнѣ въ удобный для того моментъ.

Это была критическая минута для Пруссіи. Стѣсняемая со всѣхъ сторонъ, угрожаемая блокадой въ Балтійскомъ морѣ, покинутая Австріей, лишенная средствъ оказывать давленіе на Германію, посредствомъ открытаго союза съ нами, она не чувствовала себя въ силахъ сопротивляться. Въ настроеніи барона Мантейфеля и англійской партіи совершался полный переворотъ. Говорили о рѣшительномъ присоединеніи къ Австріи для оказанія неотразимаго давленія на насъ и для окончательнаго разрушенія нашего тѣснаго сближенія съ вѣнскимъ кабинетомъ. Однако король остался твердъ. Онъ формально отказался присоединиться къ конвенціи, обязавшись только дружески просить насъ уступить желанію западныхъ державъ, очистивъ Княжества. Всѣ усилія Франціи и Англіи не могли его поколебать. Тюльерійскій ка-

бинетъ давалъ понять, что онъ желаетъ упомянутой конвенціи лишь для того, чтобы гарантировать себя отъ нападенія Германіи въ то время, когда онъ будетъ занятъ на Востока. Но онъ былъ готовъ принять это обязательство и во всякой другой формѣ, какая представится удобной для Пруссіи. Лондонскій кабинетъ поступалъ рѣшительнѣе: онъ требовалъ, чтобы Пруссія объявила намъ войну. Бунзенъ, представитель короля въ Лондонѣ, не принадлежавшій къ числу нашихъ друзей, старался устроить свое правительство угрозами Англіи и принялъ на себя извѣстить нотой лорда Кларендона, что берлинскій кабинетъ готовъ былъ подписать конвенцію.

Король велѣлъ взять ноту обратно и послалъ генерала Гребена для того, чтобы подтвердить свое намѣреніе сохранить нейтралитетъ и, въ случаѣ надобности, поддержать его съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ отправилъ письмо королевѣ Викторіи, въ которомъ высказывалъ свою сердечную привязанность къ императору Николаю и ручался за искренность и безкорыстіе этого августѣйшаго монарха относительно даннаго имъ обѣщанія объ очищеніи Княжествъ. Онъ просилъ королеву не отвергать этой основы соглашения, если Англія не хотѣла во что бы то ни стало войны съ нами. Онъ далъ подобныя же порученія принцу Гогенцоллерну въ Парижъ и полковнику Мантейфелю въ Вѣну. Последнему было поручено предложить императору Францу-Иосифу нейтральный союзъ, къ которому Германія приглашена будетъ присоединиться. Такія усилія были внушены наилучшимъ расположеніемъ, но имъ суждено было остаться безплодными.

Тѣмъ не менѣе, пребываніе уполномоченныхъ короля въ Парижѣ и въ Лондонѣ доставило важныя уясненія тогдашняго положенія. Графъ Гребенъ напелъ англійское правительство подъ давленіемъ потока общественнаго мнѣнія. Сама королева уступила, наконецъ, и принцъ Альбертъ старался возстановить свою популярность, пошатнувшуюся вслѣдствіе его сопротивленія партіи войны. Поэтому прусскій уполномоченный счелъ бесполезнымъ поддерживать идею мира. Онъ ограничился заявленіемъ, что Пруссія не приметъ участія въ коалиціи противъ насъ и останется нейтральной. Ему обѣщали не тревожить ея, но, посредствомъ различныхъ аргументовъ, старались привлечь ее къ общности дѣйствій съ Западомъ.

Императоръ Наполеонъ былъ откровеннѣе съ принцемъ Гогенцоллерномъ. Онъ рѣшительно сбросилъ маску умѣренности, которую носилъ до тѣхъ поръ. Онъ заявилъ, что Восточный вопросъ долженъ отступить теперь на второй планъ. Дѣло шло о томъ,

чтобы ослабить Россію и уничтожить пріобрѣтенное ею преобладающее вліяніе на судьбы Европы. Еслибы она и приняла сдѣланное ей предложеніе, Франція, тѣмъ не менѣе, не отказалась бы отъ воинственнаго образа дѣйствій, или отказалась бы отъ него лишь въ томъ случаѣ, когда ей разомъ удалось бы добиться результатовъ, какихъ она ожидала отъ побѣдоносной кампаніи. Императоръ Наполеонъ высказывалъ полную увѣренность въ союзѣ съ Англіей. Хотя союзъ былъ непопуляренъ во Франціи, онъ рѣшился поддержать его, какъ наиболѣе соответствующій его планамъ. Онъ признавался, что до тѣхъ поръ онъ шелъ вслѣдъ за своимъ союзникомъ, но онъ надѣялся стать во главѣ и взять на себя управление событіями.

Что касается Австріи, императоръ Наполеонъ былъ также вполне увѣренъ въ ея содѣйствіи. По его мнѣнію, не слѣдовало обманывать себя ея видимыми колебаніями. „Они прекратятся,—говорилъ онъ,—какъ только первый французскій солдатъ появится въ Турціи“. Тогда нейтралитъ Пруссіи сдѣлается невозможнымъ; слѣдовательно, она должна будетъ высказаться противъ Россіи. Онъ прибавилъ, что для Германіи необходимы крупныя реформы, и намекнулъ на то, что Пруссіи, въ особенности, нужно округлиться. Однимъ словомъ, обнаружилъ свои виды на передѣлку карты Европы.

Самая замѣчательная часть этихъ разоблаченій относится къ Австріи. Сопоставляя ее съ предвѣщаніями, какія Буркенэ въ то же время высказывалъ въ Вѣнѣ, нельзя не придти къ высказанному уже нами заключенію, а именно, что всѣ дѣйствія гр. Буоля имѣли цѣлью только выиграть время, какое ему было необходимо для развитія своей политики. Цѣль его была намѣчена заранѣе; удобнымъ моментомъ признавался тотъ, когда прибытіе союзниковъ въ Турцію оградитъ Австрію отъ всякаго наступленія съ нашей стороны. Въ ожиданіи того, стремясь выказать свою неприязнь къ намъ, не подвергая, однако, себя никакому риску, онъ ограничивался дипломатическими дѣйствіями, предназначенными, быть можетъ, къ тому, чтобы держать въ заблужденіи его государя, и обезпечивалъ свое положеніе, увлекая Германію за собою. Такое обстоятельство придаетъ образу дѣйствій гр. Буоля характеръ предумышленности, вызывающій отталкивающее впечатлѣніе.

Несмотря на неуспѣшность своихъ попытокъ, прусскій король продолжалъ дѣлать усилія въ видахъ посредничества, хотя и нерѣшительнаго. Вѣнскій кабинетъ давно уже настаивалъ на томъ, чтобы Пруссія мобилизовала свою армію. Король не ис-

полнилъ этого требованія и ограничился тѣмъ, что испросилъ у палаты кредитъ въ тридцать милліоновъ талеровъ. Для партій это было случаемо помѣяться силами. Правая хотѣла простаго голосованія; либеральный центръ желалъ, чтобы мотивы этой мѣры были категорически выражены въ видѣ благопріятномъ для Запада и непріязненнымъ для насъ. Какъ характеристическую черту, можно привести рѣчь военнаго министра, генерала Бонина, который заявилъ передъ комиссіей, что для Пруссіи союзъ съ Россіей былъ бы отцеубійствомъ. Возмущенный король отнесся съ большимъ неодобреніемъ къ этой рѣчи, но, тѣмъ не менѣе, она произвела свое дѣйствіе. Министръ искусно поддерживалъ предложенную мѣру, лишая ее всякаго значенія въ томъ или другомъ смыслѣ. Онъ представилъ ее какъ результатъ тогдашняго положенія Европы, требовавшаго, чтобы Пруссія позаботилась о своей безопасности. Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на такой неопредѣленный характеръ, голосованіе предложенія было признано побѣдой консервативной партіи: настолько общественное мнѣніе было враждебно настроено противъ насъ.

Однако порученіе полковника Мантейфеля въ Вѣнѣ, имѣвшее цѣлью предложить Австріи нейтральный союзъ, вызвало, въ свою очередь, отправленіе генерала Гесса въ Берлинъ, которому были поручены переговоры объ этомъ союзѣ. Онъ встрѣтился тамъ съ принцемъ Георгомъ Мекленбургскимъ, присланнымъ императоромъ Николаемъ, для того, чтобы сдѣлать новую примирительную попытку на основѣ уступокъ, требуемыхъ западными державами въ пользу восточныхъ христіанъ. Мы уже въ другомъ мѣстѣ изложили ходъ этихъ двойныхъ переговоровъ. Порученіе, данное принцу Георгу, вполне совпадало съ личными видами прусскаго короля, выраженными имъ императору Николаю. Онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ встрѣтилъ наши предложенія и взялъ на себя быть ихъ проводникомъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Но и въ этомъ случаѣ король обнаружилъ недостатокъ рѣшительности; онъ воздержался отъ заявленія, что отказъ отъ нашихъ предложеній повлечетъ за собою выходъ Пруссіи изъ вѣнской конференціи.

Западные державы, за которыми вполне оставалась свобода отказаться отъ нихъ, отвергали ихъ въ виду развитія, принятаго событіями, невозможности остановить движенія ихъ и своихъ значительныхъ вооруженій. Онѣ давали предчувствовать, что, независимо отъ условій мира, формулированныхъ до того времени, онѣ будутъ вынуждены потребовать отъ насъ гарантій относительно нашихъ намѣреній на будущее время. Такимъ образомъ, послѣ того цѣль войны оказалась иною; дѣло

шло уже не о прошедшемъ, а о будущемъ, и намъ готовились поставить требованія, которыя пока еще оставались въ тайнѣ, для того, чтобы не устроить Германіи.

Графъ Буоль, повидимому, встрѣтившій вначалѣ наши предложенія съ большою живостью, отклонилъ ихъ съ такой же поспѣшностью, какъ только узналъ, что лондонскій и парижскій кабинеты отвѣтили на нихъ отказомъ. Тѣмъ не менѣе, прусскій король отказался отъ идеи посредничества; онъ отлагалъ только осуществленіе ея до болѣе благоприятнаго времени.

Что касается порученія генерала Гесса, главною цѣлью его, въ глазахъ вѣнскаго кабинета, было возобновленіе взаимной территоріальной гарантіи, установленной въ 1850 г. Однако эта цѣль была искусно замаскирована увѣреніями уполномоченнаго. Передъ глазами прусскаго кабинета тщательно прикрывали западню, въ которую хотѣли его вовлечь. Даже мысль о войнѣ съ нами отвергалась формально. Австрія заявляла, что, какъ только она будетъ успокоена относительно будущности смежныхъ областей, она воздержится отъ всякаго участія въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Однако она оставляла за собой свободу дѣйствій, которая будто-бы вызывалась ея положеніемъ, но, въ дѣйствительности, скрывала ея тайные замыслы. Генераль Гессъ и по этому предмету представлялъ самыя удовлетворительныя объясненія. Такъ онъ тщательно избѣгалъ ссылокъ на желанія западныхъ державъ. Онъ говорилъ только отъ имени нѣмецкихъ интересовъ, заключавшихся въ свободѣ судоходства по Дунаю, этой великой торговой артеріи, вытекающей изъ нѣмецкой земли, омывающей на всемъ своемъ протяженіи нѣмецкія территоріи и устья которой, въ интересахъ Союза, должны были быть совершенно свободны. Австрія была естественной защитницей этихъ интересовъ; слѣдовательно, она имѣла право требовать помощи своихъ союзниковъ для всѣхъ возможныхъ случайностей. Впрочемъ, эта помощь была весьма ограниченою. Отъ Пруссіи нисколько не требовалось, чтобы она приняла участіе въ угрожающихъ мѣрахъ противъ Россіи; она должна была только допустить это для Австріи.

Нашъ представитель сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для того, чтобы воспрепятствовать успѣху этой интриги и выяснить прусскому правительству послѣдствія того, къ чему его хотѣли привести. Онъ вполне одобрялъ союзъ обѣихъ державъ; этотъ союзъ могъ успокоить Австрію относительно Ломбардіи, и такъ какъ Австрія боялась Франціи, то было полезно успокоить ее и со стороны этихъ опасеній. Но онъ доказывалъ, что если вѣн-

скому кабинету предоставлено будетъ дѣйствовать отдѣльно, Пруссія утратитъ всякій контроль и обратится въ слѣпое орудіе. Въ концѣ концовъ, отъ нея требовали, чтобы она обязалась защищать австрійскія области во имя нейтральнаго союза, а въ то же время вѣнскій кабинетъ оставлялъ за собой право выйти изъ нейтральнаго положенія.

Такія истины не могли быть неизвѣстными въ Берлинѣ; но король находился подъ вліяніемъ двухъ соображеній — опасенія разъединенія Германіи и надежды остановить Австрію, доставивъ ей тѣ удовлетворенія, какихъ она требовала. На этихъ двухъ струнахъ по преимуществу игралъ генераль Гессъ, который представлялъ свои требованія съ большою осторожностью и постепенностью. Сперва онъ хотѣлъ ограничиться трактатомъ. Король устранилъ изъ него все, что могло казаться непріязненнымъ Россіи, и, въ такомъ измѣненномъ видѣ, отправилъ его Вѣну. Тогда была выдвинута особая статья, заключающая въ себѣ настоящую идею гр. Буоля. Король долго противился ей, но генераль Гессъ отказывался подписать трактатъ, пока особая статья не будетъ включена въ него. Онъ пошелъ далѣе: онъ положительно заявилъ, что если Австріи не будетъ дано нужныхъ ей гарантій, она вынуждена будетъ принять предложенія, какія ей давно уже дѣлались французскимъ правительствомъ. Передъ такой угрозой король счелъ необходимымъ уступить; онъ старался только внести въ редакцію особой статьи измѣненія, сообразныя съ его видами.

Документъ, о которомъ мы говоримъ, весьма любопытенъ; это образецъ дипломатическихъ тонкостей, столь любимыхъ нѣмцами. Редакція графа Буоля обнаруживала его тайныя мысли, прикрывая ихъ въ то же время. Измѣненія короля свидѣтельствовали объ его желаніи связать руки Австріи, между тѣмъ какъ онъ дѣлалъ уступки ея требованіямъ. И та, и другая сторона радовались своему успѣху. Отсюда происходила нѣкоторая неопредѣленность, разъясненіе которой каждый оставлялъ за собою; но въ этомъ состязаніи верхъ долженъ былъ принадлежать тому, кто хотѣлъ рѣшительнѣе, и кто зналъ ясно, чего хочетъ.

Однако, изъ упомянутыхъ переговоровъ выступаетъ одинъ существенный фактъ, а именно поставленное королемъ непрѣмное условіе, принятое въ принципъ и Австріей, что, одновременно съ приглашеніемъ для насъ очистить Княжества, подобныя же требованія будутъ обращены и къ западнымъ державамъ. Слѣдовательно, король допускалъ требованіе отъ насъ только на условіи полной взаимности, справедливость чего признавалъ и графъ Буоль.

Такимъ образомъ, переговорамъ генерала Гесса придавался характеръ пріостановленія враждебныхъ дѣйствій. Съ одной стороны, Россіи должно было быть предложено очистить княжества и не переносить военныхъ дѣйствій по ту сторону Дуная; съ другой стороны, западнымъ державамъ должно было быть предложено оставить Черное море и проливы. Тогда война фактически прекращалась и отрывался путь для мирныхъ переговоровъ, въ которыхъ соглашеніе было уже значительно подготовлено со времени обѣщанія улучшенія участи восточныхъ христіанъ. Графъ Гребенъ передалъ англійскому послу записку о положеніи вопроса. Въ ней утверждалось, что Россія соглашалась очистить Княжества на томъ условіи, чтобы западныя эскадры удалились изъ Чернаго моря и чтобы ей были даны вѣрныя гарантіи въ томъ, что освобожденіе, обѣщанное христіанамъ, было дѣйствительнымъ и заключало въ себѣ релігіозныя права, выговоренныя для православныхъ грековъ. Съ другой стороны, западныя державы заявляли, что Россіи могутъ быть даны требуемыя гарантіи на томъ условіи, чтобы она удовлетворялась ими и выказала искреннее расположеніе въ миру. Между этими программами разстояніе было не такъ значительно, чтобы соглашеніе не казалось вполне возможнымъ.

Здѣсь можно видѣть, что именно привлекло короля и понудило его дать Австріи, посредствомъ договора 20-го апрѣля, гарантіи, которыя, въ сущности, теряли всякія основанія съ того момента, какъ война должна была прекратиться фактически. Но гр. Буоль тщательно остерегся включить, и въ договоръ, и въ отдѣльную статью, условіе взаимности, составлявшее основу всей комбинаціи.

По настоянію короля, генералъ Гессъ ограничился, по заключеніи обоихъ актовъ, установленіемъ въ объяснительной нотѣ обязательства потребовать отъ западныхъ державъ взаимности, которую король поставилъ необходимымъ условіемъ своей подписи. То же самое относилось къ случаямъ, когда враждебное дѣйствіе Австріи противъ насъ должно было быть допущено Пруссіей. По этому предмету происходили весьма оживленныя обсужденія. Вѣнскій кабинетъ выказалъ большую гибкость воззрѣній относительно общихъ обязательствъ, основанныхъ на данномъ словѣ, если только они не были изложены письменно. Было условлено, что эти случаи должны быть ограничены тѣми, когда Россія присвоила бы себѣ часть турецкой территоріи, перешла бы черезъ Балканы или направила бы свои дѣйствія на Константинополь. Но ни самый договоръ, ни добавочная статья не содержали

въ себѣ никакого постановленія по этому предмету. Единственная оговорка, о которой было упомянуто, заключалась въ томъ, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не перейдетъ въ дѣйствію безъ соглашенія съ Пруссіей. Въ этомъ состояла преграда, сдерживавшая, по мнѣнію берлинскаго кабинета, увлеченія графа Буоля.

Тѣмъ не менѣе, прусское правительство вовсе не было спокойно относительно послѣдствій важнаго шага, какой оно сдѣлало, подписавъ договоръ 20-го апрѣля. Представленія нашего посланника дали ему понять, что честное соглашеніе съ нами было бы лучшимъ способомъ достиженія того, чего желали добиться отъ насъ, въ сравненіи съ какимъ-то подозрительнымъ положеніемъ, ничего не обѣщавшимъ намъ взаимнѣе жертвъ, какихъ требовали отъ насъ; и даѣе, что почетный миръ положилъ бы конецъ опасеніямъ, какія мы будто-бы внушали Австріи, во всякомъ случаѣ дѣйствительнѣе, нежели гарантія, всегда оставляющая возможность вызова относительно насъ.

Вслѣдствіе того король послалъ Альвенслебена въ Вѣну, для того, чтобы столковаться въ пониманіи договора и воспрепятствовать или, по крайней мѣрѣ, дать отсрочку предъявленію намъ предполагаемаго требованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ намъ съ настоятельной просьбой о немедленномъ очищеніи Княжествъ, принявъ на себя починъ условій мира, которыя онъ бралъ на себя провести въ Парижѣ и въ Лондонѣ въ качествѣ посредника.

Императоръ Николай не считалъ возможнымъ удовлетворить такому требованію. Удалиться изъ Княжествъ, не получивъ никакой гарантіи одновременнаго съ тѣмъ отступленія эскадръ, значило признать себя побѣжденными, не обнаживъ оружія, что было бы возможно лишь послѣ неудачной войны или въ виду справедливой взаимности уступокъ. Это значило слишкомъ дешево цѣнить честь Россіи.

Такія предложенія исходили отъ дружественныхъ намѣреній, но они указывали недостатокъ ясности въ воззрѣніяхъ на дѣло. Императоръ Николай пожелалъ разъяснить королю значеніе затронутыхъ вопросовъ. Уже баронъ Будбергъ представилъ его величеству записку, имѣвшую цѣлью доказать, что несправедливо было обращаться къ намъ съ предложеніемъ не переносить наши военныя дѣйствія по ту сторону Дуная, не обращаясь съ такимъ же предложеніемъ къ западнымъ державамъ, которыя болѣе, чѣмъ мы, занимали Турцію и господствовали въ Константинополѣ. Кромѣ того, тамъ доказывалось, что неудовольствія вѣнскаго ка-

бинета относительно восточныхъ славянъ были неосновательны, такъ какъ не мы возбуждали ихъ къ возстанію. Императоръ Николай далъ положительное увѣреніе въ томъ и не измѣнить своему слову. Начало славянскихъ затрудненій для Австріи было положено не настоящей войной; онѣ существовали уже давно, и вина ихъ заключалась въ самомъ вѣнскомъ кабинетѣ. Могли ли славяне быть ему преданы, когда они видѣли, что онъ черезъ нихъ протягиваетъ руку туркамъ, вмѣсто того, чтобы оказывать покровительство имъ? Если Австрія позволить увлечь себя къ разрыву съ нами, это положеніе еще болѣе ухудшится. Въ силу того лучшимъ средствомъ устранить упомянутыя неудовольствія было бы открытое соглашеніе съ Россіей, имѣющее цѣлью оказывать покровительство восточнымъ христіанамъ и сдерживать ихъ въ должныхъ предѣлахъ.

Императоръ Николай призналъ нужнымъ опредѣлить эти пункты еще точнѣе. Онъ отправилъ королю особый мемуаръ, заключавшій въ себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Понимаетъ ли король гарантію, данную имъ неприкосновенности оттоманской имперіи въ томъ смыслѣ, что она одинаково примѣнима и къ случаямъ внутренняго разложенія, въ родѣ возстанія христіанъ помимо всякаго завоевательнаго проекта? 2) Допускаетъ ли онъ также, чтобы турецкія области, добившіяся освобожденія, должны были, безъ всякихъ исключеній, во что бы ни стало и какими бы то ни было средствами, быть насильственно возвращены подъ оттоманское иго, т.-е. предоставлены несомнѣнному истребленію, въ виду возбужденія, какое должно господствовать среди мусульманъ? 3) Расположенъ ли онъ насиловать свои религіозныя чувства, принимая хотя бы лишь нравственное участіе въ такомъ противу-христіанскомъ дѣлѣ и, еслибы Австрія рѣшилась на него, матеріально помогать ей въ томъ? 4) Еслибы репрессивныя мѣры послѣдней повели ее къ столкновенію съ нами, будетъ ли король поддерживать Австрію, воюющую съ христіанами, противъ Россіи, защищающей ихъ отъ мести мусульманъ?

Такія крайнія послѣдствія въ дѣйствительности вытекали изъ обязательства, принятаго Пруссіей и по отношенію къ Западу, и по отношенію къ Австріи, и было необходимо, чтобы король оцѣнилъ значеніе и предѣлы своихъ обязательствъ. Отъ его отвѣта должны были зависѣть послѣдующія рѣшенія императора Николая.

Король былъ глубоко затронутъ. Онъ заявилъ, что неприкосновенность турецкой имперіи слѣдуетъ понимать лишь съ точки зрѣнія завоеваній, измѣняющихъ *statu quo*; что вопросъ долженъ

будетъ измѣниться въ случаѣ внутреннихъ возстаній, которыя дѣлали бы невозможнымъ совмѣстное существованіе христіанъ и турокъ, и что мы имѣли полное основаніе отказываться отъ безусловнаго обязательства поддерживать восточное *statu quo*, тѣмъ болѣе, что западныя державы высказывались о завоеваніяхъ насчетъ Россіи. Но для короля было особенно важно узнать—въ какихъ случаяхъ мы сочтемъ вмѣшательство Австріи направленнымъ противъ христіанъ. Его величество высказывалъ увѣренность, что вѣнскій кабинетъ признавалъ невозможнымъ возвратить подъ турецкое иго христіанъ, которые освободились бы отъ него. Но онъ могъ бы вмѣшаться для поддержанія порядка; весьма вѣроятно, что гр. Буоль указывалъ уже въ Берлинѣ на такую возможность, и король желалъ знать—поведетъ ли это, въ подобномъ случаѣ, къ войнѣ съ нами?

Несмотря на желаніе дружественныхъ разъясненій, король былъ видимо недоволенъ тѣмъ, что его примирительныя попытки не были приняты въ Петербургѣ. Онъ заявилъ намъ, что считаетъ свое посредничество оконченнымъ.

Такая же неудача постигла и переговоры, порученные Альвенслебену въ Вѣнѣ съ цѣлью разъясненія смысла договора 20-го апрѣля и въ особенности вопроса о взаимности. Съ первыхъ словъ гр. Буоль сухо отозвался, что онъ не оспариваетъ самаго принципа, но, съ своей стороны, не имѣетъ никакихъ средствъ воздѣйствія на западныя державы, чтобы заставить ихъ признать его. Другими словами, это означало преклоненіе передъ правомъ сильнаго: если нельзя было принудить нашихъ противниковъ, было несправедливо допускать возможность такого принужденія по отношенію къ намъ. Тѣмъ не менѣе, гр. Буоль рѣшился обойти этотъ вопросъ и отправить намъ требованіе безъ совѣщанія съ Пруссіей.

Королю это показалось оскорбительнымъ; онъ велѣлъ передать нашему представителю, что онъ не уклонится отъ принципа взаимности и будетъ считать себя освобожденнымъ отъ обязательства 20-го апрѣля. Такое заявленіе предполагало энергію, недостатокъ которой чувствовался въ Берлинѣ. Однако для Пруссіи представлялось простое средство нарушить необдуманное обязательство, а именно, опереться на Германію, которая на собраніи въ Бамбергѣ только-что ясно выразила желаніе не давать вовлечь себя въ войну. Берлинскій кабинетъ могъ стать во главѣ этого сопротивленія и доказать графу Буолю, что его политика, основанная на нѣмецкихъ интересахъ, не находила себѣ одобренія въ Германіи.

Король и его министръ были тѣмъ болѣе расположены къ этому, что къ ихъ неудовольствіямъ противъ гр. Буоля присоединился новый поводъ къ раздраженію. Австрія незадолго передъ тѣмъ подписала въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Портой и западными державами, новый протоколъ, которымъ устанавливалась возможность занятія нѣкоторыхъ областей Турціи. Она сдѣлала это безъ вѣдома Пруссіи, вопреки договору 20-го апрѣля, требовавшему предварительнаго соглашенія обѣихъ державъ предъ всякимъ дѣйствіемъ Австріи. Это значило не только нарушать свои обязательства, но и относиться къ берлинскому кабинету съ оскорбительнымъ презрѣніемъ. Вслѣдствіе того нашему представителю не трудно было убѣдить его, что Пруссія, при поддержкѣ со стороны Германіи, была въ правѣ освободить себя отъ обязательствъ, которыхъ Австрія не соблюдала.

Однако такое рѣшеніе не устояло передъ тѣми чувствами, какія императоръ Францъ-Иосифъ счумѣлъ затронуть при свиданіи въ Тешенѣ. Онъ находился подъ впечатлѣніемъ независимыхъ стремленій, обнаруженныхъ второстепенными государствами. Это значило касаться струны, всегда готовой звучать въ душѣ прусскаго короля. Императоръ заставилъ его раздѣлить свои опасенія, что мелкія государства могутъ сблизиться съ Франціей. Король и его совѣтники не захотѣли понять, что, отказываясь стать во главѣ ихъ, они достигали именно такого результата. Они усматривали въ твердомъ положеніи второстепенныхъ государствъ лишь проявленіе вліянія, котораго не слѣдовало поощрять, притязаніе предписывать законы великимъ державамъ, чего послѣднія не могли допустить.

Такимъ образомъ, самолюбивыя соперничества, подкапывавшія Германію, не могли уничтожиться даже въ виду великаго кризиса. Пруссійскій король пожертвовалъ всѣмъ желанію оставаться связаннымъ съ Австріей. Обоими государями было выработано тождественное сообщеніе и препровождено представителямъ союзныхъ государствъ въ Бамбергъ. Сообщеніе лишь весьма неопредѣленно отвѣчало на вопросы, столь ясно поставленные конференціей, и заявляло, что если обѣ великія державы не придутъ къ соглашенію со своими союзниками, онѣ откажутся внести въ Сеймъ предложеніе присоединиться къ договору 20-го апрѣля и удовольствуются присоединеніемъ отдѣльныхъ государствъ. Этотъ отвѣтъ повлекъ за собою принятіе договора Сеймомъ. Трудно было допустить, чтобы второстепенныя государства, покинутыя Пруссіей, выказали болѣе энергіи, нежели та держава, которая, повидимому, была призвана стать во главѣ ихъ.

На замѣчанія нашего представителя, старавшагося доказать, какую громадную ошибку сдѣлала Пруссія, потерявъ такой случай представить собою истинные интересы Германіи, король и его совѣтники, какъ всегда, указывали на необходимость сохраненія отношеній съ Австріей, для того, чтобы удержать ее въ предѣлахъ Союза. Дѣло въ томъ, что въ тешенскихъ переговорахъ графъ Буоль категорически повторилъ заявленіе, что если Австрія будетъ покинута Пруссіей, она сдастся на дружескія предложенія Франціи. Эта угроза произвела свое обычное дѣйствіе на короля. Впрочемъ гр. Буоль ничего не упустилъ для того, чтобы вернуть короля къ Австріи. Онъ старался ослабить значеніе обязательствъ, заключенныхъ отдѣльно въ Константинополѣ, утверждая, что вѣнскій кабинетъ принималъ ихъ на себя не въ качествѣ союзника султана, но въ виду австрійскихъ интересовъ, которымъ угрожали возстанія въ сосѣднихъ странахъ.

Въ итогѣ результаты тешенскаго свиданія не представили ничего положительнаго. По свѣденіямъ, собраннымъ нашимъ представителемъ, тамъ не было ничего ни заключено, ни подписано. Тамъ происходилъ лишь обмѣнъ идей, въ концѣ котораго ни одной изъ обѣихъ сторонъ не удалось убѣдить другую. Прусскому королю гр. Буоль показался весьма враждебнымъ и недовѣрчивымъ по отношенію къ намъ; хотя императоръ Францъ-Иосифъ былъ къ намъ болѣе расположенъ, но онъ находился подъ вліяніемъ своего министра. Баронъ Мантейфель не думалъ также, чтобы были какія-либо подписанныя обязательства между Австріей и Франціей, но онъ полагалъ, что гр. Буоль словесно обязался передъ Буркенэ.

Мы уже раскрыли тайну его политики. Она состояла въ дипломатической изворотливости до тѣхъ поръ, покуда прибытіе союзныхъ силъ на театръ войны не позволитъ Австріи снять маску и безопасно выступить противъ насъ. Но такія соображенія не представлялись ясно берлинскому кабинету, рѣшившемуся во что бы то ни стало идти по стопамъ Австріи въ надеждѣ задержать ея опасное движеніе. На всѣ выраженія недовѣрія и ненависти противъ насъ, какія доходили до прусскаго короля, онъ противопоставлялъ только дружественныя и доброжелательныя увѣренія въ своихъ личныхъ чувствахъ къ императору Николаю, но ни одного энергическаго дѣйствія, ни одного положительнаго рѣшенія.

Пруссія считала, что она уже сдѣлала много, сохранивъ за собою нѣкоторую видимую независимость. Мантейфель говорилъ нашему представителю, что ея содѣйствіе было обѣщано Австріи лишь для защиты австрійской территоріи. Король

настаивалъ на томъ, чтобы было поставлено условіе взаимности относительно Запада; гр. Буоль продолжалъ допускать этотъ принципъ, но укрывался за практическую невозможность примѣнить его къ западнымъ державамъ.

Тѣмъ не менѣе прусское правительство не отказывалось отъ своихъ надеждъ на мирное посредничество. Оно упрасивало насъ не отвѣчать на австрійское требованіе или, скорѣе, приглашеніе, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, но оставить путь для возобновленія переговоровъ открытымъ. Съ тою же цѣлью оно согласилось дружески поддержать австрійское приглашеніе и, чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія, послало полковника Мантейфеля въ Петербургъ съ словесными и примирительными объясненіями.

Письмо и предложенія, которыя онъ привезъ, требовали безотлагательныхъ дѣйствій. Императоръ Николай могъ убѣдиться, что еще одинъ шагъ, и Пруссія и Германія будутъ вовлечены въ коалицію, куда ихъ втягивали западныя державы вмѣстѣ съ Австріей. Вслѣдствіе того государь императоръ рѣшилъ предотвратить эту опасность, удовлетворивъ интересы Германіи, для того, чтобы имѣть возможность полагаться на ея нейтралитетъ. Тяжелая жертва была принесена въ видѣ отвѣта на австрійское приглашеніе, который поручено было князю Горчакову доставить въ Вѣну. Въ отвѣтѣ заключалось: 1) наше отступленіе изъ Княжествъ и 2) принатіе нами принциповъ протокола 9-го апрѣля, въ особенности присвоенныхъ Германіей, а именно, неприкосновенности оттоманской имперіи и обезпеченія участи христіанъ. Взамѣнъ мы требовали отъ Австріи, чтобы она успокоила насъ относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій и своихъ обязательствъ съ нашими противниками, а также гарантировала намъ, что какъ скоро ея интересы будутъ охранены, она не послѣдуетъ далѣе за нашими врагами въ ихъ требованіяхъ.

Въ виду такого рѣшенія, принятаго изъ уваженія къ Пруссіи, можно ли было надѣяться, что она заявитъ себя удовлетворенной и освободится отъ узъ, которыми она необдуманно связала себя? Нѣкоторое время мы могли этому вѣрить. Король принялъ наши предложенія съ выраженіями живѣйшей радости. Онъ обѣщалъ горячо поддерживать ихъ въ Вѣнѣ и тотчасъ же отправилъ энергическое письмо императору Францу-Іосифу. Онъ напоминалъ ему его неоднократно повторенное обѣщаніе, указывалъ ему, что мы сдѣлали больше, чѣмъ можно было ожидать, и что послѣ того, по отношенію къ намъ, являлись обязательства чести. Король заявлялъ, черезъ посредство полковника Мантейфеля, что нѣмецкіе интересы были вполне охранены нашими рѣшеніями, что требо-

ванія Запада не имѣли болѣе никакого основанія, что наступило время понудить морскія державы высказаться яснѣе о цѣляхъ войны, что Пруссія, съ своей стороны, рѣшилась не дѣлать болѣе новыхъ уступокъ, не идти болѣе за совершившимися фактами, и что въ данномъ случаѣ она будетъ считать себя свободною отъ договора 20-го апрѣля.

Такія энергическія представленія оказали вліяніе на пріемъ, какой вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ сперва нашимъ предложеніямъ. Вступленіе въ Валахію было приостановлено. Представители морскихъ державъ испытывали величайшую досаду; наше отступленіе изъ Княжествъ уничтожало всѣ комбинаціи, основанныя на возможности столкновенія между австрійскою арміею и нашею. Германія, повидимому, была готова сбросить гнетъ, оказываемый на нее нашими противниками.

Но эти надежды должны были рушиться еще разъ, благодаря злонамѣренности гр. Буоля. Въ своемъ отвѣтѣ на прусскія заявленія гр. Буоль, повидимому, обнаруживалъ желаніе представить Англіи и Франціи рѣшить, можетъ ли быть нашъ отвѣтъ на требованія признанъ удовлетворительнымъ. Берлинскій кабинетъ отвергъ такой оборотъ дѣла. Онъ заявилъ, что назначеніемъ нашего отвѣта было улаженіе отношеній между Россіей и Германіей, и здѣсь не было мѣста для вмѣшательства Запада.

Тогда гр. Буоль пожелалъ подвергнуть наше предложеніе разсмотрѣнію вѣнской конференціи. Король отказался на-отрѣзъ принять участіе въ этой конференціи, еслибы она состоялась. Его величество также, какъ и его министръ, въ этомъ случаѣ выказалъ достойную твердость. Въ Берлинѣ представители Франціи и Англіи разразились сильными упреками и даже прямыми угрозами. Въ Вѣнѣ Буркенэ пошелъ еще далѣе и предложилъ собрать конференцію съ тремя участниками помимо Пруссіи. Въ Лондонѣ и въ Парижѣ господствовало величайшее негодованіе противъ берлинскаго кабинета, и его обвиняли въ томъ, что онъ уничтожалъ всѣ усилія, направленные къ вовлеченію Германіи въ коалицію; говорили даже о препровожденіи къ нему категорическаго требованія. Представитель Пруссіи имѣлъ живое объясненіе съ лордомъ Кларендономъ. „Въ Австріи мы увѣрены, — сказалъ англійскій министръ, — она только и желаетъ дѣйствовать за-одно съ нами. Но это будетъ слишкомъ много, если Пруссія воспротивится конференціи“. Однако, ни король, ни баронъ Мантайфель не подались передъ этой грозой.

Графъ Буоль рѣшился тогда, безъ совѣщанія съ Берлиномъ, сообщить наши предложенія лондонскому и парижскому

кабинетамъ и самостоятельно пригласить ихъ къ обсужденію упомянутыхъ предложеній. Такой поступокъ былъ новой причиной неудовольствія для прусскаго правительства. Сообщение вѣнскаго кабинета было неясно и неопредѣленно. Оно нисколько не позволяло угадывать положеніе Австріи и Германіи въ случаѣ отказа западныхъ державъ. Оно не вынуждало послѣднихъ высказаться объ ихъ намѣреніяхъ относительно продолженія войны и не отдѣляло отъ нихъ интереса Германіи. Оно не выражало даже надежды на взаимность названныхъ державъ въ замѣнъ значительныхъ уступокъ, сдѣланныхъ нами. Кромѣ того, графъ Буоль самъ указывалъ имъ отвѣтъ, какой онѣ должны были дать, отмѣчая наше опущеніе третьяго пункта протокола 9-го апрѣля, т.-е. того, которымъ оттоманская имперія связывалась европейскимъ равновѣсіемъ.

Такимъ образомъ, прусское правительство видѣло, какъ одна за другой разрушались иллюзіи, которыми убаюкивала себя ея политика. Получивъ отказъ въ Петербургѣ, такъ какъ его робкое посредничество не давало намъ никакой гарантіи, оно и въ Вѣнѣ потерпѣло неудачу въ своихъ усиліяхъ возвратить себѣ вліяніе, какового оно ожидало отъ послѣдствій нашихъ мирныхъ предложеній. Это произвело сильное дѣйствіе на короля. Онъ рѣшительно отвергъ настойчивыя требованія графа Буоля о приведеніи на военное положеніе прусской арміи. Въ сообщеніи, отправленномъ имъ лондонскому и парижскому кабинетамъ, онъ старался исправить недостатки австрійскаго сообщенія. Онъ указывалъ на различіе, существующее между нѣмецкими и западными интересами. Онъ пытался найти основы серьезнаго посредничества для избѣжанія общаго столкновенія и возвращенія мира. Въ видахъ этого онъ требовалъ точныхъ разъясненій отъ морскихъ державъ относительно цѣли, какую онѣ видѣли въ войнѣ, для того, чтобы заставить ихъ выйти изъ общихъ фразъ, въ которыхъ онѣ упорно замыкались до тѣхъ поръ. Положеніе Германіи должно было зависѣть отъ ихъ отвѣта. Въ то же время, для того, чтобы его мнѣніе не могло быть сомнительнымъ, король присоединялъ къ этому сообщенію депешу, посланную къ его представителю въ Петербургъ и выражавшую удовольствіе, съ какимъ онъ принялъ наши примирительныя предложенія.

Описываемое положеніе вновь выяснило рѣшительный моментъ для Пруссіи и Германіи. Время дипломатическихъ ухищреній прошло. Событія, бывшія сильнѣе людей, требовали опредѣленнаго направленія дѣйствій. Австрійскія войска были собраны на

ея границахъ, готовыя вступить въ Княжества. Австрія получала на это право въ силу конвенціи съ Портой и съ западными державами. Хотя въ принципѣ мы согласились на очищеніе Княжествъ подъ извѣстными условіями и даже начали отступательныя движенія, наши войска занимали еще названныя области. Слѣдовательно, между нами и Австріей легко могло произойти столкновеніе. Это была бы война, и для такого случая вѣнскій кабинетъ настойчиво обращался къ постановленіямъ протокола 20-го апрѣля, подписаннаго Пруссіей и принятаго Германіей. Итакъ, не приходилось уже болѣе разсуждать о болѣе или менѣе широкихъ толкованіяхъ, которымъ подлежалъ этотъ актъ. Германіи предстояло очутиться передъ необходимостью немедленнаго примѣненія его. Нужно было рѣшиться. Изъ чувства ли опасности, или изъ желанія придать себѣ видную роль, второстепенныя государства Союза находились въ сильномъ волненіи въ виду положенія вещей, угрожавшаго нарушить ихъ нейтралитетъ.

Баронъ Бейстъ, саксонскій министръ, отправился въ Берлинъ, чтобы разузнать, насколько можно было разсчитывать на Пруссію. Сомнѣнія въ этомъ отношеніи, которыя вполнѣ оправдывались колеблющимся образомъ дѣйствій берлинскаго кабинета, подтверждались отзывомъ графа Буоля. Онъ говорилъ: „Въ Берлинѣ не знаютъ ясно—ни чего хотятъ, ни чтѣ могутъ сдѣлать. Тамъ господствуютъ интриги партій. Въ настоящій моментъ торжествуетъ партія Герлаха, вслѣдствіе чего происходитъ поворотъ въ сторону Россіи, но это продолжится недолго. Баронъ Мантейфель не раздѣляетъ увлеченій короля. Рано или поздно сила вещей возьметъ верхъ, и Пруссія повончитъ тѣмъ, что присоединится къ Австріи. Слѣдовательно, второстепенныя государства напрасно разсчитываютъ на нее“. Эти слова обошли всю Германію.

Нашъ представитель старался уничтожить впечатлѣніе, произведенное имъ на Бейста. Онъ далъ ему понять, что если Пруссія колебалась до тѣхъ поръ, это происходило отъ ея неувѣренности въ помощи союзныхъ государствъ. Она опасалась, что еслибы она высказалась противъ политики Австріи, онѣ не въ силахъ были бы сопротивляться ей. Слѣдовательно, необходимо было откровенное объясненіе.

Объясненія дѣйствительно произошли и имѣли весьма благоприятный результатъ. Саксонскій министръ могъ убѣдиться, что предполагаемаго разногласія между прусскимъ королемъ и барономъ Мантейфелемъ вовсе не существовало, что они были вполнѣ единодушны и исполнены лучшими намереніями. Съ своей стороны, онъ заявилъ, что если до тѣхъ поръ второстепенныя госу-

дарства отдавали нѣкоторое предпочтеніе Австріи, виновникомъ того былъ самъ берлинскій кабинетъ, но что они какъ нельзя болѣе готовы были поставить во главѣ своей Пруссію. Въ виду того онъ предложилъ, чтобы берлинскій кабинетъ сообщилъ Германскому Сейму попытки, сдѣланныя имъ въ Парижѣ и Лондонѣ послѣ нашихъ предложеній. Сеймъ долженъ былъ присоединиться къ мнѣнію, высказанному Пруссіей, и заявить, что наши рѣшенія вполнѣ удовлетворили требованія, поставленные намъ во имя нѣмецкихъ интересовъ. Такой образъ дѣйствій былъ одобренъ и принятъ.

Однако король отправился въ Мюнхенъ, чтобы столковаться съ баварскимъ и вюртембергскимъ королями. Въ его письмѣ, написанномъ оттуда барону Мантейфелю, заключалось, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если Австрія, несмотря на миролюбивыя увѣренія Россіи, нападетъ на эту державу, въ этомъ для насъ не долженъ быть *sans foederis*“. Король дѣлалъ только оговорку на слѣдующіе случаи: 1) раздробленіе Австріи завоеваніями и 2) революціонныя возмущенія, угрожающія австрійской монархіи.

Когда король вернулся въ Берлинъ, нашъ представитель, соблюдая до тѣхъ поръ величайшую сдержанность, въ виду щекотливости прусскаго кабинета, призналъ своевременнымъ потребовать отъ него категорическихъ увѣреній относительно его намѣреній. Онъ нашелъ короля въ большомъ затрудненіи. Его величество признавалъ, что мы вполнѣ удовлетворили Германію, но онъ прибавлялъ, что ему нельзя было предоставить Австрію внушеніямъ, увлекавшимъ ее къ сближенію съ Западомъ. Если его усиліямъ не удалось до тѣхъ поръ вернуть ее съ этого пути, она, по крайней мѣрѣ, уменьшала и замедляла шансы разрыва. Король хотѣлъ, во что бы то ни стало, воспрепятствовать ему и надѣялся въ этомъ на успѣхъ, такъ какъ Австрія никогда не произведетъ наступленія на наши границы; очищеніе Княжествъ нашими войсками сдѣлаетъ войну невозможной. Онъ сожалѣлъ только, что до того времени наше отступленіе ограничилось Малой Валахіей. Нашъ представитель замѣтилъ ему, что мы сдѣлали такую уступку изъ уваженія къ Пруссіи и въ надеждѣ, что она будетъ опѣнена, но что послѣ пріема, какимъ она была встрѣчена въ Вѣнѣ, всякая новая уступка послужила бы только къ выгодѣ нашихъ враговъ.

Король отказался дать намъ формальное заявленіе, въ которомъ было бы выражено, что Пруссія болѣе не считаетъ себя обязанной защищать австрійскую территорію. Тщетно нашъ пред-

ставитель напоминалъ, что наши послѣднія примирительныя предложенія сдѣланы были изъ уваженія къ желаніямъ Пруссіи, ради освобожденія ея отъ обязательствъ, которыя могли увлечь ее къ враждебному дѣйствію противъ насъ и ради приведенія Германіи въ нейтральное положеніе, въ виду осложненій, какія старалась вызвать австрійская политика; что, слѣдовательно, Пруссія была обязана честию; что мы не требуемъ отъ нея ни договора, ни союза, неудобнаго для нея, но лишь письменной гарантіи того истолкованія, какое она полагала дать своимъ обязательствамъ 20-го апрѣля, и что, наконецъ, если условія, въ зависимости отъ которыхъ были сдѣланы наши послѣднія уступки, не будутъ выполнены, мы возвратимъ себѣ нашу свободу дѣйствій.

Король былъ согласенъ въ принципѣ, но онъ противопоставилъ ему неудобство формальнаго заявленія, которое вызвало бы разрывъ между Пруссіей и Австріей, предало бы послѣднюю безконтрольному вліянію Франціи и устрасило бы Германію перспективой раздѣленія. „Вы знаете, — прибавилъ баронъ Мантейфель, — что мы никогда не нападемъ на васъ. Мнѣ кажется, что этого должно быть достаточно для васъ“.

Нашъ представитель вскорѣ узналъ тайную причину этихъ колебаній, вдвойнѣ достойныхъ сожалѣнія въ настоящий моментъ, отъ котораго зависѣло будущее. Онѣ были результатомъ путешествія короля въ Мюнхенъ. Его свиданіе съ государями не могло поощрить его къ энергическому положенію относительно Австріи. Правда, и баварскій, и вюртембергскій короли не относились одобрительно къ политикѣ гр. Буоля. Оба они, въ особенности вюртембергскій король, осуждали въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ эту роковую политику, которая, вооружая Австрію противъ Россіи, приносила выгоду только Франціи и создавала серьезную опасность для Германіи въ настоящемъ и будущемъ. Оба были согласны, что слѣдовало, во что бы то ни стало, воспрепятствовать такимъ несчастнымъ послѣдствіямъ ея. Тѣмъ не менѣе, оба, и въ особенности вюртембергскій король, не колеблясь, заявляли, что если ихъ усилія окажутся безплодными и если, противъ желанія Германіи, возгорится война между Россіей и Австріей, Германія можетъ и должна принять сторону только Австріи. Если Россія, атакованная Австріей, вступить въ Галицію или въ Венгрію, все-таки обязанностью Германіи будетъ устремиться на помощь Австріи. Баварскій министръ фонъ-деръ-Пфортенъ высокоумно высказывалъ: „Ничего не можетъ быть постыднѣе поведенія Австріи. Но всякій союзъ съ Россіей невозможенъ для насъ; мы никогда не примемъ его“.

Такое рѣшеніе, противоположное, по своей опредѣленности, обычнымъ колебаніямъ нѣмецкой политики, обусловливалось нѣсколькими причинами: прежде всего, нѣкоторымъ влеченіемъ къ Австріи, которое сохранялось въ мелкихъ государствахъ, несмотря на ихъ вполне основательныя неудовольствія противъ нея; даѣе, сознаниемъ, что всякое пораженіе этой державы будетъ торжествомъ для революціи, которая все еще угрожала существованію мелкихъ государствъ и которая находила въ Австріи самаго постояннаго и рѣшительнаго противника; и, наконецъ, неизлечимымъ недовѣріемъ противъ насъ, уцѣлѣвшимъ несмотря на оказанныя нами услуги и сорокъ лѣтъ добрыхъ отношеній.

Бюртембергскій король утверждалъ, что въ тотъ день, когда Россія переступитъ за австрійскую границу, всѣ національные и революціонные элементы, бродящіе въ Венгріи и въ славянскихъ земляхъ, неизбежно поднимутся, съ нашего согласія или нѣтъ. Какъ бы ни были честны намѣренія императора Николая, весьма вѣроятно, что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ не воспротивится независимости Венгріи, если только она будетъ имѣть монархическій характеръ. Однако такая возможность была бы гибелью для Австріи. Слѣдовательно, Германія должна была помѣшательству тому во что бы то ни стало. Такимъ-то образомъ Германія вознаграждала насъ за наше вмѣшательство въ венгерскія дѣла въ 1849 г. Впрочемъ кара за эту неблагодарность не заставила себя ждать. Черезъ два года послѣ Восточной войны Австрія и ея союзники могли увидѣть, откуда исходила опасность принципа національностей, угрожавшая Ломбардіи и Венгріи.

Тѣмъ не менѣе, настроеніе, въ которомъ прусскій король напелъ своихъ союзниковъ, окончательно подорвало порывы его энергіи. Пруссія покинула второстепенныя государства на бамбергскомъ съѣздѣ. Теперь они, въ свою очередь, покидали ее.

Не такое положеніе могло умѣрить высокомерный тонъ западныхъ державъ.

Отвѣтъ Франціи на прусское сообщеніе по поводу нашихъ предложеній былъ полученъ въ Берлинѣ. Онъ былъ составленъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Французское правительство не желало обсужденій ни о мирѣ, ни о перемиріи. Оно презрительно отвергало прусское посредничество, предпочитая открыто враждебное положеніе нейтралитету, который, по его мнѣнію, могъ быть выгоденъ только Россіи. Де-Мустье, спокойный тонъ котораго до тѣхъ поръ былъ противоположенъ тону лорда Блаумфильда, выказывалъ крайнее раздраженіе. Онъ выражалъ слѣдующую враждебность къ намъ и предсказывалъ самыя унижительныя условія

мира, невыполнимыя требованія, которыя должны были послужить предлогомъ для разрыва съ Германіей. Онъ громко говорилъ объ устраненіи Турціи отъ нашего географическаго и морского преобладанія и обнаруживалъ негодованіе на то, что Пруссія осмѣлилась признать наши предложенія удовлетворительными.

Императоръ Наполеонъ достигъ своей цѣли. Разрывъ между Россіей и Австріей уже назрѣвалъ; онъ обозначался и между послѣдней державой и Пруссіей; связь Священнаго Союза была разрушена, равновѣсіе Европы становилось сомнительнымъ, и Франція усиливалась его ниспровергнуть. Между Франціей и Англіей существовало только то различіе, что для первой ослабленіе Россіи было только средствомъ, а для второй—цѣлью.

Тѣмъ не менѣе, гр. Буоль воспользовался по своему нашими мирными предложеніями въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Онъ поставилъ на видъ обѣимъ морскимъ державамъ, что безусловный отказъ отъ нашихъ предложеній оставить за нами въ глазахъ Европы всю честь примирительныхъ стремленій, переноса на нашихъ противниковъ всю возмутительность войны. Результатомъ этихъ переговоровъ были четыре основы мира, признававшіяся западными державами за непремѣнныя условія его. Ставить условія мира въ то время, когда онѣ вполнѣ рѣшились вести войну, значило приносить настоящую жертву. Онѣ сдѣлали вѣнскому кабинету эту уступку, чувствуя, что Германія уходитъ у нихъ изъ рукъ, вслѣдствіе удовлетворенія, какое было дано нами нѣмецкимъ интересамъ.

Такимъ образомъ, гр. Буоль добился того, что, въ глазахъ Пруссіи и даже въ нашихъ глазахъ, ему были вѣннены въ заслугу тѣ смягченія, какія онъ внесъ въ настроеніе морскихъ державъ. Тѣмъ не менѣе, эти смягченія сводились къ условіямъ, которыя должны были намъ казаться невыполнимыми. Отъ Россіи, еще не понесшей никакого ущерба, требовали того, чего можно было требовать лишь послѣ неудачной войны. Графъ Буоль первый указалъ державамъ самое тяжелое изъ этихъ условій; для того, чтобы не раскрыть сразу все его значеніе, онъ добился того, что оно было выражено въ неопредѣленныхъ терминахъ относительно возстановленія связи Турціи съ европейскимъ равновѣсіемъ, посредствомъ пересмотра трактата 1841 г.; повидимому, здѣсь не было ничего, что могло бы возмутить насъ и тѣмъ болѣе устрашить Германію. Уже французскій кабинетъ взялъ на себя, въ циркулярѣ къ своимъ посольствамъ, придать этой статьѣ все ея значеніе, связавъ ее съ ограниченіемъ нашего преобладанія на Черномъ морѣ.

Цѣль такихъ дѣйствій угадать было не трудно: Австрія хотѣла втѣнуть насъ въ конференцію о мирѣ, гдѣ она могла бы заявить требованія, которыя надѣялась отъ насъ исторгнуть. Франція, рѣшившаяся вести войну, хотѣла, напротивъ, принудить насъ къ отказу. Во всякомъ случаѣ, берлинскій кабинетъ вполнѣ конфиденціально сообщилъ намъ текстъ четырехъ пунктовъ, а также и ноты, которыми западныя державы и Австрія взаимно обязались не вести переговоровъ о мирѣ на другихъ основахъ. Гр. Буоль установилъ въ своей нотѣ довольно знаменательную предосторожность: онъ оставилъ за собою свободу опредѣлить послѣдующія условія Австріи при заключеніи мира, если она приметъ участіе въ войнѣ.

Прусскій король отказался присоединиться къ четыремъ пунктамъ, какъ къ обязательнымъ, ограничившись тѣмъ, что онъ соѣтствовалъ намъ принять ихъ, если, по нашему мнѣнію, они могли открыть путь къ мирнымъ переговорамъ. Этотъ отказъ только обострилъ отношенія между обоими нѣмецкими дворами, и безъ того уже крайне натянутыя, послѣ коренного разногласія ихъ мнѣній относительно пониманія договора 20-го апрѣля.

Берлинскій кабинетъ справедливо упрекалъ вѣнскій за то, что послѣдній безпрестанно расширялъ предѣлы своихъ обязательствъ съ Западомъ и усиливался увлечь Германію на такой путь, конечный исходъ котораго даже нельзя были предвидѣть. Съ своей стороны, онъ отказывался слѣдовать за Австріей на этой почвѣ и, чтобы рѣзче обозначить свое положеніе, далъ приказъ о вооруженіи прусскихъ крѣпостей на берегахъ Балтійскаго моря. Графъ Буоль давалъ понять, что Пруссія, уже отказавшаяся принять участіе въ вѣнской конференціи для разсмотрѣнія нашихъ предложеній, будетъ исключена изъ состава европейскихъ державъ, если она будетъ также упорно отказываться присоединиться къ нотамъ, какими обмѣнялись державы по поводу четырехъ пунктовъ.

Разногласія между обѣими нѣмецкими державами въ печати и передъ Сеймомъ принимали характеръ крайняго раздраженія. Онѣ состояли въ слѣдующемъ: прусскій король оцѣнилъ по справедливости наши уклончивые отвѣты на сообщенія, посредствомъ которыхъ вѣнскій кабинетъ довелъ до нашего свѣденія четыре основы мира. Его величество, оставаясь на почвѣ нѣмецкихъ интересовъ, признавалъ вполнѣ удовлетворительными заявленія нами намѣренія удерживаться у себя въ оборонительномъ положеніи и не нападать на Австрію. Онъ считалъ, что вѣнскій кабинетъ, занимая Княжества, долженъ былъ, ради справедливости,

не допускать наступленія турокъ и ихъ союзниковъ на нашу территорию, не допуская въ то же время для насъ какого-либо нападенія на Турцію черезъ Княжества. Онъ утверждалъ, наконецъ, что если будетъ дозволено напасть на Россію съ этой стороны, ей нельзя запретить преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что въ подобномъ случаѣ оно имѣло бы мѣсто не на австрійской территории, а въ предѣлахъ Княжествъ. Съ своей стороны, гр. Буоль намѣревался добиваться отъ Германскаго Союза: 1) принятія четырехъ пунктовъ, какъ естественно вытекающихъ изъ протокола 9-го апрѣля; 2) примѣненія, въ силу того, гарантіи договора 20-го апрѣля къ новымъ обязательствамъ, какія онъ заключилъ по отношенію къ четыремъ пунктамъ, и 3) естественнаго распространенія этой гарантіи на положеніе, занятое имъ въ Княжествахъ. Другими словами, еслибы произошло столкновеніе между нашими и австрійскими войсками, вслѣдствіе нападенія турокъ или ихъ союзниковъ, что заставило бы насъ обратно перейти за Прутъ, въ подобномъ случаѣ Германія была бы обязана доставить вѣнскому кабинету помощь, выговоренную договоромъ 20-го апрѣля.

Въ эти обсужденія берлинскій кабинетъ не всегда вносилъ одинаковую степень энергіи. Твердость стоила ему большихъ усилій, за которыми слѣдовали проявленія слабости. Такъ, онъ позволилъ отправить депешу къ своему представителю въ Петербургъ, сообщенную также въ Лондонъ и въ Парижъ, въ которой отвергалась всякая солидарность съ нашимъ отказомъ отъ четырехъ пунктовъ и было заявлено, что, не считая ихъ за исключительную основу мира и не принимая по этому поводу никакихъ новыхъ обязательствъ, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ готовъ оказать имъ свою нравственную поддержку и обсудить ихъ въ конференціи.

На упреки нашего министра баронъ Мантейфель отвѣтилъ, что эта депеша стоила ему самыхъ горячихъ пререканій съ лордомъ Кларендономъ, который находилъ его положеніе слишкомъ благоприятнымъ для Россіи, вслѣдствіе его неопредѣленности. Баронъ Будбергъ усиливался поддержать прусское правительство въ проявленіяхъ его слабости. Онъ доказывалъ, что, въ концѣ концовъ, отъ него требовали въ Лондонѣ, чтобы оно поддерживало великобританскіе интересы и страсти прусскимъ оружіемъ. Чѣмъ затрогивала Россія нѣмецкіе интересы въ этомъ кризисѣ? Развѣ интересы, которые Австрія такъ шумно указывала въ Княжествахъ, не очутились бы въ болѣе серьезной опасности съ того дня, когда западнымъ державамъ удалось бы устранить на этой почвѣ противовѣсъ нашего вліянія? Безъ сомнѣнія, нѣмецкая торговля на

Дунай и въ Черномъ морѣ ничего бы не выиграла, еслибы была предоставлена конкуренціи съ Англіей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Будбергъ пытался доказать прусскому правительству необходимость поднять духъ второстепенныхъ государствъ Союза болѣе рѣшительнымъ положеніемъ. Недостатокъ согласія между Пруссіей и Австріей дѣйствовалъ весьма тревожно на эти государства. Онѣ начинали выказывать волненіе, которое озабочивало барона Мантейфеля. Если въ подобномъ положеніи берлинскій кабинетъ не водрузить твердой рукой знамени, около котораго могла бы собраться Германія, можно было предвидѣть, что страхъ понудить второстепенныя государства броситься окончательно въ объятія Австріи.

Такія настоянія повели къ обмѣну циркуляровъ, въ которыхъ обозначился антагонизмъ обѣихъ великихъ германскихъ державъ. Берлинскій кабинетъ, сожалья, что Россія не приняла четырехъ пунктовъ за основу переговоровъ о мирѣ, признавалъ, что наше положеніе, которому предстояло имѣть чисто оборонительный характеръ, устраняло всякую опасность нападенія съ нашей стороны на Австрію. Слѣдовательно, онъ признавалъ, что цѣль добавочной статьи договора 20-го апрѣля должна была считаться вполне достигнутой. Что касается четырехъ пунктовъ, онъ не могъ ясно опредѣлить, въ какихъ предѣлахъ они могли удовлетворить нѣмецкіе интересы. Еслибы эти основы были приняты съ обѣихъ сторонъ, какъ обязательныя, и сопровождались бы перемиріемъ, онѣ, безъ сомнѣнія, могли повести къ миру; но дѣло стояло иначе. Коллективный протекторатъ надъ Княжествами могъ принять неблагоприятный характеръ для нѣмецкихъ интересовъ, и еслибы вступленіе австрійскихъ войскъ въ эти области охраняло союзныя интересы, эти послѣдніе могли бы пострадать отъ одновременнаго вступленія турецкихъ и, быть можетъ, другихъ иностранныхъ войскъ.

Въ виду того король не могъ принять на себя указать своимъ союзникамъ на четыре пункта, какъ на исходную точку новыхъ обязательствъ, которыя не вытекали бы изъ общепризнанныхъ нѣмецкихъ интересовъ. Онъ надѣялся, что умѣренность и справедливость императора Франца-Иосифа понудятъ его дать гарантію въ томъ, что Австрія, успокоенная заявленіями Россіи, относительно какого бы то ни было нападенія на нее, воздержится, съ своей стороны, отъ всякаго рода наступательныхъ дѣйствій и, такимъ образомъ, устранить затрудненія, къ которымъ договоръ 20-го апрѣля не могъ бы быть примѣненъ, такъ какъ необхо-

димость этого примѣненія не оправдывалась бы охраненіемъ нѣмецкихъ интересовъ.

Циркуляры вѣнскаго кабинета были еще знаменательнѣе. Наступилъ моментъ, когда гр. Буоль могъ сбросить маску умѣренности, которой до тѣхъ поръ онъ прикрывалъ свои дѣйствія. Силы союзниковъ начинали собираться на турецкой территоріи; сосредоточенныя въ Варшѣ, онѣ уже могли поддержать австрійскія войска. Вслѣдствіе того тонъ вѣнскаго кабинета въ циркулярѣ отъ 30-го сентября, который произвелъ сильное впечатлѣніе въ Германіи, былъ крайне высокоумѣренъ. Вопросы были поставлены тамъ весьма категорически; присоединеніе Германіи къ четыремъ пунктамъ требовалось въ повелительной формѣ; оно должно было служить выраженіемъ одобренія, котораго Австрія надменно испрашивала для всѣхъ своихъ политическихъ дѣйствій. Въ то же время она рѣшительно отвергала всякое притязаніе помѣшать наступательнымъ дѣйствіямъ союзниковъ противъ нашей территоріи и категорически поддерживала обязательства, вытекавшія для Германіи изъ договора 20-го апрѣля въ томъ случаѣ, еслибы ея войска пришли въ столкновеніе съ нашими. Но такъ какъ она не добилась согласія Пруссіи на общее предложеніе въ Сеймѣ съ цѣлью принятія четырехъ пунктовъ, она предоставляла себѣ или обойтись безъ помощи Пруссіи и внести самой это предложеніе или дожидаться, чтобы Сеймъ счелъ умѣстнымъ возобновить самостоятельное обсужденіе великихъ вопросовъ, столь глубоко волновавшихъ Европу.

Берлинскій кабинетъ отвѣтилъ на этотъ документъ новымъ циркуляромъ, весьма живымъ и опредѣленнымъ, но слишкомъ обширнымъ для того, чтобы мы могли разобрать его здѣсь.

Относительное положеніе обѣихъ великихъ державъ, такимъ образомъ, было ясно обозначено. Кромѣ того, прусскій король еще яснѣе опредѣлилъ свое положеніе заявленіями нашему представителю. На запросъ о томъ, что бы онъ сдѣлалъ, еслибы мы были вынуждены преслѣдовать нашихъ враговъ за предѣлами нашей территоріи и оказались лицомъ къ лицу съ австрійцами, король отвѣтилъ, что онъ твердо надѣется на то, что нашъ главнокомандующій постарается избѣжать возможности такого столкновенія, что австрійскіе генералы имѣютъ положительныя приказанія въ этомъ смыслѣ и что они могли бы согласиться съ нашими для урегулированія движенія подчиненныхъ имъ войскъ. Но онъ прибавилъ, что еслибы, вслѣдствіе нападенія союзниковъ, наша армія стала преслѣдовать непріятеля въ Княжествахъ, Пруссія не приняла бы на себя солидарности въ столкновеніяхъ,

какія могли бы произойти между нами и австрійцами на не-германской территоріи, слѣдовательно внѣ предѣловъ договора 20-го апрѣля.

Не слѣдуетъ забывать, что приводимыя обсужденія не имѣли только теоретическій характеръ и не относились лишь къ возможнымъ случайностямъ. Факты придавали имъ значеніе крайней настоятельности.

Это былъ моментъ, когда армія Омера-паши получила приказаніе предпринять наступательное движеніе къ нашимъ границамъ. Такое движеніе имѣло для союзниковъ двойной интересъ: во-первыхъ, полезной диверсіи для ихъ предположенныхъ дѣйствій въ Крыму и, во-вторыхъ, вѣроятнаго столкновения между австрійцами и нами. Вслѣдствіе того графъ Буоль чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи и сознавалъ всю неловкость того рискованнаго положенія, которое онъ старался укрѣпить гарантіей Германіи. Прусскій циркуляръ возбудилъ величайшее негодованіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Англійскій кабинетъ выказалъ особенную рѣзкость тона. Но она произвела хорошее впечатлѣніе въ Германіи, гдѣ общественное чувство было возмущено противъ Австріи, когда стали извѣстными официальные поздравленія, отправленныя вѣнскимъ кабинетомъ въ Парижъ по случаю успѣховъ союзниковъ въ Крыму.

Вюртембергскій король послалъ принца Фридриха въ Берлинъ съ секретнымъ порученіемъ заявить, что политика Австріи видимо увлекаетъ Германію въ опасное осложненіе безъ исхода и безъ пользы для нея, и поддержать Пруссію въ дальнѣйшемъ намѣреніи сохранить нейтралитетъ, единственно удобный для Германіи.

Съ обѣихъ сторонъ существовало недовѣріе. Принцъ Фридрихъ требовалъ отъ короля опредѣлить, какую матеріальную помощь онъ можетъ предложить Германіи. Въ свою очередь, король высказывалъ готовность стать во главѣ Союза, но съ условіемъ, чтобы вооруженія на югѣ Германіи были дѣйствительными, а не фактивными. Тѣмъ не менѣе, отсюда выяснялось непріязненное отношеніе къ австрійской политикѣ, которая вездѣ строго осуждалась.

Императорскій кабинетъ старался развить эти зачатки, представляя наглядныя доказательства умѣренности рядомъ съ враждебнымъ коварствомъ австрійскаго правительства. Онъ давалъ понять въ Берлинѣ, что нашъ отказъ отъ четырехъ пунктовъ зависѣлъ болѣе отъ оскорбительной формы, въ какой они были представлены намъ, отъ неясности ихъ редакціи, оставлявшей просторъ для самыхъ опасныхъ толкованій, тѣмъ болѣе, что союзники

вмѣсто того, чтобы заявить объ обязательности ихъ для себя, какъ окончательныхъ условій мира, оставляли за собою право безконечно измѣнять ихъ, смотря по случайностямъ войны. Но мы были готовы развить примирительныя начала, насколько онѣ заключались въ нихъ, и желали только, чтобы точнѣе былъ опредѣленъ ихъ смыслъ. Въ нашихъ интересахъ было приподнять завѣсу, за которою скрывались окончательныя намѣренія нашихъ противниковъ.

Такія предложенія высоко цѣнились прусскимъ кабинетомъ, который взялъ на себя дать имъ дальнѣйшій ходъ, обратившись съ запросами въ Вѣну. Но всѣ эти усилія примиренія и сближенія опять были парализованы интригами Австріи и слабостью Германіи. Гр. Буоль дѣятельно заботился о томъ, чтобы отвлечь второстепенныя государства отъ неопредѣленной политики Пруссіи. Онъ упрекалъ послѣднюю за то, что она потворствовала неприязненнымъ намѣреніямъ Россіи своимъ сомнительнымъ образомъ дѣйствій, позволявшимъ намъ сосредоточивать наши военныя силы противъ Австріи. Онъ отказывался принять на себя обязательство не нападать на насъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы до тѣхъ поръ не высказали такого же намѣренія въ обязательной формѣ. Очищеніе нами Княжествъ, какъ стратегическое и произвольное движеніе, не могло служить гарантіей. Въ каждую минуту мы могли вернуться въ Княжества, перейдя въ наступленіе. Графъ Буоль настоятельно требовалъ, чтобы Сеймъ гарантировалъ положеніе Австріи въ Княжествахъ и присоединился къ четыремъ пунктамъ или, по крайней мѣрѣ, къ двумъ, прямо касавшимся интересовъ Германіи, т.-е. коллективному протекторату надъ Княжествами и судоходству по Дунаю.

Прежде всѣхъ изъ четырехъ королевствъ поколебалась Саксонія. Она извѣстила берлинскій кабинетъ, что ею было изъявлено согласіе отложить обсужденіе австрійскихъ предложеній въ Сеймѣ, въ надеждѣ, что между двумя великими нѣмецкими державами установится соглашеніе; но такъ какъ этого соглашенія не послѣдовало, она сочтетъ своей обязанностью стать на сторону Австріи. Ганноверъ давно уже былъ подъ вліяніемъ вѣнскаго кабинета.

Вопросъ не былъ еще рѣшенъ относительно Баваріи. Фонтдеръ-Пфортенъ отправился въ Берлинъ. Онъ изложилъ королю и барону Мантейфелю критическое положеніе, въ какомъ оказалась бы Баварія въ случаѣ разрыва, который поставилъ бы ее между двухъ огней — Франціей, съ одной стороны, и Австріей, съ другой. Баварія никогда не была въ силахъ противиться

этому давленію; вся ея исторія указывала на необходимость присоединяться къ той или другой изъ названныхъ державъ, если онѣ вели войну между собой; ей еще труднѣе было противиться имъ, какъ скоро между ними существовалъ союзъ. Баварскій министръ вполнѣ признавалъ нашу правоту и нашу умѣренность, но онъ признавалъ также безсиліе своего правительства принести намъ пользу. Внутри страны партіи были противъ него. Вся либеральная партія непріязненно относилась къ намъ и требовала союза съ Австріей и съ Западомъ. Консервативная же партія управлялась ультра-католиками. Въ виду того, фонъ-деръ-Пфортенъ не скрывалъ необходимости для короля поддерживать намѣренія Австріи. У него не было никакого враждебнаго настроенія ни къ послѣдней, ни къ Россіи. Даже подчиняясь давленію вѣнскаго кабинета, онъ надѣялся способствовать миру. „Пока Австрія, — говорилъ онъ, — будетъ думать, что она выиграетъ больше угрожающимъ положеніемъ, она не захочетъ лишиться себя шансовъ войны. Ей нужно предложить удовлетворительныя условія мира и окончательно связать ее съ ними для того, чтобы воспрепятствовать новымъ ея обязательствамъ съ Западомъ“.

Такимъ образомъ, и баварское правительство обольщало себя иллюзіями, которыя обманули Пруссію, а именно — надеждой оставить гр. Буоли, удовлетворивъ его требованія. Нашъ представитель напрасно пытался доказать фонъ-деръ-Пфортену, что до сихъ поръ всѣ уступки, какія мы дѣлали послѣдовательно вѣнскому кабинету, служили лишь точкой отправленія для новыхъ требованій.

Очевидно было, что эти надежды оказать давленіе на австрийскую политику для того, чтобы овладѣть ею, были лишь ширмами, за которыми скрывалось настоящее безсиліе. Планъ баварскаго правительства состоялъ въ слѣдующемъ: создать соглашеніе между Пруссіей и Австріей на почвѣ союзной гарантіи, распространяемой и на положеніе этой послѣдней въ Княжествахъ. Послѣ нашихъ положительныхъ увѣреній не нападать на Австрію, надѣялись, что такая гарантія не вовлечетъ Германію въ войну противъ насъ. Въ то же время хотѣли окончательно связать Австрію съ четырьмя пунктами, принявъ ихъ въ Сеймѣ или, по крайней мѣрѣ, признавъ тѣ изъ нихъ, которые особенно затрогивали интересы Австріи и Германіи, но уже въ качествѣ окончательныхъ основъ мира, такъ, чтобы вѣнскій кабинетъ, обязавшись ничего не требовать отъ насъ, отказался отъ всякой возможности разрыва съ нами и отъ всякихъ послѣдующихъ обязательствъ съ нами. Такія надежды основывались болѣе всего на

личныхъ чувствахъ императора Франца-Иосифа. Гр. Буоль былъ предметомъ общаго порицанія. Всѣ отказывались отъ попытокъ добиться отъ него чего бы то ни было. Но предполагалось, что, дѣйствуя непосредственно на императора, который до того времени упорно смотрѣлъ на все глазами своего министра, возможно придти къ лучшему и болѣе опредѣленному положенію.

Эти предложенія подвергали тяжелому испытанію уже столь потрясенную твердость Пруссіи. Какъ скоро ее покидали союзники, ея положеніе становилось критическимъ. Къ тому еще надо прибавить все болѣе и болѣе обострившійся тонъ Франціи и Англіи, открыто угрожавшихъ прусской торговлѣ.

Баронъ Будбергъ, излагая намъ такое положеніе дѣлъ, приходилъ къ заключенію, что въ нашихъ интересахъ было не отвергать безусловно основы соглашенія, какія предлагали намъ, какъ бы онѣ ни были для насъ невыгодны, для того, чтобы не дать всей Германіи попасть въ руки нашихъ враговъ. Онъ совѣтовалъ намъ, по крайней мѣрѣ, согласиться на обсужденіе. На самомъ дѣлѣ, признавая, что четыре условія мира должны быть неизмѣнчивыми, а опредѣленными и окончательными, германскія государства признавали также, что редакція ихъ допускала множество толкованій. Слѣдовательно, вступивъ въ обсужденіе, мы имѣли возможность выиграть время, предупредить всякое рѣшительное движеніе Германіи противъ насъ и понудить Австрію, а быть можетъ, и Западъ раскрыть, наконецъ, ихъ дѣйствительныя намѣренія въ преслѣдованіи войны, начатой противъ насъ.

Безъ сомнѣнія, намъ обѣщали поддержку Германіи относительно упомянутыхъ толкованій; отсюда должны были произойти или шансы мира, еслибы онѣ могли быть приняты, или, еслибы онѣ были преувеличены,—окончательное отложеніе Германіи отъ австрійской и западной политики.

Эти переговоры поглощали вниманіе всего Германскаго Союза. Во мнѣніяхъ его существовали довольно рѣзкіе оттѣнки. Вюртембергъ и оба мекленбургскія герцогства довольно твердо стояли за насъ. Баварія управлялась страхомъ; курфюршество гессенское не высказывалось; Саксонія выказывала нѣсколько болѣе независимости. Вотъ что Бейстъ говорилъ нашему представителю: „Если вы откажетесь отъ предложенныхъ вамъ основъ послѣ того, какъ Австрія дастъ требуемыя отъ нея гарантіи, вы рискуете войною съ нею; какихъ бы успѣховъ вамъ ни удалось достигнуть, вы ввергнете всю Европу въ катаклизмъ, вызывать который вовсе не въ вашихъ интересахъ. Пруссія, вѣроятно, заявитъ, что, при-

нимая четыре основы, она не считает себя обязанной защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Быть можетъ, она не обяжется защищать и австрійскія войска въ Княжествахъ, если они нападутъ на васъ. Но во всякомъ случаѣ она не позволитъ вамъ перейти чрезъ австрійскія границы. Такимъ образомъ ваши дѣйствія будутъ стѣснены, и вы очутитесь въ необходимости или допустить Австрію взять перевѣсъ, или видѣть противъ себя европейскую коалицію. Если, напротивъ, вы примете четыре пункта, тогда—забудьте это—отъ васъ не потребуютъ разъясненія ихъ, но только обсужденія на этомъ основаніи, общемъ для васъ и для Австріи. Ваша война съ Западомъ будетъ продолжаться. Въ тотъ моментъ, когда вы будете имѣть успѣхъ, вы дайте четыремъ пунктамъ такое толкованіе, какое будетъ для васъ выгодно“.

Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ, чтобы указать, въ какомъ видѣ представлялось положеніе, подлежащее разсмотрѣнію императорскаго кабинета.

Было несомнѣннымъ фактомъ, что въ Сеймѣ большинство было на сторонѣ австрійскихъ предложеній. Слѣдовательно, Пруссіи предстоялъ выборъ: или отдѣлиться отъ большинства и вызвать разединеніе въ Германіи, или подчиниться давленію Австріи. Она естественно должна была предпочесть прямое соглашеніе съ нею, которое, вынуждая ее къ уступкамъ, все-таки давало ей надежду получить другія взаимныя ихъ и, по крайней мѣрѣ, видимо отстоять независимость своей политики. Мы не будемъ приводить здѣсь колебанія короля между его добрыми намѣреніями и требованіями ложнаго положенія.

Фонъ-деръ-Пфортенъ былъ приглашенъ императоромъ Францомъ-Иосифомъ въ Вѣну. Мы уже изложили переговоры, проводникомъ которыхъ онъ былъ. Австрійскій императоръ лично выражалъ самыя лучшія намѣренія. Онъ заявлялъ, что, обѣщая западнымъ державамъ признавать четыре пункта единственной основой переговоровъ съ Россіей, онъ не можетъ освободить себя отъ этого обязательства, но изъ предѣловъ его онъ не выйдетъ; что, если Россія согласится на то, Австрія будетъ совершенно въ сторонѣ отъ Запада, что она нисколько не думала навязывать намъ напередъ какое-либо толкованіе и удовольствуется присоединеніемъ къ этимъ основамъ, какъ исходной точкѣ переговоровъ о мирѣ.

Переговоры, вращавшіеся около этихъ различныхъ заявленій, отличались чрезвычайною оживленностью. Вся Германія чувствовала, что для нея шель вопросъ о существованіи или, во всякомъ случаѣ, о весьма рѣшительномъ шагѣ. Если принять во вниманіе

слабость, обнаруженную Пруссіей и ея союзниками съ самаго начала, происшедшія отъ того ложное положеніе и опасенія, осаждавшія ихъ со всѣхъ сторонъ, нельзя не признать, что ихъ желанія и ихъ иллюзіи, относительно мирнаго соглашенія, включая туда же и Австрію, были искренни.

Императоръ Николай принялъ это въ соображеніе и рѣшился уступить доходившимъ до него со всѣхъ сторонъ настоятельнымъ желаніямъ о присоединеніи его къ четыремъ пунктамъ. Но это присоединеніе императорскій кабинетъ обставилъ всякими предосторожностями, которыя могли придать ему болѣе точный характеръ. Это была новая жертва, какую мы приносили нѣмецкимъ интересамъ. Германія боялась или разрыва съ нами, или внутренняго распаденія; она полагала найти въ нашемъ присоединеніи къ четыремъ пунктамъ средство противъ этой двойной опасности. Вслѣдствіе того императоръ Николай рѣшался пропустить все, что эти условія заключали въ себѣ неопредѣленнаго и могли представить оскорбительнаго для насъ, для того, чтобы способствовать поддержанію союзнаго единства и добрыхъ отношеній Германіи съ нами. Поэтому онъ былъ въ правѣ надѣяться, что прусскій король и его союзники сочтутъ, съ своей стороны, долгомъ чести не позволять злоупотреблять нашей довѣрчивостью, съ какою мы шли на соглашеніе, выраженія котораго были такъ неточно опредѣлены, заставить уважать условія, которыя одни могли сдѣлать это соглашеніе способнымъ повести къ миру, и добиться особаго увѣренія отъ Австріи, что она не выйдетъ изъ предѣловъ четырехъ пунктовъ и откажется отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ насъ.

Эти предложенія были, какъ всегда, какъ нельзя лучше приняты прусскимъ королемъ, который взялъ на себя поддержать ихъ въ Вѣнѣ самымъ настоятельнымъ образомъ. Весьма оживленная переписка послѣдовала между австрійскимъ и прусскимъ кабинетами; оба государя приняли въ ней личное участіе. Однако опытъ уже указалъ намъ на недостатокъ практическаго значенія добрыхъ намѣреній Пруссіи. Вслѣдствіе того нашъ представитель получилъ приказаніе сообщить берлинскому кабинету лишь на словахъ о возможности нашего присоединенія къ четыремъ пунктамъ, о которомъ говорилось въ депешѣ императорскаго кабинета. Онъ долженъ былъ обусловить его гарантіями, какихъ мы требовали отъ Германіи и Австріи, для того, чтобы наши уступки, подобно предыдущимъ, не привели только къ новымъ требованіямъ, невыгоднымъ для насъ. Такимъ образомъ, присоединеніе было лишь условное.

Однако, настоянія Пруссіи въ Вѣнѣ встрѣчали непобѣдимое сопротивленіе гр. Буоля. Обязанный выяснитъ на практикѣ настроенія своего государя, онъ всегда умѣлъ ихъ искажать, проводя ихъ чрезъ сѣть своихъ дипломатическихъ тонкостей. Онъ отказался принять формальное обязательство не нападать на насъ. Такое обязательство казалось ему слишкомъ большою нелюбовію по отношенію къ Западу. Хотя фонъ-деръ Пфортенъ вывезъ изъ Вѣны убѣжденіе, что Австрія не была связана съ нашими противниками за предѣлами четырехъ пунктовъ, но у нея были, очевидно, нравственные обязательства, заключенныя словесно, распространеніе которыхъ было неизвѣстно. Послѣдующія событія подтвердили это предположеніе. Въ сущности, гр. Буоль неизмѣнно держался одного и того же пути съ самаго начала кризиса. Онъ увлекалъ Германію посредствомъ видимой умѣренности, соединенной съ угрозами, на случай отпаденія, на такую почву, гдѣ онъ находился самъ, будто-бы въ силу его обязательствъ съ Западомъ, заключенныхъ безъ вѣдома и противъ воли Германіи, но которыя онъ представлялъ какъ совершившіеся факты. Онъ тщательно скрывалъ всѣ опасныя мѣста этой почвы. На самомъ дѣлѣ, дѣло шло о томъ, чтобы добиться распространенія гарантіи Германіи на положеніе, занятое имъ въ Княжествахъ въ качествѣ передового поста нѣмецкихъ интересовъ, а также и принятіе ею четырехъ основъ мира, съ которыми Австрія была связана. Взамѣнъ того онъ увѣрялъ, что эти четыре основы были крайнимъ предѣломъ его требованій и обязательствъ съ Западомъ. Будучи удовлетворена, Австрія должна была остановиться и вступить въ нейтралитетъ, столь горячо желаемый Германіей.

Могла ли послѣдняя не попасться въ западню, за которую она видѣла конецъ всѣхъ своихъ тревогъ? Но за всѣмъ этимъ скрывались заднія мысли графа Буоля; онѣ заключались въ истолкованіи четырехъ пунктовъ, на которые этотъ министръ намѣренно набросилъ покровъ, необдуманно приподнятый французскимъ кабинетомъ. Указываемое сомнѣніе въ поразительной степени обнаруживается повсюду въ тогдашнихъ переговорахъ, хотя никто не хотѣлъ или не смѣлъ коснуться его; вѣнскій кабинетъ, разоблачивъ себя слишкомъ рано, опасается возмутить Германію, которую онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону; Пруссія боится освѣтить свои иллюзіи слишкомъ яркимъ свѣтомъ, который могъ бы разсѣять ихъ; мы, съ своей стороны, убѣдившись въ слабости Германіи, не хотѣли подвергать ея энергію слишкомъ сильному испытанію. На такой-то почвѣ, окутанной мракомъ, старались со-

здать обманчивое соглашеніе, единственнымъ достоинствомъ котораго было только то, что оно отдаляло неминуемый разрывъ.

Вѣнскій кабинетъ ограничился тѣмъ, что изложилъ обязательства, какихъ отъ него требовали, въ депешѣ къ своему представителю въ Берлинѣ и въ письмѣ императора Франца-Иосифа къ прусскому королю. Въ оправданіе себя онъ ссылаясь на то, что Россія, заявляя о своей готовности вести переговоры о мирѣ на основаніи четырехъ пунктовъ, не принимала формальнаго обязательства не уклоняться отъ нихъ. Берлинскій кабинетъ усиливался склонить насъ къ такому заявленію, которое, по его мнѣнію, было единственнымъ средствомъ принудить Австрію къ той политикѣ, какой отъ нея хотѣла Германія.

Нашъ представитель находилъ гарантіи, данныя Австріей, недостаточно точными для того, чтобы имѣть возможность сообщить въ Берлинѣ депешу, заключавшую въ себѣ принятіе нами четырехъ пунктовъ. Однако, по приказанію, полученному по телеграфу изъ Петербурга, онъ сдѣлалъ это сообщеніе. Оно произвело очень сильное впечатлѣніе. Король и его приближенные выражали живѣйшую признательность за такое рѣшеніе, которое, исходя изъ нашего уваженія къ желаніямъ Германіи, возвращало послѣдней свободу дѣйствій, скрѣпляло ея добрыя отношенія къ намъ и позволяло ей сплотиться крѣпко, что давало ей возможность противиться давленію Запада. Было условлено, что не намъ слѣдовало дѣлать прямой шагъ въ Вѣнѣ. Король бралъ это на себя. Онъ долженъ былъ одновременно послать сообщенія въ Лондонъ и въ Парижъ для того, чтобы предложить морскимъ державамъ принять, съ своей стороны, основы соглашенія, которыя только-что были приняты нами, указывая на согласіе Германіи и давая предчувствовать вѣроятность соглашенія съ нами.

Принятіе нами четырехъ пунктовъ, въ качествѣ надежды на миръ, привѣтствовалось не въ одномъ только Берлинѣ. Вся Германія раздѣляла то же впечатлѣніе и признавала выгоды положенія, какое мы создали ей. Подобное единодушіе, повидимому, оказало даже вліяніе на настроеніе вѣнскаго кабинета. Въ первый разъ гр. Буоль высказывалъ увѣренность, что если начнутся переговоры съ Россіей на этихъ основахъ, Австрія постарается устранить всякую возможность въ столкновеніи между ея войсками и нашими, даже въ случаѣ нападенія турокъ на нашу территорію. Онъ отказывался отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ притязаній передъ Сеймомъ, между прочимъ, отъ требованія признанія принципа, что спокойствіе австрійской монархіи находилось въ опасности.

Мы заявляли, что не нападемъ на нее; прусскій король пред-

лагаль принять на себя въ томъ личную гарантію передъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Всякое опасеніе по этому поводу должно было исчезнуть, предполагая, что оно было искреннее. Принятіе нами четырехъ пунктовъ придавало также иное значеніе присоединенію, какого требовали отъ Сейма. Оно могло вести только къ указанію не нашей розни, а нашего согласія съ Германіей на основахъ мирнаго рѣшенія, и это должно было служить предостереженіемъ для Запада.

Однако въ тотъ моментъ положеніе Пруссіи, повидимому, настолько окрѣпло, что берлинскій кабинетъ рѣшился подписать добавочную статью договора 20-го апрѣля, которою Австрія достигала постоянной цѣли своихъ усилій, т.-е. гарантіи ея положенія въ Княжествахъ. Баронъ Будбергъ живѣйшимъ образомъ протестовалъ противъ этой новой уступки, сдѣланной прежде, чѣмъ вѣнскій кабинетъ далъ какія-либо гарантіи изъ тѣхъ, которыхъ требовали отъ него. Это было страннымъ отвѣтомъ на такое явное доказательство полнаго довѣрія, какое императоръ Николай далъ своему августѣйшему зятю, уступивъ его желаніямъ. Берлинскій кабинетъ возражалъ, что король полагалъ принести намъ пользу, понуждая австрійское правительство выйти изъ ложнаго круга политики гр. Буоля. Западныя державы усиливались все болѣе и болѣе вернуть къ себѣ Австрію и отдѣлить ее отъ Пруссіи, но Австрія колебалась, и король хотѣлъ доставить ей возможность измѣнить свою политику, еслибы она дѣйствительно этого хотѣла. Его величество былъ убѣжденъ, что въ томъ случаѣ, когда австрійскія войска подверглись бы нападенію въ Княжествахъ, Германія не могла бы не оказать имъ помощи. Такая случайность устранялась нашими увѣреніями; слѣдовательно, Пруссія могла дать безъ опасенія требуемую гарантію. Но для нея было важно, чтобы эта гарантія не выводилась изъ договора 20-го апрѣля, для того, чтобы оставить за собой свободу истолкованія этого акта. Кромѣ того, положеніе Австріи въ Княжествахъ пріобрѣтало такимъ образомъ строго оборонительный характеръ, какъ скоро случай нападенія съ ея стороны былъ исключенъ изъ гарантіи. Наконецъ, такъ какъ дополнительная статья ставила цѣлью соглашенія между двумя державами принятіе четырехъ пунктовъ для воюющихъ сторонъ и Россія уже приняла ихъ, то для Австріи являлась естественная обязанность добиваться принятія ихъ морскими державами. Таковы были тонкости, въ которыхъ путалась прусская политика въ столь рѣшительный моментъ.

Намѣренія короля, разумѣется, не могутъ быть подвержены сомнѣнію. Но несомнѣнно также, что его рѣшеніе уничтожило

разомъ дѣйствіе, оказанное настойчивымъ и единодушнымъ положеніемъ Германіи на вѣнскій кабинетъ, заставивъ его подумать о возможныхъ послѣдствіяхъ его политики. Оно должно было отразиться и на довѣріи второстепенныхъ государствъ къ твердости Пруссіи, и съ того времени гр. Буоль могъ укрѣпиться въ убѣжденіи, служившемъ неизмѣннымъ правиломъ его политики, а именно, что, каковы бы ни были его требованія, берлинскій кабинетъ, въ концѣ концовъ, уступить имъ, если они будутъ упорны. Событія вскорѣ оправдали его предвидѣнія.

Еще чернила, которыми была написана дополнительная статья, не успѣли высохнуть, какъ гр. Буоль представилъ въ Берлинъ новыя обязательства съ Западомъ. Въ нихъ было установлено, что если миръ не будетъ подписанъ до окончанія года, три державы поставятъ новыя предложенія, однако съ условіемъ предварительнаго соглашенія. Это уже былъ путь къ договору 2-го декабря.

Добавочная статья была подписана 26-го ноября. Шести дней достаточно было для вѣнскаго кабинета, чтобы совершить это коварное дѣло, давно уже задуманное, въ тотъ моментъ, когда онъ велъ съ нами переговоры о принятіи установленныхъ основъ и когда, дополнительною статьею, онъ старался успокоить Германію относительно своихъ намѣреній. Впрочемъ это былъ все тотъ же пріемъ. Гр. Буоль писалъ въ Берлинъ, что, „убѣдившись въ невозможности добиться отъ западныхъ державъ обязательства не выходить изъ предѣловъ четырехъ пунктовъ, если Австрія, съ своей стороны, не приметъ дальнѣйшихъ обязательствъ передъ ними, онъ долженъ былъ войти въ переговоры по этому предмету даже до принятія нами четырехъ пунктовъ. Онъ льстил себя надеждой, что пріобрѣлъ тѣмъ такое вліяніе на рѣшенія обѣихъ державъ, какое могло дать верхъ совѣтамъ умѣренности и принести пользу интересамъ Россіи“. Такимъ живымъ аргументомъ удалось исторгнуть согласіе императора Франца-Иосифа.

Однако извѣстія изъ Парижа и Лондона разрушали все это сплетеніе лжи. Онѣ указывали, что западныя державы были весьма обрадованы договоромъ 2-го декабря, что онѣ условились продолжать войну, несмотря на переговоры, даже еслибы послѣдніе происходили на основахъ принятаго ими толкованія.

Пруссійскій король былъ ошеломленъ. Однако онъ велѣлъ сказать нашему представителю, что „измѣна Австріи ни въ чемъ не можетъ измѣнить положенія Пруссіи, которая останется на той почвѣ, на какой она стала, вслѣдствіе принятія нами чети-

рехъ основъ". Такое намѣреніе было совершенно правильно, но прошлое не давало права вѣрить въ его твердость.

Положенію Пруссіи предстояло сдѣлаться какъ нельзя болѣе ложнымъ. Безъ сомнѣнія, и Австрія, и западныя державы дѣлали всѣ возможныя усилія, чтобы привести ее хотя бы къ подобію союза. Въ силахъ ли она была воспротивиться новому давленію? Могла ли она рассчитывать на содѣйствіе Германіи? Въ этомъ позволительно было сомнѣваться. Уже Бейстъ, первый высказавшійся крайне рѣзко по поводу договора 2-го декабря, сказалъ прусскому министру: „Если всѣ бросаются вслѣдъ за Австріей, то и мы должны сдѣлать то же самое, чтобы не быть опрокинутыми и растоптанными“. Печальная картина нѣмецкой политики!

Въ данную минуту существенно важно было помѣшать Пруссіи присоединиться къ соглашенію 2-го декабря. Мантейфель ограничился жалобой въ Вѣнѣ на то, что его не предупредили о заключеніи этого договора, и заявленіемъ, что Пруссія не выскажется до тѣхъ поръ, пока ей не будутъ извѣстны мѣры, предпринимаемыя западными державами. Король, съ своей стороны, былъ въ величайшей досадѣ на образъ дѣйствій Австріи, который, независимо отъ политическаго значенія вопроса, наносилъ жестокий ударъ прусскому національному самолюбію. Военныя лица, стоявшія близко къ его величеству, поддерживали его въ такомъ впечатлѣніи, доказывали, что Франція, отвлеченная Крымомъ, куда были посланы ея избранныя войска, не представляла опасности и что, кромѣ того, ея расположенія нельзя было купить уступками. Вся армія была какъ нельзя лучше настроена въ нашу пользу и громко высказывалась противъ всякаго союза съ Австріей и съ Западомъ, который былъ бы пятномъ для чести Пруссіи. Лишь одна либеральная партія во второй палатѣ обнаруживала расположеніе къ подобной комбинаціи изъ пристрастія къ Англіи, но правительство справилось съ этой анти-патріотической оппозиціей.

Насколько можно было довѣряться колеблющимся рѣшеніямъ берлинскаго кабинета, все указывало, повидимому, на полный поворотъ въ его политикѣ въ сторону положенія болѣе рѣзкаго противъ нашихъ враговъ и болѣе рѣшительнаго въ нашу пользу.

Требованіе присоединиться къ договору 2-го декабря не замедлило придти къ нему отъ вѣнскаго кабинета и отъ западныхъ державъ. Требованіе французскаго правительства было отмѣчено особенной рѣзкостью. Де-Мустье воскликнулъ въ негодованіи, что „Франція предпочла бы видѣть Пруссію въ открытомъ союзѣ съ Россіей, потому что тогда всѣ положенія были бы ясны и театръ

войны вполне опредѣленъ“. Приглашеніе Австріи было холодно и сухо. Прусское правительство отвѣтило, что оно не можетъ присоединиться къ договору 2-го декабря прежде, чѣмъ оно узнаетъ, какое толкованіе дается четыремъ пунктамъ, составляющимъ основу его.

Такой отвѣтъ былъ совершенно правиленъ. Въ дѣйствительности, въ положеніи, создаваемомъ этимъ договоромъ, вопросъ мира или войны заключался въ значеніи четырехъ пунктовъ и, въ особенности, третьяго, говорившаго о пересмотрѣ трактата 1841 г. въ смыслѣ, соответствующемъ европейскому равновѣсію, и которому наши противники намѣренно придали угрожающую неопредѣленность. Слѣдовательно Пруссія и Германія имѣли полное основаніе уклоняться отъ обязательствъ, не зная, куда онѣ приведутъ ихъ.

Депеша французскаго кабинета, относительно третьяго пункта, дала возможность угадать его значеніе. Императоръ Наполеонъ и его представители даже и не старались ослабить его. По ихъ объясненію, дѣло шло о томъ, чтобы предупредить возвращеніе новыхъ кризисовъ на Востокѣ, и съ этою цѣлью говорилось о томъ, чтобы положить конецъ нашему преобладанію, потребовать уничтоженія Севастополя, открыть проливы англо-французскому флоту, заперевъ ихъ для насъ, и, наконецъ, создать постоянныя морскія учрежденія союзниковъ на турецкихъ берегахъ Чернаго моря.

Пруссійскій король давалъ самыя положительныя увѣренія, что онъ никогда не будетъ поддерживать никакой статьи, которая могла бы нарушить права или достоинство Россіи. Какъ ни успокоительны были такія увѣренія, нашъ представитель считъ нужнымъ подтвердить ихъ письменно, связавъ Пруссію, посредствомъ обмѣна нотъ, съ тѣмъ толкованіемъ, какое мы придавали сами четыремъ основамъ мира. Для этого онъ воспользовался неудовольствіемъ короля противъ новаго удара его самолюбію, нанесеннаго Австріей.

Въ Вѣнѣ было условлено, что предварительное соглашеніе относительно значенія четырехъ основъ должно быть установлено въ конференціи. Планъ западныхъ державъ былъ ясенъ. Отказаться отъ вступленія въ переговоры—значило раздражить общественное мнѣніе, стремившееся къ миру, и принять на себя отвѣтственность за войну. Поэтому лондонскій и парижскій кабинеты, противъ воли, согласились войти съ нами въ обсужденіе основъ мира, но они, тѣмъ не менѣе, рѣшались вести войну до послѣдней крайности. Сдѣланныя ими громадныя усилія и незна-

чительный успѣхъ, достигнутый ими, въ виду стойкаго сопротивленія нашей арміи, серьезно затрогивали ихъ военную честь. Они не могли оставаться подъ ударомъ такого нравственнаго пораженія. Маршалъ Канроберъ писалъ къ Буркенэ: „Говорять, что вы хотите собраться въ конференціи, но что бы вы ни дѣлали, мы драться не перестанемъ. Войско имѣетъ права и требованія, съ которыми надо считаться“.

Чтобы примирить эти требованія съ требованіями общественнаго мнѣнія, обѣ державы рѣшили, вступивъ въ переговоры, предложить такія крайнія условія, что мы должны будемъ отвергнуть ихъ и тѣмъ принять на себя отвѣтственность за войну. Мы видѣли, какъ этотъ планъ развивался въ вѣнской конференціи. Чтобы обезпечить его выполненіе и оставить пась въ средѣ этого собранія однихъ противъ нашихъ враговъ, западныя державы потребовали отъ гр. Буоля, чтобы Пруссія была оттуда исключена. Австрійскій министръ послушно подчинился такому требованію. Онъ объяснилъ, будто прежней вѣнской конференціи уже не существуетъ и въ новой конференціи право участія имѣютъ только воюющія стороны вмѣстѣ съ Австріей, ставшей съ ними на одинъ уровень договоромъ 2-го декабря. Берлинскому кабинету предлагалось войти туда, присоединившись сперва къ союзу трехъ державъ.

Невозможно было нанести Пруссіи болѣе тяжкаго оскорбленія. Улаживая безъ ея участія великіе европейскіе интересы, пересматривая безъ совѣщанія съ нею договоръ, который былъ подписанъ и ею, ее низводили со степени великой державы и превращали во второстепенное государство.

Графъ Буоль разоблачилъ, наконецъ, ненасытное честолюбіе, — таившееся въ глубинѣ его замысловъ, — поставить Австрію выше всѣхъ другихъ державъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Германіи. Его идея опиралась на союзъ съ Франціей; для императора Наполеона она только служила средствомъ, но Буркенэ поддерживалъ ее такъ искренно и такъ дѣлательно, что гр. Буоль находился въ полномъ заблужденіи относительно его политической основательности. Такой союзъ будто-бы давалъ Австріи возможность господствовать разомъ надъ Востокомъ и надъ католической Европой и позволялъ ей, опираясь на латинскія расы, имѣть верхъ надъ протестантизмомъ Сѣвера и славянскимъ православіемъ Востока и Юга. Такова была колоссальная мечта, созданная гр. Буолемъ и прельстившая воображеніе его юнаго государя. Чтобы осуществить ее, австрійскій императоръ съ рѣши-

мостью попирали ногами традиціонные принципы политики Австріи и ея обязанности какъ германской державы.

Легко понять впечатлѣніе, вызванное въ Берлинѣ этимъ новымъ оскорбленіемъ. Король немедленно отправилъ полковника Мантейфеля въ Вѣну, чтобы лично разъяснить такое серьезное положеніе. Его величество исходилъ изъ той мысли, что императоръ Францъ-Іосифъ, введенный въ заблужденіе своимъ министромъ, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какую роль его заставляли играть. Полковнику Мантейфелю было поручено показать ему эту роль въ настоящемъ свѣтѣ и попросить его отставить гр. Буоля, что было безусловно необходимо для возвращенія Австріи довѣрія ея прежнихъ союзниковъ.

Судя по тому, что барону Будбергу удалось узнать объ этомъ порученіи, посолъ короля напелъ императора Франца-Іосифа нѣсколько смущеннымъ, но миролюбивымъ и умѣреннымъ въ выраженіяхъ. Онъ возразилъ, что, при заключеніи договора 2-го декабря, его намѣреніемъ было привлечь западныя державы къ политикѣ мира, что ни одна изъ статей договора не вынуждаетъ Австрію къ наступленію; а что касается истолкованія четырехъ основъ, то онъ вовсе не согласенъ съ упомянутыми державами: четыре пункта должны быть лишь исходной точкой; значеніе ихъ будетъ установлено въ конференціи. Тамъ будутъ поставлены общіе принципы, опредѣливъ сперва, относительно какихъ пунктовъ существуетъ согласіе, для того, чтобы потомъ перейти къ тѣмъ, которые представляютъ разногласіе. Австрія будетъ имѣть полную возможность поддерживать наши интересы въ совѣщаніяхъ. Такія увѣренія были діаметрально противоположны тону и взглядамъ гр. Буоля. Послѣдній слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ положеніе въ своихъ разговорахъ съ барономъ Мантейфелемъ: „Задачей 1854 года было очищеніе Княжествъ; задачей 1855 года будетъ миръ въ теченіе зимы, а если это не удастся—война, чтобы завоевать его“. Въ итогѣ, императоръ, выражаясь мягче, чѣмъ его министръ, въ сущности, высказывалъ мнѣнія гр. Буоля, и поэтому нельзя было ожидать никакого поворота въ положеніи Австріи.

Таково было впечатлѣніе, вынесенное барономъ Мантейфелемъ; оно разрушало всѣ иллюзіи, которыя упорно старались поддерживать, относительно личнаго настроенія молодого императора. При всей неопытности и непосвященности въ дѣла, какія предполагались въ немъ, факты были слишкомъ важны и очевидны для того, чтобы онъ могъ не понимать ихъ значенія. Слѣдовательно, нельзя было не заключить, что, прикрываясь своимъ

министромъ, императоръ Францъ-Іосифъ одобрялъ его политику и готовъ былъ раздѣлить отвѣтственность за нее.

Вслѣдствіе того берлинскій кабинетъ обратилъ вниманіе на комбинаціи, предложенныя барономъ Будбергомъ. Король вполнѣ одобрилъ значеніе четырехъ пунктовъ въ томъ видѣ, въ какомъ его формулировалъ въ Вѣнѣ кн. Горчаковъ, и согласился на обмѣнъ нотъ, устанавливавшихъ, что его величество признаетъ наше толкованіе удовлетворительнымъ и присоединяется къ намъ въ отношеніи необходимости охраненія державныхъ правъ русскаго императора.

Это присоединеніе было весьма важно. Оно лишило силы статью о территоріальной экспроприаціи на нижнемъ Дунаѣ, требуемой Австріей во имя нѣмецкихъ интересовъ. Въ самомъ существенномъ пунктѣ для насъ, а именно, въ пересмотрѣ трактата 1841 г., оно устраняло всякое толкованіе, несовмѣстное съ нашей честью, такъ какъ равновѣсіе въ Черномъ морѣ устанавливалось не уменьшеніемъ нашего могущества, а прибавленіемъ турецкихъ силъ, слѣдующаго толкованію, изложенному княземъ Горчаковымъ.

Противодѣйствіе короля австрійской политикѣ на этомъ не остановилось. Вѣнскій кабинетъ обратился къ берлинскому, также какъ и къ остальной Германіи, съ предложеніемъ мобилизовать армію, предусматривая, что, быть можетъ, уже недалекъ моментъ, когда нужно будетъ перейти въ наступленіе. Король велѣлъ телеграфировать въ Вѣну, что „идея о наступательномъ положеніи противъ Россіи тяжко оскорбила его и что Австрія найдетъ его готовымъ къ оборонѣ, но никакъ не къ наступленію“. Требованіе мобилизаціи было категорически отклонено. Берлинскій кабинетъ объяснялъ, что, послѣ принятія нами четырехъ пунктовъ и обѣщанія ни въ какомъ случаѣ не нападать на Австрію, вовсе не предвидится примѣненія договора 28-го апрѣля. Кромѣ того, онъ давалъ понять, что если король думаетъ мобилизовать свои войска, то это лишь для защиты независимости и достоинства Пруссіи, если ее предполагаютъ исключить изъ состава европейскихъ державъ. Наконецъ, онъ прибавлялъ, что еслибы Пруссія подверглась нападенію на Рейнѣ или на берегахъ Балтійскаго моря, Австрія была обязана оказать ей помощь, въ силу договора 28-го апрѣля.

Слѣдовательно, образъ дѣйствій гр. Буоля производилъ впечатлѣніе, которое побуждало берлинскій кабинетъ къ сближенію съ нами. Нашъ представитель усиливался развить эти благоприятныя зачатки. Еслибы неловкость, сдѣланная австрійскимъ

правительствомъ въ исключеніи Пруссіи изъ совѣщаній, могла по-
нудить короля Фридриха-Вильгельма къ открытому союзу съ нами,
совмѣстно съ остальной Германіей, тогда, безъ сомнѣнія, подоб-
ный результатъ повелъ бы къ значительной перемѣнѣ положенія.
Но какое бы негодованіе ни испытывать король, къ сожалѣнію,
опытъ не позволилъ намъ слишкомъ полагаться на продолжитель-
ность его впечатлѣній. Сквозь его рѣзкія выраженія по поводу
Австріи, противъ его воли, проглядывала нерѣшительность дѣй-
ствій.

Такъ, вмѣсто того, чтобы прямо порвать свои обязательства
20-го апрѣля, онъ заявилъ нашему представителю, что Пруссія
сочтетъ себя свободной отъ нихъ только въ томъ случаѣ, когда
Австрія уклонится отъ четырехъ основъ мира или перейдетъ въ
наступленіе противъ насъ въ Княжествахъ. Кромѣ того, король,
отдаваясь мистическому направленію своего ума, казался болѣе
затронутымъ религіозными, нежели политическими послѣдствіями
австро-французскаго союза. Онъ находилъ, что протестантизму
угрожаетъ опасность отъ этой католической лиги, и старался ука-
зать Англіи на такую опасность, чтобы создать изъ нея исход-
ную точку для сближенія съ названной державой. Съ этою цѣлью
онъ отправилъ въ Лондонъ ф. Узедома для объясненій съ англій-
скимъ кабинетомъ. Подобное стремленіе не могло быть въ нашихъ
интересахъ, такъ какъ результатомъ его могло быть сближеніе
Пруссіи съ однимъ изъ нашихъ наиболѣе упорныхъ враговъ.

Всѣ эти полумѣры въ такой моментъ, когда рана, нанесен-
ная Пруссіи, была еще свѣжа, достаточно указывали предѣлы,
до какихъ могла доходить твердость берлинскаго кабинета. Могъ ли
онъ противостоять угрожающему давленію Запада? Опасенія, какія
внушались ему относительно безопасности его торговли въ Бал-
тійскомъ морѣ, не могли ли ослабить его энергіи? Напелъ ли бы
онъ достаточно рѣшительную поддержку среди второстепенныхъ
государствъ Германіи? Нельзя ли было, напротивъ того, предви-
дѣть, что Пруссія, боясь изолированности, которою ей угрожали,
окончить тѣмъ, что подчинится всѣмъ требованіямъ нашихъ вра-
говъ, для того, чтобы вновь открыть себѣ двери конференціи?
Такія соображенія приводили нашего представителя къ заключе-
нію, что для насъ было бы предпочтительнѣе возвратить Прус-
сію въ конференцію, гдѣ мы могли бы рассчитывать, по крайней
мѣрѣ, хотя на одинъ дружественный голосъ. Поэтому онъ уси-
ленно выставлялъ передъ королемъ и передъ барономъ Мантей-
фелемъ невозможность для Пруссіи позволить исключить себя
изъ состава европейскихъ державъ. Онъ предлагалъ имъ восполь-

зоваться моментомъ для того, чтобы взять на себя главенство въ Германіи, которая относилась къ образу дѣйствій Австріи съ еди-
нодушнымъ порицаніемъ. Въ виду того, онъ совѣтовалъ имъ по-
требовать для Германскаго Союза права быть представленнымъ на
конференціи.

Король одобрилъ эту идею и вступилъ въ сношенія съ ко-
ролевскими дворами. Нашимъ представителямъ при этихъ дво-
рахъ предложено было поддержать ихъ. Такимъ образомъ, мы
имѣли надежду пріобрѣсти поддержку Германіи въ переговорахъ
о мирѣ, за недостаткомъ ея помощи въ виду случайностей войны.

Таковы были положеніе и настроеніе Пруссіи въ концѣ
1854 г., въ то время, когда въ Вѣнѣ должна была открыться
конференція 1855 г. Берлинскій кабинетъ спускался съ одной
ступени на другую по лѣстницѣ уступовъ, какія исторгала отъ
него Австрія. Онъ упустилъ изъ рукъ всѣ случаи, какіе событія
предоставляли ему для того, чтобы овладѣть политическимъ господ-
ствомъ въ Европѣ и въ Германіи. При самыхъ дружественныхъ
и честныхъ намѣреніяхъ, онъ причинилъ намъ почти столько же
вреда, сколько и наши противники, и нанесъ ущербъ и своимъ,
и нашимъ интересамъ. Всѣ его колебанія привели, въ концѣ
концовъ, къ тому, что Пруссію презрительно изгнали изъ состава
европейскихъ державъ и низвели на степень второстепенной дер-
жавы. Но такіе печальные результаты нерѣшительной политики
оказали, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что пробудили нѣкоторую
энергію среди приближенныхъ короля. Это былъ послѣдній шансъ,
оставшійся у Россіи, для того, чтобы предупредить пригото-
вляющуюся противъ нея коалицію.

БАР. А. ЖОМИНИ.

ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ

РОМАНЪ ВАЛЬТЕРА БЕЗАНТА.

ПРОЛОГЪ.

I.

ПОЛИ, КОТОРУЮ ЗОВУТЪ МАРИА.

— Сядь, Эстеръ, и поговоримъ. Вѣдь семнадцать лѣтъ будетъ, какъ мы съ тобой не видались.

— Мнѣ не времени жаль, милэди,—отвѣчала Эстеръ, засовывая голыя руки въ лохань съ мыльной водой,—но я обѣщала выстирать это бѣлье въ срокъ, а прачка должна держать свое слово. Если она станетъ обманывать, то потеряетъ работу. И денекъ выдался такой славный, какъ разъ для суши бѣлья пригодный.

Она говорила, запихавъ двѣ булавки въ ротъ. Люди ея словія, если только они не китайцы, набиваютъ ротъ булавками при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и эта привычка заставляеть ихъ забавно шепелявить.

Нашей прачкѣ было лѣтъ тридцать-пять или шесть: она была деревенщина, что вы сейчасъ бы замѣтили по ея краснымъ щекамъ, по плотной и широкоплечей фигурѣ. Лондонскій воздухъ—быть можетъ, туманъ, а быть можетъ, дымъ тому виной—производитъ во второмъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ уменьшеніе роста: онъ суживаетъ плечи и сокращаетъ размѣръ всего тѣла и лица. Росту Эстеръ была высокаго, а лицо у нея было некрасивое, съ серьезнымъ и порою грустнымъ выраженіемъ.

— Семнадцать лѣтъ назадъ, Эстеръ, меня возили въ деревенскую церковь смотрѣть на твою свадьбу,—продолжала лэди Мильдредъ,—и мнѣ казалось, что ты въ своемъ бѣломъ платьѣ и локонахъ—самая красивая и счастливая женщина въ мірѣ.

Эстеръ намылила воду и улыбнулась. Потомъ наморщила брови, недовольная собственнымъ безразсудствомъ, и затѣмъ снова улыбнулась.

Если лэди Мильдредъ была такъ добра, что увѣряла ее, что она была когда-то красива, то ей не пристало противорѣчить.

— Я очень благодарна вамъ, милэди, за то, что вы вспомнили обо мнѣ послѣ столькихъ лѣтъ!

— Я помню, Эстеръ, какъ я горевала, когда ты бросила нашу дѣтскую, чтобы выйти замужъ. Это было первое горе въ моей жизни.

Лицо прачки омрачилось.

— Чтобы выйти замужъ! — горько повторила она. — О! какъ дѣвушки бываютъ глупы! Чтобы выйти замужъ! Оставить чудный домъ съ доброй барыней, которая никогда не бранится, затѣмъ чтобы броситься на шею первому встрѣчному парню, который пообѣщаетъ съ три короба! Право, еслибы не дѣти, я часто жалѣла бы, что не бросилась въ воду въ утро моей свадьбы. Быть можетъ, и для нихъ было бы лучше.

Она вертѣла бѣлье въ рукахъ, точно съ сожалѣніемъ, что это не шея ея мужа.

— Эстеръ!

Лэди Мильдредъ испугалась ожесточенныхъ словъ своей бывшей няньки.

— Эстеръ! расскажи мнѣ, что съ тобою было. И почему ты снова приняла свое дѣвическое имя?

— Я перемѣнила имя, чтобы уйти отъ своего мужа; но это ни къ чему не повело.

— Уйти отъ мужа?

— Да, милэди. Но оставимъ мои невзгоды. Каково мнѣ видѣть васъ въ ваши годы со вдовьимъ чепцомъ на головѣ, бѣдняжка!

— Я тоже была замужемъ,—спокойно отвѣчала лэди Мильдредъ,—и лишилась своего мужа. Но поговоримъ о твоёмъ мужѣ, Эстеръ.

— Онъ умеръ,—отвѣчала женщина съ явнымъ усиліемъ, точно ей трудно было говорить о немъ.—Онъ умеръ, и я молю Бога, чтобы дѣти никогда ничего не узнали про него.

— Мнѣ грустно это слышать. Бѣдная Эстеръ!

— Бываютъ несчастія...

Она отошла отъ лоханки и сѣла, вытирая передникомъ руки.

— Бываютъ несчастія, милэди, о которыхъ женщинѣ не трудно говорить; а бываютъ и такія, о которыхъ и подумать страшно. Несчастія, которыя могутъ разбить жизнь невиннымъ дѣтямъ.

— Бываютъ, Эстеръ. Если твои несчастія такого рода, мнѣ жаль тебя.

— Мы пріѣхали съ мужемъ въ Лондонъ за работой. Такъ онъ по крайней мѣрѣ говорилъ. О! славная работа, нечего сказать! Онъ былъ слесарь, а это такое ремесло, что будешь сытъ, только не лѣнись. Ну, вотъ, сначала у него много было денегъ, и я была довольна. О! кто зналъ, что изъ этого всего выйдетъ! А тамъ родился мой Джо.

— Что же вышло, Эстеръ?

— Ничего, милэди,—былъ уклончивый отвѣтъ,—но только я осталась одна съ своимъ малюткой и приняла дѣвическое имя, и надѣюсь, что никогда его больше не увижу.

— А потомъ?

— А потомъ онъ разыскалъ меня. Ну, а теперь... онъ умеръ.

Каждый замѣчалъ, вѣроятно, какую любовь питаютъ женщины къ избитымъ афоризмамъ. Они никогда не утрачиваютъ свою соль на ихъ вкусъ. А потому весьма естественно, что лэди Миллардъ внушительно замѣтила:

— Если отъ грѣха нельзя иначе спастись, какъ смертью, то лучше умереть.

— Хорошо только, если умереть грѣшникъ,—отвѣтила Эстеръ,—потому что еслибы я умерла, то что бы было съ бѣдными дѣтьми?

— Гдѣ твои дѣти, Эстеръ? и сколько ихъ у тебя?

— Полли, которую зовутъ Марла, — произнесла духомъ Эстеръ, точно эти четыре слова составляли одно сплошное имя,—совсѣмъ еще крошечка. Она играетъ тутъ, гдѣ-то, около бѣлья.

Она вышла на солнце и, заслонивъ глаза рукой, закричала:

— Полли! Полли! бѣги къ мамѣ!

И изъ-подъ развѣшеннаго бѣлья выбѣжала дѣвочка лѣтъ двухъ. Это былъ необыкновенно красивый ребенокъ, хотя ея платье было въ лохмотьяхъ и грязное, а шляпка, завязанная у подбородка, служила уже не малое число годовъ. Короткіе, темные волосы кудрявились на лбу и выбивались изъ-подъ шляпки; глубокіе, таинственные глаза застѣнчиво глядѣли на гостью; полуоткрытыя губы дѣлали ея ротикъ похожимъ на розовый бутонъ. Два года отъ роду! Это тотъ возрастъ, когда младенецъ становится ребенкомъ; дѣвочка все еще неотвѣтственна, безъ всякой

нравственности, безъ какихъ бы то ни было принциповъ; она все еще полна младенческаго удивленія; жизнь представляетъ для нея столько новаго; еще позолота не сошла съ впечатлѣній; она постоянно дѣлаетъ новыя открытія и все въ новыхъ направле- нійхъ; рѣчь ея очаровательна; она высказываетъ самыя не ожи- данныя чувства и дѣлаетъ восхитительныя вещи. Она—кокетка и самая отчаянная; она своенравна, какъ вѣтеръ, непостоянна, какъ погода; она—кукла, сокровище, игрушка, идолъ и малень- кая богиня.

— Ахъ, Эстеръ!

Лэди Мильдредъ была поражена этимъ чудомъ красоты.

— Да твой ребенокъ—ангелъ! она фея! Неужели всѣ твои дѣти таковы?

— Трое изъ нихъ такъ же хороши,—отвѣчала Эстеръ.—Они похожи на отца, который былъ такъ же хорошъ собой, какъ и уменъ. Умъ погубилъ его, а красота принесла ему только ту пользу, что сдѣлала его фальшивымъ и вѣроломнымъ.

— Какъ ее зовутъ, Эстеръ?

— Зовутъ ее Марла, но мы зовемъ ее Полли, потому что то имя какое-то иностранное.

— Зачѣмъ же ты назвала ее Марлой?

— Это отецъ захотѣлъ. Онъ придумалъ это имя, а такъ какъ я назвала по своему желанію Джо и Сама, то должна была уступить, хотя и сгорѣла отъ стыда, когда говорила его священнику во время крещенія.

— Марла! какое странное имя!

— Мой мужъ, милэди, любилъ, видите ли, читать, и, быть можетъ, вычиталъ это имя изъ книгъ. Но теперь все равно, я всегда зову ее Полли. Такъ гораздо ловче и естественнѣе.

— Да—естественнѣе. Знаешь ли, Эстеръ...

Лэди Мильдредъ взяла дѣвочку на руки.

— Какъ странно! Знаешь ли, что твоя дѣвочка удивительно какъ похожа на мою маленькую дочку?

— Ахъ, Боже мой, и впрямь!

Эстеръ всплеснула руками отъ удивленія на свою забывчи- вость.

— Подумать, что я даже не догадалась спросить, есть ли у милэди дѣтки? Но, конечно, есть. У васъ материнскіе глаза, ми- лэди. Боже мой! у бездѣтной женщины глаза голодные.

— У меня только одна дочка... почти тѣхъ же лѣтъ, что и твоя.

— Только женщина, у которой есть свои дѣти, знаетъ, какъ

взять ребенка на руки, — продолжала Эстеръ. — Глядѣть весело, какъ милэди держитъ мою дѣвочку.

— Гдѣ твои другія дѣти? Мнѣ бы хотѣлось ихъ всѣхъ видѣть.

— У меня еще четверо.

Эстеръ забыла про работу, увлеченная материнской гордостью.

— Во-первыхъ, Джо. Ему теперь уже шестнадцать и онъ высокъ для своихъ лѣтъ. Учитя отцовскому ремеслу и славный будетъ работникъ, хоть и не такъ уменъ, какъ отецъ, почему я и надѣюсь на него. Глупые парни бываютъ самыми усердными и терпѣливыми работниками. Послѣ Джо идетъ Самъ; ему семь лѣтъ, милэше! По упрямству и аппетиту ему нѣтъ равнаго.

— Девять лѣтъ разницы между первымъ и вторымъ ребенкомъ?

— Да, милэди, девять лѣтъ. Потому что мужъ... онъ вѣдь бросилъ меня, я вамъ говорила... и я ушла съ моимъ маленькимъ Джо. Но послѣ столькихъ лѣтъ онъ разыскалъ меня и опять пришелъ ко мнѣ. А тамъ родился и Самъ. А за Самомъ — Клодъ.

— Это ты сама выбрала ему это имя, Эстеръ?

— Упаси Богъ, милэди, нѣтъ! Мнѣ бы никогда и въ голову не пришло выбрать такое имя для моего мальчика. Это все отецъ придумалъ. Онъ называлъ такъ его по имени какого-то человѣка, про котораго онъ читалъ въ книгахъ... Клодъ какой-то; мужъ увѣрялъ, что это самый великій человѣкъ, какой только существовалъ на землѣ. А по мнѣ такъ просто негодай и разбойникъ.

— Неужели Клодъ Дюваль? — спросила лэди Мильдредъ, недолго думая.

— Кажется, что его такъ звали; я хорошенько не помню. Когда я носила ребенка въ церковь, я только и помнила первое имя; такъ Клодомъ онъ и остался. Ему теперь шесть лѣтъ и онъ красивенькій мальчикъ; больше похожъ на отца, нежели на меня, и какъ двѣ капли воды — на Полли, которую зовутъ Марла. Послѣ него идетъ Меленда, ей пять лѣтъ — тоже языческое имя, придуманное отцомъ, не мной. Она похожа на Сама, а не на Клода. Вскорѣ послѣ того какъ Полли родилась, мой мужъ опять меня бросилъ — слава тебѣ, Господи!

— Не будемъ говорить о немъ, Эстеръ, это тебя раздражаетъ.

Тутъ дѣти вернулись изъ школы. Впереди всѣхъ шелъ Самъ, плотный, рыжеватый мальчикъ, съ блестящими глазами и лицомъ, очень похожимъ на мать, не особенно старательно, но прочно, нѣсколькими небрежными ударами рѣзца, сколоченнымъ природой,

въ результатѣ чего оказались: широкій лобъ, большой подбородокъ, большой ротъ и красныя щеки. За нимъ шелъ Клодъ — хорошенькій мальчикъ лѣтъ шести, похожій на переодѣтаго барченка, хотя его платье было довольно оборвано. Сзади всѣхъ выступала рыжая пятилѣтняя дѣвочка, какъ двѣ капли воды похожая на своего брата Сама. Они вышли изъ-подъ развѣшаннаго для просушки чистаго бѣлья и выстроились на порогѣ.

— Вотъ они, миледи, — сказала мать, съ гордостью оглядывая свой выводокъ.

— Вотъ Меленда: славная, дѣльная дѣвочка и умѣетъ ходить за Полли. Вотъ Самъ. Подними голову, Самъ! Вамъ пріятно было бы слышать, миледи, какъ онъ читаетъ. А вотъ Клодъ; онъ похожъ на своего брата Джо и на сестру Полли. Всѣ они лицомъ вышли въ отца. Но надѣюсь, что только лицомъ.

Лэди Мильдредъ замѣтила, какъ часто упоминала она о мужѣ, память котораго была ей такъ ненавистна. Казалось, что онъ постоянно былъ у нея на умѣ.

— Эстеръ, — сказала она, — неужели ты одна содержишь всѣхъ этихъ дѣтей? Неужели никто не помогаетъ тебѣ?

— Никто, — отвѣчала она. — Мнѣ, конечно, очень трудно справиться, и иногда ночью, когда я просыпаюсь и начинаю думать, то боюсь, что не выдержу. Тогда намъ всѣмъ придется идти въ рабочій домъ и разлучиться другъ съ другомъ.

— Эстеръ, позволь мнѣ облегчить тебѣ трудъ. Поручи мнѣ кое-кого изъ твоихъ дѣтей. Отдай мнѣ Полли.

— Отдать Полли?

— Да; довѣрь мнѣ ее, Эстеръ. Я тебѣ не чужая. Отпусти со мной ребенка.

Мать выхватила дѣвочку изъ рукъ своей гостьи.

— Разстаться съ своимъ родимымъ дитяткомъ! — ревниво вскричала она. — Отдать вамъ Полли?

— Это вѣдь для ея же пользы.

Мать прижала дѣвочку крѣпко, крѣпко къ груди и покачала головой. Но слезы навернулись у нея на глазахъ.

— У тебя есть что-то на умѣ, Эстеръ, — настаивала лэди Мильдредъ. — Нѣтъ, не думай, что я добиваюсь твоей откровенности. Но у тебя есть что-то тяжелое, чего ты не можешь забыть и чего боишься. Когда ты говоришь о своемъ покойномъ мужѣ, то можно подумать, что ты боишься, какъ бы онъ не появился у калитки твоего сада. Бѣдная Эстеръ! Твоя жизнь была несчастливая!

— О, да, несчастливая!

— Онъ умеръ и мертвыхъ не судать, но кое-что переживаетъ мертвецовъ: память...

— Память о нихъ,—повторила Эстеръ.—И стыдъ, который ложится на меня и на дѣтей.

— Отдай мнѣ свое дитя, и я выращу ее въ счастливомъ невѣденіи.

— Вы хотите сдѣлать изъ нея горничную молодой барышни?

— Нѣтъ. Она будетъ воспитываться вмѣстѣ съ моей дочерью... ея подругой. Я ее обезпечу на всю жизнь. Что касается разлуки съ тобой...

Лэди Мильдредъ вспомнила, что если она воспитаетъ дѣвочку какъ барышню, то Самъ, Меленда и Клодъ станутъ со временемъ неподходящимъ для нея обществомъ.

— Что касается разлуки съ тобой, то ты всегда будешь знать, какъ ей живется; когда она вырастетъ, ты увидишься съ ней, если захочешь. Я скажу ей про ея родство только то, что ты захочешь, чтобы она знала. Подумай! Ты разстанешься съ ребенкомъ, но для ея же блага и однимъ ртомъ у тебя будетъ менѣе.

— О! моя Полли!—закричала мать.—Точно мнѣ трудно работать, чтобы кормить мою дѣвочку!

— Подумай объ этомъ, Эстеръ. Подумай недѣлю, мѣсяцъ, если хочешь.

Къ удивленію лэди Мильдредъ, Эстеръ рѣшила не медля.

— Берите ее, милэди. О, чтобы спасти ихъ отъ того, чего я боюсь днемъ и ночью, я бы со всѣми разсталась. Берите ее, берите! Чтобы спасти ее, я соглашусь никогда больше не встрѣчаться съ ней на землѣ. Но только позвольте мнѣ еще одну ночьку побыть съ моей крошечкой! Только одну ночьку подержать ее на своихъ рукахъ!

— О, Эстеръ!—сказала лэди Мильдредъ, тронутая до слезъ.—Я буду ей матерью. Она не будетъ несчастна, насколько это отъ меня зависитъ. Что касается тебя и твоихъ дѣтей, то я оула вамъ всегда другомъ.

— О, я знаю, я знаю. Но общайте мнѣ одно, милэди: не говорить моей дѣвочкѣ, что бы ни случилось, что я ношу свое дѣвическое имя. Иначе она захочетъ знать, какъ звали ея отца. Если она будетъ спрашивать про свою мать, когда вырастетъ, то скажите ей, что ея мать была честная женщина. Если она спроситъ про отца, скажите, что онъ умеръ и давно схороненъ. Ихъ у меня пятеро, и только одинъ Джо знаетъ правду; но онъ

уже умѣть молчать. Богу извѣстно, что еслибы не это, я бы не разсталась съ моей Полли, пока могу трудиться.

— Она будетъ счастлива, — повторила лэди Мильдредъ, насколько это отъ меня зависитъ. И ты снова увидишь ее. Я не лишу тебя дочери.

Такимъ образомъ маленькая Полли, которую зовутъ—Марла, разсталась съ бѣднымъ котэджемъ, въ которомъ жила ея мать, миссисъ Монументъ, прачка, и превратилась въ Валентину или Віолету — хорошенько не знаю—пріемную дочь лэди Мильдредъ Эльдридж и, слѣдовательно, внучеу графа Газльмира, кавалера ордена Бани, и дочь покойнаго сэра Ланселота Эльдриджа, члена парламента и пр.

Безъ сомнѣнія, такая перемѣна участи была блестяща и, принимая во вниманіе нѣжный возрастъ ребенка, совершенно незаслуженна.

— Хорошо-ли я поступила, Берта? — спросила лэди Мильдредъ, сидя около колыбели, въ которой спали радншвомъ двѣ дѣвочки.

Лэди Мильдредъ была женщина съ идеями, а миссъ Берта Кольхунъ—подруга дѣтства, которой она ихъ сообщила.

— Онѣ удивительно какъ похожи одна на другую, — отвѣчала Берта:—ихъ можно принять за двухъ сестеръ-близнецовъ. Что касается того, умно ли ты поступила, милая Мильдредъ, то время, единственный непогрѣшимый пророкъ, покажетъ намъ это когда-нибудь. Я же не выскажу своего мнѣнія, пока не услышу его рѣшенія. Но что ты сдѣлала интересную вещь — это несомнѣнно. Кстати скажи мнѣ: которая изъ нихъ малютка Трикси? — я не видѣла ея послѣ того, какъ ее отняли отъ груди—и которая дочка прачки?

— Этого никто не знаетъ, кромѣ меня и моего повѣреннаго въ дѣлахъ. Я была вынуждена сказать ему; но перемѣнила итакъ и такъ хитро дѣйствовала, что никто не знаетъ. Дѣвочка съ голубой ленточкой вокругъ шеи—Валентина; другая—Віолета. Для нихъ обѣихъ и для всего міра Беатрисы не существуетъ, равно какъ Полли, до 15-го октября 1885 г., когда Беатрисѣ исполнится совершеннолѣтіе.

— О! — сказала Берта, разочарованная, что ее не дѣлаютъ повѣренной тайны.—Значить, я должна ждать, какъ и всѣ другіе. Но, Боже мой, моя душа, — бѣдная Полли, которую зовутъ Марла! бѣдное дитя, —каково-то ей будетъ, когда она узнаетъ правду!

II.

РѢШЕНІЕ СУДЬБЫ.

Еще цѣлыхъ восемь лѣтъ сильныя руки прачки работали безъ устали надъ лоханкой съ мыльной водой. Время, которое, повидимому, имѣетъ двоякое движеніе, какъ и планеты, и обращается вокругъ насъ въ то время, какъ мы двигаемся впередъ, могло наоблести неизмѣнный характеръ существованія этой доброй женщины, для которой никакое время года не приносило радости или горя, если не считать хорошихъ и худыхъ дней для сущей бѣлы.

Въ восемь лѣтъ Джо изъ ученика сталъ мастеромъ: девятнадцать лѣтъ, какъ и большинство его собратій, онъ женился на семнадцатилѣтней дѣвушкѣ; въ двадцати-четыремъ годамъ у него было пять человѣкъ дѣтей; въ восемь лѣтъ Самъ выросъ изъ семилѣтняго въ пятнадцатилѣтняго мальчика и, уже преподавая въ низшихъ классахъ школы, рѣшилъ, что добьется диплома народнаго учителя.

Клоду было тринадцать лѣтъ, Мелендѣ одиннадцать, а Полли, о которой мать получала время отъ времени хорошія вѣсти, вмѣстѣ съ сестрой своей Валентиной или Віолетой достигла десятилѣтняго возраста.

Но вотъ, послѣ восьмилѣтняго промежутка, судьба внезапно вмѣшалась въ дѣла людей съ тою рѣшительностью, которая внушаетъ почтеніе и даже страхъ.

Миссисъ Монументъ стала слѣпнуть. Сначала всѣ вещи представлялись ей какими-то мутными; затѣмъ мало-по-малу очертанія ихъ сливались все болѣе и болѣе и въ глазахъ у нея стоялъ постоянно туманъ.

Наконецъ, послѣ самыхъ горькихъ предчувствій насчетъ ожидающаго ее будущаго, она сѣла, сложила руки и велѣла Саму написать письмо лэди Мильдредъ.

Она уже такъ плохо видѣла, что люди казались ей „бродячими деревьями“, а скоро и совсѣмъ ничего не будетъ видѣть. И что же тогда станетъ съ дѣтьми?

Когда лэди Мильдредъ сама пріѣхала въ отвѣтъ на письмо, ее встрѣтилъ мальчикъ, сидѣвшій у дверей коттеджа съ книгой въ рукахъ. Что касается сада, то онъ казался заброшеннымъ и пустымъ безъ развѣшаннаго бѣлья: столбы стояли по прежнему и на нихъ протянуты были веревки, но бѣлья на нихъ нѣ было.

Еще страннѣе было, что въ домѣ не пахло мыломъ, а долготѣнная труженица сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ, въ терпѣливой позѣ слѣпыхъ людей.

Мальчикъ всталъ и поспѣшно снялъ шляпу. Лэди Мильдредъ къ этому времени совсѣмъ позабыла ребенка, который пяти лѣтъ отъ роду имѣлъ видъ потомка пятидесяти герцоговъ. Его лицо мало измѣнилось; то было тонкое и худенькое личико, отмѣченное удивительнымъ изяществомъ и благородствомъ чертъ.

Обыкновенно такихъ лицъ не ожидаешь встрѣтить въ прачешной. Мы, конечно, неправы: во всякомъ городѣ, домѣ, деревушкѣ, гдѣ только есть скопище людскихъ существъ, всегда найдется одно или два дѣтскихъ личика, отличающихся по своему изяществу отъ окружающихъ грубыхъ и некрасивыхъ лицъ. Ученые называютъ это „игрой природы“, шуточно намекая, что и у природы бываютъ свои оплошности, и она не всегда вѣрна своимъ законамъ. Но, быть можетъ, ученые люди сами неправы, такъ какъ въ человѣкѣ нѣтъ ничего, что бы не было наследственно, начиная отъ формы ноздрей и изгиба губъ. Еслибы предки Клода по мужской линіи были извѣстны, то мы могли бы прослѣдить всѣ черты его лица до какого-нибудь прадѣдушки или прабабушки. Что касается фамиліи его матери, то она очень хорошо извѣстна, и это очень старинная и честная фамилія, принимая во вниманіе, что всѣ мужчины въ ней, отъ отца къ сыну, съ незапамятныхъ временъ были простолюдины и землепашцы, пахали землю, выкармливали свиней, сѣяли и жали, и опять сѣяли до того момента, какъ закрывали глаза и бывали зарыты въ землю на кладбищѣ.

Что касается ихъ отличій, то... ихъ сыны сражались при Сенакѣ, гдѣ были разбиты послѣ чудесъ храбрости, и при Кресси и Азенкурѣ, и на Босвортскомъ полѣ, и при Бленгеймѣ, Ватерлоо и Альмѣ.

Клодъ имѣлъ всѣ основанія гордиться своими предками съ материнской стороны. Но онъ не отъ нихъ получилъ свое лицо, потому что ихъ лица, хотя и честныя, а иногда и опрятныя, никогда не бывали ни красивыми, ни изящными.

— Меня зовутъ Клодъ, — сказалъ мальчикъ, сознававшій, что его имя гораздо красивѣе имени Сама.

— Клодъ — да... теперь помню. Дай взглянуть на тебя, мальчикъ; ты похожъ на свою сестру Полли. Что мать рассказывала тебѣ про Полли, которую зовутъ Марла?

— О, да. Знатная дама приѣхала и увезла Полли. Со временемъ мы увидимъ ее, когда она вернется домой. Она не будетъ гордиться, — мамаша говорить.

Послѣ того лэди Мильдредъ прошла къ своей старой нянькѣ. Она замѣтила, что мальчикъ сѣлъ и опять утѣнулся въ книгу.

— Ну, чтѣ, моя бѣдная!—сказала она:—разскажи мнѣ все про себя и почему ты раньше не извѣстила меня? Что говорить докторъ?

Выслушавъ разсказъ о глазахъ, Мильдредъ сказала:

— А теперь разскажи мнѣ про своихъ дѣтей. Какъ поживаетъ Джо? Вышелъ ли онъ такимъ тупымъ парнемъ, какъ ты этого желала?

— Джо—хорошій работникъ. Онъ уже женатъ и у него пятеро дѣтей. Но онъ такой же хорошій сынъ, какъ былъ, хотя и не можетъ никому помочь, кромѣ самого себя.

— А Самъ?

— Самъ—помощникъ учителя и будетъ учителемъ. Такого другого мальчика, какъ Самъ, не найти. Онъ рѣшилъ, что пробьетъ себѣ дорогу, и пробьетъ.

— Славный мальчикъ! а затѣмъ идетъ Клодъ, который сидитъ у дверей.

Мать покачала головой.

— Не знаю, чтѣ изъ него выйдетъ. Онъ только и знаетъ, что читать. Самъ тоже читаетъ, но только то, чтѣ для него полезно, а Клодъ читаетъ все безъ разбора. О! Боже, Боже! отецъ его тоже бывало не выпускалъ книги изъ рукъ.

— Мальчики, которые любятъ чтеніе, очень часто достигаютъ большихъ почестей,—замѣтила лэди Мильдредъ.—А гдѣ Меленда?

— Она еще въ школѣ. Но мнѣ съ ней много хлопотъ, милэди. Я бы хотѣла, чтобы она пошла въ услуженіе въ хорошій домъ. Но она не хочетъ. Она говоритъ, что всѣ дѣвочки въ школѣ будутъ независимы и свободны, и будутъ зарабатывать свой хлѣбъ на сторонѣ, и она также. Ну, чтѣ онѣ смыслятъ? Дайте мнѣ каждый день хорошо пообѣдать,—говорю я ей,—это первое дѣло. Но нынѣшнія дѣвушки всѣ помѣшаны на свободѣ, хотя бы съ голоду умирали. Но будетъ о дѣтяхъ, милэди; разскажите мнѣ про Полли: выросла ли она, хорошая ли дѣвочка?

Безъ сомнѣнія, для семьи Монументъ было счастьемъ при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ найти друга въ лицѣ лэди Мильдредъ. И еслибы не она, то дальнѣйшая исторія этой семьи окончилась бы въ рабочемъ домѣ.

Практическіе результаты симпатіи лэди Мильдредъ не замедлили обнаружиться. Во-первыхъ, она наняла для миссисъ Монументъ коттеджъ въ богадѣльнѣ на Тоттенгамской дорогѣ, гдѣ

она была вблизи своего старшего сына Джо, и обеспечила ей безбѣдное существованіе. Что касается Сама, то она доставила ему средства—хотя мальчикъ никогда объ этомъ не узналъ—продолжать ученіе и стать „monitor'омъ“ съ платой пяти пиллинговъ въ недѣлю, затѣмъ учиться въ коллежѣ и, наконецъ, сдѣлаться народнымъ учителемъ за девяносто фунтовъ жалованья въ годъ.

Что касается Меленды, то она содержала ее въ школѣ, пока та, наконецъ, сама не захотѣла изъ нея выйти.

Относительно Клода должно сказать, что, вѣроятно, его хорошенькое, изящное личико и умные глазки повліяли на доброту, съ какою отнеслась къ нему лэди Мильдредъ; но она всегда утверждала, что это объясняется его любовью къ книгамъ и къ ученію.

Какъ бы то ни было, она однажды призвала его къ себѣ и имѣла съ нимъ серьезный разговоръ.

Прежде всего она спросила: чѣмъ бы онъ желалъ быть?

— Я бы желалъ быть,—отвѣчалъ мальчикъ, покраснѣвъ,—приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ.

— Но вѣдь тебѣ не позволили бы читать книги. У тебя было бы много всякаго другого дѣла.

Лицо мальчика вытянулось. Сидѣть между книгами ему казалось высшимъ счастіемъ. Но сидѣть между книгами и не смѣть ихъ читать—было бы равносильно мученіямъ Тантала.

— Теперь слушай, Клодъ. Я дамъ тебѣ хорошее образованіе; я увезу тебя отсюда и отдамъ въ такое мѣсто, гдѣ тебя научатъ всему, чему ты только захочешь учиться.

Клодъ блѣднѣлъ и краснѣлъ; сердце его стучало, какъ молотъ.

— Когда ты выучишься, мы подумаемъ о томъ, что для тебя сдѣлать. Но помни...—и лэди Мильдредъ для большого вразумленія, приподняла палецъ...—никогда не прикидываться тѣмъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ! Ты—сынъ рабочаго и будешь въ школѣ съ мальчиками, которые будутъ относиться къ тебѣ свысока.

Клодъ не понималъ, что она хочетъ сказать.

— Что касается матери, то ты будешь съ ней видѣться, когда захочешь, и не долженъ презирать своихъ братьевъ и сестеръ. Твое будущее положеніе вполнѣ зависитъ отъ твоего усердія и способностей. Помни, что всѣ дороги передъ тобой открыты. Ты сначала этого не поймешь. Но со временемъ поймешь. Читай біографіи великихъ людей и поймешь. Не забывай этого. И пуще всего трудись, трудись. Понялъ меня, Клодъ?

Сердце мальчика прыгало. Но онъ не могъ говорить. Языкъ отказывался ему служить. Онъ былъ испуганъ и ослѣпленъ открывавшейся передъ нимъ будущностью.

— Будешь ли стараться, Клодъ?—спросила леди Мильдредъ болѣе мягкимъ голосомъ.

— О, да, да!

И Клодъ залился слезами.

КНИГА I.

I. Въ девять часовъ.

Много прелестныхъ и восхитительныхъ комнатъ въ Лондонѣ, но нѣтъ милѣе той комнаты въ городскомъ домѣ леди Мильдредъ, которую барышни избрали своимъ убѣжищемъ.

Она находится въ нижнемъ этажѣ; два окна выходятъ въ паркъ, осыянные зеленью сирени и другихъ кустовъ, хотя домъ отдѣленъ отъ парка дорогой. На одномъ концѣ стеклянная дверь ведетъ въ теплицу; отсюда постоянно несется ароматъ цвѣтовъ; и здѣсь барышни собрали всѣ вещи, которыми дорожатъ всего болѣе. У Валентины тутъ стоитъ любимое фортепіано, а на немъ лежатъ ноты; стѣны увѣшаны картинами Віолеты; масса портфелей наполнены ея эскизами; тамъ же стоятъ шкатулки, наполненные сокровищами, собранными во время путешествій, разныя красивыя и безобразныя вещи, вещи дорогія и всякіе предметы, напоминающіе о Египтѣ, Греціи, Италіи, Франціи и Германіи—словомъ, обо всѣхъ мѣстахъ, гдѣ позволено странствовать англійской дѣвушкѣ.

До сихъ поръ еще не вошло въ моду, но, надо думать, скоро войдетъ—возить ихъ въ Соединенные-Штаты и Канаду, на острова Тихаго Океана, въ Австралію и Остѣ-Индію, потому у молодыхъ барышень не было никакихъ вещей изъ этихъ странъ.

Около семи часовъ вечера, въ первыхъ числахъ іюля 1885 г., двѣ дѣвушки сидѣли въ описанной выше комнатѣ, гдѣ онѣ проводили обыкновенно большую часть дня. Но онѣ отличались обыкновенно спокойными, степенными манерами и плавными движеніями, какъ и подобаетъ молодымъ барышнямъ, которыя считаютъ, что жизнь есть не чтѣ иное, какъ сплошное и однообразное благополучіе, среди хорошенькихъ вещичекъ и мягкихъ подушекъ.

Сегодня же онѣ были очень взволнованы. Одна изъ нихъ, Валентина, стояла; другая, Віолета, сидѣла за столомъ. Въ рукѣ

она держала карандашъ и проворно набрасывала какія-то фигуры на листѣ бумаги.

Онѣ были одного почти возраста и обѣ очень еще молоды; одѣты совершенно одинаково и въ нарядныхъ вечернихъ туалетахъ. Если мужскому перу позволено описать въ главныхъ чертахъ ихъ нарядъ, предоставляя пополнить детали воображенію читателей, то я скажу, что на нихъ были платья изъ блѣдно-голубой шелковой матеріи, называемой, какъ кажется, сюръ, которыя падали длинными складками отъ талии и были съ одного боку подобраны и отрывали кружевную юбку — старинная красивая мода, вернувшаяся въ наши дни. Около горла платья были немного вырѣзаны, но очень мало, и обшиты кружевами. Вокругъ талии обвивалась лента и оканчивалась бантомъ изъ лентъ и кружевъ. Онѣ были очень хорошо одѣты, хотя на видъ очень просто. Волосы у нихъ были того свѣтло-каштановаго цвѣта, который такъ нравится англійскимъ молодымъ людямъ.

Волосы Віолеты кудрявились отъ природы и въ нихъ играло солнце.

Волосы Валентины были чуть-чуть темнѣе и не завивались локонами, какъ у Віолеты, а ложились слегка волнистыми прядями. Онѣ причесывались одинаково и не совсѣмъ обыкновенно; а именно: проборъ шелъ не по срединѣ головы, а сбоку. Это очень мило, когда личико очень хорошенъкое; въ противномъ случаѣ обыкновенная метода причесывать волосы предпочтительнѣе.

Глаза у нихъ были голубые, но у Валентины глаза, какъ и волосы, были чуть-чуть темнѣе и поглощали свѣтъ, который глаза и волосы Віолеты, наоборотъ, отражали: другими словами, они были глубже и серьезнѣе.

Росту обѣ дѣвушки были тоже одинаковаго и довольно высоки; фигурой тоже очень походили одна на другую; онѣ казались сестрами, и кто ихъ не зналъ — принималъ за близнецовъ. Но были, однако, между ними и нѣкоторыя различія, хотя они и не сразу бросались въ глаза. Такъ, Валентина была шире въ плечахъ и вообще плотнѣе Віолеты. Голосъ у Валентины былъ густой и звучный; у Віолеты — низкій и мягкій.

Что касается ихъ вкусовъ, то Валентина была музыкантша и пѣвица, а сестра ея рисовала съ немалымъ искусствомъ.

Свѣтъ зналъ, однако, что одна изъ нихъ — дочь пѣра, наследница богатаго состоянія и во всѣхъ отношеніяхъ выгодная невѣста, а другая — дочь какой-то прачки, особа самаго низкаго происхожденія и ничуть не интересная. Она была взята въ приемъ

ныя дочери лэди Мильдредъ, неизвѣстно почему, и воспитана вмѣстѣ съ ея родной дочерью.

Лэди Мильдредъ стала выѣзжать въ свѣтъ съ обѣими дочерьми, какъ скоро имъ исполнилось двадцать лѣтъ, и задала свѣту мудреную загадку.

Она какъ будто говорила англійской молодежи: — Юные джентльмены, вотъ двѣ прелестныхъ дѣвушки. Онѣ молоды, красивы, невинны и отлично образованы. Одна изъ нихъ—моя дочь, а другая—нѣтъ; одна—богатая наслѣдница, а другая—бѣдная дѣвушка. Влюбитесь, если смѣете. Предлагайте руку и сердце, если смѣете. Вы можете получить большое богатство или простой шипъ. Вы можете сдѣлаться внукомъ лорда и затемъ баронета или же увидѣть себя окруженнымъ толпой кузеновъ въ кожаныхъ фартукахъ, всякими рабочими инструментами и швейными машинами, и манерами, сопровождающими обыкновенно эти эмблемы труда. Неужели любовь не стоитъ такого риска?

Очевидно—нѣтъ, въ нашъ холодный и расчетливый вѣкъ, потому что дѣвушки выѣзжали цѣлую зиму, а ни одного такого смѣльчака не выискалось.

Свѣтъ сердился и ждалъ. Черезъ три мѣсяца дочь лэди Мильдредъ будетъ совершеннолѣтняя; быть можетъ, и пріемная дочь—также, но это ни для кого не было интересно. Тогда нельзя будетъ скрывать долѣе истину. Настоящая наслѣдница будетъ объявлена, и молодымъ людямъ можно будетъ ухаживать за нею.

— Валь, — сказала одна изъ дѣвушекъ нетерпѣливо, — право, мнѣ кажется, что вечеръ никогда не наступитъ.

— Такого длиннаго, длиннаго дня еще не бывало, — отвѣчала Валентина. Но, Віолета, онъ намъ принадлежитъ обѣимъ поровну и безпристрастно. Помни уговоръ.

— Помню, — серьезно отвѣчала Віолета: — онъ обѣимъ намъ брать.

— Если намъ придется гордиться имъ, такъ обѣимъ; стыдиться — такъ тоже обѣимъ.

— Стыдиться! — повторила Віолета: — Я полагаю, что онъ будетъ похожъ вотъ на это.

Она нарисовала ремесленника съ мѣшкомъ, съ инструментами въ рукахъ, въ клеенчатой фуражкѣ и фартукѣ, недурного собой.

— Вотъ наилучшее, что мы можемъ найти въ немъ, милая Валь. Но даже и въ такомъ случаѣ намъ особенно гордиться не придется.

— Ну чтожъ, — сказала Валентина, рассматривая рисунокъ: — ты сдѣлала его respectableнымъ на видъ. У труда есть свое достоинство. Развѣ мы не можемъ гордиться умнымъ работникомъ?

— Или же онъ будетъ похожъ на это!

Она нарисовала группу изъ двухъ рабочихъ, одѣтыхъ по праздничному и шествующихъ подъ-руку, крича во всю глотку.

— Или же на это!

И она показала молодого парня, прислонившагося къ фонарному столбу, въ пьяной позѣ.

— Перестань, Віолета. Онъ навѣрное не таковъ. Мамаша не пригласила бы его, еслибъ онъ былъ таковъ. Рано или поздно, — продолжала она, — мы узнаемъ истину, а до тѣхъ поръ нечего и затрогивать вопроса: кто изъ насъ двухъ — его настоящая сестра. Мы обѣ встрѣтимъ его какъ брата, котораго не видѣли двадцать лѣтъ. Віолета, слушай: всѣмъ извѣстна исторія про нищенку, которая стала принцессой, но никто не знаетъ исторіи принцессы, которая стала нищенкой, надѣла лохмотья и вернулась къ бѣднымъ людямъ. Какъ ты думаешь: была она счастлива?

— О, нѣтъ! — содрогнулась Віолета: — она навѣрное была очень несчастна и умерла молодою отъ разбитаго сердца.

— Не знаю. Можетъ быть, она была большою радостью для бѣдняковъ и могла сдѣлать имъ много добра. Я думаю, что я охотно надѣла бы лохмотья, милая Віолета.

— Этого никогда не будетъ! Ты — въ лохмотьяхъ!

И Віолета опять вздрогнула.

— Но они могутъ быть живописны. Тогда, милая Валь, ты надѣнешь ихъ, и я срисую тебя и пошлю картину, если только ее примутъ, въ Гросвеноръ.

— Берта, останься сегодня вечеромъ! Я хочу, чтобы ты присутствовала при семейномъ свиданіи, которое состоится въ девять часовъ.

Это происходило въ другой комнатѣ, въ гостиной лэди Мильдредъ, гдѣ сидѣли она сама и ея старинная пріятельница, Берта Кольхунъ.

— Въ чемъ дѣло, Мильдредъ?

— Я представляю дѣвочкамъ ихъ брата.

— О! извини меня, Мильдредъ, но неужели это необходимо? Ихъ братья, полагаю, простой рабочій.

— Вотъ увидишь.

— Бѣдная Полли!

— Чѣмъ она бѣдная? Она такъ же хорошо воспитана, какъ Беатриса, и такъ же хороша собой.

— И все-таки бѣдная Полли! Но, однако, Мильдредъ, ты забываешь одну вещь.

— Что такое?

— Представляя брата сестрѣ, ты выдашь свою тайну. Дѣвушки узнаютъ, которая настоящая сестра, по сходству съ братомъ, и весь свѣтъ узнаетъ.

Четыре лэди обѣдали вмѣстѣ, но обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Дѣвушки ничего не говорили, только поглядывали на часы и другъ на друга. Въ половинѣ восьмого онѣ ушли къ себѣ въ гостиную. Братъ долженъ былъ явиться въ девять часовъ.

Ахъ, какъ медленно тянулось время!

Въ девять часовъ вечера въ первыхъ числахъ іюня еще не бываетъ темно, а только слегка смеркается, и свѣта достаточно, чтобы видѣть лица и разговаривать.

Когда пробило девять, дверь растворилась.

— М-ръ. Клодъ Монументъ!

Дѣвушки взглянули другъ на друга и тяжело перевели духъ. Лэди Мильдредъ встала. Въ дверяхъ стоялъ молодой человѣкъ и глядѣлъ въ комнату смущенными глазами.

— Великій Боже!—пробормотала Берта, но такъ, что всѣ ее слышали.—Да онъ джентльменъ!

Да. У него былъ видъ джентльмена и онъ держалъ себя какъ джентльменъ. Со стороны Берты было грубо сказать это, но у нея голова была набита ремесленниками въ замасленных бурткахъ и фартукахъ, и слова вырвались у нея нечаянно, и она надѣялась, что ихъ не слышали.

Но кто видѣлъ когда-нибудь простолюдина во фракѣ... если только онъ не официантъ! Неужели же этотъ молодой человѣкъ—официантъ?

— Дѣти мои,—сказала лэди Мильдредъ, беря молодого человѣка за руку:—вотъ вашъ братъ; Клодъ—вотъ ваша сестра, Валентина или Виолета.

— Великій Боже!—вырвалось вторичное восклицаніе у Берты, когда она взглянула ему въ лицо.—Онъ похожъ на нихъ обѣихъ!

II. Которая же моя сестра?

Лэди Мильдредъ тронула Бертю за руку, и обѣ вышли изъ комнаты.

— Которая же изъ васъ,—сказала Клодъ, поглядывая то на одну дѣвушку, то на другую:—которая же изъ васъ моя сестра?

Дѣвушки обѣ протянули ему руки, съ удивленіемъ глядя въ глаза, которые съ такимъ же удивленіемъ глядѣли на нихъ.

Ни одна не отвѣчала, но глаза ихъ смягчились и увлажнились.

Вы думаете—пустяки для двухъ дѣвушекъ неожиданно обрѣсти такого брата? Взрослаго и такого красиваго? И развѣ—вы думаете—пустяки для молодого человѣка, въ особенности такого, который вышелъ изъ низшихъ слоевъ общества, найти сестру, тоже перенесенную изъ низшихъ слоевъ и по внѣшности вполне достойную этой перемѣны участи?

Безъ сомнѣнія, у него уже была сестра, да то была Меленда, и два брата, да одинъ изъ нихъ былъ Джо, а другой Самъ.

Клодъ глядѣлъ съ восхищеніемъ на молодыхъ дѣвушекъ, которыя съ такимъ же восхищеніемъ глядѣли на красиваго молодого человѣка съ изящной фигурой и серьезнымъ лицомъ.

Это былъ ихъ братъ, сынъ лондонскаго ремесленника! Какія чары превратили его въ джентльмена?

— Которая изъ васъ моя сестра?—повторилъ онъ.

— Мы не знаемъ, Клодъ,—отвѣчала Віолета, съ угрызеніемъ совѣсти вспоминая о своихъ рисункахъ.

Онъ повернулся къ другой дѣвушкѣ.

— Мы не знаемъ,—отвѣчала Валентина.

— Вы не знаете? Лэди Мильдредъ говорила мнѣ вчера, что познакомить меня съ сестрой.

— Клодъ,—сказала Валентина,—мы обѣ будемъ вамъ сестрами.

— Можетъ ли это быть? Вы не знаете!—повторилъ онъ.

— Мы не знаемъ,—въ четвертый разъ и въ одинъ голосъ подтвердили онѣ.

— Что же намъ теперь дѣлать?

Дѣвушки поглядѣли другъ на друга и покачали головами.—Что намъ дѣлать?—Положеніе было дѣйствительно затруднительное, но вѣдь онѣ этого ожидали.

— Мы совсѣмъ порѣшили этотъ вопросъ передъ вашимъ приходомъ. Вы должны считать насъ обѣихъ сестрами, пока не будетъ объявлено, которая изъ насъ ваша настоящая сестра. А тамъ мы снова обсудимъ положеніе. Но какое счастье, — прибавила

Віолета, хлопая въ ладоши:—какая радость найти такого милаго брата, какъ вы!

Клодъ покраснѣлъ, но наступающія сумерки не дали этого замѣтить.

— Вы должны непременно полюбить насъ!

— А вы меня!—отвѣчалъ Клодъ:—и не быть ко мнѣ слишкомъ требовательными.

— Прежде всего,—теперь разговоромъ завладѣла Віолета:—вы должны рассказать намъ, какъ случилось, что вы — джентльменъ.

Но тутъ, испугавшись, не обидѣла ли его, прибавила:

— Потому что сыновья рабочихъ непохожи на васъ и не говорить, какъ вы.

— Хорошо, я вамъ это расскажу; но неужели вы думали, что я явлюсь къ вамъ прямо изъ мастерской?

— Вотъ что нарисовала Віолета,—сказала Валентина, показывая ему рисунки Віолеты.—Вы видите, что мы приготовились къ худшему.

— Вижу,—отвѣчалъ Клодъ. Смѣясь.—Рисунки прелестны. Могу я взять ихъ съ собой? Благодарю. Ну, такъ садитесь, и я расскажу вамъ свою повѣсть.

Онъ сѣлъ, и онъ, подобно Энею, началъ свою трогательную повѣсть, а онъ, подобно двумъ близнецамъ Дидонамъ, слушалъ его. Когда онъ упомянулъ о ремеслѣ своего отца и о занятіяхъ своей матери, Віолета серьезно попросила его не говорить объ этихъ вещахъ, если это ему непріятно. Но онъ объявилъ, однако, къ ея великому удивленію, что ему нисколько не непріятно, что его мать была прачкой.

Клодъ рассказалъ о своемъ дѣтствѣ и школьныхъ годахъ и о томъ, какъ онъ, благодаря лэди Мильдредъ, сталъ образованнымъ человѣкомъ.

— А теперь что вы дѣлаете, Клодъ?

— Теперь я помощникъ адвоката.

— Онъ помощникъ адвоката, Валь,—каково!

— И имѣю ученую степень.

— О! Віолета, слышишь?

И объ хлопали въ ладоши отъ восхищенія. Имъ и не снилось ничего подобнаго.

— Теперь расскажите намъ про вашу семью,—сказала Валентина.—Есть у насъ еще родственники, кромѣ васъ, Клодъ?

— Душа моя, — замѣтила Віолета, — зачѣмъ намъ ихъ? У насъ навѣрное сотни кузеновъ.

— Во-первыхъ, моя мать.

— О! — вскричали объ.

Ихъ другая мать была жива.

— Она слѣпа и давно уже не работаетъ. Она живетъ въ богадѣльнѣ.

— Клодъ, какъ допустили вы это?

— Ей тамъ хорошо. Лэди Мильдредъ взяла съ меня обѣщаніе, что я не потревожу матушку. Напрасно вы стыдитесь богадѣльни.

— Бѣдная матушка! — сказала Валентина: — слѣпая и въ богадѣльнѣ!

— Пріятнѣе было бы слышать, — замѣтила Віолета, — что она вдова отставного офицера и живетъ на своей виллѣ въ Соутси. Но если она счастлива... продолжайте, Клодъ. Что, нашъ отецъ тоже въ богадѣльнѣ?

— Нѣтъ, онъ умеръ, — строго отвѣтилъ Клодъ. — Мы должны гордиться отцомъ. Онъ былъ искусный ремесленникъ; трезвый и трудолюбивый, честный и всѣми уважаемый. Чего больше требовать отъ отца? Джо хорошо его помнить. Я отъ Джо слышалъ все, что знаю объ отцѣ. Онъ былъ простой рабочій, но я горжусь имъ.

— Ну, и мы будемъ имъ гордиться, — сказала Валентина, хотя ей казалось, что не стоитъ гордиться отцомъ, у котораго были такіе простые добродѣтели, какъ честность, трудолюбіе и искусство.

Какъ видите, читатель, она была очень неопытна и не понимала, что на свѣтѣ все идетъ вкривь и вкось какъ разъ по недостатку этихъ простыхъ добродѣтелей.

— Есть у Поли еще братья и сестры? — продолжала Віолета. — Надѣюсь, что нѣтъ, потому что они не могутъ быть такъ милы, какъ вы, Клодъ.

— У нея есть два брата и сестра. Во-первыхъ, Джо.

— Джо... какъ странно: братъ Джозефъ... или Джо... Нѣтъ, Джо лучше. Мы будемъ звать его Джо, Валь. Онъ, безъ сомнѣнія, работникъ.

— Онъ — старшій сынъ и слесарь, какъ былъ его отецъ. Ему тридцать-шесть лѣтъ, хотя онъ на видъ старше.

— Онъ... вѣроятно, носитъ красный платокъ вокругъ шеи?

— Джо слесарь, — уклонился отъ прямого отвѣта Клодъ, — я видъ у него такой... какъ у слесаря. Но онъ добрый человѣкъ и у него десять человѣкъ дѣтей.

— Десять человѣкъ дѣтей, и все это наши племянники и пле-

мянницы, — замѣтила Віолета: — ну, Валь, Богъ насъ не обидѣлъ родствомъ.

— А послѣ Джо?

— Есть еще Самъ, десятью годами моложе. Онъ учителемъ въ народной школѣ и еще не женатъ. Онъ умнѣе и у него много идей. Въ сущности, слишкомъ много идей и онъ слишкомъ крѣпко за нихъ держится.

— Вы часто видите съ братьями, Клодъ?

— Нѣтъ, не очень. Они не считаютъ меня родней, а Самъ негодуетъ за то, что я обратился въ джентльмена. Къ несчастію, онъ предубѣжденъ противъ всѣхъ, кто хорошо одѣвается и у кого чистыя руки.

— Похожъ Самъ лицомъ на васъ?

— Нисколько. У Сама рыжіе волосы и онъ невысокъ ростомъ. Но онъ очень замѣчательный человѣкъ, потому что ко всему относится серьезно и очень силенъ на видъ.

— Я думаю, что Самъ мнѣ понравится, — задумчиво проговорила Валентина. — Онъ кажется интереснѣе Джо. Каждый человѣкъ долженъ быть силенъ и смѣлъ.

— Самъ очень интересенъ, — сказалъ Клодъ. — Въ особенности когда онъ придетъ въ ярость.

— Есть еще кто-нибудь?

— Еще только Меленда. Она — швея и живетъ съ двумя или тремя дѣвушками, такими же швеями, какъ и она сама. Она свободна и независима, не любитъ совѣтовъ, не терпитъ стѣсненія и смотритъ на меня съ презрѣніемъ за то, что я не простой рабочій. Въ настоящую минуту я не знаю, гдѣ она живетъ, потому что она запретила мнѣ показываться ей на глаза. Но я могу разыскать ее.

— Вы непременно должны разыскать ее, — замѣтила Валентина.

— Ну, а теперь кузены? — сказала Віолета съ покорностью.

— Кузеновъ у насъ, полагаю, сотни, — но я никого изъ нихъ не знаю. Лондонскіе рабочіе, вообще, не считаются родствомъ. Семья такъ легко распадается въ такомъ огромномъ городѣ.

— И слава Богу! — замѣтила Віолета. — Клодъ, не презирай меня. Мы знали кое-что обо всемъ этомъ и раньше, но въ общихъ чертахъ, и потому оно намъ представлялось даже романтическимъ. Но дѣйствительность въ первую минуту дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. Меня дрожь беретъ. Прекрасно, конечно, имѣть брата джентльмена и замѣчательнаго человѣка. Но...

— Наша семья была всегда отъ насъ далеко, — замѣтила Валентина, — а теперь вдругъ стала такъ близка.

Они помолчали нѣсколько минутъ.

— Она такъ же останется далека отъ васъ, какъ и прежде, — замѣтилъ Клодъ. — Вамъ незачѣмъ сближаться съ ней.

— Клодъ! — съ упрекомъ проговорила Валентина.

— Вы сообщили намъ, что у насъ жива мать, и говорите, что намъ незачѣмъ съ ней видѣться! — замѣтила Віолета.

— Наша другая мать — та, которую мы знаемъ, — продолжала Валентина, — и которая насъ воспитала, желала черезъ ваше посредство, Клодъ, познакомить насъ съ нашими неизвѣстными родственниками. Лѣтъ пять или шесть тому назадъ она написала намъ письмо. Оно было адресовано намъ обѣимъ, но предназначалось Полли. „Возлѣ васъ, — писала она, — неизвѣстные вамъ, живутъ тѣ, которые трудятся весь свой вѣкъ, между тѣмъ какъ мы живемъ въ свое удовольствіе: они выбиваются изъ силъ въ то время, какъ мы образуемъ свой умъ и свою душу. Не забывайте, что одна изъ васъ принадлежитъ къ нимъ въ такомъ смыслѣ, какъ другая не принадлежитъ. Поэтому если впоследствии вы попадете въ ихъ среду, то помните старую связь и будьте исполнены любви и состраданія къ нимъ, потому что они — ваши братья и сестры. Грѣхъ вашего брата позорить васъ, а стыдъ вашей сестры — вашъ стыдъ“. Віолета, ты помнишь это письмо?

— Точно я могла его забыть! — серьезно возразила она.

— Видите ли, Клодъ, — пояснила Валентина: — мысль, что мы не сестры, сблизила насъ еще тѣснѣе, чѣмъ еслибы мы были сестрами. Одна изъ насъ — дѣвушка простая и бѣдная, а другая — богатая и знатная. Эта мысль насъ тѣснѣе сблизила, чѣмъ еслибы мы были родными сестрами. Полли всегда и неизмѣнно находится съ нами, но когда мы стараемся представить себѣ, какою бы она была, еслибы ее оставили въ прежней долѣ, то мы никакъ этого не можемъ.

— Я знаю, какою бы она была, — замѣтила Віолета. — Я видѣла ее на улицѣ. Она бы носила густую бахрому волосъ на лбу, сѣрый ватерпруфъ или красный платокъ, громко бы хохотала и ходила, обнявшись съ подружками...

— О, нѣтъ! — сказала Валентина. — Полли была, конечно, одѣта такъ, какъ одѣваются рабочія дѣвушки, но она была бы кроткое созданіе, полна нѣжныхъ и великодушныхъ мыслей.

— Кто бы заронилъ ей въ голову такія мысли? — спросила Віолета. — Развѣ нѣжныя мысли зарождаются сами собой у дѣву-

шекъ въ мастерскихъ? Клодъ, что вы думаете объ этомъ? Могла ли бы Полли походить на Валентину?

Было около полуночи, когда Клодъ ушелъ отъ нихъ.

Послѣ его ухода обѣ дѣвушки бросились другъ другу на шею.

— Валь,—сказала одна.—Я чувствую, что онъ—мой родной братъ. Но я позволяю тебѣ также любить его.

— О, Віолета,—отвѣчала другая.—Та бѣдная слѣпая старушка въ богадѣльнѣ, я увѣрена, что она—моя мать.

III. Джекъ Конвейрсъ.

Нѣкоторые изъ насъ—не всѣ—были когда-то молоды. Они припомнятъ тѣ счастливыя минуты, когда имъ казалось, что жизнь есть одно нескончаемое, сплошное благополучіе.

Такою жизнь представлялась Клоду, когда онъ разстался съ своими сестрами. Впервые онъ подумалъ, что достигъ многого, если такія двѣ дѣвушки могли имъ гордиться.

Онъ шелъ по мостовой, не глядя по сторонамъ, исполненный радостныхъ мыслей, закинувъ голову вверхъ.

Чья-то рука опустилась на его плечо.

Клодъ пришелъ въ себя и взялъ другую руку, которую ему протянули.

— Ты въ Лондонѣ, Джекъ?

— Да. Я въ Лондонѣ. Я уже двѣ или три недѣли какъ сюда пріѣхалъ. Пойдемъ ко мнѣ; моя квартира въ двухъ шагахъ отсюда; поболтаемъ.

Клодъ не былъ расположенъ говорить о чемъ бы то ни было, кромѣ Валентины и Віолеты, но послѣдовалъ за пріятелемъ.

— Гдѣ ты былъ послѣдніе два года?

— Путешествовалъ, работалъ, писалъ эскизы. Живописцу необходимо видѣть свѣтъ, знаешь.

Квартира была отдѣлана по модному: стояли шифоньерки съ китайскимъ фарфоромъ, на стѣнахъ висѣли акварели; было и трюмо; на полу ковры и звѣриныя шкуры. Видно было, что квартиру занималъ человѣкъ со вкусомъ.

Имя Джека пристало всякаго рода людямъ. Оно идетъ и солдату, и государственному человѣку, поэту и ремесленнику, принцу и нищему, герою и шарлатану. Оно требуетъ одного только, чтобы носящій его былъ признанъ современниками тѣмъ самымъ, за что себя выдаетъ: не то, чтобы онъ долженъ былъ быть популяренъ, но надо, чтобы ему вѣрили. Когда Джекъ Конвейрсъ объ-

явить своимъ товарищамъ, что онъ будетъ знаменитъ, они повѣрили ему на слово. Онъ будетъ знаменитъ; его манеры говорили объ этомъ больше, нежели слова или дѣйствія это доказывали. У него было, въ оправданіе этихъ притязаній, хорошее имя и красивая наружность. Онъ ничего не дѣлалъ и не говорилъ для убѣжденія людей въ томъ, что онъ — выдающійся человекъ, кромѣ развѣ того, что понималъ силу молчанія; онъ не болталъ, какъ многіе молодые люди, но когда раскрывалъ ротъ, то говорилъ медленно и спокойно, точно тѣ, что онъ говоритъ, стоятъ того, чтобы его слушали. Онъ также никогда не восторгался, какъ другіе молодые люди, но былъ всегда критически настроенъ. Онъ не смѣялся громко, а только улыбался; это искусство дается въ особенности женщинамъ, но Джекъ Конейрсъ могъ заткнуть за поясъ всѣхъ женщинъ. Въ точности неизвѣстно было, кто его родители, но всѣ считали, что онъ хорошаго происхожденія; у него былъ видъ и манеры человека богатаго; онъ избѣгалъ фамильярности, одѣвался хорошо и повидимому зналъ Лондонъ. „Ученость сущитъ умъ“, — говорилъ онъ, — а потому онъ желалъ быть не ученымъ, а только образованнымъ человекомъ; поэтому онъ ограничился первой ученой степенью; держалъ фортепіано у себя въ комнатахъ, игралъ и пѣлъ немного; также рисовалъ, и всѣ считали, что онъ посвятилъ себя искусству.

По внѣшности онъ былъ средняго роста и худъ. Онъ носилъ рипсе-пез; черты лица его были правильны и тонки; глаза красивые, по съ жесткимъ выраженіемъ; ротъ недуренъ, но губы слишкомъ толсты, а лобъ высокъ и узокъ.

Онъ не казался изнѣженнымъ человекомъ, но имѣлъ несомнѣнно видъ человека, желающаго казаться утонченнымъ и по костюму, и по манерамъ, и по образу жизни. Клодъ былъ одинъ изъ его товарищей, который вѣрилъ въ него. Были и такіе, — долженъ сказать, къ сожалѣнію, — которые презрительно смѣялись при имени Конейрса.

Комната была освѣщена лампой съ абажуромъ. На каминѣ стояли три небольшихъ портрета. На нихъ изображены были лица трехъ дѣвушекъ и очевидно одной и той же рукой.

— Ты смотришь на эти головы, — сказалъ Джекъ Конейрсъ. — Это портреты трехъ женщинъ, — онъ вздохнулъ, — трехъ женщинъ; бѣдняжки, онѣ были такъ добры, что докончили мое воспитаніе.

— Какимъ образомъ?

— Заставивъ меня въ себя влюбиться. Я открылъ, что человекъ не можетъ быть великимъ художникомъ, если лично не испытаетъ, что такое страсть. Какъ можетъ онъ изобразить то, чего

никогда не испытывалъ? Со всѣмъ тѣмъ для художника любовь должна быть скорѣе воспоминаніемъ, нежели живой вещью, а потому каждый опытъ долженъ быть кратковременный. Вотъ это французская дѣвушка, живая, полная *espieglerie*; это вотъ итальянка—созданіе, состоящее изъ одной страсти; а это—румынка. Женщина, любовница или жена, въ будуарѣ или въ салонѣ, должна играть роль въ карьерѣ челоуѣка.

Пельгамъ или великій д'Орсэ не сказалъ бы больше. Клодъ, однако, не сталъ спрашивать о портретахъ, хотя, безъ сомнѣнія, съ каждымъ былъ связанъ цѣлый историческій эпизодъ.

— А что ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Я нанялъ мастерскую и начну работать надъ своей картиной. Что касается успѣха...

— Разумѣется, успѣхъ тебѣ обезпеченъ,—сказалъ утвердительно Клодъ.

— Не знаю. Банальный успѣхъ—рукоплесканія толпы—меня не привлекаютъ. Я никогда не буду въ состояніи намалевать полдюжины картинъ въ годъ. Быть можетъ, одну въ четыре-пять, а можетъ, и въ десять лѣтъ. Картину, которая у меня на умѣ, я уже обдумываю, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ; я вложилъ въ нее всю душу. Сюжетъ ея—частица меня самого. Клодъ!—и онъ внушительно поднялъ палецъ:—я увѣренъ, что это будетъ великая картина; въ нее будетъ, по крайней мѣрѣ, вложена вся душа художника.

Клодъ пробормоталъ что-то невнятное о томъ, что картина съ душой должна быть дѣйствительно достойна таланта его пріятеля.

— До сихъ поръ картина, задуманная мною, была неполна, за недостаткомъ одного лица. Но я его нашелъ наконецъ. Я открылъ это лицо въ народномъ концертѣ, гдѣ меня заставила пѣть лэди Ольдеборгъ—концертъ этотъ давался въ мѣстѣ, называемомъ Шордичъ. Послѣ концерта я разговаривалъ съ дѣвушкой, у которой такое лицо, какое мнѣ нужно, но оно еще, къ прискорбію, несовершенно. Она необразованна, но доступна впечатлѣніямъ. Я доберусь до этой дѣвушки. Я вырву ее изъ ея среды и воспитаю ея лицо. Все будетъ принесено въ жертву воспитанію ея лица. Ея нужно сытно кормить и одѣвать въ шелкъ и бархатъ. Она должна пожить въ праздности, и тогда ея лицо расцвѣтетъ какъ розовый бутонъ. Теперь оно несовершенно, но оно можетъ усовершенствоваться, и тогда моя картина готова. Глаза уже и теперь хороши; въ нихъ выражается поэзія и страсть.

Онъ говорилъ чуть не съ восторгомъ.

— Неужели ты не можешь нарисовать ее, не вырывая ее изъ ея среды?

— Нѣтъ, я хочу совсѣмъ удалить ее изъ того мѣста, гдѣ она живетъ. Она должна находиться безусловно подъ художественными вліяніями. Она должна быть моею... моею моделью... и рабой искусства.

— Не лучше ли будетъ для добраго имени дѣвушки оставить ее тамъ, гдѣ она находится теперь?

— Филистеръ! Я хочу завладѣть ею въ интересахъ искусства. Мнѣ ее нужно. Художникъ не можетъ думать о добромъ имени дѣвушки, когда у него въ виду...

— Не дѣлай этого; мои собственные родственники—тоже люди этого круга и дорожатъ своимъ добрымъ именемъ гораздо больше, чѣмъ интересами искусства.

Джекъ поспѣшилъ переимѣнить разговоръ. Когда вы касаетесь добраго имени женщины, между которыми можетъ попасться и сестра вашего собесѣдника, вы стоите на опасной почвѣ.

— Я видѣлъ, что ты вышелъ отъ лэди Мильдредъ Эльдриджъ, но ты такъ скоро шелъ, что я долго не могъ догнать тебя. Она дружна съ тобой?

— Она—лучшій мой другъ.

— Я встрѣчалъ ихъ во Флоренціи прошлою зимой, и имѣлъ случай быть полезнымъ имъ: одна изъ дѣвушекъ хорошо рисуетъ. И обѣ очень милы.

— Благодарю тебя,—сказалъ Клодъ, краснѣя. — Одна изъ нихъ моя сестра.

— Что такое?

И Джекъ Конейрсъ привскочилъ на стулъ и выронилъ папиросу изъ рта.

— Что такое? Одна изъ нихъ—твоя сестра?

Онъ слышалъ, какъ и всѣ, объ этой исторіи, въ общихъ чертахъ: что одна изъ дѣвушекъ—богатая наслѣдница, а другая—дочь бѣднаго ремесленника.

— Онѣ обѣ прелестныя, восхитительныя дѣвушки. Поздравляю тебя. Но которая же твоя сестра?

— Не знаю. Моя сестра была взята на воспитаніе лэди Мильдредъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ тайна сохранялась ею до сегодня.

— Но ты самъ можешь догадаться. Такого рода вещей нельзя скрыть. Должно же быть сходство... съ твоимъ отцомъ, напримѣръ...

— Отецъ мой умеръ, а мать слѣпа.

— Во всякомъ случаѣ ты долженъ же когда-нибудь объ этомъ узнать.

— Я думаю, что узнаю, если мнѣ скажутъ.

— Это, право, похоже на эпилогъ латинской комедіи.

— А между тѣмъ это только прологъ англійской комедіи. Ты знаешь мою исторію, Конейрсъ. Всѣ ее знаютъ; когда я встрѣчаюсь въ первый разъ съ людьми, то слышу, какъ они шепчутъ другъ другу на ухо:—вотъ сынъ ремесленника! Я не слышу словъ, но читаю ихъ на ихъ лицахъ. Это не бѣда. Но до сихъ поръ я былъ очень одинокъ!..

— Разумѣтся,—отвѣчалъ Конейрсъ, дѣлая видъ, что вполне ему симпатизируетъ,—разумѣтся.

Но онъ думалъ о тѣмъ, которая изъ двухъ дѣвушекъ больше похожа на его пріятеля.

— И мнѣ трудно объяснить тебѣ, какое необыкновенное счастье найти сестру... сестру, которая принимаетъ участіе въ тебѣ и даже гордится тобой...

— Ну, съ своей стороны, я никогда не желалъ братьевъ и сестеръ,—замѣтилъ Джекъ.—Съ ними надо дѣлиться имуществомъ и они причиняютъ тѣмъ хлопотъ. Но, съ твоей точки зрѣнія, ты, конечно, правъ. Очень должно быть скучно не имѣть родныхъ.

Клодъ засмѣялся и собрался идти.

— У меня есть родные, но не такого рода, какъ ты разубѣшь.

— О, я понимаю и жалѣю тебя. Я нахожу всякое иное словоіе, кромѣ нашего, невозможнымъ для разговора и неинтереснымъ для изученія. Ну, я радъ, что встрѣтился съ тобой, мой милый. Приходи почаще—такъ часто, какъ только можно, и скажи мнѣ, когда узнаешь, которая—твоя сестра. Сдѣлай меня участникомъ твоей тайны. Валентина или Віолета—я зналъ, что это не настоящее ихъ имя. Скажи мнѣ, когда узнаешь, которая изъ нихъ—твоя сестра.

— Непремѣнно. Прощай.

Джекъ Конейрсъ, оставшись одинъ, приготовилъ себѣ лимонаду и выпилъ. Потомъ сѣлъ и сталъ размышлять не то съ надеждой, не то съ уныніемъ на лицѣ. Когда молодой человѣкъ оставить университетъ двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду, рѣшившись прославить себя, но не знаетъ, какой путь избрать для этого; когда онъ безцѣльно странствуетъ два года и рѣшится избрать своей карьерой искусство, — какъ живописцы надменно величаютъ свою профессію, точно романистъ или поэтъ не такой же художникъ,—когда онъ припомнить при этомъ, что искусство

не всегда бываетъ выгоднымъ дѣломъ, а тѣмъ временемъ деньги ни откуда не являются, когда, наконецъ, въ бессонныя ночи передъ нимъ встають призраки, предрекающіе: не добиться тебѣ успѣха, даже шарлатанствомъ! — тогда по-неволѣ мысли получаютъ мрачный оттѣнокъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ письмо на столѣ. Онъ взялъ его, поглядѣлъ на почеркъ и разорвалъ конвертъ.

„Мой милый Джекъ, — читалъ онъ поспѣшно, какъ бы затѣмъ, чтобы поскорѣе отвязаться, — ты уже три недѣли, какъ вернулся въ Лондонъ и до сихъ поръ у меня не былъ. Ладно. Рано или поздно, а ты придешь ко мнѣ. Я умѣю ждать, мой милый. Я очень хорошо знаю, почему ты сказалъ мнѣ, что любишь меня, и знаю, каковы твои денежныя дѣла: Дѣлай, чтó хочешь. Но черезъ полгода твоя шляпа будетъ висѣть въ моей передней и ты будешь послѣ того вполне счастливъ. У меня будутъ деньги, но у тебя будетъ свобода и карманныхъ денегъ вдоволь. Я вѣдь не ревнива, потому что я знаю ту единственную особу, которую ты любишь — поди и погляди на нее въ зеркало. Когда ты убѣдишься, что не можешь обойтись безъ меня, то раскаешься въ своемъ невниманіи и вернешься ко мнѣ. Когда мы женимся, мы будемъ задавать обѣды и ты будешь разыгрывать знатнаго барина, а я — преданную и любящую жену, и мы будемъ вполне достойны другъ друга. На дняхъ я видѣла твоихъ сестеръ. На твоемъ мѣстѣ я бы заглянула къ нимъ. Прощай, мой Джекъ. Любящая тебя Алисія“.

Джекъ прочиталъ это письмо до конца. Затѣмъ сжегъ его, потому что каждое слово въ немъ была правда, а правду лучше всего скрывать подъ пепломъ.

„Еслибы я могъ какъ-нибудь пронюхать, хоть при помощи Клода, которая изъ нихъ — богатая наслѣдница, да такъ, чтобы онъ объ этомъ не знали, то я могъ бы попытаться вырваться изъ когтей Алисіи. У нея всегда была отвратительная замашка называть вещи своими именами, а теперь она съ каждымъ днемъ становится грубѣе“.

IV. Тихое пристанище.

Въ одну изъ субботъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, послѣ полудня, когда солнце пекло, небо было безоблачно, а вѣтерокъ вѣялъ прохладой, всѣ старики — обитатели богадѣленъ, расположенныхъ между Шордичемъ на югъ и Тоттенгэмомъ на сѣверъ, — вышли на солнце, а всѣ старушки заняли мѣста въ тѣни, потому

что такъ бываетъ въ мірѣ: старики ищутъ солнца, потому что оно источникъ тепла, то-есть силы, а женщины ищутъ тѣни, потому что могутъ оттуда смотрѣть на солнце и восхищаться тепломъ и силой. Въ часовнѣ богадѣльни имени Лилли, которая была отперта, сидѣла одна изъ богадѣленскихъ старухъ. Она занимала квадратную церковную скамью, гдѣ были мягкія подушки. Она была не очень стара, такъ какъ ей было только шестьдесятъ лѣтъ или около того, а эти годы считаются молодыми для обитательницы богадѣльни Лилли, но казалась старой, потому что волосы у нея были совсѣмъ бѣлые и она сидѣла неподвижно. Глаза ея были закрыты, такъ что вы могли бы подумать, что она спитъ. Но она не спала—она была слѣпа.

Позади нея, на одной изъ четырехъ длинныхъ скамеекъ, задравъ ноги кверху, а спиной прислонившись къ стѣнѣ, сидѣла молодая дѣвушка лѣтъ пятнадцати и читала романъ. Она была хорошенькая дѣвушка, съ тонкими чертами лица, лондонскаго типа, весьма способная на остроумные отвѣты и не безъ привычки къ грубоватымъ шуткамъ. Обѣ женщины сидѣли неподвижно, старая—потому, что дремала, молодая—потому, что была погружена въ свой романъ.

Богадѣльня имени Лилли—почтенное, хотя и не великолѣпное учрежденіе. Имя ея основателя, Джосіа Лилли, гражданина и церковнаго старосты, увѣковѣчено на мраморной доскѣ, прибитой надъ главнымъ входомъ по срединѣ. Богадѣльня состоитъ изъ ряда простенькихъ коттэджей изъ темно-краснаго кирпича; въ каждомъ двѣ комнаты, одна наверху, другая внизу, съ кухней или прачешной позади. Въ большинствѣ оконъ, стариннаго фасона, съ мелкими переплетами, виднѣются горшки съ геранью, и въ нѣкоторыхъ полуспущена чистая бѣлая штора, какъ это въ модѣ у респектабельныхъ лондонскихъ классовъ. Если вы обойдете вокругъ Лондона, гдѣ преобладаютъ чистенькіе небольшіе коттэджи, вы вездѣ увидите полу-опущенныя шторы. Это первое свидѣтельство респектабельности, первый шагъ къ порядочности. Негръ, съ кожей толстой, какъ у крокодила, покупаетъ пологъ отъ комаровъ, когда намѣревается разыграть джентльмена; лондонская хозяйка, когда въ ней проснется честолюбіе, вѣшаетъ у себя бѣлую штору, какъ флагъ, обозначающій ея притязанія на порядочность.

Передъ коттэджами идетъ небольшой тротуаръ, по которому очень удобно гулять въ хорошую погоду, а затѣмъ четырехугольная клумба съ грядами, на которыхъ растутъ картофель и капуста.

Коттэджи отдѣляются отъ дороги низкой кирпичной стѣной съ калиткой по срединѣ. Коттэджей пять съ каждой сто-

роны большой двери, ведущей въ самую крохотную часовню во всемъ англійскомъ королевствѣ. Никто, кромѣ богадѣленскихъ обитателей, не знаетъ, есть ли капелланъ при часовнѣ и бываетъ ли въ ней служба, или же она служить только мѣстомъ для благочестивыхъ размышленій и отдыха.

Слѣпая старушка — наша знакомая, миссисъ Монументъ. Какъ она попала въ богадѣльню, никому неизвѣстно, но мы можемъ подозрѣвать въ этомъ благотѣльное участіе лэди Мильдредъ. Вообще говоря, бѣдной женщинѣ такъ же трудно попасть въ богадѣльню, какъ богатому въ царствіе небесное.

Какъ бы то ни было, миссисъ Монументъ попала въ богадѣльню и вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ наслаждается полнымъ спокойствіемъ и отдыхомъ, хотя ее отдѣляетъ отъ шумнаго свѣта только низенькая кирпичная стѣна, а отъ безусловной нищеты — коттеджъ, десять шиллинговъ пенсіи въ недѣлю и такая помощь, какую ей доставляла лэди Мильдредъ, на примѣръ, въ видѣ ухода ея внучки, дѣвушки, читавшей на скамьѣ и находившей, что ухаживать за бабушкой — болѣе легкій способъ зарабатывать деньги, чѣмъ тѣ, какіе достались на долю ея подругамъ.

Бѣдная старушка наслаждалась своимъ покоемъ. Она ничего больше не желала: ея мальчики вышли въ люди; дочери были порядочныя дѣвушки. Ей оставалось только благодарить Бога.

Не знаю, какъ долго она тутъ сидѣла, но, по всей вѣроятности, съ самаго обѣда — трапезы, которой придается гораздо меньше значенія въ богадѣльнѣ Лилли, нежели въ городской ратушѣ. Это торжество обыкновенно справляется въ часъ пополудни, а теперь было уже четыре часа.

Она вздремнула послѣ обѣда и теперь уже проснулась, какъ это можно было видѣть по движенію ея пальцевъ. Слѣпые сидятъ подолгу тихо и терпѣливо; они немного говорятъ, но много думаютъ. Тщеславные люди, прочитавшіе много книгъ, втайнѣ воображаютъ, что кто не читаетъ, тотъ не умѣетъ и думать. Какъ будто бы книга жизни была когда-либо напечатана въ типографіи! Какъ будто бы каждой старой женщинѣ не хватить опыта ея жизни, чтобы продумать еще полтора года лѣтъ!

Вдругъ миссисъ Монументъ услышала шумъ, заставившій ее вздрогнуть и выпрямиться; щеки ея покраснѣли и губы также.

— Рода! — вскричала она, — это шаги моего мальчика. Это шаги твоего дяди Клода. Ступай, дѣвочка, и приведи его сюда.

И она стала радостно ждать прихода сына. Но вмѣстѣ съ его шагами слышались другіе шаги, ей незнакомые. Она встала со скамейки и остановилась въ дверяхъ.

— Матушка!—сказалъ Клодъ и поцѣловалъ ее.

— Сынъ мой!—отвѣчала она, тихонько проводя рукой по его лицу.—Я тебя не ожидала сегодня. Кто съ тобой? Я слышала дѣвичьи шаги. Ты, можетъ быть, напелъ себѣ, наконецъ, подругу, Клодъ?

— Со мной двѣ молодыхъ барышни. Онѣ пришли повидаться съ вами.

— Двѣ молодыя барышни? Чтожъ, попроси ихъ въ домъ. Рода, бѣги скорѣй и придвинь кресла.

Клодъ провелъ мать въ котѣджъ. Тамъ стояли три кресла въ гостиной. Старушка сѣла на одно около камина, а дѣвушки заняли два другихъ.

Рода стояла около бабушки, съ любопытствомъ глядя на посетительницъ.

— Матушка,—сказалъ Клодъ,—вы помните вашу маленькую Полли?

— Помню ли я мою дорогую Полли? Ахъ, Клодъ, неужели я могла ее забыть!

— Мы въ послѣднее время рѣдко говорили о ней.

— Ты видѣлъ ее, Клодъ?

Она взяла его за руку.

— О! ты видѣлъ ее; лэди Мильдредъ говорила, что она до поры до времени не покажетъ ея тебѣ. Скажи мнѣ—какая она?

— Я видѣлъ ее, матушка. Она—высокая и красивая дѣвушка. У нея манеры и воспитаніе барышни. Вы не пожалѣете, что разстались съ ней.

— Я разсталась съ ней, чтобы спасти ее отъ большой опасности, мой другъ. Я говорила себѣ: „если я хоть одного изъ нихъ могу спасти, то обязана это сдѣлать“. И потому я разсталась съ ней.

— А эта опасность... теперь миновалась?

Клодъ думалъ, что она подразумѣваетъ недостатокъ работы, бѣдность, существованіе подаянiемъ, всѣ бѣды, о которыхъ онъ помнилъ, какъ о страшилищахъ своего дѣтства.

— Вы теперь взрослые люди. Еслибы то, чего я боялась, случилось—хотя этого не можетъ быть—для васъ теперь это не было бы такъ страшно. Самъ—большой человѣкъ и ты уже на своихъ ногахъ, и Меленда—трудолюбивая дѣвушка... о! теперь васъ нельзя соблазнить.

— Такъ какъ опасность миновалась, то...—Клодъ взялъ мать за руку. — ...то хотѣли бы вы увидѣться съ Полли?

Она ухватила за его руку.

— Клодъ! ты привелъ ее? Но я общала лэди Мильдредъ...

— Лэди Мильдредъ прислала ее.

— О!

Она вскочила съ мѣста и громко закричала, протягивая руки:

— Дитя моя! скорѣй, скорѣй обними свою мать!

Объ дѣвушки вскочили съ мѣста. Клодъ далъ имъ знакъ подождать.

— Сейчасъ, матушка. Имѣйте терпѣніе. Вы не знаете, что Полли была воспитана вмѣстѣ съ родною дочерью лэди Мильдредъ, Беатрисой. Но никто не знаетъ, кромѣ самой лэди Мильдредъ, которая—миссъ Эльдриджъ и которая—Полли. Она желаетъ, чтобы пока этого никто не зналъ. Я привелъ къ вамъ обѣихъ. Ихъ зовутъ Валентиной и Віолетой, но которая изъ двухъ ваша дочь—этого я не могу вамъ сказать.

Она не поняла ни одного слова изъ того, что ей говорилъ Клодъ, но стояла, вытянувъ руки и ища свою дочь.

— Отдайте мнѣ мою Полли!—рѣзко закричала она.

Клодъ подвелъ къ ней Валентину.

— Матушка, вотъ Валентина.

Стѣнная женщина поспѣшно ощупала рукой лицо, горло и талию Валентины. Потомъ обняла ее и принялась цѣловать безчисленное число разъ, плача и рыдая надъ ней.

— О, моя милая, моя милая! ты лицомъ похожа на Клода. Я знала, что ты будешь похожа на него и на Джо. Скажи мнѣ свое имя. Дай мнѣ услышать твой голосъ.

— Меня зовутъ Валентина,—отвѣчала дѣвушка.

— Лицо Клода, а голосъ не его. Однако я знаю этотъ голосъ. Что касается Валентины... Валентины... я никакъ Валентины не знаю. Поцѣлуй свою мать, Полли. Твое настоящее имя Марла, моя милая, но я всегда звала и буду звать тебя Полли. О, моя милая, еслибы ты знала, какъ я жаждала тебя видѣть!

— Матушка,—сказалъ Клодъ,—вы не очень надѣйтесь, что это Полли. Вы еще не видѣли Віолету. Быть можетъ, Віолета...

— Віолета? О! я полагаю, что это—родная дочь милэди, красавица миссъ Эльдриджъ, на которую моя Полли была такъ похожа.

— Матушка, поглядите на нее.

И Клодъ положилъ ея руку на плечо Віолеты.

— Я Віолета,—сказала дѣвушка.

Но въ то время, какъ Валентина горячо отвѣчала на объятія матери и возвращала каждый ея поцѣлуй, Віолета стояла блѣдная и трепещущая.

Слѣпая женщина вздрогнула. Потомъ оцупала лицо дѣвушки, какъ и лицо Валентины, но медленно и критически.

— Это лицо тоже Клода,—сказала она.—Но чей это голосъ? Поговорите опять, вы, другая, кого я приняла за мою дочь.

— Я Валентина,—проговорила та.

— Чтѣжъ это значитъ, Клодъ?—спросила бѣдная, сбитаая съ толку, старушка.—У обѣихъ твое лицо и голосъ одной напоминаеть мнѣ голосъ твоего отца, котораго онѣ никогда не видѣли. Скажи мнѣ, чтѣ это значитъ? которая же моя Полли?

— Это значитъ, матушка, то, чтѣ я вамъ уже говорилъ. Одна изъ этихъ дѣвицъ—миссъ Эльдриджъ, а другая — Полли. Но я не знаю, которая.

— Развѣ вы не хотите и меня поцѣловать? — спросила Виолета.

Старушка поцѣловала ее, но холодно, потому что сомнѣвалась.

— Не знаю,—сказала она,—не могу сказать, которая изъ васъ Полли; что касается миссъ Беатрисы...

— О!—сказала Валентина,—не думайте о Беатрисѣ. Скажите намъ только, чтѣ мы можемъ для васъ сдѣлать, и счастливы ли вы?

Миссисъ Монументъ сѣла прежде, нежели отвѣтить. Онѣ видѣли, что она какъ-то съѣжилась. Выраженіе любви сошло съ ея лица; она помнила, что одна изъ двухъ—дочь лэди Мильдредъ; ну, вдругъ она расцѣловала такъ горячо миссъ Беатрису? и какимъ образомъ она могла чувствовать нѣжность къ какой-то полу-дочери!

Дѣвушки молчали и старушка тоже угрюмо молчала.

— Послушайте, матушка, вѣдь одна изъ дѣвушекъ, вы знаете, Полли,—началь Клодъ.

— Одна изъ этихъ дѣвицъ—миссъ Беатриса, Клодъ, и она выказываетъ большую доброту, что она пришла навѣстить старую слугу своей матери. Я бы желала видѣть ея хорошенькое личико.

Никто изъ дѣвушекъ не отвѣчалъ.

— У нихъ у обѣихъ хорошенькія личики, матушка; что касается Беатрисы, она такъ похожа на Полли, что вы бы и не отличили. А что касается Полли, то она такъ похожа на Беатрису, что вы бы никогда не подумали, что она родилась не барышней.

-- Все это одна комедія, Клодъ,—сказала старушка строго.—Если я не могу узнать свою родную дочь, то лучше мнѣ совсѣмъ ея не видѣть. Какое мнѣ дѣло до того, что она одѣта, какъ и ея барышня, и сама похожа на барышню? Какъ можетъ она быть барышней, когда ея мать была когда-то нянькой, а затѣмъ прач-

кой, а отецъ ея—простой ремесленникъ? Не говори пустяковъ, Клодъ. Ты послѣ этого станешь увѣрять меня, что и ты—баринъ.

— Я васъ въ этомъ не увѣрять, матушка.

— Нѣтъ, ты слишкомъ уменъ. Что касается Полли, то если вы бросите играть комедію и будете вести себя разсудительно, то я буду очень рада, если она придетъ ко мнѣ когда-нибудь, когда барышня ее отпуститъ.

— О, Валь!—промолвила Віолета.

— Милая моя,—сказала Валентина, цѣлуя лобъ бѣдной старушки,—мы не знаемъ. Право же, никто этого не знаетъ, кромѣ леди Мильдредъ. Мы будемъ обѣ приходить, если вы позволите, но порознь нельзя намъ придти, потому что мы не знаемъ, которая изъ насъ Полли.

Старушка покачала головой.

— И я этого не знаю.

Тутъ новое лицо показалось въ дверяхъ. То былъ чернорабочій—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Онъ несъ въ рукѣ мѣшокъ съ инструментами, въ другой держалъ куртку; было жарко, и онъ снялъ ее, оставшись въ одномъ жилетѣ. И вокругъ шеи его дѣйствительно былъ повязанъ тотъ красный платокъ, который дѣвушки ожидали видѣть вокругъ шеи брата. У него во рту была трубка. Совсѣмъ какъ есть ремесленникъ. И, быть можетъ, для того, чтобы устранить всякую мысль о комедіи, руки его были выпачканы и замаслены. Онъ поглядѣлъ на собравшуюся компанію—и удивился. Но вынулъ трубку изо рта, потому что былъ вѣжливый ремесленникъ.

— Здравствуйте, матушка,—сказалъ онъ.

И затѣмъ поцѣловалъ дочь.

— Здравствуй, Рода.

Послѣ того онъ пожалъ руку Клоду.

— Адмиралъ, какъ поживаете?

— Вотъ Джо,—представилъ его Клодъ. — Джо живетъ въ Тоттенгэмѣ. И по субботамъ и воскресеньямъ всегда навѣщаетъ матушку.

— Джо—добрый сынъ и добрый отецъ девятирехъ дѣтей,—сказала старушка.

Джо сѣлъ на столъ, такъ какъ другого мѣста не было, и младнокровно слушалъ эти похвалы. Дѣвушки замѣтили, что у него были красивыя черты лица, и что еслибы ему выбрить подбородокъ, вымыть лицо и надѣть чистую бѣлую рубашку, да причесать его волосы, то онъ былъ бы удивительно похожъ на Клода, только лѣтъ на двѣнадцать или болѣе постарше его.

Шестнадцать лѣтъ женатой жизни и девять человѣкъ дѣтей старятъ человѣка. Что касается его занятій, то онъ былъ правой рукой извѣстнаго маляра, декоратора и слесаря въ Тоттенгэмѣ; одинъ изъ тѣхъ полезныхъ гражданъ, которые кладутъ трубы и кладутъ ихъ северно, которые поправляютъ краны и чистятъ колодцы; чинятъ водопроводы въ кухняхъ и никогда не уйдутъ изъ дома, куда ихъ пустили, безъ того, чтобы не испортить трубы, крана и вообще не произвести какого-нибудь поврежденія. Ихъ ремесло такъ выгодно, что быстро превращается въ настоящую профессію, и въ скоромъ времени, вѣроятно, станеть соперничать съ адвокатурой, привлекая самые свѣтлые и быстрые англійскіе умы и цвѣтъ англійскихъ университетовъ. Джо, быть можетъ, былъ уменъ въ другомъ родѣ, чѣмъ его отецъ, но понималъ дѣло и зналъ, какъ зашибить копѣйку, если не для себя, то для своего хозяина. Онъ былъ при этомъ трезвый человѣкъ, развѣ только напьется когда въ субботу вечеромъ. Но у всѣхъ насъ есть свои слабости и недостатки.

— Джо, — сказала Клодъ, — я привелъ твою сестру Полли, — ты помнишь маленькую Полли? — повидаться съ матушкой.

— О! — отвѣчалъ Джо хладнокровно, — ты ее привелъ?

— Ты давно уже не видѣлъ ея, девятнадцать лѣтъ, и теперь она выросла и стала настоящей барышней.

— Вотъ какъ! — замѣтилъ Джо.

Но предметъ этотъ, очевидно, мало интересовалъ его.

— Она воспитывалась съ миссъ Эльдриджъ, и никто не знаетъ, которая изъ нихъ Полли. Вотъ одна изъ этихъ молодыхъ дѣвицъ — Полли, но которая, мы не знаемъ.

Джо поглядѣлъ на одну, потомъ на другую. Затѣмъ улыбнулся. Затѣмъ провелъ рукой по губамъ, и улыбка перешла въ глаза, которые заблестѣли.

— О! — сказалъ онъ, — вы всѣ не знаете, которая изъ этихъ двухъ дѣвицъ Полли и которая нѣтъ? О! о! И никто не знаетъ?

— Никто, кромѣ лэди Мильдредъ.

— О!

И тутъ Джо захохоталъ-было, но удержался.

— Никто не знаетъ. Забавная эта штука, Клодъ, не правда ли?

Клодъ глядѣлъ на брата, но думалъ о двухъ дѣвушкахъ и о томъ, въ какое онѣ попали странное положеніе.

— Рода, дитя мое, поди сюда. Стань между двумя барышнями на минуту. Такъ! Довольно.

И Джо опять захохоталъ.

— Никто не знаетъ! Забавная штука! Ну, коли никто не знаетъ, и я не знаю.

— Неужели у тебя не найдется ласковаго слова для сестры, Джо?—спросилъ Клодъ.

— Скажи мнѣ, которая она, и я ее поцѣлую...

Віолета вздрогнула.

— ...Но я не могу цѣловать ихъ обѣихъ, не правда ли? Даже Самъ нашелъ бы, что это слишкомъ большая дерзость для рабочаго человѣка. Нѣтъ, Клодъ, если одна изъ этихъ дѣвицъ—моя сестра, то она слишкомъ хорошо одѣта для меня, для Роды и для ребятъ. У рабочихъ людей не можетъ быть сестеръ, разодѣтыхъ въ атласъ. Что касается нашего полковника—и онъ положилъ руку на плечо Клоду—онъ щеголь, но мы къ нему привыкли. Я не знаю хорошенько, откуда онъ беретъ деньги, но онъ говоритъ, что добываетъ ихъ честнымъ трудомъ...

— О!—вскричала Віолета.—Это гнусно! Деньги Клода честно имъ заработаны.

Сама она могла многое перенести, но неужели же она допустить, чтобы Клода оскорбляли?

— Джо совершенно правъ,—замѣтилъ Клодъ.

— Когда сестры рабочихъ людей носятъ лайковые перчатки и шелковые ленты, то весьма естественно бываетъ спросить: откуда у нихъ берутся деньги? но не всегда легко на это отвѣтить. Поэтому не могу сказать, чтобы мнѣ пріятно было видѣть Полли. Что касается трудовъ Клода...

— Труды Клода,—перебила Віолета,—такого рода, что вы не можете даже ихъ понять...

— Продолжайте!—ухмыльнулся Джо:—я люблю дѣвушку съ душкомъ.—Онъ всталъ и взялъ—было трубку въ ротъ, но она уже погасла.

— Прощайте, матушка. Я зайду завтра утромъ.

Онъ кивнулъ головой Клоду.

— Прощай, бригадиръ. Что касается молодыхъ барышень...

Онъ поглядѣлъ на обѣихъ, потомъ повернулся въ своей дочери Родѣ. И опять улыбнулся, и улыбка все шире и шире расплзалась у него по лицу, и онъ громко захохоталъ.

— Хо! хо! и никто не знаетъ.

Онъ, хохоча, вышелъ изъ комнаты, и они слышали, какъ онъ хохоталъ, идя по двору и наконецъ выйдя на улицу.

Когда человѣкъ идетъ по улицѣ одинъ и хохочетъ, это всегда производитъ непріятное впечатлѣніе.

— Чему онъ смѣется?—спросила Віолета.

— Смѣхъ, — отвѣчалъ Клодъ, — вызывается различными причинами, а въ особенности неожиданностью. Положеніе ново для него и потому онъ находить его, должно быть, забавнымъ.

— Джо былъ всегда добрымъ сыномъ, — проговорила мать, — хотя и не такъ уменъ, какъ Самъ. О! Клодъ, еслибы ты послѣдовалъ примѣру Сама, ты былъ бы теперь тоже школьнымъ учителемъ.

— Дѣло сдѣлано, матушка, теперь его не передѣлаешь. Но намъ пора, я думаю, идти, и я приведу къ вамъ Полли, какъ только мы узнаемъ, которая изъ нихъ — Полли; и тогда вы не будете бояться, что примете миссъ Эльдриджъ за Полли.

Всѣ, кромѣ Роды, почувствовали себя неловко, когда старушка встала и, сложивъ руки на фартукъ, проговорила медленно, такъ какъ говорила вещи, которыя считала приличнымъ сказать въ данномъ случаѣ; а хорошія манеры не должны быть слишкомъ торопливы.

— Свидѣтельствую вамъ свое почтеніе, миссъ Беатриса, и покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе милэди. Я надѣюсь, что Полли будетъ попрежнему хорошо себя вести, и я буду очень довольна видѣть ее, когда вы кончите играть комедію, которая васъ, конечно, забавляетъ. Она можетъ придти послѣ полудня и остаться до девяти. Или же я отпущу Роду домой, и она можетъ здѣсь переночевать, если милэди позволить.

V. У РАБОТНИЦЪ.

Дѣвушки вышли изъ богадѣлни, повѣся носъ. Имъ удалось только огорчить старушку и пристыдить самихъ себя.

— Послѣ матери мы должны повидаться съ сестрой, — сказала Валентина, приходя въ себя. — Пойдемъ къ ней сегодня!

— Я думаю, лучше нѣтъ, — отвѣчалъ Клодъ. — Что касается меня, то всякое посѣщеніе Меленды дѣлаетъ меня глубоко несчастнымъ. Лучше отложить до другого дня.

— Близко она отсюда живетъ, Клодъ?

— Она живетъ въ двухъ миляхъ отсюда, въ мѣстѣ, называемомъ Гокстонъ. Мы отправимся къ ней въ понедѣльникъ. Не бойтесь.

— Мы не боимся, — отвѣчала Віолета, обманывая больше себя, нежели брата. — Но мнѣ кажется, что мы не справимся съ положеніемъ. Какъ вы думаете: сестра Меленда приметъ насъ тасково?

— Нѣтъ, не думаю, — отвѣчалъ Клодъ рѣшительно. — Сколько

я ни видѣлъ Меленду, она всегда бываетъ въ ярости. Вы знаете, что она ужасно, позорно бѣдна.

— Я думаю, Клодъ,—сказала Валентина,—что намъ лучше послѣдовать вашему совѣту и отправиться къ ней въ понедѣльникъ.

Въ Гокстонѣ, въ Иви-Лэнѣ, Меленда жила въ домѣ, принадлежавшемъ владѣльцу на феодальныхъ правахъ, и работала цѣлый день. Всѣ дома въ Иви-Лэнѣ, или почти всѣ — потому что тамъ есть еще и трактиръ, и одна или двѣ лавки — принадлежатъ владѣльцамъ на феодальныхъ правахъ. Это — жалгія и грязныя лачужки. Двери и окна почернѣли отъ нечистоты. Старожилы не запомнятъ, когда ихъ красили въ послѣдній разъ; окна, съ мелкими переплетами, скупо пропускаютъ свѣтъ въ закоптѣлыя стекла; въ большинствѣ домовъ перила и нѣкоторые ступеньки узкихъ лѣстницъ сломаны и употреблены на топливо. Штукатурка на потолкахъ давно треснула и обвалилась; улица грязна и не метена. Но дѣвушки, которыя не могутъ платить за квартиру дорожее пяти шиллинговъ въ недѣлю, должны довольствоваться иногда худшимъ помѣщеніемъ, чѣмъ на Иви-Лэнѣ.

Комната Меленды находилась въ нижнемъ этажѣ. Она была меблирована большой деревянной кроватью, предназначенной для трехъ, но на которой иногда спятъ въ-шестеромъ, двумя деревянными стульями и круглымъ столомъ; въ ней стоялъ также комодъ и открытый буфетъ, нижняя часть котораго служила ящикомъ для угля. На верхнихъ полкахъ стоялъ чайникъ и нѣсколько тарелокъ и чашекъ, а въ углу — сковорода и соусникъ.

Два сѣрыхъ ватерпруфа и двѣ шляпы висѣли на гвоздяхъ, вбитыхъ въ дверь. Въ этомъ заключалось все убранство, и трудно было бы омеблировать съ большей простотой комнату, занимаемую тремя дѣвушками.

Въ комнатѣ находились три молодыхъ дѣвушки, и всѣ три за работой. Одна сидѣла на кровати, двѣ другія — на стульяхъ, около стола. Дѣвушка, сидѣвшая на кровати, была худенькое, тщедушное существо, лѣтъ двадцати-трехъ или четырехъ, съ сутуловатыми плечами и узкой грудью; лицо у нея было блѣдное и измученное, а вокругъ рта обозначились глубокія складки; глаза лихорадочно блестя и казались больше, чѣмъ были въ дѣйствительности, отъ впалыхъ щекъ. Выраженіе ея лица было терпѣливое, какъ у всѣхъ тѣхъ, кто привыкъ страдать. Темные волосы ея были жидки, зачесаны назадъ и свернуты узломъ на затылкѣ. Она была одѣта въ старое, очень старое платье изъ сѣрой матеріи и башмаки ея были всѣ въ дырахъ, и подошвы, и носки, и верхъ. Но это было неважно, такъ какъ она никогда не выходила изъ дому. Она

сидѣла на постели, потому что у нея болѣла спина и она не была ни такъ высока, ни такъ сильна, какъ другія дѣвушки, и должна была лежать и отдыхать, когда у нея „схватывало въ спинѣ“, а это иногда продолжалось по цѣлымъ днямъ и по цѣлымъ ночамъ.

Ее звали Лотти. Она жила здѣсь, хотя ея настоящее мѣсто было бы въ богадѣльнѣ или въ больницѣ, — частію потому, что у нея не было другого угла, частію потому, что она была дружна съ Мелендой, и частію потому, что Меленда ни за что не отпустила бы ея отъ себя, пока могла работать день и ночь на себя и на нее.

Что касается Меленды, сестры Клода, она сидѣла за столомъ. Ей теперь было двадцать-три года и она была такая же рыжая, какъ и въ дѣтствѣ. Рыжіе волосы имѣютъ своего рода красоту, и я полагаю, что еслибы Меленда держала ихъ въ порядкѣ, то они были бы живописны. Но на что будутъ похожи краснорыжіе волосы, если съ ними обращаются такъ, какъ это въ модѣ у лондонскихъ простыхъ дѣвушекъ, то-есть коротко обрѣжутъ ихъ спереди и начешутъ на лобъ огромной копной, въ родѣ красной подушки, а остальное свернуть пучкомъ назадъ? Такая мода можетъ служить текстомъ для проповѣдника и иллюстраціей тираниіи моды, нисколько не украшающей своихъ слѣпыхъ поклонницъ, но липающей ихъ и той ничтожной красоты, какую могла дать имъ природа.

Воздушные, вудравые, изящные завитки на лбу у нѣкоторыхъ барынь и барышень, безъ сомнѣнія, послужили прототипомъ безобразныхъ начесовъ лондонскихъ рабочихъ дѣвушекъ; но „бахрома“ никогда не предназначалась къ тому, чтобы обезображивать лицо и дѣлать его грубымъ; „бахрома“ не должна также быть копной, тѣмъ менѣе пригодна она для густыхъ рыжихъ волосъ, которые такъ же мало кудрявятся, какъ и коровій хвостъ. Еслибы Меленда послушалась разумнаго совѣта, то зачесала бы волосы назадъ и открыла бы широкий, четырехъ-угольный и очень бѣлый лобъ, на который всякій посмотрѣлъ бы съ уваженіемъ. И кромѣ того, ея глаза, яркіе и быстрые, какъ пара электрическихъ искръ, были бы видны. Она совсѣмъ не была хороша собой, хотя, подобно многимъ рыжимъ дѣвушкамъ, у нея былъ очень хорошій цвѣтъ лица. Лицо у нея было четырехъ-угольное, носъ короткий и прямой; губы твердо очерчены, подбородокъ широкій. Росту она была ниже средняго, но плечи у нея были широки, а руки велики. Она казалась сильной дѣвушкой. Но она была худая: щеки у нея провалились, а фигурѣ недоставало той полноты,

которую даетъ обильная пища. Сестра Полли вѣчно казалась голодной; она казалась также рѣшительной, упрямой и сердитой, когда ее поглядать противъ шерсти. Последнее бывало очень часто, и она очень часто сердилась.

Третья дѣвушка, Лиззи, была такого типа, который нерѣдко попадаетъ въ Лондонъ и, такъ сказать, принадлежитъ столицѣ. Въ немъ много варіацій и онъ поражаетъ всякаго рода эксцентричностями. Но, говоря вообще, Лиззи принадлежала къ тому классу лондонскихъ дѣвушекъ, которыя состоятъ, такъ сказать, изъ однихъ глазъ. У нихъ, правда, есть и другія черты лица, но ихъ глаза поражаютъ: до того они велики, глубоки, полны всякаго рода мыслей, намѣреній и желаній. Ихъ ротъ тоже бываетъ достоинъ вниманія, потому что невеликъ и съ розовыми полуоткрытыми губками, — точно душа дѣвушки ждетъ тѣхъ откровеній и умственныхъ даровъ, которыхъ такъ страстно жаждутъ ея глаза. Такую дѣвушку невозможно видѣть безъ того, чтобы не пожелать немедленно перенести ее въ такую сферу, гдѣ она будетъ постоянно въ соприкосновеніи съ возвышенными и благородными вещами.

У Лиззи тоже была бахрома на лбу, но такъ какъ ея волосы были темные, а не рыжіе, такъ какъ они кудрявились, а не были прямы, и такъ какъ у нея былъ нѣкоторый вкусъ и она не начесывала на лобъ густой и плотной подушки, а лишь спускала нѣсколько завитыхъ волосъ, то впечатлѣніе было не непріятное. Ростомъ она была высока, но тонка, и такъ же худа, какъ и Меленда, хотя не имѣла такого голоднаго вида.

Головка у нея была небольшая и черты лица довольно тонкія и изящныя. Мужчины, которые знаютъ больше толка въ этихъ вещахъ, нежели женщины, и умѣютъ различать красоту даже и тогда, когда она ходитъ съ продранными локтями, сказали бы, что въ этой дѣвушкѣ есть всѣ условія для красоты; недостаетъ только ухода.

Въ часъ пополудни онѣ уже работали въ продолженіе шести часовъ, такъ какъ начали съ семи.

Обыкновенно работа у нихъ шла молча, но сегодня Лиззи позволила себѣ небольшой взрывъ революціонныхъ чувствъ. Она была живо укрошена Мелендой, которая, въ заключеніе своей побѣды, высказала нѣсколько замѣчаній, закрѣпившихъ повиновеніе, но оставившихъ недовольство и тлѣющій подъ пепломъ огонь возмущенія.

Когда часы — гдѣ-то по сосѣдству — пробили часъ пополудни, Меленда нарушила молчаніе и повелительнымъ тономъ приказала:

— Лотти, сію минуту ложись!

Лотти молча повиновалась. Она и то сидѣла черезъ-чуръ долго и теперь легла и закрыла глаза. Короткое дыханіе показывало, что она страдаетъ.

Другія дѣвушки бросили нетерпѣливо работу на столъ.

— Часъ,—сказала одна.—Пора бы и обѣдать; чтó у насъ на обѣдъ?

Она насмѣшливо засмѣялась.

— А завтра чтѣмъ мы будемъ обѣдать?—а послѣ-завтра? — а послѣ-послѣ завтра?

— Не ворчи, Лиза,—сказала Меленда кротою.—Не ворчи теперь. У Лотти спина хуже заболитъ отъ твоей воркотни. Дай ей уснуть.

— Я не сплю,—отвѣтила Лотти, открывъ глаза.—Не стѣсняйся мной, Лиза.

Она протянула руку и схватила Лизу за кисть руки.

— Терпѣніе, моя душа!

— Терпѣніе,—охъ ужъ это мнѣ терпѣніе!

— Съ ней это приключилось послѣ концерта,—замѣтила Меленда, глядя на подругу, какъ врачъ смотритъ на пациента.

— Почему это съ концерта?—спросила Лотти.

— И къ чему это господа суются къ рабочимъ дѣвушкамъ!

Лиза дерзко засмѣялась.

— Почему ему не говорить со мной?—Говорить бѣды нѣтъ! Почему ему не сказать мнѣ правды? Тоже бѣды нѣтъ. Никто другой правды не скажетъ. Клерджименъ,—говоритъ онъ,—не скажетъ правды, потому что побоится, что мы бросимъ работать, а окружные инспектора—отъ страха, что мы забастуемъ. А работа сушить,—говоритъ онъ,—и плата смѣшная. И это все правда.

— Я уже тебѣ это говорила,—замѣтила Меленда,—да и Самъ тоже.

— И есть много способовъ улучшить жизнь. Нѣкоторыя дѣвушки поступаютъ въ театръ, если онѣ хороши собой... А съ другихъ живописцы рисуютъ картины. Онъ говоритъ, что я довольно для этого хороша, и знаетъ такихъ господъ, которые охотно срисовали бы мои глаза.

— Лиза, онъ тебя обманываетъ,—сказала Меленда.—Срисовали бы твои глаза! Какъ бы не такъ! Онъ тебя принимаетъ за дуру.

— И онъ говоритъ, что глупо такъ жить, какъ я живу. Онъ говоритъ, что мы никогда не заработаемъ больше денегъ

и никогда не достанемъ полегче работы. Подумай, Лотти: мы состаримся и умремъ, и никогда-то у насъ не будетъ хорошенькихъ платьевъ и никогда-то мы до-сыта не наѣдимся, и...

Тутъ она умолила, потому что задохлась.

— Этому когда-нибудь да будетъ конецъ,—замѣтила Лотти.

— О, конецъ!—презрительно повторила Лиззи.

Въ семнадцать лѣтъ смерть и могила кажутся такими далекими!

— Это не всегда такъ будетъ, — сказала Меленда, — потому что Самъ говоритъ, что скоро у насъ не будетъ больше богатыхъ людей. Мы все подѣлимъ между собой и послѣ того у насъ всегда будетъ всего вдоволь, потому что все будетъ наше, а господъ больше не будетъ.

— Ты глупа, Меленда,—замѣтила Лиззи,—что вѣришь такимъ пустякамъ. И кромѣ того, еслибы даже это была и правда, что мы, дѣвушки, отъ того выиграли бы? Мужчины все бы забрали себѣ и пропили въ кабаки.

— Это тебѣ твой господинъ такъ сказалъ?

— Все равно, кто бы ни сказалъ.

— Лиза, — заговорила Лотти, — ты опять съ нимъ видѣлась? О! обѣщай мнѣ, что не будешь больше разговаривать съ нимъ. О! вотъ что происходитъ отъ этихъ народныхъ концертовъ!

Но Лиззи повачала головой, схватила шляпу и убѣжала, а Лотти глубоко вздохнула и опять легла.

— Что это за господинъ, Меленда? — спросила она. — Не позволяй ей разговаривать съ господами. Видѣла она его опять? Ты знаешь, какъ его зовутъ?

— Не знаю. Мы были въ концертѣ. Тамъ была молодая барышня въ черномъ шелковомъ платьѣ и она пѣла; и другая была въ розовомъ шелковомъ платьѣ и тоже пѣла. И еще кто-то читалъ стихи; и господинъ какой-то игралъ на фортепiano, а другой — на скрипкѣ. Я тебѣ все это уже рассказывала. Когда мы выходили, я потеряла Лизу въ толпѣ; а когда она вернулась домой, то вся дрожала и плакала, пока ты спала, и говорила, что лучше бы ей умереть и лежать въ могилѣ, и сказала мнѣ, что гуляла съ однимъ господиномъ и онъ говорилъ съ ней о работѣ и заработкахъ, и работа ей опротивѣла.

Лотти вздохнула, но ничего не отвѣчала.

Въ буфетѣ стоялъ холодный чай и была коврига хлѣба и какое-то желтое вещество, которое величали масломъ. Меленда отрѣзала два толстыхъ ломтя и налила чаю въ чашки.

— Счастье, что у насъ былъ кусочекъ мяса въ воскресенье, — сказала она. — Кушай свой обѣдъ, милая Лотти.

— Мнѣ теперь лучше, — сказала Лотти, закусивъ. — Если я полежу еще полчаса, то опять буду въ состояніи работать; куда ушла Лиза?

— Лягъ и засни, — приказала Меленда: — что касается Лизы, то она, вѣрно, сейчасъ вернется. Она пошла прогуляться.

Лотти послушалась и закрыла глаза.

Меленда уже опять принялась за работу. Черезъ нѣсколько минутъ она увидѣла, что Лотти заснула. Ее можно было принять за мертвую, до того она была неподвижна и такими желтыми и прозрачными казались ея щеки. Меленда заботливо потянула одѣяло — увы! оно было очень старо и оборвано, и нуждалось въ стиркѣ — на руки и на грудь своей пріятельницы и покрывала ватерпруфомъ ей ноги.

Тѣмъ временемъ по Сенъ-Джонской улицѣ шли рядомъ какой-то господинъ и рабочая дѣвушка.

— Вы подумайте о томъ, что я вамъ говорилъ, — спросилъ онъ. — Жестокое дѣло, когда такая хорошенькая дѣвушка, какъ вы, должна работать, какъ невольница. Хорошенькія дѣвушки совсѣмъ не должны работать. Онѣ должны быть разодѣты, какъ куклы, показываться на сценѣ, и всѣ будутъ имъ хлопать за ихъ красоту.

— Я не могу оставить Лотти и Меленду, — отвѣчала дѣвушка.

— Приходите опять сегодня вечеромъ. Общаете?

— Не знаю. Постараюсь. Но это бесполезно. Я не могу оставить Меленду и Лотти.

Черезъ полчаса или около того вернулась Лиззи, спокойная и укрощенная, съ румянцемъ на щекахъ и блескомъ въ глазахъ.

— Я пообѣдала, — отвѣчала она, — когда Меленда указала ей на чайникъ. — Я съѣла яйцо въ смятку и выпила чашку кофе. Меня угостила... одна подруга.

Меленда проницательно взглянула на нее, но ничего не сказала. Дѣвушки снова принялись за работу и уже все время молчали.

Послѣ четырехъ часовъ, въ узкомъ нижнемъ корридорѣ, дѣвушки услышали шаги и голоса, въ которыхъ не признали голоса своихъ сосѣдей. Одинъ изъ голосовъ сказалъ: — Подождите внизу, Клодъ, мы лучше одинъ пойдемъ на верхъ.

И затѣмъ дверь отворилась и показались двѣ молодыхъ леди. Такихъ красивыхъ и нарядныхъ дѣвушки рѣдко видали, и у Лиззи сердце упало при взглядѣ на ихъ платья и шляпки. Окружную инспектрису бѣдныхъ онѣ знали, потому что она иногда

заглядывала къ нимъ и всякій разъ сражалась съ Мелендой. Но она далеко не бывала такъ хорошо одѣта. Также онѣ видали разъ или два какихъ-то лэди, приходившихъ въ ихъ улицу, любопытно заглядывавшихъ въ дома и получавшихъ рѣзкіе отвѣты на свои вопросы. Но онѣ не были красивы.

— Не здѣсь ли живетъ дѣвушка по имени Меленда?—спросила одна изъ нихъ.

Лотти проснулась и, вздрогнувъ, ушла на постели. Лиззи вытаращила глаза и уронила работу и наперстокъ, который подкатился подъ буфетъ, и потомъ пришлось потерять цѣлыхъ полчаса, разыскивая его. Меленда, подозрѣвая, что это посѣщеніе дѣлается въ интересахъ церковной службы, только взглянула и кивнула головой.

Тогда обѣ лэди подошли къ ней и, взявъ ее за руку, мягко сказали:

— Меленда, мы—ваша сестра Полли.

Увы! надо же было, чтобы изъ всѣхъ дней Полли выбрала какъ разъ сегодняшний для своего возвращенія послѣ девятнадцатилѣтняго отсутствія.

А. Э.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

VIII.

Если бы не одно дѣльце, да дядя Захаръ Ивановичъ во-время удержался, то былъ бы онъ воротилою, наравнѣ съ прочими.

Дядя Захаръ Ивановичъ Стрѣловъ—старикъ старый. Родился онъ въ 1812 году, во время француза, и, слѣдовательно, теперь ему слишкомъ семьдесятъ лѣтъ. Однако онъ еще довольно проворно сѣменить ногами, да и руки у него еще цѣпкія, такъ что еслибы попала въ нихъ взятка, то, мнѣ кажется, онъ могъ бы ее ухватить. Сверхъ того, онъ сохранилъ вкусъ къ жизни, любитъ поѣсть и выпить, но лицо у него начинаетъ уже походить на лицо младенца, который только-что началъ понимать зажженую свѣчу и радуется, когда ею передъ глазами машутъ. Этому сходству много способствуетъ лысина во всю голову, напоминающая голое колѣно. Новыхъ порядковъ онъ не любитъ, не исключая даже новаго обмундированія. Въ шкафу у него виситъ старинный путевскій мундиръ, съ расходящимися сзади фалдочками, и онъ, отъ времени до времени, надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу, поиграетъ фалдами и вздохнетъ.

Во время коронаціи императора Николая онъ былъ уже кадетомъ, а въ началѣ тридцатыхъ годовъ получилъ первый офицерскій чинъ, и въ качествѣ инженера рылъ канавы въ Шлюшинѣ ¹⁾.

Хищникомъ, въ современномъ значеніи этого слова, онъ не былъ—въ то время люди были для этого слишкомъ безхитростны—но взятки бралъ болѣе чѣмъ охотно, и въ казнѣ черпалъ не-

---

¹⁾ Народное названіе Шлиссельбурга.

упустительно. Уже въ Шлюпинѣ онъ изыскивалъ недурные, въ этомъ смыслѣ, случаи. Выроетъ, бывало, одинъ кубикъ, а напишетъ два: одинъ—кесарю, другой—себѣ. Скопивши такимъ образомъ сокровище, онъ не только самъ жилъ въ свое удовольствіе, но и доставлялъ удовольствіе другимъ. Съѣздить на лодкѣ въ Петербургъ, накупить конфетъ, апельсиновъ и угощаетъ шлюпинскихъ дамъ. Сверхъ того, былъ мастеръ устраивать вечеринки, пикники; словомъ сказать, былъ душою общества. Поэтому, дамы говорили объ немъ: „точъ-въ-точъ кавалергардъ!“ Онъ же, придя въ умиленіе отъ такой похвалы, сравнивалъ исправничиху съ княгиней Шептаевой, а предводительшу—съ графиней Подстаканниковой, которыя, по его словамъ, составляли цвѣтъ тогдашняго петербургскаго бомонда и принимали его въ своихъ салонахъ за то, что онъ имъ привозилъ въ презентъ копченыхъ ладожскихъ сигаевъ.

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже штабсъ-капитанъ, и почувствовалъ у себя въ карманѣ такіа деньги, что хоть подполковнику не стыдно. Сороковые годы, вообще, были странные годы. Съ одной стороны, Грановскій, Бѣлинскій и ихъ кружокъ (обратившійся потомъ въ стадо свиней), съ другой стороны—Стрѣловъ, крѣпостныя дѣла и цѣлая армія исправниковъ и становыхъ. Смѣшеніе человѣческаго образа съ звѣринымъ. Кстати, въ это время уже началъ ходить слухъ, что Петербургъ намѣреваются соединить съ Москвой желѣзнымъ путемъ. Надѣялись, что въ Петербургѣ подешевѣетъ игра. Дядя Захаръ нюхнулъ въ воздухъ, и унюхалъ, что тутъ уже не шлюпинскими кубиками пахнетъ. Причислился къ главному управленію и началъ похаживать по корридорамъ, въ надеждѣ попасть на глаза власти имущему. Стрѣловъ былъ подвиженъ, изворотливъ и юрокъ, имѣлъ хорошенькое брюшко и веселую турнюру, что при тогдашней амуниціи выходило очень мило. Станетъ дяденька передомъ—у него пупочекъ играетъ; станетъ задомъ—играютъ фалдочки; неудивительно, что зоркій глазъ начальника, при первой же встрѣчѣ въ корридорѣ, замѣтилъ его.

— Кто этотъ расторопный офицеръ?—спросилъ генераль.

Назвали Стрѣлова.

— Мнѣ такіе люди нужны!

Объяснились. Начальникъ возложилъ его на лоно, подчиненный—такъ и прилипъ къ лону. Въ скоромъ времени Стрѣловъ очутился въ самомъ сердцѣ желѣзнодорожныхъ вождествъ, и какъ только почувствовалъ, что на-встрѣчу ему ходить лафа, то

сѣздили въ Муромскіе лѣса, набрали тамъ шайку и держали атаманами такую рѣчь:

— Вы будете у меня замѣсто подрядчиковъ и строителей. Если кто у васъ спроситъ: кто ты таковъ? — то не отвѣчайте: я муромскій разбойникъ, а говорите: десятникъ, поставщикъ и т. п. Слушайте теперь. Вотъ, примѣрно, передъ вами рельсъ; стоятъ онъ, положимъ, хоть двадцать рублей, а мы запишемъ сорокъ. Если спросятъ: кто ставилъ? — говорите: разбойникъ... то бишь, подрядчикъ Кудимычъ. Вотъ и все. А когда уйдутъ спрашиватели, мы возьмемъ, да двадцать рублей отдадимъ кесарю, а изъ другихъ двадцати десять возьму я себѣ за выдумку, а остальные десять — вамъ на вино. Любо ли?

— Любо! любо! — крикнули въ отвѣтъ атаманы-молодцы.

— Или: вотъ вамъ глина, вотъ камень, шпалы, песокъ, рабочія силы, — продолжалъ дядя, припоминая строительные элементы. — И вездѣ одна половина — кесарева, другая — наша. Любо ли?

— Любо! любо!

И дѣятельность по дорогѣ закипѣла. Дядя Захаръ бѣгалъ и ѣздилъ днемъ по работамъ, а ночью металъ разбойникамъ банкъ. Денегъ появилась такая масса, что не знали куда дѣвать. Выписывали изъ Петербурга прелестницъ и гдѣ-нибудь въ селѣ Едровѣ устраивали аэинскіе вечера. На одномъ такомъ вечерѣ цыганку Стѣшку исщипали такъ, что для того, чтобъ замять дѣло, потребовалось отдать табору не меньше двадцати тысячъ рублей. Поливали другъ друга шампанскимъ, поили шампанскимъ рѣку, загоняли на станціи лошадей, чтобъ побывать вечеромъ въ Александринкѣ, съ рискомъ попасть на гауптвахту, или чтобъ какой-нибудь кралъ, поселенной въ Едровѣ съ специальною цѣлью увеселять муромскихъ разбойниковъ, доставить букетъ. Словомъ склзать, груды денегъ извлекались изъ нѣдръ казначейскихъ кладовыхъ, распределялись по карманамъ и исчезали невѣдомо куда.

Въ самый разгаръ этого распутства Стрѣловъ женился. Онъ уже настолько имѣлъ въ ломбардѣ, что могъ безъ боязни глядѣть впередъ. Партія ему представилась прекраснѣйшая, даже знаменитая. Россіи, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, подчинился одинъ изъ касимовскихъ князей, Абдулка. Но искренности его подчиненія не сразу повѣрили, а посадили въ кибитку и приказали возить взадъ и впередъ по касимовскому уѣзду, покуда онъ не познаетъ свѣта истинной вѣры. Разумѣется, онъ позналъ очень скоро; его окрестили, наименовали Михаиломъ, и оставили за нимъ княжескій титулъ съ фамиліей Мамалыгина. Тогда же окре-

стали его дочь, назвать Надеждой и помѣстивъ въ Екатерининскій институтъ. Тамъ ее выпоили, но училась она плохо, что не помѣняло ей въ свое время придти въ совершенный возрастъ и сдѣлаться невѣстой. Вотъ на нее-то и обратилъ взоры дядя Захаръ Ивановичъ. Съ мѣсяцъ времени кормилъ онъ Абдулку въ Палкинскомъ трактирѣ шашлыкомъ, а будущую невѣсту шепталой, и наконецъ получили согласіе. Ему лестно было ѣздить съ визитами съ женой, у которой на карточкахъ было напечатано: „Надежда Михайловна Стрѣлова, рожденная княжна Мамалыгина“. При этомъ онъ намекалъ, что жена его происходитъ, по прямой линіи, отъ Мехмеда-Кула, „сибирскихъ странъ богатыря“, который первый воскликнулъ: „Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ жизнь поносна!“, а за нимъ этотъ возгласъ стали повторять и прочіе арміи и флоты.

Теперь бы маіору Стрѣлову остепениться и начать бы жить да поживать съ капитальцемъ и молодой женой, но его лукавый попуталъ. Дорога велась по ровному мѣсту, а онъ рапортовалъ, что срылъ гору и потребовалось сверхсмѣтнаго назначенія. На его несчастіе, мѣсто это было хорошо знакомо, и потому рапортъ его произвелъ изумленіе. Любостязаніе его замѣтили гдѣ-то очень высоко, и послали фельдъегеря.. Фельдъегерь, вмѣсто двадцати-четырехъ часовъ, судилъ всего двадцать-четыре минуты, посадилъ Стрѣлова въ телѣжку и привезъ въ Петербургъ. Покуда онъ сидѣлъ въ кутузкѣ и мыкался по мытарствамъ, Надежда Михайловна отчаянно вопіяла:

— Неужто я буду солдаткой?

Но дѣло кончилось благополучіемъ, нежели можно было ожидать. Начальство вспомнило прежнія заслуги маіора (онъ нѣсколько такихъ горъ прежде срылъ), и велѣло ему подать въ отставку, вмѣсто того, чтобы забрить лобъ.

Стрѣловъ поселился безвыѣздно въ деревнѣ, и считалъ деньги. Очень рѣдко онъ наѣзжалъ въ Петербургъ, и именно только въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Жена его, отъ скуки, народила груду дѣтей, которыя впослѣдствіи всѣ сдѣлались инженерами. Наступило полное одиночество, которое еще болѣе отравлялось воспоминаніями о прошлыхъ блестящихъ дняхъ.

— И чортъ меня попуталъ, — жаловался маіоръ, раскладывая на сѣбя: — въ другомъ мѣстѣ двѣ горы могъ бы срыть, а тутъ въ-за одной горюшки пропадаю!

Онъ видѣлъ окончаніе монументальной дороги и строилъ воздушные замки. Теперь онъ былъ бы ужъ полковникомъ и, на-

вѣрное, завѣдывалъ бы дистанціей. Нѣкоторое время онъ велъ переписку съ прежними друзьями, посылалъ имъ откормленныхъ индюковъ, просилъ похлопотать, но постоянно получалъ въ отвѣтъ: „Ничего не подѣлаешь!“ Наконецъ, друзья совсѣмъ замолчали, и онъ, мало-по-малу, окунулся на самое дно рѣки забвенія.

Но вотъ, въ воздухѣ почувались новыя вѣянія. Сначала радовались, потомъ стали тужить. Наконецъ, Подхалимовъ отерылъ эпоху упраздненія хищничества и торжества покаянія...

Повторяю: дядя Захаръ не былъ хищникомъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ его время было въ модѣ казнокрадство и взяточничество, и дядя слѣдовалъ общей модѣ. Хищничество же народилось позднѣе, совершенно неожиданно, и не устранило ни воровства, ни взяточничества (на всякій случай), а только презирало ихъ. Да и нельзя было не презирать, потому что съ этими явленіями сопрягались разные постыдные поступки. Тутъ встрѣчались и мертвыя тѣла, и подчистки, и преднамѣренныя описки, и взломъ сундуковъ. Все это можно было на картинкѣ написать. Въ хищничествѣ, напротивъ того, все такъ тонко, чисто и даже благородно, что объ картинкахъ и рѣчи не можетъ быть.

Но и въ хищничествѣ имѣются подраздѣленія. Бываетъ хищничество простое, и бываетъ сложное. Въ первомъ можно указать на дѣйствующихъ лицъ и на претерпѣвшихъ. Сверхъ того, оно до извѣстной степени наказуемо, и составъ его можно безъ труда опредѣлить. Разнствуеъ оно отъ воровства тѣмъ, что пошло далѣе сферы станowychъ приставовъ и обставило себя благороднѣе. Иногда оно надѣваетъ на себя даже личину государственнаго интереса: заселеніе отдаленнаго края, культура, обрусѣніе и т. д. Въ сложномъ хищничествѣ дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ, и только приходится удивляться, какимъ образомъ человекъ, котораго, незадолго передъ симъ, знали безъ штановъ, въ настоящую минуту ворочаетъ милліонами. Сложное хищничество есть порядокъ вещей, и ничего больше.

Дядя съ грѣхомъ пополамъ могъ додуматься до простого хищничества; однако и тутъ онъ понималъ, что безъ связей ничего не подѣлаешь. Чтобъ захватить землицы по гривеннику за десятину, нужно имѣть „руку“, умѣть угадывать моментъ, кланяться, просить, что требовало времени и изнурительныхъ хожденій. Что же касается до сложнаго хищничества, то онъ положительно его не постигалъ и только, наравнѣ съ другими простецами, ахалъ:

— Безъ штановъ зналъ! безъ штановъ!—восклицать онъ:— а теперь въ соболяхъ ѣздить! Лошади не лошади, экипажъ не экипажъ! Занимаетъ цѣлый дворецъ, задаетъ банкеты; во всѣхъ комнатахъ картины съ голыми женщинами! Жену—купилъ, а потомъ предоставилъ, а самъ двухъ французеновъ содержитъ! Ну, скажите на милость, зачѣмъ ему понадобились двѣ? И какимъ образомъ все это случилось?

Онъ забывалъ при этомъ и свое прошлое, и свои теперешнія вожделѣнія, и даже то, что онъ былъ бы несказанно счастливъ, еслибъ очутился на мѣстѣ этого голоштанника, который теперь въ соболяхъ ходитъ.

Тѣмъ не менѣе жажда хоть что-нибудь урвать заставляла его довольно чутко прислушиваться къ новымъ вѣяніямъ и отъ времени до времени посѣщать Петербургъ.

Что такое вѣяніе? это — одно изъ выраженій той паскудной терминологіи, которая получила у насъ право гражданства тридцать лѣтъ тому назадъ. Означаетъ оно: вотъ что нужно дѣлать, чтобъ какъ можно больше напаяостить.

Вся эта терминологія есть плодъ личной алчности и совершеннаго отсутствія представленій объ интересѣ общественномъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни объ отечествѣ, ни о согражданахъ, ни объ общемъ благѣ. Одна обнаженная алчность — только и всего.

Такихъ вѣяній въ нашемъ обществѣ было много, но я на-мѣчу лишь главнѣйшія. Во-первыхъ, вѣяніе радостныхъ ожиданій; во-вторыхъ, вѣяніе горестныхъ утратъ; въ-третьихъ, вѣяніе хищничества; въ-четвертыхъ, вѣяніе сапоговъ въ смятку, и наконецъ...

Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ воздержанія, дядя Захаръ посѣтилъ Петербургъ въ эпоху радостныхъ ожиданій. Тогда говорили: земля наша обильна; и на поверхности, и въ нѣдрахъ— всего у насъ довольно, и для себя, и для Европы. Европа гніетъ и переживаетъ себя, а мы возрождаемся. До сихъ поръ мы жили какъ слѣпые, по милости крѣпостного права, а теперь вольный трудъ всѣ наши богатства откроетъ. Въ особенности отличался по части пророчествъ и предвидѣній публицистъ Кокоревъ, который даже въ кучахъ навоза открывалъ золотыя розсыпи.

Хорошее это было время, свѣтлое, хотя, какъ потомъ оказалось, не особенно умное. Но кто же могъ думать, что изъ всѣхъ этихъ чаяній ничего не выйдетъ путнаго, кромѣ переворачиванія давно истлѣвшаго хлама? Многие, скрывавшіеся до тѣхъ поръ въ завѣтныхъ кубышкахъ, милліоны увидѣли тогда свѣтъ, побы-

вали въ „Обществѣ жизненныхъ продуктовъ“, въ „Сельскомъ хозяинѣ“, и проч., и пропали невѣдомо куда. Гдѣ они теперь? Не можетъ же быть, чтобъ не нашли себѣ пристанища и хоть кого-нибудь да не оплодотворили. Не тогда ли было положено начало тому грандіозному финансовому распутству, которое впоследствии дало такой пышный цвѣтъ?

То было время сѣвооборотовъ, покупки машинъ, продажи выкупныхъ свидѣтельствъ и, преимущественно, трактирныхъ безобразій. Денегъ появилось множество; почти вся Россія была вымѣнена на выкупныя свидѣтельства. Явились ростовщики и кровопійцы, которые скупали эти свидѣтельства за грошъ. Но владычцы не обращали на это вниманія, въ надеждѣ, что вольный трудъ вознаградитъ сторицею.

— Видѣли вы жнею, которую я купилъ у Бутенопа? Пріѣзжайте, батюшка, посмотрите, какъ чисто работает! А моя сѣноворошилка? А мои плужки? Прелесть!—раздавалось изъ края въ край:—теперь мнѣ рабочихъ на двѣ трети меньше надо будетъ.

А черезъ недѣлю жнея и сѣноворошилка лежали въ сараѣ поломанныя, и баба, по старому, копошилась въ морѣ ржи, которое сгоряча не по разуму насѣяли.

Крестьянинъ скоро раскусилъ помѣщика и втихомолку посямѣвался. Помѣщикъ, ни къ чему не приготовленный, лѣнивый и безнечный, способенъ былъ только питаться надеждами и зря бросать деньги. Онъ не понималъ, что для того, чтобъ извлекать изъ сельскаго хозяйства двугривенные, нужно вставать съ зарею, цѣлые дни бродить по полю и, придя вечеромъ домой, усчитывать себя.

Впрочемъ нѣкоторые (а въ томъ числѣ и дядя Захаръ) спохватились и пустили въ ходъ „прижимку“. Отрѣзывали хитросплетенные надѣлы, обрабатывали землю изполу, донимали крестьянъ штрафами и хожденіемъ по судамъ, и, наконецъ, занялись ростовщичествомъ.

Но вообще, несмотря на чаянія и упованія, общій голосъ былъ: всего у насъ довольно; и несмѣтныя сокровища въ настоящемъ, и свѣтлыя перспективы въ будущемъ, только людей нѣтъ. Публицистъ Кокоревъ говорилъ это громко, совѣтовалъ пустить въ ходъ добрую чарку вина, и цензура ему въ томъ не препятствовала.

Дядя Захаръ подслушалъ эти жалобы и явился на кличъ.

Разумѣется, онъ остановился у меня, и не безъ увѣренности объявить:

— Теперь мое дѣло выигранное. Нужны люди, а я человекъ бывалый, опытный, и не безъ царя въ головѣ, чего еще?

— Но вѣдь вы, дядя, не изъ сочувствующихъ?—возразилъ я.

— Чтò ты, чтò ты! Христось съ тобой! Я, братъ, всему сочувствую. Я и адресъ изъ первыхъ подписалъ. Приѣхалъ въ ту пору въ собраніе губернаторъ: „господа,—говорить,—надо доказать“... Ну, я и доказалъ: обмавнулъ перо въ чернильницу, дай Богъ счастливо!

— Да, но съ мужичками-то вы все-таки не очень охотно разстались.

— Я-то? да я мужичка даже очень люблю. Дай только мнѣ...

Онъ выпросилъ у меня, передъ кѣмъ и въ какихъ канцеляріяхъ предстоятъ хожденія, и на другой же день начались поиски. Онъ ходатайствовалъ неутомимо, съ утра до ночи, возвращался домой измученный и часто разочарованный, но все-таки надѣющийся.

— Вотъ говорили, что людей нѣтъ!—восклицалъ онъ:—а ихъ тутъ, куда ни придешь, труба нетолченая!

Счастье, однако-же, повидимому улыбнулось ему. Прошедшее его, за общей суматохой, было забыто; люди стояли у дѣла со всѣмъ новые и передъ ними предсталъ тоже новый человекъ, свѣжій деревенскій коренникъ, съ чувствомъ говорившій о меньшемъ братѣ. Его выслушивали съ видимымъ интересомъ, разспрашивали, сколько можетъ сжать въ день баба, сколько можетъ въ день скосить, вспахать и забороновать мужикъ, существуютъ ли у крестьянъ огороды, коношьятники, отхожіе промыслы, ремесла, самъ-сколько родится рожь, овесъ, ячмень, сколько требуется муки въ годъ на продовольствіе одного фдока, и т. д. Онъ отвѣчалъ на вопросы бойко, но не спѣша. Докладывалъ, что если мужикъ чувствуетъ въ чемъ-нибудь недостатки, то этому виной крѣпостное право; что ежели нѣтъ травосѣянія, то этому виной тоже крѣпостное право; что ежели вообще сельское хозяйство въ упадкѣ, то и тутъ благодаря крѣпостному праву. При этомъ присовокупялъ, что онъ уже въ то время мечталъ, когда мечтанія строго воспрещались... Словомъ сказать, отрекомендовалъ себя съ самой отрадной стороны.

Но тутъ онъ увидѣлъ вѣщій сонъ.

Я помню, онъ пришелъ къ чаю пасмурный и задумчивый. Едва дотронулся до калача и долгое время сидѣлъ молча и барабанилъ по столу пальцами. На вопросы мои отвѣчалъ односложно и невнятно.

— Чтò съ вами, дядя?—наконецъ, спросилъ я его.

— Сонъ видѣлъ, голубчикъ!

— Неужели сонъ можетъ такъ встревожить?

— Сонъ сну рознь; иной и можетъ встревожить. Представь себѣ: вижу я во снѣ громадную стаю собакъ, и я будто-бы между ними въ собачьемъ видѣ. Только прочія собаки всѣ объ четырехъ ногахъ, а у меня будто-бы только три, а четвертая оторвана. И будто-бы я за стаей никакъ поспѣшить не могу, а ковыляю сзади всѣхъ... Вотъ!

— Такъ что же такое?

— А то и есть, что не добиться мнѣ ничего: что-нибудь да случится.

— Эхъ, дядя, никто какъ Богъ! Можетъ быть, и на трехъ ногахъ вы скорѣе добѣжите, нежели другіе на четырехъ.

— Дай Богъ, дай Богъ! Но сомнительно. Повѣрь, что такіе сны не даромъ. Уѣхать, видно, мнѣ обратно въ Муромъ, не солоно хлѣбавши.

Прошло еще нѣсколько недѣль, а дядя не только ничего не терялъ въ глазахъ начальства, а, напротивъ, все больше и больше нравился. Онъ уже успѣлъ убѣдить, что какъ только наступитъ вольный трудъ, то мы однимъ овсомъ Европу побѣдимъ. Позабывъ о вѣщемъ снѣ, онъ ходилъ веселый и радостный, ѣлъ съ аппетитомъ, пилъ въ мѣру, вечеромъ ѣздилъ на Минералки и перемигивался съ мамзель Сузеттой. Наконецъ, однажды пришелъ къ обѣду домой и съ торжествомъ объявилъ:

— Ну, теперь можешь меня поздравить! Сегодня я получилъ вѣрное слово...

И вдругъ онъ поперхнулся: на столѣ лежалъ адресованный на его имя пакетъ.

Въ пакетѣ было приглашеніе пожаловать для личныхъ объясненій.

— Это вы срыли гору на ровномъ мѣстѣ? — спросилъ его начальникъ.

Дядя стукнулъ каблуками и отретировался.

Кто-то шепнулъ...

Возвратившись домой, дядя выпилъ сряду нѣсколько рюмокъ водки и поскрипѣлъ зубами, а дня черезъ два выѣхалъ въ Муромъ.

Увы! онъ, навѣрное, воспрянулъ бы духомъ, еслибъ зналъ, что въ ту же ночь я видѣлъ продолженіе его вѣщаго сна. Снилось мнѣ: добѣжала стая собакъ до пирога и въ колебаніи остановилась: одніе предлагали сейчасъ же разнести пирогъ на части; другіе пытались отстаивать и защищать. Но защитники дѣлали свое дѣло такъ не-

увѣренно и неумыло, что нападающія безъ труда одолѣли. Пирогъ былъ разорванъ мгновенно. Затѣмъ, собаки смѣряли другъ друга глазами, и стали грызться...

Польскій мятежъ дядя Захаръ какъ-то пропустилъ, и догадался только тогда, когда дѣло подошло въ концу и началось обрусеніе. Въ это же время и въ Петербургѣ что-то замутилось; начались пожары, покушенія, допросы, судьбища, высылки; появились корни и нити. Кликнули кличъ. Обрусители, задешево получившіе куски конфискованныхъ земель, уже были готовы. Они отчасти продали земли, отчасти сдали ихъ въ аренду жидамъ, тѣса законтрактowali на срубъ, и первые явились на кличъ. Разумѣется, это были избранники. Вслѣдъ за ними явился и маіоръ Стрѣловъ.

На этотъ разъ онъ остановился не у меня, а гдѣ-то въ номерахъ на Мѣщанской. Должно быть, онъ и меня заподозрилъ. Немедленно явился онъ къ генералу, и имѣлъ съ нимъ непродолжительное объясненіе.

— Прежде чѣмъ удовлетворить вашей просьбѣ, я требую, чтобы вы были вполне откровенны, — сказалъ генералъ, проникательнымъ окомъ взглянувъ на просителя.

Дядя смутился, и совсѣмъ машинально отвѣтилъ:

— Срылъ гору...

— На ровномъ мѣстѣ?

— Точно такъ, вашество! — выпалилъ дядя.

— Это нехорошо; казну слѣдуетъ беречь, она царская. Но я вамъ не судья, и надѣюсь, что съ тѣхъ поръ вы исправились. Мнѣ люди нужны, и именно люди, готовые загладить... Василій Андрейчъ! — обратился онъ къ секретарю: — запишите маіора Стрѣлова. Вамъ скажутъ, маіоръ, чтб нужно дѣлать. Кстати: отчего вы не явились въ Западный край?

— Въ деревнѣ жилъ, вашество, не постѣлъ, какъ по вашему манію все уже пришло въ настоящій видъ...

— Жаль-съ. Мнѣ и тогда нужны были люди.

Стрѣловъ бросился впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поцѣловать генерала въ плечико, но генералъ уклонился.

Ахъ, какое это было время! Мрачное, наполненное привидѣніями и какимъ-то удушливымъ безмолвіемъ. Улицы были почти пусты. Немногіе встрѣчавшіеся люди смотрѣли испуганно, ничего не понимая. Въ окнахъ домовъ не было видно по вечерамъ огней, точно все живущее куда-то спряталось. Прїѣзжавшіе съ дачъ спѣшили

скорѣе окончить дѣла, и уѣзжали обратно. По ночамъ слышались оклики дворниковъ и бряцаніе оружія по тротуарамъ. Ночныя посѣщенія производились на-удачу, случайно, безъ малѣйшей системы. Больше всего пострадали либералы, такъ какъ предполагалось въ нихъ начало и корень всѣхъ послѣдующихъ бѣдъ. Кто могъ сжечь старую переписку—сжегъ; дорогія имена, дорогія рѣчи, все приносилось въ жертву. Кто не успѣвалъ сжечь, или жалъ было разстаться съ дорогими собесѣдниками, тотъ въ послѣдствіи горько раскаивался. Ужасно было, ужасно! Но необходимо...

— Нельзя-съ, — говорили оправдавшимся: — вы, положимъ, оказались жертвой ошибки, но, согласитесь, безъ этого нельзя. Такое теперь время, что нужно жертвовать собою.

И „жертвы ошибокъ“ уходили домой утѣшенные.

Дядя дѣйствовалъ такъ усердно, что вскорѣ обратилъ на себя вниманіе; онъ, дѣйствительно, кого-то „поймалъ“, и во всякомъ случаѣ каждый вечеръ таскалъ вороха бумагъ въ подлежащую канцелярію. Его переименовали въ штатскій чинъ и обѣщали подумать объ немъ.

— Мнѣ бы, вашество, хоть въ губернію!—умолялъ онъ:—жена, воспитаніе дѣтей...

— Да, но покамѣстъ и здѣсь дѣла много; прежде надо главное кончить; надо зло вырвать съ корнемъ, начавши съ самаго начала, съ заводчиковъ. Никого не жалѣйте, хотя бы... Главное зло—либералы; надо сорвать съ нихъ личину, потому что они заразили даже правящіе классы. Долгогривые—эти ужъ потомъ явились... это—жертвы, орудія! Отъ либераловъ все пошло; еслибъ не они, государство наше было бы сильно и грозно по прежнему, и всѣ мы были бы благополучны...

— Точно такъ, вашество!

— Гм... да... но, надѣюсь, что вы на будущее время горь на ровныхъ мѣстахъ рыть не будете? — пошутилъ генералъ съ ангельской улыбкой.

— Нивакъ нѣтъ-съ, вашество!

— Ну-съ, до свиданія. Сегодня вамъ предстоитъ трудовая ночь. Надѣюсь!

Я числился тогда въ либералахъ, и проводилъ время въ самомъ деморализующемъ страхѣ. Ночью, за входною дверью и за стѣною сосѣдней квартиры чудились порохи. Еще минута—и звонокъ... пожалуйте! На дачу я не поѣхалъ. Такая тоска сосала сердце, что, казалось, нигуда не уѣжишь. Чтобъ заглушить ее, я ѣздилъ по вечерамъ въ Демидронъ, и, возвращаясь домой, подѣ-

ѣзжалъ къ воротамъ въ гнетущемъ смущеніи. Даже дворники замѣтили это, и такъ какъ я совершенно ни съ того, ни съ сего увеличилъ имъ помѣсячную подачку, то они ободряли меня, говоря: — Ничего, Богъ милостивъ!

— Какъ-то они меня аттестуютъ въ кварталѣ! — думалось мнѣ. — Дворникъ! шутка сказать!

Однако, для меня все обошлось благополучно; я подозрѣвалъ, что тутъ помогъ мнѣ дядя. Мало-по-малу, и кругомъ стихло. Ни корней, ни нитей не было найдено, а обнаружился полный сумбуръ и совершенная общественная несостоятельность. Много оказалось вздорнаго хлама, а главное, испуга, испуга — безъ конца. Наконецъ, наступила осень, и всѣ вздохнули. Въ это же время, однимъ утромъ появился у меня и дядя Захаръ.

— Дядя! давно вы здѣсь? — воскликнулъ я въ умиленіи.

— Давно, мѣсяца съ три. У тебя не остановился, потому что... ну, да ты самъ отлично понимаешь, почему...

— Понимаю... Ахъ, дядя, дядя! Что же вы дѣлали въ эти три мѣсяца?

— А поступалъ, какъ слѣдуетъ всякому сыну отечества поступать. Сколько, братецъ, я этихъ долгогривыхъ да стрижекъ перетаскалъ... страсть! Но главное — либералы. Отъ нихъ все зло. Я, душа моя, помню, какъ они меня въ ту пору травили.

— Ну, ужъ и травили! вѣдь у всѣхъ свои убѣжденія. Да и гдѣ же кого-нибудь травить — либераламъ. Даже въ лучшія времена ихъ травили, а не они.

— Нѣтъ, это аттанде. Я помню, какъ „онъ“ меня на одну доску съ канальей-поваромъ ставилъ. И я стою, и поваръ стоитъ, а онъ... судить. Я, голубчикъ, тогда два дня со всей семьей безъ обѣда сидѣлъ, а потомъ, вмѣсто повара, судомойку нашли.

— Да вѣдь это было сдѣлано по закону?

— Какой законъ? — книжка какая-то. Неужто законъ только въ пользу хамовъ? — нѣтъ, законъ такъ законъ, а, кромѣ того, и священное писаніе: рабы да повинуются — вотъ это законъ!

Дядя помолчалъ съ минуту, и потомъ съ азартомъ продолжалъ:

— А сколько твоя тетя въ то время вытерпѣла! — представь себѣ, никто не кланяется! Да этого мало: какъ ни придеши, въ лакейскую ли, въ дѣвичью ли, — нѣтъ никого! „Гдѣ ты, шельма, была?“ — Нужно же мнѣ погулять, человѣкъ тоже... Человѣкъ! Она — человѣкъ! мерзавка! А „онъ“ ѣздитъ по своему участку и популярничаетъ. „Прасковья Ивановна! здравствуйте!“ — Это Пашкѣ-то! И вѣдь ни разу онъ ко мнѣ обѣдать не заѣхалъ:

все на постоянный дворъ, а тутъ, кстати, и распивочная продажа... Пришлетъ мнѣ повѣстку — и я туда же бѣги! Наславощено, нагажено, въ сосѣдней комнатѣ мужичье чай и водеу пьеть — срамъ! А онъ сидитъ и улыбается, и Прасковья Ивановна улыбается. Ахъ, что было, что было! Тяжело, мой другъ, и до сихъ поръ тяжело!

Дядя снова смолкъ и скорбно склонилъ голову подъ гнетомъ горькихъ воспоминаній.

— А вы вѣщихъ сновъ теперь не видите, дядя?—спросилъ я, чтобъ переменить разговоръ.

— Нѣтъ, я нынче вообще сновъ не вижу. Теперь мое дѣло вѣрное. И я поревновалъ, и за меня поревнуютъ. Не только общали, но даже вѣрное слово дали. И знаешь, куда?—въ вашу губернію! въ самое что ни на есть гнѣздо...

— Ну, дай вамъ Богъ!

Дядя позавтракалъ у меня и ушелъ. Недѣли двѣ я опять не видалъ его, какъ вдругъ онъ приходитъ, разстроенный и смущенный.

— Опять этотъ сонъ!—вымолвилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Дядя! вѣдь это несносно! Вы намѣренно разстраиваете себя!—разувѣрялъ я его.

— Вотъ увидишь!

Дѣйствительно, конкурентовъ на злачныя мѣста явилось такое множество, что всѣхъ „достойныхъ“ было немисливо удовлетворить. Пришлось принимать въ соображеніе стороннія ходатайства. За одного просила графиня Шассе-Крузе, за другого—баронесса Думкопфъ, за третьяго—самъ князь Сампантрэ, за четвертаго—железнодорожникъ Губошлеповъ и т. д. Среди этой общей травли дядя былъ незамѣтно оттертъ.

Онъ явился ко мнѣ и бросилъ на столъ бумагу.

— На, прочти!

Въ бумагѣ было изображено, что въ настоящую минуту для коллежскаго совѣтника Стрѣлова подходящаго мѣста въ виду не имѣется; но что заслуги его оцѣнены по достоинству, и, вѣроятно, въ неотдаленномъ будущемъ одна изъ первыхъ вакансій будетъ предоставлена ему.

— Да, держи карманъ! Нашли дурака! — воскликнулъ съ горечью дядя: — что же, по ихнему, я долженъ пропеваться въ Петербургъ и ждать?.. купишь съ масломъ! Жить цѣлый годъ на Мѣщанской, въ протухлыхъ номерахъ, и каждый день шататься по канцеляріямъ... мерси боку! И безъ того кучу денегъ про-

жить, а теперь и еще. Нѣтъ, зло не въ либералахъ, а вотъ въ этихъ Сампантрѣ, да Шассѣ-Круазѣ... Довольно съ меня. Я не рошщу, но... Видѣлъ къ себѣ милость генерала — ну, и будетъ! Надежду Михайловну жалъ; она, бѣдняжка, думала хотъ въ губерніи повеселиться—и чтожь!

Дядя опять надолго исчезъ, сообщивъ, однако, канцеляріи свой адресъ. На всякій случай.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ я продолженія вѣщаго сна не видалъ.

Въ третій разъ дядя пріѣхалъ въ самый разгаръ желѣзно-дорожной свалки.

Дѣятели того времени раздѣлялись на два разряда: на званыхъ, знавшихъ всѣ ходы и выходы, и на незваныхъ, явившихся внезапно, сбоку-припѣку. Послѣдніе принадлежали къ числу деревенскихъ жантильомовъ, прожившихъ выкупныя свидѣтельства, продавшихъ „лишнія земли“ и жаждавшихъ поправиться. Въ особенности выдѣлялись тѣ изъ нихъ, которые имѣли въ Петербургѣ такъ называемую „руку“: старыхъ сослуживцевъ, родственниковъ и т. д.

— А что, не попытать ли отъ Углича до Пошехонья дорожку провести?—мечтали они:—мнѣ тетя Анюта отхлопочетъ!

И жены принимали участіе въ этихъ мечтаніяхъ, и усиленно поощряли ихъ.

— Конечно, поѣзжай!—говорили онѣ: — надо пользоваться; тетя Анюта теперь—сила!

Пускались въ ходъ послѣдніе гроши. Петербургское населеніе значительно увеличилось отъ наплыва искателей; гостинницы были полны. Жаждущіе наживы сидѣли по номерамъ, ѣли шатобрианны и ожидали, предварительно исколесивъ весь городъ. Множество празднолюбцевъ ходило изъ дома въ домъ, изумляя тѣтенокъ и кузинъ неожиданностью проектовъ и повсюду суля участіе въ учредительскихъ паяхъ. Нѣкоторые даже успѣвали. Проекты ихъ, конечно, такъ и остались проектами, но тетя Анюта помогала пристегнуться къ какому-нибудь другому предпріятію, и, благодаря ей назойливости, празднолюбецъ уѣзжалъ домой не съ пустыми руками.

Многіе прожектеры изъ сосѣдей по деревнѣ и ко мнѣ тогда заходили. Одни — съ готовыми проектами, другіе — такъ, послушать, что умные люди говорятъ. Но изъ послѣднихъ рѣдкіе

воздерживались. Посидать, поговорять, выпьютъ, закусятъ — и вѣрнуть:

— А что, ежели соединить Тверь съ Калугою желѣзнымъ путемъ? Вѣдь препитательная вышла бы дорожка!

Присядутъ къ столу—и черезъ полчаса проектъ готовъ, благо разграфленная бумага для статистическихъ свѣдѣній продавалась въ изобилии. Тотчасъ же всѣ графы наполнялись словно волшебствомъ: сапоги, сапоги, сапоги! А изъ Корчевы — лапти.

Однажды, около одиннадцати часовъ утра въ квартирѣ моей раздался звонокъ. Звонили громко, самоуверенно, какъ звонятъ люди, у которыхъ въ карманѣ вѣрный проектъ.

Оказался дядя.

— Приѣхали?—спросилъ я совсѣмъ некстати.

— Да, надоѣло хлопать глазами да облизываться. Вѣдь Губошлеповъ-то у меня десятиникомъ на дорогѣ служилъ, а теперь, поди, какіе куски рветъ.

— Стало быть, проектецъ привезли?

— Такъ, легонькій. Но въ общей государственной сѣти не-обходимый. Отъ Нижняго въ Харьковѣ, а можетъ быть и дальше, коли Богъ поможетъ. Въ Бахмутъ, Кременчугъ—мало-ли мѣстъ найдется!

— Вотъ какъ!

— Да, это будетъ—дорога! Надо тебѣ сказать, что теперь главный торговый центръ не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ, а въ Нижнемъ. Тамъ сліяніе Оки съ Волгой, двухъ важнѣйшихъ водныхъ артерій; тамъ ярмарка, гдѣ встрѣчаются отдаленный Востокъ съ отдаленнымъ Западомъ, гдѣ можно найти все, чего только пожелаешь, отъ ювелирнаго украшенія, отъ тончайшей кашемировой шали и изысканнаго наряда, которому позавидуетъ любая блестящая красавица, до лаптя, котораго вождѣлъ бы мужикъ. Оттуда, наконецъ, сибирскій трактъ. Скоро ли мы дождемся сибирской желѣзной дороги, а оттуда все везутъ да везутъ. Куда?—въ Москву, въ Петербургъ?—Но тамъ и безъ того своего довольно. Напротивъ того, Малороссія, съ Харьковомъ въ центрѣ, даже въ гвоздѣ нуждается. Вотъ самый естественный истокъ. А въ Харьковѣ, въ свою очередь, хлѣбныя богатства, сало, шерсть—опять истокъ на сѣверъ, гдѣ въ этомъ нуждаются.

— Скажите на милость!—изумился я.

— А при этомъ дорога пройдетъ черезъ мое имѣніе, стало быть, и я останусь не безъ выгоды. Я, братъ, умненько все это подстроилъ. Сначала Горбатовъ, потомъ Муромъ (питательная

вѣтъ въ Арзамасъ), Темниковъ, Шацкѣ, Спасскѣ-Тамбовскій (питательная вѣтъ въ Ардатовъ), Моршанскѣ... А оттуда сдѣлаю въ Харьковъ. Кромѣ отпавныхъ пунктовъ, сколько тутъ по дорогѣ добра найдется!..

— Да; пожалуй, и не увезете, ежели все...

— Увеземъ, не безпокойся! Пусть только разрѣшать. А не разрѣшить—нельзя: такъ все очевидно.

— Можно мнѣ полюбопытствовать?

— Съ удовольствіемъ, даже прошу. Я не дѣлаю изъ этого секрета, и ежели ты найдешь что-нибудь замѣтить, то говори прямо. Я буду даже благодаренъ. Ты прочтешь, другой прочтетъ—смотришь, кто-нибудь и заинтересуется.

Черезъ часъ мы уже сидѣли за бумагами. — Вотъ это объяснительная записка,—говорилъ дядя:—мы ее послѣ прочтемъ, а вотъ тебѣ карта дороги. Видишь: Горбатовъ, Муромъ, Темниковъ, Шацкѣ... Вотъ здѣсь Надежда Михайловна красный кружокъ поставила, а я его послѣ подчистилъ—это наша Куриловка. Здѣсь предполагается устроить станцію съ буфетомъ и остановку въ 20 минутъ. Поѣзды будутъ такъ расписаны, что каждый будетъ у насъ или завтракать, или обѣдать, или ужинать. А кому угодно чай или кофей пить—милости просимъ!.. Буфетъ будетъ содержать нашъ поваръ Акимъ, такъ что мы даже стола дома имѣть не будемъ, а все со станціи. Масло, молоко мы будемъ ставить на станцію свое; телятъ, индюшекъ, гусей, поросятъ—все тащи на станцію. У насъ въ прудѣ крупные караси водятся, и ихъ, стариковъ, туда же. А ягоды? овощи? фрукты?—всему найдется близкій и выгоднѣйшій рынокъ. Кромѣ того: дрова, шпалы — все изъ собственныхъ лѣсовъ. А со станціи мы будемъ получать отмыннѣйшее удобреніе. Всякій поѣздъ что-нибудь унесетъ и что-нибудь оставитъ, не говоря уже о служащихъ. При станціи постоялый дворъ—опять сбытъ, опять удобреніе. Въ заключеніе, жетоны на даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ цѣлаго міра—всему семейству. Я и тебѣ пришло.

Я поблагодарилъ, и невольно при этомъ облизнулся: такъ онъ отчетливо и вкусно все мнѣ объяснилъ.

— А теперь смотри: вотъ статистическія таблицы!—сказалъ онъ.

Онъ развернулъ листъ разграфленной бумаги, на которомъ я прочиталъ:

НИЖЕГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА.

Названіе мѣстностей.	Предметы перевозки.	Пуды.	Фунты.	Особыз примѣ- танія.
Нижній-Новгородъ съ армаркой.	Рыбный товаръ: осетрина, бѣлужина, севрюжина, сель- ди, балыки, икра	000	00	
	Щепной товаръ	000	00	
	Кожевенный, сапожный и шубный товаръ	000	00	
	Дары Сибири и Урала: пушной товаръ, чай, золото, минералы, дичь и пр. . . .	000	00	
	Произведенія Востока: ха- латы, шали, термаламы, ков- ры и проч.	000	00	
	Мануфактура: холсты, по- лотна, ситцы, набойки и пр.	000	00	
	Ювелирные и модныя из- дѣлія	000	00	
	Монументы, памятники старины и проч.	000	00	
	Пушныя: медвѣжья, вол- чьи и заячьи шкуры	000	00	
	Рогожи, цыновки, мочало, лыжи, лапти	000	00	
Семеновскій и Ма- карьевскій уѣздъ . .	Старопечатныя книги и прочія принадлежности рас- кола.	000	00	
	Замки секретные и про- стые, отмычки, ножи перо- чинные, столовые и хлѣбные, сошники, гвозди, сундуки, и проч.	000	00	
Горбатовскій уѣздъ . .	Муромскіе огурцы.	000	00	
	Муромскіе разбойники . .	000	00	
Муромскій уѣздъ . . .	Грибы всѣхъ сортовъ, су- шеные, соленые, маринован- ные, и пр.	000	00	
	Гуси	000	00	
Арзамасскій уѣздъ . .	Произведенія искусствъ .	000	00	
	Тележные кузова, колеса, деревянные оси, мочало, ро- гожи и пр.	000	00	
Темниковскій уѣздъ . .	Малороссійское сало, хлѣбъ всѣхъ сортовъ, скоть	000	00	
Итого.		000	00	

Съ минуту стоялъ я очарованный. Не можетъ быть, чтобы такого проекта не разрёшили, — думалось мнѣ. Мало-по-малу, однако, рассудокъ вступилъ въ свои права.

— Ноль-ноль-ноль! Какая же это статистика? — вымолвить я.

— Это, любезный другъ, не есть важно. У меня въ самой статистикѣ служить человѣчекъ, который какія угодно цифры проставить, да и особыя примѣчанія напишетъ. Эти цифры, можетъ, хотя и противорѣчатъ официальнымъ даннымъ, но вѣдь всѣмъ извѣстно, какъ у насъ собирается официальная статистика; здѣсь же проставленныя цифры суть плодъ опытныхъ наблюдений, несомнѣнныхъ и вѣрныхъ... Вотъ онъ какъ напишетъ — и все будетъ прекрасно!

— О, коли такъ... Но почему же вы думаете, — Горбатовскій, напимѣръ, уѣздить... почему вы предполагаете, что онъ всѣ свои замки повезетъ въ Харьковъ, а не въ Сибирь, не въ Алатырь, куда тоже, пожалуй, дорогу поведутъ?

— Непремѣнно въ Харьковъ. Торговля, душа моя, это такая вещь, что гдѣ вѣрнѣе и быстрѣе ожидается оборотъ, туда она и тянется. Вездѣ хотъ гвоздь сдѣлать умѣютъ; вездѣ есть свои слесаря, а слѣдовательно и замки; въ Харьковѣ ничего и въ заводѣ нѣтъ. Есть только сало.

— Да, коли такъ, то дѣйствительно... Ну, а какъ насчетъ пассажирскаго движенія?

— Мужичья будетъ ѣздить пропасть. Вотъ первый и второй классы — эти будутъ прихрамывать. Видишь, я не скрываю отъ тебя и слабыхъ сторонъ моей дороги.

— Но въ такомъ случаѣ нельзя ли устроить такъ?.. Просить такъ просить. Объявить, напимѣръ, обязательнымъ, чтобы однажды въ годъ весь Харьковъ побывалъ въ Нижнемъ, и весь Нижний — въ Харьковѣ. Ну, пикники, что-ли, такіе объ масляницѣ и Святой устроить...

— А въ имѣніи у меня полчаса остановки: блины, куличи, яйца... Да, это ид-де-я! Только трудненько будетъ ее провести съ нашимъ русскимъ сквалыжничествомъ. У меня, впрочемъ, тоже проектъ про запасъ припасенъ, но ужъ не знаю...

— Въ чемъ же онъ состоитъ?

— Да очень просто: обложить cadaго пассажира обязательно по двугривенничку на предметъ вознагражденія за увѣчья и смерть. Необременительно, а для пассажировъ — прямая выгода: обезпеченіе въ будущемъ. За увѣच्या будемъ платить по таксѣ; за смерть — смотря по человѣку. За крестьянскую бабу и ста рублей за глаза довольно.

— И выгодно это для васъ будетъ?

— Ничего, дѣтишкамъ на молочишко останется. Предполагать, что по дорогѣ проѣдетъ—ну, мало триста тысячъ чело-
вѣкъ въ годъ. Съ каждаго по двугривенному,—это шестьдесятъ
тысячъ рублей. А заплатимъ за увѣчья много-много пять тысячъ.

— Ахъ!

— Да, голубчикъ, на все требуется смѣтка, все нужно пред-
видѣть и взвѣсить заранее — тогда и будетъ все ладно. А
впрочемъ соловья баснями не кормятъ. Пора и въ походъ.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ того дядя прожилъ въ Петербургѣ, и
я его видѣлъ только урывками. Вставалъ спозаранокъ, пилъ чай
одинъ и исчезалъ на цѣлый день. Сначала онъ мнѣ кое-что
разсказывалъ, но потомъ замолкъ. Стороной я слышалъ, что онъ
былъ у Губошлепова, но тотъ отвѣчалъ, что у него своихъ дѣ-
ловъ по горло, а чужими заниматься недосугъ. Тогда дядя на-
помнилъ ему про бывшее.

— Чтѣ было, то бывшемъ поросло, — равнодушно отвѣтилъ
ему Губошлеповъ:—вмѣстѣ горы рыли, и вы попользовались до-
статочно. А теперь я желаю.

Одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ,—теперь уже власть иму-
щій,—къ которому онъ тоже явился, сказалъ:

— Проектъ твой превосходный, и я даже удивляюсь, какъ
никому прежде не пришло на умъ... Харьковъ, Нижній—это
именно... Къ сожалѣнію, ты опоздалъ. Наше казначейство такъ
скудно средствами, что можетъ удѣлить намъ лишь нѣсколько
милліоновъ въ годъ. Эти милліоны уже распределены на нѣ-
сколько лѣтъ впередъ, и сѣтъ утверждена окончательно. Но послѣ,
когда все предполагаемое будетъ выполнено—милости просимъ!

— Но неужто-жъ нельзя... сверхъ того?

— Невозможно. Не вѣрно даже съ представленіями входить.

Дядя бросился къ евреямъ; но тамъ потребовали, чтобы онъ
обрѣзлся. Къ чести его, я могу сказать, что онъ не согласился
отступить отъ прародительскихъ вѣрованій.

Тогда онъ началъ искать, нельзя ли найти путь къ чьей-
нибудь „любезненькой“. „Любезненькую“ нашелъ и даже порас-
трясъ тамъ не мало денегъ. Надежды его оживились...

Но, вдругъ, онъ явился однажды утромъ къ чаю, махнулъ
рукою и сказалъ:

— Сегодня уѣзжаю въ Муромъ!

— Чтѣ такъ?

— Сонъ видѣлъ...

Наконецъ, я видѣлся съ дядей на этихъ дняхъ. Онъ уже служить предводителемъ, извѣстенъ какъ человекъ, который держитъ свое знамя твердо и грозно, и слухи о его благонамѣренномъ нахальствѣ доходили даже до Петербурга. Къ тому же, на этотъ разъ онъ поступилъ толковѣе: не поѣхалъ прямо мозолить глаза своимъ проектомъ, а послалъ его куда слѣдуетъ заблаговременно, и успѣлъ заинтересовать. Послѣдовало приглашеніе прибыть въ Петербургъ.

— Тс... новости!—сказалъ онъ, являясь ко мнѣ на постой.

— Новости... изъ Муромъ?

— А ты думалъ, откуда? Нынче и всѣ новости изъ Муромъ да изъ Кирсанова. У насъ—источникъ всего, а вы, петербургскіе, только пережевываете.

Затѣмъ онъ свезъ просвиру отъ муромскихъ чудотворцевъ, и началъ свою пропаганду.

Проектъ его носилъ заглавіе:

ВРЕМЯ НЕ ТЕРПИТЬ!!

ПРОЕКТЪ ОБНОВЛЕНІЯ.

Въ сущности, это былъ проектъ всеобщаго упраздненія; но такъ какъ нынѣ всѣ уже согласны, что въ упраздненіи-то и заключается обновленіе; то терминологія его была принята безъ особенныхъ затрудненій.

Онъ предлагалъ упразднить все: суды, земство, крестьянское самоуправленіе. Даже исправниковъ и станowych приставовъ. О бабакахъ говорилъ съ оговоркой: вредны, но на нихъ зиждется... Всѣ уѣзды онъ дѣлилъ на попечительства, по числу наличныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ, и съ подчиненіемъ всѣхъ попечителей предводителю. Въ рукахъ попечителей перепутана была власть судебная, административная и полицейская. Они завѣдывали народною нравственностью, образованіемъ, зрѣлищами, играми и забавами. Обязаны были устранять вредные обычаи и искоренять сквернословіе. Но преимущественно смотрѣть, чтобъ мужикъ не лѣнился. Своевременно созывать сходки и объяснять крестьянамъ ихъ обязанности и необходимость повиновенія. За хорошее поведеніе дарить мужикамъ кушанья, а бабамъ—платки.

Проектъ былъ простъ и ясенъ, какъ день, и потому неудивительно, что имѣлъ успѣхъ. Фамилія Стрѣлова повторялась въ салонахъ. Его приглашали, съ нимъ совѣщались. Дамочки называли его не иначе, какъ „le bouggu bienfaisant“. Но, сверхъ того,

ему и пообѣщали. Замѣчательно, что и тутъ не обошлось безъ завистниковъ: кто-то шепнулъ о скрытой горѣ; но на этотъ разъ извѣтъ не имѣлъ успѣха, и даже былъ встрѣченъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Всѣ въ свое время горы рыли!—отвѣчали извѣтчику:— то было время, а теперь—другое; господинъ Стрѣловъ понялъ это лучше, нежели кто-нибудь, и конечно...

Дядя ходилъ радостный и полный надеждъ. Проектъ его былъ приобщенъ къ числу прочихъ, съ тѣмъ, что его примутъ въ соображеніе въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. Пройдутъ десяти лѣтъ, народится новое поколѣніе, и какой-нибудь трудолюбивый собиратель старинныхъ курьезовъ прочтетъ его и напечатаетъ съ эпиграфомъ:

Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы...

Словомъ сказать, жизнь вновь улыбнулась дядѣ, какъ въ эпоху ранней молодости. Ни одного вечера не видалъ я его дома—все на раутахъ среди дамъ, или въ мудрой бесѣдѣ со старцами.

Но здѣсь я долженъ оговориться и поспѣшить приведеніемъ этой исторіи къ концу. Исторія вообще (въ томъ числѣ и настоящая) обязана относиться къ современности сдержанно. Нѣтъ ничего раздражительнѣе, какъ современность, и историкъ напрасно будетъ усиливаться въ соблюденіи справедливости при оцѣнкѣ фактовъ. Его всегда упрекнутъ въ пристрастіи. Еще Гоголь сказалъ: напиши что-нибудь про одного титулярнаго совѣтника— всѣ титулярные совѣтники примутъ на свой счетъ. Точно такъ и тутъ: напишите какую-угодно небылицу— всѣ современныя небылицы въ лицахъ примутъ на свой счетъ.

Кончаю. Въ заключеніе, скажу только, что дядя Захаръ теперь фигурируетъ въ губерніи, величается вѣшествомъ, и солдаты на тюремной гауптвахтѣ выбѣгаютъ, когда онъ проѣзжаетъ мимо...

Вѣщихъ снова онъ не видитъ.

Н. Щедринъ.

РУССКІЙ РОМАНЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ

— V-te E. M. de Vogüé: le Roman Russe. Paris, 1886.

Мы присутствуемъ при любопытномъ и еще въ недавнее время неожиданномъ зрѣлищѣ: это—успѣхъ русской литературы за границей, успѣхъ, который нерѣдко можно назвать настоящимъ торжествомъ. Въ то время, когда у себя дома мы еще слышимъ вопли противъ нашей образованности и литературы, „лакействующихъ передъ Европой“, мы видимъ совсѣмъ иное со стороны самой Европы. Когда данъ былъ первый толчекъ знакомству съ русской литературой, полился цѣлый дождь переводовъ изъ русской литературы, гдѣ заняли мѣсто всѣ замѣчательнѣйшія имена нашего новѣйшаго періода, отъ Гоголя и до Льва Толстого, и среди множества сочувственныхъ отзывовъ французской, нѣмецкой и англійской критики, господствовало одно общее впечатлѣніе, что эта литература даетъ европейскому читателю нѣчто совершенно новое, нѣчто оригинальное, независимое, нерѣдко могущественное, и что въ томъ потоцѣ реализма, который овладѣваетъ европейской литературой, русскіе писатели занимаютъ не только вполне самостоятельное мѣсто, но что во многихъ случаяхъ имъ надо приписать первенство почина въ этомъ движеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, распространеніе русской литературы за границей есть фактъ, требующій вниманія. Въ послѣднія лѣтъ десять явилась такая масса переводовъ съ русскаго въ главныхъ европейскихъ литературахъ, какого не бывало съ самаго начала русской литературы. Едва-ли не первый привлекъ это оживленное

вниманіе Тургеневъ; его повѣсти, переведенныя нѣкоторыми любителями, знакомыми съ русскимъ языкомъ, давно были замѣчены во французской, нѣмецкой и англійской литературѣ, но долго оставались одинокимъ образчикомъ русской литературы. Думалъ, вѣроятно, что это—одинокія блести сильнаго дарованія, изъ-за которыхъ все-таки не стоитъ углубляться въ литературу, огражденную столь мудренымъ языкомъ, каковъ русскій. Подобныя блести появлялись и раньше, какъ, напримѣръ, въ прекрасныхъ и съ любовію исполненныхъ переводахъ Лермонтова у Боденштедта, въ переводахъ изъ Гоголя; но другого не знали, и русская литература, за этими исключеніями, мало интересовала европейскихъ читателей. Не было, кажется, мысли о томъ, чтобы могло быть что-нибудь интересное въ литературѣ народа, который все еще считаютъ полу-варварскимъ, народа съ слабымъ, на Западѣ же заимствованнымъ, образованіемъ, народа, не имѣющаго свободной общественно-политической жизни. Но за первыми повѣстями Тургенева послѣдовали его новыя произведенія; явились въ первый разъ, какъ будто случайно, переводы изъ Достоевскаго, Гончарова, Льва Толстого; первымъ впечатлѣніемъ было удивленіе, и когда затѣмъ въ европейскую литературу введенъ былъ цѣлый новый рядъ произведеній этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ писателей, европейская критика въ первый разъ увидѣла передъ собой цѣлое явленіе, требовавшее вниманія. Передъ ней открывался новый, неподозрѣваемый міръ искусства,—міръ, совсѣмъ не подходившій къ тѣмъ предположеніямъ, какія имѣли раньше о русской литературѣ, гдѣ дѣйствовали не только таланты перво-степенной силы, но гдѣ былъ особый, почти неизвѣстный прежде, характеръ творчества, глубина оригинальной идеи и своеобразный пріемъ исполненія. Оказывалось, что если въ извѣстныхъ раньше произведеніяхъ Тургенева бывали знакомыя черты художественнаго творчества, то въ открывавшемся теперь цѣломъ складѣ новой русской литературы европейская критика не могла найти слѣда какого-нибудь своего учительства; что, напротивъ, все это, и мысль, и исполненіе, были ей совершенно новы, чрезвычайно своеобразны, вполне самобытны. Не разъ эта критика, изучая нашихъ первостепенныхъ писателей, думала и говорила о Шекспирѣ; не разъ говорила она, что русская литература совершаетъ открытія въ области искусства. Оказывалось еще, къ удивленію, что эта замѣчательная литература существуетъ не со вчерашняго дня, что уже лѣтъ сорокъ совершается въ русской литературѣ это необычайное движеніе, котораго западная критика не подозрѣвала. Вліяніе русской литературы стало обозначаться оригиналь-

ными фактами. Тургеневъ, который пользовался большимъ личнымъ авторитетомъ въ кругу французскихъ писателей, имѣлъ въ нѣмецкой литературѣ почти школу поклонниковъ и подражателей, которые желали идти по его слѣдамъ; въ Англіи ему выразили свое уваженіе рѣдкой почестью, когда оксфордскій университетъ поднесъ ему докторскій дипломъ. Въ прошломъ году былъ случай плагиата, когда на брюссельскомъ литературномъ конкурсѣ получилъ первую премію нѣкто Энсъ (Hins) за романъ, который оказался сокращеннымъ переводомъ „Преступленія и наказанія“ Достоевскаго, и пр.

Любопытно было бы прослѣдить хронологически этотъ ростъ русской литературы за границей за послѣднія десятилѣтія и собрать сужденія замѣчательнѣйшихъ критиковъ. Въ настоящее время эта литература уже очень обширна, особенно по-французски. Г. Вогюэ, о книгѣ котораго мы будемъ дальше говорить, приложилъ въ концѣ для своихъ читателей списокъ произведеній русской литературы, существующихъ на французскомъ языкѣ. Начиная съ „Исторіи“ Карамзина въ переводѣ 1826 года, здѣсь идетъ Пушкинъ (въ переводахъ Дюпона, Порри, Меримэ, Тургенева и Віардо, 1846—1862 годовъ), Лермонтовъ („Демонъ“ и „Герой нашего времени“, въ переводахъ Мармье и др., 1856—1860), Грибоѣдовъ—въ новомъ переводѣ Легрелля, Гоголь („Ревизоръ“ въ переводѣ Мериме, 1853; „Тарасъ Бульба“ въ переводѣ Віардо, 1853; „Шинель“—Мармье, 1856; „Мертвыя Души“—Моро, 1858, и Шаррьеръ, 1859, 1885); Тургеневъ (всѣ сочиненія его были переведены Шаррьеромъ, Меримэ и Віардо); Гончаровъ (изъ котораго переведены „Обломовъ“ и „Обрывъ“; послѣдній—подъ названіемъ „Marc le Nihiliste“); нѣсколько романовъ Писемскаго; Достоевскій („Униженные и оскорбленные“ въ переводѣ Гюмбера, 1884, „Преступленіе и наказаніе“—Дерели, 1884, „Записки изъ мертвого дома“—Нейру (Neugoud), 1886, и затѣмъ ожидаютъ переводы „Бѣдныхъ людей“, „Бѣсовъ“, „Идіота“, „Братьевъ Карамазовыхъ“ и цѣлаго ряда повѣстей). Наконецъ, —Левъ Толстой, который, какъ и Достоевскій, появляется лишь въ послѣднее время: въ 1884 году вышли „Война и миръ“ въ переводѣ „русской“, и въ 1886, въ ея же переводѣ, „Казачи“ и „Севастопольскіе рассказы“; въ 1885 вышла „Анна Каренина“; въ 1886—„Катя“ въ переводѣ графа д’Отрива, и ожидаютъ „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“; появляются, наконецъ, и новѣйшія произведенія гр. Толстого: въ 1885 вышла „Ma religion“ и недавно—книжка „A la recherche du bonheur“ (въ переводѣ и съ предисловіемъ Гальперина), заключающая въ

себѣ рядъ послѣднихъ народныхъ разсказовъ Л. Толстого. Этотъ списокъ еще неполонъ: есть переводы изъ Крестовскаго (псевдонима), Островскаго и др.; изъ старой литературы переведены недавно „Письма русскаго путешественника“ Карамзина; не была забыта и древняя литература, изъ которой явился „Несторъ“ въ переводѣ Л. Лежѣ и „Слово о полку Игоревѣ“, въ переводѣ Фаръ-Ріона, 1878. Прибавимъ, наконецъ, что въ тѣ же послѣдніе годы шло и другимъ путемъ изученіе русской исторіи, литературы и современности, въ трудахъ Альфреда Рамбо, которому принадлежитъ замѣчательная книга: „La Russie érique“ (два изданія), внимательно составленный обзоръ русской исторіи, „Moscou и Sébastopol“, и пр.; въ извѣстныхъ, еще болѣе замѣчательныхъ трудахъ Анатоля Леруа-Больѣ (L'empire des Tzars“, біографія Н. Милютина); была даже цѣлая книга по исторіи русской литературы Куррьера; особая книжка для знакомства съ новѣйшей русской литературой (Ern. Dupuy: „Les grands maîtres de la littérature russe au dix-neuvième siècle“, 1885,—посвященная Гоголю, Тургеневу и Льву Толстому) и пр. ¹⁾

Очень размножились нѣмецкіе переводы изъ русской литературы: цѣлый рядъ переводовъ изъ Тургенева, изъ Достоевскаго („Преступленіе и наказаніе“ и „Братья Карамазовы“), Гончарова („Обломовъ“ и „Обыкновенная исторія“), Льва Толстого („Война и миръ“ — въ двухъ переводахъ, „Анна Каренина“, „Казаки“ и др.), Некрасова (переводъ полнаго собранія сочиненій, Кёхера). Не упоминаемъ о старыхъ и новыхъ переводахъ изъ Гоголя, Кольцова, Писемскаго и пр. Въ нѣмецкихъ журналахъ за послѣднее время нерѣдки статьи о русской литературѣ и, напр., цѣлые трактаты о Тургеневѣ, Цабеля, поклоненіе котораго передъ нашимъ писателемъ вызвало, наконецъ, шутки нѣмецкихъ критиковъ. Нѣмецкой литературѣ принадлежитъ самая серьезная работа по исторіи русской литературы, какая только являлась до сихъ поръ въ Россіи; это—книга А. Рейнгольда, составленная съ хорошимъ знаніемъ новѣйшей разработки предмета у насъ, съ самостоятельными сужденіями автора о главнѣйшихъ дѣятеляхъ нашей литературы ²⁾. Тѣми же качествами отличаются и отдѣль-

¹⁾ Можно прибавить цѣлый рядъ иного рода книгъ, посвященныхъ изученію Россіи—какъ замѣчательный томъ. описанія Россіи въ „Géographie Universelle“ Реклю (переведенный и по-русски), какъ книги Лерелля (Le Volga), Тиссо, Валома (La Russie au soleil) и т. п.

²⁾ Книга эта выходитъ выпусками и уже близка къ концу: по окончаніи изданія мы постараемся дать о немъ отчетъ.

ныя небольшія статьи того же автора о русской литературѣ въ нѣмецкихъ журналахъ.

Англійская литература менѣе богата переводами съ русскаго, хотя волна интереса къ русскимъ произведеніямъ достигаетъ и до нея. Свидѣтельствомъ хорошаго знакомства съ русскими источниками могутъ служить извѣстные труды Рольстона о русской народной поэзіи и, въ особенности, книга о Россіи Мэкензи Уоллеса, который изучилъ русскую жизнь какъ немногіе изъ иностранцевъ; ему знакомы, болѣе или менѣе, всѣ круги русскаго общества, отъ его верхнихъ слоевъ и до настоящаго народа, и самыя различныя края нашего отечества. Въ переводахъ эта книга усвоена французской, нѣмецкой и самою русской литературой.

Переводы съ русскаго нерѣдки и въ итальянской литературѣ, и на дняхъ мы читаемъ о появленіи полнаго итальянскаго изданія сочиненій Тургенева.

Тотъ же интересъ проникаетъ и въ небольшія западныя литературы: есть голландскіе, датскіе, шведскіе переводы нѣкоторыхъ изъ произведеній новѣйшей русской литературы. Наконецъ, русская литература проникаетъ и къ братьямъ славянамъ: у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, чеховъ и т. д. появляются въ журналахъ, и даже отдѣльными книжками, переводы изъ новѣйшихъ корифеевъ нашей литературы—отчасти по непосредственному знакомству съ нею (напр., у болгаръ, галичанъ, частію у чеховъ), отчасти, кажется, только по западному, особливо нѣмецкому, приѣму; по крайней мѣрѣ, чехи или хорваты долго не догадывались о существованіи въ нашей литературѣ Тургенева и Льва Толстого, пока не заговорила о нихъ европейская литература.

Что же находятъ въ нашей литературѣ европейскіе читатели и критика?

Не перебирая всей этой литературы о нашихъ писателяхъ, остановимся на одномъ образчикѣ западной критики, какую представляетъ книга г. Вогюэ,—остановимся потому, что этотъ авторъ, самъ прожившій довольно долго въ Россіи, успѣвшій хорошо ознакомиться съ русской жизнью и языкомъ, даже лично знавшій нашихъ главнѣйшихъ писателей, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Левъ Толстой,—этотъ авторъ можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе компетентныхъ писателей въ данномъ случаѣ, и притомъ книга его представляетъ нѣчто цѣлое и законченное. Мы приведемъ основныя черты ея, частью словами самого автора. Эти цитаты будутъ достаточно говорить за себя сами и почти не будутъ нуждаться въ комментаріи; ошибки или преувеличенія иногда вызовутъ улыбку и будутъ сами собою ясны, какъ неизбежный

отголосокъ чуждой точки зрѣнія или неполнаго все-таки знанія русской жизни, которую авторъ усиливается объяснить.

Авторъ хорошо изучилъ своихъ писателей, т.-е. особенно Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и Льва Толстого; нерѣдко онъ говоритъ о нихъ съ большимъ пониманіемъ какъ ихъ внутренняго настроенія, такъ и внѣшнихъ условій ихъ дѣятельности. Русскій романъ, совмѣщаемый авторомъ въ этихъ главнѣйшихъ представителяхъ, есть для него особый міръ, чрезвычайно оригинальный и глубоко національный. Какъ слѣдуетъ осмотрительному наблюдателю, онъ желаетъ связать явленіе съ самой глубиной національнаго характера и съ историческими послылками; поэтому начинается издалека—съ первыхъ историческихъ шаговъ русской національности; онъ потомъ быстро проходитъ факты нашей древней письменности и новѣйшей послѣ-петровской литературы до Пушкина; въ одномъ изъ этихъ періодовъ онъ видитъ лишь слабые признаки просвѣщенія подъ влияніями византійскими; во второмъ—слишкомъ очевидную подражательность, лишенную интереса для тѣхъ, кто знаетъ источники. Русская литература, самобытная и любопытная для него, начинается только теперь, едва сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; но здѣсь она исполнена самаго глубокаго интереса. Авторъ объясняетъ, что для его публики было бы трудно слѣдить за всѣми подробностями переходныхъ явленій, за длинной номенклатурой мало замѣчательныхъ именъ, составляющихъ старую русскую литературу; онъ предпочитаетъ слѣдовать примѣру тѣхъ натуралистовъ, которые, описывая мало извѣстную и любопытную страну, пропускаютъ промежуточные поясы, идутъ прямо въ центръ этой страны и начинаютъ съ ея самыхъ рѣзкихъ и характерныхъ особенностей. Въ этомъ частномъ соображеніи авторъ, можетъ быть, правъ; но, по существу дѣла, предыдущія ступени развитія въ литературѣ не были такъ малозначительны. Новѣйшая русская литература, о которой одной онъ хочетъ говорить, явилась не вдругъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но связана тѣснѣйшими историческими нитями съ ея предшественными періодами, и недостатокъ вниманія къ этимъ послѣднимъ, какъ увидимъ, отразился у нашего автора крупными недосмотрами въ объясненіи существенныхъ явленій настоящаго...

Изложенію предшествуетъ живо написанное предисловіе, гдѣ авторъ излагаетъ свое отношеніе къ предмету и значеніе новѣйшаго реализма—у французовъ съ одной стороны, у англичанъ и русскихъ—съ другой. Этотъ реализмъ онъ возводитъ вообще къ глубокому перевороту въ новѣйшемъ философскомъ міровоззрѣніи,

которое, покидая традиціонные пути, ищетъ новыхъ основъ въ богатыхъ пріобрѣтеніяхъ новѣйшей науки, въ проникательномъ анализѣ, разлагающемъ старыя, привычныя представленія. Новѣйшая французская литература воображаетъ, что она давно и собственными силами находится въ полномъ обладаніи этого реализма; полагая его вершину въ Флоберъ и Зола, она видитъ его родоначальниковъ въ Стэндалъ и Бальзакъ. Авторъ разубѣждаетъ въ этомъ французскихъ критиковъ. Во-первыхъ, онъ не находитъ здѣсь истиннаго реализма; у однихъ, какъ напр. у Стэндала, открываетъ только скептицизмъ, а у новѣйшихъ прославленныхъ „натуралистовъ“, какъ Зола, кромѣ слишкомъ вышняго „экспериментальнаго“ реализма, видитъ ту же романтическую подкладку. Настоящій, исполненный жизненнаго смысла реализмъ авторъ видитъ только въ англійской и въ русской литературѣ: это — Диккенсъ, Тэккерей, Джоржъ Эліотъ и русскіе романисты, — и здѣсь сосредоточены самыя горячія литературныя симпатіи автора. Эліотъ, по его мнѣнію, быть можетъ, даже выше русскихъ романистовъ ¹⁾: „несмотря на мое рѣшительное пристрастіе къ Тургеневу и Толстому, я, быть можетъ, предпочту имъ эту очаровательницу — Мэри Ивэнсъ; если черезъ сто лѣтъ будутъ еще читать романы прошлыхъ временъ, я думаю, что удивленіе нашихъ потомковъ будетъ колебаться между этими тремя именами“. Чрезвычайно любопытно, что автору не вспомнилось при этомъ ни одно французское имя. Авторъ останавливается на томъ различіи, какое есть въ самой складкѣ мысли и творчества у народовъ латинскихъ и племенъ сѣверныхъ — славянскаго и англо-германскаго: мысль однихъ — ясная и отчетливая, всегда готовая ограничить кругъ наблюденія для того, чтобы оно было точнѣе; мысль другихъ — широкая, но смутная, потому, что она видитъ многое въ одно и то же время. Съ другой стороны, нравственный характеръ англійскаго реалистическаго романа нашъ авторъ, вслѣдъ за другими французскими критиками этого романа ²⁾, приписываетъ его религіозному происхожденію. Этотъ глубокий источникъ составляетъ настоящую нравственную силу англійскаго реалистическаго романа, какихъ бы ни былъ мнѣній самъ авторъ; какъ бы ни скрывался этотъ источникъ въ томъ или другомъ настроеніи писателя, вліяніе этого источника продолжаетъ сказываться даже въ самыхъ смѣлыхъ и циническихъ произведеніяхъ. Вспоминая одно мѣсто изъ романа Джоржа Эліота, авторъ

¹⁾ Мы увидимъ дальше, въ какомъ особомъ отношеніи.

²⁾ Тэнъ, Монтэгу, Шереръ, Брюнетьеръ.

воскликаетъ: „это прекрасно, какъ библія... Здѣсь чувствуешь, насколько эта Англія до мозга костей проникнута библіею. И у Джоржа Эліота это есть вліяніе племени, атмосферы и воспитанія. Что ея мнѣнія были изъ наименѣе конформистскихъ, это извѣстно; лично, она покинула старую вѣру; но, все равно, она у нея въ крови — эта первая религіозная монада (говоря словами Монтэгу), вложенная въ англійскія души протестантизмомъ, которому надо приписать превосходство англійскаго романа надъ нашимъ“. Это самое явленіе,—продолжаетъ нашъ авторъ,—мы найдемъ опять у русскихъ писателей; лично удаленные отъ традиціонной догмы, они хранятъ ея крѣпкій закалъ... „Минутная доктрина писателя имѣетъ часто очень мало вліянія на его произведенія; чтó всего важнѣе у него и чего особенно недостаетъ нашимъ, это—долгое бессознательное приготовленіе въ здоровой сферѣ, это—религіозное качество сердца. Каковы бы ни были вѣрованія, на которыхъ остановится Мэри Ивэнсъ, она всегда можетъ приписать себѣ эти слова методистки Дины Моррисъ, гдѣ она сосредоточила сущность своей мысли:—мнѣ кажется, что въ моей душѣ нѣтъ мѣста для тревогъ обо мнѣ самой, такъ изобильно Богу угодно было наполнить мое сердце состраданіемъ къ бѣдствіямъ бѣдныхъ людей, которые ему принадлежатъ“. Такъ думаютъ и такъ могли бы говорить,—продолжаетъ г. Вогюэ,—многіе изъ тѣхъ русскихъ, которые теперь оспариваютъ у англичанъ первенство въ реалистическомъ романѣ. „Ихъ прибытіе на великую литературную сцену было внезапно и непредвидѣнно. До этихъ послѣднихъ годовъ у насъ предоставляли нѣсколькимъ ориенталистамъ заботу изслѣдовать писанія этихъ сарматовъ¹⁾. Подозрѣвали, конечно, что у нихъ можетъ существовать литература, какъ въ Персіи и въ Аравіи; но она внушала посредственное довѣріе. Меримѣ первый узналъ эту мало посѣщаемую страну и указалъ въ ней талантливыхъ писателей и оригинальныя произведенія. Тургеневъ пришелъ къ намъ какъ миссіонеръ русскаго генія; онъ доказывалъ своимъ примѣромъ высокую артистическую цѣну этого генія; западная публика оставалась скептической“.

Но этотъ скептицизмъ скоро сталъ разсѣиваться; знакомство съ нѣсколькими новыми образчиками русской литературы возбудило вниманіе, изумленіе и, наконецъ, восторгъ. Нашъ авторъ указываетъ, въ общихъ чертахъ, какъ создавалась эта русская литература и какими глубокими достоинствами она отличается въ сравне-

¹⁾ Припомнимъ, что дѣйствительно въ Парижѣ преподаваніе славянскихъ языковъ, и въ томъ числѣ русскаго, совершается (г-мъ Луи Лежѣ); въ школѣ восточныхъ языковъ—*école des langues orientales vivantes*..

ни съ тѣмъ, что господствовало и къ чему привыкли на Западѣ, особенно во Франціи. Высокомѣрное отношеніе къ русскому „варварству“ было слишкомъ поверхностно. Авторъ вспоминаетъ слова Сегюра, который въ свое время зналъ русскихъ лучше другихъ и еще въ прошломъ столѣтіи говорилъ на-перекоръ общему невысокому мнѣнію объ этой странѣ: „русскіе теперь пока еще таковы, какими ихъ дѣлаютъ; если нѣкогда они будутъ болѣе свободны, они будутъ сами собой“. „Это время, — продолжаетъ авторъ, — которое еще не приходитъ въ другихъ отношеніяхъ, пришло, по крайней мѣрѣ, для литературы, и гораздо раньше, чѣмъ Европа удостоила это замѣтить. Около 1840 года школа, которая сама называла себя школой натуральной — или натуралистской (русское выраженіе можетъ быть переведено обоими способами), поглотила всѣ литературныя силы страны. Эта школа посвятила себя роману и тотчасъ создала замѣчательныя произведенія. Эта школа напоминала англійскую и была много обязана Диккенсу, очень мало Бальзаку, слава котораго еще не установилась внѣ Франціи; она опередила нашъ реализмъ, установленный позднѣе Флоберомъ. Нѣкоторые изъ этихъ русскихъ съ перваго раза достигли тѣхъ мрачныхъ концепцій и тѣхъ грубыхъ рѣзкостей выраженія, къ которымъ мы пришли только недавно цѣною усилій; если это заслуга, то надо отдать имъ въ этомъ первенство. Но другіе писатели освободили реализмъ отъ этихъ излишествъ и, какъ англичане, сообщили ему высшую красоту, происшедшую изъ того же нравственнаго побужденія: состраданія, освобожденнаго отъ всякаго нечистаго элемента и возвышеннаго евангельскимъ духомъ“.

„У нихъ нѣтъ умственной крѣпости и мужественной силы англо-саксонцевъ, этого племени изъ гранита, племени, всегда увѣреннаго въ самомъ себѣ и которое умѣетъ укрощать себя, какъ укрощаетъ океанъ. Волнующаяся душа русскихъ прорывается сквозь всѣ философіи и всѣ заблужденія; она дѣлаетъ свои остановки въ нигилизмѣ и пессимизмѣ; поверхностный читатель могъ бы иногда смѣшать Толстого съ Флоберомъ. Но этотъ нигилизмъ никогда не принимается безъ внутренняго сопротивленія; эта душа никогда не остается нераскаянной, она тоскуетъ и ищетъ; въ концѣ концовъ, она возстаетъ снова и выкупаетъ себя милосердіемъ, — милосердіемъ болѣе или менѣе дѣятельнымъ у Тургенева и Толстого, необузданнымъ у Достоевскаго до того, что дѣлается болѣзненной страстью... Они носятъ со всѣми ученіями, которыя приходятъ къ нимъ извнѣ: скептицизмомъ, фатализмомъ, позитивизмомъ; но безъ вѣдома ихъ самихъ, въ самыхъ затаен-

ныхъ фибрахъ своего сердца, они всегда остаются христіанами... Пробѣгая ихъ самыя странныя книги, угадываешь въ сосѣдствѣ основную руководящую книгу (*un livre régulateur*), къ которой тяготеютъ всѣ другія; это — достопочтенная рукопись, которая стоитъ на почетномъ мѣстѣ, въ Публичной Библіотекѣ, въ Петербургѣ — новгородское евангеліе Остромира (1056); среди столь недавнихъ произведеній національной литературы, эта книга символизируетъ ихъ источники и ихъ духъ“.

„Послѣ симпатіи, отличительная черта этихъ реалистовъ есть пониманіе основъ и обстановки жизни; они подходятъ къ изученію реальнаго такъ близко, какъ это не дѣлалось никогда, какъ будто ихъ задача ограничивается однимъ этимъ; но они размышляютъ и о томъ, что остается невидимымъ; за вещами извѣстными, которыя они описываютъ точно, они даютъ тайное вниманіе вещамъ неизвѣстнымъ, о которыхъ догадываются. Изображаемые ими лица тревожатся всеобщей тайной, и какъ они, повидимому, ни увлечены драмой, совершающейся въ ту минуту, они прислушиваются къ шопоту отвлеченныхъ идей; эти идеи населяютъ ту глубокую атмосферу, въ которой дышатъ созданія Тургенева, Толстого, Достоевскаго. Страны, которыя по преимуществу посѣщаются этими писателями, похожи на прибрежныя пространства: здѣсь видишь холмы, деревья и цвѣты, но надъ всѣми точками зрѣнія господствуетъ движущійся горизонтъ моря, который къ привлекательности пейзажа прибавляетъ чувство безграничности міра, постоянно присутствующее свидѣтельство безконечнаго“.

Въ литературномъ исполненіи русскіе писатели также сходны съ англійскими. Интересъ и сильное впечатлѣніе покупаются той же цѣной терпѣнія; западный (т.-е. французскій) читатель утомляется видимымъ недостаткомъ плана, медленнымъ ходомъ разсказа, массой подробностей, но, наконецъ, увлекается качествами, какъ будто несоединимыми — самой наивной простотой и тонкимъ психологическимъ анализомъ. „Мы изумлены цѣльнымъ представленіемъ внутренняго челоѣка, какого мы не встрѣчали еще никогда, совершенствомъ въ изображеніи характеровъ, правдою чувствъ и языка у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ“. Указывая эти общія внутреннія качества реализма русскаго и англійскаго, авторъ хотѣлъ также объяснить своимъ читателямъ, чѣмъ этотъ реализмъ отличается отъ реализма французскаго, — „объяснить, какимъ образомъ эта, иногда несправедливо осуждаемая, форма искусства могла, однако, создать первостепенныя произведенія, какъ скоро ее возводили къ ея истиннымъ источникамъ силы, а эти источники — немного свѣта и теплоты; по-

тому что и литература дѣйствуетъ, какъ всякій природный процессъ, въ силу верховнаго закона, управляющаго міромъ физическимъ и нравственнымъ: весь получаемый ею свѣтъ и теплоту она превращаетъ въ силу; она даетъ столько силы, сколько получаетъ тѣхъ и другихъ. Англичане и русскіе имѣли успѣхъ тамъ, гдѣ мы потерпѣли неудачу“...

Этому авторъ и приписываетъ успѣхъ ихъ литературы въ европейской (и французской, въ частности) публикѣ. Эта литература отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ потому, что своимъ содержаніемъ она удовлетворяетъ вѣчнымъ потребностямъ человѣческой души, а по формѣ—тому реалистическому вкусу, который составляетъ черту нашего времени. Какъ ревностный патріотъ, авторъ, наконецъ, приходитъ по этому поводу къ печальнымъ мыслямъ о томъ, что Франція остается позади этого движенія. „Благодаря частому и быстрому обмѣну всякаго рода, благодаря возрастающей солидарности, которая объединяетъ міръ въ наше время, поверхъ пристрастій котѣри и національности создается духъ европейскій, создается запасъ культуры, идей и наклонностей, общихъ всѣмъ просвѣщеннымъ обществамъ; какъ вездѣ одинаковое платье, мы находимъ этотъ духъ довольно сходнымъ и послушнымъ однимъ вліяніямъ въ Лондонѣ, Петербургѣ, Римѣ или Берлинѣ... Этотъ духъ ускользаетъ отъ насъ; философіи и литературы нашихъ соперниковъ дѣлаютъ медленно свое завоеваніе. Это—уже не нашъ духъ; мы не сообщаемъ его, а идемъ за нимъ на буксирѣ,—иногда съ успѣхомъ; но слѣдовать не есть руководить. Я знаю, что громадная производительность нашего романа можетъ еще хвастаться своимъ торжествомъ на большомъ книгопродавческомъ рынкѣ; наши книги покупаютъ по привычкѣ и по модѣ, ими забавляются на минуту; но, за рѣдкими исключеніями, книга, которая дѣйствуетъ и питаетъ, которую принимаютъ серьезно, которую читаютъ въ собравшейся семьѣ и которая, въ концѣ концовъ, образовываетъ умы,—эта книга не выходитъ больше изъ Парижа. Съ горестью въ сердцѣ и желая обмануться, я отмѣчаю здѣсь наблюденіе, которое для меня служитъ выводомъ изъ долгихъ сношеній съ другими странами: общія идеи, преобразующія Европу, не выходятъ больше изъ французской души. Столь же несчастная, какъ наша политика, упустившая изъ рукъ матеріальную власть въ мірѣ, наша литература теряетъ, по своимъ ошибкамъ, ту умственную власть, которая была ея неоспоримымъ достояніемъ“.

Авторъ утѣшается увѣренностію, что это только временный застой и что за нимъ послѣдуетъ новое оживленіе, котораго онъ

уже видить признаки—между прочимъ, въ интересѣ къ русской литературѣ...

„Чтобы объяснить успѣхъ русскихъ, говорили о модѣ и пристрастіи, — продолжаетъ онъ. — Но какъ это поверхностно! Я соглашусь, что здѣсь есть немного моды,—это паразитное растеніе привязывается ко всякому дереву, которое растетъ,—и немного пристрастія въ нѣсколькихъ салонахъ. Но русскій романъ нашелъ свою настоящую публику въ учащейся молодежи всѣхъ состояній. Эту молодую публику очаровалъ не мѣстный колоритъ и не странности, а тотъ жизненный духъ, который одушевляетъ эти книги, тонъ искренности и симпатіи. Юношество нашло здѣсь духовную пищу, которой не даютъ больше произведенія нашей фантазіи, и такъ какъ оно было голодно, оно схватилося за эту пищу съ восторгомъ. Я говорю не на-угадъ; сколько писемъ молодыхъ людей, друзей извѣстныхъ или неизвѣстныхъ, я могъ бы привести здѣсь въ доказательство!“

Авторъ уже предвидитъ и неудобства, которыя можетъ повлечь за собой этотъ успѣхъ русскаго романа; вслѣдъ за произведеніями прекрасными, уже начинаютъ переводить и дюжинныя вещи; съ другой стороны, извѣстный разрядъ писателей, увлекаясь особенно „странностями, которыя обезображиваютъ талантъ Достоевскаго“, берутъ его крайности въ образецъ, чтобы усилить свои химерическія произведенія. „Но съ этими оговорками,—продолжаетъ авторъ,—я убѣжденъ, что вліяніе великихъ русскихъ писателей будетъ благотворно для нашего истощеннаго искусства. Это вліяніе поможетъ ему взять полетъ, лучше наблюдать реальную жизнь, видѣть дальше ея внѣшности и, въ особенности, снова найти чувство. Нѣчто подобное уже проглядываетъ въ нѣсколькихъ романическихъ произведеніяхъ совершенно новаго нравственнаго достоинства“. Авторъ отражаетъ и тѣ опасенія, которыя возбуждаетъ чужое вліяніе,—опасенія, очень знакомы намъ въ нашей литературѣ, гдѣ онѣ издавна и множество разъ высказывались. „Я едва понимаю тѣхъ,—говоритъ авторъ,—которые пугаются этихъ заимствованій извнѣ и, повидимому, боятся за цѣльность французскаго генія. Неужели они забываютъ всю исторію нашей литературы? Какъ все существующее, литература есть организмъ, который живетъ питаніемъ; она безпрестанно должна ассимилировать чуждые элементы, чтобы превратить ихъ въ свою собственную сущность. Если желудокъ хорошъ, то ассимиляція не представляетъ опасности; если онъ испорченъ, ему остается только выборъ погибнуть—или отъ голода, или отъ несваренія. Если мы находимся въ такомъ положеніи, то немного

больше или немного меньше русскаго питательнаго бульона ничего не измѣнить въ нашемъ смертномъ приговорѣ". Авторъ вспоминаетъ старые періоды французской литературы, когда Корнель искалъ поддержки въ Испаніи, Мольеръ въ Италіи, когда потомъ дѣлались займы то въ Англіи, то въ Германіи. „Теперь для нашей литературы снова возвратились времена голода и анеміи: русскіе приходятъ въ пору; если мы еще способны переваривать, мы поправимъ свою кровь на ихъ счетъ. Тѣмъ, которые стали бы стыдиться быть чѣмъ-нибудь обязаннымъ „варварамъ“, мы напомнимъ, что умственный міръ есть огромное общество взаимной помощи и благотворенія. Въ коранѣ есть прекрасная сура: „Почему люди узнаютъ, что пришелъ конецъ міра?—спрашиваетъ пророкъ.—Это случится въ тотъ день когда одна душа не будетъ уже больше въ состояніи ничего сдѣлать для другой души“. Дай Богъ, чтобы русская душа могла сдѣлать много для нашей“.

Таково настроеніе, въ которомъ авторъ приступаетъ къ подробному изученію главнѣйшихъ явленій русскаго романа. Мы съ намѣреніемъ остановились дольше на его введеніи, чтобы дать понятіе о томъ, какое высокое значеніе авторъ придаетъ новѣйшимъ произведеніямъ русской литературы, составляющимъ историческій результатъ ея развитія и ея національное выраженіе. Для насъ самихъ эта высокая оцѣнка не новость. Несмотря на продолжавшіеся до послѣдняго времени толки о недостаточной „самобытности“ нашей литературы, „рабствѣ“ передъ Европой и т. п., несмотря на внутреннія тяжелыя условія нашей литературы, наше общество давно умѣло высоко оцѣнить ея великія приобрѣтенія за послѣдніе полвѣка, сознавать высоту этого творчества, видѣть въ немъ залогъ нашего развитія и благотворное орудіе общественнаго просвѣщенія. Мы не гнали за тѣмъ, знаетъ или не знаетъ Европа нашу литературу, но ставили лучшія имена нашей литературы такъ высоко, что подъ ихъ уровень могли, пожалуй, не подойти иныя прославленныя имена нынѣшней западной литературы. Тотъ успѣхъ русской литературы въ Европѣ, который мы наблюдаемъ теперь, любопытенъ для насъ именно только какъ подтвержденіе нашего давняго представленія объ ея внутреннемъ значеніи. Быть можетъ, та оцѣнка, которую даетъ ей теперь западная критика, напр., въ лицѣ автора настоящей книги, даже превышаетъ наши ожиданія. Любопытно во всякомъ случаѣ, что въ нашей литературѣ видятъ не одно любопытное постороннее явленіе, но находятъ въ ней такое поученіе, которое

можетъ служить для возрожденія самихъ западныхъ литературъ, литературъ такой силы, какъ, напр., французская, и, вѣроятно, французскій критикъ не преувеличиваетъ тѣхъ сторонъ русской литературы, которыми она, по его мнѣнію, можетъ имѣть благотворное вліяніе на Западѣ или, въ частности, въ литературѣ французской.

Въ теченіе своего изложенія авторъ не разъ возвращается къ этому сопоставленію цѣлаго внутренняго и вѣшняго склада романа русскаго и французскаго и, — что бывало до сихъ поръ чрезвычайно рѣдко у иностранцевъ, говорившихъ о русской жизни и литературѣ, — онъ умѣлъ хорошо, иногда тонко понять тѣ особенности русскаго содержанія и стиля, которыя прежде большей частью оставались почти недоступными для европейскихъ критиковъ, потому что для ихъ уразумѣнія требовалось гораздо больше знанія русской жизни и языка, чѣмъ они обладали. Проживши многіе годы въ Россіи, авторъ счумѣлъ освоиться съ русскою жизнію настолько, что ему стали понятны многія интимныя черты русской жизни. Правда, не безъ исключеній.

Вначалѣ авторъ желалъ все-таки дать родъ историческаго введенія, чтобы объяснить происхожденіе оригинальнаго явленія, представляемаго нашимъ романомъ. Введеніе, правда, довольно скудно; авторъ не входитъ въ большія подробности объ исторіи русской литературы, которая, по его словамъ, у самихъ русскихъ еще не написана. Ему кажутся и не очень нужными особенныя подробности о прежней судьбѣ литературы, которая до послѣднихъ 40—50 лѣтъ не представляетъ, по его мнѣнію, ничего самобытнаго. Эта исторія, на его взглядъ, распадается на четыре періода. Первый доходитъ до Петра Великаго. Это — средніе вѣка Россіи, „эпоха варварскихъ опытовъ и народной поэзіи, въ теченіе которой собрался запасъ національныхъ преданій“, когда первые признаки образованія явились съ христіанствомъ, „пришедшимъ изъ Византіи, изъ его наименѣе чистаго источника“. Это христіанство было „христіанство испорченное (vicié), обезсиленное дряхлымъ духомъ восточной имперіи“. Авторъ не объясняетъ, впрочемъ, почему именно онъ считаетъ восточное христіанство испорченнымъ, когда у насъ, наоборотъ, признается (и не безъ основанія) весьма попорченнымъ христіанство римское... Второй періодъ обнимаетъ XVIII-е столѣтіе: „это — періодъ самый безплодный, несмотря на его мнимый прогрессъ относительно предыдущаго; онъ характеризуется рабскимъ подражаніемъ Западу“. Третій періодъ наполненъ романтизмомъ, отличается обильнымъ расцвѣтомъ поэзіи, но поэзія оранжерейной, чужого происхожденія и мало національной. На-

конецъ четвертый періодъ—послѣднія 40—50 лѣтъ: „Россія дала, наконецъ, нѣчто самобытное и оригинальное; съ реалистическимъ романомъ національный геній созналъ самого себя; онъ связывается съ прошедшимъ, съ своими народными корнями и лепечетъ свою программу будущаго“.

Какъ мы замѣтили, авторъ мало разъясняетъ старыя времена русской литературы; не видно, въ чемъ состояла испорченность стараго русскаго христіанства, когда онъ намъ говоритъ въ то же время, что корень новѣйшей русской литературы, которой онъ приписываетъ такое глубокое душевное содержаніе, находится въ Остромировомъ Евангеліи ¹⁾. Что же касается до глубочайшихъ національных данныхъ русскаго характера и русской народной мысли, то авторъ совѣтуетъ искать ихъ объясненія въ гораздо болѣе глубокой и далекой древности. Такъ какъ объясненіе довольно неожиданно, то приводимъ собственныя слова автора.

„Въ русскомъ народѣ мы находимъ одно историческое страданіе (*une peine historique*); оно происходитъ частью отъ наслѣдственной болѣзни, идущей отъ первыхъ предковъ, частью отъ болѣзней, приобрѣтенныхъ въ теченіе его существованія. Болѣзнь наслѣдственная, сохранившаяся отъ самыхъ отдаленныхъ началъ племени, есть наклонность славянскаго духа (?) къ той отрицательной доктринѣ, которую мы называемъ теперь нигилизмомъ и которая называлась тѣмъ же именемъ у индусскихъ отцовъ: нирвана. Если хотятъ хорошо узнать Россію, надо припомнить все то, что мы узнали о древней Индіи. Быть можетъ, этотъ взглядъ покажется немножко новымъ для французскаго читателя, чтобы онъ его принялъ; онъ очень знакомъ ученому міру въ Россіи (?), гдѣ нѣкоторые философы прямо называютъ себя послѣдователями ученія Будды (?) и съ гордостью хвалятся чистотою своей аріи-ской крови (?). Нерѣдко (?) можно услышать, какъ ученый этой страны говоритъ иностранцу съ нѣкоторымъ высокомеріемъ: вы никогда не поймете такъ, какъ мы, духъ древнихъ аріицевъ: вы только далекая боковая линія ихъ; мы—ихъ прямые потомки“.

Мы довольно много видывали ученыхъ и литературныхъ людей русскаго общества, но намъ ни разу не случилось слышать такихъ рѣчей, которыя, по словамъ нашего автора, вовсе „нерѣдко“ можно слышать отъ русскихъ ученыхъ. По всей вѣроятности, авторъ дѣйствительно слышалъ подобное, но можемъ увѣрить его,

¹⁾ Другой источникъ, отзывающійся въ новѣйшей литературѣ, онъ находитъ также въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

что ему никакъ не слѣдовало считать это слышанное обычнымъ взглядомъ русскихъ ученыхъ. Идемъ дальше.

„Тѣ, кто такъ говоритъ, не лишены аргументовъ въ доказательство своего положенія. Прежде всего, русскіе имѣютъ физическій типъ, остающійся столь чистымъ въ семьяхъ, къ которымъ не примѣшалось татарской крови; иной московскій студентъ, иной крестьянинъ изъ нѣкоторыхъ губерній могли бы явиться на улицѣ Лагора или Бенареса, и ничто, кромѣ цвѣта кожи, не отличило бы ихъ отъ туземцевъ долины Ганга (?). У нихъ есть особенно филологическія основанія первостепенной важности. Если распределить индо-европейскіе языки въ порядкѣ ихъ родства съ санскритомъ, то славянскія нарѣчія займутъ особое мѣсто, болѣе близкое, чѣмъ другія, къ языку-матери или къ языку-сестрѣ. Сравнительныя таблицы, составленныя лингвистами и представляющія авторитетъ въ этихъ вопросахъ, указываютъ между старо-славянскимъ языкомъ и санскритомъ болѣе тѣсный параллелизмъ, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и греческимъ языкомъ самыхъ древнихъ эпохъ. Въ существенныхъ словахъ корни едва только измѣнены; грамматика повинуется тѣмъ же законамъ. Назовите русскому крестьянину Веду; онъ пойметъ безъ всякихъ объясненій; глаголъ вѣдать есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ его языкѣ. Если тотъ же человѣкъ спроситъ у васъ „огня“, онъ употребитъ первобытное слово, съ какимъ его предки обожали эту стихію. Можно было бы собрать много примѣровъ и указать въ законахъ, управляющихъ обоими языками, болѣе строгія доказательства ихъ родства; но эти филологическіе доводы еще менѣе рѣшительны, чѣмъ тѣ, какіе извлекаются изъ изученія русскаго духа.

„Если допустить, что есть умственные типы, свойственные великимъ человѣческимъ семействамъ, то въ славянскомъ умственномъ типѣ легко признать продолженіе типа индусскаго. Я буду имѣть случай возвратиться къ этому положенію по поводу религіознаго и умственного состоянія русскаго народа. Если мы признаемъ его основательнымъ, мы поймемъ историческія преобразованія возможныя въ Россіи, изучая перевороты Индіи. Спросите у самыхъ компетентныхъ писателей, у Бюрнуфа, у Мавса Мюллера, что такое была буддійская революція; они скажутъ вамъ, что это была скорѣе социальная, чѣмъ религіозная, реакція народнаго чувства противъ духа касты, противъ узкой и суровой организаціи общества, какую установили брахманы. Какъ христіанство для Запада, такъ буддизмъ для крайняго Востока былъ откровеніемъ любви къ ближнему, кротости нравственной и социальной свободы, — которое должно было сдѣлать жизнь болѣе

сносною для массы человѣческихъ существъ, согбенныхъ подъ игомъ неумолимой теократіи. Самыя лучшія ученія, чтобы имѣть успѣхъ, должны допустить извѣстныя преувеличенія, которыя отвѣчаютъ болѣзненнымъ предрасположеніямъ племенъ; они должны дозволить извѣстныя заблужденія, которыя увлекаютъ воображеніе людей, испорченное долгими страданіями. Для этихъ послѣднихъ христіанство предложило аскетизмъ; буддизмъ поберегъ для нихъ радости уничтоженія, нирвану. Если я не ошибаюсь, то для перевода этого слова изобрѣтено было Бюрнуфомъ слово: нигилизмъ ¹⁾. По мнѣнію автора, нирвана и есть русскій нигилизмъ. „Развѣ онъ не желаетъ, въ самомъ дѣлѣ, задуть свѣтъ цивилизаціи, чтобы погрузиться въ ничто?“

„Безъ сомнѣнія, многочисленныя и болѣе новыя причины дали національному характеру эту особенную черту упадка духа, сдѣлавшагося въ страстныхъ натурахъ бурнымъ желаніемъ разрушать все, что есть, потому что все, что есть, дурно. Кромѣ того, христіанство доставило новую формулу тому, что было хорошаго въ старыхъ инстинктахъ; его дѣйствіе было глубокое, и его одного было бы достаточно, чтобы объяснить чувства братства и самоотреченія, дѣлающія честь этому народу. Но я не могу не думать, что надо возвратиться къ очень древнимъ привычкамъ мысли въ этой неподвижной рабѣ, чтобы лучше проникнуть ея наклонности и болѣзненное настроеніе, которымъ она страдаетъ“.

Къ этому прибавляетъ авторъ тяжелыя историческія испытанія, пережитыя русскимъ народомъ съ древнихъ временъ, когда онъ выносилъ на своихъ плечахъ всякаго рода перевороты, и въ числѣ ихъ татарское иго, которое не могло пройти безъ послѣдствій („нельзя никогда быть райей безнаказанно: какъ болгары или армяне новѣйшей Турціи, райя Золотой Орды надолго сохранили въ сердцахъ и мозгѣхъ клейма татарскаго ига“), и когда въ послѣдніе вѣка онъ былъ раздѣленъ Петровскою реформой на двѣ отдѣльныя жизни — жизнь народной массы и высшихъ сословій, безъ того средняго класса, который бываетъ естественнымъ проводникомъ руководящихъ идей между вершиной и основаніемъ общества. Здѣсь между ними была пропасть ²⁾. Просвѣщенные люди высшаго слоя увидѣли ее и рѣшились ее наполнить. Это движеніе восходитъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I-го и завершилось въ наше время великимъ социальнымъ

¹⁾ Авторъ ошибается; это слово задолго до Бюрнуфа употреблялось какъ философскій терминъ.

²⁾ Авторъ, который вводитъ иногда въ свое изложеніе русскіе термины, въ настоящемъ случаѣ неправильно и некстати употребляетъ слово: „переломъ“ (стр. 10).

переворотомъ — освобожденіемъ крестьянъ. Но какъ совершится сближеніе двухъ сторонъ? какъ миновать то прошедшее, которое живетъ въ разныхъ областяхъ русской жизни? Россія, составленная изъ такихъ различныхъ элементовъ, привлекаемая по-очереди противоположными полюсами, бросаема изъ Европы въ Азію и изъ Азіи въ Европу (автору кажется, что народъ тянетъ собственно къ Азіи), наконецъ, раздѣленная внутри самой себя, здѣсь именно и испытываетъ то историческое страданіе, о которомъ говорено выше: „отсюда уныніе и тревога этого народа, которому Богъ не сказалъ ясно: иди туда!“

Наконецъ, авторъ прибавляетъ обычныя указанія на вліяніе климата и природы.

Какъ мы сказали, авторъ упоминаетъ въ двухъ словахъ о древней письменности и подражательной литературѣ XVIII вѣка: она лишена всякой самобытности и состоитъ на службѣ государству. Его вниманіе посвящено только послѣднему періоду нашей литературы — Пушкину, частью Лермонтову, и особливо Гоголю и новому реалистическому роману. Мы намѣтили выше основную точку зрѣнія автора и ограничимся здѣсь эпизодическими образчиками, которые дадутъ понятіе о подробностяхъ его взгляда.

Авторъ не вполнѣ согласенъ съ господствующимъ у насъ почти безраздѣльно взглядомъ на Пушкина, какъ на настоящаго основателя нашего реализма. Напротивъ, въ Пушкинѣ его поражаетъ еще слипшеомъ тѣсное соприкосновеніе съ литературами Запада: онъ выросъ на русской почвѣ, но развивался на чужомъ питаніи, и относится къ русской жизни какъ будто со стороны. Его романтизмъ — чужой; безъ Байрона были бы невозможны многія прославленные произведенія Пушкина; проза Пушкина, по мнѣнію автора, носитъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ французской школы, и именно Вольтера. „Если исключить послѣднія пѣсни „Онѣгина“, заключающія прелестную фигуру Татьяны, и нѣсколько особенныхъ пьесъ, какъ „Зимняя дорога“, „Русалка“, „Медвѣдиха“, то надо признать, что созданія Пушкина, взятые въ цѣломъ, не отерываютъ намъ никакого этническаго характера. Это — романтикъ, проникнутый тѣмъ духомъ, который въ то же время одушевляетъ его братьевъ въ Германіи, Англіи и Франціи; онъ выражаетъ всеобщія чувства и примѣняетъ ихъ къ русскимъ тѣмамъ; но онъ смотритъ на національную жизнь со стороны, какъ всѣ люди его круга, какъ художникъ, свободный отъ всякихъ вліяній расы. Сравните его описаніе Кавказа съ описаніями Льва Толстого въ „Казакахъ“; поэтъ 1820 года видитъ природу и людей Востока тѣми же глазами, какъ какой-нибудь Байронъ или

Ламартинъ; это для него — блестящая декорація, населенная поэтическими существами, которыя любятъ, страдаютъ и мыслятъ по европейскому образцу того времени. Для наблюдателя 1850 года этотъ уголокъ Азіи есть, напротивъ, вновь отысканное древнее отечество; онъ усиливается понять этихъ полу-братьевъ; онъ показываетъ ихъ намъ реальными, какъ они есть, съ ихъ пониманіемъ жизни, которое такъ непохоже на наше, но которое есть немножко его пониманіе“. Другой примѣръ авторъ указываетъ въ Пушкинскихъ братьяхъ-разбойникахъ: эти разбойники прекрасно могутъ быть каталонцами или сицилійцами; но каторжные Достоевскаго, это — именно крестьяне съ Днѣпра или Волги, „и чувствуется, что тотъ, кто ихъ изображаетъ, убилъ бы и искупилъ бы свое преступленіе такъ же, какъ они, — еслибы привела его къ этому несчастная звѣзда“. Наконецъ, авторъ не находитъ у Пушкина ни одной изъ особенностей, свойственныхъ его преемникамъ — ни тѣни мистицизма, ни философской тревоги: „я боюсь, — говоритъ авторъ, — что религіозное чувство есть для него только поэтическое средство“. „Этотъ славянинъ, — продолжаетъ онъ, — имѣетъ обо всѣхъ вещахъ ясныя понятія афинянина. Его меланхолія происходитъ у него не изъ русской подавленности, не изъ мрачнаго ужаса подъ свинцовымъ небомъ, который съ печалью видить на землѣ столько бѣдствій; она происходитъ у него отъ „болѣзни вѣка“ — и всѣхъ вѣковъ, оттого, что жизнь, которая была хороша, имѣетъ недостатокъ проходить слишкомъ скоро, а любовь — оканчиваться. И наоборотъ, онъ имѣетъ всѣ литературныя качества, какихъ мы уже не увидимъ у писателей его родины: онъ такъ же кратокъ, какъ они многословны, такъ же ясенъ, какъ они тусклы; его выработанный, живой стиль изященъ и звучитъ его чистъ, какъ греческая бронза; однимъ словомъ, у него есть вкусъ — терминъ, который послѣ него уже не найдетъ употребленія въ русской литературѣ“.

Авторъ собираетъ свои выводы о Пушкинѣ такъ:

„Унизимъ ли мы значеніе Пушкина, отнимая его у его народа, чтобы отдать его человечеству? Я не думаю. Скажемъ, если хотите, что онъ представляетъ небольшой классъ этой великой страны, космополитическую аристократію, къ которой онъ принадлежалъ, и въ этомъ классѣ — господствующую способность, ту невѣроятную гибкость, чтобы отрѣшиться отъ себя самой и приноровиться ко всякому образцу. Такое сужденіе будетъ заключать долю истины, но не будетъ всей истиной. Случай, который заставилъ этого человѣка родиться въ Россіи, могъ бы бросить его во всякую другую страну; его дѣло не измѣ-

нилось бы отъ того, оно осталось бы тѣмъ, что оно есть, — простымъ и вѣрнымъ зеркаломъ, гдѣ отражаются всѣ человѣческія чувства подъ тою одеждой, какая принята была образованнымъ обществомъ Европы около 1830 года. Тѣ самые стихи, которые воспѣваютъ русскую природу, русскую любовь, русскій патриотизмъ, — если вы перемѣните въ нихъ нѣсколько словъ, — будутъ воспѣвать тѣ же вещи для англичанина, француза или итальянца... Я прошу извиненія у славянофиловъ, которыхъ я огорчаю, но если прекрасно быть сыномъ Рюрика, то еще прекраснѣе быть сыномъ Адама; и если, какъ они думаютъ, есть большая заслуга въ томъ, чтобы быть понятымъ только въ Москвѣ, есть, быть можетъ, еще большая заслуга — заставить думать, плакать и улыбаться вездѣ, гдѣ дышетъ человѣкъ, и это успѣваетъ дѣлать Пушкинъ. Онъ хорошо послужилъ странѣ, на которую онъ походить такъ мало; больше, чѣмъ какой-нибудь другой писатель, онъ возбудилъ ее къ интеллектуальной жизни; назвать его Петромъ Великимъ въ литературѣ, — не будетъ слишкомъ много“.

Авторъ очень высоко цѣнитъ Грибоѣдова, комедію котораго, по широтѣ ея содержанія, по тонкости остроумія, онъ ставитъ выше комедій Гоголя. Онъ изумляется поэтическому могуществу Лермонтова, хотя онъ опять былъ отраженіемъ европейскаго романтизма. Авторъ замѣчаетъ, что Лермонтовскій „Демонъ“ своимъ сюжетомъ напоминаетъ „Елоа“ Альфреда де-Виньи, хотя это была встрѣча чисто случайная; но, по великолѣпію описаній и силѣ чувства, онъ думаетъ, что Лермонтова надо сравнить съ Мильтономъ. „Мало было написано стиховъ лучше тѣхъ, въ которыхъ падшій ангелъ, сошедшій на землю, высказываетъ свою любовь грузинской дѣвушкѣ... Еслибы отъ всей поэзіи нашего вѣка должна была остаться только антологія въ нѣсколько страничекъ, въ ней должно было бы сохранить нѣсколько строфъ Лермонтова, которыя въ Россіи памятны всѣмъ наизусть“...

Авторъ подробнѣе останавливается на Гоголѣ: это — первый дѣйствительный начинатель современной реалистической литературы. Авторъ пересказываетъ и толкуетъ французскому читателю содержаніе „Ревизора“, „Мертвыхъ Душъ“ и пр., большею частью вѣрно, но иной разъ его сужденія не совпадаютъ съ принятыми у насъ. Русская комедія вообще кажется ему тяжела. „Эта веселость, — говоритъ онъ о „Ревизорѣ“, — не заразительна, по крайней мѣрѣ, для иностранца. Ненавистное беретъ верхъ; оно не устраняется той легкостью и изящнымъ приличіемъ, которыя мѣшаютъ „Тартюфу“ стать самой мрачной драмой. Изучая русскій театръ, легко угадать, почему эта форма искусства развита го-

раздо меньше другихъ. Въ странѣ, раздѣленной на двѣ категоріи весьма неравной цивилизаціи, поэзія и романъ сдѣлали быстрые успѣхи потому, что обращались къ образованному обществу; театръ, обязанный развлекать народъ, остался ребенкомъ, какъ послѣдній. Его простодушная публика требуетъ пьесъ, какъ „Maitre Pathelin“ и подобное шутовство. Даже въ первостепенныхъ произведеніяхъ (а ихъ только два: „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“) — комизмъ скорѣе грубый, чѣмъ тонкій. Этотъ сѣверный комизмъ не знаетъ середины между грубымъ фарсомъ и горечью; мы не встрѣчаемъ здѣсь того тона, который намъ нравится, тѣхъ легкихъ и тонкихъ чертъ, которыя скользятъ, не оскорбляя. У него нѣтъ слова, блестящаго остроуміемъ и вызывающаго улыбку, а только слово жестокое, которое заставляетъ задумываться. Гоголь находить такія слова, и они бросаютъ мрачный колоритъ на все общественное положеніе... Наконецъ, чувство смѣшного у русскаго скорѣе надо бы назвать — чувствомъ шутовскаго; оно — чисто національное; я хочу сказать, что оно вертится на внѣшности, на мѣстныхъ странностяхъ, больше чѣмъ на складѣ внутреннемъ; это — не смѣшное человѣческой природы, какъ у Мольера. Я часто видѣлъ „Ревизора“ на сценѣ: публика приходила въ восторгъ отъ крайнихъ каррикатуръ, которыя оставляютъ насъ довольно холодными, и которыя были бы непонятны, если не знаешь подробностей русской жизни. Напротивъ, печальное впечатлѣніе, о которомъ говоритъ Гоголь, оставалось преобладающимъ у иностранца, особенно у иностранца; мнѣ не показалось, чтобы оно чрезмерно огорчало эту самую публику. Дѣло въ томъ, что еще и теперь въ Россіи, очищенной и оздоровленной реформами, народное добродушіе не возмущается административной продажною такъ, какъ можно было бы думать... Всѣ тѣ, кто изучали восточныя племена¹⁾, знаютъ, что ихъ мораль въ этомъ пунктѣ гораздо шире нашей, потому что ихъ понятіе о правительствѣ другое. Если только чиновникъ, берущій взятки, не слишкомъ надоедливъ и не слишкомъ жаденъ, восточный человѣкъ думаетъ, что всякая служба заслуживаетъ вознагражденія и что надо оплачивать услуги агента, очень страшнаго и плохо вознаграждаемаго государствомъ... Если взять въ корень то понятіе, изъ котораго проистекаютъ эти отношенія, мы найдемъ первобытную идею дани, древней страховой преміи, которую сильный бралъ съ покровительствуемаго имъ слабого“. Авторъ замѣчаетъ, впрочемъ, что тѣ, кто пришелъ бы въ него-

¹⁾ Дальше авторъ приравниваетъ въ этомъ отношеніи русскихъ съ турками.

дованіе, узнавая Россію изъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, нашли бы и возлѣ себя подобные факты, потому что иной кандидатъ, который льститъ суверенному народу при выборахъ, дѣлаетъ, въ сущности, то же, что русскій, подкупающій своего исправника.

Авторъ удивляется дальше, что „Ревизоръ“ былъ въ свое время данъ на сценѣ, и объясняетъ это разсказомъ объ удовольствіи императора Николая отъ этой пьесы. Замѣчаніе, которое онъ дѣлаетъ по этому поводу о тогдашнемъ положеніи писателей (стр. 103), справедливо только въ одной половинѣ.

Произведенія Гоголя, какъ мы сказали, представляются автору источникомъ новѣйшаго русскаго реализма. „Это—резервуаръ современной литературы... Гоголь выработалъ для своихъ преемниковъ все, и форму, и содержаніе“. Его форма, это—реализмъ, инстинктивный въ предыдущихъ произведеніяхъ, сознательный и послѣдовательный въ „Мертвыхъ Душахъ“. Гоголь приготовилъ для своихъ преемниковъ и запасъ содержанія, въ которомъ они могли черпать; большая часть общихъ типовъ, изображаемыхъ русскимъ романомъ, по мнѣнію автора, имѣютъ свой зародышъ въ „Мертвыхъ Душахъ“. „Великіе потоки,—говоритъ авторъ,—которые оплодотворяютъ потомъ русскій духъ, исходятъ изъ этой руководящей книги. Я укажу только на главный, тотъ, который даетъ славянской литературѣ ея особенную фیزیономію и ея высокую нравственную цѣнность. Во многихъ мѣстахъ „Мертвыхъ Душъ“, трепещущихъ подъ сарказмомъ сатирика, мы находимъ эти чувства евангельскаго братства, любви къ малымъ и сожалѣнія къ страдающимъ, которыя одушевляють всѣ произведенія Достоевскаго. У Гоголя это не есть уже неопредѣленный племенной инстинктъ, какъ у нѣкоторыхъ изъ поэтовъ, ему предшествовавшихъ; писатель подмѣтилъ національную добродѣтель; онъ анализируетъ ее и восхваляетъ съ полнымъ знаніемъ дѣла“. Нѣсколько параллелей убѣждаютъ автора въ соотвѣтствіи основныхъ типовъ и идей у Гоголя и потомъ у Тургенева, у Толстого и Достоевскаго. И несмотря на то, что онъ говоритъ здѣсь о духѣ евангельскаго братства, онъ указываетъ въ реализмѣ Гоголя и другую черту. Онъ замѣчаетъ, что, по идеѣ Гоголя, „Чищиковъ долженъ имѣть сколько возможно меньше личнаго, потому что въ немъ хотятъ намъ показать не того или другого человѣка именно, но дать изображеніе коллективное; это—русскій, не отвѣтственный за свое паденіе“. „Какъ и главный герой, большинство нелѣпыхъ статистовъ, его окружающихъ, въ основѣ—недурные люди; это—продукты необходимые и извини-

тельные: продукты исторіи, общественныхъ нравовъ, нравленія, всѣхъ случайностей, которыя обезображиваютъ русскаго человѣка, потому что русскій есть существо прекрасное, испорченное лишь общественнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ живетъ. Вотъ теорія, которая подразумѣвается въ „Мертвыхъ Душахъ“ и въ „Ревизорѣ“; Тургеневъ приметъ ее снова въ „Запискахъ Охотника“. У всѣхъ моралистовъ этого времени вы узнаете основной софизмъ Руссо, который отравилъ европейскій разумъ. Авторъ сильно преувеличилъ, приписавъ Гоголю эту теорію превосходства русскаго человѣка, будто-бы испорченнаго только его общественнымъ состояніемъ. Въ свое первое время Гоголь не имѣлъ такой специализированной мысли, а въ послѣднее время думалъ, напротивъ, что наше общественное состояніе есть наилучшее, и что наша вина, если мы не умѣемъ его понять и ему безпрекословно покориться. Странно также, что, съ другой стороны, самъ авторъ находитъ, что какъ дѣятельность Гоголя имѣла обширное нравственное вліяніе, такъ и „Записки Охотника“ были смѣлымъ и прекраснымъ общественнымъ дѣломъ; но гдѣ же здѣсь „отравленіе“?

Есть и другія неточности въ изложеніи дѣятельности Гоголя. Напр., по поводу собственныхъ словъ Гоголя о происхожденіи сюжета „Мертвыхъ Душъ“, сообщеннаго ему Пушкинымъ, нашъ авторъ говоритъ: „несмотря на точность этого свидѣтельства, одинаково почетнаго для обоихъ друзей, я остаюсь убѣжденъ, что истинный отецъ „Мертвыхъ Душъ“ есть тотъ самый Сервантесъ, о которомъ Гоголь при этомъ упомянулъ ¹⁾. По выѣздѣ изъ Россіи путешественникъ направился прежде всего въ Испанію; онъ близко изучалъ литературу этой страны (?) и особливо „Донъ-Кихота“, который всегда былъ одной изъ его любимыхъ книгъ. Испанскій юмористъ доставилъ ему тому, превосходно подходившую къ его проекту: походженія героя, увлекаемаго своей маніей во всѣ области и среды общества, какъ предлогъ показать зрителю въ рядѣ картинъ волшебный фонарь челоуѣчества. Все даетъ этимъ двумъ произведеніямъ видъ родственности: сардоническое и размышляющее настроеніе, печаль, скрываемаемая смѣхомъ, самая невозможность найти для нихъ имя среди опредѣленныхъ родовъ литературы. Гоголь протестовалъ противъ

¹⁾ Въ этомъ рассказѣ Гоголя сказано, что Пушкинъ, убѣждая Гоголя предпринять большой трудъ, привелъ ему въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько превосходныхъ повѣстей, но приобрѣлъ настоящую славу только предпринявши „Донъ-Кихота“, т. е. большое произведеніе. Больше ничего не сказано.

то это еще болѣе справедливо въ Россіи относительно Тургенева¹⁾, и т. д. (стр. 166).

Исторія литературнаго развитія Тургенева еще не выяснена. Конечно, не одинъ Гоголь и натуральная школа воспитали его геніальное дарованіе; но еслибы шла рѣчь о „добавкахъ“ къ этому воспитанію, то надо думать, что она заключалась далеко не въ Бальзака. Тургеневъ имѣлъ очень широкое литературное и художественное образованіе, едва-ли не единственное въ средѣ нашихъ писателей и, безъ сомнѣнія, рѣдкое въ такой степени и въ такой многосторонности у писателей европейскихъ; „добавкой“ къ тому воспитанію, какое давалъ ему въ русской средѣ переворотъ, совершенный Гоголемъ, долженъ былъ служить обильный запасъ идей, какой доставляло Тургеневу широкое знакомство съ главными литературами Европы, а не съ одной французской¹⁾.

Но—„вотъ приходитъ скіеъ, настоящій скіеъ, который перевернетъ всѣ наши умственные привычки“: такъ начинается авторъ свой рассказъ о Достоевскомъ. „Съ нимъ мы входимъ въ сердце Москвы, въ этотъ чудовищный соборъ св. Василія (Блаженнаго), скроенный и разрисованный какъ китайская пагода, построенный татарскими архитекторами (!) и, однако, служащій для христіанскаго Бога. Вышедшіе изъ одной школы, начавшіе свою дѣятельность въ одинъ годъ, Тургеневъ и Достоевскій представляютъ очень рѣзкіе контрасты; у нихъ есть одна черта сходства, неизгладимый знакъ сороковыхъ годовъ—человѣческое сочувствіе. У Достоевскаго это сочувствіе экзальтировалось въ отчаянную жалость къ униженнымъ, и его жалость дала ему господство („le fit maître“) надъ этимъ народомъ (?), который повѣрилъ въ него...

„Во Франціи перевели, наконецъ, его романы и, что меня больше удивляетъ, ихъ, кажется, читаютъ съ удовольствіемъ. Мнѣ становится поэтому легче говорить о немъ. Мнѣ бы не повѣрили, еслибы я попытался показать эту странную фигуру прежде, чѣмъ можно было бы провѣрить ея сходство въ книгахъ, гдѣ она отражается; но было бы трудно понять эти книги,

¹⁾ Не будемъ много останавливаться на разныхъ ошибкахъ автора относительно литературы сороковыхъ годовъ, которыхъ легко было бы избѣгать и которыя постоу совершенно напрасны. Напр., на стр. 141, онъ утверждаетъ, что Григоровичъ „драматизируетъ“ (т.-е., повидимому, пишетъ въ драматической формѣ?) положеніе мужа въ своемъ „Антонѣ Горемыкѣ“; что онъ „передѣлываетъ въ прозѣ раздрающія картины, которыя Некрасовъ излагаетъ въ стихахъ“; что первая повѣсть Писемскаго была „Temps de Bouab“; что Бакунинъ, при восшествіи на престолъ Александра II, былъ сосланъ въ Иркутскъ и тамъ умеръ, и т. п.,—все это на одной страницѣ.

если не знать жизни того, кто ихъ создалъ — я хотѣлъ сказать, кто ихъ выстрадалъ: все равно, въ первомъ словѣ всегда заключается второе.

„Вступая въ произведенія и въ біографію этого человѣка, я зову читателя на прогулку, всегда печальную, часто страшную, иногда похоронную. Пусть откажутся отъ нея тѣ, кто боится посѣщать больницы, залы суда, тюрьмы, кому страшно идти ночью на кладбище. Я не былъ бы правдивымъ путешественникомъ, еслибы хотѣлъ развеселить дорогу, которую судьба и характеръ одинаково дѣлали мрачной. Я надѣюсь, что нѣкоторые послѣдуютъ за мною даже цѣною утомленія—тѣ, кто думаетъ, что на французскомъ умѣ лежитъ унаслѣдованный долгъ, долгъ знать все о мірѣ, чтобы сохранить честь руководить міромъ (?). А Россія за послѣднія двадцать лѣтъ есть необъяснимая загадка, если мы не будемъ знать произведеній, которыя оставили въ этой странѣ самый глубокій отпечатокъ, самыя интимныя потрясенія“. Авторъ проводитъ передъ читателемъ біографію Достоевскаго и дѣлаетъ обзоръ его главнѣйшихъ произведеній. Онъ собралъ, конечно, всѣ тяжелыя черты этой біографіи, старался опредѣлить врожденные особенности характера, которыя приняли еще болѣе мрачную складку подъ вліяніемъ тяжелыхъ испытаній. Понятно, что въ Достоевскомъ, какъ писателѣ, автора останавливаетъ его извѣстная теорія спасительности страданія и казни и необычайный психологическій анализъ, съ которымъ онъ изображаетъ внутреннюю жизнь людей обѣдствующихъ, болѣзненныхъ, преступныхъ и почти безумныхъ. Приводимъ для образчика впечатлѣніе автора отъ романовъ Достоевскаго, на первый разъ отъ „Преступленія и наказанія“.

„Люди науки, занятые наблюденіемъ человѣческой души, съ интересомъ прочтутъ самый глубокій этюдъ психологіи преступленія, какой былъ написанъ послѣ „Макбета“. Охотники до ужасовъ найдутъ въ этой книгѣ пищу по своему вкусу; я думаю, что многихъ книга испугаетъ, и они не въ состояніи будутъ ее вончить. Вообще мы ищемъ въ романѣ удовольствія, а не болѣзни; но чтеніе „Преступленія и наказанія“ есть болѣзнь, которую дѣлаютъ себѣ добровольно; отъ нея остается нравственный упадокъ силъ. Это чтеніе даже очень трудно для женщинъ и для натуръ впечатлительныхъ; всякая книга есть поединокъ между писателемъ, который хочетъ навязать намъ истину, фантазію или ужасъ, и читателемъ, который защищается своимъ равнодушіемъ или своимъ разсудкомъ; въ данномъ случаѣ могущество страха, принадлежащее писателю, слишкомъ велико въ

сравненіи съ нервнымъ сопротивленіемъ средней организаціи; эта послѣдняя побѣждена тотчасъ, увлеченная въ несказанную тревогу. Я позволяю себѣ говорить такъ положительно потому, что въ Россіи я видѣлъ на многихъ примѣрахъ, какое бываетъ непремѣнное дѣйствіе этого романа. Быть можетъ, мнѣ возражать указаніемъ на чувствительность славянскаго темперамента; но и во Франціи нѣкоторые лица, которые рѣшались на это испытаніе, подтверждаютъ мнѣ, что испытали тоже тяжелое чувство. Гофманъ, Эдгаръ Поэ, Боделэръ, всѣ классики пугающаго рода, какихъ мы знали до сихъ поръ, — простые мистификаторы въ сравненіи съ Достоевскимъ; въ ихъ фантазіяхъ мы угадываемъ выдумку литератора; въ „Преступленіи и наказаніи“ чувствуешь, что авторъ утраченъ столько же, какъ и мы, тѣмъ лицомъ, которое онъ извлекъ изъ себя“.

Въ постройкѣ романа Достоевскій, по замѣчанію автора, сохранилъ обычай западнаго романа (чего авторъ не видитъ у другихъ русскихъ писателей), именно—единство дѣйствія. Притомъ подробности связаны такъ тѣсно, что взятая отдѣльно не имѣютъ значенія, а въ цѣломъ развиваютъ и готовятъ поражающее впечатлѣніе всей драмы. „Извѣстное слово, на которое можно мало обратить вниманія, извѣстный маленькій фактъ, занимающій одну строчку, имѣютъ свой отзвукъ черезъ пятьдесятъ страницъ дальше; надо припомнить ихъ, чтобы объяснить себѣ превращенія души, въ которой зрѣли незамѣтно эти брошенные случаемъ сѣмена. Это до того справедливо, что продолженіе становится непонятнымъ, если пропустить нѣсколько страницъ; читатель возмущается плодовитостью автора, хочетъ поторопить его, и тотчасъ перестаетъ его понимать; магнетическій токъ перервался. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили мнѣ всѣ, кто дѣлалъ этотъ опытъ. Что сказать о нашихъ превосходныхъ романахъ, которые можно начинать безразлично съ того или другого конца?“

О нравственномъ значеніи знаменитаго романа авторъ рассуждаетъ такъ: „Намѣреніе Достоевскаго не подлежитъ, конечно, сомнѣнію; онъ надѣется отвратить преступныя дѣйствія картиною внутренней казни, которая за ними слѣдуетъ; но онъ не предвидѣлъ, что чрезвычайная сила его изображеній могла бы по-дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ, что она могла бы искушать того демона подражанія, который живетъ въ неразумныхъ областяхъ мозга. Поэтому я очень затрудняюсь высказаться о нравственной цѣнѣ этого произведенія. Наши писатели скажутъ, что я слишкомъ много забочусь; я знаю, они не допускаютъ, чтобы этотъ элементъ могъ идти въ счетъ въ оцѣнкѣ про-“

нiя искусства, — какъ будто что-нибудь существовало въ этомъ мiрѣ независимо отъ нравственной цѣны! Русскiе писатели не такъ высокомерны; они имѣютъ притязанiе питать души, и самое большее оскорбленiе, какое можно имъ сдѣлать, было бы сказать имъ, что они набрали словъ, не служа какой-нибудь идеѣ. Романъ Достоевскаго будутъ считать полезнымъ или вреднымъ, смотря по тому, стоятъ ли за или противъ нравственности публичныхъ казней и процессовъ. Этотъ вопросъ—того же порядка; для меня онъ рѣшается отрицательно“ (стр. 254—255). Общее значенiе таланта Достоевскаго авторъ высказываетъ такъ (стр. 267): „Достоевскаго надо разсматривать какъ явленiе другого мiра, какъ неполное и могущественное чудовище, единственное по оригинальности и силѣ. По той дрожи, которая беретъ васъ при приближенiи къ нѣкоторымъ изъ его лицъ, подумаешь: не имѣешь ли передъ собой генiя? но скоро вспоминаешь, что генiй не существуетъ въ литературѣ безъ двухъ высшихъ даровъ — мѣры и универсальности; мѣры, т.-е. искусства подчинять себѣ свои мысли, дѣлать изъ нихъ выборъ, сжимать въ нѣсколько молнiй весь свѣтъ, который они заключаютъ; универсальности, т.-е. способности видѣть жизнь во всемъ ея цѣломъ, представлять ее во всѣхъ ея гармоническихъ проявленiяхъ. Мiръ состоитъ не изъ одной тьмы и слезъ; даже и въ Россiи въ немъ есть свѣтъ, веселье, цвѣты и радости. Достоевскiй видѣлъ только половину его, потому что писалъ книги только двоякаго рода: книги печальныя и книги страшныя. Это путешественникъ, который проѣхалъ всю вселенную и удивительно описалъ все, что видѣлъ, но который путешествовалъ только по ночамъ. Это—несравненный психологъ, когда онъ изучаетъ души черныя или раненныя, искусный драматургъ, но ограниченный сценами жалости и ужаса“.

Одну черту Достоевскаго авторъ распространяетъ на всѣхъ русскихъ идеалистовъ. „Писатель безпрестанно возвращается къ своей упорной идеѣ—превосходству простого духомъ и страждущаго; мнѣ хотѣлось бы, однако, докопаться до ея корня: откуда у всѣхъ русскихъ идеалистовъ это озлобленiе противъ мысли, противъ полноты жизни? Мнѣ кажется, тайная и несознаваемая причина этого безразсудства въ слѣдующемъ. У нихъ есть инстинктъ той основной истины, что жить, дѣйствовать, мыслить, значить дѣлать дѣло, въ которомъ нельзя распутать добра и зла; всякій, кто дѣйствуетъ—въ одно и то же время создаетъ и разрушаетъ, захватываетъ себѣ мѣсто на счетъ кого-нибудь или чего-нибудь. Итакъ, не думать, не мыслить, значить уничтожать эту фатальность производства зла рядомъ съ добромъ, и такъ какъ

зло поражаетъ ихъ больше, нежели добро, ихъ приближеніемъ становится ничто; они удивляются и освящаютъ идиота, человѣка нейтральнаго, недѣятельнаго: правда, онъ не дѣлаетъ добра, но онъ не дѣлаетъ и зла; и въ ихъ пессимистическомъ пониманіи міра онъ поэтому лучше“.

Нашъ авторъ по своему изображаетъ и личность писателя. „Все было народъ въ этомъ человѣкѣ съ невыразимой смѣсью грубости, хитрости и кротости, какую часто имѣютъ великорусскіе крестьяне,—и что-то безпкойное, быть можетъ, сосредоточеніе мысли на этой масѣ пролетарія. При первой встрѣчѣ онъ отталкивалъ, прежде, чѣмъ его странный магнетизмъ подѣйствовалъ на васъ. Обыкновенно онъ былъ молчаливъ, и, когда заговаривалъ, онъ говорилъ тихо, медленно и охотно, постепенно разгораясь, и защищалъ свои мнѣнія, не останавливаясь ни передъ кѣмъ. Доказывая свою любимую тему о первенствѣ русскаго народа, ему случалось иногда говорить женщинамъ въ свѣтскихъ кругахъ, куда его приглашали: „вы не стоите послѣдняго мужа“ . Литературные споры кончались съ Достоевскимъ скоро; онъ останавливалъ меня словами выскомѣрной жалости: „мы имѣемъ геній всѣхъ народовъ и, кромѣ того, русскій геній; поэтому мы можемъ васъ понять, а вы понять насъ не можете“ .— Авторъ прибавляетъ: „пусть проститъ мнѣ его память; я пробую теперь доказать ему противное“ .

Какъ ни удивляется авторъ необычному, хотя страшно одностороннему таланту Достоевскаго, онъ не имѣетъ никакихъ колебаній въ своихъ мнѣніяхъ о его философіи. „Бѣдный метафизикъ имѣлъ несчастную страсть дѣйствовать подъ соблазнительной формой журналистики“, — говоритъ авторъ по поводу изданія „Времени“ и „Эпохи“: — „я вызываю человѣка, который сдумалъ бы формулировать эти идеи на практическомъ языкѣ. Достоевскій занялъ положеніе между либералами и славянофилами, ближе къ этимъ послѣднимъ“ . Авторъ не долюбиваетъ славянофильства, и упомянувъ, что лозунгомъ Достоевскаго, какъ и славянофиловъ, были знаменитые стихи Тютчева — что Россіи невозможно понять, а нужно въ нее вѣрить, продолжаетъ: „Это весьма почтенная патріотическая религія, но эта религія, вся состоящая изъ тайнъ, безъ точныхъ догматовъ, по своей сущности ускользаетъ отъ объясненія и отъ полемики: въ нее вѣрять или не вѣрять, и только всего. Заблужденіе славянофиловъ въ томъ, что они въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ исписали горы бумаги для того, чтобы привести въ теорію (raisonner) чувства. Иностранцу нечего дѣлать въ этихъ толкахъ, которые пред-

полагають предварительное посвященіе и откровенную религію; поэтому, что бы онъ ни дѣлалъ, что бы ни говорилъ, онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что его ожидаетъ; если онъ входитъ въ вопросъ, ему объясняютъ, что онъ неспособенъ понимать, и что священное бѣлье моется въ семьѣ левитовъ; если онъ не входитъ въ вопросъ, то его обвиняютъ въ невѣжествѣ и относятся къ нему съ презрѣніемъ“.

Подобнымъ образомъ авторъ выражается о „Дневникѣ писателя“. „Это ежемѣсячное изданіе выходило... иногда; оно не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ газетой или журналомъ. Еслибы въ Дельфрахъ было изданіе, обязанное записывать перемежающіяся изреченія Пинѣи, это было бы нѣчто въ такомъ родѣ. Въ этой энциклопедіи, составлявшей важное дѣло его послѣднихъ лѣтъ, Достоевскій изливаетъ всѣ идеи политическія, социальныя и литературныя, которыя его мучили, рассказывалъ анекдоты и воспоминанія изъ своей жизни... Я уже говорилъ, въ чемъ состояла его политика. Это былъ постоянный актъ вѣры въ судьбу Россіи, прославленіе доброты и ума русскаго народа. Эти темные гимны не поддаются анализу, какъ и опроверженію“. Прибавимъ еще замѣчаніе.

„О дѣлахъ Запада онъ судилъ съ забавной наивностью. Я припоминаю всегда одну его выходку противъ Парижа разъ, когда его охватило вдохновеніе; онъ говорилъ о немъ, какъ Іона долженъ былъ говорить о Ниневіи, съ огнемъ библейскаго негодованія; я запомнилъ его слова: „въ одну ночь пророкъ явится въ Café Anglais и напишетъ на стѣнѣ три огненные слова; отсюда пойдетъ сигналъ конца стараго міра, и Парижъ обрушится въ крови и пожарѣ со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ его гордость, съ своими театрами и съ своимъ Café Anglais“.—Въ воображеніи провидца это безобидное учрежденіе представляло пупъ Содома, пещеру адскихъ и привлекательныхъ оргій, которыя надо было проклинать, чтобы не очень мечтать о нихъ. Онъ долго и очень краснорѣчиво пророчествовалъ на эту тему“ ¹⁾.

Мы уже видѣли, что изъ всѣхъ писателей русскаго реалистическаго романа самую высшую дань удивленія нашъ авторъ отдаетъ Толстому. Указавъ двѣ противоположности въ Тургеневѣ и Достоевскомъ, авторъ находитъ въ Толстомъ новый сюрпризъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, авторъ желаетъ объяснить Толстого во всѣхъ фазисахъ его литературной дѣятельности, въ его худо-

¹⁾ Стр. 242, 243, 264, 270, 271. Въ біографіи есть опять ненужныя ошибки. Братъ Достоевскаго Михаилъ названъ Алексѣемъ и т. п.

жественномъ творествѣ и въ его новѣйшей философіи. Основная мысль выражается въ названіи той главы, которая посвящена Толстому: „нигилизмъ и мистицизмъ“. Какъ увидимъ, Толстой является по преимуществу выразителемъ и представителемъ русскаго народнаго духа и, къ нашему удивленію, этотъ духъ окажется нигилизмомъ — въ томъ буддійскомъ смыслѣ, о которомъ мы выше приводили слова г. Вогюэ. Прежде всего авторъ сравниваетъ Тургенева и Толстого; оба — великіе художники, но между ними опять лежитъ пропасть. „Одинъ еще держался преданій прошлаго и европейской школы, другой разорвалъ съ прошедшимъ и съ чужеземнымъ рабствомъ; это — новая Россія, устремившаяся во мракъ на поиски своихъ путей, отталяющая указанія нашего вкуса и часто для насъ непонятная. Не требуйте отъ нея, чтобы она ограничила себя, — къ этому она всего менѣе способна, — чтобы она сосредоточила свой трудъ на одномъ пунктѣ, подчинила свое пониманіе жизни какой-нибудь доктринѣ; она хочетъ литературныхъ изображеній, которыя были бы образомъ того нравственнаго хаоса, въ которомъ она страдаетъ: Толстой даетъ ей эти изображенія. Прежде всякаго другого и больше всякаго другого онъ есть вмѣстѣ переводчикъ и пропагандистъ того состоянія русской души, которую называли нигилизмомъ.“

„Искать, въ какой мѣрѣ онъ его переводилъ и въ какой мѣрѣ пропагандировалъ, значило бы вращаться въ старомъ безысходномъ кругѣ. Писатель исполняетъ двойную роль того зеркала, которое отражаетъ свѣтъ и посылаетъ его обратно удесѣреннымъ въ силѣ, горячимъ, сожигающимъ“. Приводя первыя строки извѣстной „Исповѣди“, гдѣ гр. Толстой заявляетъ, что тридцать-пять лѣтъ своей сознательной жизни онъ прожилъ „нигилистомъ“, т.-е. человѣкомъ, лишеннымъ всякой вѣры, авторъ замѣчаетъ: „Мы не имѣли надобности въ этомъ запоздаломъ признаніи; всѣ произведенія его кричали объ этомъ, хотя страшное слово не было произнесено въ нихъ ни разу... Тургеневъ открылъ эту болѣзнь и объективно изучалъ ее; Толстой страдалъ ею съ перваго дня, не имѣя сначала яснаго сознанія о своемъ состояніи; его охваченная душа вопіетъ на каждой страницѣ его книгъ ту тревогу, которая тяготѣетъ надъ столькими душами его племени... Если самыя интересныя книги — тѣ, которыя вѣрно передаютъ существованіе какой-нибудь доли человѣчества въ данную историческую минуту, то нашъ вѣкъ не создалъ ничего интереснѣе произведеній Толстого. Онъ не создалъ ничего болѣе замѣчательнаго относительно литературныхъ качествъ. Я не бо-

люблюсь высказать всю мою мысль—именно, что этотъ писатель, когда онъ хочетъ быть только романистомъ, есть одинъ изъ величайшихъ художниковъ и тѣхъ, которыхъ именемъ вѣкъ будетъ отмѣченъ.

„Но развѣ говорятъ такія странныя вещи о современникѣ, который еще не умеръ?—продолжаетъ авторъ.—Какъ говорить о величии, прежде, чѣмъ человѣкъ не превратился въ прахъ, прежде, чѣмъ его имя не преобразилось въ накопившемся уваженіи поколѣній? Тѣмъ хуже: я вижу его столь великимъ, что онъ представляется мнѣ точно мертвымъ. Я охотно присоединяюсь къ восклицанію Флобера, который, прочитавъ переводъ, данный ему Тургеневымъ, восклицалъ своимъ громовымъ голосомъ и топая ногами: „Да это—Шекспиръ, это—Шекспиръ!“

„По странному и нерѣдкому противорѣчію этотъ смущенный, колеблющійся духъ, который купается въ туманахъ нигилизма, одаренъ несравненной ясностью и проницательностью взгляда для научнаго изученія явленій жизни... Это какъ будто умъ англійскаго химика въ душѣ индійскаго буддиста; пусть объяснитъ, кто можетъ, это странное соединеніе; тотъ, кто успѣетъ въ этомъ, объяснить всю Россію. Толстой прогуливается въ человѣческомъ обществѣ съ такой простотой и естественностью, которая какъ будто запрещена для писателей нашей страны; онъ смотритъ, слушаетъ,—и рисуетъ образъ, и закрѣпляетъ эхо того, что онъ видѣлъ и слышалъ, и притомъ навсегда и съ такою точностью, которая невольно заставляетъ насъ рукоплескать. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы собрать разсѣянные черты общества, онъ ихъ разлагаетъ до самыхъ послѣднихъ элементовъ съ какимъ-то непостижимымъ остервенѣніемъ и тонкостью; озабоченный всегда тѣмъ, чтобы знать, какъ и почему произошло дѣйствіе, онъ за видимымъ актомъ слѣдитъ первоначальную мысль и не оставляетъ ея до тѣхъ поръ, пока не раскроетъ ея совсѣмъ, вырвавши изъ сердца съ ея тайными и распутанными корнями.

„Къ несчастью, его любопытство не останавливается на этомъ. Онъ хочетъ знать общія отношенія этихъ явленій, представляющихъ ему такую твердую почву, когда онъ изучаетъ ихъ въ отдѣльности; онъ хочетъ подняться до законовъ, управляющихъ этими отношеніями, до причинъ недоступныхъ. Тогда этотъ ясный взглядъ помрачается, неустрашимый изслѣдователь теряетъ почву, онъ падаетъ въ пропасть философскихъ противорѣчій; въ себѣ самомъ, вокругъ себя онъ чувствуетъ только ничтожество и ночь; чтобы наполнить это ничтожество и освѣтить эту ночь, лица, которыхъ онъ заставляетъ говорить, предлагаютъ бѣдныя мета-

физическія объясненія; и внезапно, раздраженные этими школьными глупостями, они скрываются сами от своихъ объясненій“.

Эти поиски графа Толстого авторъ возводитъ въ цѣлое явленіе русской жизни и національнаго характера. Это и есть, въ сущности, главный фактъ и доказательство теоріи автора, изложенной нами въ самомъ началѣ о буддійскомъ характерѣ всего русскаго народа. „Наконецъ,—продолжаетъ онъ о графѣ Толстомъ,—утомившись сомнѣваться, утомившись искать, убѣжденный, что всѣ расчеты разума кончаются только постыдной неудачей, очарованный мистицизмомъ, который издавна подстерегалъ его безпокойную душу, нигилистъ внезапно преклоняется передъ Богомъ... Въ концѣ этой главы я долженъ буду говорить объ оригинальномъ фазисѣ, въ который вступила мысль писателя; я надѣюсь сдѣлать это со всѣмъ вниманіемъ, какимъ мы обязаны живому человеку, со всѣмъ уваженіемъ къ искреннему убѣжденію. Я не знаю ничего любопытнѣе, какъ настоящее показаніе графа Толстого о внутренней жизни своей души; это—цѣлый кризисъ, который проходитъ теперь русское сознаніе... Этотъ мыслитель есть законченный типъ, вліятельный руководитель массы умовъ; онъ дѣлаетъ опыты сказать то, что смутно чувствуютъ эти толпы“.

Авторъ подробно объясняетъ внутренній смыслъ произведеній Толстого, котораго онъ изучалъ съ видимою любовью и напряженнымъ вниманіемъ. Пересматривая главнѣйшія произведенія писателя, онъ указываетъ своимъ читателямъ его удивительное знаніе общества и человѣческой природы; умѣнье рассказывать съ величайшей простотой и рельефностью внѣшнія событія и раскрывать глубокую подкладку дѣйствій; онъ изумляется той силѣ, съ которою русскій писатель отваживается на изображеніе міровыхъ событій и великихъ историческихъ лицъ, которыя въ его изображеніи сохраняютъ все свое историческое сходство, но которыя двумя-тремя реальными чертами сводятся изъ принятой исторической фразы въ простую дѣйствительность.

Приводимъ нѣсколько образчиковъ его сужденій. Онъ говоритъ по поводу „Войны и мира“: „Попробуйте представить себѣ „les Misérables“ Виктора Гюго, передѣланные Диккенсомъ съ его муравьинымъ трудомъ, потомъ перерытые снова холоднымъ и любопытнымъ перомъ Стэндала,—вы получите, быть можетъ, идею объ общемъ планѣ книги, объ этомъ единственномъ союзѣ между великимъ эпическимъ настроеніемъ и безконечно малыми величинами анализа. Я представляю себѣ, что Мейсонъ вздумалъ бы когда-нибудь нарисовать панораму: не знаю, какъ бы удалась подобная попытка, но думаю, что она дала бы мнѣ лучшую

возможность сравненія, чтобы объяснить двоякій характеръ произведенія Толстого.

„Удовольствіе покупается здѣсь какъ при восхожденіи на высокія горы; дорога часто неблагодарна и тяжела; мы теряемся, нужны усиліе и трудъ, но когда достигаешь вершины и обернешься, вознагражденіе будетъ великолѣпно: громадность страны развертывается предъ вами; кто не поднимался на эту высоту, тотъ никогда не узнаетъ точнаго рельефа страны, теченія ея рѣкъ и размѣщенія ея городовъ. Такимъ же образомъ иностранецъ, который не прочтаетъ Толстого, напрасно будетъ воображать, что онъ знаетъ Россію XIX-го столѣтія, и тотъ, кто захотѣлъ бы писать исторію этой страны, можетъ сколько угодно рыться въ архивахъ—онъ будетъ дѣлать лишь мертвое дѣло, если не обратится къ этому неисощимому репертуару національной жизни“¹⁾.

Авторъ справедливо понялъ, что новѣйшія произведенія Толстого не представляютъ, въ сущности, ничего новаго относительно личнаго настроенія писателя. Ту своеобразную работу мысли, которая наполняетъ послѣднія теоретическія произведенія Толстого, авторъ отмѣчаетъ съ самыхъ первыхъ его повѣстей и рассказовъ: „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“ несомнѣнно имѣютъ автобіографическій характеръ, и процессъ мысли, начатый тамъ, дѣйствительно завершается „Исповѣдью“ и всѣми дальнѣйшими откровеніями Л. Н. Толстого. Но какъ ни замѣчательны изображенія этой психической жизни, которыя ведутся потомъ и въ „Казакахъ“, и въ „Войнѣ и мирѣ“, и въ „Аннѣ Карениной“, авторъ далеко не сочувствуетъ тѣмъ мнимымъ философскимъ открытіямъ, которыя, по мнѣнію графа Толстого, составляютъ именно высшій и единственно достойный вниманія результатъ его жизненнаго труда. Авторъ передаетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ сочиненій Толстого, и оно постоянно возбуждаетъ въ немъ сомнѣніе и прямое отрицаніе, какъ въ своей теологической сторонѣ, такъ и въ общественныхъ и личныхъ примѣненіяхъ. „Въ заключеніе,—говоритъ авторъ объ одномъ изъ этихъ трактатовъ Л. Н. Толстого,—писатель указываетъ единственное средство (противъ всякихъ неправильностей нашего общественнаго быта) въ возвращеніи къ сельской жизни, которая обезпечиваетъ каждому трудящемуся необходимое для его пропитанія. Онъ не видитъ, что его принципъ логически ведетъ за собой болѣе строгій выводъ—

¹⁾ Французскіе реалисты, при сравненіи съ русскими, представляются автору весьма ничтожными, напр. по поводу Тургенева (стр. 161) и Л. Толстого (ст. 293).

возвращеніе къ жизни животной, тягостное отыскиваніе крова и добычи, которымъ замѣняются для каждаго методическія усилія промышленности; но и въ этомъ обществѣ все-таки будутъ воли и ягнята. Толстой не замѣчаетъ, что одна только сторона Бога есть правосудіе; онъ забываетъ другую сторону—разумъ, потребность развивать мысль, что и предполагаетъ раздѣленіе труда“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ сомнѣвается въ томъ предположеніи Толстого, что турокъ и нѣмецъ не будутъ нападать на русскихъ, если послѣдніе будутъ христіанами и будутъ дѣлать тѣмъ добро.

„Все это мало способно насъ увлечь; напрасно искать оригинальной идеи въ откровеніи, какое предлагаетъ намъ тульскій апостолъ; мы найдемъ здѣсь только первый лепетъ раціонализма въ религіозной части ученія, и коммунизма въ части соціальной—старая мечта о тысячелѣтнемъ царствѣ, преданіе, постоянно поднимавшее вновь съ начала среднихъ вѣковъ вальденсами, лоллардами, анабаптистами. Счастливая Россія, гдѣ еще новы эти прекрасныя химеры! Для Запада удивительно будетъ одно—встрѣтить эти ученія подъ перомъ великаго писателя, несравненнаго наблюдателя человѣческаго сердца. Изъ всѣхъ краснорѣчивыхъ обвиненій философа противъ „бездѣльности“ разума, ни одно не убѣждаетъ лучше, чѣмъ примѣръ, который онъ намъ показываетъ. И этому удивился бы только тотъ, кто никогда не думалъ о необходимости філіаціи извѣстныхъ идей. Человѣческій умъ еще больше, чѣмъ природа, боится пустоты; онъ не могъ бы долго держаться въ равновѣсіи на ничтожествѣ. Въ душѣ графа Толстого и, слѣдовательно, въ болѣе смутномъ сознаніи читателей, которые за нимъ слѣдуютъ и толкаютъ его впередъ, мы прослѣдили четыре пункта фатальной кривой: пантеизмъ, нигилизмъ, пессимизмъ, мистицизмъ. Русскій, который дѣлаетъ все быстро, однимъ скачкомъ достигъ послѣдняго пункта“.

„Мистицизмъ! Мнѣ говорили, что графъ Толстой хорошо чувствуетъ, гдѣ находится опасность, и энергически обороняется противъ этого слова, не считая его приложимымъ къ человѣку, который помѣстилъ царство небесное на землѣ. Нашъ языкъ не даетъ намъ другого выраженія на этотъ случай. Знаменитый романистъ, вѣроятно, извинитъ меня. Я знаю, онъ предпочелъ бы, еслибы я хвалилъ его „Евангеліе“ и унижалъ его романы: я этого не могу. Страстный читатель этихъ романовъ, я тѣмъ больше досаую на его ученіе, что оно лишаетъ меня мастерскихъ произведеній, осужденныхъ на выкидышъ. Я не жалѣлъ похвалъ, пока мой умъ могъ за нимъ слѣдовать и наслаждаться имъ; те-

перь, когда онъ называетъ себя счастливымъ, онъ не нуждается больше въ похвалахъ и—долженъ быть равнодушенъ къ критикѣ“.

Въ заключеніе, по поводу земледѣльческихъ и ремесленныхъ трудовъ графа Толстого авторъ замѣчаетъ: „Ремесленникъ мастерскихъ произведеній искусства, это не ваше орудіе! Худо или хорошо, быть можетъ, въ наказаніе намъ, мы получили отъ неба это необходимое и драгоценное зло—мысль; говорятъ, что нѣкоторые изъ насъ именно осуждены страдать отъ этого зла для утѣшенія другихъ людей. Покинуть этотъ крестъ есть нечестивое самовольство. Наше орудіе труда, это—перо; наша нива, это—человѣческая душа, которой также надо дать кровь и пищу“. Авторъ напоминаетъ слова древняго русскаго челоуѣка, перваго московскаго печатника, котораго принуждали пахать землю: „не мое дѣло сѣять хлѣбъ, мое дѣло—распространять въ мірѣ сѣмена духовныя“. Наконецъ, авторъ напоминаетъ графу Толстому извѣстныя послѣднія слова Тургенева, который убѣждалъ „великаго писателя нашей русской земли“ возвратиться къ его прежней литературной дѣятельности.

Такова книга г. Вогюэ. Она любопытна для русскихъ читателей, какъ одинъ изъ многихъ фактовъ того значенія, какое пріобрѣтаетъ въ настоящее время русская литература; тѣ восторженные выраженія, въ какихъ авторъ говоритъ о главныхъ русскихъ писателяхъ, свидѣлствуютъ о глубокомъ впечатлѣніи, и это впечатлѣніе раздѣляется многими другими представителями критики французской, нѣмецкой, англійской, итальянской. Съ другой стороны, любопытна самая точка зрѣнія. Представляя французскому читающему міру картину современной русской литературы, высшій результатъ ея историческаго развитія и высшее выраженіе русской національности, авторъ хотѣлъ обобщить свою картину, отыскать и указать самый глубокій нервъ этой національности и ея художественнаго сознанія. Мы видѣли, какъ онъ его опредѣляетъ. Для русскихъ читателей будетъ довольно неожиданно, что смыслъ русской народности есть нѣчто въ родѣ новѣйшаго буддизма, и авторъ, въ своемъ обзорѣ русской жизни *à vol d'oiseau*, едва-ли не сдѣлалъ крупныхъ ошибокъ. Этотъ буддизмъ, какъ мы видѣли, онъ понимаетъ совсѣмъ серьезно; онъ рядомъ говорить о специально аріискѣмъ характерѣ русскаго племени, ссылается на какихъ-то русскихъ философовъ въ подтвержденіе того, что русскіе считаютъ себя самыми прямыми потомками и преемниками древнихъ аріевъ; онъ отваживается даже на филологиче-

скія доказательства. Но предположивъ, что это родство дѣйствительно близко (на дѣлѣ оно вовсе не такъ близко, какъ думается автору), можно допустить историческое недоумѣніе: неужели въ самомъ дѣлѣ могло сохраниться такое нравственное наслѣдіе черезъ длинные ряды до-исторической, а потомъ исторической жизни славянства и русскаго племени, и не лежатъ ли гдѣ-нибудь ближе причины, которыя могли бы объяснить явленія современной русской жизни и въ томъ числѣ произведенія русской новѣйшей литературы—нѣсколько проще? Авторъ въ своемъ обзорѣ такъ быстро прошелъ всю исторію русскаго племени отъ Рюрика до сороковыхъ годовъ, что, мы опасаемся, онъ слишкомъ мало далъ значенія этимъ промежуточнымъ періодамъ, которые могли бы доставить болѣе простые и осязательные факты русскаго историческаго развитія, при которыхъ не было бы надобности прибѣгать къ арійскому буддизму. Мы не станемъ, конечно, повторять эту исторію; ограничимся двумя-тремя указаніями.

По нашему мнѣнію, авторъ ближе подошелъ бы къ истинѣ, еслибы предположилъ для объясненія судебъ русскаго народа не отдаленный арійскій, а болѣе близкій исходный пунктъ—въ европейскомъ характерѣ славянскаго племени и русскаго народа, и постарался бы въ этой сферѣ понять, что отдалило Россію отъ Европы; ему стало бы виднѣе и то, что ихъ тѣсно сближаетъ. При общемъ европейскомъ источникѣ жизни русскаго народа, общества, а затѣмъ и литературы, совершалась однако въ весьма отличныхъ условіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, чѣмъ жизнь западно-европейская. Ея задатки были тѣ же обще-европейскіе; въ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ соображеній, можно было бы убѣдиться хотя бы на такихъ частныхъ явленіяхъ, какъ жизнь древне-русская по сравненію съ эпохою татарскаго ига, или какъ неудержимое стремленіе къ европейскому общенію, начало котораго можно считать съ самаго времени сверженія этого ига и которое продолжается до настоящей минуты. Но разница съ движеніемъ европейскимъ была громадная. У насъ не было непосредственнаго наслѣдія античнаго міра и, слѣдовательно, возможности начать раньше и шире развитіе нашей культуры; наше, по мнѣнію г. Вогюэ, „испорченное“ христіанство избавило насъ отъ давящаго вліянія папства, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы остались черезъ это чужды тому объединенію, которое дано было средневѣковой Европѣ римскою церковью, латинскою школой и литературой, — которыя были общими всей западной Европѣ. У насъ не было феодализма, который, при всей его тягости для народовъ, выдѣлялъ однако извѣстные элементы съ общественной независимостью,—

какъ не было того развитія городскихъ общинъ, которое создало средній классъ, сдѣлавшійся мало-по-малу носителемъ общественной автономіи; наконецъ, по особымъ судьбамъ русской жизни у насъ до XVII-го вѣка не было даже признаковъ той ученой школы, какая въ Европѣ уже съ XII-го столѣтія установилась въ прочное общественное учрежденіе; да и послѣ, можно сказать до настоящей минуты, наша высшая школа представляетъ, сравнительно съ богатымъ развитіемъ высшей науки въ Европѣ, нѣчто довольно жалкое и по степени автономіи этихъ учреждений, и по ихъ статистическому отношенію съ громаднымъ населеніемъ имперіи. Послѣ первыхъ попытокъ свободнаго политическаго быта русская жизнь подверглась внѣшнему случайному бѣдствію, которое (какъ бы ни разсуждали о немъ новѣйшіе историческіе доктринеры) подѣйствовало роковымъ образомъ на наше историческое развитіе. Непосредственно изъ-подъ татарскаго ига русскій народъ попалъ московскому объединенію, суровость котораго создана была исключительно тяжелыми историческими обстоятельствами и въ свою очередь наложила на послѣдующія времена мрачный отпечатокъ политическаго и общественнаго рабства. Передъ русскимъ обществомъ стояли однако, въ сущности, тѣ же задачи, какія ставило себѣ общество европейское: прежде всего обезпеченіе политической цѣльности племени; устройство внутренняго быта, въ связи съ географическимъ и экономическимъ положеніемъ народной массы, и добываніе просвѣщенія. Но опять громадная разница была въ томъ, что достиженіе этихъ задачъ поставлено было въ условія, какихъ не знала или почти не знала Европа. Народъ былъ разсѣянъ рѣдкими поселеніями на громадномъ пространствѣ, которое со времени сверженія ига все разрасталось — притомъ только частью на западъ, а всего больше на финскій и тюркскій югъ и востокъ; и какъ ни тяготѣло московское единодержавіе надъ областною жизнью и общественной самостоятельностью, но повидимому только его тяжелая рука способна была удержать вмѣстѣ эти далеко раскинувшіяся страны, которыя потомъ были колонизированы русскимъ народомъ, и эти инородныя племена, на ассимиляцію которыхъ тратилось много народной силы. Въ концѣ концовъ, московское единодержавіе какъ бы становилось само себѣ цѣлью, и самостоятельность общества должна была употребить долгіе вѣка на то, чтобы сколько-нибудь обезпечить свое право. При этомъ порядкѣ вещей, при необходимости укрѣпленія государства въ условіяхъ скуднаго общественнаго развитія, было совершенно естественно, что въ видахъ экономическаго распорядка у насъ введено было вѣршное право, котораго не знала древ-

ная Россія, а затѣмъ и весь строй внутренней жизни получилъ крѣпостной характеръ; все было закрѣпощено государству. Народная масса, изъ которой не выдѣлялся никакой образованный классъ, на многіе вѣка оставалась въ умственномъ мракѣ и единственнымъ нравственнымъ содержаніемъ было церковное поученіе и легенда, — и то обстоятельство, что народъ, выработавъ изъ этого свою идею христіанскаго общиннаго братства, которой удивляется французскій писатель, свидѣтельствуешь, намъ кажется, именно объ европейскомъ, а не азіатско-буддійскомъ его характерѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ были пережиты политическія опасности государства и оно возвратилось, съ Петра Великаго, въ кругъ государствъ европейскихъ, къ которымъ принадлежало по племени и религіи народа, — начался и естественный порывъ къ усвоенію европейскаго содержанія, съ которымъ нельзя было познакомиться раньше — по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ народа. Съ этого времени въ русской жизни впервые появляется умственное движеніе, — такое, какое въ западной Европѣшло съ самаго начала среднихъ вѣковъ: впервые является классъ образованныхъ людей, въ которомъ идетъ непрерывное броженіе идей, умственная работа, гдѣ съ первыхъ же шаговъ сказываются стремленія къ національному самосознанію и мысль о народной массѣ. У насъ привыкли говорить о томъ, что наше общество XVIII вѣка было оторвано отъ народа; г. Вогюэ, говоря объ этомъ вѣкѣ, называетъ его безплоднымъ, совершенно подражательнымъ и неинтереснымъ; но то и другое — большая ошибка. Восемнадцатый вѣкъ любопытенъ именно какъ та приготовительная школа, послѣ которой только и возможно было самостоятельное созданіе. Нужно было изъ состоянія почти первобытнаго подниматься до высоты европейскаго знанія, и если взглянуть съ этой точки зрѣнія на XVIII-й вѣкъ, то надо скорѣе удивляться результату, который былъ имъ приготовленъ. Было много слабаго, даже ребяческаго, въ первыхъ попыткахъ русской литературы; подражаніе было несомнѣнно, но рядомъ съ тѣмъ сказывались широкія мысли, въ которыхъ уже вскорѣ находить мѣсто и мысль о мнимо-забытомъ народѣ. Если мы хотимъ искать источниковъ того народническаго стремленія, которое въ разныхъ формахъ наполняетъ нашъ собственный вѣкъ, эти первые источники мы найдемъ въ лучшихъ умахъ прошлаго столѣтія. Говорятъ о подражаніи; но это подражаніе не ограничивалось же одной внѣшней формой — эти писатели были часто величайшіе умы и таланты западнаго общества, которыхъ идеи могли проникать въ сердца, и дѣйствительно проникали. Восемнадцатый вѣкъ былъ воспитаніемъ русской мысли

къ сознательной работѣ,—иначе было бы непостижимо, какъ за вѣкомъ „бесплоднаго“ подражанія мы видимъ вдругъ то богатое проявленіе нравственнаго и поэтическаго содержанія, которое изумляетъ теперь европейскихъ критиковъ.

Не нужно никакого арійскаго буддизма для того, чтобы объяснить характеръ новой русской литературы. Самъ авторъ отмѣчаетъ не разъ, что русскій народъ многими вѣками позднѣе переживалъ явленія такого рода, какія гораздо ранѣе совершались въ западной Европѣ; что въ XVII вѣкѣ онъ переживалъ европейскій XIII-й вѣкъ, въ XVIII столѣтіи онъ былъ въ европейскомъ XVI-мъ вѣкѣ, и т. п. Это совершенно справедливо, и если при этомъ мы сопоставимъ страстную работу лучшихъ умовъ нашего образованнаго класса съ судьбой народной массы, мы поймемъ многое изъ тѣхъ явленій, которыя приводятъ въ недоумѣніе европейскую критику (въ лицѣ г. Вогюэ) и для объясненія которыхъ нѣтъ никакой надобности восходить къ арійской древности. Русская литература, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, воспринимала то, что было наиболѣе возвышеннаго въ стремленіяхъ европейской науки и поэзіи, и это усвоенное содержаніе, далеко не всегда высказывавшееся въ литературѣ, жило въ умахъ такимъ же великодушнымъ стремленіемъ служить для своего общества и народа. Эта мысль, воспитанная и врожденною любовью къ родинѣ, и европейскимъ образованіемъ, не могла не останавливаться на судьбѣ народа, и разъ она обращалась къ народу, путь ея дѣятельности былъ готовъ. Это естественное чувство, въ соединеніи съ философскимъ содержаніемъ европейской жизни, создавало то направленіе, которое, или въ видѣ практическаго рационализма прошлаго вѣка, или въ видѣ новѣйшаго романтизма, или въ видѣ славянофильства, западничества, народничества, радикализма и т. д., ставило цѣлью своихъ изученій народъ и цѣлью своихъ практическихъ желаній—его освобожденіе, его нравственную самобытность и матеріальное благосостояніе, съ той ли, другой ли точки зрѣнія. Понятно, что это стремленіе должно было выразиться у насъ совершенно иначе, чѣмъ на западѣ; у насъ не было и нѣтъ той общественно-политической жизни, въ которой давно вращаются европейскія общества; у насъ нѣтъ установленныхъ формъ для выраженія тѣхъ внутреннихъ процессовъ и требованій, какіе возникаютъ въ общественномъ развитіи, и мысль находила у насъ единственный исходъ въ поэзіи и литературѣ, въ теоретическихъ построеніяхъ и возбужденіи чувства и фантазіи. Не мудрено, что, напр., крестьянскій вопросъ былъ давно предрѣшенъ общественнымъ сознаніемъ; не мудрено и то, что

литература съ такимъ глубокимъ интересомъ слѣдила за народной жизнью, отыскивала въ ней все, что было въ ней возвышеннаго и поэтическаго, идеализировала ее и, наконецъ, находила въ ней и нравственное, и практическое поученіе для общества. Въ дѣйствительности, на долю народа съ давнихъ вѣковъ доставалось тяжкое угнетеніе, и литература, подъ вліяніемъ великодушныхъ внушеній поэзіи и научнаго знанія, какъ будто старалась вознаградить тупую жестокость, тяготѣвшую надъ массами, чувствомъ общественной справедливости и въ угнетенномъ народѣ увидѣла, наконецъ, всѣ лучшія добродѣтели. Подобныя настроенія бывали очень знакомы и литературѣ западной; но опять условія были иныя, и западное народничество легко принимало форму открытаго политическаго движенія, превращалось въ рабочій вопросъ и социализмъ, сводилось на частныя практическія задачи или размѣнивалось на мелкую политическую фразу; у насъ цѣль все еще впереди, и идеаль не исчерпанъ, потому что онъ далеко еще не перешелъ и, вѣроятно, еще долго не можетъ перейти въ практическую жизнь.

Не мудрено также, что въ нашей литературѣ развивалось то скептическое настроеніе, которое кажется нашему автору буддйскимъ нигилизмомъ; и опять простое сравненіе формъ жизни объяснило бы многое въ происхожденіи этого явленія. Жизнь западная складывалась долгими вѣками, и разныя теченія ея давно выработались въ точныя формы, которыя успѣли пріобрѣсти неприкосновенность преданія; у насъ процессъ развитія былъ еще въ періодѣ броженія, между тѣмъ критическая мысль была уже настолько развита, что односторонности западнаго преданія стали бросаться въ глаза, какъ ясны были и несовершенства социальныхъ отношеній, которыя, повидимому, могли бы быть устраняемы при той высотѣ развитія, какою Западъ гордился. Народный инстинктъ никогда не думалъ ставить русскій народный характеръ ниже какого угодно другого народа; въ параллель къ этому, сильнѣйшіе умы русской литературы безъ различія партій (назовемъ для примѣра Юрія Самарина и Герцена) умѣли критически относиться къ явленіямъ западной жизни; и еще не такъ давно сатирикъ, изучающій только русскую жизнь, не усомнился въ галереѣ нашихъ домашнихъ уродливостей дать мѣсто и официальнымъ иностраннымъ авторитетамъ, собравшимся въ Петербургѣ на ученый конгрессъ. Это отсутствіе преданія, — которое остается, безъ сомнѣнія, великой помѣхой для прочнаго установленія нашего просвѣщенія, — вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ насъ свободными отъ условнаго консерватизма и односторонности, и самымъ рѣзкимъ про-

явленіемъ критическихъ требованій является такъ называемый нигилизмъ, въ глубокой основѣ котораго лежитъ отрицаніе вовсе не въ смыслѣ буддійской нирваны, а въ смыслѣ идеала.

Въ одномъ мѣстѣ г. Вогюэ упоминаетъ, что развитію современнаго характера русской литературы, кромѣ историческихъ условий и „арійскаго“ преданія, содѣйствовали и „болѣе новыя причины“: эти послѣднія причины, къ сожалѣнію, отмѣчены (а можетъ быть и замѣчены) имъ весьма недостаточно, а между тѣмъ онъ нашелъ бы въ нихъ болѣе осязательную связь съ тѣми явленіями національнаго духа, для объясненія которыхъ онъ принужденъ прибѣгать теперь къ черезъ-чуръ далекимъ и очень сомнительнымъ, чтобы не сказать забавнымъ, истолкованіямъ. Мы видѣли, напримѣръ, что онъ вводитъ въ глубоко-національное явленіе новѣйшую философію графа Толстого и объясняетъ ее послѣдіемъ арійскаго буддизма, но въ то же время онъ самъ находитъ въ ней только запоздалое подновленіе того, что было уже въ мысляхъ средневѣковыхъ западныхъ сектъ (онъ могъ бы еще прибавить „Утопію“, „Лабиринтъ Свѣта“, Руссо и т. д.); съ другой стороны—русскіе, повидимому, должны были бы только рукоплескать этой философіи, представляющей столь полное выраженіе русской національности (полагаемой въ мистическомъ нигилизмѣ),—но на дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное: кромѣ своеобразной группы поклонниковъ, новѣйшія теоріи графа Толстого не возбуждаютъ въ большинствѣ литературы никакого сочувствія ¹⁾, и русская критика отрицаетъ ихъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ самъ г. Вогюэ. Послѣднее желаніе Тургенева повторяется и до сихъ поръ. Не слѣдуетъ ли въ объясненіи произведеній Л. Н. Толстого нѣсколько воздержаться отъ отождествленія его съ національнымъ духомъ и прибѣгнуть къ болѣе частнымъ и личнымъ мотивамъ?—Замѣтимъ наконецъ, что нашъ реалистическій романъ, при всѣхъ его высокихъ достоинствахъ, не исчерпываетъ всѣхъ оттѣнковъ русскаго общественнаго содержанія: романтизмъ и мистицизмъ находятъ себѣ значительный противовѣсъ въ другихъ направленіяхъ,—и, принявъ ихъ въ соображеніе, т.-е. изучивъ другія, пропущенныя имъ, стороны русской поэзіи и литературы, авторъ могъ бы гораздо точнѣе — и гораздо проще — объяснить многія явленія русскаго „національнаго духа“ и его выраженія въ литературѣ...

Книга г. Вогюэ напоминаетъ опять давній вопросъ: — гдѣ

¹⁾ Исключая эпизодическія картины народной бѣдности и отдѣльныя критическія замѣчанія о свойствахъ нашего общественнаго положенія.

заключается настоящее выраженіе національнаго русскаго духа? Извѣстное направленіе такъ много говоритъ о себѣ, какъ о самомъ настоящемъ русскомъ, и отличается такой исключительностью, что можно было бы думать, что на посторонній глазъ иностраннаго наблюдателя оно и покажется самымъ русскимъ; но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то. Иностранные наблюдатели (въ послѣдніе годы не разъ можно было это наблюдать) упорно видятъ въ славянофильствѣ одну только фракцію и ищутъ дѣйствительно національнаго выраженія въ писателяхъ, которые (не исключая даже и Достоевскаго) въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ не задавались никакой славянофильской тенденціей, а иногда (какъ Тургеневъ) были ей категорически враждебны. Национальному характеру произведеній этихъ писателей для посторонняго наблюдателя нисколько не вредило различіе ихъ теоретическихъ взглядовъ, и важно было только одно—сила художественнаго творчества, одушевляемая глубокимъ чувствомъ къ своему народу.

А. Пыпинъ.

СУМАСШЕДШІЙ

РАЗСКАЗЪ СВЯТОПОЛКА ЧЕХА.

Переводъ съ чешскаго.

Трудно бываетъ начало докторской практики! По поводу этого изреченія молодой докторъ медицины, Станиславъ Горливый, могъ бы исписать толстую книгу и имѣлъ бы для этого даже слишкомъ много времени. Поселился онъ въ городъ Л. почти въ одно время съ молодымъ адвокатомъ Залогой, и что же! Д-ръ Залогова уже жаловался на недостатокъ времени и продолжительность посѣщеній, хотя ему и приходилось соперничать съ дѣльнымъ и ловкимъ адвокатомъ, имѣвшимъ уже въ городъ и его окрестностяхъ большую практику. Докторъ Горливый, напротивъ, никакъ не могъ добыть ни одного приличнаго паціента, несмотря на то, что коллега его былъ полуслѣпъ и глухъ, между тѣмъ какъ его голова была полна знаній, а ящики и коробочки наполнены были разными пилюлями, ножичками и ланцетами, такими блестящими и выточенными, что пріятно было на нихъ смотрѣть. Однако ни одинъ изъ л—скихъ аристократовъ не возымѣлъ до сихъ поръ желанія испытать на себѣ ихъ сказочную остроту. Человѣколюбивымъ желаніемъ молодого доктора было, чтобы всѣ обитатели города занемогли разомъ всевозможными недугами, и онъ могъ бы всѣхъ ихъ исцѣлить и излечить; но они рассказывали себѣ подъ его окнами совершенно здоровые и поглядывали иронически, какъ ему казалось, на изящную дощечку съ позолоченной надписью, прибитую у его дверей. Если же кто-нибудь изъ нихъ заболѣвалъ, то дотаскивалъ свое несчастное тѣло мимо вышеупомянутой дощечки до жилища счастли-

ваго коллеги и на его рукахъ испускалъ свою затвердѣвшую душу.

Однако эту танталову муку молодыхъ докторовъ описало уже не одно, болѣе мѣткое, перо. Приступимъ же лучше къ приключенію, которое я хочу рассказать.

Однажды д-ръ Горливый смотрѣлъ съ справедливымъ негодованіемъ на откормленныхъ горожанъ, бродившихъ внизу по грязному развѣзженному снѣгу, окутанныхъ фланелью и мѣхомъ, въ гигантскихъ мѣховыхъ сапогахъ, съ ватой въ ушахъ, и главною мыслью его было: „ну, какъ бы васъ вѣтерокъ не продулъ!“ Чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на эти кругляя, раскраснѣвшіяся отъ холода лица, тѣмъ мрачнѣе поднимались его брови подъ безнадежно свѣсившимся фесомъ и тѣмъ болѣе густые клубы презрѣнія выпускалъ онъ изъ длинной трубки на улицу.

Вдругъ онъ далеко отодвинулъ трубку, погладилъ, какъ бы въ утѣшеніе, съѣхавшій фесъ и разгорѣвшимися глазами уставился съ напряженнымъ ожиданіемъ вглубь улицы. Побрякивая бубенчиками, летѣли тамъ барскія неуклюжія сани, разбрасывая брызги грязи со снѣгомъ, которыя попадали даже на ободранные хомуты лошадей. Надъ самымъ дышломъ сидѣлъ широкоплечій мужикъ въ засаленномъ тулупѣ съ широкимъ, краснымъ лицомъ и истертой косматой шапкой на головѣ, порывавшіеся махры которой такъ похожи были на его рыжіе волосы, что положительно нельзя было разобрать, гдѣ кончаются одни и начинаются другіе. Внутри сани выложены были множествомъ полостей, которыя вмѣстѣ съ паромъ валенокъ общали большія удобства будущему сѣдоку.

Д-ръ Горливый уже хотѣлъ опять судорожно стиснуть почти остывшій чубукъ и съ клубами дыма отогнать благую надежду, какъ вдругъ, противъ всякаго ожиданія, сани остановились почти подъ самыми окнами, и вучеръ, обозначивъ кнутовищемъ границу между волосами и шапкой, крикнулъ стоящей у воротъ торговкѣ:—Гдѣ это тутъ живетъ новый докторъ?—Д-ръ Горливый едва самъ не прокричалъ внизъ отвѣта, но въ-время вспомнилъ, что этимъ онъ унизилъ бы свое достоинство. Почтенная матрона отвѣтила:—Новый докторъ?—а вотъ тутъ, въ первомъ этажѣ.

Въ одно мгновеніе фесъ былъ на кровати, а чубукъ въ углу. Докторъ стянулъ жилетъ, застегнулъ жакетку на одну пуговицу и пригладилъ рукою черные волосы и усы. (Кстати замѣчу, что докторъ былъ очень красивый молодой человѣкъ). Потомъ онъ сталъ противъ дверей въ позѣ, которую въ свободныя минуты (а ихъ у него, увы! было достаточно) давно придумалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ: одна рука покоилась на столѣ, гдѣ соблаз-

нительно были разложены ланцеты, ножички и пилки; другая лежала на груди такъ, что блестящій драгоцѣнный камень перстня долженъ былъ сверкнуть прямо въ глаза входившему; а изъ-подъ нѣсколько выпуклаго лба смотрѣли серьезно и ласково блестящіе глаза на-встрѣчу первому пациенту. Еслибъ сама смерть вошла въ эту минуту, то, вѣрно, застучала бы зубами отъ страха передъ этой картиной сознанія своего докторскаго могущества.

Шумные шаги приблизились снаружи. Раздался стукъ въ дверь, и кучеръ вошелъ съ неяснымъ привѣтствіемъ въ комнату.

Это была настоящая гора. Для полноты сравненія прибавлю, что лицо его было точно полная луна, только красная луна, восходящая надъ этой горою. Во всей фигурѣ царствовало выраженіе самодовольной глупости съ легкимъ оттѣнкомъ лукавства.

— Что вамъ угодно?—ласково спросилъ Горливый.

— Я за г. докторомъ.

— Откуда?

— Изъ Бешина.

— Отъ кого?

— Отъ барина.

Услыхавъ это важное извѣстіе, докторъ на минуту прекратилъ свои разспросы. Онъ старался припомнить, что зналъ о владѣльцѣ Бешина. Этого было весьма немного. Зналъ онъ, что его звали Дртина, слышалъ о немъ тамъ и сямъ различные рассказы, но что именно и въ какомъ родѣ, совсѣмъ не помнилъ. Общимъ же выводомъ всѣхъ этихъ рассказовъ осталось у него убѣжденіе, что бешинскій помѣщикъ—большой чудакъ.

— Таеъ, значить, отъ г. Дртины?—продолжалъ онъ свои разспросы.

— Ну, да, отъ барина. Я только-что отпрягалъ возокъ и радовался, что минутку отдохну. Вдругъ прибѣжала сверху барышня—съ заплаканными глазами—и приказала: „Войтишекъ, запрягите сейчасъ новыя сани и поѣзжайте въ городъ за г. докторомъ. Только за этимъ... новымъ—понимаете?“ Я кивнулъ головой, а самъ подумалъ: чортъ бы побралъ эту службу! Изъ возка—въ сани, изъ саней—въ возокъ.

— А что съ бариномъ?

Кучеръ, вмѣсто отвѣта, вытаращилъ глаза на говорившаго, какъ бы не понимая вопроса.

— Что же случилось съ бариномъ?

Войтишекъ съ минуту теръ себѣ лобъ, какъ бы не понимая, потомъ махнулъ рукой.

— Чего-то у него недостаетъ! Или, скорѣй, есть что-то лиш-

нее. Вотъ тутъ.—При этомъ онъ показалъ пальцемъ на свой низенькій лобъ, и бѣлые его зубы заблестѣли въ простоватой улыбкѣ.

— Какъ?—воскликнулъ удивленный докторъ.— Не лишился же онъ разсудка?

— Лишился, г. докторъ, совсѣмъ лишился. Это—божіе напущеніе. Сегодня еще разбилъ объ мою голову новое кнутовище.

— Значить, приходитъ въ ярость?

— А какъ же! Вчера и сегодня съ утра до вечера такъ ругался, что волосы дыбомъ становятся. Тамъ, наверху, былъ постоянный грохотъ. Бѣдняжка барышня страдала, какъ мученица. Двери хлопали одна за другою, такъ что окна дрожали; крикъ раздавался на всю деревню. Иногда онъ выбѣгалъ во дворъ, бѣгалъ изъ угла въ уголъ, подымалъ кверху кулаки, призывалъ всѣхъ нечистыхъ духовъ; иногда останавливался, теръ пальцами лобъ, какъ-то еривлялся, — ну, просто, хоть тресни со смѣху!

Докторъ не могъ долѣе сдерживать своего неудовольствія по поводу такого грубаго отношенія мужика къ несчастію своего барина.

— Не вижу въ этомъ ничего смѣшного!—сказалъ онъ, строго взглянувъ на смѣющагося слугу.— Вамъ слѣдовало скорѣе пожалѣть своего несчастнаго барина. Понимаете?—Оправьте сидѣнье въ саняхъ; я приду сейчасъ вслѣдъ за вами.

Войтишекъ принялъ выговоръ доктора съ замѣтнымъ удивленіемъ: разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза, потомъ покачалъ нѣсколько разъ головой и пожалъ плечами. Въ дверяхъ онъ оглянулся еще разъ на доктора, опять покачалъ головой и махнулъ рукою.

Д-ръ Горливый подумалъ съ минуту, потомъ отворилъ одинъ изъ сундуковъ и вынулъ смирительную куртку. У него почти все было въ запасѣ.

Вскорѣ послѣ того сани летѣли уже за городомъ по бѣлой зимней дорогѣ. Кучеръ отъ времени до времени оборачивался къ доктору и каждый разъ качалъ головою. Д-ръ Горливый, сидя въ цѣломъ хаосѣ мѣховъ, въ косматомъ тулупѣ, погрузился въ глубокое раздумье. Первый порядочный пациентъ—сумасшедшій! Это совсѣмъ не было ему пріятно. Душевные болѣзни требуютъ болѣе всѣхъ другихъ личной опытности,—а у него ея не было. Онъ старался припомнить нѣкоторые изъ тѣхъ разсказовъ, которые слышалъ о бешинскомъ баринѣ, надѣясь, что они послужатъ ему аriadниной нитью въ лабиринтъ его помутившихся мыслей, но никакъ не могъ ни одного изъ нихъ оживить въ памяти. Съ грубымъ же слугою ему не очень хотѣлось говорить объ этомъ

предметъ. „Самыя вѣрныя свѣденія можетъ мнѣ дать барышня“, — рѣшилъ онъ, наконецъ. И вдругъ ему представились странные образы. Въ шумѣвшемъ около летѣвшихъ саней воздухѣ сновали сѣрыя, странныя, скрепчивающіяся фигуры съ чудовищными лицами, кривыя линіи которыхъ стягивались и вытягивались во всевозможныхъ ужасныхъ движеніяхъ, а ввалившіеся глаза дико свѣтились изъ глубокихъ впадинъ... Бубенчики на лошадяхъ звучали хриплымъ, безумнымъ смѣхомъ. Фигуры эти понемногу расплывались, исчезали, и предъ нимъ явился прелестный, нѣжный образъ дѣвушки съ грустно-опущенной головкой, съ блестящей слезой на блѣдной щекѣ, и этотъ образъ пріятно выдѣлился своей черной траурной одеждой на чистой бѣлизнѣ снѣга. Простите доктору эти фантазіи, — человѣкъ онъ былъ молодой, свободный! Когда они уже подъѣзжали къ бешинской усадьбѣ, докторъ очнулся и, нагнувшись къ Войтишку, спросилъ: — А вашъ баринъ силенъ?

Кучеръ опять съ удивленіемъ посмотрѣлъ на спрашивавшаго и, немного погодя, отвѣчалъ:

— Не очень. Я бы его мизинцемъ опровернулъ!

— Хорошо! Вѣроятно, придется укротить его силой. Стойте за дверями, когда я къ нему войду, и по первому зову придите мнѣ на помощь.

Глаза Войтишка совсѣмъ выкатились.

— Развѣ панъ докторъ хочетъ... — пробормоталъ онъ... Это, вѣрно, шутка...

— Я не шучу такими серьезными вещами. Какъ я уже сказалъ, вѣроятно придется укротить его силой. На случай подобной необходимости будьте на-готовѣ. Я, впрочемъ, поговорю сначала съ барышней.

Прошло порядочно времени, пока кучеръ пришелъ въ себя отъ испуга и привелъ въ нѣкоторый порядокъ перепутавшіяся было мысли въ своей рыжей головѣ. Онъ почесывалъ затылокъ, откашливался, оглядывался на доктора и покачивалъ головой. Наконецъ, вспомнилъ кнутовище, разбитое о самую слабую часть его могучей особы, и, подъ вліяніемъ этого воспоминанія, рѣшилъ, что исполнить волю доктора, будь что будетъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ сильно хлестнулъ лошадей.

Когда въѣхали во дворъ, кучеръ показалъ пальцемъ по направленію къ дому и, нагнувшись къ санямъ, сказалъ: — Тамъ, вонъ, внизу... стоять. — Д-ръ Горливый посмотрѣлъ въ указанное мѣсто и увидѣлъ тамъ высокаго, сухоощаваго человѣка въ полуохотничьемъ костюмѣ, странно махавшаго руками по воздуху. Странной формы, почти на-голо остриженная голова съ низко-па-

дающей на лобъ прядью сѣдыхъ, нѣсколько болѣе отросшихъ, волосъ, глубоко ввалившіеся, злобно сверкающіе глаза, волосатое, безъ усовъ лицо, постоянно искривляющіяся и подергивающіяся губы и брови—все это вмѣстѣ довольно подходило къ тому понятію, которое докторъ, со словъ кучера, составилъ себѣ о своемъ первомъ пациентѣ. Бешинскій панъ еще издали привѣтствовалъ своего двороваго цѣлымъ градомъ отборныхъ ругательствъ. Когда же сани остановились передъ выступомъ дома, его лѣвая рука возымѣла сильное стремленіе по направленію къ огненнымъ кудрямъ Войтишка, правую же онъ такъ сердечно пожалъ руку доктора, что тотъ чуть не закричалъ. Въ то же время изъ устъ его излился двойной потокъ брани и привѣтствій, которыя совсѣмъ перепутывались и иногда мѣняли свое назначеніе. Не переводя духа, онъ заклиналъ кучера подать ему кнутовище, чтобы во второй разъ разбить его объ его голову, и благодарилъ доктора за то, что онъ самъ потрудился къ нему пріѣхать...—Я уже присягалъ,—прибавилъ онъ, поднявъ два пальца къ небу,—что даже тѣнь моя не коснется этого Содома и Гоморры!—Потомъ, показывая на комки грязи, покрывающіе сани, онъ откровенно заявилъ, что, того и гляди, взбѣсится, если Богъ не избавитъ его отъ такой безбожной прислуги.

Д-ръ Горливый, слыша эти безсвязные, беспорядочные взрывы ярости и видя подергиваніе всѣхъ мускуловъ лица, которыми сопровождалъ ихъ панъ Дртина, пришелъ къ убѣжденію, что пациентъ его принадлежитъ къ самымъ типичнымъ сумасшедшимъ, когда-либо служившимъ каррикатурою славнаго образа Божія на землѣ. Его удивило также, что больной ожидалъ его. „Вѣроятно, ему наговорили о какой-нибудь другой болѣзни“, подумалъ онъ, наконецъ.

Когда панъ докторъ вылѣзъ изъ тулупа, Дртина впился костлявыми пальцами своей непомѣрно громадной руки въ его плечо и потащилъ его за собою по лѣстницѣ въ свою комнату. Такимъ образомъ, надежда доктора поговорить о состояніи больного прежде съ барышней, оказалась тщетною, и онъ едва успѣлъ значительнымъ взглядомъ напомнить Войтишку его общеніе, на что тотъ съ отталевающей гримасой кивнулъ головой. Очувтившись въ комнатѣ пациента, д-ръ Горливый съ любопытствомъ осмотрѣлъ ее. „Дѣйствительно больной духъ отпечатался со всѣми своими прихотями въ этой комнатѣ, бывшей главной ареной его эксцентричностей“,—подумалъ докторъ. И онъ не ошибся. Это дѣйствительно была берлога безумца. На голыхъ стѣнахъ висѣли, какъ большіе оазисы въ пустынѣ, календарь, гербовая такса и

пара старинныхъ пистолетовъ; на столѣ, на креслахъ и сзади на огромной постели съ раздвинутыми занавѣсками валялись переплетенныя шнурами пачки какихъ-то пожелтѣвшихъ, сильно обгрызенныхъ мышами бумагъ; четверть комнаты занимала разостланная на полу гигантская карта, въ которую тамъ и сямъ воткнуты были большія булавки съ разноцвѣтными флагами. Прежде чѣмъ д-ръ Горливый могъ привести въ своей головѣ въ порядокъ всѣ догадки, возбужденныя этой картиной, паціентъ притащилъ его къ картѣ и, показывая на нее сухимъ пальцемъ, зашипѣлъ какимъ-то конвульсивнымъ смѣхомъ. — Вотъ вамъ весь надѣлъ! Проклятая путаница! Видите ли тамъ эту вербу у ручья и возлѣ нея воткнутую булавку? Тамъ я стою... десять лѣтъ, полныхъ ожиданія, тревоженій, разъѣздовъ и тасканія по всѣмъ концамъ свѣта, расходовъ почти до разоренія—и все стою, какъ заколдованный у этой вербы, тамъ, гдѣ булавка. Не могу тронуться съ мѣста. Чтобъ его громомъ ударило! А тѣ, на другой сторонѣ, эти мошенники, злодѣи, воры, грабители, лжесвидѣтели, надобѣдаютъ, потираютъ себѣ руки, насмѣхаются.. Спрашиваю: развѣ это справедливо? О, еслибъ онъ мнѣ попался, этотъ брюхастый обманщикъ, этотъ негодяй!

Онъ заскрежеталъ зубами.

Между тѣмъ докторъ овладѣлъ мало-по-малу его рукою и, вынувъ изъ кармана часы, щупалъ его пульсъ. Когда безумецъ, немного погодя, замѣтилъ это, то вырвалъ руку и, смотря на доктора вытаращенными отъ удивленія глазами, воскликнулъ:

— Это что вы выдѣлываете? чего вы мнѣ руку-то щупаете?

— Вы нездоровы, панъ Дртина, — спокойно отвѣтилъ докторъ, — очень нездоровы.

— Я—нездоровъ?—съ ужасомъ воскликнулъ бешинскій панъ. Я—боленъ? Изъ чего вы это заключаете? Гмъ, нездоровъ! Можетъ быть! Чортъ ли тутъ не заболѣетъ при этой постоянной ярости и безпокойствѣ! Повѣрите, они днемъ и ночью только и думаютъ, какъ бы мнѣ сдѣлать какую-нибудь непріятность; общими силами стараются, какъ бы меня лишить имущества, чести, всего. Трахать меня, какъ оленя на барской охотѣ, и ждутъ не дождутся мгновенья, когда увидятъ меня ограбленного, уничтоженного у своихъ ногъ. И все это по наущенію и подстрекательству этого брюхана-бургомистра, изъ-за котораго на томъ свѣтѣ всѣ дьяволы подерутся.

Изъ этихъ дивныхъ словъ докторъ ясно понялъ мысль, служившую основаніемъ помѣшательства Дртины. Многихъ помѣшанныхъ мучить подозрѣніе, что ихъ кто-нибудь постоянно преслѣ-

дуетъ, окружаетъ ловушками, старается довести ихъ до униженія и гибели. Въ мозгу бешинскаго пана роль такого преслѣдователя играла вся почтенная дума съ бургомистромъ во главѣ. Докторъ захотѣлъ ознакомиться съ этой идеей и сказалъ успокоительно:—Но, пане Дртина, мнѣ кажется, вы его обижаете. Насколько я знаю голову, онъ совсѣмъ не такой злодѣй.

Пациентъ отскочилъ, какъ будто около него зашипѣла змѣя. Клокъ волосъ на лбу его странно приподнялся, глаза метали молніи, изъ искривившихся устъ вырвались восклицанія:—А, вы сговорились! Вы—тоже членъ цѣпи негодяевъ, которые душатъ меня за горло. Вы тоже подеушлены для заговора. Вотъ! всѣ доктора на ихъ сторонѣ—какъ по командѣ! Свой къ своему! Позоръ!—Сжавъ кулаки, скрежеща зубами, бѣгалъ онъ, какъ бѣшеный, по комнатѣ. Докторъ увидѣлъ, что слова ничего не помогутъ, и прибѣгнувъ поэтому къ другому средству. Онъ засунулъ руку подъ полу своего широкаго пальто и началъ вкрадчиво:—Пане Дртина, вы въ самомъ дѣлѣ очень больны. А какой здѣсь сквознякъ! Не хотите ли вы эту куртку?...

Онъ не договорилъ. Лукавство было, очевидно, слабою стороною доктора.

Едва панъ Дртина увидѣлъ эту куртку, полезную безумной половинѣ рода человѣческаго, вообще же весьма неудобную,—какъ пришелъ въ ярость, какъ быкъ на аренѣ испанскаго цирка при видѣ краснаго сузна.—Что!—закричалъ онъ съ пѣной у рта:—вы смѣете дѣлать изъ меня сумасшедшаго,—въ моемъ собственномъ домѣ? Тамъ двери... понимаете? Или подождите минутку, я вамъ задамъ такого сквозника, который унесетъ васъ совсѣмъ вмѣстѣ съ вашей куртою!—При этомъ онъ потянулся къ заржавленнымъ пистолетамъ на стѣнѣ. Хотя послѣднія слова пациента перешли въ непонятное шипѣнье, но по его движеніямъ докторъ хорошо понялъ не слишкомъ пріятное значеніе обѣщаннаго сквозника и потому предпочелъ двери.

Какъ разъ въ это мгновеніе онѣ отворились и вошелъ рыжій гигантъ съ лукаво-улыбающимся ртомъ и засученными уже руками. По приказанію доктора, онъ все время стоялъ въ коридорѣ и по крику барина узналъ, что наступила рѣшительная минута.

Однимъ прыжкомъ докторъ очутился за своимъ союзникомъ и въ этой безопасной позиціи мужественно побуждалъ его къ штурму. — Пока онъ не досталъ еще пистолетовъ,—прибавилъ онъ съ стратегическимъ расчетомъ. Однако воинственный дворовый нѣсколько палъ духомъ, очутившись лицомъ къ лицу съ своимъ разгнѣваннымъ баринкомъ. Онъ обернулся наполовину назадъ и

сказалъ шопотомъ:—Но вѣдь вы не причините ему вреда, панъ докторъ? А вдругъ онъ меня прогнать или отдастъ подъ судъ!

— Не тронетъ ни одного волоса! Вѣдь для его же пользы мы это дѣлаемъ. Онъ не можетъ ни прогнать васъ, ни предать суду. Скорѣе наградить васъ потомъ,—приводилъ докторъ одинъ за другимъ свои доводы.

— Ну, панъ докторъ долженъ это лучше знать,—успокоилъ Войтишекъ голосъ своей совѣсти и воинственно двинулся впередъ, причемъ докторъ скромно остался на заднемъ планѣ.

Между тѣмъ Дртина схватилъ пистолеты и обернулся за докторомъ къ дверямъ. Неожиданно увидѣвъ передъ собой Войтишка, онъ на минуту остановился, но потомъ воскликнулъ:

— Пожалуйста, Войтишекъ! выпырни этого человѣка! Выбрось его, сдѣлай мнѣ это удовольствіе,—а то случится несчастіе.

Эта трогательная просьба опять поколебала рѣшимость двоюроднаго. Обернувшись вполонину къ доктору, онъ посматривалъ то на него, то на барина, засучивая при этомъ свои рукава. Очевидно, онъ колебался, на комъ ему показать свое физическое превосходство.

Къ счастью, мучительное положеніе доктора между засученными рукавами и взведенными курками пистолетовъ продолжалось недолго. Освободилъ его самъ панъ Дртина, разсердившись на колеблющагося слугу.—Ну, что же, трусь? Ты его, вѣрно, боишься? Или мнѣ подогнать тебя палкой!—Это новое оскорбленіе склонило рѣшеніе слуги въ противную барину сторону. Въ одно мгновеніе лежали оба пистолета,—которые, вѣсти сказать, не были заряжены,—на полу и панъ Дртина около нихъ. Еще и на полу произошла сильная битва. Пришедшій въ ярость паціентъ всѣми силами защищался отъ благодѣтельной куртки, которую докторъ съ помощію своего союзника силой хотѣлъ надѣть на него. Въ концѣ концовъ ему все-таки надѣли ее. Рвеніе врача до того заглушило въ Горливомъ всякое милосердіе, что онъ собственнымъ своимъ платкомъ крѣпко завязалъ ротъ паціенту, не перестававшему кричать: „разбойники! грабители!“ Потомъ докторъ велѣлъ отнести свою обезоруженную жертву, продолжавшую метаться и дико поводить глазами, на гигантскую постель въ глубинѣ комнаты.

Едва задернули занавѣски постели, какъ двери отворились и вошла худенькая, привлекательная дѣвушка въ траурѣ. Тревозно окинувъ комнату своими прекрасными глазами, подъ которыми на блѣдныхъ щекахъ блестѣли двѣ слезы, она спросила съ безпокойствомъ:—Что здѣсь произошло? гдѣ папаша?

Въ это время она увидѣла доктора, быстро отерла слезы и поправила волосы на вискахъ. Докторъ, сдѣлавъ сначала кучеру знакъ удалиться (что тотъ и исполнилъ съ видомъ преступника, только-что совершившаго злодѣйство), пошелъ на-встрѣчу вошедшей съ гордымъ сознаніемъ исполненной обязанности и съ еще болѣе гордымъ сознаніемъ, что онъ только-что рисковалъ жизнью ради своего призванія. Но она приняла его совсѣмъ не такъ, какъ онъ былъ въ правѣ ожидать отъ дочери своего несчастнаго паціента. Взглядъ ея совсѣмъ не былъ ласковъ.

— Прежде всего позвольте, сударыня, — началъ Горливый, — предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, касающихся прежней судьбы и образа жизни вашего батюшки.

— Это будетъ слишкомъ подробная *species facti*, — отвѣчала она колео.

Докторъ посмотрѣлъ на нее съ нѣмымъ удивленіемъ. Съ перваго взгляда его околдовала ея голубиная красота, эти нѣжные глаза, за лазурью которыхъ онъ предполагалъ серафима, — и вдругъ такое разочарованіе! Онъ увидѣлъ въ ней дѣвушку безъ сердца, могущую свободно шутить, когда ея отца постигло такое ужасное несчастье. А между тѣмъ, на щекахъ ея были слезы.

— Я не зналъ, сударыня, — сказалъ онъ съ рѣзкимъ упрекомъ, — что судьба вашего отца такъ мало васъ интересуеетъ. Или, можетъ быть, вы не имѣете ко мнѣ довѣрія?

— Васъ я совсѣмъ не знаю, докторъ, но вашъ предшественникъ возбудилъ во мнѣ недовѣріе ко всему вашему слову. Какъ же! онъ столько лѣтъ тянулъ это несчастное дѣло, посылалъ отцу длинные счета, и какой же былъ результатъ всего этого!

— Ахъ! у вашего батюшки былъ докторъ раньше меня?

— Да, и онъ долго питалъ къ нему безграничное довѣріе, но, наконецъ, терпѣніе его истощилось. Онъ слышалъ, что у васъ обширная практика (д-ръ Горливый нѣсколько смутился), и послалъ за вами.

— Вы не имѣете права изъ-за одного осуждать цѣлое сословіе. Наше призваніе возвышенное, стремящееся къ счастью человечества... Въ данномъ же случаѣ есть только одно средство: отправьте своего батюшку въ домъ умалишенныхъ.

Дѣвушка отступила на шагъ. Глаза ея засверкали. Блѣдныя щеки загорѣлись яркимъ румянцемъ. О, какъ прекрасна она была въ своемъ благородномъ гнѣвѣ!

— Милостивый государь, — воскликнула она, — я не допущу, чтобы въ моемъ присутствіи такъ говорили о моемъ несчастномъ отцѣ!

— Но, сударыня...

— Никакъ не ожидала отъ васъ такого непочтительнаго поступка. Если вы признаете бесполезность этого процесса, развѣ не слѣдовало бы вамъ, вмѣсто пустыхъ насмѣшекъ, направить свое краснорѣчіе къ тому, чтобы убѣдить отца прекратить его. Я уже давно не смѣю говорить съ нимъ откровенно. Изъ-за этого куска земли, который онъ оспариваетъ у города, онъ потерялъ почти все свое состояніе и почти 10 лѣтъ спокойствія. Онъ жилъ безъ радости, въ постоянномъ лихорадочномъ раздраженіи, былъ въ тягость и себѣ, и всѣмъ окружающимъ; не показывался среди людей; не выѣзжалъ въ городъ, проводилъ время, какъ узникъ, надъ этою картою среди этихъ бумагъ. За все это время онъ не взглянулъ на меня ласково, постоянно преслѣдовалъ меня, и я думаю, что все это до времени свело въ могилу мою бѣдную матушку...

Рыданія не позволили ей продолжать.

Молодому доктору вдругъ все стало ясно. Онъ вдругъ припомнилъ, что всѣ рассказы о бешинскомъ панѣ касались его знаменитаго процесса съ городомъ; вспомнилъ онъ и д-ра Залогу. Онъ понялъ все. Первый его пациентъ лопнулъ, какъ мыльный пузырь.

— Сударыня,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и покраснѣвъ,—произошла ужасная ошибка. Я не докторъ правъ.

— Какъ!—воскликнула она съ удивленіемъ:—вы не адвокатъ... д-ръ Залого?

— Нѣтъ, я докторъ медицины, Станиславъ Горливый. Кучеръ пріѣхалъ за новымъ докторомъ, а я тоже только недавно въ Л.

Послѣ этого объясненія онъ подошелъ къ постели, гдѣ пациентъ, къ удивленію, спокойно лежалъ все время, развязалъ ему платокъ у рта и снялъ злополучную куртку.

— Вы, вѣрно, слышали, панъ Дртина!—сказалъ онъ ему съ отчаяніемъ:—произошла ужасная ошибка.

— Да, благодарю за такую ошибку!—заворчалъ Дртина и, соскочивъ съ постели, началъ быстро ходить по комнатѣ, расправляя освобожденные руки, причемъ брови его сдвинулись очень грозно. Потомъ онъ вдругъ остановился передъ докторомъ и разразился такимъ искреннимъ, неудержимымъ хохотомъ, что увлекъ и д-ра Горливаго, да и личико дочери прояснилось...

Докторъ долженъ былъ остаться въ Бешинѣ ужинать. Когда же въ пріятной теплотѣ комнаты зазвенѣли стаканы пунша, панъ Дртина воскликнулъ съ веселымъ смѣхомъ:

— Ну, за ваше здоровье, докторъ! Вы доказали сегодня свое

искусство! Жаль, что еще много лѣтъ тому назадъ я не послалъ за вами и вашей курткой...

...Поздно вечеромъ сани лѣтели изъ Бешина къ Л. Войтшекъ погрузился надъ своимъ дышломъ въ глубокія мысли, напрасно стараясь понять событія этого дня. Баринъ приказалъ ему никогда не говорить о нихъ; да и безъ того нието бы ему не повѣрилъ, еслибы онъ вздумалъ рассказать этотъ удивительный случай. Д-ръ Горливый выглядывалъ изъ своего тулупа на сверкающій снѣгъ, и вскорѣ всемогущая фантазія создала ему чудный сонъ. Онъ увидѣлъ бѣлый храмъ, освѣщенный множествомъ огней; бубенчики звучали, какъ колокольчики въ костелѣ, а самъ онъ шелъ къ алтарю рядомъ съ стройной, чудной женщиной, бѣлой и тихой, какъ голубка, съ голубыми глазами и русыми волосами.

А кумушки шептали:—Какая парочка! А какая у него обширная практика! — Если не ошибаюсь, этотъ сонъ доктора исполнился. Но это не идетъ къ дѣлу...

А. М. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября, 1886 г.

Положеніе 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ, въ связи съ прежними законопроектами по этому предмету. — Договорные листы. — Срочный и безсрочный наемъ. — Поводы къ прекращенію договора. — Вычеты изъ заработной платы. — Общая оцѣнка новаго закона; отношеніе его къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія.

Законодательная сессія 1885—86 г. завершилась цѣлымъ рядомъ мѣръ первостепенной важности. Самое видное мѣсто между ними занимаетъ Положеніе 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Съ исторіей этого дѣла, продолжительной и сложной, мы познакомили уже отчасти нашихъ читателей въ одномъ изъ прошлогоднихъ нашихъ обозрѣній (1885 г., № 11); мы перечислили разные фазисы работы, начиная съ правилъ 1-го апрѣля 1863 г. до проектовъ двухъ комиссій (графа Игнатъева и графа Валуева) и до основныхъ положеній, выработанныхъ, въ 1876 г., Соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта. Значеніе новаго закона можетъ быть понято вполне только въ связи съ предшествовавшими ему попыткамъ реформы. Въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы постоянно будемъ держаться сравнительной точки зрѣнія, недостаточно еще примѣненной къ изученію закона 12-го іюня.

Начнемъ съ вопроса о рабочей книжкѣ. Мы видѣли уже (въ вышеупомянутомъ обозрѣніи), что рабочая книжка, установленная правилами 1863 г., оставалась мертвой буквой, почти вовсе не встрѣчаясь въ дѣйствительности; мы знаемъ, что относительно обязанности рабочей книжки между комиссіями гр. Игнатъева и гр. Валуева произошло разногласіе, разрѣшенное Соединенными Департаментами въ смыслъ благопріятномъ для рабочихъ; мы знаемъ, наконецъ, что когда регулированіе отношеній между нанимателями и нанимаемыми было вновь поставлено на очередь, усилія дворянскихъ прожекторовъ были направлены опять къ признанію обязанности рабочей (до-

говорной) книжки—обязательности безусловной, гораздо болѣе полной, чѣмъ предположенная Валуевскою комиссіею ¹⁾. Усилія эти оказались тщетными; договорные листы, соответствующіе рабочимъ книжкамъ, вводятся закономъ 12-го іюня лишь факультативно, т.-е. употребленіе или неупотребленіе ихъ предоставляется усмотрѣнію договаривающихся сторонъ. Договорные листы,—сказано въ ст. 70-й,—выдаются желающимъ наниматься по этимъ листамъ—и выдаются безсрочно (ст. 77), между тѣмъ какъ со стороны дворянства рекомендовалось ограничить ихъ дѣйствіе однимъ только годомъ. Особые права, предоставляемыя нанимателямъ при наймѣ по договорному листу, являются, такимъ образомъ, не привилегіей, принадлежащей, въ силу закона, всякому хозяину, а результатомъ соглашенія между нанимателемъ и нанимаемымъ. Само собою разумѣется, что въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ соглашеніе это будетъ, *de facto*, вынужденнымъ, навязаннымъ рабочему вопреки его волѣ; каждый разъ, когда предложеніе работы значительно превыситъ спросъ, люди, крайне нуждающіеся въ работѣ, будутъ искать ея во что бы то ни стало, принимать ее при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ,—въ томъ числѣ и при условіи найма по договорному листу. Въ другихъ случаяхъ, зато, наемъ по договорному листу будетъ, по всей вѣроятности, скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ, и масса сельскихъ рабочихъ останется свободной отъ кабалы, которую хотѣли наложить на нее рыцари сословнаго принципа.

Посмотримъ, однако, какія послѣдствія влечетъ за собою, на основаніи новаго закона, наемъ по договорному листу. Начиная съ правилъ 1863 г., рабочая книжка или договорный листъ всегда идетъ рука объ руку съ расчетнымъ листомъ или расчетною тетрадью, получаемую нанимаемымъ отъ нанимателя; первый изъ этихъ документовъ—перехода отъ рабочаго къ хозяину—обеспечиваетъ интересы хозяина; послѣдній, переходя отъ хозяина къ рабочему,—обеспечиваетъ интересы рабочаго. Такимъ же точно является и отношеніе, устанавливаемое закономъ 12-го іюня между листами договорнымъ и расчетнымъ. И тотъ, и другой должны заключать въ себѣ условія найма; въ расчетный листъ вносятся, затѣмъ, всѣ выдачи рабочему деньгами, вещами или припасами, а также дѣлаемые съ него вычеты и денежные штрафы (ст. 80 и 83). По превращеніи договора, договорный листъ возвращается рабочему, а расчетный листъ, по окончаніи расчета,—нанимателю (ст. 93). Этими правилами обеспечиваются возможно большая ясность и опредѣленность взаимныхъ договорныхъ

¹⁾ Коммиссія графа Валуева признавала возможнымъ допустить наемъ безъ рабочихъ книжекъ для работъ сѣльных, исполняемыхъ и подневныхъ, производимыхъ рабочими изъ смежныхъ или ближайшихъ съ хозяйствомъ нанимателя селеній.

отношеній, одинаково выгодная для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Далеко не столь равномѣрны процессуальныя преимущества, предоставляемыя нанимателямъ и нанимаемымъ при наймѣ по договорному листу (мнѣніе Госуд. Совѣта 12-го іюня, отд. V, ст. 3—6). Обязательное обезпеченіе иска при самомъ его предъявленіи гарантируется только одному нанимателю; въ его пользу установлено и то правило, въ силу котораго неврученіе повѣстки отвѣтчику-работному не служитъ препятствіемъ къ разбору дѣла. Истребованіе отъ нанимателя вида и договорнаго листа, составляющее принадлежность предварительнаго исполненія рѣшенія (если оно постановлено въ пользу рабочаго), не можетъ быть разсматриваемо какъ особое право, дарованное рабочему; оно вытекаетъ само собою изъ самаго свойства договорнаго листа, обладаніе которымъ—разъ что онъ выданъ—является для рабочаго необходимымъ условіемъ полученія новой работы. Существеннымъ облегченіемъ для рабочаго, какъ и для нанимателя, можно признать только освобожденіе истца отъ вторичной явки на судъ, въ случаѣ принесенія отвѣтчикомъ отзыва на заочное рѣшеніе. И здѣсь, однако, необходимо имѣть въ виду, что истцами по дѣламъ, вытекающимъ изъ найма сельскихъ рабочихъ, наниматели будутъ являться гораздо чаще, чѣмъ нанимаемые, и что процессуальныя правила, въ равной степени, повидимому, касающіяся и тѣхъ, и другихъ, на самомъ дѣлѣ несравненно важнѣе для первыхъ, чѣмъ для послѣднихъ. Мы основываемъ это убѣжденіе въ особенности на ст. 56-ой новаго закона, разборъ которой мы представимъ ниже, такъ какъ она относится не къ одному только найму по договорнымъ листамъ.

Съ удобствами и правами, гарантируемыми рабочему при наймѣ по договорному листу, мы уже покончили; объ удобствахъ и правахъ нанимателя, при томъ же видѣ найма, намъ остается еще сказать весьма много. Нанимателю, нанявшему рабочаго по договорному листу, предоставляется, въ случаѣ неявки или самовольнаго ухода рабочаго, заявлять о томъ общей или волостной полиціи въ семидневный срокъ. Получивъ такое заявленіе, полиція разыскиваетъ рабочаго и обязываетъ его явиться къ нанимателю. Если рабочій не подчинится требованію полиціи и не представитъ уважительныхъ къ тому причинъ, то полиція сообщаетъ о томъ мировому судѣ, отъ котораго зависитъ присудить виновнаго къ аресту на время не свыше одного мѣсяца. Наниматель, въ такомъ случаѣ, лишается права на имущественное вознагражденіе за убытки, причиненные ему неявкой или самовольнымъ уходомъ рабочаго. Эти постановленія новаго закона (ст. 99—101, 103) являются какъ бы компромиссомъ между двумя противоположными взглядами, борьбу которыхъ можно прослѣдить въ исто-

ріи изучаемаго нами вопроса. Въ правилахъ 1863 г. вовсе не было рѣчи о водвореніи рабочихъ къ нанимателю; оно является въ первый разъ въ проектѣ Игнатьевской комиссіи (ст. 290), какъ послѣдствіе уголовного наказанія (ареста не свыше трехъ недѣль) за самовольный уходъ. Проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ (1874 г.) допускаетъ его и въ этомъ видѣ, и въ качествѣ самостоятельной мѣры, принимаемой полиціею по просьбѣ нанимателя (ст. 36 и 155). По проекту Валуевской комиссіи наниматель, въ случаѣ самовольнаго ухода рабочаго, можетъ либо прекратить дѣйствіе договора, либо признать его продолжающимся. Въ послѣднемъ случаѣ онъ въ правѣ требовать водворенія рабочаго; въ первомъ случаѣ онъ можетъ просить либо о денежномъ вознагражденіи, либо о привлеченіи рабочаго къ уголовной отвѣтственности—денежному штрафу отъ десяти до ста рублей (ст. 47 — 49, 76, 170). Меньшинство комиссіи высказалось безусловно противъ водворенія рабочаго къ нанимателю. При разсмотрѣніи проекта въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта вопросъ о водвореніи былъ включенъ въ число тѣхъ, по которымъ приглашены были высказаться свѣдущіе люди. Между ними также произошло разногласіе. За водвореніе стоялъ, между прочимъ, тогдашній предсѣдатель петербургской губернской земской управы; противъ водворенія подалъ голосъ предсѣдатель московской управы, объясняя, что принужденіе къ работѣ не соответствуетъ основному понятію о договорѣ и что предупредить самовольный уходъ рабочихъ зависить, въ большинствѣ случаевъ, отъ самихъ хозяевъ, т.-е. отъ большей заботливости ихъ объ интересахъ рабочихъ. Разныя мнѣнія произошли, наконецъ, и въ средѣ Соединенныхъ Департаментовъ, причемъ за водвореніе оказалось большинство голосовъ (17 противъ 7). Итакъ, сравнительно съ прежними проектами законъ 12-го іюня представляетъ одну существенную перемѣну къ лучшему: онъ не допускаетъ вовсе, даже при наймѣ по договорнымъ листамъ, насильственнаго водворенія рабочихъ къ нанимателю—мѣры до крайности ненормальной, состоящей въ близкомъ родствѣ съ худшими сторонами крѣпостного права. Не совсѣмъ понятно для насъ здѣсь только одно: почему законъ остановился на полѣ-дорогѣ — почему, отвергнувъ принудительное водвореніе, онъ оставилъ въ силѣ процедуру полицейскаго розыска и обязыванья рабочаго вернуться къ нанимателю. Какъ предисловіе къ водворенію, процедура эта естественна и неизбѣжна; взятая отдѣльно отъ него, она представляется либо лишеною всякаго значенія, либо идущей въ разрѣзъ съ смысломъ закона. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ обязывать рабочаго къ тому, чего онъ можетъ и не исполнить? Не достаточно ли было бы установить, что рабочій, извѣщенный о требованіи его нанимате-

лемъ на условленную работу и не явившійся для исполненія ея въ опредѣленный срокъ, можетъ быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности? При тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ въ настоящее время между полиціею (и общою, и волостною) и крестьянами и которыя въ ближайшемъ будущемъ могутъ измѣниться развѣ къ худшему, обязыванье весьма легко можетъ обратиться въ принужденіе, и водвореніе, устраненное закономъ, можетъ привиться къ жизни какъ фактъ, помимо и внѣ закона. На самомъ дѣлѣ волостная полиція и волостной судъ — почти одно и то же; можно ли поручиться за то, что для большаго успѣха въ „обязываньи“ первая не прибѣгнетъ къ помощи послѣдняго, и что на сцену не явится *ultima ratio* крестьянской расправы — розга? Законодатель, очевидно, хотѣлъ избѣжать такого результата; законъ 12-го іюня (мнѣніе Госуд. Совѣта, отд. VI) подчиняетъ волостному суду (если этого пожелаетъ наниматель) только гражданскія дѣла, возникающія изъ договора найма ¹⁾, — но практика можетъ разойтись съ закономъ, въ особенности при новомъ, сословномъ, устройствѣ мѣстнаго управленія. Нельзя не пожалѣть поэтому, что законъ 12-го іюня, разрѣшивъ вопросъ о водвореніи рабочихъ согласно съ мнѣніемъ меньшинства 1876 г., не принявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и редакціи, предложенной послѣднимъ. „Въ случаѣ неявки или самовольнаго ухода рабочаго, — такъ гласила эта редакція, — наниматель имѣетъ право прекратить заключенный имъ договоръ, не обращаясь для того къ суду. Сверхъ того ему предоставляется просить судъ или о взысканіи съ рабочаго опредѣленнаго вознагражденія, или о наложеніи на него установленнаго за самовольный уходъ наказанія“. При такомъ изложеніи закона не оставалось бы мѣста для полицейскаго произвола, — а цѣль достигалась бы именно та, которую имѣетъ въ виду положеніе 12-го іюня.

Оставаясь вѣрнымъ юридическому афоризму: *non bis in idem* — или русской народной поговоркѣ: съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ, — новый законъ, какъ мы уже видѣли, предоставляетъ нанимателю альтернативу между уголовнымъ преслѣдованіемъ и гражданскимъ искомъ; совмѣщеніе того и другого не допускается — иными словами, рабочій, привлеченный къ уголовной отвѣтственности за неявку или самовольный уходъ, не можетъ уже подлежать имущественному взысканію въ пользу нанимателя. Это — безспорно хорошая сторона новаго закона, общая ему, впрочемъ, съ проектомъ Валуевской комиссіи. Уступаетъ послѣднему законъ 12-го іюня въ томъ отношеніи, что грозитъ неявившемуся или самовольно ушедшему рабо-

¹⁾ Въ проектъ саратовскаго дворянства не случайно, безъ сомнѣнія, включено было правило, предоставлявшее нанимателю обращаться въ волостной судъ съ жалобой на маловажные проступки рабочихъ.

чему личнымъ наказаніемъ—арестомъ, между тѣмъ какъ въ проектѣ Валуевской комиссіи за тотъ же „проступокъ“ назначался денежный штрафъ. Уже если считать неисполненіе договора—вопреки основнымъ понятіямъ права—уголовнымъ проступкомъ, то единственнымъ видомъ наказанія, сколько-нибудь къ нему подходящимъ, представляется именно денежное взысканіе. Конечно, въ случаѣ несостоятельности и оно можетъ вести за собою потерю свободы,—но при дѣйствіи закона 12-го іюня лишеніе свободы является уже не возможнымъ, а неизбѣжнымъ результатомъ обвинительнаго приговора. Нарушеніе принципа могло бы быть уравновѣшено развѣ однимъ: равною строгостью по отношенію къ обѣимъ договаривающимся сторонамъ. Еслибы наниматель (по договорному листу) обязанъ былъ, подѣ опасеніемъ ареста, принять къ себѣ рабочаго и не удалять его, безъ законныхъ причинъ, до окончанія срока найма, положеніе обѣихъ сторонъ было бы ненормально, но ненормально въ одинаковой степени. Между тѣмъ, по закону 12-го іюня нарушеніе договора найма со стороны нанимателя, даже при существованіи договорнаго листа, не только не грозитъ нанимателю лишеніемъ свободы, но и вовсе не составляетъ уголовного проступка. Съ практической точки зрѣнія односторонняя строгость закона по отношенію къ рабочимъ едва-ли можетъ быть признана цѣлесообразной. Рабочихъ бездомныхъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто, потерявшихъ привычку къ правильному труду, арестъ на одинъ мѣсяцъ не устрашить,—а противъ рабочихъ другого рода большинство нанимателей предпочтетъ дѣйствовать путемъ гражданскаго иска, чтобы вознаградить себя за понесенный убытокъ. Тѣ рабочіе, которыхъ опасеніе ареста—или слишкомъ крутого „обязыванья“—побудитъ возвратиться къ нанимателю, будутъ, большею частью, работать съ отрицательнымъ успѣхомъ, свойственнымъ вынужденному труду.

Если сравнить законъ 12-го іюня съ проектомъ саратовскаго дворянства, то сразу бросается въ глаза отсутствіе въ послѣднемъ всякихъ правилъ о водвореніи рабочихъ и даже объ уголовной ответственности ихъ за самовольный уходъ. Эта кажущаяся несообразность—т.-е. несообразность съ сословной точки зрѣнія, на которой стоитъ дворянскій проектъ—объясняется весьма просто. Краеугольный камень проекта—безусловная обязательность договорной (рабочей) книжки и обусловливаемая ею отвѣтственность послѣдующаго нанимателя передъ предыдущимъ, разъ что рабочій, не исполнившій договорной работы у одного, взять на работу у другого. Увѣренность рабочаго, что его нигдѣ, до окончанія срока или условленной работы, не примутъ, удержать его—такъ рассчитывали составители проекта—на занятomъ однажды мѣстѣ; а если онъ тѣмъ не менѣе

оттуда уйдеть и поступить къ другому нанимателю, то съ послѣд-
 наго всегда можно будетъ взыскать убытки въ такомъ размѣрѣ, чтобы
 другимъ не „повадно“ было погрѣшать противъ святости рабочей
 книжки. Весьма можетъ быть, что эта система оказалась бы недо-
 статочною для огражденія нанимателей въ другихъ мѣстностяхъ,—но
 къ той полосѣ Россіи, которую имѣло въ виду саратовское дворян-
 ство, она была примѣнена, повидимому, довольно мѣтко. Какъ бы
 то ни было, оградивъ себя одною стѣною, саратовское дворянство
 могло и безъ избытка великодушія отказаться отъ сооруженія другой,
 въ видѣ полицейскихъ и уголовныхъ воздѣйствій противъ самоволь-
 наго ухода. Положеніе 12-го іюня не могло послѣдовать этому примѣру,
 потому что отвергло обязательность договорныхъ листовъ или рабо-
 чихъ книжекъ; тѣмъ не менѣе оно не пренебрегло и путемъ, намѣ-
 ченнымъ въ саратовскомъ проектѣ. За наемъ сельскаго рабочаго, за-
 вѣдомо связаннаго, на то же время, срочнымъ договоромъ съ дру-
 гимъ нанимателемъ по договорному листу, новый законъ (мнѣніе
 Госуд. Совѣта отд. III ст. 3, положеніе ст. 98 и 47) назначаетъ арестъ
 не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежное взысканіе не свыше трех-
 сотъ рублей; возбужденіе уголовного преслѣдованія зависитъ отъ
 прежняго нанимателя, которому принадлежитъ, сверхъ того, и право
 взысканія убытковъ съ нанимателя, завѣдомо нарушившаго его инте-
 ресы. Большого практическаго значенія эти правила, по всей вѣро-
 ятности, имѣть не будутъ, потому что при необязательности договор-
 ныхъ листовъ чрезвычайно трудно будетъ доказать завѣдомость
 дѣйствій втораго нанимателя. Еслибы наемъ не могъ происходить
 иначе, какъ по договорному листу, нанимателю легче было бы, каж-
 дый разъ, удостовѣриться въ томъ, что нанимаемый не связанъ ни-
 какимъ предшествующимъ, не исполненнымъ еще обязательствомъ; при
 дѣйствіи закона 12-го іюня такое удостовѣреніе, въ огромномъ боль-
 шинствѣ случаевъ, невозможно, а слѣдовательно невозможна и отвѣт-
 ственность новаго нанимателя передъ прежнимъ. Само собою разу-
 мѣется, что мы не видимъ въ этомъ слабой стороны новаго закона.
 Многочисленныя неудобства обязательнаго договорнаго листа—неудоб-
 ства, тяжесть которыхъ была бы замѣтна не для однихъ только ра-
 бочихъ—не уравнивались бы сравнительною обезпеченностью пер-
 ваго нанимателя. Опасеніе подвергнуться отвѣтственности за наемъ
 рабочаго, связаннаго прежнимъ обязательствомъ, крайне затрудняло
 бы заключеніе договора найма и могло бы имѣть послѣдствіемъ ис-
 кусственное пониженіе наемныхъ цѣнъ. До извѣстной степени это
 опасеніе, со всѣми своими нежелательными результатами, будетъ су-
 ществовать и при дѣйствіи закона 12-го іюня. Всего правильнѣе было
 бы, поэтому, вовсе не устанавливать взаимной отвѣтственности нанима-

телей. Таково было, въ 1876 г., мнѣніе двѣнадцати членовъ Государственнаго Совѣта; противоположное разрѣшеніе вопроса было принято большинствомъ только одного голоса. „Предоставляя свободному усмотрѣнію рабочихъ,—такъ рассуждало тогдашнее меньшинство,—имѣть или не имѣть рабочую книжку, законъ, безъ явнаго противорѣчія съ самимъ собою, не можетъ въ то же время устанавливать отвѣтственности за наемъ кого-либо безъ упомянутой книжки... Подобное правило оказалось бы стѣснительнымъ для хозяевъ въ томъ отношеніи, что они, для огражденія своего, должны были бы при каждомъ наймѣ производить разслѣдованія о томъ, не состоялъ ли нанимающійся у кого-либо въ работѣ, и если состоялъ, то исполнилъ ли всѣ принятыя на себя обязательства. Вообще нельзя не признать, что исключительныя мѣры строгости, не согласованныя съ естественными условіями жизни и притомъ нерѣдко направленныя противъ лицъ, не имѣвшихъ умысла нарушить чье-либо право, не могутъ быть желательны и полезны“. Всѣ эти разсужденія сохраняютъ полную силу и въ настоящее время.

Отъ специальныхъ постановленій, касающихся найма по договорнымъ листамъ, переходимъ къ общей части новаго закона, примѣнимости которой не обусловливается внѣшней формой договора.

Договоры о наймѣ могутъ быть заключаемы на срокъ опредѣленный или неопредѣленный. Въ первомъ случаѣ крайній срокъ найма—пять лѣтъ; но договоръ, заключенный болѣе чѣмъ на одинъ годъ, можетъ быть прекращенъ, по желанію одной изъ сторонъ, по истеченіи перваго и cadaго слѣдующаго года, съ предвареніемъ о томъ другой стороны не менѣе какъ за два мѣсяца до истеченія года. Что касается до договоровъ на срокъ неопредѣленный, то они прекращаются по желанію одной изъ сторонъ, съ предвареніемъ о томъ не менѣе какъ за двѣ недѣли (ст. 22, 23, 64, 65). Эти постановленія новаго закона, вполне практическія и справедливыя, почерпнуты отчасти изъ правилъ 1863 г., отчасти изъ проектовъ, составленныхъ въ семидесятыхъ годахъ. Противъ права каждой договаривающейся стороны на досрочное прекращеніе договора, заключеннаго болѣе чѣмъ на одинъ годъ, были заявлены, въ 1876 г., возраженія, отвергнутыя большинствомъ Соединенныхъ Департаментовъ. Меньшинство находило, что срочность договора и возможность досрочнаго односторонняго отъ него отказа—понятія, противорѣчащія одно другому; большинство отвѣчало на это, что къ договору личнаго найма непримѣнимы, во всей послѣдовательности и полнотѣ, строгія юридическія догмы, и что безповоротное отчужденіе права располагать собою, простираясь на слишкомъ продолжительный срокъ, легко можетъ привести къ эксплуатаціи слабыхъ и бѣдныхъ богатыми и силь-

ными. Вгляды тогдашняго большинства усвоены, къ счастью, и новымъ закономъ ¹⁾. Въ одномъ отношеніи, однако, постановленія о срокѣ, вошедшія въ составъ положенія 12-го іюня, уступаютъ проекту 1876 г. (въ окончательной его редакціи, одобренной Соединенными Департаментами). Заимствовавъ изъ этого проекта правило о прекращеніи безсрочнаго договора предвареніемъ, сдѣланнымъ за двѣ недѣли, новый законъ прибавилъ къ нему слѣдующую оговорку: „если въ самомъ договорѣ не было условлено для предваренія другого срока“. А что, если въ договорѣ назначенъ для предваренія, напримѣръ, полуторагодичный срокъ? Вѣдь такимъ образомъ положеніе рабочаго, нанявшагося по безсрочному договору, окажется худшимъ, чѣмъ положеніе рабочаго, заключившаго договоръ долгосрочный, потому что послѣдній ежегодно можетъ отказаться отъ договора. Если и допустить, что наибольшимъ срокомъ предваренія судебная практика, примѣнительно къ смыслу закона, будетъ признавать одинъ годъ, то несообразность будетъ только уменьшена, но не уничтожена совершенно. Гарантій рабочихъ противъ эксплуатаціи нанимателей можетъ служить, при безсрочномъ наймѣ, только короткий срокъ предваренія... Приведенная нами оговорка идетъ прямо въ разрѣзъ съ другими правилами новаго закона, направленными къ огражденію рабочихъ и составляющими большой шагъ впередъ сравнительно съ прежними проектами. Задолженность рабочаго нанимателю, на основаніи статьи 64-ой Положенія 12-го іюня, не можетъ служить препятствіемъ къ прекращенію договора по желанію рабочаго (эта статья относится собственно къ срочному найму, но мы не видимъ причины, по которой дѣйствіе ея не могло бы быть распространяемо и на наемъ безсрочный). Статья 25-ая воспрещаетъ наниматься, подъ условіемъ заживы сдѣланнаго рабочимъ у нанимателя долга, на срокъ болѣе одного года; статья 24-ая воспрещаетъ заключеніе договоровъ, исполненіе которыхъ должно начаться черезъ годъ или болѣе по совершеніи договора. Оба послѣднія правила значительно уменьшаютъ тяжесть кабалы, принимаемой на себя рабочими подъ гнетомъ крайней нужды; пожалѣть можно только о томъ, что годовой срокъ не сокращенъ, въ обоихъ случаяхъ, по меньшей мѣрѣ на половину. Къ числу самыхъ невыгодныхъ для рабочаго договоровъ принадлежатъ, какъ извѣстно, тѣ, которые заключаются осенью, во время усиленнаго взысканія податей и недоимокъ, на работы слѣдующаго лѣта. Эти договоры не подойдутъ подъ дѣйствіе ст. 24-ой, между тѣмъ

¹⁾ Въ проектъ саратовскаго дворянства, какъ и слѣдовало ожидать, правило о срочномъ прекращеніи срочнаго договора включено не было.

какъ установленіе полугодичнаго срока лишило бы ихъ, въ большинствѣ случаевъ, всякой обязательной силы.

Помимо постановленій о срокѣ найма, прекращеніе договорныхъ отношеній предусмѣрено еще въ цѣломъ рядѣ правилъ, касающихся отчасти нанимателя, отчасти нанимаемаго. Не перечисляя всѣхъ причинъ, дающихъ тому или другому право односторонняго отказа отъ договора, мы остановимся только на тѣхъ пунктахъ, которыми Положеніе 12-го іюня отличается отъ прежнихъ узаконеній и проектовъ. Первое изъ этихъ различій заключается въ томъ, что по правиламъ 1863 г. (ст. 30) прекращеніе договора, на основаніи законныхъ причинъ, могло послѣдовать только по рѣшенію мирового посредника: проекты семидесятыхъ годовъ въ извѣстныхъ случаяхъ удерживали этотъ порядокъ (съ замѣною только посредника—судьею), въ другихъ предоставляли право отказа самому нанимателю или нанимаемому, подѣ опасеніемъ лишь извѣстныхъ невыгодныхъ послѣдствій, если правильность отказа, по жалобѣ противной стороны, не будетъ признана судомъ; въ законѣ 12-го іюня всецѣло принять послѣдній изъ этихъ двухъ путей, т.-е. отказъ отъ исполненія договора всегда предпосылается судебному разбирательству (ст. 58—61). Намъ кажется, что смѣшанная система, которой держались проекты семидесятыхъ годовъ, имѣетъ—именно съ точки зрѣнія интереса рабочихъ—существенное преимущество передъ порядкомъ, абсолютно установленнымъ въ новомъ законѣ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Къ числу законныхъ поводовъ отказа рабочему со стороны нанимателя Положеніе 12-го іюня, какъ и предшествовавшіе ему проекты, относятъ лѣность, нерадѣніе или неоднократную неисправность рабочаго: но проекты допускали отказъ по этому поводу лишь послѣ признанія его уважительнымъ со стороны суда, а законъ 12-го іюня разрѣшаетъ, наоборотъ, отказъ безъ суда, предоставляя разсчитанному рабочему право жалобы, *post facto*, на распоряженіе нанимателя. Въ первомъ случаѣ роль истца принадлежала бы нанимателю—теперь она принадлежитъ рабочему. Очевидно, что эта перемѣна весьма невыгодна для рабочаго; на его долю выпадаютъ всѣ издержки и хлопоты по предъявленію иска, съ обязанностью, притомъ, доказать отрицательный фактъ—отсутствіе лѣности или нерадѣнія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что множество неправильныхъ отказовъ останутся вовсе необжалованными со стороны рабочихъ или необнаруженными судомъ, вслѣдствіе неумѣлости истцовъ. Конечно, право непосредственнаго отказа отъ договора предоставляется новымъ закономъ какъ нанимателю, такъ и рабочему; но для нанимателя предъявить искъ къ отказавшемуся рабочему, въ огромномъ боль-

шнствѣ случаевъ, гораздо легче, чѣмъ для рабочаго—предъявить искъ къ разсчитавшему его нанимателю.

Второе различіе, также говорящее не въ пользу новаго закона, заключается въ слѣдующемъ. Всѣ прежніе проекты признавали законнымъ поводомъ къ досрочному разсчету рабочаго неспособность его, по болѣзни (а работницы—и вслѣдствіе беременности), продолжать работу, для которой онъ нанялся. Положеніе 12-го іюня (ст. 58, пункт. 10) повторяетъ это правило, но безъ оговорки относительно болѣзни или беременности. Въ такой редакціи оно получаетъ совершенно другой смыслъ, крайне неблагопріятный для рабочаго. Прежде наниматель долженъ былъ доказать передъ судомъ неспособность рабочаго къ работѣ, обусловленную такимъ обстоятельствомъ (беременность или болѣзнь), которое легко поддается точной повѣркѣ; теперь онъ можетъ самъ разсчитать рабочаго, если найдетъ его почему бы то ни было малопрігоднымъ къ извѣстной работѣ. Неспособность къ работѣ,—разъ, что она коренится не въ болѣзненномъ состояніи рабочаго,—понятіе въ высшей степени неопредѣленное, относительное, обнимающее собою множество отгѣнковъ, отъ совершеннаго неумѣнья работать до отсутствія нѣкоторыхъ качествъ хорошаго работника. Включить такую неспособность въ число поводовъ къ одностороннему досрочному отказу отъ работы, значить, собственно говоря, довести права нанимателя почти до произвола. Намъ скажутъ, можетъ быть, что гарантіей противъ произвола служить судебное разбирательство, къ которому можетъ прибѣгнуть разсчитанный, за „неспособностью“, рабочій; но помимо упомянутыхъ уже нами затрудненій, съ которыми сопряжено для рабочаго предъявленіе иска, судья чрезвычайно трудно будетъ установить точный критерій „способности“ къ работѣ. Вѣдь не производить же каждый разъ испытаніе силъ и умѣнья рабочаго, не учреждать же при каждомъ судья нѣчто въ родѣ опытной станціи для совершенія разныхъ агрономическихъ работъ. Нѣсколько поправить дѣло могло бы развѣ присоединеніе къ слову: неспособность эпитета: полная или безусловная; тогда, по крайней мѣрѣ, было бы ясно, что законъ не имѣлъ въ виду предоставлять нанимателю право увольненія рабочихъ, недостаточно или не вполне способныхъ къ данной работѣ.

Третье различіе, не менѣе важное, коренится въ условіяхъ, дающихъ рабочему право отказаться отъ исполненія договора. Прежніе проекты относили къ числу этихъ условій выходъ работницы замужъ, а проектъ Соединенныхъ Департаментовъ—и женитьбу работника; въ новомъ законѣ ни о томъ, ни о другомъ не говорится, и холостой рабочій, незамужняя работница, заключающіе долгосрочный договоръ, обрекаютъ себя этимъ самымъ на безбрачіе въ продол-

женіе, по меньшей мѣрѣ, одного года. Проектъ Игнатьевской коммисіи (ст. 190 пункт. 1) считалъ поводомъ къ отказу всякое вообще оскорбленіе, нанесенное рабочему — Положеніе 12-го іюня (ст. 60 пункт. 3) даетъ это значеніе только обидѣ дѣйствіемъ ¹⁾. Отсюда цѣлый рядъ несообразностей. Наниматель, по ст. 29-ой новаго закона, обязанъ обходиться съ рабочими кротко; но если онъ, забывъ всякую кротость, станетъ поносить рабочихъ самыми обидными словами, то они должны выслушивать его спокойно и продолжать работу. Правда, они могутъ пожаловаться на него судѣ, на общемъ основаніи, — но даже въ случаѣ постановленія судьей обвинительнаго приговора они не въ правѣ отойти отъ оскорбившаго ихъ хозяина. Нетрудно себѣ представить, какъ нормальны будутъ отношенія между оскорбленнымъ рабочимъ и оптрафованнымъ за оскорбленіе его хозяиномъ! Логичнѣе было бы, пожалуй, заимствовать изъ проекта Валуевской коммисіи (ст. 59) слѣдующее правило, имѣющее по крайней мѣрѣ достоинство откровенности: за словесное оскорбленіе нанявшагося, если послѣднимъ былъ къ тому поданъ какой-либо поводъ, хозяинъ взысканію не подлежитъ... Прежніе проекты признавали законнымъ поводомъ къ уходу рабочаго отъ хозяина всякія вообще „непредвидѣнныя обстоятельства, вынуждающія рабочаго возвратиться къ своему семейству“; Положеніе 12-го іюня опредѣляетъ эти обстоятельства съ такою точностью, которая устраняетъ, напримѣръ, возможность отлучки рабочаго, если тяжкая болѣзнь его отца или матери, жены или ребенка, не сопряжена съ опасностью для ихъ жизни.

Если отказъ нанимателя или рабочаго отъ дальнѣйшаго исполненія договора будетъ признанъ, впоследствии времени, неправильнымъ (по судебному рѣшенію), то съ виновной стороны присуждается вознагражденіе въ размѣрѣ не свыше трехмѣсячной наемной платы. Номинально послѣдствія нарушенія договора являются, такимъ образомъ, одинаковыми для обѣихъ сторонъ (за исключеніемъ случаевъ найма по договорнымъ листамъ, при которомъ неправильный отказъ рабочаго отъ исполненія договора влечетъ за собою, какъ самовольный уходъ, возможность уголовнаго наказанія); на самомъ дѣлѣ они гораздо тяжелѣе для рабочаго. Одна и та же сумма имѣетъ далеко не равное значеніе для нанимателя-капиталиста и для рабочаго, живущаго трудами рукъ своихъ.

¹⁾ Наравнѣ съ обидой дѣйствіемъ оно ставитъ вообще „насилъственные поступки“, но не упоминаетъ, къ сожалѣнію, о поступкахъ „постыдныхъ“, которые въ прежнихъ проектахъ также признавались законнымъ поводомъ къ оставленію хозяина. Неужели нравы нанимателей, въ продолженіе десяти лѣтъ, исправились до такой степени, что о „постыдныхъ“ съ ихъ стороны поступкахъ не можетъ болѣе быть и рѣчи?

По правиламъ 1863 г. (ст. 16—18) денежные штрафы въ пользу хозяина могли быть налагаемы на рабочихъ только по рѣшенію мирового посредника. Проекты семидесятыхъ годовъ признавали за самимъ нанимателемъ право дѣлать вычеты изъ заработной платы или налагать на рабочихъ денежные штрафы за прогулъ, за порчу работы, за порчу или потерю хозяйскаго имущества. Положеніемъ 12-го іюня (ст. 50) это право формулируется слѣдующимъ образомъ: „нанимателю предоставляется подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за прогулъ ¹⁾, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу“. Нивакіе вычеты по инымъ поводамъ не допускаются; не допускаются также (т.-е. признаются недѣйствительными) и условія, вносящіяся къ установленію непредусмотрѣнныхъ закономъ вычетовъ и взысканій (ст. 28). Введеніе въ текстъ закона подчеркнутыхъ нами словъ составляетъ очевидную переимѣну къ худшему. Понятія о небрежной работѣ, о грубости, о неповиновеніи такъ относительны, такъ эластичны, что не могутъ служить прочной основой для взысканія, производимаго собственною властью хозяина. Не слѣдуетъ забывать, что въ увеличеніи числа и размѣра вычетовъ хозяинъ непосредственно заинтересованъ. Отсюда необходимость ограничить ихъ самыми узкими рамками и считать достаточнымъ къ нимъ поводомъ только такіе факты, которые не подлежатъ никакому сомнѣнію или легко и точно могутъ быть доказаны (напр., прогулъ). Кромѣ того, прогулъ, порча работы, порча или утрата имущества—все это источникъ матеріальной потери для хозяина; вычетъ является здѣсь какъ бы средствомъ ея возмѣщенія, находя именно въ этомъ нѣкоторое для себя оправданіе. Другое дѣло—вычеты за грубость, за неповиновеніе; имъ не соответствуетъ никакого имущественнаго убытка, и они прямо обогащаютъ хозяина. Стоитъ только рабочему три раза въ мѣсяцъ повысить тонъ въ разговорѣ съ хозяиномъ или повернуться къ нему спиною—и наемная плата за мѣсяцъ можетъ уменьшиться на цѣлую пятую часть (размѣръ каждаго вычета, когда онъ производится не за прогулъ, не можетъ превышать двойной подневной платы). Для хозяевъ, мало чувствительныхъ къ брани, выгодно будетъ прямо вызывать рабочихъ на грубость и неповиновеніе. Правда, на неправильныя дѣйствія нанимателя—въ томъ числѣ и на неправильное наложеніе штрафовъ—рабочій можетъ жаловаться суду; но практическое значеніе этого права подрывается двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, многое изъ того, что признается поводомъ къ вычету,

¹⁾ Прогуломъ признается отлучка съ работы, безъ уважительныхъ причинъ, не свыше трехъ дней сряду; болѣе продолжительная отлучка считается уже неявкой или самовольнымъ уходомъ.

составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу новаго закона, уголовный проступокъ, подвергающій рабочаго личной отвѣтственности (аресту на время не свыше одного мѣсяца); сюда относятся грубость противъ нанимателя или членовъ его семейства и открытое, соединенное съ дерзостью, неповиновеніе нанимателю или лицу, которому вѣренъ надзоръ за рабочими и работами (мнѣніе Госуд. Совѣта, отд. III, ст. 4). Нанимателю, въ такихъ случаяхъ, предоставляется на выборъ или просить о привлеченіи рабочаго къ уголовной отвѣтственности, или наложить на него вычетъ (ст. 52). Одного напоминанія рабочему объ этой альтернативѣ достаточно будетъ, весьма часто, для того, чтобы рабочій согласился на вычетъ, хотя бы и считалъ его несправедливымъ. Житейское правило: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись, до сихъ поръ не вполне еще потеряло свою цѣну въ глазахъ нашего народа. Во-вторыхъ, — и это еще важнѣе, — если жалоба рабочаго на нанимателя не будетъ признана уважительною, то употребленное имъ на веденіе судебного дѣла время, въ теченіе котораго онъ не исполнялъ условленныхъ работъ, считается прогуломъ (ст. 56). Примириться съ этимъ постановленіемъ (встрѣчавшимся, впрочемъ, и въ прежнихъ проектахъ) можно было бы развѣ тогда, еслибы оно давало суду право, а не возлагало бы на него обязанность — другими словами, еслибы время, употребленное рабочимъ на веденіе дѣла, могло считаться прогуломъ лишь въ случаѣ признанія судомъ жалобы рабочаго явно неосновательною и недобросовѣстною. При дѣйствіи правила, вошедшаго въ составъ новаго закона, рабочій окажется виновнымъ въ прогулѣ, хотя бы онъ былъ безусловно убѣжденъ въ правильности своего иска, хотя бы основаніемъ въ отказу въ искѣ послужило какое-нибудь формальное упущеніе истца или сомнѣніе судьи въ достаточности представленныхъ истцомъ доказательствъ. Понятно, что перспектива присоединенія къ прежнимъ вычетамъ еще новаго, болѣе крупнаго — за „прогулъ“, вызванный неудачнымъ искомъ, — сильно уменьшить число жалобъ на нанимателей. Затрудняться предъявленіемъ иска будутъ не столько тѣ, которые не увѣрены въ своей правотѣ, сколько тѣ, которые живутъ вдали отъ судьи и должны употребить больше времени на „хождение по дѣлу“ (въ буквальномъ смыслѣ слова) — или тѣ, которымъ по собственному или чужому опыту извѣстна трудность убѣдить судью въ неправомерности дѣйствій нанимателя... Положеніе 12-го іюня (ст. 28) не допускаетъ включенія въ договоръ найма условій, клонящихся къ ограниченію договаривающихся въ пользованіи правомъ судебной защиты. Это правило вполне рationally; тѣмъ болѣе можно пожалѣть о томъ, что оно парализуется, въ значительной степени, абсолютнымъ приравненіемъ безуспѣшнаго судебного ходатайства къ прогулу. По не-

необходимъ ихъ результатамъ, статьи 28-я (пун. а) и 56-я Положенія 12-го іюня находятся въ прямомъ противорѣчій между собою.

Отдача въ наемъ несовершеннолѣтнихъ — родителями или опекунами, замужнихъ женщинъ — мужьями, допускается Положеніемъ 12-го іюня только съ собственнаго согласія отдаваемыхъ (ст. 9). Съ правилами, имѣющими въ виду огражденіе интересовъ рабочихъ по отношенію къ нанимателю, мы уже отчасти знакомы; другія постановленія той же категоріи, заимствованныя, большею частью, изъ прежнихъ проектовъ, обеспечиваютъ своевременное полученіе рабочими слѣдующей имъ платы, какъ во время существованія найма, такъ и послѣ его прекращенія (ст. 45 и 68), своевременное возвращеніе рабочимъ ихъ видовъ, если послѣдніе находились, во время дѣйствія договора, въ рукахъ нанимателя (ст. 67) и вознагражденіе рабочихъ или ихъ семействъ въ случаѣ потери ими, по винѣ нанимателя, здоровья или жизни (ст. 46). Наниматель не имѣетъ права принуждать рабочихъ къ полученію причитающейся имъ платы, вмѣсто денегъ, хлѣбомъ, товарами или иными предметами (ст. 31); за нарушеніе этого запрещенія назначается денежное взысканіе не свыше ста рублей (мнѣніе Госуд. Совѣта отд. III, ст. 2). Большой практической цѣны мы за этимъ правиломъ признать не можемъ. Принудить рабочаго къ полученію, вмѣсто денегъ, хлѣба или иного товара было бы довольно трудно, еслибы такое принужденіе и не было запрещено спеціальнымъ закономъ; оградить свое право рабочіе могли бы простою ссылкой на договоръ, выговаривающій въ ихъ пользу рабочую плату именно въ видѣ денегъ. Гораздо лучше было бы, какъ намъ кажется, совершенно воспретить расплату товарами, подобно тому, какъ воспрещена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, расплата купонами... Если рабочіе наняты съ продовольствіемъ отъ нанимателя, то приготовляемая для нихъ пища или выдаваемые припасы должны быть хорошаго качества и соответствовать, по составу и количеству, пищѣ, употребляемой по мѣстнымъ обычаямъ въ крестьянскихъ семьяхъ средняго достатка (ст. 32). Санкціей этого требованія служить право рабочаго оставить хозяина, если пища неудовлетворительна по количеству или качеству. Весьма прискорбно, что въ новый законъ не включено соответствующаго правила и о помѣщеніи рабочихъ; въ проектѣ 1876 г. (ст. 29) прямо было выражено, что оно должно быть достаточное, сухое и теплое... Наниматель обязанъ оказывать заболѣвшему рабочему возможное, по имѣющимся средствамъ, домашнее пособіе и, въ случаѣ необходимости, содѣйствовать отправленію его на мѣсто жительства или помѣщенію въ больницу (ст. 33). Наниматель не долженъ возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, несвойственныхъ ихъ возрасту и силамъ, и обязанъ не только не препят-

въ прошломъ году, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, больше соотвѣтствовалъ требованіямъ „сословной политики“, что неудовольствіе реакціонеровъ направлено преимущественно противъ измѣненій, внесенныхъ въ него Государственнымъ Совѣтомъ; не даромъ же громы ретроградной прессы, такъ часто раздражавшіеся, въ послѣднее время, надъ нашимъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, усилились именно съ тѣхъ поръ, какъ настала очередь разсмотрѣнія рабочаго вопроса. Какъ бы то ни было, рѣшающимъ аргументомъ въ пользу Положенія 12-го іюня разочарованная мина реакціонной прессы, въ нашихъ глазахъ, не служить; если законъ и могъ бы быть гораздо хуже, то это еще не значитъ, что онъ положительно хорошъ. Исходя изъ этого убѣжденія, мы не раздѣляемъ оптимизма, выразившагося въ нѣкоторыхъ отзывахъ либеральной печати. Мы думаемъ, что равновѣсіе между интересами, охрана которыхъ составляла задачу законодателя, нарушено весьма существенно, и нарушено именно во вредъ нанимаемымъ. Доказательства этому разсѣяны во всемъ сказанномъ нами до сихъ поръ; подчеркнемъ еще разъ главнѣйшія основанія нашей мысли.

Всѣ постановленія уголовного характера, вводимыя вновь Положеніемъ 12 іюня, угрожаютъ рабочему личной отвѣтственностью — арестомъ; нанимателю, за единственный, предусмотрѣнный закономъ, проступокъ по отношенію къ рабочимъ (принудительную расплату товарами, хлѣбомъ и т. п.), грозитъ только денежный штрафъ. Болѣе строгому наказанію наниматель подвергается лишь тогда, когда онъ нарушаетъ интересы другого нанимателя. Что такое распредѣленіе отвѣтственности вовсе не было неизбѣжно, объ этомъ свидѣлствуютъ прежніе проекты, напримѣръ — проектъ Валуевской комиссіи (ст. 156, 166, 167, 168, 169, 170), допускавшій денежный штрафъ — для рабочихъ (за тѣ же проступки, которые теперь безусловно наказываются арестомъ) и арестъ — для хозяевъ (за проступки, новымъ закономъ вовсе не предусмотрѣнные).

Наемъ по договорнымъ листамъ устанавливаетъ въ пользу хозяевъ цѣлый рядъ процессуальныхъ и другихъ привилегій, не имѣющихъ эквивалента по отношенію къ рабочимъ.

Досрочное одностороннее прекращеніе дѣйствія договора для хозяина чрезмѣрно облегчено, для рабочаго — чрезмѣрно затруднено; гарантія противъ неправильнаго отказа отъ исполненія договора для рабочаго и юридически, и фактически гораздо слабѣе, чѣмъ для хозяина.

Право хозяина производить, собственною властью, вычеты изъ заработной платы дѣлаетъ его судьей въ собственномъ дѣлѣ — судьей,

для котораго выгодна строгость. Поводовъ къ вычетамъ слишкомъ много и точная ихъ повѣрка до крайности затруднительна.

Уравненіе безуспѣшнаго „хожденія по дѣлу“ съ прогукомъ составляетъ существенное ограниченіе права судебной защиты, иногда равносильное совершенной его потерѣ.

Больше чѣмъ когда-либо, впрочемъ, значеніе новаго закона зависитъ, въ данномъ случаѣ, отъ его примѣненія на практикѣ. Это какъ нельзя лучше понимаетъ реакціонная пресса, одинъ изъ органовъ которой предлагалъ даже, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, приостановиться утвержденіемъ или обнародованіемъ Положенія о наймѣ сельскихъ рабочихъ, впрямь до преобразованія мѣстнаго управленія, т.-е. до организаціи на мѣстахъ такой власти, которая захотѣла и сумѣла бы стать на стражу землевладѣльческихъ интересовъ. Та же самая мысль выражена была недавно въ совѣщаніяхъ комиссіи, учрежденной тамбовскимъ дворянствомъ для обсужденія способовъ „улучшенія положенія дворянъ-землевладѣльцевъ“. „Какъ бы ни были хороши,—читаемъ мы въ мнѣніи одного изъ членовъ этой комиссіи, г. Жихарева,—законоположенія, предусматривающія и разрѣшающія всевозможные случаи столкновенія между нанимателями и нанимающимися, но всѣ они остаются мертвою буквою, доколѣ и прежде всего не будетъ установлена власть, снабженная достаточною силою, чтобы эти законоположенія примѣнять и немедленно приводить въ исполненіе... Не о введеніи въ законоположенія того или другого новаго параграфа слѣдуетъ ходатайствовать, а о скорѣйшемъ установленіи, по дѣламъ сельскаго управленія, сильной, т.-е. непременно единоличной власти. Чѣмъ ближе эта власть будетъ подходить къ типу бывшаго мирового посредника, тѣмъ лучше. Институтъ мировыхъ посредниковъ въ очень короткое время снискалъ себѣ довѣріе и любовь всего сельскаго населенія—качества, которымъ онъ, въ эпоху начавшихся съ семидесятыхъ годовъ квазі-либеральныхъ вѣяній, и обязанъ былъ, быть можетъ, своимъ, столь преждевременнымъ и столь вредно отзывавшимся на общемъ благосостояніи, упраздненіемъ“. Бѣдный институтъ мировыхъ посредниковъ! Быстро достигшій большой высоты, но еще быстрѣе съ нея упавшій, преждевременно состарѣвшійся и запыленнѣвшій, онъ не находитъ покоя даже и въ могилѣ. Къ его исторіи, мсланной или забытой, прицѣпляются, какъ къ вѣшалкѣ, разные тенденціозные вымыслы; вокругъ него вырастаетъ и располагается цѣлый циклъ ретроградныхъ мисовъ. Любопытно было бы знать, когда именно мировые посредники пользовались любовью и довѣріемъ всего сельскаго населенія (т.-е. какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ)? Тогда ли, когда они служили мишенью яростныхъ на-

паденій со стороны землевладѣльцевъ, не умѣвшихъ или не хотѣвшихъ разстаться съ преданіями и привычками вѣрности? Тогда ли, когда сходилъ со сцены, противъ воли и именно по обвиненію въ пристрастіи къ крестьянамъ, такъ-называемый первый призывъ посредниковъ—единственный, имѣющій право на благодарное воспоминаніе потомства? Тогда ли, когда въ немногихъ оставшихся на лицо представителей учрежденія едва тѣлилась искра жизни, когда „институтъ“ являлся какъ бы за-живо похороненнымъ? Мировые посредники еще не совсѣмъ отошли въ прошлое; есть мѣстности, обладающія ими и понынѣ; что же: счастливыѣ онѣ остальныхъ, больше въ нихъ порядка и „благосостоянія“?.. Верхъ безцеремонности—это попытка связать упраздненіе мировыхъ посредниковъ съ „quasi-либеральными вѣяніями семидесятыхъ годовъ“. Законъ 28-го іюня 1874 г., составленный и проведенный генераломъ Тимашевымъ,—это ли порожденіе „либерализма“?! Преобладающая роль исправника, какъ начальника надъ крестьянскими властями, предсѣдательство уѣзднаго предводителя дворянства въ уѣздномъ крестьянскомъ присутствіи, обязательный выборъ непремѣннаго члена изъ среды дворянъ—это ли продуктъ „либеральныхъ“ или „quasi-либеральныхъ вѣяній“?! Сквозъ какое увеличительное стекло членъ тамбовской дворянской комиссіи усмотрѣлъ, вообще, присутствіе подобныхъ вѣяній въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ? Если мы не ошибаемся, г. Жихаревъ стоялъ въ это время довольно близко къ официальнымъ политическимъ сферамъ—и лучше, чѣмъ многіе другіе, долженъ знать, до какой степени онѣ были чужды всякихъ либеральныхъ поползновеній.

Экскурсія въ область исторіи понадобилась намъ для того, чтобы устранить мнимыя причины ретроспективныхъ восторговъ, предметомъ которыхъ служить, съ нѣкоторыхъ поръ, институтъ мировыхъ посредниковъ. Настоящая причина этихъ восторговъ коренится въ сословномъ характерѣ учрежденія, т.-е. въ той его чертѣ, вопреки которой оно сослужило, въ свое время, добрую и славную службу. Мировые посредники перваго призыва честно исполнили свою задачу не потому, что они принадлежали къ извѣстному сословію, а потому, что ихъ высоко подняла волна великаго дѣла. Какъ только начался общій отливъ, понизился и уровень специально-крестьянскихъ учреждений. Теперь обстоятельства совершенно иные, чѣмъ въ 1861 г.; они благопріятствуютъ не возвышенію надъ сословными перегородками, а скорѣе замыканію въ ихъ узкія и душныя рамки. Чѣмъ упорнѣе и чаще повторяется плачъ по сильной мѣстной власти, организованной на сословномъ началѣ, чѣмъ тѣснѣе этотъ плачъ связывается съ экономическими интересами дворянъ—

землевладѣльцевъ, тѣмъ очевиднѣе становится необходимость разрѣшенія вопроса въ смыслѣ прямо противоположномъ. Пускай мѣстная власть будетъ сильна, лишь бы только она была чужда сословнаго характера, свободна отъ предубѣжденій и предрасположеній въ пользу меньшинства, безъ того уже имѣющаго на своей сторонѣ множество фактическихъ и юридическихъ преимуществъ. Пока мировые судьи избираются представителями всѣхъ сословій изъ среды всѣхъ сословій, пока они облечены только судебною властью, пока они не состоятъ ни начальниками полиціи, ни распорядителями крестьянскаго управленія, до тѣхъ поръ справедливое отношеніе къ хозяевамъ и рабочимъ возможно, до извѣстной степени, даже на почвѣ Положенія 12-го іюня. Совсѣмъ другое дѣло, если въ лицѣ мирового судьи, избраннаго изъ среды дворянъ, собраніемъ съ преобладающимъ дворянскимъ элементомъ, будутъ соединены функціи судебныя и административныя, включая и высшій надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ. Принудительное водвореніе станетъ тогда обычнымъ послѣдствіемъ самовольнаго ухода, — а самовольнымъ будетъ считаться чуть не всякій уходъ безъ разрѣшенія хозяина. Односторонній отказъ отъ исполненія договора сдѣлается для рабочаго почти невозможнымъ, для нанимателя — до крайности легкимъ. Вычетами и штрафамъ не будетъ ни конца, ни границы. Ответственность хозяевъ, гражданская и уголовная, обратится въ мертвую букву; ответственность рабочихъ дойдетъ до такой степени, при которой правильнѣе будетъ назвать ее прямой зависимостью отъ нанимателя. Юридическая факультативность договорныхъ листовъ окажется вполне совмѣстной съ фактической ихъ обязательностью... Существенно важнымъ вопросъ объ административной реформѣ былъ всегда — но съ изданіемъ закона 12-го іюня важность его увеличилась болѣе чѣмъ вдвое.

Ошибочно было бы думать, что подневольная работа, обставленная наказаніями, штрафами, вычетами и всякими другими тяготившими условіями, принесетъ, въ концѣ концовъ, много пользы тѣмъ, кто заботится объ ея установленіи. Пренія ученыхъ обществъ ¹⁾, отзывы экспертовъ 1876 г., мнѣнія такихъ людей, какъ покойный К. Д. Кавелинъ — все свидѣтельствуетъ о томъ, что ненормальность въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими не была явленіемъ общимъ и повсемѣстнымъ, что она обусловливалась преимущественно неправильными дѣйствіями самихъ хозяевъ. Послѣдствіе устраняется только съ устраненіемъ причины; пока землевладѣльцы, вмѣсто того, чтобы устроить надлежащимъ образомъ бытъ своихъ рабочихъ и

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 1. „Вѣсти. Евр.“ за 1884 г., стр. 389.

удовлетворить всѣ законныя ихъ требованія, будутъ рассчитывать на помощь властной, дружеской руки, источникъ жалобъ не иссякнетъ вполнѣ, и наемный трудъ не сдѣлается производительнымъ. Сама жизнь стала выдвигать, въ послѣднее время, новыя, болѣе разумныя, основанія взаимной связи между хозяевами и рабочими. Вотъ что мы читаемъ, наприимѣръ, въ офиціальномъ изданіи департамента земледѣлія и сельской промышленности („1885-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, выпускъ третій, часть первая, стр. 354): „одинъ изъ корреспондентовъ (землевладѣльцевъ) бузулуцкаго уѣзда нашелъ для себя болѣе выгоднымъ обязываться при заключеніи условія выдавать крестьянамъ, если только они выйдутъ на работы своевременно и произведутъ ихъ удовлетворительно, добавочную плату: за пашню—по 1 р. съ десятины, а за жнитво—столько, чтобы вмѣстѣ съ задаткомъ плата равнялась средней цѣнѣ, какая будетъ во время уборки: напр., если зимою жнитво было сдано за 3 руб. съ десятины, а средняя цѣна жнитва будетъ гѣ-томъ 8 руб., то доплачивается 5 рублей. Вслѣдствіе этого работы исполняются своевременнѣе и тщательнѣе и въ общемъ обходятся лишь немногимъ дороже, чѣмъ тѣмъ владѣльцамъ, которые этой приплаты не дѣлаютъ, такъ какъ у нихъ значительная часть рабочихъ вовсе не является на работы. Подобнаго способа вознагражденія начали придерживаться и нѣкоторые крупные посѣвщики въ уѣздахъ бузулуцкомъ, новоузенскомъ и николаевскомъ“. Остается только желать, чтобы начавшееся въ этомъ смыслѣ движеніе жизни не было остановлено Положеніемъ 12-го іюня—и въ особенности порядкомъ примѣненія его на практикѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1886 г.

Политическія тревоги въ Европѣ.—Свиданія и переговоры въ Гагштейнѣ и Франкенсбадѣ.—Ошибки печати и ихъ причины.—Отношеніе газетъ къ болгарскимъ дѣламъ.—Событія въ Болгаріи и ихъ возможная развязка.—Официальныя телеграммы.

Лѣтнее политическое затишье имѣло въ настоящемъ году какой-то безповойный выжидательный характеръ. Переимѣна министерства въ Англіи породила толки о новой группировкѣ державъ; въ печати высказывалось предположеніе, что торійскій кабинетъ присоединится къ австро-германскому союзу съ цѣлью изолировать Россію къ Европѣ. Русскія газеты, почерпнувшія свои свѣденія, по необходимости, изъ иностранныхъ источниковъ, стали горячо нападать на Германію, обвиняя ее въ непріязненныхъ замыслахъ. Сдѣлано было даже замѣчательное открытіе, что нѣсколько прусскихъ офицеровъ изучаютъ русскій языкъ въ окрестностяхъ Москвы и дѣлаютъ рекогносцировки около нашихъ монастырей, принимая ихъ вѣроятно за крѣпости. Хотя никому не возбраняется путешествовать по Россіи и знакомиться съ нашимъ языкомъ, но на этотъ разъ присутствіе нѣмецкихъ поручиковъ въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы сильно напугало умы нѣкоторыхъ прозорливыхъ корреспондентовъ и возбудило значительныя сомнѣнія въ прочности европейскаго мира. Правда, провинпательные корреспонденты могли бы пойти еще дальше на пути открытій; они легко убѣдились бы, что не только поручики, но и генералы нѣмецкіе бывають нерѣдко въ Россіи, и что въ самой столицѣ нашей имперіи находится постоянный представитель прусскаго генеральнаго штаба, въ лицѣ военнаго уполномоченнаго Германіи, имѣющаго своихъ адъютантовъ и сотрудниковъ, — точно такъ же, какъ и русская армія имѣетъ своихъ официальныхъ представителей въ Берлинѣ. Но газетная полемика не останавливалась на подобныхъ возраженіяхъ и оживлялась все болѣе въ духѣ воинственно-пугливомъ. Общественное мнѣніе было какъ бы окутано туманомъ, въ которомъ нельзя было разобрать ничего положительнаго. Свиданіе двухъ императоровъ въ Гагштейнѣ, въ сопровожденіи ихъ руководящихъ министровъ, еще болѣе увеличивало неизвѣстность и давало поводъ къ самымъ противорѣчивымъ догадкамъ. Наконецъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (отъ 10-го августа) появилось краткое сообщеніе, въ которомъ категорически опровергнуты „совершенно произволь-

ные и невѣрные взгляды на отношенія, существующія между императорскимъ правительствомъ и другими державами“. Эти отношенія,— по словамъ „Правительственного Вѣстника“,— „не подверглись никакимъ перемѣнамъ, и не имѣется въ виду никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить поводомъ къ опасенію, что они могутъ нарушиться и побудить императорское правительство измѣнить свою политику“. По случайному совпаденію, въ тотъ самый день, какъ обнародовано было это сообщеніе, въ Болгаріи произошли неожиданныя событія, которыя въ другое время возбудили бы серьезную тревогу въ Европѣ, а теперь встрѣчены были съ удивительнымъ спокойствіемъ. Періодъ общей неизвѣстности и опасеній закончился свиданіемъ князя Бисмарка съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Франкенсбадѣ. Значеніе русской дружбы для Германіи было наглядно освѣщено тѣмъ фактомъ, что на этотъ разъ не русскій министръ ѣздилъ къ нѣмецкому канцлеру, а, наоборотъ, послѣдній принималъ спеціальную поѣздку для свиданія и переговоровъ съ русскимъ министромъ. Въ области общей европейской политики все прошло, такимъ образомъ, благополучно; съ тѣмъ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдила публика за странными извѣстіями изъ Болгаріи.

Нужно признаться, что наша печать очутилась въ положеніи крайне затруднительномъ и фальшивомъ, во время послѣднихъ событій. Русскія газеты не имѣютъ въ своемъ распоряженіи другихъ политическихъ свѣдѣній, кромѣ иностранныхъ; имъ приходилось довольствоваться тѣми указаніями, которыя давала заграничная печать, относительно переговоровъ въ Гаштейнѣ и взаимныхъ отношеній между державами. А такъ какъ эти заграничныя толкованія не всегда могутъ быть принимаемы на вѣру, то наши газеты вынуждены были высказываться на-угадъ и, по необходимости, впадали въ крупныя ошибки, которыя, въ свою очередь, вызывали неудобные для насъ комментаріи на Западѣ. Но никогда еще это ненормальное положеніе печати не бросалось такъ рѣзко въ глаза, какъ во время переворотовъ въ Болгаріи. Объ этихъ близкихъ для насъ событіяхъ мы узнавали исключительно по краткимъ и сбивчивымъ извѣстіямъ нѣмецкаго агентства Вольфа, телеграммы котораго передаются въ наши газеты существующимъ у насъ „сѣвернымъ телеграфнымъ агентствомъ“, не имѣющимъ повидимому никакого самостоятельнаго значенія. Не поразительный ли это фактъ, что наиболѣе важныя и подробныя свѣдѣнія о болгарскихъ дѣлахъ получаютъ нашей печатью изъ Вѣны и Берлина, черезъ австрійскія и германскія газеты? Удивительнѣе всего то обстоятельство, что этотъ окольный способъ сообщеній кажется нашей печати какъ будто нормальнымъ; никому

неприходить въ голову спросить себя: совмѣстимо ли это съ серьезною заботою о включеніи Болгаріи въ кругъ русскихъ интересовъ и русскаго вліянія? Князь Александръ былъ арестованъ въ субботу, 9-го августа; въ Парижѣ было извѣстно уже съ понедѣльника, 11-го числа, по депешамъ агентства Гаваса, что переворотъ совершенъ въ Софіи оппозиціонною партіею Цанкова, безъ всякаго участія Каравелова, а у насъ еще во вторникъ, 12-го числа, оставалось неяснымъ: гдѣ произошло возстаніе противъ князя—въ Виддинѣ или въ Софіи; участвовали ли въ этомъ Каравеловъ съ товарищами, или нѣтъ. До насъ доходили лишь отрывки заграничныхъ телеграммъ въ невозможномъ русскомъ переводѣ, и часто въ нихъ нельзя было доискаться подлиннаго смысла. Мы невольно терлись въ догадкахъ, читая сбивчивые бюллетени о томъ, что „князь Александръ низложенъ его правительствомъ“, что онъ „арестованъ въ своемъ дворцѣ“, что онъ „арестованъ во время смотра войскъ въ Виддинѣ“ и что „въ отсутствіе князя Каравеловъ и Цанковъ учредили временное правительство“. Теперь оказывается, что даже французскія газеты располагали болѣе точными извѣстіями, чѣмъ наша печать. Когда трехдневному господству Цанкова положенъ былъ конецъ контръ-революціею 12-го августа, то опять-таки невозможно было понять, какъ относится новое правительство къ князю Александру и къ его совершившемуся удаленію,—ибо въ телеграммахъ „сѣвернаго агентства“ сообщалось, что „начальнику яхты, на которой находился князь Александръ, было предписано оставить князя во всякомъ случаѣ въ Рени“, тогда какъ въ заграничныхъ газетахъ значилось какъ разъ наоборотъ, что начальнику яхты приказано было доставить князя обратно, но что это распоряженіе не было или не могло уже быть исполнено. У насъ только 19-го числа появились депеши, изъ которыхъ можно было заключить объ образованіи двухъ болгарскихъ правительствъ—Самбулова и Каравелова, а въ заграничныхъ газетахъ тотчасъ послѣ переворота печатались извѣстія о самостоятельныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя народнаго собранія Самбулова въ Тѣрновѣ. Наконецъ, достаточно указать на слѣдующее: телеграмма о низверженіи революціоннаго правительства и объ арестѣ митрополита Климента, майора Груева и Цанкова появилась въ бѣнской „Neue Freie Presse“ въ среду, 13-го числа (25 по нов. ст.), а русскіе читатели узнали объ этомъ важномъ событіи только въ пятницу, 15-го августа, такъ что лишніе два дня мы находились въ заблужденіи насчетъ владычества партіи Цанкова, и газеты напрасно тратили свое краснорѣчіе на обсужденіе обстоятельствъ, которыхъ уже не существовало въ дѣйствительности. Не характерна ли эта общая отсталость наша въ дѣлахъ, столь близко касающихся Россіи?

Почему происходящее въ Болгаріи должно быть лучше, раньше и полнѣе извѣстно въ Австро-Венгріи, чѣмъ у насъ? Почему русское общество должно пробавляться запоздалыми и отрывочными извлеченіями изъ иностранныхъ депешъ, даже по такимъ важнымъ для насъ вопросамъ, какъ болгарскій? На эти естественные вопросы нѣтъ отвѣта. А между тѣмъ несомнѣнно, что русскіе представители въ Болгаріи имѣютъ возможность вѣрнѣе судить о положеніи дѣлъ и точнѣе знать подробности событій, нежели австрійцы или англичане. Не мѣшало бы по крайней мѣрѣ эти официальные фактическія свѣденія, получаемыя въ Петербургѣ, помѣщать своевременно въ газетахъ, хотя бы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Это было бы полезно не только для русской публики, но и особенно для русской политики, которой много вредитъ отсутствіе точныхъ сообщеній по иностраннымъ дѣламъ въ русской ежедневной печати. Политическія разсужденія нашихъ газетъ, основанныя на скудныхъ и невѣрныхъ данныхъ, не могутъ, конечно, содѣйствовать правильному пониманію вѣнскихъ интересовъ и цѣлей Россіи въ западной Европѣ; а никто не станетъ отрицать, что общественное мнѣніе играетъ очень большую роль въ международныхъ вопросахъ, не только за границею, но и у насъ.

Свиданіе двухъ императоровъ въ Гаштейнѣ состоялось 27-го іюля (8-го авг.) при особенно торжественной обстановкѣ, но съ однимъ весьма существеннымъ отступленіемъ отъ обычнаго порядка. Ототупленіе это не имѣло, конечно, того смысла, какой находили въ немъ нѣкоторые догадливые корреспонденты; оно свидѣтельствовало только объ установившемся интимномъ характерѣ личныхъ отношеній между правителями двухъ имперій. Прибывъ въ Гаштейнъ, императоръ Францъ-Іосифъ отправился немедленно къ императору Вильгельму; вечеромъ свиданіе повторилось, а на слѣдующій день предполагался отвѣтный визитъ германскаго императора. Но этотъ визитъ не состоялся, такъ какъ ранѣе назначеннаго часа имп. Францъ-Іосифъ явился самъ къ своему высокому другу, чтобы избавить его—какъ объясняли вѣнскія газеты—отъ утомленія и отъ стѣсненій этикета. Пессимисты указывали на то, что отель, гдѣ остановился австрійскій монархъ, находится въ весьма близкомъ разстояніи отъ мѣстопробыванія императора Вильгельма и что послѣдній дѣлалъ вообще значительныя прогулки въ окрестностяхъ замка. Князь Бисмаркъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ орудіемъ необычайнымъ вниманіемъ; императоръ Францъ-Іосифъ пробылъ у него болѣе часа. На обѣдѣ у императора Вильгельма, 9-го августа, оба монарха „чокнулись молчаливо“, безъ всякихъ тостовъ, и это обстоятельство также не было

упущено изъ виду печатью. На слѣдующій день, 10-го числа, императоръ Германіи уѣхалъ, не побывавъ въ отелѣ своего могущественнаго союзника; проводы были самые сердечные и краснорѣчивые. Недоумѣнія и догадки по поводу указаннаго факта были, разумѣется, совершенно безцѣльны; дѣло объясняется просто тѣмъ, что соблюденіе этикета не представляется необходимымъ при извѣстной близости отношеній, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ императоръ Вильгельмъ находился какъ бы въ гостяхъ у императора Франца-Иосифа, въ австрійскихъ владѣніяхъ. Происходившія при этомъ совѣщанія между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Кальновъ касались политическихъ вопросовъ, затрогивавшихъ интересы союзныхъ имперій. По общему мнѣнію слѣдующихъ нѣмецкихъ газетъ, дѣло шло о томъ, чтобы подготовить болѣе тѣсное сближеніе съ Россією и избѣгнуть разногласій съ нею относительно балканскихъ событій. Даже враждебные намъ вѣнскіе органы, какъ „Neue Freie Presse“, признавали, что сближеніе это весьма важно для Германіи и что оно составляетъ, повидимому, главный предметъ переговоровъ въ Гаштейнѣ; а въ то же время русскія газеты высказывали почему-то увѣренность, что укрѣпленіе двойственнаго союза направлено будто-бы противъ Россіи и что противъ насъ замышляется что-то недоброе. Сообщенія австрійской оффиціозной прессы подтверждены были позднѣе францускимъ свиданіемъ, 15 (27-го) августа, такъ что наши газеты напрасно тратили порохъ по адресу берлинскаго кабинета. Повидимому, однимъ изъ условій соглашенія было прямое признаніе права Россіи на первенствующую роль въ устройствѣ болгарскихъ дѣлъ. Совершенно былъ какъ будто раздѣлъ политическаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ между Австрією и Россією; послѣдней предоставлено заботиться о Болгаріи и вообще о восточной части полуострова, тогда какъ западная часть подчиняется австрійскимъ интересамъ. Это соглашеніе выразилось какъ нельзя яснѣе въ тонѣ германской печати при первомъ извѣстіи о неожиданномъ переворотѣ въ Болгаріи.

Въ Вѣнѣ, какъ и въ Берлинѣ, вѣдомствѣ князя Александра принято было съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Казалось, что исчезъ источникъ пререканій и раздоровъ, которымъ пользовалась Англія для противоудѣльствія Россіи на Востока. Ни Германія, ни Австрія не было желательно ссориться съ могущественною восточною имперією изъ-за болгарскихъ дѣлъ и тѣмъ болѣе изъ-за личности принца Баттенберга. Всякій понималъ, что нельзя связывать серьезные политическіе расчеты съ вопросомъ о томъ, кто будетъ занимать княжескій престолъ въ Софіи. Какъ-бы успѣшно ни дѣйствовалъ князь Александръ въ неблагопріятномъ для насъ направленіи, онъ не могъ бы ослабить естественное тяготѣніе болгарскаго народа въ Россію и

не уменьшилъ бы политическаго вліянія ея на Востокъ. Неудовольствіе петербургскаго кабинета противъ князя Александра и его покровителей отражалось замѣтно на взаимныхъ отношеніяхъ между великими державами, а прочность этихъ отношеній одинаково озабочиваетъ Германію и Австрію. Что касается Англіи, то она не можетъ вступать въ тѣсныя континентальныя союзы не только по недостатку военныхъ силъ, но и въ силу особенностей своего политическаго устройства, не позволяющихъ связывать будущее страны политикою того или другаго парламентскаго кабинета. Это исключительное положеніе Англіи, которое часто забывается на континентѣ, объяснено было, между прочимъ, въ интересной статьѣ „Times'a“ (отъ 27-го іюля).

Софійскій переворотъ 9-го августа, совершившійся при участіи такъ называемой „русской партіи“ Цанкова, истолковывался на Западѣ какъ дѣло Россіи—результатъ ея „интригъ“ и „рублей“. Такое толкованіе читалось между строкъ даже тамъ, гдѣ оно облекалось въ дипломатическія формы,—хотя оно очевидно не могло раздѣляться людьми, причастными къ политикѣ. Что образъ дѣйствій князя Александра не пользовался сочувствіемъ и одобреніемъ Россіи—это ни для кого не было тайною. Но отъ неодобренія еще очень далеко до крутыхъ закулисныхъ мѣръ. Великимъ современнымъ государствамъ несвойственно вообще прибѣгать къ мелкимъ способамъ и приемамъ борьбы. Предполагалось, что въ Гапштейнѣ рѣшено было пожертвовать княземъ Александромъ и что событіе 9-го августа было послѣдствіемъ этого рѣшенія. Многимъ кажется, что всякій крупный фактъ въ Европѣ долженъ непременно имѣть свои корни въ кабинетѣ князя Бисмарка или въ совѣтахъ европейской дипломатіи.

Положеніе князя Александра было давно уже весьма шаткое въ Болгаріи. Послѣ успѣховъ надъ Сербіею настала пора разочарованій и затрудненій. Фактически народное желаніе было исполнено, и присоединеніе Восточной Румелии считалось состоявшимся, какъ о томъ заявлено было въ официальной рѣчи князя Александра при открытіи народнаго собранія. Однако, протесты Порты и требованія великихъ державъ возвращали вопросъ на его настоящее мѣсто: болгарскій князь былъ только временнымъ правителемъ Румелии, и организація этой провинціи могла быть преобразована лишь по соглашенію съ Турціею и съ согласія Европы. Принцъ Баттенбергъ не имѣлъ возможности противиться турецкому правительству, поддерживаемому въ этомъ случаѣ весьма внушительными вліяніями; надежды на Англію рушились, такъ какъ англійскіе политическіе дѣятели были поглощены внутренними дѣлами, ирландскимъ биллемъ и избирательнымъ движеніемъ. Нѣмецкія и австрійскія симпатіи къ князю Александру имѣли нѣкоторое значеніе, пока продолжалась дѣятельная роль бри-

танской политики въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ; но Англія прекратила игру, къ великой досадѣ австро-нѣмецкихъ патріотовъ, и болгарскій князь лишился всякой серьезной опоры въ странѣ, среди общаго народнаго броженія и неудовольствія. Народъ былъ недоволенъ тѣмъ, что князь не сумѣлъ сохранить хорошія отношенія съ Россією, окружалъ себя главнымъ образомъ нѣмцами и готовился повидимому сдѣлать туркамъ слишкомъ значительныя уступки. Народъ былъ недоволенъ и нѣкоторыми неудачными распоряженіями князя и поведеніемъ его министровъ. Населеніе было недовольно и обременительными военными приготвленіями, которыя продолжались, несмотря на миръ съ Сербією. Болгарское правительство беспокоилось почему-то по поводу сербскихъ вооруженій, а въ странѣ распространялись слухи, что оно хочетъ снова затѣять войну, чтобы выпутаться изъ затрудненій. Мысль о новой войнѣ приводила въ ужасъ болгаръ, для которыхъ и прошлогодняя счастливая кампанія прошла какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ. Эти элементы раздраженія легко утилизировались противниками князя и его совѣтниковъ; въ оппозиціонныхъ газетахъ выражалось все чаще положительное требованіе объ отставкѣ и удаленіи принца Баттенберга. Когда князь назначилъ двухъ болгарскихъ уполномоченныхъ въ комиссію для пересмотра органическаго статута Восточной Румелии, то эта мѣра вызвала сильныя и общіе протесты; въ Филиппополѣ собрана была многочисленная сходка, на которой принято было рѣшеніе настоятельно просить князя не дѣлать ни малѣйшаго шага для ослабленія достигнутаго единства обѣихъ Болгарій. Дѣятели такъ называемой русской партіи, съ г. Цанковымъ во главѣ, приписывали всѣ невзгоды отпаденію страны отъ ея могущественной покровительницы, и эти напоминанія находили вѣроятно отголосокъ въ нѣкоторой части населенія. При такомъ положеніи дѣлъ оставалось только заручиться содѣйствіемъ военной молодежи и выбрать моментъ для переворота. Въ началѣ августа дипломатическіе представители Австро-Венгріи и Англіи находились въ отпуску; военный министръ, маіоръ Никифоровъ, былъ боленъ; софійскія войска выдвинуты были ближе къ сербскимъ границамъ, и въ городъ вступилъ отрядъ маіора Груева, къ которому присоединились воспитанники военнаго училища, предводимые своимъ начальникомъ, капитаномъ Бендеровымъ.

Какъ устроилось все это, какъ удалось Цанкову и его партіи привлечь на свою сторону военную силу, какъ произошелъ самый арестъ князя—все это пока еще очень неясно. Достигнувъ цѣли съ неожиданною легкостью и быстротою, партія какъ-будто растерялась и сдѣлала сразу двѣ крупныя ошибки: во-первыхъ, пыталась ввести въ заблужденіе страну обнародованіемъ ложнаго списка членовъ вре-

менного правительства и, во-вторыхъ, слишкомъ рѣзко напирала на участіе и союзъ великой державы, которая держалась въ сторонѣ отъ движенія. Побѣдители не знали, что дѣлать съ своею побѣдою; они—или газеты отъ ихъ имени—прибѣгли къ безцѣльной мистификаціи, которая должна была неминуемо обнаружиться на слѣдующій же день и лишить ихъ всякаго довѣрія въ глазахъ народа. Они выдавали свою мечту за дѣйствительность, представляя дѣло въ такомъ видѣ, что всѣ партіи соединились противъ князя Александра и что въ низложеніи его участвовало собственное его министерство. Нѣтъ ничего бесплоднѣе обмана въ политикѣ, и очень можетъ быть, что ложный списокъ министровъ былъ только проектомъ, который разглашенъ былъ преждевременно. Цанковъ—человѣкъ слишкомъ опытный, чтобы допустить подобный промахъ; если же онъ дѣйствительно сдѣлалъ эту ошибку, то это доказывало бы, что онъ не чувствовалъ почвы подъ ногами послѣ блестящей побѣды. Оригинальный приемъ г. Цанкова—зачисленіе враговъ въ союзники—оттолкнулъ отъ него даже тѣхъ, которые могли бы примкнуть къ новому правительству при большемъ примодушіи и искренности руководителей заговора. Г. Цанковъ удивилъ всѣхъ и не былъ признанъ никѣмъ; онъ успѣлъ выслать князя Александра изъ Болгаріи, подобно тому, какъ князь высылалъ его когда-то, и въ этомъ принудительномъ путешествіи князя по Дунаю заключается единственный подвигъ мимолетныхъ правителей 9-го августа. Князь былъ доставленъ на русскую территорію, въ пограничный городокъ Рени, и переданъ въ распоряженіе русскихъ властей, — очевидно только для того, чтобы доставить ему нѣсколько пріятныхъ часовъ, такъ какъ нельзя было предполагать, что арестъ его продлится и въ предѣлахъ Россіи. Черезъ три дня партія Цанкова удалилась со сцены, и дѣятели ея арестованы; въ главныхъ пунктахъ страны организовались временные правительственные центры, которые ошибочно назывались „правительствами“. Князь, утратившій раньше свою популярность, приобрѣлъ вдругъ общія симпатіи, особенно въ войскѣ; трагикомедія, устроенная Цанковымъ, окружила князя ореоломъ героя и жертвы, и добрый болгарскій народъ далъ себя увлечь въ пользу возстановленія прежняго порядка вещей, несмотря на его неудобства.

Какъ и подъ чьимъ руководствомъ произошла контръ-революція 12-го августа, — это опять-таки въ значительной мѣрѣ покрыто туманомъ неизвѣстности. Еще черезъ три дня образовалось регентство, составъ котораго также возбуждаетъ сомнѣнія. Наконецъ, 17-го августа наступаетъ реставрація: князь ѣдетъ обратно въ Болгарію, призываемый военными и гражданскими властями, для устраненія возможной анархіи. Онъ прибылъ въ Тырново 19-го августа и про-

должалъ свою триумфальную поѣздку черѣзъ Филиппополь въ Софію. Въ одну недѣлю предпримчивый князь имѣлъ и революцію, и отречение, и изгнаніе, и реставрацію. Это была недѣля удивительныхъ сюрпризовъ.

Рѣшимость вернуться на покинутый постъ могла явиться у князя только подъ вліяніемъ настойчивыхъ призывовъ со стороны его приверженцевъ. Общіе политическіе мотивы должны были удержать его отъ подобнаго шага. Послѣ того какъ министерскіе органы Вѣны и Берлина объявили удаленіе князя Александра залогомъ спокойствія и мира на Балканскомъ полуостровѣ, онъ вновь является на сцену и совершенно ставитъ въ тупикъ дипломатію. Его смѣлая, самовольная „реставрація“ есть шагъ весьма рискованный съ точки зрѣнія интересовъ Болгаріи. Идти наперекоръ Россіи и союзнымъ ей имперіямъ — не подъ силу князю Александру; признанный неудобнымъ въ качествѣ правителя, онъ такъ или иначе долженъ будетъ оставить страну и можетъ держаться въ ней только временно, въ ожиданіи военной оккупации или какой-либо другой формы вмѣшательства, — если только онъ добровольно не подчинится вліянію державы-покровительницы. Но съ другой стороны и окончательное низложеніе повело бы къ большимъ затрудненіямъ: пришлось бы позаботиться о сохраненіи порядка въ Болгаріи, учредить и обставить надлежащимъ образомъ новое правительство, избрать князя или измѣнить образъ правленія соотвѣтственно желаніямъ народа и интересамъ Россіи. Все это вызвало бы разногласія между кабинетами, усложнилось бы недовѣріемъ и непріязнью, вовлекло бы, можетъ быть, въ громадныя расходы на оккупацию и, въ концѣ концовъ, могло бы не дать тѣхъ результатовъ, которые имѣлись бы въ виду въ самомъ началѣ. Одно только можетъ быть признано безспорнымъ, — что изъ-за Болгаріи не будетъ войны.

Тѣ изъ нашихъ газетъ, которыя требуютъ немедленнаго занятія Болгаріи русскими войсками, кажется, недостаточно оцѣниваютъ послѣдствія подобной мѣры. Оккупация отвѣчаетъ своей цѣли только до тѣхъ поръ, пока она продолжается; чуть только уйдутъ войска, водворившія порядокъ, жизнь страны пойдетъ опять своимъ чередомъ, вновь обнаружатся стремленія къ независимости, выступятъ новые Каравеловы и Стамбуловы, захотятъ опять дѣйствовать по своему и увлекутъ за собою народъ. Что дѣлать тогда? Снова повторить опытъ оккупации, до появленія новыхъ случайностей? Это едва-ли было бы разсчетливо. Болгарія долго была занята русскими войсками; русская власть дала ей прочныя учрежденія, снабжала ее офицерами и чиновниками, генералами и министрами, не жалѣя средствъ для правильнаго устройства края, и однако всѣ эти заботы и усилія не гарантировали насъ

отъ болгарской вражды. Тогда наша роль была весьма благодарна; мы были освободителями, благодѣтелями страны, и тѣсная нравственная связь съ Россією обезпечивалась не только интересами, но и естественными чувствами болгарскаго народа. А теперь мы явились бы къ нимъ въ нѣсколько иной роли, и даже та часть населенія, которая стремится стать подъ наше покровительство, едва-ли отнеслась бы къ военной оккупациі съ тѣмъ восторженнымъ сочувствіемъ, съ какимъ встрѣчались русскія войска во время борьбы съ турками. Теперь наше положеніе было бы труднѣе; задачи оккупационнаго отряда были бы гораздо болѣе сложны и щекотливы, среди враждебныхъ между собою партій, среди посѣяннаго противъ насъ недовѣрія и подозрительности. Правда, въ Болгаріи и теперь есть русская партія; въ народѣ необходимость русской помощи и дружбы сознается вѣроятно въ большей степени, чѣмъ въ интеллигенціи. Но не слѣдуетъ особенно довѣрять людямъ, прикрывающимъ свои спеціальныя цѣли авторитетомъ и силою Россіи; мы не имѣемъ, на примѣръ, точныхъ свѣдѣній о г. Цанковѣ, но намъ кажется несомнѣннымъ, что этотъ политическій дѣятель способенъ еще превратиться въ рѣшительнаго руссофоба, когда явятся къ тому благопріятныя обстоятельства. Нѣтъ основанія считать людей искренними только потому, что они въ данный моментъ ищутъ нашей поддержки и выражаютъ намъ свою преданность; они могутъ руководствоваться честолюбивыми личными разсчетами, не имѣющими ничего общаго съ выгодами Болгаріи и особенно Россіи. Намъ слѣдовало бы съ большою осторожностью относиться къ дѣятельности подобныхъ лицъ, получившихъ свое политическое воспитаніе въ періодъ турецкаго владычества, когда лицемеріе, скрытность и перебивчивость были необходимыми качествами общественнаго дѣятеля.

Предположимъ, что мы легко одолѣемъ всѣ эти затрудненія и будемъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, независимо отъ совѣтовъ и указаній такъ называемой русской партіи въ Болгаріи. Мы устранимъ Каравеловыхъ и Стамбуловыхъ, водворимъ болѣе надежный порядокъ вещей и поставимъ другого правителя вмѣсто принца Баттенберга; въ чемъ же гарантія того, что созданное нами положеніе продержится дольше первоначальнаго, установленнаго нами же, — послѣ ухода нашихъ войскъ? Можно, конечно, устроить такъ, что во главѣ страны будутъ поставлены русскіе люди и что не будетъ повода опасаться внезапнаго удаленія ихъ отъ дѣлъ, какъ это бывало при князѣ Александрѣ. Но тогда невольно возникаетъ вопросъ: можно ли утверждать положительно, что такое управленіе будетъ пользоваться надлежащимъ сочувствіемъ болгаръ и что народное удовольствіе, направляемое нынѣ противъ принца Баттенберга, не

направится въ другую сторону, хотя бы и безъ достаточныхъ къ тому оснований? Оппозиція, обезсиленная на время, поднимется при первомъ удобномъ случаѣ и будетъ искать поддержки у англичанъ и австрійцевъ, возбуждая противъ насъ общественное мнѣніе по поводу неизбѣжныхъ промаховъ и погрѣшностей при управленіи Болгаріи. Мы думаемъ, что тотъ же г. Цанковъ, если онъ не получитъ officialнаго назначенія, будетъ вновь обращаться къ англійскимъ министрамъ, подобно тому, какъ онъ обращался къ нимъ при Гладстонѣ, — и въ этомъ, собственно говоря, нѣтъ ничего дурного съ точки зрѣнія болгарскаго патріота, хлопочущаго прежде всего объ интересахъ своей родины. Удобно ли будетъ это положеніе для насъ и не приведетъ ли оно еще къ худшимъ замѣшательствамъ, чѣмъ бывшія до сихъ поръ? Всякій шагъ нашъ въ Болгаріи будетъ строго контролироваться въ европейской печати. Малѣйшая ошибка дастъ матеріалъ для невыгодныхъ намъ обобщеній; постоянныя нареканія и обвиненія будутъ раздражать обѣ заинтересованныя стороны, и изъ-за болгарскихъ мелкихъ дѣлъ могутъ быть упущены изъ виду болѣе важныя и общіе политическіе интересы на Востоѣ, въ чему и вклонились бы усилія враждебной намъ дипломатіи.

Не надо забывать, что для насъ имѣютъ серьезное значеніе не внутреннія дѣла Болгаріи, а ея прочныя политическія связи съ Россією. Необходимо помнить примѣры недавняго прошлаго и не возлагать особенныхъ надеждъ на испытанные уже нами способы дѣйствія. Новая оккупация ознаменовалась бы болѣе чувствительною неблагодарностью болгаръ, чѣмъ прежняя; а еслибъ исполнился совѣтъ одной изъ нашихъ газетъ — не остановиться передъ сопротивленіемъ болгарскихъ дружинъ и разогнать ихъ силою, то наши враги въ Европѣ должны были бы привѣтствовать наше вмѣшательство: мы собственными руками разрушали бы фундаментъ, на которомъ держится великое нравственное значеніе Россіи на Востоѣ. „Кельнская Газета“ съ удовольствіемъ предвидитъ уже тотъ моментъ, когда „освободители перестрѣляютъ нѣсколько сотъ человѣкъ освобожденныхъ“. Лучше было бы предоставить болгаръ на волю судьбы и отречься отъ нихъ совершенно, чѣмъ занимать страну при помощи кровопролитія. Возможность сопротивленія болгарскихъ дружинъ существуетъ вѣроятно только въ воображеніи непріязненныхъ намъ газетъ. Оккупация состоялась бы, конечно, при такихъ условіяхъ и дѣли ея были бы настолько ясно ограничены, что никому изъ болгаръ не пришлось бы въ голову искать спасенія въ безумной борьбѣ. Россіи ничего не нужно для себя, и если она пойдетъ въ Болгарію, то только въ качествѣ державы-покровительницы, съ цѣлью уладить разрѣшеніе кризиса, съ которымъ сами болгары справиться не могутъ. Мы предпо-

читаемъ надѣяться, что Болгарія благополучно переживетъ свои настоящія затрудненія и что наше вмѣшательство не пойдетъ далѣе нравственно-политическаго воздѣйствія.

Болгарскія событія произвели странное впечатлѣніе на сербскихъ правителей. Король Миланъ проникся чувствомъ скорби по поводу неожиданнаго путешествія князя Александра по Дунаю; онъ обрадовался затѣмъ его возвращенію и послалъ ему привѣтственную телеграмму въ Систово. Такъ завязались дружескія отношенія между противниками, которые недавно еще вели ненужную борьбу и понынѣ не заключили полнаго мира. Незадолго до переворота князь Александръ обращался къ графу Кальноки съ просьбою содѣйствовать возобновленію дипломатическихъ сношеній между Сербією и Болгарією, но изъ Вѣны не было получено никакого отвѣта. Князь горько жаловался на эту неудачу въ одномъ частномъ письмѣ, обнародованномъ въ нѣмецкихъ газетахъ; изъ этого же письма (отъ 4 августа) можно заключить, что новое столкновеніе съ Сербією казалось тогда весьма вѣроятнымъ. Теперь король Миланъ забываетъ свои обиды и подаетъ руку примиренія болгарскому князю;—такъ, по крайней мѣрѣ, понятъ былъ этотъ благоразумный шагъ повсюду. Сербскій король воспользовался невольными злоключеніями своего соперника, чтобы покончить съ своими собственными приключеніями, доведшими страну до крайне печальнаго состоянія. Король Миланъ никогда не подвергался ни аресту, ни изгнанію; съ нимъ не случилось ничего подобнаго тому, что произошло съ княземъ Александромъ, и онъ могъ великодушно, съ признаніемъ своего превосходства, сдѣлать первый шагъ къ забвенію прошлаго. Сербскіе дѣятели заинтересовались любопытными дѣлами Болгаріи, и прежняя вражда, раздутая искусственно, можетъ погаснуть. Если такимъ образомъ возстановится дѣйствительный миръ между двумя народностями Балканскаго полуострова, то это будетъ отчасти результатомъ болгарской „недѣли сюрпризовъ“.

Въ заключеніе приводимъ изъ „Правительственнаго Вѣстника“ (№ 183, отъ 21-го авг.) слѣдующее важное сообщеніе:

„Управляющій Россійскимъ консульствомъ въ Русукѣ передалъ министерству иностранныхъ дѣлъ, 18-го сего августа, лично врученную ему княземъ Александромъ Болгарскимъ на имя Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Ваше Величество! Вновь взявъ въ свои руки управленіе моею страной, осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству выраженіе моей почтительнѣйшей признательности за то, что представитель Вашего Императорскаго Величества въ Русукѣ, своимъ

официальнымъ присутствіемъ на моемъ приѣмѣ, обнаружилъ предъ болгарскимъ народомъ, что Императорское правительство не можетъ одобрить направленного противъ моей особы революціоннаго акта. Въ то же время испрашиваю соизволеніе повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мою благодарность за посылку генерала князя Долгорукова, съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ Вашего Императорскаго Величества, такъ какъ, принявъ вновь законную власть, я считаю первымъ моимъ долгомъ заявить Вашему Императорскому Величеству о моемъ твердомъ намѣреніи принять на себя всѣ жертвы, дабы способствовать великодушному намѣренію Вашего Императорскаго Величества вывести Болгарію изъ тяжкаго кризиса, который она переживаетъ. Прошу Ваше Императорское Величество разрѣшить князю Долгорукову войти непосредственно и какъ можно скорѣе со мною въ соглашеніе; я буду счастливъ представить Вашему Императорскому Величеству окончательное доказательство моей неизмѣнной преданности Августѣйшей Особѣ Вашей. Монархическій принципъ вынудилъ меня возстановить законность въ Болгаріи и Румелии. Россія даровала мнѣ мою корону, и эту корону я готовъ вручить ея Монарху. Александръ“.

„На изложенную выше телеграмму Его Императорскому Величеству благоугодно было отвѣчать слѣдующею телеграммою:

„Его Высочеству Князю Болгарскому. Филиппополь.

„Я получилъ телеграмму Вашего Высочества. Не могу одобрить возвращенія Вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременною. Я буду воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока Вы будете тамъ оставаться. Вашему Высочеству предстоитъ рѣшить, что Вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю Себѣ судить о томъ, къ чему обязываютъ Меня чтимая Мною память Моего Родителя, интересы Россіи и миръ на Востока. АЛЕКСАНДРЪ“.

ЗАМѢТКА.

По поводу недавнихъ толковъ о войнѣ.

Недавняя газетная полемика по поводу возможныхъ будущихъ войнъ Россіи съ иностранными державами представляла одну грустную особенность: ходячіе софизмы въ пользу войны повторялись даже лучшими изъ нашихъ журналовъ, и въ этомъ случаѣ наша печать обнаружила замѣчательную шаткость понятій.

Не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ русскіе патріоты стремились воевать съ Англіею; одинъ публицистъ-народникъ выпустилъ даже брошюру, гдѣ доказывалась неизбежность этой войны съ социологической, экономической и культурно-исторической точекъ зрѣнія, причемъ упускались только изъ виду мизерные дѣйствительные интересы русскаго народа. Но кровавый спектакль не состоялся, и англо-русскій споръ уладился мирно. Вѣтеръ подулъ теперь съ другой стороны, и тѣ же русскіе патріоты стали съ легкимъ сердцемъ толковать о неминуемой будто-бы войнѣ съ Германіею, подыскивая наиболѣе правдоподобные аргументы для оправданія будущаго кровопролитія. Сегодня намъ предлагаютъ бороться на жизнь и смерть съ Англіею; завтра проповѣдуютъ то же самое относительно Германіи и Австріи, не заботясь уже ни объ англичанахъ, ни о туркахъ. Можетъ ли быть рѣчь о сознательной политикѣ, когда люди сами не знаютъ, куда имъ идти, съ кѣмъ воевать и ради чего? Всякій молодецъ пойметъ, что нелѣпо затѣвать ссору съ нѣмецкой имперіею, когда у насъ есть серьезные политическіе счеты съ австрійцами, англичанами и турками; даже самый ярый шовинистъ не скажетъ, что намъ выгодно приготовить противъ себя цѣлую европейскую коалицію, съ Германіею во главѣ.

Воззрѣнія нашихъ политиковъ зависятъ какъ будто исключительно отъ взглядовъ иностранной печати въ данную минуту: англичане усиленно раздуваютъ вопросъ объ афганскихъ границахъ, и мы вслѣдъ за ними готовы распинаться изъ-за афганскихъ дѣлъ; промышленная Англія хлопочетъ о новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, и мы также толкуемъ о рынкахъ, которые намъ совершенно не нужны; нѣмцы боятся Россіи и относятся къ ней враждебно, и мы вслѣдъ за ними проникаемся мыслью о русско-германской войнѣ, которая, кромѣ вреда, ничего намъ принести не можетъ. У насъ какъ

будто нѣтъ собственныхъ политическихъ цѣлей и взглядовъ; случайныя и временныя увлеченія, симпатіи и антипатіи толкаютъ насъ то въ ту, то въ другую сторону, безъ всякаго опредѣленнаго плана. въ ущербъ дѣйствительнымъ интересамъ Россіи въ области внѣшней политики. Совершенно иная система нужна для того, чтобы водвориться со временемъ на Босфоръ и Дарданеллахъ, завладѣть Константинополемъ и обезпечить за собою прочное вліяніе въ балканскихъ земляхъ, о чемъ такъ часто и горячо вспоминаютъ наши патріотическія газеты.

Отдѣлить, по возможности, Австро-Венгрію отъ Германіи, давать отпоръ австрійскимъ притязаніямъ на Востокъ и не смѣшивать съ ними платоническихъ нѣмецкихъ стремленій, пренебречь средне-азиатскими конфликтами для болѣе важнаго восточнаго вопроса и стараться о мирномъ соглашеніи съ Англіею—такова программа, которой должны были бы неуклонно придерживаться русскіе политики въ печати. Приписывать нѣмцамъ желаніе предпринять походъ противъ Россіи, когда имъ грозитъ война съ Франціею,—значило бы считать ихъ просто сумасшедшими; а между тѣмъ нельзя предполагать отсутствіе здраваго смысла въ расчетливомъ нѣмецкомъ народѣ. Если же нѣмцы, на всякій случай, принимаютъ противъ насъ свои мѣры, то они дѣлаютъ это, очевидно, только потому, что опасаются враждебныхъ предпріятій съ нашей стороны, въ виду извѣстныхъ отношеній вліятельной части русскаго общества къ современной Германіи. Задача печати—разъяснять и устранять подобныя недоразумѣнія, а не поддерживать ихъ.

Безпринципность и поверхностность сужденій по важнѣйшимъ вопросамъ политики нисколько не удивляли бы насъ со стороны патріотовъ по профессіи, перемѣнчивыхъ и легкомысленныхъ по натурѣ; но эти же печальныя черты встрѣчаются, къ сожалѣнію, и въ такихъ симпатичныхъ и добросовѣстныхъ журналахъ, какъ „Сѣверный Вѣстникъ“ и „Русская Мысль“.

Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ упорно проводится идея, что всѣ великіе народы должны поочередно истреблять другъ друга ради политическаго преобладанія и что это безнадежное чередованіе грандіозныхъ войнъ есть будто-бы законъ жизни культурнаго человѣчества; а для большей убѣдительности этой идеи изложеніе уснащается тѣмъ quasi-соціологическимъ жаргономъ, который придаетъ ему видъ научности въ глазахъ наивныхъ читателей. „Дифференціація“, „интеграція“, „дезинтеграція“ и тому подобныя слова пускаются въ ходъ, взамѣнъ серьезныхъ и разумныхъ доводовъ, которыхъ на дѣлѣ не оказывается. Для чего почтенный журналъ развиваетъ свои безцѣль-

ныя воинственныя теоріи, направленные, въ сущности, противъ мирныхъ земледѣльческихъ массъ,—намъ неизвѣстно.

Любопытный образчикъ существующихъ по этому предмету недоразумѣній представляютъ замѣчанія, высказанныя въ „Русской Мысли“ по поводу нашей статьи о „поэзии и прозѣ войны“ („Вѣстникъ Европы“, іюнь и іюль).

Прежде всего необходимо было бы устранить неточности въ передачѣ нашихъ мыслей. Не имѣя возможности вдаваться въ объясненія по поводу одного изъ затронутыхъ рецензентомъ пунктовъ, мы ограничимся ссылкой на стр. 741—2 іюньской книги, гдѣ данъ отвѣтъ на то, о чемъ мы будто-бы „умолчали“. Дѣло, однако, не въ этомъ.

Сотрудникъ „Русской Мысли“ авторитетно высказываетъ о войнѣ такія „истины“, которыя, въ сущности, хуже самыхъ вредныхъ заблужденій. „Всѣмъ извѣстно, — заявляетъ онъ, — что войны велись, ведутся и будутъ вестись изъ-за рынковъ“. Такого рода изреченія еще недавно казались очень модными и убѣдительными. Когда дѣло войны сводится къ рынкамъ, къ торговымъ и промышленнымъ интересамъ, то остается только махнуть рукою на послѣдніе остатки человѣческаго достоинства, проявляемые еще въ политической жизни народовъ. Люди, идущіе убивать себѣ подобныхъ ради увеличенія доходности какихъ-то коммерческихъ предпріятій, недостойны званія гражданъ: это наемные бандиты, не имѣющіе ничего общаго съ интересами и понятіями просвѣщенныхъ націй. Правительство, которое бросало бы въ жертву тысячи жизней и разоряло бы свою страну и чужую, ради карманныхъ выгодъ какихъ-то торговцевъ и фабрикантовъ, не заслуживало бы названія правительства; это была бы просто купеческая контора, захватившая власть и не знающая другихъ цѣлей, кромѣ наживы. Англичане предпринимали колоніальныя войны въ интересахъ своей всемірной торговли и промышленности; но они руководствовались при этомъ традиционными идеями о величій и могуществѣ Британіи, о владычествѣ ея на моряхъ, о приобрѣтеніи и сохраненіи такихъ колоній, какъ Индія. Но если забота о рынкахъ играла видную роль въ политикѣ Англіи, какъ страны исключительно торговой и промышленной, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что тѣ же рынки должны озабочивать другіе государства и народы, у которыхъ преобладаютъ интересы земледѣлія. „Русская Мысль“ возводитъ купеческую точку зрѣнія англичанъ на степень общаго правила: войны ведутся будто-бы „изъ-за интересовъ капиталистовъ и промышленной буржуазіи и по настоящему требованію этихъ мирныхъ гражданъ, миролюбивыхъ лишь до тѣхъ

поръ, пока не трогаютъ ихъ кармана“. Намъ кажется, что почтенный журналъ напрасно приписываетъ купцамъ такое рѣшающее вліяніе на политическія дѣла въ Европѣ. Въ Сѣверной Америкѣ капиталисты и промышленная буржуазія господствуютъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ самой Англіи, и однако великая американская республика не вела и не собирается вести никакой войны изъ-за рынковъ. Не изъ-за рынковъ воевала Германія съ Франціею, не ради рынковъ боролась Россія съ Турціею, и ни одно европейское государство не начнетъ войны во имя интересовъ „капиталистовъ и промышленной буржуазіи“. Отъ народнаго разоренія, вызываемаго войною, не можетъ выиграть и купечество, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ; только для послѣднихъ война есть дѣйствительно рынокъ. Нелѣпыя утвержденія, въ родѣ приведеннаго „Русскою Мыслью“, могутъ только сбивать съ толку общественное мнѣніе; они даютъ ложную окраску политическимъ событіямъ и предполагаютъ узкіе житейскіе мотивы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, вопросы о рынкахъ не существуютъ для Россіи, ибо даже созданная нами Болгарія не привлекла нашихъ коммерсантовъ и производителей; извѣстно, что московскія фирмы упорно отказывались устроить съ ней торговые сношенія, несмотря на настоячивые совѣты одного доброжелательнаго патриота. О нашей скудной торговлѣ въ Средней Азіи нечего и говорить. Какой же смыслъ имѣть у насъ теорія, что „войны велись, ведутся и будутъ вестись изъ-за рынковъ“?

„Русская Мысль“ смотритъ на возникновеніе войнъ съ какою-то непонятною легкостью; она видитъ возможность кровавой борьбы во всякомъ таможенномъ спорѣ, возникшемъ изъ-за интересовъ мирныхъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ. Журналъ ссылается на приведенныя нами свѣденія о тарифномъ „конфликтѣ“ между Румыніею и Австріею, созданномъ необдуманною запретительною мѣрою австрійскаго правительства, и тотъ самый фактъ, который послужилъ для австрійцевъ нагляднымъ доказательствомъ безцѣльности и вреда слѣпого эгоизма въ дѣлахъ международныхъ, выставляется „Русскою Мыслью“ для доказательства воинственныхъ тенденцій „мирныхъ“ капиталистовъ и фабрикантовъ. Изъ того, что Австрія можетъ воспользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы побудить Румынію къ уступчивости, рецензентъ выводитъ, что дѣло дойдетъ до принужденія; „а если румынское правительство заупрямится,—продолжаетъ онъ,—тогда очень возможно, что изъ-за нѣсколькихъ тысячъ быковъ будетъ убито много тысячъ людей и даже очень много, такъ какъ Россія не можетъ допустить занятія австрійцами Румыніи“. Приба-

вимъ, что все это было бы „очень возможно“ только въ одномъ совершенно невѣроятномъ случаѣ: еслибы Австрія какимъ-то чудомъ превратилась въ домъ умалишенныхъ. Не только изъ-за нѣсколькихъ тысячъ быковъ, но и изъ-за сотенъ милліоновъ купеческихъ денегъ немыслимо въ здоровомъ умѣ бросать милліарды на европейскую войну и превращать цвѣтъ населенія въ безобразныя груды изуродованныхъ труповъ. „Русская Мысль“ несомнѣнно возмущилась бы, еслибы предложено было зарѣзать хотъ одного человѣка ради какого-либо крупнаго промышленнаго интереса; а между тѣмъ тотъ же журналъ спокойно разсуждаетъ, что изъ-за быковъ „будетъ убито много тысячъ людей и даже очень много“, точно дѣло идетъ именно о быкахъ, а не о людяхъ. Это холодное равнодушіе къ чужимъ человѣческимъ жизнямъ составляетъ самую печальную черту во всѣхъ обычныхъ разговорахъ о войнѣ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1886.

— Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. воронежскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Воронежъ, 1886, два тома.

Наша провинціальная литература все больше разрастается, и особенно большую долю ея изданій составляютъ труды мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, какъ официальные по мѣстной статистикѣ, такъ и не-официальные. Мѣстная статистика доставила въ послѣднее время огромное количество изданій, представляющихъ богатый матеріалъ для изслѣдованія экономическаго и сельско-хозяйственнаго состоянія различныхъ мѣстностей Россіи; но члены статистическихъ комитетовъ бывають обыкновенно участниками и другихъ работъ по исторіи и описанію тѣхъ краевъ, гдѣ идетъ ихъ дѣятельность. Статистическимъ комитетомъ изданъ и настоящій сборникъ, состоящій изъ двухъ большихъ томовъ. Въ нынѣшнемъ году совершилось, какъ извѣстно, трехсотлѣтіе нѣсколькихъ городовъ южнаго и восточнаго края, въ томъ числѣ Воронежа, и здѣсь юбилей былъ ознаменованъ изданіемъ обширнаго собранія статей и документовъ по исторіи и описанію Воронежа и его края. Сборникъ открывается жизнеописаніемъ двухъ знаменитыхъ святителей, дѣйствовавшихъ въ Воронежѣ: св. Митрофана (1623—1703) и св. Тихона (1724—1783), слава которыхъ, идущая по всей Россіи, въ особенности привлекаетъ въ Воронежъ и Задонскъ толпы богомольцевъ изъ окрестныхъ губерній. Біографіи не представляютъ никакихъ особенно новыхъ фактовъ и, къ сожалѣнію, недостаточно рельефно изображаютъ знаменитыхъ воронежскихъ епископовъ, особливо послѣдняго, у котораго были черты строгаго подвижничества, нравственной независимости и не част

встрѣчающагося народолубія. Исторіи Воронежа посвященъ обширный очеркъ г. Л. Вейнберга и имъ же собранные матеріалы изъ старыхъ актовъ (I, стр. 71—279); исторія доведена до послѣднихъ лѣтъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что примѣчанія къ этому труду сдѣланы не совсѣмъ удовлетворительно въ томъ отношеніи, что авторъ, дѣлая ссылку на ту или другую книгу, большею частію даетъ только голое ея заглавіе, безъ указанія страницъ; напр., ссылка на „Дѣянія Петра Великаго, Голицева“—не имѣетъ смысла: авторъ заставляетъ читателя, которому понадобилась бы справка, пересматривать громадную, многотомную книгу, чтобы отыскать мѣсто, на которое ссылается авторъ. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько другихъ историческихъ статей: „Очеркъ землевладѣнія и межеванія въ воронежской губерніи“, Н. А. Попова; „О наслѣдственныхъ правахъ на крестьянскія усадьбы“, Н.; „Воронежская почта“, старая и современная—въ статьяхъ Л. Вейнберга и П. Страхова; „Воронежъ, какъ военная верфь“, Н. Якимова; „О Кудоярѣ разбойникѣ и кладонскателяхъ“, Н. Воскресенскаго; „Воронежская лѣтопись болѣе замѣчательныхъ событій съ 1873 по 1883 годъ“, Н. Воскресенскаго; „Городъ Задонскъ и его окрестности“, іеромонаха Геронтія; „Воронежскія Губернскія Вѣдомости“, Н. Воскресенскаго—съ многочисленными краткими біографіями редакторовъ и нѣкоторыхъ сотрудниковъ этого изданія. Далѣе, біографіи нѣсколькихъ уроженцевъ воронежской губерніи, какъ митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, графъ Д. П. Бутурлинъ, Кольцовъ, Костомаровъ и извѣстный натуралистъ Сѣверцовъ. Нѣсколько статей посвящено экономическимъ и сельско-хозяйственнымъ предметамъ, какъ напр.: „О крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ воронежской губерніи“, Н.; „Четвертное землевладѣніе“ тамъ же, Ф. Щербины; „О нищенствѣ въ воронежской губерніи и мѣрахъ, какія принимаются для призрѣнія неимущихъ“, Н. Воскресенскаго; „Земскія школы и народное образованіе“, В. Миропольскаго. Всего менѣе матеріала этнографическаго; сюда относятся: „Этнографическіе очерки воронежской губерніи“, А. И. Селиванова, статья, перепечатанная изъ старыхъ воронежскихъ вѣдомостей; „Этнографическій очеркъ малороссійскаго населенія полтавской губерніи“, Н., статья, также ранѣе напечатанная въ одномъ полтавскомъ изданіи и страннымъ образомъ повторенная здѣсь для характеристики малороссовъ губерніи воронежской, хотя въ предисловіи къ этой статьѣ сама редакція замѣчаетъ, что нравы и обычаи малороссовъ, поселившихся въ воронежской губерніи (и, замѣтимъ, составляющихъ почти половину ея населенія), со времени поселенія своего здѣсь, „должны были значительно измѣниться подъ вліяніемъ общенія съ великороссійскимъ

населеніемъ". Редакція замѣчаетъ, что помѣщаетъ статью о полтавскихъ малороссахъ „для сравненія", но что съ этимъ сравнивать, остается неизвѣстно, потому что упомянутая статья Селиванова, сама по себѣ не весьма достаточная, видимо относится къ населенію только великорусскому. Наконецъ, къ этнографическимъ статьямъ принадлежитъ „Краткій очеркъ говора села Сергѣевки бобровскаго уѣзда, воронежской губерніи", г. Прядкина, также уже напечатанный раньше въ воронежскихъ „Филологическихъ Запискахъ", и здѣсь прибавленъ только небольшой сборничекъ пѣсенъ, послужившихъ основаніемъ для филологическихъ соображеній автора.

Во всѣхъ этихъ почтенныхъ трудахъ собранъ, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе цѣнный матеріалъ, который съ пользою послужить для изученія края; но что касается его исторіи и этнографической характеристики,—она все еще впереди. Между тѣмъ изученіе того и другого было бы очень важно. „Трехсотлѣтіе" Воронежа есть почти вся исторія этого края; только съ конца XVI-го вѣка онъ закрѣпляется прочно за русскимъ государствомъ—до тѣхъ поръ эта область, теперь совершенно русская, была окраиной съ неопредѣленными границами, съ неустановившимся населеніемъ, открытой набѣгамъ кочевниковъ и грабежу своихъ гулящихъ людей. Какъ устанавливалось здѣсь русское и малорусское населеніе, какія были и есть ихъ взаимныя отношенія, какъ складывались бытовые вліянія,—рассказъ объ этомъ былъ бы немаловажнымъ эпизодомъ въ исторіи русской народности. Недавно мы имѣли случай говорить объ историческомъ изслѣдованіи сосѣдняго Воронежу края—именно о книгѣ г. Дубасова, который изъ архивныхъ источниковъ извлекъ не мало любопытныхъ свѣденій по исторіи мѣстности тамбовской губерніи, представляющей много обстоятельствъ однородныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ архивахъ воронежскихъ также нашелся бы достаточный матеріалъ, какъ о заселеніи края, такъ и о старомъ бытѣ, правахъ и обычаяхъ. Въ этнографическомъ отношеніи здѣсь была бы своя особенно любопытная сторона: здѣсь издавна являются поселенія малороссійскія, и наблюденіе двухъ народностей рядомъ съ ихъ особенностями и взаимными отношеніями помогло бы выясненію не только частнаго и мѣстнаго, но и общаго этнографическаго вопроса. Если, какъ говорятъ, здѣшніе малороссіяне значительно измѣнились отъ общенія съ великороссіянами, то именно и важно было бы знать, въ чемъ состояло это измѣненіе, какъ отразилось общеніе на ихъ бытѣ, правахъ, языкѣ, народной поэзіи и т. д., и не было ли также обратнаго вліянія? Вопросъ этотъ, который, разумѣется, потребовалъ бы весьма внимательнаго и многосторонняго наблюденія, къ сожалѣнію, остался

въ настоящемъ сборникѣ совсѣмъ нетронутымъ; онъ, кажется, и не приходилъ въ мысль мѣстнымъ изслѣдователямъ,—и этнографія представлена въ воронежскомъ изданіи только старыми или посторонними работами.

— Областные педагогическіе и народныя музеи. В. С. Кожовскаго. Спб. 1886.

Содержаніе этой маленькой брошюры состоитъ въ слѣдующемъ. Въ прошломъ году въ Екатеринославѣ по мысли мѣстнаго земства устроенъ педагогическій музей для сельскихъ учителей, въ составъ котораго вошли учебныя книги, наглядныя пособія, предметы обстановки сельской школы и также книги и пособія, которыя могли бы служить сельскимъ учителямъ для расширенія ихъ общаго и педагогическаго образованія. Авторъ названной брошюры, выражая сочувствіе этой попыткѣ земства ввести въ провинцію педагогическій музей, находитъ, что было бы очень полезно, еслибы и другія земства послѣдовали примѣру екатеринославскаго, но что еслибы музеи стали основываться, то правильнѣе было бы дать имъ не эту специальную, а болѣе широкую задачу, именно—служить не только сельской школѣ, но вообще начальному воспитанію, и школьному, и семейному. Начальное воспитаніе въ особенности требуетъ правильныхъ педагогическихъ приемовъ, умѣлаго пользованія учебными и наглядными пособиями; между тѣмъ на дѣлѣ наше воспитаніе представляетъ много существенныхъ и грубыхъ недостатковъ. „Къ многотрудному и важному дѣлу начального обученія и воспитанія,—говоритъ авторъ,—у насъ нерѣдко приступаютъ безъ всякихъ почти знаній, безъ опыта и даже безъ опредѣленныхъ цѣлей. Безспорно необходимая наглядность въ обученіи либо совершенно отсутствуетъ, либо иногда, вслѣдствіе ошибочнаго къ ней отношенія, вредитъ дѣлу и ведетъ къ непроизводительнымъ денежнымъ тратамъ. Обученіе дѣтей вызываетъ крайнее напряженіе ихъ силъ, подрываетъ ихъ здоровье, поселяетъ въ нихъ равнодушіе къ приобрѣтенію знаній. О нравственномъ развитіи не заботятся“. Въ подтвержденіе того, какъ у насъ къ начальному обученію приступаютъ безъ всякихъ знаній, авторъ приводитъ свидѣтельство спеціальнаго изданія („Церковная Школа“, Спб. 1885, въ синодальной типографіи): „Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ,—говорится здѣсь,—хотя священники и имѣютъ помощниковъ по занятіямъ въ школахъ, но эти помощники, особенно принадлежащіе къ разряду причетниковъ, равно пріискиваемые особыя учителя, изъ неокончив-

шихъ учебнаго курса, за рѣдкими исключеніями, мало образованы и неспособны къ выполненію учительскихъ обязанностей... Священники, занимающіеся обученіемъ въ народныхъ школахъ, не вездѣ знакомы съ правилами педагогики, особенно же недостаткомъ этотъ замѣтенъ въ причетникахъ и учительницахъ". То же специальное изданіе находитъ, что церковно-приходская школа не должна чуждаться новоизобрѣтенныхъ и оказавшихся на практикѣ полезными способовъ элементарнаго обученія, такъ какъ времени у этой школы мало, а задача ея велика.

Авторъ и полагаетъ, что для улучшенія первоначальнаго обученія, школьнаго и семейнаго, необходимо дать учащимъ возможность знакомиться съ этими новыми приемами и пособиями, и для этой цѣли было бы чрезвычайно важно учрежденіе педагогическихъ музеевъ губернскихъ или епархіальныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ музеи могли бы способствовать удешевленію учебныхъ пособій и дать учащимъ возможность выбора. Еще недавно разнаго рода учебныя пособія, которыя теперь въ такомъ ходу, были мало доступны небогатымъ школамъ и семьямъ; распространеніе и удешевленіе ихъ начинается съ 1870 года, съ петербургской промышленной выставки, гдѣ впервые была возбуждена конкуренція между ихъ производителями и торговцами, и сдѣлана была первая попытка заказа пособій по даннымъ образцамъ въ исправительной тюрьмѣ и въ небольшихъ мастерскихъ. Результатъ былъ тотъ, что цѣна пособій для первоначальнаго обученія была вдругъ понижена на 50 и даже на 90 процентовъ; напр., кубики, употребляемые для обученія счету, въ 1870 году стоили 24 рубля, а послѣ 1870 года стоятъ 2 рубля! Удешевленіе пособій вызвало, конечно, большій спросъ на нихъ, а послѣдній, въ свою очередь, повелъ къ спеціализаціи торговли этими предметами. Конечно, желательно еще большее удешевленіе пособій, и авторъ полагаетъ, что оно можетъ быть достигнуто двумя способами: во-первыхъ, вывозомъ нашихъ издѣлій за границу (они обращали на себя вниманіе на иностранныхъ выставкахъ послѣднихъ годовъ) и привлеченіемъ къ этому производству кустарнаго промысла. Но торговля этими предметами все-таки сосредоточена въ столицахъ, что затрудняетъ распространеніе ихъ въ провинціи, такъ какъ выписываніе ихъ соединено съ немалыми неудобствами. Мѣстные педагогическіе музеи могли бы облегчить это дѣло, а вмѣстѣ вызвать производство вещей на мѣстахъ. Авторъ полагаетъ, что тѣ же провинціальныя педагогическіе музеи могли бы и другимъ способомъ содѣйствовать народному воспитанію, а именно, устройствомъ народныхъ чтеній, которыя въ первый разъ организованы были при педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ и имѣли, какъ

известно, большой успѣхъ. „Желательно, чтобы все достигнутое въ этотъ отношеніи въ Петербургѣ сдѣлалось общимъ достояніемъ, а для этого было бы необходимо открытіе образцовыхъ народныхъ аудиторій при областныхъ педагогическихъ музеяхъ и учрежденіе при нихъ же образцовыхъ народныхъ библиотекъ, какъ противовѣса распространенію въ народѣ книгъ и брошюръ, издаваемыхъ исключительно съ спекулятивною цѣлью“.

Наконецъ, авторъ полагаетъ, что при областныхъ педагогическихъ музеяхъ желательно было бы устройство народныхъ музеевъ. Подъ ними авторъ разумѣетъ „систематизированный подборъ коллекцій и предметовъ, выражающихъ въ образцахъ, моделяхъ, таблицахъ, рисункахъ и пр. важнѣйшія занятія народа въ данной мѣстности: земледѣліе, скотоводство, огородничество, садоводство, пчеловодство, ремесла и пр., въ ихъ элементахъ, съ нагляднымъ же выясненіемъ: при какихъ улучшеніяхъ въ этихъ занятіяхъ возможно ожидать большей производительности отъ народнаго труда“. Планъ подобныхъ музеевъ, конечно, сообразный вездѣ съ мѣстными условіями, долженъ бы быть выработанъ людьми компетентными; авторъ находитъ, что при доброй волѣ мѣстнаго населенія такіе музеи могли бы быть устроены безъ большихъ денежныхъ затратъ: мѣстные предметы часто могли бы быть получены даромъ, и деньги потребовались бы только на модели, рисунки и т. п. Авторъ не сомнѣвается, что передъ такими затратами не остановится русское общество, если разъ признаетъ полезнымъ придти на помощь народу этимъ путемъ. Соединеніе народныхъ музеевъ съ мѣстными педагогическими было бы весьма важно и для школьнаго дѣла: „оно выразило бы вполне наглядно мысль о необходимости болѣе тѣсной связи между начальнымъ обученіемъ и условіями жизни и труда, въ которыя вступить громадное большинство дѣтей по окончаніи курса начальной школы, и дало бы средства провести эту мысль въ школьную практику“.

Въ заключеніе, авторъ предлагаетъ проектъ каталога областныхъ педагогическихъ музеевъ, куда вошли: классная мебель и принадлежности; каталогъ книгъ и наглядныхъ пособій по всѣмъ предметамъ первоначальнаго обученія; книги по педагогической теоріи; собраніе сочиненій русскихъ писателей и разныя сочиненія по словесности; составъ небольшого кабинета, предназначеннаго служить для распространенія различныхъ гигиеническихъ понятій; наконецъ, игры и ручныя занятія.

Все это прекрасныя *ria desideria*, и предположенія автора напоминаютъ намъ тѣ великодушныя попеченія о распространеніи школы

и знаній въ народѣ, какими исполнены были идеалисты 50-хъ и 60-хъ годовъ,—стремленія тѣхъ временъ, когда основывались комитеты грамотности, воскресныя школы, предпринимались изданія для народа и т. д. Предположенія автора заслуживаютъ всякаго сочувствія, и исполненіе ихъ, безъ сомнѣнія, послужило бы съ пользою для дѣла народнаго образованія; но въ наше многоиспытанное время невольно является сомнѣніе въ исполнимости плана. Есть и теперь не мало людей, которые отнеслись бы къ подобному дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ; но нельзя скрыть, что есть много фактовъ, которые не даютъ надежды на скорое осуществленіе этихъ прекрасныхъ пожеланій. Не говоря о трудностяхъ официальныхъ, земства по тѣмъ или другимъ причинамъ начинаютъ какъ будто охладѣвать къ дѣлу народной школы: однѣ жалуются на недостатокъ средствъ; другія (о такихъ фактахъ намъ случалось читать въ послѣднее время) закрываютъ или собираются закрывать свои школы и ограничиваютъ денежные назначенія на народное образованіе, ссылаясь на учрежденіе школъ церковно-приходскихъ, а эти послѣднія (какъ можно судить по печатнымъ извѣстіямъ) или существуютъ только на бумагѣ, или ведутся крайне неудовлетворительно. Если земства будутъ видѣть школьное дѣло уходящимъ изъ ихъ вѣденія и контроля, онѣ могутъ и совсѣмъ охладѣть къ школьному дѣлу, и тогда совсѣмъ некому будетъ браться за учрежденіе педагогическихъ музеевъ. Для подобныхъ предпріятій, какъ вообще для всякаго искренняго увлеченія интересами народнаго образованія, нужно не только желаніе, но и возможность дѣятельности; насколько прочной можетъ считаться эта послѣдняя, мы не знаемъ.

— Историческій очеркъ Сибири. Томъ II. Періодъ отъ 1700 года до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны 25 ноября 1741 года. Составилъ В. К. Андріевичъ. Иркутскъ, 1886.

Еще провинціальное изданіе — и изъ очень далекой провинціи. Это изданіе опять свидѣтельствуетъ о недостаточности провинціальнхъ силъ, которымъ нерѣдко трудно бываетъ справляться съ вопросами исторіи или мѣстнаго описанія. Заглавіе книжки способно сильно заинтересовать всѣхъ занимающихся русской исторіей, и книга о Сибири, написанная на мѣстѣ, заставляетъ предполагать мѣстные свѣденія, документы, преданія, которые трудно имѣть внѣ Сибири. Но на этотъ разъ ожиданіе не будетъ удовлетворено. Исторію своего труда авторъ рассказываетъ такъ. Онъ приступилъ къ печатанію

„матеріаловъ, добытыхъ изъ данныхъ, доставленныхъ переписью забайкальскаго казачьяго войска, произведенною въ 1-му генваря 1883 года“; въ этимъ матеріаламъ авторъ желалъ прибавить краткій историческій очеркъ этого войска; но составить такой очеркъ оказалось невозможно „за совершеннымъ отсутствіемъ источниковъ“. Поэтому авторъ рѣшилъ „извлечь изъ Полнаго Собранія Законовъ свѣденія, касавшіяся Забайкалья, для того, чтобы систематическимъ изложеніемъ оныхъ составить конспектъ, могущій быть полезнымъ для будущаго составителя исторіи Забайкалья и тѣсно связаннаго съ онымъ тамошняго казачьяго войска“. Но и этотъ планъ потомъ измѣнился. Доведа упомянутую работу до 1700 года, авторъ нашелъ, что „выборка изъ Полнаго Собранія Законовъ данныхъ, касающихся вообще Сибири, немного увеличить время, необходимое для окончанія труда, заманнаго по отношенію къ Забайкалью, а между тѣмъ можетъ принести существенную пользу составителю исторіи Сибири“, — и потому авторъ сталъ выбирать, съ 1700 года, всѣ указы, прямо или косвенно упоминавшіе о Сибири. Отсюда и вышла настоящая книга, которую авторъ назвалъ II-мъ томомъ „Историческаго очерка Сибири“ — на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ Полнаго Собранія Законовъ. Она должна была служить конспектомъ для дальнѣйшей обработки, съ помощью матеріаловъ государственнаго архива, и доставить основаніе для просьбы о разрѣшеніи автору занятій въ этомъ архивѣ; книга является въ свѣтъ по желанію камергера П. А. Сиверса, который предложилъ средства для ея напечатанія съ цѣлью распространенія въ обществѣ свѣденій, полезныхъ для изученія края.

И дѣйствительно книга г. Андріевича представляетъ не болѣе какъ выборку изъ Полнаго Собранія Законовъ, гдѣ факты, заключающіеся въ указахъ, подведены лишь подъ рубрики, — напр.: административное дѣленіе Сибири и установленіе мѣстной администраціи; мѣры къ заселенію края; рекрутскіе наборы и участіе Сибири въ содержаніи войска и производствѣ государственныхъ работъ; торговля съ Китаемъ и денежныя дѣла; горное дѣло и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что Полное Собраніе Законовъ есть столь основной источникъ, который долженъ быть всегда исчерпанъ въ историческомъ трудѣ; но во всякомъ случаѣ это источникъ далеко не единственный. Онъ даетъ исторію правительственныхъ мѣропріятій, сообщаетъ много фактическихъ данныхъ, — но далеко не обнимаетъ внутренней жизни края. Если часто законъ и правительственная мѣра оставались въ старину только на бумагѣ, то Сибирь особенно знаменита страшнымъ произволомъ и злоупотребленіями мѣстныхъ властей, надъ которыми безсилень былъ контроль высшаго правительства, слишкомъ далекій

и постоянно вводимый въ заблужденіе. Эти злоупотребленія, какъ извѣстно, продолжались даже до временъ импер. Александра I, когда ревизія Сперанскаго едва-ли не въ первый разъ дала правительству вѣрное понятіе о положеніи страны. Съ другой стороны, факты законодательства, обращеннаго по преимуществу на предметы государственнаго значенія, не раскроютъ внутренняго быта страны,—а этотъ бытъ, особливо въ Сибири, именно складывался въ своеобразныя формы, вслѣдствіе особаго положенія края, удаленнаго отъ центровъ правленія и образованія, съ единственно Сибири принадлежавшими условіями климата, почвы, мѣстнаго туземнаго населенія, промысловъ, сосѣдства и т. д. Въ Сибири выработался особый типъ русской народности, и исторія Сибири должна объяснить его происхожденіе и характеръ. — Въ трудѣ г. Андріевича нѣтъ, конечно, и рѣчи обо всемъ этомъ; онъ такъ близко держится своего источника, что лишь мѣрѣека дѣлаетъ справки въ существующей литературѣ о Сибири, и цитируетъ книги Словцова, Щеглова, Ядринцева и Максимова, и „Горный Журналъ“.

Но, какъ ни важно изученіе Полнаго Собранія Законовъ, намъ казалось бы, что мѣстный исследователь могъ бы имѣть передъ собой болѣе важныя разысканія. Сдѣлать выписки изъ Собранія Законовъ можно сдѣлать гдѣ угодно, гдѣ только имѣется экземпляръ этого изданія; но отъ жителя Сибири надо бы ждать въ особенности поисковъ за матеріаломъ мѣстныхъ архивовъ, записокъ и преданій. Намъ совсѣмъ непонятно замѣчаніе автора о „совершенномъ отсутствіи источниковъ“. Неужели дѣйствительно не сохранилось никакихъ старыхъ документовъ, никакой памяти, никакой старой записки или преданія о судьбѣ цѣлаго огромнаго края, какъ Забайкалье? Нѣкогда академикъ Миллеръ собралъ обширный матеріалъ для исторіи Сибири въ мѣстныхъ архивахъ, и его „портфели“ до сихъ поръ не исчерпаны; слѣдовало обратиться въ нимъ; но и Миллеръ не могъ же забрать всего;—куда же дѣвались сибирскіе архивы?

Историкъ, предпринимая свою работу, прежде всего приводитъ въ извѣстность свои источники, собираетъ то, что уже существуетъ въ литературѣ, и если можно предположить другіе, неизвѣстные въ печати,—старается разыскать ихъ, по крайней мѣрѣ, поставить о нихъ вопросъ. Г. Андріевичъ взялъ просто извѣстнѣйшій изъ источниковъ и сдѣлалъ, конечно, полезное дѣло, перебравши томы Собранія Законовъ,—но сущность историческаго вопроса мало подвинулась впередъ отъ этой работы.—Желаемъ ему всякаго успѣха въ государственномъ архивѣ, но думаемъ все-таки, что ему слѣдовало бы осмотрѣться на мѣстѣ: неужели же не осталось никакого слѣда старинны, который могъ бы послужить для его исторической цѣли?—А. П.

— Государственный кредитъ. А. А. Исаева, ордин. проф. Демид. юрид. лицея. Ярославль, 1886.

Книга г. Исаева обращаетъ на себя вниманіе добросовѣстною научною разработкою тѣхъ важныхъ практическихъ вопросовъ, которые въ послѣднее время служатъ любимымъ предметомъ изысканій нашихъ самобытныхъ дилеттантовъ. Съ разныхъ сторонъ являются у насъ проекты улучшенія государственныхъ финансовъ, и авторы этихъ проектовъ ставятъ себѣ въ особую заслугу то обстоятельство, что они дошли до своихъ заключеній собственнымъ умомъ, безъ содѣйствія науки и даже безъ достаточнаго знакомства съ какими-либо „доктринами“. Эти самоувѣренные практики, предлагающіе поправить наши финансы неограниченнымъ печатаніемъ бумажекъ или восстановленіемъ питейной монополіи, найдутъ для себя много поучительнаго въ книгѣ г. Исаева.

Въ первомъ отдѣлѣ своего труда авторъ излагаетъ теорію и политику государственнаго кредита, а второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ историческій обзоръ государственныхъ долговъ въ Англіи, Франціи, Пруссіи и Россіи. Въ заключительной главѣ разсмотрѣны вкратцѣ существующія ученія о государственномъ кредитѣ.

Г. Исаевъ относится вполне самостоятельно къ разбираемымъ теоріямъ; онъ справедливо отвергаетъ взгляды, приписывающіе особую производительную силу дѣйствіямъ и затратамъ государства, независимо отъ реального значенія ихъ для народнаго хозяйства. Нѣкоторые нѣмецкіе писатели стараются доказать, что государство создаетъ „не-матеріальныя“ капиталы, удовлетворяя общественныя потребности какого бы то ни было рода. По мнѣнію этихъ писателей, не-матеріальныя капиталы производятся и расходами на увеличеніе блеска арміи, такъ какъ подобныя расходы „удовлетворяютъ національную гордость, желаніе превзойти блескомъ другіе народы: народъ гордится тѣмъ, что его столица и войско имѣютъ блестящій видъ“, а „все, что способно удовлетворять эту потребность, есть, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, благо“. Война создаетъ будто-бы не-матеріальныя капиталы „даже въ томъ случаѣ, если единственнымъ результатомъ ея является удовлетвореніе жажды славы“. Проф. Исаевъ основательно возстаётъ противъ такого смѣшенія хозяйственныхъ благъ съ фантастическими. „Называть не-матеріальными капиталами удовлетвореніе суетнаго желанія — видѣть на войнахъ своей страны болѣе блестящіе мундиры, нежели въ заграничной арміи, или желанія приобрѣсти отъ войны только новыя побѣдныя лавры—

значить отождествлять прихоти богатыхъ и знатныхъ классовъ, группы военныхъ людей съ выгодами цѣлой страны, вкусы праздныхъ столичныхъ зѣвакъ съ интересами миллионовъ трудящагося люда, который выносить на своихъ плечахъ главную тяжесть государственнаго долга и имѣть право требовать, чтобы государство не относилось къ этимъ тягостямъ легкомысленно" (стр. 31—2). Авторъ находитъ, что „даже войны, связанныя съ матеріальными приобрѣтеніями, могутъ обогащать народъ нерѣдко только отрицательными, „не-матеріальными“ капиталами, а если расходъ государства несомнѣнно дастъ странѣ только не-матеріальный капиталъ того сомнительнаго значенія, которое называется „лаврами побѣдъ“, и даже если матеріальныя приобрѣтенія, вытекающія изъ побѣдоносной войны, даютъ поводъ къ новымъ и опаснымъ столкновеніямъ съ сосѣдними державами, то бремя расходовъ не должно быть возлагаемо на отдаленное потомство“. Пусть то поколѣніе,—продолжаетъ авторъ,—чи зрѣніе и слухъ наслаждались побѣдными лаврами, несетъ на себѣ и бремя расходовъ" (стр. 33). Пользованіе государственнымъ кредитомъ вполне законно для цѣлей производительныхъ, когда требуется, напримѣръ, „выселить часть жителей изъ многихъ мѣстностей Европейской Россіи въ плодородныя равнины Сибири, пристановить развивающееся мелководье нашихъ рѣкъ или облѣсить часть южнорусскихъ степей“. Легкость заключенія государственныхъ займовъ приводитъ часто къ тому, что постоянныя экономическіе интересы страны забываются изъ-за временныхъ расчетовъ и потребностей. „Нѣтъ такой цѣли,—говоритъ авторъ,—для которой государство не могло бы найти кредитъ. Самая безцѣльная, самая безумная война можетъ раскрыть предъ государствомъ карманы многихъ капиталистовъ: кредиторъ знаетъ или хотя безотчетно чувствуетъ, что государство, безъ всякихъ грубыхъ приѣмовъ давленія, властно въ имуществѣ гражданъ; стоитъ завернуть поглубже нѣсколько винтовъ въ механизмъ налоговъ—и въ распоряженіе государства поступаютъ по большей части суммы, необходимыя для уплаты процентовъ, а пожалуй и капитала“. Въ этой заманчивой легкости и обширности кредита заключается источникъ стѣсненій и бѣдствій въ будущемъ. Опасность чувствуется уже тогда, когда она неустраима. „Вліяніе заграничныхъ долговъ на обмѣнъ сказывается особенно остро при малѣйшихъ дипломатическихъ недоразумѣніяхъ. Боязнь, что задолжавшее государство начнетъ войну, разстроитъ народное хозяйство и уменьшитъ свою платежную способность, ведетъ къ усиленной продажѣ на заграничныхъ биржахъ его кредитныхъ документовъ, къ усиленному запросу на благородные металлы, къ повышенію даже и еще болѣе невыгодному

для нея платежному балансу... Правительство такой страны, уже въ силу задолженности государства, не можетъ имѣть въ международной политикѣ то вліяніе, которое естественно принадлежитъ ему по обширности и населенности страны. Оно не можетъ съ такою настойчивостью преслѣдовать цѣли во внѣшней политикѣ, какъ могло бы при болѣе благопріятномъ положеніи своего кредитнаго рынка. Таковъ къ прискорбію въ настоящее время удѣлъ именно Россіи" (стр. 53).

Разсуждая о различныхъ формахъ государственныхъ займовъ, г. Исаевъ, между прочимъ, беретъ подъ свою защиту лотерейные займы, къ которымъ большинство писателей относится вообще отрицательно. „Ставится на видъ,—замѣчаетъ авторъ,—усиленное развитіе, подъ вліяніемъ этихъ займовъ, биржевой игры и именно покупокъ промессъ, надежды выиграть. Можно, пожалуй, признавать за этими займами такое вліяніе, если выигрыши чрезмѣрно велики и сразу создаютъ выигравшему большое состояніе. Но умѣренные выигрыши могутъ содѣйствовать только развитію бережливости въ небогатыхъ классахъ, вызываемому желаніемъ приобрести облигацію лотерейнаго займа и, при счастья, увеличить благосостояніе. Изъ биржевой игры, въ ея разнообразныхъ формахъ, извлекаютъ выгоды обыкновенно биржевые дѣльцы; именно эти люди стремятся нажить богатство игрой, а не полезной для общества дѣятельностью. И при отсутствіи лотерейныхъ займовъ биржевая игра будетъ привлекать этихъ лицъ и доставлять нѣкоторымъ изъ нихъ случай къ наживѣ, безъ труда, огромныхъ состояній... Масса мелкаго люда, приобретающаго облигаціи лотерейныхъ займовъ, не оставляетъ своихъ занятій, не предается мечтательной праздности, а только находитъ вѣрное помѣщеніе трудовой копѣйкѣ и, не выигрывая,—таковъ удѣлъ большинства,—имѣетъ небольшой запасъ на „черный день“ (стр. 68). Эти соображенія, какъ намъ кажется, заслуживаютъ вниманія. Не мало вѣскихъ замѣчаній высказано авторомъ по поводу нашихъ финансовыхъ недуговъ. Относительно нашихъ бумажныхъ денегъ онъ приводитъ слова Н. Х. Бунге, что „наша денежная система можетъ улучшиться не только вслѣдствіе того, что будетъ сдѣлано полезнаго для нея самой, но и вслѣдствіе того, что будетъ предпринято въ видахъ обновленія на разумныхъ началахъ всего строя экономической жизни“. Разсматривая исторію нашихъ финансовъ, г. Исаевъ находитъ въ ней мало утѣшительнаго. „Быстрому увеличенію долговъ,—поясняетъ онъ,—совершенно не соотвѣтствовала мертвенность всего финансоваго строя. Въ государственные доходы не вводилось улучшеній, которыя могли бы устранять дефициты и замедлять возрастаніе

долга. Крайне неравномѣрное распредѣленіе податныхъ тягостей, нечувствительное бремя для богатѣйшихъ гражданъ, непосильное для бѣднѣйшихъ классовъ, безслѣдныя попытки правильно организовать существующія подати (напр., поземельную посредствомъ кадастра), робость предъ подоходными налогами, административныя преграды свободному передвиженію большинства гражданъ, а потому и препятствія процессу переложенія податей—все это быстро увеличило долги Россіи и бюджетъ государственныхъ расходовъ далеко за предѣлы того, что могло бы быть оправдано уровнемъ благосостоянія народа. Есть поэтому основаніе съ беззвѣзью взирать на огромную цифру государственнаго долга. И только измѣненія къ лучшему въ нашихъ финансахъ за послѣдніе годы нѣсколько ослабляютъ этотъ пессимизмъ. Отмѣна соляной и подушной податей, налоги купонный и на доходы крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій вносятъ замѣтныя улучшенія въ наше финансовое хозяйство и кладутъ основанія для перестройки всей системы налоговъ. А нѣкоторыя начинанія въ экономической политикѣ (особенно учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и улучшеніе способовъ отдачи казенныхъ оброчныхъ статей въ аренду) позволяютъ рассчитывать на ростъ народнаго богатства и меньшую обременительность государственныхъ долговъ" (стр. 132).

Мы не сомнѣваемся, что почтенный трудъ г. Исаева будетъ замѣченъ всѣми интересующимися вопросамъ о государственномъ кредитѣ.

— Н. Я. Данилевскій. О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ. Изд. Меркурія Комарова. Спб. 1886.

Статьи покойнаго Н. Я. Данилевскаго, напечатанныя въ 1882 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, изданы теперь отдѣльною книгою, въ виду — какъ сказано въ предисловіи — „чрезвычайной важности мыслей автора, изложенныхъ съ свойственною ему ясностью и основательностью“. Самъ авторъ заявляетъ въ началѣ своей работы, что при размышленіи о бумажныхъ деньгахъ ему представились соображенія, которыя, какъ ему казалось, „освѣщаютъ этотъ спорный вопросъ до такой ясности и очевидности, что сомнѣнія въ правильномъ его рѣшеніи быть не можетъ“. Очень можетъ быть, что это такъ и есть,— что мысли Н. Я. Данилевскаго о нашемъ денежномъ курсѣ дѣйствительно „чрезвычайно важны“. Ясны и очевидны. Но, читая книгу, трудно проникнуться этимъ убѣжденіемъ. Этому мѣшаетъ отчасти и

странная полемическая манера—говорить пренебрежительно о теоретикахъ, когда дѣло идетъ именно о теоріи, пускать шпильки по адресу „нашихъ либераловъ“ безъ малѣйшей къ тому надобности, припутывать наши финансы къ злополучному берлинскому трактату.

Многія указанія автора интересны безъ сомнѣнія; нѣкоторые его взгляды совпадаютъ съ идеями „Московскихъ Вѣдомостей“ и не разъ обсуждались въ свое время въ печати. Едва-ли кто согласится теперь съ восторженнымъ отзывомъ г. Данилевскаго о питейной монополіи: „Алхимики столѣтія бились изъ-за открытія мнимаго философскаго камня, а тутъ вѣдь для русскихъ финансовъ самый неподдѣльный и настоящій философскій камень!“ (стр. 98—9). Этотъ философскій камень, какъ извѣстно, изобрѣтенъ у насъ „Московскими Вѣдомостями“ и составляетъ собственность этой газеты, къ которой авторъ часто и отсылаетъ читателя.

По мнѣнію г. Данилевскаго, „совершенно невѣрна та мысль, что народъ пьетъ будто-бы отъ бѣдности и нищеты, что стараются даже объяснить фیزیологическою потребностью замѣнить недостаточность питанія употребленіемъ алкоголя, какъ средствомъ, ослабляющимъ аппетитъ замедленіемъ процесса круговращенія вещества“. Невѣрно это потому, что, „несмотря на возгласы либераловъ извѣстнаго пошиба (?) и на статистическія выкладки, основанныя на данныхъ, взятыхъ съ вѣтра (!), недостаточность питанія есть прискорбное явленіе, собственное только нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ“, и т. д. Никто, разумѣется, не сомнѣвался въ томъ, что „недостаточность питанія есть прискорбное явленіе“, и пр., и мы не знаемъ, какихъ это либераловъ опровергаетъ здѣсь авторъ. Что касается „данныхъ, взятыхъ съ вѣтра“, то ихъ во всякомъ случаѣ меньше въ статистическихъ цифрахъ, чѣмъ въ голословныхъ утвержденіяхъ и увѣреніяхъ, хотя бы и подкрѣпляемыхъ авторитетомъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Для автора очевидно, что въ настоящее время политическое положеніе Россіи далеко не соответствуетъ ни дѣйствительнымъ ея силамъ, ни ея исторической роли: „Государство съ населеніемъ по крайней мѣрѣ въ 90 милліоновъ добраго и мужественнаго народа, хотя и не задорно воинственнаго, но не имѣющаго себѣ равнаго по воинской доблести, государство съ границами, собственно только съ одной западной стороны открытыми для нападенія сильныхъ враговъ,—такое государство принуждено выносить оскорбленія и неправды, подобныя берлинскому трактату, оставаться безучастными къ угнетенію своихъ единоплеменниковъ по духу и крови въ Галиціи, Босніи и Герцеговинѣ, подчинять свою политику видамъ Гер-

жаніи и даже считать одною изъ гарантій своей безопасности великодушіе и добропамятность доблестнаго монарха ея" (стр. 92).

Этотъ жалкій наборъ словъ не имѣетъ, въ сущности, никакого смысла, ибо нѣтъ не „принуждалъ“ Россію заключать берлинскій трактатъ и отдавать Боснію австрійцамъ; а изъ того, что у насъ 90 милліоновъ „добраго и мужественнаго народа“, вовсе не вытекаетъ еще, что мы должны бороться одновременно противъ нѣсколькихъ мужественныхъ народовъ Европы, считающихъ въ совокупности болѣе 100 милліоновъ человекъ. Вторая половина книги имѣетъ уже спеціальнѣйшій интересъ для сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ; авторъ подробно излагаетъ способы улучшенія земледѣлія и возвышенія доходности нѣкоторыхъ промысловъ, имѣя въ виду общую цѣль — обезпеченіе „экономической независимости и самостоятельности“ Россіи.—Л. С.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Лѣтомъ этого года, какъ уже сообщено было въ газетахъ, профессоръ А. В. Праховъ совершилъ археологическое путешествіе по Волыни. Это путешествіе дало блестящіе результаты ¹⁾. Волынь вообще представляетъ непочатый уголь для археологовъ, и въ волынскихъ церквахъ и костелахъ, надо предполагать, находится богатѣйшій матеріалъ, который можетъ сослужить большую службу исторіи цѣлаго края. Въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ изслѣдователь старины натолкнется на цѣлый рядъ поучительныхъ памятниковъ угаснувшей древне-русской и малорусско-польской культуры. Многіе храмы стоятъ въ запустѣніи еще съ прошлаго вѣка, а аббатства, монастыри и униатскія и католическія церкви упразднены наполовину въ эпоху послѣдняго польскаго возстанія. Они быстро разрушаются, и путешественникъ видитъ иногда обнажившіяся внутреннія стѣны старинныхъ зданій, покрытыя чудесной живописью. Все это быстро погибаетъ, отданное на жертву непогодѣ и варварской небрежности обывателей, которые растаскиваютъ кирпичъ, желѣзо и грабятъ отъ времени до времени гробницы похороненныхъ въ храмахъ мѣстныхъ вельможъ и святителей. Разграбленіе могилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

¹⁾ Считаемо лишнимъ прибавить здѣсь тѣ свѣденія, какія были сообщены газетами по поводу археологическихъ открытій на Волыни.

Въ нынѣшнемъ году, по соглашенію волынскаго губернатора съ архіепископомъ волынскимъ, утѣждена была во Владиміръ-Волынскомъ комиссія, подъ предсѣтельствомъ Е. Н. Дверницкаго для собранія и разработки данныхъ для исторіи Успенскаго собора въ этомъ городѣ, построеннаго Мстиславомъ Изяславичемъ, и для составленія проекта возобновленія храма въ его первоначальномъ стилѣ.

Въ апрѣлѣ г. Дверницкій пріѣхалъ въ Кіевъ и пригласилъ тамошнихъ ученыхъ для изслѣдованія развалинъ Мстиславова храма, и вслѣдствіе этого въ іюнѣ мѣсяцѣ отправились изъ Кіева во Владиміръ профессора В. Б. Антоновичъ, А. В. Праховъ и секретарь кіевской археографической комиссіи, О. И. Левицкій. Дальнѣйшіе изслѣдованія продолжаются по указаніямъ гг. Антоновича и Прахова.

Изслѣдованія были, такимъ образомъ, производимы нѣсколькими лицами совместно, и авторъ „Замѣтки“, увлекшись коллекціей, впасть не ошибку, приписать сдѣланнымъ изслѣдованіямъ одному А. В. Прахову, а не цѣлой комиссіи; надо думать, что археологическія опредѣленія, требовавшія точнаго знанія южнорусской исторіи, сдѣланы именно специальными знатоками этой исторіи, находившимися въ комиссіи. Въ свое время явится, конечно, подробный отчетъ объ этихъ любопытныхъ изысканіяхъ, и будетъ указано, что и какъ сдѣлано и объяснено.—Ред.

началось, очевидно, издавна и ихъ послѣдовательно тревожила рука и гайдамака, и конфедерата, и иного мѣстнаго жителя, которому надо было выдавать замужъ дочерей и который, чтобъ сдѣлать имъ приданое, обращался за помощью къ гробамъ, хранящимъ въ себѣ останки стародавнихъ княгинь, украшенныхъ золотыми серьгами, кольцами и драгоценными ожерельями. Въ одномъ мѣстѣ г. Праховъ нашелъ въ подвалахъ собора особый склепъ, гдѣ сохранились еще сравнительно недавніе слѣды просѣванія праха покойниковъ. Мусоръ, которымъ завалены подземные ходы и галлерей, обыкновенно содержитъ въ себѣ множество человѣческихъ костей, извергнутыхъ изъ гробовъ хищниками, искавшими металла.

Районъ изслѣдованій г. Прахова былъ невеликъ и пока ограничился городомъ Владиміромъ-Волынскимъ и его окрестностями. Въ двухъ верстахъ ниже отъ него по теченію рѣки Луга возвышается большой холмъ. Съ него открываются во всѣ стороны очаровательные виды. Куда ни кинешь глазомъ—зелѣютъ луга и нивы, далѣе за ними виднѣется живописная деревня Лобачинъ, а еще далѣе—мѣстечко Зимно. Холмъ этотъ слыветъ въ народѣ искони подъ именемъ Оедоровщины и Старой Катедръ. Народное преданіе не могло разъяснить смыслъ его названія, но отыскался старинный документъ—„визита“ (освидѣтельствованіе), помѣченная 1695 годомъ; въ этой визитѣ, между прочимъ, находится указаніе, что на холмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, существовала въ XVII-мъ вѣкѣ деревянная Оедоровская церковь, и вся мѣстность носила названіе „Оедоровца“ и „Стародавней катедръ“ владимірскихъ епископовъ. Изъ документа также видно, что деревянная церковь отъ глубокой старости сгнила и обрушилась въ 1683 году, такъ что спустя двѣнадцать лѣтъ (1695) отъ нея не сохранилось даже остатковъ дерева. Если, такимъ образомъ, урочище уже въ XVII столѣтіи носило названіе „Старой катедръ“, то трудно было бы предположить, что поводомъ къ нему могла служить недолговѣчная деревянная церковь; поэтому явилось предположеніе, что на томъ же мѣстѣ ранѣе существовала каменная церковь, построенная до основанія въ XII вѣкѣ въ центрѣ города новой каедръ, Мстиславова Успенскаго храма, которая и служила первымъ каедральнымъ соборомъ для Владиміра-Волынска. Для разъясненія этихъ предположеній г. Праховъ приступилъ къ фактическимъ развѣдкамъ на мѣстѣ, которыя вполнѣ оправдали эти соображенія.

Въ нѣдрахъ холма обнаружены нижнія части обширнаго каменнаго храма, длиною 36 аршинъ и шириною 24 аршина; стѣны сохранились по сѣверной сторонѣ на высоту болѣе сажени. Храмъ трехкора-

белый, сложенъ изъ древнихъ кирпичей, употребившихся въ великокняжескій періодъ, въ теченіе X—XII вѣка, соединенныхъ толстымъ слоемъ характернаго розоваго цемента. Съ наружной стороны стѣны храма украшены были кирпичными колоннами, а внутри расписаны фресками. вмѣстѣ съ остатками фресковыхъ изображеній на мѣстѣ древняго храма найдены отвалившіеся куски штукатурки съ остатками надписей; до сихъ поръ найдены только отдѣльныя буквы, по которымъ нельзя рѣшить, были ли надписи на греческомъ или на славянскомъ языкѣ. До послѣдняго времени раскопаны слѣдующія части храма: жертвенникъ, сѣверный пилонъ царской арки, сѣверный наружный входъ, часть западной стѣны съ западнымъ наружнымъ входомъ и южный пилонъ царской арки.

Очень можетъ быть, что новооткрытый храмъ представляетъ сооруженіе временъ св. Владиміра или Ярослава и въ немъ покоятся гробницы первыхъ епископовъ Владиміра-Волинска, начиная, можетъ быть, даже со св. Стефана († 992).

Успенскій соборъ, построенный великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ въ XII стол., въ свою очередь, обрушился въ прошломъ столѣтіи, вслѣдствіе того, что духовенство приступило къ бурванію лѣвой центральной колонны, чтобъ сдѣлать ходъ на амвонъ. Колонна упала и упалъ сводъ. Подземелья храма полны гробницъ. Склепы дѣлались глубокіе, и могильщики каждый разъ продолбывали полъ старинной церкви, скрытый подъ почвой. Этотъ полъ былъ очень красивъ и состоялъ изъ разноцвѣтныхъ кахель. Вслѣдствіе постоянного долбленія онъ уцѣлѣлъ только мѣстами. Большинство гробницъ, открытыхъ г. Праховымъ, уже разграблено. Это—кладбище всей волинской знати и высшаго волинскаго духовенства. Гробы дѣлались всегда дубовые и были осмолены. Благодаря песчаной почвѣ, глѣніе не произвело особеннаго разрушенія, и, еслибы не хищники, сохранились бы даже во всей ихъ неприкосновенности восточныя и уборы шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка. Весьма важнымъ открытіемъ слѣдуетъ считать открытіе гробницы Ипатія Потѣя, перваго униатскаго епископа, а также гробницы епископа Мораховскаго.

Въ этомъ некрополѣ, несмотря на разграбленіе его (г. Праховымъ найдены, между прочимъ, слѣды пребыванія въ одномъ изъ склеповъ живыхъ людей, очевидно скрывавшихся здѣсь по политическимъ причинамъ въ эпоху польскаго возстанія или даже конфедерации), въ этомъ некрополѣ все-таки сохранилось столько обломковъ былой жизни, что вся она встаетъ передъ глазами археолога, то мрачная, воинственная и изуверская, то поэтическая и трогательная. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Прахову особенно повезло—

лось. Онъ нашелъ гробницу одной княгини, въ которой профессоръ В. Б. Антоновичъ предполагаетъ княгиню Анну Сангушко-Копицкую. Кто бы она ни была, ея гробъ представляетъ глубокий интересъ по тѣмъ находкамъ, которыя были въ немъ сдѣланы. Два кольца, локоны полуниспавшихъ волосъ, нѣсколько кусковъ бархата, кружевъ и шелка—какъ будто воскресають образъ южно-русской женщины, знатной дамы конца XVI столѣтїя. Судя по огромному гробу, она была высокаго роста. Узкія туфли свидѣтельствуютъ о томъ, что у нея были красивыя, породистыя ноги. Черепъ ея очень правильный и вокругъ него сохранились русые волосы. На головѣ у нея былъ уборъ изъ чернаго бархата—можетъ быть, корабликъ, на которомъ шелками и золотомъ, среди украшеній изъ мелкаго стекляруса, вышиты бѣгушіе олени. Хищникъ обобралъ гробъ и, въ погонѣ за металломъ, изорвалъ матерію, оставивъ на мѣстѣ лишь нѣсколько кусковъ бархата и шелкового, весьма добротнаго, фая. Большой воротникъ (средневѣковый крагъ) украшалъ собою шею покойницы. Онъ былъ изъ тонкаго кружева и собранъ въ сборки: уцѣлѣла часть шнура (мотузокки), которымъ онъ завязывался. Этотъ воротникъ изъ тончайшаго шелковаго тюля, по которому, въ стилѣ нѣмецкаго „Возрожденїя“, вышиты сирени золотомъ и шелкомъ. По обѣимъ сторонамъ головы найдены: зеркало въ свинцовой оправѣ, разбитое неизвѣстнымъ хищникомъ, съ совершенно потускнѣвшей и окислившейся амальгамой, и золотое массивное кольцо, такъ называемая *sigillum*, печать, съ локономъ бѣлокурыхъ волосъ, которымъ оно было перехвачено. Печать небольшая и кольцо, повидимому, не мужское. Печать состоитъ изъ прозрачной овальной пластинки горнаго хрустала, подъ которой лежитъ слой красной эмали. На печати изображенъ скачущій витязь, замахивающійся мечомъ, и латинскія буквы: A. S. K. По обѣимъ сторонамъ витязя—годъ, на красномъ полѣ золотыми буквами: 1570; а на внутренней сторонѣ выгравировано сердце, окруженное терновымъ вѣнкомъ, и буквы A—Z (альфа и омега жизни). Можно предполагать, что изображеніе это сдѣлано наскоро, сейчасъ по смерти покойной княгини. Гербъ на печати указываетъ на принадлежность покойницы къ роду Гедиминова. Другое кольцо, избѣжавшее рукъ хищника, было найдено въ средней части гроба. Оно чрезвычайно красиво. Молодая женщина носила его на мизинцѣ. Тонкое и золотое, оно утолщается кверху и на немъ посажено художественное крошечное изваяніе собаки. Серебряная гирька, величиною съ дробинку, надѣта на кольцо, какъ эмблема вѣчнаго рабства, и на внутренней сторонѣ его латинскими эльзевировскими буквами написано: *sic fidus* (такъ я преданъ).

Кромѣ этого, г. Праховъ въ томъ же Владиміръ-Волынскомъ нашелъ мраморный, ниже пояса, бюстъ Адама Киселя, въ рыцарскихъ доспѣхахъ, съ выбритой верхней губой и раскрашеннымъ лицомъ, икону Богоматери XV вѣка, превосходнаго, по его словамъ, греческаго письма, въ художественной ризѣ, неиспорченную и очищенную имъ отъ грязи, и нѣсколько другихъ вещей, большей или меньшей важности—напр., колокола, пожертвованные въ XVI в. православными предками нынѣшнихъ Чарторыйскихъ, съ надписями жертвователей.

І. Яонинскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1886.

Г-нъ Цюнь о русскомъ обществѣ и его партіяхъ.—Источники его свѣдѣній о „русскихъ либералахъ“.—Сравненіе „либераловъ съ нигилистами“, и предпочтеніе г-мъ Цюнемъ послѣднихъ.—Превосходство русской печати предъ иностранной, и причина того.

Нынѣшнимъ лѣтомъ число статей, посвященныхъ изученію русскаго общества и его стремленій, обогатилось новымъ изслѣдованіемъ г. Цюна; оно помѣщено въ лѣтнихъ книгахъ „Русскаго Вѣстника“ и носитъ заглавіе: „Нигилисты и нигилизмъ“, но имѣетъ въ виду вовсе не „нигилизмъ“ и не „нигилистовъ“, а „либераловъ“, которые, какъ и слѣдовало ожидать, несравненно болѣе „нигилистовъ“ ненавистны г-ну Цюну—по причинамъ совершенно личнаго свойства, которыя авторъ обстоятельно намъ объясняетъ въ настоящей статьѣ. Въ началѣ 1860-хъ годовъ г. Цюнь, оказывается, былъ ярый социалистъ и сдѣлался тогда горячимъ приверженцемъ теорій Лассалля: „я,—говоритъ онъ,—даже записался однимъ изъ первыхъ членовъ въ его „Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein“... Но, увы! моя социалистическая карьера длилась весьма недолго“. Г-нъ Цюнь скоро „разочаровался“ въ радикальномъ Лассалѣ, но, какъ его приверженецъ, онъ долженъ былъ ненавидѣть либеральнаго противника Лассалля, Шульце-Делича; очевидно, эту ненависть къ либерализму г. Цюнь, какъ бывшій радикалъ, сохранилъ и до настоящаго времени. Затѣмъ, мы узнаемъ изъ той же статьи г. Цюна, что онъ былъ одно время профессоромъ въ здѣшней медико-хирургической академіи; но тутъ постигло его нѣчто такое, что, повидимому, навсегда лишило его равновѣсія и способности правильно судить о совершающемся вокругъ него, такъ что даже весьма затруднительно понять эти воспоминанія его изъ той эпохи. Оказывается, съ одной стороны, что тогда „медико-хирургическая академія, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, была главнымъ гнѣздомъ нигилизма“; академическая молодежь, состоявшая, какъ и сословіе профессоровъ, изъ бывшихъ семинаристовъ, по объясненію г. Цюна, была глубоко деморализована и „доставляла революціи самый многочисленный контингентъ“; съ другой же стороны, нѣсколькими страницами ниже, г. Цюнь сообщаетъ свѣдѣнія, прямо идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ, что онъ только-что изложилъ. Читатель, конечно, ожидаетъ, что г. Цюнь будетъ далѣе жаловаться на отвращеніе испорченной молодежи къ такому

благонамѣренному профессору, не изъ семинаристовъ; ничуть не бывало: „студенты,—говорить г. Ціонъ,—сотнями наполняли мою аудиторію, и для практическихъ занятій, продолжавшихся иногда за полночь, мнѣ пришлось охотниковъ до этихъ занятій раздѣлять на три, на четыре группы, по сту человекъ въ каждой; даже попытка ввести серьезныя испытанія въ академіи, гдѣ уже столько лѣтъ экзамены превратились въ пустую формальность, не пошатнула довѣрія ко мнѣ студентовъ“. Когда же г. Ціонъ сказалъ правду—выше или ниже?—и какимъ образомъ въ „гнѣздѣ нигилизма“ г. Ціонъ, по его же свидѣтельству, имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ? Почтенный авторъ объясняетъ только одно,—что именно эта любовь къ нему „революціонной“ молодежи возбудила въ профессорахъ мысль объ „опасности, что нигилизмъ потеряетъ свою лучшую цитадель въ Петербургѣ“, если г. Ціонъ останется профессоромъ и увлечетъ за собою всю молодежь. Началась борьба; г. Ціонъ, преслѣдуемый отовсюду, обратился—было къ цензурѣ, но оказалось, что и „цензура потворствовала тогда смутѣ“; это было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ М. Н. Лонгиновъ; итакъ, если вѣрить г. Ціону, самъ покойный Лонгиновъ „потворствовалъ смутѣ“. Неудивительно послѣ того, что злоба восторжествовала, и г. Ціонъ, оставивъ медицинскую академію, сдѣлался изъ профессоровъ, какими-то неисповѣдимыми путями, главнымъ редакторомъ одной бульварной газеты въ Парижѣ, „Le Gaulois“—нѣчто въ родѣ „Фигаро“, но еще сортомъ ниже. Объ этомъ превращеніи г. Ціонъ только упоминаетъ въ своей статьѣ; остается также неизвѣстнымъ, кто выжилъ его и оттуда и какое амплуа онъ занимаетъ теперь; вѣроятно, съ нимъ случилось то, что, по его словамъ, случается очень часто съ замѣчательными людьми Англіи и Франціи: „въ странахъ, вкушающихъ прелести ежемѣсячныхъ министерскихъ кризисовъ,—говорить г. Ціонъ,—этой благодати парламентаризма, люди, внезапно лишившіеся возможности долѣе распинаться на благо своихъ современниковъ и чувствующие, что ихъ политическая роль снѣта, обыкновенно превращаются въ писателей и литераторовъ; англичане берутся переводить Гомера или пишутъ комментаріи къ библіи; французскіе же государственные люди чаще всего посвящаютъ себя болѣе практической дѣятельности; чтобы облегчить будущему историку нелегкій трудъ вѣрной оцѣнки ихъ великихъ заслугъ предъ отечествомъ, они скромно, въ нѣсколькихъ томахъ, пишутъ себѣ панегирики и какъ дважды-два доказываютъ, что еслибъ зависть противниковъ и ослѣпленіе друзей не положили преждевременно конца ихъ государственной дѣятельности, то они не сошли бы

съ политической сцены, не разрѣшивъ досконально всѣхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди“.

Г-нъ Ціонъ, также встрѣчая вездѣ зависть противниковъ, удался, вѣроятно, отъ дѣлъ, но не сталъ переводить Гомера или писать комментаріи къ библіи, а, какъ бывшій редакторъ французской газеты „Gaulois“, „посвятилъ“ себя болѣе практической дѣятельности“, чтобъ облегчить не только будущему, но и настоящему историку трудъ вѣрной оцѣнки его великихъ заслугъ предъ отечествомъ, въ неустанной борьбѣ его съ либералами. Мѣсто Гомера и библіи у г. Ціона заняли заграничныя произведенія „нигилистическихъ писателей“, а именно В. Крапоткина, Л. Тихомірова, Степняка, и такія изданія, какъ „Вѣстникъ народной воли“; особенное значеніе и особый авторитетъ въ глазахъ г. Ціона имѣетъ г. Крапоткинъ, какъ „самый отъявленный“, но въ то же время самый талантливый изъ русскихъ анархистовъ“. Причина такого предрасположенія со стороны г. Ціона къ вышеупомянутымъ авторитетамъ оказывается весьма простою: и эти авторитеты, и г. Ціонъ одинаково ненавидятъ и презираютъ „либераловъ“, исконныхъ, какъ мы видѣли, враговъ г. Ціона, еще въ ту пору, когда онъ былъ „первымъ“ послѣдователемъ Лассалля. Съ другой стороны, г-ну Ціону нужно для чего-то доказать, что, тѣмъ не менѣе, нѣтъ различія между „русскими либералами“ и между вышеупомянутыми радикалами; этого мало: „либералы“ гораздо хуже и опаснѣе радикаловъ и всевозможныхъ анархистовъ. „Современникъ, Дѣло, Отечественныя Записки, Вѣстникъ Европы,—съ азартомъ замѣчаетъ г. Ціонъ,—дѣлали для революціонной пропаганды больше, чѣмъ Впередъ, Черныя Передѣлы, Вѣстники народной воли и другія, почти конфиденціальныя, изданія“. Всякій, даже мало расположенный къ упомянутымъ изданіямъ, прочтя эту тираду, невольно скажетъ, что „вранье безъ мѣры“ вредитъ собственному дѣлу; но, съ другой стороны, какъ же г. Ціонъ могъ не сказать такой небылицы, послѣ того, какъ онъ столь же торжественно заявилъ, что сама правительственная цензура, при такомъ начальникѣ, какъ М. Н. Лонгиновъ,—„потворствовала смутѣ“: чего же было послѣ этого ожидать отъ печати, при такомъ характерѣ самого главнаго управленія по дѣламъ печати!!.

Трудъ г-на Ціона еще не доведенъ до конца, но вторая статья, посвященная „нигилистамъ и либераламъ“, достаточна сама по себѣ для характеристики всей „антпризы“ г-на Ціона. Мы уже сказали, что г-ну Ціону нужно было въ одну сторону доказать, словами его же авторитетовъ, что „принципіальныхъ различій между революціонерами и нашими русскими либералами не существуетъ“, а въ другую сторону—заявить, что революціонеры въ то же время одинаково пре-

зирають либераловъ за то, что, „преслѣдуя тѣ же (?) цѣли, раздѣляя тотъ же (?) образъ мыслей и питая тѣ же (?) вражды, либералы довольствуются только легальною дѣятельностью и не слѣдуютъ примѣру активныхъ революціонеровъ“.

Г-нъ Ціонъ полагаетъ, что со стороны революціонеровъ „это и глупо, и неблагодарно“, такъ какъ „либералы служатъ не только дѣятельными и неутомимыми вербовщиками для арміи нигилистовъ, а въ то же время открываютъ имъ ворота осаждаемой крѣпости и передаютъ въ ихъ руки самыя важныя пункты“—и, увы! все-таки глупые и неблагодарные революціонеры презирають либераловъ насколько не меньше самого г-на Ціона!

Приемы г-на Ціона для доказательства принципиальнаго тождества либераловъ и радикаловъ таковы, что еслибъ онъ захотѣлъ, то такимъ же способомъ могъ бы доказать что угодно, хотя бы, на примѣръ, сходство самыхъ крайнихъ социалистическихъ ученій съ евангельскимъ ученіемъ; но что же можно было бы вывести отсюда? Наконецъ, развѣ не говорилось то же самое буквально о „консервативахъ“, и развѣ тамъ же не называли ихъ вербовщиками для арміи нигилистовъ, въ другомъ смыслѣ? Самъ г-нъ Ціонъ, въ другомъ мѣстѣ своей статьи, не только допускаетъ, но и самъ соглашается съ тѣмъ, что могутъ быть случаи, гдѣ не только либералы и революціонеры, но даже и „консервативы“, вмѣстѣ съ г-мъ Ціономъ, утверждаютъ согласно одно и то же и не представляютъ между собою никакого принципиальнаго различія; такъ, по словамъ г-на Ціона, и либералы, и революціонеры, и даже онъ самъ, всѣ согласно говорятъ противъ „слишкомъ сильнаго развитія чиновничества въ Россіи, хищенія государственныхъ суммъ, взяточничества, служебнаго произвола, отсутствія сознанія долга и отвѣтственности у разныхъ органовъ власти и неизбѣжной, вслѣдствіе этого, безурядицы“, и т. д. Вѣдь это все собственные слова г-на Ціона, который въ началѣ статьи съ весьма понятною „заднею мыслью“ указывалъ на „принципиальное“ тождество либерализма и анархіи, а ниже самъ же привелъ разъясненіе, иллюстрированное примѣрами, откуда видно, что и самъ г. Ціонъ, въ указанныхъ имъ случаяхъ, раздѣляетъ мнѣніе анархистовъ, оставаясь, какъ онъ самъ себя называетъ, „консервативомъ“. Авторская недобросовѣстность въ настоящемъ случаѣ слишкомъ очевидна, чтобы еще настаивать на дальнѣйшемъ ея разъясненіи. Примѣры такой недобросовѣстности такъ многочисленны въ статьѣ г. Ціона, что для подтвержденія нашихъ словъ пришлось бы чуть не перепечатывать всю статью. Но нельзя не остановиться на одномъ мѣстѣ этой статьи, гдѣ г. Ціонъ, оставляя въ сторонѣ свои „авторитеты“, выступаетъ самъ съ самостоятельными идеями и взглядами на „либераловъ“

вообще и „русскихъ либераловъ“ въ особенности. Г-нъ Ціонъ особенно въ восторгѣ отъ „генеральныхъ совѣтовъ“ во Франціи и предлагаетъ „сравнить права и отправленіе этихъ генеральныхъ совѣтовъ радикальной республики съ правами и отправленіями, которыми наши либералы (sic!) наградили земства самодержавной Россіи“,—и заключеніе явится само собою. Читатели, конечно, сами по достоинству оцѣнить такую шутку автора, которую нельзя иначе назвать какъ глупою: въ самодержавной Россіи не могли награждать земства правами ни либералы, ни „консервативы“. Но, кромѣ глупости, авторъ имѣлъ въ виду указать на преимущества французскаго земства предъ русскимъ: „даже въ департаментахъ чисто-республиканскихъ,—говоритъ г. Ціонъ,—генеральные совѣты заключаютъ въ себѣ множество монархистовъ; такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Уазы, у воротъ Парижа, президентомъ совѣта состоялъ герцогъ Омальскій, самый богатый поземельный собственникъ“. Трудно понять, что хотѣлъ выразить г. Ціонъ, указывая на преимущество французскаго земства, на то, что тамъ члены земства могутъ быть проникнуты враждебными своему правительству идеями. Но, очевидно, тутъ говорилъ не русский, а французскій публицистъ изъ газеты „Gaulois“, который весьма наивно излагаетъ предъ русскимъ читателемъ, что такой порядокъ французскаго земства непременно приведетъ къ гибели французское правительство и доставитъ торжество бонапартизму. Дѣйствительно, г. Ціонъ, забывъ, черезъ 2—3 страницы, сказанное имъ о „преимуществахъ“ земской организаціи во Франціи, рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нынѣшнее положеніе страны и съ восторгомъ вспоминаетъ о блестящей и могущественной Франціи Наполеона III. Это мѣсто весьма характерно для самого г-на Ціона; по этому одному мѣсту мы можемъ судить о публицистическихъ качествахъ и вкусахъ этого писателя и объ особенномъ значеніи всей его статьи.

„Нашимъ либераламъ,—говоритъ г. Ціонъ,—въ ихъ туманныхъ политическихъ идеалахъ, постоянно мерещится примѣръ Франціи (?); они не могутъ упрекнуть насъ въ выборѣ этого примѣра. Двадцать лѣтъ тому назадъ (при Наполеонѣ III) Франція имѣла почти абсолютный режимъ: парламента, въ настоящемъ значеніи этого слова, не было; печать подвержена была системѣ предостереженій и запрещеній; право собраній давалось только во время избирательнаго періода, и то подъ контролемъ полиціи. Теперь—законодательная и исполнительная власть находятся въ рукахъ парламента, печать свободна до-нельзя, право публичныхъ сходокъ неограниченно. И что же мы видимъ?!—воскликаетъ бывшій главный редакторъ бонапартистской газеты „Gaulois“:—прежняя французская магистратура была безупречно честна, даже злѣйшій врагъ имперіи не смѣлъ ни-

когда бросить тѣнь на нее. А теперь?—судебные скандалы (?) творятся почти ежедневно (!). Администрація была образцовая во время имперіи; теперь сами республиканцы жалуются на полную дезорганизацию страны и тщетно ищутъ помочь злу, мѣняя каждый годъ весь административный персоналъ. О честности администраціи и говорить нечего: тогда какъ всѣ столпы имперіи, Руэры, Флѣри, Госсманы остались бѣдняками (?), да и самъ императоръ едва оставилъ 400,000 франковъ ренты своей семьѣ,—теперь скандальныя состоянія, наживаемыя депутатами и министрами, считаются дюжинами (!); взяточничество и казнокрадство процвѣтаютъ открыто; бюджетъ почти утроился въ пятнадцать лѣтъ, а государственный долгъ учетверился; административный произволъ полный; преслѣдованія и шпионство стали главными орудіями власти“. Читая эти хвалы бонапартистскому режиму, при которомъ во Франціи царилъ правый судъ, образцовая и честная администрація, строгая экономія въ бюджетѣ,—невольно припоминаешь сцену еврейскихъ посланцевъ, выхвалявшихъ великому князю Владиміру преимущество ихъ вѣры.—„А гдѣ ваше государство?“—спросилъ великій князь.—А гдѣ же эта ваша имперія?—спросятъ теперь Ціона; и къ чему привели вторую имперію тѣ порядки, которые г. Ціонъ изображаетъ образцовыми?

Помимо такихъ чисто-бонапартистскихъ похотей, все произведеніе г. Ціона преисполнено величайшихъ внутреннихъ противорѣчій, необходимо вытекавшихъ изъ отсутствія въ авторѣ какихъ-нибудь убѣжденій и опредѣленныхъ точекъ зрѣнія. Послѣ того, какъ онъ въ цѣлой статьѣ боролся съ партією русскихъ либераловъ, которой онъ приписывалъ, какъ мы видѣли выше, даже законодательную власть,—въ заключеніе статьи, самъ же г. Ціонъ вдругъ заявляетъ, что „въ сущности у насъ нѣтъ партій“; что „обозначенія нашихъ партій названіями: либералы и консервативы—искусственно“; что у насъ „есть только невѣжды и люди свѣдущіе“. Нужно ли прибавлять, что, по мнѣнію г. Ціона, „невѣжество есть самый большой грѣхъ нашихъ либераловъ“, — и, напротивъ того, „консервативы“ всѣ—люди свѣдущіе. Такимъ разсужденіемъ увѣличиваетъ г. Ціонъ свою статью и формулируетъ свой взглядъ на „русскихъ“ либераловъ; всякому и безъ нашего указанія понятна негѣдность предположенія, чтобы какая-нибудь общественная группа людей могла состоять только изъ невѣждъ, или только изъ людей свѣдущихъ, только изъ глупыхъ людей, или изъ однихъ людей безчестныхъ; никогда и нигдѣ либералы не приписывали себѣ такихъ преимуществъ, и точно также въ отношеніи „консервативовъ“ никогда не думали утверждать, будто всѣ они состоятъ изъ однихъ господъ Ціоновъ.

Нѣсколько благосклоннѣе относится г. Ціонъ къ нашей ежедневной печати и ставитъ ее даже выше заграничной, хотя въ то же время признаетъ, что своими преимуществами русская печать обязана не самой себѣ: въ западной Европѣ, особенно во Франціи, „свобода печати убила не только честность убѣжденных (это г. Ціонъ можетъ знать по собственному опыту), она уничтожила и талантъ... Сплетни и болтовня, которыя прежде были достояніемъ лакейскихъ, теперь занимаютъ первыя страницы большихъ газетъ. У насъ,—замѣчаетъ г. Ціонъ, благодаря нѣкоторому надзору за печатью, еще не совсѣмъ дошли до этого плачевнаго состоянія, хотя тенденціи къ тому обозначаются все яснѣе и яснѣе“. Очень жаль, что сами наши газеты, въ своей полемикѣ другъ съ другомъ, высказываютъ, и не безъ основанія, прямо противоположное мнѣніе относительно серьезности нашей ежедневной печати; одна перебранка петербургскихъ газетъ могла бы удостовѣрить г-на Ціона, что въ этомъ отношеніи наша печать вовсе не подлежитъ никакому надзору, да и г-ну Ціону не можетъ быть безъизвѣстно то, что нигдѣ и никогда правительственная цензура не учреждалась съ цѣлью воздерживать газеты отъ „сплетенъ и болтовни“. При нѣкоторой добросовѣстности, г. Ціонъ долженъ былъ бы засвидѣтельствовать, что во всемъ мірѣ органы печати бываютъ столь же различны, какъ бываютъ различны теченія и умственные уровни различныхъ общественныхъ группъ; но отзывъ о французской печати справедливъ только по отношенію къ одной ея части, къ которой принадлежалъ и редактируемый г-мъ Ціономъ „Gaulois“; но онъ въ высшей степени несправедливъ по отношенію къ серьезнымъ газетамъ, какъ „Débats“, „Temps“ и др. Г. Ціонъ совершенно справедливо свидѣтельствуетъ, что у насъ существуетъ „нѣкоторый надзоръ за печатью“; но, тѣмъ не менѣе, мы нисколько не уступаемъ заграничной печати въ ея недостаткахъ, указанныхъ г-мъ Ціономъ; это и неудивительно, такъ какъ „надзоръ за печатью“ вовсе не имѣетъ въ виду домашней нравственности газетъ; но такіе серьезные и независимые органы, какъ „Débats“ и „Temps“, не можетъ, конечно, создать у насъ никакой „надзоръ за печатью“,—что бы ни говорилъ г. Ціонъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Отъ Редакціи. — Въ іюлѣ мѣсяцѣ получено въ редакціи на образованіе неприкосновеннаго капитала для поддержанія сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда:

1) Отъ продажи фотографій пор- трета К. Д. Кавелина, работы художн. Ярошенко, на пере- движной выставкѣ въ Спб. и Москвѣ вырученныхъ . . .	104 р. — к.
2) По 1-ое іюля доставлено . .	1,908 " 14 "
3) По 1-ое іюля доставлено для поддержанія сель- ской школы Кавелина и для памятника ему.	2,012 р. 14 к. 1,446 " 50 "
4) По 1-е іюля доставлено для памятника. . .	321 " — "
Всего по 1-ое августа .	3,779 р. 64 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Литература. Исторія въ девяти книгахъ. Переводъ съ греческаго Ф. Г. Мищенко, съ его предисловіемъ и указателемъ. Тамъ П. М. 1886. 8°. I-X, 370 и 256 стр. Ц. 4 р.

И въ эту старую судъ надъ Геродотомъ. Ф. Мищенко. М. 1886. I-X стр. Ц. 50 к.

Впередъ тому же довершается замѣчательное изданіе г. Мищенко. „Геродотъ.“—одна изъ нашихъ всемірныхъ книгъ, которая не можетъ переставать, въ переводѣ, во всякой значительной литературѣ, и въ передачѣ г. Мищенко не является у насъ изъ достойныхъ видѣ. Переводчикъ отнесся къ дѣлу чрезвычайно добросовѣстно. Въ обширномъ предисловіи по второму тому онъ изложилъ мнѣнія, существующія въ современной ученой литературѣ о степени достоверности „отца исторіи“: древность не особенно довѣрала Геродоту; XVIII-й вѣкъ, по общему священническому отношенію къ народному преданію, также причислялъ его сказанія къ вымысламъ; классики XIX-го столѣтія, напротивъ, придали высочайшее значеніе его показаніямъ; въ настоящее время, съ небывалыми прежде пристрастіями въ области греческой и восточной хронологіи, снова возникаетъ недоумѣніе къ Геродоту,—и авторъ, наконецъ, считаетъ нужнымъ дать его подъ свою защиту. Значительная часть изъ предисловія занята опроверженіемъ мнѣній нашихъ послѣднихъ критиковъ Геродота въ томъ отрицательномъ направленіи, англійскаго писателя Селеса.—Особенную заслугу труда г. Мищенко составляетъ обширный (въ 256 страницъ) указатель, съ объяснительными примѣчаніями: указатель заключаетъ въ себѣ все собственнаго писателя—народы, лица, землѣ, городамъ и другимъ предметамъ; даѣе, указанія предметамъ въ большихъ запискахъ имѣетъ вещей, культурныхъ понятій и т. д. Для тѣхъ, кто будетъ изучать Геродота или будетъ нуждаться въ справкахъ, указатель доставитъ самую действительную помощь. Примѣчанія къ указываемымъ словамъ иногда очень обширны; „Синоія“ и „Синоя“ замѣняютъ въ указателѣ до 6 страницъ. Вторая послѣдняя книжка есть отдѣльное изданіе предисловія. Выбѣность изданія прекрасная.

Н. Лихачевъ, Григорій Николаевичъ Городчанинъ и его сочиненія. Библиографическая записка. Казань, 1886. 8°. 83 стр.

Въ Городчанинова (1771—1852) извѣстно было занимающимся старой русской литературой. Книга основана на казанскій университетъ, то потребовался „чиновникъ для русской литературы“, и Городчанинъ былъ въ Казани „человекъ“, „краснорѣчивъ, стихотворецъ и языка русскаго профессоромъ“. Это былъ закованный классикъ, приверженность котораго къ Магницкому и Шинкову осталась неодолимой, несмотря на то, что въ литературѣ были Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. Вся деятельность его проходила въ Казани, и „лучшей работой“ ея авторъ называетъ шесть дѣтъ управленія Магницкаго (стр. 8). Городчанинъ по началу издалъ какъ разъ подомощь къ Магницкому, и обратно, и Городчанинъ сдѣлался „послѣднимъ“. Не знаемъ только, что было „душного“. По собственному указу біографа, Городчанинъ былъ очень плохимъ профессоромъ русской словесности.—Биографъ любилъ анекдотическими чертами, изрѣками тѣмъ стариннаго классика, покло-

ниваго Шинкову. Затѣмъ въ книгѣ г. Лихачева сообщается подробный списокъ сочиненій Городчанинова, въ стихахъ и въ прозѣ.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть первая 1810—1864. Составилъ В. Зелинский. М. 1886. 184 стр. Ц. 1 р.

Намъ уже случалось говорить о сборникахъ г. Зелинскаго и объ его „Алфавитномъ справочникѣ“ по Гроту. На этотъ разъ предметомъ собранія служатъ критическія статьи о Некрасовѣ. Въ книгѣ соединено до 30 статей о Некрасовѣ изъ старыхъ журналовъ, и больше 30 другихъ указано. Послѣднее сдѣлано для большей полноты, „такъ какъ желательно было бы, чтобы каждый издаваемый мною сборникъ критикъ сдѣлалъ бы въ свою очередь не только комментаріемъ къ произведеніямъ того или другаго писателя, но и кѣмъ съ тѣмъ былъ бы и полной справочной книгой по критической литературѣ писателя“.... Намъ объявленъ на оберткѣ узнаемъ, что г. Зелинскій печатаетъ еще „Грамматическій задачникъ“ для упражненій въ русскомъ языкѣ; послѣдняя приведенная фраза могла бы занять въ немъ мѣсто въ числѣ описокъ противъ русскаго языка.—Статьи собраны въ сиромъ видѣ, и назвать сборникъ „комментаріемъ“ никакъ нельзя. Комментаріемъ называется объясненіе цѣльное и съ одной точки зрѣнія, а здѣсь предлагаются читателю отдѣльныя статьи, иногда съ сужденіями прямо противоположными, и ничѣмъ не объединенныя.

Материалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Самоучки. Собралъ Н. С. Ремезовъ. Съ приложеніемъ 4-хъ портретовъ. Спб., 1886, стр. VIII и 162. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности наиболѣе выдающихся самоучекъ, приобретшихъ у насъ извѣстность въ области науки и искусствъ. Въ настоящей книгѣ помѣщены біографіи пяти дѣятелей—крестьянина Посовкова, механика Кулибина, иконописца Ступина, стихотворца Слѣпушкина и астронома Семенова. Почтенный авторъ замѣчаетъ въ предисловіи, что самоучки, во всякомъ случаѣ, „представляютъ явленія ненормальныя, указывающія, въ свою очередь, на ненормальное состояніе современнаго намъ общества“. Поэтому, „если народу и естественно гордиться блестящими способностями своихъ соотечественниковъ-самоучекъ, то обществу, во всякомъ случаѣ, автодидакты служатъ живымъ укоромъ въ недостаточной заботливости о народномъ образованіи и неимѣніи къ тѣмъ социальнымъ недугамъ, которые превращаются въ распространенію просвѣщенія“. Самоучки тратятъ много времени на изслѣдованіе давно разрѣшенныхъ вопросовъ и обнаруживаютъ значительныя пробѣлы въ своихъ познаніяхъ, что было бы невозможно при систематическомъ образованіи; затѣмъ, „доходя до всего сама и невольно увлекались одержанными надъ затрудненіями побѣдами, они приобретаютъ преувѣренное мнѣніе о своихъ силахъ, не придавая при этомъ надлежащаго значенія посторонней помощи и не ища особаго уваженія къ труду другихъ“. Книга г. Ремезова составлена весьма добросовѣстно и будетъ съ интересомъ прочитана всѣми интересующимися исторіей народнаго просвѣщенія въ Россіи.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1886 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:				Годъ: Полгода: Четверть:			
Въз. доставкѣ . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою . . .	17 „ — „	10 „ 6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „		За границей . . .	19 „ — „	11 „ 7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Пезковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылаютъ подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ какомъ-либо изъ указанныхъ мѣстъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ въ теченіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

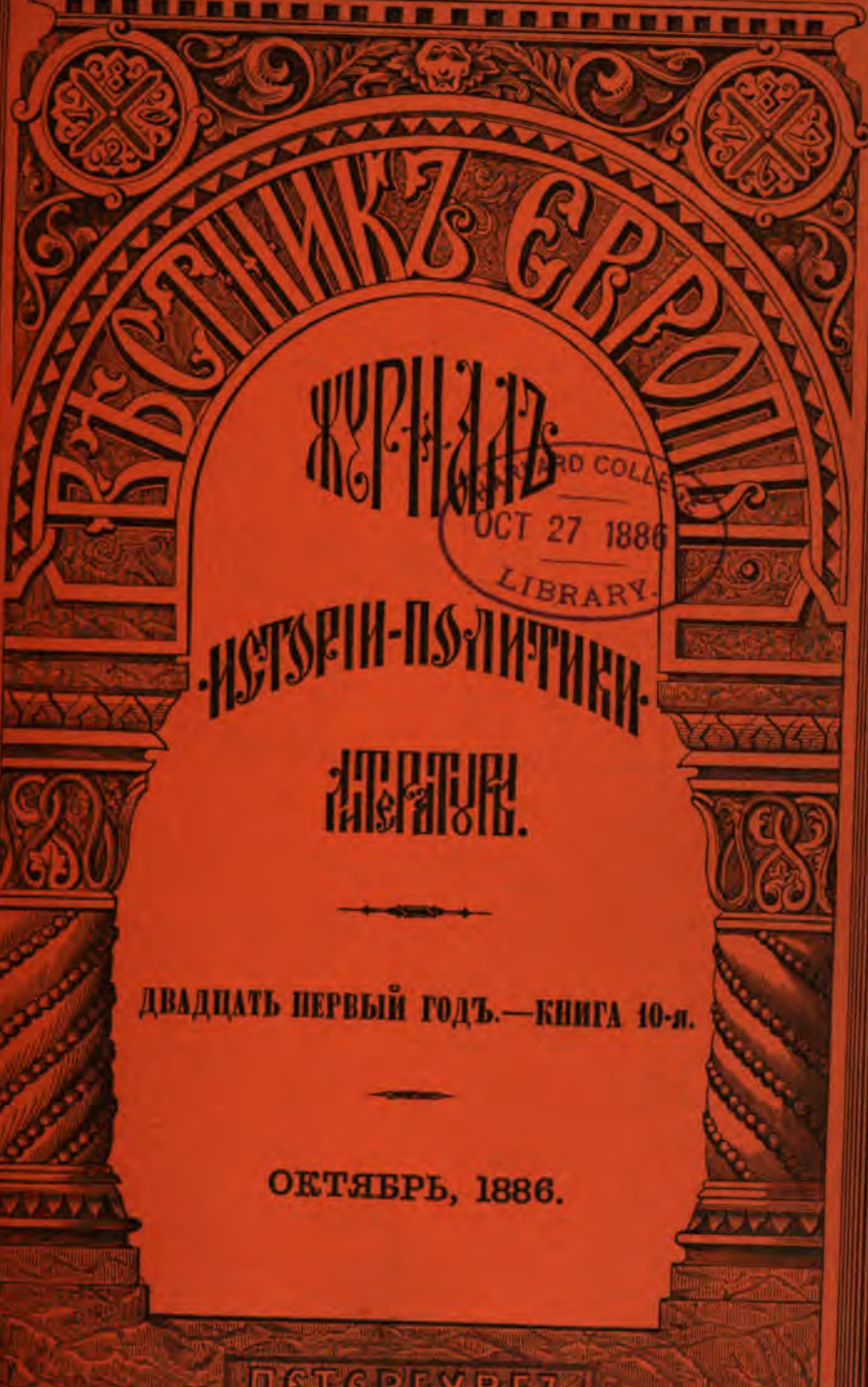
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪСТАНОВЛЕНЪЕ

ЖУРНАЛЪ

STANDARD COLLEGE
OCT 27 1886
LIBRARY

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.

ОКТАБРЬ, 1886.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. А. ШАРОМАНЪ

С. А. ШАРОМАНЪ

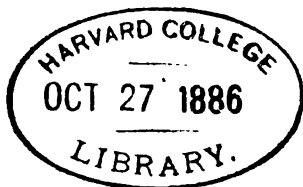
КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1886.

Стр.

I. — ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ. — Картины морской жизни. — Изъ далекаго про- шлаго. — I-VII. — И. Ст.	423
II. — ДЮМА-СЫНЪ ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. — I-VI. — И. Д. Бабарыкина	451
III. — ПЕРСИДСКІЙ ЭНДЕРУНЪ. — Письма изъ Тегерана. — I-III. — Д. К.	501
IV. — СТИХОТВОРЕНІЕ. — Мысли безъ рѣчи и чувства безъ названія, и т. д. — В. С. Соловьева	549
V. — РОССИЯ И ЕВРОПА ВЪ ЭПОХУ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. — XIV. Главнѣй- шія событія до парижскаго конгресса. — XV. Парижскій конгрессъ и трактаты 1856 г. — Окончаніе. — Бар. А. Г. Жюини	550
VI. — ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ. — Романъ Вальтера Безанта. — Съ англійскаго. — Книга первая: VI-X. — Книга вторая: I-VII. — А. Э.	620
VII. — ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА. — VIII. — Н. Щедрина	687
VIII. — ТИПЫ ЛАТИНСКАГО КВАРТАЛА. — Очерки. — I-IV. — Н. Б. — въ	701
IX. — К. Д. КАВЕЛИНЪ. — Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и вос- поминаній. — VI. Первые годы моего знакомства съ Кавелинымъ, 1861—1864. — Д. А. Корсакова	781
X. — ПИСАТЕЛЬ ПРОШЛАГО ВѢКА, ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ. — А. В. Пыпина	759
XI. — ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Законъ 3-го іюня о фабричной работѣ; его сильныя и слабыя стороны. — Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. — Законъ 9-го іюня о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ, со- поставленный съ закономъ 1882 г. о возмѣхъ людяхъ и съ поощрительными домогательствами. — Желѣзно-дорожные тарифы прямого заграничнаго сообще- нія. — Новый отдѣлъ проекта уголовного уложенія	797
XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Особенное положеніе балканскихъ народовъ и ихъ правительствъ. — Параллель между королемъ Миланомъ и бывшимъ кня- земъ Болгаріи. — Неудачные правители и претенденты. — Отношенія между дер- жавами и болгарскія дѣла	823
XIII. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Очерки исторіи развитія физико-математиче- скихъ знаній въ Россіи, В. Бобинина. — А. П. — О пониманіи, Вас. Розанова. — Д. С. — Вѣчные вопросы адвокатуры, Д. Немыдовскаго. — Учебникъ исторіи: Средняя Исторія, А. Травескаго. — К. К.	835
XIV. — ОДИНЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РЕСТАВРАЦІИ. — Литературная замѣтка. — А. и. —	847
XV. — ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Мировой судъ и его роль посреди нашихъ государственныхъ учрежденій. — Недавній сенатскій указъ, усиливаю- щій отчетность мировыхъ судей. — Церковно-приходскія школы въ петербург- ской губерніи. — Национальность, какъ основаніе судебнаго приговора. — Га- зетные толки по поводу награды редактора одной изъ газетъ.	864
XVI. — ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Отъ Редакціи. — Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина и на надгробный ему памятникъ	876
XVII. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Полное собраніе сочиненій Неврасова, въ 2-хъ томахъ. — Иллюстрированная жизнь животныхъ, А. Брэмъ, т. III. — Пол- ное руководство къ изученію повивальнаго искусства, д-ра П. В. Добри- нина. — Лессингъ. — Драматическія сочиненія. — Годъ въ пещерахъ, А. Майера. — Русскія желѣзныя дороги и ихъ слабыя стороны, Н. П. Добрынина. — Ката- комбы, Евгений Тура.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1857 г. см. ниже, на оберткѣ.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ

КАРТИНКИ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

Изъ далекаго прошлаго.

I.

Ослѣпительно роскошный пейзажъ предсталъ во всей своей красотѣ, когда солнце, медленно выплывъ изъ-за горизонта, залило свѣтомъ и блескомъ островъ, утопавшій въ зелени, на фонѣ которой сверкали бѣлые дома и хижины маленькаго Гонулулу, пріютившагося у лагуны коралловаго рифа, подъ склономъ зеленѣющихъ горъ съ обнаженными золотистыми верхушками.

Чарующая роскошь тропической растительности, блескъ моря, зелени и свѣта, переливы то нѣжныхъ, то яркихъ красокъ, сверкавшихъ подъ лучами солнца, тихо плывущаго въ бирюзовую высь, — все это казалось какой-то волшебной декораціей. Не вѣрилось, что на-яву видишь такую прелесть.

Вокругъ царила мертвая тишина. Только изъ-за узкой полоски барьернаго рифа, отдѣляющаго лагуну отъ океана, доносился тихій ропотъ замиравшей зыби. Городъ еще спалъ въ своей кудрявой зеленой люлькѣ. Рейдъ былъ безмолвенъ. Плюпки не сновали между берегомъ и нѣсколькими судами, стоявшими на рейдѣ, и

онъ была безлюдна.

Еди этой торжественной тишины расцвѣтавшаго тропическаго вдругъ раздался свистъ боцманской дудки, и вслѣдъ затѣмъ и гонулульскаго рейда разнеслись энергическія привѣтствія су матросскихъ родственниковъ, — внезапно напомнивъ вамъ, находитесь на оторванномъ клочкѣ далекой родины — на

ъ V. — Октабрь, 1886.

28/1

палубѣ русскаго клипера, въ тотъ самый моментъ, когда начинается генеральная чистка, послѣ прихода военного судна на рейдъ.

Это—не обычная, ежедневная чистка, нѣсколько напоминающая мытье голландскихъ городковъ, а нѣчто еще болѣе серьезное. Это—то торжественное жертвоприношеніе богу морского порядка и богинѣ чистоты, которое матросы коротко называютъ „каторжной чистотой“.

Клиперъ пришелъ на рейдъ наканунѣ, передъ вечеромъ, и потому „чистота“ была отложена до утра. И вотъ, какъ только пробило восемь сткляноѣ (4 часа), клиперъ ожилъ.

Босые, съ засученными до колѣнъ штанами, матросы разсыпались по палубѣ. Одни, ползая на четверенькахъ, усердно заскребли ее камнемъ и стали тереть пескомъ; другіе „проходили“ голивами, мылили щетками борта снаружи и внутри и оканивали затѣмъ все обильными струями воды изъ бранспойтовъ и парусинныхъ ведеръ, встати тутъ же свершая утреннее свое омовеніе.

Подъ горячими лучами тропическаго солнца палуба высыхаетъ быстро, и тогда-то начинается настоящая „отдѣлка“. Нѣсколько десятковъ матросскихъ рукъ принимается убирать судно, словно кокетливую, капризную барыню на балъ.

Клиперъ снова труть, скоблать, тиранять—теперь уже „на-чисто“—подкрасиваютъ борты, подводятъ на нихъ полоски, наводятъ глянecъ на пушки, желая, во что бы ни стало, уподобить чугунную поверхность зеркальной, и оттираютъ мѣдь люковъ, поручней и кнехтовъ съ такимъ остервенѣніемъ, словно бы рѣшились тереть до тѣхъ поръ, пока блескъ мѣди не сравнится съ блескомъ солнца.

Перегнувшись на реяхъ, марсовые ровняютъ закрѣпленные паруса; на марсахъ подправляютъ „подушки“ парусовъ у топовъ. Внизу—разбираютъ и укладываютъ снасти. Двое матросовъ висятъ по бокамъ дымовой трубы на маленькихъ, укрѣпленных на веревкахъ, дощечкахъ, слывущихъ на морскомъ жаргонѣ подъ громкимъ названіемъ „бесѣдовъ“ (хотя эти „бесѣдки“ такъ же напоминаютъ настоящія, какъ висѣлица—турецкій диванъ),—подбѣливая мѣста, чуть тронутыя сажей, и мурлыкая себѣ подъ носъ однообразный мотивъ, напоминающій въ этихъ южныхъ широтахъ о далекомъ сѣверѣ.

Уборка въ полномъ разгарѣ. Старый боцманъ Щукинъ, по обыкновенію, ужъ начинаетъ сипнуть отъ ругани, придумывая самыя затѣйливыя и неожиданныя варіаціи на одну и ту же тему, не столько ради необходимости „поощрить“, сколько для соблю-

денія боцманскаго престижа и изъ желанія щегольнуть плодами своей неистощимой ругательной фантазіи. Въ этомъ онъ рѣшительный виртуозъ, не знающій соперниковъ. Не даромъ онъ считается заправскимъ боцманомъ и служитъ во флотѣ пятнадцать лѣтъ.

У матросовъ работа кипитъ. Они лишь урывками бѣгаютъ своей особенной матросской побѣжкой (въ припрыжку) на бакъ ¹⁾—курнуть на скорую руку, захлебываясь затяжками махорки,—взглянуть на сіяющій зеленый берегъ и перекинуться замѣчаніями насчетъ окружающей благодати.

Такая же отчаянная чистка идетъ, разумѣется, и внизу: въ палубѣ, въ машинѣ, въ трюмѣ, словомъ, повсюду, до самыхъ сокровенныхъ уголковъ клипера, куда только могутъ проникнуть жвабра, голикъ и скрябеа и долетѣть крѣпкое словечко.

Уже восьмой часъ на исходѣ.

Уборка почти окончена. Только кое-гдѣ еще мелькаютъ послѣдніе взмахи суконовъ, и кладутся послѣдніе штрихи маларной кисти.

Матросы только-что позавтракали, переодѣлись въ чистыя рубахи и толпятся на бакѣ, любясь роскошнымъ островомъ и слушая рассказы плюпочныхъ, побывавшихъ вчера на берегу, когда отвозили офицеровъ.

Въ открытый люкъ каютъ-компаніи виднѣнъ накрытый столъ съ горой свѣжихъ булокъ и слышны веселые голоса только-что вставшихъ офицеровъ, рассказывающихъ за чаемъ о вчерашнемъ ужинѣ на берегу, о красотахъ апельсинной рощи, о прелестяхъ баначекъ...

Все теперь готово къ подъему флага и брамъ-рей. Клиперъ „приведенъ въ порядокъ“, т.-е. принялъ свой блестящій, праздничный, нарядный видъ. Теперь не стыдно его показать кому угодно. Сдѣлайте одолженіе, пожалуйста, и разиньте рты отъ восхищенія при видѣ этого умопомрачающаго блеска!

Палуба такъ и сверкаетъ бѣлизной своихъ гладкихъ досокъ съ черными, вытянутыми въ нитку, линіями просмоленныхъ пазовъ и такъ чиста, что хоть не ходи по ней („чихнуть некуда“, какъ говорятъ матросы). Борты—что зеркало, глядись въ нихъ! Орудія, люки, компасъ, поручни—просто горять, сверкая на солнцѣ. Матросскія койки, скатанныя въ красивые кульки и перевязанныя крестъ-на-крестъ,—бѣлы, какъ снѣгъ, и на удивленіе выровнены въ своихъ бортовыхъ гнѣздахъ. Снасти подтянуты, и концы ихъ

¹⁾ Передняя часть судна.

уложены правильными кругами въ кадекахъ или висятъ затѣйливыми гирляндами у мачтъ... Словомъ, куда ни взгляни, вездѣ ослѣпительная чистота. Все горитъ, все сверкаетъ!

И даже клиперскій песъ, Мунька, щенкомъ взятый изъ Россіи, плавающий съ нами второй годъ и наметавшійся-таки въ морскихъ порядкахъ,—словно понимая торжественность минуты, старательно охорашивается и вылизываетъ свои черныя мохнатыя лапы,—забравшись въ сторонку, подъ пушку, чтобъ не попадаться на глаза старшему офицеру, Василию Ивановичу. Въ качествѣ старшаго офицера, Василій Ивановичъ не особенно благоволитъ къ общему любимцу Мунькѣ, ибо знаетъ за нимъ кое-какія неблаговидныя продѣлки, нарушавшія, къ ужасу Василя Ивановича, самымъ позорнымъ образомъ великолѣпную чистоту палубы. Хотя Мунька, послѣ основательной порки, давнымъ-давно исправился и вмѣстѣ съ двуногими существами смотритъ на палубу какъ на священное мѣсто, тѣмъ не менѣе, чувствуетъ, что Василій Ивановичъ все еще не вполне довѣряетъ собачьему благонравію, и потому, какъ благоразумный песъ, старается быть подальше отъ глазъ начальства въ тѣ торжественныя часы, когда на суднѣ свершается культъ чистоты, и когда, слѣдовательно, Мунькиной шкурѣ, болѣе, чѣмъ когда-либо, грозитъ серьезная опасность.

II.

Низенькій, гладкій и круглый, какъ кубышка, пожилой лейтенантъ, щеголевато одѣтый во все бѣлое, съ безукоризненно чистыми воротничками — „лиселями“, подпиравшими короткую, загорѣвшую шею, стремительно выскочивъ снизу, появился на шканцахъ.

Это — „самъ“ Василій Ивановичъ, старшій офицеръ, помощникъ капитана, „хозяйскій глазъ“ клипера и главный жрецъ порядка,—прозванный матросскимъ остроуміемъ, дающимъ началству свои неофіціальныя клички, — „Чистотой Ивановичемъ“.

Его круглое, широкое и добродушное лицо съ тщательно выбритыми мясистыми щеками и толстой, небольшой луковкой между ними, исправляющей должность носа, лоснится и сияетъ, какъ мѣдная пушка на ютѣ. Василій Ивановичъ, очевидно, въ отличномъ настроеніи. Не даромъ онъ жмурится, какъ котъ, которому чешутъ за ухомъ.

Съ самаго ранняго утра—какъ только началась чистка—Василій Ивановичъ, какъ волчокъ, носился по клиперу. То здѣсь,

то тамъ, то на палубѣ, то внизу, мелькала его толстенъкая, подвижная фигурка въ коротенькомъ рабочемъ пальто-буршлатикѣ, въ сбившейся на затылокъ фуражкѣ, и раздавался его пронзительный, нѣсколько визгливый тенорокъ. Вездѣ „нюхаль“, по выраженію матросовъ, Василій Ивановичъ. Тамъ покрикивалъ, здѣсь похваливалъ, и несея далѣе, возбужденный и озабоченный.

Такъ носился онъ во все время уборки и затѣмъ сдѣлалъ генеральный осмотръ клипера. Куда только не заглядывалъ онъ! Въ какія только „узкости“ и едва доступныя мѣста не залѣзалъ Василій Ивановичъ, несмотря на свое почтенное брюшко!

Въ сопровожденіи боцмана Щукина, который насчетъ чистоты и порядка былъ, пожалуй, еще *plus royaliste que le roi*, Василій Ивановичъ обошелъ нижнюю палубу, спускался въ машинное отдѣленіе, лазилъ по кубрикамъ и по трюму. Вездѣ онъ зорко оглядывалъ, вездѣ, въ случаѣ сомнѣнія, пробовалъ пальцемъ—чисто ли? (И Щукинъ слѣдовалъ примѣру Василія Ивановича—тоже пробовалъ). Въ трюмѣ оба жреца чистоты нагнулись надъ мѣстомъ, гдѣ скопляется трюмная вода, и добросовѣстно потянули носами—хорошо ли она пахнетъ? Понюхали, остались довольны и пошли прочь.

Вездѣ былъ примѣрный порядокъ. Во время осмотра, взгляды маленькихъ добрыхъ сѣрыхъ глазокъ Василія Ивановича ни разу не загорался внезапнымъ гнѣвомъ; толстенъкая, волосатая его рука не сжималась нервно въ кулакъ и изъ-подъ нависшихъ рыжихъ усовъ, прикрывавшихъ толстыя, сочныя губы, не срывались внушительныя привѣтствія, столь любимыя моряками вообще, а старшими офицерами и боцманами въ особенности.

Осмотрѣвъ все внизу, Василій Ивановичъ могъ съ спокойнымъ сердцемъ отправиться въ каюту и посвятить четверть часа своему туалету. Онъ любилъ-таки заняться своей особой. Онъ тщательно выбрился, вымылся, попрыскалъ себя одеколономъ, основательно подчесалъ височки впередъ и подфабрилъ усы, не безъ самодовольнаго чувства любуясь отраженіемъ круглаго мясистаго добродушнаго лица, и, взглянувъ на часы, торопливо облекся въ свѣжую бѣлую пару, чтобы къ подъему флага (въ 8 часамъ) быть, по обыкновенію, чистымъ и сіяющимъ, какъ и самый клиперъ, о благолѣпіи котораго онъ такъ ревновалъ.

Веселый и довольный, что все въ порядкѣ, что погода славная („отлично тавселяжъ тянуть!“) и что не вредно будетъ съѣздить на берегъ—посмотрѣть на каначекъ, какія онѣ такія,—Василій Ивановичъ взбѣжалъ, съ ловкостью настоящаго моряка, по трапу на мостикъ. Тамъ лѣниво шагаль, ожидая смѣны и чаю, моло-

денькій вахтенный мичманъ, уставшій уже любоваться, въ теченіе четырехъ-часовой вахты, красотами тропической природы и съ завистью посматривавшій въ открытый люкъ каютъ-компаніи на стаканы съ чаемъ, булки, сливки и масло.

— Все готово у васъ къ подъему брамъ-рей? — спросилъ Василій Ивановичъ, принимая озабоченный, служебный видъ, хотя отлично зналъ, что все давно готово.

— Все готово-съ! — отвѣчалъ и мичманъ официальнымъ тономъ, видимо щеголяя служебной аффектаціей въ отвѣтъ старшему офицеру.

— Какъ время?

— Полъ-стелянки до восьми!

И затѣмъ, выдержавъ паузу, мичманъ прибавилъ уже неофициальнымъ тономъ:

— Кругомъ-то прелесть какая! Взгляните, Василій Ивановичъ!

— Еще будетъ-съ время любоваться, батенька, красотами природы... Эхъ вы, поэтъ! — съ веселой снисходительностью прибавляетъ Василій Ивановичъ.

И, какъ будто на зло эспансивному мичману, любующемуся на вахтѣ природой, Василій Ивановичъ даже не взглянулъ на сіявшій роскошью красокъ островъ, а, разставивъ фертонъ свои коротенькія ножки и задравъ кверху голову, сталъ осматривать — хорошо ли выправленъ рангоутъ.

Онъ не просто осматривалъ, а, можно сказать, священнодѣйствовалъ. То слегка присѣдалъ, держась руками за поручни, то приподнимался на ципочки, то прикладывалъ руки къ глазамъ, съ серьезной торжественностью провѣряя выправку рей и зорко оглядывая, не „виситъ“ ли какая-нибудь веревка.

Точно такія же движенія и съ такой же, если еще не съ большей, серьезностью, продолжалъ на бабѣ, вслѣдъ за Василіемъ Ивановичемъ, и боцманъ Щукинъ, взглядывая по временамъ на старшаго офицера, причемъ весь подавался впередъ, вытягивая свое красное, загорѣлое лицо и настороживъ ухо — не будетъ ли какого замѣчанія.

Наконецъ, они оба окончили свои гимнастическія упражненія. Все, слава Богу, и наверху въ исправности! Рей выправленъ безукоризненно; паруса закрѣплены на совѣсть; такелажъ подтянутъ.

Василій Ивановичъ окончилъ осмотръ, но все еще продолжаетъ любоваться общимъ видомъ клипера съ тѣмъ чувствомъ удовлетворенія и гордости, съ какимъ хорошій хозяинъ смотритъ на дѣло рукъ своихъ. Лаская клиперъ любовнымъ взоромъ и

глядя на весь этотъ блескъ, на все это великолѣпіе судна, онъ могъ по совѣсти воскликнуть, какъ Кукушкина въ „Доходномъ Мѣстѣ“: — „У меня-ль не чистота, у меня-ль не порядокъ!“

III.

Съ этой почтенной дамой у Василя Ивановича, какъ и у многихъ старыхъ моряковъ, было-таки не мало сходства. Онъ не меньше ея былъ влюбленъ въ чистоту и порядокъ, и на служеніе имъ положилъ всю свою душу, добровольно создавъ себѣ изъ своей обязанности, и безъ того не легкой, нѣчто въ родѣ подвижничества.

Съ утра до вечера, и въ морѣ, и на якорѣ, Василій Ивановичъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, наблюдая, чтобы клиперъ былъ „игрушкой“, чтобы работы „горѣли“. Онъ искренно скорбѣлъ, если паруса крѣпились не въ четыре минуты, а въ пять, и приходилъ въ отчаяніе, если на другомъ суднѣ работали скорѣй, чѣмъ на клиперѣ. Онъ хмурилъ брови при видѣ пятна на борту и не на шутку волновался, поймавъ гардемарина, который осмѣливался, по молодости лѣтъ, плюнуть на палубу, а не за бортъ.

Тогда Василій Ивановичъ весь краснѣлъ и гнѣтухомъ набрасывался на преступника.

— Какъ же это можно-съ! Палуба, можно сказать, въ нѣкоторомъ родѣ-съ, священное мѣсто-съ, а вы, съ позволенія сказать-съ, плюете-съ!—взволнованно говорилъ Василій Ивановичъ, прибавляя въ такихъ случаяхъ, для большей внушительности, „съ“. — Вы плюнете-съ, другой плюнетъ-съ, третій харкнетъ-съ,—во что обратится тогда палуба-съ! Вамъ бы примѣръ подавать нижнимъ чинамъ, а не плевать-съ... Этого нельзя-съ, господинъ гардемаринъ!

„Господинъ гардемаринъ“ выслушивалъ выговоръ, приложивъ руку къ козырьку фуражки и стараясь сохранить на лицѣ самую серьезную мину. И Василій Ивановичъ отходилъ, нервно поводя плечами и теребя свои усы.

Минуть черезъ пять, десять, Василій Ивановичъ обыкновенно снова подходилъ къ провинившемуся и, взявъ его подъ руку, уже весело замѣчалъ своимъ обычнымъ, добродушнымъ тономъ, какимъ говорилъ не по службѣ:

— А вы, батенька, не будьте въ претензіи, что я васъ рас-

пушиль... Безъ этого нельзя! Служба — службой, а дружба — дружкой, голубчикъ!

И, стараясь загладить непріятное впечатлѣніе выговора, Василій Ивановичъ пускался рассказывать, какъ его, бывало, „разносили“ („тогда этихъ нынѣшнихъ деликатностей не было, батенька!“) и нерѣдко утащивалъ стаканомъ портера изъ своего собственнаго запаса.

— Выпейте, батенька! Это здоровый напитокъ! — ласково приговаривалъ онъ.

Въ заботахъ о клиперѣ сосредоточивались всѣ интересы Василія Ивановича. Другихъ, казалось, онъ не зналъ или, по крайней мѣрѣ, забылъ о нихъ на время. Всегда занятый, умѣвший создать себѣ заботы, если ихъ не было, и изъ пустяка сдѣлать серьезный вопросъ, — Василій Ивановичъ наполнялъ, такимъ образомъ, жизнь, не зная скуки, не нуждаясь въ чтеніи, не тяготаясь однообразіемъ судовой жизни. Поглощенный службой, онъ, казалось, былъ вполне доволенъ и счастливъ, и долгое плаваніе ему ни почемъ. Ничто его не тянуло въ Россію. Ни мать, ни сестра, ни невѣста не ждали его возвращенія.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ морскихъ служаекъ, которые тянутъ лямку, никогда не выдаваясь, ни на что не претендуя и всегда оставаясь въ тѣни. Исправный, исполнительный офицеръ, добрый товарищъ, не знавшій интригъ и служебнаго пролазничества, онъ никогда никуда не просился и всегда старался быть подалѣе отъ начальства, словно боясь, какъ бы его не замѣтили. Лишь черезъ пятнадцать лѣтъ службы Василія Ивановича, наконецъ, назначили старшимъ офицеромъ на судно, отправлявшееся въ кругосвѣтное плаваніе, и то благодаря хлопотамъ командира, давно знавшаго Василія Ивановича. Самъ онъ никогда бы не рѣшился безпокоить высшее начальство, увѣренный, что оно само знаетъ, кто чего достоинъ. Вдобавокъ онъ и трусилъ начальства, терялся въ его присутствіи и временами совсѣмъ опалѣвалъ. Смотръ какого-нибудь адмирала бывалъ для Василія Ивановича настоящей пыткой. Онъ заранѣе волновался, и хотя зналъ, что на клиперѣ все въ исправности, а все-таки трусилъ.

— А вдругъ онъ да что-нибудь замѣтитъ! — говорилъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ Василій Ивановичъ, и, лично храбрый, не терявшійся во время бурь и непогодъ, онъ падалъ духомъ и тихонько крестился, чтобы все „промело“ благополучно.

Разумѣется, по большей части, все „прометало“ благопо-

лучно, и Василій Ивановичъ радостно пыхтѣлъ, когда адмиральская гичка отваливала отъ борта.

— Антоновъ! — весело кричалъ своему вѣстовому Василій Ивановичъ, спускаясь, постѣ проводовъ адмирала, въ какую-компанію:—достань-ка, братецъ, бутылочку портерку!

И, весь красный и вспотѣвшій отъ пережитыхъ тревогъ и волненій, Василій Ивановичъ съ жадностью выпивалъ стаканъ-другой „здороваго напитка“, угощалъ радушно желающихъ и мало-по-малу приходилъ въ себя.

IV.

Хотя Василій Ивановичъ и „донималъ чистотой“, но никакого страха не наводилъ на матросовъ, и матросы были расположены въ старшему офицеру. Правда, матросское остроуміе прозвало его „Чистотой Иванычемъ“, но въ этомъ прозвищѣ было больше добродушнаго юмора, чѣмъ злобы.

— „Чистота“, ребята, идеть!—шепчетъ, бывало, матросъ сосѣдямъ, завидя, во время утренней уборки, приближавшуюся круглую фигурку Василя Ивановича, и начиналъ тереть какой-нибудь мѣдный болтъ, и безъ того сверкающій, еще съ большимъ ожесточеніемъ.

И Василій Ивановичъ радъ.

— Чище его, братецъ, чище его, каналью!—говоритъ, оставаясь, Василій Ивановичъ.—Чтобы горѣлъ, понимаешь?

— Есть, ваше благородіе!—отвѣчаетъ матросъ.

Василій Ивановичъ несется далѣе, и уже шумитъ на бакѣ, указывая пальцемъ на какой-нибудь мало сіяющій блочекъ, а матросы улыбаются, уменьшая, по уходѣ старшаго офицера, свое ожесточеніе противъ мѣди.

— Наша „Чистота“ не жалѣетъ, братцы, суконовъ!

— И носить же его, даромъ что пузастый... Ишь расшумѣлся!

— Шумѣть — шумить, а вѣдь доберь...

— Это чтó и говорить — правильный человѣкъ... Вотъ только чистотой донимаетъ.

— Одно слово... „Чистота Иванычъ!“ — посмѣиваются матросы.

По своимъ теоретическимъ морскимъ убѣжденіямъ Василій Ивановичъ — „умѣренный дантистъ“, и линекъ считаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ недурнымъ средствомъ исправленія.

— Нелзя иногда и не „смазать“! — говоритъ Василій Ивановичъ. — Нелзя бываетъ, въ крайнемъ случаѣ, и не „всыпать“... Всыпалъ небольшую порцію и... шабангъ... Не подѣ судъ же отдавать... Пропадетъ человѣкъ!

Однако Василій Ивановичъ, по добротѣ своего характера, крайне рѣдко примѣняетъ на практикѣ свои принципы (хотя и не скрываетъ ихъ). Если, случалось иногда, въ минуты вспышки, когда марса-фаль отдадутъ не въ-время или гдѣ-нибудь „заѣсть“ шкотъ, и Василій Ивановичъ, въ дополненіе къ обильнымъ привѣтствіямъ, „смажетъ“ кого-нибудь, то смажетъ, по выраженію матросовъ, вовсе „безъ чувства“.

— Ровно комаръ кусанулъ! — смѣются потомъ матросы, собравшись „полянчить“ на багѣ... — У нашего Чистоты Иваныча руза, братцы, легкая... А былъ вотъ у насъ на фрегатѣ старшій офицеръ, такъ, я вамъ скажу, ... руза! И опять же, билъ зря... Озвѣрѣеть и чесеть... — рассказываетъ кто-нибудь изъ матросовъ.

— Много ихъ есть такихъ!.. — подтверждаютъ другіе.

— А нашъ-то, надо правду говорить, зря не дерется! Да и въ вой вѣки!

Обыкновенно Василій Ивановичъ послѣ кулачной расправы чувствовалъ какую-то неловкость. Не то, чтобы онъ испытывалъ угрызеніе совѣсти... нѣтъ — онъ „смазалъ“ за дѣло! — а все-таки ему было какъ-то не по себѣ, особенно, если наказанный матросъ былъ изъ числа безотвѣтныхъ. Вдобавокъ и вѣянія времени оказывали свое вліяніе — то былъ расцвѣтъ шестидесятыхъ годовъ — и капитанъ былъ врагъ подобныхъ наказаній, и, благодаря вліянію этого человѣка, на клиперѣ тѣлесныя наказанія были изгнаны изъ употребленія задолго до официальнаго ихъ уничтоженія.

Еще въ началѣ плаванія, вскорѣ по выходѣ изъ Кронштадта, капитанъ пригласилъ однажды къ себѣ въ каюту офицеровъ и гардемаринъ и высказалъ свои взгляды на отношенія къ матросамъ, — взгляды, совсѣмъ не похожіе на существовавшіе тогда во флотѣ. Онъ рекомендовалъ господамъ офицерамъ избѣгать тѣлесныхъ наказаній и кулачной расправы, надѣясь, что ни дисциплина, ни „морской духъ“ не пострадаютъ отъ этого. Недаромъ матросы прозвали его „голубемъ“!

Капитанскій спичъ произвелъ сильное впечатлѣніе, особенно на молодежь. Въ порывѣ энтузіазма, въ каютъ-компаніи вскорѣ состоялось даже рѣшеніе — незначительнымъ, впрочемъ, большинствомъ голосовъ — не браниться, и за каждое бранное слово, обра-

щенное къ матросу, вносить штрафъ. Василій Ивановичъ чисто-сердечно объявилъ, что онъ не присоединяется къ такому рѣшенію, и тогда же выразилъ сомнѣніе въ осуществимости плана. Онъ оказался правъ. Выполнить это самоотверженное постановленіе оказалось сверхъ силъ моряковъ, и вскорѣ его отмѣнили, — иначе очень многимъ пришлось бы не только сидѣть безъ копейки жалованья, но и войти въ неоплатные долги.

И капитанъ, всегда сдержанный, мягкій и снисходительный, бывало, только морщился, когда во время „аврала“¹⁾ на клиперѣ раздавалась ругань, увеличиваясь стесcendo, по мѣрѣ разстоянія отъ мостика, гдѣ взадъ и впередъ молча ходилъ капитанъ и гдѣ, распорядясь авраломъ, простирая иногда въ отчаяніи руки къ небесамъ Василій Ивановичъ, ругаясь себѣ подъ носъ, что работа шла тихо, и, наконецъ, не выдерживалъ — летѣлъ на бакъ и тамъ давалъ волю языку своему по поводу какой-нибудь „заѣвшей“ снасти.

Въ каютъ-компаніи любили Василія Ивановича за его правдивость и добродушіе и признавали его авторитетъ въ знаніи морского дѣла. Многие, правда, находили, что онъ ужъ чересчуръ влюбленъ въ „чистоту и порядокъ“, а нѣкоторые изъ молодежи, кромѣ того, ставили на счетъ Василію Ивановичу и его морскіе принципы, считая ихъ отсталыми. Василій Ивановичъ это зналъ, но продолжалъ исполнять свое дѣло по своему разумѣнію.

Слушаетъ-бывало, Василій Ивановичъ, по обыкновенію молча, когда въ каютъ-компаніи поднимается послѣ обѣда какой-нибудь споръ по поводу щекотливыхъ вопросовъ и рѣдко вмѣшивается. Но если онъ замѣтитъ, что молоденькій гардемаринъ слишкомъ пылко возмущается взглядами своего оппонента, Василій Ивановичъ непременно замѣтитъ:

— Все это отлично, чтó вы говорите... Гуманные, благородные взгляды, спору нѣтъ... Ну, и разныя тамъ философіи: „отчего да почему?“ — превосходно-сь, но только протяните-ка, батенька, лямку съ наше и тогда посмотримъ, какимъ будете въ наши годы... А теперь — молода, въ Саксоніи не была!.. Выпейте-ка лучше портерку, милый человекъ, да оставьте Оому Оомича при его взглядахъ...

— Ну ужъ извините, Василій Ивановичъ, извините-сь! Ни

¹⁾ „Авраломъ“ называется работа, требующая присутствія всѣхъ матросовъ наверху.

теперь, ни послѣ я не измѣню своимъ убѣжденіямъ,—горячится юнецъ съ взбитымъ вихоркомъ.

— И дай вамъ Богъ, дай вамъ Богъ не измѣнять имъ!.. Но сперва надо испытать себя, выдержать, знаете-ли, нѣсколько житейскихъ штормиковъ, какъ мы съ Оомой Оомичемъ!—добродушно прибавлялъ Василій Ивановичъ.

Оома Оомичъ, пожилой и невзрачный артиллеристъ, безнадежно тянувшій лямеу въ вѣчномъ подчиненіи, поручикъ, несмотря на свои сорокъ-пять лѣтъ отъ роду и двадцать-пять лѣтъ службы,—видимо начинать сердиться на этого „мальчишку“, который бѣгалъ еще съ „разрѣзной бизанью“ (т. е. въ незастегнутыхъ панталончикахъ) въ то время, когда Оома Оомичъ ужъ давно былъ прапорщикомъ. А между тѣмъ, черезъ годъ, другой, смотришь, этотъ же самый мальчишка будетъ начальникомъ того же Оомы Оомича, только потому, что Оома Оомичъ принадлежалъ къ тѣмъ обойденнымъ, забытымъ судьбою, служебнымъ „паріямъ“, которые извѣстны во флотѣ подъ названіемъ штурмановъ, механиковъ и морскихъ артиллеристовъ ¹⁾.

Некрасивое, скуластое, съ выпученными глазами, какъ у быка, лицо Оомы Оомича начинаетъ багровѣть. Ужъ онъ не прочь „оборвать“ мальчишку, пока онъ еще младше чиномъ, и излить на него запасъ зависти и злобы, хотя и подавленной, но вѣчно питаемой обойденными и униженными офицерами корпусовъ вообще къ морякамъ,—но Василій Ивановичъ не зѣваетъ и вмѣшивается въ споръ, стараясь смягчить его острый характеръ.

Онъ опять предлагаетъ стаканчикъ портеру, на этотъ разъ Оомѣ Оомичу, затѣмъ начинаетъ рассказывать, обращаясь къ нему, какой-нибудь эпизодъ изъ своей службы и въ то же время спокойно посматриваетъ: не догадается ли другой спорщикъ выйти изъ каютъ-компаніи. Но на этотъ разъ маневры Василя Ивановича не удаются. Едва онъ кончилъ рассказъ, какъ Оома Оомичъ въ нетерпѣніи поворачиваетъ лицо свое къ юнцу, который, въ свою очередь, приготовился къ бою, словно молодой пѣтухъ.

Тогда Василій Ивановичъ „вдругъ вспоминаетъ“, что ему нужно переговорить съ Оомой Оомичемъ по службѣ насчетъ врыють-камеры, и тихонько уводитъ съ собою Оому Оомича наверхъ. Онъ сперва дѣйствительно начинаетъ рѣчь о какихъ-нибудь работахъ, относящихся къ вѣденію артиллериста, но, не умѣвшій хитрить, скоро путается и подъ-конецъ говорить:

¹⁾ Недавно корпусъ штурмановъ и морскихъ артиллеристовъ упраздненъ, и прѣжнему антагонизму между разными родами службы болѣе не будетъ мѣста.

— Я вѣдь нарочно все это... обезпокоилъ васъ... Ужъ вы извините, Ома Омичъ... Вы разгорячились... онъ разгорячился... долго ли и до ссоры!.. А вы вѣдь знаете, Ома Омичъ,—мы съ вами, слава Богу, не пижоны,—что ссора въ каютъ-компаніи—последнее дѣло... Это не на берегу, гдѣ люди поссорились да и разошлись... Тутъ волей-неволей, а всегда вмѣстѣ... Ну, вы и старше, и разсудительнѣе, и похладнокровнѣй—вамъ бы, знаете ли, и попридержаться... Юнцу труднѣе... Молодо, зелено... Долго ли ему увлечься...

— Онъ, Василій Ивановичъ, всегда лѣзетъ со спорами... Онъ забываетъ, что я не молокососъ, а старшій артиллерійскій офицеръ! — говорить съ обидчивымъ раздраженіемъ Ома Омичъ, вращая своими выпученными бѣлками. Какой-нибудь тамъ маменькинъ сыночекъ... папенька—адмиралъ... такъ ужъ онъ и воображаетъ!.. Ты, братъ, прежде усы хоть заведи, и тогда разводи... А то: „допотопные взгляды“! Вы вѣдь слышали, Василій Ивановичъ, какъ онъ это сказалъ и какъ при этомъ взглянулъ?—Точно я, съ позволенія сказать, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь допотопный звѣрь-съ... Все же, хоть я и не адмиральскій тамъ сынъ, а надо имѣть уваженіе... Слава Богу, двадцать-пять лѣтъ отзвонилъ.. И вдругъ какой-нибудь мальчишка...

— Ужъ я его распушу, Ома Омичъ,—распушу... Будетъ помнить!—Только вы на него не сердитесь... Вѣдь онъ, по собѣсти говоря, и не думалъ васъ оскорбить... Ей-богу, не думалъ... Такъ, въ пылу спора увлекся... ну, и трудно бываетъ всякое лыко да въ строку!—Всѣ мы, кажется, слава Богу, живемъ по-товарищески... всѣ васъ уважаютъ...

Василій Ивановичъ какъ-то умѣлъ успокоить, и послѣ такой бесѣды Ома Омичъ возвращался въ каютъ-компанію значительно смягченный и во всякомъ случаѣ увѣренный, что его и не думали сравнивать съ допотопнымъ звѣремъ.

Въ свою очередь, и гардемаринъ съ задорнымъ вихоркомъ призывался въ каюту Василя Ивановича и получалъ тамъ „порцію“ совѣтовъ.

— Философіи-съ разныя разводите, батенька, а забываете, что грѣшно обижать людей!—начиналъ обыкновенно „пушить“ Василій Ивановичъ, усадивъ гостя на табуретку.—Ома Омичъ по своему смотритъ на вещи, я—по своему, вы—по своему... ну, и оставьте Ому Омича въ покоѣ... Эка на кого напали... на Ому Омича! Сами знаете, что служба ему не мать, а мачиха, а вы еще подбавляете ему горечи... Можно спорить, ужъ если такъ хочется, но не обижать человѣка... А то прямо и брякнули:

„допотопные взгляды“! А еслибы онъ вамъ на это отвѣтилъ рѣзвостью... вы бы ему еще... вотъ и ссора... И изъ-за чего-то ссора? Изъ-за выѣденнаго яйца! Какой ни на есть Оома Оомичъ, допотопный или нѣтъ, а онъ добрый человѣкъ и честно исполняетъ свое дѣло...

— Я не думалъ обижать Оому Оомича... Я вообще говорилъ о допотопныхъ взглядахъ... Съ чего это онъ взялъ...

— Не думали, а обидѣли... Вы— „вообще“, а онъ на свой счетъ принялъ... Эхъ, батенька!.. У васъ-то вся жизнь впереди, надежды тамъ разныя,—дастъ Богъ, адмираломъ будете, что-ли,—а вѣдь у Оомы Оомича ничего этого нѣтъ... Теръ лямку весь вѣкъ и умереть, пожалуй, въ капитанскомъ чинѣ... Вотъ онъ и мнителинь, и отъ всякаго неосторожнаго слова готовъ обидѣться... А вы еще шпильки подпускаете.. Это, милый человѣкъ, не по-рыцарски... Надо беречь чужое самолюбіе, если оно никому не вредить, а не то что раздражать его... Ужъ вы сердитесь, не сердитесь на меня, а я, какъ старшій товарищъ, считаю долгомъ вамъ сказать это... И что за страсть у васъ спорить!—удивился Василій Ивановичъ.—Оому Оомича вы не передѣлаете, а только раздражите... Да и кому вредить Оома Оомичъ? Я бы, знаете ли, на вашемъ мѣстѣ, объяснилъ ему, что не имѣлъ намѣренія его оскорбить... За что его обижать? И безъ того судьба его обидѣла!

Кажется, и не особенно мудрыя были слова Василія Ивановича, но товарищескій тонъ ихъ и, главное, сердечная теплота, которой они были проникнуты, дѣлали свое дѣло. Гардемарины съ задорнымъ вихоромъ объяснялся съ Оомой Оомичемъ, и Василій Ивановичъ радовался болѣе всѣхъ, видя, что снова въ каютъ-компаніи царствуютъ миръ и согласіе и нѣтъ никакихъ интригъ. Къ интригамъ Василій Ивановичъ питалъ страхъ и отвращеніе.

V.

До подъема флага осталось всего пять минутъ. Офицеры ужъ стали собираться на шканцахъ, а Василій Ивановичъ все еще продолжалъ любоваться клиперомъ.

Всѣ сегодня были какъ-то празднично настроены. „Берегъ“, со всѣми его удовольствіями, дѣйствовалъ на моряковъ оживляющимъ образомъ. Большинство собиралось ѣхать на берегъ съ утра и провести въ Гонулулу цѣлый день. Поглядывая на живописный „берегъ“, всѣ обмѣнивались между собой восторженными

воскликаніями. Даже Тома Томиць размятъ и обѣщаль дать 25 долларовъ займа гардемарину съ вихоркомъ, который донималъ Томи Томича „допотопными“ взглядами. Тома Томиць былъ кремень. Онъ рѣдко сѣзжалъ на берегъ и рѣдко раскошенивался, и у него водились деньжонки. Но Гонолулу прельстилъ и его, и онъ собирался „кутнуть“ вмѣстѣ съ другими.

— А вы, батя, поѣдете?—обращается кто-то въ іеромонаху Виталію, стоявшему въ сторонѣ и какъ-то безучастно смотрѣвшему на городъ.

— Не подобаетъ!—баситъ въ отвѣтъ отецъ Виталій, и его желтое, безкровное лицо, нѣсколько похожее на тѣ, которыя рисуются на образахъ, дѣлается напряженно-серьезнымъ.

— Отчего не подобаетъ?

— Соблазнъ... Голые человѣки... И опять же, въ разсужденіи одѣжи...

— Я вамъ, батя, платье дамъ... Пиджакъ у меня отличный...

— Срамно... Монахъ и въ пенджагѣ...

— Провѣтрились бы, посмотрѣли бы на природу, а то вы, батя, все въ каютѣ да каютѣ... Того и гляди, цынга сдѣлается...

— Божья воля... Вотъ вышелъ теперь и зрю...

Отецъ Виталій, попавшій изъ уединенія Валаамскаго монастыря въ кругосвѣтное плаваніе, скучалъ среди неподходящаго для него общества моряковъ и большую часть времени спалъ въ своей каютѣ. Въ каютѣ — компанію заходилъ рѣдко, только во время чая, завтрака и обѣда, говорилъ вообще мало и пѣлъ у себя въ каютѣ духовные канты. По происхожденію изъ мелкихъ купцовъ, отецъ Виталій, несмотря на монашескій обѣтъ, былъ сребролюбивъ. Онъ копилъ деньжонки и давалъ по мелочамъ въ „заимообразъ“, до получки жалованья, и съ небольшою лихвой. Въ иностранныхъ портахъ, посѣщаемыхъ клиперомъ, отецъ Виталій ни разу не былъ. Находилъ, что „не подобаетъ“, да и жалѣлъ потратиться на покупу статскаго платья. Разъ-было онъ попробовалъ сѣзжать на берегъ, кажется, въ Англіи, въ своемъ монашескомъ одѣяннѣ, но скоро вернулся, ругательски-ругая англійскихъ уличныхъ мальчишекъ, провожавшихъ его по улицѣ цѣлой толпой. Зато, когда клиперъ заходилъ въ русскіе порта Тихаго океана, отецъ Виталій оживалъ — вмѣстѣ съ нѣсколькими охотниками-матросами отправлялся-бывало на рыбную ловлю (онъ былъ отличный рыболовъ) на цѣлый день и возвращался обыкновенно въ черезъ-чуръ веселомъ расположеніи духа.

— И ловокъ же попъ нашъ ловить рыбу! — говорили ма-

тросы, передавая подробности рыбной ловли... Ну, и насчетъ прочаго гораздъ...

Наконецъ, вышелъ на верхъ и капитанъ. Отвѣчая любезно на поклоны, онъ поднялся на мостикъ. Это былъ высокій, нѣсколько сутуловатый, худощавый мужчина, лѣтъ за сорокъ. Что-то спокойное, неторопливое, скромное и въ то же время увѣренное было въ его манерахъ, въ походкѣ, въ чертахъ серьезнаго, энергичнаго лица, окаймленного черными, начинавшими серебриться, бакенбардами,—въ добромъ, спокойномъ взглядѣ темныхъ глазъ. Сразу чувствовалось, что это человѣкъ твердой воли, умѣющий владѣть собой при всякихъ обстоятельствахъ, привыкшій управлять людьми и пользовавшійся авторитетомъ не въ силу своего положенія, а вслѣдствіе кое-чего, болѣе существеннаго и прочаго. Во всей этой спокойной фигурѣ было что-то располагающее и внушающее довѣріе. Онъ такъ же спокойно и неторопливо распоряжался въ время шторма, какъ и въ обыкновенное время; всѣ знали, съ какимъ хладнокровіемъ и находчивостью этотъ же самый человѣкъ, три года тому назадъ, выбросился во время бури на берегъ, чтобы спасти судно и людей. Старый матросъ, бывшій въ то время на шкунѣ и теперь служившій на клиперѣ, рассказывая этотъ эпизодъ и описывая, какой напалъ на всѣхъ ужасъ при видѣ шкуны, вблизи буруновъ, разбивающихся о подводные камни, такъ говорилъ про капитана:

— А онъ-то стоитъ это, братцы вы мои, на мостикѣ, и нѣтъ въ немъ никакого страху... „Не робѣй, говорить, ребята, не робѣй, говорить, молодцы!“ Ну, видимъ — онъ не сробѣлъ, и нашъ страхъ пропадать сталъ... И командуетъ, будто на учени... Такъ на всѣхъ парусахъ и пронеслись промежъ скалъ да и врѣзались въ мелкое мѣсто... И всѣ тогда вздохнули, перекрестились... видимъ — спаслись... Онъ какъ есть потрафилъ... А не вздумай онъ выброситься—быть бы всѣмъ намъ покойниками, потому якоря потеряли, машина испортилась, а выхоръ такъ и несетъ на камни... А отъ этихъ самыхъ подлыхъ камней до берега далече... А буря и не дай тебѣ Господи!.. А онъ и выдумалъ... Какъ это мы врѣзались, онъ и говорить: „Ну, молодцы ребята... Славно работали... Теперь, говорить, отдохнемъ!“ И ушелъ внизъ... Господь его, видно, любить и бережетъ за евойную доброту, за то, что матроса не обижаетъ!.. —прибавлялъ рассказчикъ.

— Д-да... Такого капитана мы еще не видывали... —поддакиваютъ матросы.

При появленіи капитана, Василій Ивановичъ подобрался, приосанился, отступилъ нѣсколько назадъ и, снимая, по морскому обычаю, фуражку, раскланялся съ своей обычной, нѣсколько аффектированной, служебной почтительностью, въ которой, однако, не было ничего заискивающего, унижительнаго. Этимъ поклономъ Василій Ивановичъ не только привѣтствовалъ уважаемаго чело-вѣка, но, казалось, и чествовалъ, въ лицѣ его, авторитетъ коман-дирской власти.

— Съ добрымъ утромъ, Василій Ивановичъ!—проговорилъ ка-питанъ, пожимая Василию Ивановичу руку. — Успѣли ужъ со-всѣмъ убраться! Клиперъ такъ и сіяетъ! — прибавилъ онъ, ози-раясь вокругъ.

Довольная улыбка растянула ротъ Василя Ивановича до ушей. Онъ засіялъ еще болѣе отъ этого, вскользь сказаннаго, комплимента и скромно проговорилъ:

— Управились помаленьку, Павелъ Николаевичъ!

И затѣмъ прибавилъ озабоченно:

— Такелажъ нѣсколько ослабъ послѣ перехода, Павелъ Ни-колаевичъ. Надо бы тянуть...

— Что-жъ... вытянемъ...

— Когда прикажете начать?

— Успѣемъ еще, Василій Ивановичъ... Мы здѣсь простоимъ недѣлю, если не будетъ какихъ-нибудь особыхъ приказаній отъ адмирала; съ почтовымъ пароходомъ завтра придетъ изъ С.-Фран-циско пароходъ... Адмиралъ, кажется, въ С.-Франциско.

— На флагъ! На гюйсъ!—раздался веселый голосъ вахтен-наго мичмана.

На клиперѣ воцарилось молчаніе. Василій Ивановичъ отсту-пилъ назадъ и взглянулъ на часы. Оставалась еще минута. Сиг-нальщикъ перевернулъ минутную стрѣлку и смотрѣлъ, какъ ме-ленно сыпался песокъ.

— Стрѣлка выходитъ, ваше благородіе!—доложилъ онъ вах-тенному офицеру.

— Ворочай! Флагъ и гюйсъ поднять!—раздалась команда.

Всѣ обнажили головы. Выстроенный на шканцахъ караулъ отдалъ честь, взявъ ружья на-караулъ. Горнистъ заигралъ по-ходъ. Боцмана и унтеръ-офицеры засвистали въ дудки. И въ то самое время, какъ колоколъ билъ восемь ударовъ, бранъ-рей, заранѣ поднятыя, были моментально повернуты, и оба флага, кормовой и носовой, взвились на флагштокахъ.

Всѣ надѣли фуражки. На военномъ суднѣ начался день.

Новый вахтенный офицеръ съ послѣднимъ ударомъ колокола

взбѣжалъ на мостикъ. Смѣна во-время свято соблюдается между моряками, особенно въ морѣ, да еще въ скверную погоду. Опоздать, безъ предупрежденія, при смѣнѣ товарища, считается чуть не преступленіемъ.

Окончивъ сдачу, мичманъ спросилъ:

— Вахты какъ теперь на якорѣ будутъ? Суточные?

— Да. Старшій офицеръ разрѣшилъ...

— Такъ я на цѣлый день дерну на берегъ!.. Счастливо оставаться! — проговорилъ мичманъ весело и пошелъ въ каютъ-компанію пить чай.

Къ капитану, стоявшему на другой сторонѣ мостика, подходили между тѣмъ офицеры, завѣдующіе отдѣльными частями, съ обычными ежедневными рапортами о благополучіи вѣренныѣмъ частей. Капитанъ выслушивалъ, приложивъ руку къ козырьку, по очереди короткіе рапорты артиллериста, штурмана, доктора и старшаго офицера, обмѣнивался съ ними рукопожатіями, и рапортующіе уходили.

Когда Василій Ивановичъ окончилъ свой краткій рапортъ, капитанъ сказалъ:

— Сегодня утромъ придется ѣхать съ офиціальными визитами, но къ вечеру я рассчитываю быть на клиперѣ, Василій Ивановичъ... И завтра цѣлый день останусь, — подчеркнул онъ. — Значитъ, вамъ ничто не мѣшаетъ ѣхать на берегъ, Василій Ивановичъ...

— Успѣю еще... Пожалуйста, изъ-за меня не стѣсняйтесь, Павелъ Николаевичъ!.. Я, вы знаете, небольшой охотникъ съѣзжать... Такъ развѣ, немножко прогуляться, что-ли! — прибавилъ Василій Ивановичъ, краснѣя...

Между капитаномъ и старшимъ офицеромъ нерѣдко происходили сцены, гдѣ одинъ старался превзойти деликатностью другого. Бывали эти сцены по случаю съѣздовъ на берегъ. Оба они одновременно почти никогда не оставляли клипера, кто-нибудь изъ нихъ да оставался. Таковъ былъ заведенный морской порядокъ. Капитану, по его положенію, разумѣется, чаще приходилось съѣзжать: дѣлать офиціальныя визиты, принимать приглашенія на обѣды и пр.; онъ всегда старался, чтобы и Василю Ивановичу было время съѣздить на берегъ. Василій Ивановичъ, съ своей стороны, отказывался, говоря, что ему и не хочется, и работа есть на клиперѣ... Такъ отговаривался онъ и теперь.

— Ужъ вы и такъ заработались, Василій Ивановичъ. Надо и вздохнуть... Посмотрите, какъ хорошо на берегу... И за городъ стоитъ проѣхаться... Консулъ вчера говорилъ, что тамъ прелестныя апельсиновые рощи и славные виды...

— Да, хорошо-сь!—проговорилъ Василій Ивановичъ, взглянувъ на берегъ... Хорошо-сь! Я, если позволите, вечеромъ съѣзжу-сь...

-- И завтра поѣзжайте, Василій Ивановичъ...

— Завтра я думалъ такелажъ начать тянуть...

-- Нѣтъ, нѣтъ, Василій Ивановичъ, подождемъ лучше... Дайте я людямъ отдохнуть... Ужъ я бы васъ просилъ дня три никакихъ работъ не дѣлать и ученіе можно пропустить...

— Слушаю-сь!

— Да команду можно бы уволить на берегъ... Пусть прогуляются...

— Я думалъ—послѣ работъ, какъ такелажъ вытянемъ...

Капитанъ улыбнулся.

— Вытянемъ и такелажъ, не беспокойтесь... Вѣдь въ два дня кончимъ?

— Кончимъ.

— Ну, значить, можно команду отпустить два раза на берегъ... Передъ работой и послѣ... Согласны?..

— Слушаю-сь... Вотъ фэръ-марса-рея тоже чуть-чуть подалась... Надо бы въ запасъ новую...

— Развѣ не выдержать?

— Выдержать, но только есть трещинка... правда, пустячная...

— Такъ подождемъ, Василій Ивановичъ...

— А краситься не будемъ, Павелъ Николаевичъ?

— Экъ вы какой, Василій Ивановичъ!.. И такъ, кажется, благодаря вамъ, клиперъ игрушка!..

Обыкновенно капитанъ сдерживалъ Василія Ивановича, когда старшій офицеръ, преслѣдуя свой идеалъ порядка и чистоты, черезъ-чуръ увлекался и утомлялъ людей. Капитанъ умѣлъ всегда убѣдить Василія Ивановича, не прибѣгая къ приказаніямъ. Нѣкоторое несогласіе между ними во взглядахъ на чистоту и порядокъ не портило ихъ отношеній. Недаромъ Василій Ивановичъ былъ вышколенъ въ морской дисциплинѣ и вдобавокъ былъ искренно расположенъ къ капитану.

— Прикажете, пожалуйста, въ девяти часамъ приготовить вельботъ!—обратился капитанъ къ вахтенному офицеру.

— Есть!—отвѣтилъ офицеръ.

— Я постараюсь пораньше вернуться, Василій Ивановичъ, да не забудьте, что и завтра я дома!—еще разъ повторилъ, улыбаясь, капитанъ и ушелъ къ себѣ въ каюту.

Всѣ офицеры давно ушли внизъ собираться на берегъ, а Василій Ивановичъ все еще не спускался. Ему еще надо взглянуть

на клиперъ снаружи и съ боцманомъ править реи, и онъ приказалъ подать „четверку“ въ бортъ.

— На четверку!—раздалась команда.

— На четверку!—повторилъ боцманъ.

А между тѣмъ Антоновъ, вѣстовой Василя Ивановича, ужъ нѣсколько разъ выглядывалъ изъ входного люка, показывая свою коротко стриженную бѣлобрысую голову и не рѣшаясь доложить Василю Ивановичу, что пора ему пить чай. За хлопотами сегодняшняго утра Василій Ивановичъ, казалось, и забылъ, что еще не выпилъ своихъ обычныхъ двухъ стакановъ и не выкурилъ послѣ нихъ толстой, объемистой папиросы, и Антоновъ рѣшилъ напомнить объ этомъ своему барину.

— Тебѣ чтѣ?—замѣтилъ, наконецъ, Василій Ивановичъ высунувшуюся голову и безпокойные взгляды своего Лепорелло.

— Чай, ваше благородіе, готовъ...

Василій Ивановичъ махнулъ головой, и бѣлобрысая голова Антонова скрылась.

— Шлюпка готова, Василій Ивановичъ!—доложилъ вахтенный офицеръ.

Василій Ивановичъ отвалилъ отъ борта и объѣхалъ кругомъ, оглядывая клиперъ, стоя въ шлюпкѣ. Боцманъ Щукинъ то-и-дѣло перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, слѣдя съ клипера за старшимъ офицеромъ.

Черезъ пять минутъ Василій Ивановичъ уже былъ на палубѣ и говорилъ Щукину:

— Форъ-брамъ-штагъ чуть-чуть ослабъ... Вытянуть!

— Есть, ваше благородіе...

— Да погиби, знаешь ли, нѣтъ настоящей у форъ-брамъ-стенги... Надо подать чуточку...

— Слушаю-съ...

— Больше ничего, кажется... Работъ сегодня никакихъ... Пусть команда отдыхаетъ, а завтра по-вахтенно на берегъ...

— Есть!—еще громче и веселѣе отвѣчаетъ боцманъ, оживляясь при мысли объ удовольствіи напиться на берегу, по обыкновенію, до безчувствія.

— Да ты, Щукинъ, знаешь ли, повоздержись!—конфиденціально замѣчаетъ Василій Ивановичъ, хорошо знавшій слабость стараго служаки.—Боцманъ, а какъ съѣдешь на берегъ, напишься хуже стельки!..

— Постараюсь, ваше благородіе!—тихо и нерѣшительно промолвилъ Щукинъ.

— Хоть на этотъ разъ постарайся... Не очень пей!—гово-

рять Василій Ивановичъ, болѣе для очистки совѣсти, зная тщету стараній боцмана, и спускается, наконецъ, въ каютъ-компанію пить чай и вздохнуть послѣ тревогъ и заботъ сегодняшняго утра.

VI.

Капитанскій вельботъ и катеръ съ офицерами давно ужъ отвалили отъ борта, а Василій Ивановичъ все еще сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, на диванѣ въ опустѣвшей каютъ-компаніи, отпивая медленными глотками второй стаканъ чаю и дымя папирской. Дѣлать Василію Ивановичу было рѣшительно нечего; капитанъ просилъ дать отдыхъ командѣ и никакихъ ученій не производить; приводить въ порядокъ ничего не оставалось, — все было въ порядкѣ; распоряженія насчетъ будущихъ работъ были сдѣланы, такъ что Василію Ивановичу по-неволѣ приходилось благодушествовать, стараясь какъ-нибудь убить время до полудня, когда подадутъ обѣдъ, и затѣмъ ужъ можно будетъ вздремнуть часокъ, другой...

Василій Ивановичъ выкуривалъ папиросу за папирсой, мечталъ о томъ, какъ онъ проведетъ вечеръ на берегу и, по временамъ, издавалъ какіе-то неопредѣленные звуки томленія отъ жары, вытирая вспотѣвшее, раскраснѣвшееся лицо... Второй стаканъ допить, четвертая папирса докурена, вопросъ объ ужинѣ на берегу давно рѣшенъ... Жарко, томительно жарко... Развѣ боцмана позвать и еще разъ потолковать съ нимъ насчетъ тяги тавелажа?.. Но Василій Ивановичъ ужъ давно толковалъ объ этомъ, да и жаль беспокоить боцмана... „Надо и ему вздохнуть!..“ — думаетъ Василій Ивановичъ и начинаетъ насвистывать свой любимый мотивъ изъ „Роберта-Дьявола“... Въ это время заботливый вѣстовой Антоновъ, давно уже исполняющій обязанности камердинера Василія Ивановича, словно понимая, что баринъ его можетъ „заскучить“, появляется въ каютъ-компаніи и докладываетъ:

- Прикажете, ваше благородіе, еще чаю?
- Жарко, братецъ...
- Точно такъ, ваше благородіе... Настоящее пекло!
- А чай есть?
- Цѣлый чайникъ...
- Ну, дай, пожалуй, — лѣниво говоритъ Василій Ивановичъ.

Вѣстовой исчезаетъ и черезъ минуту приноситъ стаканъ горячаго чаю и лимонъ.

— Порсигарниѣхъ пожалуйста, ваше благородіе, папирось наложить!—говоритъ Антоновъ.

Василій Ивановичъ отдаетъ свой объемистый серебряный портъ-сигаръ и, по возвращеніи вѣстового, спрашиваетъ:

— На берегъ, не бойсь, хочешь, Антоновъ?

Бѣлобрысое, скуластое, простодушное лицо молодого вѣстового ухмыляется.

— Любопытно, ваше благородіе!

— Любопытно?.. Что-жъ тебѣ любопытно? — допрашиваетъ Василій Ивановичъ, и самъ невольно улыбается, глядя на своего любимца вѣстового.

— Все, ваше благородіе... Очинно красивая сторона... И опять же, ваше благородіе, народъ!—прибавилъ Антоновъ и снова фыркнулъ.

— А что?

— Смѣху подобно: голые почти-что пляются. Сичасъ вотъ съ пельсинами приѣзжалъ на шлюпченѣхъ одинъ—какъ мать родила... Лопочеть, подлецъ, по своему, сперва и не понять... Одначе, ребята наши поняли и говорили, какъ слѣдуетъ, съ эстимъ самымъ арабченкомъ...

— Говорили?—смѣется Василій Ивановичъ.—По каковски же говорила матрозня?..

— А не могу знать, ваше благородіе, но только другъ-дружку поняли и торговались... Арабченкохъ смѣется и наши смѣются. Связываютъ: нехристь, ваше благородіе?

— Да, своя, братъ, вѣра у нихъ!—замѣчаетъ Василій Ивановичъ и прибавляетъ:—Завтра, Антоновъ, можешь ѣхать на берегъ!

— Слушаю, ваше благородіе!

— А денегъ чтожъ не берешь?.. Развѣ не нужно?..

— Никакъ нѣтъ. У меня есть долларъ на гулянку. А вотъ хотѣлъ я, было, ваше благородіе, просить...

Антоновъ остановился, переступая съ ноги на ногу и теребя двумя пальцами штанину.

— Что тебѣ?

— Платокъ бы мнѣ нужно, ваше благородіе... Такъ ужъ выберите какой пофорсистѣй, ваше благородіе...

— Платокъ?.. Зачѣмъ тебѣ платокъ?—удивился Василій Ивановичъ.

— Бабѣ моей, ваше благородіе,—говоритъ Антоновъ, краснѣя, и пуще теребить штанину, словно бы стыдась обнаружить

свои чувства къ женѣ, для которой онъ прикопилъ ужъ не мало подарковъ при любезномъ посредствѣ Василия Иваныча.

— Гм, женѣ!..—задумчиво протянулъ Василій Ивановичъ.
— Въ какую же цѣну?

— Какъ окажется, ваше благородіе... Только, если можно, чтобы съ птицей... Въ деревнѣ любятъ съ птицами... показистѣй...

— Ладно, братецъ, куплю... А знаешь ты, сколько у меня твоихъ денегъ?

— Не могу знать, ваше благородіе!

— Ну, вотъ, и дуракъ! Какъ есть дуракъ ты, Антоновъ! Сколько разъ говорилъ тебѣ, что ты долженъ знать... Считать, что-ли, не умѣешь...

— Запоматовалъ, ваше благородіе...

— Запоматовалъ! Было десять долларовъ, да тебѣ слѣдуетъ два доллара отъ меня за мѣсяцъ... значить двѣнадцать... Смотри, помни, а то не стану я держать твоихъ денегъ... А еще матросъ... запоматовалъ!..

— Слушаю, ваше благородіе... буду помнить. А вамъ прикажете, что-ли, изготовить вольную одежду?

— Да... Лѣтнюю пару изъ сундука достань.

— Чечунчиковъ пиджакъ, что въ Шангаѣ справляли?

Василій Ивановичъ мотнулъ головой.

— Такъ ужъ я давече вынулъ и развѣсилъ, чтобы складокъ не оказывало...

— Ладно... Ужѣ къ вечеру подашь.

Вѣстовой ушелъ.

Василій Ивановичъ снова сталъ лѣниво отхлебывать чай, похивая толстѣйшей папирсой. Стояла полнѣйшая тишина въ каютѣ-компаніи. Только изъ-за приподнятыхъ жалюзи одной изъ каютъ слышался равномерный скрипъ пера и шелестъ бумаги, и Василій Ивановичъ невольно прислушивался къ этому скрипу.

— Пишетъ... Къ Амалѣ своей, вѣрно, все пишетъ докторъ!—прошепталъ, улыбаясь, Василій Ивановичъ.

Какъ и большинство офицеровъ, Василій Ивановичъ зналъ—и даже обстоятельнѣе другихъ зналъ—про всѣ необыкновенныя качества этой самой фрейлейнъ Амаліи—скромненькой, худенькой, довольно миловидной блондушкой нѣмочки, съ робкимъ, словно недоумѣвающимъ, взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ. Въ день ухода клипера изъ Кронштадта она пріѣзжала проводить Карла Карловича, и Карлъ Карловичъ съ необыкновенной торжественностью, весь сіяя и млѣя, представилъ всѣхъ офицеровъ молодой дѣвушкѣ, повторяя съ горделивой, самодовольной улыбкой: „Невѣста моя,

фрейлейнъ Амалія!“ и тутъ же сообщалъ нѣкоторымъ (въ томъ числѣ и Василию Ивановичу), какая это прекрасная и благородная дѣвушка. Фрейлейнъ Амалія при этомъ каждый разъ краснѣла и, поднимая на Карла Карловича восторженно-застигививый взоръ, то-и-дѣло стыдливо шептала: „Ахъ, Карлъ! ахъ, Карлъ!“, пока, наконецъ, послѣ представленій, не усѣлась рядомъ съ плотнымъ, румянымъ и — несмотря на тридцати-пяти-лѣтній возрастъ и почтенную лысину — нѣсколько сентиментальнымъ Карломъ Карловичемъ.

Во все время прощальнаго завтрака женихъ и невѣста сидѣли въ трогательномъ безмолвіи, пожимая, по временамъ, другъ другу руки, краснѣя и улыбаясь. Карлъ Карловичъ былъ торжественно печаленъ, однако ѣлъ съ аппетитомъ всѣ подаваемые блюда, не забывая накладывать хорошія порціи и невѣстѣ, и обводилъ всѣхъ какимъ-то горделивымъ, вызывающимъ взглядомъ, словно бы приглашая убѣдиться, какая прелестная у него фрейлейнъ Амалія и съ какимъ благороднымъ достоинствомъ онъ умѣетъ переносить тягость разлуки. И только, когда стали поднимать якорь и провожавшіе должны были уѣзжать съ клипера, Карлъ Карловичъ не выдержалъ: обнимая невѣсту, заревѣлъ какъ бѣдуга, не забывши, впрочемъ, въ самую послѣднюю минуту прощанья, шепнуть, въ видѣ утѣшенія, рыдавшей дѣвушкѣ, что онъ непременно скопитъ въ плаваніи три тысячи, и тогда ничто не помѣшаетъ ихъ счастью... „Adieu, mein Liebchen!“

Какъ человекъ крайне аккуратный, добросовѣстный и въ такой же мѣрѣ наивный, Карлъ Карловичъ, повидимому, полагалъ, что мимолетнаго знакомства сослуживцевъ съ его невѣстой еще недостаточно для надлежащей оцѣнки ея качествъ, и потому считалъ своимъ долгомъ дополнить это знакомство. Съ трогательнымъ простодушіемъ, передъ которымъ всякая скептическая улыбка была бессильна, — рассказывалъ докторъ о фрейлейнъ Амаліи, восторженно описывая ея душевные качества, ея любовь и преданность. Онъ такъ-любилъ и помечтать вслухъ, не замѣчая сдержанныхъ улыбокъ, увѣренный, что вмѣстѣ съ нимъ всѣ должны радоваться его будущему счастью, — когда, вернувшись въ Россію съ чекомъ на три тысячи, англійскимъ сервизомъ, китайскими чашечками, японскими шкатулками и огромнымъ запасомъ маильскихъ сигаръ, — онъ получилъ штатное мѣсто ординатора при госпиталѣ, купить рояль, устроить обстановочку, женится и будетъ плавать въ блаженствѣ: любоваться Амаліей, англійской посудой и китайскими вазами, выкуривая по десяти „чирютокъ“ въ день.

Когда Карлъ Карловичъ получать отъ невѣсты письма, то обыкновенно торжественно заявлялъ, указывая на толстый пакетъ: „это отъ фрейлейнъ Амаліи!“ И, краснѣя отъ радости и волненія, уходилъ въ каюту читать длинное посланіе. И, Боже сохрани, въ такія минуты оторвать Карла Карловича отъ чтенія безъ особо уважительной причины, въ родѣ переломленнаго ребра. Обыкновенно сдержанный, хладнокровный и терпѣливый, Карлъ Карловичъ выходилъ изъ себя. Всѣ знали объ этомъ и значительно говорили: „Не беспокойте, господа, доктора. Онъ Амаліины письма читаетъ!“

Охотнѣе всего Карлъ Карловичъ дѣлился своими „мечтами“ съ Василюмъ Ивановичемъ, котораго особенно уважалъ, и одного его удостоивалъ переводомъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нѣмецкихъ писемъ фрейлейнъ Амаліи, и пресерьёзно обижался, если Василій Ивановичъ, занятый служебными дѣлами, не съ достаточной экспансивностью раздѣлялъ восторги влюбленнаго Карла Карловича.

Все это теперь невольно припомнилъ Василій Ивановичъ, прислушиваясь къ скрипу пера. Припомнилъ и задумался.

„Вотъ вѣдь пишетъ все... цѣлая тетрадка исписывается... дѣлится своими впечатлѣніями... Вернется въ Россію и женится на своей Амалѣ этотъ счастливый Карла Карлычъ!“ — проговорилъ вдругъ Василій Ивановичъ съ какой-то безотчетной завистью стараго холостяка и порывисто задымилъ папирской.

„Тоже вотъ Антоновъ... Платокъ женѣ просить купить... Сколько ужъ онъ накупилъ разныхъ вещей... А вотъ ему такъ некому покупать! И писать некому, и не отъ кого получать писемъ. Нѣтъ ни одной души на свѣтѣ, которая бы интересовалась его жизнью!“

Василій Ивановичъ крикнулъ, подавивъ невольный вздохъ. Онъ рѣшилъ не думать объ этихъ вещахъ, но какое-то досадливое, обидное чувство одиночества и сиротливости совершенно незамѣтно подобралось къ его сердцу, заставъ Василю Ивановича врасплохъ — не занятаго службой, не увлеченнаго служебными мечтаніями. И — что было ужъ совсѣмъ странно и неожиданно — вся его служебная дѣятельность, все то, изъ-за чего онъ волновался, на что тратилъ столько силъ, уходило куда-то вдаль и, казалось, теряло все свое прежнее значеніе и прежнюю прелесть.

Совсѣмъ другія мысли, другія воспоминанія, не имѣющія ничего общаго съ „чистотой и порядкомъ“, къ крайнему изумленію Василю Ивановича, назойливо лѣзли въ голову, и изъ-за густыхъ клубовъ дыма, медленно расходившагося въ воздухѣ, выглядывала

пара бойкихъ глазъ миловиднаго женскаго личика, и въ воображеніи рисовались, точно дразнили, заманчивыя картины, полныя тихаго счастья и радостной личной жизни.

VII.

И онъ писалъ бы теперь письма, нетерпѣливо ожидая возвращенія въ Россію, еслибы жизнь побаловала его женскою привязанностью... А ея-то и не было до сихъ поръ, несмотря на его старанія завоевать женское сердце. Почему?.. Кажется, онъ мужчина ничего себѣ, человѣкъ не легкомысленный, привязчивый, не злой, ну, и въ нѣкоторомъ родѣ съ положеніемъ, — и все-таки счастье ему не давалось...

Такъ думалъ, не безъ горькаго чувства, Василій Ивановичъ, вспоминая свой послѣдній неудачный кронштадтскій „романъ“. И, какъ нарочно, всѣ малѣйшія подробности и того дня, въ который онъ рѣшился сдѣлать предложеніе, оживали въ его памяти, точно все это было не три года тому назадъ, а вчера...

Съ какимъ страхомъ и волненіемъ остановился онъ въ то памятное весеннее утро передъ этимъ маленькимъ домикомъ въ Галкиной улицѣ, куда онъ такъ часто ходилъ по вечерамъ сыграть въ пикетъ съ господиномъ Купоросовымъ, старымъ вдовцомъ, инженеръ-механикомъ, и поболтать послѣ пикета съ Сонечкой, его единственной дочкой. Онъ два года ходилъ въ этотъ домъ, привязываясь все болѣе и болѣе къ молодой дѣвушкѣ, и, наконецъ, рѣшился объяснить... Какъ нерѣшительно онъ дернулъ звонокъ, простоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьи у крыльца!.. Ему отворилъ двери самъ господинъ Купоросовъ, худенькій, сухенькій, бравый и подвижной старикъ лѣтъ пятидесяти съ хвостикомъ, и удивленно взглянулъ на Василя Ивановича, явившагося въ будни въ неурочный часъ, вдобавокъ въ вицъ-мундирѣ и въ разстроенныхъ чувствахъ, словно послѣ только-что полученнаго „разноса“ отъ начальства. А Василій Ивановичъ пуще сконфузился отъ этого удивленнаго взгляда, объявилъ, что зашелъ по пути, собираясь сдѣлать кое-кому визиты, и послѣ четверти часа неклеившагося разговора о морскихъ новостяхъ и назначеніяхъ, о которыхъ еще вчера вечеромъ сообщалъ господину Купоросову, — неожиданно выпалилъ, пыхтя и отдуваясь, что пришелъ просить руки его дочери.

Старый механикъ тогда понялъ, почему Василій Ивановичъ въ вицъ-мундирѣ, и не удивился предложенію. Онъ крѣпко пожалъ

руку претенденту, поблагодарилъ за честь, сказавъ, что быть бы радъ такому зятю, и вышелъ, весело проговоривъ своимъ пріѣздившимъ баскомъ: „Сейчасъ пошлю къ вамъ Сонечку. Дай вамъ Богъ попутнаго вѣтра!“

Вотъ тогда-то и напала на Василя Ивановича настоящая робость, — куда больше той, какую испытывалъ онъ въ ожиданіи адмиральскихъ смотровъ!

Съ замираніемъ сердца ждать онъ прихода этой полненькой, кругленькой, хорошенькой брюнетки Сонечки, всегда пріѣздившей, ласковой, весело слушавшей комплименты по уши влюбленнаго Василя Ивановича и дружески принимавшей подарки отъ своего поклонника, котораго шутя называла „милымъ, хорошимъ дядюшкой“. Напрасно старался онъ пріободриться и ужъ совсѣмъ не встати взглянулъ въ зеркало, чтобъ поправить свои щегольскіе височки! Зеркало отразило такое опалѣлое лицо, такой яркопылающій крошечный носикъ, пріютившійся среди багровыхъ щекъ, что Василій Ивановичъ поскорѣй отвелъ глаза, словно бы увидалъ чужую непріятную фізіономію...

Она что-то долго не приходила. Прошло минутъ пять, а Василю Ивановичу казалось, что прошло много времени. Ея все нѣтъ. „Вѣрно, разсердилась!“ — подумалъ онъ, и сердце его упало.

Наконецъ, двери тихо скрипнули, и она впорхнула, свѣженькая, веселая, ласковая, какъ всегда, въ свѣтленькомъ платьѣ. Съ приходомъ ея, словно просвѣтлѣла гостиная, и радостная надежда оживила Василя Ивановича. Онъ порывисто дернулся съ кресла, распаркался ножкой по всѣмъ правиламъ, преподааннымъ старикомъ Эбергардтомъ еще въ морскомъ корпусѣ, поцѣловалъ, по старинному, бѣленькую, пухленькую съ яминками ручку и... снова „опалѣлъ“, до того опалѣлъ, что не могъ произнести ни слова и стоялъ какъ пень. („Это-то и не нравится женщинамъ! Не опалѣй я вначалѣ, быть можетъ, не посадила бы она меня на мель!“ мысленно утѣшалъ себя теперь Василій Ивановичъ, вспоминая свою застѣнчивость.) А Сонечка между тѣмъ, какъ настоящая барышня, да еще получившая воспитаніе въ лучшемъ кронштадтскомъ пансіонѣ, какъ будто и не замѣчаетъ, что Василій Ивановичъ совсѣмъ сконфузентъ, и давай щебетать, словно канарейка, своимъ звонкимъ голоскомъ: „Хорошая ли погода? Не свѣжій ли сегодня вѣтеръ? Она собирается пройтись немного передъ обѣдомъ. Будетъ ли. Василій Ивановичъ въ четвергъ на балу въ клубѣ? Конечно, будетъ! Она тоже собирается, она будетъ въ новомъ платьѣ изъ китайскаго крепона, rose de Chine, что осенью приѣзъ Макарь Игнатьичъ... Вы вѣдь знаете Макара Игнатьича

Подшипникова? Онъ — папинъ товарищъ, механикъ. Подшипниковъ много привезъ прелестныхъ вещей... Катенькѣ Кочерыжкиной подарилъ прехорошенькія бразильскія мушки для серегъ". Она все продолжаетъ щебетать про клубъ, про погоду, про Подшипникова и Катю Кочерыжину, а Василий Ивановичъ все молчитъ, какъ бревно, да пыхтитъ, взглядывая на Сонечку не то умоляющимъ, не то растеряннымъ взглядомъ. „Да что вы сегодня странный какой, Василий Ивановичъ! Чтѣ съ вами?“ — спрашиваетъ, наконецъ, Сонечка. Чтѣ съ нимъ!? Василий Ивановичъ снова получаетъ даръ слова, чувствуя вдругъ приливъ необыкновенной храбрости. — Вы интересуетесь, Софья Семеновна, знать, чтѣ со мной. Интересуетесь? — И, не дождавшись отвѣта, Василий Ивановичъ ставитъ всѣ паруса. Все равно, выхода нѣтъ... Онъ начинаетъ издалева, рассказываетъ, какъ росъ, не зная ласки, оставшись сиротой, какъ тяжело жить на свѣтѣ безъ привязанности... Служба, конечно, занимаетъ, но служба еще не все... Человѣку хочется другой, болѣе полной жизни, хочется...

Что-то вдругъ защекотало у него въ горлѣ отъ нахлынувшего чувства, умиленный взглядъ затуманился слезой, и онъ снова потерялъ даръ слова, чувствуя потребность въ носовомъ платкѣ и не зная, доставать ли платокъ, или продолжать. А Сонечка вся притихла, замерла — ждетъ, и съ лица ея сбѣжала улыбка... Василий Ивановичъ между тѣмъ полѣзъ за платкомъ, ищетъ его по карманамъ, а платка нѣтъ — подлець вѣстовой забылъ положить!.. И Василий Ивановичъ снова теряется и робѣетъ. Онъ оставляетъ, наконецъ, поиски за платкомъ, предоставляя нѣсколькимъ предательскимъ слезинкамъ упасть на орденъ св. Станислава, одиноко украшавшій его грудь, и съ отвагой отчаянія, безъ дальнѣйшихъ предисловій, объявляетъ, что любить давно Сонечку и просить быть его женой, обѣщая положить за нее душу.

Проговоривши эти слова, онъ опускаетъ голову, словно подсудимый въ ожиданіи приговора.

Сонечка, какъ водится, слегка ахнула отъ неожиданности (хотя г. Купоросовъ, какъ доброжелательный отецъ, предупреждая дочь, почему Василий Ивановичъ пришелъ въ будній день въ эпохетакъ, совѣтовалъ не пренебрегать партіей и не смотрѣть на то, что у Василя Ивановича подгулялъ носъ. „Не съ носомъ, Сонечка, жить, а съ человѣкомъ!“) — потомъ глубоко вздохнула, бросая грустный взглядъ на лысину Василя Иваныча, блестящую крупными каплями пота, и тихо, тихо, точно вѣсто толстенькаго и зругленькаго Василя Ивановича передъ ней сидѣлъ тяжело больной,

съ которымъ нельзя говорить громко,—промовила: „Благодарю васъ, дорогой Василій Ивановичъ, за привязанность. Я всегда уважала васъ, какъ другъ, какъ сестра, но“...

И, вмѣсто окончанія фразы, заплакала.

Тутъ уже Василій Ивановичъ совсѣмъ пришелъ въ себя и сталъ просить прощенія, что смѣлъ огорчить Сонечку. Онъ такъ горячо извинялся, выставляя себя чуть не извергомъ за то, что полюбилъ Сонечку („Ну, не болванъ ли?!“ — снова сдѣлалъ Василій Ивановичъ мысленную вставку, вспоминая эти извиненія), — съ такимъ азартомъ упрашивалъ забыть его слова, что Сонечка очень быстро и съ видимымъ удовольствіемъ простила Василя Ивановича, утерла глазки и снова повела рѣчь объ уваженіи и о чувствахъ сестры... Но бѣдному Василю Ивановичу, при всей его добротѣ, однихъ этихъ чувствъ было недостаточно, и онъ разсѣянно слушалъ эти утѣшенія; и, убѣдившись, что Сонечка настолько успокоилась, что уже улыбается и снова заводитъ рѣчь о четверговомъ балѣ,—торопился уйти и даже не поцѣловалъ на прощанье дружески протянутой ручки, а только крѣпко, крѣпко ее пожалъ. „Надѣюсь, мы по прежнему останемся друзьями?“ — спросила эта безжалостная Сонечка. Василій Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, взглянулъ на Сонечку взоромъ, полнымъ любви, и торопливо вышелъ.

Въ прихожей пришлось, однако, замѣшкаться. Василій Ивановичъ что-то долго не могъ всунуть руку въ рукавъ пальто и какъ-то глупо улыбался, слушая конфиденціальный шопотъ старика Купоросова, помогавшаго Василю Ивановичу надѣть пальто. Купоросовъ совѣтовалъ не отчаиваться. „Сонечка у меня вѣбальмошная дѣвчонка, Василій Ивановичъ!.. — таинственно говоритъ старый механикъ. — Ума настоящаго нѣтъ, а одна фантазія. Сегодня: „стоппъ машина!“ а завтра: „полный ходъ впередъ!“ — извѣстно, женское вѣдомство!.. Да вы все не туда руку суετε, Василій Ивановичъ. Ну, вотъ, теперь попали!.. Я, конечно, неволить Сонечку не стану, не мнѣ выходить замужъ, но будьте увѣрены, что я—за васъ, Василій Ивановичъ! Быть можетъ, завтра же вѣтеръ переимѣнится!“ — прибавилъ онъ, дружески подмигивая глазомъ и пожимая обѣими руками руку Василя Ивановича. „Да не забывайте насъ, Василій Ивановичъ!“ — крикнулъ господинъ Купоросовъ уже въ догонку съ крыльца.

Однако Василій Ивановичъ совсѣмъ приунылъ, не показывался даже въ клубъ, ходилъ только на вооруженіе фрегата и допекать шенпера, требуя для своей фокъ-мачты троса съ иглочки.

Только черезъ мѣсяцъ Василій Ивановичъ собрался навѣстить Купоросовыхъ—узнать, не переимѣнился ли вѣтеръ. Онъ рѣшилъ

на этотъ разъ тщательно скрывать отъ Сонечки свои чувства и держать себя такъ, какъ будто отказъ не произвелъ на него большого впечатлѣнія („Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей!“). Вернувшись съ фрегата, Василій Ивановичъ тщательно приодѣлся, попрыскался духами, подчесалъ височки и, сказавъ Антонову, что дома чай пить не будетъ, вышелъ изъ офицерскихъ флигелей, насвистывая, для храбрости, любимый свой мотивъ изъ „Роберта-Дьявола“. Уже онъ подходилъ къ Галкиной улицѣ, какъ вдругъ увидалъ идущую по другой сторонѣ улицы Сонечку съ мичманомъ Душкинымъ, молодымъ, кудрявымъ, бойкимъ блондиномъ, давно уже возбуждавшимъ въ Василіѣ Ивановичѣ ревнивыя чувства. Оба они такъ весело, счастливо смѣялись, такъ дружно и любовно шли рука въ руку, что Василій Ивановичъ тотчасъ же пересталъ свистать и хотѣлъ-было постыдно дать тягу, сдѣлавъ „поворотъ оверштагъ“ въ ближній переулокъ, но, къ сожалѣнію, уже было поздно. Онъ не успѣлъ еще положить „руля на бортъ“, какъ Сонечка замѣтила его и, одликнувъ, привѣтливо махнула голубымъ зонтикомъ. Онъ храбро пересѣкъ улицу, снимая издали фуражку, и подошелъ къ молодымъ людямъ. Они какъ-то вдругъ притихли, точно боялись огорчить его видомъ своего неудержимаго счастья. Но счастье такъ и рвалось наружу съ обоихъ этихъ молодыхъ, свѣжихъ, радостныхъ лицъ, озаренныхъ лучами весенняго солнышка, и Василій Ивановичъ сразу почувствовалъ, что „вѣтеръ перемѣнился“, но только не для него.

— Вы не къ намъ ли?—защебетала Сонечка.—Такъ папашѣтъ дома. Онъ сегодня съ первымъ пароходомъ уѣхалъ въ Петербургъ, и мы ѣдемъ теперь на пристань встрѣчать его.— И затѣмъ тихо прибавила: — А вы совсѣмъ насъ забыли, Василій Ивановичъ! И поздравить меня не хотѣли!—Поздравить?! Съ чѣмъ поздравить?—спрашиваетъ упавшимъ голосомъ Василій Ивановичъ.—Развѣ не знаете? Вѣдь я выхожу замужъ!—прибавляетъ Сонечка, и голосъ ея звучитъ радостно.

Нужно ли спрашивать: за кого? Василій Ивановичъ замѣтилъ, какимъ взглядомъ посмотрѣла Сонечка на молодого мичмана, и самоотверженно поздравилъ невѣсту и жениха.—Дай вамъ Богъ всего... всего хорошаго, Софья Семеновна!—проговорилъ онъ, пожимая ея руку, и вслѣдъ затѣмъ раскланялся.—Развѣ вы не съ нами?—Нѣтъ, нужно зайти въ одинъ домъ!—совралъ Василій Ивановичъ и тихо побрелъ домой.

Бѣлобрысый Антоновъ, отъ нечего-дѣлать, тренкалъ на бала-лайкѣ, сидя у воротъ, когда совершенно неожиданно завидѣлъ возвращавшагося барина. Онъ сразу замѣтилъ, что Василій Ива-

новичъ „заскучивши“, и потому необыкновенно скоро изготовилъ самоваръ. Долго пѣлъ самоваръ свою жалобную пѣсенку, а Василий Ивановичъ не обращаетъ на него никакого вниманія и ходитъ себѣ взадъ и впередъ по комнатѣ, слегка опустивъ голову и заложивъ на спину руки, словно коротааетъ вахту. „Прикажете заварить, ваше благородіе?“ осторожно спрашиваетъ вѣстовой, высовывая голову въ двери. Отвѣта нѣтъ. Тогда Антоновъ убираетъ самоваръ и скоро опять вноситъ его шумящимъ на славу. „Вѣрно, теперь онъ его услышитъ“... Уже стемнѣло, вѣстовой принесъ лампу и въ изумленіи увидалъ, что чай не заваренъ, а Василий Ивановичъ все ходитъ. Облапивъ самоваръ, Антоновъ опять скрывается и черезъ минуту несетъ старенькій байковый халатъ. „Не прикажете ли халатъ подать, ваше благородіе?“ участливо спрашиваетъ онъ, и, получивъ въ отвѣтъ отрицательный кивокъ головой, снова исчезаетъ, нѣсколько смущенный, такъ какъ ему показалось, будто на глазахъ у барина онъ замѣтилъ слезы. Часу въ первомъ ночи Антоновъ опять просунулъ въ двери свою голову, затѣмъ появился весь и уже настойчиво проговорилъ: „Спать пора, ваше благородіе!“ Но Василий Ивановичъ, видѣвшій всѣ продолжки своего вѣстового, не посылаетъ Антонова къ чорту, ласково говоритъ: „Ложись спать, Антоновъ!“

Такъ до утра прошагалъ Василий Ивановичъ, передумывая о своей неудачѣ, и, переодѣвшись въ старый сюртукъ, пошелъ въ шестомъ часу утра въ гавань, на фрегатъ.

Теперь вдругъ, вдали отъ родины, Василию Ивановичу почему-то припомнилась вся эта исторія, давно забытая въ служебной сутолокѣ, въ вѣчныхъ заботахъ о клиперѣ. „Зачѣмъ?.. Богъ съ ней, съ этой Сонечкой!.. Онъ, кажется, не особенно исправный человѣкъ, этотъ мичманъ! Перешелъ зачѣмъ-то въ Черное море... увезъ жену!.. Только и есть слава, что умѣетъ правиться женщинамъ!“... не безъ досады подумалъ Василий Ивановичъ, закуривая новую папироску.

„И вѣдь второй разъ, однако, отказали!—проговорилъ вслухъ Василий Ивановичъ и продолжительно вздохнулъ не то отъ обиды, не то отъ жары.—И словно сговорились эти чертенки: обѣ, натанувши ему носъ, предлагали свою дружбу, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ годится лишь въ друзья... Благодарю-съ покорно! Онъ на это не согласенъ... Онъ, если по совѣсти разсудить, конечно, не Аполлонъ тамъ какой-нибудь, а все-таки ничего себѣ мужчина... Разумѣется, ничего себѣ, и даже очень ничего!“ еще разъ мысленно оцѣниваетъ себя Василий Ивановичъ и машинально приглаживаетъ свои щегольскіе рыжіе височки.

„И время еще есть, если на то пошло, чтобы скрасить свое одинокое существованіе!.. Слава Богу, сорокъ лѣтъ—еще не старые годы... Мужчина въ самой порѣ... Чтѣ ему помѣшаетъ жениться, по возвращеніи въ Россію, а?.. Онъ будетъ капитанъ-лейтенантомъ; можетъ быть, и суденышко третьяго ранга дадутъ... Командиръ... Столовые и все такое... Только не надо, братъ Василій Ивановичъ, „запускать глазенапы“ на очень молоденькихъ!.. Надо выбрать какую-нибудь этакую черноглазую, свѣженькую, полненькую (Василій Ивановичъ одобрялъ именно полненькихъ) брюнеточку, съ усиками на губкахъ, съ такимъ задорнымъ носикомъ, лѣтъ такъ двадцати-пяти, шести... Такія дѣвушки тоже имѣютъ свою прелесть и, главное, понимаютъ жизнь, не бросаются на человѣка зря, изъ-за одной только фізіономіи, а ищутъ и душу“...

Нѣсколько успокоенный мечтами объ этой проблематической „брюнеточкѣ“, съ „усиками на губкахъ“, которую онъ полюбитъ по возвращеніи въ Россію, и въ то же время предвкушая удовольствіе, въ ожиданіи „брюнеточки“, увидать сегодня же, на берегу, ея, такъ сказать, суррогатъ, въ образѣ каначки, Василій Ивановичъ развязывается съ воспоминаніями и кричитъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— Эй, кто тамъ есть! Антонова послать!

— Здѣсь, ваше благородіе! — отвѣчаетъ Антоновъ, подбѣгая на рыскахъ къ Василию Ивановичу.

— Поддай-ка, братецъ, закусить что-нибудь, да бутылку портеру.

— Есть, ваше благородіе! — весело говоритъ Антоновъ, довольный, что баринъ пересталъ „скучить“, и съ быстротой расторопнаго вѣстового приносить и ставитъ передъ Василиемъ Ивановичемъ его обычную утреннюю закуску: сыръ, хлѣбъ и портеръ...

— Карлъ Карловичъ! Кончили писать?—кричитъ Василій Ивановичъ, не слыша болѣе скрипа пера изъ докторской каюты. — Не угодно ли портерку?

— Danke schön, Василій Ивановичъ! — откликается докторъ. — Я еще не совсѣмъ готовъ...

— Прислать, что-ли, въ каюту стаканчикъ?

— Danke schön, Василій Ивановичъ... Не беспокойтесь... Черезъ четверть часа я буду готовъ и, если позволите, приду выпить стаканчикъ стауту.

— Ладно, Карла Карлычъ!

„Экъ его, однако, расписало сегодня!“ улыбается Василій

Ивановичъ и съ наслажденіемъ проглатываетъ стаканъ любимаго напитка, закусывая кускомъ мягкаго, сочнаго честера.

— Антоновъ! Достань-ка еще бутылочку, да подай стаканъ для Карла Карловича, а потомъ принеси мнѣ сигару... Постой... постой!—остановилъ Василій Ивановичъ готоваго бѣжать вѣстового:—сигару мнѣ дашь изъ того ящика, что въ Санъ-Франциско покупали... Знаешь?

— Знаю, ваше благородіе...

— Ну, и молодецъ, что знаешь!—шутить Василій Ивановичъ.—Завтра я куплю форсистый платокъ для твоей бабы... Завтра, быть можетъ, и письмо отъ нея получишь... Что-то давно не было...

— Вѣрно, все, слава Богу, дома благополучно, ваше благородіе!—отвѣчаетъ добродушный Антоновъ со своимъ обычнымъ философскимъ оптимизмомъ и уходитъ изъ каютъ-компаніи, провожаемый ласковымъ взглядомъ Василія Ивановича.

Ст.

ДЮМА-СЫНЪ

ВЪ

НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ

I.

Настало время для критики въ средѣ молодого поколѣнія, для чуткихъ и вдумчивыхъ натуръ, принадлежащихъ къ генераціи, какой теперь пошелъ уже, однако, четвертый десятокъ лѣтъ: внести свой методъ изслѣдованія крупныхъ литературныхъ явленій, подвести итоги психологіи литературныхъ отцовъ, еще недавно бывшихъ дѣтьми.

Западно-европейскую молодежь послѣдняго десятилѣтія объединяетъ (особенно въ Парижѣ) общее отрицательное направленіе мысли, сдѣлавшееся незамѣтно—моднымъ пессимизмомъ. Отрицать этотъ фактъ нельзя. Такъ или иначе, литературная молодежь самаго большаго западно-европейскаго умственнаго центра охотно согласилась съ кличкой пессимистовъ и, по собственному желанію выдаетъ себя за послѣдовательницу безотрадныхъ взглядовъ на жизнь франкфуртскаго философа. Конечно, эта болѣзнь, или полоса развитія (назовите, какъ хотите), характеризуетъ собою все-таки же меньшинство, пропадающее въ общей массѣ не только всего западно-европейскаго, но и чисто-французскаго населенія. Такъ, однако, было всегда, во всѣ эпохи, вошедшія уже въ исторію литературныхъ и общественныхъ стремленій. И въ тридцатыхъ годахъ такъ-называемая „La jeune France“ заключала въ себѣ какихъ-нибудь сотню-другую выдающихся молодыхъ па-

рижанъ; но эта кучка придавала окраску цѣлой эпохѣ. Такъ было и раньше, во времена байронизма, и еще раньше, въ періодъ „Sturm und Drang“.

Какъ бы ни смотрѣть на пессимизмъ теперешней французской литературной молодежи: объяснять ли его событіями второй имперіи, послѣдней войны и коммуны, видѣть ли въ немъ наслѣдіе эпохи, лишенной идеаловъ, своего рода реакцію и возмездіе; взглянуть ли на него какъ на моду, рисовку, или же видѣть временное патологическое состояніе собирательной души, — настроеніе существуетъ, колоритъ имѣетъ извѣстнаго рода оттѣнокъ, литературное движеніе отличается значительно отъ предыдущей полосы воинствующаго реализма. Не одни только старые авторитеты, ходячія понятія, буржуазная рутина взглядовъ, опредѣленій, вкусовъ, но и сама жизнь, ея цѣнность, довольство ея благами, высшіе ея дары — все это подвергается развѣдающему анализу. Ищутъ со страстью, или съ болѣзненнымъ упорствомъ, яркихъ проявленій всего ненормальнаго, останавливаются на самыхъ беспощадныхъ картинахъ дѣйствительности, роются въ человеческой душѣ, чтобы извлекать изъ нея то, что отзывается не жизнью, а предвкушеніемъ и торжествомъ смерти. Это мы видимъ въ романахъ, въ стихотвореніяхъ, во всевозможныхъ очеркахъ, гдѣ „модернизмъ“ разлагаютъ на его гніющія составныя части. Видимъ мы это и въ критическихъ опытахъ молодыхъ пессимистовъ. Но нельзя сказать, чтобы эта молодежь была равнодушна къ литературѣ; напротивъ, она по своему работаетъ надъ расширеніемъ ея предѣловъ. Если не огорчаться общимъ колоритомъ этого направленія, то выйдетъ, при ближайшемъ знакомствѣ, что вы находите и тутъ (точно также какъ это было въ недавней компаніи ультра-реалистовъ, какъ это было съ романтиками тридцатыхъ годовъ) ратованіе за новыя литературныя идеи, за необходимость еще болѣе полной свободы въ выборѣ сюжетовъ, въ обработкѣ жизненнаго матеріала. Какъ же иначе объяснить себѣ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ парижскіе пессимистическіе кружки признали высокое художественное и мыслительное значеніе романовъ Толстого и Достоевскаго? Они были для нихъ находкой и сдѣлались, для иныхъ, почти евангеліемъ. Сквозь прозрачную творческую форму Толстого, сквозь запутанность психологическихъ фантазій Достоевскаго они распознали извѣстный общій грунтъ славянской души, наклонной къ признанію тщеты земного, къ той высшей жалости, какую человечество, въ своей безконечной тяготѣ и нуждѣ, вызываетъ и не въ однихъ систематическихъ пессимистахъ. Но если молодые

адепты новой литературной школы способны такъ искренно, беззаветно, съ такой смѣлостью и виртуозностью отстаивать законность все новыхъ и новыхъ рамокъ для творческаго изображенія, все новыхъ основъ и критеріевъ для критическаго изслѣдованія, то какъ же можно считать ихъ служителями „нирваны“? Они чрезвычайно жизненны, только на особый ладъ. Ихъ безразличное, часто какъ бы отчаянное, отношеніе къ бытію не мѣшаетъ имъ распространять свои идеи, изучать творчество писателей чужихъ національностей, дѣлать попытки своеобразнаго освѣщенія пережитыхъ эпохъ, болѣе глубокаго анализа идей, произведеній, душевныхъ свойствъ крупнѣйшихъ дѣятелей литературы, на которыхъ они сами воспитались.

Уже не въ первый разъ приходится мнѣ говорить объ этой начинающейся, новой полосѣ западно-европейскаго міропониманія. Тутъ нѣтъ, конечно, цѣльной философской системы. Пессимизмъ какъ ученіе—чисто субъективенъ; онъ—гораздо болѣе произвольное моральное ученіе, чѣмъ какая-либо другая доктрина. Его недостаточность и односторонность выяснены тѣми, кто владѣетъ научно-философскимъ взглядомъ на существующее, на міроустройство и на судьбы человѣческихъ обществъ. Но мы, въ данную минуту, занимаемся только отраженіемъ его въ литературѣ, въ критическихъ идеяхъ, въ изящномъ творествѣ. То, чтó мнѣ уже случалось говорить, и вскользь, и болѣе подробно, то выражу и здѣсь. Какъ бы намъ лично ни было мало симпатичнымъ такое настроеніе молодежи на Западѣ, или у насъ (чего еще, кажется, нѣтъ), мы въ состояніи посмотрѣть на дѣло спокойно, со стороны, не возмущаясь и не выказывая нетерпимости. Самый главный вопросъ—тотъ: пытается ли извѣстное душевное настроеніе данной генераціи ея мыслительную и творческую работу, или нѣтъ? Если пытается, если поэты и романисты этой генераціи выпускаютъ въ свѣтъ замѣчательныя произведенія или, по крайней мѣрѣ, новые и оригинальные опыты, если, съ другой стороны, критическая мысль не хирѣетъ, а вноситъ также нѣчто свое—больше ничего нельзя и требовать. Иначе и не можетъ быть. Было бы, напротивъ, весьма печально, еслибы молодые люди повторяли зады, принимали на вѣру credo своихъ отцовъ, думали, писали, дѣйствовали какъ примѣрные ученики, радующіе своимъ прилежаніемъ и успѣхами воспитателей и родителей. Вѣдь въ сущности не только какой-нибудь недугъ, какая-нибудь эпидемія, но и мода, и своего рода рисовка, и эксцентричности замашекъ и вкусовъ не являются даромъ. Не всѣ были фаты среди романтиковъ тридцатыхъ годовъ или сверстниковъ Чайльд-

Гарольда и Вертера; они носили причудливые прически, костюмы, имѣли такую или иную манеру говорить, держаться въ обществѣ не потому только, что хотѣли умышленно бросаться всѣмъ въ глаза, а потому, что были во многомъ убѣждены, считали то, что намъ кажется претензіей и даже безвкусіемъ, за дѣло серьезное, за вопросъ первѣйшей важности. Надо ставить въ положительную похвалу теперешнимъ молодымъ пессимистамъ литературы то, что они полагаютъ свою оригинальность не во внѣшнихъ признакахъ, не въ своего рода ухарствѣ, а почти исключительно въ мыслительной работѣ. По внѣшности, вы ихъ и не отличите отъ другихъ, если хорошо ознакомитесь съ теперешней жизнью парижской молодежи. Какъ и всѣ генерации, сдѣлавшіяся взрослыми постѣ франко-прусской войны, это — молодые люди безъ молодыхъ приемовъ, сдержанные, иные чопорные, суховатые въ своемъ обхожденіи, не желающіе выдѣляться въ обществѣ обязательнымъ скептицизмомъ и пессимизмомъ. Людямъ нашего времени и кажется всегда страннымъ, часто способнымъ вызвать грусть, то, что эти молодые люди страдаютъ преждевременнымъ старчествомъ, что они не жили, не знали настоящихъ призывовъ страсти, сердечныхъ радостей, великодушныхъ волненій, охватывающихъ все существо человѣка, великихъ идей, за которыя другія генерации шли всюду, даже на вѣрную смерть.

Но эти молодые старички могутъ отвѣтить намъ:

„У насъ другой умъ и другая оцѣнка жизни; вы намъ, господода, не указъ. Мы не виноваты въ томъ, что иллюзіи и самообольщенія мѣшали вамъ доходить до глубины очень многихъ вопросовъ, что, наконецъ, у насъ явилось больше храбрости взглянуть прямо въ глаза тому сфинксу, который называется бытіемъ, и, положимъ, преждевременно, но рѣшительно объявить, что загадка этого сфинкса не стоитъ чудовищныхъ усилій всего человечества“.

Быть можетъ, молодая генерация принесутъ даже съ собою, въ силу своего пессимизма, дѣйствительно больше философскаго мужества, и что за періодомъ нѣкотораго дилеттантства, по части стремленій къ нирванѣ, послѣдуетъ періодъ хорошаго стоицизма, согрѣтаго той жалостью къ нуждамъ и страданіямъ человечества, какая несомнѣнно присуща каждому пессимистическому взгляду на жизнь. А пока наша задача состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить сочувственно за всѣми признаками своеобразной душевной жизни новаго времени и указывать на тѣ выдающіеся умы, какіе явились въ послѣднее десятилѣтіе и принадлежатъ, по своей окраскѣ, къ типическому настроенію эпохи.

Изъ нихъ едва-ли не на самомъ первомъ мѣстѣ стоитъ молодой писатель, о которомъ мнѣ уже не разъ приводилось бесѣдовать съ русскими читателями. Это—Поль Бурже, поэтъ, романистъ и критикъ. Въ Парижѣ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, указываютъ на него, какъ на того писателя, который всего сильнѣе вліяетъ на молодое литературное поколѣніе и съ наибольшимъ талантомъ даетъ намъ его преобладающую душевную ноту. Съ этимъ можно, пожалуй, согласиться. По крайней мѣрѣ, мнѣ и по личнымъ наблюденіямъ, знакомствамъ, разговорамъ приводилось не разъ убѣждаться въ этомъ. И въ самомъ дѣлѣ, Поль Бурже и отъ природы, и по характеру образованія, и по своимъ вкусамъ, мыслительнымъ и сердечнымъ потребностямъ, представляетъ собою какъ бы центральную личность самой новой литературной Франціи. Не даромъ дѣйствуетъ онъ въ трехъ областяхъ изящнаго слова: какъ поэтъ, какъ романистъ, какъ критикъ. До сихъ поръ, по силѣ лиризма и яркости образовъ, онъ не выдѣлился изъ группы новыхъ французскихъ стихотворцевъ и врядъ-ли будетъ когда-нибудь стоять на одной высотѣ хоть, напр., съ такимъ поэтомъ, какъ Леконтъ-де-Лиль. Но его лирическія вещи (а ихъ уже существуетъ три тома) дороги молодежи тѣмъ, что она находитъ въ его изліяніяхъ, исповѣдяхъ, крикахъ сердца и вопросахъ ума именно то, съ чѣмъ она сама выступала недавно въ жизнь. Тутъ и особаго рода меланхоличность, уже не частная, не случайная, а общая, меланхоличность скептика и мягкаго пессимиста; тутъ и траги-комедія любви, не заоблачной, а земной, нервно-чувственной, съ погоней за всѣми видами художественнаго наслажденія; тутъ и частое сознаніе своей слабости, той парализаціи воли, которая дѣйствительно начинаетъ являться характернымъ признакомъ людей послѣдняго времени. Также точно въ романѣ Поль Бурже является исключительно аналитикомъ страсти новыхъ свѣтскихъ людей или, лучше сказать, ихъ души, устремленной на одно чувство. До того, что мы называемъ „бытомъ“, до подробностей сюжета, до заботъ объ изображеніи возможно большаго числа творческихъ фактовъ ему мало дѣла. Онъ строитъ свои новеллы и романы такъ, какъ писатели „молодой Франціи“ въ тридцатыхъ годахъ строили свои любовныя драмы. По выраженію автора „Antony“, ему нужна была страсть и четыре кулисы. И Поль Бурже можетъ сказать, что ему достаточно двухъ-трехъ лицъ и одной комнаты. Въ этомъ преобладаніи психологическаго интереса виденъ также косвенный протестъ этой генераціи противъ черезъ-чуръ большого нагроможденія реалистическихъ подробностей въ романахъ Золя и его сверстниковъ, на которыхъ

молодежь, занимающая насъ въ эту минуту, смотреть уже совсѣмъ не восторженно, а находить, что представители натурализма слишкомъ мало занимаются душой человѣка. Наконецъ, какъ критикъ, Поль Бурже, и выборомъ предметовъ своего анализа, и тономъ, и методомъ, и стилистической манерой, отвѣчаетъ, какъ никто, на то, что его сверстники желали бы находить въ критической литературѣ. Для меня критикъ въ немъ стоитъ выше всего остального, хотя, быть можетъ, онъ, какъ романистъ, и добьется еще болѣе популярности и славы. Въ задушевномъ разговорѣ, послѣ выхода въ свѣтъ, годъ тому назадъ, его романа: „*Cruelle énigme*“, я позволилъ себѣ поставить автору вопросъ: считаетъ ли онъ себя „настоящимъ“ беллетристомъ, на что и получилъ искренній отвѣтъ: что романиста, такого, какимъ долженъ быть писатель въ глазахъ критики, требующей яркаго объективнаго творчества, онъ въ себѣ не признаетъ; но пишетъ и романы, и стихотворенія, отзываясь на потребность обнаруживать всѣ тѣ идеи и настроенія, какія онъ самъ переживаетъ. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ идей нужна форма беллетристическая, и онъ беретъ ее, когда чувствуетъ, что въ критической статьѣ онъ не въ состояніи былъ бы прослѣдить процессъ развитія, взрыва и паденія извѣстной страсти или болѣзни души, характерной для его генераціи. Онъ признавалъ также, что складъ его фразы, способъ думать и выражать характерные признаки — опять-таки болѣе критическій, чѣмъ творческій, чѣмъ художественный въ тѣсномъ смыслѣ. Такое мнѣніе автора сходило въполнѣ съ оцѣнкой, которую я уже разъ имѣлъ поводъ предложить и русскому читателю, говоря, что нѣкоторыя страницы изъ его романа „*Cruelle énigme*“ можно было бы цѣликомъ вставить и въ критическіе его „Опыты“.

Эти „Опыты“, циклъ которыхъ закончился въ нынѣшнемъ году, составляютъ, по моему, нѣкотораго рода событіе въ исторіи новой французской литературной критики. Они печатались въ журналѣ „*Nouvelle Revue*“, издающемся подъ редакціей г-жи Эдмонъ Аданъ; но не были случайными рецензіями, заказанными редакціей или появившимися по поводу выхода въ свѣтъ той или иной литературной новинки. Я употребилъ слово: „циклъ“, и дѣйствительно, тѣ десять этюдовъ, которые потомъ вышли на протяженіи двухъ-трехъ лѣтъ двумя томами, задуманы и выполнены были Полемъ Бурже по опредѣленному плану. Такой типическій представитель молодой генераціи, какъ Поль Бурже, долженъ былъ испробовать свои силы на самыхъ яркихъ представителяхъ собирательной души предыдущихъ генерацій. Въ первомъ томѣ этихъ

„Essais de psychologie contemporaine“ мы и находимъ у него новые опыты пониманія такихъ писателей, какъ Ренанъ и Тэнъ, Флоберъ, Стендаль и Бодляръ: какъ разъ пять крупнѣйшихъ дарованій, характерныхъ для цѣлаго пятидесятилѣтія французской коллективной психологіи. Молодой критикъ выступилъ не какъ рѣзкій обличитель, безъ всякаго желанія глумиться или умалять заслуги, безъ претензіи на то, чтобы подкапываться подъ авторитеты или критическую оцѣнку, сдѣланную этимъ людямъ и ихъ произведеніямъ до него, а съ болѣе скромной и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма своеобразной задачей: прослѣдить, какъ книги, пущенныя въ обращеніе этими крупными умами и талантами, вошли въ психологію его собственнаго поколѣнія, какой осадокъ онѣ тамъ оставили, какъ онѣ переплелись съ испытаніями жизни. Но это повело его къ критической работѣ, методъ которой находится въ прямой связи съ движеніемъ современной критики вообще. Онъ самъ долженъ былъ войти въ душу этихъ писателей безъ малѣйшаго догматизма. Онъ за-ново ихъ освѣтилъ и показалъ, почему и какъ они внесли въ свое творчество или анализъ тѣ или иные душевныя стремленія, развѣдающія или созидающія идеи.

Во второмъ томѣ, недавно выпедшемъ и заключившемъ, какъ я уже сказалъ, циклъ избранныхъ имъ предметовъ изслѣдованія (этотъ второй томъ содержитъ опыты о Дюма-сынѣ, Леконтъ-де-Лилѣ, братьяхъ де-Гонкуръ, Тургеневѣ и швейцарскомъ писателѣ Амьелѣ), Поль Бурже обращается въ предисловіи къ издательницѣ того журнала, гдѣ печатались всѣ эти критическіе этюды, съ словами признательности за ея дружеское желаніе поддержать его попытку, и говорить слѣдующее:

„Я ограничился этими десятью фізіономіями потому, что онѣ мнѣ казались самыми пригодными, чтобы выразить главную тѣму, проникающую оба тома, а именно: что состояніе души, особенно свойственное новой генерации, было уже, въ зародышѣ, въ теоріяхъ и мечтаніяхъ предыдущаго поколѣнія. Молодые люди наследуютъ отъ своихъ старшихъ извѣстный способъ пользованія жизнью и передаютъ его, измѣненный собственной опытностью, тѣмъ, кто приходитъ послѣ нихъ. Произведенія литературы и искусства—самое могущественное орудіе передачи такого психологическаго наслѣдства. Стало быть, стоить изучать эти произведенія въ ихъ воспитательномъ смыслѣ для умовъ и сердецъ. Вотъ этотъ только методъ и попытался я примѣнить къ нѣкоторымъ изъ нашихъ крупныхъ старшихъ, которые, сами того не зная и въ силу одного своего таланта, производятъ на дальнѣйшія поколѣнія неудержимое и постоянное вліяніе идей и чувствъ“.

И тутъ Поль Бурже самъ накладываетъ руку на болѣзненный признакъ молодой французской души:

„Результатъ подробнаго и долгаго обслѣдованія меланхолическаго, — говоритъ онъ въ слѣдующихъ строкахъ. — Мнѣ казалось, что изъ всѣхъ произведеній, какія обозрѣвались въ этихъ десяти опытахъ, выясняется одно и то же вліяніе — болѣзненное и, говоря опредѣленнѣе, глубоко и непрерывно пессимистическое. И въ самомъ дѣлѣ, существованіе пессимизма въ душѣ современной молодежи признается теперь даже тѣми, кому всего противнѣе духъ отрицанія и подавленности. Кажется, я былъ однимъ изъ первыхъ, указавшихъ на этотъ неожиданный возвратъ къ тому, что называли, въ 1830 году, недугомъ вѣка. Казалось, покончили уже съ расой Обермановъ и Ренэ, а между тѣмъ появляются романы, гдѣ такая же разочарованность, какъ и въ шедевръ Сенанкура; выходятъ поэмы такіе же горькіе, какъ и сонеты Жозефа Делорма. Разница, конечно, есть, но въ риторикѣ, въ литературныхъ приемахъ. „*Bel-ami*“ де-Мопассана также нигилистиченъ, какъ и Оберманъ, но его нигилизмъ предлагается въ другомъ видѣ, и самые крайніе послѣдователи Бодлера проявляютъ свои свойства людей эпохи паденія совѣсть не въ такихъ ритмахъ, какъ ученики Сенъ-Бѣва. Что же изъ того, что различныя рѣчи переводятъ на понятный языкъ одно и то же впечатлѣніе безусловнаго и неотвратимаго отчаянія? Шатобрианъ выбиралъ рамкою для своей неизлечимой хандры необъятный небосклонъ бретонскихъ прибрежій, гдѣ высились въ небѣ башни родового замка; наши пессимисты окаймляютъ свою мизантропію парижской декораціей, одѣваютъ ее по модному, вмѣсто того, чтобы драпировать въ плащъ Байрона. Но для психолога существенна основа, и эта общая основа здѣсь, какъ и тамъ, въ романѣ „*A rebours*“ Юисманса, точно также какъ и въ „Адольфъ“ Бенжамена Констана — смертельное утомленіе отъ жизни, мрачное воспріятіе тщеты всякаго усилія“.

Авторъ находитъ, что это не рисовка, на что я указывалъ выше, и не простое подражаніе. Однимъ именемъ Шопенгауэра ничего еще нельзя объяснить. Ему кажется скорѣе, что известная доля современной молодежи находится въ состояніи кризиса. Если это и болѣзнь, то Поль Бурже не смотритъ на нее безнадежно, и считаетъ согласимой съ той жизненностью, бодростью духа, даже игривой веселостью, которая все-таки еще живетъ въ общественномъ тѣлѣ Франціи, въ ея народномъ темпераментѣ.

„Что доказываетъ такое противорѣчіе? — спрашиваетъ онъ. —

А то, что человекъ—сложное существо, что мысль и дѣйствіе не всегда идутъ въ ногу, что инстинктъ поддержанія жизни пересиливаетъ всякіе противные доводы. И съ какой же поры болѣзнь сдѣлалась чѣмъ-то абсолютнымъ, неспособнымъ на извѣстныя ступени, несогласимымъ съ извѣстной долей здоровья? Тѣмъ лучше, если этотъ остатокъ здоровья позволяетъ больному двигаться и быть похожимъ на человека. Развѣ это причина, изъ-за которой нельзя изучать зло, какимъ страдаешь, особенно, если зараза болѣзни распространяется и грозитъ захватить много другихъ личностей, которыя, быть можетъ, не будутъ уже въ состояніи противиться ей съ такой энергіей?”

Взглядъ, вы сами видите, не особенно веселый и достаточно убѣжденный. Авторъ, вслѣдъ затѣмъ, и говоритъ, что оба тома его „Опытовъ“ и заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ изъ причинъ пессимизма теперешнихъ молодыхъ людей. Эти причины, по его показанію, начали дѣйствовать на молодое поколѣніе половины пятидесятихъ годовъ, а оно передаетъ уже теперешнимъ генераціямъ часть своего сердца, рассказывая, какъ оно жило и страдало. Но, рядомъ съ изслѣдованіемъ этой стороны психическаго процесса, Поль Бурже указываетъ и на социальную трагедію, чрезъ которую авторы, повліявшіе на молодежь, сами не проходили.

„Мы вошли въ жизнь,—говоритъ онъ,—чрезъ ужасный годъ войны и коммуны, и этотъ ужасный годъ не только искалчилъ весь составъ нашей дорогой родины, не только загубилъ въ пожарахъ памятники дорогого намъ города, но оставилъ во всѣхъ насъ точно первыя схватки отравы и сдѣлалъ насъ болѣе безпощадными, менѣе способными противостоять душевному недугу, въ которомъ мы и выросли, и для какого будущаго? Кто можетъ отвѣтить? Кто произнесетъ слово вѣры въ грядущее и плодотворнаго труда, необходимаго этой молодежи, чтобы дать ей бодрость приняться за дѣло, чтобы она излечилась отъ той неувѣренности, какая гложетъ ее? Кто возвратитъ намъ божественную добродѣтель радости, испытываемой при всякомъ бодромъ усиліи и упованіи въ борьбѣ?”

Эти задушевные, горячіе возгласы показываютъ, что нашъ авторъ—не сухой скептикъ, что онъ и тутъ можетъ быть лирикомъ, что жалость и потребность сочувствія не выдѣнены въ немъ развѣдающимъ наслѣдіемъ великихъ писателей предыдущей эпохи. Только онъ признается, что не въ состояніи дать какой-нибудь положительный выводъ своимъ этюдамъ. Сомнѣніе остается преобладающей нотой. Сомнѣніе, но не безнадежный скептицизмъ, не

безпринципность, какъ, можетъ быть, подумаютъ нѣкоторые. Вотъ подлинныя слова автора въ отвѣтъ на такое возможное, со стороны иного читателя, обвиненіе:

„Смотрѣть серьезно, почти трагически, на драму, разыгрывающуюся въ интеллигенціяхъ и въ сердцахъ извѣстнаго поколѣнія, развѣ это не значить—заявлять, что вѣришь въ безграничную важность задачъ нравственной жизни? Развѣ это не значить—выражать свое упованіе въ ту темную и болѣзненную реальность, плѣнительную и необъяснимую, которая есть человѣческая душа?“

И вотъ этотъ-то центральный, какъ я выразился, мыслитель молодой генераціи, лирикъ и анализаторъ современной души, въ числѣ крупныхъ дарованій предыдущаго поколѣнія, освѣтилъ своимъ аналитическимъ методомъ и чуткостью почти художника и фізіономію драматурга, наложившаго печать на театръ цѣлой четверти вѣка.

II.

Какъ на всѣхъ первоклассныхъ писателей предыдущей эпохи, нашъ типическій представитель молодой генераціи посмотрѣлъ и на Дюма-сына своимъ вдумчивымъ, аналитическимъ взглядомъ, вошелъ въ его авторскую душу, постарался настоящимъ образомъ понять значеніе его для цѣлаго періода жизни и литературы, съ половины пятидесятихъ годовъ. Онъ находитъ, что такой писатель, какъ Дюма, „измѣнилъ формы театра“, а главное, „что онъ потрясалъ, болѣе чѣмъ кто-либо, болные нервы нашей генераціи“. Стало быть, онъ ему приписываетъ очень большое значеніе и не хочетъ сразу подкапываться подъ его литературное имя, доказывать (какъ это дѣлали критики-реалисты, и во главѣ ихъ Эмиль Золя), до какой степени Дюма-сынъ во всемъ, что онъ писалъ, а главнымъ образомъ, въ своемъ театрѣ послѣдняго десятилѣтія, принадлежитъ уже прошедшему, т.-е. повторяетъ зады, до какой степени его творчество далеко отъ истинныхъ задачъ литературнаго воспроизведенія жизни. Бурже смотритъ на Дюма какъ на истого сына французскаго общества въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, и въ своемъ анализѣ старается изслѣдовать всѣ тѣ главные фибры, за какіе держится сязь этого писателя и съ большой публикой, и съ душевными особенностями молодого поколѣнія.

Дюма такъ давно пишетъ и, дѣйствительно, такъ давно волнуется и французское, и все европейское общество, что къ нему

нельзя относиться слишкомъ пренебрежительно, во имя одного художественнаго догматизма, хотя и позволительно на его примѣръ показывать, до какой степени вредно для художника служить своимъ талантомъ не-художественнымъ цѣлямъ, что мы и постараемся сдѣлать въ настоящемъ этюдѣ. Каждый изъ насъ, кто изучалъ Дюма (читая его, или сидя въ театральной залѣ на представленіяхъ его пьесъ, или присоединяя къ этому и личное знакомство), долженъ былъ проходить чрезъ нѣсколько періодовъ въ своемъ отношеніи къ нему, въ пониманіи его и оцѣнкѣ этой, во всякомъ случаѣ, выдающейся, писательской фигуры. Чрезъ то же самое прошелъ и бесѣдующій съ вами въ эту минуту. Когда, болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, мнѣ привелось въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Явленія современной драмы“ (напечатанной въ журналѣ „Philosophie positive“ въ первый годъ его существованія), подводить итоги тогдашняго западно-европейскаго театра, я долженъ былъ, оставаясь совершенно вѣрнымъ тогдашнему моему пониманію задачъ искусства, отвести Дюма самое видное мѣсто, даже въ ущербъ оцѣнкѣ дарованія и творчества другого его сверстника, Эмиля Ожье, на что я впослѣдствіи значительно измѣнилъ взглядъ. Ожье, безъ сомнѣнія, оставался въ теченіе своей карьеры болѣе драматургомъ, чѣмъ Дюма, при всемъ томъ, что онъ, по своему, также наклоненъ къ нѣкоторому морализму. У него оказалось и болѣе чистотворческихъ силъ; наблюдательность его разнообразнѣе; онъ не уходилъ, вплоть до послѣднихъ дней, въ свой кабинетъ и не позволялъ себѣ упражненій на однѣ и тѣ же нравоучительныя темы. Но къ половинѣ шестидесятихъ годовъ театръ Дюма, тогдашнія его пьесы гораздо болѣе волновали публику, и въ этомъ смыслѣ Поль Бурже правъ, говоря, что Дюма, съ самыхъ первыхъ дней своего писательства, „овладѣлъ драгоцѣннымъ даромъ пробуждать эхо“. Выраженіе образно, удачно и вѣрно.

Двадцать лѣтъ спустя, и самыя молодыя и жизненные произведенія Дюма кажутся значительно устарѣлыми; но тогда, начиная со второй половины пятидесятихъ годовъ, онъ дѣйствительно говорилъ свое новое слово, и не только какъ человѣкъ, способный отвѣчать на запросы публики по самымъ интимнымъ мотивамъ человѣческихъ отношеній и страстей, но и какъ наблюдатель общественной фیزیологіи и психологіи. Не надо забывать, что своимъ романомъ, передѣланнымъ въ пьесу „Дама съ камеліями“, онъ впервые, въ такой молодой, сравнительно правдивой, искренней формѣ, ввелъ въ литературу новый общественный типъ: женщину, не имѣющую законнаго положенія, но выработанную

цивилизацией послѣднихъ вѣковъ, современную гетэру, куртизанку, такъ называемую „жертву общественнаго темперамента“. Но тогда онъ былъ молодъ, и въ романѣ, передѣланномъ въ драму, разсказалъ исторію своей любви къ подобной женщинѣ. Онъ не писалъ ни того, ни другого на тѣму, не обличалъ и не клеймилъ. И впечатлѣніе пьесы на современниковъ вышло, на взглядъ иного моралиста, весьма двойственнымъ въ нравственномъ смыслѣ. Въ лицѣ Маргариты Готье авторъ какъ бы возстановлялъ, искуплялъ прегрѣшенія подобныхъ женщинъ; онъ не заставлялъ свою героиню играть въ пьесѣ роль кающейся Магдалины, а окружилъ ее ореоломъ физическаго страданія, послѣ того какъ выказалъ ее способной на принесеніе жертвы, на искреннюю страсть.

Такъ точно и въ пьесѣ, также передѣланной изъ романа, „Діана де-Лисъ“ (она явилась раньше „Дамы съ камеліями“), Дюма примѣнилъ свой талантъ драматурга къ изображенію типической супружеской драмы въ французскомъ обществѣ. Нарушеніе супружеской вѣрности, составляющее центръ этой пьесы, явилось не случайно; оно давно уже вытекало изъ тѣхъ условій, какими обставлено большинство браковъ во французскомъ свѣтскомъ и буржуазномъ обществѣ. Онъ, такъ сказать, по необходимости долженъ былъ сдѣлаться изобразителемъ на сценѣ разнообразнѣйшихъ видовъ невѣрности, адюльтера. Но и въ этой драмѣ (одной изъ лучшихъ въ его театрѣ) мы еще не видимъ теперешняго проповѣдника и моралиста. Она для своей эпохи была смѣло задумана и чрезвычайно искусно выполнена. Большая доля объективности чувствовалась въ ней. Авторъ никого не клеймилъ, какъ это будетъ дѣлать впослѣдствіи: ни жену, ни мужа, ни любовника. Если онъ разрѣшилъ драму убійствомъ, причемъ мужъ явился какъ бы судьей и неотвѣтственнымъ защитникомъ своихъ правъ, то это только отвѣчало существующимъ правамъ. Тогда, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, права мужа на защиту своей чести были признаваемы не только мнѣніемъ общества, но и закономъ, гдѣ въ извѣстномъ параграфѣ уголовного кодекса прямо говорилось, что мужъ можетъ убить возлюбленнаго своей жены, заставши ихъ на мѣстѣ преступленія. Такая реальная постановка супружескаго быта, скращенная умѣньемъ освѣтить характеры, сдѣлать ихъ занимательными, возбудить нѣкоторую долю сочувствія и дать понять зрителямъ болѣе глубокія пружины подобныхъ безвыходныхъ положеній, все это представляло собою положительную заслугу драматурга, все это выказывало чуткость наблюдателя, его отзывчивость на нравственные болѣзни эпохи.

Въ третьемъ своемъ крупномъ произведеніи, доставившемъ

ему во Франціи всего больше славы, въ комедіи „Полу-свѣтъ“, Дюма, быть можетъ, тайно началъ уже поворачивать въ ту сторону, куда онъ совсѣмъ зашелъ впослѣдствіи, т.-е. въ сторону систематическаго морализма. Но въ общей картинѣ извѣстныхъ слоевъ, объединенной имъ въ одномъ прозвищѣ полу-свѣта, онъ являлся, въ то время, новаторомъ; онъ далъ зрителямъ не маленькій какой-нибудь мірокъ, до тѣхъ поръ нигдѣ невиданный, а образчики большого слоя свѣтскихъ подонковъ, до тѣхъ поръ еще не игравшаго такой роли въ жизни Парижа. Какъ авторъ „Полу-свѣта“, онъ для своихъ современниковъ сталъ, по таланту, если не выше Ожье, написавшаго такія вещи, какъ „Les lionnes ravies“, „Le gendre de M-r Poirier“ или „Les effrontés“, то ближе къ ихъ интимному чувству, значительнѣе, какъ писатель, способный обобщать. Вѣдь и Ожье въ комедіи „Les lionnes ravies“ или въ другой, не менѣе талантливой, „Le mariage d'Olympe“ (она относится почти къ тому же времени), даетъ намъ образчики той же испорченности, ставитъ во весь ростъ фигуры хищницъ и свѣтскихъ, и полу-свѣтскихъ; въ художественномъ же смыслѣ онъ болѣе творецъ, чѣмъ Дюма, но на публику такая вещь, какъ „Полу-свѣтъ“, дѣйствовала сильнѣе, хотя она и въ сценическомъ смыслѣ менѣе богата эффектами сцени, и менѣе ярка по колориту, чѣмъ обѣ пьесы Ожье.

Не удивительно поэтому, что, подводя итоги значенію Дюма къ половинѣ шестидесятихъ годовъ, можно было поставить его на первое мѣсто. Остальные его пьесы изъ той эпохи, какъ, напр., „Le fils naturel“, „La question d'argent“, „Le père prodigue“, казались также, и были въ значительной степени, новыми вкладками въ анализъ психологіи общества. Тогда еще намъ не была такъ ясна основа всѣхъ этихъ сценическихъ этюдовъ, ихъ сходство по замысламъ съ произведеніями того реформатора театра, который въ восемнадцатомъ вѣкѣ мечталъ о реализмѣ, а, въ сущности, писалъ пьесы на общественно-моральныя тѣмы. То былъ Дидро. Сходство съ нимъ Дюма, какъ драматурга (помимо таланта и сценической жилки, которая несомнѣнна у одного и вполне почти отсутствовала у другого) — установлено было нами уже впослѣдствіи. Оно сказывается не въ случайномъ совпаденіи сюжета и даже заглавія одной изъ пьесъ: „Побочнаго сына“, а въ однородности внутренняго отношенія, въ основномъ взглядѣ на современную драму, какъ на изображеніе того, что Дидро называлъ: „les conditions“, т.-е. извѣстныя общественныя положенія и вытекающія отсюда послѣдствія. Такъ и Дюма долгое время смотрѣлъ на сценическое произведеніе, поддаваясь все

больше и больше внутренней работѣ обличителя-моралиста. Но если мы на время забудемъ въ немъ это личное душевное побужденіе и посмотримъ на цѣлый рядъ лучшихъ его пьесъ съ точки зрѣнія Дидро, то и окажется, что вездѣ грунтъ, основа — „les conditions“ — извѣстнаго рода опредѣленное житейское положеніе: женщина легкихъ нравовъ, открыто торгующая собою; супруги по французскому кодексу; куртизанка, ищущая положенія въ обществѣ; незаконное рожденіе съ его послѣдствіями; роль дѣльца, вышедшаго въ люди изъ ничтожества; положеніе отца, не воспитаннаго для этого званія. Развѣ это все не тѣмъ по рецепту Дидро? Но эти тѣмъ начали служить автору, съ каждой его новой пьесой все болѣе и болѣе, для удовлетворенія потребности въ проповѣди. Моралистъ бралъ все сильнѣе верхъ надъ изобразителемъ типовъ, общественныхъ нравовъ, социальныхъ отношеній. На рубежѣ между первымъ и вторымъ періодомъ писательства Дюма стоитъ самая характерная для него пьеса, имѣвшая менѣе успѣха, чѣмъ всѣ остальные. Это былъ „Другъ женщинъ“ — типъ съ явнымъ личнымъ сходствомъ. Въ этой пьесѣ Дюма, преслѣдуя свою морализирующую цѣль, мимовольно обнажилъ передъ своими современниками главную немощь людей той эпохи: ихъ жизненный темпераментъ пошелъ въ первой молодости не на прямые, цѣльные потребности и проявленія души, а на множество тлетворныхъ, отрицательныхъ испытаній, почему они и утратили способность сильно чувствовать и цѣльно жить. При такомъ складѣ души весьма понятно зарожденіе отрицательнаго взгляда на женщину, на самую любовь, а впоследствии и на суть брачной жизни. Эти виверы, разсуждающіе всегда и вездѣ, провели молодость въ любовныхъ похожденияхъ, которые дали горькій осадокъ ихъ житейской опытности и привели многихъ изъ нихъ къ потребности смотрѣть слишкомъ сурово, парадоксально на то, чѣмъ они не умѣли воспользоваться во-время, или не могли это сдѣлать по отсутствію простоты и правды въ ихъ первоначальномъ воспитаніи и складѣ жизни.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ Дюма, прежде чѣмъ онъ дошелъ до болѣе беспощадныхъ взглядовъ на страстную любовь и на женщину вообще, вдался на нѣсколько лѣтъ въ вопросъ реабилитаціи падшихъ дѣвушекъ, сдѣлался адвокатомъ всѣхъ жертвъ мужского хищничества, горячимъ сторонникомъ развода, поборникомъ гуманнаго, широкаго взгляда на внѣ-брачныя отношенія, только бы они приводили къ какому-нибудь моральному исходу. Въ разгаръ этого періода онъ написалъ одну изъ сво-

ихъ, сравнительно хорошихъ, пьесъ, гдѣ сценическій писатель еще даетъ себя знать. Это были „Идеи госпожи Обрэ“. Еслибы въ этой вещи Дюма и вполнѣ отсутствовали художественныя достоинства по отдѣлкѣ лицъ, типовъ, то она, по самому ходу дѣйствія, діалогу и колориту, все-таки способна была заинтересовать современниковъ, а по идеѣ являлась весьма рискованной смѣлостью, что особенно чувствовали всѣ тѣ, кто въ эту зиму имѣли случай сами видѣть пьесу на первомъ представленіи, слышать и читать критическіе отзывы. И авторъ, и директоръ театра, и актеры боялись публики, зная, что парижане первыхъ представлений въ серьезной пьесѣ способны возмутиться всякимъ уклоненіемъ отъ правилъ и требованій установленной нравственности. Стало быть, какъ моралистъ, авторъ стоялъ и тогда еще гораздо выше толпы, даже толпы избранной, съ воспитаніемъ и начитанностью.

Къ семидесятымъ годамъ Дюма, строго говоря, пересталъ жить и писать какъ художникъ; онъ довольствовался уже прежней своей наблюдательностью. Онъ посмотрѣлъ на себя какъ на нѣкотораго рода вѣроучителя, а въ пьесахъ своихъ давалъ рядъ произведеній, открывающихъ публикѣ послѣдовательное развитіе его идеаловъ. По поводу появленія въ свѣтъ новыхъ изданій, онъ сталъ бесѣдовать съ публикой въ предисловіяхъ къ каждой пьесѣ или къ цѣлому тому, комментировать типы, обнажать свои намѣренія, не только не отказываясь отъ роли моралиста, но ставя ее на первый планъ, выражая свое нравственное обязательство писать не иначе, какъ во имя прямого нравственного культа, для разрѣшенія насущныхъ задачъ нравственного порядка. Ратуя за соблазненныхъ, покинутыхъ дѣвушекъ, за необходимость развода, за христіанскую терпимость, онъ все распалялся, правда, мозговой, но упорной суровостью къ хищному элементу женщинъ и къ самой любовной страсти, какъ къ проявленію все того же полового источника, все той же основной грѣховности женщинъ. Кабинетныя думы, вѣра въ свою непогрѣшимость, развитіе авторскаго тщеславія и, что важнѣе всего, отсутствіе въ немъ серьезной научной и философской подготовки удаляли его все больше и больше отъ живой дѣйствительности, мѣшали наблюдать ее, заставляли вдаваться въ догматизмъ, приписывать необычайную важность разрѣшенію такихъ общественно-моральныхъ задачъ, которыя, въ сущности, давно были разрѣшены или не могутъ быть разрѣшаемы такъ, какъ желалъ бы драматургъ-догматикъ. Не трудно было предвидѣть, что подобное умственное настроеніе автора отразится на дальнѣйшихъ его сценическихъ

произведеніяхъ. Изъ пьесъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ едва-ли не одна одноактная пьеса „Une visite de pose“, хотя тоже написанная на тезисъ и все въ томъ же направленіи — не единственная, болѣе художественная, вещь, гдѣ сведены два-три типа и весьма даровито сгущено дѣйствіе на почвѣ житейскаго факта, повторяющагося безпрестанно въ свѣтскомъ французскомъ обществѣ. Но въ такихъ пьесахъ, какъ „La princesse George“ или „La femme de Claude“, Дюма началъ бить все въ одну точку, преслѣдуя хищнической половой инстинктъ и въ мужчинахъ, и въ женщинахъ. Какъ пьесы, обѣ эти полу-драмы, полу-комедіи еще смотрятся, но умышленность всей фактуры, блѣдность и дѣланность многихъ лицъ показываютъ если не паденіе таланта, то его рабское подчиненіе тенденціи. Лебединой пѣснью Дюма-художника была комедія „Monsieur Alphonse“, которую я, по складу, отношу къ первому періоду его карьеры, хотя, по времени появленія, она принадлежитъ къ семидесятымъ годамъ. Въ ней онъ точно прощается съ творческой способностью на созданіе вполне живыхъ лицъ; но, давая намъ такую фигуру какъ мадамъ Гипаръ, приобретающая себѣ господина Альфонса, Дюма все-таки не могъ и тутъ воздержаться отъ обычнаго своего приема: дѣлать лица черезъ-чуръ характерными, превращать ихъ, во что бы то ни стало, въ типы, заставляя ихъ говорить наполовину авторскимъ языкомъ, слишкомъ умно и красиво. Эта анти-художественная замашка проходитъ черезъ весь театръ Дюма, за исключеніемъ отчасти „Дамы съ камеліями“ и нѣкоторыхъ отдѣльных эпизодовъ и личностей въ другихъ произведеніяхъ. Но и въ „Господинѣ Альфонсѣ“ тезисъ все тотъ же: это—одно изъ многочисленныхъ упражненій на тѣмъ незаконной любви, незаконныхъ дѣтей, нарушенія супружеской вѣрности, полового хищничества. И по мѣрѣ того, какъ вѣроучитель, изобрѣтатель новыхъ нравственныхъ истинъ въ своемъ кабинетѣ, перерабатывая предисловія все къ тѣмъ же пьесамъ, выпуская брошюры и удаляясь отъ живой жизни, воздѣлывалъ въ себѣ какого-то жреца новой морали, онъ роковымъ образомъ терялъ изъ-подъ ногъ почву художественнаго изображенія, все съ меньшимъ уваженіемъ относился къ задачамъ творчества, все тенденціознѣе смотрѣлъ на роль сценическаго писателя, которымъ продолжалъ быть до послѣднихъ дней. Его новѣйшія произведенія: „L'étranger“, „La princesse de Bagdad“ и, наконецъ, „Denise“, прошедшія на сценѣ съ различнымъ успѣхомъ: двѣ первыя съ успѣхомъ посредственнымъ, а третья съ хорошимъ,—еще болѣе предъидущихъ пьесъ второго періода принадлежать къ категоріи задачъ

обличительнаго морализма. Дюма низвелъ свое творчество, во всѣхъ трехъ пьесахъ, до повторенія все тѣхъ же типовъ и тѣхъ же контрастовъ: самоотверженныхъ натуръ и натуръ хищническихъ. Его принцесса багдадская есть та же мистриссъ Кларксонъ и тотъ же молодой соблазнитель Денизы. Препжній наблюдатель французской общественной жизни послѣднихъ десяти лѣтъ совсѣмъ исчезъ. Эти люди обоого пола, двигающіеся по сценѣ и говорящіе постоянно афоризмами, черезъ-чуръ умнымъ и преднамѣреннымъ языкомъ автора, могли бы принадлежать всякой національности, и дѣйствіе происходитъ въ какой угодно странѣ и въ какомъ угодно городѣ. Вслѣдствіе того вторженіе авторскаго я принимаетъ чудовищные размѣры, что мы въ особенности видимъ въ „Etrangère“, гдѣ съ подмостковъ читаются цѣлыя лекціи о разныхъ видахъ хищничества или произносятся такіа длинныя проповѣди, какъ, напр., въ знаменитомъ монологѣ резонера въ „Денизѣ“. Если у автора остается еще препжняя сноровка въ томъ, что французы называютъ „l'échafaudage de la rièse“, то это съ трудомъ относится къ отдѣльнымъ актамъ или къ отдѣльнымъ сценамъ, а вовсе не къ цѣлому этимъ произведеніямъ. Постройка „Etrangère“ была бы совершенно неумѣлой, еслибъ не признать, что тутъ дѣлу повредило намѣренное вторженіе авторскаго морализма. Большая сценичность „Денизы“ неидетъ, однако-же, дальше самой обыкновенной рутинны французскихъ драматурговъ, и подготовленіе коллизіи, разоблаченіе прошедшаго героини, движется крайне медленно, съ сантиментальными и разговорными длиннотами. Да и въ смыслѣ освободительныхъ идей, по вопросу о соблазненныхъ дѣвушкахъ, авторъ ни малѣйшимъ образомъ не пошелъ дальше, чѣмъ въ „Идеахъ госпожи Обрэ“.

Нашъ короткій критическій обзоръ обоихъ періодовъ дѣятельности Дюма говоритъ самъ за себя. Нельзя было оставаться съ препжними взглядами на этого писателя, если въ своемъ критическомъ исповѣданіи вѣры признавать за высшее мѣрило, и дарованія писателя, и его значенія въ исторіи художественной литературы, соотвѣтствіе между дѣйствительностью и ея отраженіемъ въ творческой душѣ писателя. Дюма — какъ драматургъ, т.-е. какъ создатель типовъ, изобразитель быта, мастеръ въ построеніи драмы — для насъ не одинъ и тотъ же въ оба періода своей карьеры. Но его общее значеніе для Франціи до сихъ поръ еще не утратилось. Психологія этого автора, взятая въ цѣломъ, за тридцатилѣтній промежутокъ времени, представляетъ собою чрезвычайно занимательный и поучительный предметъ для

критическаго изслѣдователя. И нашъ критикъ молодого поколѣнія совершенно законно взялъ его объектомъ одного изъ своихъ лучшихъ этюдовъ, для чего и оставилъ въ сторонѣ вопросъ чисто эстетическій, а предался анализу главныхъ теченій писательской души Дюма, разобралъ въ немъ прежде всего моралиста, потомъ анализатора любви, и показалъ, почему люди, какъ Дюма, страдали безсиліемъ своего любовнаго чувства и откуда идутъ источники ихъ морализующаго мистицизма.

III.

Вовсе не трудно показать, что въ Дюма моралистъ преобладаетъ надъ художникомъ и по его пьесамъ, и еще болѣе по многочисленнымъ предисловіямъ, брошюрамъ, цѣлымъ книгамъ; но Поль Бурже этимъ не ограничивается. Онъ разбираетъ, почему сначала въ романахъ, потомъ въ пьесахъ и статьяхъ, Дюма обладалъ постоянно даромъ, какъ онъ выражается, „будить эхо“. Этотъ даръ находится ли въ прямой зависимости отъ силы творчества въ тѣсномъ смыслѣ? Нѣтъ, онъ можетъ быть и у писателей второго сорта; его раздѣляли съ Дюма люди, стоящіе гораздо ниже его по литературнымъ достоинствамъ. Въ чемъ же тутъ секретъ? А въ томъ, что всѣ такіе писатели нападаютъ всегда на вопросы, идеи, настроенія, въ которыхъ нуждается толпа. Толпа весьма мало литературна во всѣхъ странахъ; точно также и въ Парижѣ: книга или пьеса нужны ей какъ вещи, отвѣчающія на ея прямыя потребности. Она беретъ свою жизнь всегда „въ серъёзъ“ и не можетъ ждать. Подаете вы ей разрѣшеніе ея вопросовъ, задачъ и нравственныхъ недуговъ, отвѣчаете вы на эти потребности—она проститъ вамъ и недостатокъ таланта, и недостатокъ вкуса, и даже всякую односторонность и парадоксальность. „А голосъ Дюма, — говоритъ Поль Бурже, — тотчасъ же сумѣлъ покрыть собою жалобы толпы. Своимъ преобладаніемъ надъ ней онъ не обязанъ ни шедѣврамъ драматической архитектуры, ни блеску ума, отводящему автору „*Visite de pose*“ и „*L'ami des femmes*“ такое высокое мѣсто среди искусниковъ сцены. Нѣтъ, но этотъ голосъ произносилъ какъ разъ слова, въ которыхъ нуждалась толпа. Онъ говорилъ о любви, о деньгахъ, объ адюльтерѣ, объ отношеніяхъ дѣтей и родителей, о язвѣ проституціи—фразы, какія человѣческія уста должны были пустить по воздуху въ ту эпоху. Толпа и побѣжала къ этому человѣку, потому что онъ ей говорилъ о ней же, объ ея тайныхъ и

публичныхъ немощахъ. Она узнала въ немъ существо, которое предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ, потому что оно одно можетъ уяснить ей ее же самое, дать ей правила, избавить ее отъ зла, сомнѣній и колебаній, узнала въ немъ моралиста. Вотъ первый терминъ, какой приходитъ на умъ, когда ищешь опредѣленія для таланта г. Дюма“.

Но Поль Бурже опять-таки не довольствуется только тѣмъ, что привести этотъ терминъ; онъ показываетъ, въ очень тонкой параллели между моралистомъ и психологомъ, въ чемъ заключается главный нервъ морализующаго писателя. „Психологъ — человѣкъ науки, моралистъ — человѣкъ чувства и практическаго, непосредственнаго примѣненія принципа къ жизни“. „Его первая потребность отыскать правило поведенія и средство поправленія зла. Его умъ напряженъ затѣмъ только, чтобы отыскать это правило, привести свои поступки въ согласіе съ принципомъ, налагаемымъ волею, оплакивать разладъ между правиломъ и поступками, на который тратится его чувствительность. Такая форма ума несокрушима болѣе, чѣмъ всякія другія, потому что она всего болѣе властвуетъ. Это такой же личный вкусъ, какъ и всѣ другіе вкусы, но переодѣтый въ обязательство, въ долгъ. Она и самая могучая по власти своей надъ другими людьми, потому что всегда идетъ впередъ и побуждаетъ ихъ весьма скоро къ роли вѣроучителей. Надо бы изслѣдовать условія развитія этой формы ума, и тогда мы нашли бы всего чаще, что моралистъ долженъ былъ страдать въ первой молодости отъ какой-нибудь великой несправедливости и чувствовать потребность въ такомъ же великомъ вознагражденіи. Но откуда бы она ни шла, эта форма ума — одна изъ самыхъ характерныхъ, и такой ея рѣзкій характеръ распознается тотчасъ же въ г. Дюма“.

Указаніе на личную судьбу въ молодыхъ годахъ тутъ совершенно у мѣста. Насколько мы можемъ касаться біографическихъ данныхъ, авторъ „Побочнаго сына“ и „Идей госпожи Обрѣ“ долженъ былъ страдать юношей и молодымъ человѣкомъ отъ неполной формальной законности своего происхожденія. И это пятно вызвало въ немъ усиленный интересъ къ цѣлому ряду вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ дѣтей, рожденных внѣ брака, къ различнымъ видамъ незаконной связи, а стало быть и продолжительный интересъ, вращавшійся около супружеской не-вѣрности. Всѣ эти вопросы волновали ту толпу, о которой говорить Поль Бурже; но я думаю, что нужно тутъ сдѣлать оговорку. Волновали, безъ сомнѣнія, тогда, когда Дюма съ полной искренностью писалъ свои первыя пьесы. Но во вторую половину

карьеру онъ уже сдѣлалъ себѣ изъ этого спеціальность, началъ вдавляться уже въ извѣстнаго рода дилеттанство или книжное учительство. По поводу одной изъ его пьесъ второго періода нашъ соотечественникъ, бывшій издатель журнала „*Philosophie positive*“, г. Вырубовъ, въ статьѣ на тему объ адюльтерѣ, о незаконныхъ дѣтяхъ и о хищницахъ-женщинахъ (когда восклицаніе Дюма: „*Tue-la!*“ и его полу-мистическія разсужденія объ „*Homme-femme*“ были въ полномъ разгарѣ), обратился къ нему съ весьма трезвой рѣчью. Онъ сталъ ему доказывать фактически, что его пьесы, герои и героини, всѣ эти условные характеры существуютъ только для самаго ничтожнаго меньшинства во Франціи, и даже въ Парижѣ, что французскія женщины, созданныя жизнью, а не выдуманныя г. Дюма, на восемь девятихъ своего состава ведутъ совершенно не такую жизнь, какъ тѣ типы, о какихъ онъ говоритъ въ своихъ брошюрахъ или представляетъ намъ въ своихъ пьесахъ, что этимъ восьми девятымъ надо работать, биться изъ-за существованія, устраивать себѣ свою независимость, поддерживать семью, думать безпрестанно о самыхъ насущныхъ надобностяхъ. Ко всему этому многомилліонному составу французскихъ женщинъ ни фигуры, сочиняемыя г. Дюма, ни его обобщенія—вовсе непримѣнимы. Такая трезвая рѣчь была какъ бы предвѣстникомъ тѣхъ здоровыхъ критикъ реализма, обращенныхъ вообще на французскій театръ послѣднихъ десятилѣтій, гдѣ адюльтеръ, женщины-хищницы и мужчины-вивѣры играютъ такую преобладающую, совершенно искусственную, полу-выдуманную роль. Романъ въ новѣйшемъ своемъ развитіи показалъ драматургамъ-моралистамъ, въ родѣ Дюма, что дѣйствительность гораздо шире и разнообразнѣе, что самые пороки, язвы и немощи общественнаго тѣла представляютъ собою другія фигуры и держатся за другую сущность, и что только то и было дѣйствительно новаго и вѣрнаго у Дюма, только то и волновало въ свое время массу, что заключало въ себѣ долю правды въ смыслѣ общаго факта.

Стало-быть, —спросите вы, —нашъ критикъ неправъ? Этого нельзя сказать. Онъ правъ, не только если говорить о первой половинѣ писательской карьеры Дюма, но даже относительно послѣднихъ его произведеній, какъ бы онѣ ни были тенденціозны и парадоксальны. И русскій критикъ правъ, потому что имѣлъ въ виду все населеніе Франціи, весь персоналъ французскихъ женщинъ. Но Дюма обращается къ своей публикѣ, и вотъ ее-то Польша Бурже и беретъ въ расчетъ. Это—публика городская, мало того, столичная, парижская, состоящая изъ мужчинъ и

женщинъ, настолько обезпеченныхъ, что у нихъ было время, была матеріальная возможность болѣе сложной душевной жизни. Такое общество нажило себѣ болѣзни, какія обыкновенно являются у людей, не предающихся физическому труду, не живущихъ въ общеніи съ природой, словомъ, у продуктово-столичной культуры. Но вѣдь этотъ-то персоналъ и доставляетъ самое лучшее поле для наблюденій и опытовъ моралисту-писателю. Этого рода чело-вѣчество Дюма зналъ въ особенности тогда, когда былъ моложе, наблюдательнѣе, менѣе удалялся въ свой кабинетъ. Ему были съ первыхъ шаговъ даны таланты волновать эту именно публику, понимать, чего она ищетъ, умѣть съ авторитетностью разрѣшать ея сомнѣнія и нравственные задачи. Но онъ все могъ бы это дѣлать и въ книгахъ, въ повѣствовательныхъ произведеніяхъ или памфлетахъ. Почему же остановился онъ такъ рано на драматической формѣ, отчего не остался романистомъ, какимъ началъ свою карьеру, или не пошелъ въ журнализмъ, гдѣ, казалось бы, еще удобнѣе перетряхать всякіе насущные вопросы общественной морали и справедливости?

На это нашъ критикъ отвѣчаетъ признаніемъ въ Дюма особаго театральнаго смысла, особаго дара, сказывающагося въ двухъ свойствахъ: въ мастерствѣ діалога и въ замыслахъ, гдѣ бы главные дѣйствующіе лица были захвачены въ моментъ такъ-называемой, по старинному, коллизіи. Хотя мы знаемъ, что Дюма-сынъ не сразу почувствовалъ въ себѣ драматурга; доказательство—то, что онъ написалъ предварительно цѣлый рядъ романовъ. Да и первая его попытка есть передѣлка романа въ пьесу; но самая эта передѣлка, на которую у него пошло что-то въ родѣ одной, много двухъ недѣль, показала, что въ немъ сидѣлъ драматическій писатель, что онъ обладалъ особенною способностью, чтобы облекать свои дальнѣйшія идеи въ форму діалога, собраннаго вокругъ извѣстнаго активнаго ядра.

„Драматическимъ писателемъ нельзя сдѣлаться, — говоритъ самъ Дюма въ предисловіи къ пьесѣ „Père prodigue“. — Вы должны быть имъ сразу или никогда не будете, все равно какъ вы блондинъ или брюнетъ, не желая того. Это капризъ природы: она вамъ даетъ извѣстнаго сорта глазъ, позволяющій вамъ видѣть на извѣстный ладъ, не то чтобы совершенно вѣрно, но на такой ладъ, который долженъ казаться въ данную минуту единственнымъ всѣмъ тѣмъ, кому вы хотите показать то, что сами видѣли“.

Съ этой теоріей „дара“ многіе несогласны, и во главѣ другихъ — поборники реализма. Мнѣ уже приводилось не разъ разбирать это разногласіе. Безусловнаго дара нѣтъ въ смыслѣ непогрѣ-

шимости; но несомнѣнно существуетъ складъ ума или, лучше сказать, творческихъ силъ, направленныхъ къ драмѣ, т.-е. къ изображенію души человѣческой въ дѣйствіи. И Дюма, послѣ перваго же блистательнаго успѣха своей попытки, могъ, безъ всякаго сомнѣнія, сознать въ себѣ такой даръ. Другой вопросъ: какъ онъ имъ воспользовался и былъ ли этотъ даръ въ чистомъ видѣ, или уже съ примѣсью другихъ анти-художественныхъ наклонностей? Что примѣсь была сразу, это доказывается неоднократно признаніями самого Дюма, который не только не стыдится своего званія моралиста, но ставитъ его себѣ въ прямую заслугу и обязанность. Вотъ что онъ сказалъ самъ въ предисловіи къ „Femme de Claude“, пьесѣ, на которую Поль Бурже смотритъ какъ на самую знаменательную для опредѣленія его писательской души. Въ этомъ предисловіи—чистая декларация принциповъ. Дюма обращается къ одному изъ своихъ критиковъ, г. Кювилле-Флери, и защищаетъ свое право обсуждать на сценѣ моральные вопросы. Онъ воскликнулъ тутъ: „Если я не имѣю этого права, по вашему,—я его беру. Почему? Я вамъ сейчасъ скажу. Потому, какъ гласитъ по-просту поговорка, что не всякій тотъ монахъ, кто носитъ рясу. Дѣло не въ томъ, чтобы получить отъ общества порученіе выполнить то или иное дѣйствіе. Это просто будетъ только отправленіе должности. Надо, чтобы ваша собственная совѣсть дала вамъ приказъ исполнить тотъ или иной поступокъ“. Стало-быть, какъ замѣчаетъ Поль Бурже, авторъ смотрѣлъ почти съ первыхъ шаговъ на свое призваніе писателя какъ на категорическій императивъ нравственной проповѣди. И въ другомъ мѣстѣ Дюма опять рассказываетъ, какъ бы въ автобіографическомъ отрывкѣ, какимъ путемъ былъ онъ приведенъ къ тому, чтобы сознать въ себѣ этотъ приказъ совѣсти и выполнять дѣянія, являвшіяся въ видѣ его сочиненій: „Нельзя,—говоритъ онъ,—не впадая въ безуміе, имѣть претензію своими единичными силами произвести общую реформу; но весьма вѣроятно, что такая реформа произойдетъ постепенно. Вотъ и выбираешь, переживая свою жизнь, если есть побужденіе къ добру, какой-нибудь пунктъ, въ которомъ проявляются признаки разлитой вездѣ, почти универсальной глупости. Къ такому пункту становись сейчасъ же внимательнымъ и начинаешь бороться съ ней“. И ему самому дѣло писателя кажется въ высшей степени отвѣтственнымъ и важнымъ, дѣломъ всей его совѣсти. „Выразить какую-нибудь идею,—пишетъ онъ,—изложить теорію, поддержать мнѣніе передъ публикой, говорите ли вы съ кафедръ, съ трибуны или со сцены, кажется мнѣ до такой степени серьез-

нымъ дѣломъ, что мой умъ, я скажу даже — моя совѣсть, не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока я вполне не убѣдился, что поступаю съ полной искренностью“. Положимъ, каждый добросовѣстный писатель (стоитъ только указать на признанія Гоголя) долженъ быть такъ же строгъ въ своему дѣлу; но эта строгость касается у истинныхъ художниковъ самой сути творческаго процесса, мастерства, отдѣлки, продолжительной, часто кропотливой работы надъ совершенствомъ формы, между тѣмъ, какъ Дюма говорить о своемъ категорическомъ императивѣ, о приказѣ своей совѣсти, какъ говорилъ бы проповѣдникъ, апостолъ, вѣроучитель. И вотъ, изъ сліянія этого голоса совѣсти, какъ онъ его понималъ, и несомнѣнныхъ сценическихъ дарованій, гдѣ онъ былъ (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) болѣе свободенъ въ распоряженіи своими писательскими силами, и сложилась его фizioномія. Эти двѣ половины душевнаго склада переплетались, боролись между собою, причемъ моралистъ, какъ я уже сказалъ выше, все подавлялъ художника, оттигивалъ его отъ живой воспріимчивости, превращалъ его въ слугителя морали, которая, въ свою очередь, дѣлалась все болѣе произвольной, мистической и парадоксальной.

Если Дюма дѣйствительно родился драматическимъ писателемъ, то всѣ его сценическіе таланты вылились въ первыхъ произведеніяхъ. „Дама съ камеліями“ остается, какъ пьеса, самою лучшею. Двойственность его натуры, какъ писателя, на первыхъ порахъ мѣшала ему менѣе. Впослѣдствіи то, что онъ началъ считать болѣе существеннымъ, стало вредить художественности, творческому изображенію жизни. Но Поль Бурже находитъ, что и первымъ вещамъ Дюма-моралистъ не вредилъ, а, напротивъ, помогалъ успѣху ихъ, потому что мастерская форма облекала въ нихъ, каждый разъ, какой-нибудь вопросъ, способный захватывать интересъ того общества, для котораго писалъ Дюма.

IV.

Въ предисловіи къ „Femme de Claude“ Дюма говоритъ:

„Я искалъ пунета, на который та наблюдательность, какую я чувствовалъ въ себѣ, могла бы быть обращена всего плодотворнѣе, не только для меня самого, но и для другихъ. Я его тотчасъ же нашелъ. Этотъ пунктъ была любовь“... Поль Бурже и видитъ въ этомъ мотивѣ всю сущность многообразнаго писательскаго добра, нажитаго Дюма. Все къ нему сводится: и романы,

и пьесы, и брошюры. И этот мотив одинаково цѣненъ и для моралиста, и для драматурга. Оба имъ воспользовались въ лицѣ Дюма, каждый по своему. Для моралиста и законная, и незаконная любовь — источникъ самыхъ крупныхъ послѣдствій въ нравственной жизни человѣка. Моралистъ не увлекается миражемъ счастья; онъ слишкомъ проникнутъ идеей правила, закона, справедливости, и потому призываетъ къ безпощадному суду такъ-называемыя поэтами „минуты блаженства“. Ему мало дѣла до самой страсти, до красоты ея, обаянія. Онъ думаетъ и дѣйствуетъ, какъ руководитель совѣсти, „directeur de conscience“, по-французскому выраженію. И еслибы въ Дюма безусловно господствовалъ одинъ моралистъ, онъ, конечно, не въ состояніи былъ бы написать ни одной порядочной пьесы; но въ немъ не переставалъ жить и драматургъ, а для драматурга любовь является самой плодотворной причиной всякихъ кризисовъ, тѣмъ элементомъ, который питаетъ энергію характеровъ и вызываетъ, стало быть, коллизіи, необходимыя въ каждой драмѣ. Драматургъ схватилъ тотъ преобладающій фактъ любви, что она уничтожаетъ всякія условности цивилизаціи, царитъ надъ ними, выдѣляетъ два существа и дѣлаетъ ихъ неотвѣтственными ни предъ какимъ закономъ.

„Міръ сердца и міръ чувствъ, эти двѣ области, гдѣ обитаетъ любовь (говорить въ поясненіе Поль Бурже), остаются недостигаемыми для законодателя. Въ этомъ мірѣ совершаются гнусности, до которыхъ не достигаетъ никакой человѣческой запретъ; тутъ же проявляются и такіе виды героизма, которыхъ не вѣнчаетъ никакая человѣческая слава. Каждый изъ двухъ любовниковъ можетъ жаловаться только одной природѣ, такъ какъ онъ дѣйствуетъ относительно другого только собственными силами темперамента и характера. Если его полюбить, онъ обязанъ этимъ самому лишь себѣ; перестанутъ любить — опять-таки онъ самъ виновать... И вотъ они лицомъ къ лицу, этотъ мужчина и эта женщина, обнаженные и физически, и морально, съ ихъ взглядами и объятіями, какъ будто бы нѣтъ ни знанія, ни искусства, ни просвѣщенія, ни смягченія нравовъ. Тайнственный конфликтъ, тайнственный потому, что онъ вовсе не управляется законами; жестокое столкновеніе, потому что природа проявляетъ себя въ немъ во всей серьезности своего трагизма. Природа не знаетъ ни смѣха, ни фантазіи, и существо любящее, — также какъ всякій, кто голоденъ, какъ всякій умирающій, — покидаетъ ложь, чтобы вступить въ дѣйствительность, непобѣдимо и несказуемо важную, какая сопровождаетъ всѣ главные факты существованія. Тогда-то и обнажается основа человѣка, и кризисы, чрезъ якіе

онъ проходить, потрясаютъ его до корней. Поэтому-то драматическіе писатели вовсе не плохо поступаютъ, когда ищутъ страстей, приводящихъ къ кризисамъ; поэтому-то они всегда и выставляютъ намъ старую и вѣчно юную любовь, глядя на нее какъ на средство достигать сценическихъ эффектовъ“.

Но Дюма и какъ драматургъ иначе сталъ обрабатывать любовь, почти съ первыхъ своихъ шаговъ на сценическомъ поприщѣ. Онъ не довольствовался только тѣмъ, что бралъ любовь, какъ источникъ эффектовъ, показывая ея социальна-нравственные результаты. Онъ сталъ съ особеннымъ интересомъ останавливаться на развѣдающемъ, жестокомъ, тлетворномъ характерѣ любви. Для него мужчина и женщина представлялись въ видѣ самца и самки. Они, въ его воображеніи, пожираютъ другъ друга поцѣлуями для того только, чтобы умертвить душу. Любовная страсть, однимъ словомъ, явилась для него, когда онъ вполне выяснилъ свою писательскую фізіономію, въ видѣ постоянной жестокой битвы, кончающейся всегда смертью одного или обоихъ вмѣстѣ, если не физической, то нравственной. И мы видимъ, на самомъ дѣлѣ, въ его произведеніяхъ всѣ отвратительныя стороны этой битвы между самцомъ и самкой, подъ прикрытіемъ того, что называется ухаживаніемъ, или же того, что французы называютъ „galanterie“, т.-е. легкихъ нравовъ, и что онъ не задумывается называть прямо проституціей. Настоящей проституціей онъ не занимается: моралисту нечего доказывать, что эта форма цивилизованной жизни есть открытая война, которую объявила обездоленная женщина обществу. Онъ задается цѣлью изслѣдовать всѣ виды тайной проституціи, фальшивой, такой, гдѣ женщина не довольствуется только тѣмъ, что бросаетъ перчатку обществу, чтобы самой не погибнуть съ голода, а гдѣ она представляетъ собою высшую ступень испорченности, гдѣ она несетъ, по ученію нашего моралиста-драматурга, душевную заразу и ненависть къ мужчине подъ видомъ обольстительной любви или подобія любви. Дюма разоблачилъ поэтическую и сантиментальную проституцію. Цѣлая галлерей женскихъ лицъ этого сорта наполняетъ его театръ. Самая типическая представительница—героиня комедіи „Полу-свѣтъ“, баронесса Сюзанна д'Анжъ, въ созданіи которой Дюма показалъ едва-ли не самыя яркія особенности своего писательскаго темперамента. Она менѣе дѣланная, чѣмъ всѣ остальные хитрости его театра, хотя и ее создавалъ настолько же моралистъ, насколько и художникъ. Несомнѣнно, авторъ обобщилъ этотъ типъ послѣ продолжительныхъ наблюденій. Онъ не выдумалъ самъ народненія такого класса женщинъ,

которыя съ каждымъ десятилѣтїемъ все больше прибирали къ своимъ рукамъ общество праздныхъ людей, дѣлались его неизбѣжнымъ составнымъ элементомъ, превращая въ ничто и состояніе, и здоровье, и душевныя силы цѣлаго ряда мужскихъ генераций. Моралистъ-драматургъ все распалялся противъ этого хищничества женщинъ, становился безпощаднѣе, а стало быть, и одностороннѣе какъ художникъ; и можно было уже на рубежѣ, раздѣляющемъ два періода дѣятельности Дюма, предвидѣть, что онъ непремѣнно пойдетъ дальше въ своемъ ригоризмѣ. Но преслѣдуя всѣ виды хищничества, заключеннаго въ страстной любви, Дюма незамѣтно шелъ прямо къ безысходному положенію: постоянно занимаясь анализомъ полу-свѣта и супружеской невѣрности (адюльтера), онъ началъ и на самую любовь, какова бы она ни была, хотя бы незаконная—смотреть отрицательно. Онъ это самъ почувствовалъ, и въ предисловіи къ пьесѣ „Visite de pose“ счелъ необходимымъ оговориться, различая любовь истинную отъ ложной. „Истинная любовь,—говоритъ онъ,—также рѣдка, какъ и настоящій геній, настоящая добродѣтель, здравый смыслъ, все, наконецъ, что правдиво. Тутъ много званныхъ и мало избранныхъ, да и тѣ не всѣ способны“... Онъ проповѣдуетъ чисто духовную привязанность, не имѣющую ничего общаго съ обыкновенной, хотя и вполне настоящей, правдивой страстью. Онъ не довольствуется тѣмъ, что показавъ въ цѣломъ рядъ пьесъ, или старался показать, жестокою битву между самцомъ и самкой въ мірѣ тайной проституціи и адюльтера; онъ показываетъ ту же битву и въ нѣдрахъ супружества, самаго настоящаго и законнаго супружества. На эту тѣму написана и его пьеса „La femme de Claude“, которую нашъ критикъ считаетъ одной изъ его лучшихъ пьесъ, съ чѣмъ можно спорить,—считаетъ такимъ произведеніемъ, гдѣ суть писательской природы проявилась всего смѣлѣе, что можно почти безусловно признать. Еще гораздо раньше, въ тотъ періодъ, когда онъ писалъ такія вещи, какъ напр. „L'ami des femmes“ (мы этой пьесой займемся еще по другому вопросу), можно было понять по различнымъ тирадамъ главнаго дѣйствующаго лица и по картинамъ супружеской жизни что Дюма смотритъ на бракъ совсѣмъ не положительнымъ взглядомъ, а признаетъ его скорѣе какъ наименьшее изъ золъ, какъ нѣкотораго рода перемиріе въ непрестанной войнѣ женщинъ и мужчинъ, можетъ быть даже, какъ тотъ видъ западни, въ какую человечество попало, вслѣдствіе напряженія воли, по теоріи Шопенгауэра. Въ пьесѣ „La femme de Claude“ авторъ нисколько не задумывается подчеркивать свои выводы моралиста, и въ этой дуэли между

мужиной и женщиной прямо вкладываетъ пистолетъ въ руки мужчины и приказываетъ обходиться съ смертоноснымъ хищникомъ безъ малѣйшей пощады. Пьеса, какъ бы написана на знаменитую фразу: „Tue-la“, на которой построена брошюра „L'homme-femme“. Да еслибъ даже жена и не была такая Мессалина, какую даетъ намъ авторъ въ своей пьесѣ, еслибъ она была честная мать семейства, борьба все-таки остается борьбой, и если не приводитъ къ крови, то выражается другими видами страданія. Поль Бурже указываетъ (объясняя процессъ, начатый и выполненный такъ энергически драматургомъ-романистомъ) на слѣдующее мѣсто, принадлежащее ему и обращенное къ молодому мужу, сидящему у изголовья своей жены, только-что разрѣшившейся отъ бремени: „Ты поникнулъ головой,—говоритъ ему Дюма полу-иронически.—Вотъ ты побѣжденъ, въ свою очередь, женскимъ элементомъ (тѣмъ, что нѣмцы называютъ „das ewig Weibliche“). Онъ воспользовался тобою для того, чтобы выполнить свое дѣло. Этотъ элементъ притягиваетъ тебя, соблазняетъ, употребляетъ тебя въ пользу, то удаляетъ, то опять беретъ или устраняетъ тебя, смотря по тому, чего требуетъ предназначеніе и извѣстное отправленіе жизни. И познай, между прочимъ, что такъ всегда будетъ; какова бы ни была плоскость, на какой ты встрѣчаешься съ женщиной, она никогда не беретъ тебя для тебя, она всегда беретъ тебя для самой себя“.

Критикъ нисколько не прибѣгаетъ къ натяжкѣ, указывая на значительное сродство такого рода идей съ пессимистическимъ взглядомъ Шопенгауэра на тотъ же предметъ. И Дюма, вмѣстѣ съ франкфуртскимъ философомъ, приходитъ къ тому заключенію, что въ миражѣ любви есть что-то обманчивое, есть таинственное плутовство; и тѣ, кто поддается, приходятъ роковымъ образомъ къ самому ужасному несчастію, постоянно надѣясь на высшее блаженство. Въ самомъ дѣлѣ, если подставить подъ выраженіе „le féminin“ (элементъ женственности) понятіе, предлагаемое Шопенгауэромъ, т.-е. геній рода—и пессимистическая формула готова. И выйдетъ повтореніе выходки, какую нѣмецкій мизантропъ повторилъ французскому критику, г. Шальмель-Лакуру, за табльдотомъ—тирада, которую приводитъ Поль Бурже тутъ же: „Мужчины побуждаются,—говоритъ Шопенгауэръ,—когда они любить, не безнравственной похотью, не божественнымъ обаяніемъ. Они работаютъ для генія рода; не зная того, они въ одно и то же время—его орудія, его маклера и жертвы его обмана“.

Продолжая свою параллель, Поль Бурже показываетъ, что у Шопенгауэра такой взглядъ вызванъ метафизической работой ума,

а у Дюма — проницательность въ действительность драматурга-моралиста. Результатъ выходитъ одинъ и тотъ же и для того, и для другого: опьяненіе любви есть обманъ, дающій муки.

На этомъ выводѣ Дюма, однако, не остановился. Какова бы ни была любовь, что бы она съ собою ни приносила, несомнѣнно, что это — извѣстнаго рода сила или великій инстинктъ, источникъ и мрачнаго зла, и высочайшихъ подъёмовъ духа. Но надо на нее быть способнымъ, отдаваться ей; а для того, чтобы отдаваться, необходима такъ-называемая непосредственность, цѣльность темперамента, его нетронутость, здоровье, пылъ. Чтобы сохранить это здоровье, необходимо мужчинамъ и женщинамъ жить нормально, т.-е. одѣмъ не торговать любовью, другимъ не довольствоваться этимъ продажнымъ подобіемъ страсти. А та эпоха цивилизаціи, въ которой авторъ „Полу-свѣта“ выросъ и воспитался, была уже въ высшихъ слояхъ общества заражена именно этими патологическими симптомами любовной страсти. Какъ бы строго ни относиться къ Дюма, какъ къ изобразителю общества, нельзя все-таки доказывать, что онъ самъ сочинилъ такого рода нравы. Еслибъ онъ среди нихъ не родился, конечно, содержаніе его произведеній было бы иное. Стало быть, не удивительно, что рядомъ съ процессомъ, который нашъ моралистъ-драматургъ началъ и провелъ противъ тайной проституціи, полового хищничества, наконецъ, просто любви чувственнаго, страстнаго характера, мы видимъ у него, тотчасъ же послѣ такихъ молодыхъ еще произведеній, каковы „Дама съ камеліями“ или „Діана-де-Лисъ“, симптомы любовнаго безсилія, преждевременной растраты душевныхъ силъ, полной почти неспособности къ наивному, могучему зарожденію и развитію страсти.

На этотъ мотивъ Поль Бурже обращаетъ также вниманіе, выдѣляетъ его въ особой главѣ подъ заглавіемъ: „L'impuissance d'aimer“, показывая, какъ подобнаго рода разочарованность или пессимизмъ, присущій и теперешней молодежи, находился уже не только въ зародышѣ, но и въ достаточномъ развитіи у ея литературныхъ отцовъ, и, главнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ герояхъ Дюма, всего болѣе въ герояхъ его пьесы „L'ami des femmes“. Въ „Друга женщинъ“ авторъ вложилъ, по общему мнѣнію, множество своихъ личныхъ свойствъ. Его новый критикъ, указывая на эту „убыль души“ (такъ выразился когда-то Герценъ), говоритъ: „Въ пессимизмѣ г. Дюма мы находимъ нашъ собственный пессимизмъ и цѣнимъ его. Но мы, какъ и онъ, видя общество и природу въ меланхолическомъ свѣтѣ, только окрашиваемъ ихъ въ цвѣтъ, находящійся въ нашихъ глазахъ. Въ сущности, оптимизмъ

и пессимизмъ—всегда личныя состоянія души, и всего интереснѣе въ доктринѣ гораздо менѣе сама доктрина, чѣмъ путь, пройденный человѣкомъ, то, что привело его къ общему заключенію о ходѣ вещей послѣ того, какъ онъ подвелъ частный итогъ себѣ самому и обстоятельствамъ своей жизни. Когда мы говоримъ, что міръ нигуда негоденъ—это обозначаетъ только, что мы сами долго и много страдали. Когда мы говоримъ, что любовь есть ловушка—значитъ, мы не можемъ сами пользоваться ея сладостями, мы боимся ея мученій, которыя, въ нашихъ глазахъ, не стоятъ ея благодѣяній. Въ каждомъ любовномъ желаніи и въ оттѣнѣ очарованія, какое связано съ нимъ, есть всегда огромная доля личнаго творчества, если можно такъ выразиться. Любить женщину—это, главнымъ образомъ, любить мечту, какую сердце сумѣло создать по поводу этой женщины. Случается, однако-же, что у сердца не хватаетъ больше силъ на созданіе этой мечты, и оно должно покончить совсѣмъ съ любовнымъ чувствомъ. Подобное прекращеніе внутренней силы чувства—вовсе не рѣдкое явленіе въ старѣющихъ цивилизаціяхъ, и мнѣ кажется, что пессимизмъ, специально свойственный г. Дюма, прямо вытекъ изъ этого безсилія любить, и самыя новыя лица его комедій—какъ разъ тѣ, кто, олицетворяя этотъ пессимизмъ, олицетворяетъ, въ то же время, и его глубокіе источники. Какъ всѣ драматическіе писатели, г. Дюма обладаетъ даромъ ставить на ноги существа, независимыя отъ него самого, хотя бы они и были, болѣе или менѣе, изобрѣтены по его образу и подобию. Только есть созданія, нарисованныя внѣшне, и есть созданія внутреннія. Вторыя, о которыхъ онъ самъ можетъ сказать, какъ въ писаніи, что онѣ—его дорогія дѣти и что онъ радовался, видя въ нихъ свое подобіе—всего больше Лебоннаръ изъ „Visite de pose“, Оливье-де-Жазэнъ въ „Полу-свѣтъ“ и де-Ріонъ въ „Другѣ женщинъ“. Последний показанъ такъ ярко и съ такимъ сильнымъ рельефомъ, что въ немъ заключены и всѣ остальные. Онъ ихъ всѣхъ и объясняетъ. Его г. Дюма и заставилъ произнести всего больше тѣхъ, никогда не забываемыхъ, реченій, гдѣ цѣлая система практической философіи разсыпана въ разныхъ словечкахъ и замѣчаніяхъ. И не забудьте, что эти словечки, произносимыя „другомъ женщинъ“, выходятъ прямо изъ глубины его характера. Онъ производитъ ихъ, а также и теоріи, которыя ими выражаются, въ силу всей логики своей личности; онъ вовсе не декламаторъ комедій нравовъ, которому поручены тирады, сочиненныя авторомъ внѣ его личности. Нѣтъ; складъ его ума принадлежитъ только ему и держится за всю его натуру“.

Съ этой критикой можно согласиться, прибавивъ къ ней, однако, нѣсколько оговорокъ. Конечно, всѣ три лица, приведенныя Полемъ Бурже, всѣ трое мужчинъ резонерскаго оттѣнка — современники и сверстники самого автора; у нихъ его натура, складъ его ума и его остроуміе, присущее ему отъ природы, что подтвердить каждый бывшій съ нимъ въ личномъ знакомствѣ. Эти лица принадлежатъ къ опредѣленной эпохѣ и рано сдѣлались жертвами той раздвоенности чувства, которая играла роль и въ нашей беллетристическѣ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ и называлась у насъ „рефлексіей“. Разница лишь та, что рефлексія, которой страдали русскіе герои, была вовсе не продуктомъ половой испорченности, захвата, произведеннаго тайной проституціей и женскимъ хищничествомъ въ высшихъ слояхъ общества, а скорѣе злоупотребленіемъ мыслительной работой, дилеттантствомъ и малымъ воспитаніемъ воли, энергіи, на почвѣ тогдашняго барства. Но и эти три самыя удачныя мужскія лица Дюма, самыя характерныя для людей его поколѣнія — все-таки страдаютъ, въ смыслѣ творчества, черезъ-чуръ большой законченностью, гдѣ моралистъ преобладаетъ надъ художникомъ. Кромѣ того, они не живутъ въ пьесахъ своей жизнью, потому именно, что неспособны на настоящую страсть. Если эта черта вѣрна сама по себѣ, то для сценическихъ произведеній она представляетъ собою отрицательную величину. Прибавьте къ этому постоянную наклонность къ выводамъ, сентенціямъ, остроумнымъ приговорамъ. Въ дѣйствительности, и Оливье-де-Жалэнъ, и де-Рюнь не могутъ быть такими систематиками своего житейскаго и сердечнаго опыта. Они были бы гораздо характернѣе даже и для своей эпохи, еслибы авторъ позволилъ имъ сдѣлать нѣсколько непоследовательностей, еслибы онъ такъ не подчистилъ ихъ, не покрылъ бы такимъ лакомъ. У каждаго изъ нихъ должна быть большая опытность; иначе бы они такъ не поступали и не говорили; но мы видимъ только результаты ихъ предварительной жизни. А было бы гораздо лучше для драматурга-художника, еслибы онъ перенесъ на сценическіе подмостки настоящую драму ихъ молодости или того момента, когда наступилъ для нихъ нравственный кризисъ. Тогда мы, какъ читатели или зрители, имѣли бы гораздо болѣе вѣрный матеріалъ для сужденій; мы сами рѣшили бы, насколько личная судьба каждаго изъ такихъ пессимистовъ, или мизантроповъ, или отрицателей любви, имѣетъ право фигурировать передъ нами въ томъ или иномъ мундирѣ, надѣтомъ на ихъ плечи самимъ авторомъ.

Злоупотребленіе духомъ анализа есть и въ нихъ, точно такъ, какъ и въ герояхъ нашихъ повѣстей и романовъ конца сороко-

выхъ и начала пятидесятихъ годовъ. И они страдаютъ нашимъ печоринствомъ и тамаринствомъ; только эти французскіе вивьеры, рано познавшіе тщету любовнаго чувства и приманокъ жизни, гораздо болѣе моралисты. Они не только наклонны къ суровымъ приговорамъ, но они любятъ эту роль; она имъ замѣняетъ настоящую жизнь молодыхъ увлеченій и энергической общественной борьбы. Нашъ критикъ разбираетъ очень тонко ихъ психологію. Онъ показываетъ, что сверстники Дюма его типа, которыхъ всего болѣе напоминаетъ „другъ женщинъ“, утратили рано способность отдаваться, которая въ любви составляетъ главное счастье. Послѣ различныхъ опытовъ любовнаго свойства, гдѣ они довольствовались больше тѣмъ, что временно обладали женщинами, они не нашли и въ умственной жизни принциповъ, твердой опоры. Ихъ наклонность къ анализу и тутъ произвела въ нихъ двойственность. Они—и не свободные мыслители, и не наивно вѣрующіе; но въ глубинѣ ихъ души сохранились остатки религіозности, которая перешла въ особый видъ сентиментальнаго поклоненія все той же женщинѣ, того, что Шопенгауэръ называлъ иронически „дамой“. Суровая сторона христіанскаго ученія сказалась по атаквизму и въ ихъ поворотѣ въ сторону безпощадной морали, въ этомъ преслѣдованіи хищничества женщины, въ этомъ противопоставленіи всякой здоровой чувственной любви чего-то недосигаемо высокаго, переданнаго вмѣстѣ съ мистическими образами цѣлою сотнею вѣрующихъ поколѣній. Отъ погони за удовлетвореніемъ любовнаго позыва осталась въ нихъ горечь, питающая ихъ анализъ. „Анализъ,—разъясняетъ нашъ критикъ,—продолжаетъ свою работу и отгрызаетъ то, что женщина, именно вслѣдствіе своей слабости—существо, полное противорѣчій, колебаній и хитрости. Мы видимъ безпрестанные переходы и безконечные скачки въ этой нервной системѣ, способной ежесекундно на всякія извращенія, все равно, что клавиши слишкомъ деликатнаго инструмента. Въ личности женщины васъ безпрестанно сбиваютъ съ толку извороты; она выставляетъ противъ силы—лукавство. Ея могущество заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она не дается вамъ. Для чистыхъ художниковъ высшее обаяніе женскаго существа именно и сидитъ въ этихъ колеблющихся и опасныхъ изгибахъ характера“. Но моралистъ всѣмъ этимъ не прельщается, его довѣріе потеряно, и „другъ женщинъ“, все тотъ же де-Рионъ, является намъ жертвой своего жизненнаго итога. Онъ утратилъ вѣру въ женщину, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и способность любить. „Какъ бы я ни былъ бесполезенъ и ординаренъ,—говоритъ онъ,—я далъ себѣ слово не бросать никогда ни моего сердца, ни моей

чести на съѣденіе всѣмъ этимъ прелестнымъ и страшнымъ созданиямъ, изъ-за которыхъ разоряются, теряютъ доброе имя и убиваютъ себя. А ихъ единственная забота, посреди такой всемірной свалки, одѣваться то въ видѣ зонтиковъ, то въ видѣ колокольчиковъ“.

Но этотъ выводъ сверстниковъ Дюма не былъ бы такъ безповоротенъ, еслибы они сами не злоупотребили любовными сношеніями. У каждого изъ нихъ было слишкомъ много возлюбленныхъ, почти всегда незаконныхъ, и эта практика естественнымъ образомъ питала ихъ скептицизмъ. Въ каждомъ адюльтерѣ есть элементъ взаимнаго недовѣрія и презрѣнія. Какъ бы женщина ни возбуждала страсть любовника, обладающаго ею тайно отъ мужа, онъ не можетъ, въ минуты болѣе спокойныя, не спрашивать себя: „да вѣдь она точно также можетъ обмануть и меня; какая гарантія, какая основа нашей привязанности? Никакой!“ И вотъ, это внутреннее, ѣдкое чувство все растетъ и растетъ съ каждой новой связью. Присоедините къ нему еще и полный недостатокъ общественныхъ идеаловъ въ годы первой молодости сверстниковъ Дюма, т.-е. тотчасъ же послѣ государственнаго переворота 2-го декабря. На чтѣ они могли опереться, гдѣ найти поддержку идеальнымъ стремленіямъ? Безнаказанное хищничество вывести произвело разнузданность матеріальныхъ инстинктовъ, позитивизмъ, понимаемый въ смыслѣ наживы и всевозможныхъ сдѣлокъ съ совѣстью. И вотъ, въ результатѣ—бессиліе, неспособность на то чувство, безъ котораго не только немислимъ театръ, драма, но не было бы пищи и для работы самыхъ суровыхъ моралистовъ. И критикъ, представляющій собою особенности молодого поколѣнія, находить, что всѣ три главные источника убыли души, создавшіе фізіономію героевъ Дюма, до сихъ поръ еще не изсякли. Они подтачиваютъ и душевную жизнь теперешнихъ молодыхъ людей. Поль Бурже выливаетъ горечь и своего настроенія въ такой тирадѣ: „Мы больны отъ излишества критической мысли, больны отъ слишкомъ большой литературности, больны отъ избытка знанія!—Чтобы чувственная распушенность перестала утомлять своими себялюбивыми сотрясеніями нервы и сердца большинства людей, которымъ болѣе пятнадцати и менѣе сорока лѣтъ, надо возстановить равновѣсіе частной жизни; необходимо, чтобы поздніе браки сдѣлались исключеніемъ и чтобы бракъ въ двадцать-пять лѣтъ сталъ правиломъ; чтобы воспитаніе женщины дѣлало изъ нея дѣйствительно подругу мужчины; чтобы отношенія между молодыми людьми преобразовались и чтобы ребенокъ не портилъ себѣ преждевременно чувствъ и воображенія въ стѣнахъ

коллегій, этихъ клоаки нравственной заразы, которыя только Дюма обличилъ въ первыхъ страницахъ своего романа „Affaire Clemanseau“; чтобы жадность конкуренціи, погоня за мѣстами и за богатствомъ посягались, надобно возвратъ къ менѣе искусственной и менѣе подогрѣтой жизни; необходимо человѣку быть болѣе привязаннымъ къ своей провинціи, къ родному краю, необходимо, чтобы житіе въ Парижѣ не было цѣлью всѣхъ мужчинъ и женщинъ, чтобы демократическая свалка была менѣе неистовой“.

Такими словами критикъ заключаетъ свои объясненія и тутъ же прибавляетъ, что эти пожеланія никогда не осуществятся. Потому и молодежь должна чувствовать связь своихъ недуговъ и своихъ разочарованій съ тѣмъ, что волновало ея литературныхъ отцовъ и являлось въ творествѣ, болѣе или менѣе проникнутомъ моралью.

V.

Казалось бы, — спрашиваетъ нашъ критикъ, — такому безпощадному моралисту, какъ Дюма, слѣдовало, подъ конецъ своего писательства, придти къ метафизическому нигилизму? Вѣдь онъ пришелъ же, въ лицѣ героевъ и героинь цѣлаго ряда драматическихъ произведеній, къ нигилизму чувства? А вышло совсѣмъ не такъ. Уже около двадцати лѣтъ, какъ въ Дюма началъ зрѣть и развиваться чисто духовный взглядъ на жизнь, перешедшій въ послѣднее время въ несомнѣнный мистицизмъ. Это случилось не вдругъ. У человѣка, который и свои способности драматурга употреблялъ для разрѣшенія моральныхъ задачъ, для борьбы со зломъ, при отсутствіи научной основы въ его міропониманіи, неизбеженъ былъ возвратъ къ готовымъ видамъ спиритуализма. Тутъ я себѣ опять долженъ буду позволить обращеніе къ тому этюду о современной драмѣ, гдѣ я впервые опредѣлялъ мѣсто, занятое, къ концу шестидесятыхъ годовъ, авторомъ „Полу-свѣта“. Если тогда въ самыхъ его пьесахъ еще не замѣтно было явнаго мистическаго отбѣна, если предисловія его къ пьесамъ, гдѣ его мистическое credo такъ разрослось, еще не появлялись въ печати, то первые признаки давали уже себя знать. По поводу комедіи „Les idées de madame Aubray“, какой-то аббатъ напечаталъ обращеніе къ автору, въ которомъ выступалъ противъ проповѣди Дюма въ защиту падшихъ дѣвушекъ. Въ отвѣтъ на эти нападки Дюма высказалъ впервые съ большой опредѣленностью свой духовный взглядъ на миссію театра. Онъ доказывалъ, что театръ, какъ

онъ его понимаетъ, долженъ находиться въ полномъ примиреніи съ церковью, съ ея ученіемъ и догматами. На это, въ моемъ тогдашнемъ этюдѣ, я счелъ не лишнимъ возразить автору; что театръ не нуждается въ такомъ примиреніи, что онъ, какъ форма искусства, идетъ своей дорогой и не обязанъ поступать въ услуженіе культу, рискуя иначе превратиться въ то, чѣмъ сценическія формы среднихъ вѣковъ были нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Тогда намъ могло казаться, что Дюма обмолвился или желалъ просто успокоить извѣстную долю общественнаго мнѣнія, не раздражать католическіе кружки и вліятельные органы, не вредить успѣху пьесы, которая и безъ того, на первомъ представленіи, должна была бороться съ предразсудками парижской публики.

Съ годами, когда его личная жизнь вошла въ колею болѣе спокойныхъ испытаній, когда приманки жизни предстали передъ нимъ въ видѣ горькихъ итоговъ, явилась въ такомъ морализующемъ умѣ неизбежная потребность разрѣшенія противорѣчій жизни. А усиленный трудъ романиста и драматурга, энергическая погоня за славой, отзывчивость на моральныя задачи современнаго ему общества—не дали возможности позаботиться о болѣе прочномъ научномъ и философскомъ образованіи. Такіе даровитые люди, лишенные грунта, всегда склонны создавать себѣ свое собственное вѣроученіе, свою собственную метафизику. Такъ вышло и съ Дюма. Но для насъ важно не произнесеніе надъ нимъ безапелляціоннаго приговора, а уясненіе себѣ психическаго процесса, который привелъ его, вмѣсто ученія нирваны, къ вѣрѣ въ надчувственный міръ. То же занимаетъ и нашего критика. Показавши, какъ Дюма въ разныхъ предисловіяхъ, въ особенности въ брошюрѣ „L'homme-femme“ и въ предисловіи къ пьесѣ „La femme de Claude“, дошелъ даже до апокалиптическаго языка (онъ ввелъ тотъ же тонъ и ту же мистическую діалектику и въ тирады дѣйствующихъ лицъ, въ родѣ, напр., знаменитой фразы мистриссъ Кларесонъ изъ „L'étrangère“: „въ той партіи, какую я играю съ судьбой, каждый разъ, когда я чувствую, что Богъ противъ меня, я склоняю голову и покидаю игру“...),—Поль Бурже ставитъ вопросъ: какія душевныя причины привели Дюма къ мистицизму и раздѣляетъ ли онъ ихъ съ большинствомъ своихъ современниковъ?

Дюма, по его толкованію,—боецъ, человѣкъ дѣйствія и усиленной энергіи. Преобладающая черта его умственной организаціи—логика: она его привела къ границамъ нигилизма, почти къ тому же, чѣмъ кончилъ и тотъ франкфуртскій философъ, который рассуждалъ тождественно насчетъ сути любовной страсти.

Но Шопенгауэръ, „опьяненный опіумомъ своей метафизики“, пришелъ къ требованію уничтоженія воли, тогда какъ Дюма возмущался. „Природа,—восклинулъ онъ,—не желаетъ смерти. Она желаетъ жизни. Смерть—только одно изъ ея средствъ. Цѣль же ея—жизнь!..“ Но какъ же,—спрашиваетъ критикъ,—согласить вкусъ и культъ жизни съ отрицательными результатами анализа, съ неспособностью любить, превращающею душу въ могильный склепъ? Единственный исходъ—стремленіе въ горную область, въ сверхъ-чувственный и сверхъ-реальный міръ. Это стремленіе не есть дѣло личнаго вкуса; въ немъ заявляетъ свои права вѣковая наслѣдственность культурнаго человѣчества. Европейецъ несетъ въ себѣ это наслѣдіе: постоянное возвращеніе къ гипотезѣ вѣчнаго духа. „Дюма,—говоритъ Поль Бурже,—пошелъ по этому же пути; но такъ какъ онъ былъ въ одно и то же время и моралистъ, и драматическій писатель, то и придалъ своему мистицизму отгѣнокъ, находящійся въ соотвѣтствіи съ этой двойной потребностью своей натуры. Вѣрить безусловно въ добро и зло—это уже исповѣдовать мистическій символъ вѣры, потому что это значитъ: утверждать реальность духовнаго міра. А у кого есть воображеніе, обращенное въ сторону драмы, тому очень легко олицетворить и это добро, и это зло, и видѣть, какъ они затѣвуютъ въ сердцѣ человѣка безпощадный поединокъ. Такъ же дѣйствовалъ, повидимому, и авторъ „Femme de Claude“; онъ, не замѣчая того, сдѣлался послѣдователемъ манихейства. Ормуздъ и Ариманъ древнихъ персовъ вступили передъ нимъ въ свое вѣчное единоборство, и свѣтъ такого видѣнія оварилъ для него скорбные потемки нашего общества. Такой переходъ гораздо проще и естественнѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ“.

Отсюда, отъ этого вѣрующаго признанія двухъ вѣчныхъ принциповъ, прямой переходъ въ признанію надчувственного, духовнаго міра, которое унаслѣдовано современнымъ обществомъ. Разсудокъ признаетъ выводы положительнаго знанія. Мы требуемъ, чтобы искусство было основано на позитивномъ изслѣдованіи факта; такія же требованія предъявляемъ мы и политикѣ; позитивизмъ проникаетъ наши нравы все больше и больше. Этимъ путемъ многіе аппетиты человѣка удовлетворены, но одинъ остается все-таки въ видѣ неутоленной жажды: это—потребность въ надвидимомъ мірѣ, потребность, переданная намъ цѣлымъ рядомъ поколѣній, всѣми вѣрующими различныхъ религій. Слѣдуетъ только вспомнить, что десятки вѣковъ проходили для нашихъ предковъ въ непрестанномъ преклоненіи предъ неизвѣстнымъ источникомъ бытія. И критикъ спрашиваетъ: неужели изъ такого многовѣко-

ваго душевнаго процесса не должна была сложиться наслѣдственная склонность? Противъ нея только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ устоять научно-философское пониманіе міра. Въ большинствѣ, эта потребность принимаетъ всевозможныя формы. Она сказывается всего ярче въ женскихъ натурахъ особеннаго рода нервностью, потребностью забыться, уйти отъ ощущеній дѣйствительности, вплоть до разныхъ видовъ опьяненія, до моднаго морфинизма. Для высшихъ натуръ музыка, охватывающая современное общество сильнѣе всѣхъ остальныхъ искусствъ, является также суррогатомъ этой многовѣковой привычки къ преклоненію передъ тайной бытія; между музыкой и молитвой—связь прямая. Иногда же, въ еще болѣе избранныхъ натурахъ, эта потребность не можетъ принять чувственной формы и сказывается въ высшемъ нравственномъ неомоганіи, въ необъяснимой тревогѣ, въ чувствѣ утомленія, въ равнодушіи, во всеобъемлющей скукѣ. И вотъ, почти каждое поколѣніе даетъ намъ образчики такихъ избранныхъ натуръ, обреченныхъ, во времени расцвѣта своихъ душевныхъ силъ, на такое умираніе за-живо.

„Эта скука,—говоритъ Бурже,—не вульгарная болѣзнь... Она дѣйствуетъ припадками и обволакиваетъ въ облако скорби тѣ часто великія природы, которыя падаютъ ея жертвами. Всю свою жизнь Готье бился, думая обмануть такую скуку; Флоберъ и Бодлѣръ точно также“... И Бурже приводитъ горькіе стихи Бодлѣра и холодящія кровь тирады, какія Флоберъ влагаетъ въ уста святаго Антонія.

Какъ же тутъ быть? Современный человѣкъ не можетъ видѣть во вселенной проявленія какой-нибудь отдѣльной воли; онъ не можетъ признавать душевнаго состоянія, независимаго отъ фیزیологическаго организма. Разсудокъ, разумъ не позволяютъ ему ни того, ни другого. Но атавизмъ, унаслѣдованный имъ, подсказываетъ ему, что разумъ и опытъ могутъ быть и не единственными методами, отыскивающими истину. И вотъ, мы видимъ, что мистицизмъ въ извѣстныхъ натурахъ, даже и очень одаренныхъ, уживается боже-о-боже съ выводами научнаго опыта, съ весьма глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, общественныхъ явленій, историческаго хода событій. Этотъ мистицизмъ проникаетъ въ душу тѣмъ скорѣе и побѣдоноснѣе, чѣмъ больше въ ней поднималось самыхъ жгучихъ вопросовъ земнаго бытія. Онъ ждетъ всѣхъ, кого знаніе не удовлетворило, и нѣкоторыя природы кидаются въ него, очертя голову, въ особенности, изъ тѣхъ, кто доходитъ до послѣднихъ предѣловъ развѣдающаго анализа. И Дюма, по толкованію нашего критика, перешелъ отъ своего по-

зитивнаго анализа къ чисто духовному иллюминатству, и въ этомъ онъ какъ бы проявилъ неумирающую потребность своей эпохи. Критикъ, объясняя такъ процессъ, завершившійся въ его душѣ, самъ сознается, что унаслѣдованная современнымъ человѣкомъ потребность въ мистическихъ вѣрованіяхъ врядъ-ли можетъ найти себѣ исходъ.

„Что же за бѣда?—воскликаетъ онъ.—Это показываетъ все-таки, что душа современнаго человѣка поставлена въ необходимость выбирать между выводами пессимизма и вѣрой въ сверхъестественное. Въ этомъ заключается кризисъ вчерашняго дня и кризисъ завтрашняго. Какой будетъ изъ него исходъ? Кто можетъ сказать: всякой религіи пришелъ конецъ? А, съ другой стороны, кто станетъ утверждать, что народится у насъ новая религія? Во всякомъ случаѣ, только глубоко-серьзная и искренняя душа въ состояніи остановиться передъ такой задачей и попробовать, въ размѣрахъ личной жизни, разрѣшить ее. И г. Дюма долженъ былъ непременно подняться до этихъ высотъ, потому что онъ такъ серьезно и такъ искренно изучалъ свое время. Такъ какъ онъ всегда былъ писателемъ, очень мало озабоченнымъ вопросами искусства и чрезвычайно озабоченнымъ насущными вопросами дня, то онъ и высказалъ о своей эпохѣ много существенныхъ словъ, и его произведенія должны будутъ изучаться старательно историками французской чувствительности въ девятнадцатомъ столѣтіи“.

Можетъ, пожалуй, показаться, что самъ критикъ наклоненъ къ анти-научному взгляду на жизнь; но онъ ничего не высказываетъ догматически, не навязываетъ читателю своихъ собственныхъ вѣрованій, а старается только разъяснить душевный процессъ автора, сдѣлать болѣе понятной „эволюцію“ его идей, какъ наблюдателя-моралиста своей эпохи. Въ этой терпимости, въ такихъ болѣе мягкихъ и вдумчивыхъ приемахъ нельзя не видѣть черты, отличающей генерацию, къ которой принадлежитъ Поль Бурже, отъ предыдущаго поколѣнія. Сверстники Зола, поборники такъ-называемаго натурализма, гораздо безусловнѣе въ своихъ взглядахъ и принципахъ. Они держатся за выводы знанія и впадаютъ (какъ это мы знаемъ по разнымъ критическимъ статьямъ главы натурализма) въ односторонность, подчасъ даже въ ограниченность воззрѣній. Они грѣшатъ по своему тѣмъ же, чѣмъ и Дюма-сынъ: въ нихъ мы видимъ самоучекъ, слишкомъ наивно вѣрующихъ въ послѣднія слова науки, а въ немъ—практика-анализатора, не затрудняющагося созданіемъ своей собственной духовной доктрины, когда его душа пожелала выйти изъ горь-

кихъ противорѣчій. Тѣ слишкомъ уважають науку, вплоть до скороспѣлаго поклоненія всѣмъ еще неоправданнымъ гипотезамъ, а эти не смущаются противорѣчіями между ихъ духовными мечтаніями и правдой бытія. Но мы въ настоящую минуту не желаемъ обличать ни тѣхъ, ни другихъ. Для насъ важно—показать на примѣрѣ нашего критика существованіе новаго фазиса въ развитіи критическихъ идей. Съ своей точки зрѣнія, критикъ исполнѣ правъ. Онъ не смѣшивалъ двухъ вопросовъ: эстетическаго достоинства произведеній автора въ тѣсномъ смыслѣ и его вліянія на эпоху, отраженія въ продуктахъ его писательства душевной жизни цѣлой эпохи. Еслибъ онъ смѣшивалъ то и другое или сталъ бы доказывать безусловное превосходство творчества въ такомъ видѣ, какимъ оно является въ произведеніяхъ Дюма, тогда мы имѣли бы право выступать противъ него; но онъ отъ этого воздерживается и выполняетъ свою задачу съ выдающимся талантомъ, съ несомнѣнной глубиной и оригинальностью мысли, въ размѣрахъ небольшихъ этюдовъ.

Теперь мы взглянемъ на Дюма съ точки зрѣнія, которая будетъ дополнять анализъ французскаго критика, и воспользуемся для параллели живымъ примѣромъ русскаго писателя, въ которомъ творческія и художественныя силы еще богаче. Параллель эта давно приходила намъ на мысль, но только въ самые послѣдніе годы она могла быть закончена.

VI.

Есть художники, рожденные съ такимъ преобладаніемъ чувства прекраснаго, что они не могутъ отдаваться душой ничему иному, кромѣ изящнаго творчества. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обширная житейская опытность, серьезное и разностороннее образованіе позволили имъ накопить въ себѣ богатство идей и моральныхъ выводовъ, привели ихъ къ весьма прочнымъ принципамъ и въ общемъ міропониманіи, и въ вѣрованіяхъ, и въ политическихъ воззрѣніяхъ,—и тогда они все-таки не перестаютъ служить исключительно художественнымъ интересамъ. Для этихъ натуръ ихъ искусство, ихъ творчество никогда не можетъ быть не цѣлью, а орудіемъ. Такіе творцы-художники въ области литературы попадаются рѣдко и въ послѣднее время все рѣже и рѣже.

Наша параллель будетъ обращена къ двумъ крупнымъ писателямъ другого рода, въ которыхъ мы видимъ какъ бы художниковъ по-неволѣ. Ихъ творческія силы различны: у француза

онѣ несомнѣнны, но гораздо бѣднѣе и одностороннѣе, чѣмъ у русскаго писателя. Дюма-сыну мы противопоставляемъ нашего великаго романиста, графа Толстого.

Эта параллель можетъ, на первыхъ порахъ, показаться нѣсколько произвольной. Но внутренній процессъ въ обоихъ писателяхъ, при всемъ различіи въ талантѣ, въ могуществѣ творчества—весьма сходенъ. Чтобы доказать это съ полной очевидностью, слѣдовало бы, конечно, подвергнуть подробному анализу весь творческій процессъ того и другого автора. На это надо употребить цѣлое изслѣдованіе. Мы ограничимся здѣсь только общими указаніями на факты, извѣстные читателю, знакомому съ произведеніями Дюма и графа Толстого. И тотъ, и другой начали писать молодыми людьми подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ жизни, личныхъ испытаній. Одинъ заинтересовалъ французскую, а потомъ и европейскую публику галлереей женщинъ, съ какими его сталкивала парижская жизнь; другой также скоро привлекъ читателей рассказами изъ личныхъ воспоминаній, гдѣ правда жизни явилась въ такомъ прекрасномъ сочетаніи объективнаго изображенія съ гуманнымъ чувствомъ автора. Еслибы тогда и французскаго драматурга, и русскаго романиста спросить: какъ они на себя смотрятъ и какую цѣль они преслѣдуютъ, то, конечно, они отвѣтили бы, что смотреть на себя какъ на воспроизводителей жизни, не задающихся никакими отвлеченными идеями или доктринами практической морали. Но очень скоро, еще въ самый молодой періодъ творчества того и другого писателя, особенный складъ ихъ души, ихъ ума началъ уже сказываться, быть можетъ, помимо ихъ воли и желанія. Одинъ—французскій драматургъ—сталъ группировать факты, наблюденные имъ, въ извѣстномъ направленіи, какъ это мы видѣли, напоминая сюжеты самыхъ выдающихся его пьесъ. Талантъ драматурга, наклонность къ блестящему діалогу, къ постройкѣ сюжета держались въ немъ не одинъ десятокъ лѣтъ; но самое изображеніе жизни, которое для истиннаго художника есть альфа и омега всего его дѣла, получало у Дюма все больше и больше характеръ ловкаго орудія для постановки извѣстныхъ итоговъ общественной и супружеской нравственности, или стало служить какъ бы почвой для возведенія цѣлой доктрины, характеръ которой мы разсмотрѣли вмѣстѣ съ французскимъ критикомъ въ предыдущихъ главахъ. У графа Толстого запасъ творческой силы былъ въ нѣсколько разъ значительнѣе. Натура его принадлежитъ къ другой расѣ; складъ ума, наблюдательность, отзывчивость на явленія жизни—все это иное, чѣмъ у настоящаго француза, съ болѣе сухимъ, логическимъ, фор-

мальнымъ устройствомъ всего душевнаго аппарата. При такихъ могущественныхъ творческихъ силахъ русскій писатель не могъ сразу отдаться служенію идей, не имѣющихъ прямой связи съ чувствомъ прекраснаго, съ задачами изящнаго творчества. Сначала личный элементъ,—наклонность къ самому разнообразному анализу собственной души, своихъ психическихъ состояній, своихъ чувствъ и наблюденій сливались съ объективнымъ воспроизведеніемъ жизни въ одно цѣлое, часто даже увеличивали художественное достоинство произведенія. Мы это видимъ и въ сева-стопольскихъ разсказахъ графа Толстого, и въ его первыхъ большихъ произведеніяхъ, каковы „Дѣтство“, „Отрочество“, „Юность“, и въ мелкихъ разсказахъ изъ петербургской жизни, вплоть до тѣхъ, уже болѣе субъективныхъ, произведеній, гдѣ самъ онъ, его неугомонное исканіе высшей правды, сначала чисто-общественной, потомъ болѣе обще-человѣческой, забота о рѣшеніи самой загадки жизни—накладываютъ уже другой колоритъ, хотя и сли-вающійся съ художественнымъ творчествомъ, но указывающій несомнѣнно на то, что преобладаетъ въ душѣ писателя. Правдолюбецъ, высшій моралистъ, искатель новаго міропониманія виденъ уже и въ этихъ произведеніяхъ. Они появлялись въ періодъ, когда графъ Толстой страстно примѣнялъ къ своей общественной дѣятельности находки души, жаждавшей высшаго, нравственнаго мѣрила: такъ дѣйствовалъ онъ и какъ мировой посредникъ, и какъ народный педагогъ, и какъ другъ крестьянства. Во всемъ, что онъ писалъ чисто беллетристическаго, передъ появленіемъ „Войны и мира“, творческая способность развивалась вопреки главному душевному нерву, его исконному, коренному стремленію къ вопросамъ метафизики и морали. Въ „Войнѣ и мирѣ“ обѣ половины вступили съ собою въ явное ратоборство. Художникъ достигъ самаго пышнаго своего расцвѣта; а отыскиватель новыхъ истинъ, нарушая гармонію своего великаго произведенія, позволялъ себѣ вторгаться въ эпопею съ цѣлыми разсужденіями по философіи войны, съ пространными тирадами о судьбахъ человѣчества. И еслибъ тогда кто-нибудь обратился къ романисту и попросилъ у него исполнѣ искренняго отвѣта на вопросъ: что для него было дороже—эта ли философско-моральная часть произведе-нія, или блистательное созданіе цѣлой эпохи?—вѣроятно, онъ ска-залъ бы, что первая половина для него дороже. Иначе не мо-жетъ быть. Будь въ немъ принципъ художника, воспроизводителя и поклонника красоты—настоящей религіей, онъ, конечно, ни за что не позволилъ бы себѣ никакого вторженія общихъ взглядовъ, вылившихся у него въ цѣлую доктрину. Критика могла бы даже

признать въ его великомъ произведеніи геніально написанную иллюстрацію заранѣ надуманнаго ученія по философіи войны и вообще по судьбамъ культурнаго человѣчества. Мнѣ кажется, въ такомъ освѣщеніи не было бы натяжки, и врядъ-ли бы самъ авторъ не согласился съ тѣмъ, что при написаніи „Войны и мира“ онъ имѣлъ цѣль, стоявшую, въ его глазахъ, выше чисто художественнаго изображенія.

Такая роль художника по-неволѣ осложнилась внутренней работой его души, которая, во время написанія слѣдующаго большаго романа „Анна Каренина“, повела его въ сторону сначала полнаго отрицанія цѣнности и смысла жизни, какою онъ жилъ, а потомъ вызвала родъ психо-патологическаго состоянія, извѣстнаго намъ по его собственной исповѣди. Въ „Аннѣ Карениной“ искаатель смысла жизни и высшей правды на землѣ вторгается еще сильнѣе въ канву романа. Онъ уже не дѣйствуетъ такъ, какъ въ „Войнѣ и мирѣ“, отдѣльными главами, которыя можно, при случаѣ, выбросить, а начинаетъ распределять свои выводы, стоящіе для него надъ чисто-художественнымъ совершенствомъ, между дѣйствующими лицами романа. И если мы и въ этомъ романѣ поражены обиліемъ творческихъ продуктовъ, разнообразіемъ сторонъ русскаго быта, художественнымъ совершенствомъ въ изображеніи душевныхъ состояній цѣлаго ряда оригинальныхъ лицъ, выхваченныхъ изъ жизни, то это благодаря неизсякнущей еще творческой жизни. Но моралистъ преобладалъ еще сильнѣе надъ художникомъ. Онъ былъ уже наканунѣ того момента, когда искаатель правды, человѣкъ, рѣшающій выпустить задачу существованія, доживалъ послѣдніе дни художнической карьеры. Вслѣдъ за созданіемъ этого романа, писатель былъ охваченъ внутреннимъ кризисомъ, который и разрѣшился, какъ это извѣстно теперь, постройкой цѣлой доктрины.

Пускай критикъ прослѣдитъ шагъ за шагомъ нарастаніе, въ русскомъ великомъ художникѣ внутреннего человѣка, непрестанно искавшаго своей правды,—и онъ убѣдится самъ, и покажетъ это на цѣломъ рядѣ примѣровъ, какъ нашъ высоко даровитый художникъ по-неволѣ долженъ былъ кончить не только какъ вѣроучитель, но и какъ отрицатель высоко-культурнаго значенія искусства въ той самой художественной литературѣ, въ которой онъ съ первыхъ же шаговъ занялъ такое свѣтлое мѣсто. Предположите при этомъ, что онъ обладалъ бы меньшей страстностью ума, меньшей силой натуры,—онъ, конечно, въ настоящую минуту, въ теперешній періодъ своей мозговой работы, остановился бы на двойственной дѣятельности, на томъ, что мы видимъ у француз-

скаго драматурга. Тотъ, дойдя до извѣстныхъ абсолютовъ спиритуалистической морали, проповѣдую въ своихъ предисловіяхъ, брошюрахъ, цѣлыхъ книгахъ на ту или иную тему нравственности, все-таки не хочетъ покончить свою художническую карьеру, продолжаетъ писать и ставить пьесы, въ которыхъ, по необходимости, повторяется, съуживаетъ сферу своей наблюдательности и все круче прививчиваетъ и сюжеты, и дѣйствующія лица къ своимъ тезисамъ. Оно такъ случилось отъ меньшей интенсивности натуры. Такія же могучія организаціи, какою надѣленъ нашъ русскій писатель, не могутъ останавливаться на полъ-пути. Имъ суждено было кончить исключительнымъ служеніемъ абстрактной идеѣ, и онѣ способны сжечь свои корабли даже и тогда, когда ихъ чисто художническая даровитость совсѣмъ еще не изсякла.

Въ моей параллели я нисколько не желаю ставить ребромъ вопроса о законности тенденціи въ беллетристикѣ. Я хотѣлъ только на двухъ примѣрахъ, не прибѣгая ни къ какому парадоксу, показать возможность такихъ душевныхъ организацій, гдѣ чисто-художническіе инстинкты и силы должны съ теченіемъ времени подчинить себя другому направленію, находившемуся уже въ зародышѣ съ самыхъ первыхъ проявленій таланта. Не позволительно ли признать въ этомъ случаѣ (имѣя въ виду и нашего романиста) вліяніе наслѣдственныхъ склонностей, вѣковое наслоеніе извѣстныхъ состояній души? Художественность, какъ бы она ни была велика, не можетъ дать намъ равновѣсія въ міропониманіи, если мистическимъ наклонностямъ души мы не противопоставляемъ постояннаго, дѣятельнаго надзора науки, положительнаго знанія. Богатство творческихъ силъ, при большой производительности, представляетъ сильную опасность: талантъ увлекаетъ, даетъ въ нашей душѣ преобладаніе чувству и фантазіи, отнимаетъ время, нужное для того, чтобы укрѣпиться въ извѣстныхъ пріемахъ мысленія. Самая работа писателя, будь онъ драматургъ или романистъ, приучаетъ къ болѣе произвольному обращенію съ фактами, къ выводамъ, руководимымъ опять-таки болѣе эмоціями, чѣмъ анализирующимъ разумомъ. И когда такой художникъ поневолѣ, т.-е. писатель, въ которомъ есть зародыши мистицизма, или метафизическихъ наклонностей, или стремленіе къ моральному учительству, почувствуетъ свою силу, свое обаяніе на публику, привыкнетъ къ прямому воздѣйствію на душу своихъ современниковъ, онъ весьма легко можетъ впасть въ то, что мы видимъ и у французскаго драматурга, и у русскаго романиста. Но разница между ними есть, даже какъ между двумя вѣроучителями. Въ французѣ живутъ до сихъ поръ всѣ характерные признаки

человѣка, который не перестаетъ жаждать славы, жаждетъ постоянно волновать читающій міръ, поражать его блескомъ формы и кажущейся новизной идей. Онъ считаетъ себя одного источникомъ той правды, которую въ данную минуту защищаетъ въ видѣ ли брошюры, или въ формѣ цѣлой пьесы. Онъ не говоритъ, а вѣщаетъ. Вы не найдете у него цѣлыхъ исповѣдей, гдѣ страждущая душа бьется и трепещетъ, гдѣ она мучительно добивается того, затѣмъ человѣку жить на свѣтѣ. У русскаго художника по-неволѣ мы не видимъ такого культа собственнаго я, подобнаго упорству авторской суетности. Если онъ и занимается своимъ я, то потому, что въ немъ не переставало жить неутомимое преслѣдованіе задачи бытія, всегдашняя потребность рѣшить загадку, предложенную человѣчеству. Онъ и до сихъ поръ все учится, и если впадаетъ часто въ самообманъ, выдавая за открытыя имъ истины то, что уже давно было передумано цѣлымъ рядомъ умовъ, то онъ дѣлаетъ это не затѣмъ, чтобы съ высоты своего спиритуализма громить и обличать, преслѣдовать и клеймить, а затѣмъ, чтобы наивно и простосердечно убѣдить своихъ ближнихъ въ возможности разумнаго и нравственнаго существованія на землѣ.

Пріемъ молодого французскаго критика (закончимъ обращеніемъ къ нему), его искреннее желаніе освѣтить намъ душу писателя—прекрасный вельдъ въ запасъ тѣхъ выводовъ, съ которыми молодые поколѣнія будутъ продолжать и творческій, и критическій трудъ. Мы его цѣнимъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Съ своей стороны, мы не казимъ ни французскаго драматурга, ни всѣхъ писателей съ его складомъ; но не можемъ оставаться равнодушными къ слишкомъ большому захвату абстрактныхъ ли идей, мистицизма ли, или вѣроучительства, въ области изящнаго творчества. Когда въ душѣ писателя нѣтъ должнаго равновѣсія между творческими силами, согрѣтыми любовью къ прекрасному, и наклонностью къ утилитаризму какого бы то ни было содержанія и оттѣнка—результатъ будетъ всегда болѣе или менѣе печальный: рано или поздно, каждый такой художникъ по-неволѣ долженъ кончить или преждевременнымъ ослабленіемъ своего творческаго таланта, или же сектантскимъ взглядомъ на искусство.

П. Боборыкинъ.

ПЕРСИДСКІЙ ЭНДЕРУНЪ

ПИСЬМА ИЗЪ ТЕГЕРАНА.

I.

Съ самаго дня пріѣзда въ Тегеранъ меня очень интересовало проникнуть въ „эндерунъ“, собственными глазами посмотреть на жизнь персидскихъ женщинъ, подмѣтить по возможности ихъ вкусы и привычки и провѣрить то, что о нихъ слышала и читала ранѣе. Предлагаемыя замѣтки будутъ простымъ, но правдивымъ изложеніемъ всего видѣннаго мною; я прошу снисходительно извинить шероховатости и промахи моего пера,—я хотѣла только подѣлиться съ другими моими наблюденіями въ толстыхъ стѣнахъ персидскаго гарема, попасть въ который,—надо сказать не хвастаясь,—удается только весьма немногимъ. Но прежде чѣмъ ввести читателя въ заколдованное царство, я позволю себѣ сдѣлать коротенькое отступленіе по поводу самаго слова, выставленнаго въ заглавіи.

Слово „эндерунъ“, чтобы не отступать отъ его кореннаго значенія, ближе всего можно было бы передать русскимъ выраженіемъ: „внутренніе покои“, но такая передача не будетъ вполнѣ вѣрной. „Эндерунъ“, это — женская половина, точно такъ, какъ „бирунъ“ есть половина мужская. Такъ всегда и рассчитана постройка персидскаго дома: у людей зажиточныхъ въ большинствѣ случаевъ вы найдете двѣ рѣзко раздѣленные половины, а въ среднемъ и низшемъ классѣ—небольшой рядъ совершенно отдѣльныхъ комнатъ, не имѣющихъ непосредственнаго сообщенія одна съ другой. Съ такимъ планомъ очень трудно

примирается прїѣзжій европеецъ, почему-либо поставленный въ необходимость нанять домъ чисто персидскаго устройства. Но особенно рѣзко бросается въ глаза разобщенность мужского и женскаго помѣщеній при взглядѣ на загородные шахскіе дворцы, какъ, напр., Ишретъ-абадъ, Салтанетъ-абадъ, Ніаверанъ, переименованный теперь въ Сахиб-кыраніе въ честь тридцатилѣтняго царствованія шаха, который съ тѣхъ поръ только имѣетъ титулъ „сахиб-выранъ“, и др. Здѣсь обыкновенно въ прекрасномъ саду, въ сторонѣ отъ собственныхъ чертоговъ шаха, разбросанъ рядъ крохотныхъ домиковъ, совершенно одинаковыхъ и по наружному виду, и по внутренней отдѣлкѣ, числомъ 15 — 20, предназначенныхъ для четырехъ законныхъ женъ и неограниченнаго числа „сигъ“ (наложницъ). Каждый домикъ всецѣло принадлежитъ одной супругѣ.

Такимъ образомъ „эндерунъ“ прежде всего — помѣщеніе для женъ и ихъ прислужницъ (кенизъ), переступать порогъ котораго для мужчинъ строжайше запрещено закономъ; исключеніе составляютъ: во-первыхъ, шахъ, предъ которымъ раскрыты двери всякаго гарема настезъ, и который при встрѣчѣ съ любой женщиной имѣетъ право приказать ей открыть лицо, что та и исполняетъ безпрекословно, не считая этого позорнымъ; во-вторыхъ, самъ хозяинъ дома, затѣмъ его ближайшіе родственники, „черные“ — евнухи и мальчики-дѣти вмѣстѣ съ ихъ сверстниками, во главѣ которыхъ стоитъ „гулямъ-бачъ“, служащими какъ для развлеченія эндеруннаго населенія, такъ и для исполненія разнаго рода мелкихъ порученій и услугъ. Потомъ уже подъ „эндерунъ“ разумѣются самыя „ханумъ“ — дамы, связанныя съ кѣмъ-либо на правахъ законныхъ женъ или „сигъ“. Нерѣдко можно услышать такого рода разговоръ. По улицѣ движется одна или нѣсколько каретъ, буквально наполненныхъ черными чадурями съ бѣлыми рубендами (покрывалами), окруженныхъ со всѣхъ сторонъ евнухами, гулямами и прочей челядью. Персіянинъ, весьма большой любитель „тамаши“ (поглазѣть) и до крайности любопытный, не преминетъ спросить:

— Чей это эндерунъ?

Или вы можете схватить такого рода фразу: „Великъ эндерунъ у такого-то Абдуллы или Аббаса?“ — „У него всего только двѣ жены“...

Замѣчательно, что слово „гаремъ“, — также какъ и „эндерунъ“, имѣющее двойное значеніе и намъ хорошо извѣстное, почти не пользуется правомъ гражданства въ разговорной рѣчи персовъ:

народъ съ большей охотой обходится собственнымъ, роднымъ выраженіемъ. Слово „гаремъ“, или правильнѣе „харемъ“,—арабское.

Наконецъ насталъ давно желанный день, и я въ обществѣ двухъ европейскихъ дамъ сѣла въ экипажъ. „Сокровенный эндерунъ“, куда мы направлялись, принадлежалъ одному изъ извѣстныхъ тегеранскихъ богачей и сановниковъ. Не называя его по имени, я скажу только, что это—фаворитъ шаха, причисляющій себя къ числу образованныхъ персовъ, говорить кое-какъ по-французски, выписываетъ иностранные журналы, показываетъ видъ, что съ удовольствіемъ прочитываетъ ихъ отъ начала до конца, любезенъ съ „ференти“ (европейцами), даетъ имъ обѣды на славу и—что также очень важно—носитъ крахмальную сорочку вмѣсто обыкновеннаго „пирарген'а“ съ косымъ воротомъ и парижской работы лакированные ботинки.

Можно было бы думать, что тотъ же европеизмъ проникъ нѣсколько и за стѣны эндеруна, и что отесанность мужа до нѣкоторой степени отразилась на его женѣ и всѣхъ окружающихъ, вслѣдствіе чего для насъ, ищущихъ столнуться съ истиннымъ персидскимъ теремомъ, значительно уменьшился бы интересъ посѣщенія именно такого „эндеруна“. Но одного взгляда достаточно, чтобы сказанныя опасенія рушились сами собою. Персъ, какъ бы онъ ни былъ образованъ, не можетъ отрѣшиться отъ условій той семейной жизни, какою жили его предки; онъ не станетъ,—да это было бы и бесполезно,—давать образованіе своей женѣ; онъ все-таки хочетъ быть безотчетнымъ владыкой, чтобы жена оставалась въ вѣчномъ пріятномъ заблужденіи относительно своихъ человѣческихъ правъ и ихъ достойномъ удовлетвореніи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если мужчина, даже во всѣхъ отношеніяхъ развитой, дѣлитъ свою жизнь съ существомъ, кругозоръ котораго не шире самого эндеруна. Народная персидская мудрость всѣ интересы и помыслы женщины крайне ѣдко и мѣтко выражаетъ въ трехъ однозвучныхъ словахъ: халькъ, далькъ и джалъкъ, т.-е. любовь покушать всласть, страсть наряжаться и отправленіе физиологическихъ потребностей. На воплощеніе этихъ трехъ словъ мы и отправлялись теперь любоваться. Я забыла, однако, предупредить, что сановникъ, о которомъ рѣчь шла выше, имѣетъ только одну подругу жизни. Мнѣ кажется, обстоятельство это можетъ весьма многихъ, какъ это было и со мною, повергнуть въ недоумѣніе. Но оказывается, что одноженство—здѣсь не рѣдкость. Не говоря уже про лицъ, связанныхъ узами Гименея съ кровными принцессами—шахзадѣ, которыя въ силу не шаріата, а шахской воли, не имѣютъ права дѣлить своихъ

сердечныхъ привязанностей, можно не мало встрѣтить такихъ, которые собственный эндерунъ ограничиваютъ одной красавицей. Говорятъ, что это дѣлается въ подражаніе цивилизованнымъ народамъ запада;—но скорѣе объяснить это или тѣмъ, что персъ въ данномъ случаѣ питаетъ къ женѣ дѣйствительную привязанность, или нѣкоторымъ воздѣйствіемъ со стороны родителей жены. Я слышала, что послѣдніе, пристраивая дѣтище за богатаго чловека, ставятъ ему прямо условіемъ не имѣть болѣе женъ, можетъ быть въ расчетъ получить для дочки болѣе послѣ смерти будущаго зятя, а можетъ быть, просто изъ желанія оградить ее отъ злыхъ соперницъ и неизбѣжныхъ интригъ и зависти эндеруна.

Замѣчательно, что стремленіе содержать полный комплектъ гарема съ особенной силой овладѣваетъ людьми, которые, что называется, едва сводятъ концы съ концами: чуть только заведется какой-нибудь лишній доходъ, сейчасъ же появляется новая Луна, Звѣзда, Попугай ¹⁾ и пр. Въ русской миссіи долгое время былъ традиціонный ахундъ — учитель, къ которому для практики въ персидскомъ языкѣ поступали всѣ пріѣзжающіе въ Персію чиновники. Вначалѣ онъ былъ одноженецъ, но потомъ, съ пріѣздомъ каждаго новаго ученика, доставлявшимъ ему въ мѣсяцъ два-три лишнихъ тумана (7 — 10 руб. сер.), эндерунъ его увеличивался въ числѣ и достигъ, наконецъ, трехъ ханумъ. Когда у него спрашивали: „зачѣмъ ты, чудаекъ эдакій, при твоихъ ограниченныхъ средствахъ обременяешь себя только лишней обузой?“ — онъ пресерьезно отвѣчалъ: „нужно же кому-нибудь по смерти оставить въ наслѣдство книги“. Ихъ было очень мало!..

Проѣзжая съ трудомъ по узкимъ улицамъ столицы „царя царей“, по шумнымъ базарамъ, переполненнымъ массою движущихся верблюдовъ, осликовъ, лошадей, среди страшной толкотни, удушающаго, застоявшагося дыма кальяновъ, запаха жаренаго сала шашлыка, мы подѣхали, наконецъ, къ высокой бѣлой стѣнѣ, въ которой было нѣсколько дверей. Кругомъ, вѣроятно, въ ожиданіи насъ стояло много прислуги. Намъ указали, куда идти, и мы очутились подъ навѣсомъ, на одной сторонѣ котораго висѣла толстая драпировка. Поднявши её, мы столнулись лицомъ къ лицу со старикомъ-евнухомъ, который молча показалъ намъ жестомъ, по какому направленію слѣдовать далѣе. Дворъ, открывшійся предъ нашими глазами, былъ довольно большой, ровно выложенный камнями и очень чистый. Впереди возвышался домъ съ

¹⁾ Имена женщинъ.

окнами изъ цѣльнаго стекла, съ балкончикомъ, съ спускающимися съ него по обѣ стороны ступенями; по бокамъ—стѣны, позади—стѣна, около которой, точно статуя, стоялъ егнухъ, и не то сонливо, не то съ тоской смотрѣлъ на дворъ, на стѣны и на насъ. Мы сдѣлали только нѣсколько шаговъ, и на насъ пахнуло другой жизнью...

Намъ было хорошо: мы пришли сюда какъ въ театръ, посмотреть на представленіе, а каково этимъ несчастнымъ вѣчно сидѣть за толстыми стѣнами, не слышать даже уличнаго шума, не имѣть понятія о той жизни, которой живемъ мы! Около крыльца насъ встрѣтила женщина, завернутая въ ситцевую чадру, держа мальчика лѣтъ трехъ за руку. Передъ нимъ мы раскланялись, какъ передъ ханомъ, сыномъ хозяина дома. Прислужница повела насъ на балконъ, на которомъ стояли десятки кожаныхъ безпятыхъ женскихъ туфель. Дверь вела въ довольно большую, свѣтлую комнату; на полу въ ней, поджавши ноги, сидѣло нѣсколько женщинъ, судя по костюму, прислужницъ. Въ одномъ углу на серебряномъ подносѣ, уставленномъ посудой, кипѣлъ самоваръ, и около него—мужская фигура. На встрѣчу намъ поднялась женщина въ шелковой полосатой чадрѣ, накинутой на плечи. Она любезно протянула намъ одну руку, придерживая другой полы чадры, который, несмотря на ея стараніе, непослушно развертывался и показывалъ довольно полныя смуглыя ноги. На ней была юбочка изъ синей шелковой матеріи, вся обшитая серебрянымъ позументомъ и серебряными кружевами; на талии шелковая рубашка—бѣлая гладкая и крупныя розы; поверхъ рубашки бархатная пунцовая кофточка, нескромно расходящаяся на груди, но съ длинными рукавами, тоже обшитая галуномъ. На головѣ былъ накинута небольшой кусокъ бѣлой кисеи, неряшливо оторванный отъ цѣлой штуки, неподшитый, заколотый подъ подбородкомъ булавкой; изъ-подъ него по спинѣ ниспадали длинные волосы, заплетенные въ шестнадцать мелкихъ косичекъ; не знаю, почему избрано для куафюры это число, но такъ, по крайней мѣрѣ, причесываются всѣ персіанки. Кстати сказать, что женщины, которыхъ природа не надѣлила хорошими волосами, выплетаютъ въ свои косы чужія, которыя въ такомъ случаѣ называются арііэ, т.-е. взятыя на храненіе. Изъ-подъ тонкой, сквозной сорочки рельефно выдѣлялись формы, къ сожалѣнію, некрасивыя. Надобно, однако, отдать справедливость, что и у этихъ полу-диваровъ есть свои достоинства и прелести: маленькія, красивые ноги и руки и природная грація, которой позавидовала бы не одна изъ европейскихъ красавицъ. Лицо у хозяйки было круглое, смуглое, румяное, съ большими черными продолго-

ватыми глазами, небольшой ротъ съ розовыми губами, и—что болѣе всего бросалось въ глаза—при разговорѣ и улыбкѣ показывались ровные красивые, блестящей бѣлизны, зубы. Каждая часть лица, отдѣльно взятая, была безспорно хороша, въ общемъ же назвать нашу новую знакомую красавицей или даже хорошенькой было нельзя: теряла она болѣе всего оттого, что, о чемъ бы она ни говорила, какъ бы ни оживлялась, глаза спокойно и безстрастно переходили съ одного предмета на другой, на лицѣ не отражалось ни малѣйшаго оттѣнка душевнаго движенія. Послѣ первыхъ обычныхъ словъ пріѣтствія она ввела насъ въ комнату, устланную ковромъ. Ближе къ окнамъ стояло маленькое возвышеніе, покрытое красивой синей скатертью решети (рештской работы: вышивка шелкомъ въ тамбурѣ). Кругомъ возвышенія на полу лежали четыре подушки — толщиною въ четверть, длиною въ полтора аршина, шириной въ полъ-аршина; изъ трехъ изъ нихъ, въ видѣ спинокъ, были устойчиво прислонены также подушки, покрытыя тюлевыми накидками, — что выходило очень красиво, благодаря цвѣтной подкладкѣ. Въ углу стоялъ ломберный столикъ, уставленный бездѣлушками: стеклянными цвѣтными вазочками, корзиночками, лампами и пр. Прямо противъ двери — каминъ, на каминѣ — опять бездѣлушки и три фотографическія карточки хорошенькихъ женщинъ, должно быть французскихъ актрисъ. Направо отъ двери висѣла довольно хорошая олеографія, изображающая сильное деволътѣ. На полу лежалъ чудесный коверъ, стѣны отдѣланы по-европейски — обоями. Для насъ откуда-то принесли стулья; сама хозяйка тоже сѣла на стулъ, но по ея движенію видно было, что она дѣлаетъ это не особенно часто. Меня очень занимало упомянутое выше возвышеніе, и я стала присматриваться. Назначеніе его скоро выяснилось. Женщины садились на подушки, протягивали ноги подъ возвышеніе, — это оказался низенькій столикъ, подъ которымъ стояла жаровня, мангалъ, съ раскаленными углями, — прикрывались скатертью до колѣнъ и такимъ образомъ согрѣвались. Въ особенно холодные дни скатерть, или одѣяло, доходить до шеи; персъ умѣетъ такъ устроиться подъ этимъ прикрытіемъ, что не чувствуетъ себя ничуть стѣсненнымъ и продолжаетъ работать, писать и пр. Весь незатѣйливый приборъ для согрѣванія называется: курси. Во время нашихъ разговоровъ вошелъ сынъ хозяйки, и одна изъ дамъ, бывшихъ со мною, подала ему привезенный калейдоскопъ, показавши предварительно, какъ слѣдуетъ съ нимъ обращаться. Я просто не могла удержаться отъ смѣха, когда мать, увидѣвъ игрушку въ рукахъ сына, прекратила съ нами бесѣду, подозвала

его къ себѣ и съ любопытствомъ стала разсматривать подарокъ. Пока мы сидѣли, красавицы изъ слѣдующей комнаты осторожно разсматривали насъ изъ-подъ своихъ покрывалъ. Косой евнухъ, съ испитымъ желтымъ лицомъ, сначала заглядывалъ чрезъ дверь, а потомъ безцеремонно вошелъ въ комнату, помѣстился противъ насъ и уставился въ упоръ: когда мы смѣялись, и онъ глупо улыбался. Присутствіе этого уroda раздражало меня, но къ счастью хозяйка дала ему какое-то приказаніе, и онъ удалился. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ продолговатый столикъ, покрытый суконной, шитой шелками, скатертью, потомъ подносъ съ четырьмя хрустальными вазами: неизбѣжныя шірини — сладости. Въ одной вазѣ лежали тонкіе кружки величиной съ чайное блюдо; это было что-то шоколадное; въ другой были грецкіе орѣхи, вылущенные, залитые сахаромъ; въ третьей — бѣлыя лепешечки, формой похожія на наші мятныя, только толще, съ пустой серединой, вкусъ очень пріятный, но трудно уловимый, потому что быстро таютъ; наконецъ, въ четвертой было что-то невкусное изъ тѣста, очень легкое на вѣсъ, по виду и цвѣту напоминающее сильно ноздреватыя губки, употребляемыя для купанья. Потомъ подали чай въ рюмкахъ съ ручками; рюмка стояла на стеклянномъ блюдцѣ, а послѣднее на серебряномъ подносиѣ; на блюдцѣ — ерохотная, точно кувольная, ложечка. Едва успѣли разнести всѣмъ лакомства и чай, какъ сейчасъ же приняли обратно, не давши намъ попробовать какъ слѣдуетъ и угоститься. Чай до того противенъ, что я едва могла пить, и то только благодаря тому, что въ рюмкѣ было не болѣе трѣхъ небольшихъ глотковъ. Персидскій чай обладаетъ какимъ-то отвратительнымъ запахомъ затхлости, и намъ, русскимъ, онъ кажется положительно невозможнымъ. Притомъ персы любятъ чай очень крѣпкій и до приторности сладкій, почти сиропъ; гостю же подають, не сообразуясь съ его вкусомъ.

Разговоръ между тѣмъ оживился: хозяйка стала разспрашивать бывшую съ нами даму, ея старую знакомую, почти свободно говорящую по-персидски, кто мы такія, замужемъ или нѣтъ. Отвѣтивши на всѣ вопросы, спутница, указавъ на меня, добавила: „это ханумъ-хакимъ“ (т.-е. докторъ). „Хакимъ!“ — повторила на-распѣвъ хозяйка и съ любопытствомъ посмотрѣла на меня. Потомъ бесѣда коснулась красоты. Мы, насколько могли изящно, сказали на этотъ счетъ любезной хозяйкѣ комплиментъ. Польщенная ференгійскими ханумъ, она начала жеманиться: „Что вы! развѣ я хороша! вотъ гости ко мнѣ пріѣхали, — лузаво подмигнула она, — очень красивыя“, и позвала ихъ намъ на по-

казъ. На зовъ, важно переваливаясь и таща по полу свои чадры, вошли двѣ персіянки, обѣ средняго роста: одна очень толстая, съ круглымъ пріятнымъ лицомъ, уже пожилая; другая моложе, худощавая, съ продолговатымъ окладомъ лица, густыми черными сходящимися бровями, маленькимъ ртомъ, который все время, пока мы сидѣли въ гаремѣ, былъ широко открытъ, точно ей было тяжело дышать. Хозяйка сейчасъ же доложила, что я хакимъ, и онѣ выразили намѣреніе лечиться. Другой евнухъ подаль кальянъ, съ которымъ произошла обычная церемонія: хозяйка предлагала его гостямъ, гости—хозяйкѣ, которая, наконецъ, нѣсколько поманерничавъ, взяла и стала съ наслажденіемъ затягиваться. Мы попросили показать намъ остальное помѣщеніе эндеруна, на что хозяйка сейчасъ же любезно согласилась, и мы двинулись по ея стопамъ. Пройдя рядъ пустыхъ комнатъ безъ всякихъ признаковъ мебели и обстановки, хотя восточной, т. е. разной формы и величины тюфяковъ и подушекъ, мы поднялись по лѣстницѣ и, миновавъ еще одну пустую комнату, вступили въ апартamente, который производилъ впечатлѣніе жилого. Отъ стѣны до стѣны тянулись деревянные полки, на которыхъ навалены были кожаные мѣшки, ящики съ сургучными печатями,—должно быть, посылки. Посреди комнаты стоялъ маленький, низенькій столикъ, очень красивой мозаики-хатэмъ; на немъ серебряная чернильница, песочница, бумага и какая-то книжка. На окнахъ фигуры съ очень открытыми формами. Описанную комнату, судя по тому, что хозяинъ дома состоитъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, можно принять за его черный рабочій кабинетъ или кладовую,—странно только, какъ она могла очутиться на женской половинѣ, потому что сейчасъ же непосредственно шла гостиная хозяйки, довольно большая, устланная ковромъ, лучше всѣхъ видѣнныхъ нами.

Стѣны оклеены голубыми подъ бархатъ обоями съ золотымъ багетомъ, карнизъ свѣтло-шоколаднаго мрамора, мраморный же каминъ съ чугунной рѣшеткой; по стѣнамъ висѣли олеографіи; на полу лежалъ тюфякъ, покрытый полосатымъ тибомъ, на который и усѣлась хозяйка со своими гостями; намъ же подали стулья. Опять поставили столъ съ лакомствами и началось угощеніе. Хозяйка брала руками, мала нѣкоторыя сладости въ комокъ, вѣроятно для того, чтобы удобнѣе было положить побольше въ ротъ, и подавала намъ съ улыбкой. Отказываться было невозможно и ѣсть приходилось съ опасеніемъ и отвращеніемъ. Несмотря на декабрь мѣсяцъ, принесли необыкновенной величины груши—гуляби, замѣчательно вкусныя. Тутъ же я ѣла въ пер-

вый разъ сладкіе, очень большіе апельсины; вообще же этотъ фруктъ въ Персіи кисловатый.

Упитываясь разными сладостями, персіанки развеселились; разговоръ оживился. Главною тѣмою были болѣзни. Одна изъ ханумъ—худенькая, обратилась ко мнѣ и стала просить помочь ей; протянула руку для слушанія пульса и начала выкладывать свои недуги: „горло болитъ, грудь болитъ, кашляю, спать не могу“... Хотя моею спеціальною были исключительно женскія болѣзни, но я была нѣсколько знакома со всѣми несложными, болѣе обыкновенными, болѣзнями, и взяла на себя смѣлость осмотрѣть пациентку. Въ горлѣ оказалась страшная краснота, миндалевидныя глады, железы величиною въ грецкій орѣхъ. Тутъ объяснилась причина, почему она сидѣла все время съ открытымъ ртомъ: насморкъ и гланды мѣшали правильному отправленію дыханія. Болѣзнь эта меня нисколько не удивила, потому что въ зимнее время рѣдко можно встрѣтить перса, не страдающаго кашлемъ, горломъ и, въ особенности, насморкомъ; послѣдній доходитъ иногда до ужасающихъ размѣровъ и все-таки не считается серьезной болѣзnią. Мудрено было бы, еслибы персы ничѣмъ подобнымъ не страдали: дома строятся такъ, что по-неволѣ будешь нездоровъ! Зимой жгутъ дрова въ бухари—нѣкоторое подобіе нашего камина; благодаря дороговизнѣ дровъ, которыя, какъ и уголь, вывозятъ изъ мазандеранскихъ лѣсовъ, они съ успѣхомъ замѣняются каменнымъ углемъ, залежи котораго встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, но особенно богатыя въ Саучбулакѣ. Богачи, однако, съ недовѣріемъ относятся къ послѣдняго рода топливу и для сохраненія своей важности продолжаютъ обходиться дровами. При отопленіи бухари, имѣющей прямую пролетную трубу въ крышу, почему при малѣйшемъ вѣтрѣ комната наполняется дымомъ и—тогда хоть вонъ бѣги!—никогда нельзя достигнуть равномерной температуры: въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ бухари, холодно, въ ближайшихъ—тепло; поэтому, чтобы согрѣться какъ слѣдуетъ, нужно помѣститься противъ самаго огня.

Женщинъ, благодаря ихъ костюму, можно считать полунагими. Сидя около бухари, онѣ нагрѣваются, и, когда является надобность выйти въ холодныя комнаты или на дворъ, не принимаютъ никакихъ предосторожностей, выходятъ не прикрываясь, развѣ набросятъ на плечи вовсе не плотную чадру. Нечего поэтому удивляться, что онѣ болѣютъ; можно только изумляться ихъ крѣпкой и выносливой натурѣ, что онѣ не простуживаются на смерть. Но этого еще мало. Она пріютилась подъ одѣяломъ

—курси и тянетъ кальянъ. Въ такомъ сладкомъ бездѣльи ее застаешь время намаза — молитвы, и тутъ ужъ, хочешь—не хочешь, надо отправляться на дворъ и совершить предписываемое закономъ омовеніе. При каждомъ домѣ обязательно есть хоузъ — бассейнъ, наполняемый водой. Въ немъ моютъ посуду, употребляемую для ѣды, грязныя тряпки, словомъ, всякія нечистоты; но это нисколько не мѣшаетъ изъ этой же воды наполнять кальянъ для куренія и этой же водой совершать омовеніе. Несмотря ни на какую погоду, снимаютъ обувь и холодной грязной водой обтираютъ ноги, руки по локоть, голову и полощутъ ротъ. И все это кончается только насморкомъ! Невольно вѣришь, что велика милость Аллаха къ его правовѣрующимъ...

Осмотрѣвши свою больную, чтó я могла ей сказать? Прежде всего, конечно, запретить злоупотреблять огнемъ, но это невозможно: не сидѣть передъ огнемъ, значитъ лишиться высшаго наслажденія. Я обѣщала ей дать лекарство для полосканія горла и для смазыванія груди и горла, рассказала, какъ надо дѣлать то и другое, и просила, чтобы она или прислала за нимъ завтра, или пріѣхала ко мнѣ сама. Персіянка очень обрадовалась, что я могу ее вылечить, и принялась упрашивать, чтобы я дала бы ей такого лекарства, отъ котораго она въ три мѣсяца — не позже — располнѣла бы такъ, „какъ эта ханумъ“; при этомъ она указала на безобразно-толстую персіянку въ послѣднемъ періодѣ беременности. Я очень удивилась такому желанію, а она продолжала приставать ко мнѣ. Наконецъ, даже разсердилась и, обратившись въ моей спутницѣ, стала ей съ горечью выговаривать: „Что это она не даетъ лекарства? Она думаетъ, что мы ей не заплатимъ? Мы и сто, и двѣсти тумановъ дадимъ, и пишкешъ принесемъ (подарокъ)!“ Не мало труда стоило моей спутницѣ объяснить ей, что лекарствъ я съ собой не ношу, но что дамъ ей, если она придетъ ко мнѣ. Рѣшено было, что послѣ-завтра я буду ждать больныхъ. Испытаніе моихъ знаній этимъ, однако, не окончилось. Другая гостья, не глядя на меня, протянула руку и лѣнивымъ голосомъ сказала: „На-ка, пощупай и узнай: мальчикъ у меня будетъ или дѣвочка“... Я напрасно старалась объяснить ей, что по пульсу этого узнать нельзя, что я—не Аллахъ всевѣдущій. И не гадала я, какъ сильно потеряла въ глазахъ персіянокъ неувереніемъ солгать во время и впадать. Онѣ, кажется, съ этой минуты рѣшили, что я не хакимъ, ничего не знаю, — и ожиданіе ихъ визита послѣ-завтра было напрасно. Разговоръ нашъ былъ прерванъ небольшимъ шумомъ въ сосѣднихъ комнатахъ: на порогъ появился евнухъ и доложилъ, что хозяинъ дома идетъ

къ своей „Лунѣ“. Луна немного оправилась, свернула кисейный головной платочекъ въ комокъ и закрыла имъ ротъ, раздвинутый въ сладкую улыбку. Гости нажинули чадры и только глаза остались открытыми. Вошелъ красивый высокій брюнетъ, одѣтый полу-европейски: крахмальная бѣлая сорочка и визитка, поверхъ которой надѣто персидское „сердари“, нѣчто въ родѣ русской поддѣвки, только короче. Онъ любезно раскланялся съ нами и заговорилъ на французскомъ языкѣ разными привѣтствіями, вообще велъ обыденный разговоръ, по временамъ обращаясь къ женѣ съ такими, напр., вопросами: „что вы смѣтаете? что вы такъ смотрите?“ на что она отвѣчала смѣхомъ. Просидѣвъ съ четверть часа, онъ удалился, и мы въ свою очередь стали собираться домой; но хозяйка принялась насъ уговаривать, обѣщая показать комнаты и бирунъ. Не дождавшись нашего согласія, она позвала евнуха и отдала ему какія-то приказанія. Мы поднялись, чтобы идти „дѣлать тамашу“. Пошли въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, т.-е. впереди хозяйка, за нею мы, потомъ гости, къ которымъ прибавилась еще одна, вновь пріѣхавшая, и прислужница.

Мы прошли опять рядъ пустыхъ комнатъ, поднимались и спускались съ крылецъ и добрались, наконецъ, до небольшой площадки въ родѣ нашего балкона, съ которой открывался отличнѣйшій видъ на расчищенный садъ, испещренный переплетающимися дорожками, въ концѣ котораго помѣщалась большая оранжерея, а за ней, далѣе, на ярко-голубомъ небѣ рѣзко выдѣлялись покрытыя снѣгомъ горы. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, горы казались такъ близко, точно граничили съ садомъ! Спустившись отсюда, мы вступили въ оранжерею при домѣ, своего рода зимній садъ. Огромнѣйшая комната, уставленная всевозможными фруктовыми деревьями, — мандариновыми, лимонными, апельсиновыми, съ висющими на вѣтвяхъ плодами, — рѣдкими породами цвѣтовъ, издающихъ тонкій аромат... Стѣны убраны зеркалами, съ потолка спускается фонарь, кое-гдѣ въ беспорядкѣ разбросана мебель. Отсюда дверь вела въ столовую, въ которой давались обѣды европейцамъ. Стѣны увѣшаны картинами; однѣ изображаютъ птицъ, другія — общество, сидящее за столомъ въ костюмахъ прошлаго столѣтія. Непосредственно затѣмъ шла пріемная, роскошь и блескъ которой рѣзали глаза. Мягкая шелковая мебель съ золотой рѣзбой; огромныя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, съ самой причудливой отдѣлкой и купидонами; мраморный каминъ, съ фигурами изъ темной бронзы, часы и замѣчательно красивой работы мраморная ваза для цвѣтовъ. Посрединѣ комнаты люстра съ десятками свѣчъ, небольшое

ивящее пианино, плошки съ зеленью, между которой виднѣлась бѣлая камедя въ полномъ цвѣту. Глядя на эту роскошь, невольно приходило въ голову: для кого и для чего все это? Въ пріемную вошли только мы съ хозяйкой, гости же были оставлены за дверьми; вѣроятно, потому, что эти комнаты принадлежали мужу, и онъ самъ въ нихъ находился. Встрѣтивъ насъ, онъ придвинулъ намъ кресла въ камину и сталъ показывать только-что полученные журналы. Все это время жена, опустивъ голову, смиренно стояла, не вмѣшиваясь въ разговоръ, и, наконецъ, была удостоена милостиваго вниманія мужа, который, насилу догадавшись, разрѣшилъ ей сѣсть. Вотъ жизнь персидской женщины! Она не можетъ сдѣлать ни одного жеста, ни одного движенія безъ позволенія мужа: она въ рукахъ его—статуя, которую онъ передвигаетъ куда захочетъ и какъ захочетъ; взглядовъ своихъ и сужденій въ разговорѣ съ мужемъ она высказывать не можетъ: все, что бы онъ ни говорилъ, она слушаетъ и только монотонно повторяетъ: „бали-бали“,—да, да! Есть, правда, исключенія, но они, кажется, чрезвычайно рѣдки—на десятки тысячъ выпадетъ одинъ примѣръ, и о такихъ женщинахъ говорятъ всѣ отъ мала до велика. За все время моего пребыванія въ Персіи я слышала только о двухъ любимыхъ женахъ шаха, которымъ дана большая свобода высказываться. Рассказываютъ, что одна приобрѣла это право за свой веселый характеръ и крайнее остроуміе: она каждый день имѣетъ что-нибудь новенькое и занимательное сообщить шаху, который въ ней очень это цѣнитъ. Имя этой жены—Анисуд-доулэ, что въ переводѣ значитъ: „другъ государства“; у насъ же по Каспійскому побережью она известна подъ именемъ Анисы Даниловны: такъ окрестили ее наши матросы во время перваго путешествія шаха по Европѣ, — она хотѣла сопровождать мужа повсюду, но, по какимъ-то соображеніямъ, изъ Москвы была возвращена на родину. Про Анисью Даниловну носится масса разныхъ слуховъ: будто она въ бесѣдахъ съ шахомъ, повидимому ничего не значащихъ, много дѣлаетъ добра, въ особенности для гаремныхъ жительницъ; говорятъ, она не разъ избавляла гаремъ отъ евнуховъ, которые черезъ-чуръ деспотически обращались съ женщинами. Другая любимца шаха исключительно занимается дѣлами государства и, какъ рассказываютъ, постоянно ходитъ съ калямдунѣмъ въ рукахъ (калямдунъ—это небольшая коробочка, въ которой помѣщаются чернильница, калями—перья, перочинный ножикъ и ножницы для обрѣзыванія бумаги, короче сказать, походный письменный ящикъ). Но, повторяю, такіе случаи рѣдки. Несмотря на неприглядное положеніе,

женщины стремятся замужъ, причемъ у нѣкоторыхъ это стремленіе доходить до смѣшного. Я, напр., знаю одну персіянку, которая лѣтъ 12 находилась въ услуженіи у европейцевъ; получая жалованье, она скопила себѣ небольшія деньги и въ глазахъ персіянъ считалась даже богатой. Въ продолженіе этихъ 12 лѣтъ у нея, не считая побочныхъ, было 20 мужей. Сначала на ней женились по влеченію сердца, а подъ-конецъ она стала сама вербовать мужей, склоняя ихъ обѣщаніемъ подарковъ и денегъ, чѣмъ истощила накопленный капиталъ. Последнюю попытку пристроиться за довольно хорошаго повара она до сихъ поръ не можетъ вспомнить безъ ужаса. Она приобрѣла его на условіи, что, какъ только онъ женится, она сошьетъ ему шелковый архалукъ. Прошелъ мѣсяць-другой, востюмъ не дѣлался; супругъ принялъ довольно крутыя мѣры; ничего не оставалось, какъ исполнить обѣщаніе: появился архалукъ, но... за нимъ вслѣдъ и отказъ отъ супружеской жизни. До сихъ поръ эта ханумъ не въ силахъ забыть не то, что потеряла мужа, а то, что напрасно потратилась на подарокъ. Несмотря, однако, на этотъ урокъ, всѣ краны (35 коп.) тратятся на мужской персоналъ, и, какъ видно, мысль о сбереженіи для быстро подходящей старости совсѣмъ ея не посѣщаетъ! Такое постоянное исканіе мужа до нѣкоторой степени можно объяснить тѣмъ, что персидскія женщины, привыкшія жить въ постоянномъ повиновеніи, оставаясь однѣ, не могутъ располагать свободой и потому ищутъ себѣ руководителя; во всякомъ случаѣ здѣсь не играетъ никакой роли вопросъ о матеріальной обезпеченности, потому что въ бѣднѣйшемъ классѣ населенія и въ особенности въ деревняхъ персидская женщина, какъ и у насъ, является неутомимой и иногда единственной работницей.

Возвратимся, однако, къ эндеруну, пребываніе въ которомъ окончилось большою неожиданностью. Хозяинъ, замѣтивъ, что стѣсняетъ насъ своимъ присутствіемъ, удалился. Вслѣдъ за его уходомъ послышались звуки музыкальнаго ящика, игравшаго какую-то оперную арію. Воспользовавшись отсутствіемъ хозяина, ханумъ плавно и неслышно вошли въ дверь. Роскошная европейская обстановка комнаты, залитая огнями, звуки ящика какъ-то странно дѣйствовали при взглядѣ на ханумъ, которыя представлялись движущимися фигурами. Услышавъ музыку, собесѣдницы наши нѣсколько оживились и, подошедъ къ піанино, предложили намъ поиграть и потанцовать, какъ въ Френгистанѣ танцуютъ. Мы охотно согласились, ради того, чтобы посмотреть, какое это произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Веселые звуки вальса

и сдѣланный туръ привели ханумъ въ неописанный восторгъ: дружное: машалла! — bravo! — и шелканье чуть не заглушили пианино. Онѣ кинулись другъ къ другу, ухватились за шеи и завертѣлись, подражая намъ. Видя ихъ восторженное состояніе, заиграли персидскіе мотивы; тутъ ужъ онѣ окончательно не могли выдержать: побросали свои чадры, порасправили юбочки, подняли надъ головами сложенные руки, защелкали и заплѣли, дѣлая при этомъ разныя тѣлодвиженія, замѣчательно граціозныя и плавныя. Эта выходка ихъ вызвала въ насъ сильное желаніе видѣть персидскіе танцы подъ аккомпаниментъ мутрибовъ — музыкантовъ. Уходя, мы дали слово быть во второй разъ, только съ тѣмъ условіемъ, если будутъ танцовщицы и персидская музыка, на что хозяйка охотно согласилась.

II.

Я останавливалась съ нѣкоторыми подробностями на обстановкѣ персидскихъ покоевъ по двумъ причинамъ: съ одной стороны, мнѣ хотѣлось указать, какъ незатѣйливо и просто убирается эндерунъ сравнительно съ мужской половиной; съ другой — выставить тотъ фактъ, что въ Персіи искусства, существовавшія цѣлые вѣка, теперь забываются, что предметы мѣстнаго производства съ каждымъ днемъ вытѣсняются издѣліями иностранными, иногда самой плохой работы. Не говоря о томъ, что персы даже въ постройкѣ домовъ начинаютъ отступать отъ прежняго стиля и воздвигаютъ многоугольныя ротонды, давая имъ какое-то нелѣпое названіе „европейской шапки“ — куляхи-ференги, стѣны въ комнатахъ оклеиваютъ обоями (кагызъ — бумага или чить — ситецъ) самыхъ безобразныхъ рисунковъ, которые такъ и рѣжутъ глаза, — напр., по голубому полю золотые разводы и въ нихъ женскія головки. Или того лучше: всю комнату, не исключая и потолка, оклеиваютъ иллюстраціями русскими и англійскими; причемъ не особенно заботятся объ изяществѣ: гдѣ-нибудь торчитъ голова политическаго дѣятеля съ отрѣзаннымъ носомъ, для котораго не достало мѣста; тамъ умѣстилась только задняя часть туловища льва, и пр. Между прочимъ въ такомъ родѣ изукрашенъ одинъ замокъ въ боковомъ зданіи шахскаго загороднаго дворца Ипрет-абаръ (менѣе версты отъ Тегерана). Чаше другихъ встрѣчаются картины послѣдней русско-турецкой войны изъ „Всемирной Иллюстраціи“ Гоппе.

Нѣкогда въ большемъ ходу была лѣпная работа, такъ-

называемая гячъ-кари, въ высшей степени красивая: стѣны покрывались всевозможными гирляндами и букетами цвѣтовъ. Какъ бы ни былъ мелокъ рисунокъ, онъ дѣлался отъ руки и замѣчательно быстро. Потолку придавался иногда видъ сталактитовъ. Въ такомъ родѣ есть роскошнѣйшая зала во дворцѣ одной принцессы, который вмѣстѣ съ окружающимъ его громаднымъ садомъ извѣстенъ подъ именемъ „Багы-фирдоусъ“ — райскаго сада (верстахъ въ десяти отъ Тегерана, къ Шемранскимъ горамъ).

Иногда стѣны отдѣлывались мелкой зеркальной инкрустаціей — айнэ-кари, или выкладывались изразцами, которые, — вмѣстѣ взятые, — составляли картины самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ — охоты, свадьбы, войны и пр. Въ настоящее время все это такъ или иначе заброшено. Изразцы превратились въ мали-кадимъ — старинныя вещи, усердно выламываются и продаются предприимчивымъ французамъ и англичанамъ, которые, на мѣстѣ платы сравнительно недорогого, сбываютъ ихъ на европейскихъ рынкахъ за страшную цѣну.

Оригинальные картоны (сапахъ или варахъ) историческаго содержанія (самые излюбленные: царь Соломонъ, Шахъ-Аббасъ, встрѣча Бехрамъ и Гуленданъ, Хосровъ и Ширинъ), портреты очень тонкой акварели, украшавшіе когда-то стѣнные ниши (такчэ), уступили мѣсто самымъ плохимъ олеографіямъ и лубочнымъ картинкамъ, которыя можно встрѣтить въ жилищахъ даже и важныхъ людей.

Наконецъ, ковры, которыми Персія приобрѣла себѣ всесвѣтную славу и которые составляютъ главную принадлежность персидскаго дома, и тѣ понемногу начинаютъ утрачивать свой первоначальный характеръ. Правда, они и теперь ручной работы и очень прочны, но цвѣта быстро линяютъ, потому что прежде для окраски шерсти и шелка употреблялись мѣстныя вещества, теперь же ихъ привозятъ изъ Европы и гораздо хуже. Говорятъ, что ввозъ красивыхъ веществъ былъ нѣсколько разъ запрещаемъ правительствомъ, но безуспѣшно. Въ Тегеранѣ существуетъ контора Циглѣра (имѣетъ агентовъ въ Рештѣ и Исфаганѣ), которая занимается скупкою ковровъ старой работы и даетъ большіе заказы на ковры по своимъ рисункамъ (главнымъ образомъ въ Султанъ-Абадѣ).

Въ виду всего вышесказаннаго, чисто персидскую обстановку можно встрѣтить у людей средняго и низшаго сословія, которые дорожатъ наслѣдіемъ предковъ, и у такихъ изъ высокопоставленныхъ, которые безъ отвращенія не могутъ произнести слова:

„ференги“ и съ такимъ же чувствомъ относятся ко всему европейскому.

Иностранныя произведенія, проникающія въ эндерунъ, измѣняютъ какъ фizioномію его самого, такъ и его обитателей. Въ высшей степени странно, напр., видѣть ханумъ, порядкомъ не умѣющую обращаться со стуломъ, украдкой одѣвающую даже европейскій костюмъ, сидящую передъ столикомъ, уставленнымъ бездѣлушками, которымъ мѣсто въ будуарѣ какой-нибудь велико-свѣтской дамы, рядомъ съ глиняными фигурами, которыя на нашихъ мелкихъ ярмаркахъ продаются для крестьянскихъ ребятшекъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго визита мы получили черезъ евнуха приглашеніе — пожаловать на завтракъ въ девять часовъ утра. На возраженіе, что это слишкомъ рано, посланный замѣтилъ: „ханумъ такъ къ вамъ расположена и такъ желаетъ васъ видѣть, что лучше, если принесете благородство ваше поранѣе: больше просидите, чѣмъ доставите ей много удовольствія“. Въ назначенный день мы опять приподнимали портьеру, ведущую въ эндерунъ, опять ступали на гладкіе камни двора, — все было по прежнему, нарушалась только невозмутимая въ другое время тишина: издали раздавался дѣтскій голосъ, стройно выкрикивающий что-то подъ не менѣе стройные удары бубна. Въ первой комнатѣ, гдѣ мы раздѣвались, насъ встрѣтила служанка; хозяйка же на этотъ разъ не показывалась, надо полагать, для большаго эффекта. Когда мы вошли въ комнату хозяйки, картина дѣйствительно была въ своемъ родѣ чудесная. Сама она, вся въ прозрачномъ одѣяніи, возсѣдала на тюфакѣ; нагѣво отъ нея, вдоль стѣны, поджавши ноги (дузану), сидѣли пестрыя ханумъ; посреди комнаты, какъ разъ противъ хозяйки, помѣстились мутрибки — пѣвицы и танцовщицы, вооруженныя бубнами и другими инструментами; въ небольшомъ кружкѣ, который такимъ образомъ образовали женщины, маленькое созданіе въ безконечныхъ юбочкахъ выдѣлывало страшныя сальто-мортале, сопровождая ихъ всевозможными возгласами. Въ первый моментъ я даже не разобрала, человѣкъ это или одѣтая обезьяна, — до того всѣ движенія кувырившагося ребенка были быстры, тѣло принимало такія удивительныя положенія, такъ сильно изгибалось, что трудно было повѣрить, чтобы всѣ сказанныя эволюціи принадлежали семилѣтнему ребенку. Когда мы приблизились къ хозяйкѣ, по ея знаку музыка смолкла, и маленькая танцовщица перестала кривляться. Начались неизмѣнныя привѣтствія: „Каковы благо-

родныя обстоятельства? толстъ-ли вашъ носъ?“ Хозяйка отвѣтила намъ: „слава Богу“ и тѣмъ самымъ показала, что она считаетъ насъ равными себѣ. Еслибы мы были выше ея по положенію, она не преминула бы сказать: „Благодаря вашему вниманію... (хороши)“; наконецъ, еслибы она вздумала унижить насъ, то замѣтила бы: „Богъ васъ да хранить!“

Не успѣли мы порядкомъ осмотрѣться, какъ принесли чай, сласти и фруеты,—все это ставили частью на столикѣ, частью размѣщали прямо на полу. Ханумъ, въ числѣ ихъ и сама хозяйка, не боясь испортить себѣ аппетита, сдѣлали честь всѣмъ принесеннымъ ширини, усердно уговаривали насъ послѣдовать ихъ примѣру и очень удивлялись, получая отказъ. Бесѣда нашей, прерванной такимъ образомъ въ самомъ началѣ, не суждено было возобновиться, потому что не успѣли еще ханумъ послѣ сладкаго облизать губы, какъ избранныхъ пригласили къ столу; большая же часть осталась на своихъ мѣстахъ и только приподнялась немного со словомъ „ялла!“ (о, Боже!), когда мы, съ хозяйкой во главѣ, направились къ столовой.

Завтраки и обѣды у персовъ происходятъ обыкновенно на полу. Сверхъ ковра разстилается валенкоровая или ситцевая скатерть; всѣ усаживаются, поджавши ноги, и начинаютъ поглощать приносимое, не прибѣгая къ ножамъ и вилкамъ. Благодаря привычкѣ, пальцы у нихъ дѣйствуютъ замѣчательно ловко даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подаются жидкія блюда. Персы говорятъ, что кушанья, когда берутся прямо пальцами, несравненно пріятнѣе, и приводятъ извѣстное выраженіе нынѣ царствующаго шаха: „вкусъ начинается съ оконечностей пальцевъ“. Кухня персидская довольно разнообразна, но любимымъ и непремѣннымъ кушаньемъ служить пловъ — рисъ съ масломъ и разными приправами, по которымъ онъ и носитъ различныя названія. Какъ высоко персіане ставятъ пловъ, можно заключить уже изъ того, что у одного изъ поэтовъ — Абу-Исхасъ-Халляджа-Ширазскаго, который всю жизнь свою вдохновлялся исключительно разными яствами, онъ изображенъ въ видѣ шаха, который съ прочихъ блюдъ принимаетъ подать, съ непокорными ведетъ опустошительныя войны и въ концѣ концовъ ихъ побѣждаетъ. Поражаетъ въ персѣ любовь къ зелени. Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ сосѣди или сосѣдка отрывали отъ редиски листки, съ удовольствіемъ проглатывали ихъ, а самый корень клали обратно. Ъдятъ всякаго рода травы; люди попроще не пренебрегаютъ даже листьями нѣкоторыхъ древесныхъ породъ и смакуютъ ихъ точно лакомое блюдо. Необходимымъ спутникомъ зелени служить мѣстный

сыръ—паниръ, очень напоминающій собою румынскую брынзу. Любовь къ этимъ двумъ предметамъ доходить до того, что персы послѣ сладкаго и конфетъ французскаго кондитера Превѣ ѣдятъ огурцы и старый салатъ, моча его въ подслащенномъ уксусѣ, а сыръ обязательно прикусываютъ, *roug la bophe bouche*, послѣ каждаго блюда и, что всего страннѣе, мѣшаютъ его съ фруктами—дынями, яблоками и даже съ вареньемъ.

Блюда подаются прислужниками, которые ступаютъ по сватерти ногами, обутыми въ грязные чулки, и нисколько не заботятся проходить осторожнѣе, такъ что, поднося блюдо одному, другому и наклоняясь на колѣни, попадаютъ въ тарелку одеждой, иногда очень сомнительной чистоты.

Въ домахъ богатыхъ, если присутствуютъ европейцы, столъ сервируютъ великолѣпно. Въ такомъ случаѣ завтракъ или обѣдъ, если только онъ не официальный, а для друзей,—представляетъ неистощимый запасъ для наблюдений. У всѣхъ персіанъ замѣчается страшное желаніе подражать ференги и представлять собою людей, издавшихъ свѣтъ и знающихъ приличія. Вида, напр., что европейцы пьютъ за здоровье другъ друга, персы продѣлываетъ то же самое: поднеся ко рту рюмку съ виномъ, если не пьющій—съ шербетомъ, вмѣсто „селяметіи шума“ (за ваше здоровье), сладко улыбаясь, съ апломбомъ скажетъ по-французски „merci“, и тутъ же, послѣ французской любезности, рыгнетъ на весь столъ букетомъ луку и чесноку. Такія орудія, какъ ножъ и вилка, доступны очень немногимъ; большая часть становится въ тупикъ, какъ власть и какъ ѣсть подаваемое блюдо; особенно бываетъ имъ трудно, когда подается мелкая дичь. Только опасеніемъ за неумѣніе совладать съ ножомъ и вилкой можно объяснить, почему персіане, во всякое другое время обладающіе болѣе чѣмъ хорошимъ аппетитомъ, сидя за столомъ съ европейцами, ѣдятъ очень мало и берутъ кушанья только для приличія.

Завтракъ, данный намъ въ эндерунѣ, былъ—вопреки заранѣе заявленному нами желанію—по-европейски. Прислуживали довольно умѣло евнухи и горничная. Все время царило молчаніе, которое только изрѣдка нарушалось словами хозяйки:

— Какъ вамъ это нравится? Хорошо ли приготовлено? Кушайте пожалуйста еще!..—Хозяйка, потѣшавшаяся надъ своими дѣтymi, которыя не умѣли себя хорошо держать за столомъ, во многомъ на нихъ походила. Послѣ первой же неудачной попытки прибѣгнуть къ помощи вилки и ножа она, да и всѣ ханумъ, дали полную волю рукамъ. Въ затруднительныхъ случаяхъ на

помощь призывался евнухъ, который и раздавалъ всѣмъ женщинамъ порціи.

Вино отсутствовало, хотя у приборовъ стояли рюмки и даже бовалы. На предложеніе хозяйки приказать подать какого намъ угодно, мы отказались, не желая отдѣляться отъ другихъ гостей.

Съ позволенія хозяйки мы встали изъ-за стола послѣ 5—6 блюдъ: досидѣть до конца было бы очень утомительно, потому что чѣмъ богаче персь, тѣмъ обширнѣе число блюдъ, доходящее иногда до 15—18, а въ нѣкоторыхъ домахъ къ тому же существуетъ обыкновеніе послѣ каждаго блюда подавать кальянъ. Омывъ руки изъ принесеннаго афтабъ-лэгенъ (тазикъ съ ручной мойникомъ), мы перешли въ большую гостиную, гдѣ намъ предложили черный кофе и кальянъ, и гдѣ должны были состояться танцы.

Условія затворничества, въ которыя поставлена жизнь персидской женщины, выработали и музыку, присущую только эндеруну. Вотъ почему наряду съ мутрибами-мужчинами существуютъ мутрибы-женщины, которыя въ искусствѣ нисколько не уступаютъ первымъ. Мутрибы въ полномъ составѣ носятъ названіе: дэстэ, чтó мы, за неимѣніемъ другого слова, должны передать словомъ: „оркестръ“. Это дэстэ рѣдко заключаетъ въ себѣ болѣе 8—10 человѣкъ, которые вооружены слѣдующими инструментами:

1) Кеманчэ — въ общемъ напоминаетъ собою виолончель, только въ миниатюрѣ, такъ что, когда женщина сидитъ на колыняхъ, грифъ едва достигаетъ плеча.

2) Чогуръ или чаръ — нѣчто среднее между нашей балалайкой и гитарой.

3) Сантуръ — еврейскія цымбалы: по 90 металлическихъ струнамъ бьютъ тоненькими палочками; по виду походитъ также на цитру.

4) Нагорэ — болѣе всего приближается къ нашимъ литаврамъ: — два маленькихъ барабана разныхъ тоновъ.

5) Думбэкъ — родъ барабана (двусторонній, неравныхъ окружностей), держится подъ лѣвой мышкой.

6) Даирэ — бубень большихъ размѣровъ, иногда увѣшанный мелкими бубенчиками. Звукъ, какъ и въ предшествующемъ инструментѣ извлекается пальцами обѣихъ рукъ.

7) Піялэ — не что иное, какъ два чайныхъ блюдечка, по краямъ которыхъ въ тактъ пѣсни ударяютъ палочками.

Такимъ образомъ, въ составъ дэстэ совсѣмъ не входятъ инструменты духовые, хотя у персіанъ существуетъ нѣчто въ родѣ нашего рожа или желейки.

Иногда въ оркестрѣ нѣкоторые инструменты бываютъ въ двухъ и трехъ экземплярахъ, особенно даирэ, изъ всѣхъ самый излюбленный, который обязательно имѣется въ каждомъ домѣ и на которомъ замѣчательно искусно играютъ всѣ женщины. Персидскія картины, на которыхъ изображены мутрибы, говорятъ за то, что еще въ очень недалекое время, кромѣ перечисленныхъ инструментовъ, были въ Персіи и другіе, которые теперь совсѣмъ не въ употребленіи.

Музыканты (сазъ-зэнъ)—въ то же время и пѣвцы (авазъ-ханъ). Они поютъ всѣ сразу, но тихо, выдается только голосъ запѣвалы (авазъ-кэшъ); роль эта не принадлежитъ исключительно одному избранному лицу, а переходитъ отъ одного послѣдовательно въ другому, по мѣрѣ того, какъ поющій устаетъ или начинается новая пѣсня. По большей части первая очередь „тянуть голосъ“ (запѣвать) принадлежитъ играющему на сантурѣ. На запѣвалу смотрѣть отвратительно: онъ до того кричитъ, что ротъ принимаетъ какую-то безобразную форму, всѣ жилы шеи напрягаются до невозможности, глаза наливаются кровью, голова трясется въ тактъ трелямъ. Не нужно думать, чтобы усилія эти происходили отъ недостатка голоса: голосовыя средства у всѣхъ очень сильныя,—просто дурно усвоенная манера. Пѣвцы, кажется, сами сознаютъ свое безобразіе во время пѣнія, почему стараются скрыть лицо отъ публики: они или закрываютъ его инструментомъ, если это возможно, или повертываютъ голову сильно въ сторону.

Мутрибы-женщины производятъ, вообще, непріятное впечатлѣніе и нѣсколько напоминаютъ нашихъ бродячихъ арфистовъ. Сегодня онѣ поютъ и танцуютъ въ салонѣ какой-нибудь важной ханумъ и ведутъ себя сносно. Завтра онѣ—въ домѣ вдовушки, которая, подъ предлогомъ разогнать тоску, сама кинется въ плясъ, и никому неизвѣстно, что за занавѣской сидитъ возлюбленный, въ которомъ танцы эти разжигаютъ страсти. Въ подобныхъ случаяхъ мутрибки напиваются вина и водки, охлаждаясь по временамъ сикинджебин'омъ (смѣсь сахара, яицъ и уксуса). Въ другой разъ онѣ ночью пробираются въ домъ холостяка и въ бѣшеной оргіи увеселяютъ его, какъ наши цыганки. Или, того лучше, отутятся въ притонѣ армянской ханумъ, которая днемъ занимается продажей вина, а вечеромъ имѣетъ увеселительный пріютъ, куда подчасъ забѣгаютъ на минутное свиданіе мусульманки, сказавши мужьямъ, что идутъ на базаръ или къ знакомымъ. Понятно, что такая жизнь мутрибокъ кладетъ на нихъ свой отпечатокъ...

Женскихъ оркестровъ въ Тегеранѣ очень много, но наиболѣе

извѣстный изъ нихъ содержитъ старушка изъ черныхъ; этотъ оркестръ поетъ и играетъ въ эндерунахъ вельможъ и богатыхъ, съ мутрибками конкурируетъ оркестръ слѣпыхъ (дэстея-курха), который, благодаря слѣпотѣ музыкантовъ, имѣетъ доступъ въ женское жилище ¹⁾. Установленной платы мутрибы не имѣютъ и иногда довольствуются 5 кранами (1 р. 75 к.) ²⁾.

Пѣніе мутрибовъ не производитъ на насъ никакого впечатлѣнія: оно безъ всякаго выраженія, бездушно и монотонно; по временамъ только запѣвало, подскочивъ и подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ, громче заведетъ свою нескончаемую руладу и трели, которыя персъ выводитъ съ большимъ искусствомъ замѣчательно долго; одно какое-нибудь слово онъ въ состояніи переливать на тысячи ладовъ въ продолженіе пяти минутъ minimum. Нѣкоторое подобіе этихъ переливовъ воспроизвелъ А. Г. Рубинштейнъ въ своемъ романсѣ „Зулейка моя“, услыхавъ въ Баку пѣніе мѣстныхъ татаръ. Мотивы въ персидскихъ пѣсняхъ есть, но мелодій очень мало; лучшая изъ всѣхъ мною слышанныхъ, на слова:

Двумя руками обовью твою шею, поцѣлую тебя въ уста...

обработана Глинкою въ оперѣ „Русланъ и Людмила“ въ сценѣ „Фонтанъ Наины“. Замѣтимъ кстати, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Тегеранѣ существуютъ оркестры (изъ персовъ) подъ управленіемъ европейцевъ, мутрибы начинаютъ усваивать европейскіе мотивы. Однажды я была поражена, услышавъ, какъ на думбекахъ, сантурѣ и пр. воспроизводили довольно бойко отрывокъ изъ „Орфея въ аду“ — Оффенбаха.

Что касается пѣсенъ, которыя исполняются мутрибками, то онѣ очень разнообразны, какъ по содержанію, такъ и по внѣшней отдѣлкѣ. Незначительная часть изъ нихъ приближается къ книжнымъ изящнымъ произведеніямъ, а большинство — довольно грубая самодѣльщина, иногда просто наборъ словъ, пересыпанныхъ плоскими намеками и выраженіями, — видно усиліе, во что бы то ни стало, подыскать риму. Преобладающей темой служить любовь, невѣрность милаго и пр. Пѣсни эти сла-

¹⁾ Иногда и мутрибы-мужчины допускаются въ эндерунъ, но въ такихъ случаяхъ ихъ помѣщаютъ въ отдѣльной комнатѣ, такъ что ни женщины ихъ не видятъ, ни они женщинъ. Мутрибокъ же можетъ пригласить всякій, кто пожелаетъ. Въ присутствіи 20—30 мужчинъ на какомъ-нибудь праздничномъ исполнѣ приличномъ собраніи, меджлисъ, онѣ поютъ и танцуютъ, не закрывая лицъ.

²⁾ У мутрибокъ, какъ и у нашихъ цыганокъ, существуетъ обычай во время танцевъ ходить съ аракчинъ (шапочка) для сбора денегъ. Поэтому при наймѣ мутрибокъ всегда заранее договариваются насчетъ сбора аракчинъ: быть ему или не быть.

гаются въ эндерунахъ самими женщинами, и такъ тщательно ихъ охраняются, что только очень немногія сдѣлались достояніемъ мужчинъ. Приводимые мною ниже образцы могутъ дать нѣкоторое понятіе о пѣсняхъ персидскихъ женщинъ.

Распахнула я чадру,
Подняла я рубендъ,
Направилась во дворецъ,
Доложила шаху.
Стали мы бродить,
Лишились мы отца,
Сердце наполнилось кровью,
Жизнь отнята,
День нашъ подобенъ ночи.

Всякій влюбленный за душу свою не боится,
Никогда ни колодезь, ни темницы не боится.
Сердце влюбленного подобно голодному волку,
(Боторый) никогда криковъ пастуха не боится.
Ты листъ винной ягоды, душечка, сердце-похититель!
День въ колодезяхъ, ночь въ цѣпяхъ, душечка, сердце-похититель!

Ужъ сколько лѣтъ я умираю, вслѣдствіе твоего отсутствія:
Твое отсутствіе—мука для сердца.
О, идолъ! не измѣняй своему слову,
Безъ причины со мной не расставайся!
(Какъ) черный базиликъ (мы разсыпаны) по зернышкамъ.
Попадаю отъ руки времени!
Судьба остается въ такомъ положеніи.
Расчесавши черные локоны,
Мой другъ поетъ по-турецки.

Я жертва твоихъ голубыхъ глазъ.
Да не увидитъ мать твоей смерти!
Луръ! умру изъ-за тебя.
Я—жертва твоего черного пятнышка и губъ твоихъ.
Луръ, луръ, ты луромъ былъ,—
Вчера ночью на какихъ могилахъ бродилъ?
Ты (мой) китайскій фарфоръ,
Луръ, умру изъ-за тебя.
Я жертва твоей любви и вѣрности.

Ермолку для моего друга, моей жизни, моей души,
Отдала я шить шахскому портному.
Очень хорошо спилъ онъ, искусно спилъ,—
(Это) поразить сердце моего друга.
Мелкіе, мелкіе камешки здѣсь!
Городъ европейцевъ здѣсь!
Кафтанъ для моего друга, моей жизни, моей души
Отдала я шить мастеру Меркину.

Очень хорошо сшилъ, онъ, искусно сшилъ, и т. д.
 Пальвары для моего друга, моей жизни, моей души, и т. д.

Въ ту ночь, какъ шелъ дождь,
 Другъ мой пришелъ на крышу.
 Отправилась я поцѣловать его уста,—
 Былъ онъ (такъ) нѣженъ, (что) пошла кровь.
 Кровь его закапала на землю,
 Превратилась въ голубя и слѣла на крышу.
 Пошла я взять его перышко,—
 Превратился въ рыбу и ушелъ въ море.
 Тихо, тихо (приходи), Али-Джанъ!
 Меня собою не терзай!
 О, мой стройный кипарисъ!
 О, мой красавецъ!
 О, мой мучитель!

Танцовщицы (разказъ) не надѣваютъ особеннаго костюма, потому что обыденный костюмъ персидской женщины совершенно удобенъ для выдѣлыванія разнаго рода прыжковъ, изгибовъ и быстрыхъ поворотовъ. Поэтому онѣ одѣты въ ту же полу-прозрачную сорочку, коротенькую кофточку, не сходящуюся на груди (зулиджэ), безконечное число юбочекъ, не достигающихъ коленъ (туманъ)¹⁾. Чѣмъ болѣе шуршать²⁾ эти юбочки и чѣмъ горизонтальнѣе онѣ стоятъ, тѣмъ болѣе франтовства. Достигается это разными способами: иногда просто крахмаломъ, иногда скрытой проволокой, а иногда, какъ мнѣ говорили, употребляется особое приспособленіе изъ камышевыхъ тростей, въ родѣ пружинъ нашего зонтика. Затѣмъ бѣлые панталоны почти въ обтяжку (зирджамэ, пальваръ) и короткіе носки (джурабъ). На головѣ бѣлый платокъ (чаркадъ), изъ-подъ котораго выбиваются коски (гису), въ очень рѣдкихъ случаяхъ замѣняемый небольшой шапочкой, плотно прилегающей къ макушкѣ (арагчи'нъ). На пальцы надѣваются позвонки и что-то въ родѣ кастаньетъ (зенгъ и ченгекъ). Лица, какъ у всѣхъ женщинъ вообще, притерты всевозможными снадобьями, брови подведены, наклеены родинки, ногти и ладони выкрашены въ коричневую краску хенной, однимъ словомъ, изукрашены, какъ персіяне выражаются, семью калям'ами или всею

¹⁾ Въ словаряхъ совершенно неправильно переводятъ туманъ словомъ „дамскія панталоны“, „кальсоны“.

²⁾ Персы очень любятъ шуршаніе новаго или накрахмаленнаго платья, и звукъ этотъ выражаютъ словами: „кеш-у-фешъ“.

седьмицей ¹⁾. Коротенькія юбочки танцовщицъ, ихъ узкія панталоны, отчасти напоминающія трико, дѣлають ихъ похожими на нашихъ балетчицъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, Нассръ-эддинъ-шахъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, побывавшій во всѣхъ театрахъ, въ своей книгѣ „Путешествіе по Европѣ“ съ особенной любовью и подробностями останавливается на описаніи нашего балета.

Нужно отдать полную справедливость граціи персидскихъ танцовщицъ и замѣчательному развитію ихъ тѣла: оно въ высшей степени гибко и эластично; особенно поражаютъ бедра, которыя настолько послушны, что женщины могутъ ими шевелить, оставляя въ совершенно спокойномъ положеніи остальные члены.

Особенно славятся въ Персіи танцовщицы-еврейки; но мнѣ пока не довелось ихъ видѣть, и я не могу сказать, чѣмъ собственно онѣ приобрѣли извѣстность. Посмотримъ теперь на самые танцы и замѣтимъ встать, что, когда смотришь на танцовщицъ, не нужно знать содержанія исполняемыхъ при этомъ пѣсень; все понятно по движеніямъ, ужимкамъ и игрѣ фizioномій, какъ въ пантомимѣ, гдѣ не слышишь ни одного слова.

Когда мы перешли изъ столовой въ гостиную, то застали уже тамъ мутрибокъ, которыя готовились къ игрѣ и пѣснѣ, привязывали кастаньеты на крошечныя руки семилѣтней танцовщицы и тихо ударяли въ бубны. Потомъ вдругъ зазвонили бубенчики даирэ, подхватили другіе инструменты и запѣвало неистово затонула. Дѣвочка вылетѣла на средину комнаты, повертывалась нѣсколько разъ въ разныя стороны, озираясь, точно отыскивала кого-нибудь глазами. Затѣмъ подняла надъ головой руки, стукнула въ кастаньеты и какъ бы замерла въ такомъ состояніи, — только юбочка шевелилась такъ, что поднималась то одна ея сторона, то другая. Эта неподвижность смѣнилась порывистыми движеніями, криками, кувырканіемъ черезъ голову. Потомъ ребенокъ сталъ подмигивать однимъ глазомъ другой танцовщицѣ, маня ее рукой и какъ-то особенно перегибаясь всѣмъ тѣломъ. Этимъ танцемъ было выражено ожиданіе возлюбленнаго. Наконецъ, милый пришелъ. Среди мутрибокъ раздался крикъ въ родѣ того, какъ нашимъ собакамъ кричать: „ату его!“ Изъ пѣвицъ выскочила 11-лѣтняя дѣвочка и граціозно и бойко помчалась за маленькимъ созданіемъ, пощелкивая кастаньетами и потопывая ногами. Началась дивная радость, въ которой безъ

¹⁾ Эта седмица слѣдующая: 1) хенна, 2) румяна, 3) бѣлила, 4) сурьма, 5) порошокъ для втиранія на тѣлѣ различныхъ знаковъ, 6) благовонныя вещества и 7) листовое золото.

словъ было понятно все: танецъ въ родѣ канкана подъ звуки веселой пѣсни. Танцующія увлеклись до того, что лица покрылись настоящимъ румянцемъ, подмигивающіе глаза горѣли страстью. Начались поцѣлуи: руки крестообразно складывались на поясищѣ, голова наклонялась назадъ ниже подеолѣннаго сгиба, — все это совершалось тихо, плавно, съ едва слышнымъ бряцаніемъ востаньетъ. Обмѣнявшись поцѣлуями, обѣ такъ же тихо выпрямлялись и снова вихремъ неслись вдоль стѣнъ огромной комнаты. Наконецъ, одна, подпрыгнувъ, на подобіе баллеринъ, высоко отъ пола, махнула головой и руками, точно хотѣла сказать: „мнѣ все равно!“ и всѣмъ тѣломъ рванулась къ мнимому любовнику. Откинутаая назадъ голова съ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ, носъ съ раздутыми ноздрями, туго сжатые губы съ едва замѣтной улыбкой нѣги, нервное вздрагиваніе груди, — все было воплощеніемъ отчаянной страсти. Картина закончилась подъ пѣніе:

Если бы я лежала на землѣ, а мой милый склонился бы ко мнѣ на грудь...

Пѣли вполголоса; звуки неслись точно издали. Танцовщица лежала на полу такъ, что голова приходилась между пяткокъ, руки были раскинуты въ изнеможеніи, усталые глаза были полужакрыты, все лицо выражало пресыщеніе. Въ это время исполнялись пѣсни: воспоминаніе о всемъ видѣнномъ, пережитомъ, пережитомъ.

Этотъ же самый танецъ, вслѣдъ за дѣтьми, былъ воспроизведенъ взрослыми танцовщицами. На дѣтей, которыя, видимо, до тонкостей понимаютъ исполняемыя ими нескромныя фігуры, смотрѣть и непріятно, и жалко, а между тѣмъ видѣнный нами случай совсѣмъ не единичный: ребенокъ обязательно сопутствуетъ мутрибамъ, даже мужчинамъ, только у послѣднихъ роль танцовщицы исполняетъ мальчикъ, переодѣтый во всѣ принадлежности женскаго туалета.

Персидскіе танцы, говоря вообще, поддаются описанію очень трудно; притомъ въ нихъ такъ много циническаго, что, не одобравши подходящихъ словъ, приходится пропускать цѣликомъ до чрезвычайности своеобразныя фігуры.

На ханумъ танцы производятъ сильное дѣйствіе. Онѣ до того увлекаются, что сами подщелкиваютъ, притопываютъ; въ то время, когда изъ устъ танцовщицы вылетаетъ скабрѣзность, онѣ кричатъ: „аджабъ!“ — удивительно, а въ самыя патетическія минуты хотятъ и восторженно говорить: „баракалла“ — браво!

Несмотря на всю легкость содержанія танцевъ, маленькія дѣти и подростки остаются ихъ зрителями, и, такимъ образомъ,

въ самомъ раннемъ возрастѣ знакомятся со всѣми сторонами жизни. Да и удалять ихъ было бы бесполезно при условіяхъ первоначальнаго образованія въ Персіи: какъ только ребенокъ начинаетъ читать, ему даютъ легкіе рассказы и сказки, переполненные любовными похождениями и сальными эпизодами. Слѣдствіемъ этого является то, что ребятишки ходятъ гурьбой по улицамъ и распѣваютъ нецензурные дионирамбы, сложенные ими самолично.

Иногда мутрибки выходятъ изъ области чистыхъ танцевъ. Такъ, онѣ одѣваются въ костюмъ стамбульскій, курдскій, и пр., и стараются подражать той или другой національности (достается и ференги) походкой, ужимками, разнаго рода движеніями, причемъ коверкаютъ слова;—все это отзывается балаганомъ. Иногда танцовщица ставитъ на каждый изъ десяти пальцевъ небольшой стаканчикъ, наполненный водой, и два такихъ же — надъ бровями, закинувъ голову назадъ, и затѣмъ принимаетъ тѣ или другія позы, дѣлаетъ легкіе повороты, даже прыжки,—стаканчики продолжаютъ стоять очень твердо и жидкость не проливается.

Или среди танцевъ мутрибка однимъ пальцемъ приводитъ въ сильное вращательное движеніе круглый большой подносъ и долгое время не допускаетъ его до паденія.

Развлеченія въ этомъ родѣ персіяне называютъ „бази“—игрою. Скажемъ въ заключеніе, что, какого бы рода ни были танцы, они считаются дѣломъ низкимъ (сабукъ—легкимъ), пристойнымъ только мутрибамъ; вотъ почему женщина, мало-мальски съ положеніемъ, чтобы не потерять своего достоинства, никогда не позволить себѣ танцевать открыто (о томъ, что дѣлается тайно, мы здѣсь говорить не будемъ); вотъ почему также персы никогда не приглашаются европейцами на балы или вечера съ танцами: смотря на танцующихъ, нѣкоторые изъ нихъ остаются въ полномъ убѣжденіи, что танцами именно для нихъ устраиваютъ тамаша (зрѣлище).

III.

Выѣздъ персіянокъ изъ дому—я продолжаю говорить о женщинахъ богатыхъ и важныхъ по положенію мужей—совершается съ чрезвычайными предосторожностями. Закутанныя въ чадры, съ опущенными рубендами, онѣ садятся въ карету, на одной подножкѣ которой помѣщается евнухъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другая занимается подобнымъ же строгимъ блюстителемъ нравственности. Появленіе важной персидской ханумъ въ стѣнахъ

европейскаго дома—все чаще и чаще повторяющійся фактъ. Иногда это появленіе бываетъ чисто вынужденнымъ актомъ вѣжливости. Вельможа, разъ раскрывшій свои салоны и эндерунъ для приѣма европейскихъ дамъ, поставленъ въ необходимость разрѣшить женѣ своей знаться съ ними домами. Безъ соблюденія этого условія онъ не всегда можетъ быть увѣреннымъ, что та или другая дама при представившемся случаѣ сдѣлаетъ честь его гостиней. Поэтому „цѣтки эндеруна“ начинаютъ хорошо понимать, что такое значить „считаться визитами“, кому слѣдуетъ дѣлать визитъ первыми, и кому, въ видѣ нѣкоторой милости, „отдавать“. Бываютъ случаи, когда своимъ умомъ персіяне до этого не доходятъ; тогда съ ними не особенно церемонятся: визитъ эндеруна ставятъ условіемъ *sine qua non*... Такое условіе иногда не нравится до нельзя самолюбивому персу, но другого выхода нѣтъ, и его супруга въ одинъ прекрасный день дѣлаетъ визитъ первая. Если ханумъ ѣдутъ въ гости къ европейцамъ, то карета двигается шагомъ, какъ можно тише,—что въ Персіи служить признакомъ особенной важности, тапаххус'а. Европейцы, приготовляясь къ приѣму эндеруна, все мужское сословіе обязательно изгоняютъ на нѣсколько часовъ изъ дому и только въ крайнемъ случаѣ прячутъ въ какое-нибудь отдаленное помѣщеніе; быть же въ томъ домѣ, куда пріѣзжаетъ ханумъ, хотя бы и въ другомъ этажѣ, мужчинамъ не позволено. Былъ такой случай. Когда пріѣхала персидская барыня, евнухъ, отведя ее въ покои и удостовѣрившись, что по близости опасности нѣтъ, спустился для разслѣдованія внизъ. Проходя по комнатамъ, онъ натолкнулся на мужчинъ, которыхъ немедленно же попросилъ удалиться, боясь, что въ потолокъ есть отверстіе, и они увидятъ его госпожу. Евнухъ просилъ уйти, потому что попавшіеся мужчины были люди съ положеніемъ, и крутыхъ мѣръ съ ними принять было нельзя; еслибы это была прислуга, онъ навѣрное прибѣгнулъ бы къ плети.

Одинъ изъ такихъ визитовъ я видѣла лично. Приготовлялись къ нему чисто по-персидски. Безконечное число шербетовъ (сладкихъ напитковъ), лакомствъ, фруктовъ было разставлено на столѣ; тутъ же варился чай, кофе, шоколадъ; мѣсто расторопныхъ пишхидметовъ (слугъ) заняли вялыя и неумѣлыя кенизы (горничныя). Въ урочный часъ въ воротахъ дома показалась карета; медленно, торжественно двигалась она по двору, точно погребальный катафалкъ, и остановилась у самой лѣстницы квартиры. Евнухъ отворилъ дверцу кареты, изъ которой нетерпѣливо высовывались двѣ головы. Одна изъ этихъ головъ принадлежала самой барынѣ, другая—одной изъ ея главныхъ прислужницъ.

По внѣшнему виду отличить ихъ другъ отъ друга было трудно: обѣ были одѣты въ черныя чадуръ; лица обѣихъ были закрыты бѣлыми рубендами съ шелковой рѣшеткой у глазъ, застегнутыми на макушѣ на пуговицу,—только у одной эта пуговица была не что иное, какъ брилліантъ, величиной въ ноготь мизинца, а у другой—простая стеклушка. Въ передней произошло раздѣваніе. Сбросивъ рубенды и чадуръ, женщины остались въ шелковыхъ шароварахъ страшной ширины—чахчуръ. Они завязываются не на талии, а ниже поясицы и держатся на пышныхъ юбкахъ, которыя въ нихъ подобраны. На вершокъ выше цыколотки шаровары собраны въ густыя сборки и пришиты къ чулкамъ, сдѣланнымъ изъ той же шелковой ткани. Эти чохчуръ составляютъ неотъемлемую принадлежность выходного костюма всѣхъ персидскихъ женщинъ и вмѣстѣ съ рубендомъ и чадуромъ, плотно охватывающими голову, придаютъ имъ смѣшной мѣшковатый видъ яйца острымъ концомъ вверхъ. На прислужницѣ были надѣты безпята туфли, на госпожѣ—мелкія резиновыя галоши. Сбинувъ ихъ, ханумъ усѣлась на стулъ и, со словами: „на, стани“, протянула евнуху ногу. Немедленно же, сначала одна, потомъ другая ноги были обнажены отъ чохчуръ, и гости отправились „дѣлать тамашу“ вомнатъ. Вообще нужно сказать, персидскія женщины въ гостиной европейцевъ походятъ на маленькихъ дѣтей: хохочутъ отъ души надъ тѣмъ, въ чемъ ровно ничего нѣтъ смѣшного, всякіе пустяки рассматриваютъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ, задаютъ самые наивные вопросы и нерѣдко касаются слишкомъ интимной стороны, вслѣдствіе чего приходится становиться въ-тупики и отвѣчать смѣхомъ или дѣлать видъ, что вопросъ не понятъ. Больше всего остановила на себѣ вниманіе ханумъ семейная опочивальня. Это, впрочемъ, вполне естественно въ виду той разобщенности мужа и жены, которая наблюдается въ зажиточныхъ слояхъ персидскаго общества. Мужъ отдается въ объятія Морфея у себя въ бирунѣ, а жена съ дѣтьми, прислужницами и евнухами—въ эндерунѣ; если же мужъ пожелаетъ быть съ своею подругой, то извѣщаетъ ее объ этомъ заранее; тогда жена въ назначенный часъ, предшествуемая фанус'омъ (фонаремъ), въ сопровожденіи евнуха или гулям-бачѣ, отправляется въ мужскую половину. Тамъ, гдѣ эндерунъ населенъ густо, обитательницы его, будь онѣ всѣ равноправныя, т.-е. законныя жены, или и наложницы—сигѣ, подобный ночной визитъ считаютъ для себя за особенное счастье и, руководясь этимъ, зорко слѣдятъ, кто изъ ихъ среды пользуется преимущественно расположеніемъ повелителя. Если счастливицей оказалась какая-нибудь Земляница, то Звѣзды, Пону-

гаи, Луны и проч. сейчас же начинают интриги, которые иногда ведутся такъ ловко, что любимица „слетаетъ“. Мнѣ рассказывали, между прочимъ, такой случай. Въ одинъ прекрасный вечеръ ходжа-евнухъ увѣдомилъ Луну, что ага—господинъ ожидаетъ ее. Въсть эта быстро разнеслась по эндеруну. Женское сословіе, стоворившись между собою, поручило завершить дѣло Звѣздѣ, которая орудіемъ погибели противницы избрала взятку: она предложила Лунѣ 200 тумановъ за то только, чтобы та уступила ей право посѣщенія господина. Луна польстилась на деньги, и въ расчетѣ, что ага запомнитъ отданный имъ приказъ, приняла выгодныя условія. Она, однако, сильно ошиблась: на слѣдующее же утро ей было предложено убраться на всѣ четыре стороны, во-первыхъ, за послушаніе и, во-вторыхъ, за предпочтеніе милости господина какихъ-то 200 тумановъ!

Сказанная разобщенность идетъ еще далѣе: завтраки и обѣды происходятъ на разныхъ половинахъ, такъ что иногда по нѣскольку дней жены не видятъ своихъ мужей и только черезъ евнуховъ справляются о здоровьи другъ друга и пересылаютъ поклонны.

Гостья-ханумъ на этотъ разъ обратила особенное вниманіе на костюмы нанихъ дамъ. Нисколько не стѣсняясь, она подняла платье одной барыни и спросила: „А подъ этимъ что?“ Прежде чѣмъ барыня успѣла спохватиться и отвѣтить что-нибудь, тщательный осмотръ былъ произведенъ. Занявъ ее очень корсетъ. Она до упаду хохотала, говоря: „еслибы меня хоть на день въ это желѣзо затянули, я непременно умерла бы“. Какъ было видно по ея словамъ, она не повѣрила назначенію корсета и, какъ бы шутя, высказала нѣсколько замѣчаній, приводить которыхъ здѣсь неудобно.

Свѣжій цвѣтъ лица, розовыя щеки, густыя темныя брови какой-нибудь дамы, все это вызывало упорный, недоумѣвающий взглядъ ханумъ, которая сначала въ сторону обладательницы посылала только намеки. „Ахъ, какъ она красива, все равно какъ мы: и брови сурьмить, и бѣлится, и румянится!“ а вслѣдъ за этимъ безцеремонно протягивала руку и, какъ Оома невѣрный, терла по щекамъ и бровямъ, крайне удивляясь, что ея палецъ не имѣетъ ровно никакихъ слѣдовъ „семи персидскихъ калямовъ“.

Много интереснаго и характернаго матеріала далъ бы для наблюдателя этотъ прїѣздъ персидской важной барыни, но его трудно уместить въ рамки приличія...

До сихъ поръ мы видѣли персидскую женщину не въ обыкновенной обстановкѣ: то она съ важностью принимала европейскихъ дамъ, то угощала завтракомъ и услаждала пѣніемъ мутрибовъ, то, наконецъ, сама появлялась въ европейской гостиной; все это случаи, которые бывають своего рода событіемъ, къ которымъ заранее дѣлаются приготовленія и въ которыхъ дѣйствующими лицами являются „ференги“. Посмотримъ теперь, чѣмъ можетъ заниматься женщина каждый день въ своемъ эндерунѣ, когда въ немъ однѣ только персіянки и чуждаго элемента нѣтъ.

Начнемъ съ главы дома. Мужъ отъ жены, какъ мы сказали, держится далеко; чѣмъ онъ занимается, съ кѣмъ ведетъ дѣла, какіе его успѣхи, неудачи, горе, радость — все это, за весьма рѣдкими исключеніями, до жены не касается, и она ничего не знаетъ. Затѣмъ воспитаніе дѣтей также изъято изъ рукъ женщины и всецѣло ввѣрено лая-баши, дядькѣ, который до совершеннолѣтія питомца неотступно ходитъ по его стопамъ, но только ходитъ, потому что гордый мальчикъ очень мало внимлетъ указаніямъ воспитателя. Дѣвочки же, самое появленіе на свѣтъ которыхъ не особенно радуетъ родителей и считается для нихъ чѣмъ-то въ родѣ позора, пользуются еще меньшимъ вниманіемъ и остаются въ эндерунѣ подъ присмотромъ горничныхъ.

Женщина, когда дѣти у нея на глазахъ, не исполняетъ самыхъ простыхъ обязанностей матери: не останавливаетъ отъ излишнихъ шалостей и не объясняетъ, что дурно, что хорошо. Персидскія дѣти по истинѣ дѣти природы, растутъ быстро и усваиваютъ что только случится. Оттого ли, что ими мало занимаются, или вслѣдствіе какой-либо особенности, дѣти молчаливы, вялы и совсѣмъ не рѣзвятся. Одну лишь черту въ характерѣ ребенка не оставляетъ мать нетронутой — это гордость. Къ мальчугану, который едва начинаетъ понимать рѣчь человѣческую, она не иначе обращается, какъ съ величаніемъ „ханъ“: Ибрагимъ-ханъ, Хусейнъ-ханъ; такого рода льстивые нагѣвы вредно дѣйствуютъ на воспріимчивый и впечатлительный умъ ребенка и очень рано дѣлають его заносчивымъ.

Такимъ образомъ, самые существенные интересы семьи чужды женѣ. Остается еще хозяйство, но и въ этой области ея участь горькая: обѣ половины дома состоятельнаго человѣка переполнены челядью, въ рукахъ которой сосредоточиваются всѣ дѣла по дому. Тутъ есть и кахведжи-баши, главный кофейщикъ, и шербет-дар-баши, главный буфетчикъ, и абдар-баши, главный водолей, и масса другихъ баши — главныхъ, изъ которыхъ каждый завѣдуетъ ввѣренной ему частью непосредственно. Персидская барыня

не нуждается даже въ отдачѣ тѣхъ или другихъ приказаній: по разѣ заведенному порядку въ извѣстные часы все необходимое— въ ея услугамъ. Что же ей остается дѣлать: умственныхъ интересовъ— никакихъ, общественная жизнь до нельзя узка. Остается заколдованный кругъ, о которомъ я упомянула выше: халькъ, далькъ и джалъкъ, а въ промежуткахъ— пѣсни и пляска мутрибовъ, болтовня съ горничными. Бывая въ эндерунахъ, сколько я ни наводила его обитательницъ на разговоръ о ихъ повседневной жизни, всегда былъ одинъ отвѣтъ: „Что намъ дѣлать? Ничего не дѣлаемъ!“

Совсѣмъ въ инныя условія поставлена женщина среднихъ и низшихъ классовъ. Здѣсь положительно всѣ заботы лежатъ на ея плечахъ, такъ что съ утра до вечера она работаетъ для семьи наравнѣ съ мужемъ, готовить пищу, обшиваетъ ребятъ, моетъ бѣлье и пр. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о крестьянкахъ, которыя иногда въ работѣ замѣняютъ своихъ мужей. Въ Гилянѣ, напр., на рисовыхъ поляхъ по преимуществу можно встрѣтить женщину: подъ палящими лучами солнца, чуть не по колѣна въ водѣ, среди удушливаго смрада рисовыхъ испареній, стоитъ она и возится въ грязи, выбирая по былинкѣ сорную траву. Или женщина Котруда (первое селеніе по большой дорогѣ отъ Капана въ Исфганѣ), который на всю Персію славится фруктовыми садами, значительная часть мужского населенія занимается извознымъ промысломъ (чарвадары), а женщина цѣлый день остается въ саду, одна собираетъ фрукты, сушитъ ихъ, зашиваетъ въ бурдюки или пасетъ большія стада козъ и барановъ, взбираясь съ ними на громадныя крутизны по голымъ, раскаленнымъ скаламъ.

Женщины необезпеченныя избираютъ себѣ какое-нибудь занятіе, которымъ и снискиваютъ себѣ пропитаніе. Изъ такихъ занятій можно указать на кровопусканіе, которымъ промышляютъ очень многія, по преимуществу старухи, называемыя въ такомъ случаѣ даллякъ—цирюльницъ, или хучгиръ—кровопускатель.

Персіане, мужчины и женщины безразлично, ужасно боятся „излишней“ крови въ организмѣ, почему среди нихъ развита манія „брать кровь“, доходящая до невѣроятныхъ размѣровъ. Существуетъ два рода кровопусканія: хеджами, или теджаметъ, и фасадъ.

Первой операціи подвергаются всѣ лица, начиная съ грудного ребенка до 15-ти лѣтняго юноши,—предѣлъ зрѣлости мужского пола; онъ наступаетъ у женщинъ, какъ извѣстно, ранѣе. Состоитъ она въ томъ, что на спинѣ между лопатокъ, ближе къ шеѣ,

плотно накладываютъ коровій или бараній рогъ—шотъ, или особую стеклянную трубочку, формою напоминающую рогъ. Затѣмъ, чрезъ отверстіе въ узкомъ концѣ, вытягиваютъ воздухъ, а самое отверстіе притыкаютъ пальцемъ. Образовавшееся въ трубочкѣ безвоздушное пространство натягиваетъ тѣло и кровь; тогда рогъ отнимаютъ, напухшую часть слегка смазываютъ холодноватой водою и моментально дѣлаютъ нѣсколько надрѣзовъ бритвой—тиги далаки. Самымъ благопріятнымъ временемъ для этого вида кровопусканія считается начало весны, особенно нѣсколько дней передъ ноуруз'омъ—новымъ годомъ (9-го марта): женщины положительно спуютъ изъ дома въ домъ, облегчая всѣхъ, подходящихъ по возрасту къ хеджамъ. Дѣло не всегда ограничивается однимъ рогомъ; нѣкоторые берутъ 2, 3, 4 рога крови; отъ рога же производится плата „хирургу“, которая рѣдко превышаетъ нѣсколько копѣекъ на наши деньги. Дѣти испытываютъ ужасы. Ихъ уговариваютъ, задариваютъ всякаго рода сладостями, деньгами, а въ крайнемъ случаѣ связываютъ по рукамъ и ногамъ. Женщины, глядя на это, посмѣиваются и декламируютъ извѣстный стихъ Руми:

Ребенокъ дрожитъ передъ бритвой кровопусканія,
А нѣжная мать радуется этому горю.

Хеджами повторяется съ большимъ усердіемъ каждый годъ, такъ что лицо, достигшее зрѣлости, обладаетъ узорчатой спиною.

Второй видъ кровопусканія—фасадъ, исполнителями котораго всегда являются цирюльники-мужчины, состоитъ въ открытіи различныхъ венъ острой иглой—ништѣръ, укрѣпленной на концѣ узенькаго ножичка. Предпочтительнѣе открывается лучевая вена въ локтевомъ сочлененіи—рѣги-вейфаль, облегчить которую отъ крови, персы говорятъ, вообще очень хорошо для всего организма. Пусканіе крови изъ другихъ венъ имѣетъ чисто специальный характеръ и обуславливается предписаніемъ мѣстныхъ эскулаповъ; такъ напр. подъязычная вена—рѣги-зири-зебанъ открывается для восстановленія вкуса и сохраненія зубовъ; подлоктевая рѣги-бо-салихъ—противъ болѣзней желудка, и т. д. Количество выпускаемой изъ лучевой вены крови различно: отъ 40 до 60 золотниковъ; для лицъ, которыя, въ силу привычки, вынуждены подвергаться этой операціи лѣтомъ каждый мѣсяцъ, а зимою каждые сорокъ дней въ ночь съ четверга на пятницу, приведенная доза очень чувствительна. Женщины сравнительно съ мужчинами „берутъ кровь“ рѣже и меньше; замѣчательно только, что, даже

готовясь быть матерями, онѣ не боятся платить дань этой очень вредной привычкѣ.

Изъ бѣдныхъ же женщинъ выходятъ наши „бабушки“, въ Персіи, впрочемъ, называемыя „матушками“, маму. Совершенно неподготовленныя, послѣ двухъ-трехъ случайно видѣнныхъ родовъ, онѣ берутся помогать появленію на свѣтъ рода человѣческаго. Обязанность маму несложная: сидитъ, тянетъ калыны, и на всѣ воли пациентки твердитъ одно: „Не бѣда, потерпи! Если угодно Богу, родится“. Когда маленькое существо крикомъ заявляетъ о своемъ вступленіи въ жизнь, тутъ только „маму“ поднимается съ мѣста, обсыпаетъ ребенка съ головы до ногъ солью и берется за единственный инструментъ—бритву. Взявши, она приступаетъ къ самому дѣлу только тогда, когда получить золотую или серебряную мелкую монету. При трудныхъ родахъ надъ ухомъ женщины, по совѣту „матушки“, разряжаютъ до десятка ружей и даютъ ей выпить воробьиной крови или, наконецъ, прибѣгаютъ къ молитвѣ, которую громкимъ голосомъ читаетъ мулла, взобравшись на крышу. Маму пробываетъ въ домѣ родильницы 9—10 дней, кормить ее разными жирными веществами и старается какъ можно скорѣе поднять ее съ постели.

Обязательно на десятый день „маму“ ведетъ родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ въ баню, гдѣ ея роль кончается; она получаетъ вознагражденіе съ прибавкою лакомствъ и дешеваго платка. Вознагражденіе зависитъ какъ отъ состоянія больной, такъ и отъ пола ребенка: за мальчика дается больше, за дѣвочку—меньше. Рожденію мальчика у персіанъ радуются и принимаютъ поздравленія; когда же Богъ посылаетъ дѣвочку, то о появленіи ея никого не оповѣщаютъ, и поздравленіе въ такихъ случаяхъ равносильно оскорбленію.

Среди „маму“ есть своего рода авторитеты, которыхъ приглашаютъ только къ самымъ серьезнымъ больнымъ. Наибольшей извѣстностью пользуются женщины, которымъ удалось приобрѣсти кое-какія свѣденія по ихъ специальности въ Багдадѣ, какъ напр. славящаяся въ Тегеранѣ Хушкадамъ, которая едва успѣваетъ удовлетворять приглашающихъ ее. Случаи послѣродовыхъ заболѣваній съ смертнымъ исходомъ нерѣдки; ихъ никогда не приписываютъ неумѣлости или недосмотру „маму“, а дурному дѣйствию злого духа аль, который считается страшнымъ врагомъ роженицъ: для парализованія его злобы усердно совѣтуютъ читать нѣкоторыя сурь корана.

Тѣ же „маму“ занимаются практическимъ выполненіемъ ученія Мальтуса, самыми своеобразными способами, нисколько не заботясь

о послѣдствіяхъ. Этотъ пагубный и очень распространенный обычай служить, можетъ быть, одною изъ главныхъ причинъ, почему въ Персіи приростъ населенія, сверхъ всякихъ ожиданій, очень незначителенъ.

Наконецъ, нѣкоторыя женщины подвизаются на поприщѣ очень почтенной дѣятельности учительства. Хотя иногда дѣвочекъ можно встрѣтить въ средѣ мальчиковъ въ „открытыхъ“ первоначальныхъ училищахъ, мактабханэ, на базарахъ, въ особенности въ городахъ провинціальныхъ, но родители, отдавая дочерей мullahъ въ ученіе, не оставляютъ ихъ подъ вѣденіемъ послѣднихъ среди мальчиковъ-однолѣтчиковъ долѣе десятилѣтняго возраста, и вообще предпочитаютъ поручать ихъ образованіе женщинамъ, у нихъ на дому. Женщина, занимающаяся обученіемъ дѣтей, называется мullah или хан-баджи ¹⁾. Собирая вокругъ себя дѣвочекъ разныхъ возрастовъ и состояній, она преподаетъ имъ чтеніе, письмо и молитвы. Учебникомъ служитъ небольшая книжка—пенчъ-альхамдъ, принятая во всѣхъ мактабханэ, и гдѣ собраны послѣднія короткія суры (главы) корана, а вначалѣ приложенъ алиф-ба-азъ-буки. Какъ молитвы, такъ и откровенія Мухаммеда усваиваются въ смыслѣ простого чтенія безъ запинки, смыслъ же ихъ остается недоступнымъ, не только ученицамъ, но и самимъ наставницамъ, такъ что, совершая аккуратно пять разъ въ день установленный намазъ—молитву, никто не даетъ себѣ отчета въ томъ, какого рода моленія возноситъ онъ къ Аллаху. Сколько мнѣ довелось слышать жалобъ по этому поводу на мullah-мужчинъ и женщинъ! Такое безотчетное чтеніе особенно бросается въ глаза во время мѣсяца Рамазана, когда правовѣрные отъ утренней зари до солнечнаго заката выдерживаютъ строжайшій постъ и даже не курятъ: томимые голодомъ и жаждой, они на-распѣвъ читаютъ коранъ отъ начала до конца. Глядя на сосредоточенную физиономію, можно думать, что читающій постигаетъ открытыя про рокомъ истины; на самомъ же дѣлѣ онъ буквально ничего не понимаетъ, въ чемъ легко убѣдиться, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ.

Наравнѣ съ чтеніемъ, „ханбаджи“ обучаетъ своихъ воспитанницъ разнаго рода работамъ, пригоднымъ въ семействѣ: вязанью, питью и пр. Дѣвочки за книжкой или за работой проводятъ весь день въ домѣ „ханбаджи“, гдѣ и ѣдятъ свой незатѣйливый завтракъ изъ хлѣба и сыра, взятый отъ родителей. Въ пятницу,

¹⁾ Слово это произошло изъ персид. ханумъ и турецк. баджи и въ буквальный переводъ значитъ: госпожа старшая сестра.

мусульманскій праздникъ, дѣти отъ занятій освобождаются, и только неопазавшія въ теченіе недѣли успѣховъ, въ видѣ наказанія, не пользуются въ этотъ день отдыхомъ. Наставникъ или наставница съ большимъ удовольствіемъ отпускають (мураххасъ мивучэчдо) дѣтей въ какое угодно время за маленькій анамъ — „на чай“. Выпрашивается послѣдній слѣдующимъ образомъ. Мулла въ безхитростныхъ стихахъ отъ лица дѣтей составляетъ маленькую записку — аризэ, въ которой прямо выпрашивается анамъ; такая записка вручается мальчику или дѣвочкѣ, которые и направляются въ домъ важнаго, богатаго человѣка, живущаго по близости отъ училища. Освободить дѣтей въ силу такого аризэ считается богоугоднымъ дѣломъ, кари-севабъ; не слѣдуетъ только потакать просьбамъ особенно часто. Сынъ шаха, Наибус-салтанэ (Камранъ-мирва) освобождаетъ въ Тегеранѣ всѣхъ школьниковъ два раза въ годъ. Обычай ходить съ аризэ существуетъ не только въ столицѣ и городахъ провинціальныхъ, но и въ деревняхъ. Вѣроятно, не одному европейцу довелось сдѣлать богоугодное дѣло по дорогѣ отъ Решта въ Тегеранъ. Вотъ, между прочимъ, на образецъ переводъ „аризэ“, предъявленный мнѣ школьниками деревни Менджиль (3-я почтовая и караванная станція отъ Решта).

О, имамъ Хусейнъ!

Докладъ школьниковъ, повергаемый къ стопамъ вашего благородія, заключается въ слѣдующемъ:

О, Боже! Доколѣ міръ существуетъ, ты будешь существовать,
(Доколѣ) земля и небо существуютъ, ты будешь существовать ¹⁾.

Пришли мы къ тебѣ облобызать твою ногу,

Ты насъ не выгоняй, отнявъ надежду.

Ну же, господинъ, во имя „шаха людей“ (т.-е. Али)

Сердца всѣхъ насъ сдѣлай радостными!

По слову славнаго (т.-е. Мухаммеда) и приказу книги (т.-е. корана)—

Оказывать милость „заключеннымъ“ дѣло хорошее.

О, милостивый! Опустѣ руку въ карманъ щедрости,—

Равняйши наши затрудненія:

Отъ обученія наставника мы въ волненіи,

Дай хальать ²⁾, мы на него надѣнемъ.

Можетъ быть, (насъ) молящихся сдѣлаешь веселыми,

Отъ благополучія твоего прибытія насъ распустишь.

Всякаго, кто сердца наши порадуешь,

Повелитель правовѣрующихъ (Али) будетъ помнить.

Каждаго, кто намъ добудетъ „отпускъ“,

Повелитель правовѣрующихъ возьметъ за руку.

Дни жизни и благополучія вашего благородія да будутъ долги по милости Господа рабовъ“.

¹⁾ Такова конструкция; по смыслу же пожеланіе долголѣтія слѣдуетъ отнести къ „вашему благородію“, а не къ Богу.

²⁾ Не слѣдуетъ понимать этого буквально: въ Персіи всякій подарокъ высшаго низшему называется „хальать“, будь то лошадь, шаль, деньги и пр.

Установленной платы за трудъ ханбаджи не имѣть; все зависитъ отъ состоянія родителей обучающихся у нея дѣвочекъ: кто даетъ 10 шай (около 17 коп.) въ мѣсяцъ, кто—1 кранъ (35 к.), кто—2, 3, и т. д. Незначительность вознагражденія имѣть свои причины: наравнѣ съ платою наличными деньгами ханбаджи дѣлаетъ поборы „натурою“; такъ съ одного дома она выговариваетъ одинъ ослиный вьюкъ дровъ въ зиму, съ другого—два-три вьюка древеснаго угля, и пр. Кромѣ того, на ея долю выпадаютъ единовременные взносы: какъ только дѣвочка усвоила какую-нибудь молитву или суру изъ учебника и можетъ перейти въ другой, родители обязаны выразить свою признательность ханбаджи поднесеніемъ ширини — сладостей, поверхъ которыхъ кладется опять или нѣсколько шай, или нѣсколько крановъ. Понятно, что такое приношеніе стоитъ въ прямой зависимости, съ одной стороны, отъ понятливости и успѣшности дѣтей, съ другой — отъ опыта и умѣнья наставницы.

Ханбаджи обращается съ дѣтьми гораздо мягче, сравнительно съ учителемъ-мужиною. Въ то время, какъ послѣдній истязаетъ за день два-три пучка розогъ—тѣркѣ—и отдеретъ нѣсколько человѣкъ по пятамъ, завязывая при этомъ ноги въ особыя колодки—фѣлѣкѣ, ханбаджи въ очень рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ въ подобнаго рода расправѣ; ея единственнымъ орудіемъ наказанія служить жиденькая палочка, которой она слегка бьетъ по ладонямъ.

Чтобы закончить рѣчь о ханбаджи, скажемъ, что хотя, по большей части, обученіемъ дѣтей она занимается у себя дома, но въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить ее въ маѣтабханѣ, на базарахъ, вообще въ помѣщеніяхъ открытых, доступныхъ взору проходящихъ.

Такимъ образомъ женщина средняго и низшаго круга знаетъ работу, которая и во снѣ не снится великосвѣтской барынѣ; но ей же извѣстенъ и запретный плодъ, — относительная свобода. Въ то время, какъ барыня сидитъ въ эндерунѣ за девятью замками, подъ постояннымъ бдительнымъ окомъ евнуха, который ходитъ за нею по пятамъ даже туда, куда бы ему и не слѣдовало; въ то время, какъ, выѣзжая изъ дома, она не смѣетъ близко подвинуться къ оконцу кареты или приподнять рубендъ, изъ опасенія испытать на себѣ ударъ нагайки того же евнуха, — женщина низшихъ слоевъ идетъ, куда и куда ей вздумается, въ рѣдкихъ случаяхъ сказавшись мужу. Вотъ почему ей доступны исполнѣ тѣ формы общественности, въ которыя вылилась персидская жизнь и которыя настолько узки, что ихъ можно исчерпать тремя словами: базаръ, баня и тазіе.

Кто не слышалъ или не читалъ о базарахъ Востока? Если, проходя по улицамъ персидскаго города, не имѣющимъ лавокъ, вы удивитесь, не находя признаковъ жизни, — такъ онѣ мертвы и унылы, — то, очутившись подъ сводами базаровъ, вы попадете въ такую суету, выше которой и представить трудно. Вы увидите тамъ лавки, закусовые, чайныя и мастерскія, гдѣ работаютъ портные, сапожники, кузнецы и прочіе ремесленники; непрерывной вереницей плетутся верблюды и мулы, вскачь несутся ослики и лошади; все это суетится, кричитъ, стучитъ. И среди этой неутомимой дѣятельности вы замѣтите бездну праздношатающихся, которые убиваютъ время разносомъ и сборомъ городскихъ вѣстей. Базаръ для нихъ — сборное мѣсто, гдѣ правовѣрные слышать и видятъ все новое, и гдѣ встрѣтить они всякаго, съ кѣмъ хотѣть поговорить. Немалую долю въ базарный гамъ вносятъ женщины, мѣшковатыя фигуры которыхъ чаще всего можно встрѣтить у лавчонки съ мануфактурнымъ товаромъ. Усѣвшись на корточкахъ предъ разложенными приманками, однѣ дѣйствительно торгуются, а другія лишь выбираютъ удобную минуту, чтобы штучку какой-нибудь матеріи спрятать подъ чадру. Такого рода продѣлкамъ способствуетъ какъ самый костюмъ, такъ и то обстоятельство, что персъ никогда не позволитъ себѣ оскорбить женщину дѣйствіемъ, — это считается поступкомъ крайне низкимъ; мало того, продавецъ, да и всякій другой на его мѣстѣ, не имѣетъ даже права, за отсутствіемъ свидѣтелей, распахнуть женщинѣ чадру, чтобы убѣдиться въ своемъ подозрѣніи. Кража и мошенничество очень развиты среди женщинъ; совершенный въ этомъ ремеслѣ типъ ярко очерченъ въ очень популярной книжкѣ: „Похожденія Дилэ и Мухтара“ ¹⁾. Кромѣ покупки нарядовъ, женщины стремятся на базаръ ради приключеній, о чемъ я поговорю подробнѣе ниже, или въ часы досуга, въ видѣ прогулки, „тамаши“. Другимъ излюбленнымъ мѣстомъ сборищъ и развлеченія служить для женщинъ баня, гдѣ онѣ послѣ омовенія накладываютъ на волосы хенну или рэнгъ — краску, что требуетъ отъ 1½ до 2-хъ часовъ времени. Вѣроятно, эта-то необходимость и сдѣлала изъ бани нѣкоторое подобіе клуба. Уходя изъ дома, ханумъ беретъ съ собой кальяны, кофе, чай, шербеты, фрукты, а иногда и цѣлый завтракъ, и тутъ-то у нихъ идутъ безконечныя пересуды; можно узнать самыя мелкія подробности жизни интересующаго васъ лица, — и съ небольшою красой.

¹⁾ Имена женщины и мужчины.

Бесѣды эти ведутся такъ громко и одушевленно, что, проходя мимо бани, по гулу можно иногда безошибочно сказать, что тамъ дамское сословіе; вѣроятно, русская поговорка: „сошлись двѣ бабы—ярмарка“, одинаково примѣнима во всѣмъ странамъ земного шара. Скажу къ слову, что женщины въ Персіи отъ бани до бани—въ двѣ недѣли разъ—волосъ не чешутъ. Истинную прелесть бани и послѣбаннаго пріятнаго бездѣлья могутъ понять и чувствовать только небогатые ханумы, которыя съ разныхъ концовъ города стекаются въ общую баню; „барыня“ же лишена этого удовольствія: при богатомъ домѣ всегда есть своя баня, гдѣ она бываетъ окружена толпою тѣхъ же горничныхъ, которыхъ видитъ каждый день и которыя, понятно, никакого интереса не представляютъ.

Общія бани плохи: насколько турецкія, константинопольскія, бани славятся чистотою, настолько персидскія грязны и отвратительны; въ одномъ общемъ бассейнѣ моется въ день нѣсколько сотъ человѣкъ, и вода не перемѣняется. Прибавлять къ этому что-нибудь, кажется, излишне.

Посмотримъ теперь, что влечетъ женщинъ въ тазіе. „Тазіе“ называется представленіе, посвященное памяти Хусейна, сына Али, котораго персіане считают единственнымъ законнымъ наследникомъ Мухаммеда, и собственно значить „утѣшеніе“, т.-е. утѣшеніе сердца чрезъ торжественное оплакиваніе судьбы Хусейна и его потомковъ, погибшихъ при Кербелѣ въ битвѣ съ войсками Езида изъ династіи Омайядовъ, которые, такимъ образомъ, похитили навсегда у потомковъ Али главенство въ мусульманствѣ. Исторія гибели Хусейна, обставленная какъ дѣйствительно бывшими, такъ и вымышленными частностями, представляется въ лицахъ въ особыхъ помѣщеніяхъ—такіе, по преимуществу въ первые десять дней (ашура) мѣсяца Мухаррема, мѣсяца траура и печали у персіанъ, въ который происходятъ также извѣстныя религіозныя процессіи, съ воплями, пѣніемъ, добровольнымъ пораненіемъ, нерѣдко самоубійствами. Я сказала: по преимуществу, потому что странствующие трупы даютъ представленія и въ другое время, напр., въ мѣсяцъ Рамазанъ, но ихъ можно встрѣтить только въ деревняхъ; шахское же „такіе“ въ Тегеранѣ и „такіе“ другихъ важныхъ особъ, кромѣ Мухаррема, всегда пусты. Я не стану здѣсь вдаваться въ подробности устройства „такіе“, какъ и самыхъ представленій, потому что это давно уже описано въ книгахъ Березина „Путешествіе по сѣверной Персіи, и Ходзьо: „Théâtre persan“, а скажу только о женщинахъ, какъ онѣ себя ведутъ и чего ищутъ въ „такіе“.

Мнѣ довелось самой два раза быть на представленіи мисте-рій; разъ—въ громадномъ и роскошномъ шахскомъ „такіе“ въ Тегеранѣ, другой—въ Зергендѣ, деревнѣ подъ Тегераномъ, гдѣ дѣйствіе происходило на открытомъ воздухѣ, на небольшой площадкѣ деревенскаго базара. Я прежде еще читала и слышала, что персидскія женщины—страстныя поклонницы „такіе“, что онѣ очень чувствительны и въ патетическихъ мѣстахъ драмы поднимаютъ такіе вопли, что заглушаютъ голоса чтецовъ-актеровъ; мнѣ оставалось провѣрять эти свѣденія. Что женщины буквально наводняютъ театръ,—фактъ несомнѣнный: въ шахскомъ театрѣ все пространство внизу—по нашему, партэрръ—биткомъ набито чадрами и рубендами, подъ которыми иногда умѣщаются два существа, потому что многія женщины приносятъ съ собою маленькихъ дѣтей, которыя поднимаютъ иногда безсовѣстный крикъ; насколько переполнены бываютъ женщинами ложи, судить нельзя, потому что онѣ задернуты драпри съ маленькими только отверстіями для глазъ.

Что ханумъ два-три раза за представленіе принимаются горько плакать—тоже вѣрно, но смѣло можно ручаться, что всхлипыванія эти далеко не искренни. Тысячная толпа, дѣйствительно растроганная и потрясенная, ни въ какомъ случаѣ не можетъ моментально, какъ по командѣ, начинать и оканчивать воплей, а именно это мы видимъ въ персидскомъ театрѣ, гдѣ женскія рыданія раздаются и стихаютъ разомъ. Нельзя, конечно, утверждать, что всѣ женщины остаются безучастными къ судьбѣ Хусейна, но можно съ достовѣрностью сказать, что ⁹/10 относятся къ ней совершенно равнодушно и предпочитаютъ балагурить съ сосѣдками или выслѣживать глазами кого-нибудь изъ интересныхъ мужчинъ. Избранный мужчина до тѣхъ поръ остается подъ зоркимъ наблюденіемъ, пока, какъ-нибудь случайно, не встрѣтится съ глазами ханумъ: тогда послѣдняя дѣлаетъ ему какой-либо знакъ, — или поманить рукой, или покажетъ розу, яблоко. Все это продѣлывается крайне хитро и осторожно, какъ будто поправляется что-нибудь на головѣ или на груди. Если же предметъ наблюденій не замѣчаетъ продѣлокъ ханумъ, къ нему отряжается посольство въ видѣ старухи для поднесенія яблока, а также для переговоровъ о мѣстѣ свиданія. Иногда вмѣсто фрукта и розы посылается туго набитый кошелекъ или ермолка.

Если ко всему этому прибавить, что въ „такіе“ можно вдоволь накуриться кальяна даромъ, упиться шербетами, насладиться грызеніемъ аджиля (арбузные, тыквенныя сѣмечки, поджаренный горохъ, фисташки, орѣхи), выпить чаю,—расходы на подоб-

ное угощеніе публики ложатся на владѣльца „такіе“, но только въ мѣсяцъ Мухарремъ,—если прибавить все это, прелесть „такіе“ для женщины получится полная.

„Такіе“ очень удобно для завязки любовныхъ интригъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, это средоточіе мужчинъ и женщинъ и притомъ такое, въ которомъ каждый членъ публики находится въ пріятномъ заблужденіи относительно своего сосѣда, полагая, что онъ всецѣло поглощенъ происходящимъ на сценѣ и что, слѣд., есть возможность дѣйствовать нигѣмъ незамѣченнымъ; во-вторыхъ, во всякое другое время правовѣрные не имѣютъ права по истеченіи трехъ часовъ послѣ солнечнаго заката показываться на улицахъ города, не зная пароля; въ первые же десять дней Мухаррема срокъ безпарольнаго блужданія продолжается властями до пяти часовъ единственно въ видахъ дать возможность жителямъ посѣщать тазіе. Благодаря этому, женщина можетъ большее количество часовъ пробывать внѣ дома, внѣ какого бы то ни было надзора мужа. Въ великіе дни „мѣсяца печали“ женщины среднего круга пользуются, можно сказать, неограниченной свободой: мужа не могутъ удержать ихъ дома,—фраза: „я иду на тазіе“ полагаетъ предѣлъ всякимъ пререканіямъ. Вотъ почему Мухарремъ считается по справедливости женскимъ праздникомъ по преимуществу, какъ видно и изъ слѣдующаго очень популярнаго стишка:

Мухарремъ пришелъ и насталъ великій праздникъ женщинъ;
Для сидѣвшихъ по угламъ нашелся предлогъ...

Къ чему предлогъ—хитрый авторъ не договариваетъ, полагаясь на догадливость cadaго.

Иногда сами власти лишаютъ тазіе серьезнаго значенія. Напримѣръ, губернаторъ одного изъ городовъ благословеннаго Ирана, человекъ, безспорно умный, старающійся во многомъ подражать Шахъ-Аббасу и сильный любитель прекраснаго пола, превратилъ тазіе въ выставку женской красоты. Въ одинъ изъ дней, въ которые даются представленія мистерій, въ такіе кромѣ женщинъ никто не допускается. Губернаторъ возсѣдаетъ въ ложѣ, вооруженный биноклемъ. Когда раздаются послѣднія слова актера, онъ сходитъ внизъ въ сопровожденіи главнаго евнуха, и пропускаетъ мимо себя всѣхъ женщинъ по-одиночѣ, причемъ онѣ обязательно открываютъ лица: та, которая удостоится вниманія, получаетъ приказъ въ извѣстный день явиться; та, которая не понравится, прогоняется со словами: „Отецъ твой сгорѣлъ въ аду! Къ чему показывать лицо, когда оно безобразно?“ Ослушаніе не-

мыслимо, а губернатору совершенно безразлично: дѣвушка — избранная имъ ханумъ или — женщина.

Если, такимъ образомъ, персіане посвящаютъ Мухарремъ скорбной памяти сына Али, облакаются въ трауръ и разыгрываютъ кровавыя сцены во время уличныхъ процессій, то, съ другой стороны, въ тотъ же Мухарремъ они предаются усиленному разврату. Такъ, напр., совершается совмѣстное хожденіе обоихъ половъ въ баню, подобіе нашихъ „номеровъ“, о чемъ вы не услышите въ другое время года. Не надо, однако, думать, что въ другое время персидскія женщины отличаются безупречной нравственностью и, кромѣ театра, не имѣютъ удобныхъ мѣстъ для любовныхъ походовъ. Таковъ новый годъ — ноурӯзъ, приходящійся на наше 9-е марта, къ которому персіане начинаютъ готовиться за 2—3 мѣсяца: пьютъ новое платье, закупаютъ громадное количество „ширинъ“ для гостей, убираютъ базарныя лавки, стараясь по возможности показать лицомъ весь товаръ. Празднуютъ ноурӯзъ 13 дней, собственно говоря, мужчины, и только съ 14-го дня наступаетъ женскій праздникъ. Ханумъ буквально цѣлыми толпами отправляются на диденъ — визиты, причемъ не ограничиваются домами знакомыхъ, а лѣзутъ всюду, гдѣ только есть „мусульманскій духъ“. — Въ одинъ изъ дней женскаго ноурӯза раздается усиленный стукъ въ дверное кольцо нашего дома, стукъ, по которому всегда легко бываетъ узнать мусульманина. Прислуга наша отправляется, открываетъ дверь и останавливается въ недоумѣніи передъ добрымъ десяткомъ любительницъ визитовъ.

— Что вамъ нужно?

— Пришли повидаться, сказать: „праздникъ вашъ да будетъ благословенъ“, поѣсть сластей.

— Да кого вы хотите съ новымъ годомъ поздравить?

— Для насъ все равно...

— Здѣсь живутъ европейцы...

— Въ такомъ случаѣ извините; намъ сказали, что въ этомъ домѣ мусульмане.

И съ этими словами ханумъ направлялись къ двери слѣдующаго дома.

Съ новымъ годомъ связаны также нѣкоторые женскіе обычаи и повѣрья. Персіане вообще большіе любители загородныхъ прогулокъ. Не успѣетъ еще земля „дохнуть“ послѣ зимняго холода, какъ они спѣшатъ за городъ, отыскиваютъ мѣсто съ самыми ничтожными признаками вновь появляющейся зелени, располагаются тамъ, пьютъ чай, тянутъ кальянъ, распѣваютъ стихи любимыхъ поэтовъ. Въ особенности такъ проводятъ время въ ноу-

рузь, когда вся природа оживаетъ, деревья одѣваются въ свѣже-зеленый уборъ, распускаются первые цвѣтки, словомъ, когда лѣнь окончательно овладѣваетъ и безъ того лѣнивымъ персомъ, который къ тому же, въ силу обычая, на 13 дней новаго года прекращаетъ всякія дѣла. Женщины въ этомъ не отстаютъ отъ мужчинъ. Онѣ также покидаютъ душевные дома и спѣшаютъ на свѣжій воздухъ, забирая съ собою неприхотливыя лакомства. Онѣ стараются подыскать мѣсто, гдѣ была бы проточная вода, будь то источникъ, или канатъ—водопроводъ, вышедшій на поверхность земли, или маленькій ручеекъ, отведенный изъ рѣки. Здѣсь ханумы веселятся по своему и, между прочимъ, отдаютъ дань старинному повѣрью, плещась въ водѣ и обмачивая ею лицо, причемъ замужня приговариваютъ:

О, текучая водица!
Пусть будетъ ласковъ со мною мой мужъ.

Дѣвушки же выражаютъ сердечное желаніе въ такихъ словахъ:

Тринадцатый (день ноуруза) у двери.
Въ этотъ (наступающій) годъ
(Хотѣлось бы уйти въ) домъ мужа,
(И имѣть) ребенка на рукахъ.

Если мы теперь оставимъ праздники и обратимся къ будничнымъ днямъ, то увидимъ, что съ четверга на пятницу персидскія женщины обязательно отправляются или на поклоненіе святому—зіарѣтъ, или на кладбище. Въ Персіи не только въ каждомъ городѣ или его недалекихъ окрестностяхъ, но въ каждой деревушкѣ есть свой имамзадѣ, потомокъ имама,—очень часто не одинъ, а нѣсколько, — надъ могилой котораго возводится нѣчто въ родѣ просторной часовни съ куполомъ. Эти святыни и привлекаютъ религіозныхъ ханумъ. Что касается кладбищъ, то здѣсь онѣ за два-три часа до заката собираются въ великомъ множествѣ, и иногда ведутъ простую житейскую бесѣду, а иногда, нужно сказать правду, слушаютъ назидательные рассказы какого-нибудь дервиша, который, умѣстившись на могильномъ камнѣ, повѣствуетъ имъ случаи изъ исторіи имамовъ.

Минуя имамзадѣ и кладбища, мы наталкиваемся въ каждомъ городѣ на излюбленные мѣста прогулокъ, тамашы, красивыя окрестности, древнія постройки, съ которыми связаны разнаго рода женскія повѣрья. Посмотрите, напр., на прекрасную тегеранскую аллею, въ которую вы попадаете почти прямо изъ „Шимранскихъ Воротъ“ и которая идетъ по чудесной долинѣ, раскинувшейя сплошнымъ садомъ до самаго подножія шимранскихъ горъ. Аллея

эта, имѣющая нѣсколько кофеенъ, весною и лѣтомъ кипитъ осликами съ возсѣдающими на нихъ ханумъ, которыя или занимаются прогулкой, или плетутся въ деревеньки Зергендэ, Гуляхекъ, Тадж-ришъ, Дезашубъ, Рустемъ-абадъ, Камраніе, Дербендъ и пр., куда на лѣто перебирается значительная часть городского населенія.

Перенеситесь къ берегамъ Заендэ-руда съ его прекрасными мостами Аллаверди и Ходжу, и не только въ предѣлахъ самого города Исфагана, вы увидите тамъ-и-сямъ группы рубендовъ и чадуръ, которыя, усѣвшись на корточкахъ, смотрятъ на катящіяся воды быстрой рѣки.

Взойдите въ томъ же Исфаганѣ на „Минареть сорока дѣвъ“, и тамъ вы всегда встрѣтите женщинъ, которыя собрались не ради одной „тамаши“, простого любопытства, а по слѣдующему поводу. Минареть этотъ обладаетъ, по народному повѣрью, чудной силой награждать дѣвицъ мужьями; стоитъ только, поднимаясь по лѣстницѣ, положить на каждой ступенькѣ по грецкому орѣху, а спускаясь, раздробить эти орѣхи собственнымъ тѣломъ.

Перейдите отсюда къ другому минарету, извѣстному подъ названіемъ Тахберенджі, т.-е. „съ бронзовымъ основаніемъ“, и вы увидите ханумъ, которыя, упершись въ минареть руками, зываютъ къ нему съ слѣдующей мольбой:

О, минареть съ бронзовымъ основаніемъ!

Мы съ тобой разговариваемъ, ты на насъ не гнѣвайся!

Мужа мы желаемъ ловкаго...

Во всѣ вышесказанныя и подобныя имъ мѣста женщина отправляется одна и въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ сопровожденіи слуги, такъ что ей предоставлена полная свобода дѣйствій, и она вѣкъ дома пируетъ какъ ей хочется. Слуга нисколько не стѣсняетъ ея свободы, потому что, подкупленный подарками и деньгами, онъ всегда будетъ стараться устроить „дѣла“ ханумъ, грѣшки которой, такимъ образомъ, или навсегда остаются тайной, или до поры, до времени.

Разсказы о томъ, что женщины при удобномъ случаѣ встрѣчали въ условленномъ мѣстѣ любовниковъ, переодѣтыхъ въ женское платье, и пробѣжали затѣмъ мимо своихъ мужей, которые ихъ не замѣчали и не узнавали,—ничуть не вымыселъ: костюмъ персидской женщины, крайне неудобный во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ гигиеническомъ, какъ нельзя болѣе способствуетъ грѣшить никѣмъ неузнанной.

Поэтому нечего удивляться, что женщины средняго и низшаго классовъ общества находятъ возможнымъ обзаводиться ми-

лымъ на сторонѣ; гораздо изумительнѣе изобрѣтательность ханумъ, которыя, будучи заключены въ стѣны эндеруна и отданы подъ присмотръ строгихъ евнуховъ, все-таки ухитряются идти въ разрѣзъ съ очень внушительными предписаніями корана о нравственности.

Представьте себѣ, напр., большой эндерунъ, въ которомъ насчитывается не одинъ десятокъ волоокихъ красавицъ. Ворота охраняются привратникомъ, который вмѣстѣ съ евнухомъ по счету выпускаетъ и выпускаетъ всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло въ заповѣдныхъ стѣнахъ. Въ эндерунѣ происходили какія-то незначительныя подѣлки, которыя производилъ мастеръ и одинъ изъ его учениковъ. Было время молитвы передъ закатомъ. Мастеръ куда-то вышелъ; ушелъ и евнухъ. Ученикъ, ничего не подозревая, расположился дѣлать намазъ, какъ вдругъ ханумъ налетаютъ, схватываютъ его и сажаютъ въ какомъ-то подземельи въ большой глиняныя чанъ отъ масла, въ которомъ и держатъ его въ плѣну около двухъ недѣль. Разсказчики добавляютъ, что, когда молодого плѣнника выпустили, на немъ положительно лица не было, — такъ его исковеркала неожиданная нѣжность эндеруна. Услужливыя горничныя спустили его, по минованіи надобности, какимъ-то образомъ ночью на веревкахъ за стѣну. Само собою разумѣется, что для подобнаго рода продѣловъ подкупаются не только прислужницы, но и сами евнухи, которые, къ слову сказать, въ Персіи всѣ обладаютъ большими состояніями.

Особенною легкостью нравовъ славятся женщины Исфагана и Кирмана, не говоря, конечно, о Тегеранѣ, какъ городѣ столичномъ.

Не слѣдуетъ удивляться персидской женщинѣ, а тѣмъ болѣе винить ее за нарушеніе супружеской вѣрности: поведеніе ея есть самое естественное послѣдствіе мѣстныхъ обычаевъ и золь, а именно, раннихъ браковъ и извѣстныхъ пороковъ азіатскихъ мужчинъ. Очень многія выходятъ замужъ слишкомъ молодыми или, вѣрнѣе сказать, маленькими: я знаю отъ нѣсколькихъ женщинъ, что половая зрѣлость появлялась у нихъ черезъ годъ, два и даже три послѣ замужества. Десятилѣтнюю дѣвочку, не сложившуюся ни физически, ни нравственно, отдаютъ за 30—40-лѣтняго мужчину. Понятно, что, благодаря сильной разницѣ въ лѣтахъ, жена начинаетъ бояться мужа; съ годами боязнъ переходитъ въ отвращеніе, потомъ появляется ненависть къ старику, отравившему лучшее время жизни, и какъ слѣдствіе всего этого — исканіе любви на сторонѣ.

Бэчэбози царить въ Персіи въ громаднѣхъ размѣрахъ,

преимущественно въ палатахъ важныхъ и знатныхъ особъ: встрѣтить вельможу, который не былъ бы преданъ этой постыдной страсти, — большая рѣдкость. Такимъ образомъ супруги оказываются совершенно равноправными въ глазахъ другъ друга и съ одинаковой отвѣтственностью предъ закономъ, потому что, по толкованію мусульманскихъ законовѣдовъ, упомянутое обстоятельство считается равносильнымъ обыкновенному прелюбодѣянню.

Остается сказать о проституціи, развратѣ открытомъ, оформленномъ, обложенномъ даже государственнымъ налогомъ. Цѣлый кварталъ въ Тегеранѣ, когда-то разрушенный горнымъ потокомъ и съ тѣхъ поръ носящій названіе Гауди-сейлаби — глубина потока, наполненъ домами терпимости, платящими солидную подать. Каждый домъ имѣлъ 5—6 молодыхъ женщинъ, состоявшихъ подъ надзоромъ старухи, которую именovali нанэ или нану. Мужчины-мусульмане рассказываютъ, что даже среди бѣлдня невозможно было проходить по закоулкамъ „Глубины“. Обывательницы этого квартала начали черезъ-чуръ злоупотреблять предоставленной имъ свободой; случались скандалы, гдѣ вмѣшательство полиціи было необходимо; мусульмане стали роптать громко. Все это въ совокупности побудило губернатора Тегерана издать приказъ о разрушеніи притона.

Понятно, что очищеніе квартала „Гауди-сейлаби“ не пресѣкло разврата; осталось множество другихъ „нанэ“, которыя, подъ предлогомъ неимѣнія средствъ къ существованію, занимаются исключительно устройствомъ сердечныхъ дѣлъ, взимая за то условленную плату. Подъ видомъ разносчицъ разныхъ мелочей, продащицъ румянъ, бѣлили, онѣ проникаютъ во всѣ дома. Продавая разные пустяки, старуха наводитъ разговоръ окольными путями на семейную жизнь женщины, льститъ ей, называя красавицей, говорить, что никакого интереса нѣтъ любить одного, притомъ: „мужъ тебя не стоитъ; если ты только пожелаешь, приобрѣтешь и золото, и жемчугъ; я знаю одного молодого человѣка, сердце котораго ты похитила; красота твоя опьянила его, и онъ для тебя ничего въ мірѣ не пожалеетъ“. Убаюканная льстивыми рѣчами, женщина провѣряетъ свою жизнь и, не находя въ ней сильныхъ восторговъ со стороны супруга, соглашается идти къ тому, кто лучше оцѣнилъ ея красоту. Тутъ старуха начинаетъ торговаться и выговаривать себѣ благодарность за общаемое свиданіе. Или бываетъ другой исходъ: женщина, выслушавши предложеніе старухи, схватывается что попадется подъ руку и выпроваживаетъ искусительницу, осыпая ударами. Во многихъ домахъ прислугѣ отдается

строжайшій приказъ ни подъ какимъ видомъ не впускать женщины пожилыхъ лѣтъ и тѣмъ болѣе неизвѣстной.

Типъ описанной мною старухи сложился такъ ярко и опредѣленно, что его встрѣтишь въ любой книжкѣ „для легкаго чтенія“ съ романическимъ содержаніемъ. Особенно много мѣста отведено описанію безплоднаго, впрочемъ, усердія одной изъ такихъ старухъ въ книгѣ „Сорокъ сказокъ попугая“, вообще очень интересной и занимательной.

Независимо отъ этого, подъ Тегераномъ до настоящаго времени во всей неприкосновенности существуетъ трущоба Сузмани, кажется, персидскихъ цыганъ, которые расположились въ развалинахъ стараго караванъ-сарая. Женщины ихъ, славящіяся красотой, всѣ безъ исключенія куртизанки. Каждый день онѣ надѣваютъ праздничный нарядъ и поджидаютъ посѣтителей; увидѣвъ всадника, онѣ на перебой стараются схватить коня подъ уздцы. Замѣчательно, что мужья жестоко расправляются съ женами, если онѣ заводятъ связь съ своими же, и, наоборотъ, очень довольны, если число гостей изъ города и деревень бываетъ значительно. Нѣкоторые изъ людей зажиточныхъ, желая сдѣлать доброе дѣло, покупаютъ маленькихъ дѣтей изъ этого притона, чтобы тѣмъ самымъ избавить ихъ отъ жизни, которую ведутъ ихъ отцы.

Что касается провинціальныхъ городовъ, то въ нихъ нѣтъ домовъ терпимости, и проститутки расхаживаютъ по улицамъ, отыскивая приключеній. Проститутку легко узнать въ массѣ по рубенду: порядочныя женщины носятъ его съ частой шелковой рѣшеткой у глазъ; у проститутокъ же рѣшетка эта настолько велика и прозрачна, что даетъ возможность разсмотрѣть и наведенныя брови въ палецъ толщины, и отталкивающее истомленное лицо. Тѣ же изъ нихъ, которыя надѣваютъ обыкновенный рубендъ, при встрѣчѣ съ мужчиной считаютъ долгомъ отейнуть покрываю и взглядомъ смѣрять проходящаго съ ногъ до головы. Всѣ эти женщины на счету у правительства и платятъ налогъ.

Въ Кирманѣ развратницъ такое изобиліе, что сами мусульмане приходятъ въ изумленіе: не успѣтъ путникъ вѣхъ въ ворота караванъ-сарая, порядкомъ осмотрѣться, какъ уже являются женщины съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Выше я упоминала о раннихъ бракахъ, какъ одной изъ главныхъ причинъ разврата; теперь посмотримъ, какъ заключаются эти браки и какими церемоніями сопровождается свадьба.

Въ свое время вопросъ этотъ былъ обстоятельно исчерпанъ покойнымъ В. И. Севрюгинымъ, первымъ драгоманомъ нашей

мисси, писавшимъ изъ Астрабада. Я ограничусь здѣсь только общими чертами персидской свадьбы, которая впрочемъ въ разныхъ мѣстахъ справляется разнo. Персидская свадьба въ общемъ имѣетъ очень много сходства съ древне-русской. Сватовство обыкновенно происходитъ между родителями: мать или кто-нибудь изъ близкихъ жениха отправляется въ домъ неvěсты и объявляетъ о желаніи породниться. Начинаются толки о приданомъ, которое состоитъ въ деньгахъ, отъ нѣсколькихъ тысячъ тумановъ до 5 крановъ, на наши деньги 1 р. 75 к., смотря по состоянію, и разнаго домашняго скарба, — самовара, посуды и пр. Женихъ, съ своей стороны, обязанъ доставить для будущей супруги выговоренное число нарядовъ, а родителямъ ея уплатить въ видѣ выкупа такъ-называемую „цѣну за молоко“, ширбехъ, за то, что они вырастили такую прекрасную дѣвушку. Если дѣло улаживается, мать жениха даритъ неvěстѣ кольцо. Назначается день свадьбы, собираются гости, приглашается мулла, который при родителяхъ той и другой стороны составляетъ брачный контрактъ, внося въ него всѣ статьи предварительнаго договора. Невѣста въ это время находится въ другой комнатѣ. Если кто-нибудь беретъ не законную жену, а сикэ — наложницу, то въ контрактъ упоминается, сколько онъ опредѣляетъ ей ежемѣсячно на содержаніе, а также чѣмъ обезпечиваетъ ее на случай развода. Когда формальная сторона дѣла окончена, новобрачную везутъ въ домъ молодого, — это самая любопытная церемонія, доступная притомъ взору каждаго. Время для этого избирается предпочтительно вечернее; по темнымъ улицамъ мелькаютъ движущіеся фонари, слышатся звуки нѣсколькихъ рожковъ, раздается звяканье мелкой монеты, которую родители новобрачной бросаютъ нищимъ на мостовую; шумная толпа народа. Въ срединѣ процессіи сама молодая въ новыхъ дорогихъ одеждахъ возсѣдаетъ на лошади, на которую она, покидая свой домъ, не садится до тѣхъ поръ, пока ея отцу чего-нибудь не подарятъ. Подѣхавъ къ новому жилищу, она не сходитъ на землю, пока ей не поднесутъ подарка; затѣмъ, войдя въ комнаты, становится у притоки и не садится, пока ее опять чѣмъ-нибудь не почествуютъ. Три дня въ домѣ новобрачныхъ пируютъ; поютъ сами гости, поютъ и танцуютъ мутрибы. Послѣ замужества женщина цѣлый годъ не должна разговаривать ни съ кѣмъ кромѣ мужа, даже съ его родными, хотя бы они жили съ молодыми въ одномъ домѣ.

Въ деревняхъ женщина, вышедши замужъ, становится въ такія отношенія къ супругу, что за каждую бездѣлицу, работу рукъ своихъ, требуетъ платы по существующимъ базарнымъ

цѣнамъ: сошьеть ли, напрімѣръ, сорочку,—береть вранъ — 35 в., ваба (верхнее платье)—два, три врана, и т. д.

О томъ, какое вообще значеніе имѣетъ женщина въ персидской семейной и общественной жизни, мы уже не разъ упоминали; но лучше всего можно судить объ этомъ по тому, что спросить у мужа про здоровье жены—значить оскорбить его, не принято,—поэтому подобныхъ вопросовъ вы никогда не услышите въ Персіи.

Для нѣкоторой полноты моихъ замѣтокъ слѣдуетъ сказать, что женщина страшно суевѣрна,—у нея существуетъ много примѣтъ, гаданій, повѣрій. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я уже упоминала; вотъ еще два гаданія—на черепахѣ и тѣни отъ луны. Черепаху кладутъ брюхомъ вверхъ и насыпаютъ немного земли, замѣчая при этомъ, какой лапой она прежде коснется земли: если правой, то это считается хорошимъ признакомъ для гадающей, предназначеною счастію въ этомъ мірѣ и раю въ загробномъ; если же лѣвой,—наоборотъ, слѣдуетъ ожидать неудачъ и бѣдствій.

Второе гаданье еще проще. Въ яркую лунную ночь женщины выходятъ на дворъ и передъ стѣною поднимаютъ руки съ разставленными пальцами такимъ образомъ, чтобы тѣнь, брошенная луною, пала на стѣну. Если выйдутъ отчетливо всѣ пять пальцевъ,—женщина будетъ жить долго; въ противномъ случаѣ—скоро отправится на тотъ свѣтъ. Казалось бы, глядя на незамысловатую сущность гаданья, что всегда можно получить ясное изображеніе пяти пальцевъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе: нѣкоторыя женщины ухитряются большой палецъ прижимать къ ладони, и послѣ этого, понятно, жалуются на плохой исходъ гаданья.

Д. К.

* * *

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надеждъ и желанія
Смыло волной голубой.

Синія горы крутомъ надвигаются,
Синее—море вдали.
Крылья души надъ землею поднимаются,
Но не повинуть земли.

Въ берегъ надежды и въ берегъ желанія
Плещетъ жемчужной волной
Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.

Владиміръ Соловьевъ.

Дьяково, въ Славоніи. Авг. 1886.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЪ ЭПОХУ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Окончаніе.

XIV *).

Главнѣйшія событія до парижскаго конгресса.

(1855.)

1855-й годъ открывался надеждами на миръ. Въ Вѣнѣ должны были начаться формальныя совѣщанія; ожидали только назначенія уполномоченныхъ и полученія ихъ полномочій. Однако, здѣсь еще не было ничего успокоительнаго. Напротивъ, чувствовалось, что подобные мирные симптомы были порождены скорѣе опасеніемъ общей войны, чѣмъ истинно примирительнымъ настроеніемъ.

Для союзниковъ не могло быть рѣчи о мирѣ. Они говорили слишкомъ шумно о своихъ враждебныхъ намѣреніяхъ противъ насъ, сдѣлали слишкомъ много приготовленій и военныхъ издержекъ, и ихъ частныя успѣхи слишкомъ мало соответствовали ихъ торжественному выступленію на сцену, для того, чтобы они могли удовольствоваться такимъ несовершеннымъ результатомъ. Ихъ честь была замѣшана въ дѣло. Они согласились на переговоры по слѣдующимъ причинамъ: общественное мнѣніе въ Европѣ было утом-

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 179.

лено тревожнымъ положеніемъ, задерживавшимъ дѣла и вызывавшимъ общее тяжелое состояніе, исхода котораго нельзя было предвидѣть. Намъ представляли всегда, какъ виновниковъ этихъ бѣдствій. Однако, заявивъ готовность вступить въ переговоры на предложенныхъ намъ основаніяхъ, мы представили очевидное опроверженіе подобнаго обвиненія. Еслибы западныя державы устранились отъ переговоровъ, онѣ приняли бы на себя отвѣтственность за продолжительность войны. Ихъ усилія привлечь Германію на свою сторону оставались до того времени безплодными; но наступилъ моментъ, когда неопредѣленное положеніе Германскаго Союза должно было прекратиться: ему нужно было рѣшить, на чьей сторонѣ онъ будетъ. Вообще, онъ скорѣе отдалился отъ Запада; вынуждая отъ него рѣшеніе, можно было бояться, что онъ рѣшится если не на союзъ съ нами, то, по крайней мѣрѣ, на сильный нейтралитетъ, который оказалъ бы давленіе на Австрію, создать бы для насъ возможность вполне располагать нашими военными силами и привелъ бы нашихъ противниковъ къ исключительно морской войнѣ, которая могла бы продолжаться безъ конца, нанося большой ущербъ ихъ финансамъ. Поэтому державамъ необходимо было выказать Союзу нѣкоторое вниманіе подобіемъ мирныхъ переговоровъ, цѣлю которыхъ должно было быть — или затянуть дѣло, или перенести на насъ вину разрыва.

Еще другое обстоятельство оказывало вліяніе на рѣшеніе союзниковъ. Когда принципы перестаютъ управлять политикой, послѣдняя неизбежно должна приспособляться къ подвижности фактовъ. Точно также какъ первые успѣхи союзниковъ въ Крыму отразились на благоприятномъ до тѣхъ поръ отношеніи Австріи къ намъ, — сопротивленіе, какое мы оказывали въ Севастополѣ, трудность и медленность осады, суровость зимы и значительныя потери, понесенныя нашими противниками, склонили политическіе вѣсы въ нашу сторону. Слѣдовательно, для западныхъ державъ нужно было выиграть время, посредствомъ бесполезныхъ переговоровъ, для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ.

Съ такимъ именно настроеніемъ наши противники приступали къ конференціи. По тѣмъ же причинамъ мы противопоставили ихъ расчетамъ энергическое положеніе на военной почвѣ и мирное — на почвѣ переговоровъ, желая расположить въ нашу пользу мнѣніе Германіи. Въ сущности, все сводилось къ усиліямъ, рассчитаннымъ — со стороны союзниковъ, на то, чтобы увеличить число нашихъ враговъ, — съ нашей стороны, чтобы ограничить это число четырьмя державами, съ которыми мы уже находились въ войнѣ.

Поэтому, соглашаясь вступить въ переговоры, морскія державы въ то же время старались оказать вліяніе на второстепенныя государства. Англія подавала печальный примѣръ, отыскивая вездѣ волонтеровъ, чтобы восполнить недостаточность своей арміи, свидѣтельствовавшую передъ Европой объ отсутствіи воинственнаго духа и патріотизма въ британской націи. Агенты собирали во всѣхъ странахъ отряды иноземцевъ, продажная помощь которыхъ, не придавая большой силы англійской арміи, вносила искажающее начало въ характеръ войнъ между цивилизованными государствами. Попытки воздѣйствія на второстепенныя государства вызвали даже, между лондонскимъ кабинетомъ и правительствомъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, дипломатическое столкновеніе, едва не окончившееся открытымъ разрывомъ.

Сардинія только-что присоединилась къ коалиціи, посредствомъ формальнаго договора. Дѣло заключалось не въ 15,000 вспомогательнаго войска, которое туринскій дворъ предоставлялъ къ услугамъ союзниковъ, что едва-ли могло значительно поддѣрпнуть ихъ; дѣло было въ нравственномъ вліяніи подобнаго примѣра, который могъ увлечь другихъ. Это были внушеніе и угроза, обращенныя къ Австріи. Пока Людовикъ-Наполеонъ былъ доволенъ образомъ дѣйствій этой державы, онъ отклонялъ предложенія Піемонта. Но въ ту минуту, когда вѣнскій кабинетъ осмѣлился выказать стремленіе къ миру, договоръ былъ подписанъ. Имъ устанавливалось присоединеніе Піемонта не къ союзу 2-го декабря, въ которомъ принимала участіе Австрія, но къ договору 8-го апрѣля, заключенному лишь между Франціей и Англіей. Какой приманвой сардинское правительство было привлечено къ дѣятельному участію въ борьбѣ, которая не касалась его? Оно было увлечено, конечно, не однимъ только обѣщаніемъ гарантировать ему заемъ, необходимый для поддержанія чрезвычайнаго военнаго положенія, угнетавшаго его финансы. Ему было обѣщано, что, при заключеніи мира, оно будетъ допущено къ совѣщаніямъ на правахъ первокласснаго государства. Это былъ первый зачатокъ видовъ Франціи на Италію; Піемонтъ именно такъ и понималъ дѣло. Его войска долго формировались въ Александріи, въ надеждѣ близкаго разрыва между Франціей и Австріей, который позволилъ бы ему употребить свой вспомогательный корпусъ въ Миланской области, вмѣсто того, чтобы идти въ Крымъ за пріобрѣтеніемъ сомнительныхъ лавровъ.

Трудно повѣрить, что даже подобное обстоятельство не разсѣяло тумана, заволакивавшего глаза графа Буоля. Однако оно заставило его испытать тяжелое впечатлѣніе, не бывшее, конечно,

чуждымъ перемѣнѣ въ его политикѣ. Во всякомъ случаѣ, императорскій кабинетъ считъ долгомъ, въ энергическомъ обращеніи въ Европѣ, отнестись весьма рѣзко къ пограничю всякаго понятія о правѣ, вооружавшему противъ Россіи, безъ всякаго вызова и объявленія войны, государство, съ которымъ она находилась въ мирѣ.

Такія попытки вербовки не ограничивались однимъ Шимонтомъ. Подобныя же шаги были сдѣланы западными державами въ Швейцаріи и въ Бельгіи, въ Испаніи, въ Даніи и въ Швеціи. Коалиція была для нихъ необходима во что бы то ни стало. Мы увидимъ впоследствии, что одна лишь Швеція отвѣтила на этотъ призывъ.

Съ своей стороны, императорскій кабинетъ столь же дѣятельно старался воспротивиться этимъ попыткамъ. Для насъ узелъ вопроса заключался въ Пруссіи. Еслибы эта держава могла твердо выдержать нейтралитетъ, являлась надежда, что она присоединитъ къ нему Германію и, косвенно, скандинавскія государства. Ошибка, какую сдѣлалъ гр. Буоль, исключивъ Пруссію изъ соображеній, представляла для насъ элементы воздѣйствія на берлинскій кабинетъ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ простить австрійскому правительству такого вѣроломнаго поступка, который не только уменьшалъ его значеніе въ Германіи и Европѣ, но и создавалъ ему серьезныя затрудненія во внутренней политикѣ. Онъ отвергъ съ твердостью всѣ внушенія, исходившія отъ гр. Буоля, съ цѣлью понудить его подписать договоръ 2-го декабря, ради вступленія въ конференцію. Онъ отклонилъ также попытки западныхъ державъ, заявивъ прямо, что онъ никогда не приметъ условій, несовмѣстныхъ съ его честью. Король весьма благопріятно отнесся къ нашему протесту въ Вѣнѣ противъ исключенія Пруссіи. Но онъ пожелалъ, чтобы мы воздержались отъ формальныхъ требованій, которыя онъ считалъ несоотвѣтствующими его достоинству. Онъ хотѣлъ только признанія принципа, что дипломатическая сдѣлка, касающаяся всей Европы, должна быть подписана всѣми великими державами.

Именно въ такомъ смыслѣ онъ дѣйствовалъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Ему предлагали заключить съ обѣими морскими державами отдѣльный договоръ, въ такомъ же духѣ, какъ и договоръ 2-го декабря, чтобы избавить его отъ униженія присоединяться къ сдѣлкѣ, заключенной безъ участія Пруссіи. Король отправилъ Узедома въ Лондонъ и Веделля въ Парижъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ. Этимъ уполномоченнымъ приказано было

заявить, что Пруссія будетъ придерживаться протокола, подписаннаго ею въ Вѣнѣ, при двухъ условіяхъ: 1) что, въ случаѣ войны, не будетъ предъявлено требованіе о проходѣ иноземныхъ войскъ черезъ нѣмецкую территорію, и 2) что не будетъ сдѣлано никакой попытки для возстановленія Польши. Эти переговоры не могли имѣть успѣха, вслѣдствіе недоброжелательства западныхъ дворовъ. Они отвѣтили, что Пруссія можетъ закрыть свою территорію для прохода иноземныхъ войскъ, но что она не имѣетъ права говорить отъ имени Германіи. Французское правительство предполагало даже, что южныя государства Союза были расположены согласиться на проходъ иноземныхъ войскъ. Относительно Польши, тюльерійскій кабинетъ отвѣтилъ, что императоръ Наполеонъ, подавившій революцію во Франціи, не можетъ быть заподозрѣнъ въ преслѣдованіи революціонной политики, но онъ не желаетъ принимать на себя какихъ-либо обязательствъ.

Не болѣе успѣха имѣли и опасенія, высказанныя королемъ въ Лондонѣ насчетъ рѣшительнаго преобладанія католицизма. Лордъ Джонъ Россель, отправляясь въ Вѣну, остановился въ Берлинѣ. Въ своихъ бесѣдахъ онъ обнаружилъ большую неопредѣленность. По его словамъ, Англія желала мира, но не она владѣла положеніемъ, вполнѣ находившимся въ рукахъ Франціи. Король рѣзко жаловался на образъ дѣйствій западныхъ державъ, по отношенію къ нему, и прибавилъ, что онъ не присоединится къ несправедливымъ требованіямъ, обращеннымъ къ Россіи.

Онъ заявилъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, что, исключая Пруссію изъ совѣщаній, ее освобождаютъ отъ обязательствъ вѣнскихъ протоколовъ. Ей отвѣтили угрозою, что она будетъ исключена также изъ коллективнаго протектората, если она будетъ упорно держаться внѣ общаго состава европейскихъ державъ. Берлинскій кабинетъ довелъ до свѣденія Вѣны, что если такая угроза осуществится, онъ сочтетъ себя свободнымъ отъ своихъ обязательствъ по отношенію къ Австріи.

Такимъ образомъ, отношенія все ухудшались. Пруссія тщетно предлагала присоединиться къ протоколу, подписанному въ Вѣнѣ 28-го декабря, въ которомъ были установлены основы мира. Нашимъ противникамъ было нужно не присоединеніе Пруссіи къ принципамъ, принятымъ нами, а появленіе ея въ одномъ ряду съ ними, на случай возможной войны съ нами. Они не допускали нейтральности и дерзко намекали на то, что тотъ, кто не былъ съ ними, былъ противъ нихъ. Такъ они понимали независимость государства.

Король былъ непоколебимъ. Вопреки интригамъ Австріи и

угрожающему давленію Запада, онъ энергически воспротивился требованію, внесенному въ Сеймъ графомъ Буолемъ, о мобилизаціи союзныхъ войскъ. Подобное требованіе въ тотъ моментъ, когда должны были начаться совѣщанія о мирѣ, очевидно, указывало на единомысліе Австріи съ нашими противниками. Вѣнскій кабинетъ напередъ видѣлъ исходъ этихъ совѣщаній, куда наши враги являлись съ предвзятымъ намѣреніемъ привести ихъ къ неудачному концу. Тогда Австрія, въ силу своихъ обязательствъ, должна была немедленно выступить въ ихъ рядахъ противъ насъ, и гр. Буоль надѣялся увлечь за собою и Германію. Берлинскій кабинетъ рѣшительно отвергъ мобилизацію, объясняя, что случаи, предусмотрѣнные договоромъ 20-го апрѣля, вовсе не имѣли мѣста. Онъ заявлялъ, что, еслибы большинство высказалось за Австрію, онъ оставилъ бы за собою право толкованія обязательствъ, предусматриваемыхъ названнымъ договоромъ, которыя союзныя государства заключали отдѣльно, помимо ихъ союзныхъ отношеній. Такимъ образомъ, онъ понуждалъ Австрію обратиться къ постановленіямъ союзнаго договора. Но въ случаѣ войны, въ которой Германія приняла бы участіе, эти постановленія оставляли за Сеймомъ право рѣшить, большинствомъ голосовъ, насколько его интересы были затронуты въ борьбѣ; въ такомъ случаѣ сомнительно было, чтобы Австрія собрала нужное ей количество голосовъ.

Такое твердое положеніе увлекло за собою второстепенныя державы. Королевство ганноверское и курфюршество гессенское только одни подали голосъ за австрійское предложеніе. Вюртембергъ и Саксонія присоединились къ Пруссіи. Баварія старалась найти пѣчто среднее въ „готовности къ войнѣ“ (Kriegsbereitschaft), что и было вотировано, хотя и не имѣло того значенія, какъ мобилизація. Это былъ чувствительный ударъ для политики гр. Буоля. Она не могла содѣйствовать улучшенію отношеній между обѣими германскими державами.

Еслибы негодованіе короля, вслѣдствіе исключенія его изъ совѣщаній, могло придать ему необходимую энергію, и тѣмъ болѣе еслибы мы могли рассчитывать на рѣшительное содѣйствіе остальной части Союза исключеніе Пруссіи обратилось бы въ нашу пользу. Однако, опытъ прошлаго заставлялъ насъ опасаться новаго проявленія слабости. Поэтому всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы укрѣпить положеніе Пруссіи. Сперва намъ удалось добиться отъ короля обмѣна нотъ, подтверждавшихъ присоединеніе его величества къ четыремъ пунктамъ въ

томъ видѣ, въ какомъ ихъ формулировалъ нашъ представитель въ Вѣнѣ въ подготовительномъ собраніи 28-го декабря.

Затѣмъ мы старались создать для прусской политики твердую основу въ Союзе, постоянные раздоры котораго дѣлали невозможною какую-либо прочную комбинацію. Мы отыскивали эту основу въ сходствѣ положенія Пруссіи съ положеніемъ обѣихъ скандинавскихъ державъ, владѣвшихъ другой стороною Балтійскаго побережья. Безъ сомнѣнія, у Пруссіи здѣсь были болѣе прямые интересы, чѣмъ на Черномъ морѣ. Опасенія блокады ея береговъ и перерыва ея торговыхъ сношеній оказали весьма неблагоприятное вліяніе на нерѣшительность ея правительства. Данія и Швеція не менѣе Пруссіи были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ независимость и ихъ нейтралитетъ имѣли болѣе прочную основу, чѣмъ отдѣльныя заявленія. Пруссія естественно оказалась бы во главѣ этой системы нейтралитета Сѣвера, системы чисто оборонительной, которая не могла быть нисколько опасна для трехъ названныхъ державъ, но которая обѣщала быть полезной въ будущемъ, предоставляла Пруссіи преобладающую роль въ интересахъ спокойствія континента и заставляла Австрію понести кару за непониманіе значенія такой системы. По всѣмъ вѣроятіямъ, мелкія государства Германіи съ радостью воспользовались бы возможностью выйти изъ своего изолированнаго положенія, присоединившись къ прочно организованной комбинаціи, въ центрѣ которой стоялъ бы берлинскій кабинетъ. Тогда для Австріи выяснились бы послѣдствія политики заключенія договоровъ съ Турціей безъ согласія Германіи, заключенія сдѣлокъ съ Западомъ безъ вѣдома Пруссіи и, наконецъ, предположенія обсуждать въ Вѣнѣ самые важные интересы Европы безъ участія уполномоченнаго Пруссіи.

Къ несчастью, эти предложенія, столь соотвѣтственные интересамъ сѣверныхъ державъ и традиціямъ сѣверной политики, потерпѣли неудачу, вслѣдствіе неискоренимой слабости этихъ державъ. Страхъ передъ морскими державами парализовалъ ихъ. Ихъ изолированный нейтралитетъ обезпечивалъ за ними хотя и слабое, но уже приобрѣтенное ими положеніе. Обѣ боялись рисковать имъ, стремясь укрѣпить его. Здѣсь мы находимъ только лишнее доказательство, насколько велика опасность союза между Франціей и Англіей. Положительное преобладаніе, какое даетъ имъ ихъ морское могущество, совершенно уничтожаетъ независимость Европы. Здравая политика никогда не должна упускать изъ виду этого соображенія.

Неудача упомянутой попытки не остановила насъ. Пруссія и

Германія выказывали свое мужество только въ отыскиваніи точекъ опоры, которыя давали бы имъ возможность противиться постороннимъ вліяніямъ. Мы не упустили случаевъ давать имъ такія точки опоры. Берлинскій кабинетъ выразилъ намъ опасеніе, что, въ случаѣ неудачи совѣщаній въ Вѣнѣ, Россія возьметъ назадъ свое согласіе относительно четырехъ основъ мира, слѣдовательно, и двухъ условій, представлявшихъ спеціальныи интересъ для Германіи, т.-е. свободы плаванія по Дунаю и коллективнаго протектората надъ Княжествами. Мы предложили ему принять на себя обязательство по этимъ пунктамъ, если онъ, съ своей стороны, обяжется: 1) считать себя свободнымъ отъ обязательствъ договора 20-го апрѣля, если Австрія перейдетъ къ наступательному образу дѣйствій противъ насъ, и 2) поддерживать въ совѣщаніяхъ о мирѣ наше толкованіе четырехъ пунктовъ. При всей справедливости такого предложенія, король, принимая его въ принципѣ, тѣмъ не менѣе отказался отъ письменнаго обязательства. Несмотря на опытъ прошлаго, его величество сохранялъ убѣжденіе, что, для огражденія себя отъ требованій нашихъ противниковъ, никакъ не слѣдовало чѣмъ-либо обязываться передъ нами. Однако отношенія между обоими кабинетами не измѣнились къ худшему. Императоръ Николай довольствовался словомъ короля, передъ которымъ онъ обязался, и своимъ словомъ. Государь Императоръ не могъ сомнѣваться въ намѣреніяхъ своего августѣйшаго зятя.

Приближался моментъ, когда конференція, затягиваемая западными державами подъ различными предлогами, должна была открыться въ Вѣнѣ. Лондонскій и парижскій дворы показывали видъ, будто они хотятъ придать этому собранію особую торжественность, отправивъ туда, въ качествѣ первыхъ уполномоченныхъ, одинъ—министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люиса, другой—лорда Джона Росселя.

Императоръ Николай указалъ слѣдующій путь князю Горчакову, на котораго были возложены переговоры, при содѣйствіи г. Титова. Существенный пунктъ, которому Государь придавалъ наибольшее значеніе, заключался въ принципѣ, установленномъ кн. Горчаковымъ въ предварительныхъ совѣщаніяхъ, а именно, что не будетъ высказано никакого предложенія, оскорбительнаго для чести и правъ Россіи. Представители Франціи и Англіи присоединились къ нему, заявивъ, что подобныя предложенія вовсе не входятъ въ намѣренія ихъ дворовъ. Австрійское правительство присоединилось къ этому заявленію и подтвердило его письменно въ депешахъ къ своему представителю

въ Петербургѣ. Императоръ Францъ-Иосифъ гарантировалъ его своимъ честнымъ словомъ.

Такимъ образомъ, еслибы державы попытались высказать предложеніе, противное этимъ заявленіямъ, наши уполномоченные должны были напомнить имъ ихъ увѣренія и возложить на нихъ отвѣтственность за разрывъ. Относительно первой статьи, они должны были возразить противъ выраженія: уничтоженіе русскаго протектората, на томъ простомъ основаніи, что ни одною изъ нашихъ предшествовавшихъ сдѣловъ съ Портою не утверждался терминъ: протекторатъ. Итакъ, слѣдовало ограничиться установленіемъ того, что права, приобретенныя Княжествами, на будущее время будутъ находиться подъ коллективной гарантіей державъ. Во второй статьѣ, касавшейся свободы судоходства по Дунаю, для насъ было важно выдвинуть чисто коммерческій характеръ ея и ограничить смѣшанную комиссію, которая должна была быть установлена, однѣми лишь потребностями торговли. Наибольшія затрудненія представляла третья статья, которая должна была связать Турцію съ европейскимъ равновѣсіемъ, прекращая наше преобладаніе на Черномъ морѣ.

Князь Горчаковъ имѣлъ право заявить: наши дипломатическія сдѣлки съ Портою никогда не превращали Черное море въ закрытое море. Напротивъ, именно Россія, въ силу адрианопольскаго трактата, принадлежитъ заслуга открыть это море купеческимъ судамъ всѣхъ націй. Что касается военныхъ судовъ, закрытіе проливовъ вытекало изъ прежняго оттоманскаго законодательства. Трактатъ 1841 г. подтвердилъ этотъ принципъ, присущій державнымъ правамъ султана, который простирались на оба берега пролива. За ними оставалась свобода открывать этотъ проходъ, также какъ и закрывать его. Пока онъ оставался закрытымъ, Черное море, естественно, могло быть доступно лишь военнымъ кораблямъ Россіи и Порты. Такъ какъ превосходство русскаго флота надъ турецкимъ тревожило Европу, Россія готова была отказаться отъ этого преимущества, соглашаясь на открытіе Чернаго моря для военнаго флага всѣхъ державъ, съ условіемъ полной взаимности, т.-е. чтобы и ея военныя суда могли свободно проходить черезъ проливы. Четвертая статья касалась религіозной неприкосновенности христіанъ. Императоръ Николай придавалъ ей крайне важное значеніе. Нашимъ уполномоченнымъ приказано было настаивать на полномъ равенствѣ всѣхъ христіанъ, безъ различія вѣроисповѣданій, въ настоящемъ и въ будущемъ, относительно неприкосновенности ихъ правъ, и наблю-

дать за тѣмъ, чтобы этой неприкосновенности даны были гарантіи, обеспечивающія ея дѣйствительность.

Таковы были инструкціи, съ которыми кн. Горчаковъ и г. Титовъ должны были выступить въ конференціи.

Но въ тотъ моментъ, когда императоръ Николай отдавалъ свои заботы осуществленію дѣла мира извнѣ, подавляя съ твердостью, внутри, слѣпую ненависть, сплотившуюся противъ него, воля Провидѣнія положила предѣлъ его славному поприщу. Мы не будемъ останавливаться на тягостномъ впечатлѣніи, вызванномъ этимъ событіемъ. Никто изъ тѣхъ, кто имѣли честь служить этому августѣйшему Государю и отдавать должное величію его души, не забудутъ этого злосчастнаго дня.

Даже съ политической точки зрѣнія, смерть императора Николая должна была громко отозваться во всей Европѣ. Множество непріязни должно было смолкнуть передъ этимъ гробомъ, закрывшимся надъ благородною жизнью, и императору Александру II уже легче было подписать миръ. Таково было общее чувство. Со всѣхъ сторонъ императоръ получалъ выраженія самой сердечной симпатіи.

Въ особенности для Германіи становилось ясно, что консервативная Европа утратила знамя, около котораго она группировалась въ теченіе сорока лѣтъ, ради защиты принциповъ порядка противъ революціи. Въ Пруссіи эта тяжелая потеря заставила правительство и народъ почувствовать необходимость связать крѣпче традиціонныя узы, соединявшія ихъ съ Россіей, для того, чтобы побороть честолюбивыя идеи, которыя, въ общей тревогѣ, обнаруживались въ образѣ дѣйствій Австріи. Императоръ Францъ-Іосифъ былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ. Онъ посѣтилъ лично князя Горчакова и высказалъ ему, въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, свою скорбь вслѣдствіе потери испытаннаго друга, въ такую минуту, когда онъ надѣялся представить ему доказательства своей признательности и искренняго возвращенія на прежній путь.

Слѣдуетъ допустить, что такое впечатлѣніе было живымъ и искреннимъ. Безъ сомнѣнія, оно не осталось безъ вліянія на нѣкоторое улучшеніе въ личномъ положеніи императора Франца-Іосифа. Тѣмъ не менѣе, нашъ представитель въ Вѣнѣ основывалъ свои расчеты вовсе не на этомъ чувствѣ. Давленіе событій было единственнымъ рычагомъ, который могъ оказывать прочное дѣйствіе на австрійскую политику. Миръ былъ настоятельно нуженъ ей въ силу финансовыхъ соображеній. Фонъ-Брукъ, значеніе котораго начинало получать перевѣсъ, говорилъ прямо, что война

была бы неизбѣжнымъ банкротствомъ. Это былъ лучший аргументъ въ нашу пользу.

Во всякомъ случаѣ, событія подвинулись слишкомъ далеко, для того, чтобы въ нихъ можно было ожидать быстрого поворота. Первая мысль императора Александра, при вступленіи его на престолъ, обращалась къ Россіи, честь и интересы которой были нарушены. Его манифестъ извѣстилъ страну о твердомъ намѣреніи осуществить виды его августѣйшихъ предшественниковъ, императора Петра Великаго, императрицы Екатерины II и императора Александра I. Въ своей рѣчи дипломатическому корпусу его императорское величество обращался ко всей Европѣ; онъ высказывалъ намѣренія примирительныя, но твердыя. Онъ подтвердилъ ихъ въ циркулярѣ нашимъ посольствамъ, который былъ обнародованъ. Въ этомъ документѣ императорскій кабинетъ заявлялъ, что государь императоръ не думаетъ въ чемъ-либо измѣнить политику своего державнаго отца. Готовый энергически отвергнуть всякое условіе, несовмѣстное съ честью Россіи, государь подтверждалъ полное принятіе четырехъ пунктовъ въ качествѣ основъ для переговоровъ о мирѣ. Съ этою цѣлью государь поспѣшилъ возобновленіемъ правъ своихъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ, мы не ставили никакого препятствія для дѣла примиренія, котораго Европа ждала съ такимъ нетерпѣніемъ.

Несмотря на видимое недоброжелательство западныхъ державъ и усиліе ихъ затруднить или оттянуть переговоры, конференція открылась въ Вѣнѣ 15-го марта. Между уполномоченными происходило уже нѣсколько подготовительныхъ совѣщаній. Они привели къ весьма важному результату, а именно—къ соглашенію относительно двухъ первыхъ пунктовъ. Наши представители ничего не упустили изъ виду, для того, чтобы подвинуть соглашеніе и сдѣлать его какъ можно полнѣе. Такъ какъ эти статьи были именно тѣ, которыя касались интересовъ Германскаго Союза и которыя послѣдній считалъ исключительно относящимися къ нему, то оказывалось, что Германія была удовлетворена въ самомъ началѣ обсужденій. Австрія теряла всякій предлогъ увлечь Германію за собою по стопамъ западныхъ державъ.

Оставался еще третій пунктъ. Положеніе нашихъ уполномоченныхъ при обсужденіи его было какъ нельзя болѣе затруднительно. Уже въ первомъ засѣданіи обнаружились нѣкоторые отѣнки въ положеніи представителей. Хуже всѣхъ относилась къ дѣлу Франція. Лордъ Джонъ Россель выказывалъ болѣе примирительное настроеніе. Относительно формы, Австрія, затрудняемая своей двойственной ролью, охотно уступала своимъ союзникамъ,

которые всегда были готовы поддерживать самыя злонамѣренныя толкованія. Наша изолированность выступала съ полной очевидностью. Конференція вовсе не представляла собою зрѣлища достойнаго и серьезнаго совѣщанія между первоклассными государственными людьми о величайшихъ интересахъ Европы, въ обстоятельствахъ исключительной важности; она походила скорѣе на предубѣжденное, враждебное судилище, передъ которымъ мы принуждены были стоять, заранѣе имѣя увѣренность, что будемъ осуждены.

Протоколы ясно рисуютъ это положеніе, оставлявшее для нашихъ представителей лишь одинъ выходъ—попытаются обезоружить эту сплоченную вражду путемъ спокойствія, благоразумія и достоинства, обращаясь, въ случаѣ необходимости, къ личному вмѣшательству императора Франца-Иосифа. Императоръ, повидимому, начиналъ отдѣлываться отъ своихъ заблужденій относительно гр. Буоля. Казалось, что онъ уже менѣе довѣряетъ ему и внимательно слѣдитъ за его сношеніями съ представителями Франціи, которые, съ своей стороны, ничѣмъ не пренебрегали, чтобы обезпечить за собой дѣятельное содѣйствіе Австріи, каковъ бы ни былъ исходъ совѣщаній. Императоръ ни о чемъ не хотѣлъ слышать, какъ только о мирѣ. Онъ серьезно принялъ къ сердцу успѣхъ дѣла, начатаго подъ его вліяніемъ. Для него это былъ не одинъ вопросъ чувства, но и прямого интереса. Австрія пріобрѣтала двойную выгоду отъ мира: она получала осязательныя преимущества на Дунаѣ и въ Княжествахъ, затѣмъ избѣгала войны, противъ которой единодушно возставали ея генералы, и, наконецъ, облегчала свои финансы отъ тяжести чрезмѣрныхъ расходовъ. Императоръ Францъ-Иосифъ, повидимому, понималъ необходимость не идти далѣе по пути, намѣченному его министромъ. Никогда борьба двухъ теченій, сталкивавшихся въ сферѣ его приближенныхъ, не была такъ оживлена. Гр. Буоль былъ связанъ съ западной политикой. Для него это былъ не только вопросъ убѣжденія, а чисто личный вопросъ. Онъ долженъ былъ или остаться съ этой системой, или пасть вмѣстѣ съ нею. Французское правительство употребляло всѣ свои усилія, чтобы возвратить свое вліяніе на вѣнскаго кабинетъ, пуская поочередно въ ходъ то угрозы, то заискиванья. Въ его рукахъ былъ ключъ къ Италіи, и договоромъ съ Сардиніей оно показало, какъ оно можетъ пользоваться имъ въ случаѣ необходимости. Въ то же время оно охватывало Австрію сѣтью финансовыхъ комбинацій, которыя были нужны послѣдней для пополненія своихъ средствъ. Французская политика искусно эксплуатировала также и предположеніе, что

мы должны быть исполнены непримиримаго негодованія противъ Австріи, у которой въ будущемъ нѣтъ никакой другой охраны, кромѣ поддержки Франціи. Нечистая совѣсть, въ сожалѣнію, заставляла гр. Буоля сдаваться на такіе аргументы.

Императоръ Наполеонъ громко выражалъ намѣреніе отправиться въ Крымъ. На пути онъ долженъ былъ остановиться въ Генуѣ, потомъ въ Триестѣ и, быть можетъ, въ Вѣнѣ, чтобы лично сговориться съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ относительно отправки французской арміи чрезъ Ломбардію въ Галицію и Польшу. Въ Парижѣ обсуждались колоссальные проекты перерѣзки карты Европы: Австріи должна была быть отдана часть Турціи, Піемонту—Ломбардія, Англіи—Кипръ и Кандія, Франціи—Савойя, о. Сардинія и Бельгія послѣ смерти короля, наслѣдникъ котораго долженъ былъ вознагражденъ польскимъ престоломъ. Съ другой стороны, общественное мнѣніе во Франціи возставало противъ отдаленной и разорительной войны, въ которой англійскіе интересы были замѣшаны непосредственнѣе, нежели французскіе. Партіи волновались, и это обстоятельство было одною изъ причинъ, почему поѣздка императора Наполеона въ Крымъ была отложена. Ему доказывали, что его отсутствіе послужитъ сигналомъ къ революціонному движенію противъ его династіи. Незадолго передъ тѣмъ однимъ итальянцемъ было произведено покушеніе на него.

Все это наводило вѣнскій кабинетъ на размышленія о цѣнности союза, который, въ сущности, опирался на одномъ членѣ. Англійское правительство, ревниво относясь къ военному преобладанію, остававшемуся за Франціей въ восточной войнѣ, также начинало сближаться съ Австріей и Германіей.

Различныя, приведенныя нами, обстоятельства, со дня на день измѣнявшія европейское равновѣсіе, указывали кн. Горчакову, какимъ путемъ ему слѣдуетъ идти. Очевидно, совѣщанія о мирѣ были лишь недостойной комедіей, развязка которой была заранѣе рѣшена. Все, чего мы могли желать, заключалось въ томъ, чтобы не навлечь на себя вину разрыва и освободить Австрію отъ давленія Запада. Военная конвенція между тремя державами была составлена и готова къ подписи. Еслибы мы прервали переговоры, Австрія неизбежно была бы вовлечена въ борьбу. Такова была тактика гр. Буоля и его союзниковъ.

Наша тактика была прямо противоположна ей. Самолюбіе императора Франца-Іосифа было связано съ успѣхомъ совѣщаній о мирѣ. Слѣдовало дать ему возможное удовлетвореніе для того, чтобы сопоставить нашу умѣренность съ недоброжелательствомъ

нашихъ враговъ и указать императору опасность присоединяться къ требованіямъ, постоянно возрастающимъ. Еслибы намъ удалось вызвать разногласіе, это было бы брешью, которую время все увеличивало бы. Императоръ Наполеонъ, котораго военная честь и, быть можетъ, династическая судьба были поставлены на карту на поляхъ битвъ въ Крыму, никогда не простилъ бы Австріи того, что она покинула его въ рѣшительную минуту.

При такомъ настроеніи наши уполномоченные приступили, въ засѣданіи 14-го марта, къ обсужденію третьей статьи, въ которой заключался центръ положенія. Нашимъ противникамъ не легко было формулировать свои требованія. Дѣйствительно, ограничиться разумными предложеніями—значило для нихъ рисковать потерей всѣхъ результатовъ ихъ предшествующихъ усилій и въ особенности шансовъ, какихъ еще надѣялись добиться въ Крыму. Выставить преувеличенныя требованія—значило бы раскрыть свои тайные замыслы, оттолкнуть отъ себя Австрію и заставить ее перейти въ нашъ лагерь.

Они избѣжали такого двойного затрудненія довольно искуснымъ изворотомъ. Они предоставили намъ инициативу въ предложеніи мѣръ для осуществленія мысли, заключавшейся въ третьемъ пунктѣ, т.-е. пересмотра трактата 1841 г., въ смыслѣ, связывающемъ существованіе оттоманской имперіи съ европейскимъ равновѣсіемъ, и прекращенія нашего преобладанія на Черномъ морѣ. Однако западня была слишкомъ груба для того, чтобы не быть замѣченной нашими уполномоченными, которые видѣли себя въ необходимости или причинить ущербъ Россіи, или предъявить требованія, какія наши противники поспѣшили бы признать неудовлетворительными, для того, чтобы возложить на насъ отвѣтственность за разрывъ.

Вслѣдствіе того кн. Горчаковъ уклонился принять на себя инициативу, не донеся о томъ императорскому правительству, которое вполнѣ одобрило его рѣшеніе. Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ заявилъ, что его правительство, отдавая должное намѣреніямъ державъ, не считало своимъ дѣломъ принять на себя инициативу предложеній по третьему пункту. Пересмотръ трактата 1841 г., въ виду обезпеченія Турціи, былъ предложенъ державами; слѣдовательно, имъ и нужно было указать средства къ тому. Уполномоченные Россіи готовы были добросовѣстно обсуждать ихъ на томъ условіи, чтобы между ними не было ни одного, который нарушалъ бы права ихъ государя. Князь Горчаковъ напомнилъ объ увѣреніяхъ, какія онъ получилъ на этотъ счетъ отъ представителей великихъ державъ; такъ, между

прочимъ, англійскій уполномоченный заявилъ формально, что наилучшими условіями будутъ тѣ, которыя удовлетворятъ одновременно чести Россіи и спокойствіе Европы.

Такой отвѣтъ смутилъ нашихъ противниковъ. Они совсѣмъ не были приготовлены къ нему, и хотя, повидимому, имъ слѣдовало имѣть вполнѣ опредѣленные мнѣнія по предмету, столь давно занимавшему ихъ вниманіе, однако они нашли возможнымъ представить лишь слѣдующее уклончивое возраженіе: „что союзники, сожальтя, что инициатива, предоставленная Россіи, возвращается къ авторамъ предложенія, не находятъ возможнымъ высказать немедленно свои предложенія“.

Причина ихъ затрудненія была очевидна. Хотя идеи западныхъ державъ ясно обнаруживались въ рѣчахъ англійскаго парламента и французскихъ палатъ, также какъ и въ газетныхъ статьяхъ, до того времени онѣ никогда еще не были высказаны официально. Державы заявили, что „средства, которыя предстояло принять, зависѣли слишкомъ непосредственно отъ событій войны, для того, чтобы можно было заранѣе опредѣлить ихъ основу“. Эти слова означали, что наши противники имѣли въ виду разрушеніе Севастополя. По ихъ расчетамъ, движеніе военныхъ дѣйствій въ Крыму, на-ряду съ дипломатическими обсужденіями, должно было оказать давленіе на исходъ вѣнскихъ совѣщаній.

Однако событія не оправдали этихъ предположеній. Героическое сопротивленіе нашихъ войскъ не позволяло до сихъ поръ произносить имени Севастополя. Такимъ образомъ, къ желаемому результату нужно было подойти другими, менѣе прямыми, путями. Съ этою цѣлью наши противники выдвинули проектъ слѣдующаго содержанія:

1) участіе оттоманской имперіи въ выгодахъ европейскаго равновѣсія; общая гарантія державами уваженія ея независимости и цѣлости;

2) въ случаѣ столкновенія Порты и одной изъ державъ, обязательство для послѣдней дать другимъ возможность предотвратить такую крайность мирными путями, прежде чѣмъ обратиться къ силѣ;

3) закрытіе проливовъ, въ видѣ общаго принципа;

4) ограниченіе морскихъ силъ въ Черномъ морѣ четырьмя кораблями, четырьмя фрегатами и мелкими судами, для каждой изъ прибрежныхъ державъ;

5) право для каждой изъ прочихъ державъ вводить въ Черное море, съ разрѣшенія султана, силы, равныя половинѣ указанныхъ выше силъ прибрежныхъ державъ;

6) свобода для султана открывать проливы всѣмъ силамъ своихъ союзниковъ, въ случаѣ необходимости;

7) обязательство для прибрежныхъ державъ допускать консуловъ во всѣхъ ихъ черноморскихъ портахъ.

Изъ этихъ статей двѣ первыя были тотчасъ же приняты нашими уполномоченными, въ видѣ ручательства за наши мирныя намѣренія относительно Турціи. Они сдѣлали только одну оговорку, а именно, что территоріальная гарантія не обязывала Россію поддерживать ее военными силами. Такая оговорка вполнѣ оправдывалась громаднымъ протяженіемъ турецкой имперіи на трехъ материкахъ и неопредѣленностью ея границъ. Въ составъ ея входили и Аденъ, и Египетъ, и Тунисъ. Неужели мы должны были проливать русскую кровь для того, чтобы гарантировать эти владѣнія Портѣ, всякій разъ, какъ имъ угрожала бы опасность? Мы обязывались уважать независимость и неприкосновенность Турціи. Другія державы принимали на себя такое же обязательство. Этого казалось достаточнымъ. Еслибы оттоманская имперія подверглась нападенію, интересъ, какой мы имѣли въ ея сохраненіи, безъ сомнѣнія, не позволилъ бы намъ оставаться равнодушными къ тому; но мы хотѣли оставить за собою свободу дѣйствій.

Что касается остальныхъ статей, основанныхъ на принципѣ ограниченія нашихъ силъ въ Черномъ морѣ, кн. Горчаковъ рѣшительно отвергъ ихъ. Онъ напомнилъ свои предшествовавшія заявленія противъ всякаго средства, нарушающаго достоинство или права Россіи, увѣренія, какія ему были даны на этотъ счетъ, и въ особенности то, что лучшими условіями были бы тѣ, которыя примиряли бы честь Россіи съ спокойствіемъ Европы. Проектъ, представленный французскимъ уполномоченнымъ, не соответствовалъ такой программѣ, и поэтому не могъ быть допущенъ Россіей.

Исполнивъ эту обязанность, кн. Горчаковъ представилъ, въ свою очередь, контръ-проектъ, основанный на принципѣ свободного прохода черезъ проливы и свободного плаванія по Черному морю. Для поддержанія проекта онъ прочиталъ записку, въ которой доказывалось: „что слабость Турціи въ морскомъ отношеніи не была слѣдствіемъ ни нашихъ трактатовъ, ни даже преобладанія нашихъ морскихъ силъ. Турція обладала громаднымъ развитіемъ морскихъ водъ и береговъ, какъ нельзя болѣе благоприятныхъ для ея могущества на морѣ. Въ проливахъ и въ Константинополѣ она владѣла позиціей, которую сама природа сдѣлала недоступной. Россія, вынужденная разсѣивать свои суда по

тремъ морямъ, раздѣленнымъ громадными разстояніями, далеко не имѣла такихъ же выгодъ. Опасность, какую видѣли въ ея морскихъ учрежденіяхъ, будто-бы угрожающихъ Портѣ, была чисто мнимою. Въ общемъ итогѣ, наши эскадры могли высадить не болѣе 20,000 человѣкъ, въ пять или шесть недѣль. Это не могло быть серьезной угрозой для Турціи, но это могло быть полезной поддержкой, что доказывается 1833-мъ годомъ. Англіійскія и французскія эскадры, около Мальты и въ Тулонѣ, были даже опаснѣе нашихъ для оттоманской имперіи. Слѣдовательно, существованіе нашихъ морскихъ силъ было необходимымъ условіемъ общаго равновѣсія. Закрытіе проливовъ исходило не отъ насъ: то былъ старинный принципъ турокъ. Мы первые открыли этотъ проходъ для торговыхъ судовъ: отъ султана зависѣло открыть его и для военнаго флота. Послѣ того его спокойствіе было бы вполне обезпечено, такъ какъ иностранныя эскадры всегда имѣли бы возможность слѣдить за событіями и являться на помощь султану, какъ только ему угрожала бы какая-нибудь опасность“.

При всей своей справедливости, эти соображенія должны были потерпѣть неудачу передъ злонамѣренностью нашихъ противниковъ. Послѣдніе не могли удовольствоваться такимъ незначительнымъ результатомъ за всѣ жертвы, понесенныя ими въ теченіе войны. Для нихъ нужно было дѣйствительное ослабленіе Россіи. Австрія точно также противилась комбинаціи, предоставлявшей Черное море иностранной конкуренціи, въ особенности преобладанію Великобританіи и революціоннымъ идеямъ, всегда сопровождающимъ его. Представители державъ отказались обсуждать упомянутый контръ-проектъ и заявили, что ихъ инструкціи исчерпаны. Сообразно тому, лордъ Джонъ Россель поспѣшилъ оставить Вѣну, давая понять такимъ быстрымъ отъѣздомъ, что, въ глазахъ его, конференція была только комедіей и что пьеса уже сыграна. Еслибы такой результатъ оказался окончательнымъ, онъ былъ бы выгоденъ для нашихъ противниковъ.

Тѣмъ не менѣе, наши уполномоченные добились продолженія работъ, несмотря на отсутствіе перваго представителя Англіи, и тотчасъ же представили конференціи новое предложеніе. Такъ какъ западныя державы рѣшительно противились принципу открытыхъ проливовъ, и уполномоченный Турціи настойчиво заявлялъ, что Порта никогда не сдѣлаетъ уступки въ этомъ пунктѣ, то новый проектъ, внесенный кн. Горчаковымъ, основывался на противоположномъ принципѣ, а именно, на принципѣ закрытыхъ проливовъ. Проектъ состоялъ изъ двухъ статей: первая подтверж-

дала прежнее правило о закрытости проливовъ; вторая предоставляла султану верховное рѣшеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда его безопасность потребовала бы отступленія отъ этого правила и призыва или западныхъ, или русскихъ эскадръ.

Описываемая комбинація была составлена болѣе всего въ виду Австріи, интересамъ которой соответствовалъ гораздо болѣе принципъ закрытаго, нежели открытаго моря. Комбинація являлась своевременно для того, чтобы остановить императора Франца-Иосифа, котораго графъ Буоль счужѣлъ убѣдить въ томъ, что нашъ проектъ объ открытыхъ проливахъ обнаруживалъ недоброжелательные замыслы противъ Австріи и Турціи. Австрійскій императоръ былъ уже совсѣмъ готовъ обѣщать свою матеріальную помощь, и Друэнъ-де-Люисъ считалъ уже свое дѣло выиграннымъ. Уполномоченные Австріи заявили въ конференціи, что нашъ второй контръ-проектъ, хотя и не вполне удовлетворительный, заключалъ въ себѣ элементы сближенія, которые можно было развить. Но представители Запада отказались отъ всякаго обсужденія подъ тѣмъ предлогомъ, что инструкціи ихъ были исчерпаны.

Такимъ образомъ, конференція разошлась при двойномъ заявленіи. Гр. Буоль заявилъ, что Австрія не считаетъ всѣ шансы на миръ потерянными, что она признаетъ своимъ долгомъ отыскать въ различныхъ проектахъ, представленныхъ конференціи, элементы, могущіе привести къ соглашенію, и что она, слѣдовательно, предоставляла себѣ вновь открыть конференцію для разсмотрѣнія предложенія, которое она должна была выработать. Кн. Горчаковъ поспѣшно присоединился къ заявленію Австріи; онъ не хотѣлъ также, чтобы конференція разошлась, не подтвердивъ торжественно, что оба послѣдніе проекта рѣшенія третьяго пункта исходили отъ уполномоченныхъ Россіи, которые высказали свое мнѣніе съ достаточной подробностью.

Трудно было бы опредѣлить съ точностью то, что произошло между представителями трехъ державъ, не будучи посвященнымъ въ тайны ихъ переговоровъ. Что обѣщали Австріи для того, чтобы привлечь ее на сторону Запада? Какими причинами могла она оправдывать свое колебаніе? Рѣчь шла о договорѣ оборонительнаго союза, о новомъ Мюнхенгретцѣ, обращенномъ противъ насъ. Этотъ союзъ имѣлъ предлогомъ защиту Порты, для того, чтобы замѣстить нашъ отказъ—гарантировать ея территорию; но, въ сущности, настоящей цѣлью его было оградить Австрію отъ опасности нашего неудовольствія противъ нея. Во всякомъ случаѣ, гр. Буоль пришелъ къ соглашенію съ лордомъ

Дж. Росселемъ и Друэнъ-де-Люисомъ относительно основъ его новаго предложенія, которое они взяли съ собою въ Парижъ и въ Лондонъ, обѣщавъ поддерживать его передъ своими кабинетами. Къ сожалѣнію, это значило принимать на себя обязательства за предѣлами возможнаго.

Оба уполномоченные, видя передъ собою, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, добросовѣстное и достойное положеніе нашихъ представителей, краснѣли отъ жалкой роли, какую ихъ заставляли играть. Они хотѣли серьезно отнестись къ своей примирительной задачѣ. Но въ Парижѣ и въ Лондонѣ они напли правительство и общественное мнѣніе увлеченными страстью, исключительно занятыми Севастополемъ, гдѣ наше упорное сопротивленіе мѣшало успѣху ихъ оружія. Никто не хотѣлъ и слышать о примиреніи, и обоимъ министрамъ упрекали за то, что они становились органами его. Лордъ Дж. Россель былъ принятъ въ Англіи съ замѣтной холодностью. Въ Парижѣ Друэнъ-де-Люисъ пошелъ еще далѣе: онъ просилъ объ увольненіи его отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ принялъ его отставку и назначилъ преемникомъ ему графа Валуевскаго. Это значило ясно выставить передъ Европой систематическую враждебность нашихъ противниковъ на-ряду съ умѣренностью, которая всегда управляла нашимъ положеніемъ.

Такия впечатлѣнія не остались безъ результата. Общественное мнѣніе даже въ Австріи поднялось противъ гр. Буоля. Императоръ Францъ-Іосифъ сталъ лично относиться къ дѣлу живѣе, въ виду столь благопріятныхъ для насъ результатовъ. Мы имѣли возможность надѣяться, что вѣнскій кабинетъ остановится, наконецъ, на томъ пути, по которому онъ прошелъ уже такъ много въ теченіе двухъ лѣтъ.

Послѣ почти пяти-недѣльнаго перерыва, конференція была вновь созвана г. Буолемъ. Такой промежутокъ былъ необходимъ для того, чтобы сдѣлалось извѣстнымъ, какія рѣшенія примутъ парижскій и лондонскій кабинеты по поводу новыхъ австрійскихъ предложеній.

Моментъ казался рѣшительнымъ и для нашихъ противниковъ, и для насъ Германія, повидимому, еще разъ ускользала отъ ихъ вліянія. Австрія подалась назадъ. Пруссія была тверда; она дошла до того, что предлагала въ Вѣнѣ свою матеріальную помощь, если совѣщанія приведутъ къ разрыву между Австріей и западными державами. Всѣ онѣ хотѣли мира, почетнаго для всѣхъ. Союзники хотѣли войны: этого настоятельно требовала честь ихъ оружія. Образъ дѣйствій Австріи и Германіи чрезвычайно раздра-

жалъ ихъ. Газеты ихъ высказывались крайне рѣзко. Принимая на себя защиту интересовъ Европы въ Турціи, онѣ оспаривали у Австріи, которая не хотѣла принять дѣятельнаго участія въ борьбѣ, право указывать условія мира. Но въ то же время онѣ чувствовали необходимость сдержать свое неудовольствіе. Морскія державы подняли противъ насъ нравственную коалицію, выставляя насъ возмутителями общаго спокойствія, обвиняя насъ въ задорномъ и презрительномъ отношеніи къ Европѣ. Теперь, отказываясь отъ переговоровъ, онѣ доказали бы, что въ нихъ самихъ заключалось препятствіе къ восстановленію мира, и что, слѣдовательно, ихъ союзъ былъ гораздо опаснѣе для независимости континента, чѣмъ честолюбивыя виды, приписываемыя Россіи. Поэтому между Лондономъ и Парижемъ не могло не происходить долгаго колебанія. Оба кабинета старались сложить одинъ на другой позоръ мира, который былъ бы для нихъ горькимъ разочарованіемъ.

Однако нужно было хотя видимо показать готовность къ переговорамъ, даже имѣя твердое намѣреніе помѣшать ихъ успѣху. Съ этого момента рѣшеніе нашихъ противниковъ были установлено. Отчаявшись въ возможности увлечь за собой Австрію и Германію, они все свое вниманіе обратили на Крымъ: тамъ заключался для нихъ узелъ вопроса. Какъ скоро Севастополь былъ бы разрушенъ, третій пунктъ естественно получалъ бы фактическое рѣшеніе, соотвѣтственное и цѣлямъ войны, и военной чести союзниковъ. Въ виду того дѣлались лихорадочныя усилія для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ. Была минута, когда неуспѣхъ осады внушилъ мысль снять ее и обратить главныя силы союзниковъ на Перекопъ, чтобы разорвать нашу армію, или на Бессарабію. Но эти значительныя военныя дѣйствія требовали помощи Австріи. Такъ какъ отъ ея помощи слѣдовало отказаться, оставалось лишь продолжать осаду съ удвоенной энергіей. Большія подкрѣпленія должны были довести численность союзныхъ войскъ почти до 200,000 человекъ; управленіе военными дѣйствіями, изъ рукъ маршала Канробера, было передано въ энергическія руки генерала Пелиссье. Все указывало на твердую рѣшимость добиться успѣха во что бы то ни стало. Въ ожиданіи того было изъявлено согласіе выслушать для формы мирныя предложенія Австріи для того, чтобы удержать ее, по крайней мѣрѣ, въ нейтральномъ положеніи.

Такъ подготавлилась брешь, которую нашъ представитель старался образовать въ отношеніяхъ вѣнскаго кабинета къ его западнымъ союзникамъ; намъ оставалось извлечь изъ нея какъ можно болѣе пользы, увеличивая ее по мѣрѣ возможности. Главное

препятствіе, какъ всегда, заключалось въ личности гр. Буоля. Названный министръ долженъ былъ подчиниться волѣ своего государя, но онъ не отказался ни отъ одного изъ своихъ убѣжденій или увлеченій. Все его искусство сводилось къ уклоненіямъ въ исполненіи приказаній императора Франца-Иосифа.

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ далъ намъ новое доказательство своей злонамѣренности. Въ своихъ разговорахъ съ нашимъ представителемъ до созванія конференціи, онъ сообщилъ ему не текстъ, но сущность своихъ новыхъ предложеній. Третій пунктъ улаживался ими посредствомъ непосредственного соглашенія между нами и Портой относительно числа военныхъ судовъ, которое каждая изъ прибрежныхъ державъ предоставляла себѣ содержать въ Черномъ морѣ. Въ такой формѣ предложеніе могло быть принято; оно не заключало въ себѣ посягательства на наши права, которыя мы ограничивали по нашему собственному желанію, имѣя возможность указать такую цифру, какая для Турціи была бы недостижима. Нигдѣ не упоминалось о томъ, что Турція, въ свою очередь, можетъ назначить цифру, которая заставила бы насъ убавить наши морскія силы. Гр. Буоль усиленно настаивалъ на томъ, чтобы эти предложенія были приняты тотчасъ же, что должно было быть къ ущербу нашихъ противниковъ. По его словамъ, онъ не могъ понять—въ виду какихъ интересовъ мы стали бы увеличивать численность нашего флота. Какъ скоро Черное море являлось замкнутымъ, и мы отказывались отъ мысли угрожать безопасности Турціи, для чего же было бы обременять наши финансы бесполезными расходами?

Кн. Горчаковъ былъ не прочь принять такое предложеніе, хотя онъ не имѣлъ времени получить даже по телеграфу приказанія государя императора до начала засѣданія. Онъ разсуждалъ, что наше согласіе будетъ имѣть результатомъ установленіе, въ принципѣ, соглашенія съ Австріей, причемъ должно обнаружиться ея несогласіе съ Западомъ. Такой результатъ имѣлъ несомнѣнно важное значеніе. Однако, до своего рѣшенія, нашъ представитель старался добиться отъ гр. Буоля точнаго заявленія о намѣреніяхъ Австріи, въ случаѣ отказа западныхъ державъ. Позволить ли она вести себя на буксирѣ проектовъ, которые сама она называла преувеличенными и которые вынуждали ее къ утомительному финансовому напряженію? Не достойнѣе ли было бы сказать твердо: „Вотъ рѣшеніе третьяго пункта, признаваемое нами справедливымъ и почетнымъ. Окончательное рѣшеніе надо предоставить воюющимъ сторонамъ. Сообразно тому, къ чему онѣ придутъ, Австрія приметъ то или другое положеніе“. Но подобный тонъ

былъ бы не подъ силу вѣнскому кабинету. Гр. Буоль ссылался на обязательства 2-го декабря, связывавшія его, не допуская никакого отдѣльнаго соглашенія съ нами. Онъ признавалъ, что если союзники будутъ держаться своей рискованной политики, Австрія неизбежно отдалится отъ нихъ; однако такому неопредѣленному увѣренію нельзя было придавать большого значенія.

Тѣмъ не менѣе, кн. Горчаковъ отправился на конференцію съ твердымъ намѣреніемъ не отвергать австрійскаго предложенія. Но ему пришлось испытать величайшее изумленіе, когда, слушая чтеніе текста, который гр. Буоль отказался предъявить ему, онъ увидаль, что рѣшеніе третьяго пункта связывалось тамъ съ условіемъ, тщательно обойденнымъ австрійскимъ министромъ, условіемъ, направленнымъ къ тому, чтобы былъ установленъ предѣлъ численности нашихъ морскихъ силъ. Рѣшеніе было сформулировано слѣдующимъ образомъ: „Россія и Порта предложить, съ общаго согласія, на конференціи равную наличность морскихъ силъ, которую обѣ прибрежныя державы будутъ содержать въ Черномъ морѣ и которая не должна будетъ превосходить настоящій составъ русскихъ судовъ, плавающихъ въ этомъ морѣ. Установленное по этому поводу соглашеніе должно быть включено въ трактатъ“.

Несмотря на коварство такого приѣма, кн. Горчаковъ сдержалъ себя и не измѣнилъ своего положенія. Онъ принялъ предложеніе къ свѣденію, предоставляя рѣшеніе императорскому кабинету. На запросъ французскаго уполномоченнаго онъ заявилъ, что онъ не останавливается на условіи опредѣленной численности, въ видѣ предѣла для нашихъ морскихъ силъ, такъ какъ это было посягательствомъ на державныя права Россіи, которое онъ отвергалъ съ самаго начала совѣщаній, и такъ какъ гр. Буоль самъ выразилъ ему намѣреніе предлагать только почетныя условія.

Какъ бы то ни было, наше дѣло было выиграно. Уполномоченные Франціи и Англіи были крайне недовольны. Первый держалъ себя крайне рѣзко; въ своемъ раздраженіи, онъ высказалъ даже, что присутствуетъ на засѣданіи съ формальнымъ приказаніемъ произвести разрывъ. Лордъ Уэстморлендъ былъ гораздо спокойнѣе и его неопредѣленное положеніе мало согласовалось съ пылкостью его товарищей. Де-Буркенэ ежеминутно толкалъ его локтемъ, говоря ему въ полъ-голоса: „Да говорите же! предъявите ваши инструкціи; вѣдь вы имѣете приказаніе произвести разрывъ!“ Всѣ его усилія не могли вынудить отъ лорда Уэстморленда прямого заявленія о разрывѣ; послѣ засѣданія, послѣдній жаловался лорду Кларендону на отсутствіе такта и рѣзкость

де-Буркенэ. Въ такомъ различіи положеній былъ усмотрѣнъ признакъ охлажденія между двумя союзными державами. Англія, игравшая послѣ Инкермана лишь мало замѣтную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ, ревниво относилась къ преобладанію французовъ; она чувствовала, что династія императора Наполеона поколеблена, и старалась облегчить для себя отступление сближеніемъ съ Австріей. Въ итогъ результатъ былъ въ нашу пользу.

Уполномоченные западныхъ державъ заявили, что, такъ какъ предложенія, изложенныя австрійскимъ правительствомъ, не вполне осуществляютъ условія, указанныя инструкціями ихъ дворовъ, то они считаютъ, съ своей стороны, задачу конференціи оконченной. Къ несчастію, гр. Буоль, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ заявленіемъ для возвращенія себѣ полной свободы дѣйствій, ограничился объясненіемъ, что Австрія исчерпала свои предложенія, но остается готовою принять всякія другія предложенія, какія будутъ сдѣланы ей въ видахъ мира. Кн. Горчаковъ и г. Титовъ воспользовались, съ своей стороны, закрѣпить положеніе, какое они приобрѣли, подтверждая, что, если совѣщанія о мирѣ фактически прекратились, то они, тѣмъ не менѣе, считаютъ долгомъ довести австрійскія предложенія до свѣденія ихъ двора. Они прибавили, что, изъ уваженія къ державамъ, озабочившейся составленіемъ этого проекта, они изложатъ свое мнѣніе, заявляя, что въ общихъ принципахъ, предполагаемымъ гр. Буолемъ, они усматриваютъ основы возможнаго рѣшенія третьяго пункта.

Таковъ былъ исходъ вѣнскихъ совѣщаній. Они не привели къ миру, но, по крайней мѣрѣ, намъ удалось торжественно показать передъ глазами Европы и, въ особенности, Германіи, что Россія желала мира и что продолженіе бѣдствій войны должно быть приписано злонамѣренности западныхъ державъ. Нравственная выгода такого убѣжденія осталась за нами, вслѣдствіе обнародованія протоколовъ. Прусскій король громко отдалъ справедливость нашей умѣренности и утѣшился въ томъ, что былъ устраненъ отъ конференціи, которая такъ мало соотвѣтствовала общему ожиданію. Онъ предвидѣлъ возможность вернуться вмѣстѣ съ Германіей на путь посредничества, къ которому онъ стремился съ самаго начала восточнаго кризиса. Даже и вѣнскій кабинетъ вынужденъ былъ раздѣлять эти чувства. Нашъ представитель старался развить ихъ въ умѣ австрійскаго императора. По инициативѣ его величества, ему была назначена аудіенція, въ которой императоръ благодарилъ его за выказанный имъ примирительный духъ. Императоръ прибавилъ, что наши противники нанесли себѣ вредъ, прервавъ переговоры. Онъ заявилъ, что

будетъ просить Россію считать по прежнему четыре пункта основами мира и не возвращаться въ Княжества, гдѣ австрійскія войска должны были оставаться по прежнему. Взаимнѣ того онъ обязывался заявить, что Австрія не допустить нападенія на насъ съ этой стороны. Императоръ усиливался ослабить впечатлѣніе, произведенное образомъ дѣйствій его министра, который, безъ нашего вѣдома, ввелъ принципъ объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ. Его величество заявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не придаетъ этому условію значеніе ультиматума, обязательнаго для насъ.

Кн. Горчаковъ желалъ получить болѣе категорическія увѣренія относительно послѣдующаго положенія Австріи. Онъ замѣтилъ, что она хотѣла мира, между тѣмъ какъ морскія державы, видимо, толкали ее къ войнѣ. Еслибы даже онъ одержали успѣхъ въ Севастополѣ, для Россіи это было бы только началомъ настоящей борьбы; если же, напротивъ, онъ потерпѣли бы неудачу, имъ потребовалось бы вознаградить себя за нее. Нашъ представитель представлялъ необходимость возстановить между нами и Австріей тѣ отношенія, которыя скрѣплены были полувѣковымъ опытомъ и не могли быть замѣнены новыми союзами, въ концѣ концовъ основывающимися на одной личности. Императоръ Францъ-Іосифъ ограничился повтореніемъ того, что онъ не допуститъ наступленія противъ насъ изъ Княжествъ. Относительно нашихъ границъ, гдѣ присутствіе его войскъ парализовало наше движеніе, онъ не хотѣлъ принять никакого обязательства. Ни слово: уменьшеніе, ни слово: нейтралитетъ — не были произнесены. Императоръ разсчитывалъ на время, которое должно постепенно измѣнить положеніе; онъ заявилъ, что никогда не пойдетъ по пути, враждебному Россіи.

Хотя подобныя увѣренія далеко не соответствовали надеждамъ нашего министра, тѣмъ не менѣе, онъ заключали въ себѣ добрыя начала. Было очевидно, что, — обращаясь къ намъ съ прямыми предложеніями, — Австрія уклонялась отъ постановленій 2-го декабря. Къ несчастію, это настроеніе было испорчено въ своемъ примѣненіи пагубнымъ вліяніемъ графа Буоля. Ему удалось возбудить опасенія своего государя, доказывая ему, что отдѣльныя требованія, обращаемыя къ Россіи, были бы нарушеніемъ его обязательствъ 2-го декабря, и что препятствовать союзникамъ производить военныя дѣйствія въ Княжествахъ — значило идти къ разрыву съ ними. Въ результатѣ оказалось, что въ официальныхъ сообщеніяхъ, обращенныхъ къ намъ вѣнскимъ кабинетомъ, не заключалось формальныхъ требованій, а лишь

простое изъясненіе положенія, и что тамъ не упоминалось о гарантіи, обѣщанной противъ всякаго нападенія со стороны Княжествъ. Князь Горчаковъ напрасно приводилъ подлинныя слова императора Франца-Іосифа. Гр. Буоль отказался доложить о томъ императору, и, по обыкновенію, вліяніе министра взяло перевѣсъ надъ волей государя.

Тѣмъ не менѣе ударъ былъ нанесенъ. Французскій посолъ не скрывалъ своей досады. Онъ громко обвинялъ графа Буоля за то, что тотъ подготовилъ съ нашими уполномоченными заключительную сцену совѣщаній. Императоръ Наполеонъ вынесъ отсюда раздраженіе, которое легко понять, если принять во вниманіе неопредѣленность, господствовавшую надъ вѣроятнымъ исходомъ военныхъ дѣйствій. Участь Наполеоновской династіи рѣшалась въ Крыму. При тогдашнемъ состояніи умовъ окончательное пораженіе было бы для нея смертельнымъ. Такимъ образомъ, императоръ французовъ видѣлъ себя покинутымъ Австріей въ весьма критическую минуту. Вынужденный пускаться въ ходъ свои силы передъ твердынями Севастополя, онъ упрекалъ вѣнскій кабинетъ за то, что онъ былъ не столько вѣрный союзникъ, сколько честный врагъ. Онъ не простилъ ему этой измѣны, которая не только увеличивала тяжесть его настоящаго положенія, но и указывала на будущее время крѣпость связей между нами и Австріей, которыя онъ хотѣлъ разрушить.

Съ своей стороны, вѣнскій кабинетъ понемногу придавалъ своему положенію благоприятное измѣненіе. Императоръ Франц-Іосифъ поѣхалъ инспектировать войска, собранныя около границы. Его сопровождалъ генералъ Гессъ, вліяніе котораго еще болѣе усилило его доброе настроеніе. Трудami послѣдняго былъ выработанъ проектъ уменьшенія арміи. Его поддерживалъ ф.-Брукъ, призванный недавно на постъ министра финансовъ и полагавшій уменьшеніе арміи въ основу своей системы, какъ крайнюю необходимость, потому что, несмотря на увеличеніе дохода всѣми чрезвычайными средствами, расходы превышали его на сто милліоновъ флориновъ. На запросъ западныхъ державъ, австрійское правительство отклонило всякое активное участіе въ войнѣ. Оно извѣстило насъ, что договоръ 2-го декабря продолжалъ еще существовать. Австрія не считала себя обязанной объявлять намъ войну, чтобы доставить преобладаніе рѣшенію третьяго пункта, противному ея воззрѣніямъ, что на будущее время она будетъ держаться внѣ случайностей войны и будетъ ожидать минуты, когда воюющія державы встрѣтятся при настроеніи, одинаково благоприятномъ для серьезнаго соглашенія, къ возобновленію перего-

воровъ о мирѣ на основѣ четырехъ пунктовъ. Эти объясненія подтвердились фактами достаточно вѣскими, чтобы послужить отвѣтомъ на усилія западныхъ державъ привлечь Австрію къ дѣятельному союзу. Кромѣ уменьшенія арміи, сообразно упомянутому проекту, даже дислокація австрійскихъ войскъ, остававшихся подъ ружьемъ, предоставляла болѣе свободы нашимъ движеніямъ и позволяла намъ слѣдовать съ большей безопасностью нашей системѣ обороны.

Тѣмъ не менѣе, намъ трудно было отнестись къ такому настрoенію съ полнымъ довѣріемъ. Рѣшеніе оставалось за фактами войны; они должны были оказать рѣшающее вліяніе даже на положеніе Австріи. Для насъ было важно какъ можно болѣе закрѣпить выгодные элементы, какіе мы только - что приобрѣли. Съ этою цѣлью императорскій кабинетъ озаботился принятіемъ въ свѣденію увѣреній австрійскаго правительства, заявивъ ему, что и мы точно также ожидаемъ, чтобы воюющія съ нами державы выразили болѣе искренно мирное настроеніе, и тогда мы возобновимъ переговоры на основѣ четырехъ пунктовъ, оставляя за собою полную свободу нашихъ рѣшеній.

Кн. Горчаковъ былъ утвержденъ въ должности чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при вѣнскомъ дворѣ. Въ аудіенціи для врученія своихъ вѣрительныхъ грамотъ онъ имѣлъ случай разъяснить наше политическое положеніе и получить новыя увѣренія относительно видовъ императора Франца-Иосифа. Именно, его величество заявилъ ему, „что третій пунктъ гарантій является дѣвственной почвой и что права пропалаго не оставили на ней никакихъ слѣдовъ“.

Мы поспѣшили сообщить эти увѣренія правительствамъ Германіи, какъ для того, чтобы поставить ихъ въ нѣкоторомъ родѣ подъ ихъ нравственную гарантію, такъ и для того, чтобы успокоить эти правительства и укрѣпить ихъ нейтралитетъ, который велъ за собою нейтралитетъ сѣверныхъ государствъ. Императорскій кабинетъ пошелъ еще далѣе. Онъ рѣшился добровольно и безъ всякихъ условій предложить Германіи увѣреніе, какого она хотѣла, относительно поддержанія двухъ первыхъ пунктовъ, которые Союзъ считалъ особенно близкими себѣ, такъ какъ они касались нѣмецкихъ интересовъ.

Переговоры, начатые предварительно съ прусскимъ правительствомъ по этому предмету, потерпѣли неудачу вслѣдствіе щепетильности короля, потому что, взаимнѣ этой уступки, мы просили у него, чтобы онъ, съ своей стороны, присоединился къ нашему истолкованію третьяго пункта. Императорскій кабинетъ, оставляя

всякія требованія взаимныхъ уступокъ, заявилъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, что упомянутые пункты будутъ считаться рѣшенными въ смыслѣ, желаемомъ Германіей, до тѣхъ поръ, пока Австрія и Союзъ не примутъ участія въ войнѣ. Такой шагъ былъ встрѣченъ повсюду съ живѣйшимъ удовольствіемъ. По особому требованію берлинскаго кабинета, рѣшеніе императорскаго правительства было сообщено официально германскому Сейму, и, чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія, самое слово „нейтралитетъ“ было исключено изъ этого сообщенія. Мы требовали отъ Германіи только того, чтобы она поддержала принятое ею положеніе и не принимала участія въ войнѣ противъ насъ. Такая предосторожность была необходима, чтобы уничтожить сопротивленіе вѣнскаго кабинета, который усиливается доказать въ Сеймѣ, что послѣ договора 20-го апрѣля Германія перестала быть нейтральной. Съ своей стороны, англійское правительство протестовало во Франкфуртѣ противъ нашего заявленія, замѣчая, что оно не имѣло никакого значенія, такъ какъ Россія не могла одна ставить условій мира. Однако самая оппозиція, какую встрѣчало это новое доказательство нашей умѣренности, показывала, насколько оно было умѣстно и искусно; оно окончательно оставляло Германію въ сторонѣ во все продолженіе войны.

Такая мѣра предосторожности вполне оправдывалась стремленіемъ вѣнскаго кабинета, который понемногу возвращался къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Его отношенія съ западными державами, въ теченіе нѣкотораго времени, были крайне натянуты послѣ окончанія вѣнскихъ совѣщаній. Чѣмъ болѣе императоръ Наполеонъ разсчитывалъ на его дѣятельное содѣйствіе, въ случаѣ прекращенія переговоровъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ испытывать досады, видя, что австрійское правительство отказывается принять участіе въ войнѣ. Его чувства выразились съ особенною живостью въ іюнѣ, когда императоръ французовъ открывалъ законодательную сессію. Въ его рѣчи высказывалось намѣреніе погнудить Австрію къ выполненію ея обязательствъ. Вѣнскій кабинетъ отвѣтилъ на это уменьшеніемъ своей арміи и нѣсколькими примирительными шагами въ сторону Пруссіи и Россіи. Съ своей стороны, мы старались развить эти добрые зачатки.

Но вскорѣ гр. Буоль сталъ страпиться своей изолированности въ Европѣ. Сперва онъ искалъ у германскаго Сейма опоры, въ которой чувствовалъ необходимость, добиваясь одобренія своей политики и связывая Германію съ четырьмя пунктами, такъ чтобы она явилась солидарною съ его обязательствами передъ Западомъ. Въ такомъ смыслѣ онъ обратился съ предложеніемъ къ

Сейму, потребовавъ отъ союзныхъ государствъ присылки полномочій, дававшихъ ихъ представителямъ право заранѣе принять его. Онъ основывался на увѣреніи, какое мы ему дали о возобновленіи переговоровъ на основѣ четырехъ пунктовъ, когда наступитъ благопріятный моментъ. Но онъ тщательно обходилъ молчаніемъ оговорки, которыя мы присоединили къ нашему заявленію, оставляя за собою полную свободу дѣйствій въ будущихъ переговорахъ; онъ избѣгалъ также упоминанія объ увѣреніяхъ императора Франца-Иосифа кн. Горчакову, что третій пунктъ является дѣйственной почвой, на которой прошлое не должно было оставить никакого слѣда. Онъ доказывалъ, что наше заявленіе представляетъ формальное обязательство принять четыре пункта, и что отсюда для Германіи вытекаетъ обязательство также признать ихъ за собою формальнымъ заявленіемъ.

Прусское правительство выказало въ этомъ обстоятельствѣ такую же дружескую твердость по отношенію къ намъ. Оно отвѣтило, что такъ какъ вѣнская конференція не пришла ни къ какому результату, а западныя державы объявили, что онѣ не считаютъ себя связанными высказанными заявленіями, именно по отношенію къ третьему пункту, то для Германіи не было основанія принимать какое-либо обязательство по этому предмету. Несмотря на усилія вѣнскаго кабинета привлечь на свою сторону голоса мелкихъ государствъ, общественное мнѣніе становилось на сторону Пруссіи. Сеймъ начиналъ привыкать къ нейтралитету и оцѣнивать его выгоды. Съ той поры, какъ мы устранили его отъ борьбы, принявъ два первые пункта, согласно его желанію, Сеймъ не имѣлъ уже болѣе никакихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ. Поэтому онъ отказался заявить себя солидарнымъ съ прежней политикой Австріи и принимать обязательства внѣ нейтралитета. Нѣсколько разъ вѣнскій кабинетъ возобновлялъ свои усилія, чтобы понудить его связать себя съ четырьмя пунктами, но постоянно терпѣлъ неудачу передъ упорствомъ прусскаго кабинета, который оставался при своемъ прежнемъ недовѣріи къ политикѣ гр. Буоля. Дѣйствительно, домогательства этого министра въ Сеймѣ были внушены не однимъ только желаніемъ обезпечить за собою поддержку Германіи. Они очевидно имѣли цѣлью возобновленіе дружественныхъ отношеній съ западными державами, давая имъ на дипломатической почвѣ вознагражденіе за отказъ въ военной помощи.

Раздраженіе императора Наполеона противъ Австріи понемногу улеглось, подъ влияніемъ размышленія и совѣтовъ Англіи. Онъ понялъ, что, не желая переносить войны въ Италію, онъ не

имѣлъ интереса ссориться съ вѣнскимъ кабинетомъ и толкать его къ сближенію съ Россіей. Съ своей стороны, гр. Буоль, встревоженный своимъ изолированнымъ положеніемъ въ Европѣ, не замедлилъ сдѣлать примирительные шаги въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Отсюда воспослѣдовалъ обмѣнъ взаимныхъ увѣреній, имѣвшій цѣлью возстановить прежнія отношенія.

Западные дворы признали основательными причины, представленные вѣнскимъ кабинетомъ для объясненія своего отказа вести войну съ нами, но при этомъ поставили слѣдующія условія: 1) что Австрія не будетъ принимать видимыхъ военныхъ мѣръ, которыя могли бы казаться намъ обезпечивающими нашу безопасность; 2) что официально Австрія будетъ считать себя связанной съ Западомъ и не будетъ усиливать нашего политическаго положенія открытымъ отступленіемъ отъ принциповъ, за которые она стояла до тѣхъ поръ. Ей дали понять, что если она откажется отъ союза 2-го декабря, морскія державы будутъ имѣть право вступить въ соглашеніе съ Россіей, безъ участія Австріи и даже въ ущербъ ей, и отказаться отъ четырехъ пунктовъ, столь удобныхъ для интересовъ Германіи; если же, напротивъ, образъ дѣйствій ея будетъ признанъ удовлетворительнымъ, эти четыре пункта будутъ поддержаны среди будущихъ условій мира.

Эти угрозы и обѣщанія оказали свое дѣйствіе. Вѣнскій кабинетъ мало-по-малу опять подчинился давленію Запада. Было условлено, что, несмотря на формальныя обѣщанія, данныя кн. Горчакову императоромъ Францомъ-Іосифомъ, австрійская оккупация Княжества будетъ направлена исключительно противъ Россіи, т.-е. что австрійская армія будетъ отражать всякое русское войско, которое захотѣло бы вступить туда, и предоставить турецкой и союзнымъ арміямъ полную свободу нападать на насъ. Вѣнскій кабинетъ обязался не входить отдѣльно въ сообщенія съ нами. Онъ вполне призналъ за союзными державами право ставить намъ требованія за предѣлами четырехъ пунктовъ, въ качествѣ будущихъ условій мира. Съ своей стороны, державы согласились считать договоръ 2-го декабря въ полной силѣ. Онѣ обязались поддерживать четыре пункта въ числѣ будущихъ условій мира и по прежнему допустить Австрію къ участию въ переговорахъ съ Россіей, которые должны были открыться.

Такимъ образомъ, гр. Буолю удалось послѣдовательно уничтожить всѣ результаты вѣнскихъ совѣщаній и вернуться къ своему двусмысленному положенію, которое позволяло ему выжидать событій, ничѣмъ не рискуя, и пожинать плоды ихъ, становясь на сторону болѣе сильнаго. Единственное различіе съ прежнимъ

положеніемъ можно было усмотрѣть въ томъ, что до тѣхъ поръ Западъ выказывалъ вниманіе Австріи въ надеждѣ на ея дѣятельную помощь, тогда какъ теперь онъ дѣлалъ это для избѣжанія ея враждебности. Это должно было послужить предостереженіемъ для гр. Буоля, что его двуличная политика заставила его потерять стараго союзника, не приобрѣта ему новыхъ друзей.

Военныя событія поглощали общее вниманіе. Въ Крыму кризисъ подходилъ къ развязкѣ, которая одна могла измѣнить политическое положеніе. Несмотря на неуспѣхъ первой атаки, генераль Пелиссэ не ослабѣвалъ въ своихъ усиліяхъ. Несчастная битва подъ „Трактиромъ“ была только кровавымъ и бесполезнымъ эпизодомъ. Съ каждымъ днемъ около Севастополя смыкалось огненное кольцо, которое сдавливало его героическихъ защитниковъ. Положеніе становилось невыносимымъ. Наконецъ, взятіе Малахова кургана (27-го августа—8-го сентября) и отступленіе князя М. Д. Горчакова положили конецъ этой драмѣ, безпри-
мѣрной въ военныхъ лѣтописяхъ.

Это событіе должно было произвести во всей Европѣ громадную сенсацію. Севастополь былъ не только настоящимъ объектомъ войны, практической цѣлью, съ которой связывались всѣ надежды нашихъ противниковъ и, въ особенности, враждебныя чувства Англіи противъ насъ. Онъ былъ нравственною связью, поддерживавшей противъ насъ сплоченность коалиціи, и главнымъ препятствіемъ для всѣхъ примирительныхъ попытокъ. Императоръ Наполеонъ поставилъ здѣсь на карту свою честь и будущность своей династіи. Но какъ скоро цѣль была достигнута, политическіе расчеты должны были всплыть наверхъ и должны были обнаружиться различія мнѣній и интересовъ, которыя заставляли молчать. Каково же будетъ положеніе великихъ державъ въ этихъ обстоятельствахъ?

Въ итогѣ, война привела къ весьма сложнымъ результатамъ. Россія потерпѣла весьма важное пораженіе, но отчасти была вознаграждена за него. Она сопротивлялась, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ достоинствомъ и твердостью самой сильной изъ коалицій новѣйшихъ временъ. Несмотря на весь свой задоръ, союзники не могли выполнить свою программу разрушенія. Въ Балтійскомъ и въ Азовскомъ моряхъ ихъ подвиги ограничились проявленіями вандализма, которыя заставили отвернуться отъ нихъ общественное мнѣніе. Наша территория нигдѣ серьезно не пострадала. Послѣ одиннадцати мѣсяцевъ осады южная сторона Севастополя подчинилась ихъ власти, но эта побѣда стоила имъ очень дорого. Четыре миллиарда издержекъ, болѣе 100,000 человекъ убитыхъ

въ сраженіяхъ или умершихъ въ госпиталяхъ, и въ результатъ — развалины, надъ которыми господствовали пушки нашихъ фортовъ, — таковъ былъ балансъ кампаніи. Такой успѣхъ союзниковъ отчасти былъ вознагражденъ нашими успѣхами въ Азіи. Тамъ не осуществилась ни одна изъ иллюзій лондонскаго кабинета. Турки повсюду были разбиты и разбѣяны; возмущившееся населеніе Кавказа оставалось почти чуждымъ войнѣ; попытка Омера-паши произвести экспедицію въ Мингрелію послужила тяжелымъ урокомъ, который долженъ былъ отбить охоту для всякихъ попытокъ подобнаго рода. Наконецъ, Карсъ все-таки палъ передъ упорствомъ нашихъ войскъ, и этотъ важный пунктъ открывалъ намъ дорогу въ Малую Азію.

Въ военномъ смыслѣ, вся слава войны доставалась на долю французской арміи; въ своимъ признаннымъ блестящимъ качествамъ она присоединила стойкость и твердость въ тяжелыхъ испытаніяхъ, въ которыхъ ей отказывали до сихъ поръ. Англійская армія далеко не представляла таковой благопріятной картины. Англія доказала еще разъ, что она не обладаетъ элементами военной державы. Несмотря на сильный и красивый видъ ея солдатъ, ихъ роль была мало-замѣтной. Правда, недостатки организации, раскрываемые печатью съ безпощадной откровенностью, вызвали быстрыя и энергическія поправки. Тѣмъ не менѣе, зло существовало, и великобританская армія вынуждена была занимать лишь второстепенное мѣсто. Національное самолюбіе было живо затронуто этимъ, и блестящее военное преобладаніе Франціи породило зачатки ревности между союзниками.

И въ нравственномъ смыслѣ роль Англіи была также не болѣе достойною. Терпя недостатокъ въ солдатахъ и не находя у себя достаточно воинственности или патріотизма, чтобы пополнять пробѣлы въ рядахъ своей арміи, она набирала во всѣхъ подозрительныхъ мѣстахъ Европы бродягъ и авантюристовъ, которыхъ склоняла золотомъ на защиту цивилизаціи и гуманности. Ея агенты вербовали даже солдатъ нейтральныхъ державъ, слишкомъ слабыхъ, чтобы противиться такому нарушенію законовъ. Ея военные корабли стояли въ нейтральныхъ портахъ и рѣкахъ и принимали, въ глазахъ безсильныхъ властей, рекрутовъ, набранныхъ вопреки всякому праву. Скандальныя сцены, вызывавшіяся этой торговлей человѣческимъ мясомъ, серьезно скомпрометтировали, въ особенности въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, официальныхъ агентовъ великобританскаго правительства. Торговые права нейтральныхъ флаговъ также не уважались. Балтійское море было театромъ насильственныхъ дѣйствій, которыя превра-

пали войну въ организованное пиратство. Даже парламентарскій флагъ, считающійся священнымъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, не одинъ разъ служилъ для прикрытія незаконныхъ предпріятій.

Великобританское правительство, нисколько не скрывая такихъ гнусныхъ поступковъ, даже какъ будто ставило ихъ себѣ въ заслугу. Необходимо было, говорило оно, чтобы война сопровождалась бѣдствіями, достаточно ужасными, чтобы ни одна держава не могла легкомысленно хотѣть подвергнуться имъ ¹⁾. Англійская печать, примѣняя такія теоріи, позволяла себѣ самыя оскорбительныя выходки противъ всѣхъ государствъ, достаточно смѣлыхъ, чтобы отстаивать свою независимость и отказываться раздѣлять ея увлеченія. Германія и, въ особенности, Пруссія не терпѣли пощадъ. Берлинскому кабинету вѣнялось въ большую вину не только его политическое положеніе, но еще болѣе оказываемое Пруссіею содѣйствіе для вывоза нашихъ продуктовъ. Къ Греціи представители коалиціи относились какъ къ завоеванной странѣ; ея король и народъ осыпались оскорбленіями.

Наконецъ, жестокія насилія, совершенныя въ Балтійскомъ и Азовскомъ моряхъ противъ бѣдныхъ деревень, безобидныхъ судовъ и мирныхъ городовъ, гдѣ неоднократно Европа находила для себя продовольствіе въ голодныя времена, навели всѣхъ на размышленіе о характерѣ этой войны, предпринятой, повидимому, изъ челолюбія, также какъ и о послѣдствіяхъ союза между двумя морскими державами, которыя считали себя во главѣ цивилизаціи. — Всѣ эти соображенія выступали еще яснѣе въ виду умѣренности, выказанной Россіею, всегда искренно готовою на попытки къ примиренію, въ то время, какъ она энергически вела борьбу, начатую противъ нея.

Даже во Франціи общественное мнѣніе не было намъ враждебно. Раздраженіе, которое удалось вызвать, посредствомъ лжи, было совершенно искусственное. Армія бросилась въ войну съ своимъ обычнымъ увлеченіемъ, и общество вторило ей изъ національнаго тщеславія. Наше стойкое сопротивленіе пріобрѣло намъ уваженіе даже среди нашихъ враговъ. Между нами и Франціей не было никакой естественной непріязни. Даже съ политической точки зрѣнія всѣ способные разсуждать спрашивали себя, насколько уничтоженіе нашихъ морскихъ силъ можетъ имѣть интересъ для Франціи. Во всякомъ случаѣ, если война пользовалась

¹⁾ Такой отвѣтъ былъ данъ адмираломъ Дундасомъ русскимъ властямъ въ Финляндіи, которыя упрекали его за жестокости, совершенныя надъ бѣдными деревнями и жалкими финляндскими рыбаками.

нѣкоторымъ сочувствіемъ въ самомъ началѣ, продолжительность ея была не популярна. Жертвы, которыя она вызывала, тяжело ложились на страну; крайняя дороговизна, происходившая отъ двухъ неурожаевъ, и застой въ дѣлахъ причиняли общее недовольство, которое раздувалось демагогіей. Несмотря на упоеніе успѣхомъ, страна была недалеко отъ того, чтобы потребовать у правительства отчета за всю эту пролитую кровь, за истраченные деньги и, въ особенности, за жертвы, которыя еще приходилось нести.

Одна только Англія сохраняла еще свою враждебность и свою воинственность. Тамъ общественное мнѣніе было менѣе подвижно, менѣе поддавалось возбужденію и труднѣе успокаивалось, какъ скоро оно пришло въ движеніе. Великобританская нація любитъ опредѣлять во всемъ выгоды и потери. Балансъ представлялся ей не въ ея пользу, и даже дыма славы она не имѣла въ свое утѣшеніе. Общественное мнѣніе было оскорблено и раздражено тою неблестящей ролью, какую приходилось играть Англіи. Она надѣялась взять свое, нанеся намъ болѣе рѣшительные удары въ морской кампаніи на Балтійскомъ морѣ, гдѣ первенство будетъ, безспорно, на ея сторонѣ. Правительство давно уже готовило всѣ данныя для успѣха, отъ котораго его трудно было заставить отказаться.

Въ такомъ видѣ обрисовывалось положеніе Европы въ моментъ взятія южныхъ фортовъ Севастополя. Оно обнаружилось тотчасъ же на военной почвѣ. Освободившіеся отъ трудовъ осады, свободные въ своихъ движеніяхъ, полные хозяева на морѣ, союзники могли, продолжая свои дѣйствія съ энергіей и искусствомъ до зимы, овладѣть Крымомъ.

Положеніе нашей арміи было весьма критическимъ. Государь императоръ отправился въ Николаевъ, чтобы ближе стоять къ событіямъ. Тамъ обсуждался важный вопросъ: можемъ ли мы держаться на Таврическомъ полуостровѣ, или намъ слѣдуетъ немедленно оставить его, чтобы ожидать враговъ внутри страны. Князь М. Д. Горчаковъ былъ того мнѣнія, что нужно держаться во что бы то ни стало. Потеря Крыма была бы невознаграждима; она значительно скомпрометтировала бы наше положеніе, только слегка потрясенное. Утвердившись однажды въ этомъ треугольникѣ, почти недоступномъ безъ обладанія моремъ, союзники могутъ укрѣпиться такъ, что намъ невозможно будетъ ихъ выбить отсюда. Вѣроятно, тогда Крымъ былъ бы для насъ навсегда потерянь, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и наше положеніе въ Черномъ морѣ и на Кавказѣ. Кн. М. Д. Горчаковъ предпочиталъ рисковать всѣмъ

и ожидать врага въ сильной позиціи, занятой имъ въ Симферополѣ, обезпечивъ свои сообщенія съ Перекопомъ. Это мнѣніе взяло верхъ, чѣмъ была оказана громадная услуга Россіи.

Главнѣйшій нашей южной арміей разумно оцѣнилъ политическое положеніе, предполагая, что съ паденіемъ Севастополя ослабѣетъ и пылъ французовъ, и до зимы они не предпримутъ ничего рѣшительнаго. Такого затишья было достаточно, чтобы дать время развиться элементамъ переговоровъ. Судя по извѣстіямъ, доходившимъ къ намъ съ Запада, было очевидно, что, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ наступить періодъ пріостановки дѣйствій. Война должна была получить другой характеръ. Императоръ Наполеонъ далъ понять это въ своей рѣчи при открытіи всемірной выставки. „Нужно, — сказалъ онъ, — чтобы Европа высказалась. Въ концѣ концовъ, послѣднее слово принадлежитъ общественному мнѣнію“. Правда, такое заявленіе истолковывалось въ видѣ нѣкоторой угрозы для нейтральныхъ державъ.

Французское правительство усиливало свои старанія для пріобрѣтенія союзниковъ. Въ Испаніи маршалъ О'Доннель не отклонялъ рѣшительно его требованій выставить вспомогательный корпусъ, но возможность его присоединенія была въ зависимости отъ условія, что внутреннее состояніе страны не потребуетъ присутствія всѣхъ военныхъ силъ. Такое условіе дѣлало мало вѣроятнымъ активное содѣйствіе Испаніи, которое притомъ мало встрѣчало сочувствія при дворѣ и въ странѣ. Интриги, пущенныя въ ходъ въ Копенгагенѣ, чтобы привлечь Данію, не имѣли успѣха. Французскій кабинетъ, раздраженный этой неудачей, пригрозилъ отдать Голштинію Пруссіи и высказался въ такомъ смыслѣ въ Берлинѣ. Однако прусское правительство категорически отклонило подобныя предложенія и, чтобы прямѣе отвергнуть ихъ, вошло въ соглашеніе съ копенгагенскимъ дворомъ. Такимъ образомъ, французская дипломатія ничего не добила здѣсь, кромѣ униженія. Но въ Швеціи ея попытки давали болѣе надежды на успѣхъ. Переговоры между союзниками и стокгольмскимъ дворомъ велись уже давно. Уже предыдущей зимой, въ то время, когда эскадрамъ приходилось уйти изъ Балтійскаго моря, они предложили Швеціи занять Аландскіе острова; но это предложеніе было отклонено въ силу того, что стокгольмскій кабинетъ не могъ бы ихъ оставить тамъ въ теченіе цѣлой зимы. Позже, по мѣрѣ того, какъ въ Севастополѣ возрастало наше сопротивленіе усиліямъ союзниковъ, слагалось убѣжденіе, что Востокъ не будетъ настоящимъ театромъ войны, что рѣшительные удары должны быть нанесены въ Балтійскомъ морѣ. Англійскія газеты содѣйство-

вали, съ своей стороны, поддержѣть этого мнѣнія изъ раздраженія противъ второстепенной роли, какую Великобританскимъ войскамъ приходилось играть въ Крыму. Договоръ 2-го декабря, между союзниками и Австріей, еще болѣе подтвердилъ такіа предположенія.

Стокгольмскому двору не трудно было бы вступить на тотъ путь, куда его подталкивало общественное мнѣніе, ненависть котораго къ Россіи возбуждалась надеждой вновь вступить въ обладаніе Финляндіей. Однако король Оскаръ встрѣтилъ въ Парижѣ нѣкоторое недовѣріе, коренившееся въ воспоминаніяхъ о 1812 г. и извѣстныхъ династическихъ преданіяхъ. Король съ величайшей осторожностью и въ глубочайшей тайнѣ изслѣдовалъ настроеніе тьюлерійскаго кабинета. Онъ ставилъ условіемъ своего содѣйствія гарантію морскихъ державъ въ неприкосновенности его территоріи и матеріальную помощь, которая, кромѣ субсидій, должна была достигать до 100,000 человѣкъ. Король обѣщалъ присоединить къ нимъ 60,000 шведовъ и норвежцевъ. Въ виду того онъ прислалъ подробную записку о своихъ военныхъ силахъ.

Однако, въ то время, когда были сдѣланы эти предложенія, императоръ Наполеонъ находился въ Лондонѣ, и тамъ было условлено сосредоточить въ Крыму всѣ военныя усилія коалиціи въ кампанію 1855 г., для того, чтобы не раздроблять силъ, которыми возможно было располагать. Дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ должны были ограничиться морскими демонстраціями. Это было совсѣмъ не то, на что рассчитывалъ стокгольмскій кабинетъ. Вслѣдствіе того переговоры были приостановлены. Но послѣ взятія южныхъ фортовъ Севастополя стало очевиднымъ, что, если война продолжится, театромъ ея будетъ Балтійское море. Король Оскаръ вернулся къ своимъ честолюбивымъ мечтамъ и возобновилъ свои тайныя попытки въ Парижѣ, гдѣ онѣ были встрѣчены благоприятно. Основы соглашенія были установлены, и обмѣнъ орденовъ между государями послужилъ предлогомъ къ отправленію адмирала Виргина въ Парижъ и генерала Канробера въ Стокгольмъ. До того времени, переговоры были покрыты величайшей тайной. Нашъ представитель ничего не зналъ о нихъ. Порученіе генерала Канробера возбудило въ насъ нѣкоторыя подозрѣнія. Тѣмъ не менѣе, кромѣ самаго предупредительнаго приѣма его со стороны короля и общества, ничто не выдавало проекта о формальномъ союзѣ. Поэтому мы узнали съ величайшимъ удивленіемъ, благодаря нескромности, исходившей изъ Германіи, что 9-го (21-го) ноября былъ заключенъ договоръ между Швеціей и западными державами. Правда, договоръ имѣлъ лишь оборони-

тельный характеръ. Имъ устанавливалось, что Швеція обязывается ничего не уступать Россіи изъ своей территоріи, не давать ей никакихъ правъ рыбной ловли, пастбищъ или пользованья съ другими цѣлями на своихъ земляхъ и берегахъ, и немедленно сообщать западнымъ державамъ о всѣхъ предложеніяхъ, которыя будутъ ей сдѣланы по этому предмету. Западные державы обязывались, съ своей стороны, доставлять Швеціи матеріальную помощь, необходимую для противодѣйствія, въ случаѣ надобности, наступленіямъ Россіи.

Цѣль этихъ постановленій заключалась въ томъ, чтобы гарантировать Швецію и Европу противъ возможности русскаго вторженія со стороны сѣвера. Границы русскою и норвежскою Лапландіи не были точно опредѣлены. У насъ существовали съ норвежскимъ Финмаркеномъ сдѣлки, обоюдно выгодныя для обѣихъ странъ, обезпечивавшія за нашими рыболовами нѣкоторыя привилегіи въ гаммерфестскомъ портѣ и, взамѣнъ того, предоставлявшія жителямъ Финмаркена право вывозить изъ Архангельска извѣстное количество хлѣба, необходимаго для ихъ продовольствія. Гаммерфестскій портъ, расположенный на пути теплаго теченія, поднимающагося отъ Мексиканскаго залива къ сѣверу Европы, обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что онъ не замерзаетъ. Отсюда исходили дѣйствительныя или притворныя тревоги стражей западной печати, взявшей на себя выслѣживать признаки натиска „сѣверныхъ варваровъ“ на цивилизацію Запада! Намъ приписывали мысль создать изъ Гаммерфеста, посредствомъ искусно соображенныхъ захватовъ, второй Севастополь, угрожающій сѣверу Европы такими же опасностями, какими мы угрожали на югъ Востоку и бассейну Средиземнаго моря. Подобныя нелѣпости могли бы показаться невѣроятными, еслибы онѣ не были подтверждены формальнымъ договоромъ.

Этотъ актъ былъ проявленіемъ оскорбительнаго недовѣрія къ Россіи. Стокгольмскій кабинетъ старался оправдать его въ очень запутанномъ циркулярѣ, гдѣ онъ ссылался на опытъ прошлаго, на недавнія доказательства нашихъ наступательныхъ видовъ на Востокъ и на обязанность каждаго государя заботиться о безопасности своихъ владѣній. Неизвѣстно, сопровождалась ли упомянутая сдѣлка какой-либо тайной статьей, имѣвшей назначеніемъ предложить Швеціи нѣкоторыя, болѣе практическія, выгоды, взамѣнъ того выраженія враждебности, которымъ она нарушила наши прежнія отношенія. Во всякомъ случаѣ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ это былъ прецедентъ крайней важности. Онъ колебалъ и безъ того уже шаткое положеніе нейтральныхъ державъ и да-

валъ значительную нравственную опору нашимъ противникамъ въ такой моментъ, когда война, продолжаясь, угрожала принять характеръ общей борьбы.

Трудно было бы опредѣлить истинныя намѣренія императора французовъ въ то время, когда онъ заключалъ этотъ союзъ. Быть можетъ, по его мнѣнію, это была только мѣра предосторожности на тотъ случай, еслибы борьба продолжалась, или же мѣра для понужденія насъ къ миру увеличеніемъ числа нашихъ враговъ; или, быть можетъ, это было одно изъ тѣхъ сѣмянъ, которыя этотъ предусмотрительный государь любилъ сѣять въ виду будущаго. Судя по свѣденіямъ, доходившимъ до насъ изъ разныхъ источниковъ, императоръ Наполеонъ чувствовалъ, что онъ достигъ до кульминаціоннаго пунета своей политики; ему предстоялъ выборъ между путемъ приключеній, ведущимъ посредствомъ затягиванія войны къ потрясенію Европы, и передѣлѣ ея карты съ помощью Англіи и революціи, или путемъ консервативной политики, основанной на мирѣ и сближеніи съ Россіей.

Повидимому, онъ склонялся къ послѣднему. Кромѣ внутреннихъ и финансовыхъ затрудненій, о которыхъ мы говорили, онъ казался утомленнымъ отъ сообщничества съ Англіей. Онъ не отказывался отъ союза съ могущественной сосѣдкой, но политическій инстинктъ подсказывалъ ему, что Англія никогда не поддержитъ искренно ни одного національнаго французскаго интереса. До сихъ поръ въ восточной войнѣ онъ дѣйствовалъ скорѣе въ пользу Англіи, нежели Франціи. Не отрицая традиціоннаго интереса, заставлявшаго тюльерійскій кабинетъ бороться съ исключительнымъ преобладаніемъ Россіи на Востока, нельзя было отрицать, что названный кабинетъ, увлеченный требованіями военнаго самолюбія, перешелъ мѣру. Нашъ черноморскій флотъ былъ естественнымъ союзникомъ Франціи; если вопросы принциповъ раздѣляли насъ, тюльерійскій кабинетъ могъ напомнить намъ фактами, что, помимо принциповъ, существовала еще почва политики, гдѣ его дружба могла намъ быть полезна, а вражда опасна. Но отсюда до уничтоженія нашихъ морскихъ силъ существовало еще очень большое разстояніе. Къ несчастію, тюльерійскій кабинетъ перешелъ его. Безъ сомнѣнія, императоръ Наполеонъ находилъ извиненіе того въ увлеченіи событіями, которыми нельзя управлять по своему произволу; его имя и традиціи, вызванныя къ жизни въ началѣ его царствованія, налагали на него обязанность не вкладывать меча въ ножны, пока онъ не прибавитъ еще хотя одного славнаго подвига къ числу тѣхъ, которыми столь богаты военныя лѣтописи Франціи. Но еслибы его умъ имѣлъ полити-

ческую дальновидность, какую ему приписывали, онъ долженъ бы былъ относиться съ большимъ сожалѣніемъ къ такой необходимости и остановиться при первой возможности. Неужели онъ опять будетъ жертвовать кровью и деньгами Франціи для того, чтобы помогать Англіи производить въ Балтійскомъ морѣ то же дѣло разрушенія, какое совершалось въ Севастополѣ? Какой французскій интересъ могъ понудить его къ тому? Оба союзника отказались отъ всякой частной выгоды въ этой войнѣ; слѣдовательно, Франція въ ней ничего не могла выиграть и несомѣнно теряла ту опору, какую наши морскія силы могли прибавить къ ея силамъ, чтобы составить противовѣсъ исключительному преобладанію Англіи.

Поэтому, судя по планамъ, составлявшимся въ виду будущей кампаніи, между двумя созными дворами казалось условленнымъ, что война съ того времени будетъ имѣть иной характеръ. Рѣшено было не пытаться проникнуть на нашу территорію 1812-й годъ былъ еще живъ, съ своими ужасными воспоминаніями. Необходимыя силы должны были быть оставлены въ Севастополѣ для охраны занятаго пункта; въ Черномъ морѣ дѣло должно было ограничиться блокадой, а въ Балтійскомъ—морскими дѣйствіями противъ нашихъ портовъ. Съ этою цѣлью англійское правительство изготовило военные снаряды, губительность которыхъ была усилена, благодаря примѣненіямъ новѣйшей науки.

Но даже и въ такихъ предѣлахъ дѣятельность Франціи являлась бы только на второмъ планѣ, и вѣроятный результатъ послужилъ бы весь къ выгодѣ Англіи. Чѣмъ болѣе послѣдняя придавала ему значенія, тѣмъ естественнѣе было колебаться для Франціи ¹⁾).

¹⁾ Позже мы узнали тайную причину этихъ колебаній. Въ 1863 году, во время польскаго кризиса, французское правительство обнародовало депеши, какія Друэн-де-Лорисъ посылалъ въ 1855 году французскому послу въ Лондонѣ. Въ нихъ говорилось, что, такъ какъ война до тѣхъ поръ была наполовину военною, наполовину морскою, обѣ державы принимали въ ней почти равное участіе и отказывались отъ всякой исключительной выгоды. Но, какъ скоро Севастополь палъ, война не могла продолжаться, не сдѣлавшись континентальною; Франція придется играть въ ней главную военную роль и нести всю ея тяжесть. Она не могла принять на себя подобныхъ жертвъ безъ вознагражденія, достаточнаго для того, чтобы оправдать ихъ. Это вознагражденіе она могла бы найти въ возстановленіи Польши, что, съ одной стороны, опредѣлило бы цѣль войны, а съ другой, представило бы для Франціи и Европы значительныя политическія выгоды. Лордъ Пальмерстонъ категорически отвергъ это предложеніе, чѣмъ было доказано, что возстановленіе Польши никогда не было и не будетъ въ интересахъ Англіи. На этомъ доказывается также, что, выступая вмѣстѣ съ Англіей противъ насъ въ Черномъ морѣ, Франція служила исключительнымъ интересамъ эгоистической державы, которая вовсе не была расположена

Признаки такого настроенія императора Наполеона были извѣстны намъ по многимъ указаніямъ. Въ октябрѣ г. де-Маларѣ, французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ, съ большою живостью вывѣдывалъ отъ барона Мантейфеля — не получилъ ли тотъ изъ Петербурга какихъ-либо сообщеній относительно мира, прибавляя, что будетъ достойно сожалѣнія, если никто не захочетъ сдѣлать перваго шага, такъ какъ тогда война продолжалась бы безконечно безъ всякой необходимости. Баронъ Мантейфель отвѣчалъ только, что еслибы кто-либо могъ принять на себя инициативу, то никакъ не Россія, потерпѣвшая поражение, но Франція, достигшая значительнаго успѣха. Представители Германіи въ Парижѣ уловили подобные же признаки; общественное мнѣніе съ жаждою овладѣло ими. Германскія правительства возвращались къ своимъ идеямъ посредничества, и ихъ дипломатія работала съ удвоенной энергіей. Прусскій король отправилъ Гапфельда въ Парижъ, поручивъ ему развѣдать виды императора Наполеона относительно мира. Саксонскій и баварскій министры также отправились въ столицу Франціи подъ предлогомъ посѣщенія всемирной выставки. Они были приняты тамъ весьма дружески и нашли возможность горячо отстаивать дѣло общаго мира.

Императорскій кабинетъ внимательно слѣдилъ за этимъ положеніемъ. Мы продолжали держать себя твердо и рѣшительно. Наши военныя силы не были серьезно затронуты. Мы желали мира, но не намъ было испрашивать его. Опытъ показалъ намъ, что уступки, нисколько не обезоруживая недоброжелательства коалиціи, увеличивали требовательность нашихъ противниковъ и слабость нашихъ прежнихъ союзниковъ. Мы выжидали, готовые отразить нападенія нашихъ враговъ, также какъ и принять ихъ предложенія о примиреніи. Было весьма важно узнать, что можетъ выработаться изъ тогдашняго положенія вещей. Возьмутъ ли верхъ мирныя наклонности императора французовъ надъ воинственными стремленіями его морского союзника? Внесутъ ли обѣ державы, гордясь своимъ недавнимъ успѣхомъ, новыя требованія, кромѣ четырехъ пунктовъ, считавшихся до сихъ поръ основами мира? Каково будетъ, наконецъ, положеніе Германіи и Австріи въ этой новой фазѣ кризиса? Укрѣпится ли Союзъ въ своемъ нейтралитетѣ, рискнетъ ли онъ на рѣшительное посредничество, или же дастъ увлечь себя, вслѣдъ за Австріей, къ новымъ проявленіямъ слабодушія?

отплатить ей тѣмъ же на континентѣ. Въ то время, упомянутый отказъ ясно показывалъ императору Наполеону, что Франція ничего не можетъ выиграть отъ дальнѣйшаго веденія войны.

Задача разрѣшенія этихъ вопросовъ не могла быть дѣломъ официальной дипломатіи. Послѣдняя встрѣтила бы на своей дорогѣ слишкомъ много формальныхъ обязательствъ, мѣшавшихъ свободѣ дѣйствія кабинетовъ. Слѣдовательно, развитіе зачатей соглашенія можно было только помимо дипломатіи и конфиденціальными путями. По первымъ указаніямъ выяснились три обстоятельства: прежде всего то, что императоръ Наполеонъ не могъ бы допустить посредничества, такъ какъ ему нужно было прямое соглашеніе; далѣе—то, что инициатива формальныхъ предложеній должна была исходить отъ насъ, потому что Франція была связана съ Англіей, которая не хотѣла и слышать о мирѣ; наконецъ, то, что и той, и другой надобно вмѣшательство Австріи, и онѣ были бы рады обойтись безъ нея, перенеся въ другое мѣсто центръ переговоровъ. Таковы были данныя, сообразно которымъ намъ нужно было дѣйствовать.

Между нами и Франціей, параллельно и почти одновременно, установились два рода переговоровъ. Первые были поручены барону Зеебаху, зятю графа Нессельроде. Польщенный довѣріемъ нашего августѣйшаго государя и главы нашего кабинета, хорошо принятый при тюльерійскомъ дворѣ, Зеебахъ внесъ въ это дѣло много заботливости и рвенія. Его тайная корреспонденція съ гр. Нессельроде указываетъ, что вначалѣ французскій кабинетъ вступалъ съ нѣкоторою нерѣшительностью на этотъ мирный путь. Личное настроеніе графа Валевскаго было благопріятно. Его корреспонденція съ саксонскимъ министромъ была извѣстна императору Наполеону и пріобрѣтала, такимъ образомъ, необходимую авторитетность. Но императоръ уступалъ своему страху передъ Англіей. Онъ не хотѣлъ скомпрометтировать себя передъ своимъ союзникомъ, настроеннымъ исключительно въ пользу войны.

Тактика гр. Валевскаго вела къ тому, чтобы, повидимому, уступить давленію фактовъ и общественнаго мнѣнія, для того, чтобы найти достаточно твердую точку опоры и произвести, въ свою очередь, давленіе на Англію. Поэтому его первыя предложенія были облечены весьма осторожными оговорками. Цѣлью ихъ было выразить желаніе сближенія съ нами, не оставляя для насъ никакой иллюзіи ни относительно продолжительности союза съ Англіей, который императоръ Наполеонъ рѣшился поддержать, ни относительно прочности и силы этого союза, остававшегося непоколебимымъ и неотразимымъ и дѣлавшаго для Франціи миръ заслугой, а не необходимостью. Слѣдовательно, не ей, а намъ приходилось высказать первыя предложенія. Нужно было, чтобы эти предложенія были удовлетворительны и практичны, чтобы

онѣ не были изложены въ общихъ выраженіяхъ, но соотвѣтствовали бы новому положенію вещей и позволяли французскому правительству побѣдить трудности, какія оно предвидѣло для принятія ихъ въ Лондонѣ. Гр. Валуевскій приблизительно указывалъ духъ этихъ предложеній. Сущность дѣла сосредоточивалась въ третьемъ пунктѣ. Рѣшеніе, приводимое гр. Валуевскимъ, вращалось около двухъ комбинацій: ограниченія нашихъ силъ, посредствомъ прямого соглашенія между нами и Портой, или нейтрализаціи Чернаго моря. Французское правительство предпочитало первую, какъ болѣе простую, идущую прямо къ цѣли. Но, если наше достоинство не позволяло намъ согласиться на нее, оно совѣтовало принять вторую, которая, по его мнѣнію, устанавливала бы между нами и Портой нѣкоторое равенство, такъ какъ мы сохранили бы право имѣть военные суда въ Азовскомъ морѣ, а турки имѣли бы ихъ въ Мраморномъ морѣ.

Такія же предложенія были сдѣланы нашему представителю въ Вѣнѣ черезъ посредство графа де-Морни, но съ болѣею прямою. Сперва гр. де-Морни принялъ на себя тайную инициативу ихъ. Затѣмъ, такъ какъ его личное положеніе при императорѣ Наполеонѣ давало такой же кредитъ его корреспонденціи, одинаково бывшей извѣстною его государю, его неофициальный характеръ позволялъ ему большую свободу въ выраженіяхъ, чѣмъ это было возможно для гр. Валуевского, министра иностранныхъ дѣлъ. Морни утверждалъ, что у Франціи и Россіи не было ни одной причины для взаимной ненависти и было ихъ много для взаимнаго уваженія; что между ними не было никакой враждебности, но лишь чувство энергическаго нападенія и мощнаго сопротивленія, и что онѣ могли обѣ только терять отъ безконечнаго продолженія войны, не имѣвшей для себя никакихъ причинъ и выгодной для одной только Австріи. Онъ предлагалъ намъ, какъ и гр. Валуевскій, выборъ между ограниченіемъ и нейтрализаціей, опираясь также на возможность для насъ имѣть флотъ на Азовскомъ морѣ. Но для того, чтобы привести насъ къ принятію этихъ условій, онъ высказывался гораздо откровеннѣе. Онъ давалъ намъ понять, что подобныя уступки были множество разъ включаемы въ трактаты, что могущественный государь не считаетъ для себя безчестьемъ соглашаться на нихъ ради государственныхъ причинъ и для огражденія будущаго своей страны, что Францискъ I, быть можетъ, отказался бы подписать ихъ, но Карлъ V навѣрное принялъ бы ихъ, что подобныя трактаты держатся обыкновенно не долѣе обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ, но повемногу; по мѣрѣ того, какъ непріязненные чувства уга-

саютъ и положенія измѣняются, онѣ сглаживаются и забываются, и часто нація, поставившая условіе ограниченія силъ, первая требуетъ нарушенія его.

Тѣмъ не менѣе, хотя эти предложенія содержали въ себѣ многія удовлетворительныя начала, онѣ не привели къ желаемому результату. Причины, по которымъ онѣ не имѣли успѣха, весьма сложны. Прежде всего, въ началѣ этихъ переговоровъ, государь императоръ находился въ Николаевѣ. Благодаря медленности сообщеній, происходили проволочки, вредившія успѣху переговоровъ. Случай надо было хватать на-лету. Добрыя намѣренія императора Наполеона держались на тонкомъ волоскѣ. Императорскій кабинетъ усиленно настаивалъ на томъ, чтобы мы какъ можно поспѣшнѣе воспользовались ими, въ особенности ради предупрежденія новаго вмѣшательства Австріи. Дѣйствительно, всего поразительнѣе въ предложеніяхъ французскаго правительства была умѣренность, съ какою оно придерживалось четырехъ пунктовъ, несмотря на недавній успѣхъ, одержанный имъ надъ южной стороной Севастополя. Большое значеніе имѣло уже то, что условія мира не были отягчены въ упоеніи успѣхомъ.

Государь императоръ не питалъ большого довѣрія къ этимъ выраженіямъ доброжелательства Франціи. Государь проникся чувствомъ нашей военной доблести, пребывая среди своихъ войскъ. Онъ не былъ расположенъ входить въ сдѣлки съ нашими врагами въ то время, когда для нихъ должны были начаться настоящія трудности войны. Воспоминанія двѣнадцатаго года возбуждали въ насъ патріотическій энтузіазмъ, и самое желаніе мирнаго сближенія съ нами со стороны Франціи указывало, что шансы войны далеко не были исчерпаны для насъ.

По возвращеніи изъ Николаева въ ноябрѣ, государь императоръ приказалъ графу Нессельроде отвѣтить на предложеніе французскаго правительства въ такомъ родѣ, чтобы не нарушать его добраго настроенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, напомнить ему о томъ, что внушало намъ чувство собственнаго достоинства. Это чувство не допускало унижительныхъ условій, а таковымъ было ограниченіе нашихъ силъ—какъ бы ни прикрывали его. Что касается нейтрализаціи Чернаго моря, примѣненіе ея было весьма трудно; во всякомъ случаѣ, это былъ весьма неопредѣленный принципъ, который надо было выразить точнѣе. Князю Горчакову было предложено приостановить его секретную переписку съ графомъ де-Морни, чтобы не повредить той, какую велъ въ Парижѣ баронъ Зеебахъ. Морни предложилъ пріѣхать лично въ Дрезденъ для того, чтобы переговорить лично съ нашимъ представителемъ.

Можно было многого ожидать отъ его авторитета и его благоприятнаго отношенія къ намъ. Соображая послѣдованіе событій, нельзя не пожалѣть, что мы не воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Оно могло бы избавить насъ отъ внимательства Австріи и устранить отъ насъ одно изъ самыхъ оскорбительныхъ условій мира.

Но вниманіе вѣнскаго кабинета уже было возбуждено. Нескромность ф.-Бейста навела его на слѣдъ переговоровъ барона Зеебаха. Австрія, стремившаяся къ преобладающей роли въ этомъ великомъ политическомъ кризисѣ, опасалась, что она совсѣмъ будетъ оставлена въ сторонѣ. Она усиленно желала мира, который положеніе ея финансовъ дѣлало настоятельно необходимымъ. Продолженіе войны серьезно осложняло бы ея положеніе, и было трудно рассчитывать на постоянный успѣхъ ея дѣйствій отчасти политическихъ, отчасти стратегическихъ, которыя до того времени подтверждали только ея дипломатическое искусство въ ущербъ ея честности. Но если гр. Буоль хотѣлъ мира, то мира австрійскаго, т.-е., если не продиктованнаго имъ самимъ, то, по крайней мѣрѣ, выработаннаго его заботами такъ, чтобы не только удержать за Австріей уже приобрѣтенныя ею выгоды, но и обезпечить за ней новыя. Вѣнскій кабинетъ воспользовался съ неоспоримой ловкостью моментомъ неопредѣленности, которая послѣ окончанія осады Севастополя яснѣе всего проявлялась въ дѣйствіи кабинетовъ, и тѣми колебаніями, которыми отличались первыя попытки въ пользу мира. Большую услугу оказало ему извѣстное недоброжелательство Англіи, рѣшившейся отягчить, насколько возможно, условія мира, если она уже не могла помѣшать ему.

Что касается императора Наполеона—трудно опредѣлить съ точностью его намѣренія. Въ томъ, что онъ хотѣлъ сблизиться съ нами—нельзя сомнѣваться. Это было бы естественнымъ дополненіемъ его попытки. Онъ могъ полагать, что наши прежніе союзы навсегда разорваны и, слѣдовательно, подготовлена почва для новыхъ комбинацій, между которыми соглашеніе между Франціей и Россіей заняло бы первое мѣсто. Дальнѣйшее веденіе войны не представляло ему никакихъ выгодъ. Напротивъ, миръ и союзъ съ Россіей открывали обширное поприще его честолюбію, которое обращалось уже на Италію. Но онъ не хотѣлъ и не могъ разорвать свои связи съ Англіей. Слѣдовательно, онъ вынужденъ былъ къ большой осторожности. Его благоприятное отношеніе къ намъ создавало достаточный контрастъ между его положеніемъ и положеніемъ Англіи и Австріи. Чѣмъ болѣе враждебное вліяніе названныхъ державъ отягчило для насъ условія мира, тѣмъ живѣе

будетъ наше негодованіе противъ нихъ. Тогда умѣренность Франціи выступить лишь съ бѣльшимъ блескомъ. Это было сѣмъ, которое онъ бросалъ, предоставляя развитіе его будущему. Въ ожиданіи того, онъ хотѣлъ избѣжать неловкости въ настоящемъ. Дѣйствительно, могло произойти, что, по причинѣ ли чрезмѣрныхъ требованій коалиціи, или вслѣдствіе нашего сопротивленія — настоящіе переговоры не приведутъ къ миру; императоръ Наполеонъ долженъ былъ оставить себѣ извѣстный выходъ и для такой случайности.

Графъ Буоль понялъ это какъ нельзя лучше. Возобновляя переговоры съ Парижемъ и Лондономъ на основѣ четырехъ пунктовъ, онъ намекалъ на то, что на этотъ разъ его дѣятельное и немедленное содѣйствіе будетъ принадлежать коалиціи, въ случаѣ отказа съ нашей стороны; такое формальное увѣреніе оказало сильное давленіе на рѣшеніе французскаго и англійскаго правительствъ.

Извѣщенный о такихъ попыткахъ Австріи, предвѣщавшихъ намъ новыя затрудненія, императорскій кабинетъ, съ своей стороны, придалъ болѣе дѣятельный характеръ переговорамъ барона Зеебаха. Онъ болѣе всего останавливался на принципѣ, указанномъ намъ графомъ Велевскимъ, принципѣ прямого соглашенія между нами и Портой, достаточно ограждающемъ наше достоинство. Сообразно тому, саксонскому представителю въ Парижѣ было поручено формулировать наше предложеніе въ слѣдующемъ видѣ: 1) проливы останутся закрытыми; 2) никакой военный флагъ не будетъ допущенъ въ Черное море, за исключеніемъ военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы признаютъ для себя необходимыми; 3) число этихъ судовъ должно быть установлено прямымъ соглашеніемъ между нами и Портой безъ всякихъ посредниковъ. Эти предложенія были благопріятно приняты графомъ Велевскимъ, который выказалъ даже расположеніе спросить у державъ — готовы ли онѣ вступить въ соглашеніе относительно предварительныхъ условій мира.

Къ несчастію, сношенія между Вѣной, Лондономъ и Парижемъ происходили съ величайшимъ оживленіемъ, и доходившія до насъ свѣденія указывали близость соглашенія между тремя кабинетами для предъявленія намъ, въ формѣ ультиматума, условій, тягость которыхъ должна была еще увеличиться недоброжелательствомъ Австріи. Убѣждаясь въ томъ, императорскій кабинетъ рѣшился пойти впередъ, сообщивъ австрійскому правительству условія, какія мы готовы были подписать. Чтобы придать имъ болѣе вѣса, они были доведены одновременно до свѣденія

германскихъ дворовъ. Тѣмъ не менѣе, подобный шагъ не могъ остановить рѣшительнаго импульса, приданнаго ловкостью гр. Буоля отдѣльнымъ переговорамъ, съ присоединеніемъ вѣскаго обѣщанія немедленнаго содѣйствія со стороны Австріи.

Французское правительство уступило двойному давленію, исходящему изъ Лондона и Вѣны. Гр. Валуевскій сдѣлалъ видъ, что онъ недоволенъ предложеніями, какія мы сдѣлали въ Вѣнѣ, и воспользовался этимъ, чтобы объявить свою задачу оконченной. Такой предлогъ нельзя считать серьезнымъ. Еслибы Франція твердо желала того, она могла бы отдѣлиться и отъ Австріи, и отъ Англіи. Общественное мнѣніе Европы, безъ сомнѣнія, поддержало бы ее, и ея рѣшеніе, въ концѣ концовъ, вѣроятно, увлекло бы и ея союзниковъ. Императоръ Наполеонъ не сумѣлъ, или не захотѣлъ, взять на себя блестящую роль верховнаго судьи мира. Онъ удовольствовался положеніемъ посредника, благосклоннаго для насъ, но гораздо менѣе значительнаго по своимъ успѣхамъ, чѣмъ мы могли ожидать. Быть можетъ, слѣдуетъ предположить, что, въ расчетахъ своей политической предусмотрительности, императоръ французовъ видѣлъ съ удовольствіемъ, что слѣпое озлобленіе Австріи наносило намъ еще одну рану, вслѣдствіе которой между этой державой и нами должна была образоваться непроходимая пропасть.

Послѣдній разговоръ барона Зеебаха съ императоромъ Наполеономъ достаточно указываетъ различныя заботы послѣдняго. Императоръ сказалъ ему, что существуетъ два средства оканчивать великую войну: или полнымъ истощеніемъ одной изъ сторонъ, или же равенствомъ положеній, не затрагивающимъ чести ни той, ни другой. По его мнѣнію, въ настоящее время представлялся именно послѣдній случай. Въ Балтійскомъ морѣ союзники не сдѣлали ничего серьезнаго. Россія нигдѣ не была затронута. Въ Крыму союзники добились серьезнаго успѣха, но онъ обошелся имъ дорого; наше сопротивленіе было достойно величайшей славы; прекрасныя стратегическія распоряженія кн. Горчакова обезпечили участь Крыма на зиму, между тѣмъ какъ въ сентябрѣ, при болѣе энергіи и искусствѣ, союзники могли бы оспаривать у него обладаніе Крымомъ. Такимъ представляется прошлое. Что касается будущаго, шансы, по мнѣнію императора Наполеона, были всѣ въ пользу союзниковъ. Война не будетъ перенесена во внутрь Россіи, такъ какъ опытъ показалъ неуспѣшность этого средства, но будутъ пущены въ ходъ усовершенствованія морской науки для серьезнаго нападенія въ Балтійскомъ морѣ и уничтоженія Кронштадта. Блокада эскадръ въ Черномъ

морѣ понудить насъ держать на югѣ значительныя военныя силы. Къ чему все это можетъ привести? Къ бесполезному пролитію крови и расходамъ, которые будутъ выгодны только Австріи. Императоръ Наполеонъ выражалъ желаніе прочнаго сближенія съ Россіей, но онъ прибавлялъ, что Россія, будучи безъ союзниковъ, должна принести жертвы. Ей ставили возможный мінімумъ условій; какъ бы они ни были тяжелы, государственная мудрость совѣтовала принять ихъ. По крайней мѣрѣ, будущему не угрожала опасность. Императоръ Наполеонъ настойчиво указывалъ на огромныя затрудненія, встрѣченныя имъ въ Лондонѣ. Англійскіе министры возставали противъ всякой мысли о мирѣ, увѣренные, что онъ неминуемо долженъ будетъ привести ихъ къ паденію. Императоръ увѣрялъ, что онъ истощилъ всѣ свои усилія для того, чтобы устранить чрезмѣрныя притязанія англичанъ. Они хотѣли распространить на Азовское море принципъ нейтрализаціи и потребовать уничтоженія порта въ Николаевѣ; стоило величайшаго труда доказать имъ, что нелѣпо было предъявлять требованія къ тому, что не было захвачено. Но несомнѣнно было, что лондонскій кабинетъ будетъ очень доволенъ, если мы отвергнемъ условія мира, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, онъ надѣялся оправиться отъ жестокихъ ударовъ послѣдней кампаніи. Уже одно это соображеніе должно было заставить насъ принять условія. Баронъ Зеебахъ замѣтилъ, что во всемъ этомъ онъ не видитъ мѣста для переговоровъ. Онъ спросилъ, будутъ ли условія абсолютными. Императоръ Наполеонъ ограничился отвѣтомъ, что онъ желалъ сблизиться съ нами, и представить доказательства того во время обсужденій.

Это было обѣщаніе доброжелательнаго содѣйствія, но очевидно было, что намъ слѣдовало отказаться отъ всякой болѣе дѣятельной помощи. Дѣйствительно, вскорѣ мы были извѣщены, что предварительныя условія мира окончательно выработаны въ Вѣнѣ, что они будутъ доставлены намъ графомъ Эстергази и что, по соглашенію трехъ державъ, составленъ протоколъ относительно военныхъ мѣръ, какія имѣютъ быть приняты въ случаѣ отказа; первымъ послѣдствіемъ этого соглашенія долженъ быть разрывъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Австріей. Что касается самыхъ основъ предварительныхъ условій, онѣ оставались совершенно неизвѣстны намъ, такъ какъ три державы рѣшили ни въ какомъ случаѣ не сообщать ихъ нашему представителю въ Вѣнѣ, опасаясь рѣшительнаго противодѣйствія его.

Такимъ образомъ, несмотря на наши усилія, мы должны были оказаться, также какъ въ концѣ прошедшаго года, въ виду

предложеній, формулированныхъ союзниками 2-го декабря, но на этотъ разъ съ еще болѣе категорическимъ характеромъ. Положеніе Германіи не давало намъ никакихъ благоприятныхъ надеждъ. Правда, Пруссія сохраняла дружеское расположеніе къ намъ; она настоятельно совѣтовала намъ принять принципъ нейтрализаціи, для того, чтобы имѣть возможность соединить лагерь нейтральныхъ державъ около формальныхъ предложеній и отвергнуть комбинаціи, направленные къ тому, чтобы разъединить и увлечь Германію. Но энергія Пруссіи была истощена и сама она была изолирована. Второстепенныя государства Союза съ жаромъ отнеслись къ шансамъ, обѣщавшимъ, повидимому, возстановленіе мира. Но нельзя было скрывать отъ себя того, что чувство, управлявшее ими, было страхъ, и слѣдовало предположить, что эти правительства, подъ такимъ впечатлѣніемъ, скорѣе будутъ расположены стать на сторону коалиціи, для того, чтобы сломить наше сопротивленіе, чѣмъ оказать намъ помощь для того, чтобы умѣрить требованія нашихъ противниковъ.

Уже извѣстія, доходившія до насъ изъ Мюнхена, заставляли считать неизбѣжнымъ отпаденіе Баваріи. Король и самъ ф.-д.-Шфордтенъ были подавлены союзомъ ультрамонтанъ съ либералами. Вѣнскій кабинетъ эксплуатировалъ эти различные элементы; съ одной стороны, онъ ставилъ на видъ невозможность противиться Франціи, съ другой—выгоды, какія должны воспослѣдовать для католической Германіи отъ преобладанія Австріи, опирающейся на Францію. Въ то же время онъ старался успокоить умы относительно возможности участія въ войнѣ. Война не должна будетъ начаться тотчасъ же; германскія войска ограничатся занятіемъ нѣмецкихъ и итальянскихъ провинцій Австріи, для того, чтобы позволить послѣдней направить всѣ свои силы противъ насъ. Баварскій король предвидѣлъ моментъ, когда онъ будетъ вынужденъ стать противъ насъ, и, для оправданія себя, онъ обвинялъ насъ въ томъ, что мы первые нарушили трактаты, вступивъ въ Княжества. Пруссія была не въ силахъ бороться противъ увлеченій, предѣщавшихъ намъ дѣйтельное содѣйствіе Германіи противъ насъ, еслибы война еще продолжилась. Наконецъ, договоръ, заключенный Швеціей 9-го (21) ноября, указывалъ, насколько тогда было поколеблено положеніе нейтральныхъ державъ.

Въ виду такого положенія, серьезность котораго мы не могли не признавать, нами были получены, наконецъ, предварительныя условія мира, установленныя въ Вѣнѣ. Первые статьи вообще мало отличались отъ нашихъ условій. Ими устанавливалось:

1) Уничтоженіе всякаго иноземнаго протектората надъ Княжествами, которымъ будетъ дарована система національной защиты и организаціи, соотвѣтственно ихъ нуждамъ, подъ верховной властью Порты и коллективной гарантіей великихъ европейскихъ державъ.

2) Свобода плаванія по Дунаю, на основѣ принциповъ, установленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ.

3) Нейтрализація Чернаго моря, которое, будучи закрыто для военныхъ флотовъ, оставалось бы открытымъ торговымъ судамъ всѣхъ странъ; тамъ не должно быть ни оставлено, ни учреждено вновь военно-морскихъ арсеналовъ. Во всѣхъ портахъ должны быть созданы учрежденія, сообразно международному праву и обычаямъ, установленнымъ для покровительства коммерческимъ интересамъ.

4) Непосредственное соглашеніе между прибрежными державами, которымъ должно быть опредѣлено число и качество морскихъ силъ, признанныхъ необходимыми для обезпеченія ихъ торговли и ихъ береговъ. Результатъ такого соглашенія долженъ быть признанъ всѣми договаривающимися державами и включенъ въ окончательный трактатъ.

5) Наконецъ, подтвержденіе правъ, дарованныхъ султаномъ его христіанскимъ подданнымъ, какъ послѣдствія совѣщаній, къ которымъ Россія будетъ приглашена присоединиться при заключеніи мира.

Но, какъ мы уже предвидѣли, благодаря недоброжелательству Австріи и Англіи, къ этимъ основамъ были прибавлены двѣ статьи, дѣлавшія ихъ гораздо болѣе унижительными. Первая заключала въ себѣ уступку, для Молдавіи, части Бессарабской области замѣнъ мѣстностей и укрѣпленій, занятыхъ непріателемъ на крымской почвѣ. Это было развитіемъ мысли объ отсутствіи нашихъ владѣній на Нижнемъ Дунаѣ, мысли, уже проявлявшейся на послѣднихъ совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ, но категорически отвергнутой тогда нашимъ уполномоченнымъ и отринутой совѣстью императора Франца-Іосифа. Это была цѣна отложенія Австріи отъ насъ и оправданіе ея политики въ глазахъ Германіи, такъ какъ она брала на себя защиту интересовъ послѣдней на Дунаѣ. Второй параграфъ допускалъ прибавленіе статьи, въ силу которой воюющія державы предоставляли себѣ право ставить новыя условія въ европейскомъ интересѣ, во время хода переговоровъ. Этимъ открывался полный просторъ для мстительности Англіи и ея сопротивленія къ заключенію мира. Прибавленные здѣсь слова: въ европейскомъ интересѣ не могли успокоить насъ относи-

тельно неопредѣленности этой статьи. Ею утверждались всевозможныя толкованія и становились спорными всѣ результаты, добытые переговорами, даже тогда, когда произошло бы соглашеніе по всѣмъ другимъ пунктамъ.

Таковы были, въ цѣломъ, предварительныя условія мира, которыя намъ предложено было принять. Хотя вѣнскій кабинетъ представилъ ихъ намъ, какъ послѣднее слово коалиціи и послѣдній путь, открытый для его посредничества къ восстановленію мира, однако, императорскій кабинетъ воздержался отъ указанія той цѣны, какую Австрія назначала за свое посредничество. Принимая въ цѣломъ и въ существенныхъ принципахъ основы, какія были намъ сообщены, мы полагали представить достаточный залогъ нашего мирнаго расположенія къ спокойствію Востока и равновѣсію Европы. Императорскій кабинетъ ограничился требованіемъ простаго разъясненія послѣдней статьи, вслѣдствіе ея неясности, и замѣны статьи, означенной названіемъ „исправленіе границъ“, принципомъ обмѣна занятыхъ территорій. Дѣйствительно, если союзники завладѣли южной стороною Севастополя, мы, съ своей стороны, завладѣли крѣпостію Карсомъ, стратегическимъ ключемъ части Малой Азіи, что могло представить достаточное вознагражденіе за пункты нашей территоріи, занятые непріятелемъ.

Эти встрѣчныя предложенія, сообщенныя нѣмецкимъ дворамъ, получили тамъ общее одобреніе. Но въ Вѣнѣ гр. Буоль уже установилъ свое рѣшеніе. Несмотря на мнѣнія, выраженныя союзными государствами, несмотря на свое финансовое положеніе, которое, послѣ уменьшенія арміи и отчужденія государственныхъ имуществъ, все-таки выражалось дефицитомъ въ 8 милліоновъ флориновъ, онъ съ большимъ искусствомъ умѣлъ уловить рѣшительный моментъ не только для того, чтобы возвратить себѣ вліяніе на ходъ дѣлъ, но также чтобы пріобрѣсти для Австріи исключительныя выгоды на Нижнемъ Дунаѣ. Онъ отвѣтилъ намъ, что, будучи связанъ передъ морскими державами, онъ не имѣетъ возможности входить въ обсужденіе нашихъ предложеній; онъ не что иное, какъ посредникъ; все, чего онъ ожидаетъ отъ насъ, это—простаго принятія или отказа въ срокъ, назначенный до 6-го (18) января. Принятіе поведетъ къ миру; отказъ вызоветъ немедленный разрывъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Австріей.

Однако, чтобы ослабить различіе, выраженное въ нашемъ встрѣчномъ предложеніи, гр. Буоль далъ намъ увѣреніе въ томъ, во-первыхъ, что новое разграниченіе, какое должно быть уста-

новлено въ Бессарабіи, будетъ предоставлено конечному соглашенію, послѣ окончательныхъ переговоровъ, и, во-вторыхъ, что морскія державы не будутъ пользоваться выговореннымъ ими правомъ представленія новыхъ условій, для требованія военныхъ убытковъ или территоріальныхъ уступокъ, и что вообще онѣ не будутъ ставить новыхъ препятствій къ миру, на основаніи этого права.

Въ виду такого положенія, государю императору пришлось принимать рѣшеніе относительно мира или войны—мира невыгоднаго, сопровождаемаго унижительными условіями, къ какимъ Россія вовсе не привыкла, или войны, представлявшейся съ самыми неудобными шансами ¹⁾.

3-го (15) января 1856 года государь императоръ созвалъ комитетъ для обсужденія въ его присутствіи предложеній Австріи. Комитетъ состоялъ изъ е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, графа Воронцова, графа Орлова, князя Долгорукова, графа Киселева, графа Блудова, графа Нессельроде и ба-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что нашъ представитель въ Вѣнѣ былъ старательно устроенъ союзниками отъ этихъ переговоровъ. Однако, когда наши встрѣчныя предложенія, переданныя черезъ его посредство, были отвергнуты Австріей, кн. Горчаковъ поспѣшилъ телеграфировать въ Петербургъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало отвергнуть ультиматумъ Австріи, съ предложеніями, какія удовлетворяли бы Францію, но исключили бы изъ программы статью, прибавленную гр. Буолемъ, относительно территоріальной уступки въ Бессарабіи, представлявшей чисто австрійскій интересъ. Князь Горчаковъ, изъ своего политическаго опыта и секретной переписки съ гр. Морины, вынесъ убѣжденіе, что императоръ Наполеонъ, раздраженный противъ Австріи, уже обращавшій взоры на Италію и желавшій сближенія съ нами, тотчасъ воспользовался бы случаемъ вести переговоры помимо Австріи, отнять у нея роль верховнаго судьи, какой эта держава, своимъ образомъ дѣйствій, безъ сомнѣнія, не заслужила, и заключить миръ безъ нея. Гр. Нессельроде не раздѣлялъ такого мнѣнія. Его обвиняли въ томъ, что онъ указанную телеграмму не довелъ до свѣденія государя. Это обвиненіе не основательно, хотя телеграмма и не была сообщена совѣту. Позднѣе князь Орловъ увѣрялъ кн. Горчакова, что еслибы онъ зналъ о ней, онъ подалъ бы голосъ за отверженіе австрійскаго ультиматума. Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что, еслибы мы пошли такимъ путемъ, мы достигли бы мира, избѣгнувъ унижительнаго условія уступки части Бессарабіи. Гр. Нессельроде былъ такъ проникнутъ необходимостью мира, столь потрясенъ многочисленными случаями, когда мы испытывали потери вслѣдствіе слишкомъ позднихъ уступокъ, что онъ не хотѣлъ рисковать еще разъ въ столь рѣшительный моментъ. Онъ, такъ сказать, хотѣлъ подписать миръ съ закрытыми глазами. Его намѣренія были безукоризненны, но фактъ все-таки достойтъ сожалѣнія. Во всякомъ случаѣ, мы должны указать, что кн. Горчаковъ не хотѣлъ принимать никакого участія въ заключеніи мира, противъ котораго возмущался его патриотизмъ. Онъ громко отвергалъ отвѣтственность за него передъ Россіей и передъ исторіей. Когда ему было поручено управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ онъ получилъ полную возможность посвятить всѣ свои силы уничтоженію унижительныхъ статей трактата 1856 года. Онъ со славой выполнилъ эту задачу въ 1870 г.

рона Мейендорфа. Послѣ того какъ государь императоръ изложилъ, въ нѣсколькихъ словахъ, предметъ совѣщанія, канцлеръ имперіи испросилъ разрѣшеніе прочесть записку, заключеніе которой было въ пользу принятія пяти предварительныхъ условій мира. Мнѣніе его основывалось на слѣдующихъ мотивахъ. Предстоявшій передъ нами вопросъ имѣлъ только два рѣшенія: или принятіе, безъ всякихъ оговорокъ, австрійскихъ предложеній, опираясь на обѣщанія вѣнскаго кабинета, что онѣ будутъ обращены въ предварительныя условія мира,—или отверженіе ихъ безъ всякихъ оговорокъ, первымъ послѣдствіемъ которыхъ долженъ быть разрывъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Австріей, и вѣроятнымъ результатомъ—дѣятельное присоединеніе этой державы къ коалиціи, присоединеніе, угрожающее увлечь за собою Германію и скандинавскія государства.

Безъ сомнѣнія, сопротивленіе Россіи не было еще сломлено; ресурсы, какіе она почерпала въ энергіи своего правительства и патріотизмъ своего народа, далеко еще не были истощены. Борьба могла еще продолжаться; но опытъ двухъ послѣднихъ лѣтъ позволялъ намъ взвѣсить невыгодные шансы оборонительной войны съ театромъ въ 1,800 миль, перерѣзаннымъ двумя внутренними морями, обладаніе которыми обезпечивало за нашими противниками неоспоримое преимущество. Вынужденные разсѣвать наши силы на громадныхъ разстояніяхъ, мы были обречены, при увеличенныхъ силахъ, казаться численно слабыми на атакованныхъ пунктахъ. Свободный въ выборѣ театра своихъ дѣйствій, непріятель могъ наносить намъ повсюду чувствительные удары; мы не могли нигдѣ затронуть его, кромѣ Малой Азіи; но тамъ препятствія мѣстности, отсутствіе ресурсовъ въ странѣ, необходимость для насъ отдаляться послѣ каждой побѣды отъ нашего операціоннаго базиса—парализовали наши военныя дѣйствія и ставили имъ непреодолимую преграду. Успѣхъ со стороны непріятеля могъ затронуть жизненные пункты и интересы нашей имперіи. Успѣхъ съ нашей стороны только временно уничтожалъ одно изъ средствъ, какими дѣйствовали союзники.

Разрывъ, какимъ намъ угрожала Австрія, придавалъ еще болѣе серьезности такому положенію. Правда, австрійскій кабинетъ, вѣрный своей двойной игрѣ, заявлялъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что ему невозможно будетъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ теченіе 1856 г. Тѣмъ не менѣе, военный совѣтъ, состоявшійся въ Парижѣ, рѣшилъ, что усилія коалиціи должны быть сосредоточены на Черномъ морѣ. 100,000 англичанъ, турокъ и сардинцевъ должны дѣйствовать изъ Батума и Требизонда; глав-

ныя французскія силы должны дѣйствовать на Дунай и въ Бессарабіи, поддерживая оккупацию Крыма, съ цѣлью раздѣленія нашихъ силъ. Такимъ образомъ, война окажется въ сосѣдствѣ Австріи, которая, имѣя увѣренность въ поддержкѣ противъ насъ, можетъ допустить увлечь себя къ настоящимъ враждебнымъ дѣйствіямъ.

Ея положеніе можетъ оказать давленіе на нейтральныя государства, уже поколебленныя отложеніемъ Швеціи. Самой Пруссіи, несмотря на личное расположеніе короля, трудно будетъ воспротивиться давленію, какое будетъ оказано на нее. Итакъ, намъ угрожало увеличеніе числа нашихъ противниковъ и перспектива увидѣть передъ собой всю Европу. Наконецъ, оставляя даже въ сторонѣ такіе крайніе шансы, противъ которыхъ могли возмутиться мирные инстинкты общественнаго мнѣнія, у союзниковъ оставалось еще противъ насъ могущественное оружіе — блокада. Присутствіе ихъ эскадръ у нашихъ береговъ, система постановленій, распространенныхъ сперва на Австрію и скандинавскія державы, а впослѣдствіи, быть можетъ, и на германскія государства, отрѣзали бы Россію и повредили бы ея политическому и коммерческому будущему.

Такое положеніе, въ концѣ концовъ, сдѣлалось бы невыносимымъ. Рано или поздно, намъ пришлось бы принять миръ. Но тогда условія его стали бы тяжелѣе, въ зависимости отъ нашихъ затрудненій, отъ успѣховъ и пожертвованій нашихъ противниковъ. Настроеніе Англіи не оставляло намъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Только съ большимъ трудомъ понудили ее согласиться на пять пунктовъ, и она оставила за собою право устанавливать новыя, въ случаѣ отказа.

Напротивъ, принявъ предложенія Австріи, мы разстроили бы расчеты нашихъ враговъ, ожидающихъ отъ насъ отказа. Мы имѣемъ передъ собой шансъ разсѣять коалицію, составленную изъ разнородныхъ и антипатичныхъ элементовъ и связываемую лишь требованіями общей борьбы. Различіе интересовъ уже обнаруживается въ ней; война заставляла ихъ молчать; миръ разовѣетъ ихъ. Франція выказывала симпатіи къ намъ. Императоръ Наполеонъ колебался слѣдовать далѣе тому политическому пути, на который толкнула его эта война. Всѣ выгоды его онъ уже исчерпалъ и даже съ избыткомъ; онъ это чувствовалъ и желалъ остановиться. Отказъ съ нашей стороны, быть можетъ, навсегда свяжетъ его съ Англіей. Наше согласіе, удовлетворяя его самолюбію, сдѣлаетъ его вершителемъ мира, который позволитъ и Россіи, и Франціи, умудреннымъ опытомъ этого кризиса, придать

своей политикѣ новое направленіе, гдѣ ихъ интересы и стремленія найдутъ болѣе благоприятные элементы. Что касается сущности австрійскихъ предложеній, то, присоединяясь къ нимъ, мы признаемъ лишь принципы, какіе могутъ служить основой для переговоровъ о мирѣ. Большая часть этихъ главныхъ принциповъ были уже приняты нами; относительно подробностей разграниченія между Молдавіей и Бессарабіей было предоставлено конечному соглашенію; вопросы о Николаевѣ и Карсѣ не были затронуты. Такимъ образомъ, обсужденіе оставалось открытымъ, и мы при этомъ могли найти себѣ поддержку; и если въ окончательномъ результатѣ наши усилія должны были рушиться передъ недоброжелательствомъ нашихъ враговъ, мы давали, по крайней мѣрѣ, Европѣ новое доказательство нашихъ миролюбивыхъ чувствъ, переносили отвѣтственность за войну на союзныя державы и доставляли нейтральнымъ государствамъ достаточный предлогъ, чтобы оставаться внѣ борьбы.

Князь Воронцовъ признавалъ, насколько миръ на предложенныхъ намъ основахъ былъ тягостенъ. Но онъ прибавлялъ, что, имѣя въ виду продолженіе войны, онъ не видѣлъ никакой вѣроятности добиться лучшихъ условій. Напротивъ, всѣ шансы соединялись, чтобы предвидѣть миръ еще болѣе унижительный, который ослабилъ бы Россію на долгіе годы, вынуждая отъ нея пожертвованія территорій, людьми и деньгами, не поддающіяся вычисленію. Въ концѣ концовъ, Крымъ, Кавказъ и даже Финляндія и Польша могли подвергнуться опасности. Такъ какъ борьба неизбежно должна была остановиться у какого-нибудь предѣла, лучше было не дожидаться столь тяжелыхъ крайностей, но рѣшиться заключить миръ, прежде чѣмъ принудить къ нему истощеніе нашихъ средствъ и пока сопротивление еще возможно.

Графъ Орловъ опровергалъ возраженія, какія могли быть сдѣланы противъ мира. Какъ бы ни было затронуто общественное чувство, масса населенія, утомленная жертвами, налагаемыми войною, приметъ съ радостью извѣстіе о мирѣ. Только правительству, ближе знакомому съ дѣломъ, могущему охватить положеніе во всей его совокупности, принадлежитъ право рѣшенія такого вопроса, не принимая во вниманіе неосновательныхъ требованій.

Графъ Киселевъ высказался въ томъ же смыслѣ, въ особенности, выставя на видъ опасности, какія должны были произойти отъ продолженія войны. Россія завоевала свои области не болѣе полувѣка тому назадъ; это—время слишкомъ короткое для того, чтобы могло совершиться полное слѣдствіе

съ остальной имперіей. Волынь и Подолія подстрекались эмиссарами; недовольные дѣятельно проявляли себя тамъ. Финляндія, противъ своей воли, была понуждаема вернуться подъ власть Швеціи. Наконецъ, Польша настолько враждебна къ намъ, что она поднимется вся, какъ только военныя дѣйствія союзниковъ дадутъ къ тому возможность. Всѣ страны, положеніе которыхъ было неопредѣленно, становились для насъ источниками слабости передъ численнымъ превосходствомъ непріятеля; а еслибы онѣ подверглись оккупациі, трудно предвидѣть, когда, какъ и цѣною какихъ усилій могли бы мы возвратить ихъ себѣ. Въ сравненіи съ такими возможностями, жертвы, какихъ требовали отъ насъ, были ничтожны, и, по его мнѣнію, не слѣдовало колебаться въ виду столь невыгодныхъ шансовъ.

Князь Долгоруковъ, относительно нашего военного положенія, вошелъ въ подробности, которыя также имѣли цѣлью доказать невозможность для насъ продолжать войну.

Баронъ Мейендорфъ выводилъ также заключеніе изъ состоянія нашихъ финансовъ. Министръ финансовъ заявлялъ, что продолженіе войны неминуемо приведетъ насъ къ банкротству. Она уже обошлась намъ въ триста милліоновъ чрезвычайныхъ расходовъ, между тѣмъ какъ доходы представляли возрастающій дефицитъ и народный производительный капиталъ былъ уже затронутъ значительнымъ количествомъ рукъ, отнятыхъ отъ земледѣлія. Еслибы мы упорствовали въ войнѣ, столь невыгодной, мы оказались бы, при заключеніи мира, въ положеніи сходномъ съ положеніемъ Австріи послѣ вѣнскаго конгресса. Истощенная борьбою противъ революціи, она должна была отказаться отъ всякой политической инициативы и держаться системы мира, во что бы то ни стало. Въ 1847 г. князь Меттернихъ хотѣлъ отправить 30,000 человекъ въ Швейцарію, чтобы подавить тамъ революцію. Финансы Австріи не позволили ему это сдѣлать. Революція восторжествовала въ Швейцаріи, а вскорѣ и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ. Швеція представляетъ намъ другой примѣръ того, во что обращается страна, правительство которой упорствуетъ въ неравной борьбѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія она была еще значительной державой. Между тѣмъ войны Карла XII истощили ее, и она опустилась на степень государства третьяго разряда и никогда уже болѣе не поднималась.

Напротивъ, если Россія согласится теперь на миръ, нисколько не мѣшающій развитію ея средствъ и не угрожающій будущему, очевидно, что черезъ нѣсколько лѣтъ, при экономической системѣ управленія, она будетъ такъ же сильна, какъ и до войны, и будетъ

тогда въ состояніи выполнить то, чего настоящія обстоятельства не позволяютъ ей сдѣлать. Въ настоящее время миръ можетъ быть только перемиріемъ. Но если оттянуть его на годъ или на два, онъ оставитъ страну въ такомъ состояніи слабости, что понадобится пятьдесятъ лѣтъ, чтобы поднять ее, и тогда мы будемъ вынуждены соблюдать этотъ миръ, потому что долго еще не будемъ въ силахъ рѣшиться на новую войну, не говоря уже о томъ, что въ это время множество европейскихъ вопросовъ рѣшится безъ насъ и противъ насъ.

Только одинъ графъ Блудовъ говорилъ противъ мира, не отвергая его, однако, вполне. Со слезами на глазахъ онъ кончилъ слѣдующими словами: „Я скажу, какъ графъ Шуазель: такъ какъ мы не умѣемъ вести войны, будемъ вести мирные переговоры (*puisque nous ne savons pas faire la guerre, faisons la paix*)“.

Члены комитета единодушно высказались за принятіе австрійскихъ предложеній. Таково было мнѣніе совѣтниковъ государя.

Внѣ официальныхъ сферъ слышались другія мнѣнія. Общественное мнѣніе возмущалось при одной мысли объ унижительномъ мирѣ. Россія не была побѣждена; у нея была еще многочисленная армія съ славнымъ прошлымъ; у нея были воспоминанія, патріотизмъ, упорство въ борьбѣ, трудности, какія ея громадная территорія и суровый климатъ представляли всякому вторженію; она могла ожидать врага у себя дома, возобновить примѣры 1812 года, заставить его истощиться въ безплодныхъ усиліяхъ, утомить его силою выносливости и выждать благоприятнаго момента для того, чтобы его раздавить. Она не останется безъ союзниковъ въ этой страшной борьбѣ. Въ ея пользу послужатъ недостатокъ сплоченности коалиціи, различіе интересовъ, раздоры, нарушеніе матеріальныхъ интересовъ, столь могущественныхъ у націй, ослабленныхъ индустриализмомъ, симпатіи славянскихъ народовъ, которые въ Австріи и на Востоку не останутся безучастными зрителями этой героической борьбы. Такія чувства проявлялись съ крайнею живостью, но, надо сказать правду, безъ достаточной зрѣлости мнѣній, мудро взвѣшенныхъ на вѣсахъ холоднаго разсудка, и безъ несокрушимой энергіи необузданныхъ страстей, возбуждающей иногда народныя нервы.

Мы должны повторить, что существуютъ героическія безумія, дѣйствія невозможныя, на какія народъ можетъ рѣшиться съ успѣхомъ въ пароксизмѣ революціонной лихорадки, потому что тогда, увлекаемый страстью, которая не разсчитываетъ и не разсуждаетъ, онъ ставитъ на карту свое будущее. Но нельзя требовать подоб-

ныхъ рѣшеній отъ правильно организованнаго правительства, обязаннаго передъ прошлымъ и отвѣтственнаго за будущее страны. Повсюду въ этомъ мірѣ мы видимъ зло рядомъ съ добромъ. Человѣчеству предстоитъ только выборъ между болѣе или менѣе невыгодными шансами практической жизни. Россія пользовалась въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ безусловнымъ спокойствіемъ подъ охраной своего правительства. Но она могла пріобрѣсти такое преимущество, только отдавъ свою волю и свое свободное сужденіе въ руки монарха. Трудно было ожидать отъ нея самостоятельныхъ усилій, энергія которыхъ торжествуетъ въ великихъ кризисахъ.

Безъ сомнѣнія, еслибы борьба продолжалась, при видѣ непріятели, попирающаго отечественную землю, въ глубинѣ народа проснулись бы чувства, которыя лишь нѣсколько затихли во время долгаго мира. Но еслибы воспоминанія 1812 года подѣйствовали на него возбуждающимъ образомъ, тѣ же воспоминанія должны были вразумить нашихъ противниковъ. Они избѣжали бы тѣхъ ошибокъ, какія въ ту эпоху были роковыми для нихъ. Шансы борьбы были бы иными, и они были вовсе не въ нашу пользу. Между тѣмъ какъ мы почти оставались въ состояніи застою, другія державы сдѣлали громадныя промышленныя успѣхи, предоставлявшіе въ ихъ распоряженіе огромныя ресурсы въ видѣ средствъ перевозки, удобствъ сообщенія, вооруженія и военныхъ запасовъ. Въ политическомъ смыслѣ положеніе было совершенно инымъ. Въ 1812 году мы имѣли за собою морскую поддержку и денежную помощь Англіи, союзъ съ Швеціей и нейтралитетъ Турціи. Въ настоящее время всѣ эти державы были противъ насъ, и ихъ безусловное господство на нашихъ внутреннихъ моряхъ увеличивало ихъ средства нападенія. Намъ приходилось защищаться не только на нашей западной границѣ, а отъ Торнео и Архангельска до Тифлиса, отъ Варшавы до Камчатки.

Эта гигантская борьба потребовала бы жертвъ далеко несоизмѣрныхъ не только съ нашими силами, но и съ возможнымъ исходомъ ея, даже при наилучшихъ шансахъ. Существованіе нашей имперіи оказалось бы въ серьезной опасности, и это громадное зданіе, построенное съ такими трудами и настойчивостью въ теченіе вѣковъ подъ энергическимъ руководительствомъ царей, могло быть навсегда потрясено.

Государь долженъ былъ взвѣсить эти важныя соображенія передъ Богомъ и передъ своей совѣстью. На порогѣ будущаго, которое неизбѣжно должно было быть затронуто его верховнымъ рѣшеніемъ, государь прежде всего имѣлъ въ виду интересъ сво-

ихъ народовъ, страданія, какія они переносили съ такою преданностью и какія могли воспослѣдовать для него отъ продолженія войны.

Внутренняя жизнь Россіи находилась въ одномъ изъ тѣхъ положеній, когда нуженъ былъ только благотѣльный импульсъ для того, чтобы народъ могъ ступить на путь прогресса. Это могло осуществиться только благодаря миру. Война, быть можетъ, прибавила бы нѣсколько славныхъ страницъ къ нашимъ военнымъ лѣтописямъ, но, не считая непредвидѣнныхъ событій, тайна которыхъ находится въ рукахъ Провидѣнія, мы видѣли передъ собою лишь перспективу гигантской борьбы безъ вознагражденія, которая, разрушая народное благосостояніе въ его основѣ, т.-е. въ населеніи, въ его главномъ рычагѣ, т.-е. въ кредитѣ, отодвинула бы Россію на цѣлый вѣкъ назадъ.

Императоръ Александръ II рѣшился принять австрійскія предложенія.

Протоколъ, утверждавшій согласіе державъ на эти предварительныя условія мира, былъ подписанъ въ Вѣнѣ 20 января (1-го февраля). Онъ заключалъ въ себѣ обязательство прислать въ теченіе трехъ недѣль уполномоченныхъ въ Парижъ, чтобы подписать тамъ формальныя предварительныя условія, за которыми должны были послѣдовать перемиріе и окончательный трактатъ.

Генералъ-адъютанту графу Орлову и барону Бруннову поручено было представлять Россію на этихъ совѣщаніяхъ.

Эти рѣшенія были повсюду приняты съ энтузіазмомъ и признательностью, обращенными къ августѣйшему государю, великодушная инициатива котораго обѣщала возратить Европѣ блага мира. Такія надежды, распространившись во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи, національное самолюбіе которой было уязвлено, проявились съ энергіей, которая должна была понудить правительства къ быстрому рѣшенію.

Конференція открылась въ Парижѣ 25-го (13) февраля 1856.

XV.

ПАРИЖСКІЙ КОНГРЕССЪ И ТРАКТАТЪ 18 (30) МАРТА 1856 ГОДА.

Переговоры открывались при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Предварительныя условія не были подписаны, а только помѣчены въ Вѣнѣ. Формальное подписаніе было предоставлено парижской конференціи. Слѣдовательно не было ничего окончательнаго, что

указывало бы исходъ совѣщаній. Все еще могло быть передѣлано. Настроеніе Англіи было замѣтно враждебное къ намъ.

Повидимому самымъ искреннимъ желаніемъ ея было, чтобы эти попытки примиренія не удались и опять начались военные дѣйствія. Вѣнскій кабинетъ, не заходя такъ далеко въ своей неприязни, рѣшился, насколько это отъ него зависѣло, увеличить тяжесть условій, какія намъ будутъ поставлены. Итакъ, его голосъ заранѣе былъ отданъ нашимъ врагамъ. Мы не могли, конечно, рассчитывать и на Турцію, хотя она и весьма желала посредствомъ мира освободиться отъ невыгодной опеки своихъ друзей. Она вполне отдала свою независимость въ ихъ руки. Пруссія была фактически исключена изъ конференціи.

Такимъ образомъ, безусловно лишь одна Франція представляла для насъ нѣкоторые шансы поддержки. Какъ мы уже говорили, императоръ Наполеонъ не стоялъ за продолженіе войны. Онъ достигъ и даже пошелъ дальше своей цѣли. Онъ не видѣлъ выгоды въ присоединеніи къ увлеченіямъ англичанъ. Кромѣ того, чтобы пожать плоды своей политики, онъ желалъ сближенія съ нами. Эти два главные теченія его мысли заставляли его относиться благопріятно къ миру. Но нельзя было не замѣтить, что императоръ менѣе всего хотѣлъ ссориться съ Австріей. Онъ слишкомъ опасался этой державы: ихъ общность дѣйствія была еще слишкомъ недавняго происхожденія, и во Франціи слишкомъ горячо пропагандировали этотъ вопросъ въ теченіе двухъ лѣтъ, для того, чтобы можно было думать о ихъ разрывѣ. Императоръ Наполеонъ ничего не имѣлъ и противъ враждебности Англіи и Австріи по отношенію къ намъ. Онъ видѣлъ въ этомъ поводъ для насъ искать союза съ нимъ, средство оставить за собой всѣ выгоды посредничества безъ всякаго риска. Все, чего мы могли разумно надѣяться отъ него, это—примирительнаго настроенія и личнаго голоса въ нашу пользу.

Императорскій кабинетъ имѣлъ въ виду такое положеніе при начертаніи инструкцій графу Орлову. Намъ слѣдовало опираться, насколько возможно, на доброе настроеніе императора Наполеона, для того, чтобы придти къ окончательному миру. Чтобы развить такіе начатки, намъ нужно было выразить ему съ нашей стороны чувство дружбы, вручить ему наши интересы и создать ему положеніе верховнаго судьи.

Первое препятствіе, на которое мы должны были натолкнуться, былъ пятый пунктъ, неопредѣленная редакція котораго выражала собою враждебные виды Англіи, и затѣмъ пунктъ, относившійся къ новому разграниченію Бессарабской области и выразившій собою

непріязненность Австріи. Лондонскій кабинетъ требовалъ, чтобы пятый пунктъ былъ формально внесенъ въ предварительныя условія; было вѣроятно, что съ самаго начала обсужденіе откроется на этой почвѣ. Мы не могли разгадать, какого рода западня для насъ скрывается въ немъ. Если дѣло шло только объ обязательствѣ не возстановлять укрѣпленій Бомарзунда и Аландскихъ острововъ, мы готовы были на это согласиться. Но такая уступка и обладаніе Карсомъ были для насъ единственнымъ средствомъ переговоровъ. Для насъ важно было удержать его за собою, чтобы, если возможно, устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить статью, устанавливающую уступки территоріи въ Бессарабіи. Относительно прочихъ статей принципы уже были установлены; дѣло шло лишь о наиболѣе точной редакціи ихъ, наиболѣе соответствующей нашимъ настоящимъ и будущимъ интересамъ.

При самомъ пріѣздѣ въ Парижъ, гр. Орловъ могъ измѣрить всю трудность задачи, какую ему предстояло исполнить. Первою заботою его было установить предписанныя ему отношенія съ императоромъ Наполеономъ. Онъ былъ принятъ императоромъ именно такъ, какъ мы могли ожидать. Депеши, въ которыхъ нашъ уполномоченный отдастъ отчетъ объ этихъ свиданіяхъ, исполнены живого интереса. Хотя всегда осторожный въ выраженіи своихъ мыслей, императоръ французовъ обнаружилъ, однако, нѣсколько разъ виды на будущее, какіе онъ связывалъ съ политическимъ сближеніемъ съ нами. Гр. Орловъ отвѣтилъ на эти намеки, давая понять, что, умудренные опытомъ послѣднихъ лѣтъ, мы не будемъ настроены противъ такихъ видовъ. Графъ счумѣлъ своею откровенностью обезпечить за собою довѣріе императора и заставить принять его ту роль, какой мы отъ него желали. Въ теченіе переговоровъ, всякій разъ, какъ наши уполномоченные встрѣчались съ непреодолимыми затрудненіями, они обращались къ личному вмѣшательству императора Наполеона и всегда оставались довольны результатомъ.

Такой случай представился уже на первомъ совѣщаніи. Вопросъ шелъ о формальной редакціи предварительныхъ условій. Какъ мы уже предвидѣли, пятый пунктъ повелъ къ оживленнымъ спорамъ между нашими и англійскими уполномоченными. Австрійскіе уполномоченные становились на сторону нашихъ враговъ. Французскіе — выказывали мягкую сдержанность и смущеніе.

Лордъ Кларендонъ заявилъ формально, что Англія никогда не допуститъ отдачи намъ Карса, въ видѣ средства вознагражденія или сдѣлки. Онъ поднялъ по поводу нашей азіатской границы длинный споръ, въ которомъ онъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ

выставлялъ спорность всѣхъ нашихъ закавказскихъ владѣній и предполагалъ воспретить намъ возстановленіе всѣхъ береговыхъ фортовъ. Эти раздражающія пререванія угрожали съ самаго начала разрывомъ переговоровъ. Тогда гр. Орловъ обратился къ императору Наполеону, для того, чтобы противопоставить его волю недоброжелательству его враговъ. Императоръ не поколебался начертать точную границу уступокъ, какія онъ совѣтовалъ намъ въ виду мира и за предѣлами которыхъ онъ отказывался присоединиться къ требованіямъ Англіи. Онъ объяснился вполне ясно съ великобританскимъ уполномоченнымъ, и его вмѣшательство имѣло рѣшающее дѣйствіе. Лишенная поддержки Франціи, англійскія притязанія были приведены къ нулю нашими представителями, которые, съ трактатами въ рукахъ, опровергли аргументацію лорда Кларендона и отстояли для своего государя полное обладаніе его правами надъ подвластными ему странами.

Послѣ весьма бурныхъ преній, пятый пунктъ былъ приведенъ къ взаимному соглашенію о невозстановленіи фортовъ Бомарзунда и о повѣркѣ нашей азіатской границы, помимо всякой безвозмездной территоріальной уступки.

Такимъ образомъ, неизвѣстность, тяготѣвшая надъ переговорами, была устранена; они вступили въ область извѣстнаго и пошли гораздо быстрее.

Оставалось еще затрудненіе — новое разграниченіе между Бессарабіей и Молдавіей. Гр. Буоль, поддерживаемый англійскими уполномоченными, намѣревался заставить насъ принять безъ всякихъ оговорокъ планъ, указанный вѣнскимъ кабинетомъ и отнимавшій у насъ половину Бессарабіи. Тщетно наши уполномоченные возражали противъ невозможности примѣненія этого плана, возбуждавшаго безполезныя мѣстныя затрудненія, между тѣмъ какъ дѣло шло лишь объ удаленіи насъ съ Дуная. Австрійскій министръ оказывался неприступнымъ. Его холодность и жесткость во время описываемыхъ переговоровъ останутся навсегда доказательствомъ заблужденій Австріи. Совершенно противоположно истинному дипломатическому искусству было стремленіе усиливать безполезными униженіями чувство неудовольствія, какое она должна была предполагать въ насъ. Гр. Орловъ долженъ былъ опять прибѣгнуть въ такомъ осложненіи къ императору Наполеону, который лично вступилъ въ объясненія съ уполномоченными Австріи и Англіи, и понудилъ ихъ принять предложенный нами планъ, сводившій къ нѣскольکو мѣньшимъ, хотя все-таки чувствительнымъ размѣрамъ пожертвованіе самолюбія, какого требовали отъ насъ.

Вслѣдствіе соглашенія о предварительныхъ условіяхъ мира было заключено перемиріе. И здѣсь обнаружилось недоброжелательство нашихъ враговъ. Они хотѣли, чтобы надъ нами тяготѣла угроза возобновленія непріязненныхъ дѣйствій, желая оказать давленіе на наши рѣшенія. Не только перемиріе было заключено на очень короткій срокъ (до 31-го марта), но и морская блокада поддерживалась во всей своей строгости.

Вслѣдъ затѣмъ начались переговоры объ окончательномъ трактатѣ. Они продолжались два мѣсяца.

Протоколы засѣданій указываютъ, съ какими трудностями намъ приходилось бороться, главнымъ образомъ относительно опредѣленія числа судовъ, какое мы могли содержать въ Черномъ морѣ, и установленія правъ турецкихъ христіанъ.

Мы ограничимся приведеніемъ здѣсь существенныхъ статей трактата.

Онъ содержитъ вступительную часть, мотивированную необходимостью объяснить допущеніе Пруссіи къ переговорамъ, почти совершенно оконченнымъ безъ ея содѣйствія. Эта держава была приглашена къ участію въ новой сдѣлкѣ, въ виду того, что трактатъ 15-го іюля 1841 г. былъ, между прочимъ, подписанъ и ею. Наши уполномоченные первые потребовали ея участія. Англійскіе уполномоченные выказали противъ нея столько озлобленія и недоброжелательства, что прусскіе послы чуть-чуть не удалились изъ конференціи.

Статьи I — VI устанавливаютъ возстановленіе мира, взаимное очищеніе территорій, занятыхъ во время войны, амнистію и освобожденіе плѣнныхъ.

Статьи VII и VIII утверждаютъ вступленіе оттоманской имперіи въ составъ европейскихъ державъ.

Статья IX устанавливаетъ неприкосновенность правъ христіанъ. Она вызвала оживленные пренія. Для насъ она была однимъ изъ главныхъ предметовъ нашихъ заботъ. Война имѣла причиной или предлогомъ наше вмѣшательство въ пользу нашихъ единовѣрцевъ, и намъ было весьма важно, чтобы миръ призналъ плоды нашихъ жертвъ. Представители Турціи не хотѣли, чтобы трактатъ содержалъ какое-либо формальное постановленіе на этотъ счетъ, въ виду того, что султанъ по собственной волѣ обнародовалъ фирманъ, выполнявшій всѣ требуемыя условія. Это противодѣйствіе должно было уступить передъ единодушіемъ державъ. Для того, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ нашимъ политическимъ видамъ, они во время войны выступали покровителями христіанъ въ то же время, какъ и защитниками султана. Чтобы остаться

вѣрными себѣ, они должны были согласиться на отраженіе ихъ двойственной политики въ мирномъ договорѣ.

Оставалось опредѣлить мѣсто, какое должно было занять это постановленіе. Мы требовали, чтобы оно было поставлено непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какое включало Турцію въ составъ европейскихъ державъ. Англія и Австрія энергически воспротивились тому, и опять личное вмѣшательство Наполеона помогло намъ побѣдить ихъ сопротивленіе.

Что касается редакціи указанной статьи, наши уполномоченные представили два проекта, имѣвшіе цѣлью выразить вполне ясно, что права, дарованныя христіанамъ, находились подъ гарантіей Европы. Наши враги воспротивились тому, ссылаясь на державную независимость султана. Графъ Валевскій представилъ третій проектъ, еще болѣе ясный, который можно было заставить принять турецкаго уполномоченнаго лишь путемъ весьма рѣшительнаго давленія. Мы дали наше согласіе, потребовавъ и добившись: 1) включенія именъ христіанскихъ народностей, въ пользу которыхъ фирманъ былъ обнародованъ; 2) заявленія, что упомянутый актъ султана служилъ для подтвержденія новыхъ установленій, предназначенныхъ для улучшенія участи христіанъ.

Нравственную гарантію Европы было весьма трудно формулировать. Пришлось прибѣгнуть къ дипломатическимъ оборотамъ, правда, имѣющимъ достоинство примирять разногласія, но въ ущербъ ясности и во вредъ будущему. Было постановлено, что державы принимаютъ къ свѣденію права, содержащіяся въ фирманѣ султана, который былъ имъ сообщенъ Портою. Представитель Турціи отвергъ такое выраженіе подъ тѣмъ предлогомъ, что для него не было равносильнаго выраженія на турецкомъ языкѣ. Предложено было замѣнить его слѣдующими словами: „державы признаютъ высокое значеніе этого сообщенія“. Представители Англіи заставили прибавить: „что оно не даетъ ни въ какомъ случаѣ державамъ права вмѣшиваться, ни отдѣльно, ни коллективно, во внутреннія дѣла оттоманской имперіи“. Легко видѣть, насколько неопредѣленны такія постановленія. Онѣ могутъ быть истолковываемы по произволу политическихъ видовъ кабинетовъ и заключаютъ въ себѣ зачатки серьезныхъ осложнений.

Статья X торжественно подтверждаетъ принципъ закрытости проливовъ.

Статьями XI—XIV нейтрализуется Черное море, съ предоставленіемъ обѣимъ прибрежнымъ державамъ права содержать достаточное число легкихъ судовъ для нуждъ и охраны ихъ береговъ.

Статьи XV—XIX обеспечиваютъ свободу плаванія по Дунаю съ временной европейской комиссіей для указанія необходимыхъ работъ и постоянной рѣчной комиссіей для приведенія ихъ въ исполненіе.

Статьи XX—XXI указываютъ предѣлы территоріальнаго разграниченія между Молдавіей и Бессарабіей.

Статьи XXII—XXIX устанавливаютъ поддержаніе привилегированнаго порядка въ Княжествахъ. Всѣ выраженія, оскорбительныя для насъ, относительно уничтоженія нашего прежняго протектората, были исключены. Кромѣ того, тамъ упоминается о поддержаніи привилегій Сербіи.

Статья XXX регулируетъ назначеніе смѣшанной комиссіи для изслѣдованія нашей азіатской границы, принимая основною законное владѣніе территорій до разрыва.

Статья XXXI опредѣляетъ очищеніе оттоманской территоріи союзниками.

Статья XXXII возобновляетъ прежній трактатъ между воюющими сторонами во всѣхъ пунктахъ, въ какихъ они не находятся въ противорѣчіяхъ съ новой сдѣлкой.

Статья XXXIII касается особой конвенціи относительно Аландскихъ острововъ.

Статья XXXIV устанавливаетъ время обмѣна ратификацій.

Кромѣ того, три отдѣльныя конвенціи присоединены къ трактату: первая относится къ закрытію проливовъ; вторая, между Россіей и Портой, устанавливаетъ число и размѣръ военныхъ судовъ, какія обѣ прибрежныя державы будутъ имѣть въ Черномъ морѣ; третья, между Россіей, Англіей и Франціей, устанавливаетъ, что не будетъ возведено ни укрѣпленій, ни военныхъ сооружений на Аландскихъ островахъ.

Къ этимъ различнымъ статьямъ, относившимся къ вопросу, вызвавшему войну, конференція, желая, подобно конгрессу 1815 г., закончить свое дѣло актомъ, касающимся общей цивилизаціи, присоединила декларацію въ трехъ статьяхъ о правахъ нейтральныхъ державъ во время войны. Она устанавливаетъ уничтоженіе каперства, неприкосновенность непріятельскаго торговаго груза на нейтральныхъ судахъ и неприкосновенность нейтральнаго груза на непріятельскихъ судахъ, за исключеніемъ военной контрабанды, и обязательство дѣйствительной блокады.

Эти принципы, которые въ другое время составляли предметъ трактатовъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, и которые Англія всегда отвергала, были приняты названной державой съ легкостью, какая не можетъ не вызвать удивленія. Повидимому, въ настоя-

щее время она сожалѣть о своемъ согласіи, лишающемъ ее одного изъ главныхъ элементовъ ея морского преобладанія. Большинство европейскихъ государствъ, не принимавшихъ участія въ конференціи, впоследствии присоединились къ упомянутой деклараціи. Лишь Соединенные Штаты Сѣверной Америки отказались подписать ее до тѣхъ поръ, пока она не будетъ распространена такимъ образомъ, чтобы обезпечивать полную неприкосновенность частной собственности на морѣ, какъ въ сухопутныхъ войнахъ.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ замѣчательныхъ преній, не имѣвшихъ непосредственныхъ результатовъ, но угрожавшихъ весьма важными послѣдствіями. Онѣ были подняты графомъ Валевскимъ. Онъ обратилъ вниманіе конференціи на различныя причины волненій, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Европы и между прочимъ въ Италіи, вслѣдствіе военной оккупациі римскихъ территорій и дурной администраціи Папской Области и неаполитанскаго королевства. Лордъ Кларендонъ поддерживалъ это мнѣніе, которое графъ Кавуръ развивалъ съ большимъ жаромъ. Это былъ зародышъ итальянскаго кризиса 1859 г. Однако гр. Буоль отказался вступать въ эти пренія, а нашъ уполномоченный сослался на отсутствіе инструкцій, и дѣло не пошло далѣе.

Вступивъ на этотъ путь, западныя державы не могли уже не упомянуть о Польшѣ. Мы узнали косвеннымъ путемъ, что онѣ имѣли такое намѣреніе. Графу Орлову приказано было пойти имъ на-встрѣчу. Въ своихъ бесѣдахъ съ нашимъ уполномоченнымъ, императоръ Наполеонъ выражалъ симпатіи къ Польшѣ. Нашъ уполномоченный увѣрилъ его въ великодушныхъ намѣреніяхъ государя императора относительно этой страны, благосостояніе и процвѣтаніе которой внушали ему такую же заботу, какъ и остальная часть его имперіи, но онъ прибавилъ, что достоинство Россіи не допускало обсужденія этого вопроса.

Впоследствии эти увѣренія были истолкованы какъ нѣчто въ родѣ обязательства. Въ рѣчи, произнесенной черезъ годъ послѣ того въ парламентѣ, лордъ Кларендонъ утверждалъ, что у него были серьезныя причины вѣрить тому, что Россія откажется отъ системы строгости по отношенію къ полякамъ и дастъ имъ гарантіи административной автономіи, религіозной свободы и общественнаго воспитанія; онъ прибавилъ, что лишь это убѣжденіе заставило уполномоченныхъ не касаться польскаго вопроса ¹⁾.

¹⁾ Англійскія и французскія депешы, которыя были обнародованы (въ 1863 г.), указываютъ, что съ 1855 г. тильерійскій кабинетъ настаивалъ на томъ, чтобы былъ

Весьма вѣроятно, что твердость заявленія гр. Орлова и желаніе императора Наполеона не затрогивать насъ въ тотъ моментъ, когда онъ искалъ сближенія съ нами, были истинными причинами сдержанности парижскаго конгресса.

Конференція окончила свои работы выраженіемъ пожеланія, чтобы государства, между которыми произойдетъ серьезное разногласіе, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, обращались къ добрымъ услугамъ дружественной державы. Всѣ уполномоченные присоединились къ этому пожеланію.

Такова сущность трактата 18-го (30) марта 1856 года.

Мы не будемъ продолжать далѣе разбора этого документа, также какъ и знаменитаго тайнаго договора 15-го апрѣля, заключеннаго между Англіей, Австріей и Франціей о взаимныхъ обязательствахъ для гарантіи оттоманской имперіи. Внутренняя тѣмъ же духомъ, эти сдѣлки достаточно извѣстны. Мы скажемъ болѣе: онѣ уже осуждены. Исторія постановила уже свой приговоръ.

Не много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, и что же осталось отъ этихъ памятниковъ ложной мудрости?

На глазахъ Франціи совершилось въ нѣсколько недѣль крушеніе второй имперіи, выступившей на сцену съ столь сомнительною славой. Державы, которыхъ она оскорбляла, остались къ ней равнодушны; тѣ, которымъ она угождала, оплатили ей неблагодарностью. Она оказалась одинокой въ минуту гибели и, къ несчастію, искупила дорогою, слишкомъ дорогою цѣною политическія ошибки, которыми неразумно восторгалась.

Изъ рукъ Австріи ускользнули тѣ связи, которымъ гр. Буолъ

поднять польскій вопросъ, но лордъ Пальмерстонъ противился тому. Онъ указывалъ также, что на парижскомъ конгрессѣ англійскіе уполномоченные сочли болѣе удобнымъ не касаться этого вопроса, въ надеждѣ, что императоръ Александръ окажется расположеннымъ улучшить участь своихъ польскихъ подданныхъ. Если могли быть нѣкоторыя сомнѣнія относительно значенія этихъ предполагаемыхъ симпатій къ Польшѣ,—того, что происходитъ въ Ирландіи, достаточно для разъясненія ихъ. Не смотря на всѣ усилія англійскаго правительства примирить съ собою эту страну, Ирландія для Англіи въ буквальномъ смыслѣ стала второю Польшей, и незачѣмъ, чтобы лондонскій кабинетъ доводилъ свою любовь къ человечеству до того, чтобы рисковать цѣлостью и спокойствіемъ великобританской имперіи, ради удовольствія дать свободу этой несправимой народности. Англія, безъ сомнѣнія, въ своемъ правѣ, но она должна бы позволить и Россіи смотрѣть съ той же точки зрѣнія на потребности своей неприкосновенности и безопасности. Очевидно польскій вопросъ былъ для англійской политики лишь средствомъ создавать затрудненія для Россіи и, въ особенности, сдѣять раздоръ между нею и Франціей. Это удалось съ большимъ успѣхомъ лондонскому кабинету въ 1863 г., благодаря ослѣпленію французскаго правительства, и эта капитальная ошибка была точкой отправленія потрясеній, совершившихся въ Европѣ.

пожертвовала прежними отношеніями имперіи; она увидѣла исполненіе предвѣщанія князя Горчакова. Она нанесла оскорбленіе старинному союзнику, не имѣя возможности уничтожить его; она должна была жить рядомъ съ сосѣдомъ могущественнымъ и потерпѣвшимъ отъ нея; это должно было отразиться на ея политическомъ положеніи, должно было развязать руки ея врагамъ и соперникамъ. Изгнанная изъ Италіи, вытѣсненная изъ Германіи, въ настоящее время она старается найти новый центръ тяжести среди внутренней неурядицы, осложняемой ея неудачами. Мы желаемъ ей благополучно выбраться оттуда; на самомъ дѣлѣ, относясь съ сожалѣніемъ и порицаніемъ къ прошлой политикѣ Австріи, мы никогда не переставали считать эту имперію необходимымъ элементомъ европейскаго равновѣсія. Россія, въ качествѣ сосѣдки, заинтересована въ томъ, чтобы она находилась въ состояніи процвѣтанія и благоустройства. Слѣдуетъ думать, что пріобрѣтенный опытъ положить конецъ антагонизму, вредному для обѣихъ странъ. Уже въ 1860 г., во время варшавскаго свиданія, графъ Рехбергъ говорилъ петербургскому кабинету черезъ посредство Вертера: „Австрія и Россія сдѣлали другъ другу много зла. Мы заставили васъ потерять Бессарабію, вы заставили насъ потерять Ломбардію. До чего же дойдемъ мы такимъ путемъ? Не можемъ ли мы счесть наши расчеты оконченными и оставить почву репрессалій, для того, чтобы стать на почву соглашенія?“ Будемъ надѣяться, что эти разумныя слова, столь блистательно подтвержденные фактами, сдѣлаются программой обѣихъ кабинетовъ.

Изъ всѣхъ участниковъ коалиціи 1854 г. одна Англія избѣгла послѣдствій своей роковой политики; благодаря своему островному положенію, она находится въ сторонѣ отъ европейскаго теченія. Однако ей пришлось измѣнить свои пріемы подъ тяжестью экономическихъ и социальныхъ затрудненій, озабочивающихъ ее, и подъ страшнымъ давленіемъ американскаго соперничества. Англійская политика настоящаго времени уже не та, какою была прежде. Сдержанность заступила мѣсто прежняго слишкомъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Европы. Она вычеркнула собственными руками статью Парижскаго трактата, которая для нея была главною цѣлью войны. Она исполнила это съ мудростью и умѣренностью, дѣлающими честь ея государственнымъ людямъ. Ничто не можетъ быть поучительнѣе сопоставленія переговоровъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ крымскую войну, съ тѣми, которые черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того окончились пересмотромъ въ лондонской конференціи трактата 1856 года. Какой урокъ для народовъ, кровь и деньги которыхъ тратятся въ борьбѣ,

рано или поздно признаваемой бесплодною! Однако, въ виду такого превращенія англійской политики, остается только предать прошлое забвенію и пожелать, чтобы эта могущественная и просвѣщенная нація, имѣющая возможность по своему положенію оказывать столь благотворное вліяніе на дѣла Европы и всего міра, порвала навсегда съ пагубными преданіями, которыя при лордѣ Пальмерстонѣ обращали ее въ главную виновницу всѣхъ возмущеній.

Не поучительно ли также видѣть, что Пруссія, остававшаяся, среди этого разгула вражды, державой, единственно вѣрной своимъ старымъ преданіямъ дружбы къ Россіи, единственной державой, старавшейся помочь ей по мѣрѣ возможности, по крайней мѣрѣ насколько это зависѣло отъ ея доброй воли, оказалась единственнымъ государствомъ, которому принесли пользу потрясенія послѣднихъ лѣтъ? Безъ сомнѣнія, она должна была обнаружить величайшее умѣнье и громадную энергію, чтобы разрѣшить однимъ ударомъ вопросы, за которые Европа боролась въ теченіе вѣковъ: преобладаніе Пруссіи въ Германіи, устраненіе Австріи, германское единство, возстановленіе германской имперіи подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ, уничтоженіе Франціи и завоеваніе стратегическихъ ключей центра Европы, оспариваемыхъ со времени Людовика XIV. Какіе подвиги въ четыре года и въ двѣ кампаніи! Но кто можетъ сказать, что Пруссія рѣшилась бы подумать о нихъ и выполнить ихъ, еслибы не было глубокаго разстройства всей Европы послѣ крымской войны? Мы не полагаемъ, чтобы сѣпленіе фактовъ и логика исторіи представили когда-нибудь болѣе яркій и быстрый урокъ.

Что касается Турціи, пусть она подведетъ балансъ своей политики и того, что она выиграла отъ замѣны опекой Европы своихъ прежнихъ отношеній съ Россіей. Перевороты европейской политики должны были навести ее на философскія размышленія о непрочности человѣческихъ дѣлъ и опасности долговременныхъ союзовъ. Она должна понять, что Россія, по своему географическому положенію, есть ея сосѣдка, съ которой всегда надо считаться, и что эта держава съ своими постоянными интересами и твердой политикой, быть можетъ, самая вѣрная и наименѣе опасная союзница, дружбы которой можетъ искать Турція. Благоразуміе, какое выказала послѣдняя при пересмотрѣ трактата 1856 г., доказываетъ, что опытъ не былъ потерянъ для нея. Въ настоящее время она тревожно прислушивается ко всякому шуму, долетающему до нея изъ Европы, въ надеждѣ найти въ ней элементы для новыхъ комбинацій. Въ ожиданіи того, она полагаетъ, что

обойдется безъ союзниковъ, *faça da se*. Съ этою цѣлью она разсчитывается на развитіе своихъ военныхъ силъ, увеличиваетъ свои вооруженія и довершаетъ свое финансовое разореніе.

Оставимъ ее при такихъ попыткахъ. Въ настоящее время никто не можетъ желать бурнаго кризиса на Востоке, такъ какъ подобный кризисъ, далеко не представляя какого-либо рѣшенія, послужилъ бы исходной точкой бѣдствій безъ видимаго конца. Но и *statu quo* имѣетъ свое условіе. Въ тотъ день, когда Порта пойметъ, что въ наше время могущество государствъ соразмѣрно ихъ финансовому, экономическому, социальному и политическому процвѣтанію, что единственное средство достигнуть такого процвѣтанія заключается въ обезпеченіи развитія матеріальныхъ ресурсовъ страны и въ удовлетвореніи ея нравственныхъ потребностей посредствомъ разумныхъ законовъ и справедливой администраціи, гарантирующихъ каждому безопасность его личности, собственности и правъ, и что истинные друзья не могутъ указывать для государства никакихъ другихъ путей, — въ тотъ день Порта будетъ имѣть право разсчитывать на полное доброжелательство Россіи и на добрыя и прочныя отношенія съ ней.

У Россіи были не только тѣ враги, какихъ мы перечислили. Другіе, болѣе ничтожныя, но не менѣе ожесточенныя, имѣли свою долю участія въ взрывѣ непріязненныхъ чувствъ, подстрекаемыхъ печатью всѣхъ странъ, какимъ былъ привѣтствованъ европейскій походъ, предпринятый противъ нея въ 1854 г. Что сталося теперь съ ультрамонтанскимъ клерикализмомъ, съ радикализмомъ всѣхъ отбѣнковъ, полонизмомъ и еврейскимъ псевдо-либерализмомъ? Они осуждены по дѣламъ своимъ и наказаны заслуженнымъ презрѣніемъ. Мы указываемъ такое смятеніе враговъ нашей страны съ величайшей скромностью. Повторяемъ, эти событія слишкомъ велики, для того, чтобы могли вызывать суетное чувство удовлетворенія.

Такой результатъ становится еще поразительнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что Россія ничѣмъ не старалась вызвать его. Она предоставила вещи своему естественному теченію. Она обратилась къ самой себѣ; она собиралась съ силами. Всѣ ея заботы, всѣ ея усилія были сосредоточены на внутренней работѣ, настоятельность которой была обнаружена крымской войной. По инициативѣ государя, исполненнаго высшей честности и добросовѣстности, любящаго свою страну и довѣряющаго ей, Россія предприняла рядъ капитальныхъ реформъ, примѣра которыхъ, въ такихъ размѣрахъ и въ такое короткое время, не представляетъ

исторія ни одного народа. Она благополучно и мирно выполнила ихъ, благодаря близкой связи государя и народа.

Такая благотворная работа удержала за Россіей въ матеріальномъ и въ нравственномъ смыслѣ то общее уваженіе, котораго ее хотѣли лишить. Ея военное оборонительное положеніе, ея финансовое, политическое и экономическое состояніе—безспорно лучше, чѣмъ они были до войны. Благодаря тому, она могла понудить своихъ прежнихъ противниковъ къ пересмотру постановленій трактата 1856 г., нарушавшихъ ея достоинство и интересы, не только не проливъ ни одной капли крови, но и обративъ этотъ вопросъ, который могъ сдѣлаться причиной серьезныхъ осложнений, въ исходную точку примиренія и добраго соглашенія съ державами, нѣкогда восторжествовавшими надъ нею.

И однако, несмотря на ея миролюбивую сдержанность, несомнѣнный фактъ является достояніемъ современной политической науки: достаточно было, чтобы Россія отдалась отъ дѣлъ Европы, для того, чтобы ея временное отсутствіе нарушило равновѣсіе послѣдней и подвергло общій миръ самымъ опаснымъ потрясеніямъ. Таковъ отвѣтъ, какой событія дали безумцамъ, предполагавшимъ исключить ее изъ состава европейскихъ державъ. Предоставляемъ имъ вывести изъ него заключеніе.

Наше заключеніе вытекаетъ само собою. Пока державы, бывшія нашими противниками, подвергались послѣдствіямъ насильственной, враждебной, наступательной политики, видящей свое благо въ несчастіи другого, Россія, хотя и не равнодушная, но спокойная, наблюдала за волненіями послѣднихъ лѣтъ. Она пожинала плоды политики справедливой, умѣренной, миролюбивой, не ставящей частный интересъ минуты выше общаго интереса и признающей великій законъ солидарности, которому Провидѣніе или сила вещей подчинили человѣческія дѣла.

Итакъ, все должно побуждать ее твердо стоять на правильномъ пути, какой она избрала для себя. Мы убѣждены, что она не сойдетъ съ него, не только потому, что таковъ образъ мыслей ея настоящихъ правителей, но также и потому, что характеръ ея интересовъ дѣлаетъ ихъ прочными, консервативными, мирными и умѣренными; у нея нѣтъ ни одного, который не былъ бы честнымъ и котораго нельзя бы было громко провозгласить, ни одного, который не согласовался бы съ общими интересами Европы. Въ этомъ заключается лучшая изъ гарантій.

Мы высказываемъ пожеланіе, чтобы, съ своей стороны, Европа, умудренная жестокимъ опытомъ послѣднихъ годовъ, слѣдовала за

Россіей въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ, она избѣжитъ многихъ бѣдствій: не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что современныя событія—не только однѣ поученія; онѣ содержатъ зародыши новой политической и соціальной борьбы, весьма опасной для общаго мира. Вся мудрость правительствъ и народовъ должна быть обращена на задержаніе ихъ развитія.

Мы хотѣли бы закончить выраженіемъ надежды, что столь краснорѣчивый голосъ фактовъ, котораго мы являемся только скромнымъ отголоскомъ, будетъ услышанъ и понятъ. Мы позволяемъ себѣ говорить объ этомъ лишь въ видѣ пожеланія. Къ несчастію, въ наше время страсти сильнѣе разсудка, и сами правительства часто бывають не въ силахъ подчинить увлеченія настоящаго предвидѣнію будущаго.

Но мы полагаемъ возможнымъ утверждать, что если такая задача будетъ поставлена, при выполненіи ея не будетъ недостатка въ содѣйствіи Россіи. Не одинъ разъ уже она помогала спасенію Европы. Быть можетъ, ей придется опять свершить тотъ же трудъ, и хотя она бывала дурно вознаграждена за него, но мы убѣждены, что въ случаѣ надобности она не отступитъ передъ этой неблагодарной задачей.

БАР. А. ЖОМИНИ.

ЛОНДОНСКІЕ ПРОЛЕТАРІИ

РОМАНЪ ВАЛТЕРА БЕЗАНТА.

IV. Злополучный день *).

Клодъ дожидался внизу на Иви-Лэнѣ, стоя на тѣневой сторонѣ улицы. Улица была полна дѣтей, шумно игравшихъ, и какіе-то глухіе отголоски долетали изъ Гокстонъ-Стрита по правую руку, гдѣ былъ постоянный базаръ. Вдругъ онъ услышалъ рѣзкій голосъ, переходившій уже въ крикъ, въ которомъ онъ призналъ голосъ сестры своей, Меленды. Она кричала такъ громко, что онъ могъ разобрать нѣкоторыя изъ ея словъ. Судя по этимъ словамъ, на-стоящій визитъ рисковалъ быть еще болѣе неудачнымъ, нежели визитъ въ богадѣльню. Наконецъ, голосъ такъ принялся вопить, а слова оказывались такими бранными, что онъ подумалъ, что ему лучше идти навстрѣчу, на защиту посѣтительницъ.

Когда онъ открылъ дверь, Меленда встрѣтила его насмѣшли-вымъ хохотомъ.

— Пріемышъ!—указала она на него пальцемъ.

Но онъ слышалъ это названіе раньше и не обратилъ ника-кого вниманія.

Валентина стояла у стола съ разсумевшимъ лицомъ и взглядомъ, выражавшимъ удивленіе и боль. Віолета дрожала, сидя на Лизиномъ стулѣ—буквально, дрожала и плакала. Лотти гля-дѣла смущенная и растерянная. Лиззи сидѣла на постели возлѣ нея, держа работу въ рукахъ и дѣлая видъ, что эта сцена ни-сколько ея не занимаетъ и до нея не касается, и что она вполне

*) См. выше: сентябрь, стр. 236.

занята и даже поглощена своими петлями, которыя обметываетъ. Она поднимала шитье и держала его противъ свѣта, затѣмъ раскладывала его на колѣняхъ и разглядывала, съ иглой во рту, и всякими иными способами выказывала свое безучастіе въ спору. Со всѣмъ тѣмъ она слушала изъ всѣхъ силъ и гордо улыбалась, когда Меленда превосходила самое себя, и время отъ времени поднимала свои большіе глаза и замѣчала какую-нибудь новую подробность въ туалетѣ барышень. О!—могла ли она представить себѣ, что бываютъ такіа чудныя платья!

— Приемышъ!—повторила Меленда,—конечно, не могъ не привести съ собой и дѣвчонку-приемыша.

Клодъ ничего не отвѣтилъ, и это смутило ее. Онъ глядѣлъ на нее не сердито, но серьезно и съ удивленіемъ, и это еще сильнѣе разсердило ее.

— Въ чемъ дѣло, Валентина?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Моя сестра, кажется, грубо обошлась съ вами?

— Да!—завопила Меленда:—я была груба съ обѣими. Я сказала имъ правду, и желала бы, чтобы имъ говорили ее каждый день. Груба? О! да, я была груба. Не ошибайся на этотъ счетъ, Клодъ.

Она стукнула локтями столъ и оперлась головой на руки съ вызовомъ въ лицѣ.

— Какую правду, Меленда?—спросилъ Клодъ:—скажи ее и мнѣ, пожалуйста.

Досадило всего то, что Клода никогда нельзя было разсердить бранными словами, даже называя его приемышемъ. Люди должны сердиться, когда ихъ бранятъ, а иначе не стоитъ и прибѣгать къ браннымъ словамъ! Не сердиться за брань—значить, быть эгоистомъ; значить, нисколько не симпатизировать людямъ; значить, держать себя съ отвратительнымъ высокомеріемъ! Людямъ, поддавшимся гнѣву и наговорившимъ бранныхъ словъ, становится жалко и стыдно самихъ себя. Простые люди, обыкновенные, не притворщики, очень сердятся, когда ихъ бранятъ, и возвращаютъ брань по принадлежности. Но этотъ несносный Клодъ только глядитъ серьезными глазами, точно думаетъ:—не больна ли его сестра и не надо ли ее полечить?

— Скажи намъ всю правду, Меленда!

— Правда та, что намъ здѣсь не нужно важныхъ барынь! Мы—простыя рабочія дѣвушки, зарабатываемъ свой хлѣбъ и этого не стыдимся. Мы не хотимъ, чтобы на насъ приходили глядѣть, какъ на слоновъ въ циркѣ. Мы не на выставкѣ. Лотти—не клоунъ, я—не ученая лошадь, Лиза—не саламандра.

— Ты не хочешь видѣть свою сестру, Меленда?

— Сестру?!

Она выпрямила руки эффектнымъ, но свободнымъ и непри-
нужденнымъ жестомъ.

— О! поглядите на нихъ и на насъ. Послушайте его: это—
моя сестра! Посмотрите на мое платье и на платье Лотти, и на
платье Лизы, и на ихъ платья! Сестра! И онѣ не могутъ даже
сказать, которая изъ нихъ моя сестра!

— Ну! ужъ если ты это говоришь...

— Но вѣдь одна изъ этихъ барышень твоя сестра... и моя
тоже.

— Я въ первый разъ слышу, что Полли стала барышней.
Но которая же изъ нихъ Полли? Вотъ эта что-ли, съ которой
нельзя говорить, чтобы она не расплакалась?—или же вотъ
эта...—и тутъ Меленда указала пальцемъ на Валентину, чтобы
не было сомнѣнія въ томъ, кого она подразумѣваетъ:—которая
лѣзетъ жать руки и цѣловаться! Очень нужны ей поцѣлуи!

— Онѣ только два дня тому назадъ узнали, что у нихъ
есть сестра. Неужели, съ ихъ стороны, не доказываетъ доброты
то, что онѣ пожелали какъ можно скорѣе увидѣть тебя?

— Это доказываетъ, что онѣ любопытны. Ну, вотъ, онѣ удов-
летворили своему любопытству, и теперь могутъ идти и всѣмъ
хвастаться, что у нихъ есть сестра швея. Чѣмъ скорѣе онѣ
уйдутъ, тѣмъ лучше. Мы и безъ того много времени потеряли
попусту.

— Вы очень недобры!—сказала Валентина.—Но, можетъ быть,
если мы придемъ въ такое время, когда вы не такъ заняты...

— Нѣтъ,—отвѣчала Меленда:—я не желаю видѣть никого изъ
васъ больше. Одна изъ васъ—Полли, такъ какъ вы говорите это,
но я не вижу, чѣмъ ей гордиться, что она—моя сестра. Когда
Полли броситъ свои комедіи и перестанетъ притворяться барышней,
тогда пусть сюда приходитъ, а до тѣхъ поръ мнѣ ея не надо.

— Твоя сестра не можетъ перестать быть барышней,—от-
вѣтилъ Клодъ.

— Матушкѣ не слѣдовало отпускать ее отъ себя,—продол-
жала Меленда.—Я всегда это говорила. Съ какой стати Полли
воспитана въ праздности и должна сидѣть всю жизнь, сложа руки,
и только пить да ѣсть!

— Ты опибаешься: у нея много дѣла.

— Развѣ она носитъ такія платья?—спросила Меленда,
указывая на несовершенства своего туалета.—Развѣ она встаетъ

въ шесть часовъ утра и работаетъ весь день до девяти? Развѣ она питается хлѣбомъ съ масломъ и чаемъ, вмѣсто обѣда?

— О!—сказала Валентина:—только позвольте намъ помочь вамъ! Мы пришли не изъ любопытства, право, не изъ любопытства. Намъ хотѣлось увидѣть сестру.

— Ну, вотъ, вы ее увидѣли и можете идти. Я васъ не держу. Вы видите, какова я. О!—я знаю, какова я, и какова Лиза, и какова Лотти!.. Нѣтъ, Лотти—другая. Хороши наши манеры, не правда ли? Ступайте и смѣйтесь надъ нами!

— Мы ничего смѣшного не видимъ,—сказала Валентина.

— Ну, такъ плачьте о насъ, какъ вотъ она...

Она указала на Віолету.

— У нея, вѣрно, глаза на мокромъ мѣстѣ. Еслибы мнѣ дѣвушка половину того сказала, что я ей, я бы выдрала ей всѣ волосы.

— Вы жестоки,—отвѣчала Віолета:—развѣ мы виноваты, что Полли взяла отъ васъ?

— Я не говорю, что виноваты. Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Ты взяла мой наперстокъ, Лиза. Гдѣ же твой?

— Меленда, постарайся быть полюбезнѣе, — сказалъ Клодъ. — Притворись, что у тебя хорошія манеры. Представь себѣ, что здѣсь Самъ. Ты вѣдь вообще прилично себя ведешь въ присутствіи Сама.

Меленда фыркнула.

— Прекрасно! Вамъ хотѣлось видѣть сестру, и вы ее видѣли, и надѣюсь, что пригласите ее къ чаю, когда у васъ будутъ ваши знатные знакомые. Я приду съ Джо и съ Самомъ, и съ дѣтьми Джо, если угодно. А теперь уходите и благодарите судьбу за то, что выросли не при матушкѣ и не при мнѣ. Въ противномъ случаѣ, вы бы сидѣли теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ Лиза, и работали бы, какъ работаетъ Лиза.

Она сѣла на мѣсто, взяла работу и принялась за нее съ остервенѣніемъ.

Валентина вздохнула.

— Я опять приду,—проговорила она,—хотите вы этого или нѣтъ. Вы не можете запереть дверь своей сестрѣ. Я заставлю васъ полюбить себя.

Меленда шила, не говоря ни слова.

Валентина обратилась къ Лотти.

— Скажите мнѣ: быть можетъ, вы—кузина Меленды и моя?

— Нѣтъ,—отвѣчала Лотти,—я только ея подруга. Мы вотъ уже восемь лѣтъ, какъ живемъ вмѣстѣ, Меленда и я.

— И вы каждый день пьете?

— Если только у насъ есть работа. Мы ничего другого не умѣемъ.

— Но вы недостаточно сильны на видъ для такой работы?

— Я сильнѣе, чѣмъ кажусь на видъ,—сказала Лотти, улыбаясь.—Я могу порядочно много работать. Только спина у меня не совсѣмъ крѣпкая, а потому я иногда кашляю и должна лежать и отдыхать. И тогда Меленда работаетъ за меня.

Она застѣнчиво взглянула на Валентину.

— Вы не сердитесь, миссъ, на Меленду за ея сегодняшнія слова! Она сегодня не въ духѣ и разстроена чѣмъ-то, что Лиза говорила про работу. Пожалуйста, не сердитесь: она вспыльчива, но добрейшая душа въ мірѣ.

— Лотти, лучше лягъ, чѣмъ болтать такъ много!—проговорила Меленда.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила Валентина.

— Лотти... Шарлотта Истъ. А эта—Лиза. Ея отецъ нанимаетъ комнату на этой же лѣстницѣ, но она живетъ и работаетъ съ нами. Она на семь лѣтъ моложе меня. Мнѣ двадцать-четыре, а Лизѣ семнадцать.

— Любите ли вы свою работу, моя душа?—спросила Валентина Лизу.

Дѣвушка подняла на нее большіе темные глаза.

— Нѣтъ, не люблю,—медленно проговорила она.

— Ты должна работать, значить, не все ли равно, любишь ты работу или нѣтъ?—замѣтила Меленда.

— Пойдемъ, Валентина! бесполезно оставаться, — сказала Віолета.

— Совершенно вѣрно,—подтвердила Меленда.

— Неужели у васъ нѣтъ ласковаго для насъ слова, Меленда?—спросила Валентина.

— Послушайте,—отвѣчала дѣвушка:—вы не нашего поля ягода, ни вы, ни она. Отправляйтесь къ своимъ... и вы, и Клодъ. Вы—изъ тѣхъ, которыя заставляютъ дѣвушекъ работать за шиллингъ въ день, чтобы наряды ихъ стоили дешевле. И оставайтесь съ ними. Вы изъ тѣхъ, которыя украли землю, и трудъ, и все на свѣтѣ. Самъ такъ говорить. Оставьте насъ. Не приходите къ намъ смѣяться надъ нами. Что касается васъ...—и она повернулась къ Віолетѣ, которая отскочила назадъ и схватила Клода за руку:—только посмѣйте еще придти сюда и плавать надъ нами! Я сорву съ васъ шляпку!

— Ты очень груба, Меленда,—сказалъ Клодъ.

Она фыркнула и покачала головой.

Такъ какъ она продолжала все въ томъ же родѣ и не выказывала знака, что готова смягчиться, то ничего не оставалось, какъ отступить въ порядѣ, какъ выражается въ такихъ случаяхъ исторія, т.-е. непріятель не преслѣдовалъ ихъ на лѣстницѣ, и не сорвалъ съ нихъ шляпокъ, и не ругался имъ вслѣдъ.

Часа два сряду Меленда шла въ безусловномъ молчаніи, но губы ея шевелились. По истеченіи этого времени, у нея стали вырываться восклицанія, показывавшія, что ея умъ сильно работаетъ:

— Я рада, что сказала имъ то, что думаю... Не хочу, чтобы онѣ сюда таскались... никому не нужны ихъ слезы...—и такъ далѣе. Затѣмъ она снова замолчала.

Было уже около девяти часовъ, и стало слишкомъ темно, чтобы работать.

Тогда Лиззи стала куда-то собираться. Она вынула шляпу, на которой было перо. Повязала яркую ленточку вокругъ горла и надѣла ватерпруфъ, который рабочія дѣвушки носятъ и зиму, и лѣто, съ тою разницей, что лѣтомъ подъ нимъ часто не бываетъ платья.

— Лиза, милая,—сказала Лотти,—не запаздывай; но, Лиза, о! Лиза, не разговаривай больше съ тѣмъ джентльменомъ!

Лиза ничего не отвѣчала и исчезла. Меленда тоже надѣла шляпу и вышла на улицу. Она всегда такъ кончала свой день. Просидѣвъ пятнадцать часовъ за шитьемъ въ комнатѣ, необходимо освѣжиться и промяться.

Когда Меленда прошла до конца Говстонъ-Стрита, она пошла далѣе, пока не дошла до моста, перекинутого черезъ каналъ. Это—угрюмое мѣсто. Вода въ каналѣ черная и страшная. Меленда слыхала про дѣвушекъ, которыя бросаются въ эту черную воду, когда жизнь имъ наскучитъ.

Сегодня вечеромъ въ головѣ у дѣвушки стоялъ вихрь мыслей. Ея родная сестра приходила къ ней, и она прогнала ее съ бранью.

Она вернулась домой около полуночи. Лотти лежала на спинѣ и ждала ее.

— Меленда!—прошептала она:—онѣ добрыя барышни и пришли отъ добраго сердца. Зачѣмъ ты ихъ выбрала?

— Я не могла не выбрать ихъ, Лотти. Я очень рада, что выбрала ихъ.

И въ доказательство, какъ она рада, она залилась горькими слезами.

VIII. ПОСЛѢ ВѢЗТА ВЪ МІЛЕНДЪ.

Вечеромъ того же дня лэди Мильдредъ принимала. Кругъ знакомыхъ у Клода былъ, какъ можно себѣ представить, весьма ограниченный. Тотъ, кто карабкается наверхъ, долженъ достичь вершины, прежде нежели можетъ помышлять объ обществѣ. Такой вечеръ, какъ онъ провелъ у лэди Мильдредъ, слушая музыкальный смѣхъ дѣвушекъ, веселую болтовню, въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ, среди атмосферы счастья и беззаботности о завтрашнемъ днѣ, гдѣ все казалось реально, прочно и неизбежно, гдѣ всѣ были молоды и счастливы и всю жизнь оставались молоды и счастливы, — наполнялъ Клода какимъ-то нравственнымъ опьянѣніемъ и восторгомъ, и сегодня вечеромъ онъ восхищался сестрой, — которою была ему одна изъ этихъ дѣвушекъ, — съ какимъ-то удивленіемъ, точно это былъ сонъ. Его жизнь была серьезная жизнь человѣка, которому приходится рассчитывать только на самого себя. Свѣтъ, у котораго нѣтъ серьезныхъ цѣлей, не принимаетъ въ свою среду такого человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не составитъ себѣ положенія; женщины не играютъ роли въ жизни такого человѣка, пока онъ не займетъ довольно высокую ступень въ обществѣ.

— О чемъ вы думаете, Клодъ? — спросила Валентина.

— Я думалъ о контрастахъ и несообразностяхъ, — отвѣчалъ онъ.

— О контрастѣ между утромъ и вечеромъ? Да? Но если вы не можете забыть этихъ вещей, то вы подумаете, что мы всѣ смѣемся надъ нищетою. Что бы подумала и сказала Меленда, еслибы вдругъ очутилась между нами?

— Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе несообразное, — засмѣялся Клодъ.

— Я полагаю, что она спросила бы насъ, какъ можемъ мы чувствовать себя счастливыми въ тотъ самый день, когда видѣли ея квартиру и ея подругъ. И я увѣрена, что она бы не поняла, какъ можемъ мы пѣть и смѣяться, и все-таки не забывать о ней, и думать о ней. Свѣтъ тоже представляетъ свои несообразности... я думаю, оттого, что мы должны такъ многое скрывать изъ своихъ чувствъ и думъ.

На другомъ концѣ комнаты Віолета, въ центрѣ группы гостей, разговаривала съ сіяющими глазами и, повидимому, съ самымъ легкимъ сердцемъ въ мірѣ.

— У Віолеты былъ сегодня истерическій припадокъ, когда

мы вернулись домой, —прошептала Валентина. —Меленда ей оказалась не по силамъ. Однако она храбро выдерживаетъ свою роль, и никто не догадается объ истинѣ.

Около Віолеты, въ ея группѣ, находился Джекъ Конейрсъ. Когда Валентина прошла по комнатѣ рядомъ съ Клодомъ, онъ быстро перевелъ глаза съ Віолеты на Валентину и затѣмъ на Клода.

Странно! дѣвушки не только были похожи между собой, но обѣ были похожи на Клода. Сегодня въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Конейрсъ узналъ объ отношеніяхъ Клода съ дочерью лэди Мильдредъ, ему представился случай сравнить дѣвушекъ другъ съ другомъ и съ братомъ. Ужъ, конечно, съ портретомъ сэра Ланселота, когда ему было двадцать-пять лѣтъ, глядѣвшимъ со стѣны въ присутствіи самой лэди Мильдредъ, обрѣтающейся въ-живыхъ, съ двумя дѣвушками и Клодомъ на лицо, у него окажется достаточно данныхъ, чтобы рѣшить задачу. Но, подобно всякому другому, приступающему къ разрѣшенію загадки, Джекъ Конейрсъ забылъ про одну существенную вещь. А именно: если двѣ дѣвушки съ дѣтства воспитываются одинаково, однѣми и тѣми же гувернантками, пасторами и учителями, если ихъ держатъ поодаль отъ другихъ дѣвушекъ, одѣваютъ одинаковымъ образомъ, то онѣ становятся очень похожи другъ на друга. Маленькія точки соприкосновенія разрастаются въ крупное сходство. Китайцы, напримѣръ, народъ крайне общественный, представляютъ для постороннихъ милліоны лицъ, похожихъ одно на другое. Часто наблюдалось, что старые мужъ и жена становятся подъ старость очень похожи другъ на друга. И если вы посмотрите на дѣвочекъ въ пріютѣ, когда онѣ живутъ подъ одной кровлей и подчиняются однимъ и тѣмъ же правиламъ и порядкамъ, то вы непременно найдете, что всѣ онѣ на одно лицо.

Нѣтъ сомнѣнія, что девятнадцатилѣтняя близость и дружба такъ усилили первоначальное сходство между Валентиной и Віолетой. И м-ръ Конейрсъ, будь онъ поумнѣе, сталъ бы искать не сходства, но тѣхъ пунктовъ, на которыхъ онѣ расходились. Но это ему и въ голову не пришло. Да, кромѣ того, обѣ молодыя барышни непохожи были на модели, приходившія въ его мастерскую. Онѣ не сидѣли передъ нимъ неподвижно; ему приходилось украдкой изучать ихъ черты.

Другіе глаза, кромѣ его глазъ, наблюдали и сравнивали Клода съ дѣвушками, но выносили такое же точно разочарованіе и уходили, не рѣшая загадки.

Валентина загла. У нея былъ сильный и густой контральто, тщательно обработанный. И кромѣ того она была музыкантша въ душѣ. Но она не могла пѣть больше одной вещи подъярьдъ.

— Клодь,—прошептала Виолета, когда пѣвица умолкла:— поете ли вы?

— Нѣтъ. У меня нѣтъ голоса.

— И у меня также. Вотъ это пунктъ сходства между нами. Это—часть нашего общаго наслѣдія. Ни голоса, ни состоянія. Но, конечно, вы умѣете рисовать и писать масляными красками?

— Нѣтъ. Я не умѣю держать карандаша въ рукахъ и никогда не бралъ кисти въ руки.

— О! вотъ это странно, потому что это одно, чтб я умѣю. Въ этомъ отношеніи Валентина похожа на васъ. Полагаю, что вы не умѣете также выпивать? Я отлично выпиваю.

— Нѣтъ, къ несчастію. Но я пишу латинскіе и греческіе стихи; быть можетъ, это относится къ выпиванію?

— Еслибы вы писали англійскіе стихи, то я бы признала въ этомъ нашу общую черту. Но сильны ли вы въ ариѳметикѣ?

— Нѣтъ, не очень.

— О! какъ жаль: я очень сильна. Валентина тоже не умѣетъ сдѣлать правильнаго сложенія. Аккуратны ли вы?

— Нѣтъ, очень неаккуратенъ.

— Ахъ, какъ я рада! потому что я тоже самая неаккуратная особа въ мірѣ, а Валентина—воплощенная аккуратность. Ея комната похожа на каюту корабля. Любите ли вы собакъ и животныхъ?

— Не очень.

— Какая жалость: я ихъ такъ люблю! Ахъ, Клодь, какъ это досадно: въ одномъ вы похожи на меня, а въ другомъ—на Валентину! Чтб вы еще знаете?

— Я знаю два новыхъ языка и законовѣденіе. Умѣю грести, играть въ крокетъ и теннисъ...

— Мы тоже умѣемъ играть въ теннисъ. Клодь,—она опять понизила голосъ,—бросимъ искать сходство. Но, ахъ! какое ужасное мы провели утро! Мой бѣдный братъ!

Она хотѣла этимъ сказать, что если одно свиданіе съ Мелендой было такъ невыразимо тяжело, то каковы должны быть его чувства, когда онъ всю жизнь знался съ ней.

— Что касается меня,—отвѣчалъ онъ на ея невысказанный вопросъ,—то Меленда всегда была моей сестрой. Я къ ней привыкъ. Но, конечно, вы ея раньше не знали.

— Увольте насъ отъ вторичнаго свиданія, Клодь. Я знаю,

что это—эгоизмъ съ моей стороны. Но я не могу идти туда опять... такъ скоро.

— Вы и не пойдете, пока сами того не пожелаете. Я боюсь, что Меленда была... очень... откровенна.

— Она была... нестерпима.

— Да!—послышался голосъ Джэка Конейрса, который былъ не громокъ, но звученъ; онъ разговаривалъ съ Валентиной.— Да! съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлся съ вами во Флоренціи, я былъ безусловно вынужденъ посвятить себя исключительно искусству. Всякое другое личное честолюбіе, какое я могъ бы питать, я оставилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! но вѣдь нѣтъ ничего очаровательнѣе искусства, м-ръ Конейрсъ, и ничего почтеннѣе, не правда ли?

— Я надѣюсь, что увижу васъ и вашу сестру, въ одинъ счастливый день, въ моей мастерской, миссъ Валентина? Моя картина не будетъ окончена и готова для выставки раньше трехъ или четырехъ лѣтъ. Но друзьямъ я покажу ее раньше.

— Я надѣюсь увидѣть ее въ академіи или въ Гросвенорѣ.

Онъ сложилъ руки и слегка вздрогнулъ.

— Не это,—прошепталъ онъ,—все, только не это!

— Клодъ,—сказала Віолета:—вотъ человѣкъ, который былъ очень внимателенъ къ намъ прошлой зимой во Флоренціи. Онъ, право, былъ очень для насъ полезенъ. И поровну дѣлилъ свое вниманіе между нами обѣими, чтобы не произошло ошибки.

— Какой ошибки?

— Ахъ, вы, глупенькій мальчикъ!—такой, чтобы не влюбиться въ Полли? вмѣсто Беатрисы. Онъ пробылъ десять минутъ съ Валентиной, а теперь подойдетъ ко мнѣ. Вѣрите вы въ него?

— Я знавалъ его въ Кембриджѣ. Мы считали его даровитымъ..

— Онъ постоянно говоритъ о самомъ себѣ, точно ему очень хочется, чтобы его считали даровитымъ; и... не знаю... въ немъ нѣтъ искренности. Онъ носитъ маску.

Теперь лэди Мильдредъ занялась Клодомъ.

Она всегда была очень любезна, настоящая *grande dame*, но никогда еще не казалась она ему любезнѣе и болѣе *grande dame*, чѣмъ сегодня вечеромъ.

— Помнишь ли, Клодъ,—спросила она его,—тотъ день, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я повезла тебя въ оперу и сказала, что ты можешь, если захочешь, занять мѣсто среди той публики, которую ты тамъ видѣлъ?

— Я помню все, что вы когда-либо мнѣ говорили, лэди Мильдредъ.

— Ну, вотъ видишь ли, время наступило тебѣ занять это мѣсто. Молодому человѣку полезно бывать въ свѣтѣ...

— Я никогда не стремился въ свѣтъ. Мое честолюбіе заключается въ томъ, чтобы оправдать...

— Я знаю это, Клодъ. Ты болѣе нежели оправдалъ всѣ мои ожиданія. Въ противномъ случаѣ я бы не познакомила тебя съ сестрой.

— Но вы позволили мнѣ отвезти ихъ...

— Да, Клодъ. Твоя сестра должна узнать своихъ родныхъ. Она не обязана, если не захочетъ, бывать въ ихъ обществѣ. Быть можетъ, она не вполне оцѣнила бы тебя, еслибы не поняла, какъ много тобою сдѣлано. Я хотѣла, чтобы она гордилась тобою, Клодъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ.

— И ты думаешь... ты полагаешь, что личный успѣхъ и отличіе удовлетворять твою душу, Клодъ?

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ съ удивленіемъ: — чего же еще можетъ пожелать человѣкъ?

— Ты думаешь, что будешь счастливъ, когда займешь подобающее мѣсто въ обществѣ?

— Я увѣренъ, что ничто, кромѣ этого, не можетъ меня сдѣлать счастливымъ. Почему вы меня спрашиваете объ этомъ, лэди Мильдредъ?

— Будь счастливъ, мой милый мальчикъ, какъ тебѣ хочется. Но только не будь такъ увѣренъ, что не можетъ быть другого честолюбія для тебя.

Клодъ ушелъ домой около полуночи вмѣстѣ съ Конейрсомъ. Его пріятель былъ не совсѣмъ доволенъ. Онъ ничего не открылъ и сомнѣвался въ томъ, дѣйствительно ли изъ него выйдетъ великій живописецъ.

— Ну,—спросилъ онъ,—узналъ ли ты что-нибудь... то-есть правду объ этихъ молодыхъ дѣвушкахъ? Разумѣется, если это не государственная тайна.

— Вовсе не государственная тайна. Но только мы ея не знаемъ. Лэди Мильдредъ скажетъ намъ, когда захочетъ.

Они молча курили папироски нѣкоторое время.

— Джэкъ,—началъ Клодъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—я хочу поговорить съ тобой о той дѣвушкѣ, помнишь,

про которую ты мнѣ рассказывать... про дѣвушку съ красивыми глазами и лицомъ, пригодными для модели...

— Помню. Ну, что же?

— Не дѣлай этого, Джэкъ. Оставь дѣвушку въ покоѣ. Я недавно былъ въ обществѣ дѣвушекъ ея класса. Твоя дѣвушка отлично могла бы быть моей сестрой. Оставь ее въ покоѣ.

— Мой милый другъ, полмилліона дѣвушекъ, по крайней мѣрѣ... но будь по твоему. Моделей много на свѣтѣ, хотя трудно найти съ такими глазами. Но будь по твоему. И какъ будто бы дѣвушка могло принести вредъ, еслибы она посвятила себя искусству!

— Да,—отвѣтилъ Клодъ,—то же самое говорили на Кипрѣ, когда требовалось, чтобы дѣвушка посвятила себя Афродитѣ.

— Еслибы дѣвушка захотѣла посидѣть передо мной, я бы ее срисовалъ. Но ты правъ, Клодъ. Было бы жалко вскружить ей голову. Она останется съ своими друзьями и своей швейной машиной. По крайней мѣрѣ, я ее отъ нихъ не оторву.

VIII. Алисія.

— Видишь, Джэкъ, ты не нашелъ нужнымъ навѣстить меня, такъ я пришла навѣстить тебя.

Гостя Джэка была женщина уже не первой молодости, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Это тотъ возрастъ, когда про женщину начинаютъ говорить, что она все еще хороша собой. Гостя была красивая женщина, высокая и широкоплечая, съ полными щеками и улыбающимся ртомъ; женщина съ прекраснымъ, ровнымъ характеромъ, но себѣ на умѣ и настойчивая. И хотя она смѣялась, но въ глазахъ ея было нѣчто такое, что заставляло Джэка, чувствовавшего себя виноватымъ, желать, чтобы она поскорѣй ушла.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ.—Я былъ невѣжливъ, но никакъ не могъ управиться съ дѣлами. Вы знаете, что я, наконецъ, нанялъ мастерскую.

— Въ самомъ дѣлѣ! Но зови меня по прежнему Алисіей, Джэкъ. Я рада слышать, что ты началъ работать.

— Я началъ свою картину.

Есть тонкая разница между тѣмъ, чтобы начать работать и начать картину.

— О! а... пока, Джэкъ?

Онъ встрѣтился съ ней глазами и покраснѣлъ.

— А пока?..—повторила она.—Человѣкъ не можетъ жить

независимымъ джентльменомъ безъ денегъ, а ты вѣдь слишкомъ уже пять лѣтъ ведешь эту игру. И не можетъ человѣкъ тоже сразу заработать денегъ живописью, если только ему не повезетъ чертовское счастье. Поэтому, Джэкъ, пока деньги не появятся у тебя въ карманѣ...

— Что вы хотите сказать?

Но онъ очень хорошо зналъ, что она хочетъ сказать, потому что эта дама отлично знала всѣ его фамиліи дѣла и тѣ весьма небольшія средства, съ которыми онъ вступилъ въ жизнь, а потому съ ней и не стоило бы притворяться непонимающимъ.

— Я хочу сказать: чѣмъ ты будешь жить?

— Буду жить, какъ птица небесная.

— Птицы не ходятъ въ клубъ и не пьютъ красного вина.

Джэкъ ничего не отвѣтилъ.

— Полно, Джэкъ, я знаю, какого рода жизнь тебѣ нужна. Имя у тебя звучное, и ты хочешь, чтобы тебя считали потомкомъ стариннаго, хорошаго рода. Тебѣ не трудно скрыть, что отецъ твой былъ лавочникомъ, потому что имя его не стояло на выѣсѣхъ. Ты желаешь, чтобы тебя считали человѣкомъ тонко-образованнымъ и гениальнымъ.

— Вы можете говорить все, что вамъ угодно, у меня въ домѣ, Алисія.

— Я знаю, что могу. Тебѣ нуженъ также весь солидный комфортъ жизни, и я могу тебѣ его доставить. Ты знаешь, что я богата...

— Ахъ! что мнѣ за дѣло!

— Полно, Джэкъ, ты бы не признавался мнѣ въ любви, годъ тому назадъ, если не хочешь слышать правды. О, Джэкъ! ты всегда былъ шарлатаномъ, даже когда былъ маленькимъ мальчикомъ.

— Будетъ, Алисія!

— Что будетъ? Развѣ лавки твоего и моего отца не стояли рядомъ? И развѣ мы не вмѣстѣ ходили въ театръ? И развѣ, когда я выходила замужъ за моего покойнаго мужа, я не обѣщала тебѣ, что всегда останусь твоимъ другомъ? Послушай, приходи ко мнѣ сегодня обѣдать. Я не помѣшаю тебѣ гоняться за богатыми невѣстами, только вѣдь не поймать тебѣ богатой невѣсты. Немного найдешь невѣстъ, старыхъ или молодыхъ, съ двумя тысячами фунтовъ дохода. И что же ты имъ предложишь взаменъ? Вѣдь даромъ онѣ не пойдутъ за тебя. Если у тебя нѣтъ ни состоянія, ни знатной фамиліи, ни ума, то что же ты имъ дашь? Претензію на гениальность... одну только претензію! Это жидко, Джэкъ! На этомъ не выйдешь! Приходи; никого не будетъ, кромѣ тебя

и бутылки лучшаго краснаго вина изъ погреба моего покойника. Прощай, Джэкъ. Обѣдь въ половинѣ шестого.

Она еще промедлила съ минутою, поглядѣла на три портрета на каминѣ и затѣмъ раскохоталась звонко, протяжно, искренно:

— Донъ-Жуанъ! побѣдитель женскихъ сердецъ! О! мы, бѣдныя женщины, какъ онъ сокрушаетъ наши сердца! То-то одно лицо показалось мнѣ знакомымъ. Да и всѣ три знакомы мнѣ. Ахъ! Джэкъ, право, это бѣлыми нитками шито! Помилуй, каждый торговецъ картинами ихъ знаетъ. У меня всѣ три имѣются въ коллекціи. Вотъ это—француженка. Она была и Клеопатрой, и Нинонь-де-Ланкло и чѣмъ угодно. А это—итальянская куртизанка, которую рисовали и какъ Венеру, выходящую изъ волнъ морскихъ, и какъ купающуюся нимфу—у меня она виситъ на стѣнѣ въ обоихъ видахъ. За Венеру заплачено было сто фунтовъ, но мой покойникъ не могъ даже этихъ денегъ выручить обратно. Что касается испанской дѣвушки съ гитарой, то ее во всѣхъ иллюстраціяхъ найдешь теперь; то въ окно смотреть, то въ церкви на колѣняхъ стоять! О, Джэкъ, какой же ты шарлатанъ!

IX. Самъ.

Оставалось еще познакомиться съ Самомъ.

Послѣ двукратнаго неудачнаго знакомства съ двойственной личностью Полли, Клодъ нашелъ лучшимъ предварительно объясниться. Онъ написалъ письмо брату и пригласилъ его придти познакомиться съ сомнительной сестрой на квартирѣ Клода утромъ въ воскресенье.

Самъ принялъ приглашеніе, но безъ восторга. У него уже была одна сестра, которой онъ стыдился, потому что она пребывала въ нищетѣ. Весьма вѣроятно, что и другая сестра будетъ только лишней препоной для его собственной респектабельности. Самъ былъ изъ того многочисленнаго класса людей, которые не терпятъ семейныхъ узъ. Клодъ въ письмѣ называлъ сестру барышней, но въ наше время этимъ словомъ такъ злоупотребляютъ, что оно ровно ничего не значить.

Какъ бы то ни было, но Самъ обѣщалъ посвятить часть воскреснаго утра родственнымъ отношеніямъ. Онъ сдержалъ обѣщаніе, и когда явился въ Кингъ-Бенчъ-Уокъ, то нашелъ тамъ уже дѣвушекъ, которыя его ждали.

Онъ не ожидалъ, однако, увидѣть такихъ барышень, какъ эти, подобныя которымъ ему еще не случалось видѣть ни по

наружности, ни по костюму, ни по манерамъ. Такія дѣвицы не попадаются въ Гаггерстонѣ, гдѣ была школа Сама.

— Одна изъ этихъ барышень — твоя сестра, Самъ, но я уже говорилъ тебѣ, что мы не знаемъ — которая.

Самъ глядѣлъ то на одну, то на другую, красный, сконфуженный. Ихъ глаза не говорили: — неужели это великій и замѣчательный Самъ? Ничуть: на ихъ лицахъ читался совсѣмъ иной вопросъ, и у него хватило проницательности прочесть его: — что-то представляетъ изъ себя Самъ? Обѣ подали ему руку, которую онъ неловко пожалъ, говоря: „какъ поживаете?“ — точно онъ недѣлю тому назадъ съ ними видѣлся. Послѣ того вдругъ опомнился, сообразилъ такъ-сказать о своемъ величїи и о томъ почтительномъ страхѣ, который, безъ сомнѣнія, внушаетъ дѣвушкамъ, хотя онѣ это и скрываютъ. Однако, не преминулъ обернуть лицо носовымъ платкомъ, замѣтивъ, что сегодня жарко, и въ своемъ волненїи проглотилъ всѣ буквы h ¹⁾, что ему показалось тѣмъ обиднѣе, что во всемъ Гаггерстонѣ онъ одинъ умѣлъ произносить эту букву какъ слѣдуетъ, и опять отеръ лицо. Наконецъ нашелъ стулъ и сѣлъ на него. Въ этой позиціи къ нему вернулась его самоувѣренность, и онъ засунулъ большіе пальцы правой и лѣвой руки за жилетъ. Эта поза не изъ самыхъ граціозныхъ, но Саму она пристала лучше, нежели другимъ. Онъ не умѣлъ стоять, какъ, напримѣръ, Клодъ, ни на что не облокачиваясь или опершись на каминъ. Ему нужна была поза, которая бы говорила о силѣ и самоувѣренности.

— Ты не знаешь, которая Полли, Клодъ? — спросилъ онъ, глядя то на ту, то на другую дѣвушку, точно онѣ были восковые куклы. — Ну, чтожъ, я также не припомню. Но не бѣда, — прибавилъ онъ, покровительственно кивнувъ головой: — я буду васъ обѣихъ звать сестрами, мои милыя!

Клодъ высказалъ почти то же самое, но впечатлѣніе было совсѣмъ иное. Віолета отвела глаза въ сторону, а Валентина важно наклонила голову.

Самъ былъ крѣпкаго сложенія и широкъ въ плечахъ. Росту онъ былъ ниже средняго, а ноги у него были, сказать по правдѣ, короткія и кривыя. Лицо также выражало силу; лобъ былъ широкъ и великъ; глаза глубоко сидѣли въ орбитахъ; жесткіе рыжіе волосы стояли щеткой на головѣ; ротъ выражалъ твер-

¹⁾ Простолудины и вообще необразованные англичане во всѣхъ словахъ, гдѣ буква h должна произноситься, глотаютъ ее, но зато прибавляютъ h къ такимъ словамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ.

дось. Онъ производилъ впечатлѣніе рѣшительнаго и самоувѣреннаго молодого человѣка.

— Вы слышали, конечно, — любезно сказалъ онъ, — что вашъ братъ самъ пробилъ себѣ дорожку, и, разумѣется, вамъ захотѣлось съ нимъ познакомиться. Ну, вотъ я каковъ. Только, пожалуйста, не рассчитывайте сѣсть мнѣ на шею. Своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Мы никому не намѣрены „сѣсть на шею“, — повторила Віолета, — хотя мы и изъ бѣднаго класса.

— Бѣднаго класса?!

Самъ повернулся на стулѣ и покраснѣлъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? — вы изъ рабочаго сословія, а не изъ бѣднаго! Бѣднаго! Вы — опора и столбъ страны.

— Неужели и я опора? — спросила Віолета. — Ну, если у страны все такія опоры...

— Опора и краеугольный камень націи, — продолжалъ Самъ. — Прошу больше не называть рабочій классъ бѣднымъ. Вы ничего не понимаете. Вотъ что выходитъ, когда предоставляютъ воспитаніе дѣвушки ея естественнымъ врагамъ. Я всегда былъ противъ этого.

— Почему же естественнымъ врагамъ? — спросила Валентина.

— Разумѣется, вы ничего не понимаете. Кто же и врагъ рабочаго человѣка, какъ не тѣ, что живутъ на его счетъ? — отвѣчайте мнѣ на это. Что дѣлаютъ ваши друзья, чтобы заработать свое пропитаніе? Отвѣьте мнѣ на это.

Онъ вдругъ пришелъ въ ярость и сталъ ужасно какъ похожъ на Меленду. Глаза его метали молніи, какъ и ея глаза, и онъ почти накинудся на Валентину.

— Конечно, васъ научили презирать рабочій классъ и называть его бѣднымъ, и учили, что вы должны быть добры къ бѣднымъ. Поглядите, какъ вы одѣты. Развѣ сестра честнаго работника носить золотыя цѣпочки, шелковыя платья и лайковыя перчатки?

— Видишь, Валь, — замѣтила Віолета, обращаясь къ Валентинѣ: — Джо говорилъ то же самое. Мы должны одѣваться какъ Меленда.

— Джо не дуракъ, — сказалъ Самъ, — хотя и невѣжда.

— Пожалуйста, укажите намъ наши недостатки! — попросила Валентина. — Если мы будемъ знать ихъ, то можемъ исправиться. Насъ, конечно, учили быть добрыми къ бѣднымъ, но не учили презирать рабочихъ людей. Но продолжайте.

— Я вовсе не желаю указывать на ваши недостатки,—отвѣчал Самъ нѣсколько мягче,—но только хотѣлъ указать на роскошь и праздность и житье на чужой счетъ.

— Это ты въ газетахъ читаешь про роскошь и праздность, братецъ,—замѣтилъ Клодъ, до сихъ поръ молчавшій.—Надо всегда провѣрять то, что читаешь, Самъ. Я полагаю, что ты не противъ этого правила. Спроси ихъ, чему онѣ научились, и, быть можетъ, увидишь, что и онѣ знаютъ не меньше тебя.

— Да, знаю: играть на фортепiano и читать по-французски, выпивать и наражаться. Чтожъ, я не говорю, что это ихъ вина. Я слышалъ, что вы были у матушки и она прогнала васъ, и что вы видѣли Джо, и онъ хочетъ знать, что это все означаетъ и что вы намѣрены дѣлать, то-есть одна изъ васъ, и чѣмъ будетъ жить, когда надоѣстъ милэди. И вы видѣли Меленду, и она разбранила васъ, потому что ей не втерпѣжъ приходится отъ тяжелой работы и вѣчнаго голода. А теперь вы видѣли меня.

— Видѣли,—отвѣчала Виолета.—Эта молодая дѣвица улыбалась однимъ словомъ выразить больше, чѣмъ другіе пятидесятью.—Видѣли.

Глаза Клода засверкали, а у Валентины выразилась на лицѣ тревога. Но Самъ ничего не замѣтилъ. Оттѣнки были для него недоступны.

— Да, теперь вы видѣли меня. Всѣ родные гордятся мной, и я горжусь самимъ собой.

— Мы увѣрены,—замѣтила поспѣшно Валентина, увидѣвъ, что Виолета улыбается и что это можетъ быть принято за агрессивное движеніе:—мы увѣрены, что будемъ такъ же гордиться вами, какъ и Клодомъ, когда поближе узнаемъ васъ.

— Какъ Клодомъ?

Самъ фыркнулъ и подобралъ ноги подъ стулъ.

— Какъ! вы гордитесь Клодомъ? Да вы знаете ли, кто я? Онъ выпятилъ грудь и подбоченился.

— Знаете ли вы, кто я? Я—учитель министерской народной школы. Понимаете ли вы, что это значить?

— Самъ имѣетъ всѣ основанія гордиться,—замѣтилъ Клодъ.—Когда онъ былъ еще мальчикомъ, то рѣшилъ, что будетъ учителемъ въ школѣ, и достигъ этого. Онъ почти самоучка; меня же учили другіе.

Послѣ этого Самъ вкратцѣ изложилъ исторію своихъ подвиговъ, повѣствуя, какъ онъ преодолевалъ всѣ препятствія на своемъ пути, точно сказочный великанъ.

— Что касается будущаго,—замѣтилъ онъ,—то не забудьте,

что вамъ придется считаться съ народнымъ учителемъ. Рабочіе — господа страны, а мы — господа надъ рабочими. Они уже подчиняются намъ. Мы скоро будемъ ихъ вождами.

— Палата общинъ въ скоромъ времени будетъ состоять изъ однихъ только учителей элементарныхъ школъ, — сказалъ Клодъ.

— Какъ только членамъ будутъ платить жалованье, — отвѣчалъ Самъ, — въ палатѣ общинъ появится много учителей. И тѣмъ ихъ больше будетъ, тѣмъ лучше. Что теперь члены знаютъ о торговлѣ и промышленности? Ничего! Что они знаютъ о рабочемъ человѣкѣ? Ничего. Ну, а мы знаемъ.

— Вы имѣете большое вліяніе на рабочихъ? — спросила Віолета такъ невинно, что я не знаю, почему Валентина опять встревожилась.

— Не такое большое, какъ было бы желательно. Намъ мѣшаютъ говорить имъ правду. Но мы знаемъ, что нужно рабочимъ и чего они добиваются.

— Скажите намъ, чего они добиваются? — попросила Валентина.

— Безполезно.

Любопытно было видѣть, какъ на некрасивомъ лицѣ Сама выраженіе ярости внезапно переходило въ мягкое выраженіе. Онъ глядѣлъ теперь совсѣмъ мягко, какъ бы сожалѣя о такомъ красивомъ, но никуда не годномъ для жизни дѣйствительной, созданіи.

— Безполезно, — повторилъ онъ. — Вы теперь — молодая ба-рышня и принадлежите къ нашимъ врагамъ. Къ чему пугаться? Ступайте домой, пользуйтесь жизнью, ѣшьте и пейте!

— Нѣтъ, скажите намъ, — настаивала Валентина.

— Я думаю, намъ дѣйствительно лучше отправиться домой... ѣсть и пить, — замѣтила Віолета.

— Самъ думаетъ, что его идеи раздѣляются всѣми рабочими, — замѣтилъ Клодъ. — Люди съ энергическимъ образомъ мыслей часто это думаютъ. Скажи имъ свои мнѣнія, Самъ.

— Они не мои только мнѣнія, не думайте этого, — отвѣчалъ Самъ. — Хорошо; если вы не боитесь, то я скажу вамъ, что мы думаемъ сдѣлать — я и мои друзья — съ вами и вашими друзьями. Ступайте домой и скажите вашимъ друзьямъ, что рабочіе Англіи намѣрены учредить республику, но не такую, какъ то, что ваши друзья считаютъ республикой, а настоящую. Въ настоящей всѣ будутъ равны: не будетъ ни лордовъ, ни титуловъ, ни привилегированныхъ сословій. Что касается земли, то она будетъ принадлежать народу; мы возьмемъ землю, и она будетъ обрабаты-

ваться націей. Если кто пожелаетъ быть священникомъ, то можетъ имъ быть послѣ дневного труда; мы, конечно, отдѣлимъ церковъ отъ государства и отберемъ церковное имущество. У насъ не будетъ ни лѣннихъ пасторовъ, ни министровъ, живущихъ на счетъ народа, ни юристовъ, потому что правосудіе будетъ даровое и всѣ дѣла будутъ рѣшаться присяжными засѣдателями, и они будутъ созываться ежедневно, если понадобится. У насъ не будетъ ни хозяевъ, ни рабочихъ, ни капиталистовъ, ни купцовъ, ни налоговъ, потому что не будетъ и денегъ, и трудъ будетъ единственной монетой. Ежегодно будетъ созываться парламентъ, и никому не будетъ позволено говорить долѣе пяти минутъ.

— Будутъ ли женщины имѣть право голоса? — спросила Віолета.

— Разумѣется, нѣтъ, — отвѣчалъ Самъ рѣшительно. — Женщины не могутъ управлять. Кромѣ того, имъ нельзя довѣрить общественнаго дѣла: онѣ захотятъ возстановить частную собственность, государственную церковъ и такъ устроить дѣла, чтобы ихъ сыновьямъ ничего не дѣлать.

— Очень рада, — отвѣтила Віолета. — Я боялась, что меня призовутъ къ управленію государствомъ.

— Когда же все это случится? — спросила Валентина.

— Не знаю: можетъ быть, черезъ годъ или два, а можетъ быть, и черезъ десять. Мы пока занимаемся воспитаніемъ народа.

— Самъ—соціалистъ; мнѣ слѣдовало предупредить васъ объ этомъ, — замѣтилъ Клодъ.

— Теперь вы знаете, что васъ ожидаетъ, — продолжалъ Самъ:— можете объ присоединиться къ намъ. Мнѣ все равно, которая изъ васъ Полли; можете объ называться Полли, если хотите, и я буду стоять за васъ обѣихъ. Но только оставьте Клода и своихъ друзей и приходите къ намъ.

— Чѣмъ же мы будемъ тогда жить?—спросила Валентина.

— Мы что-нибудь найдемъ для васъ. Не петли обметывать, разумѣется, какъ дѣлаетъ Меленда, но какую-нибудь приличную работу. Можетъ быть, вы можете учить въ школь,—онъ указалъ пальцемъ на Валентину:—вы не изъ робкихъ и сильнаго тѣлосложенія. Что до васъ...

— Что я стала бы дѣлать? — спросила Віолета.

— Не знаю; вы, кажется, ни на что путное не годитесь. Ну да, наконецъ, на худой конецъ, каждая дѣвушка можетъ пить. Ну, вотъ теперь вы знаете, что васъ ожидаетъ, и когда революція начнется...

— То многихъ свалить съ ногъ, кто этого вовсе не ожидать, — добавилъ Клодъ.

Самъ не отвѣчалъ. Онъ разгорячился, и теперь ему было стыдно потому, что Клодъ оставался нечувствителенъ къ его краснорѣчію. Что касается дѣвушекъ, то одну ему удалось заинтересовать, а другую до смерти напугать своими дикими рѣчами. Но это его не трогало. Такъ или иначе взволновать женщинъ — не трудное дѣло. Но Клодъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ бы или спорить и опровергать его, или же признать себя побѣжденнымъ, — Клодъ слушалъ совершенно хладнокровно и безучастно.

Самъ ушелъ.

— Вы слышали вѣроисповѣданіе Сама, — сказалъ Клодъ: — онъ вѣрить въ каждое слово.

— Ну чтожъ, — замѣтила Віолета, — я могу пить. Дѣвушки хоть на это годны.

— А я могу учить въ школѣ, — сказала Валентина. — Но, Клодъ, міръ безъ бѣдности и страданія...

— Полно, Валь, — перебила Віолета, — не разсуждай объ этомъ! иначе ты убѣдишь отъ насъ къ социалистамъ. Останемся лучше съ нашими естественными врагами и будемъ ѣсть и пить сколько можемъ, пока Самъ намъ въ этомъ не помѣшаетъ. Клодъ, вы пойдете къ намъ завтракать?

Віолета подавила тяжкій вздохъ, доказывавшій, что она скрывала глубокое и сильное волненіе.

— Мы теперь видѣли Сама. Мы теперь увидимъ его снова, можетъ быть, тогда, когда онъ будетъ президентомъ социальной республики и станетъ рубить головы направо и налево.

Х. — Великое отреченіе.

Валентина задумала планъ. И вначалѣ никто не зналъ его, кромѣ Віолеты. Когда она впервые сообщила ей о немъ, Віолета сначала засмѣялась, а затѣмъ заплакала. Самъ Готама не могъ бы придумать ничего фанатичнѣе. Никакой египетскій или сирійскій аскетъ, никакой индійскій факиръ не придумалъ бы болѣе мучительнаго самоистязанія.

И затѣмъ она сообщила объ этомъ Клоду.

— Это невозможно, — отвѣтилъ онъ безъ всякаго колебанія.

Всѣ великіе планы всегда признаются вначалѣ невозможными.

— О, Клодъ! — и ея лицо омрачилось: — а я такъ рассчитывала на вашу помощь.

— Давайте придумаемъ что-нибудь другое.

— Ничего другого не придумаешь. Развѣ вы не понимаете, Клодъ? она—моя родная сестра... и ваша также. И подумайте, какъ она живетъ, подумайте объ ея нищенской жизни! Я должна пожить съ ней. Я должна помочь ей. Она, конечно, будетъ гнать меня. Но я не пойду.

— Это совершенно невозможно, Валентина, — настаивалъ Клодъ:—вы не привыкли къ ихъ жизни; она убьетъ васъ.

— Я привыкну. О, Клодъ, я думала, что вы будете мнѣ сочувствовать!

Слезы стояли у нея въ глазахъ. Она всю ночь не спала и думала о своемъ планѣ.

Утромъ онъ показался ей еще прекраснѣе, чѣмъ ночью.

— Они—мои родные, Клодъ!

— Я въ этомъ не увѣренъ. И, кромѣ того, съ кѣмъ же вы будете жить? Будете ли вы жить съ братомъ Джо? или съ матушкой? или съ Самомъ?

— Нѣтъ. Я буду жить съ Мелендой или около нея. Постарайтесь устроить это, Клодъ.

Клодъ сѣлъ и задумался, а Валентина прибѣгла къ бѣлой магии.

Каждая женщина — къ счастью, очень немногія женщины вполне постигаютъ эту великую истину — можетъ сдѣлать съ каждымъ мужчиной все, что ей угодно, лишь бы: первое, она была молода и хороша собой; второе, чтобы мужчина былъ человѣкъ съ воображеніемъ и любилъ женщинъ; и третье, чтобы она хорошо владѣла какимъ-нибудь музыкальнымъ инструментомъ. Всѣ эти условія существовали въ данномъ случаѣ.

Валентина сѣла за рояль и заиграла. Когда она увидѣла, что музыка произвела свое дѣйствіе, она встала изъ-за рояля.

— Я помогу вамъ, насколько сумѣю, — сказала Клодъ. — Я не знаю, что вы можете сдѣлать для Меленды, но я постараюсь устроить то, что вы желаете. Но что скажете леди Мильдредъ?

— О! сначала устройте все, а затѣмъ мы ей сообщимъ и попросимъ ея согласія. Я думаю, что она согласится.

Клодъ ознакомился съ жильцами дома, гдѣ жила Меленда, и убѣдился, что Валентинѣ не грозитъ никакого особенно дурного сосѣдства. Въ нижнемъ этажѣ съ передняго фасада жилъ старшій джентльменъ неизвѣстной профессіи, о которомъ ему сказали, что онъ очень тихъ и безобиденъ, но страшно бѣденъ. Въ томъ же этажѣ съ задняго фасада жила старая леди, которая сама увѣрила Клода въ своей безусловной респектабельности. Что касается

ея профессіи, то она имѣла какія-то занятія у похоронныхъ дѣлъ мастера. На видѣ она не была очень пріятная дама и можно было подумать, что часть ея жизни протекла не въ честномъ трудѣ. Она созналась также, что любить иногда выпить рюмочку, когда есть лишнія деньги въ карманѣ. Но эти случаи бывають рѣдки, потому что—правдиво заявила она—лишнихъ денегъ въ карманѣ у нея почти никогда не бываетъ.

Комната задняго фасада, въ томъ этажѣ, гдѣ жила Меленда, была занята какой-то пожилой женщиной, которая цѣлый день шила панталоны на машинѣ и была еще бѣднѣе самой Меленды. За нѣсколько шиллинговъ и за уплату недѣльныхъ квартирныхъ денегъ она согласилась переѣхать и уступить комнату. Клодъ велѣлъ комнату вычистить, заново општукатурить, облеить новыми обоями. Послѣ того онъ меблировалъ ее, хотя скромно, но комфортабельно, такъ что управитель дома подумалъ, что какая-то важная персона собирается поселиться въ Иви-Лэнѣ.

Когда все было готово, Валентина сообщила о своемъ планѣ лэди Мильдредъ. Съ какимъ краснорѣчіемъ она просила ее о согласіи, съ какими слезами и мольбами—можно себя представить.

Лэди Мильдредъ не выказала удивленія. Въ наше время всѣ давно уже перестали удивляться затѣямъ своихъ дочерей. Она терпѣливо выслушала и попросила дня два на размышленіе, прежде нежели дать отвѣтъ.

Но когда лэди Мильдредъ рѣшала въ головѣ, какъ ей поступить въ томъ или иномъ случаѣ, она неизмѣнно прибѣгала къ слѣдующей формальности: просила совѣта у своей пріятельницы, миссъ Берты Кольхунъ. Она ни разу еще не приняла ея совѣта, потому что онъ всегда шелъ въ разрѣзъ съ ея собственнымъ мнѣніемъ. Но вѣдь, въ сущности, совѣтоваться съ друзьями—значитъ пользоваться случаемъ вслухъ высказать свое мнѣніе и послушать, какъ оно звучитъ. То же самое можно сказать и о большинствѣ споровъ.

— Конечно, я знала, что знакомство ихъ съ Клодомъ и свиданія съ родными не пройдутъ безслѣдно. Но, признаюсь, меня удивляетъ, какъ неодинаково отнеслись онѣ къ этому: насколько Віолетту отталкивають рабочія дѣвушки, настолько Валентину онѣ привлекають.

— Но, конечно, Мильдредъ, ты не позволишь Валентинѣ жить одной въ ихъ обществѣ?

— Не знаю. Почему же нѣтъ?

— Одной, Мильдредъ? Одной съ грубымъ народомъ! Вѣдь она подвергается страшному риску!

— Какому риску?

— Насилию... оскорбленіямъ... грабежу, наконецъ.

— Нѣтъ, этого я ничего не боюсь. Главный рискъ, что она узнаетъ, что міръ дѣйствительно полонъ дурныхъ людей. Теорія воспитанія, требующая, чтобы дѣвушекъ, также какъ и мальчиковъ, знакомили съ жизнью, имѣетъ много за себя. Валентина узнаетъ, живя среди этихъ людей, что міръ, который ей казался такимъ прекраснымъ и добродѣтельнымъ, въ сущности, полонъ зла и несправедливости.

— Развѣ полезно дѣвушкамъ знать это?

— Отчего нѣтъ, если это правда? Развѣ Валентина станетъ хуже оттого, что узнаетъ, что зло существуетъ? Не думаю.

— А Віолета? Она тоже будетъ съ сестрой?

— У Віолеты не такой мужественный характеръ. Она останется со мной, и мы уѣдемъ съ ней куда-нибудь... въ Швейцарію... или на морской берегъ.

— Неужели же ты уѣдешь и оставишь эту бѣдную дѣвушку одну безъ всякаго покровительства въ томъ ужасномъ мѣстѣ, куда она отправляется?

— Да. Но она не будетъ совсѣмъ одна. Съ ней будетъ эта швея... которая, быть можетъ, ей сестра. И рабочіе вообще не оскорбляютъ честныхъ дѣвушекъ, сколько я слышала. Я думаю, что она будетъ совсѣмъ безопасна съ своей сестрой.

— Хорошо, Мильдредъ, но я не вижу, какая изъ этого выйдетъ польза.

— Предположимъ, что дѣвушка узнаетъ и пойметъ такъ или иначе о несправедливости, какой подвергаются лондонскія рабочія женщины, о томъ, какія онѣ переносятъ страданія, — такія страданія, понять которыхъ можно только, видя ихъ изо дня въ день; и предположимъ, что она великодушная и умная дѣвушка, и добрая... подумай, какъ много такая дѣвушка можетъ сдѣлать добра! Милая Берта, подумай о тѣхъ вещахъ, которыя ты сама читала и плакала надъ ними, хотя никогда ихъ хорошенько не понимала... Я говорю о страданіяхъ рабочихъ дѣвушекъ. Мы не можемъ повѣрить, что „Пѣсня о рубашкѣ“ взята изъ дѣйствительности, а не страшная только фантазія. Сорокъ слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Гудъ написалъ ее, а я увѣрена, что она и теперь могла бы быть написана и ежедневно спѣта. Валентина узнаетъ это на опытъ, и пусть она... если это нужно... сама страдаетъ.

Утромъ она сообщила о своемъ рѣшеніи. Всѣ собрались на семейный совѣтъ, и всѣ, кромѣ лэди Мильдредъ, чувствовали себя

сконфуженными. Берта—потому, что не могла возвыситься до пониманія того, что совершалось у нея на глазахъ, и считала такой шагъ немыслимымъ для порядочной дѣвушки; Віолета—потому, что ей было стыдно самой себя и своего отвращенія къ жизни, которую Валентина собиралась раздѣлить; Клодъ—потому, что онъ заранѣе все устроилъ, не будучи увѣренъ въ согласіи лэди Мильдредъ, и, наконецъ, Валентина—потому, что она боялась отказа.

— Дитя мое,—сказала лэди Мильдредъ, беря Валентину за обѣ руки:—обдумала ли ты серьезно и спокойно свой планъ? Понимаешь ли ты, на что рѣшаешься!

— О, да!—отвѣчала Валентина.—Клодъ мнѣ все разсказалъ, что меня ожидаетъ, и я на все согласна.

— Если такъ, то я не откажу тебѣ, Валентина.

И, повернувшись къ Віолетѣ, она спросила:

— А ты, мое дитя?

— Нѣтъ,—отвѣчала Віолета,—я бы не могла. Мнѣ стыдно самой себя; я согласна, что я трусиха, но я бы не могла, не могла жить тамъ, даже еслибы Валентина была со мной. А одна? — она вздрогнула.

— Никто тебя и не принуждаетъ, моя милочка. Но разскажите мнѣ, какъ же вы предполагаете все это устроить?

Клодъ объяснилъ, что онъ нанялъ комнату — не особенно большую и красивую, но приличную—рядомъ съ комнатою Меленды.

— Но кто же будетъ убирать эту комнату?—спросила Віолета.

Клодъ ничего не могъ посоветовать касательно этого важнаго пункта. Но Валентина заявила, покраснѣвъ и вздохнувъ, потому что эта подробность была менѣе привлекательна, нежели другія въ ея проектѣ, что она, по всей вѣроятности, сама будетъ убирать комнату.

— Сама?—сказала Віолета:—но вѣдь придется еще дѣлать тысячу вещей. Кто будетъ готовить обѣдъ и завтракъ и все такое?

— Полагаю, что я сама. Меленда сама это дѣлаетъ.

— Меленда обѣдаетъ чаемъ съ хлѣбомъ; помнишь, она упрекала насъ за то, что мы ѣдимъ каждый день говядину и баранину, и ѣдимъ больше, чѣмъ слѣдуетъ?

— Не думаю, чтобы я могла питаться однимъ хлѣбомъ съ чаемъ, но буду жить такъ просто, какъ только можно. Я и сама не прочь сварить себѣ мяса.

— Она вернется къ намъ съ руками жесткими, какъ у служанки,—замѣтила Віолета.

— Я позволяю тебѣ исполнить твое желаніе, моя душа, —

сказала лэди Мильдредъ, — но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, ты проживешь тамъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, хотя бы чувствовала себя одинокой и несчастной, хотя бы Меленда оказалась еще несноснѣе, чѣмъ ты ожидала. Ты не должна раньше этого срока возвращаться домой, кромѣ того случая, еслибы ты заболѣла.

— Охотно соглашаюсь. Понравится мнѣ или нѣтъ, я проживу тамъ три мѣсяца.

— Во-вторыхъ, ты будешь совсѣмъ отдѣлена отъ меня и отъ Віолеты. Мы уѣдемъ куда-нибудь, и ты не увидишь насъ раньше октября; мы не будемъ писать тебѣ, и ты намъ не пиши. Это тяжкое условіе, душа моя.

— Да, оно тяжкое, но все же я согласна.

— Еще одно условіе: чтобы Клодъ оставался въ Лондонѣ и видѣлся съ тобой какъ можно чаще, каждый день, если можно, такъ чтобы у тебя былъ подъ рукою другъ на всякій случай.

— Это условіе я съ радостью принимаю, — отвѣтилъ Клодъ.

— Онъ уже обѣщалъ мнѣ это, — замѣтила Валентина.

— Еще послѣднее условіе: ты не должна жить какъ рабочія дѣвушки. Питаться холоднымъ чаемъ съ хлѣбомъ и для нихъ нездорово, но для тебя совсѣмъ нигуда не годится. Ты должна питаться чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ.

— Это условіе легко исполнить. Я сама вовсе не желаю питаться однимъ хлѣбомъ съ чаемъ.

— Вотъ и всѣ мои условія, моя душа. Но помни, что бесполезно слишкомъ близко принимать къ сердцу то, чего не можешь измѣнить. Да не раздавай денегъ зря и не вѣрь всякимъ исторіямъ, которыя тебѣ будутъ рассказывать, и не гонись за тѣмъ, чтобы нажить побольше друзей.

— Не буду, — отвѣчала Валентина.

КНИГА II.

I. „Я—твоя сестра“.

Сказано — сдѣлано. Валентина сидѣла одна въ своей кельѣ — простой комнатѣ перваго этажа дома на Иви-Лэнѣ, въ Гокстонѣ. Она находилась среди громаднаго города, но была такъ же одинока, какъ еслибы ея келья находилась въ какой-нибудь необитаемой пустынѣ. Она съ удивленіемъ думала о томъ, какъ быстро совершаются величайшія событія въ мірѣ. Всего какихъ-нибудь

два или три часа тому назадъ ее терзали сомнѣнія: позволятъ ли ей это дѣло? и вотъ оно уже сдѣлано... то-есть, вѣрнѣе сказать, оно началось, такъ какъ ничто въ мірѣ само по себѣ не кончается.

Клодъ съ братской заботливостью снесъ ея сундукъ по крутой и узкой лѣстницѣ и затѣмъ оглядѣлся съ выжидательнымъ видомъ, какъ желѣзно-дорожный носильщикъ. Онъ, подобно носильщику, тоже ждалъ, что ему дадутъ на чаекъ, т.-е. похвалить его, такъ какъ онъ не мало-таки потрудился.

— Скажите мнѣ, Валентина, какъ вы находите эту комнату?

— Она очень мала. Но вѣдь и я не велика. И вы придали ей вполнѣ приличный видъ. Я никакъ не ожидала, что она будетъ такъ прилична. Благодарю васъ, Клодъ.

— Вотъ тутъ вашъ чайный сервизъ, — указывалъ Клодъ, какъ въ музеѣ, и въ душѣ онъ гордился, какъ какой-нибудь консерваторъ музея: — четыре голубыхъ чашки; а вотъ здѣсь столовый сервизъ. Я надѣюсь, что узоръ вамъ понравится.

Оба сервиза стояли на полкахъ небольшого буфета изъ красного дерева.

— Вотъ ваши книжныя полки; что касается стола, то я выбралъ его съ опускающимися досками, чтобы выгадать больше мѣста. Я подумалъ, что вамъ пріятнѣе будетъ жечь свѣчи, нежели керосинъ; и надѣюсь, что вы найдете эти подсвѣчники съ абажурами — удобными для чтенія. Видъ изъ окна не очень обширенъ и красивъ, но я поставилъ на окно горшки съ цвѣтами. Я знаю, что эта кушетка покойна; я самъ испыталъ это. У васъ не будетъ другого зеркала, кромѣ того, которое надъ каминомъ, а вотъ тутъ я поставилъ портретъ Віолеты и мой. Вотъ вамъ уголь, а вотъ фильтръ и кухонная посуда. Сообразите, не забылъ ли я чего-нибудь, или не могу ли я еще чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ? Хотите, я буду каждый день приходить къ вамъ на лѣстницу и чистить для васъ картофель?

— Нѣтъ, Клодъ, благодарю васъ. А теперь вамъ лучше уйти, потому что я боюсь, что расплачусь. Мнѣ больше ничего не нужно.

— Вамъ... не страшно, Валентина?

— Еслибы и было страшно, то я бы въ этомъ не призналась. Прощайте, Клодъ. Сегодня четвергъ. Приходите меня проводить въ воскресенье утромъ... не раньше. Мнѣ хочется до тѣхъ поръ побыть одной. Если меня что-нибудь затруднитъ, я обращусь за помощью къ Мелендѣ. Прощайте, Клодъ. Какъ отлично

имѣть брата, который о васъ заботится! Я очень благодарна вамъ. Прощайте. Ступайте и проведите весь вечеръ съ Віолетой.

Когда дверь затворилась за Клодомъ, она поплакала немножко, подавшиись минутной слабости, но затѣмъ справилась съ собой и, сбѣвъ на кровать, оглядѣлась вокругъ. Клодъ не забылъ даже спичекъ. А всѣ знаютъ, что даже хорошая прислуга ужасно бываетъ безпечна на этотъ счетъ.

Несомнѣнно, что жизнь должна была на время значительно упроститься для нея. Вотъ она находилась въ небольшой комнатѣ не болѣе двѣнадцати футовъ въ квадратѣ, окруженная всѣмъ необходимымъ для жизни, пищей, водой, кровомъ, постелью и платьемъ. Чего еще можетъ потребовать разумное существо? Въ Паркъ-Лэнѣ у нихъ была комната для сна, другая—для ѣды, третья—для занятій и четвертая—для гостей. Съѣдобныя вещи не держались въ спальнѣ и платье не висѣло въ столовой, а въ гостиной не готовили кушанье. Представить себѣ Віолету, „жарящую“ бифштексъ въ большой гостиной! Чуланъ съ углемъ не находился въ спальнѣ и кладовая не соединялась съ библіотекой. И однако здѣсь спальня, столовая, гостиная, библіотека, кухня, кладовая и чуланъ для угля—все соединялось въ одной небольшой комнатѣ, которой Клодъ придалъ вполне приличный видъ.

Она долго сидѣла на кровати и думала. Теперь, когда ея фантазія осуществилась и она очутилась одна въ этомъ домѣ, ей было довольно-таки страшно. Представьте, что кто-нибудь безъ спроса войдетъ къ ней въ комнату!.. Дверь дома была весь день открыта, и никто и ничто не могло помѣшать любопытнымъ заглядывать въ него... При этой мысли она вскочила съ кровати и бросилась осматривать дверь. О, осторожный Клодъ! Онъ подумалъ и объ этомъ. Онъ снабдилъ дверь цѣпочкой, замкомъ, задвижкой и деревяннымъ засовомъ, способнымъ выдержать сильные толчки. И, кромѣ этихъ укрѣпленій, у нея подъ рукой была Меленда, хотя Меленда не знала еще объ ея переездѣ. Еслибы что-нибудь случилось, она призоветъ на помощь Меленду. Безъ сомнѣнія, Меленда достаточно храбра и сильна, чтобы защитить ее.

Совсѣмъ одна! Есть много мужчинъ, которые всю свою жизнь проводятъ болѣе полу-сутокъ въ безусловномъ одиночествѣ и не тяготятся этимъ. Въ сущности, мужчины постоянно живутъ одни послѣ того, какъ оставляютъ школу, и до тѣхъ поръ, пока не женятся, что иногда не скоро случается.

У нихъ есть свои развлечения... клубы, пріатели, театры; но большую часть вечеровъ и всѣ ночи они проводятъ одни въ своихъ комнатахъ.

Женщины же, напротивъ того, рѣдко живутъ однѣ, а молодья—никогда. Онѣ привыкли вмѣстѣ гулять, вмѣстѣ сидѣть, работать и даже заниматься наукой. Валентина до сихъ поръ ни на одинъ день не разставалась съ Віолетой. Ея никогда не оставляло сознаніе покровительства, которымъ молодья дѣвушки одѣты какъ броней. Кромѣ какъ въ спальнѣ, которая приходилась рядомъ съ спальней Віолеты, она никогда въ жизни не бывала одна въ комнатѣ. Излишне прибавлять, что она никогда и ничего сама для себя не дѣлала. А теперь вдругъ открыла, что если захочетъ поѣсть, то должна сначала поработать, то-есть приготовить обѣдъ. Поэтому она задумалась о томъ, сдѣлаетъ ли она приготовить чай. И тутъ увидѣла, что заботливый юноша Клодъ подумалъ рѣшительно обо всемъ. Въ каминѣ уже лежалъ уголь и растопка. Чайникъ полонъ воды. Чай и сахаръ подъ рукой. Далѣе, Валентина открыла миску, полную свѣжихъ яицъ, и, кромѣ того, уже упомянутые хлѣбъ и масло; также и кружку молока. Откуда,—подумала Валентина,—возьметъ она завтра молоко? И вотъ, съ торжественнымъ чувствомъ, точно она зажигаетъ огонь Весты или вообще совершаетъ жертвоприношеніе, Валентина взяла спички и зажгла огонь; уголь весело затрещалъ, и вскорѣ показались длинныя языки пламени и стали лизать чайникъ съ водой; а когда послѣдняя закипѣла, Валентина почувствовала, что можетъ быть счастлива даже въ одиночествѣ.

Она заварила чай и выпила чашку, съ такимъ чувствомъ, какъ будто все это происходитъ не въ самомъ дѣлѣ, потому что голосъ Віолеты не звучалъ у нея въ ушахъ. Было чтó-то несообразное, чтó-то похожее на кошмаръ, въ томъ, что она завариваетъ чай для самой себя и сидитъ одна въ комнатѣ.

Послѣ чая она читала до половины девятого, когда солнце сѣло и наступившія сумерки скрыли безобразныя заднія стѣны домовъ и дворы.

Затѣмъ она вышла изъ комнаты и не безъ опасенія, робко постучалась въ дверь Меленды.

Дѣвушки только-что кончили дневную работу. Меленда складывала ея, а Лотти готовилась прилечь и отдохнуть. Лиззи выпрямляла руки и потягивалась, какъ Иксіонъ, когда его сняли съ колеса и объявили, что онъ можетъ отдыхать всю ночь.

— Я опять пришла,—сказала Валентина.

— О! — отвѣтила Меленда, притворяясь, что нисколько не удивлена. Но двѣ другихъ дѣвушки ахнули.

— Вы говорили, что Полли можетъ придти, если придетъ одна. Рады ли вы мнѣ теперь, когда я одна?

— Нисколько,—отрѣзала Меленда.

— Я переѣхала сюда на житье. Я наняла комнату въ этомъ самомъ домѣ.

Лиззи вытаращила глаза, но Меленда, рѣшившая, что ея ничѣмъ не удивишь, только фыркнула.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Чтобы быть поближе къ вамъ. Мы вѣдь сестры, Меленда.

— Въ прошлый разъ вы не знали, которая изъ васъ—моя сестра. И чѣмъ вы будете жить? Здѣсь нѣтъ господъ, которые держать прислугу. Въ трактирѣ ищутъ служанку, но вы очень низко пали, если согласитесь туда поступить. Ни я, ни Лиззи—мы не согласимся на это. Что, вы прикопили денегъ?

— У меня есть немного денегъ.

Это былъ щекотливый вопросъ, и она поспѣшила съ нимъ покончить.

— Клодъ нанялъ и устроилъ мнѣ комнату; хотите ее посмотреть?

— Ну,—сказала Меленда неласково,—дѣлать нечего. Я думаю, что вы не долго тутъ проживете. Покажите комнату.

Всѣ три пошли за ней, увлекаемые сильнѣйшимъ изъ женскихъ инстинктовъ.

Валентина закрыла ставни, спустила занавѣсы и зажгла свѣчу въ хорошенькомъ подсвѣчникѣ съ цвѣтнымъ абажуромъ.

— О-о! — протянули дѣвушки. Онѣ никогда до сихъ поръ не видывали хорошенькой комнаты, и эта комната ихъ поразила. Даже Меленда, рѣшившая, что ея ничѣмъ не удивишь, была удивлена. Онѣ обошли комнату и все оглядѣли: кушетку, каминъ, полки съ книгами, столъ и картины.

— Вотъ мой буфетъ съ провизіей,—показывала Валентина. — Мы будемъ вмѣстѣ обѣдать, если хотите. Вотъ мои книги: мы будемъ вмѣстѣ ихъ читать, если хотите. А вотъ мой рабочій ящикъ. Я буду работать вмѣстѣ съ вами, если вы позволите. Я очень хорошо шью.

— Гдѣ же всѣ ваши нарядныя платья и золотая цѣпочка?—спросила Лиззи, глядя на простое темное платье.

— Я ихъ не привезла съ собой. У меня съ собой только это платье и такой же ватерпруфъ, какъ и у васъ.

Меленда презрительно засмѣялась.

— Вѣдь это не что иное какъ комедія, Полли! Боже мой! да кто же приметъ васъ за рабочую дѣвушку? Платье у васъ не разорвано и локти не подраны. И прическа не та. Да !

воротничокъ съ рукавами. И поглядите на ваши пальцы! Знаете, на кого вы похожи? на горничную безъ мѣста.

Она такимъ презрительнымъ тономъ высказала это сравненіе, что даже Валентина смутилась.

— Ну чтожъ, пусть меня считаютъ за горничную,—сказала она, оправившись немного. — Вы не будете со мной недобры, Меленда?

Меленда разглядывала фотографіи на каминѣ.

— Вотъ Клодъ,—сказала она. — Какой онъ франтъ! не правда ли? И чтó это у него на головѣ за четырехугольная штука? И зачѣмъ на немъ черная мантия?

— Клодъ—ученый. Онъ снятъ на портретъ въ шляпѣ и въ мантии, которые ученые носятъ въ университетѣ. Это—Виолета, моя сестра.

— Это та, что расплакалась,—сказала Меленда. —Она не приходила больше, потому что я пригрозила, что вырву ей волосы.

Она мрачно усмѣхнулась.

— Она похожа на Джо. Но зато вы похожи на Клода.

— Вы позволите мнѣ сидѣть съ вами и приходить, и уходить изъ вашей комнаты, Меленда? Я не буду мѣшать.

Лотти отвѣчала за Меленду.

— Не спрашивайте Меленду, а не то она разсердится и вамъ нагрубитъ. Приходите безъ страха.

— Мы—рабочія дѣвушки,—прибавила Меленда, ни крошечки не оскорбляясь такимъ намекомъ на ея характеръ,—и должны работать. Намъ некогда болтать. Если вы не будете заставлять Лизу болтать и терять время, то приходите. Лотти любитъ васъ, если я не люблю.

Валентина съ благодарностью взглянула на худую дѣвушку съ провалившимися щеками и больной спиной.

— Лотти поможетъ вамъ хозяйничать и научить стряпать. Она чудесно стряпаетъ; вы бы попробовали, какъ она готовитъ говядину подъ лукомъ. Вы можете заплатить ей за трудъ, чѣмъ хотите. У нея спина иногда страхъ какъ болитъ—сидь на кровати Полли, Лотти!—а она никогда не злится, какъ бы злилась я, еслибы у меня болѣла спина. И она не такъ горда, какъ бы слѣдовало. Она будетъ брать отъ васъ подарки.

Меленда говорила тономъ превосходства, сознавая свою силу и здоровье, но Лотти повѣсила голову. Гордость, независимость и свобода—прекрасныя вещи для дѣвушекъ съ здоровыми спинами. Лиза глядѣла на все съ широко раскрытыми глазами и разинутымъ ртомъ. Комната казалась ей раемъ.

— Я собираюсь ужинать,—сказала Валентина, радуясь, что все такъ хорошо обошлось.—Вотъ окорокъ ветчины, который мнѣ принесъ Клодъ, и хлѣбъ съ масломъ. Мы опять разведемъ огонь и сваримъ какао, и вы напьетесь со мной.

Ветчина казалась великолѣпной, и у всѣхъ трехъ дѣвушекъ слюнки потекли при видѣ ея. Лотти поблѣднѣла, а Лиззи ухватилась за спинку стула, но Меленда пришла въ ярость отъ того, что почувствовала, что ветчина ее соблазняетъ.

— Я не стану ѣсть вашей ветчины!—заворичала она:—слушайте вы? Я ничего не возьму отъ васъ. Лотти можетъ, потому что у нея болитъ спина. А Лиззи стыдно будетъ... если она станетъ ѣсть! Я не стану. Я пойду гулять.

Она выбѣжала изъ комнаты и побѣжала внизъ по лѣстницѣ. Но затѣмъ вернулась.

— Если вы будете сидѣть съ Лотти,—заговорила она, и всѣ задрожали,—или если Лотти будетъ сидѣть съ вами, то смотрите за тѣмъ, чтобы ей было покойно. Не смѣйте говорить, что я не забочусь о Лотти. Посмѣйте только, и я васъ...

Глаза ея упали на фотографію Клода въ четырехугольной шляпѣ и мантии, который какъ будто спрашивалъ ее съ серьезнымъ лицомъ: прилично ли такъ говорить дѣвушкѣ, которая себя уважаетъ? Она умолкла и снова выбѣжала.

— А теперь,—сказала Валентина,—будемъ ужинать.

— Неужели всѣ лѣди живутъ въ такихъ прекрасныхъ комнатахъ? —спросила Лиззи, когда какао, ветчина, хлѣбъ и масло были поставлены на бѣлую, какъ снѣгъ, скатерть, пиръ былъ оконченъ и со стола все убрали...

Она не говорила до тѣхъ поръ ни слова и только глядѣла на все удивленными глазами.

— Неужели всѣ онѣ такъ живутъ?

— Вѣроятно,—отвѣчала Валентина.—Это жалкая маленькая комната, но Клодъ мило убралъ ее.

— И неужели онѣ ѣдятъ столько ветчины, хлѣба и масла, сколько имъ хочется?

— Да, полагаю, что такъ.

Лиза не спрашивала ни о чемъ больше. Но встала, надѣла шляпу и ватерпруфъ и молча вышла. Она не была больше голодна; видъ хорошенькой комнаты и сытный ужинъ наполнили ее чувствомъ физическаго довольства и смутнымъ желаніемъ, чтобы всегда было также. Въ ея умѣ звучали слова, которыхъ она не пересказала Лотти и Мелендѣ: „Вы должны были бы жить какъ лѣди, въ хорошенькихъ комнатахъ, хорошо одѣваться

и ничего не дѣлать, кромѣ какъ нравиться, когда у васъ такіе чудные глаза“.

Ну, вотъ она узнала теперь, что значитъ быть лэди и жить въ хорошенькой комнатѣ. До сихъ поръ она этого не знала, бѣдная Лиза! И какая это была, въ самомъ дѣлѣ, завидная и пріятная жизнь. Еслибы только она могла жить такой жизнью!

Когда она вернулась домой въ полночь, Лотти уже спала. Обыкновенно она долго не засыпала отъ боли въ спинѣ. Но сегодня спала. Въ комнатѣ было достаточно свѣтло, чтобы разглядѣть блѣдное лицо на подушкѣ. Быть можетъ, блѣдность его тронула Лизу.

— Я никогда не оставлю Лотти, — прошептала она, — даже затѣмъ, чтобы быть лэди.

Когда Валентина осталась одна съ Лотти, она уложила ее на постель, поправила ея подушки и намочила ей виски одеколономъ.

— О! — сказала Лотти: — вы ухаживаете за мной какъ Меленда, только у бѣдняжки никогда не было духовъ.

Она хотѣла сказать, что Валентина такъ же добра и заботлива, какъ и Меленда.

— Не сердитесь на нее, миссъ. Она очень добра, если умѣть съ ней обращаться.

— Не зовите меня миссъ. Зовите меня Валентиной.

— О! я не могу васъ звать Валентиной, потому что вы — барышня. Но, впрочемъ, извольте.

— Вы всегда остаетесь одна по вечерамъ?

— Да, всегда. Имъ необходимо прогуляться, послѣ дневной работы. Я знаю, что вы думаете. На улицахъ такъ много гурбаго народа. Но Меленда не дастъ себя въ обиду. И она слишкомъ горда, чтобы ходить по кабакамъ и пить вмѣстѣ съ мужчинами, какъ другія дѣвушки. И Лиза также.

— Меленда сказала, чтобы вы много не говорили. Дайте лучше, я вамъ что-нибудь расскажу. Что хотите?

— Что вамъ угодно. У васъ такой мягкій голосъ. Я говорила Мелендѣ, что вы добры и пришли не затѣмъ, чтобы смѣяться надъ нами, хотя вы и барышня, и все такое.

— Но, милая моя, барышни никогда не смѣются надъ рабочими дѣвушками.

— Самъ говорить, что онѣ смѣются надъ всѣми бѣдными людьми.

— Самъ говорить большую неправду. Не вѣрьте Саму.

И тѣмъ не менѣе она почувствовала себя виновной не въ насмѣшкахъ, конечно, но въ равнодушій.

II. — Предмѣстье Гокстонъ.

Лучше будетъ, если мы опустимъ занавѣсъ надъ первыми часами этой первой ночи, проведенной Валентиной въ Иви-Лэнѣ. Достаточно объяснить, что вечернее время между восемью и двѣнадцатью часами—самое оживленное въ Иви-Лэнѣ; что таверна „Аделаида“ дѣлаетъ самыя бойкія дѣла въ это время, что улица бываетъ особенно людна, голоса особенно громки, дѣти кричатъ всего сильнѣе, женщины болтаютъ всего охотнѣе и не стѣсняются въ выраженіяхъ. Въ этотъ вечеръ какой-то пьяница бупсывалъ гдѣ-то на заднемъ дворѣ дома и какой-то мужчина билъ какую-то женщину съ ругательствами, а женщина визжала. Представьте, что чьи-то шаги раздаются по вашей лѣстницѣ и какіе-то неизвѣстные люди стучатся къ вамъ въ дверь. Представьте, что домъ пусть и вы одни въ немъ находитесь.

А между тѣмъ, Иви-Лэнъ—не вертепъ разбойничій; его населеніе состоитъ изъ честныхъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ, главная вина которыхъ заключается въ томъ, что они не приучены къ сдержанности.

Около полуночи шумъ сталъ затихать и улица быстро опустѣла. Тогда Валентина заснула; но сонъ ея былъ тревоженъ и превратился бы въ настоящій кошмаръ, еслибы она знала, что Лиззи, вернувшаяся послѣднею домой, оставила входную дверь раскрытою настежь.

Когда Валентина проснулась, было уже довольно поздно, о чемъ могъ догадаться даже новичокъ, благодаря типингъ. Въ девять часовъ всѣ мужчины на работѣ, женщины „убираютъ“ комнаты, а дѣти—въ школѣ. Субботній покой наступилъ въ Иви-Лэнѣ и даже на его заднихъ дворахъ. Валентина лежала и дремала, думая, что она дома, и лѣниво удивляясь, почему горничная не приходитъ будить ее. Вдругъ она вспомнила, гдѣ находится; она вскочила съ постели, отдернула занавѣсы и поглядела изъ-за ставень на улицу.

Солнце стояло высоко въ небѣ, проливая потоки свѣта и тепла на бѣлье, развѣшанное по дворамъ; съ самаго начала вселенной солнце было, повидимому, создано для того, чтобы сушить бѣлье. Повсемѣстно царствовалъ безмятежный покой. Изъ народной школы, помѣщавшейся гдѣ-то позади дома, долеталъ глухой

гулъ многихъ голосовъ, а изъ Гокстонъ-Стрита доносился отдаленный стукъ телегъ и крики разносчиковъ.

Валентина позже всѣхъ встала въ это утро въ Иви-Лэнѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, тѣхъ, которымъ уже не суждено было больше вставать, и тѣхъ, кого удерживали въ постели горячки и другія лихія болѣзни.

Благодарная судьбѣ и нѣсколько удивленная, что ночь прошла безъ всякихъ приключеній, худшихъ нежели вечерній гамъ, Валентина занялась приготовленіемъ завтрака. Она была въ нерѣшимости насчетъ вопроса: пригласить ли дѣвушекъ изъ соседней комнаты? Но боязнь Меленды заставила ее позавтракать въ одиночествѣ. У нея не было больше молока, и она не знала, откуда достать его; не было воды, и ей пришлось сойти съ лѣстницы и наполнить свой котелокъ, самой затопить каминъ, подмести комнату и убрать постель. Эти вещи не составляютъ особенно тяжелаго труда, но вообще какъ-то пріятнѣе, когда ихъ дѣлаютъ за васъ другіе. Но чтó эти другіе о томъ думаютъ — этого намъ они не сообщаютъ.

Когда Робинзонъ Крузе окончательно убѣдился, что на его островѣ не было ни людоедовъ, ни дикихъ звѣрей, первымъ его дѣломъ было идти осматривать его. Я часто думаю, насколько эта исторія выиграла бы въ интересѣ, будь хоть одинъ, только одинъ, тигръ на островѣ, который бы охотился за Робинзономъ и не могъ бы его поймать; а Робинзонъ стрѣлялъ бы въ него изъ засады и не попадалъ бы; и такимъ образомъ, и тигръ, и человѣкъ занимательно бы проводили время, да и читателю было бы интереснѣе читать книгу. Несомнѣнно, что въ Гокстонѣ былъ не одинъ тигръ, но Валентина никогда ихъ не видѣла, хотя сначала очень боялась повстрѣчаться съ однимъ изъ нихъ и размышляла, чтó-то воспослѣдуетъ изъ такой встрѣчи. Въ это утро она начала знакомиться съ Гокстономъ и въ послѣдующіе дни продолжала это знакомство.

И дѣйствительно, ей приходилось видѣть и слышать столько новаго, что она не покидала тѣсныхъ предѣловъ этого мѣстечка во все время своего трехмѣсячнаго въ немъ пребыванія.

Предмѣстье Гогсденъ, или, какъ принято писать его нынче, Гокстонъ, по внѣшности не представляетъ ничего романтическаго или живописнаго. Оно не расположено на скалѣ, высшейся надъ рѣкой, какъ Квебекъ или Дургамъ; оно растянулось на ровномъ мѣстѣ около канала; это — не городъ садовъ, какъ Дамаскъ, не городъ дворцовъ, какъ Венеція, не средневѣковая столица съ старинными стѣнами, какъ Авиньонъ; въ немъ вовсе не осталось

садовъ, кромѣ двухъ маленькихъ северовъ; но когда-то онъ былъ однимъ сплошнымъ садомъ. Въ немъ нѣтъ дворцовъ, хотя когда-то были большіе дома; въ немъ мало старинныхъ памятниковъ, потому что онъ насчитываетъ не болѣе ста лѣтъ существованія. Въ немъ нѣтъ ничего красиваго, живописнаго или романческаго. Въ немъ происходятъ только романы повседневной жизни—въ Гокстонѣ живутъ шестьдесятъ тысячъ душъ, и у каждой есть своя собственная исторія—шестьдесятъ тысячъ романовъ, начинающихся, продолжающихся и оканчивающихся; исторіи тѣхъ, кто состарѣлся, и тѣхъ, кто старѣется; исторіи подростающихъ дѣтей и взрослыхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ; исторіи тѣхъ, кто думаетъ о любви, и тѣхъ, которые вспоминаютъ дни, когда они о ней думали, и тѣхъ, которые хотятъ любви, и тѣхъ, которые жалѣютъ, что любовь на-вѣки ушла. Чего еще нужно для того, чтобы написать романъ?

Газетамъ нельзя рассчитывать найти что-нибудь интересное въ Гокстонѣ, и репортеры никогда не посѣщаютъ его ради извѣстій по пенни за строчку. Населеніе его—спокойное и трудолюбивое. Среди группъ небольшихъ домиковъ, которые говорятъ о приличной бѣдности, есть два или три большихъ, старинныхъ дома, оставшихся отъ того времени, когда они стояли среди зеленыхъ полей и огородовъ и служили лѣтней резиденціей крупнымъ торговцамъ. Улицы, большею частью, широки, потому что было очень просторно въ тѣ времена, когда онѣ проводились. Дома малы и низки, и каждому понятно, что жители ихъ бѣдны и работаютъ шесть дней въ недѣлю, круглый годъ, по десяти часовъ въ сутки и болѣе того. Однако мѣстечко не имѣетъ угрюмаго вида. Что касается общественныхъ зданій, то имѣется восемь церквей и столько же часовенъ; и говорятъ, что нѣкоторые изъ жителей посѣщаютъ эти архитектурныя чудеса по воскресеньямъ утромъ. Есть большой театръ, именуемый „Британскій Гокстонъ“, и меньшій театръ „Варьетѣ“, въ Питфильдъ-Стритѣ. Есть великолѣпное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ и четыре начальныхъ народныхъ школы. Есть два моста черезъ каналъ. Но нѣтъ ни богатыхъ резидентовъ, каретъ, ни ни выѣздныхъ лакеевъ и никакой такой роскоши, которая, по описаніямъ путешественниковъ, существуетъ въ Вестъ-Эндѣ. Но двѣ или три улицы могутъ похвалиться мостовой въ два аршина ширины и всѣ вообще хотя и не отличаются особенной оригинальностью, но не представляютъ, по крайней мѣрѣ, сколка одна съ другой. Все это, конечно, Валентина узнала не сразу. Быть можетъ, наименѣе симпатичной изъ всѣхъ улицъ была какъ разъ та, въ которой

она поселилась. Иви-Лэнъ, называемая иными Иви-Стритъ, населена худшимъ народомъ и не такъ чиста, какъ другія улицы Гокстона. Она въ домахъ не вымыта, двери нуждаются въ окраскѣ. Но въ ней есть своя часовня и трактиръ. Первая мала и проста на видъ, съ дверью по срединѣ и двумя окнами по бокамъ. Ученіе, проповѣдуемое въ ней каждое воскресенье, отличается чистотой. Что касается трактира, то весьма вѣроятно, что его пиво замѣчательно и по той же причинѣ. Но Валентина не испытала ни того, ни другого. Въ улицѣ имѣются также двѣ свѣчныхъ лавки, двѣ лавки, торгующія подержаннымъ платьемъ, и одинъ рѣзчикъ по дереву. Не есть ли это типическая англійская улица, гдѣ имѣютъ своихъ представителей религія, напитки, пища, искусство, трудъ и торговля?

Было около часу пополудни, когда Валентина вернулась домой. Она нѣсколько познакомилась съ Гокстономъ. Ей онъ казался далеко не мрачнымъ. Цѣлый трудящійся городокъ скорѣе имѣетъ веселый видъ, нежели скучный. Правда, она не была внутри домовъ и ничего не знала объ ихъ обитателяхъ; а это гораздо важнѣе, съ человѣческой точки зрѣнія, нежели улица. По всей вѣроятности, клерджимены, окружные инспектора, библейскія дамы и вообще практики знаютъ объ этой жизни достаточно такого, что можетъ нагнать тоску на самыхъ сангвиническихъ изъ нихъ. И когда она вернулась домой, то вспомнила, что всѣ дѣвушки, подобно Мелендѣ, Лотти и Лиззи, должно быть, сидятъ въ четырехъ стѣнахъ и шьютъ день-деньской, зарабатывая менѣе одного пенни въ часъ,—и сердце въ ней упало. Честный трудъ перестаетъ казаться веселымъ, когда человѣкъ узнаетъ, что имъ можно заработать какое-нибудь пенни въ часъ.

Когда она поднималась по крутой, узкой лѣстницѣ, она увидѣла сквозь полу-отворенную дверь задней комнаты нижняго этажа странную и любопытную вещь. Жилица, старуха, которой она до сихъ поръ еще не видѣла, танцевала передъ воображаемой публикой. Она трясла юбками, дѣлала пируэты, исполняла различныя и довольно замысловатыя разъ съ легкостью юной танцовщицы и не безъ граціи. Валентина думала о швеяхъ; сцена эта мелькнула передъ ней, когда она поднималась по лѣстницѣ, но она не обратила на нее вниманія, и лишь впослѣдствіи, припоминая о ней, дивилась, что бы это означало.

Она растворила дверь въ комнату Меленды и заглянула въ нее; что-то, должно быть, произошло неладное. На лбу Меленды или на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ быть видѣнъ лобъ, еслибы не бахрома, лежало облако. Облако было невелико, но окуты-

вало ее всю, какъ нѣкую древнюю богиню. Двѣ другихъ казались испуганными. Лотти сидѣла на постели, не смѣя поднять глазъ. Лиззи украдкой повернула голову, но не улыбнулась и точно не узнала Валентины. Обѣ ждали, когда заговорить Меленда, и усердно работали.

Въ дѣйствительности, между ними произошелъ большой споръ, въ которомъ всѣ три принимали оживленное участіе и большею частью говорили всѣ разомъ. Этотъ способъ спорить очень живъ, но врядъ-ли можетъ привести къ соглашенію. Лотти старалась умиловить Меленду. Она провинилась тѣмъ, что поужинала ветчиной у Валентины и выпила чашку какао. Быть можетъ, эта непривычная сытость желудка была причиной, что она провела спокійную ночь и что спина у нея почти не болѣла, хотя поведеніе Меленды поутру наполняло ее сознаниемъ своей вины. Лиззи, съ другой стороны, у которой не было иного извиненія, кромѣ голода, за то, что она продала свою независимость за блюдо ветчины, хвасталась своимъ поступкомъ и провозглашала, что сочтетъ удовольствіемъ повторить его, если ее пригласятъ, и смѣялась надъ Мелендой за то, что она не пользуется тѣмъ, что ей предлагаютъ. До сихъ поръ Лиззи никогда еще не проявляла такого непокорства. Многие величаются лишеніями, которыхъ нельзя устранить, но стоитъ найти средство избавиться отъ лишений, и, увы, куда дѣвается гордость! Меленда пыталась аргументировать, почерпая свои доводы, главнымъ образомъ, изъ мнѣній и правилъ философа Сама. Валентина и ея ветчина были лишь поводомъ; настоящей тѣмой служила независимость женщинъ.

— Что вамъ нужно?—спросила Меленда, съ злобѣющимъ блескомъ въ глазахъ.

— Мнѣ ничего не нужно, — отвѣчала Валентина: — но я пришла...

— Если такъ, то уходите прочь!—сказала ей сестра:—мы рабочія дѣвушки и должны зарабатывать свой хлѣбъ. Мы не можемъ брать ни съ того, ни съ сего денегъ съ богатыхъ барынь. Уходите и ѣшьте сами свою ветчину... убирайтесь съ своей ветчиной!..

— Но, Меленда...

— Уходите, говорю вамъ! Намъ надо работать. Не приходите отнимать у насъ время. Лиззи до того объѣлась у васъ за ужиномъ, что я сегодня насилу ее добудилась. Уходите!

Валентина повиновалась и затворила дверь. До сихъ поръ она мало успѣла умиротворить сестру. Но она поймала умоляющій взглядъ Лотти, ясно говорившій:

— Простите ее и не бросьте!

— О, Меленда! — съ упрекомъ произнесла обладательница этого взгляда.

— Еслибы я была такъ счастлива, что у меня была бы такая сестра, — замѣтила Лиззи, — я бы не выгоняла ее за дверь. Я бы приличнѣе вела себя.

— Ты бы кланчила и побиравалась у нея всѣмъ, чѣмъ могла, полагаю, и называла бы это вести себя прилично.

— Я бы взяла все, что она бы мнѣ дала, и была бы съ ней ласкова.

— Ну, да вѣдь она не твоя сестра. А я настолько стара, что сама знаю, какъ мнѣ себя вести.

Этимъ споръ былъ заключенъ. И весь обѣдъ дѣвушекъ состоялъ изъ толстаго ломтя хлѣба съ масломъ, тогда какъ — думала Лиззи — въ комнатѣ рядомъ царствовало изобиліе.

Въ Гокстонѣ, говорили мнѣ, никто, ни даже его восемь викаріевъ, или семеро curates, не знаютъ, что значить поздно обѣдать. Обѣдъ въ половинѣ седьмого тамъ — вещь немыслимая; никто и не помышляетъ о такой вещи съ той минуты, какъ начинаетъ дышать воздухомъ Гокстона. Поэтому Валентина въ часъ пополуночи, естественнымъ образомъ, стала подумывать объ обѣдѣ, а не о полдникѣ. Ей приходилось думать о немъ съ новой точки зрѣнія, а именно: думать, какъ бы ей смастерить себѣ обѣдъ и какъ воспользоваться тѣми прекрасными инструментами, которые ей были припасены. Для всѣхъ образованныхъ и правильно мыслящихъ людей обѣдъ неизбежно включаетъ въ себя блюдо картофеля; какой ужъ обѣдъ безъ картофеля! У Валентины были остатки ветчины и хлѣба, но не было картофеля. Она постлала скатерть, поставила ветчину и хлѣбъ, но откуда ей взять картофеля? Гдѣ онъ продается и какъ? продается ли онъ десятками, какъ яйца, или фунтами, какъ вишни, или же пинтой, какъ пиво, или же поштучно, какъ персики? И въ чемъ его приносить домой? Клодь позабылъ объ одной вещи. Онъ думалъ, что можно жить въ Гокстонѣ безъ корзинки, съ которой бы можно было ходить на рынокъ. И притомъ, если она и купитъ картофель, то какимъ образомъ она его сварить? Она почувствовала, что ей не по силамъ вся эта возня, по крайней мѣрѣ, сегодня. Завтра, быть можетъ, она со всѣмъ этимъ справится, но не сегодня. Сегодня она удовольствуется простымъ полдникомъ. Поэтому она отрѣзала нѣсколько ветчины и сдѣлала сандвичи. Когда она ихъ съѣла и захотѣла выпить воды, то увидѣла, что въ фильтрѣ ея болѣе нѣтъ, а идти внизъ за водой ей не хотѣлось. Поэтому, подобно Ме-

лендѣ и дѣвушкамъ въ сосѣдней комнатѣ, она удовольствовалась холоднымъ чаемъ, оставшимся отъ завтрака, и воображала, что пообѣдала. Такъ легко бываетъ спуститься внизъ и такъ коротко разстояніе между цивилизаціей (за высшую форму проявленія которой многими считается современный обѣдъ) и варварствомъ, и между нами (я разумѣю себя и васъ, любезный читатель, достигшихъ возможно-высшей культуры) и обитателями Иви-Лэнъ.

Но подумайте, однако, сколько времени долженъ потратить человѣкъ, одиноко живущій, на приготовленіе кушаній и на уборку и мытье посуды. Первая чистка—утромъ; надо идти за водой; вторая—послѣ завтрака; третья—послѣ обѣда; затѣмъ—послѣ чаю; и все время надо носить воду, мыть блюда, и пр. Великое небо! можно удивляться, какъ это жили отшельники добраго стараго времени. Дни ихъ проходили не въ благочестивомъ созерцаніи, для котораго у нихъ не было досуга, а въ безпрестанной чисткѣ, уборкѣ, мытьѣ посуды, накрываніи и складываніи скатерти, въ мытьѣ оконъ, половъ, чисткѣ очага, въ постиланіи постели... Не мудрено, если у этихъ святыхъ людей совсѣмъ не хватало времени на созерцаніе. И несомнѣнно, что они оставили мало памятникѣвъ своего долготѣннаго отшельническаго мышленія. Тѣ же, которые дѣлали какую-нибудь другую работу, тѣ, подобно Мелендѣ и ея пріятельницамъ, никогда и ничего не мыли.

Послѣ обѣда Валентина немного почитала, затѣмъ начала дневникъ своего изгнанія, слегка упомянувъ о послѣдней стычкѣ съ Мелендой и ничего не сказавъ—до того велика сила *suppressionis veri*—объ отсутствіи картофеля, такъ что впечатлѣніе, получаемое каждымъ, кто читаетъ подобные дневники, должно быть таково, что для того, кто ихъ вѣдь, вопросъ объ обѣдѣ не представлялъ ровно никакой трудности. Однако сама она помнила, что вопросъ этотъ возникнетъ завтра же, и кромѣ того, ветчина не могла же вѣчно длиться!

Въ четыре часа она придумала отправиться въ Тоттенгамъ по конѣй и еще разъ навѣстить богадѣльню и свою слѣпую мать.

III. О кудряхъ и ямочкахъ.

Я всегда считалъ замѣчательнѣйшимъ совпаденіемъ обстоятельствъ, что Валентина въ первый же день своего пребыванія среди этого чуждаго народа открыла великую фамильную тайну—ту тайну, которую лэди Мильдредъ думала, что она извѣстна только ей да ея повѣренному. Еслибы это открытіе было сдѣ-

лано раньше, то великій актъ отреченія могъ бы совсѣмъ не воспослѣдовать; будь оно сдѣлано позже, оно совершенно было бы совсѣмъ въ иномъ духѣ. Короче сказать, Валентина въ этотъ день установила свою, до тѣхъ поръ сомнительную, личность. Быть можетъ, такъ же полезно знать навѣрное, кто вы такой, какъ и то, что вы за человѣкъ. „Человѣкъ“ отвлеченный, мужескаго или женскаго пола, не можетъ такъ сильно интересоваться собой или придавать особенное значеніе своимъ взглядамъ и мнѣніямъ, какъ тотъ „человѣкъ“, которому извѣстна его генеалогія хотя бы лишь настолько, чтобы онъ сознавалъ свою связь съ человѣческимъ родомъ. Вся философія основана на чувствѣ семейственности, равно какъ и индивидуальности. Поэтому Валентина только послѣ этого дня, а никакъ не раньше, получила возможность построить систему философіи для своего собственнаго обихода, еслибы этого пожелала.

— Я знала, что ты опять придешь ко мнѣ, Полли,—сказала обрадованная старушка.—Я знала, что ты придешь, когда миссъ Беатрисѣ надоѣстъ шалить и разыгрывать комедію. Я такъ рада тебя видѣть, Полли. Завари чай и напьемся. Ты, вѣдь, я думаю, умѣешь дѣлать чай. Вотъ выгода имѣть дочь, хотя Меленда никогда не была мнѣ такой дочерью, какъ бы мнѣ хотѣлось.

— Я рада матушка, быть вамъ полезной,—сказала Валентина, когда онѣ напились чаю.—Что прикажете для васъ еще сдѣлать? Я убрала чашки и сняла скатерть со стола. У васъ чудесная герань на окнѣ, я обрѣжу сухіе листья. Или же, не хотите ли, я вамъ что-нибудь почитаю? Я увѣрена, что вамъ пріятно будетъ, если я буду вамъ иногда читать.

— Нѣтъ, Полли,—отвѣчала старушка, выпрямляясь съ достоинствомъ:—пожалуйста, не надо чтенія. Я очень хорошо себя чувствую это лѣто; почти всѣ ревматизмы мои прошли, и я, кажется, ничего такого не совершила, что могло бы навести тебя на мысль о чтеніи. Если я почувствую, что нуждаюсь въ чтеніи, то пошлю за священникомъ, хотя многіе преставляются и такъ, безъ приготовленія. Имъ, вѣроятно, это простится. Нѣтъ, не надо чтенія, моя душа.

— Я не имѣла въ виду божественное чтеніе,—поспѣшила объяснить Валентина.—Но, все равно, поговоримъ лучше, пока я займусь вашими цвѣтами. Расскажите мнѣ про насъ, когда мы были маленькими—Клодъ, Меленда и я.

Она спросила это совсѣмъ невинно, нисколько не ожидая того, что воспослѣдуетъ.

— Хорошо, Полли. Ты была толстущей и вся въ кудряшкахъ, а лично у тебя было такое красивенькое, что на радость. Не мудрено, что милэди влюбилась въ тебя по первому взгляду. О, дитя мое, мнѣ тяжело, очень тяжело было разставаться съ тобой! Послѣ тебя домъ точно опустѣлъ, потому что Клодъ былъ тихій ребенокъ, а Меленда никогда не была мила и ласкова.

— Неужели я была ласкова и мила? Ну, такъ я боюсь, что очень переѣвилась. Какая жалость вырасти и переѣвиться къ худшему!

— И вся головка у тебя была въ кудряхъ.

— Неужели? а теперь у меня волосы совсѣмъ прямые.

— А на щекѣ у тебѣ была ямочка.

— И ямочка тоже ушла, я боюсь. Ушла вмѣстѣ съ кудрями и ласковыми манерами. И куда это все дѣвается?

— Ямочки никогда не проходятъ, Полли, но только не всегда ихъ видно. У тебя была ямочка на лѣвой щекѣ, и ее было видно, когда ты смѣялась. Да! а ты дѣвочкой постоянно смѣялась.

Тутъ, по неимовѣрной причинѣ, Валентина вздрогнула и покраснѣла.

— И, кромѣ того, у тебя была маленькая темная родинка, родимое пятнышко, на рукѣ, немного выше локтя. Ты одна изъ всѣхъ моихъ дѣтей имѣла пятнышко на тѣлѣ. Всѣ вы были прямы какъ тополь и съ чистой бѣлой кожей. И только у тебя одной маленькая родинка на рукѣ.

Валентина ничего не отвѣчала, но поблѣднѣла, какъ смерть, и почувствовала, что у нея кружится голова. Она должна была ухватиться за кресло, потому что стѣны закачались вокругъ нея и полъ тоже заходилъ ходуномъ. Это чрезвычайное явленіе, не замѣченное ни одной газетой, ни даже обитателями богадѣльни Лилли, было вызвано исключительно сочувствіемъ земного шара къ Валентинѣ, которой эти простые слова старухи открыли тайну ея рожденія, наполнили ее страннымъ волненіемъ и нарушили спокойствіе души. Странно, что лэди Мильдредъ совсѣмъ упустила изъ виду эти мелкія отиѣтки и доказательства. Но матери, какъ и тигрицы, знаютъ всѣ пятнышки на тѣлѣ дѣтей, которыхъ нельзя измѣнить, также какъ и кожу эѳіопа.

— Родинка у тебя на лѣвой рукѣ, милая Полли. Я хорошо ее помню.

Валентина не отвѣчала.

— Гдѣ ты, душа моя?

И старуха протянула руки.—Полли, ты здѣсь?

— Я здѣсь, матушка,—отвѣчала она измѣнившимся голосомъ.—Но отъ жары или отъ чего другого у меня закружилась голова. Подождите минутку. Я сейчасъ вернусь.

Она вышла на дворъ, окружавшій коттеджъ. Послѣ столькихъ лѣтъ сомнѣнія она узнала истину. Ямочка на щекѣ, кудрявые волосы, не слушавшіеся ни щетки, ни гребня, и темная родинка на лѣвой руцѣ, не говоря уже про ласковость манеръ, подумала Валентина,—все это принадлежало не ей, а Віолетѣ. Віолета, значитъ, была Полли, которую зовутъ Марла, а она была Беатриса, и лэди Мильдредъ была ея мать, а Меленда была ей сестрой только по общей праматери Евѣ.

Вотъ въ чемъ заключалось ея открытіе! Она вовсе не была дочерью народа. Мать ея не была бѣдная слѣпая старуха, сидѣвшая передъ ней, и, что всего важнѣе, Клодъ не былъ ея братомъ.

IV. Романъ Лотти.

Валентина ушла изъ богадѣльни, чувствуя себя виноватой, точно она подглядывала въ замочную скважину или скушала запретный плодъ, или побывала у гадалки. И со всѣмъ тѣмъ открытіе было сдѣлано невольно и преждевременно. Еслибы отъ нея зависѣло, она бы лучше подождала, потому что теперь ей приходилось дѣйствовать такъ, какъ еслибы она ничего не знала, и жить подъ чужимъ именемъ.

Когда она вернулась домой между девятью и десятью часами, базаръ въ Гокстонъ-Стритѣ былъ въ полномъ разгарѣ, и матроны Иви-Лэна высыпали на улицу и стояли кучками; у дверей трактира стояла толпа мужчинъ и шумно бранилась.

Было ли то дѣйствіе воображенія, или же Валентина успѣла уже измѣниться въ то короткое время, которое протекло со времени ея открытія, но она уже смотрѣла на всѣхъ этихъ людей не съ тѣмъ чувствомъ близкаго родства, какъ передъ тѣмъ. Они не были больше ей братьями, иначе какъ въ томъ общемъ смыслѣ, въ которомъ ихъ величаютъ въ церкви.

Что касается обитателей Иви-Лэна, то они уже знали Валентину, хотя она только-что пріѣхала; знали, что она сестра одной изъ рабочихъ дѣвушекъ, живущихъ вмѣстѣ съ ними въ одномъ изъ домовъ; считали, что она служить приказчицей въ какомъ-нибудь магазинѣ, потому что „чисто одѣта“, и знали также, что она „порядочная“ дѣвушка—качество, которое въ Иви-Лэнѣ, какъ и вездѣ, внушаетъ уваженіе.

Женщины разступились, чтобы дать ей пройти, и снова сошлись, когда она прошла, и продолжали свое шумное, парламентское засѣданіе.

Когда Валентина проходила въ сѣняхъ, человѣкъ, стоявшій тамъ, посторонился, чтобы дать ей пройти, и снялъ шляпу. Только гораздо позднѣе сообразила она значеніе этого жеста. Никто, кажется, еще не обращалъ вниманія на тотъ фактъ, что англійскій рабочій никогда не снимаетъ шляпы передъ женщиной. Значить, этотъ человѣкъ не рабочій. Онъ принадлежитъ или принадлежалъ къ тому классу людей, который снимаетъ шляпы: значить, онъ есть или былъ — джентльменъ. Когда Валентина поднималась по лѣстницѣ, этотъ человѣкъ медленно прошелъ въ лицевую комнату нижняго этажа. Валентина оглянулась и поглядѣла ему вслѣдъ. Онъ былъ очень старъ, высокъ ростомъ, но уже сгорбился. Она не могла хорошенько разглядѣть его лица, потому что было слишкомъ уже темно. Она увидѣла только, что у него густые и совсѣмъ сѣдые волосы. Глаза его встрѣтились съ глазами Валентины, и ее поразило ихъ печальное выраженіе. Оно заставило ее подумать, какова могла быть исторія этого человѣка.

Она прошла въ комнату дѣвушекъ, гдѣ Лотти одна лежала на кровати. Она очень сильно страдала прошлой ночью; спина у нея очень сильно болѣла и кашель жестоко ее мучилъ. Она стонала, лежа, но, такъ-сказать, шопотомъ, потому что когда спишь на постели втроемъ, то привыкаешь стонать неслышно, чтобы не мѣшать спать другимъ.

Валентина вспомнила, что у нея есть виноградъ въ буфетѣ, принесенный Клодомъ. Она принесла его и стала по одной ягодѣ класть въ ротъ Лотти, какъ нянька, которая кормитъ маленькаго ребенка.

Боль происходила, главнымъ образомъ, отъ истощенія силъ. Когда Лотти поѣла винограду, боль почти совсѣмъ прошла.

Тогда Валентина перенесла ее къ себѣ въ комнату, раздѣла и положила на собственную постель.

— Вы здѣсь переночуете, — сказала она. — Сюда не долетаетъ уличный шумъ и, кромѣ того, моя постель мягче вашей. Я могу спать на кушеткѣ. Не смѣйте спорить, Лотти. Помните, что я — сестра Меленды, и тоже бываю очень сердита иногда, въ особенности когда мнѣ противорѣчатъ. О, какіе истасканные башмаки и чулки! Завтра я вамъ дамъ новыя. Меленда говоритъ, что вы можете брать отъ меня все, что вамъ нужно. А вамъ все рѣшительно нужно, бѣдняжка! А теперь поѣшьте еще винограду.

— Еслибъ вы могли убѣдить Меленду тоже поѣсть винограду! Но она ни за что не согласится, а между тѣмъ худѣетъ съ каждыиъ днемъ.

— Что мнѣ дѣлать? какъ мнѣ убѣдить ее?

— Ничего не дѣлайте, и тогда она сама, можетъ быть, помирится съ вами.

— Слушайте, Лотти. Завтра суббота, а потомъ воскресенье. Я буду за васъ работать завтра, — слышите? — и такимъ образомъ вамъ можно будетъ отдыхать два дня. А тамъ увидимъ.

— Вы не можете за меня работать.

— Нѣтъ, могу. Я отлично шью. Но, Лотти, не могу ли я что-нибудь для васъ сдѣлать? есть ли у васъ родные и друзья?

— Нѣтъ, никого нѣтъ. Папенька и маменька мои были изъ провинціи, и я не знаю, изъ какой мѣстности.

— И вы всегда были такъ бѣдны?

— Нѣтъ... это все папенька виноватъ. Онъ обанкротился. У него, знаете ли, была лавка на Госвелъ-Родѣ. Небольшая, но такая хорошенькая лавка; а сзади пріемная, и четыре спальни наверху. Въ тѣ дни мы ходили въ школу, не въ народную, знаете, а въ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. А по воскресеньямъ ходили въ церковь, гдѣ у насъ была своя скамья. А затѣмъ онъ разорился и обанкротился.

— Отчего онъ разорился?

— Не знаю. Покупателей не стало... а потомъ мы совсѣмъ обѣднѣли, все продали; торговцу обанкротившемуся плохо приходится; всѣ другіе торговцы его презираютъ, потому что думаютъ, что онъ пьяница или мотъ. А потому папенька никакъ не могъ найти себѣ работу. А маменька заболѣла отъ нищеты и съ ума сошла. Приходъ взялъ ее на свое попеченіе, а тамъ она умерла.

— А что случилось съ вашимъ отцомъ?

— О! не осуждайте его, бѣднаго! Это все съ горя. Онъ сталъ пить, простудился, слегъ въ больницу и умеръ.

— И вы остались одна? вы... были у васъ братья и сестры? Лотти запнулась.

— Не говорите, если вамъ непріятно, душа моя.

— У меня... была... одна сестра. Ее звали Тилли.

— Гдѣ же она? тоже умерла?

— Тс! — шепнула Лотти. — Не знаю, гдѣ она, и не знаю даже, жива она или умерла. Она сказала, что не можетъ вынести этого, и ушла, и что съ ней случилось, мы не знаемъ. Меленда разыскивала ее, но не могла найти.

— Гдѣ же Меленда ее разыскивала?

Лотти не отвѣчала на этотъ вопросъ.

— И я часто думаю о Лиззи и безпокоюсь. Потому что она тоже недовольна своимъ положеніемъ, какъ и Тилли. А отецъ ея ужасно бѣденъ и не можетъ помочь ей.

— Кто ея отецъ?

— Старикъ м-ръ Лэнъ, который живетъ внизу. Онъ былъ когда-то джентльменъ, но... что-то такое сдѣлалъ и... попалъ въ бѣду. Онъ пишетъ письма для нѣмецкихъ евреевъ въ Уайтчепель и для нѣмецкихъ рабочихъ на Кортенъ-Родѣ. Онъ знаетъ кучу иностранныхъ языковъ, но ужасно бѣденъ и ничего не можетъ дать бѣдной Лиззи.

— Душа моя, неужели вся улица полна такими страшными исторіями?

— Да, мы всѣ бѣдны, и, вѣрно, у каждого есть исторія о томъ, какъ онъ обѣднѣлъ.

— Вы еще мнѣ не сказали одной вещи, Лотти: какъ вы познакомились съ Мелендой?

Лотти рассказала и эту исторію. То была простая исторія, но трогательная, про дружбу двухъ дѣвушекъ, — которая могла затенить за поясъ дружбу Давида и Ионаана, почему-то считающуюся образцомъ идеальной дружбы.

И мудренаго нѣтъ, что сердце Валентины было тронуту, а на глазахъ навернулись слезы, когда Лотти досказала свою исторію.

— А теперь, Лотти, довольно разговаривать. На улицѣ стало тише, и вы теперь скоро заснете. Вотъ виноградъ тутъ близко подъ рукой... Прощай, милая. О, Лотти, Лотти, я и не подозрѣвала, чтобы было такъ много горя на свѣтѣ! Бѣдная дѣвочка!

— Не плачьте. Можетъ, Тилли и вернется.

— Мы всѣ должны быть сестрами и любить другъ друга, — сказала Валентина безсвязно, но у нея была своя мысль. — Это все, что мы можемъ сдѣлать. Ничто другое намъ не поможетъ.

V. Настоящій трудовой день.

— Меленда, — сказала на другое утро Валентина, входя въ ея комнату: — я пришла работать за Лотти.

Лотти была съ ней и казалась виноватой и испуганной.

— Я не просила ея объ этомъ, Меленда, — объяснила она.

— Ей нужно отдохнуть, а я за нее поработаю. Могу я работать здѣсь съ вами, Меленда, или же мнѣ уйти къ себѣ? Для Лотти будетъ покойнѣе, если я останусь здѣсь.

— Это новая ваша прихоть и новый капризъ, — отвѣчала

Меленда, глядя на Валентину, точно она какое-то пугало. — Дай ей работу, Лиззи, и пускай Лотти полежитъ, пока ей не надоѣсть ея прихоть. Это скоро будетъ, а пока Лотти отдохнетъ. А тамъ она броситъ все и уѣдетъ и позабудетъ про работу, да и про Лотти тоже. Дѣлать ей нечего, а потому голова у нея набита дурью. Вотъ, берите работу.

Она грубо увазала Валентинѣ на грудѣ рубашекъ на столѣ, у которыхъ еще не было петель.

— Не сердитесь, Меленда. Я вамъ ничего не сдѣлала.

— И ничего не сдѣлаете! Еще бы!

Меленда отложила работу въ сторону и вдругъ вскочила въ неописанной ярости.

— Я ничего не возьму отъ васъ! Слышите! Вы воображаете, что можете унизить меня, потому что накопили денегъ и припасли богатыхъ друзей. Вы хотите поссорить меня съ Лотти, отнять ее у меня. Это вамъ не удастся.

Она подбѣжала къ Лотти и нѣжно обняла ее.

— Она вовсе не хочетъ поссорить насъ, — успокоивала ее Лотти, — и ты не должна думать, что я когда-нибудь соглашусь оставить тебя. Не будь такъ жестка съ ней, Меленда, — вѣдь это твоя родная сестра, хотя она и барышня.

Меленда подавила слезы, навернувшіяся у нея на глазахъ. Неужели Лотти измѣнитъ ей? Но слезливое настроеніе недолго длилось у Меленды. Она опять пришла въ бѣшенство и сжала кулаки. Она ревновала, жестоко ревновала и съ удовольствіемъ отгаскала бы Валентину за волосы. Она казалась такой разъяренной, что Валентина припомнила, какъ Меленда общалась выдрать всѣ волосы Віолеты, и подумала, ужъ не грозитъ ли опасность и ея собственнымъ волосамъ.

— Поглядите на Лотти, — урезонивала Валентина Меленду, — поглядите на ея блѣдное лицо. Дайте ей отдохнуть сегодня и хорошенько пообѣдать... завтра воскресенье. Я буду работать за нее, сколько бы вы ни бранились.

— Я ухаживала за тобой, какъ могла, Лотти.

— Да, да, милая Меленда! Неужели, ты думаешь, я это за-была? Но только у меня спина очень разболѣлась.

— Если такъ, то берите ее, — проговорила Меленда съ мрачнымъ достоинствомъ. — Дайте ей все, что вамъ угодно. Дайте ей ростбифа и картофеля, если хотите. Но я отъ васъ ничего не приму.

Валентина увела Лотти и, усадивъ ее въ креслѣ въ своей комнатѣ, дала ей книгу съ картинками. А сама вернулась назадъ въ работѣ.

Обметываніе петель—одно изъ тѣхъ занятій, въ которыхъ невозможно найти художественный интересъ. Но зато, говорятъ, оно не трудно. Каждая дѣвушка, учившаяся шить, можетъ обметать ихъ въ нѣсколько минутъ. Валентина получила нѣсколько несложныхъ указаній отъ Лиззи и, занявъ мѣсто Лотти на постели, начала работать. Петли нужно было обметывать въ рубашкахъ, но послѣднія были изъ грубаго и простаго матеріала и, по всей вѣроятности, предназначались къ вывозу; эти рубашки навѣрное должны были такъ же беспокоить и царапать тѣло, какъ монашескія власяницы. Я увѣренъ, что онѣ были изобрѣтены до реформаціи для монаховъ и новѣйшихъ пустынниковъ, да и то единственно лишь для злополучнаго ордена самонствзателей. Въ настоящее время, кажется, ихъ даютъ миссіонеры новообращеннымъ христіанамъ (бѣгавшимъ до того безъ рубашекъ). Историю „Моей первой рубашки“ еще предстоитъ написать. До такой степени былъ всегда предпріимчивъ духъ британской торговли.

Валентина отлично шила и умѣла такъ же прекрасно вышивать, какъ Пенелопа. Къ несчастію, она была такъ же медлительна и такъ же рѣшительна, какъ и эта лѣди—воплощенное ожиданіе, и любила копаться, разглядывать свою работу и порою передѣлывать. Поэтому она скоро замѣтила, что Меленда внятеро быстрѣе обметываетъ петли, нежели она, а Лиззи—втрое. Тогда она стала спѣшить, чтобы поспѣть за ними, и хлопотать не столько о красотѣ, сколько о быстротѣ работы.

Никто не говорилъ ни слова; въ комнатѣ не слыхать было другихъ звуковъ, кромѣ стука наперстковъ и шелеста полотна. Мысли Валентины унеслись далеко отъ ея монотоннаго занятія. Вотъ, размышляла она, комната, гдѣ три дѣвушки спятъ, работаютъ и живутъ. Всѣ три спятъ на одной кровати, на которой она теперь сидитъ. То была широкая деревянная кровать съ жесткимъ матрацомъ, сильно вдавленнымъ по срединѣ. Ни пружинъ, ни пуховика не было, конечно, и въ поминѣ.

Жаркое июльское солнце входило въ окно, на которомъ желтая ставня, бывшая когда-то, должно быть, бѣлой и давно уже пришедшая въ окончательную ветхость, была отпихнута назадъ, и пропускала трехугольникъ солнечнаго свѣта.

Валентина сидѣла въ тѣни и думала, что никогда еще въ жизни не видѣла такого множества мошекъ, прыгавшихъ въ солнечномъ лучѣ. Комната была въ безпорядкѣ и очень неопрятна; кругомъ не видно было ни газеты, ни книги; на стѣнахъ не было ни одной картины; нигдѣ никакихъ украшеній; штукатурка потолка обвалилась мѣстами и видѣнъ былъ переплетъ; ковра не

было; два или три кухонныхъ орудія, стоявшія передъ очагомъ, повидимому, давно уже не были въ употребленіи. Мѣсто это казалось нарочно построено, чтобы быть убѣжищемъ стона, плача, нищеты и скрежета зубовъ; мѣсто какъ разъ пригодное для работы, не дававшей никакой надежды на улучшеніе въ жизни работника, какъ бы онъ ревностно ни трудился, ни на повышение заработной платы.

Валентина забывала, что дѣвушки были молоды, и что даже для рабочихъ дѣвушекъ есть надежда, пока онѣ молоды, что всѣ горести минуютъ и такъ или иначе уступятъ мѣсто невѣдомой радости.

Валентина сѣла за работу въ девять часовъ. Въ десять или около того, она почувствовала, что должна отдохнуть. Такъ она и сдѣлала. Меленда продолжала работать какъ машина и не обратила вниманія, но другая дѣвушка взглянула на Валентину и мрачно улыбнулась.

— Я думала, вы скорѣе еще устанете,—замѣтила она.

Еще часъ спустя, она почувствовала дурноту. Если два часа, проведенныхъ въ обметываніи петель, произвели такое дѣйствіе, то что же будетъ по прошествіи цѣлаго дня? Она положила работу съ пристыженнымъ видомъ. Теперь въ комнатѣ было нестерпимо жарко, хотя дверь и окно были открыты, и въ нихъ вливались всякіе неблаговоныя запахи, сопровождающіе людскія занятія; такъ, напримѣръ, отъ выжиманія бѣлья шель горячій и мыльный паръ; изъ сѣстной лавки напротивъ дома доносился кухонный чадъ, отъ котораго тошнило; а отъ смѣшаннаго аромата вчерашняго табаку и пива, долетавшаго изъ портерной, всѣ внутренности переворачивало.

— Неужели вы каждый день такъ работаете?—спросила она довольно глупо, такъ какъ хорошо знала, что да.

— Каждый день,—отвѣчала Лиззи (Меленда не обратила вниманія),—и весь день. А что, вамъ это не по вкусу?

— Неужели вы никогда не читаете, не разговариваете, не поете?

— Поемъ? Вотъ еще выдумали!—сказала Лиззи съ безграничнымъ презрѣніемъ.

— Весь день,—повторила Валентина,—и никогда не отдыхать!

— Кромѣ того времени, когда у насъ не бываетъ работы. Нарядныя барыни никогда не подумаютъ о томъ, каково бы имъ было на нашемъ мѣстѣ...

Лиззи, какъ видите, тоже усвоила кое-что изъ негодующихъ тирадъ Сама.

— Но зато имъ пріятно носить дешевыя вещи.

Валентина опять принялась за работу, думая, какъ долго могла бы она выносить жизнь, еслибы ей суждено было провести ее въ обметываніи петель.

— Неужели же вы ничего не дѣлаете, кромѣ того, что днемъ работаете, а вечеромъ ходите по улицамъ?

— Нѣкоторыя дѣвушки ходятъ въ театръ, когда у нихъ есть деньги или ихъ пригласить кавалеръ. У меня денегъ нѣтъ, и я не позволю никому пригласить себя, Меленда—также. Нѣкоторыя дѣвушки ходятъ въ портерную и пьютъ тамъ съ мужчинами. Мы съ Мелендой не ходимъ. Поговариваютъ о клубѣ для дѣвушекъ, но... чтожъ, ничего другого не остается, какъ ходить по улицамъ вечеромъ; и вы бы ходили, еслибы весь день сидѣли за работой.

— А по воскресеньямъ?

— Утромъ лежимъ въ постели по воскресеньямъ и ходимъ гулять послѣ полудня.

— А въ холодные и сырые вечера?

— Сидимъ дома и ложимся пораньше спать, чтобы не жечь свѣчи и огня.

— И вы никогда не ходите въ церковь?

— Въ этомъ-то?

И Лиззи приподняла и показала свое обтрепанное платье.

— Не теряй время на болтовню, Лиззи,—замѣтила Меленда. И снова наступило молчаніе.

Послѣ полудня Валентинѣ страшно захотѣлось прыгать, бѣгать, вообще размять всѣ члены.

— Я хочу прыгать!—вскричала она и исполнила свое желаніе.

— Это судороги,—отвѣчала Лиззи.—У меня прежде тоже онѣ дѣлались, но теперь я привыкла.

Когда, затѣмъ, Валентина хотѣла сѣсть за работу, Меленда воспротивилась этому.

— Лотти,—сказала она,—всегда отдыхала въ половинѣ дня; Валентинѣ тоже лучше отдохнуть и пообѣдать.

— Я пообѣдаю вмѣсто Лотти.

— Не будьте безразсудны,—замѣтила Меленда.—Ну, развѣ вы можете обѣдать хлѣбомъ и чаемъ! Когда вы обыкновенно обѣдали?

— Въ половинѣ седьмого.

— Это ужинъ. А что вы ѣли передъ тѣмъ?

— Мы пили чай въ пять часовъ.

— А передъ тѣмъ?

— Полдничали въ половинѣ перваго.

Валентина почувствовала себя виновной въ самомъ непростительномъ обжорствѣ.

— О! и что вы ѣли?

Валентина со стыдомъ призналась, что за полдникомъ и обѣдомъ подавалось мясо, а иногда и за завтракомъ.

— Ну, видите,—сказала Меленда.—Это нелѣпо. Вы не можете такъ обѣдать, какъ я или Лиззи. Идите и пообедайте, чѣмъ знаете, и накормите также и Лотти. Мы немного ѣдимъ здѣсь, но зато мы независимы.

Валентина повиновалась, а обѣ дѣвушки продолжали молча работать.

Но вотъ изъ комнаты Валентины донеслись любопытные и необыкновенные звуки. Ни болѣе, ни менѣе, какъ смѣхъ двухъ дѣвическихъ голосовъ,—вещь неслышанная въ этомъ домѣ. Лиззи подняла голову съ любопытствомъ и завистью, Меленда—подозрительно и ревниво.

— Онѣ смѣются,—сказала Лиззи:—чему онѣ смѣются?

— Она заставила Лотти смѣяться, — проговорила Меленда, которая никогда и не пробовала сотворить такое чудо.—Что она ей сказала такого? Лотти никогда съ нами не смѣется.

Смѣхъ не прекращался, и любопытство Лиззи все возрастало, а лицо Меленды становилось все мрачнѣй и мрачнѣй.

Старуха, работавшая на похоронныхъ дѣлъ мастера, подумала, что, должно быть, въ домѣ кто-нибудь съ ума сошелъ. Кто же, кромѣ сумасшедшихъ и дѣтей, когда-либо смѣялся въ Иви-Лэнъ? Но смѣхъ не прекращался, и старуха перенеслась въ то далекое, далекое прошлое, когда и она жила весело и беззаботно и смѣялась. Наконецъ, она не выдержала, бросила работу и поднялась по лѣстницѣ, вытягивая шею, выпучивая глаза, напрягая слухъ, чтобы увидѣть, кто это смѣется и о чемъ они говорятъ. Она ничего не увидѣла и не услышала, но странное волненіе овладѣло ея душой. Дѣвичій смѣхъ! веселый, беззаботный смѣхъ. Ей припомнилось, какъ давно, давно, тому назадъ лѣтъ этакъ пятьдесятъ, ей было девятнадцать или двадцать лѣтъ, и двѣ хорошенькихъ дѣвушки сидѣли въ коляскѣ на скачкахъ и пересмѣивались съ красивымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ, въ то время, какъ шампанское пѣнилось и сверкало въ бокалахъ, а у коляски стояла цыганка, и дѣвушки бросали ей золото въ рас-

крытыя ладони... Старуха съ тѣмъ-то въ родѣ рыданія въ горлѣ оцупала въ карманахъ, нашла два пенса и, перейдя черезъ улицу въ кабакъ, выпила рюмку джина. Послѣ того она вернулась въ комнату и заснула, и, быть можетъ, ей приснились тѣ давно прошедшіе счастливые дни беззаботнаго безумія.

Что касается смѣха, то онъ былъ вызванъ стряпней обѣда, причѣмъ выразилось полное невѣжество Валентины въ этомъ дѣлѣ. Она ничего не знала, ни даже цѣны картофеля, ни какъ чего купить, и притащила самого дорогого мяса, и такую пропасть. Лотти приходилось ее всему учить, даже тому, что, стряпая, надо засучить рукава. Но она все хотѣла сдѣлать сама, и обѣ смѣялись. И несомнѣнно, что сцена эта была такъ же комична, какъ и приготовленіе пуддинга на сценѣ, которое всегда и неизмѣнно производитъ большой эффектъ.

Послѣ смѣха дѣвушки слышали какой-то трескъ и шипѣніе, и Лиззи вдругъ выпрямилась на стулѣ, съ блѣдными щеками, и повела носомъ, между тѣмъ какъ въ глазахъ ея появился тотъ-же взглядъ, какой живописецъ могъ бы принять за экстазъ, вызванный вещами невидимыми и недостижимыми.

— Меленда, онѣ жарятъ бифштексъ!

— Ну, такъ чтожь?

— О, Меленда, я такъ голодна!

— Вотъ что значитъ побираться! Еслибы ты не ѣла ветчины два дня тому назадъ, то не была бы сегодня голодна.

Жилъ былъ нѣкогда глупый грекъ, исторія котораго читалась въ „Analesta Minoga“, когда это сочиненіе давалось въ руки школьника. У него была теорія, что лошади слишкомъ много ѣдятъ, и онъ постепенно уменьшалъ порцію овса своей лошади, съ цѣлью отучить животное отъ ѣды, такъ, чтобы она могла обходиться безъ пищи. Но какъ разъ, когда онъ думалъ, что достигъ успѣха, лошадь околѣла. Меленда раздѣляла отчасти тѣ же взгляды.

— Стыдись!—прибавила она:—гдѣ же твоя независимость, Лиза?

Какъ разъ то самое, что говорилъ грекъ лошади.

— Чортъ бы побралъ независимость!—отвѣчала Лиза, въ духѣ той самой лошади:—я голодна.

— Если ты поѣшь сегодня бифштекса, то вѣдь завтра все-таки ничего не будетъ, кромѣ чаю и хлѣба, и тогда...

Но Лиза уже ушла. Запахъ жаренаго мяса притягивать ее точно банатами, и она не могла не идти.

Въ комнатѣ Валентины, на бѣлой скатерти, уже стоялъ обѣдъ,

и Лотти, съ разгорѣвшимися щеками, помогала ставить кушанья. И обѣ дѣвушки смѣялись.

— Входите, Лиза!—весело закричала Валентина:—на всѣхъ хватить. Позовите Меленду.

— Она не пойдетъ. Не ходите къ ней. Она, пожалуй, вцѣпится вамъ въ лицо.

Валентина смутилась и не пошла.

Въ четыре часа Лотти заварила чай и внесла его въ комнату Меленды. Послѣ того дѣвушки продолжали молча работать.

Къ этому времени пальцы Валентины такъ разболѣлись, что иглока медленно двигалась въ ея пальцахъ; руки такъ ныли, что она съ трудомъ держала холстъ въ рукахъ, а спину, хотя она была такъ же сильна, какъ и у большинства дѣвушекъ, страшно ломило. Но она не сдавалась и работала съ воспаленными глазами.

Въ половинѣ девятаго Лотти вошла въ комнату, отдохнувъ и выспавшись за весь день.

— О!—сказала она, вырывая работу изъ рукъ Валентины:—о! Меленда, какъ могла ты допустить это?

Щеки Валентины были блѣдны, какъ бумага, глаза мутны и вся она дрожала, какъ въ лихорадѣ.

— Она сама захотѣла,—отвѣтила Меленда.—Принеси воды, Лиза. Поскорѣй. Полно глазѣть. Это отъ жары. Помочи ей виски. Вотъ такъ, хорошо. Не плачь, Полли. Я знала, что тебѣ не выдержать. Принеси ей что-нибудь изъ ея буфета, Лотти. Винограду. Чего же ждать, когда такая дѣвушка вздумаетъ работать, какъ я или Лиза!

Хорошее расположеніе духа вернулось къ Мелендѣ, когда она доказала свое превосходство.

Когда истерика прошла у Валентины, она сказала:

— Я хочу пѣть. Я такъ устала и у меня такъ болитъ голова, что я хочу пѣть. Неужели вы никогда не поете? Какъ вы можете жить безъ этого? Я вамъ спою что-нибудь.

Послѣ работы необходимо развлеченіе. Меленда и Лиззи для развлеченія гуляли по улицамъ. Лотти отдыхала. Валентина пыталась развлечь себя пѣніемъ.

Внизу на улицѣ народъ высыпалъ изъ домовъ, собирався группами, разговаривалъ и наслаждался прохладой сумерекъ. И вотъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Внезапно до ушей ихъ долетѣло такое пѣніе, какого они въ жизни не слыхивали. Разговоры умолкли, и всѣ стали слушать.

Какъ разъ въ тотъ самый моментъ, какъ Валентина зашла, по улицѣ проходили, не подъ руку, потому что они были смертельные враги, но рядомъ, потому что очень любили другъ друга: нѣкій викарный священникъ—въ прежнее время его бы назвали сугате—и нѣкій юный медикъ, посвященный во всѣ тайны физики, анатоміи, ботаники, біологіи и всякихъ наукъ. Оба были еще молоды и бѣдны. Не знаю, который изъ двухъ былъ прямолинейнѣе, педантичнѣе и самонадѣяннѣе: священникъ ли, воображавшій, что ему извѣстны всѣ тайны Всевышняго и дана безусловная власть вязать и разрѣшать, а секта его—онъ былъ ритуалистъ и нахально величалъ свою небольшую секту „церковью“—вмѣщаетъ весь законъ, порядокъ и всю гуманность; или же медикъ, знавшій, какъ свои пять пальцевъ, все рѣшительно о бактеріяхъ и микробахъ, о законѣ постепеннаго развитія и протоплазмѣ и не нуждавшійся ни въ какой церкви.

— О, Боже!—вскричалъ докторъ, который вѣрилъ въ самого себя, а потому непрерывно призывалъ имя Бога.

— Я брежу!—возгласилъ священникъ, который совсѣмъ въ себя не вѣрилъ, а потому божился самимъ собой.

— Чтó за удивительная вещь!—продолжалъ докторъ, прислушиваясь къ гнѣву.

— Я такого голоса еще и не слыхивалъ,—подтвердилъ священникъ.

Онъ оставилъ доктора и пошелъ на голосъ, и очутился неожиданно въ комнатѣ, гдѣ находились четыре дѣвушки, при видѣ которыхъ онъ обратился въ бѣгство, сознавая все неприличіе своего вторженія.

Но народъ на улицѣ захлопалъ въ ладоши.

— Прелестно!—сказала Лотти,—но мнѣ еще хочется послушать.

Валентина засмѣялась и еще спѣла. Послѣ чего подошла къ окну и закрыла его, чтобы показать, что представленіе кончилось.

— Все это прекрасно, — сказала Меленда, снова чувствуя себя униженной, — но всякій съумѣетъ пѣть, если его научать.

— Разумѣется, — отвѣтила Валентина.

— Въ комнатѣ было четыре дѣвушки, — рассказывалъ священникъ доктору, — и одна лежала на кровати. А та, которая пѣла, — въ комнатѣ было уже темно, — походила на барышню. Я понялъ, что мнѣ не мѣсто тамъ, и ушелъ.

— Само собой разумѣется, что она барышня, — отвѣчалъ докторъ. — Никто, кромѣ барышни, не можетъ такъ пѣть. Ну чтожъ!

я надѣюсь, что она опять прїѣдетъ. Какую ошибку вы, попы, сдѣлали, когда прогнали женщинъ изъ вашихъ хоровъ! Клянусь Юпитеромъ! такое пѣніе, какъ этой дѣвушки, привлекло бы людей въ церковь.

Я не приведу отвѣта священника. Такъ какъ онъ каждый день ссорился съ докторомъ, — они видѣлись ежедневно, — то недобросовѣстно было бы передавать хладнокровно то, что говорилось обыкновенно съ жаромъ при этихъ встрѣчахъ.

VI.—НА КЛАДБИЩѢ.

— О, Клодъ! — Валентина отворила дверь и вышла его встрѣтить, когда онъ постучался въ воскресенье утромъ. — Я еще никогда не была такъ рада гостю! И вы, сэръ, опоздали на десять минутъ. Видно, что вы не прожили трехъ дней въ одиночествѣ въ Иви-Лэнѣ.

— Это мѣсто по истинѣ ужасно, Валентина. Оно сегодня хуже даже, чѣмъ когда мы здѣсь были съ Виолетой.

Несомнѣнно, что Иви-Лэнъ казался еще грязнѣе и мизернѣе поутру въ воскресенье лѣтомъ; быть можетъ, потому, что на улицѣ валялось больше окурковъ отъ папирсовъ, объѣдковъ отъ овощей, раздавленныхъ ягодъ и другой дряни.

— Вы все еще живы, Валентина, и никто...

— Никогда меня не обидѣлъ, Клодъ, за исключеніемъ Меленды, которая все еще немилостива ко мнѣ.

— Это ужасное мѣсто, — повторялъ Клодъ. — Я удивляюсь, какъ вы рѣшились здѣсь поселиться. Неужели вы можете быть здѣсь счастливы?

Наивный вопросъ! Есть ли смыслъ спрашивать молодую, здоровую, красивую дѣвушку, не обязанную работать, можетъ ли она быть счастлива и въ особенности въ такомъ мѣстѣ, гдѣ чувствуетъ себя совсѣмъ свободной? Къ тому же Валентина готовилась провести цѣлое утро въ обществѣ молодого человѣка, прїятнаго во многихъ отношеніяхъ и въ особенности въ томъ, что считала себя ея братомъ.

Наконецъ, счастье — такая неопредѣленная вещь. Никто, кромѣ влюбленныхъ жениха съ невѣстой, не бываетъ сознательно счастливъ. Мы узнаемъ счастье только тогда, когда оно прошло, и тогда горюемъ, но не безъ гордости, какъ тѣ, которые безъ своего вѣдома прїютили бога. Замѣчательная это, право, вещь, что весь свѣтъ страстно желаетъ обладать тѣмъ, что становится по-

нато только тогда, когда исчезнетъ. Сомнѣваюсь, чтобы въ это утро Валентина сознавала, что вполне счастлива.

— Я поведу васъ гулять,—сказала она.—Въ Говстонѣ нѣтъ парковъ или садовъ, такъ что намъ придется гулять по улицамъ. Но когда мы устанемъ, то можемъ отдохнуть на чудесномъ кладбищѣ; я его на дняхъ открыла. Тамъ мы можемъ посидѣть. Большинство жителей еще не вставало. Во-первыхъ, сонъ замѣняетъ имъ завтракъ, а во-вторыхъ, служить отдыхомъ. Они поднимутся только къ обѣду. Меленда и Лотти еще въ постели.

Гуляя по улицамъ, Валентина передавала о своихъ похожденияхъ, рассказала про упрямую независимость Меленды, про Лотти и Лиззи и про собственный трудовой опытъ. Она скрыла только свое великое открытіе.

— Никогда больше не дѣлайте этого, Валентина!—сказалъ Клодъ, разумѣя трудовой день.—Общайтесь мнѣ, что больше этого не повторится!

— Я думаю, что это было бы мнѣ не по силамъ. Но подумайте объ этихъ бѣдныхъ дѣвушкахъ, работающихъ день деньской и такъ мало получающихъ! Развѣ это справедливо и хорошо? Кто виноватъ въ этомъ, Клодъ?

— Вся система государственной жизни, полагаю. Я никогда не занимаюсь вопросомъ объ англійской промышленности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда Самъ навязываетъ мнѣ свои мнѣнія.

— Но вѣдь это касается васъ, Клодъ; и Меленда ваша... наша сестра!

— Къ чему онѣ берутся за такую работу, не понимаю. Есть много другихъ занятій. Но Меленда не терпитъ никакого вмѣшательства въ свои дѣла. Какъ помочь дѣвушкѣ, которая не хочетъ принимать никакой помощи? Чтѣ я могу сдѣлать?

Валентина не отвѣчала. Она была разочарована. Клодъ не вторилъ ея энтузіазму. Для него не было новостью, что рабочія дѣвушки получаютъ жалкую плату и задавлены работой. Увы! это не новость ни для кого изъ насъ. Мы каждый день слышимъ объ этомъ, и тѣмъ не менѣе все идетъ по старому.

— Меленда могла бы поступить приказчицей въ лавку или вообще взять какое-нибудь мѣсто. Все было бы лучше того, какъ она теперь живетъ,—продолжалъ Клодъ.—Но она не хочетъ, чтобы я ей помогъ.

— Вы скорѣе надѣнете хомутъ на зебра, нежели заставите Меленду идти въ услуженіе. Но неужели нельзя достать имъ болѣе выгодную работу?

— Не знаю. Я посоветуюсь съ Самомъ, если хотите.

— Нѣтъ, Клодъ, я не желаю, чтобы вы совѣтовались съ Самомъ. Посовѣтуйтесь лучше съ самимъ собой. При вашей учености и умѣ вамъ нѣтъ надобности совѣтоваться съ народнымъ учителемъ.

— Моя наука не научила меня, какъ обращаться съ рабочими дѣвушками.

Тутъ онъ замѣтилъ перемѣну въ лицѣ Валентины.

— Я разочаровалъ васъ, Валентина. Я зналъ, что это будетъ.

— Нѣтъ, Клодъ. Но я думала... я надѣялась... о! мнѣ такъ больно, Клодъ, за этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ!

— Научите меня, какъ имъ помочь.

Они вошли на старинное кладбище, расположенное около церкви св. Луки, которая была построена полторасти лѣтъ тому назадъ, когда земля была дешева. Его нельзя назвать почтеннымъ, такъ какъ люди вообще считаютъ этотъ титулъ приличнымъ лишь для очень старыхъ кладбищъ, а церковь св. Луки успѣла окрестить и схоронить всего лишь пять поколѣвій мужчинъ и женщинъ. Здѣсь вы не найдете останковъ великихъ или знаменитыхъ людей; здѣсь лежатъ кости тружениковъ. Ихъ имена и исторія безусловно позабыты, даже исторія тѣхъ, наслѣдники которыхъ въ своей гордости вырѣзали ихъ имена и годъ рожденія и смерти на могильной плитѣ. Но если ихъ кто когда и прочелъ бы, то даже старѣйшіе изъ старожиловъ ничего не могли бы сообщить о нихъ.

На этомъ владбищѣ давно уже перестали хоронить. Могилы сравняли; плиты выстроили рядкомъ у забора; разбили четырехъ лужайки, между которыми идетъ дорожка, обсаженная цвѣтами. Скамеекъ много; дорожки выложены асфальтомъ и пріятны для старческихъ, слабыхъ ногъ.

Въ это утро въ саду было довольно много стариковъ и старухъ и еще больше дѣтей. Мужчины сидѣли особо, а женщины особо и разговаривали по своему, то-есть ссорились, потому что старость—такое время жизни, которое можетъ представляться приличнымъ лишь у людей, умѣющихъ маскировать вещи и настолько богатыхъ, чтобы доставить себѣ удобства жизни. У этихъ же стариковъ вѣчно болятъ ихъ ревматизмы, и они не пытаются скрыть, что имъ ненавистенъ ревматизмъ.

— Сядемъ,—предложила Валентина.

— Задача Меленды,—началъ Клодъ сентенціозно,—есть великая задача труда. Это главная задача нашего вѣка.

— Ну, такъ разрѣшите ее, Клодъ. Въ былые времена всегда находился рыцарь, чтобы убить дракона.

— Каждый могъ убить дракона.

— Или отыскать св. Грааль...

— Еслибы его нашли теперь, то люди стали бы оспаривать его достовѣрность и поставили бы въ музей, какъ рѣдкость.

— Не сердитесь, Клодъ. Но какъ разъ сегодня утромъ до вашего прихода, когда я думала объ этихъ бѣдныхъ дѣвушкахъ, мнѣ припомнилось то, что я гдѣ-то вычитала. А именно, что всѣ великія вещи дѣлались великими людьми: каждая вещь однимъ какимъ-нибудь великимъ человекомъ, который знаетъ, чего хочетъ, и настолько силенъ, что умѣетъ заставить людей себя повиноваться. Если это правда, то мы должны молить небо о томъ, чтобы оно намъ послало сильнаго человека.

— Будемъ молить.

— Почему бы, Клодъ, вамъ не быть этимъ сильнымъ человекомъ?

— Потому, что я не сильный человекъ, и потому, что мое собственное дѣло лежитъ на другомъ пути.

— Это только ваше личное дѣло.

— Да... да, конечно,—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:—но оно не оставляетъ времени на что-нибудь другое.

Представьте себѣ, что вы сознательно избрали себѣ дѣло, которое кажется вамъ самымъ подходящимъ, и цѣль, казавшуюся вамъ особенно желанной и возвышенной; представьте, что вамъ удалось достичь ее; представьте, что вы въ сущности очень довольны собой, и вдругъ васъ поражаютъ въ самое сердце, сказавъ вамъ, что ваши цѣли—личныя и эгоистическія; что вы призваны предпринять нѣкое иное дѣло, которое можетъ перевернуть всю вашу жизнь; что все, что вамъ дорого, вы должны будете бросить, если послѣдуете за этимъ воззваніемъ;—вотъ тотъ новый свѣтъ, который внезапно озарилъ мозгъ Клода въ то іюльское утро, когда онъ сидѣлъ среди праха неизвѣстныхъ мертвецовъ и жилищъ безвѣстныхъ живыхъ людей. Онъ принадлежалъ къ нимъ. Но никогда до сихъ поръ ему не приходило въ голову, что онъ долженъ работать на нихъ, а не на самого себя.

— Серьезно, Валентина, я не думаю, чтобы вы понимали то, что мнѣ предлагаете. Неужели вы серьезно хотите, чтобы я посвятилъ себя на разысканіе лекарства, котораго не въ силахъ найти ни одинъ профессоръ политической экономіи?

— Я серьезно этого хочу.

— Но какимъ образомъ я найду отвѣтъ на вопросы, надъ которыми напрасно думали сѣдыя головы?

— Быть можетъ, отвѣтъ должны найти молодые. Не думаю,

чтобы св. Павелъ ждалъ, когда онъ посѣдитъ, прежде нежели заговорилъ.

Иногда мнѣ кажется, что Валентина печально сказала великую и замѣчательную истину. Мы всѣ, быть можетъ, слишкомъ много требуемъ отъ стариковъ. Только въ молодости, когда сердце полно великодушныхъ чувствъ и способно на самоотверженные жертвы, возможно ждать отвѣта на всѣ великіе вопросы. Міръ въ сущности принадлежитъ молодымъ; не только міръ наслажденія, но и міръ борьбы; будущее находится въ ихъ творческихъ рукахъ; имъ принадлежитъ наслѣдіе вѣковъ; они—внязья и правители, шейхи и эмиры, генералы и полководцы. Старики могутъ накоплять и запасать, писать реляціи и исторію; это—ихъ настоящая сфера; они—историки. Что касается новыхъ и великихъ идей, то онѣ имъ не подъ силу; когда такая идея явится и выскажется, старикъ философъ, ветеранъ экономистъ, защитникъ существующихъ порядковъ, обливаетъ ее холодной водой и замораживаетъ, указывая на несовершенство міра, эгоизмъ людей,—все то, что дѣлаетъ задачу непрактичной и невозможной. Тогда молодые люди прибѣгаютъ къ тѣмъ выраженіямъ, какими нѣкіе злосчастные деревенскіе ребятишки встрѣтили нѣкоего древняго пророка, но съ инымъ эпилогомъ. Въ моей исторіи дѣти убиваютъ медвѣдей.

— До сихъ поръ, — началъ Клодъ, — все рѣшительно отдаляло меня отъ моихъ родичей, даже, я думалъ, находка сестры. Странно будетъ, если она прогонитъ меня обратно къ нимъ. Дайте мнѣ подумать, Валентина. Я признаю свой долгъ, но объявляю, что ничего не могу сдѣлать. Къ чему я буду тратить время на толченіе воды?

Потому что Валентина не видѣла того, что было для него ясно: что такое усиліе, для того, чтобы быть серьезнымъ, требуетъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ всего человѣка, со всей его дѣятельностью, мышленіемъ и силой. И даже тогда онъ, по всей вѣроятности, потерпитъ неудачу.

На этомъ пунктѣ ихъ бесѣды мимо нихъ прошла по асфальту старуха. Валентинъ показалось, что она знаетъ ее, но она никакъ не могла припомнить, гдѣ ее видѣла: это была курьезная на видъ старуха, потому что шла въ припрыжку и дѣлала мины, которыя могли бы пристать только молодой и красивой женщинѣ. Она была одѣта въ нелѣпый костюмъ, совсѣмъ ей не по лѣтамъ, и когда шла, то вертѣла глазами во всѣ стороны, чтобы видѣть, какой эффектъ производить ея появленіе.

— Ого!—сказала старуха, остановясь передъ Клодомъ и Ва-

лентиной.—Ну, вотъ! эта молодая барышня изъ комнаты перваго этажа, окнами на дворъ...

Валентина тоже теперь узнала ее. То была старуха, которая танцевала для своего собственнаго удовольствія.

— Молодая барышня, у которой новая мебель...

Она подглядѣла это въ замочную скважину.

— Я надѣюсь, что вы здоровы сегодня утромъ, моя милая, и надѣюсь, что вы такъ же счастливы, какъ и прекрасны. Ваше хорошенькое платьице идетъ къ вашему чудесному цвѣту лица, и если вы не сами его шили, то оно шито на Реджентъ-Стритъ и стоитъ три гинеи, никакъ не меньше, какъ ни просто на видъ. Ваши хорошенькія ботинки сдѣланы какъ разъ по вашей маленькой ножкѣ, и если онѣ не были вамъ подарены, то стоятъ вамъ гинею за пару, а за перчатки ваши заплачено четыре шиллинга шесть пенсовъ. Отлично, отлично. Будьте счастливы, душа моя, пока вы прекрасны. Молодость—счастливое время. Я когда-то была тоже счастлива.

Ни слова, ни наружность не производили впечатлѣнія строгой и узкой добродѣтели.

— Я здорова, благодарю васъ,—холодно отвѣтила Валентина.

— И съ молодымъ человѣкомъ. Душа моя, я говорила, что у васъ есть молодой человѣкъ. И онъ—джентльменъ. Я говорила, что только джентльменъ можетъ быть вамъ подъ пару. И онъ знаетъ, какъ двушкѣ слѣдуетъ одѣваться. Очень, очень прилично, душа моя. Я была такихъ же взглядовъ, когда была молода.

— Пойдемте, Клодъ, — сказала Валентина, вставая.

Клодъ далъ старой вѣдьмѣ серебряную монету, и она поплелась дальше съ улыбкой и кивкомъ, на которые по истинѣ страшно было глядѣть.

— Воспоминаніе или отголосокъ чего-нибудь театральнаго, — замѣтилъ Клодъ.

— Еслибы я думала, что когда-нибудь буду похожа на эту старуху, — сказала Валентина, — я разумѣю не ея бѣдность, лысую голову и старость, но ея страшные глаза, — то я бы сейчасъ же пошла въ монастырь и скрылась тамъ на вѣки.

VII.— Профессоръ.

— Я убирала папашину комнату, — объясняла Лиззи.

Дѣло было въ воскресенье, вечеромъ, около девяти часовъ, когда Валентина вернулась домой и увидѣла, какъ Лиззи выходила изъ комнаты нижняго этажа.

— Я каждый вечеръ убираю ее, прежде нежели иду гулять.

— И иногда посидите съ вашимъ отцомъ?

— Нѣтъ, я для него не компанія. Я ему не нужна. Онъ былъ когда-то джентльменъ и говорить по ученому.

— Гдѣ ваша мать?

— Она давно умерла. У меня только отецъ есть, да и тотъ ничего не можетъ для меня сдѣлать.

„Если онъ умѣетъ говорить „по ученому“,—подумала Валентина,—то могъ бы и дочь научить этому“. Она припомнила высокаго, сутуловатаго старика, снявшаго передъ ней шляпу. Вѣрно, это былъ отецъ Лиззи.

— Неужели вашъ отецъ такъ бѣденъ?

— Ужасно бѣденъ. Онъ былъ когда-то джентльменъ, но это было уже очень давно.

— Какъ вы думаете: могу я навѣстить его?

— Не знаю.

Она отворила дверь.

— Войдите и спросите. Батюшка, вотъ сестра Меленды спрашиваетъ, можно ли ей къ вамъ войти?

— Можетъ ли она войти?

Старикъ медленно приподнялъ голову и повторилъ слова. Затѣмъ всталъ, поклонился и предложилъ свой стулъ, единственный стулъ во всей комнатѣ. Свѣчи не было; но газовый фонарь съ улицы достаточно освѣщалъ комнату, чтобы видѣть, что въ ней стояла деревянная кровать, покрытая ковромъ, столъ, стулъ, умывальникъ и подсвѣчникъ. Больше буквально ничего не было. Странно сказать: не видно было трубки и не слышать табачнаго дыма.

— Когда молодая барышня удостоиваетъ войти ко мнѣ, — вѣжливо сказалъ онъ, — то единственное, что я могу для нея сдѣлать, это предложить ей стулъ. Сдѣлайте мнѣ честь, сядьте.

Манеры и голосъ до того не соответствовали обстановкѣ, что производили поразительное дѣйствіе.

Валентина приняла стулъ и сѣла, теряясь въ догадкахъ, кто бы могъ быть этотъ человѣкъ. Лиззи стояла въ раскрытыхъ дверяхъ, наблюдая за отцомъ съ нескрываемою гордостью. Давно уже ей не приходилось любоваться подобными отголосками вѣжливаго общества. „Когда-то былъ джентльменъ“. „Почему, — думала Валентина, — онъ теперь сталъ оборваннымъ джентльменомъ — и какимъ образомъ онъ допустилъ свою дочь вырасти безъ всякихъ манеръ, между тѣмъ какъ его собственныя такъ хороши?“

— Вы были добры къ моей дочери, — сказалъ онъ, все еще

стоя. — Никто, сколько я запомню, не былъ до сихъ поръ къ ней добръ, не исключая родного отца.

— Это не ваша вина, батюшка, — честно заявила Лиззи.

— Поэтому я благодарю васъ, — продолжалъ онъ, не обращая вниманія на перерывъ. — Моя дочь — рабочая дѣвушка, а потому естественно больше привыкла къ дурному обращенію, нежели къ хорошему.

— Но я ничего не сдѣлала для Лиззи.

— Вы дали ей пообѣдать и поужинать и ласково разговаривали съ ней. Вчера вечеромъ я слышалъ ваше пѣніе. У васъ прекрасный голосъ. Я прежде самъ игралъ и пѣлъ. Но прошло уже тридцать-пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я игралъ въ послѣдній разъ.

— Вы разучились играть?

— Я не игралъ въ продолженіе тридцати-пяти лѣтъ, — повторилъ онъ.

— И теперь вы живете совсѣмъ одинъ?

Это было не умно сказано, но умныя вещи не всегда приходятъ въ голову, и кромѣ того Валентина была поглощена мыслью, что могла означать такая странная вещь: одинокій, оборванный джентльменъ, живущій въ жалкомъ домишкѣ съ дочерью грубой, невѣжественной и необразованной.

— Какъ видите, — отвѣчалъ онъ: — совсѣмъ одинъ.

Онъ сидѣлъ на постели, скрестивъ руки на колѣняхъ и глядя на гостью большими, блестящими глазами.

Платье на немъ было истаскано до послѣдней степени; сюртукъ въ лохмотьяхъ, съ продранными локтями; панталоны, протертые на колѣняхъ и заштопанные любительской рукой; сапоги дырявые. Онъ былъ живописенъ въ своихъ лохмотьяхъ.

Джентльменъ, спустившійся до общественныхъ подонковъ. Какой несчастный случай довелъ его до этого?

Дѣвушки, какъ Валентина, не привыкли читать прошлую исторію человѣка на его лицѣ; но она могла разглядѣть на лицѣ этого человѣка отсутствіе печати пьянства или порока. У него было лицо, отмѣченное благородствомъ, съ высокимъ бѣлымъ лбомъ и мягкими голубыми глазами, которые глядѣли на Валентину твердо и открыто, хотя съ удивительной грустью, какой она никогда не видѣла даже на картинахъ.

— Никто не бываетъ совсѣмъ одинокъ въ мірѣ, — замѣтила Валентина. — У васъ навѣрное есть друзья или родственники?

— У большинства людей они есть; но странный случай былъ со мной, очень странный, — онъ возвысилъ голосъ съ загадочной

улыбкой, — тридцать-пять лѣтъ тому назадъ. Всѣ мои родственники внезапно умерли. Всѣ родственники, какіе у меня были въ мірѣ, и всѣ друзья, и притомъ всѣ въ одинъ день. Не осталось ни одного человѣка въ мірѣ, который бы интересовался знатъ, живъ я, или нѣтъ: никто не желаетъ меня больше видѣть и не просить вернуться. Я ушелъ изъ жизни, изъ памяти, даже изъ молитвъ тѣхъ, кто меня нѣкогда любилъ. Потому что всѣ они умерли. Всѣ умерли и въ одинъ день.

— И вы не завели себѣ новыхъ друзей?

— Нѣтъ. Кто бѣденъ, какъ я, у того не бываетъ друзей. Двадцать лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ на улицѣ женщину, такую же бѣдную и несчастную, какъ я самъ. Я взялъ ее въ жены, и мы дѣлили вмѣстѣ нищету. Быть можетъ, ея нищета нѣсколько облегчилась. Лиззи — ея дочь, но она умерла. У меня нѣтъ друзей.

— Бѣдный!

— Я не жаловался.

— Быть можетъ, еслибы вы „вернулись“, какъ вы выражаетесь, вы бы нашли своихъ старыхъ друзей. Я увѣрена, что они не всѣ умерли.

Нѣтъ, всѣ. Всѣ до одинаго. Да и странно было бы мнѣ вернуться въ прежнее общество такимъ, каковъ я сталъ теперь. Я иногда думалъ объ этомъ. Но... это неинтересно. Что касается прошлаго, то мы живемъ въ настоящемъ, но прошлое живетъ въ насъ. Да..., — голосъ его сталъ тише, — прошлое никогда не умираетъ: каждый моментъ живетъ вѣчно. Это всего ужаснѣе.

Этотъ человѣкъ „что-то такое сдѣлалъ“, припомнилось Валентинѣ.

Въ этотъ моментъ Лиззи, находя, что разговоръ становится не совсѣмъ для нея понятенъ, ушла и тихонько притворила за собой дверь.

— У васъ есть дочь.

— Да. Но я ничего не могу для нея сдѣлать. Вы удивляетесь тому, что она необразована. Молодая барышня, бываетъ уровень образованія, — я достигъ его и когда-то стоялъ на немъ, — при которомъ такая обстановка, какъ моя, превращается въ адъ. Для уличнаго ребенка лучше имѣть уличное воспитаніе.

— Не называйте Лиззи уличнымъ ребенкомъ! Она — ваша дочь и хорошенькая дѣвушка, и благородство сказывается въ чертахъ ея лица, если не въ манерахъ.

— Оставьте ее такой, какъ она есть. Тогда, быть можетъ, она никогда не пойметъ значенія своего наслѣдства.

— Какого наслѣдства?

— Лиззи—богатая наслѣдница; она наслѣдуетъ всему моему имуществу, если когда-нибудь узнаетъ, въ чемъ оно заключается.

— Вашему имуществу?

— Накопленному въ продолженіе тридцати-пяти лѣтъ и приносящему проценты въ видѣ позора и безчестія.

Слова были сильныя, но сказаны были очень спокойно.

— Это — такое крупное имущество, что я не желалъ бы оставить его послѣ моей смерти. Я лучше желалъ бы унести его съ собой въ могилу. Это имущество—дѣло рукъ моихъ. Когда я вступалъ въ жизнь, у меня его не было. „Блаженъ человѣкъ, который не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ“.

— Вы читаете библію?—спросила Валентина.

— Нѣтъ, я ничего не читаю. Въ этой комнатѣ вы не найдете ни библіи и никакой другой книги, но я помню кое-что изъ того, что прежде читалъ.

— У васъ нѣтъ книгъ? не желаете ли я вамъ принесу?

— Нѣтъ, я не желаю читать.

— Неужели же вы сидите здѣсь и ничего не дѣлаете?

— Всегда. Мое счастье—ничего не дѣлать. Тогда я могу снова переживать прошлое до извѣстнаго пункта и мечтать о невозможномъ будущемъ. Я знаю,—продолжалъ онъ,—что вы желали бы мнѣ помочь. Лэди, посѣщающія подобныя мѣста, какъ это, думаютъ, что могутъ все исправить нѣсколькими добрыми поступками. Я вамъ очень благодаренъ, но вы не можете помочь мнѣ. Поглядите на эту комнату. Вы видите, что я привелъ свою жизнь къ возможно простѣйшей формѣ. Здѣсь есть мѣсто, гдѣ спать, и коверъ, чтобы согрѣться; здѣсь есть кровля и четыре стѣны; стулъ, столъ, подсвѣчникъ и умывальникъ—что больше требуется для человѣка? Я завтракаю и ужинаю въ кофейнѣ; когда могу позволить себѣ пообѣдать, то опять иду въ кофейню. Я не пью и не курю табаку. У меня нѣтъ потребностей, кромѣ нѣкотораго количества пищи и мѣста, гдѣ спать.

— Вы философъ?

— Нѣтъ. Философъ доволенъ, а я нѣтъ. Я веду такую жалкую жизнь, потому что у меня нѣтъ выбора. Вамъ любопытно знать, какъ я живу? Извольте, я вамъ расскажу. Я честно живу. Я знаю два или три иностранныхъ языка: нѣмецкій, французскій и итальянскій. Я выучился имъ, когда былъ молодъ. Я также случайно научился еврейскому языку. И знаю немножко по-польски. Мнѣ извѣстно, гдѣ собираются нѣмецкіе эмигранты, и я пишу для нихъ письма—главнымъ образомъ, для нѣмецкихъ поляковъ и

евреевъ—всякаго рода письма и прошенія по два пенса за письмо или за сколько дадутъ. Иногда я заработаю порядочно денегъ, иногда совсѣмъ ничего. Чаще я не получу и шиллинга въ день. Я плачу три шиллинга и сикспенсъ въ недѣлю за комнату и живу на полкроны—четыре пенса въ день. Вотъ и все, вотъ и вся моя жизнь.

— Я бы желала помочь вамъ какъ-нибудь; позвольте мнѣ попытаться, ради вашей дочери.

— Вы говорите это потому, что молоды и великодушны. Но я желаю одного только, какъ вамъ сказали: пищи и мѣста, гдѣ могъ бы спать... и безвѣстности. Постойте, вы можете кое-что для меня сдѣлать. Спойте мнѣ что-нибудь.

Валентина подумала и затѣмъ спѣла гимнъ.

— Благодарю васъ; тридцать-пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я слышала этотъ гимнъ.

— Могу я приходить иногда и разговаривать съ вами?

— Если вамъ угодно. Но вамъ неприлично приходить сюда. Кромѣ того, я могу привыкнуть къ вашимъ посѣщеніямъ; буду ждать ихъ, и это помѣшаетъ моимъ грѣзамъ.

— Вашимъ грѣзамъ?

— Когда я сижу здѣсь одинъ по вечерамъ, то грежу. Это грѣза о моей прежней жизни, которую я представляю себѣ такою, какою она должна была бы быть. Я слѣжу за собой шагъ за шагомъ, годъ за годомъ, на томъ поприщѣ, которое должно было быть моимъ, еслибы не эта... еслибы не эта злая бѣда. Если вы разрушите мою грѣзу, вы лишите меня моего единственного удовольствія. Тогда я буду недоволенъ и стану думать о мести; это дурно и вредно для меня: во-первыхъ, потому, что я никогда не добьюсь месги; а во-вторыхъ, потому, что дума эта поселяетъ во мнѣ чорта, который приводитъ меня въ бѣшенство и грызетъ мое сердце такъ, какъ будто бы хотѣлъ вырвать его изъ моей груди. Въ одно прекрасное утро это ему удастся, и тогда докторъ скажетъ, что я умеръ отъ *angina pectoris*, потому что ненаучно говорить, что человѣкъ умеръ отъ бѣшеннаго чорта. Еслибы не тѣ мои грѣзы, то я бы вѣчно думалъ о мести.

— О!—отвѣчала Валентина съ любезной снисходительностью человѣка, которому никогда не приходилось прощать врагамъ, по той простой причинѣ, что ихъ у него не было: — мечь такая жалкая вещь, что о ней не стоитъ и мечтать, тѣмъ болѣе, что она никогда не удовлетворяетъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ человѣкъ.—Простое убійство не удовлетворяетъ. Но нѣчто въ родѣ вѣчной мести Уго Фосколо, знаете,

нѣчто такое, на что можно время отъ времени пойти взглянуть, когда старое бѣшенство проснется въ сердцахъ и начнетъ жечь его точно пламенемъ. Ахъ!—онъ прижалъ руку къ груди,—вотъ начинается.

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ, какъ человѣкъ, испытывающій острую и внезапную боль. Затѣмъ вынулъ изъ кармана пузырекъ, и комната наполнилась слабымъ запахомъ ээпра.

— Я не долженъ больше говорить объ этомъ. Иногда мнѣ кажется, что я ва вѣки вѣчные наказанъ за мои грѣхи этимъ огнемъ, которое гложетъ мнѣ сердце, и пламеннымъ желаніемъ мести. Ну чтожъ! я не жалуясь! Охъ! не говорите больше со мной. Дайте мнѣ поскорѣй вернуться къ моимъ мечтамъ!

Она повернулась, чтобы уйти. Но тутъ какъ разъ за дверь послышался шумъ шаговъ и какая-то борьба.

Причиной тому была старуха, жилица нижняго этажа, которую тащилъ, толкалъ, волочилъ въ ея комнату молодой человѣкъ въ черномъ фракѣ и въ шляпѣ-цилиндрѣ. Старуха, повидимому, упиралась.

— Она больна?—спросила Валентина.

— Нѣтъ, въ этихъ случаяхъ болѣзнь слѣдуетъ за припадкомъ. Она будетъ больна завтра. Ну, ну, идемъ, старушка, почивать!

Пациентка зашла, и даже Валентина, несмотря на свою неопытность, поняла, что болѣзнь была произведена нечѣмъ инымъ, какъ алкоголемъ. Дѣйствительно, бѣдная старуха была пьяна. Она истратила на джинъ шиллингъ, данный ей Клодомъ поутру. Человѣкъ, который велъ ее, энергически втолкнулъ ее въ ея комнату и вышелъ, заперевъ за собой дверь.

— Ну вотъ,—сказалъ онъ,—теперь все обстоитъ благополучно. Быть можетъ, вы услышите, что она еще пошумитъ немножко, но вскорѣ заснетъ. Кто-то угостилъ ее джиномъ, а она, полагаю, цѣлый день ничего не ѣла. Мальчишки дразнили ее на улицѣ, и я привелъ ее домой. Къ завтраму она проспитъ.

Потомъ онъ заглянулъ въ комнату жилища.

— Доброго вечера, м-ръ Лэнтъ. Припадковъ, надѣюсь, больше не было?

— Только-что былъ одинъ, докторъ. Я сталъ думать...

— Ну вотъ, именно, вамъ не слѣдуетъ думать. Я васъ предупреждалъ. Если вы будете волноваться, то убьете себя. Какъ ваши грѣзы?

— Развиваются, докторъ, развиваются. Тихо, но вѣрно карьера проходитъ. Ему уже предложили деканство, но онъ отказался. Человѣкъ съ такимъ краснорѣчіемъ и ученостью не можетъ

быть скороненъ въ какомъ-то деканствѣ! Епископство — вотъ единственное, на чемъ онъ можетъ помириться. Иногда ему мерещится даже архіепископство. Но я сомнѣваюсь, успѣю ли додуматься до этого, потому что, вы знаете, мнѣ мѣшаютъ припадки бѣшенства...

— Вы не должны впадать въ бѣшенство.

— На дняхъ мнѣ показалось, что я слышу его голосъ. Но это кто-то разговаривалъ съ этой молодой лэди на улицѣ. И, однако, это былъ его голосъ, точь-въ-точь его голосъ.

— Я предупреждалъ васъ. Помните. Покойной ночи!

Докторъ заперъ дверь и повернулся къ Валентинѣ.

— Вы, вѣроятно, та молодая дѣвица, что пѣла вчера вечеромъ? Ну, чтó вы о насъ думаете?

Онъ могъ бы съ такимъ же основаніемъ спросить, чтó думаетъ Валентина вообще о человѣчествѣ въ абстрактѣ.

Она въ этомъ смыслѣ и отвѣчала ему.

— Я не думаю, чтобы вы безцѣльно куда пріѣхали, — продолжалъ онъ. — У васъ какой-то планъ въ головѣ. Филантропическій или религіозный, полагаю. Что бы это ни было, но если вамъ понадобятся справки, то обращайтесь ко мнѣ. Я знаю здѣшній народъ вдоль и поперекъ.

У него было некрасивое лицо; щеки безцвѣтныя, какъ это часто бываетъ у тѣхъ, кто вѣчно пребываетъ на улицахъ большого города. Онъ былъ ни высокъ и ни малъ, скорѣе худъ и казался на видъ лѣтъ тридцати. Но у него была большая голова. Глаза его глубоко сидѣли въ орбитахъ подъ густыми бровями — живые, быстрые глаза. Подбородокъ былъ четырехугольный, носъ большой, огрубѣлый отъ непогоды и прямо некрасивый. Его темные волосы были расчесаны съ пробормомъ сбоку и уже начинали рѣдѣть на вискахъ; онъ обыкновенно держалъ голову слегка склонивъ ее на бокъ. Эта манера обозначаетъ привычку къ размышленію.

— Благодарю васъ, — отвѣчала Валентина.

— Вамъ навѣрное пригодятся мои справки, а потому я къ вашимъ услугамъ.

Онъ говорилъ торопливо, какъ будто бы его дожидались въ другомъ мѣстѣ, чтó, впрочемъ, всегда и бывало.

— Ходимъ ли мы въ церковь? Нѣтъ, не ходимъ. Уважаемъ ли мы прадѣдовскія учрежденія? Нѣтъ, не уважаемъ. Имѣемъ ли мы какое-нибудь почтеніе къ высшимъ классамъ и общественнымъ отличіямъ? Ни капельки. Интересуемся ли мы чѣмъ-нибудь, кромѣ пици и питья, тепла и отдыха? Нѣтъ, не интересуемся. Опасны

ли мы? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока находимся въ постоянной работѣ. Сберегаемъ ли мы деньги? Ни полупки. За кого мы подаемъ голоса? За радикаловъ, потому что они обѣщаютъ намъ все перевернуть верхъ дномъ. Въ чемъ заключается наша программа? Въ уничтоженіи церкви и лордовъ. Почему? Потому что мы думаемъ, что отъ этого заработная плата повысится, а цѣна на пиво понизится.

— Благодарю васъ,—сказала Валентина.—Но меня не интересуютъ политическія мнѣнія народа.

— Интересуемся ли мы искусствомъ? Нѣтъ, не интересуемся. Любимъ ли мы красивыя вещи? Мы даже не знаемъ, что значить красота.

— Я не ожидала встрѣтить здѣсь искусство.

— Хороша ли наша нравственность? Нѣтъ, не хороша. Есть ли у насъ хоть какія-нибудь добродѣтели? Очень мало. Мы довольно честны, мы великодушны, когда у насъ есть деньги, и въ бѣдѣ стоимъ другъ за друга: мужчина за мужчину, женщина за женщину и дѣвушка за дѣвушку.

— Дѣвушка за дѣвушку?

— Потому что,—прибавилъ онъ, невѣжливо пропустивъ мимо ушей ея восклицаніе,—никто другой за нихъ не вступится. А оттого онѣ и стоятъ другъ за друга. Великолѣпный примѣръ этому мы видимъ наверху въ этомъ самомъ домѣ.

— Очень вамъ благодарна. Прощайте.

Она пошла-было къ лѣстницѣ, но онъ остановилъ ее.

— Одну минуту,—сказалъ онъ.—Мнѣ говорятъ, что вы здѣсь поселились. Это совсѣмъ непригодное для молодой барышни мѣстожителство. У васъ, быть можетъ, свое собственное евангеліе въ карманѣ?

— Нѣтъ, я довольствуюсь старымъ евангеліемъ.

— Пришли, значить, чтобы дѣлать добро, какъ говорится. Ну, вамъ лучше знать. Постарайтесь только сдѣлать какъ можно меньше зла. Я всегда здѣсь гдѣ-нибудь обрѣтаюсь, еслибы вамъ понадобился. Покойной ночи.

Онъ фамиллярно кивнулъ головой, безъ обычной церемоніи приподниманія шляпы, и поспѣшно ушелъ.

А. Э.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

IX.

Въ пестрыхъ письмахъ было бы ненатурально не упомянуть о пестрыхъ людяхъ, заполонившихъ въ настоящее время вселенную. Исправляю въ этомъ письмѣ сдѣланный мною пропускъ.

Пестрое время, пестрые люди. Оттого и жить трудно стало; не на кого положиться, не во что вѣрить; вездѣ шатаніе, пустодушіе, пестрота. Чего не ждешь, то именно и случится; отъ кого не чаешь—тотъ именно и стукнетъ тебѣ по темени. Дурное, спутанное время. Проворовались людишки, остатки совѣсти потеряли.

Общій признакъ, по которому можно отличать пестрыхъ людей, состоитъ въ томъ, что совѣсть свою они до дыръ износили. А взамѣнъ совѣсти выросло у нихъ во рту по два языка, и оба лгутъ иногда по-очереди, а иногда—это еще постыднѣе—оба сразу. Жизнь ихъ представляетъ перепутанную, безсвязную и не согрѣтую внутреннимъ смысломъ театральную пьесу, содержаніе которой исключительно исчерпывается переодѣваніемъ. Всѣмъ они въ теченіе своей жизни были: и поборниками ежовой рукавицы, и либералами, и западниками, и народниками, даже „сицилистами“, какъ теперь говорятъ. Но нигдѣ не оставили ни скрупула своей души, потому что оставить было нечего. Все ихъ искусство всегда состояло въ томъ, чтобы выждать потребный моментъ и какъ можно проворнѣе переодѣться и загримироваться. Словомъ сказать, это вполнѣ оголѣлые, въ нравственномъ отношеніи, люди,—люди, у которыхъ что ни слово, то обманъ, что ни шагъ, то вѣроломство, что ни поступокъ, то предательство и измѣна.

За всѣмъ тѣмъ, необходимо различать три сорта пестрыхъ людей. Во-первыхъ, тѣ, которые сами себя выработали пестрое сердце и пестрый умъ, и преднамѣренно освободили себя отъ всѣхъ стѣсненій совѣсти. Это коноводы и зачинщики. Они пишутъ передовыя статьи, шныряютъ по улицамъ, забираются въ публичныя мѣста, пишутъ доносы, проникаютъ въ переднія власть имѣющихъ лицъ,—и вездѣ каркаютъ. вездѣ призываютъ кару. И въ либеральномъ смыслѣ каркаютъ, и въ ежово-рукавичномъ, хотя въ послѣднемъ уже потому одному энергичнѣе, что самое представленіе о ежовой рукавицѣ необходимо сплетается съ представленіемъ объ энергіи. По наружному виду, ихъ можно, по временамъ, принять за фанатиковъ убѣжденія, но они просто фанатики казеннаго или общественнаго пирога. Злы они неимо- вѣрно, потому что хоть и въ формѣ робкаго шопота, а все-таки доходитъ до нихъ напоминаніе о предательствѣ. И вотъ, благодаря этимъ напоминаніямъ, рядомъ съ вождельніемъ къ пирогу, въ нихъ возникаетъ потребность отомстить за всѣ прежнія переодѣванія. А на комъ же слаще излить месть отравленной души, какъ не на бывшихъ случайныхъ единомышленникахъ, свидѣ- теляхъ этихъ переодѣваній?

Во-вторыхъ, люди, которые пестрятъ ради шкурнаго спасе- нія. Собственно говоря, ихъ даже нельзя причислить къ катего- ріи пестрыхъ людей. Это не пестрота, а истязаніе, вымученный отвѣтъ на допросъ съ пристрастіемъ. Ужасно несчастные эти люди. Помните, я однажды рассказъ, какъ свинья Правду чав-кала, а Правда передъ свиньей запинаясь, изворачивалась и бормотала. Такъ вотъ это самое и есть тотъ же процессъ. Изъ всѣхъ истязаній чавканье живого тѣла—самое ужасное, и потому люди, которые ему подвергаются, пріобрѣтаютъ растерянный и испуганный видъ. По собственной инициативѣ они не пестрятъ, а только поддакиваютъ. Но быть свидѣтелемъ этихъ поддакива- ній—не дай Богъ никому.

Третій сортъ „пестрыхъ людей“ представляютъ собою тѣ, которымъ фея жизни, при рожденіи, пестрое ремесло, въ видѣ дара, въ колыбель положила. Таковы, напримѣръ, всѣ Молча- лины. Всю жизнь свою они издерживаютъ на пестрыя дѣла, но что означаетъ эта пестрота, полезна она или вредна, и даже сопровождается ли какими-нибудь осязательными послѣдствіями и для кого именно—ничего не знаютъ. Большинство такъ и умираетъ, не догадавшись. Жалко этихъ людей, со стороны глядя, но сами они неудобства такого существованія не сознаютъ. Они обязательно принимаютъ пестроту къ исполненію и, исполнивъ,

что по программѣ слѣдуетъ, обязательно же сдаютъ свою работу другимъ безсознательно пестрымъ людямъ, а сами исчезаютъ въ могилѣ.

Первообразомъ пестрыхъ людей, разумѣется, служить индивидуумъ первой категоріи. Остальныя двѣ категоріи составляютъ только естественный и неизбежный придатокъ.

Первообразъ потому представляется наиболѣе мучительнымъ и опаснымъ, что онъ былъ нѣкогда нашимъ сочувствователемъ, и затѣмъ, совершивъ обрядъ переодѣванія, подкрался къ намъ внезапно и исподтишка, и впился своими когтями. Правда, мы и прежде замѣчали въ немъ наклонность къ переодѣваніямъ, но добродушно посмѣивались надъ нею, не придавая этому факту особеннаго значенія. Между тѣмъ эта наклонность росла и росла, и, наконецъ, выросла въ мѣру совершеннолѣтія. А я увѣренъ, что онъ и теперь, заглядывая, по временамъ, въ будущее, думаетъ: ежели „вѣяніе“ и перемѣнится, то я всегда успѣю заново переодѣться и заgrimироваться.

И онъ заgrimируется, и опять все забудется, и опять мы отведемъ ему мѣсто среди „своихъ“. Мы, люди убѣжденія, люди естественнаго и логическаго преуспѣянія, люди, беззавѣтно отдавшіе своей странѣ всѣ свои душевные помыслы и силы. Я не однажды ратовалъ противъ этой повадливости; но предостереженія мои не имѣли успѣха. Это, впрочемъ, и понятно. Честнымъ и убѣжденнымъ сердцамъ столь же мало свойственны злопыхательство и мстительность, сколько они естественны въ людяхъ переодѣваній. Какъ я уже сказалъ выше, послѣдніе мстятъ не за обиды, которыхъ имъ никто не наносилъ, а за собственную душевную оголѣлость, за то, что есть живые свидѣтели этой оголѣлости.

Я живо помню время, когда впервые народилась идея хожденія въ народъ. Въ основѣ этой идеи лежала отнюдь не пропаганда „науки преступленій“, какъ ябедничали тогда взбудораженные и еще полные жизненности крѣпостники (да не живы ли они и теперь?), а внесеніе луча свѣта въ омертвѣлыя массы, подъемъ народнаго духа. Распространеніе грамотности и здравыхъ понятій о силахъ природы и отношеніяхъ къ нимъ человека—вотъ что стояло на первомъ планѣ. Разскажите эпизоды этой печальной исторіи и подробности возбужденной ею паники любому культурному нѣмцу,—и вы увидите на его лицѣ только недоумѣніе. Онъ вспомнитъ свою добрую молодость, вспомнитъ, какъ онъ, цѣлымъ обществомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исхо-

дѣлѣ пѣшкомъ всѣ уголки Германіи, посѣтилъ ея горы и долины, изучая родную страну и входя въ непосредственное общеніе съ ея народомъ. И непременно скажетъ, что все это послужило къ пользѣ народной, къ поднятію общаго уровня народнаго самосознанія и къ освѣженію самой культурной среды.

Вѣроятно, изъ Германіи пришла и къ намъ идея хожденія въ народъ. И всѣ тогда сгруппировались вокругъ нея, всѣ горѣли нетерпѣніемъ и энтузіазмомъ, и ежели не объявляли о своихъ намѣреніяхъ во всеуслышаніе, то единственно по привычкѣ опасаться, что всякое честное начинаніе искони является у насъ подозрительнымъ. Были въ числѣ энтузіастовъ и „переодѣватели“, и наравнѣ съ прочими горѣли и плескали руками.

Я не принималъ въ этомъ движеніи непосредственнаго участія, — у меня было и есть свое собственное дѣло, — но всегда относился къ нему съ сочувствіемъ. Кромѣ прямой пользы для народа и для правящихъ классовъ, я не видѣлъ никакихъ угрозъ въ будущемъ. Находя по чистой совѣсти, что управлять народомъ, уже вступившимъ въ періодъ самосознанія, гораздо славнѣе и легче, нежели управлять полу-дикой толпой, гонимой страхомъ, я такъ, въ этомъ смыслѣ, и велъ мою бесѣду съ читателемъ. Я никогда не претендовалъ на роль вожака; я уклонялся отъ разговоровъ о распредѣленіи богатствъ, предоставляя рѣшеніе этого вопроса будущему, не говорилъ ни о нивелированіи, ни о ниспроверженіи, ни о крамолѣ, и даже не выражался, что мы танцуемъ на вулканѣ. Никакихъ вулкановъ я не замѣчалъ, да и теперь не вижу, хотя времени прошло съ тѣхъ поръ достаточно. Я призывалъ къ справедливости — только и всего.

Тѣмъ не менѣе, извѣстно, какъ встрѣчены были мои бесѣды, и какихъ постыдныхъ издѣвокъ онѣ мнѣ стоили со стороны такъ-называемыхъ охранителей...

Но бодрые люди шли и шли. Въ числѣ ихъ внезапно, по, повидимому, вполне искренно, очутился и Семенъ Скорняковъ.

Скорняковъ былъ моимъ сверстникомъ по школьной скамьѣ. Въ школѣ онъ былъ скорѣе нелюбимъ, нежели любимъ, и нелюбимъ потому, что черезъ-чуръ ужъ ласково глядѣлъ въ глаза начальству. Последнее благоволило къ нему и ставило въ примѣръ, исключая, впрочемъ, учителя латинскаго языка, который почему-то называлъ его крокодиломъ.

— Чтѣ ты, крокодилъ, все хнычешь (дѣйствительно, когда его обижали, то онъ не плакалъ, а хныкалъ)? — говаривалъ онъ: — знаешь, какъ твои собратья изъ Нила купающихся ребятъ ута-

скиваютъ, гложутъ ихъ и при семъ хнычутъ. Такъ и ты современемъ. Правду будешь глотать и хныкать.

И странное дѣло!—когда учитель это говорилъ, то всѣмъ казалось, что Скорняковъ вотъ-вотъ сейчасъ захнычетъ. Но онъ въ отвѣтъ только застѣнчиво опускалъ глаза, точно просилъ у учителя прощенія, что огорчилъ его.

По выходѣ изъ школы, Скорняковъ, благодаря своимъ скуднымъ средствамъ, не послѣдовалъ примѣру товарищей, отдавшихъ себя въ жертву портнымъ и лихачамъ-извозчикамъ. По крайней мѣрѣ, этотъ угаръ, ежели и былъ, то прошелъ въ немъ очень скоро. Напротивъ, онъ выработалъ въ себѣ вкусъ къ книжкѣ, поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ, и черезъ два года сдалъ кандидатскій экзаменъ.

Вкусъ къ книжкѣ сблизилъ насъ, такъ что нѣкоторое время мы даже вмѣстѣ жили. Я тогда уже началъ пописывать, впрочемъ только мелкія рецензіи. И Скорнякову доставалъ работу. То было время самаго разгара распри между западниками и славянофилами. Разумѣется, мы не были не только первостепенными, но даже третестепенными дѣятелями въ этомъ движеніи, но все-таки слѣдовали за общимъ литературно-полемиическимъ потокомъ. Я былъ горячій и искренній поклонникъ Бѣлинскаго и Грановскаго; Скорняковъ тоже выдавалъ себя за западника, но съ оговорками и какъ бы оставляя себѣ лазейку въ будущемъ.

— А община?!—говорилъ онъ, многозначительно поднимая указательный перстъ.

Теперь все это до того стерлось, что самыя рубрики сдѣлались пустопорожними выраженіями. Теперь большинство славянофиловъ убѣдилось, что есть община и община; что община, на которой они созидали благополучіе и силу Россіи, не обезпечиваетъ ни отъ пролетаріата, ни отъ обидъ, приходящихъ извнѣ; что, наконецъ, будущая форма общежитія, наиболѣе удобная для народа, стоитъ еще для всѣхъ загадкою. Напротивъ, по странной случайности, бывшіе западники, ставши ближе къ кормилу, примирились съ общиною, потому что съ нею сопряжена круговая порука. Не нужно сложной мозговой работы, чтобы управлять.

Но тогда все кипѣло и рвалось сразиться...

Для Скорнякова, однакожъ, западническое кипѣніе получило очень скорый, хотя и случайный, конецъ. Умеръ его отецъ, и онъ вынужденъ былъ поселиться въ Москвѣ. Съ этихъ поръ для меня онъ надолго исчезъ. Повидимому, тутъ впервые у него зародилась мысль о карьерѣ. Въ Москвѣ онъ успѣлъ пріютиться

подъ крылышко одной изъ дамъ-патронессъ, очень еще интересной старушки, и черезъ нее пробился въ славянофильскій кружокъ. И тутъ онъ выдающейся роли себѣ не нашелъ, а былъ только „вхожъ“, — и за это спасибо. Славянофилы того времени были люди богатые, титулованные, имѣли въ Петербургѣ связи и родство, и жили подъ прикрытіемъ митрополичьей рясн. Скорнякову не понравились, однакожъ, ихъ напыщенность, чванство и семинарская надменность, но онъ рѣшился терпѣть во имя будущаго, и вскорѣ сдѣлался ревностнымъ прозелитомъ. Писалъ въ „Москвитянинѣ“ филиппики противъ западниковъ и громилъ послѣднихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Хомяковъ ему улыбался, Юрій Самаринъ подавалъ два пальца, Погодинъ показавъ свое книгохранилище (вмѣсто гонорара за статьи), Константинъ Аксаковъ цѣловалъ. Въ заключеніе патронесса опредѣлила его чиновникомъ особыхъ порученій къ важному лицу.

Здѣсь онъ чуть было опять не сдѣлался западникомъ, потому что важное лицо не любило славянофиловъ и называло ихъ кутейниками. Но оно же не любило и западниковъ, подозрѣвая ихъ въ замыслахъ къ ниспроверженію порядка. Потому Скорняковъ рѣшился сдѣлаться простымъ здоровымъ русскимъ человекомъ, такимъ же, какимъ былъ его начальникъ. Съ этою цѣлью онъ выработалъ себѣ особую русскую точку зрѣнія, въ основѣ которой лежало исполненіе предписаній начальства.

Въ это время судьба завела меня въ одинъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, гдѣ я пробылъ около восьми лѣтъ, забытый и оставленный. О Скорняковѣ, разумѣется, я никакихъ свѣдѣній не имѣлъ.

1856-й годъ опять насъ столкнулъ. Пошли слухи объ эмансипаціи, и оба мы ликовали, что, наконецъ, сравнялись съ Европой.

— Вотъ увидишь, какую роль будетъ играть наша община! — восклицалъ онъ.

Мнѣ, впрочемъ, и самому начинало казаться, что община скажетъ что-то новое. „Упраздните крѣпостное право, и сейчасъ же на сцену выступитъ община!“ — вотъ какъ тогда говорили всѣ, и даже западники, которые стояли тогда во главѣ движенія и уже провидѣли удобство круговой поруки.

Когда все было кончено, и новое „Положеніе“ издано, Скорняковъ сталъ задумываться. Онъ уже высмотрѣлъ исподволь людей, которые готовы были появиться на смѣну дѣятелямъ „Положенія“, и подъ рукой наводилъ справки.

— Знаешь ли что? — говорилъ онъ мнѣ: — не слишкомъ ли мы поспѣшили? То-есть, ты понимаешь, я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

Это дѣло святое, необходимое... но, тѣмъ не менѣе, годикъ-другой...

— Эй, Скорняковъ! Вилнешъ хвостомъ!—возражалъ я, впрочемъ ни мало не сердясь.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. Я только говорю, что бѣдные помѣщики... Вѣдь это все-таки представители нашей культуры...

Вдругъ онъ опять исчезъ изъ Петербурга. Одновременно съ этимъ исчезновеніемъ на столбцахъ одной „уважаемой“ московской газеты начали появляться размашистыя статьи, въ которыхъ проливались слезы въ пользу бѣдныхъ помѣщиковъ, а о мужикѣ рассказывались смѣшныя, а отчасти и возмутительныя анекдоты. Обвинялись, по преимуществу, мировые посредники, а за ними и всѣ вообще сочувствующіе новосозданному порядку вещей. Прямо говорилось, что они революціонеры, нивеляторы и подрыватели основъ. Прошли слухи, что въ составленіи этихъ статей, и не безъ косвеннаго поощренія, принимаетъ дѣятельное участіе Скорняковъ. Дѣйствительно, онъ былъ тамъ. Писалъ и спереди, и сзади; спереди — клеветалъ серьезно и убѣжденно, сзади—въ шутиломъ русскомъ тонѣ. Статьи эти были замѣчены.

— Вы имѣете перо,—прогудѣлъ ему нѣкоторый сановникъ:—держите его бодро на страхъ разрушителямъ и на пользу добрымъ порядкамъ. Это теперь нужнѣе, нежели когда-нибудь.

Прошла питейная реформа, но Скорняковъ не соблазнился ею. Онъ говорилъ, что дивидендъ—дѣло преходящее и немного даже зазорное, и что истинное его назначеніе—внутренняя политика, которая, конечно, вознаградить его превыше всякихъ дивидендовъ.

И онъ не ошибся. До тѣхъ поръ онъ былъ только многообщающимъ бутонъ, но недолгъ этотъ* бутонъ распустился въ пышный и далеко разливающий ароматъ цвѣтокъ. Карьера его двинулась быстро и блестяще. Прежде всего онъ попалъ въ обрусители. Исполнялъ свято предначертанія, но въ то же время и самъ почтительно представлялъ соображенія. И дѣлалъ это такъ ловко, что предначертателю оставалось только сказать: вотъ именно моя мысль! вы именно угадали ее. За эту ловкость и скромность онъ получилъ, кромѣ всего прочаго, хорошій кусокъ пирога и увѣренность, что на будущее время онъ „необходимъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ опять появился въ Петербургѣ, и тутъ уже прогремѣлъ не на шутку. Имя его сдѣлалось страшно, и даже наружность измѣнилась. Лицо обрюзгло и получило коричневый тонъ; глаза горѣли плотоядно; голосъ сдѣлался громкій и вылеталъ какъ изъ пустой бочки. Изъ крокодила благообразнаго

выработалось настоящее чудовище. Онъ не перебѣгалъ съ одной стороны улицы на другую, какъ дѣлають болѣе робкіе предатели, но шелъ прямо впередъ, выпячивая грудь, размахивая руками и изрыгая хулу. Однажды онъ встрѣтился со мной на Невскомъ, но даже не поздоровался, хотя мы много лѣтъ не видались, а только погрозилъ мнѣ пальцемъ. Стало быть, даже относительно стараго однокашника онъ уже не считалъ себя обязаннымъ стѣсняться. Любимою его поговоркою въ то время было: „насъ не обманешь, мы сами тамъ были“; — и онъ повторялъ ее съ неизреченнымъ нахальствомъ чловѣка, который вполне убѣжденъ, что онъ до того негодяй, что можетъ сказать себѣ: ну чтожъ! негодяй, такъ негодяй!

Какую массу злыхъ, постыдныхъ и, въ сущности, бесполезныхъ дѣлъ совершилъ онъ въ короткое время, — это трудно перечислить. Плакали отцы, плакали матери, а онъ, сильный мѣднымъ лбомъ и съ камнемъ въ груди, шелъ дальше и дальше вглубь. Онъ достигъ того адскаго равновѣсія, что уже не мстилъ за свои прежнія переодѣванія, но указывалъ на нихъ, какъ на подготовительный матеріалъ: вотъ, молъ, черезъ какую школу я прошелъ! Сами товарищи по ремеслу дивились ему; нѣкоторые его сдерживали, но большинство благоговѣло передъ нимъ.

— Всякій изъ насъ, говорили они, — имѣетъ какую-нибудь личную исходную точку. Иной сводить счеты за прошлыя обиды, другой — ради семьи хлопочетъ, третій — сословный интересъ стережетъ. У Скорнякова — ничего назади нѣтъ. Онъ одинъ какъ перстъ; въ прошломъ никто его не обидѣлъ, никто ничего у него не отнялъ; о сословномъ интересѣ онъ и не знаетъ... Это единственный въ своемъ родѣ образецъ опричника безпримѣснаго, надрывающаго себя ради цѣлей, имѣющихъ только абстрактное значеніе.

Судебная реформа тоже не обошлась безъ него; но, разумеется, онъ предпочелъ стоячую магистратуру сидячей. Отмежевавши себѣ сферу внутренней политики, онъ обвинялъ безъоговорочно, хотя болѣе бойко, нежели доказательно. Въмѣсто доказательствъ и разбора побудительныхъ причинъ, у него были въ запасѣ заветныя слова, которыя заграждали уста защитѣ. И тѣмъ чаще пускалъ онъ ихъ въ оборотъ, тѣмъ больше преуспѣвалъ.

— И ничего другого не нужно! — повторяли хоромъ всѣ единомышленники: — коли любишь — прикажи, а не любишь — откажи. Безъ разговоровъ.

Только одинъ выжившій изъ ума членъ англійскаго клуба,

князь Селищевъ, ничего не уразумѣвъ изъ разсказовъ про успѣхи Скорнякова, выразился:

— Нынче, куда ни посмотришь—вездѣ хамы да крапивное сѣмя. Прежде были Кочубей, Панины, Долгорукіе, Голицыны, а нынче—Скорняковы да Боголѣповы. Хамъ онъ, ваптъ Скорняковъ, оттого ему и везетъ! А скоро придетъ пора — и санкюлоты явятся. Са іга... Я ужъ десять лѣтъ въ деревню поэтому не ѣзжу и дѣтей за границей держу...

Конечно, Скорняковъ первый посмѣялся, услышавъ разсказъ объ этой княжеской бутадѣ, однако, на всякій случай, помѣстилъ въ своей записной книжкѣ замѣточку: „князь Селищевъ—выжившій изъ ума старикъ, но дѣти его“...

Въ послѣднее время Скорняковъ, повидимому, утомился. Приобрѣлъ прекраснѣйшее (хотя и не первенствующее) служебное положеніе и подаетъ мудрые совѣты. Но изъ всѣхъ его совѣтовъ самый ясный и отчетливый выражается въ двухъ словахъ: „искоренить и истребить“. И ему внимаютъ, и, быть можетъ, недалеко время, когда онъ...

Онъ помнитъ, что князь Селищевъ называлъ его хамомъ, и крѣпко надѣется, что это званіе послужитъ ему рекомендательнымъ письмомъ. По временамъ глаза его источаютъ блудящіе огни, и онъ безсознательно бормочетъ: „буду — не буду, буду — не буду“...

Будетъ?!

Вторая категорія пестрыхъ людей — это люди, замученные жизнью. Жизнь къ нимъ пришла въ видѣ западни, изъ которой они не имѣютъ ни силъ, ни умѣнья выбраться. Попались и бьются тамъ, не подавая голоса.

Въ послѣднее время такихъ людей развелось очень много. Всякій пестрый человѣкъ первой категоріи приводитъ за собой массу подневольныхъ. Живутъ они особнякомъ, и при встрѣчѣ съ старыми знакомыми мгновенно исчезаютъ. Но что они переживаютъ, оставаясь одни сами собой... что переживаютъ!! Каждый день приносятъ имъ къ исполненію новую измѣну, и каждый день они должны вынести эту измѣну на своихъ плечахъ, зная, что это измѣна, проклиная ее, и все-таки прикованные къ ней несокрушимую цѣпью. Отбывъ дневную жизненную повинность и подводя ей итоги, они должны сознавать, что все ими сдѣланное чуждо ихъ убѣжденію, что послѣднее затоптано въ грязь... какъ? почему?

А между тѣмъ это убѣжденіе несомнѣнно существовало и

даже нѣкогда составляло гордость и радованье жизни. И какъ нарочно, въ тѣ скорбныя минуты, когда прошлое уже затмилось настоящимъ, когда оно поругано и побито, памятливая совѣсть всего охотнѣе возвращается къ этому прошлому. Припоминаются былыя рѣчи, старые образы... все припоминается, все.

Ходить пестрый человѣкъ взадъ и впередъ по комнатѣ до усталости, до изнеможенія. Звонко. Пришелъ „посидѣть“ знакомецъ изъ „новыхъ“. Пришелъ, можетъ быть, для того, чтобы испытать сердце человѣческое и потомъ сфискалиить.

— Ну вотъ, и вы съ нами, — говорить онъ: — не правда ли, такъ-то лучше?

— Да, да, и я... конечно, конечно... Надо же.

— А читали вы записку, которую подаль L.?

— Да, да, читать... прекрасно, прекрасно.

— И какъ тонко дано почувствовать! И въ то же время горячо, съ огонькомъ!

— Да, тонко и, въ то же время, дѣйствительно... но, впрочемъ, намъ-то чтожь!

— Какъ чтожь? Мы вѣдь тоже въ этой колесницѣ значимся! Дѣло, стало быть, общее.

И такъ далѣе.

Посидитъ знакомецъ, выпьетъ чашку чая и уйдетъ. А новообращенный сидеть къ рабочему столу и начнетъ готовить работу къ завтрашнему дню. Изъ каждой строки этой работы явственно сочится одно слово: искоренить. Прежде онъ былъ сторонникомъ и ревнителемъ женскаго образованія, теперь — придумываетъ подвохи въ ущербъ ему; прежде онъ видѣлъ въ свободѣ величайшее благо человѣческихъ обществъ, теперь — онъ называетъ ее не иначе какъ разнузданностью; прежде онъ признавалъ судъ общественной совѣсти, какъ наилучшее мѣрило для оцѣнки человѣческихъ дѣяній, теперь — онъ утверждаетъ, что въ основѣ этого суда лежитъ одна анархія. И онъ излагаетъ это отчетливо, ясно, спѣша поспѣть къ сроку, ибо знаетъ, что завтра же всѣ эти новыя измышленія должны быть пущены въ ходъ. Одно только умѣряетъ его стыдъ — это нелѣпость написаннаго и надежда, что сама жизнь отвернется отъ нея.

Какимъ путемъ люди приходятъ къ такой раздвоенности мысли и чувства — все въ этомъ вопросѣ смутно и спутанно. Едва-ли, впрочемъ, тутъ не играетъ значительной роли недостатокъ матеріальныхъ средствъ и происходящая отъ того зависимость. Многие не придаютъ этому факту никакого значенія, и даже не безъ презрѣнія отзываются о немъ. И, въ большинствѣ случаевъ, это

презрѣніе идетъ отъ тѣхъ, которые исподлбья пускаютъ жадные взоры на виднѣющійся вдали пирогъ. Но не нужно забывать, что бѣдность и недовольство выброшеннымъ судьбою кускомъ есть фактъ до того безспорный, что ради него возникаютъ не только частныя преступленія, но общественная рознь, междоусобія и всевозможныя неурядицы. А еще менѣе надо забывать, что большинство людей состоятъ не изъ героевъ, а изъ простыхъ смертныхъ. Тамъ, гдѣ герой возвышается до самоотверженія, простой смертный ограничивается однимъ сочувствіемъ, дагѣ котораго его экспансивная сила не идетъ. Простой смертный есть зритель по преимуществу, и надо ужъ и то ставить ему въ заслугу, ежели зрѣлище самопожертвованія умиляетъ и согрѣваетъ его сердце любовью къ ближнему.

Затѣмъ, въ дѣлѣ подневольной апостазіи имѣютъ громадное значеніе жизненныя ошибки. Служеніе убѣжденію не терпитъ суеты. Оно строго до неумолимости, и въ своей логичности не пугается частныхъ крайнихъ выводовъ. Разъ допущенное уклоненіе уводитъ челоуѣка все дальше и дальше отъ предначертанной линіи, и возвратъ къ исходному пункту дѣлается не только труднымъ, но и немислимымъ.

Всѣ, которые вышли вмѣстѣ, уже далеко, да и возвратный путь исковерканъ и заваленъ наноснымъ хламомъ до того, что нужны нечеловѣческія усилія, чтобъ пробраться сквозъ трупобу. Приходится или оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ застало самосознаніе и горько сѣтовать на свое легкомысліе, или идти далѣе, все уклоняясь и уклоняясь, и совсѣмъ отдаться въ жертву мамонѣ.

Наконецъ, есть и третья причина: это внезапно охватившая общество со всѣхъ сторонъ паника. Законы, порождающіе панику и управляющіе ею, до сихъ поръ неизвѣстны. Она представляется намъ въ формѣ обезумѣвшаго пса, случайно сорвавшагося съ цѣпи. Она бѣжитъ впередъ, брызжа бѣшеною слюною и изъязвляя всѣхъ, кто стоитъ на ея пути. Происходитъ общій переполохъ; со дна общества поднимаются чудовища. Пареніе мысли, идеалы будущаго, чистота души—все погибаетъ въ этомъ адскомъ водоворотѣ, уступая мѣсто бѣшеному лаю и наглому смѣху остервенившихся чудовищъ. И нужно громадную силу воли, чтобъ устоять среди этой торжествующей душевной оголѣлости и не сдѣлаться хотя невольнымъ ея сообщникомъ. Цѣлая масса сложившихъ оружіе идетъ за колесницей побѣдителей, осужденная на рабство. И еслибы исторія не указывала на просвѣтъ изъ этой кромѣшной тьмы, то міръ давно былъ бы отданъ въ жертву безнадежности и отчаянію.

Разумѣется, я указалъ здѣсь лишь на самыя характеристическія черты процесса превращенія. Существуетъ множество другихъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ, которыя присущи каждому отдѣльному индивидууму. Но главнымъ двигателемъ все-таки является отсутствіе героизма.

Спрашивается: что такое героизмъ?

Позволяю себѣ думать, что героизмъ представляетъ собой явленіе вполне безспорное лишь въ примѣненіи къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, которыя обнажаютъ тайны природы и дѣлаютъ ихъ доступными для человѣчества. Люди, совершающіе полярныя экспедиціи, проникающіе въ неизвѣданныя страны, люди, проливающіе свѣтъ и благосостояніе въ темныя народныя массы—вотъ герои, которые, такъ сказать, пишутъ исторію человѣчества и производятъ въ его судьбахъ дѣйствительные повороты. Что же касается до героизма политическаго—то это явленіе преходящее, вызываемое данной минутой. И, быть можетъ, недалеко время, когда въ немъ не будетъ больше надобности. Исчезнутъ истязанія, умолкнуть вопли—и тогда, по истинѣ, наступитъ „время, всѣхъ освѣщающее“.

Третья категория—это plebs, или, какъ говорятъ въ сельскомъ хозяйствѣ, живой рабочій инвентарь. Это матеріалъ, который всякое новое вѣяніе находитъ готовымъ. Люди эти всѣмъ восхищаются, особливо стилемъ бумагъ и остротою пера. „Вотъ такъ загнулъ!“ восклицаютъ они въ восторгѣ: „поди, расклебай!“ Сплошной массой наполняя канцеляріи, они до того сродняются съ атмосферой „своего мѣста“, что перестаютъ даже различать, чѣмъ тамъ пахнетъ.

Грибоѣдовъ воспроизвелъ этотъ типъ въ своемъ безсмертномъ Молчалинѣ. Это человѣкъ, въ пленкахъ познавшій натискъ судьбы, и потому готовый отдать себя въ рабство кому угодно и куда угодно, готовый поклониться и истинному Богу, и пустому идолу, не имѣя ни способности, ни навыка проникать въ сущность вещей. Одно качество, которое до извѣстной степени смягчаетъ его суетливую готовность—это отсутствіе злостности. Все въ дѣятельности этихъ людей запечатлѣнно неразумнѣемъ и твердой рѣшимостью удержатъ за собой тотъ нищенскій кусокъ, который имъ выбросила судьба. Это неразумнѣе, эта прирожденная, несознанная приниженность спасаетъ ихъ отъ проклятій.

Тѣмъ не менѣе, вѣншіе признаки, въ которыхъ выражается то или другое вѣяніе, они отличаютъ прекрасно. Знаютъ, что Петръ Ивановичъ не то, что Ѳеодоръ Семеновъ, что каждый изъ

нихъ „загибаетъ“ по своему, и что за каждымъ слѣдуетъ своя свита. Понимаютъ, что когда Петръ Ивановичъ въ ходу, то Ѳедора Семеныча съ его свитой слѣдуетъ избѣгать, и наоборотъ. Умѣютъ опускать очи при встрѣчѣ, дѣлать видъ, что не узнаютъ или не замѣчаютъ, охотно прислушиваются къ слухамъ и въ особенности выказываютъ тревожное расположеніе духа передъ праздниками, когда Петры Ивановичи смѣняють Ѳедоровъ Семенычей, а Ѳедоры Семенычи—Петровъ Ивановичей. Не то, чтобъ они видѣли впереди какую-нибудь угрозу—безъ „насъ“ не обойдутся! говорятъ они съ гордостью, — но все-таки надо хоть накануне почиститься и перемѣнить бѣлье, чтобы хоть по наружности предстать въ новомъ образѣ.

Дѣятельной роли они не играютъ. Встаютъ съ мѣста, когда входитъ начальство, и садятся, когда оно уходитъ. Ежели начальниѣ—бель-омъ, то они радуются; ежели начальниѣ маленькій и мозглявый, то и тутъ не печалются, а говорятъ: „птичка не величка, да ноготокъ востеръ“. Всѣ начальники хороши, и все идетъ прекрасно въ наилучшемъ изъ міровъ. Нерѣдко имъ приходится совершать дѣла прямо вредныя; но такъ какъ сущность вещей закрыта для нихъ, то они всю свою дѣятельность вообще прикрываютъ словомъ: „мѣропріятіе“, и затѣмъ никакихъ душевныхъ тревогъ уже не ощущаютъ.

Ни въ обществѣ, ни въ публичныхъ мѣстахъ ихъ не встрѣтишь, кромѣ извѣстныхъ улицъ, которыя въ опредѣленные часы бываютъ запружены ими. Издали видно, какъ въ толпѣ людей всякаго наименованія спѣшить маленькій пестрый человѣкъ въ „свое мѣсто“, чтобы за утро пустить нѣсколько стрѣлъ въ невѣдомое пространство. Куда летать эти стрѣлы, кого они уязвляютъ—это тайна, въ которую онъ никогда не проникнетъ.

Дома онъ счастливъ. Рассказываетъ ходячіе канцелярскіе анекдоты и восхищается начальствомъ.

— Какая сегодня записка насчетъ либераловъ къ намъ отъ NN поступила—просто романъ!—сообщаетъ онъ женѣ.

— Расчухали, наконецъ!—радуется и жена.

— Да, пора таки, а не то... Вѣдь отъ нихъ все зло пошло! И такъ далѣе.

По праздникамъ онъ рѣжетъ пирогъ той самой рукой, которая невѣдомо кому разбила существованіе. Ежели у него есть дѣти, то онъ радуется на нихъ и спрашиваетъ, хорошо ли учили уроки, и довольны ли ими начальники. Этимъ людямъ никогда не приходитъ въ голову, что дѣти могутъ, со временемъ, ужаснуться той обстановки и тѣхъ разговоровъ, среди которыхъ они

выросли. Вообще, никакого представленія о той грызущей семейной боли, которая сторожитъ ихъ впереди, они не имѣютъ. Идутъ безъ ясно опредѣленной цѣли до тѣхъ поръ, пока боль сама не подкрадется и не заставитъ изойти кровью сердца ихъ. Вмѣстѣ съ этой болью подкрадутся и старческія немощи, и они будутъ изнемогать подъ этимъ двойнымъ бременемъ... опять-таки безъ разумѣнія.

И благо имъ; ибо разумѣніе не устраняетъ и не утѣшаетъ болѣе, а только мучительнѣе и мучительнѣе растравляетъ сердечныя раны.

Въ сущности, это прирожденныя жертвы общественнаго темперамента. Общество искони воспитало въ себѣ особую среду и заранѣе обрекло ее. Выходъ изъ нея представляетъ рѣдкую случайность, область которой нѣсколько расширилась лишь въ послѣднее время, благодаря большей доступности публичнаго образованія. Но въ то же время расширилась и область больныхъ мѣстъ.

Повторяю: всѣ три категоріи пестрыхъ людей одинаково вредны, каждая въ своей сферѣ, но люди двухъ послѣднихъ не могутъ не возбуждать сожалѣнія, хотя бы съ той точки зрѣнія, что, въ качествѣ рабовъ, они несутъ только иго апостазіи, не пользуясь ея осязаемыми благами. Въ награду за эту отрицательную заслугу судъ исторіи пройдетъ о нихъ молчаніемъ.

На этомъ я заканчиваю „Пестрыя Письма“.

Н. ЩЕДРИНЪ.

ТИПЫ ЛАТИНСКАГО КВАРТАЛА

I.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ.

Латинскій кварталъ, это—этнографическій музей. Нѣтъ разницы въ „одеждахъ“, но „какая смѣсь... лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“! Вотъ, съ виду безпечные, въ дѣйствительности же разсудительные, и тѣмъ не менѣе искренно-веселые, французы; вотъ, затянутые въ узенькіе скортучки, тоненькіе, неловкіе и стремящіеся быть веселыми, румыны; вотъ угрюмые, сумрачные и смотрящіе искоса греки; вотъ аляповатые, смуглые и нѣсколько недоумѣвающие арабы; вотъ, отличающіеся отъ другихъ поношеннымъ костюмомъ, русскіе; вотъ негры, испанцы, итальянцы, черные граждане республики Гаити, смуглыя дѣти республики Санъ-Доминго, бразильцы, ирландцы, американцы и т. д., и т. д. Всѣ страны свѣта сошлись на С.-Мишельскій бульваръ и всѣ чувствуютъ себя тамъ какъ дома. Каждая нація какъ будто перенесла туда свой климатъ: русскій кутается въ толстое ватное пальто и дрожить отъ холода; итальянецъ разстегиваетъ скортучъ и съ жадностью вдыхаетъ туманный воздухъ; лѣнливо, обливаясь потомъ, шествуетъ арабъ. Но каждая нація сохранила особое отношеніе къ новому дому: французъ искренно веселится; румынъ хочетъ показать, что ему весело въ „столицѣ міра“; грекъ будируетъ; арабъ въ недоумѣніи хлопаетъ глазами; русскій и итальянецъ говорятъ: „у насъ лучше!“ Нѣтъ только нѣмцевъ, и въ международной студенческой семьѣ элементъ „гороховой колбасы“ и отвлеченныхъ вопросовъ отсутствуетъ. Связь между членами этой семьи чисто внѣшняя. Нѣтъ общаго студенческаго интереса, нѣтъ

даже кружковыхъ интересовъ, нѣтъ корпорацій. Каждый бредеть въ-одиночку; сходятся для того, чтобы повеселиться, и это веселье не сдѣлываетъ дружбы, потому что завтра товарищами на пиру будутъ другія лица. Вся жизнь проходитъ на улицѣ, и, несмотря на то, общественной жизни нѣтъ. Улица не допускаетъ большихъ сборищъ, мало способствуетъ обсужденію теоретическихъ вопросовъ, не располагаетъ къ долгимъ спорамъ и интимности. На улицѣ можно наблюдать, можно изощрять свое остроуміе, можно даже цѣловаться, но говорить серьезно и „философіи туманной предаваться“ — нельзя. Нельзя, въ особенности, тремъ, четыремъ десяткамъ студентовъ. Двое, трое могутъ, пожалуй, и въ кафѣ найти мѣсто для споровъ, но они такъ и останутся двое: жизнь остальныхъ пройдетъ мимо нихъ.

Поэтому отношенія членовъ студенческой семьи до сихъ поръ остаются неопредѣленными и мало установившимися. Такой-то иностранецъ хорошо относится къ такому-то французу; французъ считаетъ этого иностранца своимъ пріятелемъ, но каковы ихъ отношенія, какъ студентовъ, для обоихъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Сегодня газетный листокъ неуважительно отозвался о студентахъ вообще, и на минуту найдена какая-то связующая нить. Надо протестовать, надо показать, что всѣ студенты солидарны между собою, что нѣтъ разницы въ національностяхъ, что „наука космополитична“, и т. д., и т. д. Французы уговариваютъ иностранцевъ соединиться съ ними и протестовать; иностранцы не понимаютъ, дѣйствительно ли дѣло касается ихъ, и потому въ большинствѣ воздерживаются отъ активнаго участія въ протестѣ. Тѣмъ не менѣе, ихъ принадлежность къ студенческой семьѣ, ихъ равныя права съ французами засвидѣтельствованы и признаны всѣми. Но черезъ двѣ-три недѣли новый газетный листокъ помѣщаетъ письмо, трагующее о вредѣ, приносимомъ иностранцами, и дѣло принимаетъ новый оборотъ. Французы протестуютъ уже противъ иностранцевъ, признанныхъ незадолго передъ тѣмъ равноправными; иностранцы молчатъ и негодуютъ; отношенія дѣлаются въ высшей степени натянутыми. Затѣмъ, изъ новаго газетнаго письма оказывается, что присутствіе иностранцевъ въ университетѣ дѣлаетъ честь странѣ, и наступаетъ полное смѣшеніе понятій: съ одной стороны „честь страны“, съ другой — „вредъ“; съ одной стороны „наука космополитична“, съ другой — „однимъ лучше“; съ одной стороны „professons la courtoisie française“, съ другой — „нельзя забывать и своихъ интересовъ“. Французы начинаютъ любезничать съ иностранцами, иностранцы отвѣчаютъ тѣмъ же; но ни тѣ, ни другіе ясно не

знають, противоположны или солидарны ихъ интересы. И такъ тянется до новаго экстраординарнаго событія...

Въ сущности, дѣло разрѣшается очень просто: ни противоположности, ни солидарности интересовъ нѣтъ, потому что, кромѣ внѣшней связи—одного заведенія, „всѣмъ разливающимъ свѣтъ“, —нѣтъ другихъ точекъ соприкосновенія. Въ „заведеніи“, какъ на большой дорогѣ, могутъ одинаково столкнуться „воинъ, купецъ и пастухъ“. Чтобы скоротать скучные часы пути, отчего же и не поговорить? Воинъ спроситъ: много ли у пастуха барановъ? купецъ справится: тяжела ли военная служба?—вздохнуть, покалякають, посмѣются, а затѣмъ: „будьте здоровы!“—купецъ забылъ, сколько часовъ въ день воинъ проводитъ подъ ружьемъ; воинъ никогда не вспомнитъ о существованіи пастуха и его барановъ. Совершенно такимъ же случайнымъ характеромъ отличаются разговоры и отношенія парижскихъ студентовъ. Разойдутся, и затѣмъ не вспомнится ни тема разговора, ни самъ собесѣдникъ...

Наука, собравшая сюда всѣ эти разнородные элементы, не можетъ служить достаточнымъ связующимъ звеномъ для ихъ соединенія. Студентъ еще слишкомъ мало посвященъ въ ея тайнства, чтобы жить одной ею, чтобы ради нея ломать копыя и проводить безсонныя ночи въ спорахъ. Исключительныя натуры, съ молодыхъ ногтей чувствующія въ себѣ таланты и призваніе научнаго жреца, держатся отдѣльно. Ихъ можно встрѣтить въ библіотекахъ и лабораторіяхъ; они съ удовольствіемъ будутъ говорить о наукѣ, готовы спорить изъ-за любимыхъ теорій цѣлые часы, но среди студентовъ они находятъ мало собесѣдниковъ. Другіе занимаются въ-одиночку, но, сходясь между собою, ищутъ другихъ темъ для разговора. Изъ вопросовъ, касающихся школы, сообща разрѣшается только то, чтó имѣетъ отношеніе къ экзаменамъ и экзаменаторамъ.

— Я провалился!—объявляетъ злополучный кандидатъ, подходя къ кофейному столику, за которымъ сидятъ его пріатели.

— Quel sale jury avez-vous eu!—говорятъ товарищи въ утѣшеніе.

— О чемъ васъ спрашивали?—интересуются другіе.

Кандидатъ отвѣчаетъ. Тема исчерпана, и всѣ переходятъ къ очередному порядку, т.-е. къ остротамъ, шуткамъ, веселымъ разговорамъ о веселыхъ дѣвицахъ, и т. д.

Наука, какъ нѣчто прикладное, наука, какъ разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ, парижскихъ студентовъ не занимаетъ, и самые эти вопросы чужды имъ. Почему? не знаю. Говорятъ,—

потому, что во Франціи нѣтъ самовара, и частная квартира представляет мало привлекательнаго. Можетъ быть; но, какъ бы то ни было, студентовъ приходится наблюдать только на улицѣ, и отъ этого представленіе о нихъ является неполнымъ и часто даже невѣрнымъ. Приѣзжающіе, напримѣръ, въ Парижъ русскіе, видя во всякое время дня толпу студентовъ, разгуливающихъ по С.-Мишельскому бульвару или праздно сидящихъ въ кафѣ, заключаютъ изъ этого, что французскіе студенты мало занимаются — заключеніе слишкомъ скорое и абсолютно невѣрное. Французскому студенту нельзя не заниматься уже по одному тому, что на немъ лежитъ масса обязательныхъ практическихъ работъ, безъ исполненія которыхъ онъ не можетъ быть допущенъ къ экзамену. Объ его занятіяхъ свидѣлствуетъ огромное обиліе курсовъ, которые необходимо пройти для того, чтобы маломальски преуспѣть на избранномъ поприщѣ. И онъ занимается, занимается часто очень усердно, но зато часы, свободные отъ занятій, проводитъ на С.-Мишельскомъ бульварѣ, въ Люксембургскомъ саду, во всевозможныхъ кафѣ, искренно веселясь, не заботясь о научныхъ вопросахъ и не имѣя серьезнаго вида русскихъ. Онъ умѣетъ создать предметъ для веселья изъ всего; ему необходимо, чтобы его окружали тѣ или другія лица; съ незнакомыми онъ можетъ такъ же свободно и весело придумывать всевозможныя parties de plaisir, какъ съ наилучшими друзьями. Его занятія, также какъ веселье, не обусловливаются присутствіемъ помощниковъ или товарищей: онъ умѣетъ такъ же самостоятельно работать, какъ веселиться. Онъ занимается одинъ и, если занимается серьезно, дѣлаетъ въ часъ больше, чѣмъ огромная часть русскихъ въ два-три часа. И это не зависитъ отъ степени развитія, большихъ способностей или „высокаго“ ума, присущихъ французамъ. Совсѣмъ нѣтъ. Французскій студентъ рѣдко поражаетъ высокимъ развитіемъ или чрезвычайными способностями. Но онъ умѣетъ работать, онъ умѣетъ сразу отличать нужное отъ ненужнаго, главное отъ побочнаго. Гдѣ онъ приобрѣлъ это умѣнье, — общій ли складъ французской жизни дѣлалъ его такимъ, или система воспитанія, — я не знаю. Но фактъ несомнѣненъ: французъ умѣетъ заниматься и, въ противоположность всѣмъ ходячимъ мнѣніямъ, занимается много...

Вообще о французахъ и особенно объ ихъ умѣньѣ работать у насъ имѣютъ совершенно невѣрное представленіе. Обыкновенно француза сравниваютъ съ англичаниномъ. По своей, будто, бы, необычайно нервной и увлекающейся натурѣ, французъ накидывается на работу и дѣлаетъ въ первые часы дня гораздо больше

англичанина; но затѣмъ наступаетъ охлажденіе; французъ едва работаетъ, и, въ концѣ концовъ, англичанинъ, который въ послѣдній часъ дѣлаетъ столько же, сколько въ первый, значительно опережаетъ француза. Я не знаю, какъ работаетъ англичанинъ; быть можетъ, представленіе о немъ такъ же невѣрно, какъ представленіе о французѣ. Но объ умѣньѣ работать послѣдняго свидѣтельствуютъ иностранные рабочіе, въ такомъ огромномъ количествѣ наводняющіе Парижъ. Французъ прежде всего никогда не накидывается на работу, не увлекается, но сповойно и хладнокровно обсуждаетъ, „съ какого конца взяться“. Но, разъ взявшись, онъ работаетъ такъ, какъ никто. Онъ не отойдетъ покурить, не перемолвится словомъ съ товарищемъ, не потеряетъ напрасно ни минуты. Сосредоточенно и серьезно работаетъ онъ до послѣдняго часа, а затѣмъ, какъ только кончилъ, онъ опять веселый собесѣдникъ, острякъ и балагуръ. Его трудъ интенсивнѣе труда итальянцевъ и нѣмцевъ; о русскихъ нечего и говорить...

Таковъ же и французскій студентъ. Разъ онъ рѣшилъ заниматься, онъ работаетъ, какъ волъ, не покладая рукъ и не отвлекаясь посторонними вопросами.

Но, самостоятельно работая и не нуждаясь въ чужой помощи, онъ не представляетъ такой самостоятельности въ мнѣніяхъ, міросозерцаніи и даже выраженіи мыслей. Въ немъ мало оригинальнаго, и изъ ста студентовъ девяносто-пять могутъ быть подведены къ одному типу. Остальные пять, обладая большей привязанностью къ наукѣ, политикѣ или литературѣ, имѣютъ, можетъ быть, другой отпечатокъ, но оригинальнаго и типичнаго и они представляютъ мало. Говорятъ, что такую же бѣдностью типовъ отличаются и другіе классы парижскаго общества; по крайней мѣрѣ, французская литература послѣдняго времени объ этомъ свидѣлствуетъ...

Что касается до иностранцевъ, то парижская атмосфера налагаетъ на нихъ свою печать. Общая разьединенность замѣтна и здѣсь. Студенты одной національности, въ большинствѣ случаевъ, знакомы другъ съ другомъ, но общаго интереса нѣтъ, и чѣмъ болѣе живетъ иностранецъ въ Парижѣ, тѣмъ менѣе крѣпкой дѣлается національная связь. Многие иностранцы (и это особенно замѣчается на маленькихъ національностяхъ: грекахъ, румынахъ и т. п.), пріѣзжающіе сюда на „выучку“, натурализуются и живутъ уже въ чисто французской средѣ, почти не видясь съ своими соотечественниками. Являясь сюда, они не приносятъ ничего своего; они учатся здѣсь не только наукѣ, но и жизни, быстро пріобрѣтаютъ французскія привычки и затѣмъ, извѣдавши сладкаго, уже не хо-

тять вкушать горькаго. Национальности, имѣющія претензію на „устой“: русскіе, американцы, англичане,—рѣдко мѣняютъ подданство, живутъ въ средѣ своихъ соотечичей, но отъ этого жизнь ихъ національнаго парижскаго кружка не становится оживленнѣе и богаче. Французская жизнь отъ нихъ далека: ея тревоженія, стремленія и радости имѣютъ семейный характеръ; принять въ нихъ страстное участіе, не сжившись со всѣмъ, что ихъ обуславливаетъ, трудно. Родина—еще далѣе, и для образованія національнаго кружка нѣтъ достаточнаго связующаго интереса. Первое время послѣ приѣзда проходитъ въ безплодныхъ попыткахъ устроить какое-нибудь свое дѣло, найти связь, могущую сплотить разрозненные элементы одной національности. Но кромѣ денежнаго интереса — кассы для помощи студентамъ одной національности — ничего не находится, и дѣло идетъ по прежнему: въ-разбивку, въ-разбродъ, въ-одиночку...

Года два назадъ у французскихъ студентовъ явилась мысль основать студенческое общество. Въ кругъ вѣденія этого общества входили всѣ студенческія дѣла: взаимопомощь, вопросы чести, лекціи, конференціи, и т. д. Черезъ нѣсколько дней послѣ возникновенія этой мысли общество было основано. Оно открылось подъ названіемъ: Association générale des étudiants. Но прошло уже два года, а общество не насчитываетъ и 400 членовъ изъ 10 тысячъ студентовъ, населяющихъ Парижъ. Очевидно, кружковая жизнь мало отвѣчаетъ характеру французовъ...

Поэтому и наблюденія надъ жизнью Латинскаго квартала по-неволѣ отрывочны, и если послѣдующіе типы мало характеризуютъ свою среду, то виною этому служитъ невозможность соединить ихъ въ одно цѣлое, потому что и въ дѣйствительной жизни они такъ же изолированы и разбросаны, какъ въ этихъ очеркахъ...

II.

Москѣ Эписье.

Если вы хотите составить себѣ понятіе объ очень распространенномъ типѣ французскаго студента, познакомьтесь съ моимъ пріятелемъ, m-г Эписье. Онъ, правда, получилъ среднее образованіе въ провинціи, всего лишь два года живетъ въ Парижѣ и числится только на второмъ курсѣ медицинской школы; тѣмъ не менѣе въ немъ соединилось все, что характеризуетъ парижанина-студента: искренняя веселость съ осмотрительностью, беззаботность съ расчетливостью, остроуміе съ рутинерствомъ, изящество

съ умѣренностью и аккуратностью. Всѣ эти разнообразныя свойства живутъ въ немъ, нисколько не противорѣча другъ другу и не дѣлая его носителемъ сомнѣній и внутренней борьбы...

Вотъ онъ, свѣженькій, чистенькій, веселый, съ портфелемъ подъ мышкой и тросточкой въ рукѣ, только-что выбѣжалъ изъ парикмахерской, гдѣ, по заведенному обычаю, онъ чешется каждое утро. Онъ торопится на лекцію. Градуса три мороза, вѣтеръ сѣверный, хмурое небо грозитъ снѣгомъ, но ему не холодно: морозъ только сильнѣе окрашиваетъ его, и безъ того свѣжія, щеки, вѣтеръ не страшень, сѣрое небо не наводитъ на грустныя мысли. Онъ провелъ вчера бурный вечеръ, но ни слѣда усталости, ни тѣни *dégout* не видно на его лицѣ: онъ не перешелъ границы.

Вотъ медицинская школа. Желѣзная рѣшетка съ каменными воротами отдѣляетъ улицу отъ храма науки. Квадратный дворикъ служить преддверіемъ къ нему. Бронзовая статуя Бишпа, мучительно схватившаяся одной рукой за животъ, держащая въ другой свальпель, какъ бы для того, чтобы извлечь оттуда злую болѣзнь, указываетъ на то, съ какимъ заведеніемъ имѣешь дѣло. Эпископъ вбѣгаетъ по лѣстницѣ, надъ которой написано: „*Grand amphithéâtre*“. Восторженные крики поднимаются въ аудиторіи при первомъ его появленіи; ему рады, ему шлютъ привѣтствія, он *l'acclame*.

— *Tes-tu bien amusé hier?*—слышится съ одной скамьи.

— *Ah, bête noire des sergôts!*—раздается съ другой.

— *Viens ici, je vais te raconter quelque chose,* — приглашаютъ съ третьей.

Онъ не потерялся. Для каждаго у него есть отвѣтъ.

— *Je ne vous dis, que ça!*—кричитъ онъ первымъ.

— *Ferme ta boîte!*—отвѣчаетъ онъ вторымъ.

— *Je vais où m'appelle l'amour de ma belle!*—декламируетъ онъ, направляясь къ третьимъ.

Онъ усаживается, рассказываетъ о вчерашнемъ вечерѣ; ему передаютъ свои похождения въ томъ же родѣ; смѣхъ, общее довольство. Онъ самъ такъ же привѣтствуетъ новыхъ приходящихъ, какъ привѣтствовали его. Но вотъ входитъ женщина-студентка. Она на минуту останавливается, ища глазами свободного мѣста, и этой минуты достаточно для того, чтобы привести въ движеніе весь амфитеатръ. Крики, аплодисменты, свистки, свабрѣзныя пѣсни, нечленораздѣльные звуки сливаются въ одинъ общій шабашъ, въ Карамзинскій „ревуцій концертъ, оглушающій душу“. Эпископъ бѣснуется; онъ хлопочетъ больше всѣхъ, онъ за-

тягиваетъ пѣсню, которую не подхватываютъ только иностранцы да лѣнныя по природѣ. Онъ остритъ, онъ припрыгиваетъ на мѣстѣ, стучитъ тростью, высоко поднимаетъ шляпу и иронически кланяется пришедшей студенткѣ. Вотъ другая. Ее привѣтствуютъ точно такъ же; порнографическая пѣснь приобретаетъ еще болѣе игривый характеръ. „Pourquoi viennent-elles ici, ces bas-bleux-là?“ —громко кричитъ Эписье, обращаясь къ сосѣду. Въ эту минуту онъ ненавидитъ студентовъ всѣми силами души. „La femme doit nous charmer“, авторитетно говоритъ онъ въ отвѣтъ на заявленіе товарища-иностранца: „laissez les faire!“ Онъ въ жару спора, онъ разбираетъ женскій вопросъ и выкладываетъ всѣ свои аргументы. „Назначеніе женщины,—кричитъ онъ,—нравится намъ, заниматься хозяйствомъ и faire les enfants. Вы желаете разврата, вы хотите, чтобы, подъ предлогомъ визита къ больнымъ, жена-докторъ шла къ любовнику. Вы отрицаете семью. Vous voulez dépeupler la France: развратная женщина не можетъ имѣть дѣтей; къ тому же, какъ докторъ, она знаетъ средства, какими отъ нихъ избавиться. Лучшія чувства исчезнуть: невинность дѣвушки и volupté жены. Qui fera le ménage? Вы сами будете готовить супъ? Вы“...

Его прерываютъ. Какая-то студентка проситъ снять портфель, чтобы очистить ей мѣсто. Онъ схватываетъ портфель, быстро проводитъ по своимъ коротко-остриженнымъ волосамъ и любезно обращается къ сосѣдѣ съ какимъ-то замѣчаніемъ. Онъ предлагаетъ ей ножикъ для того, чтобы очинить карандашъ, сообщаетъ нѣкоторыя notes, которыя она не успѣла взять въ прошлый разъ, говоритъ о погодѣ, о предстоящей лекціи, о практическихъ работахъ; онъ вѣжливъ и предупредителенъ. Но, вотъ, вошла новая студентка; онъ кричитъ, аплодируетъ, свиститъ и бьетъ въ тактъ тростью. Онъ забылъ о сосѣдѣ, онъ вновь исполненъ негодованія къ „этимъ синимъ чулкамъ“...

Проставъ съ серебряной цѣпью на шеѣ и достоинствомъ въ походѣ въводитъ профессора. Аплодисменты по адресу послѣдняго смѣняются протестъ противъ женщинъ. Раскрываются тетради, скрипятъ перья, быстро бѣгаютъ карандаши. Строчатъ всѣ французы; они записываютъ извѣстное такъ же, какъ неизвѣстное, важное, какъ и неважное, находящееся въ обще-распространенныхъ учебникахъ такъ же, какъ то, что можно найти лишь въ специальныхъ журналахъ. „Не стоить ходить на лекціи, не записывая“, говорятъ они. Они строчатъ, не отрываясь; тишина почти ничѣмъ не нарушается. Но, вотъ, профессоръ употребилъ слово: „français“; за нимъ слѣдуетъ болѣе или менѣе лест-

ный эпитетъ. Знакъ поданъ, тетрадки оставлены, карандаши и перья заложены за ухо, ладони краснѣютъ отъ оглушительныхъ аплодисментовъ; патриотическій восторгъ не знаетъ границъ. Затѣмъ, опять скрипъ перьевъ, чинка карандашей, перелистываніе тетрадокъ; изрѣдка легкій звѣнокъ и тихое замѣчаніе, обращенное къ товарищу: „comme je m'embête ici!“...

Лекція окончена, notes взяты, и Эписье доволенъ и счастливъ. Онъ не заглянетъ въ свою тетрадку ни сегодня, ни завтра, не заглянетъ даже передъ экзаменомъ. Но быть студентомъ и не брать notes, считается птенцомъ „перваго въ свѣтѣ факультета“ и не записывать, протестовать противъ женскаго образованія и не имѣть дома цѣлой массы тетрадокъ, крючки и условные знаки которыхъ непонятны для самого ихъ владѣльца,—это значитъ не хранить въ себѣ традицій Латинскаго квартала, не имѣть права на высокое званіе „étudiant en médecine“. На лекціяхъ надо присутствовать, notes необходимо брать—таковъ неписанный законъ; выносить же что-нибудь съ лекціи и читать записанныя notes, или нѣтъ,—предоставляется усмотрѣнію cadaго...

Итакъ, на время обязательное окончено; Эписье можетъ идти завтракать въ ресторанъ, которому онъ вѣренъ уже полтора года. Затѣмъ, опять лекціи или практическія работы. Во все это время онъ не покидаетъ портфеля; онъ перебѣгаетъ отъ профессора къ профессору, съ лекціи на лекцію, изъ одной лабораторіи въ другую, видясь съ товарищами, рассказывая о вчерашнихъ похожденияхъ, проектируя новыя и ни на минуту не теряя веселости и довольства. Изъ хорошаго, ровнаго настроенія духа его ничто не можетъ вывести...

Трудъ оконченъ; настало время отдыха и веселья. Въ шесть часовъ—обѣдъ; послѣ обѣда — brasserie. Здѣсь одна изъ прислужницъ пользуется его особымъ вниманіемъ и, въ свою очередь, даритъ его своимъ. Съ нимъ нѣсколько товарищей; всѣ спрашиваютъ по кружкѣ пива. Двѣ-три служанки садятся съ ними; начинаются разговоры, остроты, смѣхъ. Служанки безпрестанно вскакиваютъ, чтобы разносить пиво по другимъ столикамъ, сидѣть на колѣняхъ требующихъ того посѣтителей и возвратиться на колѣни временно покинутыхъ друзей...

Десять часовъ. Вся компанія, начиная съ восьми часовъ, выпила только по одной кружкѣ пива на брата. Пора подниматься и идти въ Бюлье.

Это—публичный балъ. Подъѣздъ освѣщенъ дюжиной газовыхъ фонариковъ; два полицейскихъ стоятъ у входа; огромныя зеленныя афиши повѣствуютъ о прелестяхъ бала. Лѣстница въ деся-

тоѣ ступеней ведетъ въ огромную, раздѣленную двумя рядами колоннъ на три части залу; налѣво—оркестръ, направо—барьеръ, за которымъ во всю длину залы тянется буфетъ. Кокотки, альфонсы, переодѣтые полицейскіе, студенты, шпіоны, мелкіе лавочники и опять кокотки, опять альфонсы, опять переодѣтые мушары,—такова публика, наполняющая залу. Съ крикомъ, шумомъ, гикомъ все это несется мимо подъ веселые звуки Левока; стучать каблуки, развѣваются платья, блестятъ обнаженные плечи, высоко поднимаются ноги,—все сливается въ одинъ непрерывно вертящійся калейдоскопъ. Изрѣдка надъ всей сумятицей, покрывающей жалкій пискъ скрипки, топанье каблукъ и подпѣванье, раздается крѣпкое слово, прозвучитъ рѣзкій звукъ пощечины, толпа сомкнется въ одномъ мѣстѣ, блеснетъ шапка городского,—но прошла минута, и все вновь несется и кружится въ отуманивающемъ голову вихрѣ...

У новичка можетъ закружиться голова, но Эписье не новичокъ: ему 21 годъ, а въ эти годы уже знаютъ все. Онъ знаетъ, на примѣръ, что во всей этой кружащейся и прыгающей, повидимому до самозабвенія, толпѣ нѣтъ и половины такихъ, которые дѣйствительно увлекались бы танцами и баломъ. Онъ знаетъ, что, на примѣръ, этотъ альфонсъ съ жиденькой щетинкой жесткихъ волосъ на губѣ, съ испитымъ землистымъ лицомъ, съ безпобойнымъ блескомъ въ глазахъ, полузакрытыхъ козырькомъ трехэтажной шелковой фуражки, несмотря на все усердіе, съ которымъ онъ выдѣлываетъ самыя замысловатыя канканныя штучки, не смотря на все свое кажущееся увлеченіе, думаетъ лишь о томъ, сколько денегъ принесетъ ему та декольтированная дѣвица, которую онъ любезно уступилъ другому. Знаетъ Эписье, что эта декольтированная дѣвица устала, устала не только отъ сегодняшняго вечера, но отъ всей своей трудной сорокалѣтней жизни, что этой усталости не можетъ скрыть ни толстый слой дешевыхъ румянъ, ни напускное веселье, ни тѣ граціозные подходы, которые употребляетъ она, чтобы показать кавалеру всѣ свои прелести. Знаетъ Эписье, что новый альфонсъ, посадившій на свои плечи даму и прохаживающійся съ ней по залѣ подъ веселые возгласы провожающей его компаніи, подвигнутъ къ этому не внезапно сошедшимъ вдохновеніемъ, а расчетомъ и привычкой: такъ же ходилъ онъ съ ней въ прошлый четвергъ, такъ же будетъ ходить въ слѣдующую субботу. Однимъ словомъ, онъ знаетъ все. Шумная обстановка, голыя плечи, высоко взлетающія ноги, безшабашный танецъ и висающій въ воздухѣ запахъ пива и пуб-

личнаго дома не пьянать его. Ему весело, онъ въ своей атмосферѣ, но увлекаться и пьянѣть — для чего?...

Вотъ у одной изъ колоннъ, нагнувшись всѣмъ корпусомъ къ почти-обнаженной дамѣ, стоитъ высокій армянинъ. Глаза его налились кровью, ноздри раздуваются, голосъ дрожитъ, языкъ едва произноситъ слова, приглашающія даму идти къ нему на квартиру. Дамы ломается; она дѣлаетъ видъ увлеченной баломъ и, соблазнительно поводя бѣлыми плечами, отказывается отъ предложенія. Армянинъ наверху волненія, онъ болѣе не можетъ выдержать. „Ходы!“ кричитъ онъ, выкатывая красные бѣлки глазъ. Дамы не обнаруживаетъ ни малѣйшей готовности слѣдовать приказанію. „Аллоны!“ поправляется армянинъ, вспомнивъ, что собесѣдница не понимаетъ по-русски и чуть не силой заставляя ее встать. Дамы, наконецъ, позволяетъ увести себя. Парочка удаляется; Эписье насмѣшливо глядитъ имъ вслѣдъ; благодаря своему волненію, дуракъ-армянинъ заплатитъ 30 франковъ за то, что не стоитъ десяти...

Вотъ только-что пріѣхавшій русскій, *prude et austère*, какъ истинный сѣверный варваръ, фыркаетъ на все и не скрываетъ отвращенія, глядя на сорокалѣтнюю дѣвицу. Эписье и его провожаетъ насмѣшливымъ взглядомъ: дуракъ не находитъ удовольствія тамъ, гдѣ все располагаетъ къ веселью! Дѣвица бросаетъ на него соблазнительные взоры. „*Vielle garde!*“ кричитъ Эписье, съ хохотомъ проходя мимо ругающейся матроны.

Вотъ компанія румынъ сидитъ за столикомъ и угощаетъ двухъ, одѣтыхъ въ трико, женщинъ. Всѣ порядкомъ пьяны; два столба блюдечекъ по краямъ столика указываютъ на количество выпитыхъ бокаловъ. Эписье и ихъ не можетъ пройти безъ надлежащей оцѣнки: пьютъ, дурачье, пиво здѣсь, гдѣ оно втрое дороже, да еще напиваются пьяны! Онъ дозволяетъ себѣ пить пиво въ Бюлье только въ крайнихъ случаяхъ, только тогда, когда благоразумной экономіей, откладывая ежедневно отъ обычныхъ расходовъ по франку, онъ скопилъ лишнихъ 20—25 франковъ. Достаточно того, что онъ истратилъ франкъ за входъ и заплатилъ въ *brasserie* 60 сантимовъ за два бока, которыми угостилъ себя и свою возлюбленную. Удовольствія можно покупать много дешевле...

И, вотъ, онъ ходитъ съ своими пріятелями по огромной залѣ Бюлье и весело перекидывается шуточками съ знакомыми и незнакомыми женщинами.

Къ концу вечера общее веселье дѣйствуетъ на него нѣсколько возбуждающимъ образомъ. Ему приходитъ въ голову гениальная

идея: по выходѣ изъ залы, начать бить альфонсовъ. Онъ передаетъ свою мысль пріятелямъ. Геніальная идея находитъ отзывъ въ каждомъ сердцѣ. „Нась мало!“ слышится возраженіе. „Поищемъ, найдемъ!“ раздается отвѣтъ. Начинаются поиски студентовъ по всей залѣ. „Allons battre les maquereaux!“ приглашаютъ знакомаго и незнакомаго студента. Всѣ согласны; компанія растеть. Около сорока человѣкъ выходятъ вмѣстѣ изъ залы. Двадцать представительницъ женскаго пола сопровождаютъ ихъ.

Свѣжій вѣтерокъ нѣсколько приводитъ въ себя пылкіе мозги.

— Нась мало! — слышится робкій голосъ одного.

— Нась мало! — повторяетъ цѣлый десятокъ сразу.

— Нась мало! — рѣшаютъ всѣ.

Въ избобрѣтательной головѣ быстро сформировывается новая *partie de plaisir*.

— Господа, устроимъ мондмъ!

— Мондмъ, мондмъ!

Всѣ, и мужчины, и женщины, выстраиваются гуськомъ, кладутъ другъ другу руки на плечи и медленно спускаются по С.-Мишельскому бульвару. Два встрѣчныхъ сержанта уговариваютъ ихъ разойтись. Послѣ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе горькихъ, словъ съ той и другой стороны, студенты уступаютъ. Мондмъ разсѣянъ, и отдѣльные члены его идутъ группами по два, по три...

Уже около 12-ти часовъ. Эписье торопится домой: *femme de brasserie*, которую онъ угощалъ пивомъ, должна придти...

На слѣдующій день онъ съ восторгомъ рассказываетъ пріятелямъ: „*pous pous sommes bien amusés hier à Bullier!*“...

Таковъ его день. Завтра онъ проведетъ точно такъ же; послѣ-завтра, вмѣсто Бюлье, пойдетъ въ другую *brasserie*; еще черезъ день будетъ въ компаніи ходить по С.-Мишельскому бульвару и заигрывать съ проходящими женщинами. Иногда, для разнообразія, онъ посадитъ себѣ на плечи свою возлюбленную и будетъ съ ней прохаживаться по Люксамбургскому саду, къ общей радости пріятелей и негодованію полицейскихъ сержантовъ. Онъ уступитъ настояніямъ послѣднихъ и поставитъ возлюбленную на землю, потому что долго препираться съ полиціей, когда „насъ мало“, онъ не любитъ. Вообще онъ не питаетъ пристрастія къ тѣмъ приключеніямъ, которыя оканчиваются кутузкой. Онъ знаетъ мѣру и всегда останавливается во-время.

Сегодня онъ угоститъ свою возлюбленную обѣдомъ; завтра онъ ей купитъ шляпку, но послѣ-завтра онъ ей не дастъ ничего; онъ не выйдетъ изъ бюджета и не спуститъ въ одинъ вечеръ

мѣсячной получки изъ-за увлеченія прекрасными глазами или богатыми формами. Онъ оцѣниваетъ и то, и другое; тому и другому онъ воздастъ должное; но голодать и щелкать зубами изъ-за минутнаго удовольствія онъ не будетъ: пусть этимъ занимаются непрактичные дураки. Онъ живетъ съ своей возлюбленной, смотря сквозь пальцы на то, что она его обманываетъ, изрѣдка измѣняя ей, когда это не сопряжено съ большими расходами; иногда давая ей деньги, по большей же части ограничиваясь недорогими обѣдами, завтраками или бокалами пива. Когда она ему надоѣстъ, онъ пишетъ лаконическую записку: „Je sais tout!“ — и переноситъ свои симпатіи на другую въ томъ же родѣ...

Онъ любитъ Францію. Онъ не можетъ равнодушно слышать слово: *français* безъ того, чтобы не аплодировать и не дѣлать восторженныхъ жестовъ. „Знаете ли, — поучаетъ онъ какого-нибудь иностранца, — мы первые принесли свѣтъ въ міръ“. „*Nos voisins sont jaloux*, — говоритъ онъ другому; — *mais la France s'en fiche pas mal*“. „Нѣмцы, — разъясняетъ онъ третьему, — во всемъ подражаютъ французамъ; у нихъ хорошихъ ученыхъ нѣтъ. Кохъ подражаетъ Пастѣру, гистологи все списываютъ у Биша“... Онъ не можетъ выносить ничего нѣмецкаго: ни нѣмецкаго языка, ни нѣмецкихъ теорій, ни нѣмецкой науки. Онъ — патріотъ по преимуществу...

Вотъ медленно, едва пробиваясь сквозь массу омнибусовъ, камионовъ и каретъ, спускаются по бульвару погребальныя дроги. Бѣлые, лиловые, черные и желтые вѣнки не гармонируютъ съ бѣднымъ, простымъ гробомъ, покоящимся на дрогахъ. Не гармонируетъ съ нимъ и густая толпа друзей и родныхъ, которая тихо, въ стройномъ порядкѣ, безъ шляпъ, идетъ позади. Прохожіе облачаютъ головы; усердныя католички крестятся; полицейскіе сержанты отходятъ въ сторону. Снимаетъ шляпу и Эписье. Но вдругъ взоръ его загорается ненавистью. Онъ замѣтилъ нѣчто, способное взволновать кровь, смутить расчетливый разумъ, отнять хладнокровіе и невозмутимость. Это нѣчто — надпись на одномъ изъ вѣнковъ: „Нѣмецкіе рабочіе французскому гражданину“. Нѣмцы въ Парижѣ! Нѣмцы осмѣливаются подносить вѣнокъ! Нѣмцы чествуютъ француза! Паденіе Пеліона и Оссы, взрывъ Пантеона, выходъ Сены изъ береговъ не могли бы поразить его въ такой степени, какъ эта простая надпись, указывающая на то, что есть нѣмцы, преисполненные добрыхъ чувствъ къ французамъ. Онъ бѣжитъ въ сосѣднее кафе, онъ кличетъ кличетъ, онъ объясняетъ, въ чемъ дѣло. За нимъ выходятъ десятки студентовъ; всеобщее волненіе, всеобщій ужасъ и негодованіе. Обойдены всѣ

сосѣднія кафе, и толпа, человѣкъ въ двѣсти, быстро догоняетъ гробъ. „A bas la cougonne! — кричитъ она, поровнявшись съ нимъ: — à bas les allemands! vive la France!“ Но злополучный вѣнокъ продолжаетъ красоваться надъ дорогами; толпа знакомыхъ и друзей покойнаго плотнѣе смыкается около гроба и медленно двигается, не давая къ нему дороги. Начинаются попытки овладѣть вѣнкомъ; летятъ камни, слышатся ругательства; но толпа, идущая за гробомъ, не отвѣчаетъ; она застыла въ своемъ уваженіи къ покойнику и молчить, не удостоивая вниманіемъ криковъ и ругательствъ. Раздраженіе патриотовъ растетъ. Попытки становятся энергичнѣе, толчки сильнѣе, камни больше. Спокойствіе непріятеля начинается колебаться; онъ пробуетъ дѣйствовать уговорами; онъ указываетъ на неприличіе криковъ и драки въ виду мертваго тѣла и скорби родныхъ; онъ слегка отстраняетъ наиболѣе энергичныхъ. Но ничто не дѣйствуетъ. Тогда терпѣніе непріятеля истощается: онъ, въ свою очередь, бросается на нападающихъ. Нѣсколько сильныхъ ударовъ, нѣсколько хорошихъ толчковъ, и студенты спасаются по сосѣднимъ улицамъ. Процессія спокойно движется дальше. На полѣ битвы остается нѣсколько шляпъ, тростей, портфелей да два-три барахтающихся тѣла. Эпископъ въ томъ числѣ: у него подбиты глазъ, ушиблено колѣно и смятъ вчера купленный цилиндръ. Съ легкимъ стономъ поднимается онъ съ своего твердаго ложа и осматривается по сторонамъ. Такого исхода онъ не ожидалъ; онъ думалъ, что въ рѣшительный моментъ въ дѣло вмѣшается полиція и заставитъ снять, раздражающій гражданскія чувства, вѣнокъ. „Il n'y a plus de patriotes“, говоритъ онъ, горестно смотря на смятый цилиндръ... Вечеромъ, идя съ товарищами по С.-Мишельскому бульвару, онъ кричитъ: „à bas Camescasse!“...

Онъ имѣетъ идеалы и извѣстный, до мельчайшихъ подробностей, планъ будущей жизни. Въ нынѣшнемъ году онъ будетъ только веселиться, въ будущемъ — веселиться и заниматься. Трудъ его не страшитъ. Разъ начавши работать, онъ будетъ продолжать усердно и успѣшно. Онъ не отличается чрезмѣрными способностями, но съ дѣтства приобрѣлъ привычку самостоятельно работать. Онъ, конечно, не будетъ проводить безсонныя ночи надъ книгами (это такъ вредитъ здоровью!), но сумѣетъ удачно комбинировать веселье съ занятіями. Черезъ два года онъ намѣренъ сдавать конкурсъ на interne des hôpitaux. Въ этой должности получаютъ 50 франковъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; вмѣстѣ съ получаемыми отъ родителей деньгами это составитъ не мало: тогда можно будетъ угощать Suzanne по воскресеньямъ у

Дюваля. По окончаніи курса, онъ женится непременно на молодой дѣвицѣ, только-что вышедшей изъ монастыря, и непременно съ приданымъ. Черезъ жену онъ приобрететъ и clientèle. Иногда его мечты простираются дальше: ему кажется возможнымъ сдѣлаться современемъ *médecin des hôpitaux*. Положеніе прочное и спокойное, огромная практика, по крайней мѣрѣ 40 франковъ за каждый визитъ—есть о чемъ мечтать и есть къ чему стремиться! Но на мечтахъ онъ долго не останавливается. Онъ знаетъ, что для успѣшнаго конкурса на *médecin des hôpitaux* нужна большая протекція. „Если приобрету протекцію черезъ жену, буду держать, — рѣшаетъ онъ; — а если нѣтъ, то званіе *ancien interne des hôpitaux* и жена и безъ того мнѣ доставятъ практику“.

Прежде, когда онъ не зналъ, что какой-то органическій недостатокъ избавляетъ его отъ военной службы, Эписье хотѣлъ конкурировать на званіе военнаго врача. Конечно, служить солдатомъ для этой France, si chère et si aimée, такъ благородно, такъ высоко, но... во всякомъ случаѣ... то-есть... если принять во вниманіе... епін, онъ рѣшилъ сдѣлаться военнымъ врачомъ для того, чтобы не быть солдатомъ. Мѣсто военнаго врача — очень хорошее мѣсто; черезъ столько-то лѣтъ достигаютъ такого-то чина съ такимъ-то жалованьемъ; еще черезъ нѣсколько лѣтъ—новый чинъ и еще большее жалованье; въ случаѣ отставки полагается пенсія. Эписье знаетъ размѣры послѣдней для каждаго чина, и очень доволенъ ими, потому что пенсія на старости лѣтъ, когда человѣкъ усталъ и не можетъ работать, очень полезная вещь...

Таковъ м-г Эписье. У него все разсчитано, взвѣшено и приспособлено. Ни одного лишняго су на удовольствіи; опредѣленное время досугу, опредѣленное—работѣ; мечта о пенсіи со студенческой скамьи, хорошая gente—идеаль жизни. Лавочка со всѣми ея аксессуарами замѣняетъ то, что у нѣмцевъ называется голубымъ цвѣткомъ, а у насъ—жгучими вопросами. Ахъ, зачѣмъ, въ патріотическомъ негодованіи, охотнорядскіе торговцы стремятся ограничить чуйкой и сапогами со сборками—право на благородныя чувства?! Могу ихъ увѣрить, что цилиндры вполне способны играть роль тѣхъ „шапокъ“, которыми у насъ принято „закидывать“ непріятеля; что борода еп pointe не мѣшаетъ имѣть смутныя свѣденія по географіи и считать собственную страну центромъ вселенной; что короткій пиджакъ и штиблеты знаютъ ариеметику не хуже сапоговъ бураками.

III.

МОСЬЕ ФУРШОНЪ.

Фуршонъ непохожъ на Эписье ни своей суетливостью, ни безпокойствомъ, ни постоянной переменной плановъ, ни нѣкото-рой неряшливостью въ костюмѣ. Если такихъ, какъ Эписье, много (я не рѣшаюсь сказать: большинство), то такихъ, какъ Фуршонъ, между французскими студентами очень мало. И однако, оставивъ въ сторонѣ разницу характеровъ, вы найдете въ нихъ одно и то же стремленіе, одну и ту же основную черту: устройство своей судьбы, помыслы о личномъ благѣ, о будущей карьерѣ составляютъ всю суть ихъ жизни. Возвышенныя идеи, отвлеченные вопросы, громкія слова, какъ: „общее благо“, „служеніе наукѣ“, „общественное переустройство“, — чужды имъ. Они искренни и не скрываютъ своей заботы о личной судьбѣ. Но Эписье идетъ тѣмъ путемъ, какой предначертанъ отцами; онъ не строитъ воздушныхъ замковъ, не питаетъ призрачныхъ надеждъ, не гонится за большимъ. Онъ не спекулируетъ, не затѣваетъ сразу нѣсколькихъ дѣлъ для того, чтобы обезопасить себя въ случаѣ неудачи одного. Онъ знаетъ, что все, задуманное имъ, должно удался, потому что выше своихъ силъ и способностей онъ не задумываетъ ничего. Вопросъ: „не лучше ли поступить иначе?“ никогда не приходитъ ему въ голову. Поэтому онъ спокоенъ, безмятеженъ и счастливъ. Фуршонъ не таковъ. Онъ не знаетъ, какой путь ближе и вѣрнѣ ведетъ къ жизненному благоустройству, и потому мечется изъ стороны въ сторону и ищетъ. Путь, указанный отцами, ему кажется недостаточно вѣрнымъ; но оставить его и вступить на другой — опасно; и вотъ онъ сразу идетъ по двумъ, спотыкаясь и шатаясь, и не видя конца дорогѣ...

Пока онъ весь живетъ конкурсами, онъ думаетъ лишь о конкурсахъ, онъ ищетъ конкурсовъ, онъ видитъ во снѣ конкурсы. Но вамъ надо знать, какую роль играетъ конкурсъ во Франціи. Онъ господствуетъ вездѣ. Конкурсъ необходимо пройти, чтобы сдѣлаться профессоромъ; съ нимъ надо имѣть дѣло, чтобы быть простымъ лаборантомъ; безъ него невозможно быть назначеннымъ учителемъ гимназіи, военнымъ врачомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — аптекаремъ. Отъ конкурса не избавлены дѣти 12—13-ти лѣтъ: не говоря уже о наградахъ, которыя выдаются по конкурсу, можно насчитать десятки школъ, куда доступъ возможенъ только по конкурсному экзамену. Нѣкоторыя должности требуютъ цѣ-

лаго ряда конкурсовъ, болѣе и болѣе трудныхъ, болѣе и болѣе сложныхъ. Для того, чтобы сдѣлаться госпитальнымъ хирургомъ, на примѣръ, надо, кромѣ цѣлой массы обыкновенныхъ студенческихъ экзаменовъ, пройти пять конкурсовъ: *externat*, *internat*, конкурсъ на званіе *aide d'anatomie*, *prosectorat*, наконецъ, *bureau central*. Не знаю, насколько разумна такая система, насколько излишняя спеціализація вредитъ общему развитію, насколько выигрываетъ или проигрываетъ наука, но мнѣ извѣстно, что на самихъ кандидатовъ она часто дѣйствуетъ пагубнымъ образомъ. Авторитеты парижской психіатріи, какъ, на примѣръ, Баль и др., приписываютъ огромное развитіе особой нервной болѣзни, извѣстной подъ именемъ *ragalyse générale*, системѣ конкурсовъ.

Самый способъ производства конкурсовъ часто заключается въ себѣ нѣчто необычайно дикое и противо-товарищеское. Письменные работы, на примѣръ, которыя производятся въ присутствіи надзирателей, читаются черезъ нѣсколько дней самими кандидатами вслухъ. Такъ какъ между тѣмъ временемъ, когда онѣ были написаны, и днемъ чтенія кандидатъ успѣваетъ ознакомиться съ предметомъ и можетъ при чтеніи исправить ошибки, вкравшіяся въ его работу, то контроль за нимъ поручается слѣдующему кандидату. Послѣдній поставленъ въ самое безвыходное положеніе: съ одной стороны, пропустить поправленную ошибку, значить дать сопернику лишній шансъ на успѣхъ; съ другой, обратить на нее общее вниманіе, значить сдѣлаться тѣмъ-то въ родѣ доносчика. Къ сожалѣнію, я не знаю исторіи этой системы, но почти увѣренъ, что послѣдняя черта придана ей въ царствованіе Наполеона III, подъ вліяніемъ общаго стремленія къ воспитанію особаго сорта слугъ отечества.

Какъ бы то ни было, но французы не замѣчаютъ утѣрки въ системѣ конкурсовъ, и чуть не съ колыбели начинаютъ къ нимъ готовиться. Одни смотрятъ на нихъ, какъ на суровую необходимость; другіе, по привычкѣ, совсѣмъ не разсуждаютъ о вредѣ или пользѣ конкурсовъ; третьи, наконецъ, относятся къ нимъ съ какой-то особенной любовью и увлеченіемъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ и Фуршонъ.

Онъ уже *licencié ès sciences physiques* (нѣчто не вполне соответствующее нашему кандидату физико-математическаго факультета), и ареной его дѣятельности должны бы быть химическая лабораторія и физическій кабинетъ. Но вы его можете встрѣтить вездѣ: въ медицинской школѣ, въ Сорбоннѣ, въ школѣ фармацевтовъ, въ *Collège de France*, на диссекціонныхъ работахъ, гербаризаціяхъ, экскурсіяхъ, экзаменахъ, и т. д. и т. д. Куда бы вы

ни пошли, онъ всегда здѣсь и всегда суетится, толкается, спѣшитъ, быстро, на ходу, говорить нѣсколько словъ и исчезаетъ, чтобы вновь вынырнуть тамъ, гдѣ вы его не ожидаете.

Со всѣми онъ знакомъ, со всѣми другъ и пріятель, всѣмъ говорить „jeune homme“ и „mon cher“ и каждому имѣть сказать что-то очень важное.

— Jeune homme! — говоритъ онъ, ловя васъ гдѣ-нибудь на дворѣ, въ лабораторіи, въ музеѣ. — Jeune homme! Я имѣю вамъ сказать нѣсколько словъ. Если у васъ есть знакомый аптекаръ, отошлите ему, пожалуйста, это объявленіе о новомъ фармацевтическомъ журналѣ. Или, всего лучше, скажите его адресъ: я самъ отошлю.

— Да у меня нѣтъ ни одного знакомаго аптекаря, — говорите вы.

— Все равно. Можетъ быть, вы знаете адреса аптекарей вашего города? сообщите мнѣ ихъ.

Онъ быстро записываетъ, благодаритъ и уходитъ...

— Jeune homme! — говоритъ онъ въ слѣдующій разъ, отводя васъ въ сторону. — Вы знакомы съ профессоромъ X.?

— Нѣтъ, незнакомъ.

— Ну, полноте! Я видѣлъ, какъ вы съ нимъ говорили. По-знакомьте меня съ нимъ.

— Я же вамъ говорю, что незнакомъ.

— Но вѣдь вы говорили съ нимъ!

— Я просто просилъ его указать статьи по интересующему меня вопросу.

— И онъ указалъ?

— Указалъ.

— А-а!! — Фуршонъ на минуту останавливается, задумчиво потирая лобъ. — А если я его попрошу о томъ же, какъ думаете: онъ не откажетъ!

— Думаю, что нѣтъ.

— Да, да! Видите ли, черезъ пять дней я держу экзаменъ; онъ — въ числѣ экзаменаторовъ. Если я съ нимъ поговорю о книгахъ, онъ посовѣстится сръзаться. Да, я съ нимъ поговорю...

Быстрое пожатіе руки, и Фуршонъ исчезаетъ такъ же внезапно, какъ появился...

— Mon cher! — останавливаетъ онъ васъ въ третій разъ. — Если кому-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ понадобится учитель, уважите на меня. Вотъ мой адресъ.

— Учитель чего? — недоумѣваете вы.

— Всего.

— Какъ? и санскритскаго языка?

— Нѣтъ, нѣтъ. Полноте шутить. Вы понимаете, въ чемъ дѣло. Такъ, пожалуйста. Je compte sur vous...

И опять онъ быстро исчезаетъ до новой встрѣчи и новаго важнаго сообщенія...

Онъ состоитъ во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ студентъ медицинскаго факультета, студентъ фармацевтической школы, студентъ Сорбонны по естественному отдѣленію, студентъ той же Сорбонны по математическому отдѣленію и т. д. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ онъ держитъ экзамены, узнаетъ о готовящихся конкурсахъ и является кандидатомъ на каждый. Онъ не выдерживаетъ экзаменовъ, или, выражаясь техническимъ языкомъ, проваливается; но это ничего не значитъ: на провалъ онъ смотритъ какъ на приближеніе къ цѣли. „Два раза провалить, третій разъ пропустить изъ снисходительности“, утверждаетъ онъ...

— Mon cher!—говоритъ онъ, встрѣчая васъ.—Я только-что съ экзамена.

— Можно поздравить?

— Пока еще нѣтъ: меня провалили. Но черезъ три мѣсяца можно вновь держать, и тогда, навѣрное, пройду; вѣдь меня проваливаютъ уже второй разъ. Ну, прощайте! мнѣ некогда: черезъ недѣлю экзаменъ на *licencié ès sciences naturelles*.

— Тамъ сколько разъ проваливались?

— Уже два раза. Теперь пройду...

Его провалили и въ третій. Однако онъ не смущается...

Благодаря этой массѣ экзаменовъ, конкурсовъ и передержекъ, ему всегда некогда. Надо узнать программу экзамена, подать прошеніе, взглянуть на объявленія, къ кому-нибудь сходить за учебникомъ, кого-нибудь попросить объ открывающемся мѣстѣ, собрать свѣденія объ условіяхъ конкурса, посоветоваться относительно распредѣленія занятій, обратиться за протекціей, и т. д., и т. д. Поэтому онъ со всѣми знакомъ, съ каждымъ пріятель, но съ рѣдкимъ говоритъ болѣе десяти минутъ. Ему до такой степени некогда, что, въ противоположность большинству французовъ, онъ не заходитъ даже въ кафѣ. Если чья-нибудь дружеская рука подноситъ ему бокалъ пива, онъ выпиваетъ его, чуть не стоя, и сейчасъ же бѣжитъ съ удвоенной силой по дѣлу.

Его никогда нельзя застать дома. Онъ выходитъ изъ квартиры въ половинѣ восьмого утра, возвращается домой лишь для того, чтобы спать. Не менѣе трудно видѣть его въ библіотекѣ болѣе получаса сряду. Такъ же, какъ учебныя заведенія, онъ мѣняетъ

библіотеки. Для одного экзамена онъ ищетъ книгу въ медицинско-й библіотекѣ, для другого — находитъ руководство въ женевской, для третьяго — бѣжитъ въ библіотеку Сорбонны, потомъ въ фармацевтическую...

Кромѣ экзаменовъ и конкурсовъ, онъ имѣетъ еще постороннія занятія. Онъ даетъ уроки или, вѣрнѣе, стремится ихъ давать. Ему не столько нужны деньги, доставляемые уроками, сколько протекція и связи, которыя, будто-бы, можно черезъ нихъ добыть. Для протекціи же и связей онъ записался въ масонскую ложу. Масоны зовутъ его „frère'омъ“, охотно считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ, но пока ничѣмъ большимъ сочувствія не выражаютъ. Онъ пишетъ бесплатныя, но подписанныя статьи и замѣтки въ только-что открывающіеся фармацевтическіе журналы. Въ большинствѣ случаевъ, ихъ забраковываютъ, но, если одна или двѣ напечатаны, его цѣль достигнута. Замѣтку забудутъ, но имя можетъ удержаться въ памяти. Какой-нибудь профессоръ на экзаменѣ или аптекарь, когда Фуршонъ явится просить мѣста, прочтя фамилію, скажутъ: „а, Фуршонъ—это тотъ самый, который... и кто знаетъ, какія благія послѣдствія могутъ отъ этого произойти!?!..“

Его политическія, нравственныя и общественныя воззрѣнія обусловливаются временемъ и обстановкой. Прочныя же и болѣе или менѣе систематизированныя идеи на этотъ счетъ ему имѣть некогда. Онъ—масонъ, но это не мѣшаетъ ему въ то же время быть libre-penseur'омъ. Когда нѣсколько выпитыхъ на ходу бокаловъ воспламеняютъ его кровь, онъ громко выражаетъ свой протестъ противъ „историческихъ предрасудковъ“ и „вѣковой глупости“. Встрѣчные аббаты влеймятся тогда, съ его стороны, самыми площадными словами; масонскія „кривлянья“ и ихъ „дѣтски-глупое комедіанство“ удостоиваются злѣйшихъ насмѣшекъ. Проходя около общинъ монахинь, онъ становится на колѣна и поетъ на церковный мотивъ грязную пѣсню. Долго въ этой позѣ онъ, однако, не остается: онъ узналъ объ открывающемся мѣстѣ лаборанта и бѣжитъ справиться объ условіяхъ конкурса.

Но въ обыкновенныя минуты, когда пиво еще не взволновало молодой крови, когда избобрѣтательный умъ работаетъ надъ прискиваніемъ новыхъ конкурсовъ и открытіемъ новыхъ путей къ жизненному благополучію, онъ не отвлекается посторонними вопросами; ему некогда говорить о нихъ, некогда даже о нихъ думать. Эпископъ можетъ протестовать противъ женщинъ, противъ „враговъ отечества“, противъ альфонсовъ: у него на все есть время; но Фуршонъ никогда не принимаетъ активнаго участія ни

въ какихъ протестахъ. На обращенный къ нему вопросъ, сочувствуетъ ли онъ женскому образованію, онъ отвѣчаетъ на-ходу: „ah, toutes les femmes sont“... затѣмъ слѣдуетъ крѣпкое слово, и Фуршонъ исчезаетъ. Альфонсы не считаютъ его въ числѣ своихъ непримиримыхъ враговъ, потому что для такихъ пустяковъ у него не хватаетъ времени. Въ одномъ онъ сходится съ Эписье: въ ненависти къ нѣмцамъ и прославленіи всего французскаго. Но и въ этомъ случаѣ его мысль не можетъ оторваться отъ тѣхъ заботъ, которыя наполняютъ его день, и свои аргументы онъ основываетъ на томъ, что всего ближе его сердцу. Эти аргументы вы можете слышать, если согласитесь сопровождать его при переходахъ изъ одной библіотеки въ другую. „Нѣмцы!—въ негодованіи говоритъ онъ:—да развѣ нѣмцы могутъ въ чемъ-нибудь сравниться съ нами? Наука! Наша наука выше, потому что у нихъ нѣтъ и десятой части нашихъ конкурсовъ. У нихъ“... Онъ прерываетъ себя, кричить: „pardon!“ и перебѣгаетъ на другой тротуаръ спросить у встрѣтившагося знакомаго о результатахъ его конкурса. „Войско!—говоритъ онъ, быстро догоняя васъ:—говорятъ, у нѣмцевъ что ни солдатъ, то докторъ философіи. Это не говоритъ о большемъ развитіи народнаго образованія, а только о томъ, что тамъ очень легки экзамены. Попробуйте у насъ... Pardon!“ Новый знакомый ѣдетъ на омнибусѣ; Фуршонъ вскакиваетъ туда же—и болѣе не вернется.

Иногда онъ высказываетъ свои взгляды на сущность жизни.

— Надо сразу захватить какъ можно больше,—утверждаетъ онъ.—Всякій стремится къ тому же. Въ этомъ суть жизни. Если черезъ три года я получу пять дипломовъ, то предо мной откроются всѣ двери. Если я не буду имѣть успѣха какъ докторъ, то успѣю какъ аптекаръ; нельзя будетъ сдѣлаться аптекаремъ, сдѣлаюсь химикомъ, математикомъ, натуралистомъ, est-ce que je sais?

— Ни хорошимъ медикомъ, ни математикомъ вамъ не быть,—возражаютъ ему.—Вы слишкомъ разбросались.

Но Фуршонъ возраженій не слушаетъ.

— Это ясно, какъ день,—говоритъ онъ.—Кто больше захватилъ, у того больше и останется...

Пока онъ еще не „захватилъ“ ничего. Онъ выдержалъ физическую license, когда страсть къ конкурсамъ еще не въ такой степени овладѣла имъ. Но вотъ уже прошло два года, и его жизненная карьера нисколько не подвинулась. Онъ, однако, не смущается и продолжаетъ держать экзамены и проваливаться.

Но бываютъ и въ его жизни черные дни. Случается, что его всевыносящее терпѣніе истощается, изобрѣтательный умъ пере-

стаетъ работать надъ принскиваніемъ новыхъ плановъ, въ сердце закрадывается отчаяніе, и онъ мрачно глядитъ на будущее. Въ одну изъ такихъ минутъ я засталъ его въ кафѣ разстроеннаго, грустнаго и сидѣвшаго, противъ своего обычая, безъ всякаго дѣла и безъ малѣйшаго стремленія бѣжать. Въ теченіе восьми дней онъ потерпѣлъ четыре великихъ пораженія: экзаменъ по анатоміи въ медицинской школѣ въ третій разъ прошелъ неудачно; его провалили на какомъ-то фармацевтическомъ экзаменѣ; четвертый разъ было отказано ему въ дипломѣ на *licencié ès sciences naturelles*; наконецъ, конкурсъ на какое-то мѣсто въ лабораторіи прошелъ болѣе чѣмъ плохо. Онъ мрачно смотрѣлъ передъ собой и даже не нашелъ мнѣ сообщить ничего важнаго.

— Кончено, — сказалъ онъ, когда я справился объ его дѣлахъ. — Кончено! я болѣе не конкурирую. *La vie, mon cher, est comte ça*. Нельзя гнаться за многимъ. Я бросаю все, кромѣ аптечнаго дѣла; буду фармацевтомъ и только въ этомъ направленіи буду заниматься. Пора серьезно браться за дѣло: все прежнее было не больше какъ шалость. Завтра вы меня не увидите въ медицинской школѣ: я выхожу на настоящую дорогу.

Я поздравилъ его съ благополучнымъ нахожденіемъ истиннаго пути, и мы разошлись. На слѣдующій день намъ пришлось обѣдать въ одномъ ресторанѣ. Солидно и серьезно ѣлъ Фуршонъ свой кусокъ жесткаго бифштекса и не обнаруживалъ никакого желанія бѣжать по дѣлу.

— Нѣтъ болѣе конкурсовъ, — твердо и рѣшительно повторялъ онъ.

— Что же, Фуршонъ, пробовали вы достать мѣсто помощника препаратора въ гистологической лабораторіи? — сказалъ кто-то изъ бывшихъ въ ресторанѣ.

Глаза Фуршона заблестѣли. — Въ какой лабораторіи? — быстро спросилъ онъ.

Собесѣдникъ разъяснилъ.

— А какія условія приема? къ кому обратиться за разъясненіемъ? Отъ кого это зависитъ?.. А впрочемъ, нѣтъ!.. Не надо: я гистологіей болѣе не занимаюсь... Никакихъ конкурсовъ, никакихъ постороннихъ занятій...

Фуршонъ поспѣшно вышелъ, какъ бы боясь соблазна.

— *Jeune homme!* — остановилъ онъ меня черезъ нѣсколько дней на улицѣ. — Дайте мнѣ учебникъ гистологіи Фрея.

— Съ удовольствіемъ. Но вѣдь вы болѣе гистологіей не занимаетесь.

— Послѣдній опытъ! Есть возможность достать мѣсто въ

гистологической лабораторіи. Если не удастся, брошу все. Последній опыт!..

Опыт не удался, но не оказался последнимъ. Какъ пьяница, выпившій рюмку, не можетъ болѣе удержаться, такъ и Фуршонъ, послѣ неудачной попытки занять мѣсто гистологическаго препаратора, вновь покотился по наклонной плоскости экзаменовъ, конкурсовъ и всевозможныхъ попытокъ выбраться въ люди.

IV.

Москъ Вималъ.

— Жизнь, mon ami, не цѣпь мученій, какъ говорятъ пессимисты, не непрерывный рядъ наслажденій, какъ утверждаютъ многіе радужные философы; это не борьба, какъ въ томъ стремятся увѣрить насъ политическіе дѣятели. Жизнь—это такое же искусство, какъ музыка, живопись, поэзія. Надо умѣть жить, какъ надо умѣть играть на скрипкѣ. Все зависитъ отъ самого себя. Я читалъ недавно „Le crime et le châiment“ вашего писателя Dostoevsky. Это замѣчательно хорошо, замѣчательно вѣрно, въ особенности сцена у Мармеладова. Ни одинъ изъ нашихъ натуралистовъ не возвышался до такой высоко-художественной правдивости. Но, au fond, въ сущности, всѣ вы, русскіе, немного тронуты. Мученія Раскольниковова, какъ и мученія остальныхъ героевъ и не-героевъ, происходятъ отъ болѣзненнаго воображенія, отъ ложнаго заключенія о томъ, что міръ есть цѣпь мученій. Берите примѣръ съ насъ...

Таковы были обыкновенные діалоги моего пріятеля Вималъ. Онъ говорилъ хорошо, краснорѣчиво, убѣжденно, настолько убѣжденно, что вамъ и въ голову не могло придти искать источника этихъ діалоговъ въ известной вамъ книгѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вы могли указать автора, статью, даже страницу, откуда взята произнесенная предъ вами тирада, и все-таки вы не были въ состояніи отдѣлаться отъ мысли, что ораторъ говоритъ свое. Да онъ и дѣйствительно говорилъ свое. Мысль, поправившаяся ему и заинтересовавшая его, настолько глубоко запечатлѣвалась въ его душѣ, что, передавая ее, онъ передавалъ уже свои впечатлѣнія, онъ уже говорилъ передуманное, пережитое, перечувствованное. Таковы многіе французы. Сыпля избытыми фразами, они произносятъ ихъ такимъ тономъ, что вы невольно думаете: „вотъ человѣкъ, который дошелъ до этихъ выводовъ своимъ умомъ“.

Свое говорилъ и Вималь въ томъ случаѣ, если предметъ дѣйствительно интересовалъ его. Въ вопросахъ, мало для него интересныхъ, онъ часто себѣ противорѣчилъ. Онъ говорилъ въ этихъ случаяхъ то, что взбрѣдетъ на умъ, говорилъ лишь для того, чтобы удовлетворить своимъ ораторскимъ потребностямъ. Политика, напримѣръ, не пользовалась его симпатіями. Унаслѣдовавши отъ родителей склонность къ орлеанизму (во Франціи, какъ извѣстно, политическія идеи, по большей части, наслѣдственны), онъ только о формѣ правленія и имѣлъ болѣе или менѣе ясное представленіе. По остальнымъ вопросамъ господствовала полнѣйшая путаница. Сегодня онъ говорилъ, что *suffrage universel est une infamie*, что рано или поздно онъ приведетъ Францію къ коммуны; завтра на тотъ же *suffrage universel* онъ возлагалъ большія надежды для водворенія *monarchie tempérée* и Орлеанскаго дома. Колоніальная политика одобрялась сегодня и преслѣдовалась завтра. То же было въ вопросахъ о *scrutin de liste*, объ отдѣленіи церкви отъ государства и т. д. Но все это были вопросы посторонніе, мало его касающіеся. Для его частной студенческой жизни было абсолютно все равно, бьются французскіе солдаты въ Тонкинѣ, или нѣтъ. Пораженіе французовъ, разумѣется, задѣло его патріотическія чувства, потому что, подобно большинству студентовъ, онъ былъ яркимъ патріотомъ, и его негодованіе противъ Жюля Ферри не имѣло границъ. Но прошелъ первый пылъ, и онъ чистосердечно сознавался, что вопросъ объ оставленіи Тонкина французскими войсками ему абсолютно безразличенъ. „Пиво отъ этого не будетъ вкуснѣе въ *brasseries* и *ma belle ne reviendra pas plus belle*“, довольно цинично говорилъ онъ. Но въ вопросахъ жизненныхъ, въ вопросахъ, близко его касавшихся, онъ былъ довольно логиченъ. Безпечный, немного лѣнивый, любившій покутить и поговорить, онъ выбралъ изъ всѣхъ философскихъ взглядовъ на жизнь взглядъ, наиболѣе соответствовавшій его природѣ. Задумываться надъ чѣмъ-нибудь, стонать и плакать по поводу какой-нибудь неудачи было ему въ высшей степени противно. Неудача, разъ она совершилась, была такой же неизбѣжностью, какъ неизбѣженъ былъ успѣхъ въ другомъ дѣлѣ. Негодовать по этому поводу или сокрушаться было такъ же глупо, какъ плакать изъ-за того, что солнце зимой скрывается раньше, чѣмъ лѣтомъ. Я рассказывалъ ему извѣстную басню о малороссѣ, плакавшемъ о томъ, что „Днѣпръ утекаетъ въ море“. Онъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, и утверждалъ, что таковы всѣ философы. Индифферентистъ въ политикѣ, онъ былъ фаталистомъ въ частной жизни, но фаталистомъ особеннымъ, своеобразнымъ,

умѣвшимъ жить. Въ теченіе длиннаго пути, который мы ежедневно совершали изъ госпиталя, гдѣ онъ былъ экстерномъ, онъ посвящалъ меня въ тайнства науки „умѣть жить“. Это было не только примиреніе съ неизбежнымъ, но старанье и умѣнье сдѣлать изъ неизбежнаго зла возможное благо. Какъ фаталистъ, онъ часто ходилъ на экзамены неподготовленнымъ. Если выдерживалъ, онъ былъ доволенъ; не выдерживалъ—сокрушаться было нечего: ясно, что съ такими знаніями нельзя было пройти. Послѣ неудачнаго экзамена онъ подходилъ къ одному изъ профессоровъ, чистосердечно сознавался въ своемъ невѣжествѣ, которое онъ, будто-бы, оцѣнилъ во всей силѣ только на экзаменѣ, просилъ рекомендовать ему тотъ или другой учебникъ и, въ концѣ концовъ, начиналъ работать подъ руководствомъ этого профессора. Много или мало онъ работалъ, покрыто мракомъ неизвѣстности; судя по его познаніямъ въ медицинѣ, надо скорѣе предполагать, что очень мало. Но, какъ бы то ни было, слѣдующій экзаменъ сдавался съ этимъ профессоромъ, и Вималь проходилъ. Благодаря этой системѣ, онъ скоро сдѣлался извѣстнымъ большинству профессоровъ факультета, и послѣдующіе экзамены уже не представляли трудностей.

Въ неудачахъ его часто утѣшало очень немногое, это правда. „Я никогда не проводилъ такого веселаго вечера, какъ въ день моего неудачнаго конкурса на интерна“, рассказывалъ онъ мнѣ. „Въ Бюлье былъ *bal masqué*. Я явился туда въ шапочкѣ интерна, въ фартукѣ, съ подушечкой для булавоекъ. Меня носили по залѣ, кричали: *vive le nouveau interne!* Я произнесъ рѣчь. Я готовъ еще десять разъ проваливаться, если мнѣ будетъ такъ же весело, какъ въ тотъ вечеръ“. Очень можетъ быть, что своимъ восторгомъ по поводу шапочки и подушки для булавоекъ Вималь можетъ навлечь подозрѣніе въ глупости, но онъ не былъ глупъ; онъ, какъ истинный французъ, любилъ толпу, и ея восторги были для него важнѣе успѣховъ на медицинскомъ поприщѣ.

По наружности Вималь мало напоминалъ француза. Большой, толстый, съ широкимъ бѣлымъ лицомъ, опущеннымъ жиденькими баками, съ шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ, онъ напоминалъ скорѣе русскаго барина-жуира. Бонвиванствомъ, здоровымъ желудкомъ, нескончаемымъ аппетитомъ и физической силой вѣяло отъ всей его атлетической фигуры. Онъ былъ тѣмъ, что французы называютъ *beau garçon*, и его успѣхи среди дамскаго общества должны были быть несомнѣнны. Но вотъ уже три года, какъ онъ предоставлялъ всѣмъ кокоткамъ Латинскаго квартала вздыхать и плакать о томъ, что *un si beau garçon est abonné*. Уже три года, какъ онъ имѣлъ *femme*. Они встрѣтились слу-

чайню на одной изъ студенческихъ пирушекъ въ brasserie. Начало этого дня было для нея очень печально. Утромъ она проводила своего милаго, съ которымъ жила уже болѣе года, въ провинцію, гдѣ онъ получилъ мѣсто доктора. Она грустно глядѣла на пирующую компанію и бросала вызывающіе взгляды на Вималья. Они заговорили, и черезъ полчаса дѣло было рѣшено: они будутъ жить вмѣстѣ, и по поводу этого событія Вималь произнесъ рѣчь. Но устроить совмѣстное житіе было не такъ-то легко. Вималь жилъ въ домѣ матери, которая противопоставила категорическій отказъ его желанію поселиться на отдѣльной квартирѣ. Она отказалась давать ему какія бы то ни было деньги, если онъ уйдетъ изъ ея дома. Пришлось устроить ménage безъ средствъ и безъ надежды ихъ получить. Они поселились въ какой-то мансардѣ, жили не знаю чѣмъ, но, по выраженію Вималья, были счастливы, какъ новорожденные. Черезъ полгода мать сжалилась; Вималю выдавалась опредѣленная сумма денегъ въ мѣсяцъ. Онъ переѣхалъ на хорошую квартиру и прожилъ тамъ съ своей возлюбленной болѣе двухъ лѣтъ.

Они замѣчательно подходили другъ къ другу. Та же безпечность, та же нескончаемая, заразительная веселость, та же любовь къ жизни сказывалась въ обоихъ. Философія, которую „разводилъ“ мнѣ Вималь, была и ея философіей. Она только не умѣла ее формулировать, но жила сообразно ей, и дѣйствительно умѣла жить. Три года уже жили они вмѣстѣ, а Вималь не ощущалъ и тѣни *dégout* или пресыщенности; его не манило убѣжать отъ нея на просторъ, на улицу и въ новыхъ объятіяхъ искать новыхъ удовольствій. Онъ, конечно, изрѣдка измѣнялъ ей, и она понимала, что иначе быть не можетъ; нельзя было, въ самомъ дѣлѣ, получить этого *beau garçon*, этого атлета съ чудовищнымъ аппетитомъ и постоянно растущими страстями, въ свое исключительное пользованіе. По поводу этихъ маленькихъ невѣрностей она дѣлала, разумѣется, сцены ревности, бросала въ него книгами, чернильницей, всѣмъ, что попадалось подъ руку, кричала на весь кварталъ, убѣгала изъ дому, но все это дѣлалось по необходимости; и онъ, и она понимали, что безъ этихъ маленькихъ сценъ жизнь бы была неполна. Послѣ нихъ примиреніе было такъ сладко, совмѣстная жизнь получала еще болѣе прелесть.

Они почти постоянно были вмѣстѣ. Полу-холостая, полу-семейная жизнь была одинаково мила ихъ сердцу, какъ истымъ французамъ. Она знала всѣхъ женщинъ квартала точно такъ же, какъ и онъ; ей были извѣстны всѣ его пріатели; она участвовала на всѣхъ болѣе или менѣе шумныхъ пирушкахъ. Во время

этихъ пирушекъ она садилась на колѣна къ пріятелямъ, цѣловалась съ ними, довольно свободно заигрывала и смѣялась. Такъ же вольно держался и онъ съ другими женщинами. И въ этой вольности съ другими, въ то время, какъ характеръ ихъ отношеній навлаживалъ на нихъ извѣстныя обязательства, они находили какую-то особую прелесть. Они смотрѣли другъ на друга и смѣялись. Она любовалась имъ, когда онъ сыпалъ парадоксами и въ пылу краснорѣчія побивалъ и своихъ противниковъ, и самого себя. Онъ любовался, слушая ея остроумные отвѣты на вольныя шутки собесѣдниковъ, и смѣялся, когда неожиданное циническое замѣчаніе съ ея стороны повергало въ восторгъ всю компанію. Короче, они были вполне довольны другъ другомъ, походили другъ на друга и другъ друга любили.

Любили, конечно, по своему, по-французски. Это былъ очень странный родъ любви, который проистекалъ изъ того же принципа: „пользуйся тѣмъ, что есть, а когда отнимется, не плачь и ищи другого“. Ни онъ, ни она не ревновали къ прошедшему, мало заботились о будущемъ, но по отношенію къ настоящему были строги и требовательны. Она прощала ему, конечно, маленькія и случайныя невѣрности, но крупную измѣну, продолжительную связь съ другой женщиной она бы ни за что ему не простила. Въ ея жизни былъ одинъ случай, который не окончился трагически только „по независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ“. Любовникъ, съ которымъ она давно жила, внезапно пересталъ къ ней ходить и, какъ она узнала, женился на другой. Она выслѣдила его на улицѣ, дождалась, когда онъ вмѣстѣ съ женой выходилъ изъ театра, и облила его сѣрной кислотой. По счастью, кислота попала лишь на дорогое пальто новобрачнаго, не повредивъ лица. Дѣло не было поднято, и черезъ день она уже была на свободѣ.

Другой романъ въ ея жизни окончился не такъ вѣроломно. Въ одинъ прекрасный день ея любовникъ окончилъ курсъ и долженъ былъ ѣхать въ провинцію, гдѣ его ждали богатая невѣста и богатая практика. Любовники вмѣстѣ обсудили этотъ вопросъ и нашли, что судьбѣ надо покориться. Она со слезами проводила его на желѣзную дорогу и въ тотъ же вечеръ сошлась съ Вималемъ...

Для полнаго счастья Вималю не доставало только большаго соотвѣтствія между избранной карьерой и природными наклонностями. Медицина, какъ и политическія идеи, досталась ему по наслѣдству. Его отецъ былъ докторомъ и, какъ это почти всегда бываетъ во Франціи, готовилъ въ доктора сына, чтобы потомъ передать ему свою clientèle. Отецъ умеръ, но карьера уже была

избрана и мѣнять ее было поздно. Тѣмъ не менѣе Вималь не любилъ медицины. Она мало соотвѣтствовала его наклонностямъ, въ ней было мало блеска, мало возможности проявить ораторскій талантъ и забивать противниковъ парадоксами. Къ тому же онъ побаивался болѣзней. Лицо его затуманивалось каждый разъ, какъ онъ рассказывалъ о томъ, что въ ихъ госпиталѣ очень много дифтеритныхъ больныхъ. Это были единственные минуты, когда онъ постигалъ, что въ жизни встрѣчаются пренепріятныя вещи. Но, когда у Madelaine сдѣлался брюшной тифъ, онъ забылъ свою боязнь передъ заразными болѣзнями. Онъ не отправилъ ее въ госпиталь, какъ это дѣлаютъ всѣ студенты, самъ ухаживалъ за ней, бѣгалъ за лекарствами, дежурилъ у ея кровати, и во всѣ шесть недѣль ея болѣзни ни разу не подумалъ о томъ, что теперь самая удобная минута для измѣны.

Такъ они жили, веселые и счастливые. Если его лицо омрачалось раздумьемъ только при воспоминаніи о дифтеритѣ и оспѣ, то черныя мысли закрадывались въ ея душу только тогда, когда онъ долго не являлся. Въ такія минуты она, какъ разъяренная фурія, перебѣгала изъ brasserie въ кафѣ, изъ кафѣ въ brasserie, повсюду ища пропавшаго Вималья. Она находила его обыкновенно въ сообществѣ пріятелей и женщинъ въ какой-нибудь отдаленной brasserie; упрёки градомъ сыпались на его голову; она опрокидывала кружки, стоявшія передъ компаніей, называла всѣхъ нецензурными именами и убѣгала, повергнувъ въ негодованіе прислуживающихъ женщинъ и приводя въ восторгъ Вималья. Послѣ этого онъ приходилъ домой, довольный и счастливый, выслушивалъ рядъ новыхъ упрёковъ, ругательствъ и жалобъ, просилъ прощенія и патетически восклицалъ, что онъ—счастливѣйшій изъ смертныхъ...

И этой идилліи было суждено кончиться самымъ печальнымъ, самымъ неожиданнымъ образомъ. Возвратившись однажды изъ госпиталя, Вималь почувствовалъ легкую боль въ горлѣ. Къ вечеру показались всѣ признаки дифтерита. Извѣщенный объ этомъ докторъ, въ service'ѣ котораго Вималь былъ экстерномъ, поднялъ всѣхъ на ноги. У постели больного дежурили поочередно студенты; больничныя сестры милосердія, вопреки закону, находились тамъ же; четыре раза въ день держали совѣтъ шесть докторовъ. Новѣйшіе и старѣйшіе, объясненные и необъясненные наукой методы леченія были пущены въ ходъ; все было испробовано, но все оказалось тщетно. Уже на слѣдующее утро „совѣтъ шести“ долженъ былъ постановить, что такъ какъ въ наше время чудесъ не бываетъ, то на спасеніе Вималья нѣтъ никакой надежды.

Во все время болѣзни Вималья, Madelaine находилась въ кухнѣ (въ комнату больного ея не пускали по просьбѣ матери, переселившейся туда, какъ только Вималь заболѣлъ). Лишь только рѣшеніе научнаго ареопага дошло до нея, съ ней сдѣлалась истерика. Она пробилась черезъ ряды студентовъ, охранявшихъ комнату, и съ рыданіями бросилась къ Вималю. „C'est impossible, c'est impossible!“ — кричала она, обнимая его голову. Ее вынесли изъ комнаты. Черезъ часъ она успокоилась, тихо сидѣла на кухнѣ и покорно исполняла все, что отъ нея требовали: грѣла воду, мыла губки, рѣзала и выжимала лимоны. Но на категорическое требованіе матери, чтобы „нога этой женщины не оставалась въ квартирѣ“, она также категорически отвѣтила, что ея „нога не переступить порога этой квартиры, пока все не будетъ кончено“.

Черезъ два дня Вималь умеръ. Его философія не подверглась испытанію, потому что все время болѣзни онъ былъ увѣренъ въ ея хорошемъ исходѣ. Тотчасъ же послѣ его смерти Madelaine прошла въ его комнату, спокойно поцѣловала его въ лобъ, надѣла шляпку и, не захвативъ даже другихъ принадлежностей своего туалета, ушла...

Похороны Вималья были торжественны. Вѣнки отъ студентовъ, вѣнки отъ профессоровъ, вѣнки отъ „assistance publique“, вѣнки отъ муниципальнаго совѣта слѣдовали за погребальной колесницей. На его могилѣ говорили рѣчи профессора, доктора, студенты, говорилъ директоръ „assistance publique“, говорилъ президентъ муниципальнаго совѣта. Рѣдкому студенту приходилось съ такой пышностью переѣзжать на послѣднюю квартиру. „Victime du devoir! — говорили ораторы, — ты честно исполнялъ свой долгъ и палъ его жертвой“. „Исторія не забудетъ твоей геройской смерти, — говорилъ президентъ муниципальнаго совѣта, — твое имя будетъ написано на ея страницахъ“... Имя Вималья было дѣйствительно сейчасъ же занесено, но не на страницы исторіи, а на золотую доску „assistance publique“, гдѣ красуются имена всѣхъ жертвъ своего долга...

Madelaine присутствовала на похоронахъ. Она шла въ заднихъ рядахъ, вся въ черномъ, но безъ траурнаго вуаля, съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ въ рукахъ. Она не хотѣла положить его на колесницу и рассталась съ нимъ только тогда, когда могила была уже засыпана...

Дня черезъ два я вновь увидалъ ее, направляющуюся къ тому же кладбищу. Рядомъ съ ней шелъ маленькій, жидкій, затанутый въ струнку, французъ, несшій бисерный черный вѣнокъ.

— Mon type, — объяснила она мнѣ, указывая на француза.

— Voyons, c'est insensé! — возмущился онъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ посреднику. — Я долженъ нести вѣнокъ на могилу въ ея любовнику! C'est insensé! C'est inouï!

Она кивнула головой и увлекла его, не говоря ни слова...

Черезъ двѣ недѣли она опять бѣгала, какъ разъяренная фу-
рія, искать своего возлюбленнаго въ brasseries и кафе. На его
голову сыпались тѣ же упреки, которые въ былыя времена такъ
восхищали Вимала...

И. Б — вѣ.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ, ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЙ.

VI *).

ПЕРВЫЕ ГОДЫ МОЕГО ЗНАКОМСТВА СЪ К. Д. КАВЕЛИНЫМЪ.

(1861—1864.)

Двадцать-пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я впервые познакомился съ Кавелинымъ, но я совершенно ясно представляю себѣ всѣ подробности этого знакомства, воочію вижу Кавелина передъ собой, какъ будто это произошло всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—такъ было сильно впечатлѣніе отъ первой моей съ нимъ встрѣчи! Только припоминая прошлое, совершившееся во мнѣ и вокругъ меня съ того времени, сознаю я, какъ давно это было.

Весной 1861 года я перешелъ на 2-й курсъ историко-филологическаго факультета казанскаго университета и былъ мечтательнымъ, увлекающимся 18-лѣтнимъ юношей. Къ происходившему вокругъ меня я относился совершенно по-дѣтски, а происходило вокругъ меня, ни болѣе, ни менѣе, какъ перерожденіе русской общественности: 19-го февраля 1861 года совершилось

---

*) См. выше: августъ, 539 стр.

освобожденіе крестьянъ... Я стремился къ наукѣ, къ отвлеченному знанію, книга составляла для меня все, и лучшая пора московскаго университета 40-хъ годовъ возстаала передо мною въ поэтическомъ ореолѣ: тамъ находилъ я идеалъ той чистой науки, который носился въ моемъ воображеніи. Въ Кавелинѣ видѣлъ я лучшаго представителя такого идеала, — и страстно желалъ лично познакомиться съ этимъ человѣкомъ, къ которому заочно, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я питалъ самыя высокія, самыя теплыя чувства, и который являлся мнѣ на недосигаемой для меня высотѣ высшаго знанія и учено-литературной дѣятельности. Я видалъ Кавелина въ Москвѣ, когда мнѣ было всего 3—4 года отъ роду, и зналъ его по рассказамъ матушки и по его статьямъ. Изъ первыхъ прочитанныхъ мною статей по русской исторіи были: статьи Кавелина въ „Современникѣ“ 1848 „О родовыхъ отношеніяхъ князей“ (по поводу книги Соловьева) и „О бытѣ русскаго народа“, Терещенки. Я прочелъ ихъ, когда мнѣ было лѣтъ 11—12, и, само собою, почти ничего въ нихъ не понималъ, но непреодолимое желаніе достигнуть того, чтобы я могъ со временемъ понимать, что пишеть мой дядя, было однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій при моихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ русской исторіей. Кавелина публициста и общественнаго дѣятеля я зналъ мало. Я зналъ только, что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ, что онъ написалъ какую-то „записку“ объ этомъ вопросѣ, которая надѣлала много шума, что онъ былъ преподавателемъ наслѣдника цесаревича Николая Александровича, но вскорѣ оставилъ эту должность, зналъ также, что онъ вообще человѣкъ либеральнаго образа мыслей... Смутно представлялась мнѣ его общественная дѣятельность, и я скорѣе чувствомъ, чѣмъ сознаніемъ, опредѣлялъ себѣ личность Кавелина. Инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что это личность не рядовая, не похожая на другихъ... Я нетерпѣливо ждалъ знакомства съ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опасался его. „Что я такое передъ Кавелинымъ?—думалъ я съ сокрушеніемъ:—пигмей, мальчишка! Онъ осмѣетъ меня“... Эта мысль сильно меня мучила. Наконецъ, давно желанный день наступилъ. Кавелинъ пріѣхалъ къ намъ въ деревню, совершенно для насъ неожиданно, на возвратномъ пути изъ своего самарскаго имѣнія.

5-го августа 1861 года, въ пасмурный и прохладный день, часовъ около двухъ пополудни, сидѣлъ я въ своей комнатѣ въ деревенскомъ нашемъ домѣ и разговаривалъ съ моимъ бывшимъ учителемъ, В. А. Норманомъ, гостившимъ у насъ въ то время. Разговоръ нашъ былъ прерванъ топотомъ лошадей и звономъ

колокольчика, раздавшимся подъ самыми окнами моей комнаты. Къ крыльцу подѣзжала почтовая бричка, въ которой сидѣли совершенно незнакомый мнѣ господинъ съ мальчикомъ лѣтъ 12—13-ти въ гимназической фуражкѣ. Мы съ Норманомъ вышли въ залу, гдѣ застали уже моего отца, поспѣшившаго на-встрѣчу гостю.

Въ залу входилъ человѣкъ лѣтъ сорока съ чѣмъ-нибудь, не-большого роста и довольно полный, въ коричневой легкой визитѣ, съ дорожной сумкой черезъ плечо и съ мягкой лѣтней шляпой въ рукахъ. Наружность его сразу располагала въ его пользу. Загорѣлое, оживленное лицо окаймлялось курчавыми темнокаштановыми волосами и небольшой черноватой съ просѣдью бородкой, рѣзко выдѣляя бѣлый большой лобъ и блестящіе темно-каріе глаза, выразительно и быстро смотрѣвшіе изъ-за золотыхъ очковъ. Глубокая дума и сердечная теплота такъ и искрились въ этомъ взорѣ ¹⁾.

Вошедшій принужденно-серьёзно, едва сдерживая улыбку, но привѣтливо поклонился моему отцу, который отвѣчалъ ему также вѣжливымъ поклономъ, съ выраженіемъ недоумѣнія и вопроса: „кого имѣю честь видѣть?“

— Александръ Львовичъ! вы меня не узнаете! — воскликнулъ гость, задумчиво смѣясь и бросаясь въ объятія моего отца.

— Ба, Константинъ! — радостно вскричалъ тотъ, крѣпко его цѣлуя. (Отецъ узналъ его по голосу и смѣху.)—Ну, братъ, очень, очень обрадовалъ, разодолжилъ, неожиданный, дорогой гость! — продолжалъ отецъ, не выпуская его изъ объятій, цѣлуя и разглядывая. — Не узналъ бы тебя, ей-ей: и загорѣлъ, и постарѣлъ, и бородой обросъ ²⁾...

Я былъ очень взволнованъ. Сердце усиленно билось, дыханіе нервно перехватывалось... Тысячи мыслей и чувствъ, тѣсно связанныхъ съ представленіемъ о Кавелинѣ, поднялись въ моей душѣ, и я пришелъ въ себя только тогда, когда очутился въ объятіяхъ дяди.

Я думалъ встрѣтить въ Кавелинѣ строгаго наставника и судью, свысока относящагося ко мнѣ, 18-лѣтнему студенту провин-

¹⁾ Наружность Кавелина того времени поразительно схоже передана въ фотографическомъ его портретѣ, снятомъ въ Парижѣ, въ 1862 г., извѣстнымъ фотографомъ, товарищемъ Кавелина по московскому университету, С. Л. Левинскимъ. У меня имѣются три варианта этой фотографіи.

²⁾ Последний разъ родители мои видѣлись съ Кавелинымъ въ Казани, въ 1856 г. Тогда онъ не носилъ бороды. Мальчикъ, пріѣхавшій съ Кавелинымъ, былъ Володя Ю-гъ, котораго онъ везъ изъ Самары въ Петербургъ, къ его родинѣ.

ціального университета... Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ въ немъ не педанта-ментора, а исполненнаго любви и нѣжности старшаго товарища. Прежде всего меня поразила въ Кавелинѣ необыкновенная простота въ обращеніи, веселость и задумчивость. Сколько любви, нѣжности, снисхожденія, сочувствія нашелъ я въ немъ! Черезъ день знакомства съ Кавелинымъ казалось, что знаешь и любишь его давнымъ давно. А какъ онъ мило шутилъ со мной, съ моей сестрой, съ ея гувернанткой—точно школьникъ, вырвавшійся на свободу!..

Какъ это всегда бываетъ между близкими людьми, давно не видавшимися, разговоръ у Кавелина съ моими родителями долго не могъ установиться; онъ перебѣгалъ съ предмета на предметъ, но мало-по-малу принялъ опредѣленное направленіе. Съ матушкой Константинъ Дмитріевичъ вспоминалъ прошлое, изъ ихъ молодости, жизни въ родительскомъ домѣ и подробности разныхъ семейныхъ дѣлъ, и разговоръ невольно касался сына Кавелина—Мити, но дядя прекращалъ этотъ разговоръ и принуждалъ себя переходить на другія тѣмы. Лицо Кавелина принимало страдальческое выраженіе; онъ опускалъ голову и умолкалъ... Но это продолжалось моментъ. Онъ встряхивалъ своими кудрями и перемѣнялъ тѣму разговора... Съ моимъ отцомъ Кавелинъ велъ продолжительныя бесѣды о вопросѣ, всего болѣе его занимавшемъ въ то время—объ освобожденіи крестьянъ и о значеніи 19-го февраля 1861 г. для Россіи въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. Со мной Кавелинъ разсуждалъ много о моихъ личныхъ дѣлахъ и о научныхъ вопросахъ; но научные вопросы были имъ особенно затронуты въ оригинальномъ и весьма продолжительномъ диспутѣ съ А. С. П—вымъ, въ настоящее время извѣстнымъ профессоромъ и специалистомъ ученымъ, а въ то время совершенно молодымъ человѣкомъ, хотя уже и занимавшимъ каведру въ казанской духовной академіи. Всѣ эти разговоры Кавелина настолько интересны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться подробно.

Кавелинъ возвращался изъ самарскаго имѣнія весьма довольный соглашеніемъ съ своими крестьянами. Уставная грамота Кавелинскихъ крестьянъ была одною изъ самыхъ первыхъ уставныхъ грамотъ въ Поволжьи, а подробности его соглашенія съ крестьянами удивили своими особенностями какъ либераловъ, такъ и противниковъ освобожденія. Первые находили, что Кавелинъ сдѣлалъ для крестьянъ слишкомъ мало, вторые—что слишкомъ много. Помѣщики среднего образа мыслей завидовали ему въ умѣнии сразу и добровольно разойтись съ крестьянами. Вотъ

что писалъ по этому поводу Константинъ Дмитріевичъ своему брату Павлу Дмитріевичу, 23-го августа 1861 года:

„...Вѣроятно, ты уже знаешь, что я на-чисто разошелся съ крестьянами своими, къ общему нашему великому удовольствію; сущность сдѣлки состоитъ въ слѣдующемъ: я подарилъ имъ четверть душевого надѣла по 123 ст. мѣстн. Положенія. Этотъ надѣлъ они взяли въ солончакахъ, слѣдовательно по закону получили 3 десятины за одну удобную. Сверхъ того я подарилъ имъ усадьбу и выпускъ—27 десятинъ, да разныхъ лишковъ десятинъ 67, всего около ста десятинъ. Сто-сорокъ десятинъ удобной земли около пруда отдалъ въ аренду на 9 лѣтъ съ правомъ выкупа въ этотъ же срокъ, на условіяхъ, на какихъ казна оказываетъ помощь для выкупа, именно: оцѣнилъ десятину по казенной расцѣнкѣ, съ вычетомъ 20 коп. съ рубля. Арендную плату положилъ въ 5 процентовъ; выкупные платежи вносятся крестьянами по мѣрѣ возможности и средствъ ихъ, и по мѣрѣ ихъ взноса изъ аренднаго платежа вычитается по 5 коп. на каждый рубль выкупной суммы. Для крестьянъ эта сдѣлка чрезвычайно выгодна тѣмъ, что они приобрѣли пастбище, слѣдовательно обезпечили навсегда содержаніе рабочаго скота и лошадей, и притомъ даромъ: эта статья для нихъ чрезвычайно важна, потому что луга и пашни они найдутъ вездѣ, сколько угодно, а безъ пастбища они все равно что безъ рукъ. Кромѣ того, они не платятъ ничего за землю и ничего на меня не работаютъ... Всѣ завидуютъ моей сдѣлкѣ, многіе ей не вѣрятъ, а кто вѣритъ (трудно не вѣритъ, потому что она подписана крестьянами и теперь уже утверждена губернскимъ присутствіемъ), тотъ ломаетъ голову, какими способами я могъ склонить къ такой сдѣлкѣ крестьянъ; между тѣмъ то вѣрно, что я предлагалъ крестьянамъ условія гораздо менѣе для меня выгодныя, но они сами предложили мнѣ эти, и я на нихъ согласился, а не они на мои предложенія“.

Это-то соглашеніе съ крестьянами, въ связи съ общимъ значеніемъ уничтоженія крѣпостного права, и было предметомъ долгихъ разсужденій Кавелина съ моимъ отцомъ. Разсказывалъ Кавелинъ разныя подробности введенія уставной грамоты, дѣйствовавшія на его душу—по собственному выраженію—умиляющимъ и умиротворяющимъ образомъ. Передавалъ онъ, между прочимъ, какъ онъ старался и не могъ объяснить бывшимъ своимъ крѣпостнымъ, что теперь онъ для нихъ уже не „баринъ“, а сосѣдъ—„шабѣръ“, по мѣстному выраженію; какъ, по совершеніи уставной грамоты, приглашалъ крестьянъ къ себѣ въ гости и угощалъ ихъ чаемъ; какъ самъ онъ ходилъ въ нимъ въ гости и чуть не

заболѣлъ отъ домашняго крестьянскаго пива, которое долженъ былъ, чтобъ не обидѣть крестьянъ, если не пить въ большомъ количествѣ, то хотя „пригубить“ въ каждой рѣшительно избу. И при этомъ Кавелинъ заливался своимъ необыкновенно симпатичнымъ, заразительнымъ смѣхомъ, схватывая себя обѣими руками за голову и откидываясь назадъ... Съ восхищеніемъ показывалъ онъ подарки, полученные имъ отъ крестьянъ: куски холста, „ручники“ (полотенцы съ вышитыми концами для вытиранія рукъ) и мотки нитокъ, и рассказывалъ, какъ удивлялись крестьянки, когда онъ отказывался вести съ собой въ Петербургъ курицъ и яйца. Кстати отмѣчу здѣсь одно весьма оригинальное развлеченіе Кавелина, переходившее у него въ страсть. Онъ чрезвычайно любилъ разматывать самые перепутанные мотки нитокъ. Одно изъ тусклыхъ моихъ воспоминаній о немъ, относящееся къ раннему дѣтству (4-лѣтнему возрасту) соединено именно съ разматываньемъ нитокъ. Помню Кавелина въ Москвѣ, сидящаго лѣтомъ на балконѣ нашей квартиры, низко наклонившагося надъ моталкой съ нитками и тщательно распутывающаго узлы. Какъ въ пріѣздъ его къ намъ въ деревню въ 1861 г., такъ и въ послѣдующіе пріѣзды, ему сносили со всего дома перепутанные мотки нитокъ; если не случалось такихъ въ домѣ — посылали на деревню къ крестьянамъ; если мотки не были достаточно перепутаны, горничныя ихъ нарочно перепутывали, и Кавелинъ съ особымъ наслажденіемъ разматывалъ ихъ, ведя при этомъ очень оживленную бесѣду и разсуждая о весьма серьезныхъ вопросахъ.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ естественно возникалъ вопросъ о будущности того сословія, общественное положеніе котораго до 19-го февраля 1861 года опредѣлялось, главнымъ образомъ, крѣпостнымъ правомъ, — возникалъ вопросъ о будущности дворянства при новыхъ условіяхъ крестьянскаго быта. Этимъ вопросомъ болѣе всѣхъ было озабочено само дворянство, и нѣкоторые изъ противниковъ освобожденія крестьянъ съ землею надѣялись упрочить дальнѣйшее существованіе дворянства предоставленіемъ ему политическихъ правъ, мечтая о его преобладающемъ участіи въ государственномъ управленіи. Противъ такихъ мечтаній поднялись голоса, и въ обществѣ, и въ печати. Голоса эти группировались въ два воззрѣнія. Одно, крайнее, порицало прошлое и настоящее дворянства, рѣзко высказывалось противъ его сословныхъ привилегій и политическихъ мечтаній, считая ихъ безусловно вредными. Другое воззрѣніе, разсматривая вопросъ о дворянствѣ съ исторической точки зрѣнія, удерживало его отъ праздныхъ политическихъ грѣзъ и, воздавая должное его заслу-

гамъ въ прошедшемъ, указывало ему въ будущемъ на скромную, но плодотворную дѣятельность, посвященную занятію хозяйствомъ въ имѣніяхъ и вліятельному участию въ мѣстномъ самоуправленіи, которое въ то время только намѣчалось и выразилось, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ формѣ земскихъ учреждений.

Послѣдняго воззрѣнія держался Кавелинъ и развилъ его въ особой запискѣ, написанной вскорѣ послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года. Записку эту онъ привезъ къ намъ въ рукописи, а въ 1862 году она была издана особой брошюрой книгопродавцемъ Баромъ въ Берлинѣ, подъ названіемъ: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“ (in 12⁰, 68 страницъ, безъ имени автора). Привожу изъ нея окончательный выводъ, къ которому приходилъ Кавелинъ.

„Не въ безплодныхъ мечтахъ о представительномъ правленіи должно искать дворянство выхода изъ теперешняго своего труднаго положенія. Ему, прежде всего, надобно самому переродиться, самому разстаться съ привычками неумѣренной роскоши, дарового добыванія денегъ отъ крестьянъ или отъ службы и правительства, забыть жизнь спуста-рукава; ему надо перестать думать только о своихъ минутныхъ пользахъ и выгодахъ, и серьезно подумать о будущемъ, о пользѣ другихъ сословій страны, государства; ему надо много трудиться, образовать себя какъ слѣдуетъ, привыкнуть дѣйствовать по началамъ строгой справедливости и безпристрастія въ ежедневномъ быту, въ убѣжденіи, что только трудъ, знаніе и безусловная добросовѣстность ставятъ сословіе высоко въ мнѣніи народа и доставляютъ ему вліяніе и власть. Переродившись нравственно и поправя свои матеріальныя средства, дворянство найдетъ на первый разъ обширное и достойное поприще для гражданской дѣятельности въ сферѣ провинціальной, губернской, гдѣ теперь столько дѣла, и которая никогда не очистится и не улучшится, пока за это не примется дѣятельно высшее, образованнѣйшее сословіе. Сдѣлать провинціальную жизнь не только возможной и сносной, но даже удобной и пріятной—вотъ ближайшее призваніе дворянства, и, повторяемъ, это оно можетъ сдѣлать, на это оно имѣетъ всѣ средства. Россія еще во всѣхъ отношеніяхъ печальная пустыня; ее надо сперва воздѣлать, начиная дѣло снизу, а не сверху. Когда жизнь мало-по-малу отвлечется отъ столицъ и большихъ центровъ въ провинцію, тогда произойдетъ и желаемая всѣми административная децентрализація. Во всякомъ случаѣ, самоуправленіе, эта любимая мечта всего просвѣщеннаго и либеральнаго въ Россіи, можетъ начать осуществляться пока только въ провинціи, при дѣятельномъ содѣйствіи

дворянства. Въ этой плодотворной школѣ оно и приготовится, какъ слѣдуетъ, къ дальнѣйшей, болѣе обширной политической дѣятельности, которая безъ того навсегда останется неосуществимой фантазіей. Опытъ показываетъ, что даже въ небольшихъ государствахъ невозможна гражданская и политическая свобода безъ сильнаго развитія мѣстныхъ интересовъ и мѣстной жизни; какъ же будетъ она возможна безъ этого условія въ такой огромной имперіи, какъ Россія? Будемъ же благоразумны и, не растрачивая напрасно силъ на идеалы, займемся тѣмъ, чѣмъ можно, и что у каждаго изъ насъ подъ руками. Время принесетъ свое, когда мы будемъ готовы. Отъ насъ зависитъ ускорить или замедлить его ходъ¹⁾.

На эту тему Кавелинъ много бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ. Дальнѣйшее развитіе его мыслей о послѣдующемъ значеніи дворянства, высказанное также въ бесѣдахъ съ моимъ отцомъ, онъ изложилъ въ письмѣ отъ 24 янв. 1862 г. къ самарскому губернскому предводителю дворянства, Б. П. Обухову, копію съ котораго прислалъ отцу. Привожу самыя существенныя мысли Кавелина изъ этого письма²⁾:

„Въ виду новыхъ условій быта, положеніе и значеніе дворянства должны существенно измѣниться. Оно не есть служебное сословіе; оно съ прошлаго года перестало быть владѣльцемъ крѣпостныхъ населенныхъ имѣній и въ ближайшемъ будущемъ, по всѣмъ видимостямъ, останется владѣльцемъ лишь тѣхъ земель, которыя не отойдутъ въ надѣлъ бывшимъ его крѣпостнымъ крестьянамъ. Что же будетъ отнынѣ отличительнымъ, характеристическимъ признакомъ дворянства? Внесеніе въ дворянскія родословныя книги? Какъ ни почтенно и ни дорого, само по себѣ, воспоминаніе о предкахъ, фамиліи, хроники и архивы, сами по себѣ, не представляютъ живого, общественнаго, современнаго интереса, по которому сословіе занимаетъ, въ настоящемъ, извѣстное, принадлежащее ему мѣсто между другими общественными интересами и играетъ большую или меньшую роль, выполняя ту или другую общественную задачу. По интересамъ должны теперь группироваться общественные элементы, и такимъ интересомъ является для дворянства личное землевладѣніе, какъ для горожанъ—городскіе промыслы и торговля, для сельскихъ жителей—сельскіе крестьянскіе промыслы и общинное землевладѣніе. Всѣ эти интересы должны, на одинаковыхъ правахъ, уча-

¹⁾ „Дворянство и освобожденіе крестьян“, стр. 66—68.

²⁾ Письмо Кавелина къ Обухову напечатано въ газетѣ „Новости“, 1886, № 22.

ствовать въ мѣстной жизни и въ мѣстномъ управленіи и дѣлахъ, въ тѣсномъ между собою сочетаніи и взаимодѣйствіи. Преобладаніе того или другого будетъ опредѣляться не историческими и юридическими привилегіями, а мѣстными, дѣйствительно существующими условіями, дающими законный перевѣсъ тому или другому элементу въ обществѣ.

„Если принять эти начала, то общественное устройство дворянства должно измѣниться по слѣдующему плану: мѣсто губернскихъ собраній дворянства должны заступитъ губернскія собранія уполномоченныхъ отъ всѣхъ владѣющихъ сословій и классовъ, дворянское депутатское собраніе — постоянный комитетъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ же сословій и классовъ. Само собою разумѣется, что дворянство, будучи и оставаясь сословіемъ, будетъ имѣть, по прежнему, свои сословныя собранія, уѣздныя или, если будетъ признано нужнымъ, и губернскія; оно удержитъ и свое депутатское собраніе, но съ тою существенною разницею, что теперь дворянскія собранія, кромѣ сословнаго, имѣютъ и земское значеніе, тогда какъ въ будущемъ всѣ общія земскія дѣла должны бы перейти въ собраніе уполномоченныхъ, а за дворянскими — остаться одни чисто сословныя, до одного дворянства касающіяся.

„Какъ часть общаго земскаго собранія въ губерніи, дворянство будетъ представлять личное землевладѣніе, и потому, по крайней мѣрѣ по отношенію къ земству, ему необходимо принять въ свою среду всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, какого бы состоянія и званія ни были, если только они сами не предпочтутъ участвовать въ другихъ сословіяхъ. Для частныхъ, сословныхъ собраній дворянства этого вовсе не нужно: собранія эти устраиваются не по общимъ земскимъ началамъ, а по сословнымъ, собственно дворянскимъ, до которыхъ не-дворянамъ, хотя бы они и были личные землевладѣльцы, нѣтъ никакого дѣла. Не буду скрывать, что такое различіе непоследовательно. Строго говоря, дворянство, и въ отношеніи къ земству, и къ своимъ собственнымъ дѣламъ, должно быть не чѣмъ инымъ, какъ сословіемъ личныхъ землевладѣльцевъ. Различіе въ дворянствѣ, собственно дворянства и личныхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій, будетъ подавать поводъ къ различнымъ запутанностямъ, — на примѣръ, когда будетъ рѣчь о предметахъ, касающихся всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ и для того потребуются собранія особаго рода, отличныя отъ земскихъ, съ одной стороны, и исключительно дворянскихъ сословныхъ, съ другой. Но эту непоследовательность и запутанность надобно будетъ, я полагаю, допустить въ видѣ уступки и болѣе или менѣе продолжительной

переходной мѣры, чтобы соединить голоса въ пользу реформы и примирить съ преобразованиемъ долгимъ временемъ утвердившіеся сословные предразсудки“.

Ученый споръ Кавелина съ А. С. П—мъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Такъ вести споръ, какъ велъ его Кавелинъ, умѣли лишь немногіе изъ людей прежнихъ поколѣній; а изъ теперешнихъ почти никто не умѣетъ; для этого, кромѣ природныхъ дарованій Константина Дмитриевича, нужны школа и среда, его воспитавшія—тѣ московскіе литературные кружки, о которыхъ съ такой признательностью вспоминаетъ онъ и въ которыхъ вели свои ученые пренія „люди 40-хъ годовъ“.

А. С. П—въ, узнавъ, что Кавелинъ у насъ, пріѣхалъ изъ Казани, чтобы съ нимъ познакомиться. Какъ и кѣмъ былъ возбужденъ споръ, Кавелинымъ или П—вымъ,—я хорошенько не помню, но помню только, что онъ, съ небольшими перерывами, продолжался въ теченіе нѣсколькихъ дней. Начался споръ послѣ обѣда, на другой день по пріѣздѣ Кавелина, продолжался весь слѣдующій день, не прекращаясь даже въ экипажѣ, во время дороги изъ нашей деревни въ Казань, и не былъ еще вполне законченъ далеко за полночь въ нашей казанской квартирѣ. Предметомъ спора была тема, издавна занимавшая Кавелина и подробно развитая имъ лишь въ 1872—1874 гг. въ его „Задачахъ психологіи“ и въ полемикѣ по поводу этого сочиненія съ Ю. О. Самаринимъ—объ отношеніи религіи къ положительному знанію. Въ одномъ изъ писемъ къ Самарину, самъ Кавелинъ такъ формулируетъ эту тему:

„Религіозное міросозерцаніе въ объективномъ смыслѣ есть лишь фазисъ психическаго развитія, который можетъ удержаться въ видѣ личнаго чаянія и убѣжденія, но, какъ система объективныхъ истинъ, долженъ уступить мѣсто выводамъ положительнаго знанія“. Не могу передать въ точности всѣхъ подробностей спора; помню однако, что изъ сферы отвлеченно-философской онъ вскорѣ перешелъ въ реально-историческую и вращался около вопроса объ историческомъ значеніи христіанства и о критикѣ текста Новаго Завета.

Я внималъ всему, что говорилъ Кавелинъ со мной, съ моимъ отцомъ, а въ особенности въ спорѣ съ П—вымъ, съ безотчетнымъ благоговѣніемъ. О критическомъ отношеніи съ моей стороны къ воззрѣніямъ Кавелина, конечно, не могло быть и рѣчи. Я ловилъ каждое его слово и одинаково приходилъ въ восторгъ и отъ его мыслей, и отъ способа ихъ выраженія, и испытывалъ на себѣ то обаяніе, которое производилъ онъ на молодежь съ уни-

верситетской кафедре. Безотчетно, беззавѣтно, глубоко привязался я къ Кавелину, и искренная любовь къ нему все болѣе и болѣе росла съ годами, по мѣрѣ того, какъ я развивался умственно. Когда я могъ уже критически относиться къ воззрѣніямъ Кавелина, обаяніе его личности, его бесѣды продолжало все такъ же приковывать къ нему: можно было не соглашаться съ тѣмъ, что онъ говорилъ, но нельзя было не восторгаться и не увлекаться тѣмъ, какъ онъ говорилъ.

Въ разговорѣ Кавелина выражалось все его духовное содержаніе (а оно было обильно и сложно) и выражалось притомъ въ эстетической, художественной формѣ. Отличительнымъ свойствомъ духовной природы Кавелина было гармоническое сочетаніе ума и сердца: мысль Кавелина согрѣвалась чувствомъ, и, наоборотъ, чувство его просвѣтлялось умомъ, и это-то свойство ярко выражалось у Кавелина, при разговорѣ, во всемъ—въ самой манерѣ говорить, въ тонѣ голоса, а въ особенности въ глазахъ. Кто не говорилъ съ нимъ, кто не присутствовалъ при его бесѣдахъ, тотъ не можетъ вполнѣ ясно представить себѣ нравственного его образа. Писалъ Кавелинъ превосходно, но его слогъ—ничто въ сравненіи съ его разговоромъ! Необыкновенно живой, талантливый умъ Кавелина, какъ лучезарный свѣточъ, озарялъ умъ его собесѣдника и какъ бы удѣлялъ тому частицу своихъ духовныхъ сокровищъ, а нѣжное, исполненное глубокаго чувства, сердце невольно находило себѣ откликъ въ сердцѣ говорившаго съ нимъ.

Разговаривая съ человекомъ, менѣе его развитымъ умственно, менѣе его знающимъ, Кавелинъ не подавлялъ его своимъ умственнымъ превосходствомъ, своимъ ученымъ авторитетомъ; напротивъ, онъ имѣлъ даръ стать съ нимъ въ уровень, причемъ не нисходилъ до него, а какъ бы возвышалъ его до себя. Дѣлалъ онъ это просто, совершенно незамѣтно для собесѣдника. Отзывчивое на все благородное, честное сердце Кавелина умѣло затронуть самую лучшую душевную струну собесѣдника—вотъ одна изъ причинъ, почему всѣ такъ легко и свободно чувствовали себя съ Кавелинымъ и такъ искренно и глубоко его любили! Вель споры Кавелинъ съ большимъ достоинствомъ, съ уваженіемъ какъ къ самому себѣ, такъ и къ своему противнику. На первомъ планѣ у него всегда стояла идея, тема спора, и онъ твердо стоялъ на объективной почвѣ до тѣхъ поръ, пока не сходилъ съ этой почвы его антагонистъ. Если тотъ переходилъ на почву личную или если Кавелинъ замѣчалъ неуважительное отношеніе къ своимъ воззрѣніямъ, то—горе такому противнику! Тогда Кавелинъ стано-

вился неумолимъ въ своихъ филиппикахъ, раздражался и нерѣдко разрывалъ всякія сношенія съ человѣкомъ...

Кавелинъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ уловить сущность вопроса, бывшаго предметомъ спора или разговора. Талантливо анализировалъ онъ частности всякаго сложнаго явленія, и въ области отвлеченнаго знанія, и въ человѣческой жизни, общественной и индивидуальной, — и съ поразительной точностью и легкостью умѣлъ дѣлать изъ частныхъ обобщающіе выводы, формулируя ихъ въ краткихъ, категорическихъ положеніяхъ. Въ совершенствѣ владѣя русскимъ языкомъ, онъ чрезвычайно ясно излагалъ и развивалъ свою мысль, и въ доказательствахъ любилъ прибѣгать какъ къ примѣрамъ изъ обыденной, ежедневной жизни, такъ и къ помощи исторіи. Исторія являлась для него не отрѣщенной отъ жизни архивной стариной, а непрерывной цѣпью фактовъ изъ жизни человѣческихъ обществъ, неразрывно соединяющей прошедшее съ настоящимъ. Поэтому, для уясненія современнаго положенія дѣлъ, онъ нерѣдко обращался къ прошлому, и, наоборотъ, для болѣе удобопонятности прошлаго, сравнивалъ его съ современностью. Обладая въ значительной степени юморомъ и веселостью, онъ пересыпалъ свою рѣчь остроумными выраженіями и анекдотами, причемъ задушевно смѣялся, невольно вызывая смѣхъ у собесѣдника и слушателя. „Какъ это просто и какъ я раньше не догадывался именно такъ, а не иначе разрешить этотъ вопросъ!“ — не разъ думалось мнѣ послѣ бесѣдъ съ Кавелинымъ... Съ необыкновенною свободой и легкостью переходилъ онъ отъ вопросовъ серьезныхъ къ ежедневнымъ житейскимъ мелочамъ и снова восходилъ отъ нихъ въ область научную или политическую. О тѣхъ и другихъ говорилъ онъ одинаково просто, не измѣняя формы выраженій и способа веденія разговора. Ему такъ же легко было говорить объ отношеніи религіознаго пониманія къ положительному знанію, какъ и рассказывать о своемъ пребываніи въ Кавелинкѣ и о тамошнихъ крестьянахъ. Различіе сказывалось, разумѣется, въ сущности разговора, а не формѣ его. Когда Кавелинъ былъ занятъ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ любилъ вести о немъ бесѣды съ людьми самаго различнаго образа мыслей и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Путемъ обмѣна мыслей съ взглядами діаметрально-противоположными своимъ онъ болѣе выяснялъ себѣ собственную свою мысль и дѣлалъ въ ней нерѣдко, вслѣдствіе получаемыхъ возраженій, весьма важныя поправки.

Говорить Кавелинъ любилъ и могъ говорить безъ усталости очень много — по нѣскольку часовъ кряду. Говорить онъ могъ когда

удодно: и во время ѣзды, и при укладываніи чемодана, и дорогой въ экипажѣ... При разговорѣ глаза его блестя каки́мъ-то особымъ фосфорическимъ блескомъ. Кавелинъ смотрѣлъ въ упоръ, прямо въ глаза своему собесѣднику, и иной разъ трудно было выдержать этотъ испытующій, какъ бы проникающій въ глубину души взглядъ и читающій тамъ не то, что высказывалъ собесѣдникъ Кавелина. А сколько сердечности, мягкости, нравственной чистоты выражалось въ глазахъ Кавелина!.. Звукъ его голоса отличался также необыкновенною привлекательностью, мелодичностью, музыкальностью и имѣлъ способность выражать не только самыя разнообразныя душевныя движенія, но и оттѣнки мысли. Невольно припоминаются мнѣ слова одной молодой дамы, хорошей музыкантши, преждевременно похищенной смертью: „Разговаривать съ Константиномъ Дмитріевичемъ, слушать его, — говорила она, — это все равно что наслаждаться прекрасной музыкальной пьесой, исполненной самимъ композиторомъ“.

Пробылъ у насъ Кавелинъ недолго — дня два или три; но въ это короткое время умъ мой воспріялъ столько новыхъ, невѣдомыхъ до того, впечатлѣній, получилъ такой матеріалъ для размышленія, — что долго послѣ того я жилъ воспоминаніемъ о знакомствѣ съ Кавелинымъ, ожидая съ нетерпѣніемъ новаго его посѣщенія. Кавелинъ научилъ меня должнымъ образомъ понимать просвѣтительное назначеніе науки въ жизни; онъ объяснилъ мнѣ смыслъ общественныхъ явленій современности и наглядно указалъ пользу исторіи въ приложеніи ея къ этимъ явленіямъ. Годъ самыхъ прилежныхъ книжныхъ занятій не могъ въ такой мѣрѣ расширить умственный кругозоръ, какъ два-три дня, проведенные вмѣстѣ съ Кавелинымъ.

Отъ насъ Кавелинъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ уже начинались волненія въ университетѣ. Эта извѣстная университетская исторія, ознаменовавшая вступленіе на постъ министра народнаго просвѣщенія адмирала Путятина, рассказана подробно на страницахъ „Вѣстника Европы“ ¹⁾; достаточно будетъ отмѣтить только, что она сложилась весьма неблагоприятно для Константина Дмитріевича Кавелина. Въ концѣ 1861 года онъ оставилъ профессорскую кафедру въ петербургскомъ университетѣ, выйдя въ отставку вмѣстѣ съ четырьмя другими профессорами: М. М. Стасюлевичемъ, А. Н. Пыпинымъ, В. Д. Спасовичемъ и Б. И. Утинымъ. Вслѣдъ затѣмъ потеряли свои мѣста попечитель петербургскаго

¹⁾ См. статью В. Д. Спасовича: „Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета“, по поводу исторіи этого университета, написанной В. В. Григорьевымъ. „Вѣстн. Евр.“ 1870, апрѣль и май.

университета генераль Филиппсонъ и министр народнаго просвѣщенія Путятинъ. На мѣсто послѣдняго былъ назначенъ А. В. Голловинъ, командировавшій Кавелина за границу для изученія состоянія западно-европейскихъ университетовъ.

25-го января 1862 г., Кавелинъ писалъ моей матушкѣ: „Въ судьбѣ моей идетъ какая-то невообразимая ералашъ! Вчера въ загонѣ... въ отставкѣ, сегодня—ѣду съ порученіемъ министра за границу! Пойми ты что-нибудь во всемъ этомъ! За то и погрязъ же я, во все удовольствіе, съ ...Филиппсономъ, нашимъ попечителемъ: поперецилъ ему шагъ за шагомъ... выводилъ его на свѣжую воду при 30-ти человѣкахъ профессоровъ, въ полномъ собраніи совѣта, и когда они съ ...Путятинымъ ужъ очень шибко расходились—написалъ объяснительную записку обо всемъ дѣлѣ, которую удалось довести до высшаго правительства и въ которой выяснилъ всѣ ихъ шапни. Какъ ни лихи были... а спасовали. Для воинственнаго моего азарта было широкое поле, — зато и постарѣлъ я на 10 лѣтъ, такъ это все меня сломило! Вѣрь тому, что такихъ субъектовъ ¹⁾ еще никогда не возсѣдало на министерскихъ и попечительскихъ креслахъ... Страшно вспомнить, озираясь назадъ, въ какія... руки мы было попали. Теперь повѣяло другимъ воздухомъ...

„...По возвращеніи изъ-за границы едва-ли успѣю съѣздить въ ваши края, потому что думаю прибыть назадъ никакъ не раньше августа, а можетъ быть, и позже. Затѣмъ открытіе университета, каторжная работа по устройству развалинъ, оставленныхъ двумя героями— адмираломъ и эскъ-казакомъ, лекціи и т. п. Если буду живъ, можетъ быть увижусь съ вами лѣтомъ 63 года, да и то Богъ вѣсть. По теперешнему ходу дѣлъ, па завтра и послѣ-завтра трудно разсчитывать“...

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Кавелинъ уѣхалъ въ Берлинъ и пробылъ за-границей гораздо больше, чѣмъ предполагалъ въ письмѣ къ матушкѣ. Онъ не возвратился въ профессоръ и рѣшилъ не принимать никакого официально-служебнаго поста. Ознакомившись съ берлинскими и нѣкоторыми другими сѣверо-германскими университетами, Кавелинъ отправился во Францію и прожилъ въ Парижѣ до октября 1862 года, изслѣдуя организацію высшаго французскаго преподаванія. Затѣмъ онъ изучалъ состояніе южно-германскихъ и швейцарскихъ университетовъ и лѣтомъ 1863 года ѣздилъ какъ бы въ отпускъ изъ-за границы

¹⁾ Кавелинъ выражается гораздо рѣзче.

въ свое самарское имѣніе. Возвращаясь оттуда, онъ опять заѣхалъ къ намъ въ деревню.

Въ этотъ разъ Кавелинъ далеко не былъ уже тѣмъ, чѣмъ былъ два года назадъ: тяжелымъ гнетомъ легли на него событія его личной жизни... Глаза его не имѣли той живости и блеска, какъ въ 1861 году; вся фигура его какъ-то осунулась; онъ сгорбился и вообще сильно постарѣлъ. У насъ въ семьѣ было также невесело, и Кавелинъ засталъ въ нашей Арышхадѣ далеко не такую „жизнерадостную“ обстановку, какъ въ 1861 году... 30-го марта 1863 года совершенно неожиданно сошла въ могилу моя сестра Вѣра, на 17-мъ году жизни, и это горе тяжело отозвалось на всей нашей семьѣ. Невольно въ разговорахъ Кавелина съ моими родителями рѣчь заходила о Вѣрочкѣ, и передъ дядей воскресалъ образъ его Мити, пробуждая въ душѣ воспоминанія о лучшей порѣ его жизни...

Проживъ полтора года за границей, въ совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, Кавелинъ изъ этого „прекраснаго далека“ могъ, по его собственному признанію, гораздо объективнѣе, точнѣе, цѣльнѣе, посмотрѣть на Россію изъ Европы и лучше понять наши внутреннія дѣла.

„Я былъ пораженъ той величавой картиной, которая мнѣ представилась, — говорилъ онъ. — Великорусскій народъ, даровитый отъ природы, молодой, съ свѣжими силами, прожилъ столѣтія при самыхъ невозможныхъ условіяхъ и сумѣлъ сохранить при этомъ громадныя задатки развитія, задатки блестящей будущности... Этотъ народъ, создавшій государство, вынесшій на своихъ плечахъ всѣ историческія невзгоды и поплатившійся за свою службу отечеству крѣпостнымъ правомъ, государственнымъ и частнымъ, есть совершенно своеобразный и новый этнографическій и общественный типъ. Въ немъ наполовину славянской крови — и въ этомъ задатокъ его будущности. Европа не знаетъ великоруссовъ, типъ этотъ для нея новый; она знаетъ южно-руссовъ и западно-руссовъ. По ея воззрѣнію казакъ является представителемъ русскаго народа. Великорусь прежде всего сельчанинъ; въ основу его государственнаго и общественнаго быта легла деревня, дворъ. „Домовладыка“ — вотъ его политическій и общественный идеалъ, воплощеніе котораго онъ видитъ въ созданной имъ царской власти. Кромѣ сильной монархической власти, никакой иной власти въ Россіи быть не можетъ: всѣ мечтанія о представительствѣ, о конституціи — химера. Европа и Россія — это два отдѣльных міра. Европа выработала городъ; горожанинъ, буржуа — вотъ ея типическій представитель. Россія — мужицкое

царство. Мужикъ преобладаетъ у насъ надо всѣмъ: $\frac{5}{6}$ населенія Великороссіи состоитъ изъ мужиковъ, которые опредѣляютъ нашу общественность. Наша интеллигенція, такъ называемые образованные классы, усвоившіе внѣшнюю европейскую культуру—это налетъ на народной жизни, и онъ останется навсегда пустоцвѣтомъ, если не уразумѣетъ своей настоящей задачи—изучить и понять жизнь и требованія массъ народныхъ и способствовать ихъ экономическому, умственному и нравственному развитію. Народныя массы у насъ не сформировались еще, не осыли; онѣ въ періодѣ формировація. Это какая-то этнографическая протоплазма, калужское тѣсто. Въ громадной этнографической ретортѣ перегораеть, формируется русскій народъ; въ этой ретортѣ перекипаютъ въ настоящее время всѣ наши историческія наслоенія“...

Кавелинъ любилъ прилагать былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ къ русскому народу. Онъ видѣлъ въ этой былинѣ его аллегорическое изображеніе. „Тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ богатырь,—говорилъ Кавелинъ,—такъ и мы: сидѣли, сидѣли сиднемъ, да что-нибудь и выйдетъ изъ насъ такое, что весь міръ вытаращитъ на насъ глаза! Чтѣ и когда выйдетъ, не знаю, а выйдетъ чтѣ-нибудь грандіозное, невиданное, небывалое!“

„Припомни,—говорилъ онъ мнѣ,—положеніе римскаго міра передъ нашествіемъ варваровъ. Мы переживаемъ теперь эпоху, аналогичную той. Западная Европа въ своей умственной и политической жизни доработалась до *pes plus ultra*, до филигранныхъ вещицъ. Ей больше некуда идти. Все въ ней мельчаетъ, все изнашивается—и люди, и мысли, и учрежденія. Мы—варвары; но варварами обновился древній римскій міръ; мы—новая фаза историческаго развитія. Мы—народъ будущаго. Не даромъ Иванушка-дурачокъ—любимый народный герой великорусскихъ сказокъ. Въ семьѣ европейскихъ народовъ мы—Иванушка-дурачокъ, но припомни, какъ этотъ дурачокъ надуваетъ своихъ умныхъ братьевъ“...

Проживъ до осени 1863 года въ Петербургѣ, Кавелинъ снова уѣхалъ за границу. Вотъ чтѣ писалъ онъ моей матушкѣ 11-го октября 1863 года.

„Любезный другъ и сестра Sophie!.. Я страшно занятъ наканунѣ отъѣзда за границу, и писать рѣшительно некогда... Жена остается и наняла квартиру. Соня ходитъ въ женскую гимназію и въ восторгѣ, что не ѣдетъ за границу. Патріотизмъ безпримѣрный. Я ѣду черезъ нѣсколько дней мѣсяцевъ на шесть. Все со мной по старому. Были разныя предложенія, очень хорошія, но я не могъ ихъ принять. Ёду въ Боннъ (Bonn am Rheine)

доработывать статьи о нѣмецкихъ университетахъ, въ типш и вдалекѣ. Черезъ полгода, если будемъ живы, увидимъ, что будетъ. Только война, на которую не очень похоже, можетъ меня вынудить воротиться раньше, чтобы поставить себя въ распоряженіе военнаго министерства.

„Читала-ли ты мою статейку о Новоузенскомъ краѣ и другую о Сводѣ Законовъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“¹⁾? Послѣдняя принята хорошо. Если попадется тебѣ, т.-е. твоему сыну или Александру Львовичу, — прочтите и помяните меня... Спасибо за дружбу и гостепріимство“.

Но и на этотъ разъ Кавелинъ прожилъ за границей не шесть мѣсяцевъ, а больше года. Онъ возвратился въ Петербургъ лишь въ началѣ ноября 1864 года.

Весьма любопытны подробности пребыванія Кавелина за границей. Къ сожалѣнію, мнѣ извѣстны лишь небольшіе отрывки, случайно переданные имъ въ разговорахъ. Вѣроятно, многіе изъ профессоровъ германскихъ и швейцарскихъ университетовъ хорошо помнятъ Кавелина, и ихъ не затруднитъ написать свои воспоминанія о немъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ находился въ перепискѣ. Онъ особенно сошелся съ боннскимъ профессоромъ Бушемъ, пруссофиломъ и горячимъ сторонникомъ германскаго единства, и съ базельскимъ профессоромъ Гельцеромъ, „просвѣщеннымъ шѣтистомъ“, человекомъ близкимъ при дворѣ баденскаго великаго герцога. Кавелинъ былъ дружески принятъ въ семействѣ этого „шѣтиста“ и сохранилъ самое теплое воспоминаніе о Гельцерѣ, его семьѣ и собиравшемся у него кружкѣ. Въ то время Кавелина приковывали къ себѣ вопросы психологіи и логики. Обзорывая германскіе университеты, онъ знакомился и сходилъ преимущественно съ профессорами философіи, и изъ бесѣдъ съ ними приходилъ къ заключенію, что философская мысль Германіи сильно понизилась, что она пробавляется старыми научными традиціями и не видитъ себѣ выхода на широкій путь новаго синтеза, который крайне необходимъ. Кавелинъ, по обычаю своему, сходилъ, и во Франціи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, съ людьми самыхъ разнообразныхъ направленій, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ. Рядомъ съ шѣтистомъ Гельцеромъ, онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ барономъ Гакстаузенемъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ быта русскихъ крестьянъ и по убѣжденіямъ религіознымъ самымъ яркимъ

¹⁾ Кавелинъ разумѣетъ здѣсь статьи свои, помѣщенные въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1863: „Замѣтки о Новоузенскомъ краѣ“ (№ 216) и „Чего желательно для Россіи: новаго свода, или уложенія?“ (№ 223).

и непримиримымъ католикомъ. Съ нимъ Кавелинъ познавался еще раньше, въ свою первую заграничную поѣзду въ 1857 г., и сошелся въ воззрѣніяхъ на освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Въ 1865 г. Кавелинъ, вмѣстѣ съ бывшимъ профессоромъ петербургскаго университета Б. И. Утинымъ, перевелъ съ нѣмецкаго языка изданную барономъ Гавстаузенемъ книгу: „Сборникъ статей о конституціонномъ началѣ“¹⁾. Въ Парижѣ Кавелинъ появлялся въ польскихъ кружкахъ, надѣясь на возможность мирнаго соглашенія между поляками и русскими. Въ то время „повстанье“ еще только готовилось и было, такъ сказать, подъ спудомъ. Въ Боннѣ Кавелинъ велъ бесѣды съ іезуитами, которыхъ тамъ весьма много и которые пользуются на Рейнѣ большимъ умственнымъ и экономическимъ вліяніемъ.

Кавелинъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ за границей. Постѣ петербургскихъ тревоженій онъ зажилъ спокойно. Особенно по душѣ припала ему Германія, съ ея скромной, благоустроенной, ежедневной будничной жизнью, полной поэтическихъ и ученыхъ традицій, среди которой, дѣйствительно, живетъ такъ привольно и *gemüthlich*. Рѣшившись твердо поставить крестъ на своей служебной карьерѣ, Кавелинъ мечталъ навсегда поселиться гдѣ-нибудь въ уютномъ уголкѣ Германіи и заняться философіей и составленіемъ учебника гражданского права.

Въ Боннѣ Кавелинъ прожилъ безвыѣздно годъ, начиная съ осени 1863 года. Въ живописномъ и тихомъ нѣмецкомъ университетскомъ городкѣ, живописно раскинувшемся на берегу Рейна, доработывалъ онъ и свои статьи о высшемъ преподаваніи во Франціи и Германіи, и написалъ большой ученый этюдъ: „Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?“²⁾. Обжившись въ

¹⁾ Въ этомъ сборникѣ, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1866 году, К. Д. Кавелинныи переведена 2-я часть, заключающая въ себѣ статьи І. Гельда, Гнейста, Вайца и Козегартена. Имъ же, какъ кажется, написано и все предисловіе къ сборнику.

²⁾ Кромѣ статей Кавелина объ организаціи высшаго, университетскаго, преподаванія во Франціи и Германіи, помѣщенныхъ въ „Журналъ Мин. Народн. Просв.“ 1862 и 1863 гг. и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1865 г., весьма важно „Извлеченіе“ изъ его письма отъ (25 марта) 6-го апрѣля 1863 г. изъ Тюбингена къ министру народнаго просвѣщенія (А. В. Головинну).—Это „Извлеченіе“ было напечатано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ отдѣльной брошюрой и мало извѣстно публикѣ. Кавелинъ, обозрѣвая заграничные университеты, собралъ большую и рѣдкую коллекцію мѣстныхъ университетскихъ статутовъ и разныхъ брошюръ, касающихся французскихъ высшихъ школъ и нѣмецкихъ и швейцарскихъ университетовъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ принесть эту коллекцію въ даръ Императорской Публич-

Боннѣ и близко сойдясь съ тамошними профессорами, Кавелинъ былъ пораженъ ихъ незнаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Россіи. Нѣмецкая интеллигенція очень интересовалась Россіей, но знала ее весьма поверхностно и большею частью съ внѣшней, такъ сказать, декоративной стороны. Такіе нѣмцы, какъ баронъ Гаестгаузенъ, побывавшій въ Россіи и сдѣлавшій много любопытныхъ наблюденій надъ нашимъ отечествомъ, были въ то время въ Германіи исключеніемъ. Большинство нѣмцевъ знало насъ по слухамъ, или черпая свои свѣденія изъ весьма недосто- вѣрныхъ источниковъ. Приливъ въ нѣмецкіе университеты рус- ской университетской молодежи, отправленной въ 1862 г. ми- нистромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ для под- готовленія къ профессорскимъ кафедрамъ, сильно возбудилъ любо- пытство нѣмцевъ, и они стали осаждать Кавелина вопросами.

Боннскіе профессора сходились въ одномъ изъ ресторановъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Эти собранія носили названіе Dozenten-Club. Здѣсь, среди неизбѣжныхъ кружекъ пива, обсуж- дались разные научные и политическіе вопросы и читались ре- фераты по нимъ. Кавелинъ былъ дружески, по-товарищески при- нять боннскими профессорами въ Dozenten-Club и, разсуждая о философскихъ вопросахъ, раскрывалъ передъ ними съ своей точки зрѣнія современное положеніе дѣлъ въ Россіи. Къ сожа- лѣнію, я имѣлъ случай познакомиться только съ однимъ изъ бонн- скихъ профессоровъ, но по его отношенію къ Кавелину я могу себѣ ясно представить, какъ обаятельно вліяла на нѣмецкихъ ученыхъ увлекающаяся, восторженная натура Кавелина. Въ 1869 году, наканунѣ франко-прусской войны, проѣздомъ черезъ Боннъ, я былъ у тамошняго профессора Буша съ письмомъ отъ Каве- лина. Практическій нѣмецъ, прусскій патриотъ и милитаристъ, фанатическій поклонникъ Бисмарка — Бушъ превратился въ нѣ- мецкаго бурша, разспрашивая меня про Кавелина. Куда дѣва- лась чопорная важность Medicinal-Geheimrath'a, съ которой онъ меня встрѣтилъ, не зная, кто я! Онъ забросалъ меня вопросами о дядѣ, о его семьѣ, сталъ припоминать его житье-бытье въ Боннѣ.

— „Да!.. Кавелинъ, — говорилъ Бушъ, — это юноша въ образѣ мужа, это вѣчный юноша; но какой юноша!.. Что за преиспол- ненный талантовъ умъ, что за золотое сердце! Много видалъ я

ной Библіотекѣ. Его статья: „Что есть гражданское право и его предѣлы“ напеч. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1864 года и отдѣльной брошюрой въ томъ же году.

людей на своемъ вѣку, — но такого сочетанія ума и знанія съ талантомъ и съ сердцемъ не встрѣчалъ“...

„Одного не прощу вашему дядѣ, — продолжалъ онъ: — зачѣмъ онъ бросилъ кафедру! Такихъ профессоровъ, какъ онъ, и у насъ мало, не только что у васъ... Развѣ его мѣсто въ канцеляріи? Мало у васъ чиновниковъ! Кавелины рождены не для канцеляріи“... ¹⁾

Боннскіе профессора пристали къ Кавелину, чтобы онъ прочелъ имъ въ ихъ клубѣ какой-нибудь Vorlesung. Исполняя ихъ желаніе, въ зиму 1863 — 1864 года, онъ прочелъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ двѣ субботы краду, объ „историческомъ значеніи освобожденія крестьянъ въ Россіи“. Развивъ въ этихъ чтеніяхъ свои излюбленныя воззрѣнія на великорусское племя, приведенныя выше, Кавелинъ высказалъ мысль, что крѣпостное право, будучи результатомъ нашихъ бытовыхъ условій, является основой великорусской общественности до самаго XVIII в., и что помѣщичье крѣпостное право есть только одно изъ проявленій крѣпостной зависимости, что, начиная съ Петра В., постепенно развивается освобожденіе разныхъ общественныхъ классовъ отъ государственнаго крѣпостного права, и 19-е февраля 1861 года является лишь завершеніемъ этого освободительнаго періода въ сферѣ частныхъ крѣпостныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Эти воззрѣнія были не только новы для нѣмецкихъ профессоровъ, но онѣ новы и малоизвѣстны до сихъ поръ и намъ русскимъ ²⁾.

Разсказывалъ Кавелинъ не разъ о поѣздѣ своей къ барону Гакстаузену, въ его вестфальскій замокъ (кажется, Wasserburg). Это было въ апрѣлѣ 1864 года. Заработавшись въ Боннѣ и захворавъ лихорадкой, Кавелинъ захандрилъ. Желая освѣжиться, онъ вспомнилъ о приглашеніи барона Гакстаузена и поѣхалъ къ нему въ замокъ, до котораго, послѣ разныхъ странствій, добрался лишь къ вечеру, такъ какъ, по свойственной ему разсѣянности, забылъ адресъ въ Боннѣ и ѣхалъ на-угадъ. Кавелинъ былъ перенесенъ изъ дѣйствительности въ поэтический міръ среднихъ вѣковъ. Впервые видѣнный имъ такъ близко старинный рыцарскій замокъ произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, которое еще болѣе было усилено непроходившей лихорадкой и нервнымъ разстройствомъ. Его встрѣгли въ мрачномъ замкѣ

¹⁾ Кавелинъ поступилъ въ 1865 г. на службу въ департаментъ неокладныхъ сборовъ. Объ этомъ будетъ рѣчь въ концѣ настоящей главы.

²⁾ Въ бумагахъ Кавелина сохранился, написанный по-русски, подробный конспектъ этихъ чтеній.

хозяинъ — 75-лѣтній, одинокій старикъ и 80-лѣтній капелланъ, какъ бы привидѣнія изъ міра прошлаго. Болѣзненно настроенное воображеніе Кавелина особенно сильно разыгралось, когда онъ остался ночью одинъ въ отведенной ему комнатѣ, въ которую провелъ его капелланъ черезъ длинный готическій корридоръ, отдѣлявшій эту комнату отъ главныхъ, жилыхъ покоевъ барона... Вдругъ раздался мѣрный стукъ, какъ бы въ дверь. Холодный потъ выступилъ и дрожь пробѣжала по всему тѣлу Кавелина. Онъ не вѣрилъ въ привидѣнія, но невольно испугался; онъ всталъ въ страхѣ, пошелъ отыскивать причину стука — и, разумѣется, нашелъ ее: отъ сотрясенія тонкаго пола качался столикъ, у котораго ножки были неровны. Но и по выясненіи причины, долго не проходилъ у Кавелина безотчетный, нервный страхъ, и онъ пересилилъ его лишь долгой борьбой съ своими нервами. Онъ тихо сталъ ходить по комнатѣ, постепенно умѣряя шаги и сопровождая ихъ небольшимъ глоткомъ воды... Заснуть онъ могъ только къ разсвѣту.

На другой день его ждала новая непріятность. Баронъ Гакстаузенъ, будучи самъ любителемъ-музыкантомъ, вздумалъ угощать гостя старинной, классической религіозной музыкой, а затѣмъ перешелъ на почву философско-религіозныхъ преній. Баронъ возобновилъ не разъ предпріятыя имъ прежде, но всегда неудачныя попытки — убѣдить Кавелина въ истинахъ римскаго католицизма и обратить его въ лоно святой апостольской церкви. Это уже окончательно вывело изъ себя Кавелина. Онъ рѣзко возражалъ Гакстаузену, хотя и стѣснялся нѣсколько, что опечалилъ старика, и еще у него же въ домѣ. Но дѣлать было нечего. Самостоятельность убѣжденій должна была взять верхъ надъ чувствомъ деликатности гостя передъ хозяиномъ. Кавелинъ вообще терпѣть не могъ назойливаго, докторально-покровительственнаго тона въ спорахъ съ нимъ, особенно въ вопросахъ религіозныхъ, какой невольно взялъ баронъ Гакстаузенъ, твердо вѣровавшій въ непогрѣшимость папскаго авторитета и считавшій Кавелина заблудшей овцой. Никакого обращенія себя въ какое-либо ученіе — религіозное и политическое — Кавелинъ не допускалъ. Что касалось его убѣжденій, онъ былъ очень упоренъ и приносилъ имъ въ жертву самыя близкія отношенія въ людямъ, сложившіяся въ теченіе долгихъ лѣтъ, разрывая крѣпкія дружескія связи иной разъ изъ-за недоразумѣнія, изъ-за неловко высказанной фразы. Одно изъ доказательствъ тому приведено будетъ ниже.

— „Меня просто беретъ досада, — неоднократно говорилъ Кавелинъ, — когда меня пробуютъ обращать; я чувствую себя оби-

женнымъ и оскорбленнымъ, когда кто-нибудь посягаетъ на мои убѣжденія, какъ будто я ребенокъ, что самъ не знаю, чему вѣрить и какъ вѣрить, въ чемъ быть убѣжденнымъ и въ чемъ не быть. Лекарство я приму какое угодно, будь оно самое скверное, зная, что оно излечитъ меня отъ болѣзни; но чужое воззрѣніе я не могу выпить сразу, какъ мнестуру; убѣжденіе, вѣрованіе есть результатъ цѣлой жизни, и основныя свои воззрѣнія я не могу выбросить вонъ, какъ выбрасывается старое, изношенное платье“.

Пребываніе у барона Гакстаузена оставило въ Кавелинѣ удручающее чувство. Замокъ его, съ давящей обстановкой, монастырскимъ складомъ жизни—представился Кавелину могилой; самъ хозяинъ—мертвецомъ. „Это чувство невыразимо тяжелое: сознавать, что живешь, не живя, или живешь только въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ“,—говорилъ Кавелинъ... Такъ жить долго онъ не могъ; онъ бы, по его собственному признанію, стосковался, изнылъ или, быть можетъ, сошелъ съ ума.

Выѣхавши изъ замка барона Гакстаузена, Кавелинъ почувствовалъ, что камень гробовой спалъ у него съ груди и... вздохнулъ свободно.

Какъ ревниво охранялъ Кавелинъ отъ посягательства свои убѣжденія и какъ онъ разрывалъ изъ-за этихъ посягательствъ многолѣтнія, самыя близкія отношенія—лучше всего можно видѣть изъ его разрыва съ Герценомъ.

Кавелинъ сблизился съ Герценомъ въ Москвѣ, во время своего профессорства. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Герценъ, недавно передъ тѣмъ женившійся, поселился съ семьей въ Москвѣ, отдыхая среди друзей и за литературными занятіями послѣ невольнаго пребыванія въ Перми, Вяткѣ, Владимірѣ и Новгородѣ. Въ то время Герценъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ представителей космополитическаго воззрѣнія т.-наз. западниковъ. По отъѣздѣ Герцена за границу въ 1847 году, Кавелинъ сохранилъ сношенія съ нимъ. Кавелинъ высоко ставилъ умъ и сердце Герцена. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ искренней любви его къ Россіи и русскому народу и говорилъ, что Герценъ, по природѣ своей, былъ скорѣе политическимъ мечтателемъ, а вовсе не революціонеромъ, каковымъ онъ сталъ впоследствии, по стеченію неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ. Герценъ, по словамъ Кавелина, былъ человѣкъ смѣлой теоретической мысли, а не дѣйствія. Идеалистъ прежде всего, какъ всѣ люди 40-хъ годовъ, онъ былъ постоянно озлобляемъ и раздражаемъ окружающей его средой,—что и привело его къ революціонному образу мыслей. Убѣдившись, послѣ мартовскихъ событій 1848 года въ Парижѣ, въ

беспольности революцій, Герценъ разочаровался въ своихъ западно-европейскихъ политическихъ идеалахъ и иначе взглянулъ „съ того берега“ на Россію. Европа представилась ему „старымъ міромъ“, переживающимъ свои историческія, буржуазныя традиции, міромъ, для котораго нѣтъ движенія впередъ, нѣтъ выхода; Россія—міромъ новымъ, полнымъ жизни и силы, страной будущаго... Онъ восторженно привѣтствовалъ воцареніе императора Александра II и нетерпѣливо ожидалъ обновленія Россіи при новомъ царствованіи... Герцену до того страстно хотѣлось снова видѣть родную землю, что онъ въ 1857 году не разъ и совершенно серьезно говорилъ Кавелину, что рѣшился бы просидѣть нѣсколько лѣтъ въ Петропавловской крѣпости и обречь себя на полное безмолвіе, лишь бы ему дозволено было возвратиться въ Россію.

Такое настроеніе мыслей Герцена сближало его съ Кавелинымъ больше, чѣмъ крайне-западническія убѣжденія прежнихъ лѣтъ. Приведенныя мною выше воззрѣнія Кавелина, высказанныя имъ у насъ въ деревнѣ въ 1863 г., были очень близки къ взглядамъ Герцена на Россію и Европу. Повидимому, и Герценъ, и Кавелинъ обратились въ славянофиловъ; но это только повидимому. И Герценъ, и Кавелинъ, имѣли воззрѣнія, близкія къ славянофильству относительно различія западно-европейскаго міра отъ русскаго, но въ исходной точкѣ этого различія они не могли быть согласны съ Хомяковыми, Кирѣевскими и Аксаковыми. Славянофилы, какъ извѣстно, въ основу различія двухъ европейскихъ міровъ—западнаго (романо-германскаго) и восточнаго (греко-славянскаго, съ Россіей во главѣ) ставятъ принципъ религіозный, пониманіе христіанскаго вѣроученія. По ихъ теоріи, міръ греко-славянскій пребываетъ вѣрнѣ истинному, вселенскому православію, а въ мірѣ германо-романскомъ развиваются лже-христіанскія ученія: римско-католическое и протестантскія. Ни Герценъ, ни Кавелинъ, никогда не раздѣляли этой вѣроисповѣдной точки зрѣнія, въ чемъ и заключается ихъ коренное различіе съ славянофилами. Еще менѣе Герценъ и Кавелинъ могли сочувствовать той разновидности славянофильства, которая проявилась среди послѣдователей этого ученія съ самаго его возникновенія: она выражалась въ возвеличеніи всего русскаго и порицаніи западно-европейскаго, преклоненіи передъ русскимъ *statu quo* и глумленіи надъ западно-европейской мыслью и наукой.

Въ началѣ 1863 года Кавелинъ разошелся съ Герценомъ и разошелся навсегда, безповоротно.

Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Пріѣхавъ къ Герцену въ Лондонъ, Кавелинъ сталъ переда-

вать ему впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ поѣздокъ въ Поволжье, и высказывать свои воззрѣнія на „мужицкое царство“. Запла рѣчь о польскихъ дѣлахъ — и первая черная кошма пробѣжала между друзьями... Кавелинъ съ негодованіемъ отзывался о повстаніи 1863 года, а Герценъ, наоборотъ, видѣлъ въ немъ начало освобожденія Польши... Въ то время онъ брался съ польскими революціонерами и наполнялъ столбцы своего „Коловола“ сочувственными отзывами о польскомъ повстаніи. Кавелинъ, по своей натурѣ, не могъ быть никогда солидаренъ съ революціоннымъ образомъ дѣйствій. Его возмущало всякое насиліе, откуда бы оно ни шло, сверху ли, снизу ли, во имя ли ретроградныхъ, или либеральныхъ идей; онъ былъ врагъ всякихъ крутыхъ переломовъ въ народной жизни и всякихъ тайныхъ, подпольныхъ интригъ и заговоровъ. Стоя неизмѣнно на легальной почвѣ, онъ дѣйствовалъ явно, открыто; понимая широко значеніе въ народной жизни истинной свободы, политической и общественной, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что свобода эта достигается продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ лучшихъ людей на пользу народа и пріобрѣтается постепенно, путемъ мирнаго общественнаго прогресса, выражающагося въ государственныхъ и общественныхъ реформахъ. Кроме того, для Кавелина стала ясна клерикально-шляхетская подкладка польскаго повстанія 1863 г., и онъ, не увлекаясь уже больше возможностью мирнаго соглашенія съ поляками, какъ увлекался въ 1862 году, рѣзко возражалъ Герцену по поводу польскихъ дѣлъ...

Разговаривая на эту тѣму, Кавелинъ и Герценъ не могли не затронуть по существу своихъ политическихъ убѣжденій, и при тождествѣ ихъ мыслей о различіи русскаго міра отъ западно-европейскаго не замедлило проявиться несходство въ выводахъ и во взглядахъ на многія частныя явленія въ русской общественной жизни. Рѣчь зашла, между прочимъ, и о брошюрѣ Кавелина: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, которая играетъ весьма важную роль въ исторіи развитія политическихъ взглядовъ Кавелина. Брошюра эта, при своемъ появленіи, не была понята ни друзьями, ни недругами Кавелина, и истолкована тѣми и другими не въ его пользу. Первымъ она представилась слишкомъ умѣренной, вторымъ — слишкомъ смѣлой. Въ этихъ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ на брошюру Кавелина проглядываетъ уже начало той двойственности въ сужденіяхъ о всемъ его міросозерцаніи, которая постоянно высказывалась съ тѣхъ поръ до самой его кончины. Крайніе прогрессисты считали Кавелина человекомъ слишкомъ умѣреннаго образа мыслей, а консерваторы и люди

официальнаго воззрѣнія — слишкомъ радикальнымъ. Въ сущности же Кавелинъ не былъ ни радикаломъ, ни консерваторомъ, какъ не былъ онъ ни западникомъ, ни славянофиломъ; онъ былъ всегда и вездѣ самимъ собою — человекомъ самостоятельно и независимо мыслящимъ... Поэтому-то такъ трудно съ точностью выяснить его міросоверпаніе, и эта задача можетъ быть выполнена съ успѣхомъ не теперь, а лишь со временемъ, когда будетъ собрано болѣе его писемъ и воспоминаній о немъ.

Люди, неблизко стоявшіе къ Кавелину, поняли его брошюру въ смыслѣ уступки правительственнымъ сферамъ, объясняли ея происхожденіе желаніемъ со стороны Кавелина возстановить свою репутацію въ глазахъ этихъ сферъ. Само собою, нужно было слишкомъ мало и плохо знать Кавелина, чтобы понимать такимъ образомъ того человека, который никогда и не передъ кѣмъ не кривилъ совѣстью и не шелъ ни на какіе компромиссы! Въ такомъ именно смыслѣ былъ напечатанъ отзывъ о брошюрѣ Кавелина княземъ П. В. Долгорукимъ въ газетѣ „Правдивый“, выходившей подъ его редакціей въ Лейпцигѣ ¹⁾.

Герценъ, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ, спросилъ Кавелина:

— Какую ты написалъ брошюру?

— Она издана, ты можешь ее купить, — отвѣчалъ онъ, и кратко изложилъ ему содержаніе брошюры.

Герценъ былъ крайне пораженъ...

— Ты забылъ, что ты Кавелинъ, — сказалъ онъ ему. — Ты даешь поводъ не въ должномъ свѣтѣ понять твои мысли — и то уже начинаютъ говорить о тебѣ Богъ знаетъ чтб!...

На этомъ разговоръ ихъ прекратился. Кавелинъ уѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ отъ Герцена письмо, съ рѣзкимъ разборомъ брошюры и съ увѣщаніемъ Кавелина покаяться... „Въ выводахъ твоей брошюры ты погорячился, — писалъ ему Герценъ. — Можно быть оптимистомъ, какимъ ты былъ всегда, но не такимъ, какимъ ты являешься въ твоёмъ обращеніи къ русскому дворянству. Покайся въ твоей горячности“, — убѣждалъ Герценъ Кавелина.

Тонъ и смыслъ письма вывели изъ себя Кавелина. Онъ отвѣчалъ Герцену, рѣзко упрекая его въ томъ, что, будучи съ нимъ въ столь давнихъ и близкихъ отношеніяхъ, а слѣдовательно зная его прекрасно, онъ рѣшился заподозрѣвать его намѣренія и читать ему нравоученія, которыхъ онъ, какъ извѣстно Герцену,

¹⁾ См. „Правдивый“, 1862, № 3, отъ 12 мая.

никогда и ни отъ кого принимать не привыкъ и не желаетъ. Герценъ не отвѣчалъ. За него написалъ Кавелину письмо другъ его, Н. П. Огаревъ, говоря, что онъ долженъ дать отчетъ о брошюрѣ въ „Колоколѣ“, и заранѣе предупреждая Кавелина, что отчетъ будетъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ.—Кавелинъ не только не питалъ къ Огареву тѣхъ чувствъ, которыя питалъ къ Герцену, но просто не любилъ его и считалъ человѣкомъ не-серьезнымъ. Съ Огаревымъ онъ не поцеремонился и отвѣчалъ ему еще рѣзче, чѣмъ Герцену, предоставляя писать что угодно. Тѣмъ не менѣе никакой статьи въ „Колоколѣ“ о брошюрѣ Кавелина не появилось. Только въ 163 № „Колокола“, отъ 15 мая 1863 года, Огаревъ сдѣлалъ намекъ на эту брошюру. Заведя мимоходомъ рѣчь о преподаваніи Кавелинымъ покойному государю наслѣднику Николаю Александровичу, Огаревъ сказалъ, что въ то время Кавелинъ былъ еще „до-брошюрнымъ“ (т.-е. не издавалъ еще тогда своей брошюры о дворянствѣ).

Объясненіе съ Герценомъ и переписка съ нимъ по поводу брошюры были послѣдними сношеніями между нимъ и Кавелинымъ. Герценъ все болѣе и болѣе переставалъ понимать Россію, и послѣ польскаго возстанія 1863 г. Кавелинъ увидалъ, что связи у него съ Герценомъ порвались навсегда...

Съ сердечною болью вспоминалъ впослѣдствіи Кавелинъ о своемъ разрывѣ съ Герценомъ. Онъ сознавался откровенно, что погорячился, но не въ выраженіи мыслей въ брошюрѣ „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, въ чемъ упрекалъ его Герценъ, а въ своей заальчивости по отношенію къ нему. Особенно онъ скорбѣлъ объ этомъ, читая въ „Посмертныхъ сочиненіяхъ“ Герцена (изд. въ Женевѣ въ 1870 г.) „Письма къ старому товарищу“. Въ нихъ ярко выражалась та душевная скорбь, которую переживалъ Герценъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Въ письмѣ къ моей матушѣ отъ 11-го октября 1863 года, приведенномъ выше, Кавелинъ писалъ, что только война вынудить его поступить на службу по военному министерству, и что онъ не могъ принять очень хорошихъ предложеній, которыя ему дѣлались; но черезъ годъ обстоятельства заставили его поступить на коронную службу. Самымъ главнымъ изъ этихъ обстоятельствъ было стѣсненное матеріальное положеніе. Онъ поступилъ на службу къ своему другу, К. К. Гроту, бывшему въ то время директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ, при одномъ условіи:

не пользоваться отъ государственной службы никакими ея внѣшними преимуществами, ни чинами, ни орденами.

20-го марта 1865 г. онъ писалъ моему матушкѣ изъ Петербурга: „Любезный другъ Софья! Пожалуйста не сердись на меня за то, что я не отвѣчалъ тебѣ такъ долго на твое дружеское письмо. Ты, вѣроятно, знаешь, что обстоятельства заставили меня воротиться опять на жительство въ проклятый Петербургъ и принять службу. Я теперь, по выраженію моихъ друзей, „кабашный юрисконсультъ“, служу при бывшемъ питейномъ департаментѣ министерства финансовъ. Теперь этотъ департаментъ изъ учтивости переименованъ въ департаментъ неокладныхъ сборовъ. Директоромъ въ немъ мой старинный и большой другъ Гротъ, который меня и устроилъ. Получаю 3,000 руб. и работаю много. Занятія юридическія и проектныя. Все это прописываю тебѣ, чтобы объяснить, что я очень занятъ и были работы сѣйшныя, которыя не давали мнѣ возможности отвѣчать тебѣ тотчасъ же.

„Я пріѣхалъ въ Петербургъ 3-го ноября, наканунѣ того дня, какъ мнѣ стукнуло 46 лѣтъ. Порядочно вылинялъ и посѣдѣлъ, но здоровьемъ лучше, благодаря простоквашѣ, которую ѣмъ, даже зимою, два раза въ день по цѣлой тарелкѣ, и благодаря чрезвычайно регулярному образу жизни, аккуратнымъ прогулкамъ утромъ и послѣ обѣда, наконецъ, благодаря совершенному воздержанію отъ всего, похожего на крѣпкіе напитки. Всему этому я долженъ былъ подчиниться, чтобы не впасть въ наслѣдственную въ нашемъ Кавелинскомъ родѣ ипохондрію, къ которой имѣю склонность; пока удалось отъ нея избавиться; не знаю, что будетъ дальше.

„Сообщить имѣю тебѣ очень мало новаго. Веду жизнь очень уединенную, мало выѣзжаю и мало съ кѣмъ вижусь. На мой глазъ въ Петербургѣ стало гораздо скучнѣе, можетъ быть, потому что я самъ постарѣлъ. Впрочемъ, о петербургской скукѣ говорятъ всѣ; стало-быть, должна же быть въ этомъ своя доля правды“.

„(22 марта) 3-го апрѣля. Нынче лѣтомъ, въ іюлѣ или августѣ, на возвратномъ пути изъ деревни, непременно навѣщу тебя, chère Sophie, по обычаю, но, увы! опять на нѣсколько лишь дней. Служба мѣшаетъ. Семья поѣдетъ за границу. Моей женѣ и Сонѣ принесли большую пользу крейцнахскія ванны, и потому очень желательно, чтобы въ нынѣшнемъ году обѣ снова ими пользовались. Онѣ должны воротиться къ концу августа, потому что въ это время начинаются у Сони уроки въ гимназіи...

„Идутъ ли у васъ земскіе выборы и какъ идутъ? Послѣ отмѣны крѣпостного права, ни одинъ внутренній русскій вопросъ не интересовалъ меня такъ живо, какъ этотъ. Отъ успѣха земскихъ

учрежденій зависить вся наша ближайшая будущность, и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависѣть готовы ли мы къ конституціи и скоро ли ее получимъ. Выходеи московскаго дворянства скорѣе отдалять насъ отъ этой цѣли, выказывая все наше малолѣтство и пошлость. Выказывая безсильную злобу и запоздалое сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ (да почіетъ оно въ мирѣ!), дворянство московское только раздражаетъ противъ себя царя, всѣхъ людей, видящихъ далѣе своего носа, и всѣ прочія сословія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше.

„Обнимаю тебя. Пожми крѣпче руку твоему мужу. Племяннику пишу особо.

„Твой другъ и братъ—К. Кавелинъ“.

Д. КОРСАКОВЪ.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ

ПРОШЛАГО ВѢКА

—Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева, изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1796. Большой томъ, XII и 315 стр.

Настоящее детальное изученіе XVIII-го вѣка начинается всего немногіе годы тому назадъ. До недавняго времени мы знали о прошломъ вѣкѣ почти только то, что давала официальная исторія и на что указывала или темно намекала условная и всего меньше свободная и искренняя литература того времени; закулисная, внутренняя жизнь общества и народа была извѣстна только по преданіямъ, по нѣсколькимъ иностраннымъ сочиненіямъ и по догадкамъ; небогаты были свѣденія и въ то время, когда въ 30-хъ и 40-хъ годахъ началъ быть историческій судъ надъ этой эпохой, надъ реформой Петра и „петербургскимъ періодомъ“. Литература прошлаго столѣтія была, при всемъ ея интересѣ, очень скуднымъ свидѣтельствомъ о внутренней жизни общества, хотя надолго успѣла извратить понятія, на примѣръ, о временахъ Екатерины II. Общество XVIII-го вѣка успѣло высказаться въ литературѣ очень мало: издавна лишенное самостоятельности, общество осмѣливалось выговаривать только тѣ мысли и „чувствованія“, которыя подходили подъ принятую официальную мѣрку; что не подходило подъ нее, то или не говорилось вовсе, или записывалось лишь для себя, держалось въ тайнѣ; и такъ какъ послѣдующія времена были не болѣе благоприятны для выраженія хотя бы давняго общественнаго мнѣнія, то эти писанія оставались лежать подъ спудомъ до тѣхъ поръ,

пока, черезъ сотню лѣтъ, получили возможность взглянуть на свѣтъ въ наше время, хотя все еще не безъ урѣзокъ и умолчаній. Такимъ образомъ сложилась цѣлая, теперь уже обширная литература заднимъ числомъ, состоящая изъ произведеній, которыя оставались большею частью совершенно неизвѣстными въ свое время ¹⁾ и, слѣдовательно, лишены были основного условія литературнаго труда—распространенія въ публикѣ, съ какимъ-нибудь участіемъ въ движеніи умовъ и вліяніемъ на ходъ образованія. Это не мѣшаетъ имъ представлять высокій интересъ, какъ доносящемуся до насъ отголоску стараго времени, какъ историческому свидѣтельству. Большинство этихъ произведеній состоятъ въ мемуарахъ, историческихъ разсказахъ и воспоминаніяхъ, и содержаніе ихъ таково, что съ тѣхъ поръ, какъ они явились въ печати, они не могутъ отсутствовать въ историческомъ трудѣ о XVIII-мъ вѣкѣ и дѣйствительно доставляютъ для него множество характерныхъ подробностей. Такъ, съ начала XVIII-го вѣка и до Александровскихъ временъ, когда доживали свой вѣкъ люди Екатерининскаго времени, мы имѣемъ длинный рядъ произведеній этого рода, вышедшихъ изъ-подъ спуда и представляющихъ теперь чрезвычайно интересное чтеніе для любителей и изслѣдователей нашей исторіи. Таковы, напримѣръ, въ высшей степени характерныя записки московскаго священника Петровскихъ временъ Лукьянова; вновь открываемыя сочиненія Татищева; многотомныя и богатая матеріаломъ для бытовой исторіи прошлаго вѣка, болтливыя записки Болотова; историко-политическіе памфлеты князя Щербатова; записки о временахъ Елизаветы и Екатерины II—Добрынина, Гарновскаго, Винскаго, княгини Дашковой и т. д.; о тѣхъ же и болѣе позднихъ временахъ записки адмирала Чичагова, Ростопчина, Кутлубицкаго, Саблукова; таковы цѣлыя архивы въ „Сборникѣ Историческаго Общества“, „Архивѣ кн. Воронцова“ и т. д.; таковы нѣкоторые произведенія литературы о расколѣ (еще съ XVII-го вѣка), который въ первый разъ дѣлается теперь предметомъ правильнаго изученія.

Съ помощью этихъ новыхъ источниковъ XVIII-й вѣкъ начинаетъ представляться значительно иначе, чѣмъ то было до недавняго времени. Ни прежнія официальные восхваленія, ни рѣшительные приговоры „петербургскому періоду“ уже не могутъ имѣть мѣста: за красивыми декораціями открывается часто не-

¹⁾ Лишь немногое изъ нея ходило по рукамъ въ спискахъ, какъ, напр., разныя сочиненія князя М. М. Щербатова, какъ ходила въ спискахъ книга Радичева и т. п.

взрачная или печальная дѣйствительность; панегирикъ падаетъ подъ критикой, какъ съ другой стороны за энергическимъ переворотомъ реформы видится обычное теченіе жизни, сложившейся въ прежніе вѣка и медленно вырабатывающей новыя формы быта и новыя міровоззрѣнія.

Книга, заглавіе которой мы выписали, даетъ новое подтвержденіе тому, что мы имѣли случай не разъ говорить о XVIII-мъ вѣкѣ. Даже въ томъ образованномъ слоѣ общества, который всего больше или исключительно подвергся вліянію реформы, мы имѣемъ возможность наблюдать, какъ медленно шло дѣло новаго образованія, какъ крѣпко держались стародавніе обычаи и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ возникали, однако, новыя стремленія, которыхъ не знала старина и которыя прокладывали путь къ развитію новаго общественнаго самосознанія. Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, что культурное вліяніе реформы шло еще очень туго въ первой половинѣ столѣтія; что, собственно говоря, литературное движеніе, порожденное духомъ реформы, пріобрѣтаетъ нѣсколько замѣтные размѣры только со второй половины столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начинаютъ прививаться литературныя формы и содержаніе, заимствованныя на Западѣ, а особливо у французовъ, въ болѣе серьезныхъ людяхъ возникаетъ глубокое стремленіе къ изученію своей страны, исторіи и своего народа — именно народа, потому что онъ дѣйствительно уже съ тѣхъ поръ становится однимъ изъ предметовъ внимательнаго изслѣдованія ученыхъ, своихъ и чужихъ, какъ Ломоносовъ, Палласъ, Лепехинъ, Озерецовскій, Иноземцевъ и пр. и пр. Сюда примыкаетъ и отысканное недавно сочиненіе Челищева. Рукопись этого сочиненія пріобрѣтена была графомъ С. Д. Шереметевымъ въ 1883 году. Это — большой томъ въ листъ (368 л.), написанный рукою писца, но съ большими дополненіями и приписками другой руки, безъ сомнѣнія, самого автора. Въ рукописи находится нѣсколько рисунковъ, чертежей и картъ, изъ которыхъ одни сдѣланы отъ руки, другіе представляютъ какъ бы пробныя оттиски съ гравированныхъ досокъ, приготовленныхъ для печати. Авторъ, повидимому, намѣревался напечатать свои записки; по предположенію г. Майкова, на это указываетъ то, что нѣкоторыя изображенія, составляющія приложенія къ запискамъ, какъ, напр., портретъ Ломоносова и карта окрестностей его родины, прибавлены къ рукописи въ видѣ готовыхъ печатныхъ оттисковъ, и гравюры эти извѣстны только въ этихъ единственныхъ экземплярахъ. Приготовленіемъ къ изданію могутъ быть и тѣ дополненія, какія сдѣланы въ рукописи самимъ авторомъ. Новѣйшій издатель пола-

гаетъ, что по своему содержанию эти дополненія таковы, что не могли бы явиться въ печати въ царствованіе Екатерины или Павла, и думаетъ поэтому, что изданіе книги было затѣано уже въ началѣ царствованія Александра I-го, когда положеніе печати значительно улучшилось. Намъ кажется, напротивъ, что дополненія сдѣланы еще подъ живыми впечатлѣніями путешествія въ томъ духѣ, въ какомъ авторъ могъ говорить въ 1790-хъ годахъ; а въ послѣдующее время можно было бы ожидать прибавокъ иного рода, съ нѣкоторымъ историческимъ отношеніемъ къ прежнему изложенію ¹⁾. Какъ бы то ни было, книга Челищева осталась неизданной, и только счастливый случай, приведшій ее въ руки просвѣщеннаго собирателя, сохранилъ ее для исторіи нашей литературы.

Рукопись озаглавлена такъ: „Подробный журналъ путешествія моего. 1791“; имени автора не поставлено, но оно много разъ названо въ самомъ текстѣ, гдѣ авторъ по разнымъ случаямъ себя называлъ. Имя Петра Ивановича Челищева извѣстно было до сихъ поръ только по біографіи Радищева, котораго онъ былъ товарищемъ по пажескому корпусу и по жизни въ Лейпцигѣ, куда они, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ молодыхъ людей, были посланы для усовершенствованія въ наукахъ. Въ печати его имя было отыскано г. Майковымъ только въ качествѣ русскаго переводчика нѣмецкой драматической кантаты: „Feliza Mutter der Völker“, вышедшей въ Петербургѣ, 1793. Объ его біографіи издатель могъ собрать только немногія свѣденія. Челищевъ родился въ 1745 году и былъ родомъ изъ дворянъ смоленской губерніи; отецъ его былъ секундъ-маіоръ воронежскаго гарнизона. Въ январѣ 1762 года Челищевъ принятъ былъ въ пажескій корпусъ, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ. По плану этого заведенія предполагалось давать пажамъ не только элементарное общее образованіе, но и обучать ихъ военнымъ и юридическимъ наукамъ, чтобы сдѣлать ихъ потомъ пригодными и для военной, и для гражданской службы. Обученіе велось, однако, повидимому, весьма неудовлетворительно; по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ пажей того выпуска, къ которому принадлежалъ Челищевъ, оказались малосвѣдущими даже въ нѣмецкомъ языкѣ. Въ началѣ 1766 года, императрица Екатерина вознамѣрилась отправить нѣсколькихъ воспитанниковъ пажескаго корпуса за границу для слушанія лекцій въ лейпцигскомъ университетѣ; въ

¹⁾ Напр., не упомянуто нигдѣ о царствованіи Екатерины, какъ о прошл. царствованіи, и т. п.

числѣ избранныхъ былъ и Челищевъ вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ, Ушаковымъ, Радищевымъ и др. Надзоръ за ними порученъ былъ особому „гофмейстеру“, майору Бокуму, а въ качествѣ духовника отправленъ былъ съ ними іеромонахъ Павелъ. Пребываніе этихъ молодыхъ людей въ Лейпцигѣ было въ послѣдствіи подробно описано Радищевымъ въ біографіи его товарища и друга Ушакова, умершаго еще въ молодыхъ лѣтахъ. „Гофмейстеръ“ оказался человѣкомъ грубымъ, невѣжественнымъ и корыстолюбивымъ, такъ что подъ его властью жизнь его воспитанниковъ была очень тяжелая, и это положеніе вещей, на которое они тщетно жаловались въ Петербургъ, вѣроятно, мѣшало и самымъ ихъ занятіямъ. Челищевъ пробылъ въ Лейпцигѣ до половины 1770 года, когда онъ съ однимъ изъ товарищей, княземъ Трубецкимъ, вернулся въ Россію; возвратившіеся студенты разоблачили, наконецъ, поступки Бокума съ порученными ему молодыми людьми. Въ университетѣ русскіе студенты должны были слушать лекціи философіи, исторіи, математики, физики и юридическихъ наукъ. Въ числѣ профессоровъ того времени было нѣсколько извѣстныхъ ученыхъ и, между прочимъ, Эрнестъ Платнеръ, читавшій философію и физиологію. „Платнеръ,—замѣчаетъ г. Майковъ,—въ своемъ преподаваніи старался сближать отвлеченную науку съ насущными потребностями жизни, затрогивалъ соціальныя вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, сытыми и голодными и т. п. Вліяніе Платнера на Челищева не подлежитъ сомнѣнію и доказывается многими страницами его путевого дневника“. Изъ разсказовъ Радищева о пребываніи въ Лейпцигѣ можно заключить, что, кромѣ профессорскихъ лекцій, на этотъ молодой кружокъ имѣли вліяніе и выдающіяся произведенія тогдашней литературы; онъ говоритъ, напр., о сильномъ впечатлѣніи, какое производили на нихъ французскіе философы, и, какъ извѣстно, у Радищева это теоретическое возбужденіе мысли осталось на всю жизнь. Чтò именно вынесъ изъ лейпцигской школы Челищевъ, трудно судить,—дальше мы свѣжемъ о характерѣ его книги,—но едва-ли сомнительно, что и у него развился здѣсь тотъ же общественный интересъ, вниманіе къ дѣламъ государства и къ положенію народа, и нѣкоторыми чертами его книга напомнитъ извѣстное путешествіе Радищева. О службѣ Челищева по возвращеніи въ Россію издатель не могъ найти никакихъ свѣдѣній; извѣстно только, что виднаго служебнаго положенія онъ не приобрѣлъ и въ 1790 году былъ секундъ-майоромъ въ отставкѣ. Въ его книгѣ

есть упоминаніе (стр. 264), что онъ служилъ въ первомъ или лейбъ-гренадерскомъ полку. Повидимому, Челищевъ былъ при дворѣ на дурномъ счету. Изъ біографіи Радищева извѣстно, что при первыхъ слухахъ о напечатаніи книги Радищева явилось подозрѣніе, что въ этомъ дѣлѣ былъ участникомъ и Челищевъ ¹⁾. Подозрѣніе было лишено всякаго основанія, и Челищевъ былъ оставленъ въ покоѣ, но, очевидно, были какіе-то поводы къ подобному подозрѣнію. Изъ книги Челищева, о которой мы будемъ говорить, видно (стр. 66), что Челищевъ и ранѣе 1791 года имѣлъ уже интересъ къ внутреннимъ дѣламъ государства и народа, — „шатаючись часто въ жизнь мою по мѣстамъ, гдѣ производится торгъ моего государя и отечества“. Въ другомъ мѣстѣ книги онъ нашелъ нужнымъ помѣстить свой сонъ, имѣющій отношеніе къ его біографіи: „Будучи въ Бѣлозерскѣ въ домѣ діакона Ивана Алексѣева съ 27-го на 28-е число ноября, видѣлъ сонъ, будто я, Ѳеодоръ Васильевичъ Ушаковъ, Кутузовъ и двое Радищевыхъ были въ одномъ домѣ, изъ котораго Радищевъ и Кутузовъ бѣжали, и яко бы ихъ опять поймали, и Радищева я видѣлъ, а Кутузова не видалъ“ (стр. 244). Это были все товарищи изъ лейпцигскаго кружка.

Какъ увидимъ дальше, книга Челищева есть дѣйствительно подробный фактическій и довольно сухой журналъ его путешествія и въ этомъ совсѣмъ не похожа на сочиненіе Радищева; но любопытно совпаденіе въ самой тѣмѣ ихъ произведеній. Одинъ описалъ свое путешествіе въ беллетристическо-философской формѣ, съ бытовыми картинами и нравственно-политическими разсужденіями; другой даетъ перечень своего странствованія, переполненный множествомъ фактическихъ подробностей и лишь изрѣдка прерванный разсужденіями о видѣнномъ и слышанномъ, — но оба пишутъ именно путешествія, цѣль которыхъ — познакомиться съ бытомъ и состояніемъ народа. Совпаденіе, вѣроятно, не случайно, и надо думать, что старая школа оставила слѣдъ своего вліянія въ этомъ желаніи вникнуть въ судьбу народа, въ положеніе тѣхъ низшихъ классовъ, трудомъ которыхъ держится государство.

По своему слою, книга нашего путешественника есть скорѣе дѣловая записка, чѣмъ трудъ литературный. Похоже на то, что это былъ фактическій матеріалъ, который долженъ былъ по-

¹⁾ Сохранилась записка имп. Екатерины, безъ помѣты года и числа, слѣдующаго содержанія: „По городу слухъ, будто Радищевъ и Щелищевъ (sic) писали и печатали въ домовой типографіи ту книгу; изслѣдовавъ лучше узнаемъ“. Сухомлиновъ, „А. Н. Радищевъ“, Спб. 1893, стр. 89.

лучить разъясненіе въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ, какіе прибавлены здѣсь только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Сочиненіе Челищева имѣетъ форму дневника, гдѣ онъ день за день описываетъ свое странствованіе. Путь его лежалъ отъ Петербурга черезъ Олонецкій край до Бѣлаго моря и Соловецкаго монастыря, и обратно черезъ городъ Онегу, Архангельскъ, Холмогоры, Великій Устюгъ, Тотму, Вологду, Кириловъ, Бѣлозерскъ, Тихвинъ и Шлиссельбургъ. Наибольшую часть своего пути онъ сдѣлалъ водою—по Невѣ, Ладожскому каналу, потомъ Свирю, Онежскимъ озеромъ и рѣкою Выгомъ до Бѣлаго моря, и на обратномъ пути отъ Архангельска—Двиною и Сухоней. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ маѣ и возвратился въ декабрѣ, нигдѣ, однако, долго не заживаясь: такъ медленно было его путешествіе. Описаніе его дороги производитъ довольно странное впечатлѣніе въ наше время паровозныхъ и желѣзно-дорожныхъ сообщений; это было путешествіе въ старомъ вкусѣ—не торопливое, и, такъ сказать, домовитое. Онъ ѣхалъ съ нѣсколькими людьми своей прислуги; на каждой станціи его водяного пути ему надо было вновь нанимать людей, гребцовъ и лоцмановъ; безпрестанно дѣлались остановки для молебновъ въ церквахъ, встрѣченныхъ на пути (какъ увидимъ, это была неизмѣнная черта всей дороги), обѣдовъ, ужиновъ и ночлеговъ; для послѣдняго онъ обыкновенно останавливался „квартирою“ или у мѣстнаго священника или, всего чаще, у крестьянина. Путь былъ исполненъ великими трудностями: въ Олонецкомъ краѣ, приходилось бороться съ полнымъ отсутствіемъ дорогъ; случалось, что путешественникамъ надо было проходить извѣстныя пространства пѣшкомъ и переносить на себѣ поклажу или, какъ онъ называетъ, „экипажъ“. По Свири, Выгу, Сухонѣ надо было съ великимъ трудомъ пробираться черезъ многочисленные пороги, простиравшіеся мѣстами на цѣлыя версты. Во всѣхъ городахъ, какіе случались по дорогѣ, Челищевъ считалъ нужнымъ познакомиться съ начальствами, и каждый разъ перечисляетъ всѣхъ „присутствующихъ“, т.-е. всѣхъ крупныхъ и мелкихъ властей. На отъѣздѣ изъ Архангельска онъ получилъ для своего путешествія катеръ, который онъ послѣ возвратилъ обратно съ даннымъ ему солдатомъ; на катерѣ имѣлись пушки, и онъ по дорогѣ дѣлалъ выстрѣлами салюты въ разныхъ нужныхъ случаяхъ, и стрѣлялъ также въ высокоторжественные праздники. Такъ ему пришлось быть на Двинѣ 30-го авг., и онъ записываетъ: „30-го числа въ субботу, въ день тезоименитства его высочества великаго князя Александра Павловича, слушали въ помянутой церкви всенощную, литургію и благодарственный

молебень. При окончаніи молебна во время многолѣтія выстрѣлено было возлѣ церкви изъ одиннадцати купца Баженина чугунныхъ пушекъ, а послѣ того семь выстрѣловъ изъ нашего катера“ (стр. 129). Салюты онъ производилъ слѣдующимъ образомъ: „Во все наше отъ губернскаго портового города Архангельска до уѣзднаго Вологодскаго намѣстничества Велико-Устюгской области города Тотмы рѣками Двиною и Сухоною на катерѣ путешествіе, каждому городу, въ которыхъ были, подѣзжая къ нему и выѣзжая изъ него, палили по пяти разъ изъ большихъ пушекъ; всякому въ виду нашемъ бывшему мужескому и дѣвичьему монастырю съ монахами—по три, а изпраздненному безъ монаховъ—по три же выстрѣла, но изъ маленькихъ пушечекъ; каждому погосту—по одному разу изъ большей пушки; часовнямъ—по одному-жъ выстрѣлу изъ маленькой пушечки; всякій день въ вечернюю и утреннюю зарю—по одному же выстрѣлу изъ большихъ пушекъ“ (стр. 189).

О трудности дорогъ онъ записываетъ, напр., такія подробности. На рѣкѣ Выгѣ останавливался онъ (въ половинѣ іюня) у раскольничьяго скита, Березоваго: „Отѣхавши отъ него двѣ версты, остановился возлѣ Шолтова порога, простирающагося на семь верстъ. Здѣсь выбравъ изъ лодки экипажъ (т.-е. поклажу) на берегъ и отпустя лодку и гребцовъ обратно въ Даниловъ монастырь, во ожиданіи пока привели для перевозки экипажа изъ Шолтова скита лошадей, пробылъ съ часъ, потомъ разложилъ экипажъ на два зимнихъ волока, запряженныхъ парами, на которыхъ до того Шолтова скита везли экипажъ пять верстъ сухимъ путемъ около рѣки Выга весьма тѣсною и не только къ ѣздѣ, но даже и къ ходьбѣ неспособною дорогою, а мы всѣ шли пѣшіе. Проѣхавши отъ Березоваго скита семь верстъ, остановился въ Шолтовомъ скитѣ (въ немъ деревянная часовня Іліи Пророку), въ которомъ во волоки запрягли другихъ лошадей, а для себя и людей взявъ верховыхъ, поѣхавъ такою-жъ затруднительною дорогою боровымъ мѣстомъ около-жъ рѣки Выга“ (стр. 25). На рѣкѣ Выгѣ имъ надо было вообще преодолевать цѣлый рядъ трудно-проходимыхъ или совсѣмъ непроходимыхъ пороговъ. Онъ рассказываетъ такъ: „Ѣхали никогда нигѣмъ не проходимымъ, самымъ по Выгъ-рѣкѣ большимъ Воицкимъ порогомъ, продолжающимъ до Воицъ-озера на версту, гдѣ экипажъ свой переносили сухимъ путемъ берегомъ на себѣ съ версту, за тѣмъ, что чрезъ оный порогъ не только чтобъ съ кладью ѣхать, но даже и порожней лодкѣ перегнать никакъ не возможно, а жители тамошніе, какъ для рыбной ловли, такъ и на случай малаго одному, а по

крайней мѣрѣ, двумъ человѣкамъ переѣзду, имѣютъ небольшія шитыя лодки или карбасы". Вслѣдъ за этимъ порогомъ слѣдуютъ другіе, и Челищевъ говоритъ, что, по словамъ мѣстныхъ жителей, изъ-за этихъ пороговъ, называемыхъ Шаванскими, не было прежде проѣзда по рѣкѣ къ морю, что первый проѣхалъ черезъ нихъ московскій митрополитъ Филиппъ на пути въ Соловецкій монастырь, и тогда онъ поставилъ въ этомъ мѣстѣ деревянный крестъ, „который и по нынѣ стоитъ": съ тѣхъ поръ только стали ѣздить Выгомъ до самаго моря. „Черезъ первый порогъ, называемый Печепный или Малый Шаванъ, крестьяне ѣхали не посмѣли, а пероволакивали лодки и съ экипажемъ за оный порогъ по острову сажень 50 на себѣ. Черезъ второй порогъ, Средній Шаванъ, перевозили въ лодкахъ налегѣвъ одинъ только экипажъ, а мы шли берегомъ. Черезъ третій порогъ, именуемый Кательный, переносили только порожнія лодки, а экипажъ переносили за оный порогъ сажень съ полтора на себѣ" (стр. 30—33). Еще не разъ приходилось путникамъ обходить пороги и нести на себѣ „экипажъ". Путешествіе по Двинѣ также было довольно затруднительно; здѣсь мѣшали такъ называемые „переборы", т.-е. мели изъ наноснаго песку, и однажды путешественники во время плаванія по Двинѣ, „подъѣзжая къ погосту и почтовой станціи Шиленгѣ, за большими песками и мелями, одну версту ѣхали часовъ семь" (стр. 141). Пороги и переборы преслѣдовали ихъ и на Сухонѣ (стр. 177); въ иныхъ мѣстахъ пороги шли одинъ вслѣдъ за другимъ, и путешествіе было тѣмъ труднѣе, что Челищевъ ѣхалъ здѣсь въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда рѣка начинала подмерзать. „Противъ погоста Борщовика переѣзжали того жъ названія, продолжающійся сажень на семьдесятъ, нетрудный порогъ. Въ трехъ верстахъ отъ Борщовика погоста и порога другой, не очень трудный, простирающійся сажень на сто, порогъ Заслицкій. Въ двухъ верстахъ отъ Заслицкаго третій, потруднѣе тѣхъ двухъ, порогъ Косякъ, сажень на полтора. Въ верстѣ отъ Косяка четвертый порогъ, гораздо труднѣе тѣхъ трехъ, Травникъ, на полверсты. Въ переборѣ чрезъ его бичевы наши начали часто рваться больше отъ того, что онѣ, отъ бывшаго въ ночи и утромъ мороза, были облившиись льдомъ, да и рабочихъ людей десяти человѣкъ, для переѣзду черезъ его по холодной погодѣ, было мало; а достали еще шести работниковъ съ ихъ бичевыми изъ состоящей отъ него въ трехъ верстахъ деревни Бобровниковой, куда я съ нѣкоторыми своими людьми ходилъ за ними самъ" (стр. 180—181). Съ октября по Сухонѣ началъ идти ледъ и въ трудностямъ путешествія прибавилась еще

новая—морозъ; за мелкими и каменистыми мѣстами на рѣкѣ путники не успѣвали иногда доплывать отъ станціи до станціи, и такъ какъ вблизи не бывало деревень, то приходилось ночевать на полѣ-дорогѣ и рабочіе спали на берегу, разведя огонь (стр. 183—186). Однажды путешественникамъ случилось испытать и другое неудобство. Вотъ подробность, записанная Челищевымъ по поводу его ночлега въ одной захолустной деревушкѣ на рѣкѣ Двинѣ: „Здѣсь въ двухъ разныхъ дворахъ живутъ два родныхъ брата и при нихъ—престарѣлыхъ уже лѣтъ отецъ, отставной солдатъ. Они во время моей бытности жили въ малыхъ и весьма тѣсныхъ своихъ баняхъ, ибо избы у нихъ прошедшее лѣто сгорѣли, которыя, какъ намъ видѣлось, сожжены нарочно бѣглыми разнаго званія людьми, коихъ, надобно по наслышкѣ думать, держать они подъ своимъ укрывательствомъ. Въ одной изъ тѣхъ превращенныхъ изъ банъ избѣ, за холодною погодою расположась квартерою, обѣдали. И чтобъ въ той церкви отслушать намъ сего числа съ вечера всенощную, а завтра литургію, въ помянутый погостъ Борокъ послали двухъ здѣшнихъ мальчиковъ за священникомъ, но, не дождавшись ни священника, ни посланныхъ, въ той же избѣ собрались было ужинать и ложиться спать. Но какъ начали къ нашему катеру подозрительнымъ образомъ по часту подъѣзжать неизвѣстные люди въ лодкахъ, то по таковой опасности, взявши самыхъ двухъ хозяевъ, пошли всѣ ужинать и ночевать на катеръ и зарядили всѣ пять пушекъ и ружье пулями; и тѣ люди, видѣвши нашу предосторожность, больше не показались“ (стр. 144—145).

У насъ столько наговорено объ удаленіи отъ народа выспихъ классовъ со временъ Петра, что можетъ бросаться въ глаза одна въ сущности весьма естественная черта нашего путешественника. Этотъ секундъ-маіоръ, обучавшійся въ Лейпцигѣ и увлекавшійся, какъ говорятъ, иностранными ученіями, товарищъ и повидимому единомышленникъ Радищева, остался (какъ и самъ Радищевъ) человѣкомъ благочестивымъ вполнѣ по народному обычаю. Религіозный интересъ до того господствуетъ въ его книгѣ, что какъ будто ея цѣлю было не описаніе природы и народнаго быта мѣстностей, видѣнныхъ путешественникомъ, а исчисленіе всѣхъ церквей, монастырей и всякихъ предметовъ поклоненія, какіе могли представиться самому усердному богомольцу. Приѣзжая въ городъ, село, деревню, монастырь, одинокій погостъ, Челищевъ первымъ дѣломъ записываетъ всѣ названія церквей (каменныхъ или деревянныхъ, старыхъ или новыхъ, теплыхъ и холодныхъ, врыпкихъ и ветхихъ, богатыхъ и бѣдныхъ), указы-

ваетъ ихъ главные престолы и придѣлы съ именами святыхъ и праздниковъ, въ честь которыхъ они устроены; наконецъ перечисляетъ (впрочемъ, съ особенною цѣлью) всѣ встрѣченныя имъ по дорогѣ часовни. Понятно, что главнѣйшіе храмы и монастыри, какъ Соловецкій, Кирилло-Бѣлозерскій, Тихвинскій и др., описаны съ особенною подробностью, но краткимъ упоминаніемъ онъ не минуетъ буквально ни одной церкви, какая встрѣчалась на пути или недалеко въ сторонѣ. И это не былъ интересъ только церковнаго статистика: въ каждомъ городѣ, монастырѣ, деревнѣ, Челищевъ прежде всего отправляется въ церковь и служить молебенъ какъ „храмамъ“, т.-е. престолу церкви, такъ и молебенъ „въ путь шествующимъ“, знакомится со священниками, разузнаетъ, когда церковь была выстроена и кѣмъ, собираетъ историческія свѣденія, ищетъ мѣстныхъ „лѣтописцевъ“ и т. д. Если встрѣчается церковь, въ которой нѣтъ правильнаго служенія и куда лишь изрѣдка пріѣзжаетъ священникъ изъ другого мѣста, Челищевъ останавливается „квартирою“ у крестьянина и посылаетъ своихъ людей и лошадей за священникомъ, потому что не можетъ обойтись безъ молебна. Во всей нашей литературѣ мы не знаемъ столь богомольнаго путешественника; и это вовсе не ханжество, потому что въ захолустяхъ некому было и показывать своего благочестія, и самого священника приходилось иногда отыскивать съ немалымъ трудомъ; и съ другой стороны тонъ разсказа такъ простъ и, при своемъ богомольствѣ, путешественникъ говорить о самыхъ церковныхъ дѣлахъ такъ трезво, что мы очевидно имѣемъ передъ собой простой, непосредственный характеръ, старое благочестивое преданіе, которое было бы въ пору XVII вѣку.

Мы возвратимся дальше къ этой сторонѣ путешествія. Перечисливши церкви, Челищевъ даетъ краткое, но отчетливое описаніе достопримѣчательностей города и мѣстности. Мы замѣтили выше, что онъ поименно называетъ въ городахъ всѣхъ „присутствующихъ“, т.-е. мѣстныя власти; онъ приводитъ потомъ подробныя свѣденія о числѣ жителей города и уѣзда по сословіямъ и занятіямъ—сколько гдѣ дворянъ, чиновниковъ, мѣщанъ, купцовъ, крестьянъ разныхъ наименованій, разнаго рода ремесленниковъ, солдатъ, и т. д.; въ одномъ мѣстѣ, именно въ Вологдѣ, онъ исчисляетъ какъ особое сословіе какихъ-то „секретарей“: ихъ оказалось въ городѣ „мужеска—29, женска—35, а обоего пола—64“ (стр. 213). Въ городѣ упоминаетъ, сколько домовъ каменныхъ и деревянныхъ, сколько строится вновь „по плану“, сколько лавокъ, гдѣ есть богадѣльня и т. п. Понятно, что эти свѣденія онъ бралъ изъ официальнаго источника, у чиновни-

ковъ, съ которыми знакомилъ. Особенное вниманіе его привлекали интересы экономическіе: онъ вездѣ указываетъ, въ чемъ состоятъ народные промыслы, въ какой мѣрѣ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ—какой хлѣбъ сѣютъ и какой бываетъ отъ каждаго хлѣба урожай, достаетъ ли крестьянамъ своего хлѣба и откуда добываютъ его въ случаѣ недостатка; какое подспорье доставляютъ имъ разнаго рода промыслы, напр., звѣроловство (какихъ звѣрей или птицъ ловятъ, или бьютъ, и куда сбываютъ), рыбная ловля (какія водятся породы рыбъ, какіе приемы рыболовства, куда продается рыба), наконецъ разнаго рода лѣсные промыслы, ремесленные производства и т. д. Онъ указываетъ также свойства почвы, насколько правильно или неправильно, достаточно или недостаточно эксплуатируются ея произведенія; отмѣчаетъ степень довольства или бѣдности населенія. Съ особенною подробностью онъ останавливается на описаніи крупныхъ производствъ, заводовъ, фабрикъ, пильныхъ мельницъ и т. п., сообщаетъ цифры и обсуждаетъ дѣятельность этихъ заведеній съ точки зрѣнія правильности или неправильности производства и въ разсчетъ государственно-экономическаго интереса этихъ предпріятій.

Имъ руководитъ вездѣ патриотическое чувство и разсчетъ государственной и народной пользы. Онъ съ великимъ почтеніемъ говоритъ о Екатеринѣ II, въ правленіе которой совершалось его путешествіе; но его высшій идеалъ мудраго правителя, предметъ его самаго жаркаго поклоненія, есть Петръ Великій. Челищеву не разъ случалось по дорогѣ встрѣчать слѣды дѣятельности Петра въ этомъ сѣверномъ краѣ, куда Петръ отправлялся не разъ и гдѣ осталось много памятниковъ его государственныхъ заботъ. Челищевъ отмѣчаетъ всѣ такія мѣста, гдѣ жилъ или проѣзжалъ Петръ Великій, и глубоко скорбитъ, когда видитъ, что память Петра остается въ небреженіи. Припоминая объ извѣстномъ случаѣ, когда Петръ Великій, въ 1694 году, на пути изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь подвергся сильной бурѣ „и былъ забѣжавши въ Унскую губу“, Челищевъ записываетъ: „Въ память же того своего пришествія и отъ морской опасной бури спасенія, изволилъ сдѣлать своими руками большой деревянный четвероконечный крестъ и самъ же неся и поставилъ возлѣ оной часовни; а какъ тотъ крестъ за подгнитіемъ въ землѣ съ того мѣста вынетъ и поставленъ въ Успенской каменной церкви, то я, будучи теперь въ ономъ монастырѣ, на самомъ же томъ мѣстѣ поставилъ небольшой деревянный крестъ, съ вырѣзанною на немъ

слѣдующею надписью:—На семъ мѣстѣ водруженъ крестъ Петромъ Великимъ, дѣланный имъ, а обновленъ его подданнымъ (!) и почитателемъ Петромъ Челищевымъ. 1791. VII.“ (стр. 73). Въ описаніи Архангельска онъ упоминаетъ о Лапаминской гавани: „Оная гавань была заведена Петромъ Великимъ; великая его душа, знать, огромные замыслы надъ ней имѣла; первый тутъ былъ про него маленький деревянный дворецъ; онаго отъ небреженія и остатковъ уже не видно, кромѣ мѣста“ (стр. 103). Упомянувъ о крѣпости, построенной Петромъ въ 18-ти верстахъ отъ Архангельска, онъ говоритъ: „Внутри крѣпости небольшая деревянная церковь Петру и Павлу; въ ней изрядная живопись на голубой камѣ, утварь и ризы, Петромъ Великимъ пожалованныя. Въ ней достойно чрезвычайнаго примѣчанія то, что для сидѣнія подѣланы параллельно, какъ и въ нѣмецкихъ церквахъ, лавки, чего нигдѣ въ Россіи нѣтъ. Нераченіемъ господина обер-коменданта нѣтъ въ сей Петра Великаго крѣпости священника, а церковь на бокъ смотреть“ (стр. 105). „Противъ оной крѣпости,—разсказываетъ дальше Челищевъ,—на острову Маревѣ былъ Петромъ Великимъ выстроенъ маленький деревянный дворецъ, въ немъ онъ изволилъ гостить со всею своею свитою, освятивъ помянутую церковь въ крѣпости; а когда оный тамъ отъ ветхости и отъ льдовъ попортился, то его перевезли и поставили за помянутымъ прудомъ на южномъ предмѣстіи крѣпости. Сколь глубоко былъ я пронзенъ жалостію, видя, что сіе святилище было предано совсѣмъ паденію! Углы его отвалились, стѣны осѣли, крышка обломилась, окны расхищены, полы покрадены, вмѣсто печей груды глины, а въ почивальной, гдѣ великій сей мужъ отъ своихъ трудовъ опочить изволилъ и стези въ блаженству своего народа выдумывалъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ бы трофеямъ стоять надлежало, нынѣ неблагодарными его подданными пускаются въ забытую сію кумирницу несмысленныя четвероногія животныя, и гдѣ коснулася его нога, влекущая за собою блаженство Россіи, тамъ видны были груды мерзости и вони. О, суетное человечество! Я не нашелъ за краткостію времени способу, какъ доказать мое высокопочитаніе сему капищу и для того взялъ кусокъ гнилого дерева вмѣсто мощей“ (стр. 105 — 106). Холмогоры достопримѣчательны тѣмъ, что здѣсь три раза былъ Петръ Великій, — „почему на берегу рѣчки Куропалки противъ собору, гдѣ онъ изволилъ выходить на берегъ, просилъ я господина городничаго на самомъ томъ мѣстѣ поставить сдѣланный мною деревянный крестъ съ слѣдующею надписью:—Изуй сапогъ твой,

мѣсто бо идѣже стоиши, коснулася нога Петра Великаго, отца отечества, и потому свято“ ¹⁾).

Великимъ почтеніемъ Челищева пользуется также Ломоносовъ. Будучи въ Холмогорахъ ²⁾, онъ отыскивалъ мѣсто, гдѣ родился Ломоносовъ и любопытствовалъ, не увидитъ ли „какихъ отмѣнныхъ на немъ знаковъ“, но ничего не нашелъ. Челищеву казалось, однако, любопытнымъ самое мѣсто, которое, по его мнѣнію, могло оказать свое дѣйствіе на умъ Ломоносова. Онъ рисуетъ такую картину его родины: „Положеніе окрестности сей деревни обширно и величественно; возвышенныя его окружности представляютъ пахатныя нивы, пріятныя и пространныя, стадами и табунами всегда испещренныя луга, а низкіе вокругъ пологи имѣютъ видъ песчаныхъ степей, которыя ежегодно отъ наводненій двинскихъ и куропальскихъ увеличиваются; сѣверо-западную сторону его облегаютъ вдали большая еловая роща, которая, украшая селеніе, защищаетъ его отчасти и свирѣпства сѣверныхъ вѣтровъ. Природа и труды человѣческіе потщились сіе мѣсто обложить изящнѣйшимъ горизонтомъ. Изобильнѣйшія воды окружаютъ повсюду пашни и сѣнокосы, прерывающіеся нѣсколькими лѣсами и многочисленными холмами, которымъ наибольшую предають живность близъ лежащій городъ, великое множество погостовъ и многочисленныя разныхъ родовъ селенія. Трудолюбіе многочисленныхъ поселянъ, великое плаваніе судовъ вверхъ и внизъ по Двинѣ, по Куропалѣ и по разливамъ, звонъ и шумъ городской и селеній, къ тому же изобиліе рыбъ, птицъ и всякихъ для жизни потребностей должны составлять наипрелестнѣйшую картину, когда натура облачается въ радостную одежду пріятныхъ весны. Сіи-то счастливыя часы одарили насъ, можетъ быть, великимъ симъ писателемъ и взожгли въ немъ сіе пламя къ славѣ“ (стр. 122—123). И здѣсь Челищевъ хотѣлъ сохранить память великаго человѣка и просилъ „господина городничаго“ поставить въ Холмогорахъ сдѣланный Челищевымъ деревянный памятникъ, высотой въ четыре аршина, съ соотвѣстственными символическими изображеніями и надписями (стр. 123—125).

¹⁾ Стр. 121. Еще отзывъ о Петрѣ Великомъ на стр. 226: „Великій человѣкъ, во всемъ совершенный знатокъ, превосходный разумъ и безподобный монархъ“.

²⁾ Онъ упоминаетъ о рожденіи Ломоносова въ Холмогорахъ въ слѣдующей фразѣ: „Еще славится онѣй городъ произведеніемъ въ 1711 годѣ противъ самого города на двинскомъ, облегающимъ съ одной стороны Двиною, а съ другой отъ города рѣчкою Куропалкою, Куръ-островъ, въ погостѣ и деревнѣ того-жъ названія, на свѣтъ славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, статскаго совѣтника, императорской Свѣтъ-Петербургской академіи наукъ профессора, Стокгольмской и Боннской члена, Михаила Васильевича Ломоносова“.

Въ этомъ сѣверномъ краѣ, гдѣ издавна складывалась своя особенная жизнь, было, конечно, много бытовой старины, но въ то время и въ едва начинавшейся наукѣ, и въ понятіяхъ образованныхъ людей было еще мало интереса къ подобнымъ предметамъ, и Челищевъ обращалъ вниманіе почти на одну только церковную старину и Петровскія воспоминанія; лишь изрѣдка и случайно являются у него замѣтки, любопытныя для новѣйшаго археолога и этнографа. Сѣверъ былъ переполненъ монастырями и церквами; старинные города и теперь богаты церквами; въ 1791 году Челищевъ насчиталъ, напр., въ Вологдѣ 49 каменныхъ церквей на 8 тыс. съ небольшимъ жителей (стр. 211); въ Тотмѣ было 18 церквей, съ 36 престолами на 3,300 жителей (стр. 190); въ Бѣлозерскѣ 20 церквей, каменныхъ и деревянныхъ, на 2,800 жителей (стр. 237). Собирая свѣденія о церковной старинѣ, Челищевъ не однажды жалуется на недостатокъ или похищеніе „лѣтописцевъ“ и на невѣжество жителей и самихъ церковниковъ, не знавшихъ объ исторіи своихъ храмовъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, и самъ путешественникъ мало приготовленъ былъ къ оцѣнкѣ той старины, какую встрѣчалъ въ монастыряхъ, напр., въ Соловецкомъ. Богатую соловецкую библіотеку онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ книгохранилищѣ при соборѣ изрядное собраніе книгъ древнихъ печатныхъ, на съеденіе плесени и моли преданныхъ; достопамятнѣе изъ нихъ есть книга, писанная полууставомъ съ золотомъ, на александрицкой листовой бумагѣ, житіе преподобныхъ Зосима и Савватія, съ лицевымъ на всякое чудо и приключеніе изображеніемъ; за оную книгу, сказываютъ тамошніе монахи, уже давали имъ пятьсотъ рублей; другая-жъ подобная сей въ поллиста. Вторая книгохранилища, состоящая въ вѣдомствѣ того же монастырскаго духовника отца Клеопы, чаятельно наполнена не малымъ вздоромъ, состоящая изъ полуторыхъ тысячъ скорописныхъ книгъ, въ числѣ воихъ есть до ста однихъ сборниковъ, множество экземпляровъ скрижалей, лѣствичниковъ, каменей вѣры и прочихъ тому подобныхъ стариннымъ книгъ; оныя они потаеннымъ образомъ даютъ списывать раскольникамъ, что чаятельно нарочито умножаетъ число отщепенцевъ, почему и жалѣть надобно, что оныя библіотеки не отобраны подъ сохраненіе синода“ (стр. 43).

Незадолго передъ тѣмъ произведена была извѣстная реформа въ бытѣ монастырей: у нихъ отобраны были ихъ недвижимыя имущества и крѣпостные крестьяне; монастырямъ назна-

¹⁾ Стр. 19, 255, 266.

чено было штатное содержаніе, а многіе были совсѣмъ упразднены и церковное служеніе въ нихъ поручено бѣлому духовенству. Челищевъ упоминаетъ много такихъ упраздненныхъ или, какъ онъ выражается, „изпраздненныхъ“ монастырей; онъ не пропускалъ ихъ осматривать и дѣлалъ имъ салюты изъ своихъ пушекъ, но, и несмотря на свое благочестіе, видимо не очень жалѣлъ объ отнятіи у монастырей крестьянъ. Ему случалось въ монастыряхъ видѣть много непорядковъ, и онъ вовсе не думалъ, чтобы виной этому было отнятіе деревень. Во время путешествія по Сухонѣ онъ посѣтилъ Троицкій Гледильный монастырь. „Въ ономъ монастырѣ игуменъ Геннадій. Это самая лучшая духовная особа, которую я наѣхалъ во все мое путешествіе. Ласка его и привѣтствіе малѣйшее суть свойство, которыя, кромѣ видимой его трезвости, привлекаютъ къ нему дружество знакомыхъ, а раченіе его объ обители ясно доказываетъ, что монастыри опадаютъ въ Россіи не отъ того, что деревни отъ нихъ отобраны, а оттого только, что настоятели ихъ худы, ибо стараніемъ онаго игумна все, а особливо соборныя церкви, украшены образами, иконостасомъ и прочимъ церковнымъ приборомъ и утварью весьма порядочно, а особливо чистотою украшены отменно. Кельи внутри монастыря, какъ игуменскія, такъ и прочихъ монаховъ, старыя и деревянныя (замѣтить должно, во множествѣ монастырей, въ которыхъ и проѣздъ мой былъ, что вездѣ, кромѣ Соловецкаго, церкви опадаютъ, а кельи настоятельскія вездѣ новыя или порядочныя выстроены; изъ этого заключить должно, что настоятели оныхъ больше пекутся о своей пользѣ, нежели объ монастырской)“¹⁾. Въ противоположность этому благоустроенному монастырю онъ рисуетъ порядки въ Кирилловскомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ архимандритомъ былъ Іакинѣъ Карпинскій. Монастырь былъ въ крайнемъ небреженіи, виною самихъ его обитателей и ихъ начальства. „Я ни въ одномъ монастырѣ, — говоритъ Челищевъ, — не видалъ такой бѣдной трапезы, какъ у нихъ. У архимандрита... съ игумнами столъ всегда въ кельѣ и чрезвычайно дурной, напримѣръ, изъ чайника чайная трава, что выбрасывается, онъ употребляетъ на ботвинью зимнюю и крѣпко расхваливаютъ. Онъ, правду сказать, почитается изъ самыхъ ученыхъ нашихъ монаховъ и изъ лучшихъ проповѣдниковъ, въ тому же трезвый чрезвычайно человекъ и постникъ большой; но въ чему служить сіи добрыя качества, когда попущеніе его, обветшалый духъ и нерачительность общественно все растроили?“

¹⁾ Стр. 162—163.

Тамъ нѣтъ ни правовъ, ни благочинія, ни раденія ни въ чемъ и ни въ комъ: архимандритъ никогда не приходитъ за трапезу; намѣстникъ запоемъ пьетъ безпробудно мѣсяца по два; казначей безъ казны и безъ просвѣщенія, и братья, приходя съ своими ставчаками и ложками за трапезу не на покрытомъ столѣ, обсѣвши кой какъ, насилу раздѣлили съ шумомъ бѣднѣйшую ихъ и не вкусную пищу; а ежели они при мнѣ не напились до-мертва, то это для того, что у нихъ не только вина и пива не было, но даже и дурнаго квасу въ обрѣзъ стало. Ничто такъ не жалко смотрѣть, какъ на мѣсто, гдѣ мощи чудотворца стоятъ. Сіе мѣсто, гдѣ наши цари и государи поклонялись, нынѣ не прибрано, безъ всякаго благоговѣнія, безъ всякой чистоты, полъ весь въ снѣгу, окошечки такъ загрязнены, что солнечныхъ лучей не пропускаютъ, свѣтъ же въ сіе святилище входятъ только въ разбитыя пряслы и въ отворенную настежь дверь, ибо по счастью предъ нею нѣту притвора; иконостасъ большею частію разобранный, не золотомъ и не краскою прикрытъ, а пылью почти на палецъ. Вотъ часть виду сего святаго мѣста“ (стр. 230—231).

Челищевъ недоволенъ монастыремъ и по другому случаю. Онъ былъ въ монастырѣ какъ разъ 24-го ноября, въ день тезоименитства императрицы; по его мнѣнію, оно должно было праздноваться особенно торжественнымъ образомъ, но вышло наоборотъ. „Сей день не точію въ городахъ и монастыряхъ, но даже и въ приходскихъ церквахъ, въ разсужденіи церковной церемоніи, отправляется самою лучшею утварью и священническимъ облаченіемъ. Здѣсь же, напротивъ того, была сія церковная церемонія совсѣмъ неожиданнымъ мною порядкомъ; ибо: 1) звонъ былъ не въ большой, а въ поіелейный колоколъ; 2) имѣючи золотой сосудъ, двѣ со всѣмъ приборомъ жемчужныхъ и множество парчевыхъ ризъ, отправлена была литургія и молебенъ въ простыхъ серебряныхъ сосудахъ, на іеромонахахъ надѣтыхъ простыхъ камчатныхъ, а на архимандритѣ парчевыхъ бѣдныхъ ризахъ, которыя, безъ сумнѣнія, надѣваются въ поіелейные праздники; 3) притомъ же, несмотря, что у нихъ три проповѣдника... не точію изустно говоренной, но и по книгѣ читанной проповѣди не было; 4) во весь оный день, какъ бы и въ простой, учились семинаристы. Итакъ, противъ обыкновенныхъ не праздничныхъ дней отмѣна была только въ томъ, что архимандритъ съ двумя іеромонахами служилъ, и при прочтеніи по окончаніи молебна многолѣтія одинъ разъ изъ пушки выпалили, да когда вышли изъ церкви, пришелъ штатной команды барабанщикъ поздравлять съ барабанишкомъ у крыльца. Вотъ какъ въ славномъ семъ мона-

стырь отправлялся день тезоименитства общей сей благотѣлницы, которая смиренныхъ сихъ отшельцевъ облегчила трудовъ управлять 24-мя тысячами душами и обуздала роскошь, неприличную ихъ сану“ (стр. 229—230). Извѣстно, что это „облегченіе трудовъ“ не очень нравилось тогда монастырямъ, и самъ авторъ, говоря о неудовлетворительности описанной церковной церемоніи, прибавилъ замѣтку (которую, впрочемъ, потомъ зачеркнулъ), что эта неудовлетворительность произошла — „примѣчательно (т.-е. сколько можно примѣтить), что изъ какого-нибудь архимандрита Іоакимфа, прозваніемъ Карпинскаго, неудовольствія“.

Въ Кирилловскомъ монастырѣ путешественникъ встрѣтилъ не мало разныхъ старинныхъ вещей: оружія, посуды и т. п.; эти вещи мало его интересовали, но и здѣсь онъ приводитъ примѣръ небрежности: „Хотя-жъ прежде было много древнихъ любопытныхъ вещей, но какъ по несмотрѣнію отъ тяжести сводѣ, на которомъ онъ лежали, рассыпался, то тѣ вещи совсѣмъ переломало, а другія землею, кирпичемъ, пескомъ и известкой засыпало, что ихъ и отыскать не могли“.

Еще примѣръ благоустройства, какъ въ упомянутомъ прежде Гледильномъ монастырѣ, нашъ путешественникъ встрѣтилъ въ большемъ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ архимандритъ Игнатій, уничтоживъ старые неблаговидные порядки, ввелъ новое строгое управленіе, повидимому на началахъ общежителства: „Собравши всѣхъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и послушниковъ, онъ имъ объявилъ о общемъ и равномъ всѣхъ, безъ полученія по штату положеннаго казеннаго денежнаго жалованья, жителствѣ, то-есть, на оныя деньги исправлять какъ для архимандрита, такъ и для всѣхъ одинаковую общую трапезу, одежду и обувь, а затѣмъ, оставшія жалованныя деньги вмѣстѣ съ сборными отъ богомольцевъ, употреблять на украшеніе монастыря; въ руки-жъ никому, даже и самому ему, архимандриту, какъ жалованья, такъ изъ собирающихся за разныя службы отъ богомольцевъ доходовъ, ни самаго-малѣйшей части не брать; а какъ, кромѣ казначея, никто изъ бывшихъ до него монаховъ на сіе не согласился, то онъ ихъ и уволилъ, кто куда похотѣлъ. Итакъ, онымъ архимандритомъ теперь введено благоустройство, порядокъ и не только въ церквахъ и во всѣхъ генерально кельяхъ, но и въ монастырѣ, чистота и общежителство удивительное, какового нигдѣ я въ другихъ монастыряхъ не видалъ; архимандритъ вмѣстѣ съ прочими всегда обѣдаетъ и ужинаетъ за трапезой, а особой для себя, по обычаю другихъ монастырей, кухни не имѣетъ, и пища, какъ для него, іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, такъ послушниковъ и ра-

ботниковъ, одинаковая, хорошая, каковой также въ другихъ монастыряхъ нигдѣ я на общихъ трапезахъ не видалъ. И одежда для всѣхъ одинаковая, хорошая-жъ“ (стр. 261).

Какъ не существовала для Челищева археологія, такъ не было у него интереса и къ этнографическому наблюденію, зачатки котораго были, однако, сдѣланы и раньше, какъ, напр., въ трудахъ академическихъ путешественниковъ. Точка зрѣнія Челищева только бытовая; онъ записываетъ изрѣдка легенду, преданія, когда они являются сами; авторъ или принимаетъ ихъ за историческій фактъ, когда вычитываетъ ихъ изъ старой книги, или видитъ въ нихъ народное суевѣріе, когда слышитъ ихъ изъ устъ народа, и тогда считаетъ нужнымъ обличить „суевѣріе“, иногда, впрочемъ, весьма наивно, какъ дальше увидимъ. Такъ напр., приводитъ онъ легенду объ основаніи Прилуцкаго монастыря (стр. 208), легенду о Кириллѣ Бѣломъ въ Кирилло-Новозерскомъ монастырѣ (стр. 245—247) и т. п. О Палеостровскомъ монастырѣ онъ рассказываетъ, что тамъ „показываютъ еще пещеру каменную, въ которой будто преподобный Корнилій (псковскій) спасался: въ нее ходъ изъ деревянной часовни; тѣсная сія ущелина не имѣетъ довольно мѣста, чтобъ лечь и вытянуться человѣку, не имѣетъ ни окна, ни печи, ни горна, ниже крышки для защиты отъ дождя, снѣга и вѣтровъ; и для того думать надобно, что это баснь, выдуманная лжевѣріемъ, а простодушнымъ суевѣріемъ подкрѣпленная“ (стр. 19). Въ другомъ случаѣ авторъ отнесся къ народному преданію съ скептицизмомъ, простодушіе котораго не уступаетъ наивности самого преданія. Плыя моремъ отъ Кеми къ Соловецкому монастырю, путешественники попали къ каменному острову, который называется „Нѣмецкій Варакъ“. „Такъ его называютъ потому, что въ старинныя времена, какъ сказываютъ тамошніе обыватели, на немъ приставали, подходя къ Соловецкому монастырю, Шведы, прибавя еще къ тому, будто они всѣ на немъ окаменѣли; но я, ходя изъ любопытства по острову, не видалъ ни одного камня похожаго на человѣка, а такое же каменье, какъ и на прочихъ островахъ“ (стр. 40). Подъ Вологдой онъ записываетъ знаменитое преданіе о разбойникѣ Аникѣ. „Въ пяти верстахъ отъ города Вологды есть пустое, поросшее не очень большимъ, но густымъ лѣсомъ мѣсто, простирающееся впередъ на десять верстъ, которое тамошними жителями называется Аникіевъ лѣсъ. Обыватели сказываютъ, что въ семъ пустомъ мѣстѣ въ старинныя времена жилъ какой-то Аника-разбойникъ и грабилъ по оной дорогѣ прохожихъ и проѣзжихъ, и будто онъ столь былъ силенъ и хитръ, что не однажды крестьяне, собравшись многолюдствомъ,

не могли его ни живого взять, ни заколоть и ни застрѣлить, а яко бы уже онъ умерщвленъ пришедшею къ нему въ видѣ старой женщины смертію; тѣло его же зарыто въ землю въ томъ лѣсу, не подалеку отъ большой дороги, и на могилу его по нынѣ всѣ прохожіе и проѣзжіе, а больше тамошніе обыватели бросаютъ что-нибудь изъ лѣсу. Обросшая-жъ землею пещера, въ коей онъ жилъ, и по днесь, сказываютъ, видна“ (стр. 219).

Сѣверный край, гдѣ странствовалъ нашъ путешественникъ, издавна былъ классической страной раскола, и Челищеву много разъ приходилось встрѣчаться съ раскольниками. Какъ вѣрующій православный человекъ, онъ не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ осужденіемъ; но къ этому осужденію прибавляется и специальная черта XVIII-го вѣка, отрицаніе „суевѣрія“, а въ расколѣ Челищеву видѣлось одно только суевѣріе толпы и обманъ со стороны ея вожаковъ. Первымъ мѣстомъ, гдѣ онъ встрѣтился съ этимъ „суевѣріемъ“, былъ знаменитый въ расколѣ Палеостровскій монастырь, на островѣ Онежскаго озера. Этотъ монастырь находился нѣкогда въ рукахъ старообрядцевъ, и отнятый потомъ у нихъ, во время проѣзда Челищева былъ въ большомъ упадкѣ. Здѣсь произошло въ XVII-мъ столѣтіи самосожженіе, которое послужило послѣ сигналомъ для распространенія этой ужасной эпидеміи. Фактъ извѣстенъ по историческимъ письменнымъ свидѣтельствамъ; Челищевъ записываетъ его по устному преданію. „Извѣстно происхождение (т.-е. происшествіе) слѣдующее въ семъ монастырѣ. Когда своенравные старообрядцы въ Соловецкомъ монастырѣ упорствомъ здравому разсудку и законодательной власти навлекли на себя строгое наказаніе отъ царя Алексѣя Михайловича, тогда оставшіеся ханжи съ учителями своими разбрелись въ разныя стороны, между которыми тысячи полторы скрылись въ Палеостровскомъ семъ островѣ и монастырѣ. Военскій нарядъ послѣ помянутаго наказанія въ Соловкахъ возвращался уже обратно къ Москвѣ и, можетъ быть, ни намѣренія, ни приказанія не имѣлъ, чтобъ захватить къ нимъ для ихъ обращенія; но развращенные ихъ умы и разстроенные страхомъ воображенія такое имъ вдохнули отчаяніе, что засѣли въ церковь деревянную числомъ до полуторыхъ тысячъ и съ своими настоятелями, а тамъ, въ страшномъ заблужденіи мнимаго ихъ страдальчества, сожглись безпощадно“ (стр. 18—19).

Въ сосѣдствѣ Палеостровскаго монастыря раскидано множество раскольничьяго населенія и скитовъ; въ этомъ краѣ находится знаменитый раскольничій монастырь Даниловскій или Суземскій. Челищевъ объясняетъ, что, „по тамошнему нарѣчію“,

суземками называется всякій пустой край въ лѣсу, и Даниловскій монастырь построенъ именно въ такомъ глухомъ мѣстѣ. Не вдалекѣ находится другой знаменитый раскольникій монастырь Лексинскій или Выго-лексинскій, по рѣчкѣ Лексѣ, впадающей въ Выгъ. Челищевъ сообщаетъ нѣкоторыя свои наблюденія надъ раскольникимъ бытомъ. Въ скиту, называемомъ Пельеки, ему случилось видѣть образчикъ извѣстной раскольникей благотворительности. Богатые раскольники, какъ извѣстно, издавна поддерживали раскольникы скиты, монастыри и бѣдное населеніе своими подаваніями; Челищевъ видѣлъ раздачу этихъ подаваній и остался недоволенъ ихъ несправедливостью. „Тутъ мнѣ удалось, — говоритъ онъ, — видѣть славное обольщеніе богатыхъ раскольниковъ подъ именемъ богоугоднаго подаванія. Петербургскій богатый купецъ, торгующій мукою, знатный въ расколѣ, присылаетъ ежегодно кулей по сту муки для раздачи бѣднымъ. Сія милостыня не столь полезна нищетѣ принимающихъ, сколько тщеславію подающихъ, ибо на квадратъ ста верстъ длины и 80-ти ширины, гдѣ находятся все нищія почти поголовно, велика-ль милостыня сто кулей, и что она можетъ помочь во всеобщей сей нищетѣ? Но мнѣ скажутъ: ежели сто человѣкъ приплюнуть по сто кулей, то бѣднымъ тѣмъ нищета тамъ не будетъ страшна. Однако-жъ я знаю, что присылаетъ только одинъ, да и то, можетъ быть, съ склады. Да хотя бы и десять тысячъ кулей присылали, то какая бы изъ того была выгода, ибо сямъ самимъ только приучались бы лѣнныя бродяги къ вѣщней праздности, а можетъ быть, къ порокамъ и злодѣяніямъ. При сей раздачѣ видѣлъ я великое пристрастіе въ раздатчикахъ; они не смотрѣли на старость, на немощь и на бѣдность просящихъ, а давали скорѣе и больше дѣвкамъ, которыя помоложе и покрасивѣе, да мужикамъ, которые поздоровѣе, поспособнѣе къ работѣ, и поопрятнѣе одѣты. Я видѣлъ одного бѣднаго крестьянина, пріѣхавшаго за полторасто верстъ на лошади за сею дачею; онъ думалъ, что его лошадь не подойметъ сіе лестное ему подаваніе, но, получивъ только полпуда худой муки, поѣхалъ съ великимъ роптаніемъ и неудовольствіемъ“ (стр. 20—21).

Онъ приводитъ подробности о Даниловскомъ монастырѣ. Здѣсь собственно два монастыря: мужской и женскій; жители мужского — не монахи (монахъ только одинъ), а бѣльцы, занимающіеся разными ремеслами (между прочимъ, „ихъ обряда иконописцы“), а также звѣринымъ промысломъ на Бѣломъ морѣ. При монастырѣ есть больницы. Въ женскомъ монастырѣ монахинь тоже нѣтъ, но жительницъ, „кромѣ находившихся при мнѣ въ женской

больницѣ по ихъ объявленію больныхъ двухъ сотъ, четыреста сличнемъ дѣвицъ и женщинъ. Набольшая надъ ними Агафья Васильевна Алонка (вѣроятно, Олонка). Онѣ на продажу въ пользу монастырей прядутъ изрядно тонкія и бѣлыя нитки и ткутъ полотна; на содержаніе-жъ себя держать въ коровьемъ дворѣ до ста коровъ, и для пахаты и прочихъ потребъ до восьмидесяти лошадей".

„Въ обоихъ сихъ монастыряхъ всякій день въ часовняхъ управляютъ они сами безъ священника заутрени, часы, обѣдницы, вечерни, молебны и панихиды, въ праздничные-жъ и воскресные дни всенощныя, и погребаютъ также безъ священника своихъ умершихъ, а обѣдни у нихъ никогда, какъ они сказываютъ, не бываетъ“.

„По послѣднему межеванію отмежевано подъ сей сборъ отщепенцовъ со ста верстъ длиннику и верстъ 80 широты земли. Въ нарочитомъ семъ пространствѣ довольно находится жителей не природныхъ, а чаятельно съ разныхъ мѣстъ спешившихся. Я, проѣзжая отъ самой Пигматки до скита Таинскаго селенія, что составить близъ осьмидесяти верстъ, не нашелъ ни одной церкви, а всякое селеніе подъ именемъ скитовъ имѣетъ свою часовню и съ колоколами, въ которыхъ они производятъ молитву и, чаятельно, собственными своими обрядами, потому что они во время молитвы входъ иновѣрцамъ въ самую моленную воспрещаютъ, а хотя и пускаютъ смотрѣть въ особое отдѣленіе, но и то въ маленькое стекло, то оное самое доказываетъ, что въ отсутствіи чужихъ зрителей есть непременно у нихъ каіе-нибудь противу закону обряды или не позволительныя враки или упущенія чиноположеній, которыхъ либо они боятся и стыдятся. Всякая часовня по симъ скитамъ и въ оныхъ монастыряхъ раздѣлена на двѣ части, въ которыя не только входъ, но даже и крыльцы съ разныхъ сторонъ. По ихъ словамъ, одна половина для мужчинъ, а другая для женщинъ; но я не надѣюсь, чтобъ мнимая сія въ женскому полу холодность была искренна, и думаю, что ежели они лишаютъ себя обращенія въ часовняхъ, то награждаютъ со излишествомъ при выходѣ изъ оныхъ. Обширный сей край покрытъ общественно и всемѣстно густымъ туманомъ лжевѣрія и буйства: повсюду видны знаки коварнаго ихъ оболъщенія, которое тѣмъ легче усиливается надъ душами, тѣмъ глубже нищета простираетъ свои отрасли по суевѣрной черни. Сія молитва ихъ состоитъ въ чтеніи заутрени, часовъ, вечерни и молебна, которые имъ читаетъ почти безграмотный поселянинъ безъ всякой разстановки и понятія, а прочій народъ кладетъ свои листовки, т.-е., по четкамъ поклоны, и тѣмъ больше оныхъ положить, также

что больше сожжетъ передъ образами свѣтъ, или побольше накурить ладономъ, тѣмъ болѣе, мнить, угодилъ Всевышнему“ (стр. 22—24).

Въ Лексинскомъ монастырѣ, зависящемъ отъ Данилова, какъ говорили Челищеву, мужчинъ очень мало, а женщинъ и дѣвицъ — до семисотъ.

Далѣе на своемъ пути по рѣкѣ Выгу Челищевъ дѣлаетъ общее замѣчаніе:

„Въ сихъ мѣстахъ, по рассказамъ тамошнихъ жителей, держатся по лѣсамъ множество раскольниковыхъ ханжей или пустынныхъ отшельцевъ, закрывающихся праздною и кормящихся лжевѣріемъ простосердечныхъ тамошнихъ обывателей; сіи святоши, бывъ подogaдливые другихъ, облегчаютъ трудную себѣ стезю на небо и ограждаются отъ скуки, запасшись изобильнымъ подаваніемъ отъ жителей и по здоровой пустынницѣ въ кельи, которыя имъ помогаютъ считать ихъ поклоны“ (стр. 32).

Въ описаніи города Кеми онъ замѣчаетъ: „Народъ по моему примѣчанію склоненъ общественно къ расколу, такъ какъ и вообще весь сѣверный край зараженъ разнообразными сими ересями. Но примѣта, какъ попы живутъ зажиточно и съ ними дружно, думать надобно, что они либо не гораздо ослѣплены, либо отъ корыстолюбія поповъ потакаемы такъ размножаются, хотя не въ примѣръ противъ другихъ селеній и городовъ они посѣщаютъ церкви многолюдно, что мы въ помянутый праздникъ примѣтили“ (стр. 38).

Въ Архангельскѣ Челищевъ нашелъ не много такъ-называемыхъ записныхъ раскольниковъ, а именно, только 173 души посадскихъ людей обоого пола. Остановившись здѣсь на объясненіи происхожденія раскола, онъ говоритъ, что основаніемъ его сектъ служатъ „правила, изложенныя въ книгѣ московскаго макарьевскаго собора для исправленія и утвержденія церковныхъ обрядовъ, Стоглавъ именуемый“. Указавъ затѣмъ извѣстныя обрядовыя отличія раскола (сложеніе креста, двойныя аллилуія и т. п.), онъ замѣчаетъ: „Исповѣдники сихъ догматовъ проливали свою кровь за ненарушимое своея вѣры храненіе, но таковая вредная государственнымъ интересамъ народная гибель превращена въ миръ и тишину законами премудрыя Екатерины Вторыя“. Раскольники или „послѣдователи московскаго макарьевскаго собора“, по словамъ Челищева, представляютъ три секты или „три сорта людей“, раздѣленные взаимными распрями по разнымъ пунктамъ вѣры, „но часть сего рода людей не сумнѣвается принимать и у себя содержать для отправления по стариннымъ книгамъ...

подлежащихъ богослуженій російскихъ православныхъ церквей, посвящаемыхъ нынѣшними нашими архіереями священниковъ, а другіе съ презрѣніемъ сіе положеніе отмещутъ, почему неслыханныя въ прежнихъ вѣкахъ имена поповщины и безпоповщины произошли; третіе же, даниловщина, изъ лихого ревнители своихъ отеческихъ преданій.—Пустынныя раскольническія жилища въ архангелогородскомъ уѣздѣ поповщины и безпоповщины имѣются въ лѣсахъ, близъ Бѣлаго моря, на берегахъ зимнія страны, подъ названіемъ Онуфріевскаго и Игнатіевскаго скитовъ; а перекрещеванцевъ даниловщины главное, пустынное, многолюдное и богатое жилище въ Олонецкой области, между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, при вершинахъ Выгъ-рѣки, впадающей въ Бѣлое море, а потому сіе раскольническое обиталище (называется) Выгорѣцкимъ общежительствомъ. Во всѣхъ сихъ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ обоюго пола раскольники живутъ и питаются, на подобіе монаховъ, знатными подаяніями изъ внутреннихъ областей и городовъ, чрезъ нарочныхъ, отправляемыхъ почитай ежегодно изъ сихъ жилищъ путешественниковъ, получаемыми. Всѣхъ нынѣшнихъ російскія православныя церкви сыновъ вмѣняютъ за еретиковъ, истиннымъ крещеніемъ не просвѣщенныхъ, и единомысленцевъ своихъ россіянъ отступниками отъ церкви, и въ ихъ общество принимая перекрещиваютъ“ (стр. 85—87).

Въ Тихвинѣ, гдѣ находится столь извѣстный монастырь, Челищевъ отмѣтилъ, однако, что жители — „всѣ раскольники и въ церковь не ходятъ“, и въ маломъ народномъ училищѣ учениковъ мало, потому что раскольники не пускаютъ туда своихъ дѣтей (стр. 262—263).

Во время своего путешествія Челищевъ, какъ мы говорили, не пропускалъ не записавши ни одной церкви и даже часовни; въ одномъ мѣстѣ его книги есть позднѣйшая приписка, гдѣ онъ изложилъ свои соображенія о государственномъ значеніи раскола. Несмотря на свое благочестіе, онъ, въ духѣ свободомыслія XVIII-го вѣка, не придаетъ особой важности чисто церковнымъ разногласіямъ, но считаетъ расколъ вреднымъ въ отношеніи гражданскомъ, такъ какъ онъ поселяетъ раздоръ въ самомъ быту государства, и въ отношеніи экономическомъ. Онъ предвидитъ даже великую государственную опасность отъ раскола. Вотъ его разсужденіе: „Да не покажется читателю удивительно, что я такъ тщательно всѣ часовни замѣчаю; но это имѣетъ важное побужденіе и даетъ причину заключить многое. Гдѣ часовней много, тамъ церкви почти вездѣ въ пренебреженіи, попы не учены, не рачительны, невѣжи и пьяны, а потому самому нравы гораздо наклоннѣе къ

расколамъ; изъ того слѣдуетъ, что расколы по моему примѣчанію въ разсужденіи закона (т.-е. вѣры, закона божія) несутъ важны, но заслуживаютъ важнѣйшаго вниманія политическихъ головъ, ибо къ чему годится такая секта, которая общественную пользу считаетъ чужою, чуждается, убѣгаетъ, ненавидитъ и прячется отъ общественныхъ правъ и узаконеній, наблюдая оныя только изъ корыстолюбія и изъ страху наказаній; въ молитвахъ своихъ, которыя чтутъ первымъ долгомъ Божества, не упоминаютъ имя государя, слѣдовательно, его внутренно не признаютъ власти, видимо считая еретикомъ; согражданъ своихъ не называютъ соотчичами, но погаными и врагами, гнушаясь съ ними ѣсть, пить, знаться, обходиться и имѣть дѣло. Къ чему годится, говорю я, многочисленная сія сволочь, управляемая десятью обманывающими надъ тысячами обманутыхъ, рассылающая ежегодно по всей Россіи своихъ лжепроповѣдниковъ для обращенія простолюдиновъ и лѣнниковъ въ коварныя ихъ сѣти? Повсюду слышно—жалуются попы, дворяне и купечество на побѣгъ къ нимъ людей; да въ томъ бы и нужды не было, видится все равно, эти люди въ томъ мѣстѣ или въ другомъ, были-бъ только въ Россіи; но вотъ разнища: они подговариваютъ людей трудолюбивыхъ, изъ земель самыхъ плодородныхъ и изобильныхъ, и поселяютъ оныхъ въ своихъ непроходимыхъ болотахъ, гдѣ ничего не растетъ; слѣдовательно, уменьшаютъ въ государствѣ руки работающихъ, а умножаютъ рты тунеядцевъ. Чтожь выйдетъ изъ сего? Что навлечетъ отечеству нашему со временемъ за слѣдствіе пагубныя сія переселенія? Между многочисленными причинами, разсудку открывающимися, о нынѣшней дороговизнѣ хлѣба повсюду, не время ли уже поставить въ первые нумера сіи зловерные и незаконные происки ухищренныхъ сихъ лстецовъ? Но сіе все... пока они въ страхѣ, пока не знаютъ еще своей силы и своего числа, пока нѣтъ единомыслія, пока нѣтъ еще замысловатой обширной головы, словомъ, пока нѣтъ Силлы, Марія, Юлія Кесаря, Кромвеля. Читатель! Загляни въ исторію; не во всякомъ ли политическомъ корпусѣ найдешь сѣмена къ ихъ паденію: въ Египтѣ гордость и пышность деспотовъ; въ Персіи усыпляющая роскошь царей; въ Греціи распря и противуборствіе въ умственныхъ дѣлахъ; въ Римѣ раздоръ дворянства и черни, и такъ, спускаясь до нашихъ временъ, мнѣ видится, я ощущаю пагубныя сія зародыши, уже населяются въ мрачныхъ сихъ норахъ, въ гнѣздахъ невѣжества и въ душепагубныхъ сихъ скопищахъ. Но опустимъ занавѣсу на гибельную сію картину, отъ коей сердце содрагаетъ, и да не подыметъ оную Всевышній!“ (стр. 131—132).

Челищевъ, конечно, сильно преувеличилъ опасность отъ раскола; но преувеличеніе объясняется тѣмъ, что въ то время не онъ одинъ, но и никто не зналъ настоящаго распространенія раскола и способность его къ какому-нибудь политическому проявленію. Раскольниковъ, безъ сомнѣнія, и тогда было гораздо больше, чѣмъ считалось официально; но во всякомъ случаѣ ихъ численность была не такова, чтобы угрожать спокойствію государства; съ другой стороны, Челищевъ писалъ немногіе годы спустя послѣ того, какъ расколъ принималъ участіе въ волненіяхъ Пугачевского бунта, а послѣдній былъ, какъ извѣстно, поводомъ къ очень серьезнымъ политическимъ опасеніямъ.

Другая сторона свѣдѣній и разсужденій Челищева относится къ быту экономическому. Какъ мы замѣчали, онъ довольно подробно описываетъ и отмѣчаетъ всякія фабричныя заведенія и заводы и старается опредѣлить степень приносимой ими пользы для государственнаго интереса, или указать ихъ неудовлетворительность въ этомъ отношеніи и причины неустройства. Не входя въ подробности, приведемъ лишь нѣкоторые указанія его по этому поводу. Его огорчаетъ недостатокъ заботы о народныхъ промыслахъ; онъ жалѣетъ, что многіе естественные источники благосостоянія остаются брошенными безъ вниманія. Въ тогдашнемъ порядкѣ вещей онъ и не находилъ возможнымъ разсчитывать на самостоятельность народа и думалъ, что инициатива должна принадлежать начальствамъ. Во многихъ случаяхъ, если не во всѣхъ, это и было, конечно, справедливо, тѣмъ болѣе, что для разработки естественныхъ богатствъ часто потребовались бы техническія знанія, которыхъ не было на мѣстѣ. Напр., ѣдучи по Свири, онъ замѣчаетъ, что въ одномъ мѣстѣ есть прекрасная глина, которая могла бы служить для стеклянныхъ заводовъ, и тамъ же большое количество хорошаго песку; есть и другіе матеріалы для промысловъ, а между тѣмъ край голодаетъ. „Жалко, что никто не восхочетъ помочь сему голодному краю заведеніемъ стеклянныхъ въ сихъ мѣстахъ фабрикъ. Вся Свирь чрезмѣрно бы могла обогатить неимущихъ ея жителей поташемъ, смолою, дегтемъ, угольемъ, желѣзными рудами, обработываніемъ кожъ, а особливо пиловкою сосноваго лѣсу. Истеченіе Свири гораздо на всѣ сіи заведенія способно“ (стр. 13). Живя въ деревнѣ Сорочкиной, при впаденіи рѣки Выга въ Бѣлое море, онъ видѣлъ сельдяной промыселъ, но этотъ промыселъ остается неразвитымъ. „Сколь жалко, что драгоцѣнный сей изобильный даръ природы, который не уступаетъ изобиліемъ своимъ и добротою голландцамъ, еще не могутъ довести до совершенства и до надлежащей вы-

годы, которою пользуются богатые тѣ республиканцы“ (стр. 35). Живя въ Архангельскѣ, онъ не разъ видѣлъ подобные недостатки русскаго промысла; между прочимъ, была тамъ казенная прядильная и полотняная фабрика, которую онъ нашелъ въ самомъ жалкомъ положеніи. „Прядильная и полотняная фабрика, въ которой по заведенію надлежало было быть множество разнаго званія дѣвицъ, для обученія ихъ прясть и ткать; но поелику съ самаго сначала зачали собирать всякую сволочь, то матери добраго житія своихъ дочерей туда идти и не допустили, а особливо, когда онѣ примѣтили, что за работу работницамъ ничего не платятъ и на всякое непотребство ихъ напускаютъ, да и слышали еще пустые слухи, пропущенные отъ нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ головъ, а можетъ быть, и отъ нѣмцевъ, что будто тѣ, которыхъ на фабрикѣ обучать, уже совсѣмъ домой не отпустятъ, то вселившійся въ матерей страхъ, вмѣсто омерзения, совершенно истребилъ охоту навсегда отдавать своихъ дѣтей въ сіе обученіе, и симъ пресѣлось полезное сіе постановленіе. А въ мое время уже въ пріѣздъ мой на фабрику нашелъ я только съ 10 непотребныхъ пьяницъ, у которыхъ ничего не было сработаннаго. Магазины—мнѣ сказали—заперты, и нѣтъ ключа, итальянскія самопрядки и товаръ за замкомъ, комиссаръ въ отлучкѣ; показали-жъ мнѣ самыхъ дурныхъ и къ употребленію негодныхъ два куска пакольной парусины. Что же касается до строенія, то это пустое и ничего значущее, вода отъ нихъ далече, дворъ тѣсный, засоренный, грязный и къ бѣленію неспособный; пресовъ нѣтъ, ложиленъ не спрашивай“ (стр. 90—91). Его собственныя соображенія состояли въ слѣдующемъ: „Весь край вокругъ города Архангельска до Холмогоръ, восточный, южный и большая часть западнаго берега Бѣлаго моря—многолюдные раскольничьи скиты, заселенные острова и уѣздныя деревни наполнены великимъ множествомъ пряжъ всякаго роду: всѣ онѣ перепрядаютъ мягкій пенкурскій ленъ весьма тонко, ровно, гладко и крѣпко, но чрезмѣрно медленно по причинѣ ихъ простыхъ, неспособныхъ одноручныхъ прялицъ. Сію предорогую пряжу перетыкаютъ онѣ зимою по разбору въ нарочитомъ количествѣ въ полотны разныхъ сортовъ, какъ-то: парусины, регентухъ, меховина, верховья, пачасья, салфеточное, скатертное, посредственное и самое тонкое, плотное и широкое, голландскому не уступающее полотно“ (стр. 91). Челищевъ полагалъ, что еслибы эти многочисленныя рабочія руки получили себѣ въ помощь хорошія орудія производства, именно, итальянскія самопрядки, и еслибы былъ обезпеченъ сбытъ, то эти рабочіе произвели бы въ семь разъ больше, чѣмъ теперь, и прежде

всего этими продуктами была бы хорошо обеспечена вся армія и вся флотская парусинная оснастка. Для приученія къ этимъ самопрядкамъ были бы нужны фабрики, но кромѣ денегъ нужно было бы: „стараніе, безкорыстіе, а особливо честность начальника; и завести бы сіи фабрики не по огромности, а большимъ числомъ, то-есть, по волостямъ, дабы вперить и распространить знаніе и охоту по семьямъ прясть симъ образомъ“ (стр. 91). Мы могли бы сами доводить свои произведенія до полного совершенства; вмѣсто того „извѣстно уже, что англичаны и голландцы полотны наши къ себѣ отвозятъ и, оныя перебѣливъ и выложивъ, опять намъ съ великою накладкою цѣны продаютъ обратно“ (стр. 92).

На пути по Сухонѣ Челищевъ обратилъ вниманіе на траву палощниѣ, которая составляетъ отличный кормъ для скота въ такой степени, что дѣлаетъ ненужною дачу овса, и имѣетъ еще то свойство, что одного посѣва этой травы достаточно бываетъ на десять лѣтъ, а въ лучшемъ случаѣ даже на двадцать лѣтъ. „Не могу воздержаться, чтобъ не воскликнуть: Любезное отечество, сколько въ тебѣ сокрыто сокровищъ, а мы, погрязши въ пустыхъ замыслахъ и роскоши, забываемъ отыскивать и пользоваться оными!“ (стр. 175).

Рядомъ съ недостаткомъ заботы о народномъ промыслѣ, Челищева огорчаетъ обманъ и грабежъ, которому подвергается казна со стороны недобросовѣстныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, получающихъ казенную поддержку, и со стороны столь же недобросовѣстныхъ мѣстныхъ правителей. Такъ онъ подробно рассказываетъ о грабежѣ превосходнаго строевого и корабельнаго лѣса въ сѣверномъ краѣ, причемъ не только казна является жертвою наглаго обмана, но и громадное количество срубленнаго лѣса сгниваетъ въ складахъ безъ пользы для самихъ обманывавшихъ. Таковъ его рассказъ о дѣяніяхъ „зловреднаго бродяги“, англичанина Гома (стр. 60—63). „Но опустимъ занавѣсу на государственную сію болячку, по пословицѣ: знай сверчокъ свой колочокъ“. Тутъ же онъ рассказываетъ о страшномъ вредѣ, который приносили иностранные браковщичи: „Шатаючись часто въ жизнь мою по мѣстамъ, гдѣ производится торгъ моего государя и отечества, не нашелъ я ничего вреднѣе, какъ бракованіе полезнѣйшихъ нашихъ произведеній и произрастеній, и то единственно только въ угожденіе алчныхъ и сребролюбивыхъ людей, которые безъ насъ никакъ обойтись не могутъ, а мы, если оставимъ наши прихоти, то смѣло можемъ забыть, есть ли они на свѣтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣетъ чужестранецъ браковать

нашъ товаръ? Если онъ ему не угоденъ, не бери; пускай въ ихъ отечествѣ пріемники бракують товаръ у корабельщиковъ, а до насъ имъ какое дѣло? А тѣмъ самымъ сбиваютъ цѣну и разоряютъ неимущихъ и не гораздо просвѣщенныхъ нашихъ соотечей. Напримѣръ, я привезъ десять тысячъ бревенъ, изъ которыхъ пять тысячъ самыхъ хорошихъ, три тысячи посредственныхъ, двѣ тысячи худыхъ. Сребролюбивый бракеръ бросаетъ совсѣмъ за негодность пять тысячъ, а хорошія пять тысячъ, ссылаясь на присяжную свою должность, говоритъ: и тѣ сумнительны; я уже зашелъ въ долгъ на заготовленіе сего лѣса, кредиторы меня мучаютъ, бракеръ, подъ видомъ своей должности, мною ругается, а иноземецъ, снюхавшись съ присяжнымъ плутомъ, говоритъ: не мое дѣло. Наконецъ, съ чрезвычайнымъ ущербомъ перемагаютъ мой гостинецъ лукаваго и безжалостнаго чужестранца, половину моего лѣсу принимаютъ, кой-какъ платятъ мнѣ за онъ самую малую цѣну, другая половина остается на согніе во вредъ мнѣ, въ ущербъ Монарху и Отечеству. Я расплачиваюсь кой-какъ съ моими кредиторами, на силу мнѣ остается на годъ хлѣбъ насущный, и, отвѣдавъ лѣтъ десять сего торгу, скапливаю кой-какъ тысячъ пять въ карманъ, наскучиваю безпрестаннымъ симъ шиниморствомъ и, бросивъ сей торгъ, уѣзжаю въ малый городишко, дѣлаюсь сумаремъ и на бѣдныхъ пахъ за труды мои проживаю остатокъ моей жизни. А лихоимственные бракеры, нажившись отъ моихъ убытковъ, въ великолѣпныхъ своихъ домахъ утопаютъ въ роскоши“ (стр. 66—67).

Изъ примѣровъ обмана власти и испорченности мѣстныхъ правителей онъ приводитъ случай на воицѣмъ золотомъ рудникѣ съ горнымъ инженеромъ Толстымъ. „Горный офицеръ Толстой, томился отъ скуки и голоду, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, не зная, что дѣлать въ семъ пустомъ, голодномъ и холодномъ краю, для провѣденія времени собиралъ кусочки между выбросанныхъ рудъ цѣлыми горами изъ шуффы; и когда собралъ ихъ нарочитое количество, вздумалъ ихъ своимъ стараніемъ переплавить и посредствомъ химическаго разрѣшенія добыть, бѣдняжка, съ фунтъ и больше чистѣйшаго золота. Но видно, что хорошіе химики не всегда хорошіе министры и политики. Онъ вздумалъ, ежели вѣсть въ изобрѣтеніи его дойдетъ только до Петербурга, то непременно будетъ награжденъ и осчастливленъ. Оставалась ему одна трудность: сыскать лѣстницу, по которой бы взлѣзъ до монаршаго престола! На этотъ конецъ показался ему манежный (?) олонекій генераль-губернаторъ Тутолминъ весьма способнымъ, и для того отправилъ къ нему свое найденное золото и просьбу о награж-

деніи его труда. Г. Тутолминъ, яко ревностный сынъ отечества, золото взялъ, а просьбу сжегъ въ каминѣ. Онъ при первой своей поѣздѣ въ Петербургъ не забылъ взять изящный тотъ металлъ съ собою и, представя ко двору, умѣлъ такъ расхвалиться своими подвигами и расхвалить свое раченіе, что схватилъ Владиміра первой степени и отмѣнное благоволеніе. Бѣдный же виновникъ богатаго сего отерovenія обязанъ сталъ быть безотлучнымъ въ той пустынѣ, а можетъ быть, чрезъ то сталъ причиною, что правительство, проснувшись, потерши съ глазъ дремоту, вздумало опять возобновить рудокопныя работы, которыя въ земныхъ нѣдрахъ отъ сонливаго правленія долго закрытыми лежали“ (стр. 29 — 30).

Мы остановимся еще только на двухъ пунктахъ книги Челищева. Мы уже видѣли до сихъ поръ, что дневникъ нѣсколько разъ прерывался дополненіями, въ которыхъ авторъ отъ частныхъ фактовъ отвлекался къ общимъ соображеніямъ. Эта сторона книги нашего автора и представляетъ нѣчто общее съ „Путешествіемъ“ Радищева. Оба писателя, останавливаясь на какомъ-либо фактѣ, заслуживающемъ осужденія, и соображая, чѣмъ этотъ фактъ могъ быть вызванъ, приходятъ къ общимъ причинамъ, которыя заключаются въ невѣжествѣ, безчестности мѣстныхъ властей, въ отсутствіи чувства гражданской обязанности. На возвратномъ пути, по выѣздѣ изъ Тихвина, уже недалеко отъ Петербурга, Челищевъ по обыкновенію нашелъ нужнымъ посѣтить одну, лежавшую въ сторонѣ отъ дороги, „пустыньку“. Это былъ небольшой, какъ онъ говоритъ, „изпраздненный“ монастырь, стоявшій въ глухой, едва доступной болотной труппѣ. Челищеву, по обычаю, необходимо было отслужить молебенъ и въ этой пустынѣ; поэтому онъ взялъ изъ сосѣдняго погоста священника и дьякона и поѣхалъ съ ними въ монастырь. Въ этой пустыни былъ небольшой явленный образъ, ради котораго и основался небольшой монастырь; по его упраздненіи опредѣляемы были сюда для службы священники, но, въ пріѣздъ Челищева, священника не было; оказалось, что священникъ попалъ подъ судъ, потому что сдѣлалъ свою пустынь притономъ разбойничьей шайки, отъ которой и получалъ свои доходы. Эта исторія произвела на Челищева сильное впечатлѣніе, и онъ пишетъ по ея поводу рядъ обличительныхъ страницъ, изъ которыхъ приводимъ нѣсколько выдержекъ. Онъ полагаетъ, что виною несчастнаго событія была небрежность и недостатокъ заботы со стороны самихъ начальствъ.

Мѣсто было очень глухое; верстъ на сорокъ идутъ дремучіе лѣса и непроходимыя болота; ближе десяти верстъ нѣтъ никакого

сосѣдства; Челищевъ думалъ, что пустынька и съ самаго начала держалась работами бѣглыхъ и „повинныхъ“ строгости законовъ“. Онъ нашелъ эту мѣстность въ крайне заброшенномъ видѣ. „Приѣхавъ мы туда, нашли бѣднѣйшія церкви, ясно сказующія, что въ нихъ по году и больше не бываетъ службы. Ветхое прежнее монастырское строеніе безъ оконъ, безъ дверей и почти безъ кровлей, имѣло видъ опальнаго селенія; а удаленное строеніе попово, построенное окнами къ болоту, а не къ церкви, доказывало, какъ худо онъ былъ расположенъ къ ея пользѣ. Работный и рогатый скотъ шатался тощъ и унылъ по улицамъ и задворкамъ безъ корму, безъ поила и безъ присмотра. По упраздненіи монастырей по новому штату, остался сей забвенный край безъ жильцовъ и попечителей: онъ приписанъ сталъ къ близнему погосту. Безграмотный кутейникъ, изъ оныхъ боясь попасться въ солдаты, бывъ безмѣстнымъ и зная, что изрядная разведена тутъ пашня и сѣнокосъ, выходилъ себѣ указъ дьячковскій и поселился въ ней. Но чтобъ развестись хлѣбомъ и строеніемъ, надобны были работники, а на то деньги, а для денегъ богомольцы, а для богомольцевъ служба; но для службы не было попа, въ богомольцахъ охоты, а въ немъ грамоты, то онъ рѣшился безъ дальнихъ хлопотъ принимать къ себѣ безпашпортныхъ прохожихъ, которымъ, чтобъ не скучить, то позволилъ имъ для общей пользы запастись и по доброй молодицѣ. Дѣло было и пошло своей чередой, да раздумье взяло, не спросили бы отвѣта. И для того съ общаго приговору рѣшился онъ пропустить слухъ, будто къ нему приходили воры и его мучали, пытали и вѣвниками жгли. Послѣ сего, кажется, ему бы должно было проситься прочь отъ сего мѣста, но онъ, побывъ только шесть лѣтъ дьячкомъ, поѣхалъ въ Петербургъ и удостоился сана священника и въ ономъ пробылъ четыре года. Славный злодѣй атаманъ Рѣпка и Гуляевъ, его есаулъ, порядочно было зажили подъ его прикрытіемъ, и частенько въ окрестностяхъ пощупывали помѣщиковъ, богатыхъ крестьянъ и проѣзжихъ посадскихъ, отчего дороги съ Ладogi на Свирь и къ Тихвину стали было почти непроходимыми. Я, проѣзжая въ Соловки, самъ не безъ основанія этихъ бродягъ опасался. Но скоро теплое ихъ гнѣздышко дошло до слуху обоихъ начальниковъ губерній: исправникомъ насладились строгія повелѣнія, команды воинскія усилились, сотскимъ и жителямъ погрозили, и пагубная сія сволочь, перехватанная частію въ самой пристани, отослалася ко сужденію судовъ“ (стр. 269—270).

Челищевъ строго осуждаетъ духовныхъ начальниковъ, которые не заботятся о приготовленіи сельскаго духовенства, бро-

саютъ его паству на произволъ судьбы и дѣлаютъ возможными такіе безобразные случаи, какихъ, можетъ быть, онъ и не одинъ въ Россіи. „Духовные начальники! — восклицаетъ онъ: — когда бы заведены были порядочныя у васъ школы, былъ ли бы этотъ чело­вѣкъ принужденъ искать убѣжища въ сихъ страшныхъ жилищахъ волковъ и медвѣдей? Когда-бъ вы, рассматривая прилеж­нѣе его невѣжество, не допустили эдакъ близко къ безкровной жертвѣ, то не сталъ бы Престолъ Всевышняго хранилищемъ окровавленныхъ добычи; учитель нравовъ и истолкователь Еванге­лія не томился бы жалостно подѣ тяжкими ударами публичной казни, въ соблазнъ и поношеніе всѣхъ служителей церкви“ (стр. 271). Постѣ духовныхъ пастырей онъ обращается къ „без­законнымъ самовольцамъ“, злоупотребляющимъ властью, вручен­ной имъ монархами. „Скажите мнѣ, раскормленные питомцы ро­скошью и праздною, какъ можете вы пышными знаками поче­стей украшаться монарховъ вашихъ, ихъ обременять неумолкающими и усиленными требованіями то чиновъ, то знаковъ, то денегъ, то вотчинъ, когда подѣ итогъ вашего нераченія загнанная истина молчитъ, невинность стонетъ, всѣ степени страждутъ, никто не находитъ своего права, а вы, величаясь, напрасно просыпаете ненужный вѣкъ въ вредномъ вамъ для всѣхъ изобиліи“ (стр. 271). Онъ коритъ ихъ какъ „безпечныхъ тунеядцевъ“, которые не исполняютъ своего дѣла, не заботятся объ исправленіи поро­ковъ, не обращаютъ вниманія на изысканіе „сокровенныхъ да­ровъ щедрой природы“, на просвѣщеніе народа и т. д. „Вы же, вмѣсто вспоможенія удрученнымъ, насылаете только указъ за указомъ ко взысканію, не справясь, каковы обстоятельства, ка­ковы годы и какой ихъ жребій. Жестокіе, когда у васъ сгораютъ цѣлыя селенія, и даже цѣлые города, то кто видать васъ, чтобъ вы поспѣшно къ бѣдственному сему приключенію присекали и въ видѣ отца утѣшительнаго старались бы извѣдать самыхъ разо­ренныхъ, и если имъ не вовсе загладить ихъ убытокъ, то по крайности облегчить ихъ жребій ласковымъ привѣтствіемъ? А вы тутъ-то съ кровожаднымъ своимъ повѣреннымъ насылаете имъ разорительныя ваши повелѣнія: тутъ-то и разыскиваютъ съ нихъ наизыскайше положенныя подати, тутъ-то и родятся ваши па­губныя ревизіи, тутъ-то и усилятся предписанія о строеніи по плану; тутъ всякій безграмотный подлець, сыскавши подлостями покровъ вашъ, набѣгаетъ то землемѣромъ, то архитекторомъ, и обираетъ, ничего не сдѣлавъ, остатки погорѣлыхъ жителей. Я не порицаю, чтобы не было хорошо строить города по плану: оно вводитъ просвѣщеніе, расширяетъ торги, прославляетъ вѣкъ и

дѣлаетъ честь государю; но не должно ли вамъ на то разбирать время, приличность, достатокъ жителей, словомъ обстоятельства?“ (стр. 271—272). Повидимому, стройка „по плану“, съ самаго начала, попавши на привычную почву взяточничества чиновниковъ и безгласности жителей, составила только новый источникъ доходовъ для власти имущихъ,—если Челищевъ посвятилъ ему свое особое негодованіе. Но и приведенной филиппики Челищеву казалось мало. Онъ указываетъ, что въ народныхъ бѣдствіяхъ правители именно должны были бы обращаться прямо къ царскому престолу, потому что „государь есть средоточіе всеобщія казны, слѣдовательно, во всеобщей сей гибели долженъ быть онъ и строитель, и помощникъ, и утѣшитель“, и онъ указываетъ примѣры подобной помощи, исходившей отъ престола. „Но я отсталъ отъ моей матеріи,—прерываетъ онъ свою рѣчь, въ сентиментальномъ стилѣ прошлаго столѣтія,—возвратимся къ попу; мнѣ слышится: онъ стонетъ“. И онъ снова возстаетъ противъ нераченія, незнанія и корыстолюбія „викарныхъ владыкъ народовъ“ (подъ которыми разумѣетъ намѣстниковъ и губернаторовъ), „звергающихъ родъ смертныхъ въ несчастія и напасти“. Онъ приводитъ цѣлую картину „своевольства владычествующихъ, бѣдства подчиненныхъ и казни страждущихъ подъ ихъ игомъ“.

„Почто не доискиваетесь вы до источника разнообразныхъ пороковъ, бѣдствій и злодѣйствъ? Отрите мракъ очей вашихъ, войдите подробно въ хижины поселянъ всѣхъ степеней: вы найдете ихъ источникъ, болѣзнь, лѣкарство, блаженство ихъ и ваше. Смотрите: повсюду бѣдность, праздность, скука; повсюду малая прибыль, а величайшій трудъ. Сколько же долженъ человѣкъ скорѣе наклониться къ злу, нежели къ добру? Самый и климатъ зоветъ народъ нашъ къ праздности; а праздность, извѣстно, мать пороковъ. Въ чужихъ краяхъ даетъ крестьянину щедрая природа девять мѣсяцевъ на работы, а три—на отдохновеніе; у насъ же четыре мѣсяца на работы, а восемь на обременительную праздность. Тамъ же, по многолюдству поселянъ, пахарь долженъ пропитать пять душъ, а у насъ приходится вѣрно больше осьми, т.-е., жену, стараго, малаго, дворянъ, служащихъ, духовныхъ, солдатъ, штатскихъ, купцовъ, посадскихъ, руководъльцевъ, — весь сѣверный край по строгости климата не папушій, — и отправляете хлѣба въ чужіе края! Вотъ отчего нашъ крестьянинъ, видится, и есть изнуренъ! Онъ четыре мѣсяца денно и нощно обливается потомъ неусыпно, а восемь печется на печи. Чтобы отвѣсть отъ зимняго недѣлія, почто не заведете вы фабрикъ по всѣмъ глухимъ краямъ? Экономія губернской казны и самопроиз-

вольное подаваніе откупщиковъ и подрядчиковъ довольно уже на то вамъ даетъ сумму. А ежели вы еще да пресѣчете на время сребролюбивую вашу склонность и покажете искреннюю наклонность къ общественному благу и выиграете довѣренность, то васъ засыплютъ деньгами дворяне, купцы и всѣ степени. Какъ можно подумать, что губерніи, которыя снабжаютъ всю Европу льномъ и пенькою, не имѣютъ еще общественныхъ конторъ, которыя-бъ могли укрощать разорительную хищность сребролюбивыхъ иноземцевъ! Какъ можно думать, говорю я, чтобы мы столько платили за свои матеріалы, а за ихъ переработку, выдумку и руку мастера? Увы, надменные ушельцы въ кабинеты ваши! Почто вы просыпаете въ нихъ жизнь, толикими способами снабденную къ славѣ отечества, къ пользѣ государя и къ блаженству народному, чтобы постѣ быть или недостойно повышенному, или безчестно въ другое мѣсто переименованному, или опуститься въ глубину вѣчности тѣломъ и душой, не оставивъ ни малѣйшаго знааа о имени вашемъ потомству! Почто не обрабатываете сокровищъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земныхъ; у насъ ихъ такъ много, а мы платимъ агличанамъ за ихъ милліоны, нирнберцамъ (sic) за иглы даже тысячи; что платимъ и голландцамъ за сельдей, а сами имѣвши стерлядей, бѣлую рыбицу, осетровъ, бѣлугу, семгу и прочія сокровища водъ. Астрахань и Крымъ не могутъ ли насъ снабдить виномъ, шелкомъ и шерстью? Уралъ и обширныя губерніи любезнаго нашего отечества могутъ ли когда изчерпнуться въ рудныхъ своихъ жилахъ? Твердый, проникательный и созидательный разумъ россиянь требуетъ только ободренія, чтобы затѣмнить въ наукахъ, художествахъ и рукодѣліяхъ всѣ народы европейскіе. О, если бы въ помянутой сей пустынѣ были у васъ заведены фабрики и заводы разныхъ родовъ, напримѣръ, мельницы пильныя и хлѣбныя, кожевенныя, стеклянные и глиняные заводы, то были бы, можетъ быть, сіи породержатели и разбойники самые благочестивые, полезные и талантами удивительные люди! Ахъ, если мое суетумудріе когда-нибудь дойдетъ до слуховъ вашихъ, то не браните моея дерзости! Чувствительность моя не терпитъ сихъ упущеній, и кровь сихъ несчастныхъ преступниковъ брызнула даже до моего сердца“ (273—274).

Мы должны остановиться еще на одномъ любопытномъ пунктѣ книги Челищева. Въ одномъ изъ своихъ общихъ разсужденій онъ коснулся того, что называется теперь женскимъ вопросомъ. Поводомъ къ этому было жалкое положеніе упомянутой нами прежде прядильной фабрики въ Архангельскѣ. Считаая эту отрасль промышленности очень важнымъ дѣломъ нашей государственной

экономіи, Челищевъ напелъ нужнымъ разсудить, какимъ путемъ она могла бы быть правильно поставлена. Онъ начинаетъ такимъ предисловіемъ: „Отвѣдаемъ изъяснить наши мысли о сей полезной части государственной экономіи; если мнѣніе мое покажется страннымъ своею новостію, то по крайней мѣрѣ усердіе заставитъ всякаго добраго сына отечества извинить слабое сіе начертаніе. Мнѣ никогда не нравилось, когда солдатъ разсуждалъ о министерствѣ, черноризецъ о военныхъ дѣйствіяхъ, судья о мореплаваніи, министръ объ астрономіи, хлѣбопашецъ о мануфактурахъ, а женщины объ философіи; я всегда держался пословицы: „знай всякъ сверчокъ свой колчокъ“. Сему правилу слѣдуя, посмотримъ, кому слѣдуетъ поручить означенные заводы или фабрики“ (стр. 92).

Поручить ихъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, женщинамъ. „Я разсматривалъ разнаго рода мужчинъ по степенямъ, тампераментамъ, карахтерамъ, по склонностямъ ихъ и по знаніямъ; но не нахожу никого, кто бы совершенно могъ выполнить потребное благоустройство въ семъ заведеніи. Итакъ, обращаю къ тебѣ, драгоценнѣйшая половина земнородныхъ жителей! вы, безъ которыхъ ничто въ человѣческихъ обществахъ не можетъ прійти въ совершенство, ежели не пособіемъ вашимъ, но по крайности одобреніемъ, вы, обремененныя узами рабства владыки господъ вашихъ, возжигая однимъ взоромъ огонь мщенія, ненависти и кровавыхъ браней между несправедливыхъ вашихъ утѣснителей, возвращаете тѣмъ же взоромъ сладостные плоды блаженнаго мира и общественнаго блага; отъ слезъ вашихъ лѣются кровавые токи, а отъ улыбки рѣками протекаетъ вездѣ, всему, всегда животворное блаженство; вы, коль въ добродѣтель углубитесь, то Каргушъ нечестій устыдится, а скользните по слизкой стезѣ пороковъ, то человѣческій родъ въ беззаконіяхъ въ мигъ погрязнетъ! Удостойте оставить на часъ склонность вашу къ уборамъ и къ ненадобнымъ украшеніямъ наружныхъ прелестей вашихъ; вѣрьте мнѣ, онѣ вамъ не на долго нужны! Что тлѣннѣе, какъ и самая красота ваша? Посмотрите, прелестныя созданія, на благоуханную сестру вашу, розу, царицу садовъ! Сколь близко ея утро отъ вечера: едва разцвѣсть успѣетъ, то стебель ея уже подѣлѣн червь ветхости! Украсьте ваши души, займитесь полезнымъ и основательнымъ разумомъ, устыдите осудителей вашаго вѣтренности, которую они одну только вамъ въ удѣлъ и оставили!“

Челищеву представляется, что это дѣло, прядильное и ткацкое, беретъ въ свои руки архангельская генераль-губернаторша: такъ какъ это производство находилось именно въ женскихъ рабочихъ

рукахъ, то ему естественно было и остаться подъ женскимъ управленіемъ и надзоромъ; и такъ какъ архангельская губернаторша, по словамъ Челищева, была женщина умная, проницательная и ловкая („хитрая“), то Челищеву представляется цѣлая картина процвѣтанія этого производства сѣвернаго края, гдѣ не только сохранится государственный интересъ, но и уничтожится наша промышленная зависимость отъ иноземцевъ (англичанъ и голландцевъ), которая вообще производитъ въ Челищевѣ сильное патриотическое негодованіе: „Я ударюсь объ закладъ, что мужъ ея въ годъ при всей своей ласкѣ и обходительности того не выведаетъ, что она узнаетъ за однимъ обѣдомъ, посадя подлѣ себя голландца или англичанина и разогрѣвъ ихъ своею приманчивостью и острою спирта! Вотъ образъ остроумія, которымъ великій Петръ воспользовался для одушевленія чадъ своихъ въ обширной его державѣ!“

„Женщинамъ лихо только приняться,—продолжаетъ онъ свое разсужденіе,—то дойдутъ до чрезвычайности,—умѣй только пощекотать ихъ самолюбіе, раздражи ихъ тщеславіе и дай имъ увидѣть ихъ силу, то не найдешь оплоту, который бы могъ противустать ихъ хитрости, проницательности, стремленію и могуществу; великій сему примѣръ послѣдніе сіи нынѣшняго столѣтія годы во Франціи: доколѣ мужчины колебались, то я все надѣялся, что король еще можетъ поднять огрузшій свой скипетръ: но когда уже женщины возстали, то я не дамъ за корону французскую рубль“.

Челищевъ ожидалъ, что его идеи объ этомъ предметѣ покажутся странными, даже нелѣпыми, но онъ стоитъ на своемъ: „Ежели сіе начертаніе кому покажется мечтою, то признайся, о читатель, что и мечтательность сія тебя веселитъ! Да на что намъ все доброе, пріятное и добродѣтельное считать пустымъ суетумдріемъ? Не все то, что не было, еще невозможно. Испорченный нравъ чловѣка ужель намъ даетъ право отметать всякое благоустройство въ родѣ смертныхъ? Путь, по которому шествуемъ въ краткой нашей жизни, отстоитъ равно какъ на право отъ добродѣтели, такъ и на лѣво отъ пороку. Если нѣжность его чувствъ, обуреваніе страстей и стремительность его нуждъ и желаній нѣсколько шаговъ его съ пути истины и заманетъ къ пороку, то совѣсть, невинность и сокровенный гласъ добродѣтели не умолкнутъ, пока онъ опять не ступитъ на стезю прямую. Итакъ, не дивись, читатель, и не считай за сумасбродство мои положенія; они мудрены, новы, но не противны возможности. Доколѣ всякая небывалость безпечною нашею порицаться станетъ небылицею?

Что бы вы сказали, любезные соотечичи, еслибъ свободный духъ какого-нибудь мечтателя, подобнаго мнѣ, при нашемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вздумалъ бы прорещи великія дѣла побѣдителя сѣвернаго Александра, Карла XII? Вы бы, конечно, сказали: „Этотъ сумасбродъ бредить, онъ хочетъ писать о человѣкѣ, а говорить о богѣ“. Безъ мала не толь же положеніе и теперь?“ (стр. 92—96).

Таково содержаніе книги Челищева. Мы видимо имѣемъ передъ собою работу недоконченную. Общую рамку путешествія, въ формѣ дневника, авторъ, очевидно, хотѣлъ освѣтить и иллюстрировать нравственными и общественными разсужденіями о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ,—но не успѣлъ этого сдѣлать вполне. Книга, оставшаяся неизданной въ свое время, является для насъ не менѣе любопытнымъ свидѣтельствомъ о своемъ времени. Это—еще одно изъ тѣхъ начинаній, къ которымъ возводится многое въ послѣдующихъ движеніяхъ нашего общества и литературы. Путешествіе Челищева, исполненное съ немалыми трудностями, было интересной попыткой непосредственнаго знакомства съ народной жизнью, попыткой, которая достойна занять мѣсто рядомъ съ лучшими опытами народныхъ изученій прошлаго вѣка. Авторъ мало былъ приготовленъ къ археологіи; но у него были задатки позднѣйшей этнографіи, и, какъ мы замѣчали, Челищевъ, несмотря на свое обученіе высшимъ наукамъ въ Лейпцигѣ, остался совершенно русскимъ, по старинному благочестивымъ человѣкомъ, притомъ ни мало не оторвавшимся отъ народа. Его внимательность къ народному быту иной разъ могла бы послужить примѣромъ и для новѣйшихъ изыскателей. Мы видѣли, какъ онъ слѣдитъ вездѣ за народнымъ промысломъ; онъ интересуется народнымъ мастерствомъ (стр. 154), наблюдаетъ и сравниваетъ крестьянскіе нравы разныхъ мѣстностей (стр. 160, 204), съ сочувствіемъ отмѣчаетъ народную честность (стр. 14), умѣетъ замѣтить оригинальныя подробности народнаго быта (о священникѣ-крестьянинѣ, стр. 185, и т. д.), обращаетъ вниманіе даже на то, гдѣ какую жгутъ лучину, березовую или сосновую (стр. 175, 249). Забавно сказать, что по дорогѣ онъ не только попадаетъ не разъ въ кумовья у крестьянъ (стр. 36, 185), но однажды даже повидимому собственнымъ усмотрѣніемъ женить парня и дѣвку (стр. 204). Еслибы къ тому времени больше развитъ былъ интересъ къ этнографическимъ наблюденіямъ, онъ, по своему простому отношенію къ народной жизни, былъ бы въ состояніи собрать цѣлую массу свѣденій этого рода; но научное излѣдованіе начинается обыкновенно

съ того момента, когда утрачивается непосредственное тождество съ народомъ, а нашъ авторъ еще не потерялъ этой непосредственности. Въмѣстѣ съ тѣмъ трудъ Челищева, на ряду съ немногими другими произведеніями нашей литературы XVIII-го вѣка, принадлежитъ къ первымъ начаткамъ нашей публицистики. Въ основѣ всего предпріятія Челищева лежитъ, очевидно, публицистическая мысль: онъ хочетъ знать, какъ живутъ его сограждане, въ какомъ положеніи находится народный бытъ и народный трудъ; онъ желаетъ видѣть, въ чемъ состоитъ въ разныхъ отрасляхъ народной жизни государственный интересъ, соблюдается ли государственная польза, и пишетъ горячія обличенія, когда видитъ что эта польза нарушается, что казну обманываютъ и грабятъ злонамѣренные, но и сильные люди. Онъ умѣетъ близко присмотрѣться къ дѣлу и можетъ подать благіе совѣты, еслибы кто сталъ ихъ слушать. Наконецъ, его мысль идетъ и дальше обычныхъ понятій вѣка, и приведенныя разсужденія о вмѣшательствѣ женскаго труда представляютъ любопытный голосъ въ защиту женскаго образованія, идущій изъ XVIII-го вѣка.

А. Пыпинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября, 1886 г.

Законъ 3-го іюня о фабричной работѣ; его сильныя и слабыя стороны.—Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія.—Законъ 9-го іюня о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ, сопоставленный съ закономъ 1882-го г. о вольныхъ людяхъ и съ помѣщичьими домогательствами.—Желѣзно-дорожные тарифы прямого заграничнаго сообщенія.—Новый отдѣлъ проекта уголовного уложенія

Почти одновременно съ закономъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, разсмотрѣннымъ нами въ предыдущемъ обзорѣ, утверждены (3-го іюня) и обнародованы новыя правила о фабричной работѣ. Они прошли почти незамѣченными нашею ежедневною печатью—а между тѣмъ значеніе ихъ несомнѣнно, достоинство ихъ, во многихъ отношеніяхъ, болѣе чѣмъ спорно. Отличительною чертою Положенія 12-го іюня оказалась, при внимательномъ разборѣ, усиленная заботливость объ интересахъ хозяевъ, доходящая иногда до явнаго стѣсненія другой стороны. Въ правилахъ 3-го іюня равновѣсіе нарушено не такъ рѣшительно и явно, но все же нарушено, въ томъ же самомъ направленіи и смыслѣ. Доказательствомъ этому служить, прежде всего, различіе между карательными мѣрами, установленными для фабрикантовъ и рабочихъ. Мы видѣли уже, что законъ 12-го іюня увеличиваетъ область уголовной отвѣтственности въ гораздо большей степени для рабочаго, чѣмъ для хозяина; хозяину, за нарушеніе интересовъ или правъ рабочаго, онъ грозитъ, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, только денежнымъ штрафомъ, а рабочему, за нарушеніе правъ или интересовъ хозяина—весьма часто угрожаетъ лишеніемъ свободы. Съ тѣми же особенностями мы встрѣчаемся и въ правилахъ 3-го іюня. Самовольный отказъ отъ работы подвергаетъ рабочаго аресту (на срокъ не свыше одного мѣсяца), между тѣмъ какъ самовольный, безпричинный отказъ рабочему вовсе не составляетъ проступка и влечетъ за собою только гражданскую отвѣтственность хозяина. Стачка хозяевъ, направленная къ пониженію заработной платы, по прежнему

остається ненаказуемой; наказуемость стачки рабочихъ усиливается весьма значительно. Дѣйствующее уложеніе (ст. 1358) грозитъ зачинщикамъ стачки арестомъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, участникамъ ея—арестомъ отъ семи дней до трехъ недѣль; новый законъ назначаетъ для первыхъ тюремное заключеніе на время отъ четырехъ до восьми, для вторыхъ—на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Гарантіей соблюденія правилъ, устанавливаемыхъ новымъ закономъ въ огражденіе интересовъ рабочихъ, служатъ денежные штрафы, болѣею частью весьма невысокіе; личному наказанію (аресту) хозяинъ фабрики (или завѣдывающій ею по его порученію) можетъ подвергнуться только за нарушеніе въ третій разъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ требованій закона или въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда неправильныя дѣйствія хозяина вызвали на фабрикѣ волненіе и потребовали чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія беспорядковъ. Замѣтимъ, по этому поводу, что зависимость наказанія отъ случайныхъ обстоятельствъ едва-ли можетъ быть признана правильной и цѣлесообразной—а между тѣмъ она вводится новымъ закономъ какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ (отвѣтственность послѣднихъ за поврежденіе или истребленіе фабричнаго имущества становится несравненно болѣе тяжелой, если результатомъ поврежденія или истребленія была остановка работъ на фабрикѣ). Представимъ себѣ, что расчетъ купонами вмѣсто денегъ (одинъ изъ проступковъ, упомянутыхъ нами выше) производится одновременно на двухъ фабрикахъ. На одной рабочимъ выдаются купоны, срокъ оплаты которыхъ еще не наступилъ, выдаются взамѣнъ всей слѣдующей, къ данному сроку, заработной платы,—и выдаются, притомъ, хозяиномъ, однажды подвергшимся уже взысканію за однородный проступокъ. На другой фабрикѣ купонами, срокъ оплаты которыхъ уже миновалъ, выдается только меньшая часть заработной платы, и хозяинъ поступаетъ такимъ образомъ въ первый разъ. Очевидно, что изъ двухъ хозяевъ несравненно меньше виноватъ второй; но первая фабрика находится въ глуши, работаетъ на ней смирный, безотвѣтный народъ, плохо знакомый съ своими правами, почти вовсе не имѣющій другихъ заработковъ,—а рабочіе второй фабрики, близкой къ большому городу, отличаются бойкостью, подвижностью, настойчивостью, меньше дорожатъ своими отношеніями къ данной фабрикѣ. Злоупотребленіе хозяина на первой фабрикѣ проходитъ безслѣдно, какъ бы сильно отъ него ни пострадали рабочіе, и обнаруживается лишь нѣсколько времени спустя, фабричною инспекціею; на второй фабрикѣ нарушеніе закона тотчасъ же вызываетъ беспорядки, подавляемые вооруженною силой. На основаніи Положенія 3-го іюня, хозяинъ первой фабрики подвергается легкому денежному штрафу,

хозяинъ второй—приговаривается къ лишенію свободы. Не очевидно ли, что такое распредѣленіе отвѣтственности противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что оно объясняется однимъ типичнымъ свойствомъ новаго законодательства о наемной работѣ: снисходительностью къ хозяевамъ, до тѣхъ поръ, пока они нарушаютъ только интересы рабочихъ. Строгость, по отношенію къ нанимателямъ, является на сцену только тогда, когда дѣйствія ихъ угрожаютъ опасностью интересамъ другихъ нанимателей — или общественному порядку.

Если въ опредѣленіи карательныхъ мѣръ оба закона—о наймѣ сельскихъ работъ и о фабричной работѣ—проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, то въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ они слишкомъ мало согласованы между собою. Мы видѣли уже, что Положеніе 12-го іюня предоставляетъ какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ — въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ,—право односторонняго отказа отъ исполненія договора; другой контрагентъ можетъ только обжаловать этотъ отказъ въ судебномъ порядкѣ, и если поводъ къ отказу будетъ признанъ по суду неосновательнымъ, отказавшаяся сторона подлежитъ отвѣтственности гражданской или уголовной. При такомъ порядкѣ вещей между хозяевами и рабочими существуетъ, по отношенію къ способу отказа и ближайшимъ его результатамъ, если не фактическое, то по крайней мѣрѣ юридическое равенство. Совсѣмъ не то мы видимъ въ законѣ 3-го іюня. Хозяину, т.-е. фабриканту или завѣдывающему фабрикою, предоставляется здѣсь то же самое право, какъ и землевладѣльцу; онъ можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, прямо расторгнуть договоръ съ рабочимъ, причемъ за послѣднимъ остается только право иска къ нанимателю. Наоборотъ, рабочій никогда не можетъ прямо отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія договора; онъ можетъ только просить судъ о расторженіи договора, въ силу одной изъ причинъ, перечисленныхъ въ законѣ. Другими словами, рабочій, оставившій фабрику до истеченія срока найма и безъ судебного разрѣшенія, можетъ быть подвергнутъ наказанію за „самовольный“ отказъ отъ работы, какъ бы основательны ни были причины его ухода. Наносится ли рабочему ежедневно побой, разстраивается ли его здоровье отъ „разрушительнаго вліянія“ работы, умираетъ ли у него мать или жена (это все признается законнымъ поводомъ къ просьбѣ о расторженіи договора)—все равно, онъ долженъ продолжать работу и терпѣливо ждать исхода начатаго имъ судебного дѣла. Чему приписать такую громадную разницу между правами фабриканта и фабричнаго рабочаго — съ одной стороны, между законами 12-го и 3-го іюня—съ другой? Почему нельзя было предоставить фабричному рабочему ту же свободу дѣйствій, которая обезпечена, съ одной стороны,

за фабрикантомъ, съ другой—за сельскимъ рабочимъ? Никакого удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы мы вообразить себѣ не можемъ. Если самовольный уходъ фабричныхъ рабочихъ угрожаетъ вредомъ фабриканту, то не менѣе вреднымъ самовольный уходъ сельскихъ рабочихъ можетъ оказаться и для землевладѣльца; сельскія работы сплошь и рядомъ еще менѣе допускаютъ отсрочку или замедленіе, чѣмъ фабричныя. Условія фабричной работы таковы, что *periculum in mora* можетъ наступить здѣсь для рабочихъ еще чаще, еще скорѣе, чѣмъ при работѣ сельской. Антигигіеническое помѣщеніе, на примѣръ, не можетъ отозваться на сельскихъ рабочихъ столь дурно, какъ на фабричныхъ, уже потому, что первые проводятъ много времени на воздухѣ; для послѣднихъ оно составляетъ иногда въ буквальномъ смыслѣ вопросъ жизни или смерти.

Различіе между законами 12-го и 3-го іюня, невыгодное для фабричныхъ рабочихъ, коренится не въ одномъ только способѣ прекращенія договора. Законнымъ поводомъ къ прекращенію договора признается, для сельскаго рабочаго, смерть или тяжкая, угрожающая смертью болѣзнь одного изъ членовъ его семьи, для фабричнаго рабочаго—только смерть члена семьи. Сельскій рабочій можетъ возвратиться домой, если его постигло „внезапное раззореніе отъ несчастнаго случая“, фабричный рабочій — не можетъ. Неспособность къ работѣ, обусловливаемая болѣзнью или беременностью, включена, Положеніемъ 12-го іюня, въ число причинъ, освобождающихъ работника или работницу отъ дальнѣйшаго исполненія договора; въ правилахъ 3-го іюня о ней не упомянуто вовсе. Сельскій рабочій можетъ жаловаться суду на каждое неправильное дѣйствіе нанимателя—слѣдовательно, и на производство вычета или наложеніе штрафа; фабричному рабочему (въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя распространены особыя „правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“) это право не предоставлено. Правильность денежныхъ высканій, налагаемыхъ на рабочихъ фабрикантомъ или завѣдующимъ фабрикой, гарантируется только наблюденіемъ фабричной инспекціи.

Мы только-что упомянули объ особыхъ правилахъ, опредѣляющихъ надзоръ за заведеніями фабричной промышленности и взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Эти правила вводятся въ дѣйствіе, на первое время, въ трехъ губерніяхъ—петербургской, московской и владимірской. Отъ общей части закона, касающейся одинаково всѣхъ фабрикъ, они отличаются не только большею подробностью регламентаціи, но и большею—хотя все еще недостаточно—серьезностью мѣръ, принимаемыхъ съ цѣлью дѣйствительнаго огражденія рабочихъ. Такъ на примѣръ, въ общей части закона мы на-

ходить воспрещеніе расплачиваться съ рабочими хлѣбомъ, товаромъ, условными знаками, взимать проценты на деньги, выдаваемые рабочими заимообразно, взимать съ рабочихъ плату за врачебную помощь, за освѣщеніе мастерскихъ и за пользованіе, при фабричныхъ работахъ, орудіями производства — но воспрещеніе это не подтверждено никакой санкціей и рискуетъ остаться мертвою буквой. Обычными правилами, наоборотъ, такая санкція устанавливается, въ видѣ цѣлой системы денежныхъ штрафовъ. Платежи, закономъ не воспрещенные (напр. за пользованіе баней, квартирами, чайными столовыми), опредѣляются — въ районѣ дѣйствія „особыхъ правилъ“ — таксой, утверждаемой фабричною инспекціею. Открытіе при фабрикахъ лавокъ для снабженія рабочихъ и служащихъ предметами потребленія допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія инспекціи, и продажа изъ нихъ также производится по таксѣ. Каждый рабочій получаетъ расчетную книжку, опредѣляющую его отношенія къ фабрикѣ; правила внутренняго распорядка, общія для всѣхъ рабочихъ, устанавливаются съ согласія фабричной инспекціи. На каждой фабрикѣ должно быть лицо, отвѣтственное за исполненіе всѣхъ требованій закона. Такимъ лицомъ можетъ быть либо самъ владѣлецъ фабрики, либо назначенный имъ завѣдующій фабрикою; но денежные штрафы, налагаемые на послѣдняго, подлежатъ взысканію — въ случаѣ неуплаты ихъ въ двухнедѣльный срокъ — съ владѣльца фабрики.

Гораздо менѣе удовлетворительны, въ „особыхъ правилахъ“, постановленія о взысканіяхъ, налагаемыхъ на рабочихъ собственною властью владѣльца фабрики или лица, ею завѣдующаго. Что они не могутъ быть предметомъ жалобы со стороны рабочихъ, это мы уже знаемъ; между тѣмъ поводы къ наложенію ихъ весьма многочисленны и весьма неопредѣленны. Они взыскиваются не только за прогулъ, не только за несвоевременную явку на работу или самовольную съ нея отлучку, но и за неисправную или небрежную работу, за непослушаніе, за нарушеніе тишины во время работъ и т. п. Наибольшій размѣръ взысканія за нарушеніе порядка — одинъ рубль — превышаетъ обыкновенный дневной заработокъ рабочаго; общая сумма взысканій можетъ доходить до одной трети всего заработка. Правда, денежные взысканія обращаются не въ пользу владѣльца фабрики; они поступаютъ въ особый капиталъ, расходующійся, съ разрѣшенія инспекціи, только на нужды самихъ рабочихъ. Безапелляціонная власть хозяина надъ значительною частью заработка рабочихъ представляется, тѣмъ не менѣе, явленіемъ до крайности ненормальнымъ. Штрафъ, угрожающій хозяину за неправильное наложеніе взысканій, не превышаетъ ста рублей; предупредить злоупотребленія, особенно въ крупномъ фабричномъ дѣлѣ, опасеніе такого штрафа, безъ сомнѣ-

нія, не можетъ. Привлеченіе хозяина къ отвѣтственности возможно, притомъ, только при личномъ посѣщеніи фабрики агентомъ фабричной инспекціи. Несмотря на увеличеніе личнаго состава инспекціи ¹⁾, трудно предположить, чтобы на каждую фабрику пришлось болѣе одного посѣщенія въ годъ; во времени посѣщенія исчезнуть, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, всѣ слѣды неправильности, допущенной хозяиномъ, и доказать свою претензію рабочимъ будетъ почти невозможно.

Расширяя составъ и кругъ дѣйствій фабричной инспекціи, „особныя правила“ создаютъ надъ нею новую инстанцію—губернское по фабричнымъ дѣламъ присутствіе. Предсѣдательство въ присутствіи возлагается на губернатора (въ Петербургѣ — на градоначальника, въ Москвѣ — на оберъ-полиціймейстера); члены присутствія — вице-губернаторъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ, окружной фабричный инспекторъ или его помощникъ, предсѣдатель или членъ губернской земской управы, городской голова или членъ городской управы (въ столицахъ и другихъ городахъ, гдѣ существуютъ совѣщательныя учрежденія по части торговли и мануфактурной промышленности, представители земства и города замѣняются членами этихъ учреждений). Главные предметы вѣдомства присутствія — изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности фабричныхъ рабочихъ; рѣшеніе дѣлъ о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ особыми правилами, а также нѣкоторыхъ другихъ, караемыхъ уже и теперь, за силою уложенія о наказаніяхъ; разсмотрѣніе жалобъ на фабричную инспекцію и разрѣшеніе встрѣчаемыхъ ею сомнѣній.

Цѣлесообразность всѣхъ этихъ постановленій подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, большому спору. Указанія опыта давно уже говорятъ противъ смѣшанныхъ присутствій, составляемыхъ изъ представителей различныхъ вѣдомствъ и учреждений—и притомъ, болѣею частью, изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, обремененныхъ занятіями по своей специальной службѣ. Судьба подобныхъ присутствій почти всегда та-

¹⁾ Для трехъ губерній, на которыя распространено дѣйствіе „особныхъ правилъ“, учреждено вновь десять должностей помощника окружнаго инспектора. Мы знаемъ изъ отчета г. Янжула, что въ одной московской губерніи числится около тысячи пятисотъ фабрикъ. Допустимъ, что изъ десяти новыхъ помощниковъ инспектора шесть будетъ назначено въ московскую губернію; все-таки на долю каждаго изъ нихъ придется по 250 фабрикъ, т.-е. почти по фабрикѣ на каждый не-праздничный день—а кромѣ фабрикъ инспекторскому надзору подлежатъ еще ремесленные заведенія. Самого инспектора округа и прежняго его помощника мы въ расчетъ не принимаемъ, потому что въ составъ московскаго округа входятъ, кромѣ московской, еще пять губерній.

кова: при нормальныхъ условіяхъ, въ обыкновенное время, возложенная на нихъ задача исполняется, *de facto*, однимъ лицомъ, всего ближе къ ней стоящимъ (непремѣннымъ членомъ — въ крестьянскихъ присутствіяхъ, инспекторомъ или директоромъ народныхъ училищъ — въ училищныхъ совѣтахъ, и т. п.); въ экстренныхъ случаяхъ за работу принимаются всѣ, но въ основаніи каждаго отдѣльнаго мнѣнія лежитъ не столько внимательное, всестороннее изученіе дѣла — для этого большинству недостаетъ ни времени, ни знанія, — сколько тенденція, предвзятая мысль, механически усвоенный или проводимый во что бы то ни стало взглядъ даннаго вѣдомства. Какую роль, на примѣръ, можетъ играть въ фабричномъ присутствіи прокуроръ окружнаго суда или начальникъ жандармскаго управленія? Первый, говоря вообще, будетъ расположенъ къ слишкомъ формальной провѣркѣ дѣйствій и сообщеній фабричной инспекціи, къ требованію безусловной достовѣрности, тамъ гдѣ достаточна большая вѣроятность; второй часто будетъ смотрѣть на фабрикантовъ — какъ на приращенныхъ охранителей порядка, на рабочихъ — какъ на естественныхъ его противниковъ. Еще меньше безпристрастія можно ожидать отъ представителей города или совѣщательныхъ учрежденій по части торговли и мануфактурной промышленности. Въ нашемъ городскомъ самоуправленіи купеческій элементъ слишкомъ часто преобладаетъ надъ всѣми остальными; въ совѣтѣ и комитетѣ торговли и мануфактуры онъ господствуетъ почти нераздѣльно — а въ вопросѣ объ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими этотъ элементъ является прямо заинтересованною стороною... Обойтись, въ данномъ случаѣ, безъ смѣшаннаго присутствія было тѣмъ болѣе возможно, что фабричная инспекція, съ самаго учрежденія своего, составляла правильно расчлененное и іерархически организованное цѣлое. Внизу — помощники окружныхъ инспекторовъ, надъ ними — окружные инспектора, еще выше — главный инспекторъ, и наконецъ — министръ финансовъ. Къ чему было усложнять эту лѣстницу какою-то боковою ступенью — понять довольно трудно. Предоставленная сама себѣ, фабричная инспекція могла бы выработать прочныя основанія для своей дѣятельности, совиѣстить единство съ необходимою долею разнообразія. Внутренніе фабричныя распорядки могутъ и должны собразоваться кое въ чемъ съ мѣстными условіями, но общій ихъ духъ можетъ и долженъ вездѣ быть одинъ и тотъ же. При дѣйствіи новаго закона это однообразіе ничѣмъ не обезпечено; „обязательныя постановленія“ издаваемые губернскими фабричными присутствіями, могутъ расходиться между собою въ самыхъ существенныхъ частяхъ, и въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, во всемъ сходныхъ одна съ другою, могутъ одержать верхъ противоположныя теченія или взгляды... Смѣшанный

характеръ присутствій отражается, сверхъ того, и на дальнѣйшемъ движеніи дѣлъ, имъ подвѣдомственныхъ; разрѣшеніе жалобъ, приносимыхъ на присутствія, предоставлено правилами 3-го іюня не одному министру, а двумъ—оно зависитъ отъ соглашенія министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Отсюда неизбежность столкновеній или уступокъ, одинаково несовмѣстныхъ съ правильнымъ ходомъ дѣла.

Самая слабая сторона учрежденія губернскихъ фабричныхъ присутствій — это обложеніе присутствій функціями чисто судебного свойства. Мировой судъ вѣдаетъ, въ силу закона 12-го іюня, почти всѣ споры между сельскими хозяевами и ихъ рабочими; фабричныхъ рабочихъ тотъ же судъ, на основаніи закона 3-го іюня, имѣетъ право приговаривать къ аресту и даже къ тюремному заключенію; почему же нельзя было предоставить ему и наложеніе денежныхъ штрафовъ на фабрикантовъ и завѣдывающихъ фабриками? Уже если признавалось нужнымъ ограничить, въ данномъ направленіи, кругъ дѣйствій судебной власти, то что же мѣшало замѣнить ее непосредственно фабричными инспекторами? Неужели наложеніе на фабриканта небольшого денежнаго штрафа — дѣло настолько важное, что оно могло быть поручено не кому другому, какъ многочисленной коллегіи? По общему правилу, чѣмъ незначительнѣе проступокъ, тѣмъ ближе власть, призываемая къ его разбору; здѣсь, наоборотъ, разборъ нарушеній, даже самыхъ маловажныхъ, возлагается на одно присутственное мѣсто для цѣлой губерніи. Обыкновенный смертный, оштрафованный тремя стами рублями, жалуется на рѣшеніе мирового судьи мировому съѣзду, и только въ кассационномъ порядкѣ можетъ довести дѣло до сената; второю инстанціею по дѣлу о фабрикантѣ или его замѣстителѣ, оштрафованномъ хотя бы сто-однимъ рублемъ ¹⁾, является совѣщаніе двухъ министровъ, какъ будто бы рѣчь шла о вопросѣ государственной важности.

Законъ 28-го мая 1883 г. — о взысканіяхъ за нарушеніе питейнаго устава—допустилъ въ первый разъ отступленіе отъ общаго правила о совокупности преступленій, замѣнивъ поглощеніе взысканій (т.е. назначеніе только высшаго изъ нихъ) ариметическимъ ихъ сложениемъ. Законъ 3-го іюня примѣняетъ это новое начало исключительно къ тѣмъ штрафамъ, которые взыскиваются за держаніе рабочаго безъ расчетной книжки и за неправильное ея веденіе. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ высшая мѣра штрафа остается неподвижной, какъ бы ни было велико число обнаруженныхъ нарушеній. Чтобы понять зна-

¹⁾ Постановленія губернскаго присутствія о штрафахъ, не превышающихъ ста рублей, обжалованію не подлежатъ.

ченіе этой снисходительности, необходимо припомнить, что обнаруженіе важнѣйшихъ нарушеній, совершаемыхъ завѣдующимъ фабрикою, возможно, по закону, лишь при посѣщеніи фабрики агентомъ инспекціи, т.-е. по истеченіи значительныхъ промежутковъ времени. Представимъ себѣ, что фабричный инспекторъ, пріѣхавъ на фабрику черезъ годъ послѣ предыдущаго посѣщенія, раскрываетъ нѣсколько десятковъ случаевъ, въ которыхъ взысканіе съ рабочихъ было произведено безъ правильнаго основанія или въ преувеличенномъ размѣрѣ; представимъ себѣ, что фабрикантомъ нарушены, сверхъ того, всѣ правила, перечисленные въ ст. 41-ой. Къ чему можетъ быть приговоренъ виновный? Только къ денежному штрафу въ сто рублей. Несоразмѣрность между виною и наказаніемъ, а слѣдовательно и между цѣлью закона и средствомъ къ ея достиженію, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Каковы бы ни были недостатки „особыхъ правилъ“, нельзя не пожалѣть, что они установлены только для трехъ губерній. Гарантий для рабочихъ они все же представляютъ гораздо больше, чѣмъ дѣйствующій порядокъ, даже дополненный и измѣненный общеою частью разбираемаго нами закона. На одинъ существенный пробѣлъ этой части — отсутствіе санкций, которыми обезпечивалось бы соблюденіе ея требованій (со стороны фабрикантовъ) — мы уже указали; другой, не менѣе важный, заключается въ томъ, что она не расширяетъ круга дѣйствій фабричной инспекціи — не обязываетъ и не уполномочиваетъ ея, напримѣръ, заботиться объ охраненіи здоровья взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ. Между тѣмъ къ закону 3-го іюня вполне примѣнимо замѣчаніе, сдѣланное нами по поводу Положенія о наймѣ сельскихъ рабочихъ: все зависитъ отъ его исполненія — т.-е. отъ состава, правъ и дѣятельности фабричной инспекціи. Несмотря на тормазъ, созданный для нея въ видѣ губернскихъ фабричныхъ присутствій, она можетъ сдѣлать весьма многое, можетъ восполнить и поправить самый законъ, лишь бы только не измѣнялось направленіе, принятое ею съ самаго начала. Мы не видимъ причины, по которой дѣйствіе „особыхъ правилъ“ не могло бы быть распространено теперь же на всѣ губерніи, входящія въ составъ фабричныхъ округовъ. Разъ что инспектора и ихъ помощники обязаны посѣщать фабрики для надзора за исполненіемъ правилъ, касающихся малолѣтнихъ рабочихъ, ничто не мѣшаетъ соединить съ этими посѣщеніями осуществленіе другихъ функцій, возлагаемыхъ на фабричную инспекцію. Скажемъ болѣе: ничто не мѣшало бы соединить съ обязанностями фабричной инспекціи еще другія, не менѣе важныя. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, съ которою намъ почти никогда не приходится соглашаться, была высказана, мимоходомъ,

совершенно вѣрная мысль, что полезно было бы подчинить инспекціи и отношенія между сельскими хозяевами и рабочими. Конечно, она необходима здѣсь не въ такой степени, какъ на фабрикахъ — но есть обширныя хозяйства, имѣющія много точекъ соприкосновенія съ фабричнымъ дѣломъ, да и для хозяйствъ болѣе скромныхъ часто былъ бы излишнимъ контроль, предупреждающій столкновенія и споры. Чтобы не умножать чрезъ мѣру числа должностей, обязанности инспекціи по отношенію къ сельскимъ рабочимъ и хозяевамъ можно было бы возложить отчасти на податныхъ, отчасти на фабричныхъ инспекторовъ, и безъ того періодически объѣзжающихъ ввѣренную имъ мѣстность. Большую помощь инспекціи — и фабричной, и сельско-хозяйственной — могли бы оказать, какъ мы уже неоднократно замѣчали, представители и агенты земскихъ учреждений.

Намъ остается еще упомянуть объ одной, послѣдней статьѣ „особыхъ правилъ“, предоставляющей министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, распространять ихъ дѣйствіе на значительныя ремесленныя заведенія и, наоборотъ, устранять отъ подчиненія имъ незначительныя фабрики и заводы. Для насъ не совсѣмъ ясно, на какомъ основаніи незначительность фабрики можетъ освобождать ее всецѣло отъ дѣйствія новаго закона. Нѣкоторыя изъятія, касающіяся, напримѣръ, обязательной организаціи врачебной помощи или обязательнаго веденія расчетныхъ книжекъ, были бы для насъ понятны — но въ большинствѣ случаевъ соблюденіе порядка, установленнаго закономъ 3-го іюня, одинаково возможно и одинаково важно по отношенію ко всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, независимо отъ ихъ размѣра. Не думаемъ также, чтобы необходимость надзора за ремесленными заведеніями обуславливалась числомъ рабочихъ или цифрою ежегоднаго оборота. И здѣсь должно было бы имѣть мѣсто только облегченіе, вызываемое недостаткомъ средствъ и самымъ свойствомъ ремесленной работы, но отнюдь не полное изъятіе изъ дѣйствія закона, равносильное совершенной безконтрольности. Ремесленныя заведенія сплошь и рядомъ служатъ театромъ вопіющей эксплуатаціи; это — настоящее темное царство, изрѣдка лишь освѣщаемое уголовными процессами. Чѣмъ шире будетъ открытъ туда доступъ фабричной инспекціи, тѣмъ лучше; не большія группы рабочихъ имѣютъ такое же право на покровительство закона, какъ и группы, исчисляемыя тысячами или сотнями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести одинъ фактъ, заимствуемый нами изъ статьи г. Хина о московскомъ Рукавишниковскомъ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ („Юридическій Вѣстникъ“, № 8): цѣлая половина мальчиковъ, поступившихъ, въ теченіе шести лѣтъ, въ этотъ пріютъ, находилась передъ тѣмъ въ мел-

кихъ московскихъ мастерскихъ, т.-е. именно въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя предполагается оставить внѣ круга дѣйствій новаго закона.

Указавъ недостатки правилъ 3-го іюня, перечисливъ тѣ пункты, по которымъ они уступаютъ даже закону 12-го іюня, мы спѣшимъ оговориться: рассматриваемая какъ одно цѣлое, регламентація фабричной работы стоитъ, безспорно, гораздо выше, чѣмъ регламентація работы сельской. Первая составляетъ, въ общемъ выводѣ, шагъ впередъ, вторая — скорѣе шагъ назадъ. Въ положеніи фабричныхъ рабочихъ происходитъ перемена къ лучшему, недостаточно лишь полная и рѣшительная; положеніе сельскихъ рабочихъ измѣняется къ худшему, несмотря на нѣкоторыя частныя поправки. Прибавимъ къ этому, что въ основаніи учрежденія фабричной инспекціи лежала съ самаго начала заботливость о рабочихъ, между тѣмъ какъ въ основаніе учрежденія, въ руки котораго перейдетъ, послѣ реформы волостного и уѣзднаго управленія, примѣненіе закона 12-го іюня, слишкомъ легко можетъ лечь усиленное попеченіе о хозяевахъ.

Чтобы покончить съ результатами законодательной сессіи 1885—6 года, намъ остается еще бросить взглядъ на утвержденное 9-го іюня Положеніе о поземельномъ устройствѣ вѣчныхъ сельскихъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Между этимъ Положеніемъ и закономъ о фабричной работѣ существуетъ то сходство, что они оба многое даютъ — и многого оставляютъ желать, соединяя несомнѣнныя достоинства съ столь же несомнѣнными недостатками; назвать разрѣшеніе чиншеваго вопроса „совершенно справедливымъ“ — какъ это дѣлаетъ одна изъ петербургскихъ „либеральныхъ“ газетъ — мы никакъ не можемъ. Достоинства Положенія о чиншевикахъ становятся особенно ясными, если сравнить его съ закономъ 3-го іюня 1882 г. о такъ-называемыхъ вольныхъ людяхъ сѣверо-западнаго края. Судьба вольныхъ людей во многомъ напоминала судьбу чиншевиковъ. И тѣ, и другіе постоянно рисковали остаться безъ земли, многіе десятии лѣтъ находившейся въ ихъ фактическомъ, потомственномъ владѣніи; и тѣ, и другіе подвергались выселенію, втягивались въ безконечныя, разорительныя процессы; и тѣ, и другіе требовали покровительства со стороны закона, за недостаточностью охраны, которую они могли найти въ судебныхъ и административныхъ мѣрахъ. Приступая къ устройству быта вольныхъ людей и чиншевиковъ, правительство руководилось въ обоихъ случаяхъ какъ сознаніемъ правъ, приобрѣтенныхъ фактическими владѣльцами земли, такъ и необходимостью обезпечить ихъ экономическую жизнь. Между тѣмъ, для чиншевиковъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сдѣлано больше,

цѣмъ для вольныхъ людей. Вольнымъ людямъ, въ случаѣ выкупа занятыхъ ими участковъ, правительственная поддержка оказывается лишь въ размѣрѣ 85% продажной цѣны, опредѣляющей собою цифру выкупной ссуды; остальные 15% должны быть уплачены самимъ покупателемъ, съ допущеніемъ лишь разсрочки на шесть лѣтъ. При выкупѣ участковъ чиншевиками ссуда выдается въ полномъ размѣрѣ выкупной суммы и отъ чиншевиковъ не требуется никакой приплаты, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда выкупная сумма превосходитъ высшій, допускаемый закономъ, размѣръ ссуды, т.-е. высшую оцѣнку земли въ данной мѣстности (къ этому исключенію, весьма невыгодному для чиншевиковъ, мы еще возвратимся). Выкупъ земли вольными людьми прекращаетъ, *ipso facto*, всѣ сервитутныя ихъ права, т.-е. всякое ихъ право на пользование другими землями помѣщика; допускается только скидка съ продажной цѣны, въ размѣрѣ не свыше 10%, за лишеніе пастбищнаго сервитута. При выкупѣ земли чиншевиками сервитутныя ихъ права остаются, наоборотъ, неприкосновенными, развѣ еслибы о прекращеніи сервитутовъ состоялась между вотчинникомъ и чиншевикомъ полюбовная сдѣлка ¹⁾. Если занимаемый вольнымъ человекомъ участокъ причиняетъ явный вредъ или стѣсненіе хозяйству землевладѣльца, послѣдній имѣетъ право замѣнить его другимъ соответственнаго достоинства участкомъ, причемъ такой участокъ можетъ быть даже купленъ на сторонѣ; а еслибы, за выдѣломъ участковъ вольнымъ людямъ, у землевладѣльца, не имѣющаго другой земельной собственности, должно было остаться менѣе ста десятинъ земли, то выдѣлъ вовсе не производится. Ничего подобнаго этимъ правиламъ, столь неблагопріятнымъ для вольныхъ людей, законъ 9-го іюня по отношенію къ чиншевикамъ не устанавливаетъ.

Отъ лицевой стороны медали перейдемъ къ оборотной. Положенію о поземельномъ устройствѣ вѣчныхъ чиншевиковъ предстояло рѣшить, прежде всего, существенный вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ признавать вѣчными чиншевиками. Съ точки зрѣнія чисто формальной можно было утверждать, что дѣйствіе новаго закона должно быть ограничено чиншевымъ владѣніемъ, возникшимъ до примѣненія къ западному краю русскаго гражданскаго законодательства — т.-е. до 1831-го года для губерній бѣлорусскихъ, до 1840-го года для губерній западныхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такой юри-

¹⁾ Защитники помѣщичьихъ интересовъ противъ интересовъ чиншевиковъ — напр. г. Рембовскій, о книгѣ котораго: „Исторія и значеніе чиншеваго владѣнія въ западномъ краѣ“, было недавно говорено въ „Литературномъ Обзорѣнн“ нашего журнала, — признавали уничтоженіе сервитутовъ необходимою принадлежностью выкупа чиншевыхъ участковъ.

дической формы владѣнія, которая соотвѣтствовала бы владѣнію чиншевому, русское право не знало и не знаетъ. Указы 1831 и 1840 г., сохранивъ полную силу за чиншевыми отношеніями, установившимися при дѣйствіи прежнихъ законовъ, не создали почвы для ихъ дальнѣйшаго распространенія. Тѣмъ не менѣе они продолжали развиваться, охватывая собою все большее и большее число участниковъ. Игнорировать этотъ фактъ, при окончательномъ разрѣшеніи чиншеваго вопроса, не было никакой возможности; *sumptum jus*, въ данномъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда-либо было бы равносильно *sumptus injuriae*. Зачеркнуть однимъ почеркомъ пера всѣхъ чиншевиновъ позднѣйшаго происхожденія не предлагали даже такіе ревнители помѣщичьихъ интересовъ, какъ г. Рембовскій. Находя, что охраной закона, собственно говоря, должны были пользоваться только чиншевыя сдѣлки, совершенныя до 1840-го (или 1831-го) года и облеченныя въ письменную форму, упрекая русскія судебныя мѣста и русскую администрацію за отступленія отъ этого начала, вредно отразившіяся на нравственности (!) земледѣльческаго сословія, г. Рембовскій не настаиваетъ, однако, на абсолютномъ значеніи указовъ 1831-го и 1840-го года и допускаетъ признаніе чиншевыхъ отношеній, образовавшихся по сю сторону этой черты, лишь бы только существованіе ихъ подтверждалось письменными доказательствами. Законъ 9-го іюня идетъ нѣсколько дальше, чѣмъ г. Рембовскій. Чиншевое владѣніе, начавшееся до 1831-го или 1840-го года, разрѣшается доказывать какъ письменными документами, такъ и показаніями свидѣтелей и околныхъ людей, чиншевое владѣніе позднѣйшаго происхожденія—только письменными доказательствами. Строгость этого послѣдняго правила смягчена, до извѣстной степени, по отношенію къ тѣмъ участкамъ, которые лежатъ въ чертѣ угодій, признанныхъ вѣчно-чиншевыми. Такіе участки могутъ быть оставлены за владѣльцами и при неясности, неполнотѣ или отсутствіи письменныхъ на чиншевое владѣніе доказательствъ. Итакъ, къ той единственной категоріи доказательствъ, которую допускалъ г. Рембовскій, законъ 9-го іюня прибавляетъ еще двѣ: свидѣтельскія показанія, если владѣніе возникло до 1831-го или 1840-го года,—и положеніе участка среди другихъ, безспорно чиншевыхъ. Строго послѣдовательнымъ это рѣшеніе вопроса назвать нельзя. Несомнѣнно, что при дѣйствіи прежнихъ, литовско-польскихъ законовъ чиншевое владѣніе устанавливалось иногда и словесной сдѣлкой; столь же несомнѣнно и то, что съ введеніемъ русскаго законодательства способы установленія чиншеваго владѣнія существенно не измѣнились. Логическій выводъ изъ этихъ двухъ посылокъ совершенно ясенъ: къ проведенію рѣзкой черты между обоими періодами не представляется

достаточнаго основанія. Доказательство черезъ свидѣтелей могло бы быть допущено и для сдѣлокъ, совершенныхъ послѣ 1840-го года, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется на-лицо, говоря языкомъ юридическимъ, начало письменнаго доказательства (*commencement de preuve écrite*), — т.-е. представлены письменные документы, заставляющіе предполагать существованіе чиншеваго владѣнія.

Къ уменьшенію числа лицъ, за которыми можетъ быть признано право чиншеваго владѣнія, направлены, помимо постановленія о доказательствахъ, еще двѣ статьи новаго закона. За силою одной изъ нихъ, лица, начавшія пользоваться землею въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, не могутъ доказывать вѣчно-чиншевыхъ правъ на эту землю; на основаніи другой вѣчно-чиншевое право простирается на тѣ только земли, которыя, при изданіи закона, окажутся въ дѣйствительномъ пользованіи и распоряженіи чиншевыхъ владѣльцевъ (за исключеніемъ случаевъ недавняго выселенія или неоконченнаго судебного разбирательства). Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1876 г., не произошло, сколько намъ извѣстно, ничего такого, что положило бы конецъ заключенію чиншевыхъ сдѣлокъ или сдѣлало бы ихъ менѣе законными, менѣе дѣйствительными, чѣмъ прежде. Одно изъ двухъ: или сдѣлка, заключенная послѣ 1876 г., соединяетъ въ себѣ, съ внутренней и внѣшней стороны, всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе новаго закона—или она не соотвѣтствуетъ какому-либо изъ этихъ условій. Въ послѣднемъ случаѣ она недействительна сама по себѣ—въ первомъ случаѣ она ничѣмъ не отличается отъ однородныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ нѣсколькими мѣсяцами или днями раньше, и трудно объяснить себѣ, почему майская сдѣлка 1876 г.—можетъ, а іюльская—не можетъ считаться источникомъ права. Что касается до дѣйствительнаго владѣнія, какъ условія примѣнимости новаго закона, то для оцѣнки этого требованія слѣдуетъ только припомнить факты, оглашенные, семь лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ рефератовъ г. Пихно о чиншовомъ владѣніи ¹⁾. „Когда въ шестидесятыхъ годахъ,—читаемъ мы у г. Пихно,—былъ возбужденъ чиншевой вопросъ, то землевладѣльцы скоро поняли, что онъ можетъ представлять для нихъ извѣстную опасность. Употреблять слишкомъ грубые приемы они на первыхъ порахъ не рискнули, а рѣшились прибѣгнуть къ болѣе кроткому, но болѣе вѣрному способу защиты своихъ интересовъ, путемъ превращенія чиншеваго владѣнія въ аренду. Обыкновенно чиншевымъ предлагалась такая дилемма: или заключить арендный договоръ

¹⁾ Рефератъ, на который мы ссылаемся, былъ рассмотрѣнъ Кіевскимъ Юридическимъ Обществомъ въ засѣданіи 24-го марта 1879 г. и напечатанъ въ протоколахъ Общества.

на срокъ, или уходить изъ имѣнія. Ихъ увѣрили, что соглашаясь на первое, они ничего не теряютъ, такъ какъ арендные договоры будутъ возобновляться, какъ при ихъ отпахъ и дѣдахъ; въ случаѣ ихъ отказа, имъ угрожала опасность потерять все. Многіе чиншевики уступили требованію помѣщика; въ одинъ день заключаемо было, иногда, по нѣскольку десятковъ договоровъ. Иногда, при болѣе упорствѣ чиншевиковъ, употребляема была такая уловка: новые контракты именовались безсрочными и чиншевыми, но въ концѣ говорилось, что на основаніи такихъ-то статей свода законовъ сей контрактъ считается двѣнадцатилѣтнимъ. Чиншевое право, по выраженію г. Пихно, становилось, такимъ образомъ, объектомъ „эскамонтажа“. Если сопоставить эти факты съ многочисленными выселеніями чиншевиковъ, имѣвшими мѣсто въ семидесятыхъ годахъ и долго не встрѣчавшими надлежащаго отпора со стороны судебной власти, то вопросъ о томъ, всегда ли фактическое прекращеніе чиншеваго владѣнія равносильно погашенію права на чиншевое владѣніе, разрѣшается самъ собою. Во многихъ случаяхъ опредѣленіе права на владѣніе, хотя бы и прекратившееся *de facto*, не встрѣтило бы никакихъ затрудненій и было бы исполнѣе согласно съ требованіями справедливости.

Неприведенныя еще въ исполненіе судебныя рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ между вотчинниками и чиншевиками, въ чемъ они противорѣчатъ новымъ правиламъ, законъ 9-го іюня предписываетъ оставить безъ исполненія. Это постановленіе исполнѣе понятно, разъ что дѣло разрѣшено противъ чиншевика. Между допускаемыми вновь способами доказательства чиншеваго владѣнія есть такіе, — напр. нахожденіе участка въ чертѣ чиншезыхъ угодій, — которые не могли имѣть значенія для суда, руководствовавшагося прежними узаконеніями; несправедливо было бы отказывать въ примѣненіи подобнаго правила только потому, что оно не имѣлось въ виду при рѣшеніи спора. Другое дѣло — если судъ призналъ право на чиншевое владѣніе достаточно доказаннымъ. Законъ 9-го іюня изданъ, во всякомъ случаѣ, съ цѣлью улучшить положеніе чиншевиковъ, съ цѣлью облегчить, а не затруднить установленіе чиншеваго права. Однажды признанное судомъ, оно не должно было бы подвергаться дальнѣйшему колебанію.

Допуская, въ принципѣ, обязательный выкупъ чиншевыхъ участковъ, защитники помѣщичьихъ интересовъ сосредоточивали свои усилія на томъ, чтобы въ основаніе этого выкупа не были положены начала, принятія Положеніемъ 1861 г. Исходя изъ той мысли, что внимательство государства въ чиншевый вопросъ должно имѣть цѣлью не столько обезпеченіе быта чиншевиковъ, сколько прекращеніе ябеды и сословнаго раздора, г. Рембовскій настаивалъ на томъ, что выкупная сумма должна опредѣляться не дѣйствительною стоимостью вы-

купаемой земли, а полнымъ размѣромъ всѣхъ чиншевыхъ платежей и повинностей. На этотъ путь и вступилъ законъ 9-го іюня, расходящійся здѣсь съ мнѣніемъ г. Рембовскаго только въ одномъ—правда, существенно-важномъ пунктѣ: въ опредѣленіи процентнаго отношенія между совокупностью чиншевыхъ повинностей и выкупной суммой. Г. Рембовскій предлагалъ, для полученія послѣдней цифры, помножить первую, по меньшей мѣрѣ, на двадцать-пять, т.-е. капитализировать ее изъ четырехъ процентовъ, между тѣмъ какъ законъ 9-го іюня удерживаетъ общепринятую у насъ капитализацію изъ шести процентовъ, т.-е. помноженіе на $16\frac{2}{3}$. Тѣмъ не менѣе выкупная сумма, исчисляемая въ строгой соразмѣрности со всею массою чиншевыхъ платежей и повинностей, будетъ превышать, сплошь и рядомъ, правительственную оцѣнку земли, отъ которой, какъ мы уже видѣли, зависитъ выкупная ссуда. Добавочная къ выкупной ссудѣ сумма, по ст. 20-ой новаго закона, или уплачивается чиншевикомъ владѣльцу сполна при составленіи выкупного акта, или разсрочивается по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ. А что, если у чиншевика не окажется нужной для уплаты суммы, и соглашеніе о разсрочкѣ не состоится? Законъ 9-го іюня вовсе не предвидитъ такихъ случаевъ—а между тѣмъ въ неизбѣжности ихъ едва-ли можно сомнѣваться. Неужели чиншевики, несостоятельные къ уплатѣ добавочной суммы и не достигшіе ея разсрочки, должны будутъ лишиться своихъ участковъ? Ни о чемъ подобномъ не могло бы быть и рѣчи, еслибы въ основаніе выкупа была положена стоимость земли, по казенной оцѣнкѣ, и еслибы сумма, такимъ образомъ опредѣленная, была выдаваема вся цѣликомъ въ видѣ выкупной ссуды.

Послѣднее *pium desiderium*, заявленное г. Рембовскимъ, касалось участія въ чиншевомъ дѣлѣ представителей мѣстнаго землевладѣнія. Это желаніе исполнено; въ составъ каждаго изъ вновь образуемыхъ уѣздныхъ чиншевыхъ присутствій законъ 9-го іюня вводитъ одного, по выбору губернатора, мѣстнаго землевладѣльца. То же самое устанавливается и относительно губернскихъ крестьянскихъ присутствій; въ рѣшеніи ими чиншевыхъ дѣлъ долженъ участвовать мѣстный землевладѣлецъ, приглашаемый генералъ-губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ. Приглашенія въ составъ присутствій кого-либо изъ чиншевиковъ законъ не устанавливаетъ.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, одну хорошую черту новаго закона, хотя она и разумѣлась, собственно говоря, сама собою. Перечисляя чиншевиковъ-мѣщанъ, съ момента утвержденія выкупного акта, въ сельскіе обыватели, законъ сохраняетъ за ними, наравнѣ съ мѣщанами, свободу отъ тѣлеснаго наказанія. Скоро ли исчезнетъ необходимость въ такихъ оговоркахъ, скоро ли свобода отъ тѣлеснаго на-

казанія перестанетъ быть привилегіей и сдѣлается общимъ, одинаковымъ для всѣхъ правомъ?

Внѣ обыкновеннаго законодательнаго порядка состоялась, въ послѣднее время, весьма важная правительственная мѣра. Положеніемъ комитета министровъ, высочайше утвержденнымъ 11-го іюля, постановлено признать обязательнымъ для русскихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ обращенное къ нимъ министерствомъ путей сообщенія требованіе представить на утвержденіе правительства, въ указанный министерствомъ срокъ, проекты тарифовъ прямого заграничнаго сообщенія. Проекты эти должны быть рассмотрѣны совѣтомъ по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ и затѣмъ введены въ дѣйствіе на одинъ годъ, по истеченіи котораго они будутъ подлежать пересмотру, въ связи съ указаніями опыта. Обязательными для желѣзно-дорожныхъ обществъ признаны также постановленія совѣта по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ, касающіяся всякаго рода вопросовъ по заграничнымъ желѣзно-дорожнымъ сообщеніямъ. Правильность и цѣлесообразность этой мѣры не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію. Систематическіе защитники желѣзно-дорожныхъ обществъ найдутъ ее, вѣроятно, несогласной съ „договорнымъ характеромъ“ желѣзно-дорожныхъ уставовъ. Мы не станемъ опровергать подобнаго взгляда, подробно разобраннаго нами въ свое время ¹⁾; убѣжденій, высказанныхъ нами тогда, мы продолжаемъ держаться и теперь, приѣтствуя рѣшительный шагъ къ ограниченію „желѣзно-дорожной автономіи“.

Года полтора тому назадъ мы окончили разборъ той части проекта уголовного уложенія, которая обнимаетъ собою преступленія противъ личности ²⁾. Теперь передъ нами лежитъ новый трудъ редакціонной комиссіи, относящійся къ „имущественнымъ посягательствамъ“, т.-е. къ преступленіямъ противъ собственности. Формальныя достоинства работы — ясность, опредѣленность языка — остаются прежнія. Семьдесятъ-семь статей, распределенныхъ между шестью главами, замѣняютъ весь послѣдній раздѣлъ дѣйствующаго уложенія (114 статей) и всю послѣднюю часть устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (42 статьи). Число статей сокращено, такимъ образомъ, ровно вдвое; но при этомъ необходимо еще имѣть въ виду, что строгая выдержанность системы, принятой редакціонною комиссіею,

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ №№ 4, 5, 8, 9 и 10 „Вѣстн. Евр.“ за 1883 г.

²⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 12 „В. Евр.“ за 1884 г. и въ №№ 2, 3 и 4 — 1885 г.

повлекла за собою значительное расширеніе понятія объ имущественныхъ посягательствахъ, т.-е. включеніе въ эту сферу многихъ правонарушеній, которыя до сихъ поръ предусматривались другими отдѣлами уложенія. Увеличился вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы увидимъ, и самый кругъ дѣйствій уголовного законодательства; въ число имущественныхъ посягательствъ включено нѣсколько такихъ дѣяній, которыя въ настоящую минуту не запрещены закономъ подѣломъ наказанія. Въ уголовномъ кодексѣ краткость изложенія достигается преимущественно общностью, широтою опредѣленій—а это послѣднее свойство драгоцѣнно не только для судей, которымъ оно облегчаетъ изученіе и пониманіе закона, но и для правосудія, освобождаемаго отъ казуистическихъ стѣсненій. Стараніе все предвидѣть, для всего создать особое правило никогда не приводитъ къ цѣли; жизнь создаетъ новыя формы преступности, не укладывающіяся ни въ одну изъ многочисленныхъ, но узкихъ рамокъ безконечно-подробной регламентаціи—и наоборотъ, въ ту или другую изъ этихъ рамокъ насильственно втискиваются проступки, существенно различные между собою. Простота, составляющая отличительную черту новаго проекта, нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ въ главѣ о похищеніи чужого имущества. Восемь статей этой главы исчерпываютъ собою всю область похищенія, занимающую столько мѣста въ дѣйствующихъ уложеніи и уставѣ. Въ одной статьѣ сосредоточены всѣ правила о святотатствѣ, въ уложеніи наполняющія почти цѣлую главу (ст. 219—233-ая) и отнесенныя, совершенно неправильно, къ раздѣлу о преступленіяхъ противъ вѣры. Одна статья соединила въ себѣ всѣ не-квалифицированные случаи воровства-кражи и воровства-мошенничества. Все то, что понимается теперь подѣломъ грабежа и разбоя, предусмотрено также одной статьей, какъ насиліе или угроза, увеличивающія вину похитителя. Понятіе о взломѣ, надѣ которымъ трудилось, въ потѣ лица, нѣсколько поколѣній русскихъ юристовъ, въ проектѣ отсутствуетъ совершенно—и едва-ли кто-либо пожалѣетъ о его отсутствіи.

Между различными видами имущественныхъ посягательствъ, предусмотрѣнными проектомъ, мы не встрѣтили одного: подлога, съ корыстной цѣлью, въ актахъ или документахъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что подлогъ вообще, какова бы ни была его цѣль, послужить предметомъ особой главы проекта; но въ такомъ случаѣ незачѣмъ было включать въ главу о злоупотребленіи довѣріемъ преступленіе, весьма близкое къ подлогу—самовольное написаніе текста документа на бланкѣ другого лица. Нарушеніе системы тѣмъ болѣе бросается здѣсь въ глаза, что дѣйствіе ст. 521-ой распространено не только на бланки, ввѣренныя виновному, но и на бланки утраченныя или похищенныя. Лицо, воспользовавшееся бланкомъ по-

сдѣланнаго рода, виновно, очевидно, не въ злоупотребленіи довѣріемъ, котораго ему вовсе оказано не было. Съ другой стороны, вписаніе текста въ чужой бланкъ, какъ и подлогъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, можетъ быть сдѣлано и не съ корыстною, а съ какою либо иною преступною цѣлью (напр., въ видахъ опозоренія лица, подписавшаго бланкъ). Другое отступленіе отъ системы мы находимъ въ томъ, что въ главу о похищеніи чужого имущества включено полученіе страховой суммы за имущество, вовсе не поврежденное или поврежденное отъ причины, лишившей права на вознагражденіе (ст. 500-ая). Это преступное дѣяніе не подходитъ подъ опредѣленіе похищенія, данное самою комиссіею въ объяснительной запискѣ къ проекту (нарушеніе права собственности, соединенное съ нарушеніемъ владѣнія вещью). Настоящее его мѣсто—въ главѣ объ обманахъ; оно представляетъ собою, собственно говоря, не что иное, какъ квалифицированную разновидность преступленія, предусмотрѣннаго ст. 528—побужденія, посредствомъ обмана, къ отказу отъ имущественнаго права. Страховое общество имѣетъ право не платить страховой суммы; страхователь побуждаетъ общество, посредствомъ обмана, отказаться отъ этого права. Мы не видимъ, далѣе, достаточныхъ основаній къ выдѣленію въ особую главу присвоенія чужого имущества; это только одинъ изъ видовъ злоупотребленія довѣріемъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служить статья 505-ая проекта, помѣщенная въ главѣ о злоупотребленіи довѣріемъ и карающая, между прочимъ (въ пункт. 2-мъ), именно удержаніе съ цѣлью присвоенія. Изъ недостатка системы происходитъ здѣсь та несообразность, что одно и то же дѣяніе—удержаніе въ свою пользу имущества, предназначеннаго для раздачи пострадавшимъ отъ общественнаго бѣдствія,—можетъ быть подведено и подъ дѣйствіе ст. 493-ой, и подъ дѣйствіе ст. 505-ой проекта. Ко всѣмъ этимъ формальнымъ замѣчаніямъ прибавимъ еще одно, касающееся терминологіи проекта. Выраженія: воровскія сдѣлки, подъ которое проектъ подводитъ столь разнородныя преступленія, какъ покушка краденаго и злоупотребленіе ростомъ (ст. 525 и 526), едва-ли могутъ быть признано удачнымъ. Покупка краденаго могла бы найти мѣсто въ главѣ о похищеніи имущества, а ростовщическія сдѣлки могли бы быть отнесены къ вымогательству, которое въ проектѣ получаетъ смыслъ гораздо болѣе широкій, чѣмъ въ дѣйствующемъ уложеніи.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что проектъ расширяетъ, въ нѣсколькихъ направленіяхъ, область уголовного законодательства. Постановленія этой категоріи представляютъ наибольшій общій интересъ, касаются весьма важныхъ сторонъ экономической жизни; съ нихъ мы и начнемъ разборъ самаго содержанія проекта. Въ главѣ о злоупотребленіи довѣріемъ мы находимъ цѣлый рядъ статей, отно-

сящихся къ акціонернымъ обществамъ. Статья 508-ая воспрещаетъ акціонерамъ, подъ угрозою ареста на срокъ не свыше одного мѣсяца или денежной пени не свыше ста рублей, умышленную передачу своихъ акцій, на время общаго собранія акціонернаго общества, другому лицу, которое вслѣдствіе сего, вопреки уставу, приняло или покупалось принять участіе въ общемъ собраніи. Тому же наказанію подвергается и лицо, воспользовавшееся или покушавшееся воспользоваться переданною ему чужою акціею для участія въ общемъ собраніи. Тюремю, на основаніи третьяго пункта слѣдующей (509-ой) статьи, наказываются служащій въ акціонерномъ обществѣ, завѣдомо предоставившій право участія въ общемъ собраніи лицу, которому это право не принадлежитъ или принадлежитъ въ меньшемъ объемѣ. Мысль о наказуемости подобныхъ дѣйствій не нова; она была принята такъ-называемою комиссіею графа Баранова и проведена въ первоначальномъ проектѣ общаго желѣзно-дорожнаго устава. При окончательномъ обсужденіи этого проекта, изъ него было исключено все относившееся къ фиктивной передачѣ акцій и подтасовкѣ общихъ собраній; желѣзно-дорожный уставъ, утвержденный 12-го іюня 1885 г., не содержитъ въ себѣ никакихъ опредѣленій по этому предмету. Объясняется это, по всей вѣроятности, только тѣмъ, что въ дѣлѣ фиктивной передачи акцій желѣзно-дорожныя акціонерныя общества ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ; общій вопросъ признано было, безъ сомнѣнія, болѣе удобнымъ разрѣшить общей законодательной мѣрой, съ которой мы и встрѣчаемся въ проектѣ редакціонной комиссіи. Главныя возраженія противъ предположеній комиссіи предвидѣть нетрудно; они были уже заявлены при обсужденіи желѣзно-дорожнаго устава—и мы тогда же старались доказать ихъ несостоятельность ¹⁾. Говорятъ, что уничтожить фиктивную передачу акцій можно только однимъ путемъ—сдѣлавъ ее излишней, ненужной, т. е. предоставивъ каждому акціонеру столько голосовъ, сколько у него акцій. Къ этой мысли примкнулъ и В. Д. Спасовичъ, въ докладѣ объ акціонерныхъ обществахъ, представленномъ имъ, въ прошломъ году, петербургскому юридическому обществу. Исходя изъ того убѣжденія, что степень интереса каждаго участника въ акціонерномъ дѣлѣ измѣряется единственно цифрою внесеннаго имъ капитала, докладчикъ находилъ ненужнымъ „затягиванье акціонерныхъ обществъ въ уголовныя корсеты“ и стоялъ за строгую пропорціональность числа акцій и числа голосовъ, какъ за логическій выводъ изъ „капитализма“, лежащаго въ основаніи всѣхъ акціонерныхъ обществъ. Мы продолжаемъ держаться противоположной точки зрѣнія и нахо-

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе въ № 4 „В. Евр.“ за 1883 г. и въ № 9 за 1885 г.

дѣть, что степень интереса къ дѣлу не всегда соответствуетъ степени участія въ немъ, уже по той простой причинѣ, что одинаковая цѣнность не для всякаго имѣетъ одинаковую важность. Для милліонера сотня тысячъ рублей, представляемая тысячей акцій, можетъ значить гораздо меньше, чѣмъ одна тысяча рублей—для владѣльца десяти акцій, заключающихъ въ себѣ почти все его состояніе. Установленіе предѣльнаго, максимальнаго числа голосовъ, могущихъ принадлежать одному акціонеру, представляется, въ нашихъ глазахъ, совершенно необходимымъ—а если оно необходимо, то нельзя, какъ свидѣтельствуемъ горькій опытъ, обойтись безъ санкціи, которою обезпечивалось бы точное исполненіе закона. Такою санкціей и является уголовное преслѣдованіе фиктивной передачи акцій, угрожающее всѣмъ участникамъ ея. Указываютъ на то, что эта угроза останется мертвой буквой, въ виду трудности доказать фиктивный характеръ сдѣлки; но трудность не равносильна невозможности, и уголовное законодательство никогда не останавливалось передъ препятствіями, которыя можетъ встрѣтить обнаруженіе преступнаго дѣянія. Пока обходъ закона не составляетъ преступленія, къ нему прибѣгаютъ гораздо охотнѣе и чаще, недолго задумываясь надъ процедурой, вошедшей въ обычай и повторяемой чуть не ежедневно. Совсѣмъ иное дѣло—прямое нарушеніе уголовного закона; однихъ удержитъ отъ него простое сознаніе преступности дѣйствія, другихъ—боязнь суда и наказанія. Говорятъ, наконецъ, что включеніе фиктивной передачи акцій въ число проступковъ повлечетъ за собою только повышеніе, сообразно съ рискомъ, преміи, платимой мнимому акціонеру; но при сильномъ повышеніи преміи перестанетъ быть выгодной самая сдѣлка — и притомъ уголовной отвѣтственности подлежитъ какъ нанимаемый, подставной акціонеръ, такъ и нанимающій его дѣйствительный владѣлецъ акцій. Раздѣляя, такимъ образомъ, первое предположеніе редакціонной комиссіи, мы находимъ только, что взысканіе, назначаемое ею за фиктивную передачу акцій, слишкомъ незначительно. Комиссія графа Баранова полагала опредѣлить максимумъ штрафа—въ 1000 рублей, наибольшую продолжительность ареста—въ три мѣсяца,—и ее едва-ли можно упрекнуть въ излишней строгости, въ особенности если припомнить, что между фиктивными акціонерами встрѣчаются люди, сдѣлавшіе себѣ изъ этого нѣчто въ родѣ ремесла.

Первые два пункта ст. 509-ой касаются двухъ проступковъ, въ которыхъ могутъ оказаться виновными служащіе въ кредитныхъ установленіяхъ или акціонерныхъ обществахъ: 1) обращенія кредита или имущества такихъ установленій или обществъ на операціи, не дозволенныя ихъ уставомъ, и 2) обращенія капиталовъ, полученныхъ отъ

правительства на нужды предпріятія, несогласно съ ихъ назначеніемъ. Наказаніе въ обоихъ случаяхъ—тюрьма. Какъ понимать, въ первомъ пунктѣ статьи, выраженіе: недозволенныя операціи? Если здѣсь разумѣются операціи, прямо запрещенныя уставомъ, то противъ признанія ихъ наказуемыми мы ничего сказать не можемъ; но если проектируемое постановленіе—какъ это слѣдуетъ заключить изъ буквального его смысла—распространяется на всѣ операціи, прямо уставомъ не разрѣшенныя, то его едва-ли можно признать справедливымъ. Безспорно, въ юридическимъ лицамъ непримѣнимо, во всемъ своемъ объемѣ, извѣстное правило: „что не запрещено, то дозволено“; безспорно, акціонерныя общества и кредитныя установленія въ правѣ производить только тѣ операціи, на которыя уполномочиваетъ ихъ спеціальны или общій законъ—но мы не видимъ причины, по которой всякое нарушеніе пограничной черты должно было бы быть разсматриваемо какъ уголовное преступленіе. Гражданская (и то не всегда абсолютная) недействительность сдѣлки, выходящей за предѣлы устава, и вытекающая отсюда гражданская отвѣтственность распорядителей общества передъ акціонерами и третьими лицами, представляются, въ большинствѣ случаевъ, вполне достаточными для достиженія цѣли, т.-е. для удержанія общества на предначертанной дорогѣ, въ предназначенномъ кругѣ дѣятельности. Уголовную наказуемость такіа сдѣлки могутъ, по нашему мнѣнію, вести за собою лишь тогда, когда нарушеніе устава было не только сознательнымъ, но и злонамѣреннымъ, т.-е. когда сдѣлка была совершена съ цѣлью пріобрѣтенія личной выгоды или обогащенія общества на счетъ третьихъ лицъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ; представимъ себѣ, что уставъ частнаго кредитнаго общества не разрѣшаетъ ему открывать кредитъ подъ залогъ недвижимости, а правленіе общества, вопреки уставу, выдаетъ деньги подъ закладную на домъ или землю. Если капиталы общества не подвергаются при этомъ ни малѣйшему риску, если цѣнностью залога вполне обезпечивается заемъ, если директора не имѣютъ ни прямого, ни косвеннаго интереса въ совершившейся сдѣлкѣ, то привлеченіе послѣднихъ къ уголовной отвѣтственности представляется столь же излишнимъ, сколько и несправедливымъ. Только при другихъ, противоположныхъ условіяхъ нарушеніе устава перестаетъ быть чисто-формальнымъ и становится законнымъ объектомъ уголовной кары. Что касается до неправильнаго израсходованія капиталовъ, предоставленныхъ обществу правительствомъ для извѣстной, опредѣленной цѣли, то здѣсь мы совершенно согласны съ редакціонной комиссіей; пора положить конецъ злоупотребленіямъ, слишкомъ часто имѣвшимъ мѣсто въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Казенныя деньги — собственность всего

народа; переходъ ихъ въ руки частнаго общества можетъ быть оправданъ только тогда, когда имѣется въ виду достиженіе, этимъ путемъ, какой-либо общепользующей цѣли. Преступно и наказуемо всякое уклоненіе отъ этой цѣли, всякое обращеніе казенныхъ денегъ на нужды общества, не имѣющія прямой, непосредственной связи съ нуждами государства или народа. Если капиталы, полученные обществомъ отъ правительства, употреблены не только несогласно съ ихъ назначеніемъ, но притомъ и не на дѣйствительныя нужды предпріятія, то виновнымъ, за силою пун. 5-го ст. 510-ой проекта, грозитъ уже не тюрьма, а исправительный домъ.

Къ числу самыхъ опасныхъ злоупотребленій, совершаемыхъ въ области акціонерныхъ предпріятій, принадлежитъ сообщеніе правительству и публикѣ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній объ устройствѣ или ходѣ предпріятія. До сихъ поръ такія сообщенія ускользали и ускользаютъ отъ уголовного преслѣдованія, котораго они, безъ сомнѣнія, вполне заслуживаютъ—ускользаютъ отъ него за неполнотою закона, изданнаго въ эпоху младенчества и первобытной невинности акціонерныхъ обществъ. Проектъ редакціонной комиссіи устраняетъ этотъ пробѣлъ, предусматривая, въ пун. 1, 2 и 4-мъ ст. 510-ой, цѣлый рядъ „отступленій отъ истины“, допускаемыхъ учредителями и распорядителями акціонерныхъ обществъ, и угрожая за нихъ исправительнымъ домомъ. Не совсѣмъ удачною кажется намъ только форма, избранная, въ данномъ случаѣ, составителями проекта. вмѣсто одного общаго опредѣленія, которое обнимало бы собою всѣ случаи злонравной и вредной лжи, онъ перечисляетъ съ точностію отдѣльные ея виды: сообщеніе правительству, при испрошеніи разрѣшенія на открытіе общества, ложныхъ свѣдѣній о предметѣ учрежденія его, помѣщеніе ложныхъ свѣдѣній о состояніи дѣлъ или счетовъ общества въ публикаціи, отчетѣ, балансѣ, торговой книгѣ или произнесенной передъ общимъ собраніемъ рѣчи, представленіе (кому?) невѣрнаго разсчета объ исчисленіи и выдачѣ дивиденда. Такой перечень, напоминающій казуистичность дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть исчерпывающаго характера. Подъ него не подойдетъ, на примѣръ, сообщеніе ложныхъ свѣдѣній въ циркулярѣ, разосланномъ по почтѣ главнымъ клиентамъ общества, т.-е. главнымъ потребителямъ приготовляемыхъ имъ продуктовъ. Трудно понять также, почему въ первомъ пунктѣ ст. 510-ой, относящемся къ ходатайству объ открытіи общества, воспрещается, подъ страхомъ наказанія, сообщеніе ложныхъ свѣдѣній только о предметѣ учреждаемаго предпріятія, а не о какихъ-либо другихъ, существенно-важныхъ обстоятельствахъ,—напр. о средствахъ, имѣющихся на-лицо для веденія дѣла. Почему, далѣе, сообщеніе ложныхъ свѣ-

деній о предметѣ предпріятія, до открытія дѣйствій общества, ка-
рается только въ такомъ случаѣ, если оно могло принести вредъ
акціонерамъ, а въ другихъ случаяхъ сообщеніе ложныхъ свѣдѣній
признается наказуемымъ безъ этой оговорки? Почему условіемъ от-
вѣтственности признается, въ первомъ случаѣ, возможность вреда
только для акціонеровъ, а не для третьихъ лицъ? Представимъ себѣ,
напримѣръ, что учредители водопроводнаго общества скрываютъ вред-
ныя качества воды, которою они хотятъ снабжать городъ. Акціоне-
рамъ отъ этого никакого вреда не предстоитъ, но дѣйствіе учреди-
телей остается несомнѣнно преступнымъ. Последнее возраженіе наше
противъ ст. 510-ой касается термина, которымъ она означаетъ винов-
ныхъ въ сообщеніи ложныхъ свѣдѣній: служащіе въ акціонерномъ
обществѣ. Мы знаемъ изъ объяснительной записки, что подъ этимъ
терминомъ слѣдуетъ понимать всѣхъ членовъ „должностного персо-
нала“ общества, все равно, кѣмъ бы они ни были назначены или
избраны, представляются ли ихъ функціи возмездными, или безвоз-
мездными, постоянными или временными. Правило, включенное въ
проектъ, должно, слѣдовательно, относиться въ такой же мѣрѣ къ
членамъ ревизіонныхъ или наблюдательныхъ комиссій, какъ и къ
директорамъ правленія, бухгалтерамъ, кассирамъ и т. п. Это совер-
шенно справедливо; но въ такомъ случаѣ слово служащіе должно
быть замѣнено или дополнено какимъ-либо другимъ, потому что ни-
кто не назоветъ, напримѣръ, члена ревизіонной комиссіи служа-
щимъ въ обществѣ. Языкъ закона не долженъ идти прямо въ раз-
рѣзъ съ языкомъ общежитійскимъ. Взаимнъ пун. 1, 2 и 4-го ст. 510-й ¹⁾
мы предложили бы редакцію въ родѣ слѣдующей: „учредитель акціо-
нернаго общества, а равно занимающій какую-либо должность въ
акціонерномъ обществѣ или кредитномъ установленіи, или дѣйствую-
щій по данному отъ нихъ порученію или полномочію, виновный въ
сообщеніи или оглашеніи завѣдомо-ложныхъ свѣдѣній о состояніи
дѣлъ или счетовъ установленія или общества, или объ условіяхъ,
при которыхъ предполагается открыть его дѣйствія, если притомъ
такое сообщеніе или оглашеніе могло причинить кому-либо имуще-
ственный вредъ, наказывается исправительнымъ домомъ“.

Для огражденія всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ кредитными
установленіями или акціонерными обществами, необходимо своевре-
менное оглашеніе условій, влекущихъ за собою ликвидацію предпрі-
ятія или признаніе его несостоятельнымъ. Нашимъ законодательствомъ

¹⁾ Третій пунктъ той же статьи предусматриваетъ преступное дѣяніе другого
рода—выпускъ облигацій, вкладныхъ или закладныхъ листовъ, не обеспеченныхъ со-
гласно уставу. Необходимость такого постановленія не требуетъ доказательствъ, въ
виду фактовъ, обнаруженныхъ процессомъ вронштадтскаго банка.

эти условія опредѣлены еще не вполне, но ко времени изданія уголовного уложенія будетъ изготовленъ, по всей вѣроятности, и общій законъ объ акціонерныхъ обществахъ, предусматривающій, между прочимъ, случаи, способы и послѣдствія ихъ закрытія. Редакціонная коммиссія поступила, поэтому, совершенно основательно, установивъ (въ ст. 511-ой проекта) уголовную отвѣтственность за попытку продолжать, скрывая истину, разстроенное или колеблющееся дѣло. Чтобы оцѣнить всю важность этого постановленія, стоитъ только припомнить, чего стоила „скрытность“ директоровъ вкладчикамъ московскаго коммерческаго или скопинскаго банка... Ст. 512 и 513-ая, охраняющія интересы кредиторовъ послѣ признанія несостоятельности акціонернаго общества или кредитнаго установленія, состоятъ въ тѣсной связи съ общими правилами проекта объ уголовныхъ послѣдствіяхъ несостоятельности; эти правила будутъ разобраны нами въ другой разъ. Остановимся, въ заключеніе, на ст. 505-ой проекта, относящейся не къ однимъ только заправителямъ акціонерныхъ обществъ, а ко всякому лицу, обремененному общественнымъ довѣріемъ. Вотъ что гласитъ эта статья: „состоящій на службѣ государственной, общественной или въ основанныхъ съ разрѣшенія правительства благотворительномъ учрежденіи, кредитномъ установленіи или акціонерномъ обществѣ, виновный: 1) въ употребленіи своего должностнаго положенія во вредъ ввѣреннымъ по службѣ попеченію его имуществу или имущественному интересу; 2) въ удержаніи, съ цѣлью присвоенія, или въ растратѣ находящагося у него по службѣ имущества; 3) въ похищеніи, съ цѣлью присвоенія, чужого имущества, порученнаго по службѣ его наблюденію,—наказывается исправительнымъ домомъ. Если причиненный вредъ добровольно возмѣщенъ виновнымъ, то онъ наказывается тюрьмою. Если же, по значительности вреда, произошли важный ущербъ казнѣ, разстройство или упадокъ дѣлъ кредитнаго установленія, или разореніе многихъ лицъ, то виновный наказывается каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ, или исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ“¹⁾. При дѣйствіи этой статьи Рыковъ и Струсбергъ, Юханцевъ и Свиридовъ понесли бы наказаніе, соотвѣтствующее ихъ виновности. Насколько уголовный законъ можетъ, вообще, предупредить преступленіе, настолько это значеніе безспорно принадлежитъ статьѣ 505-ой проекта. Конечно, корни колоссальныхъ „хищеній“, ознаменовавшихъ послѣднее десятилѣтіе, лежатъ не въ слабости наказаній, опредѣляемыхъ дѣйствующимъ уло-

¹⁾ Къ редакціи этой статьи примѣнимо замѣчаніе о служащихъ въ акціонерномъ обществѣ, сдѣланное нами по поводу ст. 510-ой; участникомъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 505-ой, можетъ быть и членъ ревизіонной коммиссіи, службѣ въ обществѣ не несущій.

женіемъ за подлогъ, обманъ и растрату; но едва-ли можно отрицать, что широкому размаху „хищничества“ способствовала, отчасти, перспектива ссылки въ болѣе или менѣе отдаленные края, какъ вышшаго предѣла уголовной вары. Не даромъ же сложилась поговорка: „и въ Сибири люди живутъ“. Приѣхать въ самую дальнюю мѣстность и оставаться тамъ на свободѣ, съ набитыми биткомъ карманами, значить сохранить за собою, въ значительной степени, возможность спокойной, удобной и даже пріятной жизни. Другое дѣло—исправительный домъ или каторжная тюрьма; здѣсь не помогутъ никакіе награбленные капиталы... Ссылка на житье и даже на поселеніе представляется, съ этой точки зрѣнія, самымъ несправедливымъ наказаніемъ; крайне тяжкое для однихъ—напримѣръ, для людей небогатыхъ, скромныхъ, содержавшихъ себя и свою семью умственнымъ трудомъ, — оно крайне нечувствительно для другихъ — напримѣръ, для людей, привозящихъ съ собою сильную протекцію или обильныя средства къ жизни. Замѣна ссылки, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, исправительнымъ домомъ или тюрьмою составляетъ, въ нашихъ глазахъ, одно изъ самыхъ серьезныхъ достоинствъ проектируемаго уголовного уложенія.

Другихъ, существенно важныхъ сторонъ проекта объ имущественныхъ посягательствахъ мы коснемся въ слѣдующемъ нашемъ обзорѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1886 г.

Особенное положеніе балканскихъ народовъ и ихъ правительствъ.—Параллель между королемъ Миланомъ и бывшимъ княземъ Болгаріи.—Неудачные правители и претенденты.—Отношенія между державами и болгарскія дѣла.

Въ весьма тяжеломъ положеніи находятся народы Балканскаго полуострова: они существуютъ какъ будто не для самихъ себя, а для постороннихъ имъ политическихъ цѣлей, для европейскаго равновѣсія и соперничества, для интересовъ Австріи, Англіи, Россіи и т. д. Эти народы имѣютъ несчастье жить въ области „восточнаго вопроса“, которымъ издавна интересуются великія державы, и разрѣшеніе котораго становится все болѣе близкимъ и настоятельнымъ. Малѣйшее движеніе въ балканскихъ земляхъ обращаетъ на себя общее вниманіе Европы, вызываетъ вмѣшательство чужихъ государствъ, даетъ поводъ къ несогласіямъ и спорамъ. Вся система международнаго мира колеблется въ своихъ основаніяхъ, когда совершаются какія-либо непредвидѣнныя событія на полуостровѣ Балканскомъ.

Быть предметомъ общихъ заботъ и раздоровъ, жить постоянно на виду, не имѣя возможности двинуться безъ того, чтобы не нарушить какого-либо интереса или трактата,—это очень неудобно и тяжело для всякаго народа, стремящагося къ мирному самостоятельному существованію. Заго правители и общественные дѣятели такой страны поставлены чрезвычайно выгодно; они легко и быстро приобретаютъ европейскую славу; имена ихъ повторяются во всей заграничной печати; дѣйствія ихъ обсуждаются въ кабинетахъ могущественныхъ державъ и служатъ нерѣдко исходною точкою для важныхъ политическихъ перемѣнъ. Эти мѣстные дѣятели по-неволѣ играютъ видную роль среди круговорота европейскихъ интересовъ, тѣснящихся и сталкивающихся между собою въ предѣлахъ бывшей европейской Турціи. Никто не скажетъ, что болгарскіе или сербскіе министры имѣютъ сами по себѣ больше значенія, чѣмъ государственные люди Бельгіи, Даніи или Швеціи; а между тѣмъ, не только правители этихъ послѣднихъ странъ, но даже министры Италіи и Испаніи почти совершенно неизвѣстны европейской публикѣ, тогда какъ имена Каравеловыхъ, Цанковыхъ, Стамбуловыхъ, Братіано—давно и хорошо знакомы каждому читателю газетъ. Едва-ли многіе вспомнятъ сразу, кто управляетъ теперь въ Даніи или Бельгіи, кто стоитъ

во главѣ министерства въ Италіи или Испаніи; даже изъ нынѣшнихъ французскихъ министровъ публика знаетъ только двухъ—Фрейсина и Буланже. Въ теченіе многихъ лѣтъ продолжается упорная борьба между королевскою властью и парламентомъ въ Даніи; многіе ли знаютъ объ этомъ хроническомъ кризисѣ и о главныхъ его виновникахъ? Такая же борьба ведется въ Швеціи и Норвегіи, и ею столь же мало интересуется общественное мнѣніе въ Европѣ. Объ итальянскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, графѣ Робильяни, говорится въ печати гораздо меньше, чѣмъ о Каравеловѣ или Братіано; а имя принца Баттенберга, по своей громкой и всеобщей извѣстности, уступаетъ развѣ только имени князя Бисмарка.

Все это объясняется только тѣмъ, что судьба поставила балканскіе народы въ непосредственное соприкосновеніе съ самыми большими и чувствительными сторонами европейской политики. Восточный вопросъ составляетъ давно тотъ центръ, около котораго вращаются заботы и интересы великихъ державъ за послѣдніе годы. Понятно, что люди, призванные дѣйствовать въ этой опасной атмосферѣ, дѣлаются предметомъ общихъ разговоровъ и могутъ легко попасть въ знаменитости, въ герои дня. Правители Болгаріи или Сербіи имѣютъ предъ собою представителей Европы, которые наперерывъ другъ передъ другомъ предлагаютъ имъ свое покровительство и поддержку, ухаживаютъ за ними и заискиваютъ въ нихъ. Заманчивая перспектива — пользоваться соперничествомъ великихъ государствъ для блага страны—вовлекаетъ этихъ дѣятелей въ рискованныя соглашенія и предпріятія, за которыя приходится горько расплачиваться народу. Для короля Милана было очень лестно, что его друзья и союза домогается такая могущественная имперія, какъ Австро-Венгрія, и онъ отдался ей для упроченія своей власти и престижа; съ тѣхъ поръ Сербія живетъ уже не для себя, а для австрійскихъ интересовъ, и сербскій народъ, обремененный 300 милліонами долга, уплачиваетъ налоги въ кассу вѣнскаго „Länderbank'a" и подобныхъ ему учреждений. Сербія сдѣлала свой выборъ, — она вошла въ кругъ австрійскаго вліянія и потеряла интересъ для остальной Европы. Болгарскій князь былъ орудіемъ тѣми же соблазнами; онъ считалъ себя въ правѣ выбирать между Австріею, Англіею и Россіею, но не успѣлъ заручиться положительною протекціею какой-либо одной державы—и палъ жертвою ошибочности расчетовъ.

Не легко удержаться отъ игры въ высшую политику, когда на этотъ путь неудержимо тянетъ хлопотливая дѣятельность дипломатіи. Имѣть дѣло съ нѣсколькими первоклассными государствами, лавировать между ними и поддерживать ихъ взаимное соперничество—болѣе пріятно для самолюбія, чѣмъ подчиняться одному изъ кабинетовъ или

заниматься скучными дѣлами внутренняго управленія и развитія. Въ томъ-то и заключается особенность положенія балканскихъ народовъ, что ихъ направляютъ въ русло шумной европейской политики, въ то время какъ имъ необходимо еще долго расти и крѣпнуть для приобрѣтенія надлежащей устойчивости и самостоятельности. Небольшимъ государствамъ всего меньше нужна предпримчивая внѣшняя политика; она неизбежно губитъ народы, запутывая ихъ въ напрасныя замѣшательства и столкновенія, въ которыхъ торжествуетъ только право силы.

Ни король Миланъ, ни принцъ Баттенбергъ не оказались на высотѣ своихъ прямыхъ обязанностей; они увлечены были игрою дипломатическихъ вліяній и расчетовъ, въ ущербъ дѣйствительнымъ потребностямъ подвластныхъ имъ населеній. Сербскій король не отказался еще отъ престола; но нравственно онъ давно въ отставкѣ—въ отчужденіи отъ своего народа, подъ охраною австрійскаго господства, которое сдѣлалось особенно ненавистнымъ странѣ послѣ преступной войны съ Болгаріею. Король Миланъ не имѣлъ бы шансовъ быть призваннымъ обратно въ Бѣлградъ и встрѣтить восторженный приемъ среди сербской арміи, еслибы онъ разъ былъ удаленъ насильственно за границу, подобно принцу Баттенбергу. Король Миланъ не имѣетъ даже тѣхъ внѣшнихъ заслугъ, въ которыхъ нельзя отказать его бывшему сопернику; онъ не присоединилъ никакой турецкой провинціи, не одерживалъ никакихъ военныхъ побѣдъ, не участвовалъ даже номинально въ какихъ-либо успѣшныхъ дѣлахъ и не приобрѣлъ никакой популярности. Онъ, вѣроятно, не отступилъ бы передъ кровопролитіемъ, чтобы сохранить свою власть,—какъ не отступилъ онъ передъ возмутительною братоубійственною войною ради поддержанія своего мнимаго „престижа“. И однако ему посчастливилось въ одномъ: на него никогда не сыпалось и сотовъ доли тѣхъ рѣзкостей, какими забрасывалось имя Баттенберга со стороны русскихъ газетъ.

Нападая на бывшего болгарскаго князя, наши публицисты называли его просто „проходимцемъ“, „жалкимъ субъектомъ“ и тому подобными эпитетами, которые какъ-то странно звучали въ примѣненіи къ племяннику великаго герцога Гессенскаго, родственнику двухъ царствующихъ фамилій, поставленному княземъ Болгаріи по выбору Россіи и по рѣшенію берлинскаго конгресса. Къ сожалѣнію, въ этихъ необычайно-рѣзкихъ отзывахъ о принцѣ Александрѣ было меньше смѣлости, чѣмъ холопства. Газеты считали несомнѣннымъ, что принцъ, находящійся официально въ опалѣ и признаваемый врагомъ Россіи, можетъ подвергаться какому угодно нападкамъ, безъ всякихъ стѣсненій, и что эти нападки будутъ даже пріятны руководителямъ нашей иностранной политики. Нечего и говорить, что

такое предположеніе было и остается ошибочнымъ. Осуждая князя Александра за его враждебныя дипломатическія попытки и считая вреднымъ его пребываніе въ Болгаріи, русское правительство не могло забыть, что оно само возвелъ его на княжескій престолъ; поэтому оно не могло ни смѣшивать его съ „проходимцами“, ни ставить ему въ упрекъ прежнюю его службу въ чинѣ прусскаго гвардейскаго поручика. Принцъ Александръ Баттенбергъ сдѣланъ былъ княземъ Болгаріи не въ качествѣ прусскаго офицера, а въ качествѣ сына принца Гессенскаго, связаннаго узами родства съ нѣкоторыми европейскими дворами; поэтому называть его просто прусскимъ поручикомъ и на этомъ основаніи осмѣивать его притязанія—значить впадать въ очевидное недоразумѣніе. Король Миланъ былъ также юношею и имѣлъ чинъ невысокій, когда объявленъ былъ сербскимъ княземъ послѣ трагической смерти его дяди, князя Михаила; а семейство Обреновичей, глава котораго, Милошъ, былъ простымъ хлѣбопашцемъ, не можетъ быть сравниваемо съ родомъ принцевъ гессенскихъ ни въ какомъ отношеніи. Такимъ образомъ, газеты упрекали принца Баттенберга за то, что свойственно вообще молодымъ принцамъ и въ чемъ онъ лично нисколько не отвѣтственъ.

Безъ сомнѣнія, назначеніе неопытнаго юноши на трудный и важный постъ правителя только-что освобожденной Болгаріи было большою ошибкою. Существуетъ старый предрасудокъ, что нѣтъ ничего легче, какъ управлять государствомъ, и что для этой высокой роли не требуется ни особенной опытности, ни точнаго знакомства съ краемъ и народомъ, ни даже солидарности съ національными чувствами и традиціями. Этотъ легкій взглядъ на задачи правителя сказался, быть можетъ, и въ избраніи принца Баттенберга. Въ прежнія времена всякій принцъ, подготовленный къ военной службѣ, считался способнымъ занять какой угодно престолъ, и опыты такого рода повторялись еще сравнительно недавно, хотя они кончались большею частью неудачно. Извѣстна кандидатура принца Гогенцоллерна-Зигмарингенъ, выдвинутая въ Испаніи въ 1870 году и послужившая ближайшимъ поводомъ къ франко-прусской войнѣ. Австрійскій принцъ, эрцгерцогъ Максимилианъ, взялся управлять чуждою ему Мексикою, вступилъ въ борьбу съ враждебнымъ ему народомъ и погибъ въ этой напрасной попыткѣ. Итальянскій принцъ Амедей принялъ предложенную ему испанскую корону, но недолго носилъ это бремя и добровольно отказался отъ престола. Такъ же точно поступилъ, послѣ долгихъ колебаній, принцъ баварскій, Оттонъ, избранный королемъ греческимъ. Принцъ Александръ Баттенбергъ увеличилъ собою списокъ этихъ неудавшихся правителей чужихъ народовъ. Онъ имѣлъ такія же права на Болгарію, какъ принцы Амедей

и Гогенцоллернъ — на Испанію, эрцгерцогъ Максъ — на Мексику, принцъ Оттонъ — на Грецію. Очутившись въ роли правителя мало знакомой ему страны, нѣмецкій принцъ не могъ проникнуться ни пониманіемъ истинныхъ болгарскихъ интересовъ и стремленій, ни сознаніемъ историческихъ и религіозныхъ традицій, связывающихъ Болгарію и все южное славянство съ Россією. Онъ естественно склонялся на сторону близкихъ ему австро-германскихъ и англійскихъ вліяній, которыя не могли быть выгодны для народа преимущественно земледѣльческаго, не имѣющаго надобности въ иноземной промышленно-политической эксплуатаціи. Онъ съ понятнымъ презрѣніемъ относился къ большинству болгарскаго населенія, съ которымъ не имѣлъ рѣшительно ничего общаго. Онъ не входилъ въ оцѣнку политическихъ партій, которыя были для него безразличны; онъ предлагалъ къ болгарскимъ дѣламъ свою заграничную точку зрѣнія и обнаруживалъ чисто-военное легкомысліе въ серьезныхъ политическихъ и финансовыхъ вопросахъ. Но ничего другого нельзя было отъ него и ожидать. Онъ иначе и не могъ дѣйствовать, по своему воспитанію и прежнему положенію на родинѣ. Смѣшно обвинять природнаго нѣмца за то, что онъ въ нѣсколько лѣтъ не превратился въ настоящаго болгарина, что онъ не отрекся отъ своихъ заграничныхъ связей и чувствовалъ больше симпатіи къ западнымъ друзьямъ, чѣмъ къ Россіи. Напротивъ, было бы удивительно, еслибы онъ оказался искреннимъ руссофиломъ и болгарскимъ патріотомъ. Принцъ Александръ Баттенбергъ былъ до конца именно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при самомъ избраніи его, — онъ былъ нѣмецкимъ принцемъ, прусскимъ офицеромъ, самоувѣреннымъ молодымъ человѣкомъ, которому Болгарія давала блестящее положеніе и который взамѣнъ выполнялъ весьма пріятныя и легкія функціи. Если недостаточно быть принцемъ и офицеромъ для полезнаго управленія страной, то онъ былъ не на мѣстѣ съ самаго начала; можно было заранее предсказать, что онъ надѣлаетъ, по неопытности, массу промаховъ, что онъ не сѣмѣетъ въ точности держаться русской программы, что онъ вообще не окажется тѣмъ мудрымъ, знающимъ и энергическимъ руководителемъ, какой былъ нуженъ болгарскому княжеству на первыхъ порахъ его самостоятельнаго существованія. Семилѣтнее управленіе принца Баттенберга было новымъ нагляднымъ опытомъ, подтвердившимъ столь часто забываемую истину о необходимости многихъ личныхъ качествъ и знаній для добросовѣстнаго исполненія трудныхъ государственныхъ обязанностей при современныхъ политическихъ условіяхъ. Роль правителя — теперь уже не легкая синекура, которую можно поручить какому угодно молодому иностранному принцу; это — сложная и въ высшей степени важная повинность, отъ правильнаго

выполненія которой зависятъ жизненные интересы народовъ. Само собою разумѣется, что это обстоятельство будетъ принято во вниманіе при назначеніи новаго князя Болгаріи, и что уроки прошлаго не пройдутъ для насъ безслѣдно.

Принцъ Александръ Баттенбергъ пересталъ быть болгарскимъ княземъ, и о немъ можно уже говорить вполне хладнокровно, безъ того страннаго задора, который почему-то считаютъ нужнымъ выказывать наши газеты. Бывшій князь—человѣкъ не безъ таланта и не безъ политической ловкости. Особенно искусно закончилъ онъ свое болгарское поприще: онъ покинулъ страну при весьма торжественной и трогательной обстановкѣ, возбудившей общія къ нему симпатіи въ западной Европѣ; онъ уѣзжалъ какъ будто оплакиваемый всѣми, почти насильно вырываясь изъ рукъ преданной ему арміи, среди чувствительныхъ прощаній и проводовъ. И эта эффектная обстановка устроилась черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ князь былъ арестованъ офицерами и юнкерами и увезенъ по Дунаю за предѣлы княжества! Очевидно, онъ вернулся только для того, чтобы загладить впечатлѣніе подобнаго ареста и изгнанія. Надежда его возстановить свою власть не могла быть особенно серьезна; она совершенно исчезла послѣ извѣстнаго категорическаго отвѣта изъ Россіи. Правитель, разъ подвергшійся насильственному захвату и удаленію изъ страны, не можетъ уже думать о прочномъ возстановленіи своей власти, если онъ не расположенъ или не въ силахъ прибѣгнуть къ жестокой кровавой расправѣ. Принцъ Александръ могъ спокойно разстаться съ Болгаріею, выставляя себя жертвою русской вражды. Въ своей прощальной прокламаціи къ народу, какъ и въ своихъ рѣчахъ къ офицерамъ, онъ заявлялъ, что рѣшимость покинуть любимое „отечество“ вызвана въ немъ единственно желаніемъ облегчить положеніе Болгаріи относительно Россіи. Въ дѣйствительности, онъ не могъ оставаться, еслибы и хотѣлъ, и эта невозможность выяснилась для него окончательно, когда представители Германіи и Австро-Венгріи передали ему совѣтъ не принимать слишкомъ крутыхъ мѣръ противъ участниковъ переворота 9-го августа.

Бывшій болгарскій князь, каковы бы ни были его погрѣшности вообще и относительно Россіи въ особенности, оставилъ однако послѣ себя одно воспоминаніе, весьма существенное для Болгаріи и для всего восточнаго вопроса: онъ связалъ свое имя съ болгарскимъ объединеніемъ, которое совершилось фактически въ Филиппополѣ 6-го сентября прошлаго года. Не надо забывать, что безъ дѣятельнаго, хотя и самовольнаго, участія принца Баттенберга, Восточная Румелия была бы теперь по прежнему турецкою провинціею и долго еще ждала бы согласія державъ на свое освобожденіе. Европейская дипломатія хло-

потала тогда о status quo, въ полной увѣренности, что событіе 6-го сентября произошло съ вѣдома Россіи и въ ея интересахъ. Русскій генераль былъ военнымъ министромъ Болгаріи; русскіе офицеры занимали главныя должности въ арміи, и первое впечатлѣніе въ Европѣ несомнѣнно указывало на Россію, какъ на прямую или косвенную виновницу переворота. Между тѣмъ русская дипломатія съ наибольшею рѣшительностью возстала противъ незаконныхъ дѣйствій принца Баттенберга и потребовала не только возстановленія изгнанной турецкой власти въ Румелии, но и удаленія непокорнаго князя. Турецкій status quo водворился бы обратно по общему соглашенію Европы, еслибы Англія и Австрія не оказали поддержки князю Александру ради противодѣйствія видамъ Россіи. Съ этого именно момента начинается прямое отреченіе болгарскаго князя отъ Россіи и переходъ его подъ покровительство западно-европейскихъ кабинетовъ. Англія и Австро-Венгрія поснѣвши извлечь для себя пользу изъ неожиданно возникшаго разлада между принцемъ Баттенбергомъ и русскимъ правительствомъ. Болгарія ускользнула отъ русскаго вліянія, и это считалось большимъ торжествомъ для австрійскихъ и британскихъ политическихъ дѣятелей. Но нѣтъ худа безъ добра. Благодаря измѣнившемуся положенію князя Александра относительно Россіи, европейскія державы согласились присоединить Румелию къ Болгаріи, въ видѣ особаго генераль-губернаторства. Увеличеніе болгарской территоріи, которое прежде не было бы допущено ни въ какомъ случаѣ, признано было уже выгоднымъ для Европы, такъ какъ большое самостоятельное государство, стоящее на дорогѣ Россіи къ Константинополю, могло бы служить оплотомъ противъ русской „завоевательной“ политики. Почти та самая единая Болгарія, которая предполагалась была Санъ-Стефанскимъ договоромъ и раздѣленія которой на двѣ части такъ настойчиво домогался лордъ Биконсфилдъ подѣ угрозой войны, образовалась вновь сама собою, безъ особенныхъ жертвъ и усилій, при общемъ одобреніи кабинетовъ. Обстоятельства такъ сложились, что за объединеніе обѣихъ Болгарій высказывались противники Россіи, и что русская дипломатія противодѣйствовала своему собственному завѣтному плану, изъ-за котораго проливалось столько крови въ 1877—78 годахъ. Дѣло въ томъ, что обѣ стороны придавали слишкомъ много значенія личности князя Александра: западные дипломаты не отдѣляли его отъ болгарскаго народа и основывали на его личной роли свои соображенія о будущей анти-русской Болгаріи; такъ же точно и у насъ склонны были отрицать право болгаръ на объединеніе только потому, что къ этому движенію приложилъ самовольно болгарскій князь. Послѣдствія показали, что Австрія и Англія совершили жестокой промахъ. Принцъ Баттенбергъ, враждеб-

ный намъ, сошелъ со сцены, а устроенное для него объединеніе съ Румелиєю осталось въ силѣ для болгаръ и для будущаго болгарскаго князя, сочувственнаго Россіи. Мнимый оплотъ противъ движенія нашего къ Босфору оказался опять въ сферѣ русскаго вліянія, и Болгарія возвращается къ намъ въ увеличенномъ видѣ, къ великому разочарованію и неудовольствію австрійцевъ и англичанъ. Выходить, что область русскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ значительно расширилась, благодаря „грубой ошибкѣ“ западныхъ государствъ, поддерживавшихъ принца Баттенберга въ дѣлѣ присоединенія Восточной Румелии.⁵

Позднее сознаніе этой непоправимой ошибки составляетъ главную причину того упорнаго и общаго раздраженія, которое проявляется теперь въ австро-венгерской печати противъ Россіи и отчасти противъ Германіи. Австрійцы жалуются на равнодушіе къ ихъ восточнымъ интересамъ, на чрезмѣрную готовность нѣмцевъ уступать во всемъ Россіи, на бесполезность германскаго союза для Австріи, если русскимъ дѣятелямъ позволено распоряжаться по своему усмотрѣнію на Балканскомъ полуостровѣ. Берлинскія министерскія газеты, въ свою очередь, спрашиваютъ австрійцевъ, почему русское преобладаніе въ Болгаріи, считавшееся законнымъ до 6-го сентября прошлаго года, должно раздражать Австрію теперь, и какой смыслъ имѣютъ патріотическіе жалобы и протесты, если австрійцы не чувствуютъ въ себѣ рѣшимости начать войну съ Россією. Германія не можетъ и не хочетъ ссориться съ нами изъ-за Болгаріи, какъ этого хотѣлось бы австрійскимъ политикамъ. На эту жгучую тему продолжается уже больше мѣсяца весьма оживленная полемика между вѣнскими газетами и нѣмецкими офиціозами. Въ свою очередь, англійская печать выдвигаетъ на первый планъ Австрію, которая будто-бы гораздо больше Англіи заинтересована въ болгарскомъ вопросѣ.

По обыкновенію, возобновились также толки о видахъ Россіи на Константинополь. Въ сентябрьской книгѣ „Fortnightly Review“ помѣщены воинственные статьи двухъ неутомимыхъ проповѣдниковъ англо-русской борьбы—профессора Вамбери и сэра Самуила Бэкера. Въ „Nineteenth Century“ находимъ интересное разсужденіе Арнольда Форстера о томъ, что Англія не имѣетъ возможности бороться съ военными державами материка, что она должна отказаться отъ надежды спасти Константинополь отъ Россіи и что самое значеніе турецкой столицы для англичанъ есть только дѣло предразсудка. Еще смѣлѣе высказывается въ „Times“ Реджинальдъ Бреттъ; онъ прямо утверждаетъ, что Англія должна искать сближенія и союза съ Россією, что интересы этихъ двухъ государствъ вовсе не-враждебны между собою и что обоюдный прочный компромиссъ былъ бы благодѣтеленъ

для общаго мира. Большинство иностранных журналовъ представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что Россія одержала крупную побѣду въ сферѣ восточнаго вопроса и сдѣлала значительный шагъ на пути къ Босфору и Дарданелламъ; что необходимо поэтому принять серьезныя мѣры для охраны европейскаго равновѣсія или заранѣе примириться съ печальнымъ фактомъ русскаго торжества.

Говоря о Европѣ, о равновѣсіи, объ австрійскихъ и англійскихъ интересахъ относительно Болгаріи, почти никому не приходитъ въ голову вспомнить при этомъ о самомъ болгарскомъ народѣ, о его правахъ и желаніяхъ, о его нуждахъ и потребностяхъ. Дѣло идетъ о Болгаріи, но не о ней самой, а о значеніи ея для постороннихъ державъ и расчетовъ. Между тѣмъ страна можетъ быть спокойна и не давать повода къ международнымъ замѣшательствамъ только въ томъ случаѣ, когда она довольна своимъ положеніемъ, когда она имѣетъ популярное и толковое правительство, когда вообще народъ живетъ для себя и по своему, а не для другихъ. Съ этой стороны заграничная пресса ограничивается лишь случайными и поверхностными намеками, указывая, напримѣръ, на желаніе болгаръ сохранить свою независимость и удержать своего „возлюбленнаго князя“, — причѣмъ „преданные“ офицеры и карьеристы выдаются за весь болгарскій народъ. Конечно, подъ независимостью балканскихъ племенъ австрійцы разумѣютъ предоставленіе ихъ такой же просвѣщенной опеки, какой подвергнута Сербія. Мнимые защитники свободной Болгаріи возстаютъ только противъ русскаго вліянія; но они ничего не имѣютъ противъ владычества австрійцевъ и англичанъ, хотя бы послѣднее было ненавистно народу. Разсуждая о Болгаріи, иностранцы имѣютъ въ виду какую-то отвлеченную область, могущую вмѣстѣ тѣ или другіе европейскіе интересы, — точно тамъ нѣтъ живого населенія, а есть только пассивный матеріалъ для дипломатическихъ комбинацій. Нужно только перестать смотрѣть на народы какъ на пустыя мѣста, которыя можно наполнять какимъ угодно содержаніемъ, и очень многія недоразумѣнія сами собою устранились бы изъ области политики.

Если разобрать значеніе такъ-называемой „побѣды“, которую будто-бы одержала Россія на Балканскомъ полуостровѣ, то дѣло окажется далеко не столь важнымъ, какъ представляется оно заграничнымъ газетамъ. Съ удаленіемъ принца Баттенберга, Болгарія естественно обратила свои ожиданія на Сѣверъ. Вновь очистилось мѣсто для русскаго вліянія, которое и водворилось по прежнему, еще задолго до присылки русскаго полномочнаго представителя. Этотъ неизбежный результатъ былъ настолько понятенъ, что онъ не вызывалъ даже никакихъ сомнѣній въ Европѣ. Послѣ перваго извѣстія о переворотѣ 9-го августа вся европейская печать знала уже, что

мысль о замѣнѣ въ Болгаріи русскихъ симпатій австро-британскими была напрасною мечтою. Миссія князя Александра не удалась, и для всѣхъ стало ясно, что ни австрійцы, ни англичане не имѣютъ совершенно никакихъ точекъ опоры въ странѣ. Не требовалось вовсе международныхъ уступокъ и соглашеній, чтобы возратить Россіи естественную роль покровительницы освобожденной ею Болгаріи. Австрійскія газеты, упрекавшія князя Бисмарка въ односторонней уступчивости русскимъ требованіямъ, исходили изъ того распространеннаго предположенія, что безъ явнаго или скрытаго участія германскаго канцлера не обходится ни одно событіе въ Европѣ. Россія не имѣла повода обращаться въ Берлинъ за разрѣшеніемъ заняться по своему болгарскими дѣлами, и берлинскій кабинетъ не могъ стѣснять дѣйствія Россіи по этому вопросу, такъ какъ до сентября прошлаго года никѣмъ не оспаривалось право русскаго правительства распоряжаться въ Болгаріи, имѣть тамъ своихъ офицеровъ и генераловъ. Не требовалось также никакого соглашенія съ Австро-Венгрією по этому предмету, ибо странно было бы думать, что Россія имѣетъ меньше правъ на Болгарію, чѣмъ Австрія — на Сербію или Боснію съ Герцеговиною. Не имѣя формальнаго основанія возражать противъ возстановленія прежняго участія Россіи въ дѣлахъ болгарскаго княжества, австрійцы и германцы должны были по-неволѣ отнестись пассивно къ совершившимся фактамъ, благопріятнымъ для русской политики. Но выиграли ли мы что-нибудь въ дѣйствительности, съ отъѣздомъ князя Александра? Какую выгоду можетъ представлять для насъ необходимость заботиться объ интересахъ и дѣлахъ Болгаріи? Кромѣ новыхъ крупныхъ расходовъ для пользы болгарской арміи, для поддержанія болгарскихъ церквей и учебныхъ заведеній, для содержанія русскихъ офицеровъ и уполномоченныхъ. — мы ничего другого не видимъ. Забота о Болгаріи — скорѣе жертва со стороны Россіи, чѣмъ положительный расчетъ. Притомъ и сами болгары, въ лицѣ ихъ выборныхъ представителей, не обнаруживаютъ особенной готовности принимать русскую помощь и подчиняться русскимъ указаніямъ, такъ что и самое положеніе наше въ Болгаріи уже далеко не то, какое было оно въ прежніе годы. Въ чемъ же тутъ „побѣда“, которая такъ беспокоитъ заграничную журналистику?

Что отъѣздъ принца Баттенберга не означалъ еще полного водворенія русскаго вліянія въ Болгаріи — это можно было видѣть изъ первыхъ дѣйствій регентства и народнаго собранія. Софійское народное собраніе открылось 1-го сентября шумною манифестаціею въ честь „отсутствующаго князя“. Значительное число депутатовъ отправило привѣтственную телеграмму на имя принца Баттенберга въ

Югенгеймъ. Въ официальной рѣчи, прочитанной однимъ изъ регентовъ, упоминалось о заслугахъ князя Александра, о великой жертвѣ, принесенной имъ для удовлетворенія Россіи, и о безусловной преступности переворота, совершеннаго 9-го августа. Народное собраніе приняло адресъ съ выраженіемъ глубокой преданности русскому правительству и вслѣдъ затѣмъ утвердило предложенный отвѣтъ на рѣчь регентства, въ которомъ выражалось глубокое сожалѣніе объ отъѣздѣ князя Александра и желаніе скорѣйшаго законнаго суда надъ виновниками софійской революціи. Каждый понималъ, что это заявленіе палаты есть косвенный протестъ противъ русскихъ требованій, предъявленныхъ официально нашимъ агентомъ въ Софіи. Народное собраніе закрыто было 6-го сентября, послѣ „восторженнаго“ принятія финансоваго проекта, обезпечившаго матеріальное положеніе принца Баттенберга. Регентство спѣшило ковать желѣзо, пока оно горячо; оно рассчитывало приготовить такой же благоприятный для себя составъ „великаго народнаго собранія“, которое должно быть созвано для выбора новаго князя. Многіе надѣялись такимъ образомъ устроить вторичное избраніе принца Александра, которое могло бы получить санкцію великихъ державъ и поставить въ неловкое положеніе Россію.

Для предупрежденія этихъ плановъ и для устраненія могущихъ возникнуть замѣшательствъ посланъ въ Болгарію русскій военный агентъ въ Вѣнѣ, баронъ Каульбарсъ. Прибывъ въ Софію, русскій спеціальный уполномоченный формулировалъ требованія Россіи въ категорической нотѣ, переданной болгарскому правительству 15-го сентября. Содержаніе ноты оказалось гораздо болѣе умѣреннымъ, чѣмъ предполагали мѣстные дѣятели и сами регенты, а съ ихъ словъ и иностранные корреспонденты. Чего опасались со стороны Россіи — объ этомъ можно заключить изъ ходатайства, обращеннаго ранѣе къ петербургскому кабинету представителями болгарской интеллигенціи. Болгары заявляли желаніе сохранить свою независимость, просили назначить кандидата на княжескій престолъ и соглашались имѣть русскаго генерала военнымъ министромъ, съ тѣмъ только, чтобы офицеры были назначаемы по прежнему изъ болгаръ. Очевидно, Россія имѣла возможность сразу стать хозяиномъ положенія, такъ какъ другого исхода не видѣла предъ собою Болгарія. Но русское правительство ограничилось болѣе скромною задачею; оно отклонило мысль объ указаніи преемника принцу Баттенбергу и о назначеніи русскаго генерала военнымъ министромъ, а что касается вопроса о независимости, то онъ былъ устраненъ напоминаніемъ, что эту независимость создала Россія, и будетъ охранять ее впредь, какъ охраняла до сихъ поръ.

Отъ болгарскихъ правителей требовалось безусловное исполненіе

только въ трехъ пунктахъ: во-первыхъ, отмѣна осаднаго положенія и всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ; во-вторыхъ, отсрочка судебного преслѣдованія участниковъ переворота на неопредѣленное время и, въ-третьихъ, назначеніе выборовъ въ великое народное собраніе не ранѣе ноября, чтобы дать успокоиться страстямъ и обезпечить правильное и свободное выраженіе воли народа. Регентство полагало созвать собраніе на 28-е сентября (10-е октября), опираясь на конституцію, въ силу которой народные представители должны собраться въ теченіе мѣсяца послѣ кончины или удаленія князя. Русскій уполномоченный объяснялъ болгарскимъ дѣятелямъ необходимость полной свободы и обдуманности выборовъ, вслѣдствіе чего обязательно выждать общаго успокоенія умовъ; онъ объяснялъ также, что осадное положеніе должно быть отмѣнено, что ни одна партія не должна насиловать и угнетать другую, что виновность участниковъ переворота должна быть предана забвенію. Въмѣсто опасностей для болгарской независимости и свободы, Россія являлась въ Софіи представительницею самыхъ гуманныхъ и конституціонныхъ началъ; но, конечно, въ глазахъ временнаго правительства Болгаріи все это должно было представляться въ другомъ видѣ: отмѣна осаднаго положенія, освобожденіе участниковъ переворота отъ кары по суду и продленіе срока выборовъ князя—все это могло казаться правителямъ Болгаріи вовсе не результатомъ нашихъ заботъ о поддержаніи въ Болгаріи конституціонныхъ началъ и о томъ, чтобы тамъ ни одна партія не насилowała другую, а наоборотъ—средствомъ для угнетенія той партіи, которая господствуетъ въ настоящее время и ставитъ своею задачею то, къ чему стремилась недавно Италія, избравшая себѣ девизомъ: „Italia fara da se“—Болгарія для Болгаріи.

Но можетъ ли Болгарія избрать для своего будущаго подобный девизъ? Мы уже говорили о неудобствахъ для малыхъ народовъ сдѣлаться предметомъ заботъ со стороны великихъ народовъ,—и Болгарія едва ли составить въ этомъ отношеніи исключеніе.

ОДИНЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РЕСТАВРАЦІИ.

— Souvenirs du feu duc de Broglie. T. I—III. Paris, 1886.

Когда, около тридцати лѣтъ тому назадъ, начали появляться въ свѣтъ записки Гизо („Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps“), онѣ возбудили большой интересъ не только во Франціи, но и во всей европейской читающей публикѣ. У насъ первые томы „Записокъ“ излагались и обсуждались въ обширныхъ журнальныхъ статьяхъ, становились даже предметомъ оживленной полемики. Совершенно другая судьба выпадаетъ теперь на долю посмертныхъ воспоминаній герцога де-Броль, одного изъ сподвижниковъ и товарищей Гизо, стоявшаго, вмѣстѣ съ нимъ, во главѣ такъ-называемыхъ „доктринеровъ“. О нихъ мало говорятъ во Франціи, и вовсе, если мы не ошибаемся, не говорятъ въ русской печати. Объясняется это, прежде всего, разницей въ положеніи и въ талантѣ обоихъ авторовъ. Первенствующей роли въ политической жизни Франціи герцогъ де-Броль никогда не игралъ; научная и литературная его дѣятельность была еще менѣе замѣтна. Записки Гизо, при всей сухости и холодности тона, заключаютъ въ себѣ нѣсколько мастерски написанныхъ портретовъ; герцогу де-Броль даръ живого воспроизведенія событій и лицъ совершенно чуждъ; воспоминанія его отличаются, сначала до конца, блѣдностью рисунка и тусклостью колорита. Тѣмъ не менѣе мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что, появясь въ одно время съ „Записками“ Гизо—т. е. въ концѣ пятидесятихъ или началѣ шестидесятихъ годовъ, — „Воспоминанія“ герцога де-Броль были бы встрѣчены съ гораздо болѣе вниманіемъ, чѣмъ въ настоящую минуту. Эпоха второй имперіи, особенно между 1857 и 1863 гг., имѣла много общаго съ послѣдними годами реставраціи. Здѣсь, какъ и тамъ, кипѣла политическая борьба, поддерживаемая небольшою, но талантливою группою противъ сильнаго числомъ, но слабаго дарованіями большинства; главнымъ предметомъ борьбы служили и здѣсь, и тамъ права законодательныхъ собраній, взаимныя отношенія церкви и государства, свобода выборовъ, свобода рѣчи и печати. При такихъ условіяхъ, слово, сказанное о прошедшемъ, оказывалось, сплошь и рядомъ, примѣнимымъ къ злобѣ дня и производило впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ меньше была возможна прямая рѣчь о настоящемъ. Записки Гизо, монографія Вилльмена о Шатобріанѣ („La tribune moderne“), исторія реставраціи Волабелля или Ламартина—все это ста-

новилося тогда, даже помимо воли авторовъ, орудіемъ войны противъ торжествующаго цезаризма. Такую же роль разыграли бы, безъ сомнѣнія, и „Воспоминанія“ герцога де-Броль — разыграли бы не въ одной только Франціи, потому что оппозиція „наполеоновскимъ идеямъ“ была какъ бы общимъ дѣломъ общеевропейскаго либерализма. А либерализмъ — въ первоначальномъ, узкомъ смыслѣ этого слова — обрѣтался, на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, въ гораздо большемъ авантажѣ, чѣмъ въ настоящее время. Вѣра въ всемогущество политическихъ учреждений не была уже такъ безусловна, какъ за четверть вѣка передъ тѣмъ, — но приверженцевъ ея все еще было много, социальныя вопросы не приобрѣли еще перевѣса надъ политическими, высокомѣрное отношеніе къ послѣднимъ не сдѣлалось еще господствующей модой. Французская политическая жизнь не потеряла еще, наконецъ, того обаянія, которое она приобрѣла въ эпоху іюльской монархіи. Итакъ, „Воспоминаніямъ“ герцога де-Броль не повезло; они появились не во-время, запоздали выходомъ въ свѣтъ — и наказываются за это равнодушіемъ публики. Не думаемъ, однако, чтобы этотъ приговоръ былъ вполне безапелляціоннымъ. Если затмѣніе „либеральныхъ“ идей имѣетъ только временный характеръ, если имъ суждено опять выступить на первый планъ, — конечно, далеко не въ прежнихъ рамкахъ и не въ прежнемъ видѣ, — то не заслуживаетъ забвенія исторія усилій, посвященныхъ ихъ развитію; а для этой исторіи найдутся кое-какіе матеріалы и въ „Воспоминаніяхъ“ герцога де-Броль. Не лишень значенія и тотъ дополнительный свѣтъ, который они бросаютъ на первую имперію.

Викторъ де-Броль родился за четыре года до французской революціи. Его дѣдъ — маршалъ Франціи, извѣстный своимъ участіемъ въ семилѣтней войнѣ — былъ настоящій аристократъ, не хотѣвшій и слышать о политическихъ новшествахъ; его отецъ вывезъ изъ Америки, гдѣ онъ сражался за независимость возставшихъ англійскихъ колоній, идеи совершенно противоположнаго свойства. Старикъ-маршалъ, назначенный, въ смутные іюньскіе дни 1789 г., командиромъ версальской арміи, оставилъ Францію вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи, и больше туда не возвращался; сынъ его, избранный отъ дворянства въ генеральныя штаты, применилъ къ лѣвой сторонѣ учредительнаго собранія. Братья, ближайшіе родственники молодого либерала — эмигрировали одинъ за другимъ; онъ не послѣдовалъ ихъ примѣру и поступилъ, въ 1792 г., въ ряды войскъ, призванныхъ къ защитѣ восточной французской границы. Когда произошли событія 10-го августа, онъ протестовалъ противъ низверженія короля и былъ за это уволенъ отъ службы. Въ самый разгаръ террора онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Парижъ и казненъ по приговору революціоннаго трибунала:

арестована была и жена его, но ей удалось бѣжать изъ мѣстной тюрьмы. Виктору было въ то время девять лѣтъ; можно было бы ожидать, что онъ вырастетъ врагомъ революціи, такъ дорого стоившей его семьѣ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ выросъ скорѣе индифферентомъ, подъ вліяніемъ той апатіи, которая охватила Францію къ концу XVIII-го вѣка и яркую картину которой можно найти въ разбираемой нами книгѣ. Свидѣтели и участники самыхъ тяжелыхъ сценъ рассказывали о нихъ спокойно, почти весело; всѣ чувства точно уступили мѣсто одному — страстному желанію тишины, безопасности и порядка. Безусловно-враждебнымъ революціи де-Броль не сдѣлался, впрочемъ, и тогда, когда въ немъ, много лѣтъ спустя, пробудилась политическая мысль. „Убѣжденіемъ и сердцемъ,—говоритъ онъ, изображая свое душевное настроеніе въ моментъ паденія Наполеона,—я принадлежалъ новому обществу; я искренно вѣрилъ въ его безконечную усовершенствость; ненавижда беспорядки и преступленія революціоннаго времени, я считалъ французскую революцію, рассматриваемую какъ одно цѣлое, кризисомъ необходимымъ и благотворнымъ“. Въ устахъ человѣка, дѣтство котораго было омрачено эшафотомъ и тюрьмой, эти слова весьма характеристичны.

Когда Виктору де-Броль исполнилось двадцать лѣтъ, имперія была только что основана; обаяніе императора достигло своего апогея, а вмѣстѣ съ нимъ и упадокъ гражданскаго чувства въ французскомъ обществѣ. Тѣ самые люди, которые немного лѣтъ спустя должны были дать примѣръ оппозиціи произволу, искали случая служить имперіи или по крайней мѣрѣ не отказывались слѣдовать ея призыву. Дядя молодого герцога, бывший эмигрантъ и будущій защитникъ папы на парижскомъ соборѣ 1811-го года, охотно принималъ званіе императорскаго духовника; вотчимъ его д'Аржансонъ, впослѣдствіи времени одинъ изъ вождей парламентской лѣвой и даже участникъ заговоровъ противъ Бурбоновъ, менѣе охотно, но все же безъ сопротивленія становился антверпенскимъ префектомъ. Понятно, что и Викторъ де-Броль поспѣшилъ найти себѣ мѣстечко въ Наполеоновской администраціи, съ радостью допускавшей въ свою среду представителей старинной знати. Онъ былъ назначенъ аудиторомъ (нѣчто въ родѣ дѣлопроизводителя) государственнаго совѣта. Въ мирное время молодые люди, занимавшіе эти мѣста, приготавливали доклады совѣту; въ военное время они посылались курьерами въ императорскую главную квартиру, часто возлагавшую на нихъ порученія самаго разнообразнаго свойства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на службу, двадцати-четырёхлѣтній де-Броль командированъ изъ Вѣны, куда онъ привезъ депеши императору, завѣдывать гражданскою частью въ одномъ изъ венгерскихъ

комитатовъ, занятыхъ французскими войсками; отсюда онъ ѣдетъ управлять однимъ изъ округовъ вѣнградской Военной Границы, только что присоединенной къ французской имперіи; нѣсколько позже онъ получаетъ приказаніе отправиться въ Испанію и становится гражданскимъ секретаремъ маршала Бессьера, командующаго французскими войсками въ Валльядолидѣ. Быстрая смѣна мѣстъ и занятій, одинаково ему чуждыхъ, составляетъ еще не самую печальную сторону его положенія; ему приходится быть сообщникомъ вопіющихъ притѣсненій, исполнителемъ жестокихъ и несправедливыхъ мѣръ, особенно тамъ, гдѣ населеніе горитъ ненавистью къ пришельцамъ—напр. въ Испаніи. Объ этомъ періодѣ своей жизни авторъ „Воспоминаній“ говоритъ съ нескрываемымъ чувствомъ горечи и стыда; откровенность, которую онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность и которой онъ постоянно остается вѣрнымъ, не позволяетъ ему молчать—но онъ содрогается при мысли, что какое-либо изъ распоряженій, подписанныхъ имъ въ Валльядолидѣ, могло попасть въ руки оппозиціонной прессы, когда онъ былъ министромъ іюльской монархіи. Всего замѣчательнѣе то, что стыдъ, испытываемый герцогомъ, имѣетъ характеръ чисто-ретроспективный; ни изъ чего не видно, чтобы молодой администраторъ сознавалъ уже тогда всю фальшивость и неблаговидность своей роли. Атмосфера произвола и рабства, татотѣвшая надъ тогдашней Франціей, ослабляла сознаніе отвѣтственности, затемняла различіе между добромъ и зломъ—затемняла его даже въ натурахъ, достойныхъ лучшей участи. Предписаніе свыше признавалось достаточнымъ оправданіемъ дѣйствій, явно противныхъ элементарнымъ нравственнымъ требованіямъ. Когда судьба перебросила герцога де-Броль въ другую, дипломатическую карьеру (онъ состоялъ въ 1812 г. при французскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, въ 1813 г.—въ Вѣнѣ), ему поручено было „завести сношенія“ съ австрійскими министерскими канцеляріями — другими словами, добыть, путемъ подкупа, свѣденія о намѣреніяхъ и средствахъ австрійскаго правительства, — и онъ исполнилъ это порученіе, нисколько не колеблясь, въ чемъ и казается чистосердечно на страницахъ „Воспоминаній“. Только одинъ разъ, и то не прямо, герцогъ де-Броль рѣшился отклонить предложеніе императорскаго правительства—но предложеніе это было уже въ самомъ дѣлѣ черезъ-чуръ безцеремонно. Министръ полиціи объявилъ нѣсколькимъ аудиторамъ, въ томъ числѣ и де-Броль, что они должны ѣхать полицейскими комиссарами въ ганзейскіе города, включенные императорскимъ декретомъ въ предѣлы Франціи, но не знающіе какъ слѣдуетъ значенія оказанной имъ чести. Самолюбіе герцога было сильно задѣто, и ему удалось спастись отъ незавидной участи, переходомъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ.

Неудивительно, что чувство неудовольствія и утомленія, овладѣвшее Франціей къ концу царствованія Наполеона I-го, сказалось и въ герцогѣ де-Броль, особенно когда онъ, возвратясь изъ Вѣны, очутился не у дѣлъ, посреди самыхъ фрондѣрскихъ слоевъ парижскаго общества. Плачевная картина настроенія, предшествовавшаго паденію имперіи, была нарисована много разъ, но „Воспоминанія“ прибавляютъ къ ней нѣсколько новыхъ штриховъ. Незадолго до финальной катастрофы, когда союзныя войска уже приближались къ Парижу, въ театрѣ Комической Оперы шла старая пьеса Греттри: „Le Tableau parlant“. Въ этой пьесѣ встрѣчается двустипіе: „vous étiez ce que vous n'êtes plus, vous n'étiez pas ce que vous êtes“. Когда оно было пропѣто, публика внезапно разразилась рукоплесканіями, обративъ, очевидно, выраженный въ немъ упрекъ по адресу самого императора. На театрѣ Водевиля поставлена была, въ то же самое время, такъ называемая патріотическая пьеса, въ которой выведены были на сцену казаки, грабящіе и поджигающіе французскую деревню; представленіе было прервано свистками публики и не могло быть доведено до конца. Само собою разумѣется, что это было не выраженіемъ сочувствія къ непріятелю, а взрывомъ негодованія противъ грубыхъ приѣмовъ, которыми администрація думала разогрѣть охладѣвшія патріотическія чувства. Расположеніе умовъ въ послѣдніе дни передъ вступленіемъ союзныхъ войскъ авторъ „Воспоминаній“ прекрасно опредѣляетъ слѣдующими словами: „personne ne croyait à rien, tout le monde s'attendait à tout“.

Личныхъ соприкосновеній съ императоромъ де-Броль не имѣлъ, но онъ часто видѣлъ и слышалъ его въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, происходившихъ, два раза въ недѣлю, подъ его председательствомъ и при дѣятельномъ его участіи. Наполеоновская легенда выставляетъ императора столь же мудрымъ законодателемъ, столь же краснорѣчивымъ ораторомъ, какъ и геніальнымъ полководцемъ. Авторъ „Воспоминаній“ не подтверждаетъ этой легенды. Наполеонъ, по его свидѣтельству, говорилъ много, но неправильно, непоследовательно, иногда тривиально, часто повторяясь и не зная хорошенько предмета преній. Избалованный восторгами слушателей, онъ билъ преимущественно на эффектъ, далеко не всегда его достигая. Самый гнѣвъ, которому онъ любилъ предаваться, бывалъ, сплошь и рядомъ, поддѣланъ, заранѣе рассчитанъ; въ знаменитой сценѣ, устроенной имъ Порталису¹⁾, онъ произвелъ на де-Броль впечатлѣніе актера, разыгрывающаго хорошо заученную роль. Въ другомъ

¹⁾ Порталисъ былъ козломъ очищенія, на которомъ императоръ сорвалъ свое тогдашнее раздраженіе противъ духовенства, вступавшаго за папу.

аналогичномъ случаѣ онъ хотѣлъ быть рѣзкимъ, но былъ только грубымъ. Повидимому, онъ самъ догадался, что производить дурное впечатлѣніе на молодежь; младшимъ аудиторамъ, вскорѣ послѣ вступленія де-Броль, велѣно было оставлять залу засѣданій, какъ только появляется въ ней императоръ—и съ самого де-Броль этотъ запретъ былъ снятъ уже по возвращеніи его изъ Испаніи. Не слѣдуетъ думать, чтобы авторъ „Воспоминачій“ былъ систематически враждебенъ Наполеону; напротивъ того, онъ всегда готовъ выставить на видъ хорошія его стороны. Онъ признаетъ, напримѣръ, что въ пререканіяхъ между военными и гражданскими властями, происходившихъ изъ-за управленія завоеванными провинціями, императоръ всегда готовъ былъ поддержать гражданскую власть, когда она старалась положить предѣлъ жадности и притязательности военныхъ чиновъ. Самъ Наполеонъ былъ меньше склоненъ къ рутинѣ, чѣмъ его администрація, больше понималъ особенности странъ, присоединяемыхъ къ Франціи. Весьма характеристична слѣдующая черта изъ жизни императора. Во время обсужденія въ государственномъ совѣтѣ проекта устава уголовного судопроизводства одинъ изъ тѣхъ юристовъ, у которыхъ, по удачному выраженію де-Броль, событія революціоннаго времени „надломили спинной хребетъ“ (Симеонъ, впоследствии опять обернувшійся либераломъ), произнесъ громовую рѣчь противъ суда присяжныхъ. Онъ надѣялся заслужить этимъ одобреніе Наполеона, который именно въ то время былъ особенно расположенъ къ восстановленію старыхъ порядковъ. И дѣйствительно, императоръ прислушивался къ словамъ Симеона съ видимымъ сочувствіемъ. Обращенные якобинцы, составлявшіе большинство совѣта, поспѣшили применить къ ловкому оратору; возраженія ему были малочисленны и слабы; но Наполеонъ, вопреки обыкновенію, долго не принималъ участія въ преніяхъ. Наконецъ онъ спросилъ Трельяра (одного изъ главныхъ тогдашнихъ перевертней): можно ли отмѣнить гласность въ дѣлахъ уголовныхъ? Трельяръ отвѣчалъ не тотчасъ же; молчали и всѣ другіе; утвердительный отвѣтъ казался имъ слишкомъ чудовищнымъ, на отрицательный не хватало смѣлости. Вопросъ былъ повторенъ болѣе настойчивымъ тономъ; Трельяръ пробормоталъ, что отмѣна гласности едва-ли возможна; Камбасересъ („tout Cambasères qu'il était“, остроумно прибавляетъ де-Броль) поддакнулъ ему наклоненіемъ головы. „Въ такомъ случаѣ,—сказалъ императоръ,—нечего и думать объ уничтоженіи суда присяжныхъ“. „C'était un maître homme“, замѣчаетъ по этому поводу де-Броль, „que le maître de ce temps-là“ (мы приводимъ эту фразу въ подлинникѣ, потому что она содержитъ въ себѣ непередаваемую игру словъ); даже въ тѣхъ сферахъ, которыя ему вовсе не были знакомы, онъ видѣлъ выше

дальше, чѣмъ всѣ книжники и фарисеи его синагоги". Наполеоновская синагога не рѣшалась, однако, наложить руку на судебную гласность; новѣйшіе книжники и фарисеи готовы выбросить ее за бортъ вмѣстѣ съ судомъ присяжныхъ.

Реставрація Бурбоновъ, которой де-Броль не ожидалъ и не желалъ, радикально измѣнила его положеніе; скромный чиновникъ, перебрасываемый волею начальства изъ одной сферы дѣйствій въ другую, изъ одного конца Европы въ другой, обратился внезапно въ законодателя и верховнаго судью. Въ качествѣ старшаго представителя одной изъ знатнѣйшихъ французскихъ аристократическихъ фамилій, онъ сдѣлался членомъ палаты пэровъ, образованной хартией 1814-го года. Сначала онъ не могъ участвовать въ ея рѣшеніяхъ, потому что не достигъ еще узаконеннаго возраста: ему минуло тридцать лѣтъ какъ разъ въ то время, когда палата пэровъ приступала къ суду надъ маршаломъ Неемъ. Молодой пэръ былъ однимъ изъ немногихъ, подавшихъ голосъ за оправданіе подсудимаго. Это было съ его стороны настоящимъ актомъ гражданского мужества; бѣлый терроръ былъ тогда въ самомъ разгарѣ, внѣшнее давленіе на судей доходило до крайнихъ предѣловъ. Яркимъ примѣромъ робости, со всею силой заразной болѣзни переходившей отъ одного къ другому, служить образъ дѣйствій одного изъ пэровъ, генерала Гувіона. Жалѣя о Ней и желая спасти его жизнь, Гувіонъ обратился къ де-Броль за совѣтомъ, какъ лучше этого достигнуть. Де-Броль объяснилъ мотивы, по которымъ онъ намѣренъ стоять за оправданіе; Гувіонъ обѣщалъ поддержать его и даже сѣлъ для этого рядомъ съ нимъ — но когда пришлось отвѣчать на вопросы президента, онъ не рѣшился отдѣлаться отъ большинства и подалъ голосъ сначала за виновность маршала, потомъ за смертную казнь. Въ болѣе или мѣнѣе степени тѣ же самыя явленія повторялись каждый разъ, когда палатѣ пэровъ приходилось образовывать изъ себя верховный судъ по политическому дѣлу. Кто-то изъ знакомыхъ де-Броль спросилъ его однажды, до суда, въ какомъ смыслѣ онъ намѣренъ подать голосъ. Единственный правильный отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ — не знаю; такъ отвѣчалъ и де-Броль. „Ахъ! — воскликнулъ его собесѣдникъ: — не повторяйте этого, остерегитесь; вы можете страшно повредить себѣ“. Опытность, приобрѣтенная авторомъ „Воспоминаній“, была, къ сожалѣнію, имъ забыта, когда онъ въ свою очередь достигъ власти; палата пэровъ осталась верховнымъ политическимъ судомъ и при іюльской монархіи.

Бѣлый терроръ — т.-е. репрессалія ультра-роялистовъ, въ короткий промежутокъ ихъ полнѣйшаго торжества (1815—16), — принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ эпизодовъ, значеніе которыхъ

слишкомъ часто упускается изъ виду; его черезъ-чуръ заслоняетъ собою красный терроръ 1793 — 94 г. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно важно свидѣтельство герцога де-Броль, отнюдь не расположеннаго ни къ систематическому обвиненію эмигрантовъ, ни къ систематическому оправданію якобинцевъ. „Я нисколько не впаду въ преувеличеніе,—говоритъ де-Броль,—если скажу, что бѣшенство ультра-роялистовъ и ультра-роялокъ, въ палатѣ и внѣ палаты, на ораторской трибунѣ и въ публикѣ, напоминало собою, буква въ бузву, самые дурные дни національнаго конвента... Никогда нарушеніе истины и правды не доходило до такой беззащитности, какъ въ процессѣ Ла-Валетта“. Всеобщая разнузданность увлекала даже такихъ сравнительно умѣренныхъ людей, какъ Лане и герцогъ Ришельё; первый написалъ, второй — произнесъ въ палатѣ перовъ рѣчь, требовавшую немедленной казни Нея, безъ выслушанія его оправданій. Тѣмъ же характеромъ отличались сцены, ознаменовавшія собою исключеніе Манюэля (въ 1823 г.) изъ палаты депутатовъ. Въ дневникѣ герцогини де-Броль встрѣчаются, по этому поводу, слѣдующія слова: „рядомъ со мною сидѣли жены депутатовъ правой стороны, испуская вопли, указывая пальцемъ на оппозиціонныхъ депутатовъ, обращаясь къ нимъ съ ругательными восклицаніями. Это были настоящія рыночныя бабы (*dames de la halle*). Нѣтъ болѣе дурного общества, чѣмъ крайніе реакціонеры; они убѣждены, что имъ все дозволено, и являются больше чернью, чѣмъ сама чернь“.

Если герцогъ де-Броль, выступивъ на политическое поприще въ моментъ торжества реакціи, сразу сталъ на сторону слабой, угнетенной либеральной партіи, это объясняется отчасти отвращеніемъ, которое внушили ему реакціонныя безумства, отчасти вліяніемъ *madame de Staal*, на дочери которой онъ женился (въ 1816 г.). Какъ только миновалъ бѣлый терроръ, между противниками его образовался расколъ. Небольшая группа умѣренныхъ либераловъ, скоро получившая прозвище „доктринеровъ“, хотѣла подать руку министерству и служить, въ одно и то же время, бурбонской монархіи и политической свободѣ; другая была меньше расположена къ примиренію, къ компромиссамъ. Де-Броль сначала принадлежалъ къ послѣдней партіи, группировавшейся, отчасти, около знаменитой его тещи; но послѣ смерти *madame de Staal* (въ 1817 г.) онъ скоро сталъ сближаться съ доктринерами и сдѣлался, мало-по-малу, самымъ вліятельнымъ представителемъ ихъ въ палатѣ перовъ. Другіе ихъ вожди или за-сѣдали въ палатѣ депутатовъ (*Ройе-Колларъ*, *Каммилъ Жорданъ*, *де-Серръ*), или оставались за сценой, работая для своей партіи отчасти въ государственномъ совѣтѣ или министерствахъ, отчасти въ

печати (Гизо, Барантъ). Лѣвая сторона оттолкнула отъ себя де-Броль своею рѣзкостью, неподатливостью на постепенныя реформы; девизомъ де-Броль становился уже тогда „прогрессъ въ порядкѣ“; онъ готовъ былъ многого ожидать отъ будущаго, между тѣмъ какъ прежніе его друзья больше думали о настоящемъ. Въ 1818 г. домъ герцога де-Броль считался уже, вмѣстѣ съ домомъ Сентъ-Олера, главной квартирой доктринеровъ. Здѣсь собирались и зрѣлые, и молодые члены кружка; между молодыми выдавался Шарль де-Ремюза (будущій другъ и сотрудникъ Тьера), преданность котораго „доктрина“ не помѣшала ему написать слегка насмѣшливое стихотвореніе о „доктринерахъ“. Партія изображается здѣсь помѣщающейся на одномъ канане, съ котораго она поучаетъ юношу, желающаго вступить въ ея ряды. „*Répandez partout la lumière, sans être plus clair qu'il ne faut; faites de la métaphysique tous les matins exactement; abstenez-vous de la pratique toute l'année étroitement*“. Неофитъ спрашиваетъ, когда настанетъ торжество „доктрины“; по этому поводу происходитъ слѣдующій діалогъ: „*Monsieur, l'avenir est à nous. — Mais il n'y paraît pas encore. — N'importe, le temps n'est pas mûr; mais il viendra. — Quand? — Je l'ignore, et voilà pourquoi j'en suis sûr*“.

Въ концѣ 1818 г. доктринерамъ, въ лицѣ де-Серра, удалось проникнуть въ министерство и приобрести прямое вліяніе на ходъ событий. Однимъ изъ плодовъ этого вліянія былъ законъ о печати 1819 г., скоро испорченный и искаженный реакціей, но въ первоначальномъ своемъ видѣ обезпечивавшій весьма серьезно свободу печати. Герцогъ де-Броль принималъ закулисное, но дѣятельное участіе въ приготовленіи этого закона; онъ настоялъ, между прочимъ, на предоставленіи обвиняемому въ диффамациі права доказывать справедливость сказаннаго, если рѣчь идетъ о публичной дѣятельности, а не о частной жизни. Въ выборѣ способовъ доказыванья обвиняемый ничѣмъ не былъ ограниченъ, такъ что въ этомъ отношеніи работа герцога де-Броль имѣла несомнѣнное преимущество передъ дѣйствующимъ у насъ до сихъ поръ закономъ о диффамациі... Согласіе между правительствомъ и умѣренными либералами продолжалось недолго; реакціонный вѣтеръ, подувшій въ Европѣ, столкнулъ министерство Деказа, какъ только представился къ тому удобный поводъ, и герцогъ де-Броль, вмѣстѣ съ другими доктринерами, очутился, волей-неволей, въ рядахъ оппозиціи. Не обошлось дѣло и безъ измѣны; де-Серръ перешелъ въ лагерь реакціи. Трагическая сторона этого перехода изображена весьма рельефно въ дневникѣ герцогини де-Броль, выписки изъ котораго принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ страницъ „Воспоминаній“.

Начиная съ окончательнаго перехода власти въ руки реакціонной партіи, личная исторія герцога де-Броль становится почти исторіей Франціи. Онъ отдается всецѣло борьбѣ противъ министерства Виллеля. По странному стеченію обстоятельствъ, послѣднимъ приближеніемъ права и свободы служило въ этой борьбѣ не выборное, а наслѣдственное законодательное собраніе. Пары Франціи, въ двадцатыхъ годахъ, разыграли ту роль, которая выпала на долю англійскихъ лордовъ во второмъ десятилѣтіи прошлаго вѣка. Рѣчи, произнесенныя герцогомъ де-Броль противъ испанскаго похода, противъ закона о святотатствѣ, противъ права старѣйшинства, противъ обузданія печати, читаются и теперь съ живымъ интересомъ. Какъ ни велика была опасность, угрожавшая тогда лучшимъ приобрѣтеніямъ современнаго французскаго общества, одно по меньшей мѣрѣ оставалось неприкосновеннымъ: право называть вещи, съ ораторской трибуны, ихъ настоящимъ именемъ, право протестовать противъ ретроградныхъ увлеченій и предостерегать отъ неизбежныхъ ихъ послѣдствій—и этимъ правомъ широко пользовался де-Броль. „Когда я вспоминаю, — говоритъ онъ, — объ этомъ періодѣ моей жизни, мнѣ хочется воскликнуть, вмѣстѣ съ mademoiselle Гимаръ (извѣстной актрисой XVIII-го вѣка): это было хорошее время, мы были тогда такъ несчастны!“ И дѣйствительно, ни въ одномъ словѣ, сказанномъ между 1822 и 1827 г., ни въ одномъ дѣйствіи, относящемся къ той же эпохѣ, де-Броль себя не упрекаетъ и упрекнуть не можетъ; матеріалъ для сожалѣній и самообвиненій является только на другой день послѣ побѣды.

Когда министерство Виллеля, разбитое на выборахъ 1827-го года, должно было, наконецъ, выйти въ отставку, де-Броль имѣлъ право ожидать—и отчасти ожидалъ—призыва къ власти; Ройе-Колларъ совѣщался съ нимъ объ основаніяхъ, на которыхъ они могли бы принять министерскіе портфели. Ожиданія не оправдались; нерасположеніе короля къ вождямъ оппозиціи заставило его обратиться къ Мартиньяву. Это былъ рѣшительный моментъ въ исторіи реставраціи. Укрѣпясь во власти, Мартиньявъ—котораго де-Броль ставитъ чрезвычайно высоко—могъ найти средній путь между реакціей и революціей; но для того, чтобы укрѣпиться, ему необходима была поддержка всѣхъ отгѣнковъ либеральной партіи. Только въ союзѣ съ ними онъ могъ одержать верхъ надъ холодною королю, враждою конгрегаціи и проискамы реакціонеровъ. Союзъ не состоялся—и не состоялся, какъ признаетъ герцогъ де-Броль, по винѣ умѣренныхъ либераловъ. Раздраженные тѣмъ, что министерство не обращается къ ихъ услугамъ, они пошли наперекоръ ему въ первомъ же предпринятомъ имъ серьезномъ дѣлѣ (пересмотрѣ законовъ объ об-

щинномъ и департаментскомъ управленіи)—и дали королю желанный поводъ отдѣлаться отъ несимпатичныхъ ему министровъ. Авторъ „Воспоминаній“ кается въ этой ошибкѣ, кается и въ томъ, что не способствовалъ смягченію отвѣта, даннаго въ знаменитомъ адресѣ двухсотъ-двадцати-одного на тронную рѣчь, продиктованную Полиньякомъ. Весьма можетъ быть, что Карла X-го ничто спасти не могло, но разрывъ между доктринерами и Мартиньякомъ дѣйствительно принадлежитъ къ числу самыхъ фатальныхъ недоразумѣній, какія только встрѣчаются въ исторіи французскаго парламентаризма.

Безузоризненно правдивый, авторъ „Воспоминаній“ не щадитъ себя даже тогда, когда приходится выставить себя въ смѣшномъ свѣтѣ; чтобы оцѣнить эту заслугу, слѣдуетъ припомнить французскую поговорку: „le ridicule tue“. Безспорно смѣшное впечатлѣніе производитъ, напримѣръ—съ вѣдома автора,—исповѣдь его относительно тактики, которую онъ себѣ усвоилъ въ палатѣ пэровъ. Онъ замѣтилъ, что наибольшій эффектъ достается обыкновенно или на долю перваго оратора, открывающаго пренія, или—еще чаще и въ еще большей степени—на долю послѣдняго, заканчивающаго ихъ. Онъ сталъ направлять всѣ усилія къ тому, чтобы удержать за собою, при обсужденіи каждаго существенно-важнаго вопроса, наиболѣе рѣшительную и выгодную позицію. Иногда ему это удавалось — но иногда его постигало самое комическое разочарованіе. Такъ напримѣръ, по вопросу о конверсіи пяти-процентной ренты онъ приготовилъ рѣчь, полную самыхъ новыхъ, самыхъ оригинальныхъ аргументовъ, и приберегалъ ее къ концу дебатовъ, чтобы поразить слушателей и сразу разбить министерскій проектъ. И что же? Другой ораторъ предупредилъ его, нанеся, съ другой точки зрѣнія, смертельный ударъ проекту. Увлеченная палата постановила тотчасъ же прекратить пренія, и единственнымъ утѣшеніемъ для слишкомъ расчетливаго стратега осталось помѣщеніе въ „Воспоминаніяхъ“ нѣсколькихъ отрывковъ изъ непромышленной рѣчи.

Герцогъ де-Броль зналъ лично, а иногда и коротко, всѣхъ выдающихся дѣятелей реставраціонной эпохи. Крупныхъ, яркихъ характеристикъ онъ, какъ мы уже сказали, не даетъ, но знакомыя фигуры дорисовываются имъ иногда цѣнными, типичными чертами. Развѣчаніе Шатобріана, какъ политическаго дѣятеля, начато уже давно, но нигдѣ, кажется, онъ не являлся еще въ такомъ неприглядномъ видѣ, какъ въ „Воспоминаніяхъ“ де-Броль. Не очень-то посчастливилось въ нихъ и Бенжамену Констану, хотя авторъ и признаетъ за нимъ большія заслуги. Свободнымъ отъ легкихъ уколовъ не остается даже Ройе-Колларъ, одинъ изъ любимцевъ де-Броль; вотъ что гово-

рится о немъ, между прочимъ, въ дневникѣ герцогини: „il a le doute le plus dogmatique et l'incertitude la plus tranchante qu'on puisse voir“. О д'Аржансонѣ и другомъ политическомъ пессимистѣ мы читаемъ въ томъ же дневникѣ: „ils pleurent les malheurs qu'ils n'ont pas et les persécutions qu'ils ne souffrent pas“. Далеко не лишено интереса все то, что говоритъ де-Броль о своихъ кабинетныхъ занятіяхъ, о своемъ переходѣ отъ скептицизма къ вѣрѣ—но мы безъ того уже вышли изъ предѣловъ библиографической замѣтки. Заклучимъ ее интересной поправкой, предлагаемой авторомъ „Воспоминаній“, со словъ очевидца, къ одному историческому эпизоду, до сихъ поръ считавшемуся безспорнымъ. Извѣстно, что 1-го преріала III-го (1795-го) года, во время народнаго возстанія, овладѣвшаго на нѣсколько часовъ заломъ конвента, въ конвентѣ предсѣдательствовалъ Буасси-д'Англа. Энергія, выказанная имъ въ этотъ день, много разъ прославлялась историками; они рассказывали, какъ президентъ, увидѣвъ передъ собою на никѣ голову Феро (депутата, убитаго въ самой заглѣ засѣданій), всталъ съ своего мѣста, обнажилъ голову и торжественно поклонился жертвѣ народнаго бѣшенства. Оказывается, что эта сцена выдумана журналистами тогдашней умѣренной партіи—выдумана съ цѣлью возвести въ герои кого-нибудь изъ среды большинства, одержавшаго въ тотъ день побѣду надъ мятежнымъ меньшинствомъ. Настоящимъ героизмомъ никто не отличился—нужно было создать героя, а для этого самымъ подходящимъ субъектомъ былъ Буасси, въ рѣшительную минуту занимавшій предсѣдательское кресло. На самомъ дѣлѣ поведеніе Буасси было приличнымъ, не болѣе, и то лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не удалился изъ залы, даже не закрывъ, какъ слѣдовало бы, засѣданія. Легенда, пущенная въ ходъ журналистами, понравилась самому Буасси, понравилась побѣдителямъ—и заняла мѣсто въ исторіи наряду съ другими вымыслами *eiusdem farinae* (фраза Камбронна при Ватерлоо, фраза аббата Эджеворта на эшафотѣ Людовика XVI-го и т. п.). Слова или жесты, особенно подходящіе къ данной минутѣ, весьма легко признаются сказанными или сдѣланными, хотя бы въ дѣйствительности о нихъ не было и рѣчи. Досто-вѣрно ли свидѣтельство Гоше (такъ зовутъ журналиста, на котораго ссылается де-Броль)—объ этомъ авторъ „Воспоминаній“ судить не берется; онъ удостовѣряетъ только, что въ Буасси-д'Англа, какимъ онъ зналъ его въ палатѣ пэровъ, не было ровно ничего геройскаго.

А—н—

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

---

1 октября 1886.

— Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Исслѣдованія В. В. Вобинина, приватъ-доцента Имп. Моск. Университета. М. 1886.

Авторъ выбралъ весьма любопытную тѣму для своего изслѣдованія. Исторія науки, сверхъ своего спеціальнаго значенія, имѣетъ большой общій интересъ, какъ одинъ изъ основныхъ указателей цѣлой исторіи умственнаго развитія народа, а это послѣднее играетъ чрезвычайно важную роль во всей судьбѣ и историческомъ достоинствѣ національности. Положеніе науки въ Россіи до-Петровской и новѣйшей есть одинъ изъ существенныхъ критеріевъ въ опредѣленіи историческаго пути народа; вопросъ о московскомъ преданіи и принятіи западнаго образованія пріобрѣтаетъ чрезвычайную наглядность, когда мы сравнимъ научное содержаніе того и другого періода. Большому историческому народу невозможно было оставаться въ той атмосферѣ незнанія и младенчества мысли, какую представляла старинная Москва, и Петровская реформа являлась, въ сущности, умственнымъ переворотомъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не была со всей подробностью изложена именно эта сторона нашей внутренней жизни съ Петра Великаго, въ сравненіи съ ея „антецедентами“ въ московской Россіи; параллель была бы глубоко поучительна не только въ историческомъ отношеніи, — въ послѣднее время находятся мыслители, которые полагаютъ, что у насъ слишкомъ много образованія...

Года два тому назадъ авторъ этой книжки напечаталъ статью: „Состояніе математическихъ знаній въ Россіи до XVI-го вѣка“. Статья была очень интересна по тѣмъ даннымъ, какія авторъ со-

бралъ объ этомъ предметѣ изъ старой письменности: положеніе математическихъ знаній въ старой Россіи оказывалось чрезвычайно низкимъ. Въ настоящемъ трудѣ авторъ излагаетъ состояніе математическихъ знаній въ Россіи XVII-го вѣка. Книжка распадается на слѣдующія главы: рукописная математическая литература XVII-го столѣтія; источники нашей математической литературы XVII-го столѣтія и характеристическія черты и особенности содержанія арифметическихъ рукописей. Авторъ начинаетъ съ соображеній о первомъ появленіи у насъ арифметическихъ знаній; приводитъ извѣстія Карамзина о бывшихъ у него рукописяхъ арифметическаго содержанія и его предположеніе, что первая геометрія явилась въ Россіи, вѣроятно, по случаю измѣренія земель въ Двинскомъ краѣ въ концѣ XVI-го вѣка, г. Бобынинъ думаетъ, что предположеніе можно вести и далѣе: вычитавши въ изданіяхъ Срезневскаго извѣстныя запрещенія отреченныхъ книгъ (гдѣ упоминаются „острунумѣя“, „звѣздочетъе“ и „землемѣріе“, и пр.), онъ считаетъ возможнымъ заключить, что „книги объ астрономіи и землемѣріи были еще въ XIV-мъ вѣкѣ, а слѣдовательно, должны были существовать тогда же и книги арифметическія и геометрическія“. По его мнѣнію, къ такому заключенію должно приводить и „доказанное Срезневскимъ“ существованіе періода „Христіанской Топографіи“, Козьмы Индикоплова; а въ прежнемъ своемъ трудѣ авторъ считалъ возможнымъ относить арифметическія книги даже къ XI-му вѣку.

Въ этихъ заключеніяхъ есть, однако, рядъ неточностей. Упоминаніе астрономіи, землемѣрія и т. п. въ спискѣ отреченныхъ книгъ вовсе не есть свидѣтельство о существованіи этихъ книгъ въ русской письменности, потому что этотъ списокъ былъ переводный, и его содержаніе относилось собственно къ греческой, а не къ славянской или русской литературѣ; книги, названныя въ этомъ спискѣ, могли быть, но могли и не быть въ русской письменности. Существованіе славянскаго перевода Козьмы Индикоплова также не имѣетъ никакого отношенія къ данному вопросу. Въ старыхъ рукописяхъ до сихъ поръ были встрѣчены только самые скудные отрывки переводныхъ статей астрономическаго или „землемѣрнаго“ содержанія, но статьи подобнаго рода, которыя продолжали переписываться до конца до-Петровской письменности и повторяли фантастическія представленія среднихъ вѣковъ, свидѣлствуютъ именно, что за ними не стояло никакой науки, и они вовсе не предполагали ни арифметики, ни геометріи. Старинные примѣры счета, приведенные въ прежней статьѣ г. Бобынина, указывали, что были какіе-то арифметическіе приемы, но въ обычномъ употребленіи былъ счетъ самый

несовершенный, чуть не по пальцамъ. Въ концѣ концовъ, сохранившіяся ариѳметическія рукописи XVII-го вѣка и были, вѣроятно, первыми правильными ариѳметиками на русскомъ языкѣ.

Авторъ перечисляетъ существующія рукописи этого рода и раздѣляетъ ихъ на группы по характеру ихъ содержанія; но дѣлаетъ это недостаточно просто. Нужно было прямо пересчитать рукописи и затѣмъ точно выдѣлить ихъ разныя редакціи; — теперь же изложеніе автора остается нѣсколько смутно: не выдѣливши ясно разныхъ редакцій, онъ уже сличаетъ рукописи, и въ результатѣ получается темное представленіе объ ихъ взаимномъ отношеніи.

Вторая глава книжки мало отвѣчаетъ своему названію. Желая указать источники нашей математической литературы, авторъ начинаетъ съ римскихъ писателей, говоритъ о *trivium* и *quadrivium*, потомъ перечисляетъ старыя польскія математическія рукописи по описанію Жебравскаго и, въ концѣ концовъ, оставляетъ вопросъ объ „источникахъ“ безъ отвѣта: мы не узнаемъ, откуда взялись наши ариѳметическія книги XVII-го вѣка, и съ каковаго языка онѣ были переведены — что онѣ были переводныя, это очевидно. Въмѣсто того, чтобы углубляться въ исторію „семи свободныхъ художествъ“, надо было взять нѣсколько образчиковъ старинныхъ изложеній ариѳметики, и между ними могли найтись такіе, которые были если не прямыми подлинниками, то первообразами нашей старинной ариѳметики. Къ данному вопросу не имѣютъ отношенія и длинныя объясненія объ „азбучникахъ“ (стр. 29 — 33) или выписки изъ описанія старопечатныхъ книгъ, Каратаева (стр. 41 — 43). Въ концѣ книжки, приводя изъ старыхъ рукописей ариѳметическія задачи, авторъ нашелъ нѣкоторые параллели съ задачами въ западно-европейскихъ учебникахъ XVI — XVII-го вѣка; здѣсь и надобно было искать настоящаго подлинника нашихъ книгъ.

Въ третьей главѣ авторъ приводитъ многочисленные образчики приѣмовъ стариннаго счета и рѣшенія задачъ. Можно пожалѣть опять, что при этомъ не указывается — изъ какихъ именно рукописей что берется, и что изложеніе старинныхъ приѣмовъ счисленія авторъ передаетъ „своими словами“, описательно. Напротивъ, было бы именно любопытно, еслибы онъ привелъ въ подлинникѣ эти образчики ариѳметическаго изложенія, собралъ вмѣстѣ старинную ариѳметическую терминологію.

Книжка г. Бобынина, во всякомъ случаѣ, любопытна, какъ изученіе старинной русской ариѳметики и объясненіе ея приѣмовъ; но историко-литературный вопросъ о непосредственномъ источникѣ нашихъ ариѳметическихъ книгъ все еще остается открытымъ. — А. Н.

— О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія. Вас. Розанова. Москва, 1886.

Книга чисто-философскаго содержанія, объемомъ въ 47 печатныхъ листовъ,—явленіе, во всякомъ случаѣ, любопытное, заслуживающее внимательной оцѣнки даже при явной ошибочности того пути, который избранъ авторомъ. Г. Розановъ совершилъ значительный подвигъ, написавъ 737 страницъ о предметахъ и вопросахъ совершенно отвлеченныхъ, которыми можетъ заинтересоваться лишь весьма ограниченный кругъ читателей; подвигъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ является почти безнадежнымъ въ смыслѣ успѣха литературнаго или научнаго. Авторъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы оттолкнуть отъ своего трактата любознательную публику: онъ пишетъ тяжелымъ слогомъ, строитъ свои теоріи на опредѣленіяхъ и словесныхъ оборотахъ, пребываетъ исключительно въ области схоластики и пускается въ безконечныя туманныя разглагольствованія. Терпѣливый читатель, одолѣвъ книгу г. Розанова, можетъ почувствовать только сожалѣніе о томъ, что столько труда и знанія потрачено непроизводительно.

Авторъ поставилъ себѣ широкую задачу—выработать новую систему и классификацію наукъ, независимо отъ существующихъ попытокъ подобнаго рода. Въ нашихъ знаніяхъ нѣтъ единства, нѣтъ цѣльнаго плана. „То, что въ умственной области создается человекомъ, съ давняго времени носить два названія—науки и философіи. Уже эта двойственность имени—по мнѣнію г. Розанова—является странною аномаліею: если разумъ одинъ и истина одна, то какимъ образомъ могли произойти различныя названія для того, что является результатомъ дѣятельности перваго и совокупностью вторыхъ (?). Но за различіемъ именъ скрывается и различіе дѣйствительности: тотъ глубокой антагонизмъ, которымъ пронизаны всѣ отношенія науки и философіи, показываетъ, что и въ самомъ дѣлѣ есть двѣ независимыя области, куда разумъ несетъ свои приобрѣтенія, и что, слѣдовательно, единства познанія не существуетъ“. Чтобы устранить эту двойственность и неопредѣленность знанія, авторъ обращается къ содѣйствію особой силы, лежащей „въ наукѣ и въ философіи“, но могущей быть поставленною на-ряду съ ними: ея „не можетъ коснуться сомнѣніе“, и она „способна послужить къ раскрытію природы, границъ и строенія обобщаемаго“. Это именно—пониманіе. И въ самомъ дѣлѣ,—разсуждаетъ авторъ,—„въ сторонѣ отъ спора, раздѣляющаго науку и философію, и въ каждой изъ спорящихъ сторонъ лежатъ

истина, что какова бы ни была дѣятельность разума, она всегда будетъ, по существу своему, пониманіемъ, и, кромѣ этого же пониманія, ничего другого не можетъ имѣть своей цѣлю. Въ этой истинѣ, какъ, повидимому, ни проста она, заключается способность дать рядъ выводовъ, воспользовавшись которыми, можно, не касаясь ни науки, ни философіи, опредѣлить то, къ чему должна стремиться и первая, и вторая“. Авторъ обѣщаетъ открыть цѣлый рядъ истинъ, опираясь на свое „пониманіе“, которое будто-бы „не только несомнѣннѣ науки и философіи, но и обширнѣ, чѣмъ онѣ“. „Такъ какъ—говоритъ онъ—въ томъ новомъ смыслѣ, какой мы придаемъ ему, Пониманіе становится полнымъ органомъ разума, то мы не ограничимся одною формальною стороною вывода, но и присоединимъ къ ней многое, что касается самого содержанія. Именно, отмѣчая формы, изъ которыхъ складывается наука, будемъ всякій разъ или устанавливать истины, которыя должны лечь въ основаніе каждой изъ нихъ, или указывать путь, которымъ эти истины могутъ быть найдены“.

Такимъ образомъ, авторъ разумѣетъ подъ „пониманіемъ“ совсѣмъ не то, что принято разумѣть подъ этимъ словомъ: для него это не психологическій процессъ, а какая-то новая всеобъемлющая наука, призванная восполнить собою недостатки и пробѣлы существующихъ знаній. Для насъ этотъ „полный органъ разума“, выдуманный г. Розановымъ, остается неразрѣшимою загадкою. Пониманіе, какъ нѣчто независимое отъ науки и философіи, стоящее внѣ и выше ихъ, болѣе несомнѣнное и обширное, чѣмъ онѣ,—это просто логическій абсурдъ. Какъ могъ авторъ серьезно остановиться на мысли, что, сверхъ научнаго и философскаго пониманія, есть какое-то другое пониманіе, свободное отъ погрѣшностей науки и философіи? Какъ можетъ пониманіе фигурировать въ роли чего-то третьяго, на-ряду съ наукою и философіею? Г. Розановъ добросовѣстно извлекаетъ изъ своего „пониманія“ длинную вереницу всевозможныхъ наукъ и ученій, располагая ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, который точно обозначенъ въ трехъ таблицахъ, приложенныхъ въ концѣ книги. Такъ какъ исходная точка совершенно произвольна и основное положеніе автора нигде не годится, то и весь трудъ является напраснымъ, никому не нужнымъ. „Пониманіе“, на которое авторъ возлагаетъ такія удивительныя надежды, остается все-таки только личнымъ пониманіемъ г. Розанова, а это послѣднее едва-ли имѣетъ шансы подняться выше науки и философіи, хотя и можетъ пребывать внѣ ихъ, по своей самобытной простотѣ.

И дѣйствительно, авторъ разсуждаетъ вполне самостоятельно, ничего не говоритъ о существующихъ философскихъ системахъ и клас-

сификаціяхъ, не разбираетъ и не критикуетъ ихъ, а выводитъ всю свою философію изъ самого себя. Способъ разсужденія—чисто схоластическій. Авторъ начинается съ опредѣленія науки, какъ „неизмѣннаго пониманія неизмѣнно существующаго, въ стремленіи и въ способности образовать которое раскрывается природа человѣческаго разума“. Едва ли кто найдетъ признаки науки въ томъ оригинальномъ опредѣленіи, въ которомъ несуществующее въ природѣ „неизмѣнное“ повторяется дважды. Читатель узнаетъ также, что „вещество, не произведенное и не обусловленное вещами, производитъ и обуславливаетъ вещи и въ нихъ проявляется; внѣ вещей неизвѣстно вещество и не можетъ быть познаваемо, но познаніе самыхъ вещей было бы ничтожно, еслибы черезъ нихъ мы не познавали вещества“. Авторъ нашелъ, что „разумъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ, не есть что-либо дѣйствительно существующее“, и онъ ставитъ любопытный вопросъ: „разумъ, не имѣющій реальнаго существованія, есть ли вообще отсутствіе всякаго существованія?“ Послѣ соотвѣтственныхъ разсужденій, вопросъ разрѣшается отрицательно: въ разумѣ есть что-то особенное, предшествующее воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній, а именно „это есть центръ, къ которому сходятся всѣ схемы пониманія, воспринимаящій на себя всѣ первыя впечатлѣнія внѣшняго міра и представляющій собою потенцію идеи чистаго существованія, простую и неразложимую, состоящую въ чистой способности образовать эту идею“. Еще на пространствѣ тридцати страницъ философствуетъ авторъ, и въ результатъ получается „послѣднее и полное опредѣленіе разума“, которое должно окончательнo сбить съ толку читателя. „Разумъ есть потенція, слагающаяся изъ потенціи идеи существованія, состоящей въ чистой способности образовать эту идею, и изъ сходящихся къ ней, какъ къ центру, схемъ пониманія, представляющихъ собою потенціи, обладающія скрытою жизненностью, которая пробуждается съ принятіемъ перваго впечатлѣнія этимъ центромъ и обнаруживается въ чистомъ стремленіи и въ чистой способности образовать идеи, соотвѣтствующія сторонамъ существующаго и, въ своемъ сочетаніи, содержащія полное пониманіе его“. Непонятно, для кого и для чего пишется этотъ невѣроятный сумбуръ.

„Пониманіе“ г. Розанова обнаруживаетъ у него мало пониманія даже по части языка и не можетъ быть доступно пониманію любознательной публики. Многія страницы его книги наполнены такими опредѣленіями, какихъ мы давно уже не встрѣчали въ русской „философской“ литературѣ. Самая терминологія, употребляемая авторомъ, звучитъ чѣмъ-то очень стариннымъ и забытымъ. Онъ дѣлитъ, напр., дефиниціи на три рода и девять видовъ, — на субстантивно-

субстанціальныя, субстантивно-аттрибутивныя, атрибутивно-релятивныя, релятивно-субстанціальныя, и т. д. Онъ не прочь говорить и о „небытіи“ въ такомъ тонѣ, точно все открыто его пониманію. „Интересенъ вопросъ,—замѣчаетъ онъ, — можетъ ли небытіе какимъ-либо образомъ, при какихъ-либо условіяхъ, перейти въ бытіе“. Однако, этотъ интересный вопросъ не рѣшается авторомъ, ибо самое „небытіе“ есть нѣчто несказуемое, невыразимое, о чемъ не слѣдуетъ ни говорить, ни думать, и только (слѣдуетъ?) отрицать все, что, по неосторожности, кто-нибудь сталъ-бы говорить или думать о немъ“. Авторъ, тѣмъ не менѣе, толкуетъ объ этомъ „неосторожно“, на пространствѣ цѣлыхъ пяти страницъ, причѣмъ разсматриваетъ вопросы о свойствахъ небытія, даже „можетъ ли небытіе увеличиваться или уменьшаться, и можетъ ли оно дѣлиться“, и т. п. (стр. 147—152).

Книга г. Розанова распадается на три части: въ первой дается опредѣленіе науки; вторая, самая обширная, объясняетъ строеніе науки и ея главныхъ отраслей—ученія о познаваніи, о космосѣ и о мірѣ человѣческомъ; наконецъ, въ третьей части говорится о „соотношеніи между наукою, природою человѣка и его жизнью“. Авторъ затрогиваетъ и обсуждаетъ много важныхъ проблемъ; онъ нерѣдко высказывается даже простымъ, общепонятнымъ языкомъ о предметахъ, имѣющихъ нѣкоторую связь съ дѣйствительностью.

По мнѣнію г. Розанова, распространенный въ обществѣ пессимизмъ происходитъ оттого, что люди не признаютъ разумной цѣли въ существованіи міра. Если „въ космосѣ нѣтъ цѣлесообразности“, то „міръ—великая шутка, и въ немъ можно только шутить. Все его нескончаемое развитіе — только нескончаемая улыбка идиота, въ которой ни мой гений, ни мое безуміе ничего не убавитъ и ничего не прибавитъ. При такомъ сознаніи человѣкъ не можетъ и не долженъ жить. Среди бессмысленнаго, принимая участіе въ этомъ бессмысленномъ, могутъ жить только бессмысленныя существа, и все, что носить въ себѣ не только внѣшній обликъ человѣческой, но и духъ его, должно отказаться отъ этого бессмысленнаго, выйти изъ безцѣльнаго круговращенія его, и это будетъ послѣдній, необходимый и достойный актъ его разумной воли. Какъ разумное существо, я отрицаю бессмысленный міръ; и такъ какъ онъ все-таки остается бессмысленнымъ, то я ухожу изъ него,—вотъ необходимое заключеніе идеи о безцѣльности космоса“. Конечно, разумное существо можетъ разсуждать болѣе разумно: если истинное пониманіе міра недоступно человѣку, то изъ этого мы можемъ заключить только объ ограниченности человѣческаго ума, а никакъ не о безцѣльности и бессмысленности

самого міра. Поэтому авторъ напрасно придаетъ такое значеніе отвлеченной постановкѣ вопроса о цѣлесообразности. „Никому не представляется,—говоритъ онъ,—что то или другое разрѣшеніе вопроса о цѣлесообразности въ мірѣ можетъ или исполнить человѣческую жизнь высочайшей радости или довести, человѣка до отчаянія и принудить человѣка оставить жизнь. А между тѣмъ, это такъ. Отчаяніе уже глухо чувствуется въ живущихъ поколѣніяхъ, хотя его источникъ ясно и не сознается. Вотъ почему легкомысленное разрѣшеніе вопроса о цѣлесообразности,—а мы не имѣли до сихъ поръ другихъ,—есть не только глупость, но и великое преступленіе. Тѣ, которые играютъ этимъ вопросомъ, правда, не чувствуютъ его важнаго значенія, что доказывается тѣмъ, что, отрицая цѣлесообразность, они продолжаютъ жить, т.-е. кружиться среди бессмысленнаго для нихъ же самихъ, и трудиться ни для чего, по ихъ же сознанію. Логика мысли и жизни—вообще удѣлъ не многихъ. Но какъ у легкомысленныхъ писателей могутъ быть серьезные читатели, такъ у легкомысленныхъ отцовъ—дѣти съ глубокою душою, и то, что чувствуютъ и что дѣлаютъ теперь единичные люди — я говорю объ отчаяніи и смерти—то современемъ могутъ почувствовать поколѣнія и народы“ (стр. 360). Никто, разумѣется, не согласится съ мнѣніемъ автора, что одно признаніе цѣлесообразности въ мірѣ можетъ „исполнить человѣческую жизнь высочайшей радости“, если самыя цѣли, предполагаемыя нами, остаются для насъ невѣдомою тайною.

Вообще, г. Розановъ—большой оптимистъ, что особенно выражается въ его сужденіяхъ о государствѣ и его органахъ. Онъ говоритъ съ восторгомъ о нашей литературѣ (въ главѣ „о творимомъ или о формахъ жизни“), причемъ ставитъ Льва Толстого и Достоевскаго выше Шекспира. „Еще въ концѣ прошлаго столѣтія, — заявляетъ онъ, —еслибы какимъ-нибудь образомъ измѣнились политическія судьбы міра, русскій народъ могъ-бы исчезнуть совершенно безслѣдно, такъ что одно только воспоминаніе осталось бы о немъ. Но теперь, только три четверти вѣка спустя, какъ-бы ни измѣнились судьбы міра, нашъ народъ уже не можетъ погибнуть, ни, погибнувъ, стать въ воспоминаніи народовъ именемъ безъ значенія. Есть нѣчто вѣчное, что создалъ онъ, что всегда будетъ,—это литература. А съ нею будетъ и языкъ нашъ, а съ нимъ и мы сами, какъ нѣчто своеобразное между народами. Отнынѣ мы уже не стихійная сила въ исторіи, не народъ, который умѣетъ только покорять народы. Мы вступили въ міръ, какъ разумное сознаніе, какъ нравственная воля; мы хотимъ не только господствовать, но также учить, не только управлять, но еще убѣждать и руководить“. Этому соотвѣтствуетъ и возвышенная роль нашего

государства, которое, „въ противоположность всѣмъ другимъ, облегчаетъ покоренныхъ черезъ обремененіе покорителей“. Мимоходомъ авторъ дѣлаетъ удивительное открытіе, что люди вовсе не занимались и не занимаются вопросами нравственности. „Въ то время какъ предметы самые малые, по своему значенію, вызвали цѣлыя обширныя литературы о себѣ, и—такова иронія судьбы—часто тѣмъ болѣе обширныя, чѣмъ менѣе ихъ значеніе; въ то время, какъ объ ошибкахъ въ рукописяхъ древнихъ авторовъ или о способѣ читать ихъ, уже прочтенныхъ, къ сотнямъ появившихся трудовъ ежегодно прибавляются десятки новыхъ; въ то время, какъ самыя ничтожныя частицы вещества, едва открываемыя спектральнымъ анализомъ, и самыя малые организмы, едва уловимыя подъ микроскопомъ, изслѣдуются съ неустанною энергіею любознательнымъ умомъ человѣка,—въ это самое время, среди этого богатства научной литературы, нѣтъ ни одного труда (!), который занимался бы явленіемъ добра и зла, нѣтъ ни одного человѣка (!?), который задумался бы надъ нимъ и его изученію посвятилъ бы свои силы“.

Разсужденія самого автора о добрѣ и злѣ довольно забавны. Напр., „смерть есть отдѣленіе въ человѣкѣ, какъ существѣ оформленномъ, начала оформливающаго отъ оформливаемаго“. Или, въ подтвержденіе идеи о несправедливости въ тенденціозномъ искусствѣ, приводится тотъ фактъ, что „у насъ послѣ освобожденія крестьянъ, которое всею своею тяжестью легло на дворянство и имъ же было въ значительной степени совершено, именно это дворянство всего болѣе оскорблялось (?) въ литературѣ, и притомъ тѣми, которые ничѣмъ не пожертвовали при этомъ великомъ дѣлѣ и ничего не сдѣлали для него“ (стр. 607). Авторъ не признаетъ вѣротерпимости, смѣшивая ее очевидно съ религіознымъ индифферентизмомъ. „По самой природѣ своей, религія не можетъ и не должна быть терпима, и та изъ нихъ, которая уже не борется болѣе, которая успокоилась, полна тайнаго атеизма, сознанныаго или безсознательнаго. Какъ тотъ, кто видитъ погибающаго человѣка и не спасетъ его, есть безсердечный человѣкъ, что бы ни говорилъ его языкъ, такъ религія, знающая, что есть хотя одинъ еще не спасенный ею человѣкъ, и остающаяся равнодушною къ этому, втайнѣ уже думаетъ, что иное, а не она спасаетъ человѣка, или что нѣтъ никакого, въ дѣйствительности, спасенія, о которомъ говорить она“ (стр. 619).

Интересно опредѣленіе государства, предлагаемое авторомъ: „государство есть цѣлесообразно расположенная система психическихъ состояній, соотносительныхъ и не природныхъ, отражающихся въ дѣятельности цѣлесообразнымъ процессомъ, въ которомъ господствуютъ

цій и направляющій членъ есть благо“ (стр. 635—6). Выходить, что государство есть нѣчто психическое, безъ народа и безъ территоріи, и что существуетъ оно съ благотворительною цѣлью. Что цѣль государства—благо, это доказывается слѣдующимъ изумительнымъ способомъ: „Исходя изъ того положенія, что цѣлью государственной дѣятельности, реальной или мыслимой, никогда не можетъ стать зло само по себѣ, напр. государство не можетъ поставить своею цѣлью ни обѣднѣніе себя (или себѣ ненужное), ни произведеніе болѣзней, ни развращеніе людей, ни вообще что-либо, соединенное со страданіемъ; и далѣе, такъ какъ объектомъ, къ которому направляется его дѣятельность, не можетъ быть также и что-либо совершенно разнородное со зломъ, что не имѣетъ къ нему никакого отношенія, напр. оно не можетъ стремиться ни къ измѣненію цвѣта и силы блеска въ перемѣнныхъ звѣздахъ (?!), ни къ тому, чтобы свойства однихъ минераловъ перемѣстились въ другіе минералы (!),—то ясно (!!), что единственное, что составляетъ или можетъ составить когда-либо цѣль его дѣятельности, есть благо, какъ отрицаніе зла, какъ его противоположное“. При этомъ „управляющій есть тотъ, отъ котораго исходитъ благо, а управляемый—тотъ, для котораго благо“. Государство, по г. Розанову, „распадается“ на девять всемогущихъ органовъ, — вѣроятно, чисто-психическихъ, такъ какъ въ дѣйствительности ихъ не существуетъ. Таковъ, на примѣръ, „органъ, способствующій уменьшенію естественнаго зла, лежащаго въ физической природѣ человѣка — болѣзни, слабости и смерти“ (!). Этотъ органъ долженъ наблюдать, „чтобы всякій изъ живущихъ въ государствѣ, лишившись ли въ младенчествѣ родительской помощи, или въ старости—дѣтской, находилъ эту помощь въ государствѣ“. Ибо „отечество должно быть и любящею матерью, и заботливымъ сыномъ (?!), для дѣтей и стариковъ, не по своей винѣ не могущихъ пропитать себя“ (стр. 642). Особенно пріятно узнать, что „ни одно государство такъ не близко къ выдѣленію изъ себя этого органа, какъ наше“, — такъ что крестьянская бѣдность, одолеваемая непосильными податями и періодическими голодовками, есть только временная иллюзія, съ точки зрѣнія г. Розанова. Второй органъ, выдуманный авторомъ, заботится объ „увеличеніи въ государствѣ средствъ къ жизни и о болѣе правильномъ распредѣленіи ихъ между живущими въ немъ“. Этому органу рекомендуется, между прочимъ, „организованіе цеховъ по образцу средневѣковыхъ, задерживаніе развитія желѣзныхъ дорогъ, которыя способствуютъ возвышенію немногихъ центровъ промышленности и убиваютъ производительность множества мелкихъ городовъ, развитіе домашнихъ работъ на себя черезъ затрудненіе (!) или запрещеніе (!!) торговли прѣже-

тами, которые могутъ быть приготовлены дома трудомъ семьи (бѣлье, и пр.), и многое другое" (стр. 645). Еще больше можетъ сдѣлать „органъ, охраняющій чистоту нравственной жизни"; онъ просто производитъ чудеса, „всюду поддерживая трудолюбіе, тѣсна праздность, зорко слѣдя за воспитаніемъ и дѣтей въ школахъ, и народа въ общественныхъ и въ политическихъ учрежденіяхъ, сдерживая небрежность слова и распущенность мысли и чувства въ литературѣ, и далѣе, сосредоточивая вокругъ себя, организуя и руководя все, что не только теперь стремится бороться противъ упадка чистоты жизни, но и то, что къ той же цѣли можетъ послужить, идя изъ глубины прошлаго (?), давая, такимъ образомъ, силу всему воспитывающему, укрѣпляющему и возвышающему духъ, откуда бы оно ни шло". Авторъ не ставитъ себѣ вопроса о тѣхъ чиновничьихъ штатахъ и канцеляріяхъ, которыхъ потребовала бы эта всеобъемлющая дѣятельность государства; онъ предполагаетъ государство чѣмъ-то отвлеченнымъ, дѣйствующимъ безъ посредства чиновниковъ, при помощи однихъ лишь идеальныхъ мудрецовъ, безкорыстныхъ и непогрѣшимыхъ. Государство должно покровительствовать „умственнымъ и художественнымъ произведеніямъ всѣхъ вѣковъ, откуда бы они ни шли и какому бы народу ни принадлежали, съ постояннымъ соблюденіемъ только одного условія, чтобы они были воспитывающими по духу". То-есть — поясняетъ авторъ, — „не то должно быть принимаемо въ соображеніе, что утверждается или отрицается книгою, но то одно, какъ утверждается или отрицается, совершенно ли и прекрасно, или же дурно и отвратительно. До сихъ поръ обыкновенно употреблялся обратный способъ: книги, какъ бы отвратительно онѣ ни были написаны, покровительствовались и одобрялись, лишь бы онѣ защищали извѣстный предметъ и служили извѣстной цѣли; и никогда цѣли, сами по себѣ прекрасныя, не были такъ несправедливо и порою такъ непоправимо запятнаны, какъ этими дурными средствами" (стр. 652—3). Авторъ забываетъ только, что вопросы о дурномъ и прекрасномъ могутъ быть рѣшаемы различно; въ чемъ же гарантія того, что рѣшенія даннаго органа будутъ всегда безупречны и что въ нихъ не будетъ даже той сознательной односторонности, на которую указываетъ самъ же авторъ?

Въ заключительной главѣ г. Розановъ повторяетъ свои доводы о превосходствѣ „пониманія" передъ наукою и философіею. Хотя онъ пишетъ „Пониманіе" съ прописною буквою, но это не измѣняетъ сущности, — и кропотливая работа, предпринятая съ фантастическою цѣлью, остается лишь однимъ изъ наиболѣе курьезныхъ проявленій мнимой философской самобытности. — Л. С.

— Д. Невядомскій. Вѣтние вопросы адвокатуры. Москва, 1886.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ¹⁾ намъ пришлось сказать нѣсколько словъ о брошюрѣ г. Джаншіева: „Веденіе неправыхъ дѣлъ“; брошюра г. Невядомскаго написана въ отвѣтъ г. Джаншіеву и въ защиту того умершаго присяжнаго повѣреннаго, образъ дѣйствій котораго послужилъ первоначальнымъ поводомъ къ полемикѣ. Устраняя все личное и случайное, остановимся только на главномъ предметѣ спора. Ошибка г. Невядомскаго заключается, какъ намъ кажется, въ томъ, что онъ придаетъ абсолютный смыслъ принципу, по необходимости условному и допускающему исключенія. Этотъ принципъ—безотвѣтственность адвоката за выборъ дѣла. Поддерживая его въ теоріи и проводя его на практикѣ, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и специальная литература имѣли въ виду трудность оцѣнки мотивовъ, по которымъ адвокатъ берется за веденіе того или другого дѣла—трудность, иногда граничащую съ невозможностью. Карать за убѣжденіе—нельзя, а доказать, что дѣйствіе расходится съ убѣжденіемъ, въ болѣе части случаевъ невысказуемо; вотъ причина, устраняющая, вообще говоря, преслѣдованіе адвоката за веденіе „неправаго“ дѣла. Но если доказательство, противъ обыкновенія, оказывается возможнымъ, если, напримѣръ, адвокатъ (какъ это было въ дѣлѣ Элькина) берется поддерживать требованія, которыя онъ самъ признавалъ передъ тѣмъ безчестными и безнравственными? Не ясно ли, что препятствій къ преслѣдованію, при такихъ условіяхъ, болѣе не существуетъ?.. Г. Невядомскій указываетъ на то, что веденіе дѣла, даже самаго вопіющаго, можетъ быть иногда обязательно для адвоката въ силу закона, что отъ исполненія этой обязанности нельзя отказываться во имя своего внутреннего убѣжденія; но кому же приходило на мысль обвинять, въ подобныхъ случаяхъ, адвоката? Кто же предлагалъ преслѣдовать его за исполненіе порученія, возложеннаго на него, на точномъ основаніи закона, совѣтомъ или судомъ? Рѣчь идетъ, очевидно, только о дѣлахъ, принимаемыхъ добровольно.. Вполнѣ вѣрнымъ самому себѣ г. Невядомскій, впрочемъ, не остается; онъ допускаетъ, что адвокату, слишкомъ неразборчивому въ выборѣ дѣлъ, можетъ быть сдѣлано совѣтомъ (а въ болѣе важныхъ случаяхъ общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ)—братское, товарищеское предостереженіе (*avertissement confraternal*). Такія предо-

¹⁾ См. Литер. Обзорѣніе въ № 5 „Вѣстн. Евр.“ за текущій годъ.

стереженія существуютъ, подъ именемъ внушеній или разъясненій, въ практикѣ нашихъ совѣтовъ; но въ основаніи ихъ лежитъ также дисциплинарная власть, въ силу которой налагаются дисциплинарныя взысканія. Стоитъ только принять за безусловное правило, что выборъ дѣла никогда не можетъ быть предметомъ дисциплинарнаго производства—и присяжные повѣренные получаютъ полную возможность уклоняться отъ объясненій, необходимыхъ для „товарищеской“, „братской“ оцѣнки ихъ дѣйствій. Товарищескій судъ, желательный и въ глазахъ г. Невядомскаго, будетъ ограниченъ, de facto, тѣми случаями, когда ему захочетъ подчиниться адвокатъ. Крайняя неразборчивость въ выборѣ дѣлъ почти всегда идетъ рука объ руку съ нѣкоторою беззащитностью. Адвокатъ, наиболѣе нуждающийся въ сдерживающемъ, руководящемъ вліяніи корпораціи, окажется, сплошь и рядомъ, всего меньше расположеннымъ къ его признанію; на призывъ явиться въ совѣтъ или общее собраніе для „товарищескаго“ разбора мотивовъ, побудившихъ его взять на себя то или другое дѣло, онъ отвѣтитъ отказомъ; а когда затѣмъ ему будетъ объявлено „братское предостереженіе“—онъ сочтетъ его недѣйствительнымъ, какъ состоявшееся безъ выслушанія его оправданій. Средній путь, предлагаемый г. Невядомскимъ, нигуда не ведетъ; гораздо лучше не связывать дисциплинарную власть совѣтовъ слишкомъ точными и абсолютными опредѣленіями, предоставивъ ей развитіе указаніямъ опыта и жизни. Избытокъ вмѣшательства со стороны совѣтовъ не опасенъ; его остановить общественное мнѣніе, неодобреніе корпораціи, въ крайнемъ случаѣ—авторитетное слово верховнаго суда. Гораздо печальнѣе было бы безучастіе, возведенное въ систему и оставляющее полный просторъ внѣ-сословнымъ нападеніямъ на адвокатуру.

— А. Трачевскій. Учебникъ исторіи. Средняя Исторія. Спб., 1886.

Года три тому назадъ вышла въ свѣтъ первая часть обширнаго труда, предпринятаго г. Трачевскимъ—„Древняя Исторія“. Говоря о ней въ „Вѣстникѣ Европы“¹⁾, мы замѣтили, что г. Трачевскому удалось избѣжать обычнаго недостатка историческихъ учебниковъ—нагроможденія именъ, годовъ и фактовъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ,

¹⁾ См. Литературное Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Евр.“, 1883.

сжатость изложенія не переходитъ у него въ безжизненность и сухость. То же самое можно сказать и о „Средней Исторіи“, съ тою только оговоркой, что авторъ вдается здѣсь слишкомъ часто въ противоположную крайность. Онъ стремится къ картинности, къ образности—но стремится къ ней, вслѣдствіе необходимости быть краткимъ, преимущественно путемъ эпитетовъ, рѣдко достигающихъ своей цѣли. Эти эпитеты обнимаютъ собою и наружность, и характеръ изображаемаго лица—и все-таки не составляютъ историческаго портрета, въ настоящемъ, лучшемъ значеніи слова. „Болѣзненный, лысый, съ строгими чертами лица, холодно-вѣжливый, молчаливый Генрихъ былъ спокойно-жестокъ и коваренъ, подозрителенъ и ревнивъ“ (рѣчь идетъ о королѣ англійскомъ Генрихѣ VII-мъ). Не думаемъ, чтобы этотъ наборъ прилагательныхъ далъ кому-либо ясное представление о личности перваго Тюдора. Подобныя характеристики встрѣчаются на каждомъ шагѣ; особенно интересуется автора, повидимому, вопросъ о красотѣ или уродливости историческихъ дѣятелей. Мы узнаемъ, что красивыми были Велисарій, Абд-эр-Рахманъ, Одонъ, жена Оттона II-го, Кедъ, Изабелла Католическая, мужъ ея Фердинандъ, Гонзалво Кордуанскій и др. На изображеніе людей некрасивыхъ г. Трачевскій не жалѣетъ яркихъ красокъ; вотъ, на примѣръ, портретъ короля англійскаго Генриха II-го: „коренастая фигура, закорузлыя руки, кривыя ноги, бычачья шея, глаза на выкатѣ, стриженные подъ гребенку волосы, какъ щетина“. Не ускользаетъ иногда отъ вниманія историка и любимый костюмъ дѣйствующихъ лицъ; онъ считаетъ нужнымъ сообщить, что „коренастый и мрачный Жижка молодцовато одѣвался по-польски“. Иногда погоня за наглядностью заставляетъ автора рисовать цѣлыя картины, точно выхваченныя изъ историческаго романа; укажемъ, для примѣра, на страницу 243-ю, которую можно было бы цѣликомъ, подъ заглавіемъ: „день средневѣковаго рыцаря“, обратить въ предисловіе къ повѣсти изъ рыцарскаго быта. Иногда цвѣтистость разсказа вредитъ его точности. „Съ окрестныхъ горъ“,—читаемъ мы въ описаніи битвы при Грансонѣ,—„послышался страшный ревъ урійскаго быка и унтервальденской коровы (названіе огромныхъ роговъ),—и лучи заходящаго солнца сверкнули на копьяхъ и сѣкирахъ запаснаго отряда. Рыцарями овладѣла паника; они бросились въ разсыпную“. Можно подумать, что паника рыцарей была вызвана именно звукомъ роговъ и эффектомъ солнечнаго заката. Въ другихъ случаяхъ, детали, приводимыя авторомъ для живости изложенія, только удлиняютъ его, безъ всякой пользы для дѣла. Къ чему намъ знать, на примѣръ, что императоръ Сигизмундъ умеръ, „спокойно заснувши на тронѣ“, что о

„бѣшеной мести“ Карла Смѣлаго „говорили его блѣдныя щеки, его блуждающій взглядъ, дрожащій голосъ“, что „взоръ погасъ на изможденномъ лицѣ Іоанни“ (матери Карла V-го)?

Не свободна „Средняя Исторія“ и отъ тѣхъ недостатковъ, которые мы констатировали въ первомъ учебникѣ г. Трачевскаго: литература предмета не указана вовсе; не приведены разныя мнѣнія историковъ по наиболѣе спорнымъ вопросамъ; слишкомъ категорично и бездоказательно высказаны нѣкоторые личные взгляды автора. Можно ли утверждать, напримѣръ, что жизнь древнихъ грековъ и римлянъ была пронизана риторизмомъ? Удобно ли помѣщать въ учебникѣ сужденія такого рода: „правы отличались (въ VIII—XI в.) первобытною и понижались къ концу періода. Тогда руководились страстностью, которая вела къ непостоянству и безшабашности; существо злое, сварливое, жадное и ревнивое, человѣкъ того времени легко переходилъ отъ любви къ ненависти и обратно. Отъявленный эгоистъ, онъ не только не признавалъ законовъ, но даже не зналъ родственныхъ чувствъ; дѣти, отцы, братья воевали другъ съ другомъ“. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, среднему человѣку временъ Оттоновъ или Гильдебранда не доставало того чувства, котораго не лишены даже дикари, даже животныя? Неужели его характеристическою чертою была злость? неужели онъ былъ болѣе жаденъ и болѣе ревнивъ, чѣмъ поколѣнія, непосредственно ему предшествовавшія и непосредственно слѣдовавшія за нимъ? Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ отмѣтить всего того, что представляется спорнымъ въ обобщеніяхъ г. Трачевскаго; скажемъ только, что многія изъ нихъ—особенно тѣ, которыя наполняютъ собою послѣдній параграфъ книги—были бы больше на своемъ мѣстѣ въ научномъ разсужденіи о средней исторіи, чѣмъ въ учебникѣ, ей посвященномъ.

Главнымъ достоинствомъ книги г. Трачевскаго мы считаемъ вниманіе, съ которымъ авторъ отнесся къ исторіи культуры. Она играетъ у него гораздо болѣе важную роль, чѣмъ въ большинствѣ другихъ однородныхъ руководствъ; прочитавъ учебникъ г. Трачевскаго, можно получить понятіе объ описываемой имъ эпохѣ, а не только объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ. Военныя событія, политическіе перевороты не заслоняютъ собою всего остального. Трудность, которую долженъ былъ преодолѣть при этомъ авторъ, была весьма значительна; ему нужно было идти противъ обычая и вмѣстѣ съ тѣмъ бороться съ обиліемъ матеріала, подлежавшаго включенію въ тѣсныя рамки. Менѣе серьезными кажутся намъ другія затрудненія, на которыя жалуется г. Трачевскій. „Отечественная литература по сред-

ней исторіи, включая сюда и переводы,—читаемъ мы въ предисловіи къ учебнику, — наша слабая сторона, которая лишь отчасти находитъ себѣ оправданіе въ пробѣлахъ западной науки или въ устарѣвшемъ взглядѣ на средніе вѣка, какъ на эпоху одного варварства, возникшемъ у философовъ времени просвѣщенія. То, что имѣется у насъ, страдаетъ односторонностью; въ переводахъ средняя исторія превращена въ нѣмецкую, напоминая судьбу русской исторіи въ корпусахъ времени бироновщины (?). Автору, въ глазахъ котораго наука выдвигаетъ на первый планъ романцевъ и англичанъ, приходилось считаться и съ случайностью германскаго патріотизма на русской почвѣ. Учебникъ, которому суждено бороться съ мѣстными условіями, учебникъ одинокій, безъ опоры въ объяснительной литературѣ, отвѣтственъ за многое, чѣмъ онъ могъ бы пренебречь при другой обстановкѣ“. Основательность этихъ замѣчаній подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, большому сомнѣнію. Эпохой варварства, и только варварства, средніе вѣка теперь не считаетъ, кажется, никто. Наша отечественная литература по средней исторіи (или, лучше сказать, по всеобщей исторіи вообще, безъ различія періодовъ) далеко не богата; но это не составляетъ затрудненія для историка, имѣющаго въ своемъ распоряженіи всю западно-европейскую литературу. За пробѣлы послѣдней никто, безъ сомнѣнія, не потребуетъ въ отвѣтъ русскаго писателя. Переводились у насъ, болѣею частью, нѣмецкія историческія руководства—но они далеко не всѣ страдаютъ тѣмъ пренебреженіемъ ко всему не-германскому, на которое указываетъ г. Трачевскій. Едва-ли, напримѣръ, можно упрекнуть въ этомъ „Всеобщую исторію“ Шлоссера. „Германскій патріотизмъ на русской почвѣ“ ничуть, во всякомъ случаѣ, не опасенъ для автора русскаго историческаго учебника, и совершенно „лишеннымъ опоры“ послѣдній считается никакъ не можетъ.

Одновременно съ учебникомъ г. Трачевскаго намъ пришлось прочесть статью, помѣщенную имъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ французскаго журнала: „Revue historique“. Предметъ статьи—Испанія въ эпоху французской революціи; главнымъ для нея матеріаломъ послужили неизвѣстные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ московскомъ архивѣ—депешы русскаго посланника въ Мадридѣ, Зinovьева (1774—93), и его преемника, Бютцова (1794—98). Не останавливаясь на содержаніи статьи, во многихъ отношеніяхъ весьма интересной, замѣтимъ только, что въ ней нѣтъ и слѣда тѣхъ формальныхъ недостатковъ, которые составляютъ, въ нашихъ глазахъ, слабую сторону только-что разобраннаго нами учебника. Мы заклю-

чаемъ отсюда, что стремленіе къ образности, во что бы то ни стало, вовсе не входитъ въ составъ писательской манеры г. Трачевскаго; онъ вноситъ это стремленіе только въ учебникъ, усматривая въ немъ, вѣроятно, необходимый противовѣсъ сухости, свойственной трудамъ этого рода. Мы держимся противоположнаго взгляда и желали бы для учебниковъ г. Трачевскаго такой же простоты, какою отличаются другія историческія его произведенія.—К. К.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го октября 1886.

Мировой судъ и его роль посреди нашихъ государственныхъ учреждений.—Недавній сенатскій указъ, усиливающій отчетность мировыхъ судей.—Церковно-приходскія школы въ петербургской губерніи.—Национальность, какъ основаніе судебного приговора.—Газетные толки по поводу награды редактора одной изъ газетъ.

Въ семьѣ, въ школѣ бывають иногда нелюбимыя дѣти, которымъ никакъ не удастся угодить родителямъ или воспитателямъ. Заговорятъ они—имъ тотчасъ же велятъ не шумѣть, не надоедать своими разспросами или восклицаніями; они замолчатъ—ихъ обвиняють въ скрытности. Если о нихъ отзываются хорошо, этому не вѣрятъ; если на нихъ жалуются, малѣйшій ихъ проступокъ раздувается въ цѣлое преступленіе. Въ семьѣ русскихъ государственныхъ учреждений такое мѣсто Золушки занимаетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, судебное вѣдомство—или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ недостатка въ усиліяхъ поставить его на это мѣсто. При отсутствіи мѣропріятій, направленныхъ къ „подтягиванію“ судебныхъ нравовъ, высшая судебная администрація привлекается къ отвѣту за бездѣйствіе власти, верховный судъ заподозрѣвается въ потворствѣ злоупотребленіямъ „судебной республики“. Стоитъ, наоборотъ, распоряженіе, имѣющее цѣлью предупредить или прекратить то или другое нарушеніе судебного порядка—тотчасъ же поднимается злорадный вопль, раскрытая неправильность преувеличивается во сто кратъ, частные случаи возводятся на степень общаго правила. При этомъ повторяется постоянно одинъ и тотъ же маневръ: умалчивается или упускается изъ виду, что все неправильное и незаконное въ судебномъ мірѣ всплываетъ наверхъ гораздо легче, чѣмъ въ другихъ официальныхъ сферахъ. Каждый судъ, каждый судья подчиненъ сложному, многоглавому контролю, съ которымъ не можетъ и сравниться обыкновенный іерархическій надзоръ. Въ административныхъ вѣдомствахъ чиновникъ отвѣчаетъ только передъ начальствомъ, которое имѣетъ множество причинъ не видѣть—а иногда и не хотѣть видѣть—прегрѣшеній своего подчиненнаго; преслѣдованіе судьи, дисциплинарное или уголовное, можетъ быть возбуждено съ разныхъ сторонъ, ни въ чемъ не солидарныхъ съ судьей. Другое различіе, не менѣе важное, заключается въ томъ, что уклоненія отъ закона, вошедшія въ обычай и неустранимыя путемъ личнаго преслѣдованія, остаются, сплошь и рядомъ, никому неизвѣстными, если они совершаются въ одномъ изъ административныхъ вѣдомствъ, и

оглашаются во всеобщее свѣденіе, если они обнаружены въ дѣятельности суда. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы въ средѣ чиновниковъ таможенныхъ, авчизныхъ, полицейскихъ господствовало, вездѣ и всегда, безукоризненное и безусловное исполненіе долга, чтобы нарушеніе тѣхъ или другихъ, обязательныхъ для нихъ, правилъ никогда не входило у нихъ въ привычку, требующую энергическаго отпора; никто не сомнѣвается и въ томъ, что такой отпоръ иногда имѣетъ мѣсто—только о немъ ничего не слышно, онъ составляетъ канцелярскую тайну. Иначе дѣйствуетъ судебное вѣдомство; обнаруживъ безпорядокъ, идущій дальше единичнаго случая, оно не только реагируетъ противъ него общими мѣрами, но и объявляетъ о немъ *urbi et orbi*. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ залогъ переменъ къ лучшему, враги учрежденія подкапываются подъ него съ удвоеннымъ усердіемъ, обращая противъ него оружіе, имъ же самимъ созданное; а легкомысленные крикуны посильно имъ помогаютъ, раздувая маленькій огонекъ въ большое пламя и совершая вокругъ него нѣкій воинственный танецъ.

Таково зрѣлище, котораго мы были свидѣтелями по поводу недавняго сенатскаго указа, относящагося къ производству дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Сенатъ говоритъ о медленности, допускаемой въ нѣкоторыхъ мировыхъ участкахъ, и безучастномъ отношеніи къ ней нѣкоторыхъ мировыхъ сѣздовъ, о встрѣчающихся случаяхъ поразительнаго бездѣйствія мировыхъ судей—а въ увеличительномъ стеклѣ одной безцеремонной газеты эти отдѣльные факты образуютъ уже слѣдующую общую картину: „нашъ мировой судъ, въ продолженіе двухъ десятилѣтій, такъ упростилъ отправленіе правосудія, что сенатъ нашелся вынужденнымъ напомнить ему цѣлый рядъ статей изъ Уложенія... Все, чѣмъ такъ часто питается юмористика въ газетахъ и въ публикѣ изъ практики мирового суда, блѣднѣетъ передъ дѣйствительностью, раскрываемою сенатскимъ указомъ... Факты, засвидѣтельствованные сенатомъ, едва-ли даютъ намъ право на аттестатъ зрѣлости. Чтобы дойти до такихъ геркулесовыхъ столбовъ распущенности и небрежности въ дѣлѣ самомъ насущномъ, надо имѣть особое искусство забываться и забывать свой долгъ... И, очевидно, не на убыль шли эти оригинальные свойства, благопріобрѣтенныя нашей мировой юстиціей; они процвѣтали тѣмъ пышнѣе, чѣмъ болшую опытность пріобрѣталъ мировой судъ, пока, наконецъ, не переполнилась чаша и не грянулъ громъ“... Итакъ, виноватъ весь мировой судъ, недобросовѣстна и лѣнива вся мировая юстиція—а отвѣтственно за нее все русское общество! Двадцать-семь лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ происходилъ публичный диспутъ, въ продолженіе котораго споряція стороны погорячились немножко чрезъ мѣру;

этимъ возмущился одинъ изъ посредниковъ, призванныхъ къ рѣшенію спора, и произнесъ знаменитыя въ свое время слова, долго доставлявшія пищу юмористической печати: „мы еще не созрѣли!“ Теперь это восклицаніе извлекается изъ архива, въ которомъ оно давно успѣло покрыться плѣсенью и пылью—и повторяется съ такимъ же правомъ, съ какимъ оно огласило нѣкогда стѣны петербургскаго Пассажа. На самомъ дѣлѣ несозрѣвшими, въ обоихъ случаяхъ, оказываются только авторы восклицаній.

Слѣдуетъ ли заключить изъ нашихъ словъ, что въ мировыхъ учрежденіяхъ, по нашему мнѣнію, все обстоитъ благополучно? Нисколько. Въ какой бы мѣрѣ ни были распространены упущенія и безпорядки, указанные сенатомъ, самое существованіе ихъ представляется фактомъ, весьма крупнымъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Еще печальнѣе, быть можетъ, другіе недостатки, засвидѣтельствованные уже давно въ дѣятельности многихъ мировыхъ судей—недостатки, не имѣющіе ничего общаго съ уголовнымъ кодексомъ и неустранимые путемъ дисциплинарнаго надзора или судебного преслѣдованія: избытокъ формализма, игнорированіе обычаевъ, сухое, „казенное“ отношеніе къ дѣлу. Съ разныхъ сторонъ выражается убѣжденіе, что мѣры, предписываемыя сенатомъ—представленіе срочныхъ вѣдомостей о количествѣ засѣданій и рѣшенныхъ дѣлъ, донесеніе о каждомъ несостоявшемся сѣздѣ и т. п.—не достигнутъ цѣли, увеличивъ только число „отписокъ“ и тяжесть канцелярскаго труда, безъ того уже черезъ-чуръ обременяющаго мировыхъ судей. Мы раздѣляемъ это убѣжденіе, но не думаемъ, чтобы все дѣло сводилось къ замѣнѣ „бумажной“ отчетности—реальною, къ организаціи болѣе частныхъ и болѣе строгихъ ревизій мировыхъ учреждений. Ревизіи безспорно полезны, какъ полезна и отчетность, заключенная въ разумные предѣлы,—но безусловно цѣлительной панацеей нельзя считать ни того, ни другого. Ревизія, безпрестанно повторяющаяся, рискуетъ потерять всякое значеніе и также обратиться въ своего рода отписку. На кого, притомъ, пришлось бы возложить ее? Очевидно—на единственный правительственный органъ, имѣющій постоянное, непосредственное прикосновеніе съ мировымъ судомъ: на прокуратуру. Это и предлагается тою газетою, которая посмѣшила провозгласить виновность мирового суда и незрѣлость русскаго общества (прокуратура, должно быть, не входитъ въ составъ „общества“ и достойна аттестата зрѣлости); прокурорскому надзору должно быть, по ея мнѣнію, предоставлено не только право ревизовать мировыхъ судей, но и право прекращать, собственною властью, всѣ замѣченные ею безпорядки. Чтобы оцѣнить это предложеніе, достаточно при-

помнить, кѣмъ и какъ замѣщаются у насъ должности товарищей прокурора, особенно въ уѣздахъ. Это, большею частью, совсѣмъ еще молодые люди, недавно окончившіе курсъ ученья и не успѣвшіе пріобрѣсти служебной опытности. Часто—но далеко не всегда—превосходя мировыхъ судей теоретическими свѣдѣніями, они столь же часто уступаютъ имъ въ практическомъ знаніи дѣла. Подчиненное положеніе, неизбѣжно достающееся на долю ревизуемаго по отношенію къ ревизующему, сплошь и рядомъ оказалось бы, при такихъ условіяхъ, явною аномаліей. Ужъ если нужно учащать ревизію мировыхъ учреждений, то гораздо лучше было бы возложить ее на присутствіе окружнаго суда, выѣзжающее въ уѣзды для разбора дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Радикально улучшить отправленіе правосудія въ мировыхъ учрежденіяхъ могло бы только улучшеніе самаго состава мировыхъ судей. Средства для этого указаны уже давно въ земскихъ ходатайствахъ и въ журналистикѣ: пониженіе имущественнаго ценза, въ особенности для лицъ, получившихъ высшее образованіе, замѣна единогласія, требуемаго закономъ при отсутствіи ценза, большинствомъ двухъ третей или трехъ четвертей голосовъ, удлинненіе—послѣ перваго трехлѣтія—срока, на который выбираются мировые судьи, представленіе мировымъ судьямъ большей возможности согласовать свои рѣшенія съ требованіями жизни и обстоятельствами каждаго даннаго случая, и т. п. Въ тѣсной связи съ измѣненіемъ состава мировыхъ судей стоитъ, безъ сомнѣнія, измѣненіе состава и характера дѣятельности земскихъ учреждений—но это уже другой вопросъ, еще болѣе сложный. Ограничимся еще однимъ, послѣднимъ пожеланіемъ всѣмъ тѣмъ, кто берется говорить о мировомъ судѣ, хотя бы элементарнаго знакомства съ законами, опредѣляющими кругъ власти и порядокъ дѣйствій мировыхъ учреждений. Въ той самой газетной статьѣ, въ которой предлагается прокурорская ревизія мировыхъ судей, мы встрѣчаемъ увѣреніе, что самое большее уголовное наказаніе, къ которому можетъ приговорить мировой судъ—три мѣсяца тюрьмы, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности максимумъ его карательной власти, съ самаго начала доходившій до года тюрьмы, повышенъ въ 1882 г. до полутора года тюремнаго заключенія. Въ другой, журнальной статьѣ, отправляющейся отъ положенія дѣла въ какомъ-то неназванномъ уѣздѣ и распространяющей добытые этимъ путемъ выводы—безпристрастіе которыхъ, судя по тону статьи, болѣе чѣмъ сомнительно—на весь выборный мировой судъ, обнаруживается совершенное незнаніе порядка, въ которомъ можно предудить обращеніе взысканія на имущество, вовсе не принадле-

жащее должнику ¹⁾). Для нападеній на учрежденія, не обрѣтающіяся въ авантажѣ, знаніе все больше и больше разсматривается какъ совершенно излишняя роскошь.

Къ числу учреждений, о которыхъ мы только-что упомянули, принадлежитъ, между прочимъ, земская начальная школа. И ее, въ послѣднее время, не бьетъ только лѣнливый; большинство ударовъ наносится, какъ и слѣдовало ожидать, *ad maiorem gloriam*—церковно-приходской школы. Съ фактами, при этомъ, обходится безъ церемоній; въ оборотъ пускаются даже цѣлыя легенды—напримѣръ, легенда объ отвращеніи народа къ земскимъ школамъ, легенда о процвѣтаніи церковно-приходскихъ школъ въ до-реформенную эпоху, о цѣлой ихъ сѣти, покрывавшей тогда всю Россію ²⁾. Вмѣсто того, чтобы повторять эти общія мѣста или эти контръ-истины, одностороннимъ приверженцамъ церковно-приходской школы слѣдовало бы позаботиться о строго-фактическомъ изученіи ея устройства и ея дѣятельности. Количество и качество данныхъ по этому предмету, доходящихъ до всеобщаго свѣденія, оставляютъ желать весьма многого, да и самыя данныя слишкомъ мало разрабатываются свѣтскою періодическою печатью. Мы не встрѣчали въ ней, напримѣръ, ни одного слова, посвященнаго второму отчету петербургскаго епархіальнаго совѣта ³⁾—а между тѣмъ этотъ отчетъ, какъ и прошлогодній, далеко не лишень интереса. Прежде всего намъ бросается здѣсь въ глаза слѣдующій поразительный фактъ: ни въ одной изъ сорока шести церковно-приходскихъ школъ петербургской губерніи (въ предыдущемъ году ихъ было 32, вновь открыто 14, т.-е. весьма немногихъ) преподаваніе не ведется исключительно и всецѣло самимъ священникомъ. Это видно изъ перечня учащихся, въ которомъ показано сначала 46 священниковъ, а потомъ 46 другихъ лицъ; иными словами, въ церковно-приходскихъ школахъ, какъ и въ земскихъ или министерскихъ, священникъ исполняетъ только должность законоучителя, а обученіе всему остальному находится не въ его рукахъ.

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду статью г. Щербини: „Къ совершеннѣйшій нашего новаго суда“, напечатанную въ № 5 „Русскаго Вѣстника“ за текущій годъ.

²⁾ См., напримѣръ, статью: „Школа и общество“, помѣщенную въ мартовской книжкѣ журнала „Странникъ“, и возраженіе противъ нея г. Колупанова въ № 8 „Юридическаго Вѣстника“.

³⁾ Правами и обязанностями этого совѣта облеченъ, какъ извѣстно, совѣтъ петербургскаго православнаго братства во имя пресвятой Богородицы. О первомъ его отчетѣ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ Внутреннихъ Обозрѣній (№ 8).

Такой результат едва-ли имѣлся въ виду при изданіи правилъ 13 іюня 1884 г. Правда, они допускали возложеніе преподавательскихъ обязанностей на другихъ членовъ причта и на постороннихъ лицъ—но нормальнымъ, обычнымъ явленіемъ должно было быть совмѣщеніе этихъ обязанностей съ званіемъ приходскаго священника. Только такимъ путемъ могло быть достигнуто то объединеніе учительства и пастырства, которое составляло основную мысль новаго закона. Церковно-приходская школа, разъ что въ ней преподаетъ не священникъ, утрачиваетъ ту черту, въ которой должно было корениться главное отличіе ея отъ земской школы. Конечно, завѣдывающимъ церковно-приходской школой остается священникъ, хотя бы онъ и преподавалъ въ ней только законъ божій; но кто же не знаетъ, что свой характеръ школа получаетъ не отъ „завѣдывающаго“ ею, а отъ учителя? То распредѣленіе занятій, которое установилось въ церковно-приходскихъ школахъ петербургской губерніи, совершенно естественно, можетъ быть даже почти неизбежно; у священника слишкомъ много другихъ дѣлъ, чтобы онъ могъ вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть преподаванія въ церковно-приходской школѣ. Мы не обвиняемъ священниковъ петербургской епархіи въ небрежномъ отношеніи къ своему долгу; мы только констатируемъ фактъ, не зависящій отъ ихъ воли, но въ высшей степени важный для установленія вѣрнаго взгляда на церковно-приходскую школу. Между учителями церковно-приходской школы и школы земской, оказывается, въ концѣ концовъ, та разница, что въ первой—учитель гораздо больше зависимъ и гораздо меньше отвѣтственъ, чѣмъ въ послѣдней. Къ лучшему ли эта разница—предоставляемъ судить всякому, знакомому съ дѣломъ.

Посмотримъ теперь, какими силами располагаетъ, въ петербургской губерніи, церковно-приходская школа. Изъ 46 учащихся двѣнадцать—члены причта (не-священники, т.е. въ огромномъ большинствѣ случаевъ—дьячки); двѣнадцать—лица женскаго пола, принадлежащія къ семьѣ священно- или церковно-служителя; десять—бывшіе воспитанники духовныхъ училищъ; одинъ—бывшій воспитанникъ духовной семинаріи; шесть—бывшихъ воспитанниковъ учительской школы; трое—дворяне или чиновники; пятеро—крестьяне, учившіеся въ земской или министерской школѣ. Образовательный уровень большинства учащихся оказывается, такимъ образомъ, весьма невысокимъ. Для опѣнки его путемъ сравненія достаточно слѣдующаго факта. Въ одномъ изъ уѣздовъ петербургской губерніи—далеко не самомъ богатомъ средствами и не самомъ передовомъ по развитію школьнаго дѣла—было, въ учебномъ 1884—85 году, какъ разъ столько же школъ, состоящихъ въ вѣденіи училищнаго совѣта,

сколько церковно-приходскихъ школъ во всей петербургской губерніи: 46. Изъ числа этихъ школъ только въ двѣнадцать преподаватели—лица, не получившія спеціальной подготовки; въ остальныхъ тридцати-четыреихъ учителями или учительницами состояли лица, окончившія курсъ въ правительственной учительской семинаріи или земской учительской школѣ. Соотвѣтствующая цифра для церковно-приходскихъ школъ (считая и единственнаго учителя, окончившаго курсъ въ духовной семинаріи)—с е м ь. Крестьянъ, учившихся только въ начальной школѣ, между преподавателями въ земскихъ и министерскихъ училищахъ упомянутого нами уѣзда нѣтъ вовсе; въ церковно-приходскихъ школахъ они составляютъ болѣе 10 проц. общаго числа учащихся.

Еще болѣе характеристична, въ нашихъ глазахъ, та часть отчета, которая касается такъ-называемыхъ школъ грамотности, переданныхъ правилами 13-го іюня въ полное и исключительное вѣденіе приходскаго духовенства—а слѣловательно и епархіальнаго совѣта. Такихъ школъ отчетъ насчитываетъ для всей губерніи только шестьдесятъ-двѣ, съ 620 учащимися. Эта цифра приводитъ насъ въ крайнее недоумѣніе. Мы знаемъ, что въ одномъ лужскомъ уѣздѣ, три года тому назадъ, числилось уже сорокъ-двѣ школы грамотности, извѣстныхъ инспекціи ¹⁾; на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо больше, уже потому, что свѣденія о нихъ были собраны только по 17 волостямъ изъ 25. Въ 1884 г. школы грамотности были изъяты изъ круга дѣйствій инспекціи и училищнаго совѣта, но мужской училищный совѣтъ продолжалъ интересоваться ими, въ видахъ полноты школьной статистики—и вотъ, мы узнаемъ изъ отчета совѣта, въ учебномъ 1884—85 г. ихъ было въ мужскомъ уѣздѣ уже семьдесятъ-шесть, съ 960 учащимися. Итакъ, вопреки математической аксіомѣ, часть оказывается больше цѣлаго! Въ продолженіе двухъ лѣтъ новое начальство школъ грамотности не привело даже приблизительно въ извѣстность, сколько существуетъ такихъ школъ; оно не воспользовалось даже тѣми данными, которыя могло бы получить готовыми отъ другихъ лицъ или учреждений. А между тѣмъ съ точной переписи школъ, перешедшихъ въ завѣдываніе духовенства, очевидно слѣдовало бы начать; нельзя заботиться о томъ, что признается какъ бы не существующимъ. Для священника, хорошо знакомаго съ внутреннею жизнью своего прихода, упомянутая нами работа не могла бы представить никакихъ затрудненій. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что недостатокъ попеченія о школахъ грамотности зависитъ въ данномъ случаѣ отъ невѣрнаго взгляда на ихъ значеніе или на-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 5 „В. Евр.“ 1884.

значеніе. Всѣ школы грамотности, по словамъ отчета, находятся въ положеніи неопредѣленномъ, случайномъ; остается желать, чтобы онѣ, рано или поздно, преобразовались въ школы церковно-приходскія. Это желаніе—чисто платоническаго свойства. Далеко еще, къ несчастію, то время, когда потребность въ начальномъ образованіи будетъ удовлетворяться у насъ—удовлетворяться всецѣло, въ полномъ объемѣ—правильно устроенною школою (подъ этимъ именемъ мы понимаемъ безразлично школу частную, церковно-приходскую, земскую, казенную, лишь бы только во главѣ ея стоялъ надлежащимъ образомъ подготовленный учитель и ея программа обнимала бы собою всю область начального обученія). Теперь у насъ нѣтъ для этого ни людей, ни средствъ, и суррогатомъ недостающаго по необходимости должно служить то немногое, что можетъ дать такъ-называемая школа грамотности. Въмѣсто того, чтобы оплакивать ея несовершенство и мечтать о наступленіи минуты, когда она сдѣлается ненужной, гораздо цѣлесообразнѣе пользоваться ею какъ можно шире и улучшать ее, насколько она поддается улучшенію. Этимъ путемъ начинали идти, кое-гдѣ, земство и учебное вѣдомство; этимъ путемъ должно идти и духовенство, если ему суждено исполнить задачу, возложенную на него правилами 13-го іюня. Нужно сначала узнать школу грамотности, потомъ признать ее, какъ существенную и неизбѣжную, до поры до времени, часть школьнаго міра; нужно окружить ее возможно бѣльшимъ попеченіемъ, сблизить ее съ правильно устроенною школою, установить живое общеніе между учителями-спеціалистами и учителями-самоучками. Покажѣмъ мы не видимъ даже признаковъ пониманія этой задачи; суждено ли намъ увидѣть ея исполненіе? Не предрѣшая этого вопроса, скажемъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, только одно: при прежнемъ порядкѣ, отмѣненномъ закономъ 13-го іюня 1884 г., правильное отношеніе къ школѣ грамотности могло установиться легче, чѣмъ при нынѣшнемъ, какъ потому, что зарождавшаяся забота о школѣ грамотности не была дѣломъ предписанія и понужденія, такъ и потому, что она составляла одно изъ звеньевъ длинной, крѣпко сплоченной цѣпи. Правила 1884 г. порвали эту цѣпь; они нарушили единство народно-учебнаго дѣла—и школы грамотности очутились въ тѣхъ рукахъ, которыя почти четверть вѣка принимали самое незначительное участіе въ дѣлѣ образованія народа.

Изъ второго отчета епархіальнаго совѣта, какъ и изъ перваго, не видно, чтобы члены совѣта лично посѣщали ввѣренныя имъ школы. Все ограничивается посѣщеніями наблюдателей, избранныхъ изъ среды мѣстныхъ священниковъ. Отзывы этихъ наблюдателей, приведенные въ отчетѣ, не даютъ общаго понятія о ходѣ дѣла въ цер-

ковно-приходскихъ школахъ, но заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя подробности. Одинъ изъ наблюдателей, напримѣръ, хвалитъ школу за то, что въ чтеніи и письмѣ учениковъ виденъ характеръ церковности. Что означаютъ эти слова? Какимъ образомъ церковность можетъ отразиться въ чтеніи и письмѣ, и почему это отраженіе, если оно возможно, заслуживаетъ похвалы? Стараются ли ученики, въ начертаніи русскихъ буквъ, подражать церковно-славянской азбукѣ? Придерживаются ли они, читая книгу, интонацій, употребляемыхъ псаломщиками? Или, можетъ быть, наблюдатель хотѣлъ сказать, что ученики читаютъ только церковныя книги, только изъ нихъ списываютъ и пишутъ подъ диктовку? Если такъ, то, прежде чѣмъ хвалить, нужно было бы доказать, что подобная односторонность необходима и полезна. Мы желали бы знать, проникнуты ли „характеромъ церковности“ и арифметическія занятія учениковъ? Вѣдь и тутъ можно, пожалуй, замѣнить число купленныхъ кулей овса или скошенныхъ пудовъ сѣна числомъ свѣчъ, проданныхъ въ церкви, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Весь вопросъ въ томъ, нужно ли это и что изъ этого можетъ выйти... По словамъ другого наблюдателя, нѣкоторые учредители церковно-приходскихъ школъ стараются выполнить программу народной школы, и черезъ это по необходимости уклоняются отъ цѣлей, указанныхъ братствомъ. Нравственно-религіозное развитіе, прибавляетъ тотъ же наблюдатель, также терпитъ отъ стремленія въ льготы (по воинской повинности); многіе порядочно привыкли къ русской грамотѣ и письму, а не могутъ передать по-русски смыслъ славянскихъ молитвъ. Итакъ, программа народной школы невыполнима для школы церковно-приходской? Но вѣдь эта программа исчерпывается, кромѣ закона Божія, чтеніемъ, письмомъ и первыми четырьмя правилами арифметики. Чѣмъ же здѣсь можно пожертвовать, не низводя церковно-приходскую школу на степень крестьянской школы грамотности? Учредители, обвиняемые наблюдателемъ, хотятъ, повидимому, только одного: чтобы церковно-приходская школа была настоящей, правильно устроенной народной школой. Неужели въ этомъ желаніи есть что-нибудь предосудительное? Если оно идетъ въ разрѣзъ съ „цѣлями, указанными братствомъ“, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что источникъ противорѣчія лежитъ въ самыхъ правилахъ 13-го іюня, ограничившихъ двумя годами нормальный курсъ церковно-приходской школы? Что касается до неумѣнья учениковъ, успѣвшихъ по грамотѣ и письму, объяснить смыслъ молитвъ, то это явленіе, встречающееся весьма часто и въ свѣтской школѣ, зависитъ и тамъ, и тутъ, по всей вѣроятности, отъ одной и той же причины: отъ упущеній законоучителя.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто отчета, хотя оно и не касается непосредственно церковно-приходской школы. Одинъ изъ священниковъ, доказывая пользу церковныхъ соборѣдованій съ прихожанами, приводить въ подтвержденіе ея слѣдующій фактъ: нѣсколько времени тому назадъ пріѣхали въ одну изъ деревень его прихода двѣ барыни — пашковки, читали тамъ, пѣли и общали пріѣхать еще разъ. Узнавъ объ этомъ, священникъ сказалъ въ церкви нѣсколько словъ о г. Пашковѣ, о его ученіи и его клеветахъ (?); крестьяне, выслушавъ наставленіе, порѣшили съ триумфомъ (?) проводить означенныхъ барынь. Естественно, что послѣднія, услыхавъ о готовящемся имъ приѣмѣ, не извоили и пожаловать; а въ сосѣднемъ приходѣ нужно было прибѣгнуть къ полиціи, чтобы прекратить пашковскія сборища... Какъ ни мало симпатиченъ для насъ этотъ послѣдній способъ пресѣченія молитвенныхъ сборищъ, онъ все же лучше перваго, которымъ такъ доволенъ его изобрѣтатель. Тамъ насиліе сдерживается, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ—а здѣсь ему предоставляется полный просторъ. Нетрудно вообразить себѣ, что могло бы выйти изъ „триумфа“, подготовлявшагося для „барынь-пашковыхъ“! До крайности печально зрѣлище церковной каведры, съ которой проповѣдуется насиліе — но еще печальнѣе видѣть одобреніе этой проповѣди. Фактъ, нами приведенный, помѣщенъ въ отчетѣ безъ всякой оговорки. Неужели это значитъ, что онъ рекомендуется какъ образецъ, достойный подражанія?

Одесскій окружный судъ — читаемъ мы въ газетахъ — отказалъ двумъ евреямъ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ въ выдачѣ свидѣтельствъ на право ходатайства по частнымъ дѣламъ; мѣстный мировой съѣздъ также приостановился выдачей свидѣтельствъ адвокатамъ-евреямъ. Если сопоставить это извѣстіе съ недавнимъ опредѣленіемъ кіевскаго окружного суда, отказавшаго въ званіи помощника присяжнаго повѣреннаго г. Кулишеру, а также съ свѣденіями объ удаленіи евреевъ изъ канцелярій нотаріусовъ и судебныхъ слѣдователей, то приходится предположить, что въ судебномъ вѣдомствѣ предпринята систематическая кампанія противъ евреевъ. Нужно ли доказывать, до какой степени это было бы печально? Суду, меньше чѣмъ какому-либо другому органу управленія, пристало осужденіе людей не вслѣдствіе противозаконныхъ или безнравственныхъ дѣйствій, надлежащимъ образомъ доказанныхъ, а вслѣдствіе одного только предположенія, что они могутъ, въ будущемъ, оказаться въ чемъ-либо виновными—предположенія, основаннаго исключительно на національности ихъ или религіи. Или, быть можетъ, въ основаніи от-

казовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, лежать другія, болѣе твердыя, данныя? Пускай, въ такомъ случаѣ, онѣ будутъ опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ лицъ, которыя сами того пожелаютъ. Г. Кулишеромъ такое желаніе заявлено уже давно, заявлено настойчиво—и все-таки оно остается безъ исполненія. А между тѣмъ ничего болѣе законнаго нельзя себѣ и представить. Г. Кулишеръ заслуженно пользуется почетною извѣстностью въ ученыхъ и литературныхъ сферахъ; какъ и всякій общественный дѣятель, онъ прямо заинтересованъ въ томъ, чтобы на его имени не оставалось никакого пятна, въ его прошедшемъ—ничего сомнительнаго, неразъясненнаго. Противопоставлять ему тайну, окружающую дисциплинарное производство совѣтовъ и замѣняющихъ ихъ окружныхъ судовъ, было бы совершенно неправильно; эта тайна не можетъ быть нарушена во вредъ самому отвергнутому кандидату, чтобы не усложнять отказа ненужной оглаской—но когда самъ кандидатъ просить, требуетъ объявленія мотивовъ, по которымъ онъ признанъ недостойнымъ адвокатскаго званія, то удовлетвореніе этого требованія мы, не колеблясь, назовемъ обязательнымъ. Въ данномъ случаѣ раскрытіе настоящихъ поводовъ въ отказу представляетъ интересъ не только для тѣхъ, которыхъ непосредственно касается отказъ. Большая разница—закрытъ евреямъ доступъ въ адвокатуру фактически, негласно, или юридически, открыто. Въ первомъ случаѣ всегда остается возможность утверждать или намекать, что отказъ каждому отдѣльному кандидату вызванъ обстоятельствами, не имѣющими ничего общаго съ его происхожденіемъ, вѣрованіями или убѣжденіями; въ послѣднемъ случаѣ вопросъ будетъ поставленъ ребромъ, не оставляя мѣста для недоразумѣній. Тогда можно будетъ оцѣнить тѣ соображенія, въ силу которыхъ евреямъ позволяется вступать въ юридическій факультетъ—и воспрещается примѣнять пріобрѣтенныя тамъ юридическія свѣдѣнія. О значеніи адвокатуры для евреевъ, о настоящихъ причинахъ ихъ наплыва въ адвокатское сословіе мы говорили еще недавно ¹⁾; намъ не зачѣмъ, поэтому, доказывать еще разъ несправедливость рѣшенія, которое загрозило бы передъ ними и эту дорогу.

Мѣсяцъ тому назадъ въ обществѣ, а отчасти и въ печати, было не мало толковъ о Высочайшей награждѣ, пожалованной г-ну Каткову не только въ качествѣ директора лица Цесаревича Николая, но и въ качествѣ писателя... Чѣмъ-то новымъ такое отличіе, выпадающее на долю редактора повременнаго изданія, могло представиться

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 7 „Вѣсти. Европы“, 1886.

только у насъ; за границей оно никого бы не удивило и не поразило. Во Франціи, напримѣръ, и вовсе не такъ давно, официальные, офиціозные и просто консервативные публицисты награждались не только орденомъ почетнаго легіона, но и государственными должностями, иногда весьма высокими. Полэнъ Лимейракъ, редакторъ „Constitutionnel“, былъ назначенъ префектомъ, Лагероньеръ, редакторъ „France“ — сенаторомъ, Клеманъ Дювернуа, редакторъ „Peuple Français“ — даже министромъ. Только новизною явленія можно объяснить нѣкоторые изъ весьма странныхъ комментаріевъ, вызванныхъ имъ въ нашей прессѣ. По мнѣнію одной петербургской газеты, награда, пожалованная редактору „Московскихъ Вѣдомостей“, служить какъ бы признаніемъ того, что „журналистика заслуживаетъ вниманія не только съ точки зрѣнія заботъ о пресѣщеніи и предупрежденіи зла, но и какъ полезное поприще общественной дѣятельности, какъ просвѣтительная сила“. Это значеніе журналистики признано у насъ, въ правительственныхъ сферахъ, уже давно, или, лучше сказать, признавалось каждый разъ, когда журналистика, сначала фактически, потомъ юридически, получала нѣкоторый просторъ, нѣкоторую свободу дѣйствій. Оно признавалось слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, когда, при Екатеринѣ II-ой, появились первые журналы, и сотрудничествомъ въ нихъ не пренебрегала сама императрица; оно признавалось въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда основывался сомнительный нашему журналъ, и во главѣ періодической печати стоялъ лучший прозаикъ эпохи; оно признавалось вполне въ первой половинѣ царствованія Александра II-го, когда за снисходительностью цензуры слѣдовала, для цѣлой категоріи изданій, совершенная ея отмена. Неужели все это не было выраженіемъ взгляда, допускающаго не только вредъ, но и пользу печатнаго слова?.. Скажемъ болѣе: единственнымъ логическимъ выводомъ изъ такого взгляда является именно свобода печати, ограниченная только закономъ и только въ безусловно-необходимой, въ данную минуту, мѣрѣ. Но „просвѣтительною силой“ можетъ служить не одинъ какой-либо органъ печати, въ отдѣльности взятый,—какъ то полагаетъ газета,—а вся печать въ совокупности, съ свойственнымъ ей взаимнымъ восполненіемъ односторонностей и пробѣловъ, взаимнымъ сдерживаніемъ увлеченій и исправленіемъ ошибокъ.

Еще меньше можно согласиться съ комментаріемъ, предлагаемымъ самими „Московскими Вѣдомостями“. Въ милости, оказанной ихъ редактору, онѣ видятъ признаніе извѣстнаго образа мыслей, который принадлежит и „долженъ принадлежать всѣмъ русскимъ людямъ“. „Такъ это понято всѣми“,—прибавляетъ газета, основываясь, вѣроятно, на отсутствіи возраженій. Нѣтъ, не всѣми;

молчаніе далеко не всегда равносильно согласію. Образъ мыслей не измѣняется въ одну минуту и вообще не создается извнѣ, путемъ требованія или принужденія. Мысль, свойственная рѣшительно всѣмъ — это *contradictio in adjecto*; общее и постоянное единогласіе всѣхъ относительно всего—или хотя бы относительно многого—возможно лишь подъ условіемъ отказа отъ самостоятельнаго мышленія. Попытка газеты установить обязательный для всѣхъ образъ мыслей напоминаетъ намъ знаменитый проектъ истребленія всѣхъ „несогласно мыслящихъ“, записанный въ Шедринскомъ „Дневникѣ провинціала“... Мы вполне убѣждены, что мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ не находитъ и не можетъ найти, въ данномъ случаѣ, никакого отголоска въ правительственныхъ сферахъ — убѣждены въ этомъ уже потому, что иначе не существовало бы теперь ни одной газеты, ни одного журнала, расходящихся въ чемъ-либо съ „Московскими Вѣдомостями“. Если извѣстный образъ мыслей долженъ принадлежать всѣмъ русскимъ людямъ, то право говорить, очевидно, должно быть оставлено исключительно за тѣми, кто раздѣляетъ или по крайней мѣрѣ выражаетъ этотъ образъ мыслей. Одинъ или два журнала, двѣ или три газеты—вотъ все, что должно уцѣлѣть отъ русской періодической печати. До такого положенія вещей мы еще не дожили и, надѣмся, не доживемъ... У насъ подъ рукою есть, впрочемъ, доказательство еще болѣе сильное. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что стремленіе Аксаковской „Руси“ во всемъ и всегда совпадало съ стремленіями „Московскихъ Вѣдомостей“. Сходясь кое въ чемъ, обѣ газеты смотрѣли совершенно различно на нѣкоторыя изъ основныхъ началъ русской государственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить мнѣніе Аксакова о новомъ судѣ или тотъ фазисъ полемики его съ г. Катковымъ, въ которомъ со стороны послѣдняго шла рѣчь о „фразѣ, ведущей въ омерзительныя объятія“¹⁾. И что же? Когда скончался И. С. Аксаковъ, память его была почтена такимъ же одобрительнымъ словомъ, какое досталось теперь на долю редактора „Московскихъ Вѣдомостей“. Не ясно ли, что дарчикъ, въ который московская газета хотѣла бы запереть всю русскую печать и даже всю русскую мысль, составляетъ всецѣло изобрѣтеніе этой газеты?

Истина раскрывается путемъ спора, путемъ всесторонняго освѣщенія cadaго вопроса, съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Этого одного уже достаточно, чтобы отвергнуть всякую монополію въ области мысли. Еслибы въ борьбѣ мнѣній право и правда были даже вполне и постоянно на сторонѣ одного изъ нихъ, то это не устра-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 7 „Вѣстника Европы“, 1882.

няло бы необходимости свободного выраженія другихъ мнѣній; дѣйствительное торжество перваго возможно только въ борьбѣ съ послѣдними. Не что иное, какъ борьба привела г. Каткова и къ тому отличію, котораго онъ недавно удостоенъ. На самомъ дѣлѣ непогрѣшимыхъ мнѣній или по крайней мѣрѣ непогрѣшимой ихъ защиты вовсе не существуетъ. За правое дѣло можно стоять неправыми способами; въ пользу безспорнаго тезиса можно приводить болѣе чѣмъ спорные доводы. Отсюда—неизбѣжность и законность критики и возраженій, встрѣчающихся вездѣ, гдѣ только не замерло всякое движеніе, не угасла всякая жизнь. Замолкнетъ критика — померкнетъ свѣтъ, необходимый не для нея одной. Господствующему мнѣнію всегда свойственна извѣстная доля оптимизма; несправедливость къ прошедшему, насколько оно не подходитъ подъ новый, „обязательный“ масштабъ, идетъ рука объ руку съ отсутствіемъ или недостаткомъ критики по отношенію къ настоящему — т.-е. къ тѣмъ сторонамъ настоящаго, которыя носятъ на себѣ его специфическій отпечатокъ. Большой бѣды въ этомъ нѣтъ, пока поле битвы не принадлежитъ нераздѣльно торжествующему направленію; но лишь только это направленіе останется на сценѣ одно, ничѣмъ не сдерживаемое, ничѣмъ не оспариваемое—и ослѣпленіе сдѣлается почти неотвратимымъ. Наполненная однимъ еиміамомъ, атмосфера, извѣстно, перестаетъ пропускать лучи свѣта. Уже теперь высоко поднимается волна похвалы, трудно отличимой отъ лести; чего же можно было бы ожидать въ случаѣ закрытія доступа къ публичной дѣятельности для всѣхъ „несогласно мыслящихъ“ съ редакціею той или другой газеты? „Московскія Вѣдомости“, очевидно, впали въ самообожаніе, утверждая, что ихъ „образъ мыслей долженъ принадлежать всѣмъ русскимъ людямъ“.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Отъ Редакціи. — Въ сентябрѣ мѣсяцѣ получено въ редакціи на поддержаніе сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, и на надгробный ему памятникъ:

1) Отъ Н. К. Бодиско изъ Ново- черкасска	25 р. — к.	
2) Отъ Сибирява изъ Тянь-дзинь.	25 " — "	
3) По 1-ое сентября доставлено .	1,446 " 50 "	1,496 р. 50 к.
4) По 1-ое сентября доставлено для памятника.	321 " — ,	
5) По 1-ое сентября доставлено на образованіе неприкосновеннаго капитала для поддержанія сельской школы Кавелина	2,012 " 14 ,	
Всего по 1-ое октября .		3,829 р. 64 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

СЕНТЯВРЬ — ОКТЯВРЬ, 1886.

Книга девятая. — Сентябрь.

	стр.
Въ Сванетіи. — II. — Изъ путешествія И. ИВАНЮКОВА и М. КОВАЛЕВСКАГО. — Окончаніе	5
Государство и церковь въ Пруссіи. — Пятнадцать лѣтъ культуркампфа, 1870—1886 гг. — Окончаніе. — А. Д. ГРАДОВСКАГО	60
Непризнанныя художники. — Разсказъ. — А. ВИНИЦКОЙ.	92
Галичина и русины. — Изъ дорожныхъ замѣтокъ и наблюденій. — КН.	111
Лето оркди переселенцевъ. — Очерки и пересказы. — С. ПОНОМАРЕВА	140
Россия и Европа въ эпоху крымской войны. — XIII. Пруссія (1853 — 54). — БАР. А. Г. ЖОМИНИ.	179
Лондонскіе пролетаріи. — Романъ Вальтера Безанта. — Съ англійскаго. — I — V. — А. Э.	236
Пестрые письма. — VIII. — Н. ЩЕДРИНА	280
Русскій романъ за-границей. — V-te E. M. de Vogué: le Roman russe. — А. Н. ПЫПИНА.	301
Сумасшедшій. — Разсказъ Святополка Чехла. — Съ чешскаго. — А. М. Н.	345
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Положеніе 12-го іюня о наймѣ сельскихъ рабочихъ, въ связи съ прежними законопроектами по этому предмету. — Договорные листы. — Срочный и безсрочный наемъ. — Поводъ къ прекращенію договора. — Вычеты изъ заработной платы. — Общая оцѣнка новаго закона; отношеніе его къ вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія	357
Иностранное Овозрѣніе. — Политическія тревоги въ Европѣ. — Свиданія и переговоры въ Гамтейнѣ и Франценсбадѣ. — Ошибки печати и ихъ причины. — Отношеніе газетъ къ болгарскимъ дѣламъ. — Событія въ Болгаріи и ихъ возможная развязка. — Официальныя телеграммы	379
Замѣтка. — По поводу недавнихъ толковъ о войнѣ. — Л. СЛОНИМСКАГО.	392
Литературное Овозрѣніе. — Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія гор. Воронежа. — Областные педагогическіе и народныя музеи, Вс. Коховскаго. — Историческій очеркъ Сибири, т. II, В. К. Андріевича. — А. П. — Государственный кредитъ, А. А. Исаева. — О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ, Н. Я. Данилевскаго. — Л. С.	397
Археологическая замѣтка. — І. ЯСИНСКАГО.	412
Изъ Общественной Хроники. — Г-нъ Цюнь о русскомъ обществѣ и его партіяхъ. — Источники его свѣденій о „русскихъ либералахъ“. — Сравненіе либераловъ съ нигилистами“, и предпочтеніе г-нъ Цюнь послѣднихъ. — Превосходство русской печати предъ иностранной, и причина того.	417
Извѣщенія. — Отъ Редакціи: Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина и на надгробный ему памятникъ.	424
Библиографическій Листокъ. — Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Э. Г. Мищенко. — Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ, Э. Мищенко. — Н. Лихачевъ, Григорій Николаевичъ Городчанinovъ и его сочиненія. — Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, В. Зелинскаго. — Материалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи, И. С. Ремезова.	

Книга десятая. — Октябрь.

стр.

Василій Ивановичъ. — Картинки морской жизни. — Изъ дальняго прошлаго. — I-VII. — И. СТ.	425
Дюма-сынъ въ новомъ освѣщеніи. — I-VI. — П. Д. БОБОРЫКИНА.	458
Персидскій эндекуръ. — Письма изъ Тегерана. — I-III. — Д. К.	501
Стихотвореніе. — Мысли безъ рѣчи и чувства безъ названія, и т. д. — В. С. СОЛОВЬЕВА	549
Россия и Европа въ эпоху крымской войны. — XIV. Главнѣйшія событія до парижскаго конгресса. — XV. Парижскій конгрессъ и трактатъ 1856 г. — Окончаніе. — ВАР. А. Г. ЖОМИНИ	560
Лондонскіе пролетаріи. — Романъ Вальтера Безанта. — Съ англійскаго. — Книга первая: VI-X. — Книга вторая: I-VII. — А. Э.	620
Пистрыя письма. — IV. — Н. ЩЕДРИНА	687
Типы Латинскаго квартала. — Очерки. — I-IV. — И. Б.—ВА	701
К. Д. Кавелинъ. — Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспомнаній. — VI. Первые годы моего знакомства съ Кавелинымъ, 1861—1864. — Д. А. КОРСАКОВА	731
Писатель прошлаго вѣка, вновь открытый. — А. Н. ПЫПИНА	769
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Законъ 8-го іюня о фабричной работѣ; его сильныя и слабыя стороны. — Губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія. — Законъ 9-го іюня о повсемѣльномъ устройствѣ чиншевиковъ, составленный съ закономъ 1882 г. о вольныхъ людяхъ и съ помѣщичьими домогательствами. — Желѣзно-дорожные тарифы прямого заграничнаго сообщенія. — Новый отдѣлъ проекта уголовного уложенія	797
Иностранное Овозрѣніе. — Особенное положеніе балканскихъ народовъ и ихъ правительствъ. — Параллель между королемъ Миланомъ и бывшимъ княземъ Болгаріи. — Неудачные правители и претенденты. — Отношенія между державами и болгарскія дѣла.	823
Литературное Овозрѣніе. — Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи, В. Бобнинна. — А. Н. — О пониманіи, Вас. Вазанова. — Л. С. — Вѣчные вопросы адвокатуры, Д. Невадомскаго. — Учебникъ исторіи: Средняя Исторія, А. Трачевскаго. — К. К.	836
Одинъ изъ дѣателей реставраціи. — Литературная замѣтка. — А. — Н.	847
Изъ Ощественной Хроники. — Мировой судъ и его роль посреди нашихъ государственныхъ учрежденій. Недавній сенатскій указъ, усиливающий отчетность мировыхъ судей. — Церковно-приходскія школы въ петербургской губерніи. — Національность, какъ основаніе судебнаго приговора. — Газетные толки по поводу награды редактора одной изъ газетъ	864
Извѣщенія. — Отъ Редакціи. — Пожертвованія на поддержаніе сельской школы К. Д. Кавелина и на надгробный ему памятникъ.	878
Визнографическій Листокъ. — Полное собраніе сочиненій Некрасова, въ двухъ томахъ. — Иллюстрированная жизнь животныхъ, А. Брэма, т. III. — Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства, д-ра П. И. Добрынина. — Лесниги. Драматическія сочиненія. — Годъ въ пескахъ, А. Майера. — Русскія желѣзныя дороги и ихъ слабыя стороны, Н. П. Добрынина. — Катакомбы, Евгений Туръ.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова по духу томахъ. Четвертое издание, съ портретами, факсимила и библиографическимъ очеркомъ. Спб. 1886. Стр. 606, 436 и 129. Ц. 5 руб.

Рѣдкое изъ „полныхъ собраній“ нашихъ писателей изшло судбу, единственную съ полнымъ собраниемъ стихотворений Некрасова, и этому способствовала не одна популярность поэта, но и безкорыстная забота его покойной сестры и наследницы, Анны Алексеевны, объ удешевленіи и общедоступности изданія. Въ теченіе 3 лѣтъ (1881—1884), помимо посмертнаго изданія въ 6,000 томовъ (въ 4-хъ томахъ), разошлось три компактныя, каждое въ 12,000 экземпляровъ, чему, конечно, много содѣйствовала цѣна изданія — 3 рубля экземпляръ. Но въ четвертомъ изданіи наследники Анны Алексеевны разогнали прежнее компактное изданіе въ одномъ томѣ — на два тома: текстъ тотъ же самый, но изданный расходъ за бумагу послужилъ поводомъ къ значительному повышенію цѣны изданія. При цѣнѣ въ 3 рубля, какъ видно изъ отчета, поѣщеннаго въ предисловіи къ 3-му изданію; оно даю чистой прибыли болѣе 25,000 рублей, и притомъ было распродано въ теченіе одного года. Казалось бы, что такой огромный доходъ представлялъ возможность еще понизить цѣну послѣдующихъ изданій, но изшло обратное — о чемъ нельзя не пожалѣть въ видахъ интереса публики.

Известіи о жизни животныхъ, А. Брэма. Т. III. Спб. 1886. Стр. 364 — 498. Ц. 6 руб.

Извѣстный трудъ Брэма, появившійся въ формѣ „народнаго и школьнаго изданія“, обработаннаго съ этою цѣлю Фр. Шедеромъ, дасть въ настоящемъ выпускѣ русскаго перевода подробную картину міра пресмыкающихся, рыбъ и безпозвоночныхъ животныхъ. Подобно двумъ первымъ томамъ, посвященнымъ міру млекопитающихъ и птицъ, третій томъ снабженъ массою весьма удовлетворительно выполненными рисунками.

Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства, съ изложеніемъ краткихъ правилъ ухода и пособій при женскихъ болѣзняхъ. Съ 364 рисунками въ текстѣ. Состав. д-ръ П. И. Добрынина. Спб. 1886. Стр. 708. Ц. 4 руб.

Авторъ настоящаго обширнаго труда, при его составленіи, обратилъ все вниманіе на особія условія нашей страны, гдѣ акушерки должны дѣйствовать въ большомъ отдаленіи отъ врачебныхъ центровъ, и потому у насъ подобное руководство должно имѣть для себя болѣе подробную программу, нежели какъ то встрѣчается въ подобныя же иностранцыя сочиненія. Дѣйствительно, въ сочиненіи д-ра Добрынина можно найти, кромѣ спеціальной части, указаніе пособій при заболѣваніи новорожденныхъ, описаніе женскихъ болѣзней и ухода за ними; въ концѣ приложено даже собраніе законовъ и правилъ, касающихся повивальныхъ бабокъ.

Лессингъ, Драматическія сочиненія. Спб. 1886. Стр. 431. Ц. 2 р.

Издатель соединилъ въ настоящемъ выпускѣ три капитальныя драмы Лессинга: „Минна фонъ

Баригельмъ“, „Эмилія Галотти“ и „Натанъ Мудрый“ — въ переводѣ П. Вейнберга, и предпослалъ имъ этюдъ о Лессингѣ, какъ драматургѣ, составленный по извѣстному труду Гейтнера. Переводъ „Натана Мудраго“, В. А. Крилова, явился въ первый разъ въ нашемъ журналѣ, еще въ концѣ 60-хъ годовъ; значеніе этой драмы и трудности въ передачѣ многихъ отдѣльных ея мѣстъ не дѣлають изданіемъ новую попытку въ переводу этого классическаго произведенія.

Годъ въ пескахъ, Наброски и очерки Ахаль-Текинской экспедиціи, 1880 — 1881. Изъ воспоминаній раненаго. А. А. Майеръ. Кроунтайтъ. 1886. Стр. 291. Ц. 1 руб. 50 коп.

Авторъ не только шлѣзъ на себя трудъ литературный, но вмѣстѣ и предупредилъ вслѣду посторонней критики своего труда откровеннымъ признаніемъ въ томъ, что читатель не найдетъ въ его очеркахъ ни „объективнаго“ взгляда на экспедицію „Вѣлаго генерала“, ни критической оцѣнки военныхъ дѣйствій; это, какъ выражается авторъ, есть не что иное, какъ „сумма личныхъ впечатлѣній“, вынесенныхъ имъ изъ 11-мѣсячнаго похода въ песчаной пустынѣ. По отношенію же къ генералу Скобелеву авторъ самъ указываетъ на проглатывающее въ его книгѣ „боготвореніе“ покойнаго „Вѣлаго генерала“ — и этимъ, конечно, вполне достаточно оправдывается неспокойное его отношеніе къ книгѣ ко всѣмъ, кто не раздѣляетъ подобнаго боготворенія.

Русскія желѣзныя дороги и ихъ особія стороны. Инженера Н. П. Добрынина. Кіевъ, 1886. — Стр. 91.

Въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время правительствомъ, повинуясь немигущу для себя отъ концессионнаго порядка постройки желѣзныхъ дорогъ, начало само строить дороги, авторъ не касается прежняго порядка вещей, — описаннаго при томъ подробно г. Головачевымъ въ его „Исторіи постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи“, — и потому ограничивается въ своей брошюрѣ изложеніемъ только тѣхъ условій, при которыхъ у насъ эксплуатируются частныя желѣзныя дороги, указываетъ мѣры, какія могли бы повести къ уничтоженію правительственныхъ привилегій и, наконецъ, разсматриваетъ способы постройки и эксплуатаціи казенныхъ дорогъ. Важность избраннаго авторомъ предмета, безъ сомнѣнія, обратитъ должное вниманіе на его трудъ со стороны спеціалистовъ, которые найдутъ въ немъ не мало интересныхъ сообщеній и выводовъ.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Съ англійскаго. Евгенія Туръ. Изд. 3-е. Спб. 1886. Стр. 287. Ц. 1 р.

По поводу прежнихъ изданій мы имѣли уже случай говорить объ этомъ прекрасномъ трудѣ извѣстной нашей писательницы, гр. Е. В. Салтыковой. Судя по числу изданій въ относительно короткое время, эта повѣсть пользуется успѣхомъ въ обществѣ, вполнѣ ею заслуженнымъ. Тема заимствована авторомъ съ англійскаго, но, какъ бы видно изъ словъ послѣдствія, это — не переводъ, а самостоятельный разсказъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1887 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ . . .	17 „ — „	10 „ — „	6 „ — „
СЪ ДОСТАВКОЮ . . .	16 „ — „	9 „ — „	5 „ — „		ЗА ГРАНИЦЕЙ . . .	19 „ — „	11 „ — „	7 „ — „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Петковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ Редакцію журнала: Сиб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ издателямъ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высыла подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Сиб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (М.) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственнымъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ въ извѣщеніи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

